

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PSlav 652.10

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

СОВРЕМЕНИКЪ

1977 1077

1977 1077

3
С 56

СОВРЕМЕНИКЪ

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И (СЪ 1859 ГОДА) ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА

И. ПАНДЕВЫЙ И Н. НЕКРАСОВЫЙ

ТОМЪ LXXXVII

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
Центральная Библиотека
пл. Лассаля, 3.

41
N 3283 ж. ф.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАРЛА ВУЛЬФА

=
1861.

PS... 652,10 (87)

003

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, апрѣля 30 дня 1861 года
Ценсоръ В. Бекетовъ.

ДВА УБИЙСТВА.

I.

Была лѣтняя ночь, какія бываютъ иногда въ нашей Великой Россіи, — ночь, какой позавидовали бы итальянцы: такъ она тепла и прозрачна; такую душистою прохладю вѣетъ съ поля; такую ароматною свѣжестью дышитъ лугъ, а пушистый лѣсъ такъ и обдаетъ благовоніемъ клена и липы... На голубомъ небѣ ярко высыпали звѣзды; мѣсяцъ высоко стоялъ на горизонтѣ, обливая серебрянымъ свѣтомъ лѣса, поля, долины, или рисуя длинныя тѣни отъ каждаго одиноко стоящаго дерева, отъ каждаго кустика, отъ каждаго строенія деревни, широко раскинувшейся на берегу многоводной рѣки. Струйки ея блестя на лучахъ мѣсяца, какъ серебряная чешуя на большой рыбѣ... и дружно бѣжали вдаль, погоняя, догоняя, торопя другую, съ своимъ немолчнымъ, непреставаемымъ лепетомъ... Тихо было на землѣ, какъ будто все вымерло кругомъ; ни вѣтерка не несется ни откуда, ни шороха... только вдругъ иногда фыркнетъ вдали лошадь, гдѣ-то въ темнотѣ, закрытая кустарникомъ; простонетъ сова въ дуплѣ, или издалека, издалека принесется едва слышный гулъ ночнаго сторожеваго колокола сосѣдняго села... а потомъ опять все смолкнетъ, опять замретъ такъ, какъ будто на землѣ нѣтъ ничего живаго, и серебряное покрывало мѣсяца легло на уснувшую сномъ смерти землю...

Но вот вдругъ изъ сосѣдняго сарая раздался пронзительный вопль и смолкъ мгновенно: какъ много отчаянія и грусти въ этомъ воплѣ!... какъ отрывисто, внезапно смолкъ онъ, какъ будто перерванный вдругъ постороннею силою, не давшею ему вполнѣ высказаться; какъ будто желавшею скрыть его отъ людей...

Вслѣдъ за этимъ послышался шорохъ... въ сумракѣ длинной тѣни, падающей отъ сарая и охватившей большое пространство, показалась какая-то черная масса... послышалось хрипѣніе и тяжелое порывистое дыханіе... потомъ слабый, едва слышный стонъ — и снова все затихло; завывла въ отдаленіи собака, и тихій, но долгій и торжественный гулъ колокола, пробившаго ровно и медленно полночь, завершилъ это неясное сочетаніе звуковъ, хоть тихихъ, но страшныхъ своею таинственностію...

II.

У избы деревни, вблизи которой начался разсказъ нашъ, стоялъ мужикъ и сильно стучался въ окна. При яркомъ свѣтѣ мѣсяца можно было рассмотреть, что то былъ мужчина высокаго роста, въ бѣлой рубашкѣ, покрытой какими-то черными пятнами, босой, съ растегнутымъ веротомъ, съ небольшою черною бородкой... Онъ сильно и нетерпѣливо стучалъ въ окно, и хриплымъ голосомъ говорилъ: «отворите, отворите скорѣе...»

Вы знаете, что дѣтотъ въ избахъ, по случаю жару, вообще спятъ мало: всякій старается помѣститься тамъ, гдѣ не такъ жарко и гдѣ не такъ много мухъ: въ сараяхъ, клѣткахъ, чуланахъ, даже сѣняхъ... Что же мудренаго, что на стукъ его отозвались не скоро; что много времени прошло прежде, нежели сонный голосъ спросилъ: «кто тутъ?» и получивши отвѣтъ, отперъ калитку.

Незнакомецъ у окна между тѣмъ дрожалъ замѣтно; прохлада ли утра, собственное ли волненіе, другая ли какая иибудь причина производила это — рѣшить трудно. Только онъ часто хватался за горло, на которомъ тоже видѣлись такія же черныя пятна, какъ и на рубашкѣ; только голосъ, которымъ онъ кричалъ: «отворите, отворите скорѣе!» становился все хрипѣе и хрипѣе.

Когда наконецъ ему отворили, зажгли лучину и собралась

вся семья, состоящая изъ старика, его жены и дочери дѣвцы, — можно было наконецъ узнать, въ чемъ дѣло.

Но прежде нежели мы выслушаемъ рассказъ пришлеца, постараемся описать хозяевъ дома, — это описаніе можетъ намъ пригодиться современемъ.

Отецъ семейства, старикъ лѣтъ 60. Это одна изъ тѣхъ физиономій, которыя не забываются долго, если ихъ разъ увидишь: такъ ярко, такъ остро, какъ лезвье ножа, смотрять эти сѣрые, какіе-то безцвѣтно-неподвижные глаза, круглые, какъ глаза ястреба; такъ странно, какъ-то презрительно и ядовито сложился этотъ ротъ, такъ что на тонкихъ губахъ его нельзя никогда узнать, что на нихъ такое: радость ли улыбки, горестъ ли обманутаго ожиданія. Худое, осунувшееся лицо, длинная сѣдая борода не внушаютъ ни уваженія, ни участія: встрѣться вамъ это лицо въ сотнѣ другихъ лицъ, вы прошли бы его мимо и даже, можетъ быть, рады бы были, что прошли: такъ много тяжелого, даже, можетъ быть, злобнаго, свѣтится въ этихъ ястребиныхъ глазахъ, сказывается въ этой недоброй улыбкѣ. Скорыя, какія-то угловатыя движенія способствуютъ общему впечатлѣнію: вамъ хочется скорѣе, скорѣе отдѣлаться отъ этого впечатлѣнія, и сѣдая борода пронзодитъ въ васъ не благопріятное, но отталкивающее чувство.

Жена его, старуха почти такнхъ-же лѣтъ какъ и онъ, если не старше, носитъ на себѣ слѣды того страдальческаго, пассивнаго повиновенія, съ какимъ жедщины въ ея полбженіи несутъ рабство супружеской жизни. Сгорбленная спина, потухшіе глаза, сильно морщиноватое лицо показываютъ, что много труда вросло надъ этой спиной; много выплакано тѣхъ слезъ изъ этихъ глазъ; много горя провело эти морщины. Женщина эта есть воплощеніе страданія и физическаго и нравственнаго; въ ней все убито: и радость, и горе, — убито такъ, что она равно неспособна чувствовать и то, и другое: человекъ ли это, рабочая ли лошадь — рѣшить трудно.

Дѣвка, дочь ихъ, совсѣмъ иное лицо; другія мысли, другія стремленія, другая жизнь свѣтятся въ ея глазахъ, въ чертахъ лица, въ поднятой головѣ, въ наглости взгляда, въ презрительной улыбкѣ. Очень замѣтно, что не смотря на молодость, она хорошо знаетъ жизнь; что она освоилась съ нею; что услугать ее будущимъ нельзя.... Не смотря на то, что она недурна собою, что ей едва-ли 18 лѣтъ, на нее смотрѣть непріятно; для дѣвца-

ки, движенія ея слишкомъ рѣшительны, глаза смотрять слишкомъ опредѣленно: видно по всему, что замужъ ей выходить не для чего, какъ другой дѣвушкѣ; и безъ мужа она будетъ умиѣть устроить жизнь свою; мужъ только помѣшаетъ ей въ жизни.

Когда лучина была зажжена и можно было наконецъ видѣть пришедшаго, оказалось, что это сынъ старика и братъ дѣвушки; что черныя пятна на рубашкѣ — кровавыя пятна; что пятна на шеѣ представляли зияющую рану, и что должна была недавно совершиться одна изъ тѣхъ драмъ, которыя будучи неизвѣстны никому, кромѣ населенія канцелярій, проходятъ незамѣтными, хотя и представляютъ очень часто замѣчательные психологическіе вопросы.

Видя кровь на шеѣ сына, мать бросилась помогать ему, насколько позволяли ей силы, но и тутъ суровый взглядъ мужа не оставилъ ея въ покоѣ. Замѣтно было, что ей надо было побѣдить свою привычную робость въ отношеніи къ мужу, чтобъ придти на помощь сыну, — она перевязывала его рану съ заботливостію матери, бросая украдкою робкіе взгляды на мужа, какъ бы отыскивая на лицѣ его состраданіе къ положенію сына. Но на суровомъ лицѣ старика не выражалось ничего: оно было угрюмо какъ всегда, и сѣрые, зловѣщіе глаза его смотрѣли такъ же упорно, какъ всегда, выжидая объясненій, но не возбуждая ихъ.

Бойкое лицо сестры не выражало ни жалости, ни участія, а скорѣе одно холодное и дерзкое любопытство. Она тоже не торопила брата распросами, а ждала, что онъ начнетъ рассказывать самъ. Видно было однако, что она всматривалась въ брата, какъ будто хотѣла угадать то, что онъ будетъ говорить, но угадать не изъ словъ, которыя онъ скажетъ, а изъ тѣхъ мыслей, которыя у него въ головѣ.

Не видя со стороны отца и сестры той суетливой заботливости, которая бываетъ признакомъ привязанности и участія, пришедшій тоже молчалъ угрюмо, предоставляя матери дѣлать съ нимъ то, что она найдетъ лучшимъ. Когда она перевязала его и уложила въ постель, только тогда онъ началъ говорить. Рассказъ его, сказанный голосомъ хриплымъ и ослабшимъ, при слабо мерцающей лучинѣ, при этихъ лицахъ мрачныхъ и холодныхъ, какъ надгробные памятники, и при слабомъ свѣтѣ едва зажигающейся зарн, тоскливо пробивающейся сквозь маленькія окошечки избы, имѣлъ въ себѣ что-то страшное.

— Ты видишь, батюшка, началъ молодой человекъ, обращаясь къ отцу: — что меня немного незарѣзали, и что ежелибъ я не проснулся, не жить бы мнѣ больше на бѣломъ свѣтѣ...

Старикъ промолчалъ; суровое выраженіе лица его не измѣнилось ни на волосъ; холодное любонитство замѣтно блеснуло въ чертахъ сестры, — одна мать утерла слезу на морщиниватомъ лицѣ; но и ту утерла она урывкомъ, какъ бы тайсь и не смѣя.

— Я легъ было спать съ женою съ сѣннымъ сараѣ, продолжалъ онъ: — въ избѣ больно жарко... и только что заснулъ, меня разбудило что-то я и самъ не знаю, какъ будто лягушка прыгнула мнѣ на горло... Я проснулся и увидалъ, что жена нагнулась надо мной съ ножомъ и что рубаха у меня въ крови; я посмотрѣлъ и прибѣжалъ сюда...

— А жена? замѣтилъ отецъ кротко.

— Не знаю. Я бросился вонъ изъ сарая, какъ бы она съ ножомъ не надѣлала мнѣ чего нибудь еще хуже...

— Гдѣ жъ она теперь?

— Не знаю. Не де вел мнѣ ужъ было. Я боялся истечь кровью и побѣжалъ сюда...

Старикъ промолчалъ; сестра какъ-то неприятно покачала головою; у матери посыпались слезы, которыя она уже не сирывала, обтирая морщины рукавомъ своей синей вѣсрудниной рубашки...

Наступило нѣсколько минутъ тѣшлага молчанія, прерываемаго чиликаньемъ сверчка за печкою, да мычаніемъ короамъ, начинавшей звучать своимъ затворничествомъ.

Тогда старикъ сказалъ:

— Надо пѣйдти объявить сотскому и старостѣ. Марька! одѣнься. — и повѣсти обонхъ...

И говоря это, не смотря на хрипѣе сына, онъ оборотился къ жемъ, продолжавшей плакать, и прибавилъ:

— Ну, что расхрюмилась? Ами не объ чемъ больше? и пошелъ въ свѣтелку, гдѣ онъ обыкновенно спалъ.

Освободившись отъ его присутствія, старуха бросилась къ сыну и съ той тревожною заботливостію, въ которой выказывается всегда такъ много материнской любви, стала оправлять хотя въ этомъ не представлялось никакой надобности, на немъ шубу, которою, не смотря на душную ночь, она его прикрыла...

Замѣчательнѣе всего то, что сынъ ея, какъ малолѣтній ребе-

ночь, позволилъ дѣлать съ собою все, что ей было угодно. Не смотря на то, что въ избѣ было нестерпимо душно, онъ далъ покрыть себя шубою, не говоря ни слова; подвергъ себя всѣмъ мелочнымъ преслѣдованіямъ материнской заботливости, которую, при другихъ обстоятельствахъ, онъ грубо оттолкнулъ бы... Видно было, что и старуха, оказывая ему эти наружные знаки сиротой, но затаенной любви, дѣйствовала какъ-то робко и нерѣшительно: видно было, что она не привыкла къ этому, что это даже удивляло ее.

Раненный сынъ ея, малый лѣтъ 30, съ смуглымъ, хоть и красивымъ, но неприятнымъ лицомъ, лежавшій молча и только хрипѣвшій, былъ достойный преемникъ своего отца, какъ по всему замѣтно. То же мрачное лицо, тѣ же глаза, горѣвшіе, какъ угли, какими-то злобщимъ свѣтомъ; та же улыбка презрительная ко всему, — давали очень хорошо чувствовать, что по неслову: яблочко не далеко падаетъ отъ яблонки, онъ наследовалъ отъ отца характеръ.

Марья между тѣмъ одѣлась и побѣжала туда, куда послалъ ее отецъ. Немного погодя, въ избу начали собираться крестьяне всѣхъ половъ и возрастовъ, желающіе слышать разсказъ о починѣ происшествія. Меньше нежели въ четверть часа, въ избѣ сдѣлалось такъ тѣсно, что стало невозможно повернуться, — и такъ какъ больной только хрипѣлъ, то мать взяла на себя обязанность разсказывать всякому то, что мы уже слышали изъ устъ самого раненнаго. Онъ лежалъ, закрывъ глаза, не обращая никакого вниманія на толпу, которая между тѣмъ шумѣла, передавая другъ другу свои предположенія и догадки и видимо ожидая начальства, чтобъ принять какое нибудь рѣшеніе...

Начальство это не замѣдливо явиться въ лицѣ бурмиистра съ палочкой и сотскаго съ огромной медалью на ремешкѣ, т. е. съ знакомъ своего достоинства. При нихъ входъ шумъ прекратился, и когда они подошли къ лавкѣ, замѣнявшей больному постелью, толпа сдвинулась еще плотнѣе и почти прижала къ постелѣ оба начальствующія лица, чтобъ не проронить ничего изъ ихъ вопросовъ и разсказовъ больного.

Подойдя къ постелѣ, и видя что больной лежитъ съ закрытыми глазами, бурмиистръ ткнулъ его палочкой и сказалъ:

— Емельянъ! эй, Емельянъ! Живъ, что ли, ты?

Больной закрывъ вмѣсто отвѣта, открылъ глаза, мутно

обвелъ ими около себя и остановившись ими на бурнистрѣ, сказалъ тихо:

— Живъ, Сидоръ Андрончъ! Что прикажешь?

— Говори, что съ тобой случилось?

Емельянъ повторилъ, часто останавливаясь, то, что уже им слышали изъ разсказа его отцу...

— Гдѣ жъ теперь твоя хозяйка? спросилъ сотскій.

— Не знаю, продолжалъ больной слабымъ голосомъ: — я убѣжалъ отъ нея, босой и раздѣвшись, какъ видите... Должно быть, осталась въ сараѣ, гдѣ мы спали...

Тогда сотскій, обращаясь къ бурнистру, сказалъ;

— Надо-тъ сейчасъ послать къ становому, Сидоръ Андрончъ; а между тѣмъ отыскать ее, разбойницу.

— Дѣло! отвѣчалъ бурнистръ: — я сейчасъ наряму на станъ конника, а ты, Езигней Григорьичъ, ступай съ народомъ, поищи ее...

Сотскій, а за нимъ почти вся толпа выхлынули изъ избы. Бурнистръ закричалъ десятника и началъ спрашивать его: «чей чередъ ѣхать на станъ?...»

На приказаніе нарядить сейчасъ нарочнаго къ становому, и на вопросъ, чей чередъ, десятникъ отвѣчалъ вяло и неохотно; замѣтно было, что ему хотѣлось скорѣе идти отыскивать убійцу, нежели хлопотать о конникѣ.

Хоть неохотно, онъ повиновался однако, и ушелъ въ противоположную сторону отъ толпы.

Начинало свѣтать. Послѣ краткаго совѣщанія толпа раздѣлилась на небольшія кучки, которыя пошли по разнымъ направленіямъ, осматривая каждый кустъ, каждое строеніе и вздрагивая при малѣйшемъ шорохѣ, какъ будто шли на поникку какого нибудь разбойника, а не двадцатилѣтней женщины... Русскій человекъ вообще не любитъ ничего дѣлать молча, а ежели онъ говорить, то говорить больше, нежели громко. Еслибъ дѣйствительно преступница спряталась гдѣ нибудь въ этихъ сараяхъ, овинахъ, анбарахъ, которые были разбросаны по рѣчному берегу, — она имѣла бы вполне достаточно времени не только уйти отъ нихъ за версту, прежде нежели они догадались бы, что она была тутъ, но даже узнать, о чемъ они говорятъ, и ее ли дѣйствительно ищутъ... Болтать — страсть русскаго; какъ молчаливъ онъ передъ какою бы то ни было властію, такъ что и нужнаго слова отъ него не добьешь-

ся, — напротивъ того, говорливъ или, лучше, шумливъ онъ со своими, въ толпѣ, на сборищахъ... коллективно.

Кучки, числомъ до 8, — каждая изъ 5 или 6 человѣкъ, — безпрестанно увеличиваясь подбывающими вновь изъ деревни, пошли по разнымъ направленіямъ, охватывая пространство огородовъ и гумень, чтобы припереть преступницу къ рѣкѣ, если бѣ она находилась въ этомъ кругу... Кучки перекликались между собою, пока были въ виду одна другой, — но вотъ голоса стали слышаться рѣже и рѣже, наконецъ все смолкло и затихло, такъ что снова можно было слышать и блеяніе овцы, и нѣсную жаворонка, и долгій лай собакъ, проснувшихся отъ отдаленнаго народнаго говора въ непривычное время, въ непривычномъ мѣстѣ.

Уже солнце начинало краешкомъ показываться изъ-за горизонта, когда одна кучка подошла къ самому берегу рѣки, и наткнулась на женское платье и коты (*), лежавшіе на берегу. Это заставило всѣхъ остановиться... Всѣ принялись разсматривать сарафанъ, юбку, головной платокъ и коты, какъ будто бы эти предметы были имъ совершенно незнакомы, и нѣе всѣхъ слытъ кричать другимъ кучкамъ, чтобъ извѣстить ихъ о своей находкѣ... На громкіе крики ихъ другія кучки отвѣчали издали такими же криками, — и наконецъ вся толпа собралась во-едино и принялась разсуждать: кому принадлежитъ это платье, и не могло ли оно принадлежать той, которую они отыскиваютъ...

Послѣ долгихъ разсужденій, рѣшили: не подымая платья съ берегу, приставить къ нему караулъ, повѣстить бурмистра и вытребовать кого нибудь изъ родныхъ преступницы, для того, чтобъ удостовѣриться, ея ли это платье..?

Выбравши трехъ человѣкъ, которые тотчасъ вооружились кольями изъ плетня, какъ будто бы дѣло шло о караулѣ какого нибудь опаснаго звѣря, толпа отправилась къ которѣ—обыкновенному мѣсту засѣданій во всѣхъ торжественныхъ и важныхъ случаяхъ. По приказанію сотника, нѣсколько человѣкъ пошли по окошккамъ сзывать на сходъ стариковъ; другіе отправились за бурмистромъ. Дьячокъ приходской церкви, узнавъ о происшествіи, съелъ своей обязанностію ударить въ набатъ, какъ будто дѣло шло о пожарѣ или наводненіи, и на звукъ колокола начали

(*) Женскіе башмаки съ высокими задникомъ и росписнымъ передомъ.

сбѣгаться всѣ—и старый и малый; остались дома развѣ только тѣ, кто по недугу не могъ тронуться съ мѣста, да старухи, у которыхъ были грудные ввучки на рукахъ. Съ наступленіемъ дня, вся деревня была на ногахъ, и, какъ улей пчель, шумѣла около конторы. Всѣ говорили, никто не слушалъ; предположенія сыпались десятками... впрочемъ общая мысль была одна: преступница, не успѣвши совершить злодѣянія своего, изъ страха наказанія бросилась въ воду...

Таково было общее настроеніе; не такъ только думали тѣ, которые близко знали преступницу. Кроткій и тихій нравъ ея былъ извѣстенъ; всѣ знали, какъ безукоризненно вела она себя и какъ часто терпѣла отъ суроваго нрава мужа.

Странно было видѣть однако, что не смотря на все озлобленіе противъ самаго акта преступленія, жертва этого преступленія — Емельянь не возбуждалъ ни въ комъ ни сожалѣнія, ни участія. Всѣ соглашались въ томъ, что преступницу надо отдать въ руки правосудія, но многіе качали головами и какъ-то недовѣрчиво останавливались посредниѣ рѣчи, какъ бы еще не вѣря тому, дѣйствительно ли это случилось... и случилось ли это такъ, какъ рассказываютъ.

Видно было, что на всѣхъ тяготѣла какая-то тайна; что всякій наполовину только высказывалъ то, что онъ думалъ.

Часахъ къ 11 — толпа стала рѣдѣть; тощіе желудки напомнили, что для чужихъ дѣлъ не надо оставлять собственныхъ, и что хотя преступленіе и должно быть преслѣдуемо, но объ обѣдѣ забывать не слѣдуетъ. Хозяйки домовъ давно уже юркнули по своимъ избамъ: онѣ знали, что ихъ мужья и повелители, не смотря на провснество, въ урочный часъ потребуютъ обѣда, и тѣ, которыя не приготовятъ этого обѣда, получатъ извѣстную долю тычковъ и затрещинъ, къ которымъ конечно русской женщины не привыкать стать, но которыя тѣмъ не менѣе все-таки неприятны...

Когда толпа начала уже расходиться, и сотскій въ своей избѣ снималъ уже съ своей шеи медаль, знакъ своего достоинства, — внезапно прибѣжалъ въ его избу мальчикъ лѣтъ 12, исуганный, блѣдный какъ смерть, въ одной рубашкѣ, и закричалъ ему, чуть только увидалъ его:

— Дѣдушка! дѣдушка! ступай скорѣе! мертвый лежить...

Расторопный сотскій вспрыгнулъ какъ будто его укусила пчела или оса. Что было у него на умѣ—рѣшить трудно, толь-

ко онъ какъ-то вдругъ упалъ духомъ; опрометью, на сколько позволяли ему 55-лѣтнія ноги, побѣжалъ онъ къ бурмистру съ печальной новостію: мимоходомъ забѣжалъ къ священнику попросить его снова велѣть ударить въ набатъ, чтобъ скорѣе собрать опять всю деревню, — а самъ, кликнувъ по дорогѣ мать, шесть человекъ, или случайно попавшихся ему на встрѣчу, или вызванныхъ палочкою подъ окномъ, направился туда, гдѣ, по указанію мальчика, лежалъ мертвый...

При новыхъ звукахъ колокола, сердца всѣхъ въ деревнѣ дрогнули не на шутку: это былъ знакъ, что случилось какое-нибудь новое несчастье... Закусивъ наскоро, а другіе еще съ кускомъ во рту, побѣжали всѣ къ конторѣ, и меньше нежели черезъ четверть часа вся деревня знала, что на задахъ, то есть на гумнахъ, нашли мертвого... Кто онъ, какъ попалъ сюда, — не зналъ никто; одни утверждали, что это Емельянова жена лежитъ зарѣзанная; другіе говорили, что это управляющій ихъ имѣніемъ, котораго вообще не жаловалъ никто; третьи, что это даже не человекъ, а какой-то уродъ, чуть ли не съ пятью ногами и двумя головами на шеѣ.

Узнавъ, что сотскій съ выборными пошелъ на зады къ мертвому, толпа съ глухимъ шумомъ направилась туда... Кучка народа, стоявшая на одномъ мѣстѣ, указала имъ мѣсто.

Въ оврагѣ, въ глубинѣ котораго бѣжалъ ручей, вытекавшій изъ родника тутъ же на огородѣ, лежало мертвое тѣло старика, въ нищенскихъ лохмотьяхъ, окровавленное, съ явными признаками насильственной смерти. Его длинная, сѣдая борода, его обнаженный черепъ не внушили жалости убійцѣ; на боку у него зияла свѣжая рана, а знаки на лицѣ указывали на борьбу, которую онъ выдержалъ. Лохмотья нищаго изобличали, что не корысть была причиною убійства; эти лохмотья показывали, что рукою убійцы руководила личная месть, что не деньги были тутъ нужны, а жизнь.

Тяжело было смотрѣть на обнаженный черепъ покойника, запачканный кровью и грязью; полураскрытые, стекловидные и мутные глаза и искривленный ротъ, на которомъ запеклась хлынувшая изъ горла кровь, показывали муки предсмертнаго страданія, а сжатые въ кулакъ пальцы изобличали или нестерпимую боль послѣднихъ минутъ, или безсильную угрозу сопротивленія... а лохмотья, запачканныя грязью, пескомъ и кровью и разорванныя во многихъ мѣстахъ, давали пол-

ный поводъ думать, что борьба была отчаянная и что старикъ не разомъ былъ положенъ на мѣсть. Такъ какъ крестьяне не смѣли дотронуться до мертвеца прежде пріѣзда земской полиціи, то и нельзя было узнать, какимъ орудіемъ убитъ былъ старикъ, лицо котораго впрочемъ было ни въ коемъ случаѣ незнакомо, хотя никто не могъ сказать, гдѣ его видали прежде.

Цѣлый день въ этой деревнѣ работы не было: покушеніе на жизнь Емельяна, самоубійство его жены, убійство старика произвели на всѣхъ крестьянъ такое впечатлѣніе, что никто не могъ заняться ничѣмъ; на площади передъ конторой цѣлый день толпились люди, сходились кучками, ъ чемъ-то жарко спорили, потомъ расходились, для того, чтобъ снова собраться въ другія кучки, со вновь пришедшими. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, чѣмъ объяснится это тройное убійство: найдется ли виновный, кто онъ, что было причиною убійства. На всѣхъ лежала тягость ожиданія; всѣ боялись слѣдствія, какъ будто всѣ вообще и каждый въ особенности были участниками этихъ преступленій, и съ трепетомъ ожидали пріѣзда становаго. Сотскій суетился изъ всѣхъ силъ, чтобъ вынести и вычистить контору; писаря въ ней жившаго выгнали въ другую избу; собрали полсотни яицъ, двухъ куръ, масла, молока и штофъ настойки, за которую верхомъ съѣздилъ въ ближайшій кабакъ Сенька косою; не дожидаясь приказа и какъ человекъ бывалый, сотскій послалъ въ ближайшія деревни за понятыми,—однимъ словомъ, приготовили все къ принятію земской полиціи. Когда все это было готово, сотскій взошелъ въ избу къ бурмистру, и выгнавши изъ избы его семейство, имѣлъ съ нимъ тайный разговоръ, часть котораго слышала четырехлѣтняя дѣвочка бурмиистра, спавшая до этого на полатяхъ, и которую не замѣтилъ. Дѣвочка эта подружась своимъ говорила, что дѣдушка Евсѣеичъ (сотскій) все твердилъ: «мало, Сидоръ Андерейчъ!» а тятя (бурмистръ) говорилъ: «довольно! чтобъ пропасти на нихъ не было! Вѣдь не сами же мы виноваты въ самомъ дѣлѣ! Кто виноватъ, тотъ и платись какъ знаетъ.» Послѣ чего все разбирали какія-то красненькія да синенькія бумажки, да гремѣли деньгами...

Передъ вечеромъ слышались звуки бубенчиковъ и колокольчиковъ, а черезъ нѣсколько минутъ во всю конскую прыть принеслись прямо къ крыльцу конторы двѣ тройки: одна въ маленькомъ запыленномъ тарантасикѣ; другая въ телегѣ. Изъ перваго экипажа вышли два человѣка: одинъ высокаго роста,

въ гербовомъ сюртукѣ съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ, лѣтъ тридцати, съ кокетливо надѣтой на бекрень фуражкой, тоже съ чернымъ бархатнымъ околышемъ: другой человѣкъ лѣтъ подѣ 50, съ весьма красной, покрытой прыщами рожей; а съ телеги соскочили: молодой человѣкъ лѣтъ 20 съ портфелемъ, и другой молодой человѣкъ съ чѣмъ-то завязаннымъ въ черной кожѣ...

Ихъ встрѣтилъ у крыльца и проводилъ въ комнату конторы сотскій, съ низкими поклонами; выстроившіеся у крыльца въ двѣ шеренги понятые тоже низко поклонились. Молодой человѣкъ съ чернымъ бархатомъ отвѣчалъ имъ, слегка-приподнявъ фуражку и нѣсколько наклонившись; господинъ съ красной рожей никому не поклонился, вѣроятно считая это излишнимъ; а два молодые человѣка, сошедшіе съ телеги, не кланялись потому, что знали, что поклоны относятся не къ нимъ и что слѣдственно на нихъ не лежитъ обязанности отвѣчать на эти поклоны...

Читатель вѣроятно уже узналъ въ молодомъ человѣкѣ въ фуражкѣ — становаго; въ старикѣ — медика, а въ остальныхъ двухъ: писмоводителя становаго и фельдшера съ инструментами. Войдя, и несмотря на то, что самоваръ шипѣлъ уже на столѣ и что красноносый медикъ посматривалъ на него съ видимымъ удовольствіемъ, — молодой человѣкъ предложилъ тотчасъ приступить къ осмотру тѣла. Такъ какъ не совсѣмъ еще смерклось, и можно было явственно различать предметы, становой, несмотря на ворчанье медика, вышелъ изъ конторы, позвалъ понятыхъ, и сопровождаемый большой гурьбой жителей деревни, направился къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ убитый.

Подойдя къ оврагу, онъ слѣзъ въ него, хватаясь за растущія травы — для того, чтобъ осмотрѣть положеніе, въ которомъ лежалъ убитый и оставшемуся на берегу оврага своему писмоводителю продиктовать мѣстный осмотръ. Медикъ попробовалъ-было слѣзть тоже въ оврагъ, но его коротенькія ножки и немалое-таки чрево помѣшали, послѣ многихъ, впрочемъ, попытокъ, исполнить это желаніе. Онъ только промышчалъ что-то и остался на берегу, видимо недовольный собою и всѣмъ, что его окружало, несмотря на то, что становой, можетъ быть даже съ нѣкоторой ироніей, подзывалъ его посмотреть, какъ лежитъ покойникъ.

Когда осмотръ былъ конченъ, становой распорядился перенесеніемъ тѣла въ какую нибудь избу или сарай, гдѣ бы можно

было произвести вскрытіе. Приказъ объ этомъ былъ данъ сотскому, и въ немъ, разумѣется, принялъ тотчасъ участіе подлекарь, какъ ихъ называютъ въ деревняхъ, такъ какъ дѣло касалось его части, — и прежде нежели сотскій вздумалъ что нибудь, у фельдшера лежало уже въ карманѣ разной мелочью чуть ли не рубль съ четвертью, полученные для того, чтобъ найти въ избахъ и сараяхъ, ближайшихъ къ оврагу, помѣщеніе для вскрытія неудобнымъ.

Получивши такія ясныя доказательства неудобности, фельдшеръ сдѣлался необыкновенно прихотливъ на помѣщеніе. Такъ какъ становой и медикъ послѣ осмотра отправились въ контору пить чай, приказавши только все приготовить къ вскрытію, то фельдшеръ, сдѣлавшись въ силу этого первымъ лицомъ въ вопросѣ, могъ прихотничать сколько душѣ угодно. Избы и сарай, лежащіе близъ оврага, оказались рѣшительно неудобными: въ однихъ было слишкомъ темно, въ другихъ—сквозной вѣтеръ, въ третьихъ—тѣсно, въ четвертыхъ—неудобно безъ причины, и кончилось тѣмъ, что когда удобное мѣсто было найдено, у фельдшера лежало чуть ли не десятокъ рублей, монетой всякаго рода, въ карманѣ. Это удобное помѣщеніе состояло изъ старушечьей кельи, смазанной глиной и стоящей совершенно на краю деревни, въ которой и днемъ было такъ же свѣтло, какъ въ сумерки, но которая за то имѣла ту выгоду, что не представила доказательствъ неудобства.

Хотя становой, а главное—коротконогий медикъ и ругнулись, что мертваго перенесли такъ далеко, но фельдшеръ успокоилъ ихъ, или, лучше, заставилъ замолчать тѣмъ, что шепнулъ имъ обоимъ на ухо, что у мужиковъ и въ этомъ случаѣ, точно также какъ и во всѣхъ другихъ, соблюдается чередъ, и что несоблюденіе его можетъ показаться обиднымъ.

Становой, которому совершенно было все равно гдѣ бы и какъ бы ни происходило вскрытіе, только засмѣялся, понавѣвъ въ чемъ дѣло; но медикъ, зная, что фельдшеръ сдѣлалъ это *впрямую не безъ причины*, успокоился только тогда, когда узналъ цифру причины, и пыхтя и обтираясь, пошелъ за становымъ.

Вскрытіе произведено было такъ, какъ это обыкновенно водится. Принесли мертваго въ избу, и такъ-какъ келейница не представила доказательствъ неудобности, то положили его на

Т. LXXXVII. Стл. I.

тотъ самый столъ, на которѣмъ она обыкновенно обѣдала; позвали понятыхъ, показали имъ тѣло, спросили, не знаютъ ли его, потомъ раздѣли и снова показали, чтобъ они видѣли раны и знаки насилія. Все это дѣлалъ фельдшеръ и сотникъ, — а писмоводитель, скорчившись въ углу, и положивши бумагу на опрокинутую кадку, записывалъ то, что говорили фельдшеръ и понятые. Медикъ между тѣмъ, попыхтѣвъ, попыхтѣвъ въ избѣ, гдѣ начинало становиться нестерпимо жарко и душно отъ запаха жертвеца и живыхъ, вышелъ на улицу, усѣлся какъ только можно покойнѣе на завалинкѣ и захрапѣлъ сномъ праведника, проснувшись только тогда, когда вскрытіе было окончено и становой растолкалъ его, чтобъ идти домой, то есть въ контору, гдѣ онъ съ спокойной совѣстью человѣка, исполнившаго свой долгъ къ отечеству, поѣлъ, выпилъ и легъ снова опочивать, говоря: «дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ! И до завтра можно оставить!» — несмотря на то, что становой представлялъ ему, что надо еще освидѣтельствовать человѣка, котораго хотѣла зарѣзать жена. При этомъ предложеніи коротконогий даже рассердился, и отвѣчалъ, укладываясь на лавкѣ, къ которой подставлена была другая лавка, что онъ не лошадь, что теперь темно и что завтра точно также, ежели только не лучше, можно кончить дѣло.

Когда старика раздѣли, то на боку у него, подлѣ короткихъ реберъ, оказалась широкая и глубокая рана, сдѣланная чрезвычайно острымъ орудіемъ; голова пробита во многихъ мѣстахъ и переломлено семь реберъ. На спросъ: знаютъ ли, кто онъ такой? понятые отвѣчали, что они хотя положительно и не знаютъ этого, но что надо думать, что онъ не дальній, потому что его видали время отъ времени по деревнямъ, собирающимъ милостыню. Справедливость этого подтвердилась ищкомъ съ кусками хлѣба, найденнымъ въ совершенной глубинѣ оврага, въ густой крапивѣ, которою поросло все дно.

Кафтанъ весь изорванный на спинѣ; самая спина, покрытая значительными ссадинами, и слѣдъ по землѣ, пришедшій къ оврагу, изобличали, что покойнаго тащили и бросили въ оврагъ уже мертваго.

Такъ-какъ при этомъ наступила ночь, то изслѣдованіе оставлено было до утра, а священнику послано было вѣдѣніе о томъ, что похоронить убитаго можно.

На другое утро, сонце не успѣло подняться на горизонтъ, становой будильникъ, или, лучше, толкалъ во всю ночь крайвѣнаго, какъ паровикъ, медика, и звалъ его свидѣтельствовать челоуѣка, равнаго женой. Но сынъ Эскулапа, несмотря ни на какія увѣщанія, не тронулся съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не принесли самоваръ и онъ не напился чайку, со всѣмъ комфортомъ, какого только можно было добиться при подобномъ случаѣ. Сотскій между тѣмъ бѣгалъ какъ угорѣлый, а понятые, на бревнушкѣ, съ самаго появленія зари, ждали, пока проснутся ихъ благородія... Потребовали было они закусить чего нибудь, — но бурмистръ, боявшійся управляющаго, какъ огня, не носилъ дать имъ ничего изъ господскаго, и выслалъ, вмѣстѣ съ сотскими, все-что отъ себя, что и заставило понятыхъ отрядить отъ себя двухъ, по своимъ деревнямъ, за хлѣбомъ: они видѣли, что ихъ не отпустить еще и весь слѣдующій день.

Что дѣлалъ между тѣмъ Емельянъ, котораго мы оставили въ началѣ нашего разсказа на постелѣ, окутаннаго шубой?... Долго лежалъ онъ закрывши глаза, почти не шевелился; можно было бы подумать, что онъ спалъ, если бѣ безпрестанныя вздрагиванія не изобличали противнаго; если бѣ какіе-то кришлые стоны не показывали страданій, производимыхъ вѣроятно болью. Можетъ быть онъ пролежалъ бы такъ и цѣлый день, не чувствуя удушливаго жара и избы и шубы; вѣроятно, промолчалъ бы цѣлый день, занятый грустными мыслями о зломъ намѣреніи жены, если бѣ около полудня не подошла къ его постелѣ сестра его и ея подруга, дѣвка лѣтъ двадцати пяти, высокая, красивая, съ черными блестящими глазами и съ черными, какъ смоль, волосами... Несмотря на то, что у больного глаза были закрыты, сестра подошла къ нему безъ осторожности, которая впрочемъ такъ мало соблюдается у крестьянъ, и подошедши, откинула шубу, наклонилась надъ больнымъ и спросила, что съ нимъ дѣлается?

Несмотря на то, что обѣ онѣ шли далеко не крадучась и что, слѣдственно, если бѣ онъ былъ не въ состояніи забыть, испугать его было бы трудно, — при словахъ сестры, къ которымъ черноволосая дѣвушка прибавила что-то отъ себя, Емельянъ вздрогнулъ, какъ будто бы съ нимъ случилось что нибудь неожиданное. Онъ быстро открылъ глаза, — глаза эти вспыхнули какимъ-то страннымъ огнемъ, но чрезъ минуту они потухли, и

онъ отвѣчалъ хриплымъ голосомъ: «теперь ужъ лучше...» Дѣвушка не удовлетворилась этимъ. Она остановилась на немъ глазами молча, какъ бы ожидая еще отвѣта; отвѣта этого не послѣдовало, не за то еще ускореннѣе и быстрѣе сдѣлались судорожныя движенія его; хрипѣе и чаще дыханіе... Сестра больного какъ бы прислушивалась къ нѣмому разговору, между ними происходившему; она переводила глазами съ одного на другую и какъ будто вслушивалась въ тотъ беззвучный голосъ, который говорилъ ей такъ понятно и внятно, что въ значеніи его и смыслѣ ошибаться было невозможно. Всѣ животныя инстинкты разыгрались въ ней; востри ея жадно втягивали воздухъ; дыханью сдѣлалось тѣсно въ груди; смотря на нее, можно было подумать, что ей открывается возможность или неизвѣрннмаго счастья, или страшной и мучительной боли, и что въ эту минуту она переживаетъ ту страшную борьбу, которая рѣшаетъ единств. мгновеніемъ судьбу цѣлой жизни...

Теперь не больной, не пришедшая дѣвушка стали предметомъ ея наблюденій: она сама сдѣлалась предметомъ ихъ долгихъ взглядовъ... Они взаимно глазами спрашивали другъ друга, что съ нею дѣлается, и въ самомъ дѣлѣ это стоило того, чтобъ спросить: глаза ея налились кровью, губы какъ-то вспухли, и сухія, растрескавшіяся прежде, вдругъ увлажнились и задрожали; румяное лицо то вспыхивало, то вдругъ покрывалось мертвою блѣдностію.

Эта страшная, нѣмая сцена продолжалась бы долѣе, ежели бъ не взошелъ отецъ, и однимъ взглядомъ, мрачнымъ и грознымъ, не выкинулъ, такъ-сказать, дѣвушекъ изъ избы, оставивъ съ сыномъ одинъ. Подъ этимъ взглядомъ сынъ вздрогнулъ; судорожно повернулся онъ на своей постелѣ; хрипые, гортанные звуки его изобличили страшную внутреннюю тревогу; онъ проводилъ глазами уходящихъ дѣвушекъ, и когда они ушли, — безсилно упалъ на подушку...

Что происходило между отцомъ и сыномъ—это знаетъ только одинъ Богъ.

III.

Съ наступленіемъ утра, становой, въ сопровожденіи медика и понятыхъ, отправился продолжать слѣдствіе, прерванное темъ

нотою вечера. Видно было, что молодой человекъ зналъ свое дѣло, и что ему не надо чужихъ наставленій; онъ прямо пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ поднятъ былъ убитый старикъ. Теперь, при свѣтѣ дня, можно было хорошо видѣть широкій слѣдъ, по которому тащили убитаго, чтобъ бросить его въ оврагъ: это изобличали волосы на землѣ, примята трава, даже изрѣдка капли крови. Долго шли они этимъ слѣдомъ, пока не дошли до одного мѣста, гдѣ цѣлая лужа засохшей, хоть и закиданной отчасти землею, крови указывала прямо, что старикъ убить былъ тутъ. Его лапти оставили на землѣ совершенно замѣтный слѣдъ, — противникъ его былъ безъ обуви: это ясно было видно по слѣдамъ босыхъ ногъ, какъ будто изрывшихъ землю... Дальше слѣда не было... Изрѣдка только, по направленію къ рѣкѣ, кое-гдѣ видѣнь былъ отпечатокъ босой ноги, но эта поступь была легкая и торопливая; она терялась въ густой травѣ прибрежья, не далеко отъ того мѣста, гдѣ лежало платье и башмаки утопленны... Нельзя было не замѣтить, что между этимъ платьемъ и убитымъ старикомъ была какая-то таинственная связь — и это не ускользнуло отъ становаго... Онъ остановился на этомъ, и собравши понатыкъ, сталъ спрашивать:

— Вы видите, ребята, что старикъ былъ убитъ здѣсь, вотъ на этомъ мѣстѣ.

— Здѣсь, батюшка! это виднехонько! отвѣчали понатые...

— Кто же бы могъ убить его?...

— Ужъ это Богъ-вѣсть, продолжалъ послѣ нѣсколькихъ минутъ одинъ изъ понатыхъ, старикъ съ бѣлою, почтенною бородою и умнымъ лицомъ. — Нады-тъ думать, что слѣдъ, что къ рѣкѣ-то идетъ, смотри — не того ли, кто его угомонилъ. Другаго-тъ нѣтъ, ваше благородіе...

— Старикъ-то какъ сюда явился?

— А вотъ видишь, батюшка, слѣдочекъ есть въ лаптяхъ... это, нады-тъ думать, слѣдъ старика. Ишь какъ онъ пошелъ между ометами-то...

— Да, это правда, отвѣчалъ становой, какъ бы пораженный внезапной мыслию, и слѣдуя глазами за слѣдомъ, указаннымъ понатымъ.

Слѣдъ перерывался тамъ, гдѣ шелъ по солому, былъ явственно видѣнь на землѣ, и прямо велъ въ одинъ изъ овиновъ...

Тамъ, въ приѣмникѣ, навалена была солома—и на соломѣ явные признаки того, что на ней лежалъ человѣкъ... Не оставалось сомнѣній, что убитый старикъ лежалъ тутъ, и если бъ у кого нибудь возникло въ этомъ какое нибудь недоразумѣніе, то куски печенаго хлѣба, совершенно сходные съ тѣми, которые лежали въ сумѣ, убѣдили бы каждою, что убитый лежалъ тутъ, что онъ дошелъ до того мѣста, гдѣ происходила борьба, одинъ; что человѣкъ съ босыми ногами вышелъ ему навстрѣчу, убилъ его чѣмъ нибудь очень острымъ, потомъ уже лежачаго билъ чѣмъ нибудь тупымъ по бокамъ, проломилъ ему голову и переломалъ ребра, и уже мертваго оттащилъ и бросилъ въ оврагъ. Это было ясно, какъ день.

Теперь оставалось рѣшить, кто бы могъ сдѣлать убійство и кому было выгодно убить нищаго?...

Конечно, предполагая, что у старика было какое нибудь орудіе, можно было допустить, что Емельянь раненъ въ горло старикомъ при защитѣ, — но этого орудія не оказалось ни въ платьѣ старика, ни на мѣстѣ убійства... Конечно, это могъ унести Емельянь съ собою, и тогда—и причину убійства, и орудіе, и самаго убійцу надо было искать въ избѣ Емельяна.

Становой такъ и расудилъ. По счастью, онъ встрѣтилъ дѣтельное сочувствіе и помощь со стороны понятыхъ. Замѣтно было, что убійство нищаго старика ошально вооружило ихъ противъ убійцы, — а Емельянь и все его семейство было нелюбимо и въ своей деревнѣ, и въ сосѣднихъ селеніяхъ. Это расположеніе къ тому, чтобъ найти убійцу, было такъ рѣдко въ понятыхъ, большею частію всегда старающихся скрыть слѣды преступленій или для того, чтобъ не выдать кого нибудь изъ своихъ, или для того, чтобъ ихъ скорѣе отпустили, что становой не упустилъ этого изъ виду и постарался имъ воспользоваться... Онъ отправился со всею гурьбою въ сопровожденіи сотника и бурмистра къ избѣ Емельяна.

Онъ засталъ его, какъ выше сказано, вдвоемъ съ отцомъ. Когда они вошли, старикъ хотѣлъ было уйти, но становой остановилъ его.

Прежде всего приступлено было къ осмотру раны на горлѣ. Рана оказалась поверхностною, хоть и произвела большую потерю крови. Вліянія на здоровье, а тѣмъ болѣе на жизнь, рана эта имѣть не могла, и если больной былъ слабъ; то видимо отъ

какойнибудь другой причины. Знаки на тѣлѣ хотя были, но по этимъ знакамъ ни до чего добраться было нельзя...

Послѣ того, какъ рана была осмотрѣна медикомъ и понятыми, и описана, начался допросъ.

— Отчего у тебя на горлѣ рана?

— Я легъ спать съ женой въ сараѣ. Проснувшись, я почувствовалъ, что у меня какъ будто кольнуло въ горлѣ, я вскочилъ и увидѣлъ, что жена держитъ въ рукахъ ножъ, и что рубашка у меня въ крови. Когда я проснулся, она попыталась меня докончить, но видя, что я уже вскочилъ на ноги, она бросилась отъ меня въ уголъ. Мѣсяцъ свѣтилъ ярко, и я очень хорошо видѣлъ, что у ней въ рукахъ ножъ. Боясь истечь кровью, я побѣжалъ домой, чтобъ мнѣ перевязали горло; матушка это сдѣлала, и я съ тѣхъ поръ не выходилъ изъ избы...

— Куда жь дѣвалась твоя жена?

— Не знаю. Я оставилъ ее въ сараѣ; послѣ мнѣ сказывали, что на берегу рѣки нашли ея сарафанъ и коты, — должно быть она утопилась...

— Въ чемъ ты былъ обутъ, когда пришелъ домой?

— Я былъ босой.

— А въ чемъ ты обыкновенно ходишь?

— Въ сапогахъ.

— Гдѣ жь твои сапоги?..

— Такъ и оставилъ, гдѣ легъ было почевать съ женою. Въ сѣнномъ сараѣ...

Становой послалъ въ сараѣ; сапоги дѣйствительно нашли тамъ, нѣсколько засыпанные сѣномъ...

— Въ эту ночь ты никуда не ходилъ кромѣ сараѣ?..

— Никуда. Часа за два до полуночи я пошелъ въ сараѣ спать, а прибѣжалъ оттуда такъ, оноло пѣтуховъ. Только-что начинало свѣтать...

— Видѣлъ ли кто тебя, какъ ты шелъ изъ сараѣ?

— Не знаю; только я никого не видалъ. Я долго стучался, прежде нежели отворили мнѣ ворота...

Становой велѣлъ позвать отца, мать и сестру; они всѣ подтвердили слово въ слово справедливость того, что сказалъ Емельянъ относительно своего прихода.

Тогда становой распорядился провести обыскъ въ домѣ и

снять шкуру съ его ноги. Для этого велѣно было наказать ему сажей ступени и стать на листъ бумаги; потомъ этотъ слѣдъ обвели углемъ. При сравненіи этого рисунка съ тѣми слѣдами босыхъ ногъ, которыя были на гуннахъ, оказалось, что оба они совершенно сходны; это удостовѣрили монатые, и за ихъ подписью внесено было въ свидѣтельство.

Когда такимъ образомъ тождественность слѣдовъ была рѣшительно опредѣлена, становой началъ:

— Слѣды, которые остались на гуннахъ, не даютъ даже повода сомнѣваться, что не ты ходилъ тамъ, что не ты боролся съ нищимъ и что не ты убилъ его. Говори правду, это тебѣ больше можетъ помочь, нежели всякое заперательство.

При такомъ прямомъ обвиненіи, силы Емельяна какъ будто возвратились мгновенно: рѣчь его окрѣпла, судорожныя подергиванія исчезли, хрипота прошла... Онъ сѣлъ на постелѣ и громко и ясно сказалъ:

— Я ничего не знаю. Никогда я старика не убивалъ, никого въ эту ночь не видалъ, и откуда этотъ старикъ взялся и кто онъ такой, мнѣ рѣшительно неизвѣстно. Да и за что мнѣ его убивать, сами разсудите? Чѣмъ мнѣ было покорытоваться отъ него, ежели онъ нищій? Слава Богу, достатокъ у насъ есть; не изъ нѣсколькихъ же копѣекъ въ самомъ дѣлѣ мнѣ убить его?

— Какъ ты жилъ съ женою?

— Жилъ я съ нею плохо. Она была шибко нравна. Бывало ни чѣмъ на свѣтѣ не угодишь на нее...

— За что она хотѣла тебя зарѣзать? какъ ты думаешь?

— Навѣрное не знаю. Думаю, что она связалась съ кѣмъ-нибудь, когда я уѣзжалъ изъ деревни; что кто-нибудь ея къ этому научилъ.

— Развѣ ты замѣчалъ за ней что-нибудь?

— Замѣчатъ, положимъ, не замѣчалъ; думаю такъ потому, что она отъ меня все уходила. Ежелибъ у ней не было кого-нибудь, зачѣмъ же бы ей уходить отъ мужа?

— Куда жъ она уходила?

— Къ матери. Эта старуха всему дѣлу причиной; ежели бы не она, жена можетъ быть жила бы мирно; она смущала ее и научала противъ меня...

— Замѣчалъ ли ты прежде, что жена хочетъ тебя вывести?

— Одинъ разъ я ужиналъ одинъ; батюшка съ матушкой ужили къ празднику въ Бѣлголове; сестра гостила у сосѣдей. Она подала мнѣ кашу, я только-что хватилъ двѣ ложки, меня стало тошнить, а немножко погодя, вырвало чѣмъ-то зеленымъ. Когда я прижалъ ее хорошенько, она мнѣ покалась, что хотѣла меня отравить и подмигивала въ нашу сулему...

— Знаетъ ли кто объ этомъ?

— Никто; я никому объ этомъ не сказывалъ.

— Даже и роднымъ не сказывалъ?

— Даже и имъ...

— Отчего-жь?

— Мнѣ было жаль подводить ее подъ кнутъ.

— Значить, ты любилъ ее?

— Любилъ, ваше благородіе. Когда она не сердилась, она была такъ себѣ, ничего баба.

— По доброй ли волѣ ты женился на ней?

— Батюшка велѣлъ.

Окончивши допросъ и приставивши строгій караулъ, чтобъ ничего къ нему не допущали, становой велѣлъ привести въ контору все семейство Емельяново и разсадить ихъ порознь.

Прежде всего былъ сдѣланъ допросъ старику.

— Ты велѣлъ сыну своему жениться на его пропавшей безъ вѣсти женѣ?..

— Я, ваше благородіе! отвѣчалъ старикъ коротко и отрывисто.

— Для чего? развѣ онъ самъ не могъ выбрать себѣ невѣсты?

— У васъ такой обычай. Я запиелъ съ сватомъ, и переимѣнить этого было ужъ нѣльзя.

— Значить, твой сынъ не хотѣлъ на ней жениться?

— Развѣ я его объ этомъ спрашивалъ?

— Да ежели ты видѣлъ, что это противъ его желанія?

— Какое же мнѣ дѣло до этого? Развѣ можно смогрѣть на то, чего дѣти хотятъ, или чего не хотятъ. На это я отецъ.

— А невѣста, по доброй ли волѣ она шла?

— Я этого не знаю.

— Каково они жили между собою?

— Ничего, жиди...

— Часто ссорились?

— Горшокъ съ горшкомъ только не стучается, человекъ съ человекомъ не можетъ когданибудь да не столкнуться.

— Значитъ, ссорились часто?

— Бывало-таки.

— А за что они ссорились?

— Почему же мнѣ знать. Между мужемъ и женой судья одинъ Богъ. Ему одному это извѣстно.

— Какого права была твоя невѣстка? и каково себя вела?

— Праву, положимъ, она была тихаго: слезлива только очень; слова не могли ей сказать, такъ и захнычетъ.

— Правда ли, что у ней былъ любовникъ?

— Не знаю. Развѣ эти дѣла будутъ рассказывать, что ли; извѣстно, въ этихъ дѣлахъ таятся...

— А ты ничего не слыхалъ?

Старикъ задумался. Не зная, что говорить на допросѣ сынъ, онъ явно затруднялся отвѣтомъ, чтобъ не сказать чегонибудь лишняго, или сказать не то, что показывалъ сынъ. Не желая однако, чтобъ слѣдователь замѣтилъ эту минутную нерѣшительность, онъ отвѣчалъ скоро:

— Ничего не слыхалъ.

— Отчего жъ жена отъ сына твоего уходила къ матери?

Старикъ снова замаялся: онъ не ожидалъ чтобъ становой зналъ эти подробности.

Становой повторилъ вопросъ свой болѣе настоятельнымъ образомъ. Видя, что отъ него не отвертишься, старикъ махнулъ рукой и сказалъ тихо:

— Емельянъ больно крутъ съ ней былъ...

— Правда ли, что она хотѣла его отравить?

Старикъ быстро поднялъ голову, впился глазами въ слѣдователя и отвѣчалъ неохотно и нерѣшительно:

— Отравить! Я объ этомъ ничего не слыхалъ. Когда жъ это было?

— Когда вы ѣздили на праздникъ въ Бѣлголово.

— Не знаю, я не слыхалъ объ этомъ... отвѣчалъ онъ разсѣянно, задумчиво перебирая пальцы рукъ.

Кончивши этотъ допросъ, становой велѣлъ позвать старуху мать. Отъ этой нельзя было ничего добиться. Она только хны-

кыла, плакала и голосила. Отвѣты ея были до такой степени несвязны и сбивчивы, что даже и понять ихъ было нельзя. Общее впечатлѣніе этихъ отвѣтовъ было то, что пропавшая жена Емельяна была права тихого и проткаго, очень слезлива, и что мужъ обходился съ ней сурово и строго. О томъ, что жена хотѣла отравить Емельяна, старуха тоже ничего не слыхала.

Тогда позвали сестру Емельяна. Она вошла увѣренно и нагло, подошла къ самому столу, за которымъ сидѣлъ становой, и прежде нежели онъ спросилъ ее объ чемъ нибудь, сказала:

— Я ничего знать не знаю и вѣдать не вѣдаю. Я дома жила мало; больше гостила то тамъ, то сямъ. Отпустите меня, ваше благородіе. Право-слово, я ничего не знаю.

Становой былъ малый опытный; онъ понялъ, что такое вступленіе должно заключать въ себѣ что нибудь таинственное, и что можетъ быть тутъ-то и хранится ключъ къ этой ужасной драмѣ.

— Отпустить тебя я не могу, отвѣчалъ онъ.— Ты жила въ семействѣ и слѣдственно должна знать всѣ подробности ихъ жизни... Правда ли, что твой братъ дурно обходился съ женою? что она отъ него бѣгала, что она хотѣла его отравить?

Дѣвушка вздрогнула; щеки ея вспыхнули багровымъ румянцемъ, глаза загорѣлись какимъ-то дикимъ огнемъ... Наглый жестъ ея приобрѣлъ еще болѣе рѣшительности, даже дерзости... она выступила впередъ еще на одинъ шагъ и сказала громко:

— Братъ мой жилъ съ женою хорошо; это все вздоръ и напраслина. Покойница вела себя дурно; еще не такъ бы съ ней обходиться было надо.

— Чѣмъ покойница вела себя дурно? спросилъ слѣдователь скоро.

Дѣвушка замолчала, но это было на минуту.

— Она не слушалась мужа, начала она увѣренно; — прихотничала, хныкала безпрестанно... ничѣмъ ея угодить было нельзя.

— И только?

— Нѣтъ!... да!... развѣ этого мало? Любовницы у ней были.

— А! это другое дѣло. Кто жь были у ней любовницы?

— Развѣ я знаю кто? она мнѣ это не стала бы рассказывать.

— Если ты говоришь, что у ней были любовники, такъ конечно должна я знать, кто они такіе?..

— Вѣдь это говорила...

— Кто жь всё?..

— Вся деревня...

— Назови хоть одного?..

Дѣвушка подумала съ минуту, и сказала:

— Вотъ хоть Акулину спросите, и она тоже скажетъ.

— А кто така эта Акулина?

— Это наша дѣвушка. Она у насъ часто бывала въ домѣ; она знаетъ все...

Становой велѣлъ позвать Акулину. Это была та дѣвушка, которая виѣстѣ съ сестрой Емельяна подходила къ его постелѣ.

Черные глаза ея, покрытые длинными рѣсницами, брови дугою, маленькій ротикъ, высокій и прямой ростъ, открытый лобъ и нѣсколько красноватый румянецъ на черномъ пушку брететки, не смотря на то, что она была уже не первой молодости, дѣлали Акулину красивой дѣвушкой... Это не укрылось отъ становаго. Послѣ обычныхъ вопросовъ, онъ спросилъ ее вдругъ:

— Отчего ты такъ близко была знакома съ семействомъ Емельяна?

— Да такъ... знакома была, вотъ и все тутъ.

— Часто ты къ нимъ ходила?

— Ходила таки.

— Во всякое время ходила?

— Да... во всякое... Какъ случится...

— Знала ты жену Емельяна?

— Какъ же не знать, когда ходила.

— Что, она была кроткая женщина, хорошая?

— А кто жь ее знаетъ, хорошая ли она была. Родныхъ спросите, имъ лучше знать.

— Родныхъ-то я уже спрашивалъ: я отъ тебя хочу слышать.

— Да что отъ меня-то, развѣ я родная, что ли?

— Сама же ты сказала, что ты бывала у нихъ часто и во всякое время. Можеть быть, ты была дружна съ покойницей?..

— О нѣтъ, нѣтъ! закричала дѣвушка, даже какъ будто съ нѣкоторымъ ужасомъ...

— А я такъ слышалъ, что да! сказала становой: — что вы даже виѣстѣ съ ней и къ любовникамъ ходили...

— Я! къ любовникамъ?... да кто жь вамъ это сказалъ? Вѣрно Машка!... Такъ вѣдерь же... у покойницы не было любовниковъ... Зачѣмъ же грѣшить на мертвую... Машка-сама

ихъ мутала... Кто ее знаетъ, что у нея было на умѣ... она и меня мутала, прескитая...

Столько увлеченія, страстности, гнѣва было въ этикъ глазахъ, въ звукахъ голоса, что нельзя было даже и сомнѣваться, чтобъ тутъ не скрывалось чего-то тайнаго. Становой рѣшился воспользоваться этикъ и, чтобъ больше еще возбудить гнѣвъ противъ сестры Емельяна, прибавилъ:

— Я знаю, что она тебя мутала. Она сама мнѣ все рассказывала. Она тебя ненавидитъ, и утверждаетъ, что ты должна знать въ точности, что сдѣлалось съ Емельяновой женой...

Дѣвушка затряслась; хотѣла что-то сказать, остановилась въ раздумьѣ, потомъ опять начала было что-то и опять остановилась. Раздумье ея и тревога были слишкомъ замѣтны...

— Я ничего не знаю! сказала она, наконецъ, спустя нѣсколько мгновений, очень тихо.

— Послушай, Акулина! началъ становой: — И Марья и все семейство Емельяна тебя терпѣть не могутъ: Они всё говорятъ, что ты знаешь, куда дѣвалась пропавшая, что смели ты захочешь, то всёхъ можешь развязать. Изъ твоихъ словъ я вижу, что жена Емельяна была недурная женщина, и что Емельянтъ былъ человекъ жестокой — это доказывается убійствомъ нищаго... Кто рѣшился убить старика и изуродовать его такъ, какъ онъ его изуродовалъ, тотъ способенъ рѣшиться на все... Покрывать убійцу грѣхъ... Не бери грѣха на душу...

Дѣвушка заплакала и сказала вполголоса:

— Я ничего объ этомъ не знала.

— Объ чемъ объ этомъ?..

— Да вотъ, что вы говорите-то...

— То есть о томъ, что Емельянтъ былъ человекъ грубой и жестокой...

— Да вѣдь онъ не со всѣми такой-то. Онъ ласковый.

— Можетъ, съ тобою онъ только ласковъ...

Дѣвушка замаялась; щеки ея вспыхнули еще ярче; но вдругъ она оправилась и сказала:

— Не спрашивайте меня больше, ваше благородіе. Я ничего не знаю и ничего не стану говорить. Что вы на меня напали? У Емельяна у самого языкъ есть, — его спрашивайте.

И смаяла.

Сколько становой послѣ этого ни дѣлала ей вопросовъ, дѣвушка упорно молчала. Ни угрозы, ни ласки, ни обещанія, ни что не могло заставить ее говорить. Видя, что въ настоящую минуту ничего не узнаешь, становой велѣлъ посадить ее особо отъ другихъ. Онъ понималъ, что со временемъ дѣвушка эта можетъ ему пригодиться для раскрытія истины. Узнавъ изъ допросовъ, что у пропавшей была мать, онъ велѣлъ позвать ее къ себѣ.

Вешла слабая, сгорбленная старуха подвязанная синими набойчатыми платкомъ; въ синемъ китайчатомъ сарафанѣ съ двумя мѣдными пуговицами напереди. Она была такъ слаба, что не могла стоять на ногахъ и становой былъ принужденъ посадить ее.

— Не знаешь ли, старуха, куда дѣвалась твоя дочь?

— Охъ! не знаю, батюшка! Злодѣи-то видно, куда нибуль ее дѣли, голубушку мою...

Старуха горько, горько заплакала...

— Каково она съ мужемъ-то жила?

— Какая жизньъ, родимый! Мученица она была съ самаго перваго дня. Емельякъ, батюшка, звѣрь... ужъ какъ онъ ее тиранилъ, такъ и сказать страшно. Чего она не пертерпѣлась отъ него, голубушка моя... бывало, какъ начнетъ рассказывать, такъ ища волосы дыбомъ становятся...

— Такъ она смирная была?

— Водой, батюшка, не замутить, такая смирная. Только, бывало, слезами обливается; бывало, придетъ ко мнѣ, да какъ бросится мнѣ на шею, да зарыдаетъ: «мамка! мамка! за что ты меня погубила — отдала этому звѣрю...»

— Такъ онъ очень дурно съ ней обходился?

— И-и! какъ дурно. Дня не было, чтобъ не бивалъ ее, горюкую. Изъ синяковъ, бывало, не выходила. Да мало этого — и убить-то онъ ее собирался не одинъ разъ... Богъ одинъ хранилъ.

— Убить? Какъ же убить? за что?

— Какъ за что, родимый: видно, надоѣла она ему; видно, на полюбовницѣ своей хотѣлъ жениться... навести ее хотѣлъ.

— Полюбовницѣ?... а кто жъ его полюбовница?

— Развѣ ты не знаешь, родимый? Вся деревня это говорила. Да Акулина невиновата... она смирная, Богъ съ ней; видно, попуталъ ее нечистый, что полюбила она этого звѣря; видно, что

самъ не рада; да что жь дѣлать? Видно, такъ ужь Богу угодно было, чтобъ погубила она съ нимъ свою душу...

— Такъ Акулина и должна знать все...

— Брядъ-ли, коршалецъ; любить-то онъ ее любилъ, положишь, да и то подъ пьяную руку колачивалъ... Совѣтница-то у него была сестра... вотъ это-то змѣя подколодная... Все семейство у нихъ хуже дьяволовъ, прости Господи; а ужь эта Машка... сохрани Богъ и злодѣю связаться съ ней...

— Скажи мнѣ, старуха, дочь твоя уходила къ тебѣ отъ мужа?

— Уходила, родимый, не одинъ разъ уходила; житья ужь ей, горешникъ, не было. Первой разъ прибѣжала; говорить: «мамка! а мамка! спрячь меня... спрячь поскорѣе... Емельянъ меня убить хочетъ. Привязалъ къ столбу на дворѣ, да за-вертками ужь онъ билъ, билъ... насилу вырвалась, да ушла къ тебѣ... Спрячь, мамка; голубушка, спрячь!..» Я и спрятала, коршалецъ... держала съ мѣсяцъ: гдѣ въ подпольѣ, гдѣ въ сараѣ, — только ночью, бѣдняжка, и выходила на свѣтъ Божій... а черезъ мѣсяцъ идетъ старшина, спрашиваетъ: «у тебя дочь, старуха; Емельянова жена?» — У меня, говорю, Антонъ Михвичъ! — «Зачѣмъ же ты ее держишь? говорить: вѣдь она мужнина жена; что Богъ соединилъ, говорить, того, говорить, люди разлучить не могутъ; отдай, говорить, дочь...» Вывела я ее, мою голубушку, изъ подполья... краше въ гробъ кладутъ, нежели какъ она вышла. Отдала ее злодѣямъ. Только, слава Богу, не надолго.

— Какъ не надолго?

— Да всего, родимый, какихъ ни есть недѣлки три она съ нимъ прожила; прибѣжала вечеркомъ опять, оборванная вся, въ одной рубашонкѣ, лицо все въ крови. Что ты это, дитятко? говорю. «Ахъ, мамка, мамка! мужъ-то меня отравить хочетъ; напѣшалъ какого-то снадобья, да и говорить: пей! Я было его спросила: что это такое, Емельянъ Андренчъ? а онъ какъ закричать, — пьяный, знаешь, съ базара-то прѣбжалъ: «пей; говорить, говорю, пока жизнь твою не рѣшилъ!» Я было просить его: что ты это дѣлаешь, Емельянъ Андренчъ! А онъ какъ схватилъ за косу, да какъ принялся таскать, такъ я Божьяго свѣта не взвидѣла... Не пронялся этимъ, схватилъ меня за голову, сталъ гвоздемъ мнѣ ротъ разжимать, да хотѣлъ влить изъ стакана въ горло... такъ ужь больно я закричала, видно, услышали

сосѣди, прибѣжали, уговаривать начали: «что это ты, дескать, Емельянъ, дѣлаешь? Бога ты не боишься!..» Куда-те! и за нимъ съ топоромъ погнался... а она, голубушка моя, этимъ времечкомъ улучила, да и прибѣжала ко мнѣ. Спрятала я ее опять, голубушку мою; согрѣла, помазала снадобницею; прожила она у меня никакъ съ крещенья до вешняго Никола... отдохнула маленечко, поправилась. Только опять взяли ее по начальству въ мужинъ домъ... Да! забыла сказать, мой родимый... вотъ живетъ она у меня, пришла Святая. Собрались дѣвки у Харлампіевны дожидаться свѣтлой заутрени, пришли за ней... любили ее, батюшка, всѣ... за смиренность любили, мухи въ жизнь не обидѣла. Пошла она къ нимъ... ну, знаешь, дѣло дѣвичье, молодое... хи-хи, да хи-хи... смѣются, батюшка; моя-то и вышла на крылечко — послушать, не благовѣстятъ ли къ заутрени... послушала, послушала, да и хотѣла воротиться въ избу; глядь — подъ крылечкомъ-то сидитъ человекъ. Она вскрикнула, да позвала-было подругъ, а человекъ-отъ и говоритъ: «не кричи, Аксинья, не смѣй!» а самъ въ-подъ крылечка-то и выльзъ. Глядь она: Емельянъ, ея мужъ, съ топоромъ въ рукахъ... Она, бѣдная, такъ и обмерла. «Много, спрашиваетъ, вась здѣсь собралось?» — Много, говоритъ. — «Пойдемъ, говоритъ, со мной... я тебѣ къ празднику обнову купилъ...» Какая ужь-те обновы... ни жива, ни мертва стада. Поскорѣй отъ него въ избу, да и кричитъ подругамъ: «дѣвушки! дѣвушка! мужъ меня убить хочетъ! съ топоромъ пришелъ». Дѣвушки и высыпали на крылечко... Видитъ онъ, что народу много, ушелъ; а недѣли черезъ двѣ опять ее у меня взяли; самъ бурмистръ приходилъ, — велѣлъ ей идти къ мужу.

— И долго она у него въ этотъ разъ прожила?

— Да вотъ до этого разу, ваше благородіе. Такъ я ее съ тѣхъ поръ, голубушку мою, и не видала...

Рыданія и слезы не дали старухѣ договорить.

— Какъ же не видала? развѣ она къ тебѣ не ходила?

— Нѣтъ, родимый; ее не пускали ко мнѣ... Коли узнаютъ, что была, — изобьютъ, истеранять всячески; я ужь и сама ее просила, чтобъ она не ходила ко мнѣ; за что ей, бѣдной, мучиться за меня, за старуху...

— Правда ли, что у ней были любовники?

— Эхъ, батюшка! клевета это, родимый. Какъ голубка бѣ-

лая, чиста она была. Помышленія даже не было, не то что дѣла. Кого хочешь спроси, всякій тебѣ скажетъ, что это напраслина. Честная баба была, рожениый, какъ есть честная; ежели Богу душеньку отдала, такъ ангелы на небо возьмутъ ее, горькую. Кромѣ горя да слезъ, ничего она въ жизни не видала.

— Смотрѣла ты, старуха, дочернее платье и башмаки на берегу?

— Нѣтъ, рожениый, не пошла. Сказывали люди, что будто нашли, да я не повѣрила. Не такая была, рожениый, чтобъ утопиться. Скорѣе бы ко мнѣ прибѣжала... коли ужь очень туго приходило...

— Гдѣ же бы она могла быть, ежели жива?

— Гдѣ нибудь въ лѣсу спряталась, али въ сосѣднюю деревню ушла. Кто ихъ знаетъ, что у нихъ тамъ было. Можетъ, онъ зарубить ее хотѣлъ, такъ она и ушла куда глаза глядятъ.

— Не онъ ее зарубить хотѣлъ, а она ему ножомъ горло хотѣла перерѣзать.

— Не можетъ этого быть, кормилецъ; не такой она человекъ, чтобъ на мужа руку подняла; нурицы—и той не обидѣла, спроси кого хочешь...

Тогда становой позвалъ понятыхъ и жителей деревни, сотскаго, бурмиистра, старшину. Всѣ въ одинъ голосъ подтвердили, что жена Емельяна была женщина кроткая, смирная; вела себя примѣрно; а что, наоборотъ, Емельяны и все его семейство люди грубые, дерожіе, способные на все... О томъ, что жена уходила отъ Емельяна и что ее брали отъ матери силой и приводили къ мужу.—подтвердили и старшина и бурмиистръ. О томъ же, что онъ хотѣлъ отравить ее и потомъ въ другой разъ зарубить товоромъ, объ этомъ отозвались незнаиёмъ.

Тогда, взявши съ собою старуху, понятыхъ, бурмиистра, сопровождаемый огромною толпой, пошелъ становой на берегъ рѣки къ платью и котамъ врезавшей.

На самомъ берегу, въ густой травѣ, въ которой виденъ былъ одинъ слѣдъ, лежало платье, ковы, повязка съ головы, даже рубашка. Чтобъ утопиться, страдалица раздѣлась до-нага. Это показалось весьма странно. Кто хочетъ утопиться, тотъ раздѣваться не будетъ; предавшись исполнѣ своему горю, до того ли человекъ, рѣшающемуся умереть?

Старуха признала тотчасъ платье дочери, и признавши, начала выть голосомъ и причитать на разные манеры, какъ водитъ

ся въ деревняхъ. Вой этотъ имѣетъ въ себѣ что-то раздражающее, и становой, оставя старуху предаваться своей горести, пошелъ съ толпою къ деревнѣ, намѣреваясь еще попробовать счастья въ распросахъ у Акулины...

Когда они проходили мимо одного овина, стоящаго поодаль отъ другихъ, — одинъ изъ понятыхъ остановился и, не говоря ни слова, указалъ пальцемъ на заступъ, стоявшій прислоненнымъ къ углу этого овина. Этотъ нѣмой жестъ заставилъ остановиться всѣхъ... Какъ ни ничтожно было это обстоятельство, но при томъ настроеніи, въ какомъ всѣ находились, присутствіе заступа въ такомъ мѣстѣ не могло не показаться страннымъ, особливо когда замѣтили, что къ этому заступу прилипла свѣжая земля, а на ней кусочки свѣжей травы. Эта свѣжая земля, а еще болѣе трава, не успѣвшая даже хорошо залянуть, прямо указывали на то, что заступъ былъ въ употребленіи недавно. Жители деревни были удивлены этимъ болѣе другихъ, ибо знали, что тутъ рыть было нечего; да ежели бъ и было что, то сосѣди не могли бы не знать, что тутъ было рыто. Понятые, крестьяне, женщины, дѣти, всѣ остановились надъ заступомъ, какъ бы ожидая отъ него поясненія загадки, и простояли бы, можетъ быть, долго, ежелибъ одинъ изъ мальчишекъ, побѣждавшій догонять другаго, не закричалъ, что въ одномъ мѣстѣ земля была недавно зарыта. Вся толпа всколыхалась и бросилась туда.

Въ самомъ дѣлѣ, земля взрыта была недавно, и хоть взрытый и старался послѣ прикрыть это мѣсто травой и соломой, но видно это дѣлалось вторыхъ, такъ что слѣды взрытія были слишкомъ замѣтны. Любопытства всѣхъ было возбуждено до нельзя. Надо было увѣриться, что это такое. Становой потребовалъ рабочихъ, и работа началась.

Не долго пришлось имъ работать. Почти при первыхъ ударахъ заступа открылась человѣческая рука, а за нею другая, ноги, и наконецъ весь трупъ человѣческой изрубленный на части и всунутый въ небольшую кадку. Голова была тутъ же, и въ ней жители деревни съ ужасомъ узнали жену Емельяна.

Но тамъ пробѣжала глухая репотъ. Преступленіе было слишкомъ явно для того, чтобъ въ немъ можно было еще сомнѣваться. Не говоря другъ другу ни слова, не сообщая другъ другу своихъ подозрѣній, всѣ машинально направилась къ избѣ Емельяна. Всѣ были увѣрены, что тамъ надо искать убійцу.

Эта толпа, этот говоръ, не сдерживаемый даже присутствиемъ станового, — дошли до слуха убійцы, прежде нежели онъ увидалъ кого нибудь. Совѣсть преступника, а съ нею и слухъ его — чутки; онъ узналъ, какъ бы инстинктомъ, что дѣлается наружи... Онъ бросился было къ окну съ тѣмъ, чтобъ бѣжать, но стоявшіе на караулѣ остановили его, прежде нежели онъ успѣлъ выбить раму, и когда становой, а за нимъ всѣ, кто могъ помѣститься, вошли въ избу, — онъ стоялъ съ изрѣзанными стеклами руками; блѣдный какъ смерть, съ липостию во взглядѣ, еще залитый кровью своей жертвы...

Начался допросъ, страшный въ своихъ подробностяхъ. Не смотря на явную улыбку, на вопли толпы; раздававшіеся спаружу, Емельянъ стоялъ на своемъ, что онъ невиненъ... Когда обвиненіе высказано было ему прямо, онъ какъ будто въ самомъ обвиненіи нашелъ новую силу. Шоконно разсказавъ онъ тѣ же самыя подробности, какія разсказывалъ прежде о нападѣніи жены его зарѣзать; о томъ, что оставилъ ее въ сараѣ и что послѣ не выходилъ изъ избы; ни малѣйшаго волненія, ни малѣйшаго замѣчательства или испуга въ немъ не было замѣтно. Хотъ и привыкшій къ подобнаго рода сценамъ и запирательствамъ, хотъ и привыкшій икъ не вѣрить, становой при такомъ хладнокровіи не могъ не усумниться: справедливо ли его обвиняютъ, и нѣтъ ли другой какой разгадки къ этой драмѣ, кончившейся двумя трунами...

Остатки бѣдой жертвы были собраны и привезены въ одну холодную пѣбу, — но прежде нежели ихъ похоронили, становой захотѣлъ испытать, не произведутъ ли они какое нибудь впечатлѣніе на убійцу. Его привели туда, поставили съ ними рядомъ, — но опытъ не удался: Емельянъ оставался также покойнымъ и равнодушнымъ, какъ и прежде, и только твердилъ о своей невинности.

Тогда велѣно было привести его сестру. Марья вошла также нагло, какъ и всегда; посмотрѣла на изрѣзанное въ куски тѣло, точно такъ же, какъ смотрятъ на куски говядины, и даже улыбка презрѣнія или торжества показлась на мгновеніе на губахъ ея. Позвали священника: почтенный, оѣдовласый старикъ именовъ Бога живаго заклиналъ и Емельяна и сестру очистиить свою душу покаяніемъ; они остались глухи къ увѣщаніямъ его...

Но то, чего не могли не замѣтить всѣ предстоящіе, — это

были взгляды, которые при очной ставкѣ сестра бросила на Емельяна. Въ смыслѣ этихъ взглядовъ ошибиться было нельзя: они явно говорили: стой твердо; говори одно, и ничего не бойся.

И дѣйствительно, послѣ этой очной ставки Емельянъ сталъ еще упорнѣе, еще жосче; онъ не только отрицалъ, но уже начиналъ обвинять; снова началъ говорить о любовникахъ жены своей, сваливалъ на нихъ преступленіе, и когда становой потребовалъ, чтобъ онъ наконецъ назвалъ того, кого онъ подозреваетъ, — онъ, не затрудняясь, назвалъ одного молодого парня деревни...

Допросы отца и матери ни къ чему не повели. Первый мрачно и угрюмо посматрѣлъ на останки невѣстки, и только сталъ еще угрюмѣе; старуха зарыдала такъ, что ее надо было вывести безъ допроса.

Оставалось допросить еще Акулину. На этотъ допросъ становой, невѣдомо почему, возлагалъ особыя надежды.

Когда ее привели и оставили подлѣ трупа, она отшатнулась отъ него, какъ-будто ошалевшая огнемъ; долго стояла, закрывъ глаза руками; обильныя слезы текли по ея щекамъ; грудь вздымалась высоко, высоко; судорожныя вздрагиванія отдѣлались такъ сильны, что ее надо было вывести. Въ эту минуту она не могла говорить: видно было, что все существо ея было разбито, изломано; что случившееся обламывало послѣднія надежды на жизнь и ея радости, что она какъ бы присутствуетъ на собственныхъ похоронахъ, съ которыхъ воротиться въ жизнь больше невозможно.... Это была не скорбь, а отчаяніе скорби, — но назвать ее преступницей ни у кого не достало бы духу....

Становой понялъ, что онъ обманулся; онъ понялъ, что она не можетъ быть закоренѣлой преступницей, и что если она была причиной, то ужь отнюдь не орудіемъ преступленія.... Въ другомъ мѣстѣ, въ другихъ людяхъ, надо искать этого орудія, и онъ принялся за это дѣло съ прежнимъ жаромъ, заинтересованный открытіемъ преступника не столько вслѣдствіе служебной обязанности своей, сколько человѣческаго побужденія....

Онъ началъ новые допросы, новымъ очныя ставки, новымъ свидѣтельства: ничто не дало ему ключа къ этой загадкѣ... Сколько ни употреблялъ онъ изворотовъ, стараній, заботъ, усилій — ничто не помогало. Всѣ вообще и каждый въ особенности повторяли то же, что уже извѣстно... и хотя преступленіе

было явво — ничто не давало повода юридически обвинить Емельяна...

Ужь становой хотѣлъ закончить слѣдствіе и отказался отъ надежды довести преступниковъ до сознанія, когда вдругъ пришла ему въ голову одна мысль, довольно оригинальная въ нынѣшнее время, но которую онъ захотѣлъ испытать, для того, чтобъ послѣ совѣсть не могла упрекнуть его, что онъ не сдѣлалъ всего, что только могъ, для раскрытія истины....

Останки бѣдной женщины все еще не были похоронены и начинали уже издавать трупный запахъ : становой пошелъ въ ту холодную избу, гдѣ они лежали, велѣлъ попросить туда священника и привести Емельяна....

Это было поздно вечеромъ ; огни въ селеніи уже потухли ; все покоилось сномъ ; изрѣдка только раздавались сторожевые звуки колокола, какъ-то уныло и торжественно разносившіеся въ темнотѣ ночи. Ночь была мрачная, удушливая ; небо заволочлось черными, тяжелыми тучами ; вдали вспыхивали молніи и издалека слышались перекаты грома... Въ это-то время привели скованнаго Емельяна въ избу, гдѣ уже находились и становой, и священникъ.

Сальная свѣча разливала дрожащій, невѣрный свѣтъ, рисуя чудовищныя тѣни, и при этомъ свѣтъ члены трупы то выставляясь, то прячась въ темноту — казались чѣмъ-то ужаснымъ... Сложенные по мѣрѣ возможности вѣстѣ, они въ темномъ углу комнаты казались какимъ-то ужасающимъ призракомъ... жильцомъ не здѣшняго міра... такъ что самъ становой, хоть кажется уже привыкшій къ подобнымъ сценамъ, не могъ защищаться отъ нѣкотораго чувства страха и робости.

Когда Емельяна привели и звонъ цѣпей смолкъ, становой попросилъ священника сдѣлать ему послѣднее увѣщаніе... Послѣднее, повторилъ онъ, потому, что Богъ знаетъ, доживетъ ли онъ до завтра.

Эта послѣдняя фраза заставила Емельяна бросить одинъ изъ тѣхъ вопрошающихъ взглядовъ, которые изобличаютъ, что прежняго равнодушія и ожесточенія уже нѣтъ... Онъ съ ужасомъ поглядывалъ въ тотъ уголокъ, гдѣ лежали останки его жены... и отворачивался, и затворялъ глаза, когда свѣча вдругъ обливала своимъ тусклымъ свѣтомъ эти обезображенные члены, эти тусклые, открытые глаза, это облитое запекшеюся кровью тѣло его жертвы...

Старикъ священникъ началъ говорить тихо и мѣрно; онъ представилъ преступнику картину будущей жизни; о томъ, что ожидаетъ его за гробомъ, ежели онъ унесетъ туда тягость содѣяннаго преступленія; онъ говорилъ ему о милосердіи Творца, о раскаяніи, о томъ, что оно смываетъ тягость грѣха и вѣрующему, хоть и преступнику, открываетъ двери спасенія и небеснаго царства; онъ именемъ Того, кто умеръ за насъ на крестѣ, именемъ Его добровольныхъ страданій, заклиналъ его открыть истину, освободить свою душу отъ грѣха, очистить ее покаяніемъ и молитвою, и въ земномъ наказаніи найти возможность вѣчнаго, невозмущаемаго спасенія.

Емельянь слѣшалъ его молча и внимательно — и тяжелые вздохи начали вырываться изъ его груди... Видно, растопилась ледяная кора его сердца; видно, слова истины проникли въ это сердце.

Когда священникъ кончилъ и наступило нѣсколько минутъ тяжелаго, торжественнаго молчанія, преступникъ вздрогнулъ, съ ужасомъ оглядѣлся около себя, и легкій звонъ цѣпей изобличилъ судорожное движеніе его мускуловъ...

Тогда становой всталъ и, дѣлая знакъ священнику, сказалъ:

— Пойдемте, батюшка; пусть онъ останется одинъ на ночь съ тою, которую онъ убилъ такъ измѣнительно... Пусть она расскажетъ ему ночью, что ждетъ его за гробомъ... Пусть онъ узнаетъ, каково быть убійцею, нераскаяннымъ грѣшникомъ.

При этихъ словахъ, полный неизъяснимаго страха Емельянь бросился къ дверямъ какъ-бы съ намѣреніемъ загородить имъ дорогу, и съ раздирающимъ воплемъ закричалъ:

— Такъ вы хотите меня оставить одного съ нею?...

— Да, одного, отвѣчалъ становой тихо, какъ-бы стараясь выйти; — ежели ты не хотѣлъ открыть людямъ преступленія своего, пусть она сама потребуетъ у тебя отчета за твое преступленіе!

— Нѣтъ! нѣтъ! закричалъ Емельянь, порываясь выйти и лохая все передъ собою:—я съ ней одинъ не останусь. Дѣлайте со мною, что хотите; рубите меня, ссылайте въ Сибирь, въ каторгу, только не оставляйте одного; я скажу все...

— Ты убилъ ее?

— Я...

— А старпка?...

— Я же...

— И ты согласенъ повторить это сознаніе передъ всѣми?

— Согласенъ, только выведите меня отсюда. Я не могу дышать; мнѣ душно; меня давитъ... скорбе, скорбе...

Становой отворилъ дверь, крикнулъ понятыхъ и при всѣхъ объявилъ, что Емельянъ сознался въ двойномъ убійствѣ. Емельянъ подтвердилъ это при всѣхъ...

Тогда отвели его въ контору и формальный допросъ начался.

— Я женился по приказанію отца, такъ началъ онъ: — старикъ нашъ жестокъ, съ нимъ спорить нельзя. Я не любилъ жены своей, давно ужъ передъ этимъ я хотѣлъ жениться на Акулинѣ; но отецъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ. У нихъ съ Акулиными отцомъ была давнишняя вражда: много надо было хлопотъ, чтобъ онъ только позволилъ ей ходить къ намъ въ домъ, подъ видомъ пріятельства съ моею сестрою, но и тутъ, гдѣ только можно, онъ всячески ругалъ и позорилъ ее. Женитьба не прекратила нашей связи; Акулина была дѣвка добрая, и мы часто говорили съ ней, какъ бы хорошо было намъ жить вмѣстѣ. Сестра знала объ этомъ, — она первая стала говорить, что жена моя можетъ умереть, и что ежели не умереть скоро, то можно пособить этому. Акулина испугалась, когда услышала въ первый разъ эти рѣчи; она давала у меня руки, на колѣняхъ просила, чтобъ я не слушалъ сестры; что она лучше сама умретъ, чѣмъ допустить, чтобъ женѣ моею чрезъ нее приключился какойнибудь вредъ. Сначала я было оставилъ эту мысль, только сестра моя не давала мнѣ покоя. Она безпрестанно разжигала меня противъ жены... она мнѣ безпрестанно твердила, что я дуракъ, ежели смотрю на женскія слезы, и что отъ меня зависитъ быть счастливому, любить Акулину явно, не срываясь. При этомъ она безпрестанно говорила, что Акулина тайкомъ отъ меня плачетъ; что всѣ знаютъ, что она меня любить; что ей это стыдно и позорно, и что она только не хочетъ сказать мнѣ этого, но что тотъ день когда насъ обвиняютъ, съ нея спадетъ большая тягость... Я люблю Акулину, мнѣ ее было жалко... кажется, я жизнь свою порѣшилъ-бы, чтобъ только она была весела и довольна. Что думала сестра, чего она хотѣла—я и самъ не знаю. Только когда мы оставались одни—она начинала свою пѣсню,—и я принужденъ былъ уходить отъ нея, чтобъ не слышать безпрестанныхъ упрямыхъ, безпрестанныхъ наущеній на убійство. Только это не помогало. Она какъ тѣнь какаянибудь ходила за мною, и все мнѣ твердила одно и тоже. Раздо-

садованный, я однажды избилъ ее больно: подъ кулаками, она все твердила, что хочетъ моего счастья, и что хоть я убью ее, она все будетъ говорить свое. Это заставило меня задуматься. Жена сдѣлалась мнѣ ненавистна; чѣмъ больше она отъ меня плакала, тѣмъ постылѣе мнѣ становилась; отецъ безпрестанно кололъ мнѣ глаза тѣмъ, что у насъ нѣтъ дѣтей; я радъ былъ, когда жена уходила къ матери, — радъ-бы былъ, ежели бъ она осталась тамъ навсегда, но отецъ требовалъ, чтобъ она воротилась и жаловался на это начальству. Я не шутя задумалъ извести жену, хотѣлъ однажды пьяный влить ей мышьяку въ горло, хотѣлъ однажды зарубить ее топоромъ; но все какъ-то не удавалось; надо было придумать что-нибудь похитрѣе, — сестра придумала и это... Съ ея словъ, я позвалъ жену спать въ сарай, убилъ ее тамъ; чтобъ получше спрятать, изрубилъ ее въ куски, положилъ въ кадку и хотѣлъ нести платье и коты на берегъ рѣки, чтобъ подумали, что она утопилась, когда увидалъ, что старикъ нищій глядитъ на все это изъ овина. Думать было нечего. Оставлять въ живыхъ такого свидѣтеля было-бы глупо. Я серпомъ проткнулъ ему бокъ, обухомъ топора докончилъ, и сташилъ въ оврагъ, а самъ, порѣзавши горло, пошелъ домой и рассказалъ, что жена хотѣла меня зарѣзать... Вотъ все, какъ было; пусть судятъ меня Богъ и люди; больше мнѣ сказать нечего.

Въ искренности этого показанія сомнѣваться было невозможно: обстоятельства происшествія были съ нимъ совершенно сходны. Теперь, когда главный преступникъ былъ найденъ, оставалось уличить соучастниковъ въ преступленіи: сестру Емельяна и Акулину, ежели Емельянъ не выгородилъ ее единственно изъ желанія спасти ее.

Послѣдствія доказали, что Акулина не знала ничего о преступленіи; на всѣ вопросы она отвѣчала горькими слезами, — и когда ее поставили на очную ставку съ Емельяномъ, она съ отчаяніемъ начала упрекать его, что онъ погубилъ невинную, праведную душу и напомнила ему съ тѣмъ воплемъ, который исходитъ изъ сердца, мольбы свои, чтобъ онъ для нея не дѣлалъ ничего, противнаго совѣсти... Потомъ она впала въ безмолвное отчаяніе, ломала руки и, тихо рыдая, повторяла шепотомъ: «Господи, прости ему!... Господи, помилуй насъ!...»

Не такова была Марья, когда она узнала, что братъ сознался въ своемъ преступленіи... глаза ея засверкали болѣе обыкновеннаго; верхняя губа вздулась съ видомъ презрѣнія и злобы не-

удавшагося дѣла... Гордо стояла она передъ становымъ; глаза ея сыпали искры... и высокая грудь вздымалась не заботою о судьбѣ своей, не тревогою о томъ, что ожидаетъ преступника, но отчаянною злобою...

— Онъ лжетъ на себя! твердила она рѣзко и твердо, смотря во всѣ глаза на слѣдователя и понятыхъ:—онъ не убивалъ жены своей, не убивалъ старика. Вы напугали его Сибирью и плетью, чтобъ вынудить у него сознание; онъ не могъ сознаться, потому что этого не было...

Она говорила такъ, потому что думала, что этого признанія не существовало, и что становой выдумалъ его для того, чтобъ заставить сознаться ее самую. Надо было призвать Емельяна и заставить его повторить передъ нею свое сознание со всѣми подробностями...

Тогда бѣшенству ея не было границъ. Она бросилась къ Емельяну и чуть не разорвала его своими руками; дикій, страшный хохотъ ея заставилъ всѣхъ содрогнуться.

— Трусъ! баба! твердила она неистово: — ты погубилъ себя даромъ: къ чему тебѣ было сознаваться? Что бы они тебѣ сдѣлали? Гдѣ доказательства, что убилъ ихъ обоихъ ты, а не ктонибудь другой... развѣ мертвые встанутъ изъ гробовъ, чтобъ рассказывать, кто зарѣзалъ ихъ?—а свидѣтелей этому дѣлу не было никого.

Въ словахъ ея, сыпавшихся безъ счета, безъ порядка, высказывалась жаркая, неистовая страсть, рассказъ которой было страшно слышать. Становой хотѣлъ было остановить ее, но она грубо закричала:

— Молчи! я одна могу говорить здѣсь. Я иду на каторгу, подъ плетн, слышишь, — я не боюсь ничего. Жгите меня, рѣжьте, ежели хотите; рвите щипцами, мнѣ все равно. Я погубила свою душу; тѣла жалѣть нечего... Давайте сюда палача — раскладывайте костеръ... сюда всѣ, сюда... на потѣху... теперь всѣ равны... никто не обдѣленъ... слышите, православные... я, я, научила брата зарѣзать жену...

И съ неистовымъ хохотомъ она металась изъ угла въ уголъ, не зная, не помня, что говорила и что дѣлала.

Она была помѣшана.

Рѣшеніе суда было таково, какимъ его можно было предвидѣть. Емельянъ за двойное убійство былъ приговоренъ къ высшей мѣрѣ наказанія; сестра его, какъ сумасшедшая, была помѣ-

щена въ больницу умалишенныхъ, гдѣ она черезъ нѣсколько дней умерла отъ воспаления мозга, повторя громко и съ дикимъ смѣхомъ: «я, я убила ихъ... я одна! братъ мой невновать...»

Акулина была освобождена отъ суда, кромѣ церковнаго покаянія... а съ нею и всѣ прикосновенные къ дѣлу.

И. СЕЛИВАНОВЪ.

ГАЙДАМАКИ.

ПОЭМА ТАРАСА ШЕВЧЕНКО (*).

Переводъ П. Гайдебурова.

П Ъ С Н И.

(Памяти Тараса Григорьевича Шевченко.)

Помню я тѣ степи дивныя,
Гдѣ въ ночи, вокругъ огней,
Льются пѣсни заунывныя
Милой родины моея.

(*) Желаніе познакомить русскую публику съ однимъ изъ незнакомыхъ ей произведеній Тараса Григорьевича Шевченко было единственною побудительною причиною при печатаніи предлагаемаго перевода. Уважая *только* подобное желаніе, читатели простятъ переводчику нѣкоторыя неправильности стиха, встрѣчающіяся впрочемъ и въ оригиналѣ *очень часто*, что придаетъ ему характеръ простаго, безыскусственнаго разсказа. Излишне прибавлять, что при переводѣ было обращено вниманіе прежде всего на правильную передачу мысли автора и вообще характера оригинала, а не на тщательную отдѣлку русскаго стиха, что почти всегда стояло на первомъ планѣ въ бывшихъ до сихъ поръ переводахъ Шевченко. То и другое едва ли вполне совмѣстимо.

Примѣч. переводчика.

Что за степи необъятныя
 Безъ начала, безъ конца...
 Что за пѣсни благодатныя
 Безъизвѣстнаго творца!...

Ихъ творила жизнь свободная
 И лѣлѣяла, какъ мать ;
 Въ нихъ звучить струна народная,
 Ихъ чужому не понять.

Суждено имъ силой вольною
 При созвучьи дивныхъ словъ
 Оглашать поля привольныя,
 Веселить степей сыновъ ;

Ночью ль темною, унылою,
 Или жаркимъ лѣтнимъ днемъ,
 То рыдать, какъ надъ могилою,
 То залиться соловьемъ ;

Мыслью свѣтлою, глубокою,
 Вереницей грустныхъ думъ,
 Трогать сердце одинокое,
 Шевелить уснувшій умъ...

Ихъ услышишь — позабудешься
 Въ обаяннн сладкихъ сновъ ;
 Встрепенешься... вдругъ пробудишься...
 И уснуть хотѣлъ бы вновь.

П. ГАЙДЕВУРОВЪ.

Г А Й Д А М А Б И

(Памяти Евлампія Петровича Ловягина.)

ПРОЛОГЪ.

Было время — шла шляхта
Не зналась съ бѣдою;
Воевала съ Москалями,
Съ Нѣвцами, съ Ордою
И съ Султаномъ... Было время,
Да вѣдь все минуетъ!...
Было — шляхта, знай, кичится,
День и ночь бушуетъ,
Королями помыкаетъ...
Не скажу — Стефаномъ
Иль другимъ, такимъ же дерзкимъ,
Собіесскимъ Яномъ,
А иными... Тѣ бѣдвяги
Молча пановали;
Сеймы, сеймики ревѣли,
Сосѣди молчали,
Лишь смотрѣли, какъ короли
Польшу оставляли,
Да слушали, какъ поляки
Бѣшено кричали.
«Nie pozwalam! nie pozwalam!»
Шляхта восклицаетъ, —
А магнаты жгутъ деревни,
Сабли наостраютъ.
Долго такъ покамість въ Польщѣ
То велось дѣло, —
Воцарился средь поляковъ
Понятовскій смѣлый.

Онъ сѣлъ на тронѣ и думалъ Польшѣ
 Подрѣзать крылья, — да не съужьлѣ...
 Хотѣлъ добра ей... Ну, а можетъ
 Еще чего нибудь хотѣлъ...
 Одно лишь слово — «nie rozwalam»
 Хотѣлъ у Польши отобрать,
 А тамъ... Вдругъ Польша запылала,
 Взбѣсилась шляхта... ну кричатъ:
 «Слово гонѣру, дарма праца!
 «Наемникъ гадкїй Москаля!»
 На крикъ Пулавскаго и Паца
 Встаеъ дворянская земля
 И — разомъ сто конфедераций.
 Разбрелись конфедераты
 По Литвѣ, по Польшѣ,
 По Молдавіи, Вольшини
 И по Украинѣ.
 Разбрелись — и позабыли,
 Что за волю встали;
 Позабыли — и съ жидками
 Вмѣстѣ загуляли.
 Разрушали, убивали,
 Храмы жгли, мазали, —
 А порой той гайдамаки
 Ножи освящали...

ГАЛАЙДА (*).

«Ярѣма! (**) Слышь, отродье Хама!
 Пойди кобылу приведи,
 Да башмаки подай хозянкѣ
 И принеси сморѣй воды.
 Сходи-ка въ погребъ, да къ коровѣ,
 Вездѣ избу повышегай,
 Гусямъ, индейкамъ корму дай,
 Да живо чтобъ было готово —

(*) Прозвище.

(**) Собственное имя.

Ступай скорѣй же... Стой-на, стой!
 Пойдешь, управившись, въ Вильшаву,
 Хозяикѣ надо!...» И Ярема
 Побрелъ съ поникшей головой.
 Вотъ такъ-то утрою жидъ поганый
 Яремой бѣднымъ помыкалъ;
 И паремъ гнулса; онъ не зналъ,
 Не зналъ, сиротина, что выросли крылья,
 Что неба достаетъ, коли полетить,
 Не зналъ, нагбалея...

О, Боже мой милый,
 Какъ трудно жить въ свѣтѣ, а хочется жить!...
 И хочется видѣть, какъ солнце сіяетъ,
 И хочется слушать, какъ море играетъ,
 Какъ птичка щебечетъ и роща шумитъ,
 Или какъ козачка въ саду расхвываетъ...
 О, Боже мой милый, какъ весело жить!...
 Сирота Ярема, сирота убогий,
 Безъ сестры, безъ брата приходится жить.
 Приемышъ жидовскій, и верось у порога,
 А доли не проклялъ, людей не бранить.
 За что жъ и бранить ихъ? Они вѣдь не знаютъ,
 Кого надо мучить, кого приласкать...
 Такъ пусть ихъ пируютъ! имъ все дала доля,
 Сироткѣ же надо и долю всенать...
 Случится, порою тихонько заплачетъ;
 Да не оттого, что сердечко болитъ:
 То что-нибудь вспомнить, то просто увидить...
 И снова за дѣло... вотъ такъ надо жить!...
 Къ чему и родные, къ чему и палаты,
 Коль не съ кѣмъ-сердцу тоски раздѣлить!
 Сиротка Ярема — сиротка богатый:
 Вѣдь есть съ кѣмъ и плакать, тоску выливать:
 Есть карія очи, какъ звѣзды сіяютъ,
 Есть бѣлыя ручки—дрожать, обнимають,
 Есть дѣвичье сердце, что плачетъ; хочеть,
 И снова заплачетъ, какъ онъ того хочеть.
 Вотъ таковъ-то мой Ярема,
 Сирота богатый...
 Все минуло — а таимъ вѣдь

Былъ и я когда-то!...
 Все давно уже минуло,
 Не вернется больше...
 Отчего жъ мое ты счастье
 Не тлнулось дольше?...

И зачѣмъ такъ скоро ты со мной разсталось,
 Легче бы было плакать, еслибъ ты осталось!...
 Люди отобрали, все имъ видно мало!...
 На сиротку глядя, зависть разобрала:
 «Зачѣмъ ему счастье? надо закопать—
 «Онъ и такъ богатый!...»

На одинъ заплаты

Да на слезы... Чтобъ ихъ вѣкъ не отирать!...
 Доля моя, доля, гдѣ тебя искать?...
 Вернись хоть на время въ убогую хату...
 А нѣтъ, — хотъ приснись мнѣ... не хочется спать!...

Позабылся я не кстаи,
 Можетъ быть, довольно...

Да проклятое несчастье
 Придавило больно...

Можетъ встрѣтнмся еще разъ

Съ вами на дорогѣ, —

Поплечусь я за Яремой

Благо, носить ноги...

Трудно, люди, охъ какъ трудно

Въ свѣтѣ уминаться!...

Если гнетъ васъ злая доля,

Надо нагибаться.

Гнущся молча, улыбаться,

Люди чтобъ не знали,

Что запрягано на сердца —

Чтобы не ласкали...

Ихъ, вѣдь, ласка... Пусть приснится

У кого есть счастье;

А сиротѣ чтобъ не снилось

Тѣхъ людей участие...

Трудно сердцу рассказать все,

А помолчать не смѣть...

Выливайтесь слово—слезы...

Солнышко не грѣть.

Не высушить. Подъюсь я
Горькими слезами...
Да не съ братомъ, не съ сестрою,
Съ мрачными стѣнами
На чужбинѣ.

А покажѣсть
Я къ корчмѣ вернуся;
Тамъ, считая жадно деньги,
Жидъ въ дугу согнуся,
Близъ постели... А въ постели
(Охъ, мнѣ душно стадо!)
Бѣлы рученьки нагя
Вольно разбросала
И раскрылась; точно листьа
Алаго цвѣточка
Зарумянилась. На груди
Порвана сорочка.
Видно душно одинокой
Спать ей на перинѣ,
Не съ кѣмъ словомъ подблѣться
Бѣдной сиротинѣ —
Одна шепчетъ... Несказанно
Хороша жидовка!
Это дочка, а то батька,
Чортова ермолка...
На полу лежитъ хозяйка
Въ перинахъ погавыхъ...
Гдѣ жъ Ярѣма? Взявши сумку,
Онъ пошелъ въ Вильшану...

КОНФЕДЕРАТЫ.

— «Эй, отвори-ка, жидъ проклятый,
А то бить будешь... Выходи!
Ломайте двери, пока выйдетъ
Мерзавецъ старый!»

— Погоди!

— Сейчасъ, постойте!...

— «Ну, кнутами

Свиное ухо!... Баловать
Ты съ нами хочешь?...

— Я?... Съ панами?...

Избави боже!... дайте встать...

Ясновельможки (тихо) «свиньи!»

— «Да что намъ ждать его — лоша!»

Упали двери, — и плетями

Жидъ росписываютъ спину...

— «Здравствуй, Лейба, здравствуй, шельма —

Чортъ не взялъ скотину!...»

Да пагайкой, да нагайкой...

Жидъ согнулъ лишь спину...

— Не шутите, *мости-пане*,

Добрый вечеръ! въ хату!...

— «Ну еще, еще разъ... Будеть!

Извини, проклятый!...

Добрый вечеръ... А гдѣ дочка?»

— Охъ, похоронили...

«Врешь, Іуда!... Знать, кнутами

Мало еще били!...»

— Ай, голубчики... довольно...

Ей же Богу нѣту!

— «Врешь, каналья!» — Коли вру я,

Богъ накажетъ это!

— «Не Богъ, а мы. Признавайся!...»

Да на чтожъ мнѣ прятать,

Коль жива бы? Пусть тогда я

Буду распроклятый!

— «Ха-ха-ха-ха!...

Перекрестись!»

— Какже это?

Право, я не знаю.

— «Вотъ, смотри-ка!...» Ляхъ крестится

А за нимъ Іуда...

«Браво, браво — окрестили!

За такое чудо

Принеси намъ, окрещенный,

Магарычь скорѣ!»

— Принесу сейчасъ... Постоите!

— «Да копайсь живѣ!»

Резуть ляхи... Рюмки, кружки
 По столу гуляють...
 «Еще Польша не згинела!...»
 Не въ ладъ начинають.
 «Давай, Лейба!» Окрещенный
 То въ подвалъ, то въ хату
 Знай шмыгаеть, наливаеть;
 А конфедераты
 Понукають: «Лейба, меду!»
 Жидъ не набереться...
 — «Гдѣ цвибалы? Натиннай-ка!»
 Вся корчма трясеться:
 Краковьяка отдирають,
 Вальса да мазура...
 Жидъ же глянетъ — да тихонько:
 «Барская натура!...»
 — «Ну, довольно... Теперь пойдёмъ!»
 — Не могу, ей-Богу...
 «Не божись, свиное рыло!»
 — Что же вамъ?... *Небоу?*

«Давно жила Ганзя
 Бѣдно да убого...
 Все божилась, все молилась,
 Что болѣли ноги...
 На барщину не ходила,
 Только за парнями,
 Тихохонько, смирихонько
 Между бурьянами...»

— «Будеть! скверно!—Эту пѣсню
 Русскіе пусть знаютъ!...»
 — Такъ какую жь? Развѣ эту?
 Стойте, начинаю:
 «Передъ паномъ Федоромъ
 Ходить жидъ ходоромъ...
 И задкомъ и передкомъ
 Передъ паномъ Федоркомъ...»
 — «Ладно, будетъ. Теперь деньги!...»
 — Не шутите, пане;

За что деньги?

— «Что слушали...

Не кривись, погавый.

Мы не шутимъ... Гдѣ же деньги?»

— У меня ни гроша.

Гдѣ имѣ взять ихъ? Я богатый
Ласкою хорошей.

— «Врешь, собака! Признавайся!

Не беретъ, зная, слово —

Такъ кнутами...» Засвистѣли, —

Крестятъ Лейбу снова.

Отстегали такъ, что перья

Отъ него летѣли.

— Ей же Богу нѣтъ ни гроша,

Въжите мѣдѣлю...

Ни полушки! Гвалтъ! Спасите!

— «Что, братъ, славно пишемъ?...»

— Стойте, что-то я скажу вамъ!

— «Говори, услышимъ;

Да не ври, смотри... Хоть лопни,

Ложь, вѣдь, не поможетъ...»

— Нѣтъ, въ Вильшанѣ...

«Твоя деньги?»

— Мои? Избавь Боже!...

Подождите-ко, въ Вильшанѣ...

Былъ народъ богатый;

А теперь по три семейства

Навалило въ хату...

— «Знаемъ, знаемъ... Мы, вѣдь, сами

Такъ ихъ ободрали.»

— Да нѣтъ, не то... Извѣстите...

(Чтобъ бѣды не знали,

Чтобъ вамъ денежки присявись!)

Видите, въ Вильшанѣ,

Тамъ... въ костелѣ... у старосты...

Дочь его Оксана...

Избавь Боже!... Какъ барышню

Берегли, холмили...

А червонецъ! Не его хоть —

Лишь бы деньги были...

— «Ну, конечно, этот дьяволъ
Рѣдко правду скажетъ.
А чтобъ намъ не шлаться даромъ,
Пусть намъ путь покажетъ.
Одѣвайся!...»

Потащились

Поляки въ Вильшану;
Лишь одинъ въ углу подъ лавкой
Побратимъ ихъ пьяный
Встать не можетъ, а мурлычить
Пьяный, да веселый.

К Т И Т О Р Ъ.

«Ой въ темномъ лѣсѣ

Вѣтръ не гуляетъ;

Мѣсяцъ высоко,

Звѣзды сияютъ...

Выйди, сердечко,

Я ожидаю,

Хоть на часочекъ —

Мой голубочекъ.

Выглянь скорѣе,

Да поворкуешь,

Да потоскуешь...

Можетъ, на долго

Мы разстанемся,

Можетъ, не скоро

Снова сойдемся!...

Выйди жь скорѣе,

Милая пташка;

Если бъ ты знала,

Сердцу какъ тяжело!...»

Такъ Ярема съ звонкой гвѣсней

Подлѣ лѣса бродить,

Ожидаетъ; а Оксана

Долго не выходитъ.

Свѣтитъ мѣсяцъ середь неба,

Звѣзды загорѣлись...
 Двѣ вербы подѣ чьи-то пѣсни
 Въ воду заглядѣлись.
 Тамъ соловушка въ калитѣ
 Громко распѣваетъ,
 Будто знаетъ, что козачку
 Парень поджидаетъ.
 А Ярема по долину
 Середѣ лѣтней ночи
 Еле ходить. «Зачѣмъ Богъ мнѣ
 Далъ такія очи,
 Если нѣтъ мнѣ счастья, если нѣту доли?
 Лѣта молодая даромъ пропадутъ!
 Одинокъ я въ свѣтѣ, какъ былинка въ полѣ,
 Ту былинку вѣтры полемъ разнесутъ.
 И меня такъ люди дѣтъ куда не знаютъ.
 За что жь отреклася? Что я сирота.
 Одно было сердце, одно на всемъ свѣтѣ,
 Душа дорогая... Да-вѣрно и та,
 И та отреклася.»

И далъ слезамъ волю.

Поплакалъ и вытеръ глаза рукавомъ.
 «Такъ будь же здорова! Найду себѣ долю
 На чуждомъ я полѣ; а нѣтъ—за Днѣпромъ
 Усну я на вѣки. А ты не заплачешь,
 А ты не увидишь, какъ воронъ клюетъ
 Тѣ карія очи, тѣ очи козачьи,
 Что ты цаловала, сердечко мое!
 Забудь мои слезы, забудь сиротину,
 Забудь, что клялася во вѣки не забыть,
 Тебѣ я не пара: ты старосты дочка,
 А я въ сѣрой свиткѣ. Другаго любить
 Тебѣ видно надо. Такая ужь доля!
 Забудь меня, пташка, забудь, не томишь;
 А если узнаешь, что въ дальнемъ во полѣ
 Зарыли Ярему — о немъ помолися,
 Хоть одна на цѣломъ свѣтѣ,
 Пташка помолися!»
 И опять изъ глазъ бѣдняги
 Слезы покатилися.

Зарыдалъ себѣ тихонько
 Слезъ не вытираетъ...
 Чу! Оксана, точно съ неба
 Звѣздочка слетаетъ...
 Побѣжалъ, забылъ; обнялись...
 «Сердце!» — и замѣли.
 Долго, долго только: «сердце!»
 И опять нѣмѣли.
 — Будетъ, пташка! «Нѣтъ, немножко!...
 Нѣтъ, еще разъ милый...
 Ну, еще... еще разочекъ...
 Голубъ сизокрылый!...»
 — Ты, бѣдняжечка, устала,
 Какъ звѣзда слетѣла,
 Сядь на свитку!

Усмѣхнулась

И на свитку сѣла.
 «Такъ и ты жь садись со мною,
 Ближе сядь, мой милый!...»
 Сѣлъ, обнялись... — Что такъ долго
 Ты не выходила?
 «Я замѣшкалась сегодня,
 Некогда мнѣ было.
 Тятя боленъ...» — А меня-то
 Видно позабыла!
 — «Ну, какой же ты, ей-Богу!»
 И слеза блеснула...
 Не сердися... я шучу вѣдь...
 — «Шутки!»

Усмѣхнулась,

И головку наклонила
 Словно какъ уснула...
 — Я шучу вѣдь, дорогая,
 Развѣ ты не видишь?
 Ну, не плачь же, глянь мнѣ въ очи —
 Завтра не увидишь.
 Завтра буду далеко я
 Отъ тебя, Оксана;
 Завтра ночью въ Чигиринѣ
 Ножъ святой достану.

Много золота онъ дастъ мнѣ,
 Завоюетъ славу.
 Наряжу тебя, обую,
 Посажу, какъ паву —
 Точно гетманшу на стулѣ
 Да глядѣть все буду,
 Все глядѣть, до самой смерти.
 — «Можетъ, и забудешь,
 Какъ пойдешь паномъ въ Кіевъ,
 Да богатымъ станешь;
 Тамъ найдешь себѣ полячку,
 Забудешь Оксану!»
 — Развѣ лучше гдѣ найду я?
 — «Можетъ быть, не знаю!»
 — Прогнѣвишь ты Бога, сераце,
 Гдѣ жъ еще такая?
 Ни на небѣ, ни за небомъ,
 Ни за синимъ моремъ
 Нѣтъ такой, какъ ты, голубка!
 — «Что ты! Богъ съ тобою!
 — Что сказалъ ты?»
 — Правду, рыбко...
 И снова, и снова...

Долго они, какъ видите,
 Рядышкомъ сидѣли;
 И въ глаза другъ другу нѣжно,
 Нѣжно такъ глядѣли.
 Цаловались, обнимались,
 Сколько было силы;
 То клялись любить другъ друга
 Вѣчно, до могилы.
 Ей рассказывалъ Ярема,
 Жить они какъ будутъ,
 Какъ всю въ золото одѣнетъ,
 Счастье какъ добудетъ.
 Какъ порѣжутъ гайдамаки
 Ляховъ въ Украинѣ,
 Какъ онъ будетъ важнымъ паномъ,
 Если не загинетъ.

Гадко, дѣвушки, и слушать
 Эти разговоры.
 — «Вотъ какой! Какъ будто въправду!»
 — Ну, а какъ на горе
 Мать и батюшка услышать?
 (Какъ бы не застали!)
 Вотъ грѣха-то, какъ узнаютъ,
 Что вы здѣсь читали!
 Тогда... тогда... да ну-его —
 Сохрани насъ Боже!
 А вѣдь нужно бѣ рассказать вамъ,
 Какъ козакъ пригожій
 Подъ вербою, надъ водою
 Дѣвушку цалуетъ;
 А Оксана, какъ голубка,
 Пѣсенки воркуетъ.
 То заплачетъ, обомлѣетъ,
 Голову поклонитъ...
 «Сердце мое, доля моя...»
 Скажетъ — и застонетъ...
 Даже вербы нагибались,
 Слушая тѣ рѣчи...
 Вотъ такъ рѣчи! — Рассказать вамъ?
 Нѣтъ, ужь близко вечеръ,
 Лучше послѣ... Вѣдь не дай Богъ,
 Ночью вамъ приснится!
 Пусть скорѣе разойдутся
 Такъ, какъ и сошлись...
 Чтобъ никто, никто не видѣлъ,
 Какъ они прощались,
 Какъ домой съ тяжелой грустью
 Оба возвращались...
 Пусть ихъ!... Можетъ быть еще разъ
 Встрѣтятся на свѣтѣ...
 А порой той у ктитѣра
 Ярко окна свѣтять...
 Что заворителъ тамъ такое?
 Рассказать вамъ нужно,
 Хотя рассказывать бѣтъ авача...
 Боже мой, какъ трудно!...

Трудно, потому что больно становится,
 Глядя на людей тѣхъ — лучше промолчать!
 Загляните въ избу — то конфедераты,
 Люди, что собрались волю защищать...
 Славно защищаютъ!... Будь тотъ день проклятый,
 И мать, что людей тѣхъ на свѣтъ родила!...
 Гляньте, что творится у старосты въ хатѣ

Огонь пылаетъ на всю хату,
 Въ углу — собакою дрожить
 Проклятый жидъ... Конфедераты
 Кричатъ страдальцу: «Хочешь жить?
 Скажи, гдѣ деньги?» Тотъ молчитъ.
 Веревкою скрутили руки,
 О-земь ударили... Куда!
 Молчитъ, ни слова!... «Мало муки!
 Смолу давайте, гдѣ смола?
 Кропи его; вотъ такъ... Холонетъ?
 Что, скажешь, шельма? И не стонетъ,
 Молчитъ, каналья!... Ну, постой!...»
 Наклали въ голенища жару;
 Еще не все; «возьми, забей
 Канальи въ голову гвоздей!...»
 Не вытерпѣлъ ужасной кары,
 Упалъ сбѣдняга... «пропадай
 Душа въ грѣхахъ, безъ покаянья.—
 Оксана, дочка!» — закричалъ
 И мертвый на-спину упалъ
 Среди жестокаго страданья...
 Тѣ посмотрѣли на него,
 Сказали: «Ишь, вѣдь, не поддался!
 Ужъ больше вѣтъ здѣсь никого —
 Зажжемъ хоть церковь!»

Вдругъ раздался

Какой-то страшный, женскій крикъ:
 «Спасайте, вѣруеть кто въ Бога!...»
 Стопнулись ляхи у порога.
 И смотря — умеръ ли старикъ...
 Оксана въ дверь: «ай, убили!...»
 И на-земь... Всѣ позыбодили,

Остался старшій; взялъ ее
 На руки — и унесъ съ собою...
 Гдѣ жъ ты, Ярема? Что съ тобою?
 Прощай, счастливое житье!...
 А онъ идетъ и распѣваетъ,
 Какъ Наливайко ляха билъ;
 Идетъ — и ничего не знаетъ...
 Ушли поляки; чуть жива
 Пропала съ ними и Оксана;
 Собаки гдѣ-гдѣ по Вильшанѣ
 Залаютъ... снова замолчатъ...
 Бѣлѣтъ мѣсяць.... люди спать —
 И ктиторъ спать... Не скоро встанетъ,
 На вѣки, праведный, уснулъ!
 Свѣча горѣла, погасла,
 Погасла, — трупъ какъ бы вздрогнулъ...
 И страшно въ хатѣ стало!...

ПРАЗДНИКЪ ВЪ ЧИГИРИНѢ.

Гетманы, гетманы, о еслибъ вы встали,
 Встали, посмотрѣли на тотъ Чигиринъ,
 Гдѣ вы на свободѣ, бывало, гуляли,
 Заплакали бѣ тяжко, — вы бы не узнали
 Украинской славы убогихъ рунъ.
 Базары, гдѣ войско, какъ яркое море
 Передъ бунчуками, бывало, горить;
 А ясновельможный на ворономъ конѣ
 Блестить булавою — море закипитъ...
 Закипитъ — и разлился
 Бурными рѣками;
 Горе прочь бѣжитъ предъ ними,
 А за козаками...
 Да зачѣмъ объ этомъ думать?
 Все уже минуло;
 Все давно въ сырой могилѣ
 Мертвыхъ сномъ уснуло!
 Вспомнишь давнее былое,
 Вспомнишь — и заплачешь...

Ну, хоть взглянемъ на Чигиринъ
 Когда-то козачій...
 Изъ-за лѣса, изъ тумана
 Мѣсяцъ выплываетъ,
 Серебристымъ, яркимъ свѣтомъ
 Степь не обливаетъ...
 Будто знаетъ, что не надо
 Людямъ его свѣта,
 Что пожары всю Украину
 Безъ него освѣтятъ...
 Потемнѣло; въ Чигиринѣ
 Мрачно, какъ въ могилѣ...
 (Такъ было по всей Украинѣ,
 Какъ ножи святили
 Въ ночь, на праздникъ Маковея...)
 Скучно въ Чигиринѣ!
 Ни души нигдѣ не видно;
 На густой осинѣ
 Сова сидитъ, грустнымъ крикомъ
 Поле оглашая...
 Гдѣ же люди? Надъ Тясминомъ
 Ихъ толпа большая.
 Всѣ въ одно соединились:
 Старые, ребята, —
 Ожидаютъ, скоро-ль попы
 Ихъ ножи освятятъ.
 Средь темнаго лѣса, въ зеленой дубравѣ
 На-привязи кони солому жуютъ;
 Осѣдланы кони, давно ужъ готовы.
 Куда-то поѣдутъ? Кого повезутъ?
 А вотъ посмотрите; легли по долинѣ
 Какъ-будто побиты... Все тихо кругомъ...
 То все гайдамаки: на крикъ Украины
 Орлы налетѣли... Съ заклятымъ врагомъ
 Хотятъ поборотся... Они разнесутъ
 Ляхамъ, жидамъ кары;
 За кровь и пожары
 Адомъ гайдамаки ляхамъ отдадутъ.

Телеги съ острыми ножами

Подъ той дубравою стоять; —
То нашей матушки подарокъ...
Ущѣла что кому давать!...

Промежь возами негдѣ стать;
Какъ будто стая налетѣла
Съ Снолянщины, съ Чигирина
Козаковъ на святое дѣло...
Козачье панство важно ходить,
Въ жупанахъ черныхъ — какъ одинъ,
И рѣчь веселую заводить,
Украдкой глядя на Чигиринъ.

СТАРШИНА ПЕРВЫЙ (*).

Старый Головатый что-то ужъ слишкомъ привередничаетъ.

СТАРШИНА ВТОРОЙ.

Мудрая голова — сидитъ себѣ на хуторѣ, какъ-будто ничего не знаетъ, а глянешь — вездѣ Головатый. «Вели самъ, говорить, не покончу, такъ сыну передашь».

СТАРШИНА ТРЕТІЙ.

Ну, да и сынъ же штука!... Я вчера встрѣтился съ Желѣзнякомъ; такое рассказываетъ про него, что ду его!.. «Коме-вышь, говорить, будетъ и только!... а можетъ еще, чего добраго, и гетманомъ, если тово...»

СТАРШИНА ВТОРОЙ.

А Гонта на что?... А Желѣзнякъ?... Къ Гонтѣ сама... сама писала: «Если, говорить....»

СТАРШИНА ПЕРВЫЙ.

Постой-ко, какъ-будто звонять!...

СТАРШИНА ВТОРОЙ.

Да нѣтъ, то говоръ людской...

СТАРШИНА ПЕРВЫЙ.

Вотъ договорятся, пока ляхи услышать... Эхъ! старыя головы, да разумныя!... Думаютъ, думаютъ — а сдѣлаютъ изъ топора шило (**). Промѣняють ремень на лыко.

(*). Преза въ оригиналѣ.

(**). Въ оригиналѣ: въ лемеша швайку.

Купили хрѣнку—надо съѣсть; плачѣте глаза, зоть повылъзайте; видѣли, что покупали; деньгамъ не пропадать. А то думаютъ, думаютъ — ни туда, ни сюда... А ляхи догадаются—вотъ тебѣ и шишъ!... Что тамъ за сборище?... Отчего не звонять? Какъ заставишь народъ молчать?... Не десять душъ, а слава Богу вся Смоленщина, если не вся Украина... Вошь, слышите, поють.

СТАРШИНА ТРЕТІЙ.

Да, да, поеть кто-то... Пойду остановлю.

СТАРШИНА ПЕРВЫЙ.

Оставь, не мѣшай; пускай себѣ поеть, лишь бы не громко.

СТАРШИНА ВТОРОЙ.

Это вѣрно валахъ!... Не утеришь-таки, старый дуракъ; надо, и только.

СТАРШИНА ТРЕТІЙ.

А умно поеть!... Когда ни послушаешь, — все разное. Подкрадемя, братцы, да послушаемъ, а тѣмъ временемъ зазвонять.

СТАРШИНЫ ПЕРВЫЙ и ВТОРОЙ.

А что жь, и въ самоъ дѣлѣ пойдемъ...

СТАРШИНА ТРЕТІЙ.

Колѣ идти—такъ идти.

(Старшины тихо становятся за дубомъ, а подъ дубомъ сидятъ слѣпой кобзарь; вокругъ его заперожцы и гайдамаки. Кобзарь цуетъ медленно и не громко).

«Ой, волохи, волохи
Васъ осталось немного,
И вы, молдаваны,
Теперь вы не наны.
Ваши господари
Продались татарамъ,
Турецкимъ Султанамъ...
Въ оковахъ, въ оковахъ!...
Полно жь, не томитесь —
Богу помолитесь,
Да идите съ нами,
Съ нами-козаками:
Вспомните Богдана,
Стардаго гетмана,
Будете панями,

Да, какъ мы съ ножами,
 Съ ножами святыми
 Да съ батькой Максимомъ
 Ночку погуляемъ,
 Ляховъ покачаемъ....
 Да такъ погуляемъ,
 Что адъ засмѣется,
 Земля затрясется,
 Небо запыхаетъ —
 Лихо погуляемъ!...»

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Лихо погуляемъ!... Правду говорить старшій, если не вретъ...
 А какой бы изъ него кобзарь былъ, еслибъ не валахъ!...

КОБЗАРЬ.

Да я и не валахъ... Такъ только былъ когда-то въ Валахѣн,
 а люди и зовутъ валахомъ — самъ не знаю за что.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Ну, да ладно!... хвати-ка еще какую-нибудь... А ну про
 батька Максима дерни...

ГАЙДАМАКЪ.

Да только не громко, чтобъ старшина не услышалъ.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

А что намъ вашъ старшина!... Услышитъ — такъ послу-
 шаетъ, коли есть чѣмъ слушать. У насъ одинъ старшина — баты-
 ка Максимъ; а онъ какъ услышитъ, такъ еще цѣлковый дастъ.
 Пой, старина, не слушай его.

ГАЙДАМАКЪ.

Да оно такъ, братъ, такъ, — я это и самъ знаю; да вотъ что:
 «не такъ бары, какъ барченки» (*), или «пока солнце взойдетъ,
 роса очи выльетъ.»

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Пустяки!... Пой, пой, старина, какую знаешь, а то и звона
 не дождеся — уснемъ.

ВСЪ.

И въ-правду уснемъ; спой что-нибудь.

(*) Въ оригиналѣ: «не такъ павы, якъ пидавки.»

КОБЗАРЬ (поэма).

Ой летаетъ орликъ сизый
 Да подъ небесами;
 Ой гуляетъ Максимъ-батька
 Темными лѣсами.
 Ой летаетъ орликъ сизый,
 А за нимъ орлята;
 Ой гуляетъ Максимъ-батька,
 А за нимъ ребята.
 Тѣ ребята — запорожцы —
 Атамана любятъ:
 Скажетъ слово — и за слово
 Жизнь свою погубятъ.
 Скажетъ слово — затанцуютъ,
 Что земля трясется;
 Запоетъ онъ — и задыются,
 Что бѣда смѣется.
 Медъ и водку не рюмкою
 А ковшемъ черпаетъ;
 А врага гдѣ только встрѣтитъ,
 Бьетъ, не выжидаетъ.
 Вотъ такой-то атаманъ нашъ,
 Орликъ сизокрилый!...
 И гуляетъ, и воюетъ
 Всей козацкой силой.
 Не шѣетъ ни хозяйства,
 Ни шруда, ни сада —
 Степь и море — все дорога,
 Нѣтъ ему преграды.
 Берегитесь же вы, лахи,
 Лютыя собаки:
 Идетъ Максимъ Чернымъ Шляхомъ (*),
 Съ нимъ и гайдамаки.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Вотъ это такъ! хватилъ, нечего сказать: и складно, и правда!
 Лихо, ей-Богу, лихо! Что хочеть — то такъ и начнетъ. Спасибо,
 спасибо...

(*) Собственное имя — названіе дороги.

ГАЙДАМАКЪ.

Я немного не понялъ, что это онъ про гайдамаковъ пѣлъ?

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Какой же ты олухъ, право!.. Видишь, вотъ что онъ пѣлъ: чтобъ поганые ляхи, злые собаки, каялись, потому что идетъ Желѣзнякъ Чернымъ Шляхомъ съ гайдамаками, чтобъ ляховъ, видишь, рѣзать.

ГАЙДАМАКЪ.

И рѣзать, и вѣшать! Славно, ей-богу, славно! Ну, вотъ это такъ!.. Непремѣнно далъ бы цѣлковый, если бы не пропилъ вчера! Досадно!.. Ну, «пускай старая вязнетъ, больше мяса будетъ». Подожди, пожалуйста, завтра отдамъ... Дерни еще чтонибудь про гайдамаковъ.

КОБЗАРЬ.

До денегъ я не слишкомъ падокъ. Лишь бы была охота слушать, буду пѣть, пока не охрипну; а охрипну — рюмочку, другую... и снова. Слушайте жь!

Ночевали гайдамаки
Въ зеленой дубровѣ;
На веревкахъ пасли коней
Сѣдланыхъ, готовыхъ.
Ночевали разъ поляки
Въ кабакахъ съ жидами.
Напились всѣ, протянулись,
Да н....

ВСѢ.

Подожди-ка... тсс!.. Какъ будто звонять... Слышишь? еще разъ... о!..

КОБЗАРЬ.

Зазвонили — загорѣлся
Мѣсяцъ въ поднебесьи;
Идите жь вы, да молитесь:
Допою я пѣсни.

Повалили гайдамаки—
Стонетъ вся дуброва;
А они несутъ на плечахъ
Телеги воловьи,

Чтобъ не слышно... А за ними
 Слѣпой Валахъ снова:
 «Ночевали гайдамаки
 Въ зеленой дубровѣ...»
 — «Ну, другую, человѣче!»
 Съ возами на плечахъ
 Кричатъ ему гайдамаки.
 — «Ладно, ладно — на-те!»
 «Вотъ такъ, вотъ такъ! Лихо, любо!
 Ну-те-ко, ребята,
 Хватимъ разомъ!»

Земля гнется,

А они съ возами
 Такъ и рѣжутъ! Дѣдъ играетъ,
 Додаетъ словами:

«Ой гопъ такъ-и-такъ!..
 Зоветь дѣвицу козакъ:
 «Иди, Гандзя, поцалую,
 Иди, Гандзя, пошучу я;
 Пойдемъ, Гандзя, до попа
 Богу помолиться.
 Нѣту жита ни снопа,
 Вари вареницы...»
 Обвѣнчался — да и горе!
 Хлѣба не хватаетъ;
 Дѣти босые, — козакъ же
 Пѣсни распѣваетъ:
 «И по хатѣ ти-ни-ни,
 «И по сѣнямъ ти-ни-ни,
 «Ты пеки, жена, блины,
 «Ти-ни-ни, ти-ни-ни!..»

«Славно, славно!.. Ну, еще разъ!»
 Кричатъ гайдамаки.

«Ой гопъ, вотъ такъ диво!
 Наварили ляхи пива;
 Мы же будемъ продавать,
 Польскихъ пановъ угощать;
 Мы то пиво разопьемъ,

Красныхъ дѣвокъ собереть...
 Ой гонъ, такъ-и-такъ!
 Кличеть панну козакъ:
 «Панна, пташка моя!
 «Панна, доля моя!
 «Не стыдися, дай мнѣ ручку,
 «Пѣсенку затынемъ;
 «Пускай людямъ горе снится,
 «Мы его вспомняемъ:
 «Пѣсенку затынемъ,
 «Въ пѣсенкѣ вспомняемъ...
 «Панна, пташка моя!
 «Панна, доля моя!...»

— Еще разъ, еще разъ!...

— «Еслибъ таки, или такъ, или сякъ,
 Хоть бы былъ онъ запорожскій козакъ,
 Хоть бы былъ онъ молодой, молодой,
 Чтобъ по хатѣ разъ прошелся онъ со мной
 Я и то — хоть не хотѣлось —
 Съ старымъ дѣдомъ засидѣлась!
 Хоть бы былъ онъ...»
 — «Тсс! цыцъ! Опомнитесь, безумцы!
 Ишь расходились какъ!.. А ты,
 Собака старый, средь молитвы
 Поешь тутъ пѣсни! Вотъ скоты!..»
 Кричить атаманъ... Осмотрѣлись:
 Предъ ними церковь; дьякъ поеть,
 Попы съ кадилами, съ кропиломъ...
 Нигдѣ, вничто не шелохнетъ,
 А ни гу-гу! Промежь возами
 Попы съ кропилами пошли,
 Хоругви съ ними понесли:
 Точь-въ-точь Христово Воскресенье...
 «Молитесь, братья, для спасенья...»
 Такъ благочинный начиналъ:
 «Господь намъ крестъ въ защиту далъ;
 Украйну вы обороняйте,
 Не дайте матери, не дайте

Въ рукахъ тирана пропадать!
 Отъ Конашевича десолѣ
 Пожаръ не гаснетъ, люди мрутъ
 Въ сырыхъ подвалахъ... А сыны-то
 Неокрещенные растутъ,
 Козачьи дѣти! Да и дочки,
 Земли Украинской краса,
 У ляховъ гибнуть, одиночки,
 И непокрытая коса
 Стыдомъ сочится; кари-очи
 Въ неволѣ гаснуть; расковать
 Козакъ сестру свою не хочетъ,
 Не стыдно самому конать
 Въ плѣну у ляха... Горе, горе!..
 Молитесь, дѣти! Страшный судъ
 Въ Украину ляхи принесутъ —
 И зарыдають рѣки, горы...
 Вспомняешь праведныхъ гетмановъ.
 Гдѣ ихъ могилы? Гдѣ лежитъ
 Прахъ незабвеннаго Богдана?
 Гдѣ Острианицына стоитъ
 Хоть бы убогая могила?..
 Гдѣ Наливайки, — гдѣ она?
 Его и жертваго палили.
 Гдѣ тотъ Богунъ, гдѣ та зима?..
 Ингуль зимою замерзаетъ —
 Богунъ не встанетъ завалить
 Враговъ тѣлами... Ляхъ гуляетъ!..
 Богдана нѣтъ, чтобы залить
 Окрестность вражескою кровью;
 Тоскуеть Корсунъ стародавній,
 Знать, не съ кѣмъ горе раздѣлить;
 И Альта плачетъ: «Тяжко жить мнѣ,
 «Я сохну, вяну... Гдѣ Тарасъ?
 «Его не слышно... не гуляетъ!..
 Не плачьте, братіе, — за насъ
 И души праведныхъ, и сила
 Архистратига Михаила.
 Не за горами кары часъ,
 Молитесь, братія!..»

Молились,
 Молились жарко козаки,
 Какъ дѣти малые... а сбылось:
 Надъ ихъ могилами — платки (*).
 Лишь одна осталась слава,
 Что платокъ бѣлѣть,
 И тотъ снимуть...

А діаконъ:

«Пусть врагъ околѣетъ!
 «Разбирайте ножи живо,
 «Ихъ ужъ освятили!..»
 Звонъ и радостные крики
 Воздухъ огласили...
 Освятили, освятили!..
 Шляхты нѣтъ въ поминѣ!
 Разобрали, заблестали
 По всей Украинѣ...

ТРЕТЬИ ПЪТУХИ.

Еще день грабили Украину
 Жиды съ поляками... Одинъ
 Денекъ послѣдній лишь страдали
 И Украина и Чигринъ.
 И тотъ минулъ — день Маковея...
 День незабвенный козаковъ;
 Минулъ — и, жизни не жадѣя,
 Возстали тысячи головъ.
 Враги Украины горевали,
 Что больше нечего имъ взять, —
 А гайдамаки, молча ждали,
 Пока поляки лягутъ спать.
 Враги уснули — и не знали,
 Что завтра имъ ужъ не вставать...
 Одни жиды лишь не ложились:
 Они надъ деньгами возились,

(*) Народный обычай: На кладбищахъ, гдѣ козаковъ хоронятъ вмѣстѣ съ крестьянами, надъ могилами первыхъ, для отличія, вѣшаютъ платки.

Въ потьмахъ считая барыши...
 И тѣ на золото легли
 И сномъ нечистымъ задремали...
 Дремлютъ... Не пришлось бы долго имъ дремать!
 А той порой мѣсяць, по ясной лазури
 Плыветъ — и глядитъ онъ на землю, на море,
 И слушаетъ рѣчи про радость, про горе,
 Чтобъ Богу на утро про все рассказать...
 Онъ свѣтитъ далеко, на всю Украину —
 Да, знать, не увидитъ мою сиротину
 Оксану-голубку... Гдѣ теперь она?
 Видно истомилась, бѣдная, одна!..
 Такъ ли, какъ и прежде, пѣсенки воркуетъ?..
 Знаетъ ли Ярема, знаетъ-ли онъ, чувствуетъ?..
 То послѣ увидимъ... Теперь же не ту,
 Не ту запою я, другую сыграю;
 Бѣда, а не дѣвки начнутъ танцовать.
 Невзгоду пою я козацкаго края;
 Слушайте-жь, чтобъ дѣтямъ потомъ рассказать,
 И дѣти, чтобъ знали, сынамъ рассказали,
 Какъ шляхту козакъ жестоко карали,
 Что та не умѣла свой вѣкъ доживать.
 Волновалась Украина,
 Долго волновалась;
 Долго, долго кровь степями
 Моремъ разливалась.
 Разливалась — и высохла...
 Степи зеленѣютъ;
 Лежать дѣды, а надъ ними
 Насыпи синѣютъ.
 Хоть могилы тѣ высоки,
 Да никто не знаетъ,
 И никто, никто слезами
 Ихъ не обливаетъ;
 Лишь порою вольный вѣтеръ
 Жалобно завоетъ,
 Да роса лишь ихъ слезами
 Свѣтлыми умоетъ.
 Взойдетъ солнышко — тѣ слезы
 Высушить, пригрѣетъ;

Внуки дѣдовъ позабыли,
 Въ полѣ жито сѣютъ.
 Много тамъ ихъ; а кто скажетъ
 Гонты гдѣ могила?
 Мученика праведнаго
 Гдѣ похоронили?..
 Гдѣ Максимъ съ душой открытой,
 Гдѣ онъ почиваетъ?..
 Тяжко, грустно!.. Никто, никто
 Ихъ могилъ не знаетъ!..
 Волновалась Украинна,
 Долго волновалась:
 Долго, долго кровь степями
 Моремъ разливалась.
 День и ночь палятъ изъ пушекъ,
 Земля стонетъ, гнется;
 Тяжко, больно, — а какъ вспомнишь,
 Сердце усмѣхнется!..

Мѣсяцъ ты мой ясный, спрячься на ночь эту,
 Спрячься хоть за гору, намъ не надо свѣту;
 Страшно тебѣ будетъ, хоть ты видѣлъ Рось,
 И Альту, и Сену — и тамъ разлилось,
 И крови кипѣло широкое море...
 А нынче, что будетъ!.. Такъ спрячься жь за гору,
 Чтoby плакать на старость тебѣ не пришлось!..

Тускло, мрачно середь неба
 Свѣтитъ блѣднолицый;
 Вдоль Днѣпра козакъ плетется—
 Можетъ, съ вечерницы.
 Онъ плетется грустный, мрачный,
 Еле тащить ноги...
 Знать, козачка разлюбила
 За то, что убогий.
 Нѣтъ, его козачка любить,
 Хоть онъ весь въ заплаткахъ;
 Чернобровый, — а вернется,
 Станетъ жить въ палатахъ.
 Что жь такой онъ невеселый,
 Грустный, чуть не плачетъ?..
 Можетъ, тяжелой непогоды

Сердце ждет козачье...
 Чуетъ сердце, да не скажетъ,
 Что за горе будетъ...
 Минетъ горе... А вокругъ будто
 Вымерли всѣ люди...
 Нѣтъ ни птицы, ни собаки.
 Даже сердце ноетъ,
 Какъ порой, за темнымъ лѣсомъ,
 Сѣрый волкъ завоетъ...
 Все равно!... Идетъ Ярема,
 Да не на свиданье,
 Не въ Вильшану, а въ Черкасы,
 Въ вольное изгнанье,
 Противъ ляховъ... Скоро третій
 Цѣтушокъ заляется,
 А тамъ... а тащъ... У Яремы
 Сердце сильно бьется.

«Охъ, ты Днѣпръ родимый, сильный, да могучій!..
 Многие ты козацкой крови въ море снесъ...
 Вражескіе трупы вваливались кучей
 Въ пурпурныя воды. . Все ты морю несъ.
 А ему казалось это данью малой;
 Въ эту ночь упьется; праздникъ небывалый
 Закипитъ въ Украинѣ... Скоро будетъ онъ:
 Огласитъ всю землю страшный, страшный стонъ....
 Оживутъ гетманы въ золотомъ журанѣ,
 Счастье намъ проглянетъ... каждый запоетъ:
 «Нѣтъ жидовъ и ляховъ...» А въ степяхъ Украины
 (Помоги намъ, Боже) булава блеснетъ!...»
 Такъ думалъ Ярема, идя по долині
 Въ изорванной свиткѣ съ *свѣченымъ* въ рукахъ;
 А Днѣпръ словно слышалъ: широкий, да синій
 Горой волновался... Въ густыхъ тростникахъ
 Реветь, стонетъ, завываетъ,
 Лозы нагиная;
 Громъ... и молнія сверкаетъ,
 Тучу раздирая...
 Да для бѣднаго Яремы,
 Ничего не значить:
 Одна думушка смѣется,

А другая плачетъ.
 Тамъ Оксана... тамъ и въ свитѣхъ
 Позабудешь горе;
 А тутъ... а тутъ... что тутъ будетъ?
 Пропаду я скоро!
 А порой той крикъ пѣтушій
 Раздался уныло;
 «А Черкасы!... Близко, близко...
 Господи помилуй!...»

КРОВАВЫЙ ПИРЬ. (*)

Зазвонили на Украинѣ,
 На всемъ на просторѣ;
 Закричали гайдамаки:
 «Горе шляхтѣ, горе!
 Гибнетъ шляхта! погуляемъ —
 Всѣмъ намъ будетъ дѣло!...»
 Запымала Смоленщина,
 Туча заалѣла;
 Всѣхъ Медвѣдка скорѣе
 Тучу нагрѣваетъ,
 Смола горитъ, Смоленщина
 Кровью подплываетъ.
 Горитъ Корсунъ, горитъ Каневъ,
 Чигиринъ, Черкасы,
 По дорогѣ все пылаетъ —
 И кровь полилася
 До Волыни... На Полѣсьѣ
 Гонта пирь справляетъ;
 А Желѣзнякъ въ Смоленщинѣ
 Саблю вынимаетъ;
 И Ярема тамъ гуляетъ
 Средь гостей незванныхъ...
 «Такъ ихъ, такъ ихъ!.. Славно, дѣтки,
 «Такъ ихъ окаянныхъ!...
 «Ай да дѣтки!...» на базарѣ

(*) Въ оригиналѣ: «Червоный», — буквальный переводъ «Красный».

Батка понукаетъ...
 Адъ кругомъ; а гайдамаки
 Под-аду гуляютъ.
 А Ярема — страшно глянуть!—
 Какъ солону валить...
 Такъ и рубить!. «Славно, сынъ мой!
 Богъ тебя похвалить!
 Бей ихъ, бей ихъ! будешь въ раѣ;
 Нѣтъ, — такъ эсауломъ...
 Ну, ребята!» Степь далеко
 Огласилась гуломъ:
 Разбрелися гайдамаки,
 Разбрелися всюду,
 Всѣхъ уклали, все забрали...
 «Ну, ребята — будетъ!—
 «Вы устали отдохните!..»
 Улицы, базары—
 Все покрыто было кровью.
 «Мало ляхамъ кары!..
 «Надо ихъ совсѣмъ замучить,
 «Чтобъ не повставали
 «Дѣти дьявола, собаки!..»
 На базаръ сбѣрались
 Гайдамаки. А Ярему
 Старшій подзываетъ:
 — Эй, поди сюда, не бойся—
 Я не испугаю...
 — «Не боюсь я..»

Снявши шапку,
 Сталъ, какъ передъ паномъ...
 —Ты откуда? кто такой ты?
 «Я? изъ Вильшаны...»
 — Изъ Вильшаны, гдѣ ктитора
 Ляхи доканали?
 «Гдѣ! какого?..»

—Да въ Вильшанѣ;
 Говорять, украли
 Дочь его, коли знавалъ ты...
 «Дочь его? въ Вильшанѣ?»
 — Да, у ктитора, въ Вильшанѣ...

«Охъ, моя Оксана! ...»
 Еле вымолвилъ Ярема,
 Повалившись долу...
 — А! смотри, какая штука!
 Подними, Микола!..
 Подняли, очнулся.— «Батька,
 Чтò я не сторукий?
 Дайте ножъ мнѣ, дайте силу—
 Муки ляхамъ, муки!
 Муки имъ! чтобъ подземелье
 И тряслось и млѣло!»
 — Славно, парень, — ножикъ будетъ
 На святое дѣло!—
 Вотъ пойдёмъ-ко, брать; въ Лисянкѣ
 Знать себя дадимъ мы!..
 — «Хоть сейчасъ идемъ, голубчикъ,
 Мой отецъ родимый!..
 Полечу на край я свѣта,
 Полечу, достану.
 На край свѣта. — Да ужь видно
 Не сыщу Оксану!..
 Богъ дастъ сыщешь!.. А какъ тебя
 Зовутъ, прозываютъ?
 — «Яремою...»
 — А прозванье?
 «Я и самъ не знаю...»
 — «Ну, да ладно!.. Безъ прозванья
 Запиши Микола
 Въ этотъ списокъ... Пусть онъ будетъ...
 Ну, пускай хоть Голый...
 — Нѣтъ, не надо, это скверно!»
 — Такъ пиши... Бѣдою...
 — Все не такъ... Постой-ка... Пусть онъ
 Будетъ Галайдою...»
 Записали.
 «Ну, Галайда,
 Лихо погуляемъ!
 Сыщешь долю... А не сыщешь,—
 Наградить Богъ раемъ.»
 И Яремъ дади лошадь

Лишнюю съ обоза;
 Сѣлъ верхомъ... и улыбнулся,
 Да и снова въ слезы.
 Отгѣхали, оглянулся—
 Пылають Черкасы...
 — «Всѣ ли, дѣтки?...»
     — Всѣ, родимый!...
 «Съ Богомъ!...» Протанулась
 Вдоль Днѣпра козаковъ смѣлыхъ
 Братчина большая...
 А за ними старый кобзарь,
 Братьямъ не жѣщая,
 Ъдетъ вслѣдъ и тихо, подъ носъ
 Пѣсню запѣваетъ:
 «Гайдамаки, гайдамаки,
 «Желѣзнякъ гуляетъ!...»

Потянулись... а Черкасы
 Пуще все пылають...
 Все равно! Никто не смотритъ,
 Всѣ лишь шляхту лають;
 Кто съ сосѣдомъ ласы точить,
 А кобзарь играетъ...
 Желѣзнякъ же молодецки
 Молча выступаетъ.
 Идетъ тихо, куритъ трубку,
 Никому ни слова...
 А за нимъ нѣмой Ярема:
 Темная дуброва,
 Лѣсъ густой, и Днѣпръ широкій,
 Высокія горы,
 Небо, звѣзды, слава, люди,
 Даже злое горе—
 Все пропало!... Ничего онъ
 Словно знать не знаетъ;
 Сердце ноетъ; а бѣдняга
 Слезъ не проливаетъ...
 Нѣтъ, не плачетъ; горе жадно,
 Жадно выпиваетъ
 Его слезы, давить душу,

Сердце раздираетъ.
«Охъ, горючія вы слезы,
«Смоете вы горе,
Смойте его... Тяжко, трудно!...
И синяго моря,
И Днѣпра, чтобъ горе вылить,
И Днѣпра не станеть...
Погублю свою я душу...
Оксана, Оксана!...
Гдѣ ты, гдѣ ты? Что съ тобою,
Милая, родная?...
Посмотри ты на Ярему,
Поцалуй, лаская!...
Можеть, трудно ей, бѣдняжкѣ,
Трудно — умираеть,
Иль у барина... въ оковахъ
Жизнь свою кончаеть,
Вспоминая край родимый,
Милую Вильшану,
И меня зоветъ: «голубчикъ,
Обними Оксану!...
Обними меня сильнѣе,
Мой желанный, милый...
Гдѣ ты? Гдѣ ты?... Жизнь на свѣтѣ
Безъ тебя постыла...
Вѣтеръ вѣеть, завываетъ,
Гнетъ тополю въ полѣ...
И дѣвица гнется молча,
Гнетъ куда недоля..
Потоскуеть, и поплачетъ —
Забудеть... А можеть,
Ходить барыней спѣсивой...
Ляхъ же... Боже, Боже!...
Покарай на вѣки душу,
Вылей муки море,
Погуби меня на вѣки...
Да не этижъ горемъ
Губи сердце... разорвется,
Хоть было бы камень.
Доля моя, сердце мое,

Оксана, Оксана!...
 Гдѣ ты дѣлася, подѣлася?...»
 И хлынули слезы;
 Сильно, сильно полилися,
 Гдѣ онѣ взялися!...
 А Максимъ велитъ ребятамъ
 Въ лѣсѣ становиться...
 «Въ лѣсѣ, ребята, ужь свѣтаетъ...
 «Лошади устали...»
 Всѣ тихонько въ темномъ лѣсѣ
 Отдохнуть пристали...

ГУПАЛИВЩИНА (*).

Взошло солнце. Украина
 Гдѣ пылала, тлѣла;
 Кой-гдѣ шляхта по хоромамъ
 Запершись—горѣла.
 Всюду въ селахъ висѣлицы
 Заняты тѣлами,
 Только старшихъ.... Остальные жь
 Такъ лежать гурьбами.
 На улицахъ, на распутьяхъ
 Собаки и птицы
 Ъли шляхту и гуляли
 По нечистымъ лицамъ.
 И никто не защититъ ихъ:
 Дѣти да собаки
 Лишь остались... Жены тоже
 Пошли въ гайдамаки.
 Вотъ бѣда была какая
 Страшная, когда-то...
 Хуже ада!... Ну, за что же
 Братъ идетъ на брата?
 Вѣдь у всѣхъ одинъ отецъ былъ...
 Жить бы, веселиться!...
 Не умѣли, не хотѣли —

(*) Отъ слова «ступать»: бить, стучать.

Надо побраниться!...
 Надо крови брата, крови,
 Потому — у брата
 И добра всего довольно,
 И не скучно въ хатѣ...
 «Убьемъ брата, спалимъ хату!...»
 Сказали — и стало!...
 Все бѣ, казалось... Нѣтъ, на горе
 Сироты остались.
 Росли въ слезахъ, и выросли!
 Связанныя руки
 Развязались — и кровь за кровь,
 И муки за муки...
 Больно сердцу, какъ вспомнешь,
 Сколько ужъ убито!...
 Кто жъ виновенъ въ этомъ дѣлѣ?
 Ксендзы, езуиты.

Проходили гайдамаки
 Темными лѣсами:
 А за ними и Ярема
 Съ горькими слезами.
 Ужъ Ворѣновку минули,
 Вѣрбовку; въ Вильшану
 Пріѣхали... «Спросить развѣ,
 Спросить про Оксану?
 Не спрошу, чтобы не знали,
 За что пропадаю...»
 А порой той гайдамаки
 Вильшану минають.
 Обратился къ ребятишкамъ:
 «Ктитора убили?»
 — «Нѣту, дядя; мы слыхали,
 Что его спалили
 Тѣ—вонъ ляхи, что лежать тамъ;
 И дочь утащили;
 А ктитора на кладбицѣ
 Мы похоронили...»
 Не дослушалъ... «Неси, конь мой!...»
 И поводья кинулъ;

«Что вчера, пока не зналъ я;
 Съ ляхами не згинулъ!..
 А сегодня, хоть умру я,—
 И изъ гроба встану
 Мучить ляховъ... Охъ, моя ты
 Бѣдная Оксана!...
 Гдѣ ты?..» Голову повѣсилъ
 И шапкомъ сметется...
 Тяжко, трудно сиротинкѣ
 Съ горемъ побороться...

Между тѣмъ и Боровиковъ
 Хуторокъ минають;
 А корчма, гдѣ жилъ Ярема,
 Тлѣветъ, догораетъ.
 Усидѣхнулся мой Ярема,
 Тяжко усидѣхнулся!...
 Здѣсь предъ Лейбой сиротина
 Такъ недавно гнулъся,
 А сегодня... И жаль стало,
 Что бѣда минула!...
 Гайдамаки же съ дороги
 Влѣво повернули...
 И нагнали словно парня
 Въ бѣдной, старой свиткѣ,
 И въ заплаткахъ... Вся одежда—
 Ниточка на ниткѣ.
 — Слушай, дѣдушка, постой-ко!
 — «Что на старыхъ папки!
 Я не дѣдъ, а гайдамака...»
 — У, какой же гадкій!
 Ты откуда?
 — «Съ Кириловки...»
 — Чтò, Будища знаешь,
 И озеро тамъ же, близко...
 — «И озеро знаю...
 Тамъ оно; ступайте прямо,
 Вхатъ вамъ ужъ мало...»
 — Что, сегодня ляховъ видѣлъ?
 — «Нѣту, не бывало;

Вотъ вчера такъ пропасть было!...
 Воду не святили,
 Все ифнади... Да за то жь ихъ
 Дихо и побили!...
 Вотъ и я валяль сямченныи
 Эту чертовщину;
 Мать больна, а тоже лѣзла...
 — Ай да молодчина!...
 На жь возьми себѣ на прыникъ,
 Будеть на дорогу...
 Взяль червонецъ... удивидся...
 — «Ну, ребята, съ Богомъ!...
 Да потише, не шумите...
 Галайда, за мною!...
 Есть здѣсь озеро большое,
 Роша подъ горою;
 Какъ къ тому подѣдемъ лѣсу,
 Чтобъ кругомъ всё стали...
 Тамъ добро есть; можетъ, ляхи
 Наблюдать остались
 За добромъ тѣмъ...» Приѣхали
 И вкругъ лѣса стали;
 Смотрять... словно ни души нѣтъ.
 — «Чтобъ ихъ черти взяли!...
 Ишь они гдѣ, будто груши...
 Ну-ка сбей, ребята!...
 Да живѣе... Такъ ихъ, такъ ихъ!...»
 И конфедераты,
 Точно сгнвшія на вѣткахъ
 Груши, поспадали.
 Живо справились козаки:
 Погреба сыскали
 И добро въ нихъ; повытрясли
 Всѣ мошны у ляховъ...
 Да и снова потащились
 Колотить поляковъ...

ПИРЪ ВЪ ЛИСЯНКЪ.

Вечерѣло; изъ Лисянки
 Ярко засвѣтило:
 Это Гонта съ Желѣзнякомъ
 Трубки закурили.
 Страшно, страшно закурили!
 Въ адѣ не умѣютъ
 Такъ курить. Рѣка далеко
 Кровію алѣетъ,
 Кровью шляхетской, жидовской;
 А надъ ней пылаютъ
 Избы, барскія хоромы;
 Доля, знать, караетъ
 И вельможу, и обдвнягу...
 А середь базара
 Желѣзнякъ съ удалымъ Гонтой
 Кричатъ: «Ляхамъ кары!..
 Чтобъ покаались собаки!...»
 И сынки караютъ.
 Стовъ и плачь!... Одинъ врагъ просить,
 Этотъ проклинаятъ,
 Тотъ предъ братомъ, ужь убитымъ,
 Душу открываетъ.
 Словно смерть, не уважаютъ
 Ни годовъ, ни рода:
 Кровь полячки и жидовки
 Виѣстѣ льется въ воду...
 Ни больнаго, ни калѣки,
 Даже и дѣтны
 Не осталось; не уняли
 Жажды злой години.
 Всѣ легли, на вѣкъ уснули
 Въ этомъ адскомъ зноѣ;
 А пожаръ сильнѣй пылаетъ,
 Разгорѣлся вдвое;
 И широкими огнями
 Тучу нагрѣваетъ...

А Ярема то-и-дѣло
 Ляховъ проклиняетъ.
 Мертвыхъ рѣжетъ... Видно, сильно
 Злоба разобрала:
 «Дайте ляха, дайте жиды:
 Мало все ихъ, мало!—
 Дайте ляха, дайте крови
 Наточить съ поганныхъ!...
 Море крови... Мало моря...
 Охъ, моя Оксана,
 Гдѣ ты?...» крикнетъ и исчезнетъ
 Въ полыни пожара.
 А порой той гайдамаки
 Столы вдоль базара
 Посбирали; несутъ явству
 Гдѣ что понабрали,
 Чтобы засвѣтло поужинать;
 «Тѣшья!» заорали.
 Всѣ усѣлись; а кругомъ ихъ
 Словно адъ алѣетъ,
 И въ аду томъ на стропилахъ
 Труповъ рядъ чернѣетъ...
 Загораются стронины
 И валятся съ ними:
 «Пейте дѣтки, пейте, лейте;
 Съ барами такими
 Можетъ снова мы сойдемся,
 Снова погуляемъ!...»
 И Максимъ горѣлки кружку
 Разомъ осушаетъ.
 «За проклятые тѣ трупы
 Выпьемъ, братцы, снова!...
 Выпьемъ, Гонта, выпьемъ ради
 Праздника такова.
 Можетъ, долго не сойдемся
 Въ задушенной парѣ...
 Гдѣ жъ Валахъ нашъ? позовите.
 Поскорѣй кобзаря!
 —«Пой не дѣдовъ—икъ не хуже
 Самн мы караемъ;

Пой не горе — вѣдь его мы
 Знать совсѣмъ не знаемъ...
 Ты хвати, братъ, веселѣе,
 Чтобъ земля ломилась—
 Про вдовицу молодую,
 Какъ она томилась...»

(КОБЗАРЬ ИГРАЕТЪ, ПРИПѢВАЯ).

«Отъ села до села
 Музыка и танцы,
 Отдала за башмаки я
 Курицу и яйца.
 Отъ села до села
 Баба расплясалась:
 Ни коровы, ни вола —
 Лишь изба осталась.
 Я отдамъ, я продамъ
 Куму ту избу;
 Я куплю, я куплю
 Будочку сторонкой.
 Продавать, торговать
 Буду ведерцами,
 Танцовать, да гулять
 Буду съ молодцами.
 Охъ вы дѣтки мои,
 Умныя головки,
 Посмотрите, какъ танцуетъ
 Матушка въ обновкѣ.
 Сама въ наймы пойду,
 Дѣтокъ въ школу отдамъ,
 Башмачкамъ же, что купила,
 Лихо тронку задамъ...»

— «Славно, славно!.. Ну-ка къ танцамъ!..

Мѣсто для кобзаря!..»

И слѣпой кобзарь въ присядку

Дернулъ по базару.

«Что жь, братъ Гонта, дернемъ вмѣстѣ,

Дернемъ, братецъ, что-ли?...

Ну, въ присядку!.. Вѣдь покажѣсть

Не отняли воли!...

«Не дивитесь, чернобровки,
 Что я оборвался;
 Мой отецъ все дѣлалъ гладко, —
 Я въ него удался...»

— Лихо, любо! — Ей же Богу!..

Ну, — теперь Максиму...»

— «Подожди-ка!...»

«Вотъ такъ твори, какъ я творю,
 Люби дочку — не гляди чью:
 Хоть попову, хоть дякову,
 Хоть и просто мужикову.»

Все танцуетъ. Что жъ Ярема

Грустенъ такъ, бѣдняжка?

Сидитъ молча, одиноко,

Да рыдаетъ тяжко,

Какъ ребенокъ... Ну, чего бы?...

И въ цвѣтномъ кафтанѣ

Есть и золото, и слава? —

Плачетъ по Оксанѣ.

Де съ кѣмъ счастье въ подѣлится,

Какъ домой вернется;

Одинокимъ, сиротою

Умирать придется...

Плачетъ горько — и не знаетъ,

Что его Оксана

На томъ берегѣ, за рѣчкой,

Въ комнатахъ съ панамы;

Съ тѣми самыми ляками,

Что отца убили!..

(Что, злодѣи, людоѣды,

Много вы добыли?

Изъ-за стѣнъ теперь глядите,

Какъ судьба караетъ

Вашу братью?) Тамъ Оксана

Друга поджидаетъ,

Грустно глядя на Лисанку;

«Гдѣ-то мой желанный?»

Горько думаетъ... Не знаетъ,

Что онъ, безталанный,

Здѣсь... въ Лисанкѣ; и не въ смѣткѣ,

А въ двѣтномъ жупанѣ,
И томится, и крушится
Все по ней, Оксанѣ.
«Гдѣ она, моя голубка,
Бѣдненькая, плачешь?
Горько, больно!» А изъ лѣсу
Въ одеждѣ козачьей
Кто-то крадется...

— «Кто это?»

Парень окликаетъ;
— «Я посланникъ пана Гонты...
Пусть онъ погуляетъ,
Я дождуся...»

— «Не дождешься,

ерзкій жидъ, собака!»
— «Богъ съ тобою! Что за жидъ я,
Видишь — гайдамака;
Вотъ копѣйка; посмотри-ко,
Всякъ меня здѣсь знаетъ...»
— «Ладно, ладно!»—и свяченный
Ножикъ вынимаетъ.
— «Признавайся, жидъ проклятый,
Гдѣ моя Оксана?...»
Замахнулся...

— «Что вы? Боже!

Въ комнатахъ... съ панами...
Вся въ золотѣ...»

— «Выручай же,

Выручай, проклятый!»
— «Ладно, ладно... Да какой же
Стали вы завзятый!
Живо выручу Оксану,
Деньги все ломаютъ! —
Скажу ляхамъ: вмѣсто Паца...
Ну, а какъ узнаютъ?!
— Мнѣ-то что?

— «Иду, иду я...

Гонту забавляйте
Хоть немного; а тамъ пусть ихъ!..
Вы же погуляйте...

Привезти куда Оксану?»
 — Въ Лебединъ скорѣ!
 «Ладно, ладно!» — И Ярема
 Сталъ повеселѣ.

Желѣзнякъ взялъ въ руку кобзу;
 «Гляньте на кобзаря:
 Я сыграю, онъ станцуетъ
 Лихо на базарѣ!»
 Замахалъ кобзарь ногами,
 Приговаривалъ словами:
 «Въ огородѣ растутъ макъ, растутъ макъ!
 Чѣмъ тебѣ я не козакъ, не козакъ?
 Чѣмъ тебя я не люблю, не люблю,
 Иль тебѣ я черевичковъ не куплю?..
 Накуплю всего, родная,
 Распотѣшу, дорогая...
 Буду, сердце, холить,
 Буду, сердце, любить...»

«Ой гопъ-гопака!
 Полюбила козака,
 Да рябаго, да сѣдаго,
 Знать ужь долюшка горька!
 Иди жь, доля, за тескою,
 Ты же, старый, за водою:
 Я—такъ прямо до штика.
 Выпью чарку, и другую,
 Третью, пятую, шестую...
 Распаясалася въ конецъ!
 А за бабой молодецъ.
 Дѣдъ горбатый бабу клещетъ —
 Баба дѣду кукнишь тычетъ...
 Коль женился, сатана,
 Накупи ты мнѣ пшема;
 Надо дѣтокъ пожорить,
 Платьемъ плечки прикрыть,
 И себя не позабыть.
 Ты же, старый, не грѣши,
 Нашихъ дѣтокъ кодыши,
 Да молчи, не дыши.

«Какъ была я молодою да озорницею,
Я повѣсила перѣдникъ надъ оконницею;

Кто идетъ — не минеть:
То кивнетъ, то моргнетъ...
А я шелкомъ вышиваю
Да въ окошечко моргаю:
Охъ, Семены да Иваны!
Надѣвайте вы кафтаны,
Да со мной гулять идите,
Пляски, пѣсни заводите...»

«И... гу!..

Согнула батька дугу,
Мать веревочкой стани,
Дочка узелъ затыца...»

— «Ну, довольно, кричить Гонта,
Будеть, — погасаютъ
Ужъ огни... А гдѣ же Лейба,
Гдѣ онъ промадетъ?
Отыскать бы, да повѣсить
То свиное рыло!..
Съ Богомъ, дѣтки, въ путь-дорогу,
Чтобъ не темно было!..»
А Ярема: «Погуляемъ,
Погуляемъ, батька!..
Ишь, горитъ какъ; на базарѣ
И свѣтло, и гладко.
Потанцуемъ, нусть играсть...»
— «Нѣтъ, конецъ парущкѣ!
Огня, дѣтки, дагтю! Живо
Заряжайте пушки.
Все зажмемъ; ни иѣсть, ни реда
Мы не разбираемъ!..»
Заревѣли гайдамаки:
«Ладно, батька, амасъ!..»
Повалили черезъ рѣчку,
Пѣсни распѣвал.

А Ярема: «Стойте, братцы...
 Стойте, пропадаю!
 Подождите — не убейте
 Тамъ мою Оксану...
 Хоть минуточку, родные!
 Я ее достану...»
 — «Ладно, ладно!.. Желѣзнякъ, братъ,
 Крикни, чтобъ палили...
 Что тутъ много чваниться съ ляхами!..
 Ты же, сизокрильй,
 Сыщець лучше...» Оглянулся —
 Парня не встрѣчаетъ;
 Ревуть горы — а хоромы
 Съ ляхами гуляютъ
 Подлѣ тучи... Что осталось —
 Мигомъ запылало.
 «Гдѣ Ярема?» А Яремы
 И слѣда не стало...

Пока ребята забавлялись,
 Ярема съ Лейбою пробрались
 Въ хоромы, а изъ нихъ въ подвалъ.
 Оксану тамъ Ярема взялъ...
 Бѣдняжка еле ужъ дышала,
 И ничего не понимала —
 И въ Лебединѣ...

Л Е Б Е Д И Н Ъ.

«Я сиротка изъ Вильшаны,
 Добрая бабуся;
 Ляхи тятеньку убили,
 А меня... боюся,
 Боюся вспомнить, дорогая, —
 Увели съ собою!..
 Не спрашивай, родная,
 Что было со мною...
 Я молилась, я рыдала,
 Сердце разрывалось,

Сохли слезы, душа ныла....
 Охъ, когда бъ я знала,
 Что увижусь съ нимъ еще разъ,
 Поцалую снова —
 Вдвое, втрое пострадала бъ
 За одно лишь слово...
 Извини, моя голубка,
 Можетъ, я грѣшила,
 Можетъ, Богъ за то караетъ,
 Что я полюбила —
 Полюбила станъ высокій
 И карія очи;
 Полюбила — какъ умѣла,
 Какъ сердечко хочеть.
 И въ неволѣ не за тятю
 День и ночь молилась, —
 Нѣтъ, родная, я по миломъ
 Плакала, томилась...
 За грѣхи мои такіе
 Богъ меня не любить...
 Я ужъ думала, что горе
 Жизнь мою погубить.
 Я бы, можетъ быть, и душу
 На-вѣки сгубила...
 Трудно было!.. Я думала:
 «Господи мой милый!
 Онъ сиротка; кто жъ бѣдняжку
 Въ горѣ приласкаетъ?
 Кто о счастьѣ, о несчастьѣ
 Сердцемъ угадаетъ?
 Кто, какъ я, его обвинеть,
 Душу кто покажетъ,
 Кто убогому сироткѣ
 «Люблю тебя» скажетъ?»
 Такъ я думала, родная,
 И душа смѣялась;
 Я сиротка, одинокой
 Безъ родныхъ осталась,
 Онъ одинъ на этомъ свѣтѣ
 Меня вѣрно любитъ,

А услышать, что меня нѣтъ —
 И себя погубить.
 Такъ я думала, молилась,
 Друга поджидая;
 Нѣтъ и нѣтъ... Не скоро будетъ, —
 Знать, опять одна я...»
 И заплакала... А съ нею
 Виѣстъ и монашка...
 — Гдѣ я, бабушка, скажи мнѣ?
 — « Въ Лебединѣ, пташка.
 Не тревожься, будетъ хуже... »
 — Развѣ я больная?
 А давно ужъ я живу здѣсь?
 Ахъ, припоминаю!...
 Жидь... Майдановка... хоромы...
 Пламя надъ водою...
 Вспоминаю... О, мой Боже!...
 Звали Галайдою!...
 — « Галайдою, Яремою
 Что привезъ тебя ». —
 — А гдѣ жъ онъ?...
 О, теперь я знаю!...
 — « Въ воскресенье обѣщался
 Здѣсь быть... за тобою... »
 — Въ воскресенье?... Ахъ, какъ скоро!...
 Что это со мною,
 Дорогая? Мнивала
 Страшная година!
 Галайда тотъ — мой Ярема;
 Въ цѣлой Украинѣ
 Его знаютъ... Я видала,
 Села какъ горѣли,
 Я видала, какъ поляки
 И тряслись, и мѣли,
 Лишь слышать его нии
 (Не ждали пощады!...)
 Они знаютъ, кто такой онъ,
 И что ему надо...
 Онъ меня искалъ, голубчикъ,
 Орликъ сизокрилый ;

Прилетай же поскорѣе,
 Голубочикъ милый...
 Охъ, какъ весело на свѣтѣ,
 Весело какъ стало!...
 Въ воскресенье, дорогая...
 Три денька осталось —
 Охъ, какъ долго!...
 Загребай, мама, жаръ, жаръ,
 Будетъ тебѣ дочки жаль, жаль!... (*)
 Охъ, какъ весело инѣ стало! —
 А тебѣ, бабуся,..
 Тоже весело?
 — «Тобой я,
 Пташка, веселюсь...»
 — Что же ты заѣтъ не хочешь?
 — «Я уже наѣлася!...»
 Зазвонили къ вечернѣ,
 Бабушка одѣлась,
 И иконамъ помолившись,
 Въ церковь пошла...

Въ воскресенье въ Лебелнѣ
 Въ церкви распѣвали
 «Исаія лжуй!...» Утромъ
 Ярену вѣнчали,
 А подъ вечеръ мой Ярена;
 (Вотъ чудной дѣтина!..)
 Чтобъ Максима не рассердить,
 Оксану покинулъ.
 Съ Желѣзнякомъ на пожарахъ
 Праздники справляетъ;
 А бѣдняжка молодая
 Ждетъ да поджидаетъ...
 Ожидаетъ, не идетъ ли
 Съ боярами въ гости...
 Перевезть ее изъ калы
 Въ хату на помостъ.
 Не тоиися, а надѣйся

(*) Свадебная пѣсня

Да молюся Богу;
 Мнѣ жь теперь взглянуть на Умань
 Надо хоть немного.

ГОНТА ВЪ УМАНИ.

Проходятъ дни, проходятъ лѣто,
 А Украина все горитъ.
 По деревнямъ рыдаютъ дѣти,
 Отцовъ лишившись... Шалестить
 Сухими листьями дуброва,
 Гуляютъ тучи, солнце снить:
 Нигдѣ не слышно звука, слова...
 Лишь воетъ звѣрь, идя въ село,
 Гдѣ чуетъ трусы... Гайдамаки
 Ихъ не мѣшали ѣсть собакамъ,
 Пока ихъ снѣгомъ занесло...

Не мѣшали снѣгъ и вьюга
 Этой адской карѣ:
 Ляхи мерзли, а козаки
 Грѣлись на пожарѣ.
 Ужь весна дышавшемъ теплымъ
 Землю пробудила
 И цвѣтами молодыми
 Всю ее покрыла.
 Громкой гѣсенкой залился
 Жаваронокъ въ полѣ:
 Соловей отвѣтилъ трелью
 Звонкою на волѣ.
 Рай, и только!... Для кого же?
 Для людей. А люди
 Не хотятъ въ него и глянуть;
 Глянуть — такъ осудятъ.
 Надо кровью подкрасить,
 Освѣтить пожаромъ:
 Солнца мало, красокъ мало,
 Много тучъ — и даромъ.
 Ада мало!... Люди, люди!
 Скоро ли съ васъ будетъ

Того добра, что есть у вас?
Странные вы люди!...

И весна не помѣшала
Разливаться крови...
Больно глянуть! А какъ вспомнишь —
Такъ было и въ Троѣ,
Такъ и будетъ!...

Гайдамаки

Рѣжутъ, да караютъ:
Гдѣ пройдутъ — земля нылаетъ,
Кровью подплываетъ.
Отыскалъ Максимъ омычка,
Счастье Украины,
Не родной хоть сынъ Ярема,
А лихой дѣтина!
Баука рѣжетъ, и Ярема
Рѣжетъ, да лютуетъ,
На пожарнищакъ съ ножами
Днюетъ и ночуетъ.
Не помикуетъ, не минуетъ
Ляха ни одного...
Онъ за ктитора нибъ плачетъ,
За отца святаго,
За Оксану... И вздрогнетъ весь,
Вспомнивъ объ Оксанѣ,
А Максимъ: «Гудай, покажѣть
Всѣ мы не устанемъ!...
Погудаемъ!...»

И козакъ

Лихо погуляли!
Вплоть отъ Кіева по Умань
Трупы все лежали...

Черной тучей гайдамаки
Умань обложили,
И до утра, ранымъ рано
Умань запалили.
Запалили, закричали:
«Бейте ляховъ снова!»

Покатились по базару
 Конны паgodowi (*);
 Покатились ребятишки,
 Хворые калѣки,
 Крикъ и шумъ... А на базарѣ
 Крови рѣки, рѣки...
 А въ рѣкахъ тѣхъ смѣлый Гонта
 Съ Максимомъ завзятымъ
 Понукають: «Славно, дѣтки,
 Такъ ихъ распроклятыхъ!»
 А вотъ тащатъ гайдашаки
 Ксендза езуита
 И двухъ дѣтокъ... «Гонта, это
 Вѣдь твой сыны-то!...
 Ты насъ рѣжешь — и они вѣдь
 Дѣти католички...
 Что жь стоишь ты? Что не рѣжешь,
 Благо, не велички.
 Рѣжь... А то повырастаютъ
 И тебя зарѣжутъ...»
 — Пса убейте, а щенятъ я
 Самъ сейчасъ зарѣжу.
 Клячь *громаду*. Признавайтесь,
 Вы полячки дѣти?...
 — «Да, полячки... Наша мама...»
 Охъ, какъ тяжело въ свѣтѣ!
 Замолчите, знаю, знаю!...
 Дѣти вы полячки...
 Вотъ, *громада*, чтобъ козакамъ
 Не было потачки...
 Присягалъ я... долженъ драться
 Вѣкъ свой съ поляками...
 Охъ, сынки мои родные,
 Какъ мнѣ горько съ вами!
 Что не рѣжете вы ляхи?
 — «Будемъ рѣзать, титя!»
 — Нѣтъ, не будете, бѣдняжки...
 Отчія проклятыя

(*) Польская конница.

Пусть убьютъ ту мать, что на свѣтъ
 Бѣдныхъ васъ родила!
 Что она до утра рано
 Васъ не утопила!
 Вы бы умерли, родные,
 Съ меньшими грѣхами...
 А сегодня!... Охъ, сыночки,
 Какъ мнѣ тяжело съ вами!...
 Васъ убить бы безъ присяги
 Силушки бѣ не стало!...
 Поднялъ ножъ... взмахнулъ — и дѣтокъ
 Словно не бывало!...
 Повалились мертвецами.
 «Тятя!» лепетали;
 «Тятя, тятя... Мы не ляхи,
 Мы...» — и замолчали.
 — Схоронить ихъ? — Нѣтъ, они вѣдь
 Дѣти католички.
 Охъ сынки мои, сыночки,
 Что вы не велички?...
 Что не рѣзали вы лаха,
 Матерь не убили,
 Ту полячку, что на свѣтъ васъ
 Бѣдневенькихъ родила...
 Ну, идемъ братья! —

Взлѣтъ Максима

И пошли базаромъ,
 И идя вавоемъ кричали :
 «Кары лахамъ, кары!»
 И карали жь! Страшно, страшно
 Уманъ запылала!...
 Ни въ хоромахъ, ни въ костѣлѣ
 Лаха не осталось —
 Всѣ легли. Тотъ праздникъ будешь
 Помнить по неволѣ,
 Что когда-то былъ въ Украинѣ!...
 Базилянъ школу,
 Гдѣ учились дѣты Гонты,
 Самъ онъ разрушаетъ :
 «Ты поѣла бѣдныхъ дѣтокъ!»

Въ горѣ восклицаетъ;
Ты забла, и добру джъ
Бѣдныхъ не учила...
Бейте стѣны!...»

Гайдамаки

Стѣны развалили,
Развалили — и о камне
Ксендзовъ всѣхъ побили.
Ребятишекъ же въ колодезѣхъ
Разомъ утопили.

До самой до ночи съ дѣдами возились,
Души не осталось. А Гонга кричалъ:
«Вы, гдѣ людовѣды, куда проабидились?
Заблн сыночковъ... Какъ трудно мнѣ жить!
Какъ больно мнѣ плакать! Не стъ кѣмъ говорить!
Куда подбѣвадись ихъ черныя брови!
О, дайте напиться мнѣ шляхетской крови,
Чтобъ кровью той жажду да вѣкъ утолить;
На вѣкъ насмотрѣться, какъ кровь да чернѣть,
И вдоволь напиться... Что вѣдѣть да вѣдѣть,
Ляховъ не нагонитъ?... Какъ трудно мнѣ жить!
Какъ трудно мнѣ плакать! Вы, заблны, виддите
И спрячѣтесь за тучи... Я васъ не виддѣлъ!...
Родные сыночки оденѣ ихъ убиты!
Куда-то я дѣвусь?...»

Такъ Гонга кричалъ,

По Умани бѣгалъ; а середъ базара,
Въ крови гайдамаки собирали столы,
Гдѣ что понабрали, сюда все свезли
И сѣли поужинать... Последняя кара,
Последній и ужинъ!

«Гудѣйте, сынки!

Кути, пока пьется, руби, пока бьется!»
Кричитъ Желѣзнакъ нѣтъ. — «А ну, молодець,
Вальни вѣселѣе, земля пруской пьетел;
Пускай погуляють нем доавни!»
И кобзарь запѣлъ нѣтъ:

«А мой батька арендаръ,
Чоботаръ;

Моя matka пришла
 Да сваха;
 Мои братья соколы,
 Привели
 И корову изъ дубровы
 И монистовъ нанесли.
 А я себѣ Христа (*)
 Въ монистахъ,
 А вокругъ ворота все листья
 Да листья,
 И сапожки, и подковы...
 Выйду утромъ я къ коровѣ:
 Я корову напою,
 Подою,
 Съ молодцами постою,
 Постою!...»

Всѣ гуляютъ... Гдѣ же Гонта?
 Чтѣ онъ не гуляетъ?
 Что не пьетъ онъ съ козаками,
 Иль не распѣваетъ?
 Нѣтъ его; теперь бѣднягѣ
 Видно не поется!...
 Кто жь такой среди базара
 Слово воръ крадется?
 Сталъ надъ кучей мертвыхъ ляговъ,
 Кучу разрываетъ,
 И оттуда двухъ малютокъ
 Трупы вынимаетъ.
 Взялъ съ собой — и скоро, скоро
 Позади базара
 Запачгалъ по вражьиимъ трупамъ
 Въ поляхъ пожара,
 За костоломъ. Кто же это?
 Гонта, какъ убитый,
 Хоронить идетъ синочювъ,
 Чтобъ земли покрыты
 Были; чтобъ козачье тѣло
 Злые псы не ѣли...

(*) Собственное имя.

И по улицамъ по тонныиъ,
Меньше гдѣ горѣло —
Онъ понесъ своихъ сыночковъ:
Пусть никто не знаетъ,
Какъ козакъ надъ сыновьями
Слезы проливаетъ.
Вынесъ въ поле; освященный
Ножикъ вынимаетъ,
И ножомъ тѣмъ роетъ яму...
Умань же пылаетъ,
Освѣщая степь далеко;
И въ багровомъ свѣтѣ
Видны мертвыя головки...
Что жъ такъ страшны дѣти?
И чего боится Гонта?
Даже затрясется,
Какъ порою крикъ козачковъ
Въ поле пронесется.
Онъ глубокую могилу
Дѣточкамъ копаетъ...
Приготовилъ... Взялъ обонхъ,
Глазъ не отрываетъ...
И кладетъ ихъ въ ту могилу,
На сынковъ не глядя...
Будто слышитъ голосокъ ихъ:
«Мы не ляжи, тятя!»
Положилъ ихъ, и китайку
Скоро вынимаетъ...
Смотреть... въ очи ихъ цалуеть,
Крестить... накрываетъ
Той китайкою головки,
Головы козачьи...
Сдернулъ... снова смотритъ въ очи...
Горько, горько плачетъ!...
«Охъ вы дѣтки, посмотрите
«На ту Украину,
«За которую легли вы...
«За нее жъ я сгниу!
«Кто жъ меня тогда зароетъ
«На далекомъ полѣ?

«Кто заплачет надо мною? ..
 «Доля моя, доля!...
 «И зачѣмъ меца ты доля ..
 «Горемъ подарила?
 «Ты зачѣмъ дала мнѣ дѣтокъ,
 «Батьку не убила?
 «Пусть зарыли бѣ... А теперь ихъ
 «Батько зарываетъ!...»
 Снова крестить, и землю
 Яму засыпаетъ.
 «Спите жъ, дѣтки, въ темной ямѣ
 «Сномъ глубокимъ, тяжкимъ!
 «Сука-мать другой постели
 «Не дала бѣдняжкамъ.
 «Безъ цвѣточковъ, василечиковъ.
 «Спите вѣчно, дѣти!
 «Да просите вы у Бога,
 «Чтобъ на этомъ свѣтѣ
 «Покаралъ меня жестоко
 «Безъ конца, безъ мѣры...
 «Я жъ васъ бѣдняшникъ прощаю,
 «Что вы польской вѣры...»
 Сравнилъ землю, накрылъ дерномъ,
 Чтобъ не видно было,
 Гдѣ рука отца-козака
 Дѣтокъ схоронила.
 «Спите, батьку ожидайте,
 «Скоро онъ придетъ!...
 «Скороталъ онъ вѣкъ вашъ, дѣтки,
 «И ему то будетъ...
 «И меня схоронять скоро...
 «Кто же? Самъ не знаю...
 «Гайдамаки? Тамъ еще жъ разъ
 «Съ ними погуляю!...»

И пошелъ, бѣдняга, грустный,
 Ступить — спотыкиется...
 На пожаръ-порою взглянуть,
 Взглянуть — усѣкивается...
 Страшно, страшно усѣкался:

Дрожь за сердце брала!...
 Вытерь слезы... И за дымою
 Еле видно стало...

Э П И Л О Г Ъ.

Давно то минуло, какъ малой дѣтиной
 Сироткой я бѣднымъ когда-то блуждалъ
 Безъ платья, безъ хлѣба по той Украинѣ,
 Гдѣ Гонта съ Максимомъ, бывало, гулялъ...
 Давно то минуло, какъ тѣми путями,
 Гдѣ шли гайдамаки, босыми ногами
 Ходилъ я и, плача, людей все искалъ...
 Я долго о прошломъ въ слезахъ вспоминалъ,
 И долго жалѣлъ я, что горе минуло...
 О, еслибъ ты снова ко мнѣ завернуло,
 Отдалъ за тебя бы я счастье свое!
 Какъ вспомню то горе, тѣ степи родныя,
 И дѣда, и батька... О, годы былые,
 Какъ грѣли, холили вы сердце мое!...
 Бывало, въ субботу, Минею закрывши,
 По чаркѣ съ сосѣдомъ горѣлки хвативши,
 Просилъ отецъ дѣда, чтобъ тотъ разсказалъ
 Про Колювщину (*), какъ прежде бывало...
 Какъ Гонта съ Максимомъ ляховъ пок арадъ.
 Столѣтнія очи, какъ звѣзды сіяли,
 А слово за словомъ сѣялось, лилось
 Какъ ляхи страдали, какъ села горѣли...
 Сосѣди, бывало, отъ страха нѣмѣли,
 И мнѣ, молодому, не разъ довелось
 За ктиторомъ плакать... И рѣдко кто знаетъ,
 Что малый ребенокъ за печкой рыдаетъ.
 Спасибо, родимый, что ты разсказалъ,
 Про славу козачью, про славу родную,
 Теперь я потомкамъ ее передаю.

(*) Отъ мѣста, замѣчательнаго по бунту! Выраженіе, сходное съ русскимъ «Пугачевщина».

Люди добрые, простите,
 Что былину эту,
 Не спросившись прежде книги,
 Я повѣдалъ свѣту.
 Такъ давно мнѣ дѣдъ передалъ
 Просто безъ затѣи.
 Онъ не зналъ, что прочитають
 Люди-грамотѣи.
 А теперь, покамѣсть, кончу
 Я свою былину;
 И сквозь сонъ хоть посмотрюся
 На ту Украину,
 Гдѣ ходили гайдамаки
 Съ острыми ножами;
 На пути тѣ, что я шѣрлялъ
 Малыми ногами.

Погуляли гайдамаки,
 Славно погуляли!...
 Чуть не годъ поляковъ кровью
 Землю обливали
 Украины; и замолкли —
 Ножъ свой иззубрили.
 Нѣту Гонты, и креста нѣтъ
 На его могилѣ.
 Вѣтры буйные раздули
 Пепель гайдамака...
 И некому помолиться,
 Некому заплакать!...
 Лишь одинъ его названный
 Братъ на цѣломъ свѣтѣ;
 Да и тотъ, узнавъ, какъ страшно
 Вражескія дѣти
 Его брата замучили —
 Желѣзнякъ уныло
 Первый разъ заплакалъ въ жизни...
 Да и слегъ въ могилу...
 Злое горе задавило
 Средь чужаго поля,
 И чужой землей накрыло...

Знать такая доля!
 Грустно, грустно гайдамаки
 Желѣзную силу
 Со слезами уложили
 Въ темную могилу...
 И, поплакавъ, разошлись
 Кто куда попало...

Лишь названнаго сыночка
 Горе разобрало,
 Приунылъ... Усни, отецъ мой,
 На чужомъ на полѣ,
 На своемъ, знать, мѣста мало...
 Мало мѣста волѣ...
 Спи, козакъ! — И надъ тобою
 Кто нибудь заплачетъ!...

И побрелъ, бѣдняга, степью
 Горько, горько плача,
 Шелъ, да шелъ, назадъ глядѣлъ все...
 И не видно стадо...
 Лишь одна могила въ полѣ
 Темная осталась...

Гайдамаки на Украинѣ
 Жито засѣвали;
 Да пожать не удалось имъ —
 Все чужіе сжали.
 Нѣту правды, не выросла,
 Кривлѣ лучше стало...
 Разбрелися гайдамаки,
 Кто куда попало:
 Кто домой, а кто съ *свояченицъ*
 Въ темную дуброву
 Добивать жидовъ... Такая
 И осталась слава...
 А порой той и до Сѣчи
 Старой подобались:
 Все разрушили, разбили;
 Только и остались,

Что пороги середь степи
 Страшно завываютъ:
 «Позарыли нашихъ дѣтокъ
 «И насъ разрываютъ...»
 Разревѣлись... Пусть ихъ воютъ,
 Время ихъ минуло...
 А Украина знать на вѣки,
 Бѣдная, заснула...

И съ тѣхъ поръ на Украинѣ
 Жито зеленѣетъ;
 Нѣтъ ни грохота, ни плача,
 Только вѣтеръ вѣетъ,
 Нагиная вѣрбу въ лѣсъ
 И траву на погѣ.
 Все замолкло, все заснуло...
 Знать, ужъ Божья воля.

Лишь порою, гайдамаковъ
 Братчина Большая
 Прошетется въ часъ вечерній,
 Пѣсни распѣвая:

«У нашего Галайды хата на помостѣ.
 Тѣшься, море! Славно, море!
 Славно будетъ, Галайда!...»

Д Ъ С Ъ.

СЦЕНЫ ИЗЪ НАРОДНАГО ВЫТА.

(Ночь. Лугѣшина въ лѣсу. Посрединѣ разложенъ костеръ. Направо шалашь).

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Антонъ и Семенъ сидятъ у костра; Прохоръ поодаль лежитъ на армякъ.

Антонъ (*подкладывая хворостъ*). Ночь-то какая... Тихо!...

Семенъ. Тихо...

Прохоръ (*зѣвая*). Время чудесное... (*Молчаніе*) Эко, братцы, это лѣсъ!.. Чего въ снѣ нѣту: и трава всякая, и птица разная...

Антонъ. Божье произволенье...

Семенъ. И кладъ, ежели когда попадется — все въ лѣсу... Что за причина, братцы: тетка Арина девять зорь ходила за кладомъ. Станетъ копать — все уходитъ; пойдеть домой — опять покажется. Такъ и не дался.

Прохоръ. Братъ, значить, не ушла. Безъ разуму тоже не возьмешь.

Семенъ. Я бы сейчасъ ухватилъ.

Прохоръ. Ухватилъ одинъ такой-то!.. Я тоже однакъ ходилъ, ходилъ...

Антонъ. Може, его и не клали...

Прохоръ. Кладъ былъ... это вѣрно.

Семенъ. Что жъ, братецъ мой, во снѣ тебѣ это привидѣлось, аль какъ? Тетка Арина сказывала, вишь ей старецъ во снѣ объявился: «хочу, говорить, я, раба Божья, счастье твое тебѣ

сдѣлать; ступай ты, говорить, на зорѣ къ Оедькину дубу, только ты иди, а назадъ чтобы не оглядывайся; придешь ты, говорить, къ Оедькину дубу, оборотись къ зеленому лугу, отойди девять шаговъ и копай тутъ....»

Прохоръ. Нѣтъ, мнѣ бѣглый солдатъ означилъ... по его рѣчамъ я искалъ.

Антонъ. Поймалъ ты, значить, его, солдата-то?

Прохоръ. Поймалъ.

Семенъ. Какой смѣлый!..

Прохоръ. Чего робѣлъ-то?

Семенъ. Какъ чего, братецъ мой, — убѣеть.

Прохоръ. Ничего. На войнѣ ежели — вѣстимо убѣеть; а въ лѣсу онъ ничего, потому отощаетъ. Въ лѣсу, что онъ ѣсть? Ытъ ему нечего... Ягода... Ягодой, али корешкомъ какими ни на есть сытъ не будешь. Ну, и отощалъ человекъ, — силу, значить, забрать не можеть. Опять и ружья этого при емъ нѣтъ.

Антонъ. А ты въ лѣсу его захватилъ?

Прохоръ. Въ лѣсу; опричь лѣсу ему жить негдѣ. Шелъ я тогда на покось, только-что солнышко встало; смотрю, голова, а онъ сидитъ это, муніцію свою заправляетъ. Подошелъ я къ ему. Увидалъ это онъ меня — ровно бы вотъ листь затрясся. Какой ты такой есть человекъ? говорю. — «Ступай, говорить, дядюшка, своей дорогой, коли худа себѣ не хочешь.» — Задѣлъ, говорю: — иди мнѣ некуда: я здѣшній. — «Ничего ты, говорить, сдѣлать мнѣ не можешь; потому, говорить, я служу Богу и великому государю.» — Мнѣ, говорю, твоя душа ненужна, а что собственно къ начальству я тебя предоставлю. Испужался.

Семенъ. Испужался?!...

Антонъ. Испужаешься! За это ихняго брата не хвалятъ.

Прохоръ. Гдѣ хвалятъ!... Дѣлать, говорю, нечего, другъ мой сердешный, поидемъ. — «Есть, говорить, на тебѣ крестъ?» — Есть, говорю. — «Крещеный ты, говорить, человекъ, а своего брата не жалѣешь: мнѣ вѣдь, говорить, наказанье великое будетъ.» — Я этому, говорю, голубчикъ, не причинень.

Семенъ. Какъ же, сейчасъ ему лопатки назадъ и закрутилъ?

Прохоръ. Безъ этого нельзя... порядокъ. Завязалъ это и ему назадъ руки, повелъ къ становому. — «Пусти, говорить, цѣня, дядюшка, кладъ я тебѣ за это покажу, въ купцы тебя произведу.» — Сказывай, говорю, гдѣ? Коли вѣрно скажешь — дамъ. — Сталъ это мнѣ сказывать примѣты, гдѣ и что, а ребята вавьковскіе нашъ на встрѣчу: «на войну, что ли, говорятъ, госпо-

да честные, «двое?» Обступили насъ, стали допрашивать, да такъ вплоть до становаго и шли. Онося ужъ я искалъ, искалъ этого нѣста: ровно и похоже найдешь, — станешь копать — нѣтъ. Такъ и бросилъ.

Семенъ. А кабы иначе? — даво бы было.

Прохоръ (*повернувшись на другой бокъ*). Пущай кто другой ищетъ.

Антонъ. Соловьи-то пѣть перестали. Очень ужъ я люблю, когда соловей поетъ.

Прохоръ (*альсал*). Синица лучше.

Антонъ. Гдѣ жъ синицы!... Синицы супротивъ соловья не сдѣлать.

Прохоръ. Сдѣлаеть...

Антонъ. Невозможно!... Да ты соловьевъ-то слыхалъ ли?

Прохоръ. Гдѣ слыхать! У насъ ихъ на мельницѣ тьма тьмуша, и домки такіе для ихъ понадѣланы.

Антонъ. Это скворцы!...

Прохоръ. То бишь, скворцы... Все равно, и скворцы поютъ!

Антонъ. Соловей, ежели теперича, когда пѣть ему, онъ сейчасъ... фю, фю. (*Подражаетъ пльню соловья; въ лесу раздаётся свистъ*).

Семенъ (*прислушиваясь*). Что свистишь-то!

Антонъ. А что?

Семенъ. Погоди... молчи... (*Всѣ прислушиваются; опять раздаётся свистъ*).

Прохоръ. Разгуляться вышелъ.

Антонъ. Кто?

Прохоръ. Кто? — Известно, кто.

Семенъ. Теперича, ежели табунъ гдѣ близко, весь табунъ угонить.

Прохоръ. Ничего, стороной пройдетъ.

Антонъ. Да что вы, черти, это сычъ.

Семенъ. Похоже!

Антонъ. А то нѣтъ?! Эхъ вы оглашенные!...

Прохоръ. Коля свистать — ничего; а иной разъ ровно ма-дое дитя плачетъ... какъ есть ребенокъ.

Семенъ. У насъ дѣто-са подь самый Успенскъ день табунъ угонать.

Антонъ. Ну, ври подь птицину-то!

Семенъ. Вплоть до рѣки гналъ.

ПРОХОРЪ. Какъ до рѣки догвалъ, такъ и шабашъ, давши не ноговить, жалѣеть тоже скотинку-то.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

ПАВЕЛЪ, лѣсникъ (выходить справа).

ПАВЕЛЪ. Что жъ огонь-то не гасите... не спите.

СЕМЕНЪ. Такъ, сами промежду себя разговариваетъ.

ПАВЕЛЪ. Спать чай пора.

ПРОХОРЪ (*тихо*). Самъ сейчасъ окликался...

ПАВЕЛЪ. Въ обходъ ходилъ — не слышалъ. Что жъ, мы къ этому привычны, это намъ ничего.

СЕМЕНЪ. А мнѣ, братецъ ты мой, жутко стало.

ПАВЕЛЪ. По первоначалу, какъ я въ лѣсъ пошелъ, и мнѣ жутко было. Привыкъ. Идешь, бывало, по лѣсу-то, все нутро въ тебѣ переворачивается, а теперь ничего. Дихаго челоуѣка бойся, а лѣшій ничего тебѣ не сдѣластъ. Домовой хуже; тотъ наваливается, а лѣшій, коли онъ ужъ оченно когда разбудуется, такъ онъ только тебя обойдетъ. Опять же на него молитва такая есть... особенная. Коли кто эту молитву знаетъ, тому ничего.

СЕМЕНЪ. А ты, дядя Павелъ, знаешь?

ПАВЕЛЪ. Намъ нельзя безъ этого. Я окромѣ молитвы заговоръ на его знаю. Куда хошь иди — не тронетъ.

ПРОХОРЪ. Обучи насъ.

ПАВЕЛЪ. Не переймете. Зря тоже этого не сдѣлаещъ.

СЕМЕНЪ. Ему заговоръ ничего; заговору онъ не боится.

АНТОНЪ. А мнѣ, братцы, дворянинъ одинъ въ Калугѣ сказывалъ про лѣсовиковъ-то: «ты, говоритъ, ничему атому не вѣрь: никакихъ лѣсовиковъ нѣтъ, такъ это болтають»,

ПАВЕЛЪ. Много знаетъ твой дворянинъ-то!

АНТОНЪ. Ни лѣсовиковъ этихъ самыхъ, ни вѣдьмовъ—ничего, говоритъ, этого нѣтъ.

ПАВЕЛЪ. Посадилъ бы я его ночи на двѣ въ сторожку, такъ онъ бы узналъ, какъ ихъ нѣтъ-то. Вотъ темныя ночи пойдутъ осенью, пуцай придетъ посидить. Нѣту!... Да вотъ, какъ разъ грабалоо, слушай. Знаешь ланувскій срагъ—мы тамъ рѣшу караулили. (*Садится у костра*) Дѣло близъ Покрова было. Объ эту пору ночи бывають темныя... дожди пошли... колѣдне и смерть!... Идешь по лѣсу-то, да думаещъ, зачѣмъ; медь на себѣ федила.

Семенъ. Бѣда, собласть умереть!

Павелъ. Спишь это мы... Часу такъ въ двѣнадцатомъ, слышу, братецъ мой, словно что около сторожки ковыль. Походь, походишь—перестань. Оремна была у насъ собака... прося, бывало, отца родного не подпустить... волка разъ зачеребила... Орелка разъ два тавшула, замолчала. Думаю, должно кѣсь. Только опять—то легъ, какъ Орелка завнежить, какъ завость, вотъ надо быть кто ей задъ отшибъ. Такъ меня шоровъ по кожѣ. Мартынъ проснулся. Видь, говорить, Павелъ, посмотри. Отворилъ я дверь—то, Орелка прижалась къ косяку, сидитъ... Самцу, братецъ ты мой, около самой сторожки лошадь заржала... Такъ у меня волосы на головѣ подыались. Хочу назадъ—то идти, ужъ и двери не найду. Ходилъ, ковыль, индо шикоманка забила, а лошадь нѣтъ—нѣтъ, да опять заржетъ.

... Свѣшля. Страсы!... Я бы убѣгъ!

Павелъ. Да куда бѣжать—то? Окромя сторожки — некуда. Вдальнѣ въ сторожку—то: дядя Мартынъ, говорю, у сторожки лошадь ржетъ, должно, за лѣсомъ прѣехали. Заругался мой Мартынъ — шумихъ отъ былъ хворый, сердитый—«убью, говорю, двѣ смерти кто попадется.» Вышли мы изъ избы—то, а по лѣсу топорище такъ и звонить. Слышь, говорю, дядя Мартынъ. —Слышу, говорить... убью сейчасъ!...» Побѣжали мы. Сталъ Орелку усыпать—не лагетъ, идетъ сзади. Что, думаю, за причина? Дадъ раза въ бокъ, — только заскучала.

Семенъ. Слышь, ребята?

Павелъ. Не трожь спать.

Семенъ. Ну!

Павелъ (*вполголоса*). Съ полверсты мы прошли: топоръ близко, а на слѣдъ не попадемъ, потому темно оченно. Шли, шли... рядомъ шли... дядя Мартынъ, говорю... Дядя Мартынъ голосу своего не подаетъ. Что за оказія! крикнулъ это я; дядя Мартынъ! Слышу, Мартынъ далече отъ меня вправо остался. Я вправо взялъ, опять крикнулъ: дядя Мартынъ слѣва окликнулся, а топорище таятъ, таятъ... Завернулъ я къ ему на голосъ—то, сталъ Орелку кликать и Орелка пропала!... Ну, думаю: пушай всю рощу вырубать—пойду домой, потому страшно ужъ оченно стало, опять же и озябъ... такъ, голова, продрогъ... смерти! Повернулъ назадъ, пошелъ. Иду да и думаю: «самъ не балуетъ ли?..» Только, братецъ, это я подумалъ, какъ по всему-то лѣсу: ого-го-го-го! Оремна такого я крику не слыхивалъ. Такъ у меня,

руки-ноги подкосились! хочу крестъ на себя положить—рученьки мои не владѣютъ.

Семенъ. Меня надо и теперь дрожь прохватная.

Павелъ. Очувствовался—не знаю, куда идти. Ватюшка; горю, угодникъ, выручи... Сотворилъ молитву, легче стало. Къ сѣбѣ ужь домой-то пришелъ: за нѣть версть онъ меня отъ сторожки-то угналъ, да въ самое бучило въ обратъ-то завелъ. Кабы, кабы, маленько еще — утопъ бы.

Семенъ. Ахъ ты, Господи!

Павелъ. «Ну», думаю: «накъ приду домой, этого самого дялю Мартына на части разорву.» Стагъ ему выговаривать-то, и онъ говоритъ: ты, надо полагать, въ умъ рехнулся. Я, говорить, всю ночь изъ избы-то не выходилъ.

Семенъ. Онъ все, значить.

Павелъ. Кому жь, окромя его. Шість недѣль опосля этого я выхворалъ; всѣ волосья повылѣзали. Разовъ пять меня отчитывали, на силу на ноги поставили. Сама еперальна Пальчикова лечила, корочки съ нарѣзоромъ давала, ничего не дѣйствовало. Такъ вотъ, какъ изъ нѣтъ-то! Можетъ, дворничина-то онъ не трогаеть, а нашему брату отъ его шибко достается. *(Встаетъ и потягивается)* Спать теперь ча.

Семенъ. Кому спать, а намъ Господи благослови!... По травушку, по муравушку... *(Надъсаетъ армякъ)* Очевно ужь я люблю, когда ежели разговариваютъ про чертей, али бы про разбойниковъ... просто, сейчасъ умереть! спать не хотца.

Павелъ. Какже, не спамши-то?

Семенъ. Я выспался. Я съ вечеренъ спалъ. *(Подходитъ къ Антону и толкаетъ его ногой)*. Вставайте, ребята.

Антонъ. Только было...

Семенъ. Скотину выгнали.

Прохоръ. Господи благослови!

Павелъ. Жистъ вамъ, ребята!

Семенъ. Какая жистъ!...

Павелъ. Покошь подошелъ... коси да коси...

Антонъ *(набивая трубку)*. Акиштафуна дорогу закурить, дяло-то ходчѣй пойдетъ.

Всѣ. Прощай, дядя Павелъ.

Павелъ. Съ Богомъ.. дай Богъ часъ!...

Москва,
14 апрѣля.

Д. ГОРБУНОВЪ.

ЖУРНАЛИСТИКА ВО ФРАНЦІИ ДО ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

II.

Приведенные нами въ первой статьѣ факты достаточно свидѣтельствуютъ, что во французской прессѣ прошедшаго столѣтія незнакома была такъ-называемая благодѣтельная гласность; только на первыхъ порахъ писателямъ прежде всѣхъ пришлось видѣть свои имена и поступки выведенными печатно на поученіе или потѣху читателей, безъ похвалъ, нерѣдко съ приправой обвиненій и жолчиныхъ выходокъ. Объяснить такое явленіе не трудно, если знать состояніе современнаго французскаго общества и положеніе въ немъ людей, занимавшихся литературой. Кромѣ того, существуетъ повѣрье, что писатели вообще народъ самый раздражительный и всегда высококачественный о себѣ, а тѣмъ паче о своихъ произведеніяхъ. Повѣрье это разительно оправдывается исторіею французской журналистики разсматриваемой эпохи. Въ тѣ времена, если какой нибудь скептикъ, соскучась застоємъ и пошлостью, въ которые бываетъ иногда погружена литература вслѣдствіе разныхъ вліяній, рѣшался во Франціи выместить свое недовольство меткой выходкой, или даже просто шуткой на своихъ собратіяхъ, то послѣдніе, пользуясь правами авторитетовъ на основаніи пословицы — «на безлюдіи и Тома дворянниги», тотчасъ же накидывались съ ожесточеніемъ на бѣднаго скептика. Немедля долго, они начинали или сами, если были только въ состояніи, кропать отвѣтныя статейки, или поручали это своимъ клеветамъ и наемникамъ, готовымъ на все, лишь бы только прислужиться обиженному патрону. Эти наемники и клеветы, въ пылу

продажнаго негодованія, почти всегда заходили такъ далеко, что вмѣсто оправданія благодѣтеля, дѣлали его смѣшнымъ въ глазахъ читателей, а онъ набиралъ новыхъ бойцевъ за себя и т. д.

Первый маневръ, который дѣлали освистанные французскіе hommes de lettres, состоялъ по обыкновенію въ томъ, что заявлялось почтеннѣйшей публикѣ о размноженіи въ послѣдніа, тяжелыя по истинѣ времена мальчишекъ-сорванцовъ, которые изъ шарлатанства не признаютъ ничего возвышеннаго и готовы закидать грязью самыя почтенныя личности. Разузнется, возвышенными и почтенными самолюбивые писаки имѣли слабость считать ни кого инаго, какъ свои собственныя, часто весьма обыкновенныя особы, долженствоваша, также по ихъ мнѣнію и неизвѣстно почему, быть поприкосновенными. Если маневръ не удавался, если публика продолжала оставаться на сторонѣ скептика, то пускалась въ дѣло благодѣтельная гласность, т. е. за насмѣшку, часто невинную, сыпались уголовныя обвиненія, ядовитыя намеки, и все это въ игривой формѣ, которая должна прикрывать худо затаенную жолчь и раздраженіе. Такъ почти во всѣхъ случаяхъ начинались у французовъ журнальныя перебранки въ XVIII столѣтіи. Эта перебранка считалась существеннымъ отдѣломъ каждаго журнала; желавшаго привлечь подписчика; а если который иибудь нѣкоторое время и крѣпился, то непременно подъ конецъ не выдерживалъ и раздражался такимъ задоромъ, что становился смѣшнымъ и тѣшилъ падкихъ до скандальчиковъ читателей, какъ тѣшить обыкновенно постороннихъ какой иибудь раздражительный господинъ, придирающійся изъ пустяковъ ко всѣмъ встрѣчнымъ и поперечнымъ.

Литературныя знаменитости, въ родѣ Вольтера и д'Аламбера, первые подавали примѣръ нетерпимости самыхъ легкихъ критическихъ замѣтокъ. Слѣдуя имъ, и разные мелкіе писаки спѣшили дѣлиться съ публикой своими домашними сплетнями, а ничтожныя журнальцы и періодическіе листки съ жадностью подбирали ихъ въ свои столбцы въ видахъ привлеченія подписчиковъ, чтобы при помощи грязи, лжи и клеветы поддержать свое брѣнное существованіе. Но если и это все не оказывало желаемаго дѣйствія, тогда принимались за средство рѣшительнѣйшее — за доносы. Въ первой статьѣ были уже указаны нѣкоторые примѣры тому: такъ редакторъ привилегированной Gazette de France, Оберъ, никакъ не могъ переварить, что у Парижскаго журнала гораздо болѣе подписчиковъ, нежели у издаваемой имъ газеты, вслѣдствіе чего, то подавалъ нисъценныя доносы на враждебное изданіе то словесно при случаѣ внушалъ вліятельнымъ лицамъ о дурномъ направленіи его. Вліятельныя лица во Франціи XVIII столѣтія читали болѣе списки о производствахъ

и награжденья, литературѣ были не причастны и вообще не обращали никакого вниманія на такіе пустяки: но въ то же время, считали, въ видахъ острастки, не излишнимъ подавить при удобномъ случаѣ бумагомарателей, а съ ними уже кстати и ценсоровъ ихъ.

Г. Гатенъ, трудъ котораго доставилъ намъ матеріалы для настоящаго очерка, представилъ и ключъ къ разгадкѣ особенной наклонности французской прессы къ перебранкамъ и въ то же время особенной воздержности ея касательно вопросовъ серьезныхъ и достойныхъ вниманія. Французская журналистика XVIII столѣтія состояла въ зависимости отъ разныхъ постороннихъ литературѣ вліаній, отъ которыхъ ей освободиться могло помочь только само общество, но оно еще не достигло тогда той самостоятельности, которая необходима въ подобныхъ случаяхъ. Надобно здѣсь отдать справедливость мудрости французскаго правительства, которое по возможности облегчало и помогало литературѣ и журналистикѣ. Такъ г. Гатенъ (со словъ Бонарше) свидѣтельствуетъ, что съ успѣхами просвѣщенія разрѣшено было въ періодическихъ изданіяхъ, подъ надзоромъ двухъ или трехъ благонамѣренныхъ ценсоровъ, печатать свободно и безвозбранно все, что только не касалось правительства, вѣры, политики, морали, особъ высоко поставленныхъ, учреждений, пользующихся довѣріемъ, театровъ, также лицъ, имѣющихъ почему либо значеніе.

Французскіе журналисты, надѣленные отъ природы стоицизмомъ или привязанные по обстоятельствамъ къ Парижу, продолжали вплоть до 1790 года пользоваться плодами такой свободы, довольствуясь для разнообразія полемическими статейками или проглатывая литературныя пилюли, подносимыя имъ братьями по оружію. Но были между ними и такіе, которымъ или дѣйствительно приходилось не подъ силу переливать изъ пустаго въ порожнее, или просто по принужденію надобно было покидать милую Францію и искать безопасности въ другихъ странахъ. Во второй половинѣ XVIII столѣтія, такихъ выходцевъ становилось все болѣе, и болѣе и они, бросивъ родину, не бросали однако своихъ занятій и продолжали издавать свои журналы на французскомъ языкѣ, слѣдовательно прямо предназначая ихъ для чтенія своихъ соотечественниковъ.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что въ началѣ XVIII столѣтія въ Парижѣ были разрѣшены только двѣ политическія газеты «Gazette de France» и «Меркурій». Онѣ постоянно служили складочными мѣстамъ для сухихъ перечней о самыхъ ничтожныхъ политическихъ событіяхъ, придворныхъ извѣстій и разныхъ ребяческихъ разглагольствій въ родѣ, что $2 \times 2 = 4$, и несмотря на это, иногда и здѣсь встрѣчались затрудненія высказывать подобныя истины, такъ какъ

во Франціи оцисываемой эпохи много было людей, которые хотѣли во чтобы то ни стало, чтобы изъ 2×2 выходило, нацѣпѣрь, не 4, а 5. При такомъ положеніи прессы, любознательность читателей могла найти себѣ удовлетвореніе только въ голландскихъ журналахъ, но они, часто нетолкые, были, сверхъ того, доступны весьма немногимъ: высокая цѣна, затруднительность пересылки и доставки были препятствіями къ распространенію ихъ въ большинствѣ публики, почему тотъ, кто не жилъ въ большомъ городѣ, почти лишена былъ возможности знать о замѣчательнѣйшихъ событіяхъ въ настоящемъ свѣтѣ, а тѣмъ болѣе принимать въ нихъ участіе, какъ гражданинъ или даже дѣловой человекъ. Между тѣмъ, событія съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ становились серьезнѣе: Европа переживала одинъ изъ рѣшительнѣйшихъ кризисовъ, когда либо случавшихся послѣ реформаціи, и всякой успѣхъ, всякая неудача усиливали всеобщее напряженіе и алчность знать обо всемъ, что ни происходило въ разныхъ краяхъ. Чтобы хотя нѣсколько удовлетворить общественной любознательности и въ тоже время обойти зловредное вліяніе привилегированныхъ парижскихъ журналовъ, во Франціи пробовали основывать политическія газеты въ провинціи. Такъ, во Вердюнѣ издавался довольно долгое время журналъ, подъ заглавіемъ «La clef du cabinet des princes de l'Europe»: онъ выходилъ каждый мѣсяць, тетрадью отъ 5 до 6 печатныхъ листовъ, въ которыхъ помѣщались достопримѣчательныя политическія новости съ сужденіями о событіяхъ и лицахъ, принимавшихъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Журналъ издавался съ крайнею осторожностью, что однако не могло помѣшать ему скончаться насильственною смертию: ему не помогла ни давность существованія, ни его осторожность. Въ декабрѣ 1776 года, редакторъ закончилъ послѣдній номеръ своего журнала такимъ обращеніемъ къ читателямъ: «Считаю обязанностью предъ публикою и самимъ собою довести до свѣдѣнія о настоящихъ причинахъ прекращенія моего журнала. Уничтоженіе политическаго отдѣла, къ чему я вынужденъ вслѣдствіе приказаній свыше, лишило его самой существенной принадлежности. Это измѣненіе поставило журналъ въ такое положеніе, что онъ уже не можетъ, при умѣренности платы подписчиковъ, выплачивать ценсіоны и другіе налоги, которые на немъ лежали. Поэтому-то я и издатель рѣшился прекратить изданіе.»

Вердюнскій журналъ породилъ многочисленныхъ подражателей, въ особенности въ Голландіи, куда стремились всѣ, кто по призванію или изъ барышей хотѣлъ основывать періодическое изданіе. Печатаемые тамъ французскіе политическіе журналы пользовались вообще успѣхомъ, и могли существовать долгое время. Были случаи,

что вельдствие жалобъ иностранцевъ посланниковъ, голландское правительство дѣлало выговоры журналистамъ и даже иногда запрещало журналы; однако журналистика въ Гатъ и Амстердамъ наслаждалась вообще свободою, которой не было допускаемо нигдѣ въ другихъ странахъ; и которою дѣйствительно пользовались, чтобы заманить читателей. Голландскія газеты на французскомъ языкѣ въ XVIII столѣтіи имѣли какъ бы привилегію снабжать всю Европу политическими новостями и обозрѣніями. Онѣ постоянно отличались сатирическими и обличительными направленіемъ, свободою въ приговорахъ, смѣлымъ адолюсіемъ, рѣшимостью доводить до всеобщаго свѣдѣнія о приговорныхъ сплетняхъ, наконецъ, что главнѣе всего, нестольною неприязнью къ существовавшему во Франціи порядку вещей. Это послѣднее обстоятельство было главнѣйшею причиною успѣха ихъ въ самой Франціи, и объясняетъ ту извѣстность, которою они пользовались.

Во Франціи XVIII столѣтія, изданіе политической газеты стало дѣломъ чрезвычайно выгоднымъ, что тотчасъ же понялъ одинъ ловкій промышленникъ, не смыслившій ничего ни въ журналистикѣ, ни въ литературѣ, но взамѣнъ того надѣленный отъ природы тонкимъ чутьемъ на способы наживать деньги изъ ничего. Онъ назывался Шарль-Иосифъ Панкуке. Въ настоящемъ очеркѣ нѣсколько разъ уже упоминалось, что во Франціи почти до самой революціи только «Gazette de France» и «Меркурій» имѣли исключительное право на обнародованіе политическихъ извѣстій; между тѣмъ потребность въ подобныхъ извѣстіяхъ росла тамъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе; иностранныя газеты были и дороги, и трудно доставались, такъ что большинство волей-неволей должно было пробавляться двумя журналами отечественной фабрикаціи. Какъ человекъ, надѣленный свыше способностью къ обогащенію, Панкуке прежде всѣхъ снелнулъ, что если писатели сами и не наживаютъ денегъ отъ своихъ трудовъ, то все же онъ не останется въ накладѣ, употребивъ ихъ, какъ орудіе, для полученія себѣ барышей. Не медля долго, онъ посѣвшилъ выхлопотать разными окольными путями право на изданіе двухъ названныхъ выше привилегированныхъ газетъ. Какъ вѣрнѣе былъ расцѣтъ и блистательны коммерческія способности Панкуке, то доказывается тѣмъ, что до него во Франціи не было еще примѣра, чтобы кто нибудь разбогатѣлъ отъ изданія журнала; а промышленникъ, пользуясь несправедливою привилегіею, споря за каждую копѣйку съ бѣдняками сотрудниками, бывшими отъ него въ полной зависимости, сумѣлъ получить отъ журналистики неслыханные барыши, хотя всю жизнь занимался только приходо-расход.

ными книгами и зоркимъ наблюденіемъ за поступленіемъ въ его кассу каждой копѣйки.

Однако, Панкуке все еще казалось мало, что онъ забралъ въ свои руки привилегированные журналы, почему съ свойственнымъ ему изворотливостью выхлопоталъ для себя право издавать *Журналы политики и литературы*, будто бы печатающійся въ Брюсселѣ, на самомъ же дѣлѣ среди Париза. Последнее предпріятіе опять-таки очень хорошо рисуетъ спекуляторскія способности Панкуке: онъ шепталъ, что французское общество второй половины XVIII столѣтія уже не могло довольствоваться скудными политическими обозрѣніями его двухъ привилегированныхъ журналовъ, и вотъ Панкуке принялся спекулировать на либерализмъ (которому въ душѣ, какъ человѣкъ торговый, нисколько не сочувствовалъ): у него явился журналъ, будто бы издававшійся въ свободной Голландіи и, слѣдовательно, не подвергавшійся ограниченіямъ, владычествовавшимъ въ Парижѣ. Въ редакторы этому псевдоголландскому журналу Панкуке нанялъ адвоката Линге (Linguet), который какъ будто былъ созданъ журналистомъ. Не касаясь здѣсь разныхъ подробностей о дѣятельности и направленіи этой типической личности, дѣлавшей въ свое время столько шума, постараемся познакомиться съ нимъ читателя, какъ съ человѣкомъ, оказавшимъ большія услуги французской прессы тѣмъ, что онъ первый настойчиво и упорно началъ ратовать противъ тираніи авторитетовъ въ политикѣ, въ литературѣ и въ наукѣ, противъ инквизиціи мысли, которая такъ правилась французскимъ взираніемъ XVIII столѣтія.

Во второй половинѣ XVIII столѣтія, во Франціи образовался цѣлый кружокъ людей, которымъ Вольтеръ проложилъ дорогу къ всеобъемлемости. Они были способны все предпринять, обо всемъ говорить; искатели приключеній въ литературѣ, наукѣ, политикѣ и промышленности, они находили свое призваніе въ обстоятельствахъ, въ которыхъ ставила ихъ случайность. Къ этому-то кружку людей, чрезвычайно дѣятельныхъ и неоспоримо даровитыхъ, принадлежали Линге, Бомарше, Мерсье, Бриссо и нѣсколько другихъ, менѣе известныхъ. Съ приближеніемъ переворота, они много заставляли говорить о себѣ, и вліяніе ихъ на современное общество тѣмъ было сильнѣе, что росло вмѣстѣ съ умноженіемъ строгостей, изъ глубины изгнанія, не рѣдко изъ-за желѣзныхъ затворовъ Бастильи. Въ поступкахъ этихъ лицъ замѣтны черты, которыя не могли не признать враги ихъ,—это смѣлость, сила воли и непоколебимость, а онѣ для дарованія все равно, что шпора для коня. Въ нихъ съ ужасающею вѣрностью отражалась вся обаятельная пламенемъ современная эпоха. Не страшась скандала, они, напротивъ, сами первые готовы были

вызвать, услѣдить, привлечь его. Подобные литературные дѣтели не могли не быть революціонерами, хотя нѣкоторые изъ нихъ дѣлались ими, сами того не зная, противъ своей воли, лишь вслѣдствіе борьбы, которую они вели съ министрами и знатными, подъ обаяніемъ, всегда возбуждаемымъ угнетеніями и преслѣдованіями бороться за свободу слова. Таковъ былъ и Линге. «Онъ жгетъ и блещетъ», говорилъ пре него Вольтеръ, — и точно нельзя было лучше охарактеризовать этой личности. Въ продолженіе двадцати лѣтъ, всю Францію занимали малѣйшія подробности о Линге; его статьи волновали савоиниковъ, даме послѣ сочиненій Руссо и энциклопедистовъ.

По собственному признанію, у Линге, съ самаго дѣтства, не было другаго занятія, не было другой страсти, кромѣ литературы. Онъ мечталъ, что сдѣлавшись писателемъ, достигнетъ славы и почестей, что найдетъ удовольствіе въ сношеніяхъ съ тѣми, кто посвятилъ себя умственнымъ занятіямъ. Самыя лучшія десять лѣтъ жизни Линге прошли въ вогонѣ за подобными хищерами и, послѣ усиленныхъ трудовъ, онъ увидѣлъ, что его ждуть только огорченія и разочарованіе на всю остальную жизнь. Тогда онъ оставилъ литературное непріятіе, на которомъ имѣлъ неблагоразуміе подвизаться нѣкоторое время, и гдѣ для дѣтеля честнаго всегда готово болѣе униженій, нежели славы. Ему подобно было рѣшиться избрать какое нибудь занятіе, и онъ, не безъ отвращенія, впрочемъ, сдѣлался адвокатомъ. «Я, говорилъ онъ, никогда не уважалъ этого званія, но вступаю въ него: надобно же быть чѣмъ нибудь въ жизни; надобно зарабатывать деньги, потому что лучше быть богатымъ нозаремъ, нежели бѣднымъ и бѣзвѣстнымъ ученымъ...» Первые шаги Линге на адвокатскомъ поприщѣ надѣлали много шума, а нѣсколько блестящихъ дѣлъ, произведшихъ острое впечатлѣніе, скоро поставили его высоко въ общественномъ мѣстѣ. Ободренный этими успѣхами, Линге не преминулъ въ своихъ рѣчахъ и запискахъ нападать не только на своихъ собратьевъ по ремеслу, но и на чиновниковъ. Это не понравилось ни тѣмъ, ни другимъ — и Линге былъ вычеркнутъ изъ списка адвокатовъ, а Парижъ выразилъ свое сочувствіе къ его бѣдѣ тѣмъ, что всѣ непрерывно носили волосатія матеріи и шляпы à la Linguet. Въ это же время, Панаука пригласилъ его участвовать въ затѣвномъ нѣмъ изданіи «Journal de Bruxelles».

Первые нѣбѣды своего редакторства Линге сдерживался, но потомъ, увлеченный страстью къ борьбѣ, характеромъ смѣлымъ и изобрѣтательнымъ, онъ объявилъ войну всему, что было самаго могущественнаго въ Парижѣ: министрамъ, парламенту, такъ называемому философіи; ничто не было мощаемо его смѣлою, нарастающею кри-

тикою, — а его перо умѣло въ самой заманчивой формѣ надѣвать сатирическимъ презрѣніемъ своихъ противниковъ. Неудивительно, что Линге скоро сталъ виноватымъ, потому что часто былъ уже сминкомъ правъ. Въ 1776 г., говоря о приѣздѣ во французскую академію наукъ новаго члена Лагарпа, онъ не выдержалъ и разразился и противъ вновь принятаго академика, и противъ самой академіи. Последняя же терпѣла никакого противорѣчія себѣ въ журналистикѣ, адвокаты ей уже показали образецъ, какъ облобиться съ Линге, и она потребовала отпущенія, конечно, оффиціальнымъ путемъ. Одинъ дюкъ и одинъ маршалъ были ходатаями за академію, и Пэнкуе получилъ приказаніе удалить Линге изъ редакціи журнала. Литературный промышленникъ былъ очень радъ случаю, доставлявшему ему благомысленный предлогъ отдѣлаться отъ редактора, котораго и самъ боялся за его энергическій и рѣшительный характеръ. Того мало: отказавъ Линге, онъ передалъ завѣдываніе редакціею заклятому врагу его — Лагарпу. И въ свѣтъ, и въ журналистикѣ тѣлою постонокъ Пэнкуе называли низостью, но онъ заботился о прибыляхъ, и мало было ему нужды, что думали о его чести.

Лишенный права быть адвокатомъ и журналистомъ, Линге не задумался апеллировать къ самому королю. Въ письмѣ своемъ къ Людовику XVI, онъ выказался раздраженнымъ, но не умоляющимъ: вмѣсто просьбы, тамъ были выкладки противъ Лагарпа, который названъ надутымъ человекомъ, поглымъ и низкимъ, и противъ самой академіи. Всю безполезность и даже опасность послѣдней Линге доказывалъ, между прочимъ, тѣмъ, что слогъ смѣшной, надутый и несостоятельный принято называть академическимъ. Оправдывая преступокъ, который былъ вынесенъ ему въ преступленіе, онъ доказывалъ несоразмѣрность и несправедливость наказанія, которому подвергнулся: безъ сомнѣнія, человекъ, давшій пощочину виновнѣе, ему опредѣляется наказаніе, но не воспроизводятъ навсегда владѣть рукою, такъ какъ было бы бессмысленно осуждать кого нибудь за минуточку забвенія бездѣйствіемъ на всю жизнь. Пусть онъ виноватъ предъ академіею и ея любимцемъ; требовалось возмездіе — онъ на него согласенъ: но его журналъ не весь же былъ наделанъ нападками на академію. Зачѣмъ же запрещать его подъ тѣмъ предлогомъ, что въ немъ двѣ страницы не понравились учрежденію, которое думаетъ почему-то, что къ нему должны быть все читатели? «Подъ какой несчастной звѣздой, подъ какою неоправданною вліяніемъ», продолжаетъ Линге: «рожденъ я? Какъ, государь, въ отношеніи низшихъ классовъ, всѣхъ болѣе приученакъ видѣть себя причисленными на жертву общественному порядку, предающимъ въ непосредственный произволъ полиціи, даже въ отношеніи этихъ»

классовъ соблюдается осмотрительность, едва дѣло пойдетъ о томъ, чтобы свести челоуѣку руки. У послѣдняго мелочнаго торговца не опрокинуть его лотна прежде, нежели не будетъ доказано и взвѣшено преступленіе, вслѣдствіе котораго онъ заслуживаетъ такого наказанія, а у меня въ двухъ карьерахъ возмутительному деспотизму, жестокѣйшимъ интригамъ удалось дважды, безъ суда и расправы, лишитъ моихъ занятій!» Динге оканчивалъ просьбою о назначеніи надъ нимъ формальнаго суда, и еслибы и здѣсь вліяніе его враговъ превозмозгло и помѣшало раскрыться справедливости, то ему тогда остается только оплакивать несчастіе своей судьбы, которая для него одного дѣлаетъ бесплодными высокія добродѣтели монарха.

Эта просьба осталась безъ послѣдствій, несмотря на внимательство королевы, принявшей сторону Динге и желавшей возвратитъ ему журналъ. «Journal de Bruxelles» ей нравился своимъ сатирическимъ и насмѣшливымъ направленіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, что была за нужда преслѣдовать за то, что говорилъ редакторъ, когда онъ былъ остороженъ до всего, что ни касалось августѣйшихъ особъ? Людовикъ XVI былъ въ этомъ случаѣ много мнѣнія и возражалъ, что есть много лицъ, хотя и не столь важныхъ, но все же чувствительныхъ, когда въ печати доходило до нихъ дѣло. А такъ какъ Динге ему былъ описанъ, какъ безсовѣстный злодѣй, ярый Аретинъ, нападавшій на академію, а слѣдовательно, могущій добраться и до правительства, то заступничество королевы оказалось безсильнымъ.

Динге покинулъ Францію и отправился въ Лондонъ, гдѣ основалъ свой замѣшанный журналъ Апалесъ (Appales), въ которомъ могъ писать свободно все свое негодованіе. Вотъ какъ говорилъ онъ самъ о своемъ изданіи:

«Литература казалась мнѣ средствомъ для существованія трудами, для меня необходимыми и нерешенными оцѣрченій и сожалѣній, но Академія не захотѣла, чтобы я и ими пользовался, у меня отняли послѣднія крохи съ насмѣхою, отъ котораго трепещетъ истина, краснѣетъ приличіе. Понятное чувство негодованія на столько несправедливостей и жестокостей заставило меня искать въ Англіи убѣжища, которое такъ мнѣ иначе служило порукою въ вознагражденіи. По-истинѣ, я обязанъ объявить, что когда принялъ такое рѣшительное намѣреніе, мнѣ представлялись предложенія, которыя могли бы отклонитъ отъ него; государи предлагали мнѣ, не буду ли я доволенъ убѣжищемъ у нихъ, почетальнъ и выгоднѣе; равнообразно, и частыя лица обѣщали изгнаннику свои услуги, также на выгоднѣе услуживать. Любовь къ независимости и неподкупная деликатность заставили меня отвергнуть все это. Я всегда смотрѣлъ

на денежные пособия, особенно отъ иностранныхъ государей, какъ на униженіе для писателя, который его подучаетъ, и какъ неосторожность со стороны лица, которое платитъ. Первый продаетъ свои мѣбля, а второй старается подкупить сандѣтеля, котораго опасается...»

Первымъ сочиненіемъ Линге изъ непреступнаго далама было «письмо къ графу Вержену, министру иностранныхъ дѣлъ», съ эпиграфомъ изъ *Виргилія*: *Insula portum efficit*. Это письмо, замѣчательное своимъ энергическимъ изложеніемъ и особенною смѣлостью, надѣлало въ свое время много шума. Линге писалъ здѣсь, между прочимъ:

«Человѣкъ общественный, такъ низко угнетаемый въ продолженіи трехъ лѣтъ, какъ я, принужденный наконецъ, въ видахъ личной безопасности, прибѣгнуть къ крайнему средству — покинуть отечество, — обязанъ предъ обществомъ отдать отчетъ о причинахъ, побудившихъ его къ тому; онъ обязанъ поставить современниковъ и потомство между нимъ и его преслѣдователями; онъ обязанъ вызвать послѣднихъ на нелицепріятный судъ, предъ которымъ преклоняются сильныя земли, на судъ, на которомъ дѣло излагается при посредствѣ книгопечатанія, какъ выразился въ торжественной рѣчи одинъ изъ достойнѣйшихъ и, слѣдовательно, безполезнѣйшихъ министровъ, когда либо у насъ бывшихъ (*Малезеръ*).»

«Мнѣ необходимо предупредить англичанъ, что меня привела къ нимъ не жажда корысти, развращающая души, не нужда, разслабляющая ихъ. Огражденный отъ первой своимъ характеромъ, а отъ второй привычкою съ ранней поры довольствоваться малымъ, я выше надеждъ, также какъ и въ опасеній. Я ищу на этомъ гордомъ островѣ только свободы. Я долго вѣрилъ, что ея не существуетъ здѣсь, какъ и въ остальной Европѣ, — желаю разувериться въ этомъ. Опытъ покажетъ, ошибался ли я въ моихъ заключеніяхъ, а чтеніе настоящаго письма познакомитъ англичанъ съ человѣкомъ, можетъ быть, страннымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ строго безукорыненнымъ, — онъ ожидаетъ отъ нихъ гостепріимства.»

Вскорѣ послѣ этого письма, Линге выпустилъ первый номеръ своихъ «*Политическихъ и литературныхъ лѣтописей*» и, что названо неслыханно всѣхъ современниковъ, съ посвященіемъ... французскому королю:

«Государь, писалъ Линге, несмотря на извѣстное уваженіе вашего величества къ справедливости, несправедливое насиліе лишило меня моего званія въ отечествѣ; потому это же насиліе принуждаетъ меня оставить полезный трудъ, который, при одобреніи и свободѣ, могъ бы быть почетнымъ.»

«Я принимаюсь за него под чуждымъ владычествомъ, но не под чуждымъ покровительствомъ: посвящаю его вашему величеству. Враги не отняли у меня только перо и сердце. Первое, до послѣдняго моего издыханія, будетъ служить на выраженіе чувствъ, которыми прериннуто второе къ Франціи и вашей священной особѣ. Не пропущу ни одного случая заявлять этотъ образъ моихъ мыслей.

«Посвятить мою жизнь на борьбу за угнетенныхъ, я самъ въ свою очередь жертва угнетенія. Тѣмъ не менѣе я питаю твердое убѣжденіе, что ваше величество отмститъ за меня, когда будутъ неспровооргнуты препятствія, мѣшающія достигнуть до васъ моихъ жалобамъ. Если жизнь моя прервется прежде, нежели буду имѣть это утѣшеніе, то мнѣ остается по крайней мѣрѣ другое утѣшеніе, что, умирая, я обращаюсь къ суду потомства, а оно, проливъ слезы надъ нѣкоторыми моими сочиненіями, скажетъ: послѣ невинности, для него ничего не было дороже своего государя и отечества. Лондонъ 24 марта 1777 года.»

Появленіе въ Парижѣ перваго номера «Лѣтописей» возбудило такъ изумленіе еще по другой причинѣ: никакъ не ожидали, что министры, недавно разруганные въ письмѣ Линге въ Вержену, были въ нему столько снисходительны, что дозволили журналу его обращаться въ Парижѣ. Рассказываютъ, что они были къ тому подвигнуты по тѣмъ же доводамъ, по которымъ уже прежде терпѣлись во Франціи нѣкоторые иностранные журналы, неприязненные правительству; при этомъ думали, что дозволяя журналу Линге являться во Франціи, сдѣлаютъ его болѣе осмотрительнымъ; но какъ въ то же время знали его горячую голову и увлеченіе, то на его изданіе не было дано открытаго разрѣшенія. Въ совѣтѣ министровъ положили, что журналъ будетъ только терпимъ, но не дозволенъ.

Дѣйствительно, Линге не былъ человѣкомъ, способнымъ укрѣпиться и быть снисходительнымъ отъ подобныхъ уступокъ; при томъ же у него много накопилось жолчи на сердца. Вдали отъ Парижа, онъ могъ свободно громить тѣхъ, которые думали раздвить его въ Парижѣ. Съ самаго начала онъ назвалъ на «Gazette de France» и «Меркурій»; но особенно былъ вооруженъ противъ «Journal des Savants»: «единъ отсталый журналъ, прозывающійся ученыхъ, пользуется господствомъ въ литературѣ. Въ Римѣ убиваютъ мысль доминиканецъ, главный распорядитель священнаго замка, и великій инквизиторъ. Инквизиція мысли въ Парижѣ не менѣе страшна, хотя и дѣйствуетъ безъ напыщенія и канюшона». Скоро Линге сталъ нападать и на англійское правительство; нѣкоторыя недобрительныя замѣчанія его о британскомъ законодательствѣ и лондонскихъ нравахъ —

вызвали строгія перипцанія, которыя Линге принялъ очень душно, и какъ онъ не былъ рожденъ для уступокъ, тѣмъ болѣе за границей, то и предпринялъ героическое шагреніе возвратиться на континентъ.

Покинувъ Англію, Линге направился въ Швейцарію, но не могъ остановиться ни въ Лозаннѣ, ни въ Нёшателѣ, ни въ Женевѣ, такъ какъ повсюду ему, въ случаѣ изданія журнала, хотѣли навязать цензуру, — онъ отъ нея рѣшительно отказывался. По собственному признанію, на его перо смотрѣли какъ на электрической проводникъ, способный притягивать молнію и разрѣшаться ударомъ вездѣ, гдѣ бы его ни утвердили. Наконецъ, Линге поселился въ Брюссель и тамъ снова принялся за свои «Автописи». Замѣчательно, что на этотъ журналъ, выходившій за границей и, слѣдовательно, ни въ французскихъ законовъ, былъ сдѣланъ публичный доносъ въ торжественномъ засѣданіи парижскаго парламента. Одинъ изъ его членовъ, д'Эпремениль, взявъ на себя роль доносчика, въ рѣчи своей прежде всего началъ оправдываться въ томъ, что онъ рѣшился доносить на человека, покинушаго родину и по своимъ несчастіямъ какъ бы неприкосновеннаго. Послѣ того слѣдовалъ подробный историческій обзоръ всѣхъ вины Линге, какъ журналиста. Какъ ни краснорѣчиво и ни убѣдительно ораторствовалъ доносчикъ, однако его стараніе было вѣтще: премія въ этому предмету было опредѣлено оставить до слѣдующаго раза, другими словами — доносъ былъ не принимать во вниманіе: думали, что вступивъ въ борьбу съ частнымъ лицомъ, парламентъ унизилъ бы свое достоинство. Вообще же поданныя свѣдѣнія были очень трусливаго свойства: одни отранились еще бѣльшей раздражительности журналиста и говорили, что, затѣявъ дѣло, только разожгутъ жолчь Линге и одѣлуютъ его еще болѣе настойчивымъ въ ванадкахъ; другіе опасались, что разсмотрѣніе журнала въ парламентѣ привлечетъ Линге во Францію, гдѣ онъ будетъ непременно требовать суда и оправданія; третьи ссылались на покровительство, которымъ пользовался бывший адвокатъ у Монсieur (брата короля) и удовольствіе, которое испытывали при чтеніи его журнала сами король и королева. Однако, такую асудачу доноса посѣпшизмъ исправить одинъ изъ тогдашнихъ министровъ, окончивъ съ Линге горадо вѣтще: предагательски заманивъ его во Францію въ 1780 г., онъ безъ всякаго суда и расправы засадилъ въ Бастилю. Здѣсь журналистъ оставался въ продолженіе двухъ лѣтъ; потомъ его было хотѣли перевести въ другую государственную тюрьму въ Ренсаль, но на дорогѣ куда Линге успѣлъ спрятаться отъ чуда въ Брюссель, а оттуда въ Лондонъ, гдѣ и воспѣпшизмъ дрощающею еще отъ ярости рукою написать свои знаменитыя женскіе о

Бастии, которые могут считаться первым ударом, потрясшим эту свершившую твердую преювюла. На гравюрь, украшавшей «Дански», былъ изображенъ Людовикъ XVI со всѣми атрибутами королевской власти, посреди развалинъ полуразрушеннаго замка (т. е. Бастии); король съ благодушнѣмъ просиераетъ руки къ освобожденнымъ узникамъ. Молвля чертитъ на отъиъ слова новаго закона о шорьмахъ, 30 августа 1780 года: «Эти безвѣстныя мученія, эти тайныя страданія, какъ скоро они безсмыслны для поддержанія порядка посредствомъ гласности и вримѣра, становятся безполезными въ нашихъ судопроизводствахъ. Этой одной мысли достаточно для осужденія Бастий, потому что ихъ специальное назначеніе состоитъ въ терзаніяхъ, въ терзаніяхъ деспотическихъ, въ терзаніяхъ людей, чаще немннннхъ, нежели виновныхъ, и именно при помощи безвѣстныхъ мученій и тайныхъ страданій.»

Съ 1783 г. Динге возобновилъ изданіе своихъ «Дѣлописей» опять въ Лондонѣ. «Читатели, знакомые съ предыдущими томами настоящаго изданія, писаль онъ въ предисловіи, — могутъ быть увѣрены, что они найдутъ прежнее направленіе и въ слѣдующихъ вынусахъ. Если правило — не писать иначе, какъ по внутреннему убѣжденію, могло придать нѣкоторую энергію моему перу, то это правило и здѣсь встрѣтять выистъ съ откровенностью, безпристрастнѣмъ, жертвою которыхъ былъ я столько разъ и которыхъ, къ счастью, не могутъ болѣе вредить мнѣ.

«Во рѣ львиномъ нѣвѣншаго Вавилона, неприступномъ даже небеснымъ вѣстникамъ и угъвоіамъ, иногда проникавшимъ въ ветхозавѣтную подобную пронасть, могли терзать мое сердце, могли разрывать его всевозможными огорченіями, могли покушаться всячески на мою жизнь, но не могли унизить моей души. Силы мои ослабли, но не ослабли мое рвеніе, моя любовь къ истинѣ.

«Дѣлописи, слѣдовательно, испытаютъ въ содержаніи своемъ только то измѣненіе, которое можетъ произойти съ одной стороны отъ полнѣншей независимости, а съ другой — отъ болъшей опытности автора. Два года заключенія въ крѣпости, — заключенія столько же тяжелаго, сколько и жестокаго, — измѣнили мой образъ мыслей о многихъ предметахъ, а о другихъ утвердили его. Я буду отрекаться безъ стыда, отстаивать безъ упрямства. Напримѣръ, я теперь во многомъ переимѣнилъ прежнее мнѣніе свое объ англійской конституціи. Мое возвращеніе на островъ, оживотворяемый ею, служить убѣдительнонѣмъ доказательствомъ тому. Обстоятельное разсмотрѣніе ея поможетъ окончательно оправдать то уваженіе, которымъ я проникнуть къ ней. Не боюсь, что просвѣщенные дѣятели найдутъ противорѣчіе между теперешними похвалами и прежними от-

звизами моими. При помощи хорошихъ зрительныхъ трубъ звѣзды виднѣе, чѣмъ простымъ глазомъ, а Бастилья таже пренесходный телескопъ для оцѣнки Англии и ея законовъ!

«Если послѣ чести и уваженія къ себѣ, личная свобода, увѣренность лишиться ея не иначе, какъ вслѣдствіе важныхъ причинъ и притомъ съ соблюденіемъ формъ, которыя даютъ невинности воѣ способности получить эту свободу немедленно, — если это самая драгоценнѣйшая блага для мыслящаго чловѣка, то, конечно, конституція, ограждающая ихъ съ большею твердостью, есть совершеннѣйшая. И вотъ преимущество той, которою англичане, по справедливости, могутъ гордиться. До сихъ поръ меня поражали въ ней нѣкоторыя несообразности; теперь мнѣ опытъ показалъ, что въ ней нѣтъ такихъ, которыя бы могли сравниться съ *lettre de cachet*» (особый родъ бланковыхъ бумагъ, за подписью короля, о заключеніи въ Бастилью безъ всякаго слѣдствія и при совершенномъ отсутствіи какихъ бы то ни было обрядовъ судопроизводства. *Lettre de cachet* носило только въ революцію).

Въ революцію Линге вернулся въ Парижъ, чтобы тамъ погибнуть на эшафотѣ за невинный народокъ. И въ послѣднія минуты адвокатъ-журналистъ не измѣнилъ себя: ждалъ съ нетерпѣніемъ, когда его позовутъ предъ страшное судилище, и весело увѣрялъ своихъ товарищей по заключенію, что для него будетъ торжествомъ доказывать глупость и жестокость своихъ враговъ. Вышло иначе: въ судилищѣ его даже и не слушали. «Это не суды, а тирры!» сказалъ съ горестью Линге, возвращаясь въ тюрьму.

Одинаковою извѣстностью съ «Лѣтописями» Линге, только по другимъ причинамъ, пользовался французскій журналъ, также издававшійся въ Лондонѣ и называвшійся «Вѣстникъ Европы» (*Courier de l'Europe*). Начало его относится къ 1776 году. До этого времени Англія оставалась какъ бы постороннею для остальной Европы; ничего не вѣдали, что происходило внутри ея; англійская конституція была извѣстна во Франціи лишь по сочиненію Монтескье и по рассказамъ путешественниковъ, ѣзжавшихъ въ Лондонъ недѣли на двѣ на счетъ книгопродавцевъ и возвращавшихся повѣдывать Парижу о своихъ впечатлѣніяхъ. Голландскія газеты могли бы восполнять пробѣлы, но ихъ отрывочныя статейки, ихъ безобразные переводы англійскихъ газетъ были такъ утомительны и запутанны, что ихъ съ трудомъ можно было читать, а если и прочитывался подобный хаосъ, то трудно было что нибудь разобрать изъ него. Одинъ смѣлѣйшій французъ предвидѣлъ во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ всѣ

условія огромнаго успѣха журнала, посвященнаго преимущественно Англіи, тѣмъ болѣе, что на континентѣ все болѣе и болѣе чувствовалась потребность въ основательномъ знаніи дѣлъ ея, и что въ этомъ случаѣ огромная масса ежедневныхъ и періодическихъ журналовъ, процвітавшихъ и тогда въ Лондонѣ, могла доставлять самыя разнообразныя матеріалы для новаго изданія.

Этотъ свѣтлинный французъ былъ Серръ-де-Латуръ. Онъ происходилъ изъ аристократической семьи, воспитывался въ больномъ свѣтѣ, но не былъ въ состояніи поддерживать тамъ своихъ связей. Несмотря на то, что былъ женатъ и отцомъ шестихъ дѣтей, Латуръ укашивалъ за чужей женой, своей родотренницей, мужъ которой былъ его начальникомъ. Жена была молода, обаятельна—мужъ старъ, безобразенъ и ворчливъ, а потому не нужно было много времени, чтобы секретарь одержалъ верхъ надъ начальникомъ. Обстоятельство это не оставалось долго неузнаннымъ и высклое разрывъ заключенія на любовницю: они рѣшились бѣжать, взять съ собою на дорогу столько, сколько требовалось, чтобы не впасть съ перваго шагу въ бѣдность. Ода Англія представляла имъ вѣрное убѣжище отъ всѣхъ поисковъ французскихъ министровъ, и они прибыли въ Лондонъ. Тамъ, первые мѣсяцы для бѣглецовъ прошли веселительно, но потомъ завилась бѣдность. Беззаботный Латуръ сначала не думалъ о средствахъ извѣгнать ея; однако потомъ надобно было какъ-нибудь выпутываться, хотя несчастная его подруга съ твердостью перенесла лишения и долго работала непривычными къ труду руками, для поддержанія скуднаго хозяйства.

Въ это время, война Англіи съ Америкой занимала всѣ умы; она-сались разрыва съ Франціею. Последней необходимо было знать все, что происходило въ Англіи. Такія отношенія двухъ государствъ навели Латура на мысль издавать въ Лондонѣ французскій журналъ для Франціи. Онъ обратился къ вѣкому Сунтону, который тогда пользовался большою извѣстностью между французами, хотя оказывалъ имъ одолженія не иначе, какъ на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Сунтонъ былъ проходимецъ, очень подозрительной честности. Бывъ корреспондентомъ Бомарше и принимая у себя къ домѣ всѣхъ французовъ, онъ въ то же время не гнушался никакимъ ремесломъ: восшлись слухи, что онъ составилъ себѣ состояніе игрою и отдачею денегъ въ ростъ за огромныя проценты, особенно французскимъ баричамъ, пріѣзжавшимъ въ Лондонъ брать уроки въ англосави и т. п. Сунтонъ держалъ подъ чужимъ именемъ ресторанъ, имѣлъ такимъ же образомъ винный погребокъ, но главнѣйшими статьями его доходовъ были значительныя пан, которыми онъ владелъ въ разныхъ англійскихъ журналахъ. Отъ Сунтона не могла укрыться вы-

годная сторона проекта Латура и онъ успѣшилъ снабдить его деньгами, необходимыми на изданіе англо-французскаго журнала.

Весь успѣхъ этого изданія рассчитывался, разумѣется, на Францію; но какою способомъ заставить его проникнуть въ страну, гдѣ свобода прессы была очень стѣснена? Политическіе расчеты устранили всѣ препятствія: Латуръ ловко далъ повѣсть французскому правительству, какого рода пользу могъ принести ему журналъ во время войны, которая имѣла отираться; именно, онъ замышлялъ бы правительству сотню политическихъ шпіоновъ и доставлялъ бы такимъ образомъ барашки, вмѣсто расходовъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ де-Верженъ далъ разрѣшеніе, и «Вѣстникъ Европы» могъ являться одновременно и въ Лондонѣ, и въ Парижѣ.

Журналу, издававшемуся въ такой странѣ, какъ Англія, трудно было держаться той мѣрки, которая требовалась по ту сторону пролива. На второмъ же номерѣ «Вѣстникъ» во Франціи запретили, такъ какъ было замѣчено, что въ немъ непрямо критиковались французскіе министры. Полиція стала отбирать всѣ номера его въ общественныхъ мѣстахъ и даже король казался такъ раздраженнымъ съдѣлаю новаго газетчика, что не только воспретилъ пропускать «Вѣстникъ» во Францію, но и приказалъ всѣмъ своимъ министрамъ нѣтъ у себя хотя даже одинъ экземпляръ. Такое запрещеніе было смертельнымъ ударомъ для изданія, что очень хорошо сообразили его собственники. Они вступили въ переговоры съ Верженомъ о помилости, сваливая при томъ всю вину на одного изъ своихъ сотрудниковъ и обѣщая на будущее время держаться въ предѣлахъ, которыхъ требуетъ французское правительство. Вержену удалось побѣдить нерасположеніе короля къ «Вѣстнику Европы» увѣреніемъ, что лучшее средство прекратить нападки этого журнала состоитъ въ томъ, чтобы для выгоды издателей позволить выписывать его во Францію. Изданіе Латура снова появилось туда съ 1 ноября 1776 г. Опытъ показалъ на дѣлѣ справедливость увѣренія министра, оказавшагося внакомѣ сердца человѣческаго вообще и издательскаго въ особенности: съ той минуты, какъ «Вѣстнику» было возвращено право являться во Францію, этотъ журналъ сдѣлался столько же остороженъ въ своихъ приговорахъ французскому правительству, сколько былъ до той поры смѣлъ. На его заглавіи печаталось извѣщеніе: «продолжается по новому плану съ 1 ноября 1776 года». Это значило, что онъ изъ барышей и чтобы не лишиться французскихъ подписчиковъ перемѣнилъ направленіе и сталъ потому же снисходительнымъ и почтительнымъ. Такимъ маневромъ англо-французская газета достигла благоденствія, и на долю одного Латура досталось въ первый же годъ 25 т. ливровъ.

Однако не должно думать, чтобы послѣ того «Вѣстникъ Европы» пользовался невозмутимымъ спокойствіемъ во Франціи. Сколько ни обѣщались: редакция его бытъ на будущее время благоразумною, въ журналѣ прекаживали тамъ и самъ либеральнаго времени, что возбуждало всегда омаговія между его французскими подписчиками и поклонниками. «Общіе предметы, о которыхъ толкуетъ «Вѣстникъ Европы», замѣчено въ однихъ современныхъ памфлетахъ: необходимо принадлежать къ нему гораздо болѣе поклонниковъ, нежели къ другимъ газетамъ, тѣмъ болѣе, что тамъ допущена несравненно большая свобода, почему и страшился, чтобы его наконецъ не запретили. Уже многіе изъ номеровъ «Вѣстника» были задержаны на почтѣ, несмотря на удивительную снисходительность къ нему министра, зфрорство по уваженію къ англійскому происхожденію журнала, предполагающему исключительную свободу...»

Не отъ одного, впрочемъ, Париза «Вѣстникъ» встрѣчалъ затрудненія: однажды онъ сдѣлался жертвою раздоровъ между берлинскими и вѣнскими дворами. Австрійскій министръ не будучи въ состояніи удовлетворительно отвѣчать на нѣкоторыя статьи, напечатанныя въ «Вѣстникѣ» сторонниками прусскаго короля, запретилъ, изъ жалкаго мщенія, обращенія и чтенія его въ областяхъ Марш-Тероинъ. Прусскій король, какъ бы въ возмездіе, не велѣлъ пропускать въ Пруссію всѣ иностранныя газеты, которыя были извѣстны подъ названіемъ газетъ главнаго императорскаго печатнаго. И это запрещеніе послѣдовадо въслѣдствіе ребяческой обидчивости прусскаго правительства на нѣкоторыя изъ помянутыхъ журналовъ. Однако, несмотря ни на что, «Вѣстникъ» успѣвалъ восторжествовать и надъ шепетливостію нѣмцевъ, а временное преслѣдованіе его въ Германіи только увеличило тамъ число его подписчиковъ.

Однажды давнишнія опасенія французскихъ подписчиковъ «Вѣстника» осуществились: въ апрѣлѣ 1778 г., они перестали вовсе получать его, за исключеніемъ немногихъ номеровъ, и то доходящихъ до Франціи контрабандой. На этотъ разъ преслѣствія были не со стороны французскаго министра, такъ какъ въ самомъ Лондонѣ, что кажется почти невѣроятнымъ, задержаны были номера, предназначившіяся во Францію. Англійское министерство было поражено тѣмъ зломъ, которое могло ему причинить изданіе «Вѣстника Европы». Война продолжала опустошенія, когда англо-французская газета начала свои; за нее распинались отъ Париза до Петербурга; у ней подписчики были во всѣхъ углахъ Европы; чрезъ нее узнавали о Фоксѣ, Боркѣ, которыхъ рѣчи твердили наизусть, и уродовали имена. Каждый наперерывъ восхищался возвышеннымъ краснорѣчіемъ ораторовъ, до того времени безвѣстныхъ; каждый приходилъ

въ изумленіе; что король Георгъ такъ терпѣливо позволялъ имъ поносить себя и даже не высаживалъ котораго нибудь изъ этихъ витій въ тюрьму. Какъ! нѣтъ ни произвольныхъ заточеній, ни Бастильи? Вотъ, говорили, въ Англии такъ — народъ королемъ! Начитавшись риторическихъ рѣчей, которыя французскіе журналисты за-частую или сами приписывали тѣмъ лицамъ или же фабриковали со словъ англійскихъ журналистовъ, первыхъ сочинителей ихъ, — въ Европѣ стали думать, что приобрѣли основательныя свѣдѣнія объ англійской конституціи.

Во всемъ этомъ еще не было вреда Англии; но что было для нея опасно, такъ это передача, болѣе или менѣе точная, парламентскихъ преній, съ разсужденіями и размышленіями, сопровождавшими или возбуждавшими ихъ; чрезъ все это вдругъ раскрылась слабость администраціи, то раздѣвленіе, которое царствовало и между государственнымъ людьми, и между тремя народами королевства. Случалось часто, что за нѣсколько мѣсяцевъ прежде отгадывали самыя изъ важнѣйшихъ министерскихъ мѣръ и пользовались тѣмъ, чтобы ихъ опровергнуть.

Лордъ Стернатъ, во время пребыванія своего въ Парижѣ, былъ свидѣтелемъ успѣховъ «Вѣстника Европы», распространенія свѣдѣній, которыя сообщалъ этотъ журналъ объ англійскихъ дѣлахъ и вреда отъ того англійскимъ интересамъ. Отозванный въ Англию вслѣдствіе воимъданно заключеннаго между Франціею и Соединенными Штатами трактата, и войны, которая должна была затѣять возгорѣться, онъ не принявъ указатъ парламенту, и особенно своему лорду Мэнсфилду, печальныя послѣдствія терпимости къ этой французской газетѣ, которую онъ называлъ публичнымъ шпиономъ. Мэнсфилдъ, какъ опытный судья, возражалъ ему, что уже искали всѣ законныя средства для прекращенія изданія ея, но законъ былъ нѣтъ, или, лучше сказать, позволялъ печатать по-французски, гречески и еврейски всѣ глупости, которыя англійскіе бумагомаратели могли писать на своемъ отечественномъ языкѣ. Слѣдовательно, надобно было уважать законъ или издать новый. Таково было мнѣніе Мэнсфилда, таково было заключеніе и четырехъ извѣстнѣйшихъ юрисконсультовъ, съ которыми совѣтовались по этому предмету. Потомъ казался недостойнымъ великой націи снизойти до изданія никогда прежде не существовавшаго закона противъ свободы книгопечатанія, что показалось бы малодушіемъ со стороны Англии. Можно было запретить журналъ, но дѣлали видъ, что его презираютъ, и французскій редакторъ продолжалъ сообщать вредныя для Англии извѣстія, подъ защитою самихъ же англійскихъ законовъ. Однако возрастающій успѣхъ «Вѣстника Европы» все болѣе и болѣе безо-

комъ англійскаго правительства, и оно, не имѣя права остановить его изданія, придумало способъ, который по крайней мѣрѣ затруднялъ доставленіе журнала во Францію.

Въ Лондонѣ велѣно было считать тюки, въ которыхъ находились предназначавшіеся для Франціи экземпляры «Вѣстника Европы», за товарныя мѣста, а потому они подверглись наложенію запрещенія. Полагали, что обойдя такимъ образомъ законъ, можно было парализировать журналъ, становившійся все болѣе и болѣе опаснымъ.

Суйнтонъ не потерялся при такомъ злоключеніи: чтобы отпарировать ударъ, онъ основалъ въ Булонѣ типографію для печатанія тамъ «Вѣстника», издаваемого въ Лондонѣ. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ далъ на то согласіе съ условіемъ, чтобы перепечатка эта производилась подъ наблюденіемъ французскаго цензора аббата Обера, извѣстнаго, какъ уже видѣли выше, доносчика на Парижскій журналъ... Завѣдываніе булонскою газетою Суйнтонъ возложилъ на Бриссо, игравшаго десять лѣтъ послѣ видную роль во время революціи во Франціи. Бриссо, принявъ на себя редакторство, такъ говорилъ въ своей программѣ: «будемъ уважать ремесло (журналиста): оно не безчеститъ меня. вмѣсто пошлыхъ анекдотовъ, вмѣсто скандальной хроники, будемъ говорить о конституціи и истинныхъ пользахъ народовъ; вмѣсто плохихъ стишковъ, грубыхъ насмѣшекъ, продажныхъ похвалъ посредственнымъ писателямъ, надобно дѣлать извлеченія изъ лучшихъ сочиненій и такимъ образомъ знакомиться съ ними; надобно распространять здравыя начала, содѣлывающія людей просвѣщенными и добродѣтельными; надобно высказать все достоинство англійской литературы, остающейся совершенно неизвѣстною во Франціи; надобно оказывать услуги почтеннымъ писателямъ, которые сохраняютъ о томъ воспоминаніе и признательность».

Все это написано было очень хорошо, но возникало справедливое опасеніе, понравятся ли всѣ части такой программы французскому правительству, которое было очень далеко отъ того, чтобы раздѣлять мнѣнія юнаго филатропа о здравыхъ началахъ, дѣлающихъ людей счастливыми, о необходимости разсуждать о пользахъ народовъ? И дѣйствительно, скоро министръ напелъ «Вѣстникъ» опійною трибуною, которую надо было ниспровергнуть, и она была ниспровергнута. Многія изъ замѣчательнѣйшихъ статей Бриссо стали запрещать, а вмѣсто нихъ читатели получали басни аббата Обера, плохіе стихи, неудачныя эпиграммы и литературнае острівки, пропущенныя сквозь строгую цензуру. Бриссо скоро на-

дошло все это, и онъ бросилъ издаваніе «Вѣстника» въ Булонѣ и перешелъ въ сотрудики къ Латуру по лондонскому издаванію.

Обзоръ французской журналистики былъ бы неполонъ, безъ упоминанія о Церковныхъ Извѣстіяхъ (*Nouvelles ecclésiastiques*), періодическомъ изданіи, выходившемъ во Франціи съ 1728 по 1793 годъ. Это былъ органъ партіи янсенистовъ, извѣстныхъ своею непримиримою враждою къ іезуитамъ. Вражда эта въ XVII и XVIII столѣтіяхъ выражалась въ борьбѣ на смерть между послѣдователями обѣихъ партій, и въ ней принималъ горячее участіе цѣлый народъ, что особенно замѣчательно для XVIII вѣка, эпохи скептической и насмѣшливой по преимуществу. Въ настоящее время, янсенизмъ принадлежитъ исторіи, и въ самой Франціи едва помнятъ объ ученіи, дѣлавшемъ въ свое время столько шума, подавшемъ поводъ къ столь многимъ гоненіямъ, а слѣдовательно, и фанатическому раздраженію. Корнелій Янсений, родомъ голландецъ, представлялъ ученіе святаго Августина, какъ единое католическое, отвергалъ дѣятельность разума въ предметахъ религіозныхъ, считалъ матерью всѣхъ ересей философію, особенно Аристотеля, какъ источникъ пеллагианства (послѣдователи котораго отвергали испорченность чело-вѣческой природы чрезъ первородный грѣхъ) и проч. Противниками Янсенія и его многочисленныхъ послѣдователей явились іезуиты. Они, будучи въ силѣ при Людовикѣ XIV, выхлопотали въ 1713 году у папы Климента IX знаменитую буллу *Unigenitus*, которая подала поводъ къ жестокимъ гоненіямъ французскихъ янсенистовъ; послѣдніе, впрочемъ, несмотря ни на что, продолжали борьбу на перьяхъ съ послѣдователями Лойолы, и только революція могла потушить фанатизмъ противниковъ и приверженцевъ обѣихъ партій. Вскорѣ послѣ изданія названной буллы, янсенисты, гонимые и угнетенные врагомъ сильнѣйшимъ, начали издавать свои *Nouvelles ecclésiastiques*. Нужно ли говорить, съ какою яростію было узвано о томъ іезуитами? Но гдѣ этотъ журналъ издавался, кто былъ его редакторомъ — того, при всей ловкости и изворотливости отцовъ іезуитовъ, узвать не было возможности, хотя самъ начальникъ парижской полиціи былъ на сторонѣ ихъ и употреблялъ всѣ нѣры, чтобы напасть на слѣдъ смѣльчака-издателя.

«Вотъ уже три года, писали въ *Nouvelles ecclésiastiques* въ 1784 году, какъ выходитъ это небольшое изданіе и повидимому на немъ почіетъ благословеніе божеское. Извѣстно, какъ много встрѣтило оно протидѣйствія отъ людей, сколько препятствій ему было надобно превозмочь и сколько еще и теперь ему предстоитъ опасно-

стой и затрудненій. Не до тѣхъ поръ, пока оно будетъ подъ защитою Всемогущаго, кто въ состояніи погубить его? Предпринятое единственно для защиты истины, во времена, когда истина и ея защитники находятъ только доступъ къ суду общественнаго мнѣнія, его участь должна имѣть нѣкоторое сходство съ судьбою самой истины: до тѣхъ поръ, пока она будетъ опровергаема и поражаема, до тѣхъ поръ и наши *Извѣстія* должны испытывать борьбу и противорѣчіе.

«Каждый день, съ удивленіемъ и горестью слышится, что г. Геро (начальникъ полиціи) ни о чемъ такъ не хлопочетъ въ безарестивныхъ розыскахъ, какъ только объ отырытіи того, кого называетъ онъ авторомъ *Церковныхъ Извѣстій*. Что всего страннѣе, что онъ, безъ всякихъ доказательствъ и причинъ, по самымъ неосновательнымъ подозрѣніямъ и пустѣйшимъ доносамъ, обвиняетъ въ такъ-называемомъ имъ преступленіи всѣхъ невинныхъ, которыхъ онъ захватываетъ или которые успѣваютъ шобѣгнуть его преслѣдованій. Неужели этотъ сановникъ одинъ въ свѣтѣ убѣжденъ, вопреки всякаго вѣроятія, что этотъ авторъ (если онъ заслуживаетъ такого названія) человекъ единственный въ своемъ родѣ и не можетъ быть никѣмъ замѣненъ? Разумѣется, будетъ замѣненъ и даже съ выщею пользою для читателей и для блага общаго дѣла. Когда дѣло идетъ объ изложеніи фактовъ, полезныхъ истинъ, всѣ уста служителей Божіихъ отверсты, чтобы ихъ повѣдать, а перья готовы, чтобы описать ихъ».

Если неутомимо преслѣдовали автора «*Извѣстій*», то не слабѣе производили травлю и типографщику ихъ. Такъ, въ современныхъ запискахъ читаемъ: «2 апрѣля 1728 года (журналъ тогда только-что началъ выходить), посадили въ Бастилію Ботца сына, типографшика, съ однимъ изъ его прислужниковъ, шпичника и портнаго, — они всѣ замѣшаны по дѣлу о составленіи и печатаніи еженедѣльнаго изданія «*Церковныя извѣстія*», которыя распространены въ Парижѣ. Теперъ началось слѣдствіе, чтобы вотромъ наказать виновныхъ по строгости законовъ».

«*Церковныя извѣстія*» печатались повсюду, то здѣсь, то тамъ, сегодня въ городѣ, завтра въ какойнибудь деревнѣ, въ подвалѣ, сараѣ, даже посреди лѣса. Однажды, начальникъ полиціи, выведенный изъ себя смѣлостью газеты, которая подсмѣивалась надъ нимъ даже въ его собственномъ кабинетѣ, позвалъ къ себѣ всѣхъ парижскихъ типографшиковъ и грозилъ имъ примѣрнымъ наказаніемъ, если они сами, въ кратчайшій срокъ, не отыщутъ ему виновнаго. Итакъ, надобно было выбирать между Бастильею и доносомъ. Одинъ изъ этихъ господъ, разсматривая вѣнзетту, украшавшую послѣдній

номеръ «Извѣстій» — это было изображеніе попугая — вспомнить, что онъ видѣлъ ее на камонѣ-то провинціальномъ альманахѣ, и послѣ многихъ поисковъ, точно отыскала вшитку на альманахѣ, менатанномъ въ Оссеррѣ. Болтливая птица, въ самомъ дѣлѣ, была типографскимъ знакомъ нѣкоего книгопечатника того города, Фурнье, человекъ очень способнаго по своей части, но въ тоже время, если правда, что рассказываетя объ этомъ происшествіи, не очень осторожнаго. Тѣмъ не менѣе блуждающая газета была вынуждена искать себѣ другаго убѣжища, и какъ дѣло было въ очень доброй для лисеиннаго странѣ, то скоро нашла его. Думали, что она печаталась нѣкоторое время въ одномъ замкѣ, владѣльцы котораго были лисеинны. Другіе увѣряютъ, что типографскій станокъ былъ перенесенъ въ дѣсныя дерби Пуизе, въ жилищѣ угельщика. Говорятъ болѣе: однажды самъ начальникъ полиціи руководилъ розыскаціями, и они навѣрное бы остались безъ успѣха, если бы крайняя смѣлость не испортила всего дѣла: садясь въ свою карету, начальникъ полиціи нашелъ тамъ еще влажные экземпляры дерзкой газеты. Тогда-то принялся снова за поиски и тайникъ былъ открытъ.

Невозможно было, говорить Барбье, открыть автора «Церковныхъ извѣстій»; обыкновенно они переходили чрезъ руки столькихъ лицъ и очень при томъ честныхъ, что авторъ всегда оставался неизвѣстнымъ для тѣхъ, кто его могъ арестовать. Когда онъ, по имѣвшимся у него матеріаламъ, составлялъ свой листокъ, то бросалъ черновые въ огонь, а бѣлый передавалъ другому; этотъ, его списывалъ, подлинникъ сжигалъ, а свою копию сообщалъ третьему, который уничтожалъ вторую копию, а свою относилъ къ типографщику. Онъ же принималъ изъ типографіи экземпляры, чтобы раздавать ихъ въ Парижѣ. Въ разныхъ частяхъ города, было до двадцати лицъ, которые брали себѣ по сту, наир., экземпляровъ, каждый. Изъ этихъ двадцати лицамъ равномѣрно журналъ не однимъ человекомъ, а двадцатью, которымъ и платили привидимые сто экземпляровъ. Одинъ экземпляръ приходился каждому разнощику даромъ, а тѣ уже хорошо знали, кому передать газету, чтобы получить за нее деньги. Если сегодня утромъ одинъ изъ получателей попадался, то всѣ остальные девятнадцать были уже о томъ предупреждены; экземпляры переносились въ другое мѣсто, и такимъ образомъ, когда бы ни арестовали, заведенная машина не останавливалась, и было почти невозможно прегранить обращеніе «Извѣстій».

«29 мая 1728 года, обнародовали указъ, воспрещающій подъ страхомъ ссылки въ первый разъ на галеры, печатать все, что могло имѣть какое либо отношеніе къ булѣ (Unigenitus—см. выше)

или роллижъ подъ заглавіемъ «Церковная записка или извѣстія» — названіе изгнаніемъ опредѣлено авторамъ ихъ. Несмотря на это, въ первой половинѣ іюня успѣли нанести и раздать «Церковныя извѣстія» на четыреста печатныхъ листахъ. Въ февралѣ 1731 года: «Вотъ уже три года, какъ «Церковныя извѣстія» обращаются въ публику, а начальникъ полиціи до сихъ поръ не можетъ открыть ни автора, ни мѣста, гдѣ они печатаются. Парламентъ, приговоромъ 9 сего мѣсяца, осудилъ послѣдніе пять номеровъ на сожженіе рукою палача, что и было исполнено. Это должно огорчить ясенщиковъ. Они безвозвратно извѣдали обо всемъ, что происходило по случаю конституціи, критиковали безъ милосердія синодниковъ и магистратуру, — послѣдніе тѣмъ взбѣшены не сказано... Каждый изъ нихъ получаетъ на свое имя пакетъ... Сожженіе не остановило предомовія «Извѣстій» и возбуждало только еще большее усердіе въ партияхъ...»

Недостатокъ политическихъ газетъ во Франціи второй половины XVIII столѣтія и особенное положеніе тѣхъ изъ нихъ, которымъ было дозволено существовать въ силу несправедливыхъ привилегій, породили во французской прессѣ контрабандную журналистику — рукописныя листки, которые составлялись разными собирателями новостей, бюллетенистами. Послѣдніе занимались также сообщеніемъ текущихъ новостей и въ разныя иностранныя газеты. Правительство, разумѣется, не могло смотрѣть благосклонно на этихъ тайныхъ летописцевъ скандальной хроники и потому иногда преслѣдовало ихъ со строгостью, доходившею до крайностей; впрочемъ, не смотря на то, уничтожить бюллетенистовъ, чрезвычайно размножившихся и привлеченныхъ барышами, въ послѣднее время передъ революціею, уже не было никакой возможности, а потому и чтобы сколько нибудь предупредить вліяніе тайной журналистики, рано начали прибѣгать къ сдѣлкамъ и уступкамъ.

Въ журналѣ Варбье подъ 1745 читаемъ: «одно частное лицо выхлопотало негласное позволеніе раздавать рукописныя извѣстія, съ условіемъ, что они будутъ просматриваемы и одобряемы кѣмъ нибудь изъ назначенныхъ для того полицейскихъ чиновниковъ. Эти извѣстія разносились по домамъ и кофейнямъ два раза въ недѣлю, съ платою отъ 30 до 40 су въ мѣсяць, что и приносило значительныя барыши. Въ рукописныхъ извѣстіяхъ, каждый номеръ въ форматѣ почтового листа, было сообщено о частныхъ дѣлахъ, бракахъ, наследствахъ, все это съ разными скандальчиками, привлекавшими къ нимъ праздное любопытство. Многіе изъ бюллетенистовъ попадали первѣдко въ Бастилью, писалъ Барбье; но такая мѣра ока-

зывается ребяческою. Правда, что въ Парижѣ много зазнавшихся людей, прозванныхъ австрийцами, которые, пользуясь застѣемъ журналистики и безгласностью, стараются распространить невыгодныя для Франціи новости; но, право, когда носѣдвія въ самомъ дѣлѣ плохи и порождены дурными распорядками, то невозможно же всякому доброму Французу восторгаться и кричать о побѣдахъ! Настоящая причина всѣхъ дурныхъ слуховъ происходитъ оттого, что вовсе не существуетъ возможности получать какія бы то ни было извѣстія. Нація довольствовалась бы отъ министерствъ, вѣсто истины, призракомъ ея. Безпокойные умы пользуются минутами всеобщихъ ожиданій, чтобы распространять недоувѣріе и недовольство, выразившіяся въ повсемѣстныхъ жалобахъ противъ министровъ и правительства».

Мы замѣтили выше, что нѣкоторыхъ бюллетенистовъ терпѣло правительство иногда по расчетамъ политическимъ; чаще же по личнымъ отношеніямъ, въ которыхъ нерѣдко женщины играли важную роль.

Однажды, министру иностранныхъ дѣлъ Вержену представили о разрѣшеніи какому-то бюллетенисту сообщать извѣстія въ голландскій журналъ. Ходатаемъ въ этомъ дѣлѣ былъ аббатъ Сюаръ, писавшій, что его протѣгѣ никогда не позволитъ себѣ распространяться въ своей корреспонденціи о томъ, что можетъ оскорблять деликатность гражданина, а еще болѣе значительной особы. Верженъ отвѣчалъ на это: «Я имѣлъ честь получить письма, которыя писаны вами и г. Сюаромъ касательно дозволенія одному неизвѣстному частному лицу сообщать извѣстія къ голландскому журналисту, подъ условіями сообщенія полиціи имени и корреспонденціи его... Я полагаю, что вреда отъ терпимости въ подобныхъ случаяхъ гораздо болѣе, нежели пользы, отъ того ожидаемой, даже и при административномъ надзорѣ. Опытъ нашъ доказалъ, что изъ всѣхъ родовъ писателей, состоящихъ на жалованьѣ, нувеллистовъ всего труднѣе удержать въ надлежащихъ предѣлахъ. Какой благоразумный человѣкъ поручится за поведеніе бюллетениста, рассчитывающаго на барышни по количеству секретныхъ разсказовъ, которые онъ можетъ собрать? и какой честный человѣкъ позволитъ взять на себя подобное порученіе, послѣ столькихъ злоупотребленій его собратій и безчестій, которыя они тѣмъ навлекли на себя? Предполагаю даже, что лицо, извѣстное своимъ благоразуміемъ, получаетъ ходатайствуемое имъ разрѣшеніе, и что по личнымъ качествамъ оно того заслуживаетъ, но въ то же время не смотря на всѣ свои достоинства оно не въ состояніи помѣшать журналисту, которому доставляетъ свои извѣстія, получать тайныя, часто вредныя свѣдѣнія и потомъ разглашать ихъ въ своей

газетъ. Что произойдетъ отъ него? Публика будетъ жаловаться на такую легкомысленную терпимость, частныя лица потребуютъ отчета въ вѣселии и нескромности газетчика, правительство найдется вынужденнымъ прибѣгнуть къ печальной необходимости наказать корреспондента, который извѣстенъ, и признается виновнымъ, но смотря на всѣ увѣренія въ своей невинности; частныя лица, зная объ одномъ случаѣ терпимости, будутъ винить правительство въ каждой наглости иностранныхъ газетчиковъ и ихъ безвѣстныхъ корреспондентовъ. Эти соображенія... утверждаютъ меня въ мнѣнїи, что мы не должны ни разрѣшать, ни признавать французскихъ корреспондентовъ для иностранныхъ газетъ, что этотъ родъ промысла долженъ быть, по прежнему, оставленъ запрещеннымъ, и что тѣ, которые будутъ имъ заниматься, должны подвергаться строгой отвѣтственности. Я вполне надѣюсь на ваши, милостивый государь, пусыпныя старанія слѣдить за поступками корреспондентовъ; свѣртенныя предупрежденія и снисходительныя совѣты могутъ быть дѣйствительны для нѣкоторыхъ изъ нихъ, заблуждающихся временно; у другихъ же развратныя наклонности, привычки и жажда къ прибыли причиняли много зла, и для такихъ совѣты безсилны, почему одни только штыри строгости могутъ удерживать ихъ въ границахъ.»

Аббатъ Сюаръ, самъ журналистъ, не нашелся ничего отвѣчать противъ такихъ доводовъ.

Скоро Верженъ воспользовался случаемъ примѣнить высказанныя имъ начальнику полицїи начала противъ одного несчастнаго корреспондента.

«Версаль, 7-го сентября 1782 года.

«Нѣкто Дезессаръ, издатель французской газеты въ Утрехтѣ, подавъ, милостивый государь, поводъ ко многимъ жадобамъ на вольности этого журнала, и еще недавно по случаю клеветническихъ и оскорбительныхъ статей противъ гг. Флери и Грасса, напечатанныхъ въ № 63. Вслѣдствіе настояній обиженныхъ, я сообщалъ о томъ голландскому посланнику, который и выхлопоталъ выговоръ редактору отъ утрехтскаго магистрата. Редакторъ выслушалъ выговоръ съ нѣкоторыми признаками раскаянїя, но въ то же время отправилъ своему варингскому корреспонденту письмо, въ которомъ, надеясь на вѣрность голландскимъ бургомистрамъ и ихъ выговорамъ, поручаетъ корреспонденту ничего не измѣнять въ своихъ бюллетеняхъ, такъ какъ рѣшился сохранить преимущество своей газеты

производити шумъ, какъ онъ выржался (*). Увѣренная важность этого газетчика побудила насъ запретить выписку и раздачу въ королевствѣ газеты его, о чемъ и дано уже надлежащее предписаніе отдѣльно иностраннымъ журналамъ. Также я увѣдомилъ о томъ посланника, поручивъ ему предупредить Дезессара, что если онъ еще разъ попадетсѣ въ подобнаго рода проступкахъ, то мы о личномъ наказаніи его будемъ ходатайствовать предъ шатами утрехской области. Корреспондентъ Дезессара и въ тоже время другихъ газетъ, какъ-то Брюссельской и проч., называется Фуилу, живетъ въ домѣ минеральныхъ водъ, улица Платриеръ, въ Парижѣ; письма онъ получаетъ по адресу къ дѣвицѣ Розалин Томасъ, которая нитѣ мнѣ, какъ его жена. Онъ-то признается авторомъ бюллетеня, изъ котораго газетчикъ составилъ двѣ статьи, подавшія поводъ къ обвиненію. Подобная нескромность заслуживала бы строжайшаго наказанія; но съ одной стороны его сознаніе, а съ другой предположеніе, что въ его поведеніи болѣе неблагоразумія, нежели злаго умысла, — побудили насъ быть къ нему снисходительными. Однако, извольте потребовать Фуилу къ себѣ, сдѣлать ему строгое внушеніе и воспретить всякое сношеніе съ Дезессаромъ, съ угрозою наказанія въ случаѣ преслушанія. О послѣдующемъ покорнѣйше прошу меня увѣдомить. Верженъ.»

На этотъ разъ, полиція удовольствовалась занесеніемъ въ свой списокъ подозрительныхъ личностей Фуилу, давъ знать своимъ надзирателямъ его примѣты: «ростъ — 2 ар. 6 верш., плечи широкіе, лицо длинное, нѣлонъ, округленъ; краснолицъ: волосы свѣтлокаштановые, глаза блуждающіе и безноконные; шатъ изъ свѣтло-сѣраго камлота, камзолъ и панталоны нанковые; — часто бываетъ въ Caveau (одинъ изъ парижскихъ ресторановъ), садится около Филлора». Съ такими отиѣтками, сдѣланными красными чернилами, трудно было долго скрыватьсѣ отъ толпы шпионовъ, у которыхъ рукъ было столько же, сколько и глазъ, и которые только и существовали доносамъ и воровствомъ. Какъ собаки, они выжидали приказанія начальника: «пиль» (pille). Оно было произнесено 14 января 1786 года. Поискъ шпионской стаи, какъ и слѣдовало ожидать, увѣнчался успѣхомъ. Начальнику ея достоятъ честь рассказать о томъ:

(*) Почему министеру иностранныхъ дѣлъ королю были извѣстны содержаніе письма утрехтскаго журналиста, объясняется тѣмъ, что французское правительство, до революціи, сдѣлало заграничною перепискою съ Франціею и для того особые чиновники вскрывали большую часть пакетовъ, какъ получаемыхъ такъ и отправленныхъ изъ королевства. Увѣряютъ, что будто подобный обычай и донныя въ силѣ тамъ.

вечеру къ нему явился лововой сыщикъ и донесъ о первоначальныхъ дѣйствіяхъ: «я не преминулъ разставить моихъ людей около ресторана «Савоен», при чемъ употребилъ тѣхъ, которыхъ я бралъ прежде при задержаніи Фуилу (онъ былъ уже въ тюрьмѣ). Когда онъ пришелъ туда вечеромъ, они его тотчасъ же узнали и не терпѣли изъ виду почти до полуночи; потому слѣдя за нимъ, узнали объ его мнѣніи жительства.» На слѣдующій день комиссаръ, надзиратель и К^о явились въ улану Платриеръ, чтобы задержать несчастнаго корреспондента жюземъ короля, который, разумѣется, и не подозревалъ о происходящемъ; продолжаемъ выписки изъ шпионскаго донесенія:

«Мы чрезвычайно старательно обыскивали квартиру Фуилу, чтобы найти доказательства его заграничной переписки, но кажется онъ имѣеть обыкновеніе жечь всѣ уже ненужныя ему бумаги. Будучи спрошенъ о разныхъ статьяхъ его, подавшихъ поводъ къ наказанію, онъ увѣрялъ, какъ это обыкновенно водится, что былъ только эхомъ общественныхъ слуховъ, что никогда не имѣлъ и немыслилъ оскорблять правительства и частныхъ лицъ. Чтобы избѣжать огласки и предупредить сцену, которая неминуемо воспослѣдовала бы при разлученіи съ огорченною женою, я счелъ нужнымъ оставить его въ невѣдѣніи, куда его отправляютъ. Такимъ образомъ, думая, что его везутъ въ Бастилью или другую тюрьму, онъ сначала переносилъ арестованіе неустрашимо; но потомъ, когда замѣтилъ, что его засаживаютъ въ сумашедшій домъ, то трудно описать вамъ, какая произошла въ немъ внезапная перемена — его покинула вся философія...»

«Его философія!» восклицаетъ по этому случаю Барбье, сообщившій эти страшныя подробности. «Достаетъ силъ не бояться деспотовъ и смерти, но не безчестія! Гражданинъ, супругъ, отецъ можетъ быть свергнутъ въ домъ умалишенныхъ, куда отсылали самыхъ страшныхъ и порочныхъ злодѣевъ, и за что? за то, что повѣрили ложному доносу, за то, что корреспондентъ осмѣлился написать о главноуправляющемъ Клермонъ, что онъ засадилъ въ тюрьму сорокъ сборщиковъ! Съ наступленіемъ переворота, когда достойные люди, наконецъ, стали получать мѣста, Фуилу сдѣлался однимъ изъ первыхъ представителей общины; однако уѣздъ св. Евстафія не могъ побѣдить предубѣжденій противъ него, — несчастія Фуилу не всѣ знали...»

И такъ, съ приближеніемъ первой революціи, во французской прессѣ стали все болѣе и сильнѣе обрисовываться стремленія къ обнародованію во всеобщее свѣдѣніе событий и явленій, остававшихся долгое время подъ печатью таинственности, въ совершенномъ

мрачѣ. Такъ какъ за средства для осуществленія этихъ стремленій трудно было притаться въ самой Франціи и притомъ открыто, то прежде всего стали являться періодическія изданія за границей, потомъ размножились и въ самомъ королевствѣ рукописныя газеты и корреспонденты, собиравшіе матеріалы для обнародованія ихъ или въ заграничныхъ журналахъ, или въ домашнихъ бюллетеняхъ. Чѣмъ болѣе приближалось время къ перевороту, тѣмъ болѣе разрастался классъ писателей и журналистовъ. Отъ правительства не ускользало ало, которое могло современемъ произойти оттого; но оно думало, что предотвратить его можно при помощи порабощенія. Большая часть министровъ сами старались довести до униженія писателей, платя за брошюры въ свою пользу и дѣлая изъ награжденій извѣстныхъ авторовъ приманку для ихъ снисхожденія. Нѣкоторые писатели надѣвали на себя ошейникъ рабства, т. е. получали пенсіоны, благодаря щедрости г. Калодна. Пенсіонеры дѣлались по большей части льстецами, шпионами, интриганами. Сколько скандала и развращенія! Между тѣмъ, парижскіе литераторы приходили въ восторгъ отъ такихъ милостей: триста изъ нихъ хлопотали о пенсіонахъ, и даже самъ Мерсье, сдѣлавшійся потомъ ярымъ членомъ Конвента! Въ возмездіе за великодушіе, сановникамъ воскурядся энмиамъ лести, который щедро расточали будущіе пѣвцы революціи. Большая часть такъ-называемыхъ писателей во Франціи второй половины XVIII-го столѣтія только и старались объ удовлетвореніи своей алчности къ наградамъ и пенсіонамъ; но встрѣчались и такіе, которые мѣтили далѣе и предчувствовали переворотъ, въ которомъ надѣялись найти пищу и патриотизму и честолюбію своему. Нѣкоторые изъ нихъ не старались скрывать этого, а другіе облекали свои планы и надежды въ болѣе или менѣе прозрачныя покровы. Такъ, Бриссо явился въ Лондонъ основывать журналъ и учебное заведеніе повидимому для распространенія наукъ, на дѣлѣ же для борьбы съ деспотизмомъ. Мирабо распространялъ самыя смѣлыя идеи въ изданіи, носившемъ невинное наименованіе «Разборъ англійскихъ бумагъ.» Бергастъ, подъ предлогомъ распространенія успѣховъ животнаго магнетизма, служилъ собственно дѣлу свободы. Въ концѣ XVIII столѣтія магнетизмъ привлекалъ всеобщее вниманіе и занималъ всѣ умы. Бриссо, при самомъ началѣ этого открытія, чувствовалъ къ нему величайшее недоумѣніе; но замѣчая непоколебимость многочисленныхъ последователей магнетизма, примѣры, которые они приводили въ подтвержденіе тому, намекая имена почтенныхъ лицъ, занесенныхъ въ списки партизановъ магнетизма, — онъ рѣшился разсмотрѣть ихъ опыты и познакомиться съ реневѣдниками новаго ученія. Такихъ

образомъ онъ сошелся съ Вергасомъ, былъ имъ принятъ съ особенными объятіями и узналъ отъ него тотчасъ же, что по магнетизму онъ хлонеталъ воздвигнуть жертвенникъ. «Время приспѣло, говорилъ Вергасъ, чтобы во Франціи произошло переворотъ, но совершить его открыто, значить погибнуть; чтобы имѣть успѣхъ, необходима тайна, необходимо собираться подъ предлогомъ энциклопедическихъ опытовъ, а на самомъ же дѣлѣ, чтобы ниспровергнуть деспотизмъ. Въ этихъ-то видахъ, составилось въ домѣ Корнмана общество изъ людей, чувствовавшихъ склонность къ политическимъ нововведеніямъ. Другое общество, не менѣе многочисленное, состояло изъ писателей, трудившихся надъ приготовленіемъ умовъ къ перевороту—и здѣсь обуживались важнѣйшіе вопросы. Бриссо были за республику, но за исключеніемъ Клавьера, ее нитѣ не одобрялъ. Д'Эпрениель былъ согласенъ лишити Францію Бурбоновъ (débarrasser la France) для того, чтобы вѣсто нихъ дать царствовать парламенту. Бергасъ хотѣлъ короля и двѣ палаты; у него былъ собственный свой планъ, исполненія котораго въ точности онъ преобладавалъ настойчиво. У Бергаса была манія воображать себя Анжургомъ.»

Наконецъ, дѣло дошло до того, что сами принцы права обратили вниманіе короля на престоупившее кругомъ нѣтъ, объясняя причину и источникъ тогдашняго порядка вещей возмущеніемъ и анархіею. Должно сознаться, что дѣйствительно положеніе Франціи передъ революціею было ненормальное; только замѣтившіе это принимали дѣйствіе за причину, и симптомы зла за самое зло. Ненормальное состояніе королевства происходило изъ двухъ причинъ. Восемнадцатый вѣкъ преобразовался: изъ теоретическаго онъ стремился сдѣлаться политическимъ и прагматическимъ. И потому, новое поколѣніе, воспитанное на энциклопедистахъ, исторически малѣйшее принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ, руководимое тѣми смѣлыми умами, тѣми раздраженными головами, которыя всегда являются на зарѣ переворотовъ. Всѣ эти новые люди чувствовали влеченіе къ литературѣ, потому что тогда это было единственнымъ средствомъ принимать участіе въ общественной жизни и удовлетворить той кинучей потребности къ дѣятельности, которая волновала молодые умы. Сверхъ того, молодежь въ предчувствіи будущности, заключенная въ ограниченнѣйшій кругъ частныхъ занятій, не находила въ обычной жизни ничего, что было бы на уровнѣ съ дѣятельностью и желаніями ея.

Улеченіе умовъ сначала выразилось въ шпірадахъ памфлетовъ, въ которыхъ съ удивительною живостью обсуждались ягучіе вопро-

съ, возбужденные приближеніемъ открытія національнаго собранія (*Etats généraux*) и затрогивавшіе всѣ страсти, всѣ народныя чувства. Но едва только состоялось національное собраніе, возникло, какъ будто по волшебному магованію, безчисленное множество журналовъ—одни, чтобы оубѣдить за актами собранія; другіе, чтобы обсуждать ихъ. Вниманіе всей Европы было приковано къ происходившему тогда во Франціи. Роль книги кончилась, пришла очередь журнала.

Читатели настоящаго очерка поймутъ, конечно, что пишущій эти строки лишенъ возможности представить обзоръ французской прессы временъ революціи, а потому въ заключеніе ограничуся нѣсколькими замѣтками о дѣятельности Мирабо: ему, какъ журналисту и борцу за свободу книгопечатанія, бесспорно принадлежитъ первое мѣсто въ ряду многочисленныхъ редакторовъ и издателей, подвизавшихся на журнальномъ поприщѣ, съ 1790 года, до временъ консульства и имперіи.

Здѣсь не мѣсто рассказывать о бурной жизни Мирабо; замѣтимъ только, что еще съ раннихъ лѣтъ своей молодости долженъ былъ искать въ литературныхъ трудахъ себѣ средствъ, въ которыхъ ему отказывало его аристократическое семейство, и эти труды были долгое время единственнымъ источникомъ, на который онъ могъ рассчитывать. Далекій отъ того, чтобы жаловаться, Мирабо, напротивъ, выхвалялъ себѣ это въ честь, такъ какъ въ его глазахъ ничего выше не было званія писателя, лишь бы только онъ сознавалъ свое назначеніе: «Ахъ, говорилъ онъ, если бы писателямъ честно посвящали себя благородному ремеслу на пользу общую! Если бы они могли окончить миролюбивой сдѣлкой съ своими неуверенными самолюбіемъ и жертвовать суетностью—достоинству. Если бы вмѣстѣ того, чтобы унижаться, спориться между собою и вредить взаимно своему влиянію, они соединили свои усилія и труды для неспровержимаго честолюбца, который заклевываетъ, обманщика, который вводитъ въ заблужденіе, подлнца, который продаетъ себя; если бы презирая низкое ремесло литературныхъ бойцовъ, они возстали, какъ настоящіе братья по оружію, противъ предрасудковъ, лжи, шарлатанства, суетвѣрій, тираниа какого бы то ни было рода,—тогда, конечно, мѣня нежелая въ одно столѣтіе замѣнилась бы поверхность земная...»

Мирабо сильно влечла къ себѣ журналистика, однако онъ чувствовалъ въ себѣ нѣкоторое отвращеніе къ этой карьерѣ или, по крайней мѣрѣ, разъ избравъ ее, онъ хотѣлъ остаться полнѣйшій поклонникъ въ избраніи предметовъ для сочиненій и для статей, въ которыхъ отдавался отвѣтъ о новыхъ произведеніяхъ; но это условіе

часто ставшие его въ затруднительное положеніе и притиравъ него часто возмущалась его непокорный духъ. «Да, повернуть оцъ, а оцъ хорошо знаетъ, что одно и тоже обстоятельство, которое заставляетъ нѣтъ побужсаеъ и другихъ птицъ и птичекъ, голодныхъ и болтливыхъ, какъ я, принуждаетъ меня безвероятно услухать и поглазнуть поневоле въ тнѣ бумагомарателей. Работать подъ диктовку другихъ, не мысли другихъ, но мнѣ не есть хорошее правило, если только не лишеть ума; не законцаъ необходимость—это такой законъ, котораго никакъ нельзя обойти, и я очень хорошо вижу, что огниѣ до минуты полученія наследства, которое никакъ не минуетъ меня, мнѣ надобно волей-неволей разработывать этотъ благодарный рудникъ.»

Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ, оцъ писалъ къ Монморену, внеслѣдствіи министру: «У меня вовсе нѣтъ пошлыхъ мыслей объ уваженіи; я чувствую его только въ тому, который его заслушиваетъ, къ добродѣтели, въ талантахъ, не никогда къ поддѣльной обстановкѣ общества. Съ давнихъ поръ, освободившись отъ обманчивыхъ грезъ, къ котораимъ могла привлечь меня случайность происхожденія, привыкнувъ быть ннѣмъ другимъ, какъ только самимъ собою, и уважая себя лично по себѣ, я буду стараться быть достойнымъ всякой должности и утѣшаться, что ни занимаю мнѣной, если только ваша доброта не уснѣтъ когда нибудь побѣдить мое предопредѣленіе.

«Право, англичане стоятъ насъ, если даже не болѣе,—и что же? у нихъ нѣтъ человѣка съ достоинствомъ, человѣка общественаго, съ неоспоримымъ достоинствомъ, который бы долгое время не работалъ въ периодическихъ изданіяхъ, въ этихъ летучихъ листкахъ, которыми пренебрегаетъ наша малограмотность, и которые повсюду произвели огромныя измѣненія въ предметахъ, огромныя перевороты въ мысляхъ, огромное вліяніе на людей. Я не считаю для себя униженіемъ дѣлать тоже, что дѣлали и всегда дѣлаютъ избранные люди въ Англіи, и никогда не буду считать себя бесполезнымъ для своей страны даже въ томъ смыслѣ, если примѣръ человѣка, котораго имя, дарованія и поступки не изъ посредственныхъ, разрушаетъ этотъ бессмысленный и вредный предрасудокъ...»

Сначала Мирабо задумалъ издавать журналъ «Консерваторъ», такъ названный потому, что издатель имѣлъ намѣреніе помѣщать въ немъ замѣчательнѣйшіе отрывки изъ старинныхъ произведеній, совершенно забытыхъ и поглощенныхъ приливомъ новыхъ журналовъ. Это предпріятіе не имѣло однако успѣха, точно также, какъ и желаніе Мирабо получить право на изданіе «Меркурія». Тогда-то оцъ выхлопоталъ министерское дозволеніе издавать журналъ подъ невольнымъ заглавіемъ: «Разборъ англійскихъ бумагъ» (Analyse des

parlers anglais), и здѣсь началъ обсуждать политическіе вопросы въ-лей Европы, несмотря на на какія жалобы журнальнаго претини-ленника и любителя прилагать Панкуке, причащаго прогнать наруче-ния его правъ. Въ новомъ журналѣ много сотрудничалъ в Брюсселъ, но большая часть его статей писали подпись Мирабо. Последний да-леко былъ не такъ ученъ, усидчивъ и трудолюбивъ, какъ можно было бы это думать по многочисленнымъ сочиненіямъ, вышедшимъ подъ его именемъ. Разсѣянная жизнь, привычки поглощать у Мирабо лучшую часть времени. Другіе обдумывали, писали и печатали импе-то его. Онъ только осуждалъ своихъ именемъ; это имя, по стра-ности приключеній носившаго его, по снѣдости характера, при-влекало всегда вниманіе; оно имѣло большую цѣну, а мунить его считалось умной и полезной спекуляціей. Такая продажа у Мирабо была слѣдствіемъ разчета, скорѣе политическаго, нежели денежна-го. Неудобно было дѣйствовать на народъ великимъ именемъ. Что же за дѣло до средствъ, которыми это достигалось? Что за нужда до сатиры? Мирабо началъ содрать тушить ихъ, или по крайней мѣрѣ возбуждать къ нимъ сомнѣніе, оставляя безъ отвѣта всѣ нападки противъ себя.

Съ самаго начала своей литературной дѣятельности Мирабо сдѣ-лался однимъ изъ горячихъ проповѣдниковъ успѣховъ прессы. Еще въ молодости онъ въ этомъ смыслѣ высказывалъ шпача, которымъ потомъ слѣдовалъ въ продолженіе всей жизни.

Въ началѣ 1768 года онъ писалъ: «дѣйствительное средство про-тивъ всѣхъ золъ (политическихъ въ государствѣ) есть промѣтаніе прессы, вышедшей изъ искусства книгопечатанія, этого неограниченнаго хранилища человѣческихъ знаній, которое вѣчно будетъ слу-жить утѣшеніемъ для мудрыхъ, свѣтомъ для народовъ, ужасомъ для тирановъ. Безъ успѣховъ прессы неудобнысаны ни просвѣщеніе, ни конституція. И пусть не говорятъ въ опроверженіе о расущенности, которая можетъ оттого послѣдовать: ограниченія подобнаго рода, какъ и всякая другія стѣсняютъ только честныхъ людей, какъ контрабанда служить къ выгодѣ только мошенниковъ. Драгоценное право это подобно тому знаменитому копыю, которое одно и наноситъ раны, и излечаетъ ихъ».

Не только публично, но и въ своей частной, короткой перепискѣ, Мирабо постоянно выражался въ этомъ смыслѣ. 20 мая 1790 года онъ писалъ къ своей сестрѣ: «ты права, что этотъ налетъ га-докъ, но это зло блага, которое вознаграждаетъ всевозможныя бѣд-ствія. И не говори мнѣ объ отреченіи отъ этого блага, потому что возстающіе противъ книгопечатанія подъ предлогомъ злоупотребле-

ни, которая от него могут последовать, очень похожи на кароленский совет, который безумным постановлением запретил кароленцам учиться говорить и писать по гречески единственно потому, что один иезуитский писатель к Дюнкю по гречески, что кароленская армия отправляется осадить Сиракузы».

В конце 1789 года Мирабо издал об этом особую брошюру, в которой предмет разбирается с юридической точки зрения. Вытравлено в ней было английское изречение: «убить человека, значит убить разумное существо, но истребить хорошую книгу — значит убить самый разум».

Съ такими-то началами и образом мыслей Мирабо дожить до собрания трех сословий (Etats généraux). За много дней до открытия заседаний он издал объявление о журнале, носившем название Etats généraux, первый номер которого явился без всякого разрешения, чтобы и были как бы отишены самими редакторами все существовавшие до того времени степенительны мѣры касательно прессы.

В первом номере (2 мая 1789 года) Мирабо описывал церемонию представления трех сословий къ королю съ тѣми отишными въ церемоніаль каждый изъ нихъ, которые оскорбили среднее сословіе; потомъ о предѣлахъ отъ церкви Вогордлицы Версальской до храма св. Людовика, которая соединила три сословія вмѣ, лучше связать, представителей націй. Далѣе, разбирались неудобоваримая, бездѣтная, не шедшая къ обстоятельствамъ рѣчь папійскаго епископа, а рѣчь по образцу новѣйшихъ трагедій александрійскими стихами. Неудачи несли было никогда воспользоваться такими прекрасными случаями...»

Во второмъ номерѣ Мирабо отдавалъ отчетъ о церемоніи, бывшей при открытіи собранія: здѣсь, послѣ краткаго упоминанія о рѣчахъ короля и христеа печати, обращено особенное вниманіе на рѣчь генераль-контролера Финансовъ, и замѣчено съ горечью, что національному собранію ничего не сообщено о неопровержимомъ и священномъ правѣ его утверждать подати, тогда какъ король призналъ торжественно это право за своимъ народомъ еще годъ тому назадъ. За тѣмъ, слѣдуетъ строгое осужденіе пространнаго, но все неирриличнаго обстоятельствамъ нечеловѣка причинъ, по которымъ король могъ бы обойтись безъ созванія представителей націй. Отчетъ кончается нападками на разныхъ теорій министра Некера и особенно на его предложеніе обсуждать вопросы и подавать ишанія въ собраніи отдѣльно по сословіямъ. Касательно послѣдняго обстоятельства, Мирабо выражалась такимъ образомъ:

«Вообще въ собраніи представителей народа со стороны королевскаго министра было въ высшей степени несправедливо затрѣгивать вопросъ, который могъ быть предоставленъ только свободнымъ преніямъ и вполне абсолютному рѣшенію представителей сословій въ общемъ засѣданіи. Даже власть самого короля въ этомъ случаѣ можетъ простираться только до того, чтобы заставить, прежде всякаго раздѣленія депутатовъ, обсудить, должны ли члены, составляющіе собраніе, отдѣляться другъ отъ друга? Въ совокупности съ голосомъ монарха, депутаты образуютъ народное представительство на столько, на сколько можетъ его дать временное созваніе представителей. Польз предсѣдательствомъ короля, они одни они имѣютъ право постановить о порядкѣ своихъ преній; но король неоспоримое имѣетъ право воспрепятствовать, чтобы важный вопросъ представителямъ сословій должны ли раздѣлиться, или же оставаться соединенными — быть рѣшенъ прежде обсуждения его. Онъ будетъ рѣшенъ, если король допуститъ, чтобы депутаты были въ раздѣленіи. Естественное состояніе каждаго собранія очевидно зависитъ отъ соединенія его членовъ; они тогда только вполне соединены, когда не раздѣлены между собою. Чтобы рѣшить, должны ли они быть раздѣлены, надобно, конечно, ихъ созвать, такъ какъ было бы бессмысленно раздѣлять ихъ, чтобы узнать, останутся ли они соединенными...

«Будемъ надѣяться, что министръ финансовъ пойметъ наконецъ, что теперь уже не время хитрить; что невозможно болѣе противиться потоку общественнаго мнѣнія; что царство вытритъ, какъ и шартанства, уже кончилось, что всѣ заповоры останутся безуспѣшными, если министръ останется вѣрнѣмъ принципамъ и, напротивъ, его ожидаютъ одиѣ неудачи, если онъ отступитъ отъ этихъ принциповъ; что сильный несмысливою долой популярностью, онъ долженъ опасаться только отреченія отъ собственнаго дѣла, и что если въ положеніи, въ которое нынѣ повергнуто королевство, необходимо стойкое терпѣніе, то не менѣе нужна и немолчаливая непоколебимость.

«Будемъ надѣяться, что представители народа отнынѣ будутъ болѣе проникнуты важностью ихъ обязанностей, ихъ назначенія, ихъ званія; пусть не будутъ они казаться восторженными чѣмъ бы то ни было и безусловно; наконецъ — вѣдьсто того, чтобы представлять Европѣ зрѣлище ребятъ-школьниковъ, освободившихся изъ-подъ веревки и безумныхъ отъ радости за обѣщанный имъ откусать болѣе пашели на надѣлю, они выйдутъ себя людьми, и людьми, избранными народомъ, которому, чтобы быть равнымъ въ мирѣ, требуется только конституція....»

Эти слова сами по себе не имѣли ничего враждебнаго для правительства, однако они казались новыми въ газетѣ и потому цѣль ихъ была на столько сильна, чтобы испугать и наумить министровъ, еще не привыкшихъ къ тому, чтобы видѣть себя такъ задѣтыми въ печати. Заключенію Мирабо неспрiятно звучало въ ихъ ушахъ. Оно возбуждало въ нихъ опасенія, что общественное мнѣніе, если допустить его до свободнаго выраженія, выйдетъ скоро изъ границъ. Впрочемъ, министры знали хорошо Мирабо, знали все, что можно было ожидать отъ смѣлой энергіи этого человѣка. Они рѣшились на сопротивленіе, и въ государственномъ совѣтѣ, 6 мая, было опредѣлено запретить изданіе какого бы то ни было журнала безъ точнаго на то разрѣшенія правительства, а на слѣдующій день запрещенъ былъ первый номеръ журнала Мирабо.

Эта мѣра, внушенная быстрымъ развитіемъ революціи и опиравшаяся на феодальныхъ началахъ, принята была гражданами съ негодованіемъ. Она болѣе или менѣе вредила интересамъ всѣхъ сословій и предрѣшала вопросъ о книгопечатаніи, который долженъ былъ обсуждаться въ національномъ собраніи. Запрещеніе журнала Мирабо подало поводъ къ первой стычкѣ между народными представителями и исполнительною властію. Надлежало рѣшить: имѣла ли пресса право нападать прямо на злоупотребленія, разоблачать несправедливости, или же она, какъ орудіе министровъ, должна была продолжать попрежнему представлять обманутой публикѣ самыя возмутительныя акты въ благопріятномъ свѣтѣ и фразами прикрывать самыя преступныя дѣланія?

Постановленіе 7 мая было сообщено на другой день собранію избирателей средняго сословія Парижа, которое прекратило занятіе всѣми текущими дѣлами, чтобы разсмотрѣть этотъ случай. Послѣ нѣкоторыхъ разсужденій, было принято слѣдующее опредѣленіе:

«Собраніе средняго сословія города Парижа единогласно протестуетъ противъ указа совѣта 7 мая, запрещающаго журналъ *Etat généraux* № 1, воспрещающаго продолженіе его и опредѣляющаго мѣру взысканія противъ типографщика; хотя собраніе не принимаетъ на себя ни одобренія, ни осужденія этого журнала. Оно протестуетъ, потому что указъ совѣта наноситъ ударъ общественной свободѣ, въ ту минуту, когда она всего дороже для народа; потому что онъ нарушаетъ свободу прессы, признанную всею Франціею; нарушаетъ въ ту эпоху, когда народъ, зорко слѣдящій за своими представителями, чувствуетъ величайшую потребность знать всѣ пренія великаго собранія, гдѣ идетъ дѣло о его правахъ и касаются его судьбы... Потому наконецъ, что этотъ указъ, въ самыя первыя минуты свободы для народа, напоминаетъ полицію и учрежденія, кото-

рыя уничтожены по мудрости и благодушію короля....» Этотъ протестъ сообщенъ былъ представителямъ прочихъ сословій дворянства и духовенства. Первые рѣшили такъ же, какъ и среднее сословіе, т. е. представить объ уничтоженіи указа 7 мая, прибавивъ впрочемъ нѣсколько словъ въ осужденіе журнала Мирабо. Представители же духовенства, которое вообще не жаловалось изъ нештатныхъ личныкъ расчетовъ на распорядки, бывшіе до того времени во Франціи, отказалось вовсе отъ протеста. Въ національномъ собраніи рѣшено было согласиться съ мнѣніемъ двухъ сословій единогласно, за исключеніемъ впрочемъ только одного голоса, — этотъ голосъ принадлежалъ извѣстному писателю Мармонтелю!

И. ПЕКАРСКІЙ.

ОЧЕРКИ СТАРИННАГО БЫТА ПОЛЬШИ.

I.

ЯНЪ СОВЪСКІЙ ПОДЪ ВЪНОЮ.

Недалеко отъ Варшавы, на небольшомъ пригоркѣ, называемомъ Маримонтомъ, т. е. горою Маріи (Mariae mons), королева Марія-Казимира, жена короля Яна III Собѣскаго, построила маленькій загородный дворецъ. Дворецъ этотъ былъ окруженъ въ ту пору густымъ лѣсомъ, который обхватывалъ кругомъ почти всю тогдашнюю Варшаву и въ которомъ водилось много дикихъ звѣрей. Въ этомъ лѣсу любилъ охотиться Собѣскій.

Однажды, въ исходѣ августа 1683 года, громкіе звуки охотничьихъ роговъ и лай собакъ дали знать королевѣ Маріи-Казимірѣ, что къ Маримонту приближается король, возвращавшійся въ то время съ охоты на пиръ, устроенный для него королевой. На этомъ пиру, Янъ III, окруженный первѣйшими сановниками королевства, далъ слово, что онъ не приметъ мира, предложеннаго ему грозною въ ту пору Турцією, и что онъ пойдетъ для избавленія Вѣны, къ которой, какъ страшныя тучи, приближались съ юга турецкія полчища.

Храбрый Собѣскій сдержалъ свое слово.

11-го сентября того же года, король, при заходѣ солнца, распологался лагеремъ на горѣ Каленбергъ вблизи Вѣны. Громадныя башни церкви св. Стефана величаво возвышались передъ королемъ на гаснувшемъ небѣ, а съ занятой Собѣскиихъ горы онъ могъ ясно видѣть всю столицу римско-нѣмецкаго кесаря, которая какъ будто лежала у его ногъ. Турецкія войска были въ это время расположены подъ Вѣною на протяженіи слишкомъ полмили. Вскорѣ послѣ прихода поляковъ къ Вѣнѣ поднялся

сильный вихорь, съ ожесточеніемъ подулъ онъ противъ польскаго лагеря, развѣвая въ воздухѣ огромные клубы пыли и засыпая ею глаза польскимъ всадникамъ, которые, отъ сильныхъ порывовъ вихря, едва могли держаться на коняхъ. Двадцать шесть часовъ сряду бушевала непогода.

Между тѣмъ для короля на опушкѣ дубовой рощи разбили небольшой наметъ, и въ немъ разостлали на землѣ его походную постель. Король усѣлся на постелѣ, а передъ нимъ стали въ почтительномъ молчаніи вожди польской рати.

— Не знаю я, на кого мнѣ положиться, сказалъ въ раздумьѣ Собѣскій: — самъ я усталъ, и мнѣ непременно нужно отдохнуть передъ завтрашней работой, а между тѣмъ нынѣшней ночью вѣвскій комендантъ будетъ давать мнѣ сигналы, нельзя пропускать ихъ; но я такъ усталъ, что никакъ не могу наблюдать за ними самъ.

— Положитесь на меня, ваше величество! громко и торопливо сказалъ королевскій конюшій, стараясь предупредить этими словами всѣхъ находившихся въ наметѣ, изъ которыхъ, какъ онъ зналъ, каждый наперерывъ готовъ былъ предложить королю свои услуги.

— Хорошо, сказалъ ласково король, и затѣмъ отдалъ по своему войску слѣдующій лозунгъ: «Во имя Богородицы помощи намъ Господи!»

Послѣ этого распоряженія король привѣтливымъ поклономъ далъ знакъ своимъ сподвижникамъ, чтобъ они удалились изъ намета. По выходѣ ихъ, Собѣскій улегся на постели и вскорѣ заснулъ. Между тѣмъ конюшій сѣлъ въ дверяхъ намета, на деревянной скамеечкѣ, которую королевскій стремянной всегда возилъ за Яномъ III, такъ какъ онъ, по своей тучности, не могъ сѣсть на коня, не ставши одной ногой на скамейку. Ровно въ полночь взвилась ракета надъ башней св. Стефана.

— Ваше величество! крикнулъ громко конюшій: — первый сигналъ поданъ.

— Это значить, отвѣчалъ, пробудившись, Собѣскій: — что они переправлялись благополучно черезъ Дунай.

Спустя нѣсколько времени, на темномъ небѣ рассыпалась красными искрами другая ракета.

— Ваше величество, крикнулъ также громко конюшій: — второй сигналъ поданъ.

— Это значить, проговорилъ король: — что они двинулись изъ укрѣпленій.

Прошло немого времени и снова надъ тихой и погруженной во прахъ Вѣной сверкнула и лопнула ракета.

— Ваше величество! уже третій сигналъ поданъ! громче прежняго крикнулъ конюшій, входя въ королевскій наметъ.

Король быстро поднялъ съ подушки голову, и сталъ набожно креститься, приговаривая:

— Да будетъ прославлено имя Господне! — это значить, что они подошли къ намъ на помощь.

Сказавъ это, король завелъ часы съ будильникомъ, поставивъ стрѣлку на трехъ часахъ; послѣ этого онъ улегся на постель, закрылъ глаза и заснулъ богатырскимъ сномъ. Конюшій между тѣмъ дремалъ на скамейкѣ, покачивая голову то внизъ, то изъ стороны въ сторону. Вскорѣ послѣ полуночи вихоръ унялся, звѣзды ярко засверкали на темномъ небѣ, тихая и ясная ночь предвѣщала погодное утро.

Въ три часа, будильникъ въ наметѣ Собѣскаго сперва зашипѣлъ, а потомъ принялся стучать и звенѣть. Король встрепенулся на постелѣ.

— Кто тутъ? крикнулъ онъ громкимъ голосомъ.

На зовъ короля прибѣжалъ одинъ изъ шляхтичей, спавшихъ подлѣ королевскаго намета.

— Бѣги поскорѣе къ ксендзамъ—капелланамъ, сказалъ Собѣскій:—разбуди ихъ и скажи, чтобы они велѣли составить алтари изъ барабановъ и чтобы сами готовились служить обѣдню.

Опрометью побѣжалъ шляхтичъ исполнять королевское приказаніе. Между тѣмъ проснулся и конюшій; король взялъ отъ него скамеечку, положилъ на нее листъ бумаги и, сидя на постелѣ, принялся писать письмо къ женѣ. Настоящее письмо короля, какъ и вообще всѣ его письма къ королеви Маріи-Казимірѣ, начиналось слѣдующимъ обычнымъ привѣтствіемъ:

«Единственная отрада моей души и моего сердца, моя прехорошенькая и моя премиленькая Маруся!»

Въ письмѣ своемъ Собѣскій подробно рассказывалъ женѣ о своей счастливой переправѣ черезъ Дунай, онъ описывалъ ей имперскихъ князей, которые съ своими небольшими отрядами прибыли къ Вѣнѣ на подмогу и которые поступили подъ его главное начальство; Собѣскій сообщалъ Маріи-Казимірѣ о трудахъ и лишеніяхъ войска во время похода, а также о той страш-

ной непогодѣ, которую привелось испытать полякамъ предъ Вѣной. Ужасный, двадцати шести-часовой вихорь Собѣскій простодушно приписывалъ колдовству великаго визиря, который, по словамъ короля, былъ великій чародѣй. Письмо свое король окончилъ замѣчаніемъ о томъ, что по всей вѣроятности рѣшительный бой между поляками и турками будетъ не ранѣе, какъ дня черезъ два: королевскому войску, утомленному не близкимъ походомъ, необходимъ былъ порядочный отдыхъ; нужно было также построить батареи и полевые укрѣпленія; а между тѣмъ—на дѣлѣ—Собѣскому пришлось биться съ турками въ тотъ же день, въ который онъ отправилъ свое письмо въ Варшаву.

Окончивъ письмо, король вышелъ къ войску и въ виду его благоговѣнно отслушалъ обѣдню подъ открытымъ небомъ, а какъ только что стало подниматься солнце, король и гетманъ приказали войскамъ садиться на коней. Скоро загрѣбли трубы, литавры и барабаны, а спустя немого времени съ вершины Каленберга потянулись густыи рядами конница, пѣхота и артиллерія, занимая назначенныя имъ мѣста.

На широкомъ пространствѣ разстилался передъ поляками укрѣпленный лагерь великаго визиря Кара-Мустафы и его сподручника — крымскаго хана. Съ изумленіемъ слышалъ визирь о томъ, что на него наступаютъ поляки; онъ сперва не повѣрилъ этой грозной вѣсти и опроретью выбѣжалъ изъ своей ставки, стараясь убѣдиться своими глазами въ справедливости этой вѣсти. Легко убѣдился визирь, что онъ имѣетъ дѣло съ тѣмъ, кто и прежде такъ беспощадно громилъ турецкія полчища, потому что утреннее солнце ярко освѣщало знамена Собѣскаго.

— О, король! вскрикнулъ съ отчаяніемъ визирь:— какъ жестоко ты поступаешь со мною!

Между тѣмъ войска Яна III становились въ боевой порядокъ. Король былъ постоянно впереди ихъ. На немъ, въ это славное для него утро, былъ надѣтъ суконный кунтушъ голубаго цвѣта, бѣлый шолковый жупанъ и литой золотой поясъ, на головѣ былъ серебряный шишакъ съ золотымъ одноглавымъ орломъ. Король былъ верхомъ на конѣ золотисто-гнѣдой масти. На правой сторонѣ королевскаго сѣдла былъ притороченъ небольшой барабанъ, въ который, время отъ времени, ударялъ король, призывая къ себѣ, условеннымъ числомъ ударовъ, того или другаго изъ польскихъ военачальниковъ.

За Яномъ III безотлучно слѣдовали стрѣляной и щитово-

сецъ; послѣдній держалъ въ рукѣ щитъ съ королевскимъ гербомъ, въ которомъ на золотомъ полѣ была изображена черная воловь голова, пронзенная мечомъ. За Яномъ III слѣдовалъ также королевскій хорунжій, на древкѣ его значка горделиво развивались соколиныя перья; по этимъ перьямъ королевскія войска должны были узнавать то мѣсто, гдѣ во время боя находилъ ся Собѣскій.

Королевичъ Якубъ не отставалъ ни на шагъ отъ своего отца; онъ былъ въ серебряномъ шпакѣ, латахъ и имѣлъ у сѣдла такъ-называемый кончаръ, оружіе въ родѣ меча, заостренное съ обѣихъ сторонъ.

Когда все войско окончательно стало въ боевой порядокъ, то король приказалъ сѣрадскому воеводѣ Щенскому Потоцкому, чтобы онъ первый ударилъ на турокъ съ своей гусарской хоругвью. Исполняя приказаніе государя, воевода выѣхалъ впередъ передъ своимъ отрядомъ; по командѣ его гусары нагнули къ землѣ пики и, склонивъ немного свои головы, покрытыя блестящими шпаками, пустились, какъ вихорь, во весь опоръ противъ показавшейся передъ ними турецкой конницы. Шумѣли и вѣяли холодомъ крылья изъ орлиныхъ и соколиныхъ перьевъ, прикрѣпленные, по обычаю того времени, за плечами гусаровъ. Съ пронзительнымъ свистомъ прорѣзывали воздухъ ихъ длинныя пики, шелестя своими разноцвѣтными значками. Все это сливалось въ какой-то неопредѣленный, но грозный гулъ; казалось, что на врага неслась теперь стая какихъ-то чудовищныхъ птицъ, закованныхъ въ стальные доспѣхи.

Не выдержала турецкая конница дружнаго и неожиданнаго натиска поляковъ; ошеломленная и разстроенная, она въ безпорядкѣ попыталась назадъ; турецкіе кони, испуганные видомъ крылатыхъ всадниковъ, бѣшено метались изъ стороны въ сторону, закусывали удила, ржали, становились на дыбы и сбрасывали съ себя оробѣвшихъ турокъ. Опомнившись, однако, отъ перваго испуга и видя малочисленность поляковъ, турки собрались снова и съ грознымъ гикомъ окружили со всѣхъ сторонъ отрядъ сѣрадскаго воеводы. Вѣрная гибель угрожала его хоругви. Въ это время проворно спѣшила съ коней панцерная хоругвь другаго Потоцкаго, Станислава, старосты калишскаго, и кинулась на выручку своихъ погибавшихъ товарищей.

Завязалась жестокая сѣча. Между тѣмъ на другомъ концѣ равнины засѣвшіе за окопами янычары осыпали поляковъ гра-

домъ пуль. Три раза ходили на штурмъ окоповъ поляки и три раза устилали къ нимъ путь своими трупами. Наконецъ, только послѣ четвертой самой ожесточенной и самой продолжительной схватки, окопы достались полякамъ.

Въ это время Собѣсскій двинулъ часть своихъ войскъ прямо на визирскую ставку, съ неудержимымъ напоромъ рванулись впередъ поляки. Тщетно визирь, окруженный плотною толпою своихъ тѣлохранителей, приказалъ распустить большое знамя Магомета, желая этимъ воодушевить свои оробѣвшія рата во имя Аллаха и его пророка. Но горсть храбрецовъ скоро пробилась до этого знамени и, къ ужасу Кара-Мустафы, овладѣла имъ.

— Спасай меня, если можешь, вскрикнулъ въ отчаяніи визирь, обращаясь къ бывшему близъ него татарскому хану.

— Я знаю короля польскаго, отвѣчалъ татаринъ:—онъ спуска не дастъ! Мнѣ теперь не до тебя, только бы самому мнѣ улизнуть отсюда! Прощай!

И съ этими словами ханъ ударилъ нагайкой своего коня и поскакалъ во весь опоръ съ поля битвы. Слѣдомъ за нимъ помчался и великій визирь. Видя, что на обѣихъ крылахъ непріятель дрогнулъ, самъ король ударилъ на турецкій лагерь. Тщетно отставали его янычары съ мужествомъ, доходившимъ до отчаянія. Собѣсскій скоро овладѣлъ турецкимъ укрѣпленіемъ.

Но опасность для Вѣны, не смотря на успѣхъ Яна III, еще не миновала; часть янычаровъ пошла на штурмъ императорской столицы, а между тѣмъ турецкіе полки, обратившіеся въ бѣгство, оставались безъ преслѣдованія. Собѣсскій выходилъ въ это время изъ себя, досадуя на то, что комендантъ Штаренбергъ не воспользовался удобной минутой для того, чтобъ, сдѣлавъ вылазку, отбить штурмъ и потомъ преслѣдовать бѣжавшихъ.

— Не будь я король, сказалъ онъ въ припадкѣ гнѣва:—если завтра не велю повѣсить Штаренберга посреди Вѣны; непріятель бѣжитъ, а онъ съ двѣнадцати-тысячнымъ гарнизономъ точно дремлетъ.

Впрочемъ, отбивать штурмъ янычаровъ отъ Вѣны было напрасно: едва только они узнали, что великій визирь и ханъ бѣжали съ поля битвы, какъ сами послѣдовали ихъ призыву. Густыя толпы янычаровъ послѣшно отхлынули отъ стѣнъ Вѣны и пустились въ разсыпную во всѣ стороны.

Но Собѣсскій былъ не Штаренбергъ. Онъ воспользовался разстройствомъ турокъ. Быстро ударивъ въ тылъ бѣгущихъ,

онъ на большомъ пространствѣ кололъ, рубилъ и топталъ неприятеля. Увидя же, что турки разбиты и разсѣяны окончательно, Собѣскій приказалъ прекратить преслѣдованіе.

Солнце было уже высоко и припекало сильно. Король и войско были утомлены, и по удаленіи турковъ они расположились на отдыхъ въ захваченномъ ими турецкомъ лагерѣ. Король занялъ ставку визиря и тотчасъ же принялся писать письмо къ своей дорогой Марусѣ. Въ этомъ письмѣ Янъ III передавалъ своей женѣ всѣ подробности славнаго боя и упомянулъ, что турецкій лагерь былъ такъ обширенъ, какъ Львовъ или Варшава. Слова короля были вполне справедливы, потому что лагерь Кара-Мустафы могъ вмѣстѣ въ себѣ не только трехъ-сотъ тысячное турецкое войско, но и огромный турецкій обозъ, а также множество плѣнниковъ, захваченныхъ турками. Когда же въ этомъ лагерѣ расположилось польское войско съ вспомогательными отрядами имперскихъ князей, то въ общей сложности вся армія Собѣскаго заняла только четвертую часть турецкаго лагеря. Это обстоятельство ясно показывало, какой неравный бой выдержалъ Янъ III подъ Вѣной.

Среди торжества побѣдителей наступилъ вечеръ, а за нимъ и ночь. Король, не смотря на утомленіе, не ложился спать, но продолжалъ писать письмо къ своей женѣ. Въ полночь страшный грохотъ встревожилъ все войско, всѣ проснулись и засуетились, стали заряжать ружья, садиться на коней, а пѣхота выстроилась въ боевой порядокъ. Самъ король былъ ужъ верхомъ, когда оказалось, что тревога была напрасна. Весь ночной переполохъ объяснился тѣмъ, что поляки въ нѣсколькихъ мѣстахъ подожгли огромные пороховые склады, оставленные близъ лагеря убѣжавшими турками. Отъ взрыва пороха дрогнула земля. Описывая этотъ случай своей Марусѣ, король замѣчалъ, что онъ «видѣлъ подобіе страшнаго суда». Къ счастью, однако, не смотря на ужасный взрывъ, никто не былъ ни убитъ, ни раненъ.

Богатая добыча досталась побѣдителямъ. По словамъ короля, цѣнность того, что поляки забрали въ турецкомъ лагерѣ подъ Вѣной, нельзя даже было сравнить съ тѣмъ, что они отбили у турокъ подъ Хотиномъ, хотя и тамъ досталось имъ слышкомъ много. Кромѣ палатокъ, обоза, коней, стоимость однихъ сѣделъ, увязанныхъ рубинами и сапфирами, оцѣнивали на нѣсколько тысячъ тогдашнихъ червонцевъ. Добыча эта пополнялась множествомъ сабель въ золотыхъ ножнахъ, кинжаловъ въ

драгоценной оправѣ, ружей, пистолетовъ и дорогой сбруи. Число захваченныхъ наметовъ простиралось до ста тысячъ. Въ письмѣ Собѣскаго къ женѣ, написанномъ, какъ мы сказали, въ ту же самую ночь, онъ между прочимъ замѣчалъ: «не укоряй меня теперь, моя душечка, какъ укоряютъ татарскія жены своихъ мужей, возвращающихся съ войны безъ поживы, говоря имъ: «видно, что вы не молодцы, если вернулись безъ добычи, потому что она достается только тѣмъ, кто бываетъ впередъ.»

Въ числѣ трофеевъ была и хоругвь Магомета. Огромное это знамя, древко котораго было въ вышину 12 футовъ, имѣло въ длину 8 футовъ. Оно было сдѣлано изъ зеленой шелковой матеріи, богато и узорчато вышитой серебромъ и золотомъ. На этой хоругви, кромѣ арабской надписи, было изображеніе двухъ звѣздъ и полумѣсяца, обращеннаго рогами внизъ. Хоругвь, отбитую подъ Вѣной, король отправилъ въ Римъ съ однимъ изъ польскихъ епископовъ, и папа Инокентій XI приказалъ повѣсить ее на вѣчныя времена въ храмѣ св. Петра, на память торжества христіанъ надъ невѣрными.

Послѣ взятія турецкаго лагеря, въ немъ найдено было множество христіанскихъ плѣнниковъ, и въ особенности плѣнницъ. Убѣгавшіе турки, въ дикой злобѣ, предавали смерти беззащитныхъ невольниковъ.

«Много оставили они живыхъ людей въ лагерѣ, писалъ въ другой разъ король къ своей женѣ,—но и убили тѣхъ, кого успѣли, въ особенности же много убито женщинъ. Мы нашли также множество раненныхъ плѣнниковъ, изъ которыхъ, вѣроятно, нѣкоторые останутся въ живыхъ. Вчера, продолжаетъ король: я видѣлъ одного ребенка, прехорошенькаго мальчика лѣтъ трехъ, которому негодяй турокъ отрѣзалъ губы и разсѣкъ голову.»

Только мужествомъ и рѣшимостью польскаго короля была освобождена Вѣна отъ страшнаго разгрома, а вся Австрія была избавлена отъ конечнаго разоренія, потому что въ ту пору всюду, гдѣ только проходили турки или крышцы, оставались однѣ безлюдныя пустыни. Случалось, что крышцы, при своихъ набѣгахъ на пограничныя польскія области, выводили иногда оттуда въ одинъ разъ болѣе 60,000 плѣнныхъ дѣвушекъ! Долго бы не забыла Австрія грозившій ей турецко-татарскій разгромъ, если бы на выручку ей не послѣдшилъ Собѣскій.

На другой день послѣ битвы, т. е. 13 сентября, король въѣхалъ въ Вѣну. Комендантъ Штарембергъ, просилъ короля

пожаловать въ императорскую столицу не черезъ главныя ворота, которыя были завалены во время осады, но просилъ его вѣхаться въ Вѣну какимъ-то узкимъ и темнымъ проходомъ, устроеннымъ для вылазокъ и освѣщеннымъ на этотъ разъ нѣсколькими факелами. Едва король показался въ городѣ, какъ народъ кинулся на встрѣчу Собѣскому и бѣжалъ за нимъ, цалуя его руки и ноги и провозглашая его своимъ избавителемъ. Вѣна, которая могла бы продержаться лишь нѣсколько дней, представляла въ это время ужасную картину опустошенія; императорскій дворецъ, почти до основанія разметанный турецкими ядрами, лежалъ въ печальныхъ развалинахъ, стѣны большей части домовъ были прострѣлены и едва держались; не мало было и такихъ зданій, отъ которыхъ остались однѣ только груды камней.

Въ сопровожденіи ликующей толпы, заступавшей дорогу, король шагомъ едва могъ добраться до церкви Св. Стефана. Здѣсь встрѣтилъ его проповѣдникъ и началъ свою пріветственную латинскую рѣчь примѣненіемъ къ королю Яну или Іоанну слѣдующихъ евангельскихъ словъ: «и бысть посланъ отъ Бога человекъ нѣкій, имя ему Іоаннъ.» Съ подобающимъ благоговѣніемъ выслушалъ Собѣскій обѣдню и благодарственное мелебствіе, при громѣ пушекъ и звонѣ колоколовъ, и затѣмъ, окруженный снова плотною толпою, отправился на обѣдъ къ коменданту; а послѣ обѣда тотчасъ оставилъ спасенную имъ Вѣну.

Съ грустью увидѣлъ король, что возвратъ его въ лагерь изъ Вѣны не сопровождался уже тѣми радостными кликами, которыми пріветствовалъ народъ въѣздъ его въ столицу Леопольда I. Зависть успѣла въ нѣсколько часовъ сдѣлать свое дѣло, — и толпѣ запрещено было величать Собѣскаго освободителемъ Вѣны. Въ молчаніи, только протягивая къ королю руки, жители Вѣны проводили Яна до городскихъ воротъ, которыя были теперь уже распахнуты настежь, для его выѣзда; между тѣмъ какъ за нѣсколько часовъ, передъ этимъ побѣдитель турокъ долженъ былъ какъ будто украдкой пробираться въ освобожденную имъ столицу!

Тщеславный императоръ Леопольдъ I оказалъ Собѣскому за его богатырскій подвигъ черную неблагодарность. Король, не смотря на свое добродушіе, не могъ сдержать справедливаго негодованія противъ надменнаго кесаря, и въ письмахъ къ женѣ горько сѣтовалъ на то, какъ отплатила ему Австрія за польскую кровь, пролитую подъ стѣнами Вѣны.

Двѣ поговорки остались у поляковъ въ память этого славнаго, но не оцѣненнаго Австріей похода; первая изъ нихъ насмѣшливо твердить людямъ, растерявшимъ свое добро въ чужую пользу, что они ходятъ «съ саблею и съ босыми ногами» (*z koldem a boso*), намекая этими словами на то, что храбрые отряды польскихъ гусаровъ и польскихъ панцырниковъ, потерявъ на обратномъ походѣ изъ Вѣны своихъ лихихъ коней по недостатку корма, вернулись домой хоть и съ саблями, но зато пѣшкомъ и притомъ съ босыми ногами. Другая поговорка употребляется для оцѣнки труда, не приносящаго самому трудящемуся никакого вознагражденія: «это стоитъ столько же, сколько сражаться за Вѣну», приговариваютъ въ иныхъ случаяхъ поляки.

Замѣчательно, что ни одна пѣсня, ни народная, ни шляхетская, не сохранила въ Польшѣ памяти о славной побѣдѣ подъ Вѣною. Народъ какъ будто оцѣнилъ это событіе, прежде чѣмъ исторія произнесла ему свой справедливый приговоръ. Между тѣмъ какъ будто въ противоположность этому грустному забвенію родной славы, у поляковъ, за десять лѣтъ до Вѣнскаго похода, явилась народная пѣсня о побойщѣ съ турками подъ Хотиномъ, гдѣ Янъ Собѣскій, въ то время еще только гетманъ коронный, разбилъ на голову огромное турецкое войско. Пѣсня о хотинской побѣдѣ быстро разнеслась по всей тогдашней обширной Польшѣ, которая растилалась отъ Балтійскаго моря до Чернаго и отъ Днѣпра до Эльбы. Пѣснь о хотинскомъ побѣдителяхъ распѣвали долгое время и въ богатыхъ замкахъ магнатовъ, и въ уголку скройной хаты поселяннина; еще дольше пѣли ее во всѣхъ походахъ и на всѣхъ стоянкахъ польскаго рыцарства. Пѣсня эта увѣковѣчила въ народѣ память о Собѣскомъ, а между тѣмъ не смотря на то, что побѣда подъ стѣнами Вѣны, изумившая всю Европу, была гораздо славнѣе побѣды хотинской, — никто однако не сложилъ въ честь вѣнскаго побойща никакой пѣсни.

Скажемъ впрочемъ, что между словаками и венгерцами сохранилась память о Собѣскомъ въ народной пѣснѣ. Пѣсня эта рассказываетъ о томъ, какъ на гнѣдомѣ конѣ, съ золотыми новодьями сѣзжалъ съ вершины бѣлой горы король Янъ, готовясь на битву съ турчинами, окружившими Вѣну...

II.

СВЯТОСЛАВА САНДЕЦКАЯ.

Замокъ богатой и славной фамиліи Тенчинскихъ былъ одинъ

изъ самыхъ обширныхъ и самыхъ величольныхъ замковъ, существовавшихъ когда-либо въ Польшѣ и въ Литвѣ. Въ этомъ замкѣ, обратившемся теперь въ груду развалинъ, старинное преданіе еще не такъ давно показывало на одну башню, въ которой, по распоряженію главы уже угаснушаго рода Тенчинскихъ, лѣтъ за триста назадъ, содержалась одна изъ представительницъ этого имени. Изъ она башни, какъ добавляетъ преданіе, молодая и прекрасная узница, рассказывала проходившимъ о своей любви къ бѣдному и незнатному юношѣ, бывшей причиною ея томительнаго заключенія. Разсказами о своей грѣшной любви она хотѣла разгласить повсюду тотъ позоръ, который она нанесла имени Тенчинскихъ и тѣмъ самымъ отплатить своей жестокой роднѣ за ея надменность. Несчастная дѣвушка, какъ добавляетъ преданіе, насильственной и преждевременной смертью искупила пылъ своего сердца. Она не нашла мстителя, который разбилъ бы окружившія ея стѣны и только потому время и непогоды обратили въ развалины ея мрачную и тѣсную темницу.

Надобно замѣтить, что вся польская шляхта вообще, а магнаты въ особенности, дорожили въ старинной Польшѣ честию ихъ родового имени, и позорившій или позорившая его подвергались жестокой карѣ не только со стороны общественнаго мнѣнія, но и со стороны своихъ самыхъ близкихъ родственниковъ. Кары этого рода кончались иногда насильственной смертью виновнаго и виновной. Въ эти расправы сильныхъ павовъ съ ихъ родными не смѣлъ мѣшаться никто, кромѣ духовника; при томъ расправы эти всегда совершались въ глубокой тайнѣ, и лѣтописи оставили весьма мало разсказовъ о подобныхъ случаяхъ. Только мѣстное преданіе, измѣняясь при переходѣ отъ одного поколѣнія къ другому, гласило въ околдкѣ о кровавой развязкѣ семейнаго суда. Эта безпощадная строгость къ лицу, опозорившему носимое имъ фамильное прозваніе, объясняется не столько родовой спесью, сколько общей чистотою семейныхъ нравовъ, которою такъ отличалась Польша прежняго времени. Еще въ первыхъ годахъ настоящаго столѣтія показывали въ одномъ изъ старинныхъ краковскихъ домовъ обширную залу, которая, какъ передавали изъ поколѣнія въ поколѣніе, была въ XVIII вѣкѣ свидѣтельницей кровавой семейной драмы. По разсказамъ краковскихъ старожилловъ, въ этой залѣ была отрублена голова молодой дѣвушкѣ, озорившей знаменитое имя своего отца грѣшною любовью къ юношѣ, неравному ей по происхожденію.

Проводникъ, показывавшій любопытныхъ путешественниковъ эту залу, рассказывалъ между прочимъ, что ксендзъ, котораго привезли для исповѣди дѣвушки, обреченной на смерть, успѣлъ какъ-то ослабить повязку. Вошедши въ залу, онъ увидѣлъ передъ собою женщину, лицо которой было закрыто черной бархатной маской, но густая темная коса, бѣлизна открытыхъ плечъ и рукъ, а также и стройность стана этой женщины безошибочно заставляли предполагать, что подъ таинственной маской скрывалось личико только-что разцвѣтшей красавицы. Подлѣ дѣвушки стоялъ высокій и статный мужчина пожилыхъ лѣтъ, съ гордымъ и суровымъ выраженіемъ лица. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него находился палачъ, у котораго былъ въ рукахъ широкій обнаженный мечъ. Выходя изъ залы, ксендзъ сосчиталъ ступеньки и успѣлъ украдкой отъ своихъ проводниковъ сдѣлать знакъ на перилахъ лѣстницы. Этимъ способомъ онъ узналъ впоследствии то мѣсто, гдѣ ему привелось видѣть осужденную на смерть дѣвушку. Глухая молва о страшномъ происшествіи разнеслась по Кракову, а вѣсть съ молвой пошло повѣрье, будто бы въ томъ домѣ, гдѣ погибла дѣвушка, являлось обезглавленное привидѣніе, и что появленіе его каждый разъ предвѣщало смерть домоваго владѣльца или особенное несчастіе въ его семействѣ.

Въ замкѣ Тенчинскихъ, о которомъ мы сказали прежде, жилъ воевода Навуй, храбрый и безукоризненный боецъ, честно служившій своей родинѣ и на полѣ брани, и въ совѣтѣ королевскомъ. Въ замкѣ воеводы жила племянница его Святослава Сандецкая, оставшаяся молодой вдовой послѣ смерти своего мужа. Святослава, въ замкѣ своего дяди, вела жизнь чрезвычайно роскошную; огромная толпа слугъ и служанокъ окружала ее. Всѣ въ замкѣ оказывали почетъ вдовѣ знаменитаго каштеляна, и во всей тогдашней Польшѣ не было ни одной пани богаче Святославы, у которой было много обширныхъ волостей, доставшихся ей отъ отца и перешедшихъ къ ней отъ мужа; много было также у ней и серебра, и золота, и драгоценныхъ камней. Старшій дядя любилъ Святославу, какъ родную дочь; онъ гордился ею и передъ своими близкими сосѣдами, и передъ гостями, заѣзжавшими издалека въ его пышный замокъ. Воевода надѣялся, что молодая вдова скоро выдетъ опять замужъ и что она своимъ бракомъ еще разъ породнитъ фамилію Тенчинскихъ съ какою-нибудь самымъ знатнымъ домомъ. Воевода не безъ основанія

разсчитывалъ, что тогда, вслѣдствіе подобнаго брака, вліяніе его будетъ еще сильнѣе и на сеймъ, и въ войскѣ, и въ сенатѣ. Воевода однако обманывался: старикъ плохо зналъ сердце молодой женщины.

Вскорѣ послѣ того, какъ поселилась Святослава Сандецкая въ домъ своего дяди, къ пану Тенчинскому явился на службу молодой и красивый юноша Иштванъ, родомъ венгерець. Въ непродолжительномъ времени Иштванъ успѣлъ пріобрѣсти особенное расположеніе воеводы. Живя подь одной кровлей съ Святославой, Иштванъ имѣлъ случай довольно часто встрѣчаться съ нею. Молодая парочка несовсѣмъ равнодушно посматривала другъ на друга. Началось съ того, что они сперва робко заговорили между собою о какихъ-то пустякахъ, потомъ стали говорить о другихъ болѣе заманчивыхъ предметахъ, близкихъ къ любви и къ сердцу. Погода немного, они стали видѣться украдкой. Страстнымъ шопотомъ и горячими поцалуйми начинались и оканчивались эти таинственныя свиданія. На первыхъ порахъ и онъ и она были чрезвычайно осторожны, ихъ пугали и ихъ собственная тѣнь, и отдаленные шаги, раздававшіеся иногда вдалекѣ отъ нихъ подь сводами длинныхъ корридоровъ. Они дрожали и боязливо прислушивались, если порою какой нибудь слабый звукъ долеталъ до ихъ слуха. Извѣстно однако, что тайна влюбленныхъ, не смотря на всѣ ихъ хитрости и осторожности, открывается довольно скоро. Это самое было и съ Иштваномъ, и со Святославой. Вскорѣ заговорили въ замкѣ объ ихъ свиданіяхъ, а вслѣдъ за тѣмъ о любви венгерца къ Святославѣ провѣдалъ и самъ воевода. Впрочемъ Тенчинскій не далъ много вѣры, носившейся около него молвъ. Надменный воевода никакъ не предполагалъ, чтобъ такая богатая и знатная пани, какъ Святослава, могла когда нибудь полюбить бѣднаго и незнатнаго красавца.

Прошло нѣсколько времени. Взаимная страсть Иштвана и Святославы не только что не охладѣла, но еще съ каждымъ днемъ разгоралась все сильнѣе и сильнѣе, а между тѣмъ панъ Тенчинскій получилъ приглашеніе пріѣхать на сеймъ въ Варшаву. По окончаніи же сейма, воеводѣ предстояла вѣроятность далекаго похода. Въ замкѣ стали готовиться къ отъѣзду, а воевода изъ жившихъ при немъ шляхтичей и драбантовъ составилъ значительный отрядъ, который долженъ былъ сопровождать его на сеймъ и потомъ сопутствовать ему въ предстоящемъ походѣ. Въ

ту пору такіе отряды показывали богатство и могущество польскихъ магнатовъ.

Уѣзжая въ Варшаву, воевода призывалъ къ себѣ Иштвана.

— Я уѣзжаю сегодня изъ замка и самъ не знаю, когда опять вернусь сюда, сказалъ онъ молодому человѣку.—Я оставляю тебя здѣсь на моемъ мѣстѣ, оберегай мой замокъ и охраняй всѣхъ, кто живетъ въ немъ. Но берегись однако и самъ, добавилъ строгимъ голосомъ воевода, погрозивъ Иштвану пальцемъ:—веди себя такъ, чтобы до меня не дошли другой разъ вѣсти о твоей любви къ моей племянницѣ.

— Милостивый панъ, отвѣчалъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ венгерецъ: — вы убѣдитесь сами, что прежнія вѣсти были ничего болѣе, какъ только пустыя выдумки тѣхъ, которые хотѣли лишить меня вашего расположенія.

— Вѣрю тебѣ, какъ честному шляхтичу, проговорилъ отрывисто воевода: — но во всякомъ случаѣ не забывай того, что я сказалъ тебѣ сейчасъ, а то погубишь ты и ее, и себя...

— Все будетъ исполнено по волѣ ясновельможнаго пана, сказалъ Иштванъ, почтительно кланаясь Тенчинскому.

Кивнувъ головой на прощанье Иштвану, воевода спустился съ лѣстницы, сѣлъ въ колымагу и выѣхалъ изъ замка, въ сопровожденіи своихъ прислужниковъ. Вскорѣ облако пыли застлало поѣздъ Тенчинскаго, но еще долго тянулся по дорогѣ его длинный обозъ.

Послѣ отъѣзда пана, Иштванъ не сейчасъ рѣшился повидаться съ Святославой, онъ не могъ забыть строгаго взгляда, брошеннаго на него воеводой и угрозъ Тенчинскаго, которыя, какъ зналъ Иштванъ, никогда не были напрасны. Оставшись главнымъ лицомъ въ замкѣ, Иштванъ первый день охотился въ окрестномъ лѣсу; на другой день онъ отправился оборонять проѣзжихъ купцовъ отъ разбойниковъ, показавшихся послѣ отъѣзда Тенчинскаго въ окрестностяхъ его замка. Какъ ни старался Иштванъ позабыть о Святославѣ, но вскорѣ любовь взяла свое.

На третій день Иштванъ не зналъ, что ему дѣлать, и вотъ онъ принялся думать о томъ, какъ бы провѣдать Святославу. Испытаніе взяло верхъ надъ благоразуміемъ и Иштванъ повидался съ нею тайкомъ. Потомъ влюбленные, какъ это впрочемъ всегда бываетъ, сдѣлались и свѣтлѣе, и безпечнѣе, и въ заключеніе начали видѣться уже безъ всякихъ предосторожностей. Цѣлые дни, такъ быстро пролетавшіе для счастливаго Иштвана, онъ

проведидь у него Святославы, положижъ на ея колѣни свою кудрявую голову. И онъ и она вѣдали объ опасности, которая ждала ихъ, если бы о любви ихъ провѣдалъ воевода, а между тѣмъ старшій слуга зорко сторожилъ за безмечальными счастливицами.

Протѣла мѣсяцъ, прошелъ другой; предположенный походъ не состоялся, а потому воевода прямо съ сейна возвратился домой. Тотчасъ же, по своемъ приѣздѣ, онъ узналъ отъ вѣрнаго слуги обо всемъ, что дѣлалось въ замкѣ во время его отсутствія. И о томъ, еще въ большему его негодованію, заговорили даже во всемъ околѣдкѣ. Тенчинскій велѣлъ слѣдить за Иштваномъ, и вѣкорѣ доносили воеводѣ, что сиблякъ венгерскъ прокрадывается по ночамъ въ комнаты Святославы. Вспылилъ воевода и, заскрежетавъ отъ ярости зубами, приказалъ окружить замокъ многочисленной стражей и не выпускать оттуда ни Иштвана, ни Святославы, а самъ между тѣмъ созвалъ на совѣтъ нѣкоторыхъ близкихъ родственниковъ, гостившихъ у него въ это время.

Дрожавшии отъ гнѣва голосомъ объявлялъ имъ Тенчинскій о томъ позорѣ, который положила на всѣхъ ихъ вѣтреная Святослава. До утренней зари продолжалось семейное совѣщаніе: кто совѣтовалъ одно, кто другое. Вслѣдствіе этого разногласія, совѣщаніе не кончилось ничѣмъ опредѣленнымъ, и тогда воевода, подумавъ немного, поирутилъ свой свѣтый усъ и, тяжело вздохнувъ, положилъ рѣшить судьбу Святославы по-своему.

Насунившись, вышелъ онъ въ залу, съ мрачныхъ стѣнъ которой сурово смотрѣли на него старинные портреты его предковъ. Тенчинскій велѣлъ позвать сюда стараго драбанта.

— Иди въ спальню моея племянницы, сказалъ ему глухимъ, злобщимъ голосомъ воевода: — и если ты тамъ найдешь ее и Иштвана, то изруби ихъ въ некіе куски.

Старикъ въ ужасѣ отступилъ назадъ передъ своимъ паномъ при этихъ словахъ. Драбанту стало жаль Святославу: старикъ вѣломнилъ, въ это мигновенье, какъ онъ носилъ на рукахъ крошечку Святославу въ ту пору, когда она только-что начинала лепетать, и какъ онъ забиралъ ее, обвиваясь съ нею и какъ онъ въ ясное, теплое лѣто плелъ вѣнки изъ васильковъ и надѣвалъ ихъ на бѣлѣкуруку головку Святославы.

Милостивый мой панъ, проговорилъ дрожавшии голосомъ старикъ, надѣлай се много что хочешь; но я выполню твоѣ приказаніе только тогда, когда ты надѣнешь на меня руку. Я чувствую, что у меня не поднимется на нее рука.

Задумался на минуту воевода, и потомъ сказалъ драбану:

— Пусть будетъ по твоему: ее ты не трогай; не только расправься съ нимъ....

Теперь безвредно пошелъ драбантъ исполнять волю своего пана, а между тѣмъ Тенчиной кликнулъ другого драбанта, родомъ хорвата.

— Ты пойдеши къ моей племянницѣ и изрубилъ ее въ куски, сказалъ ему твердымъ голосомъ воевода.

— Воля несравельможнаго пана будетъ исполнена, почтительно отвѣчалъ драбантъ и хотѣлъ уже выйти.

Чувство жалости какъ будто промелькнуло по лицу воеводы.

— Или итъ, въ куски ее не руби, а только отсѣки ей голову, и пусть Иштвану будетъ то же самое.

Сказавъ это, воевода вышелъ изъ залы; а драбантъ нагналъ своего товарища и передалъ ему приказанія пана о способѣ расправы съ Иштваномъ.

Первый драбантъ встрѣтилъ Иштвана въ одномъ изъ длинныхъ и темныхъ корридоровъ замка; онъ завалъ его въ ближайшую пустую комнату и тамъ объявилъ венгерцу смертный приговоръ. Молодой человекъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ отъ ужаса при этой неожиданной вѣсти. Въ первое мгновенье онъ рванулся было ко дверямъ и хотѣлъ защищаться, но потомъ, видя бесполезность защиты, онъ сталъ на колѣни посреди комнаты, помолился усердно Богу и покорно склонилъ свою кудрявую голову. Драбантъ разомъ свесъ ее съ плечъ Иштвана....

Въ то время, когда погибалъ Иштванъ, другой драбантъ вошелъ въ спальню Святославы и сказалъ ей:

— Милостивая пани, я пришелъ къ тебѣ по приказанію пана. Вели выдти отсюда своимъ служанкамъ.

Святослава подала имъ рукою знакъ, чтобъ онѣ вышли. Служанки удалились.

— Твоя смерть близка! сурово проговорилъ хорватъ, вытаскивая изъ ноженъ свой широкій мечъ.

Святослава вскрикнула и въ ужасѣ бросилась къ дверямъ, но драбантъ заслонилъ ей дорогу.

— Напрасно, несравельможная пани, хочешь уйти отъ смерти, проговорилъ хладнокровно хорватъ: — не уйдетъ отъ нея никуда тотъ, кто приговоренъ къ ней конитъ паномъ....

Святослава залилась слезами и въ изнеможеніи опустилась въ кресло.

— Я все отдаю тебѣ, только пощади меня! вскрикнула она, хватаясь въ отчаяніи за голову и вскакивая съ мѣста.

— Миѣ ничего не надобно, крѣпѣ твоей головы, грубо оти́чалъ драбантъ.

Святослава увидѣла, что ей нѣтъ никакого спасенія и что она должна умереть по приговору своего безпощаднаго дяди.

Со слезами раскаянія кинулась она теперь на колѣни предъ образомъ Богоматери.

— О, если бы мнѣ былъ мой отецъ, онъ спасъ бы меня отъ смерти!... Но если мнѣ приходится умирать такъ позорно, то предаю мою прѣзную душу въ твои руки, Пречистая Матерь Господа!... Подкрѣпи и поддержи меня твоею благостью!... лепетала въ ужасѣ Святослава.

Съ какою-то дикой жадностью поглядывалъ драбантъ на Святославу.

Она стояла еще на колѣняхъ и продолжала усердно молиться, когда онъ, подкрѣвшись сади на цыпочкахъ, махнулъ мечомъ, и вотъ окровавленная головка Святославы покати́лась по полу....

Сумрачно выслушалъ воевода о гибели любимой племянницы и вѣроломнаго Иштвана. Ни слезой, ни вздохомъ не выразилъ онъ сожалѣнія, и только судорожная дрожь, едва замѣтно пробѣжала по его суровому лицу.

Тенчинскій взялъ со всѣхъ обитателей замка страшную клятву въ томъ, что они не будутъ разглашать о случившемся. Боялись слуги произнести въ замкѣ имя Святославы и Иштвана, и только пороку въ окрестныхъ деревняхъ повторялся, въ уголкѣ какой нибудь бѣдной хаты, переименованный рассказъ о грозной расправѣ дяди съ племянницей.

Въ день казни Сандецкой воевода отправилъ ко всѣмъ своимъ родственникамъ нарочныхъ гонцовъ съ извѣстіемъ о скоропостижной смерти племянницы, а между тѣмъ приказалъ сложить въ одинъ гробъ оба обезглавленные трупа и закопать ихъ въ фамильномъ склепѣ. Мирно почивала Святослава въ родовой усыпальницѣ, но надъ могилкой ея не блистали гербы Тенчинскихъ и Сандецкихъ, опозоренные ею.

III.

СВЕРСКІЕ ПОСЛЫ.

Княжество Сѣверское было въ Рѣчи Посполитой удѣльнымъ

владыику князя-епископа краковского, а потому, когда на епископскую кафедру въ Краковъ съѣзъ Петръ Гембицкій, то съверская шляхта опредѣлена отправить къ новому владыкѣ двухъ пословъ, которые привѣтствовали бы отъ имени князя-епископа и представили ему о некоторыхъ потребностяхъ его княжества. Выборъ пословъ сопровождался шумными сѣздами мѣстной шляхты. Дружеская веселая пирушка была необходимымъ условіемъ подобныхъ сѣздовъ тогдашняго времени.

На пирушкѣ съверской шляхты, послѣ нѣсколькихъ круговыхъ обходовъ огромной стѣны съ крѣпкими прадѣдовскими медомъ, каждый изъ присутствовавшихъ шляхтичей началъ давать избраннымъ посламъ свои собственныя инструкціи, кто какъ шогъ и кто какъ съумѣлъ. Широки и длинны были эти инструкціи, а между тѣмъ круговая стопа по прежнему продолжала обходить какъ избирателей, такъ и избранныхъ. Весело, по старинному обычаю, пировали съверскіе шляхтичи, а между тѣмъ мало по малу одни изъ нихъ, вслѣдствіе забористаго меда, попадали какъ оравленные мухи, а другіе кое-какъ доплелись домой и улеглись спать.

Несмотря однако на пирушку, длившуюся далеко за полночь, послы встрепенулись чѣмъ свѣтъ и, сѣвши на коней, отправились къ князю-епископу по краковской дорогѣ.

Долго ѣхали они, то рядомъ, то обгоняя одинъ другаго, по произволу своихъ коней, такъ какъ сѣдоки едва держали въ рукахъ поводья и кони ихъ шли, какъ хотѣли. Послѣ безсонной ночи и послѣ лихой выпивки, ихъ одолѣвала еще сладкая утренняя дремота. Но вотъ все выше и выше стало подниматься майское солнце на безоблачномъ небѣ и все теплѣе и теплѣе начало оно пригрѣвать путниковъ. Послы мало по малу стали разгуливать и позѣвывать, но въ это время показалась передъ ними небольшая корчма. При видѣ ея, ободрился сперва панъ Вацлавъ, а потомъ и товарищъ его панъ Михалъ. Оба они, приостановивши своихъ коней, вопросительно посмотрѣли другъ на друга.

— День добрый! сказалъ, позѣывая, панъ Вацлавъ.

— День добрый, отвѣчалъ панъ Михалъ, тоже позѣывая.

— Вѣдь мы, кажется, ѣдемъ въ Краковъ послами къ князю-епископу?... спросилъ первый.

— А развѣ ты не помнишь данныхъ намъ порученій?... перебилъ хитроватымъ голосомъ его спутникъ.

— Вѣдь елишка-то я тогда, что хотѣлъ спросить тебя, отговаривался панъ Вацлавъ.

— У меня рѣшительно все равно изъ памяти послѣ того угощенія, какое намъ задали, претворилъ панъ Михаль.

— И у меня медъ отбилъ всю память, замѣнилъ товарищъ князя Мичала.

— А вѣдь я подавался на тебя...

— А я такъ на тебя...

— Хороши же мы! Нечего сказать!... крикнули оба шляхтича въ одинъ голосъ и опять вопрошательно посмотрѣли другъ на друга.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Только конскій топотъ раздавался по дорогѣ.

— Что жъ намъ дѣлать, спросилъ наконецъ панъ Вацлавъ у своего товарища, придерживая коня и въ недоумѣніи пожимая плечами.

— Вернуться назадъ, замѣтилъ довольно равнодушно панъ Михаль.

— Стыдно!...

— Такъ поѣдемъ впередъ; что будетъ, то будетъ...

— Пусть будетъ по твоему, отвѣчалъ панъ Вацлавъ: — видишь ли не вдалекѣ передъ нами стоитъ корчма: не закусить ли тамъ?... Вѣдь извѣстно, что во время ѣды мысли дѣлаются свѣжѣе и спокойнѣе, мы станемъ припоминать по немногу обо всемъ, что съ нами было, и такимъ образомъ, по питкѣ дойдемъ кое-какъ и до клубка...

— Совѣтъ твой сдѣланъ очень кстати, замѣтилъ панъ Михаль:—онъ кстати, во-первыхъ, потому, что желудокъ проситъ перехватить чегонибудь, а во-вторыхъ, намъ непременно должно подумать о томъ, зачѣмъ мы ѣдемъ послами отъ нашей братьи шляхты къ его милости, князю-епископу.

Пришпоривъ разомъ своихъ коней, которые прежде шли шагомъ; какъ будто желая дать сѣдокамъ возможность подремать на разсвѣтѣ, оба шляхтича молодецки подскакали къ корчмѣ. У воротъ ея стоялъ старый еврей Азикъ, въ шелковомъ потертомъ жупанѣ; онъ поглаживалъ свою бороду и подергивалъ свои пейсики въ ожиданіи проѣзжихъ пановъ. Вѣжливо встрѣтилъ онъ своихъ гостей, объявляя имъ, еще при входѣ ихъ на крыльцо, что у него не только есть овецъ, сѣно, молоко, рыба и яйца, но

что у него найдется и такое отличное вино, какого нельзя достать даже и въ Краковѣ.

— А вотъ, панъ арендаторъ, мы это сейчасъ увидимъ!... крикнули и Вацлавъ и Михалъ.

Спрыгнувши проворно съ коней, они вошли въ корчму. Покуда гости расправляли ноги и осматривались кругомъ, Азика успѣлъ сбѣгать въ кладовую и вкорѣ явился къ своимъ вельможнымъ гостямъ, неся имъ на пробу нѣсколько флажекъ венгерскаго.

Проѣзжіе усѣлись за столомъ и, въ ожиданіи закуски, опершись на столъ локтями, крѣпко призадумались о цѣли своего посольства, стараясь припомнить данныя имъ на этотъ случай инструкціи. Какъ однако они ни свились, все было напрасно, а между тѣмъ поставленное Азикою на столъ венгерское манило ихъ къ себѣ своимъ золотистымъ цвѣтомъ.

— Ну, что, панъ Михалъ, припомнилъ? спросилъ Вацлавъ.

— А ты?...

— А вотъ закусимъ, такъ быть можетъ и вспомнимъ.

Пріятели дружно пренялись за поставленную передъ ними закуску. Закуска поубавилась скоро.

— Ну что, теперь ты вспомнилъ? спросилъ Михалъ.

— Нѣтъ, еще.

— И я еще нѣтъ.

— Попробуемъ пополоскать горло, сказалъ Вацлавъ:—такъ быть можетъ память послѣ этого сдѣлается посвѣжѣе.

Съ этими словами, оба шляхтича принялись за венгерское, которое, по своему превосходному качеству, упрочило въ ихъ мнѣніи славу Азика на вѣки-вѣчные.

Посды однако призадумались крѣпче прежняго, а между тѣмъ предъ ними замѣтно опорожнилась большая миса квашеной капусты и быстро исчезло все венгерское. Несмотря однако ни на закуску, ни на выпивку, шляхтичи не припомнили данныхъ имъ порученій; мало этого—оказалось даже, что послѣ часовой ѣды и часоваго питья въ корчмѣ Азика, они не могли пошевелить ни рукой, ни ногой, ни языкомъ, почему они растянулись тутъ же, около стола, на скамейкѣ, бормоча другъ другу, что сонъ и отдыхъ необходимы послѣ ѣды верхомъ и въ особенноти послѣ хорошей закуски и отличнаго венгерскаго. Выспавшись порядкомъ, они вскочили со всѣхъ ногъ и вопросительно посмотрѣли другъ на друга.

— Ну что жь, теперь прикиньца? спросил Вацлавъ.

— Снилось что-то, а теперь забылъ опять все!... А ты?...

— И со мной было тоже самое: припоминалъ что-то во снѣ; а теперь хоть по лбухвати, ровно ничего не вспомяю; знаю только то, что мнѣ рѣдко приходилось пить такое отличное вино, какимъ поподчивалъ насъ Азикъ.

— А знаешь, пріятель, что намъ нужно сдѣлать для того, чтобъ вспомнить наши порученія? сказалъ Михаль:—намъ нужно не торопиться. Вѣдь когда же нибудь мы вспомянемъ все то, что намъ поручили. Перепочуемъ-ко лучше здѣсь. Неужели же мы и на завтра ничего не вспомянемъ... Хоть бы что нибудь вспомять, а тамъ по ниткѣ доберемся до клубка, повторилъ панъ Михаль.

— А вотъ я помолюсь хорошенько св. Антонію Падуанскому. Молитва ему помогала мнѣ всегда находить то, что мнѣ случилось терять, замѣтилъ Вацлавъ.

На такіе убѣдительные доводы очень легко сдались оба пріятеля, и они рѣшились выпастся хорошенько гдѣ нибудь въ сараѣ—въ холодокѣ, на душистомъ снѣ. Шляхтичи объявили Азiku о своемъ намѣреніи перепочевать въ его корчмѣ и спросили обѣдать. Услужливый карчмарь угостилъ ихъ за обѣдомъ рыбой, еврейской лапшой, а за ужиномъ опять подаль имъ рыбу съ горячительными приправами и яичницу, съ прибавкой отлднаго венгерскаго, какъ за обѣдомъ, такъ и за ужиномъ.

Поелъ ужина пріятели весело поболтали между собою и, запивая свою бесѣду венгерскимъ, дошли наконецъ до того, что уже не узнавали другъ друга. Они не отправились спать въ холодокъ, какъ думали прежде, но въ той же комнатѣ улеглись на снѣ и, какъ впоследствии рассказывалъ Азикъ, храпѣли такъ богатырски, что отъ храпу ихъ дрожали стекла.

— Уй!... Я боялся, что стекла выскочатъ изъ рамъ, добавлялъ Азикъ, передавая проѣзжимъ о ночлегѣ шляхтичей, и въ изумленіи покачивая головой и поправляя на ней свою засаленную ермолку.

На разсвѣтѣ оба шляхтича вскочили со всѣхъ ногъ и вопросительно посмотрѣли другъ на друга.

— Ну что, ты вспомялъ? спросилъ панъ Михаль.

— Нѣтъ.

— А ты?

— И я тоже.

— Видно, нечистый оборотчикъ насъ, сказали въ голосъ оба пріятеля.

— Что жь дѣлать, вѣдь лбомъ стѣны не прошибешь, сказалъ утѣшающимъ голосомъ панъ Вацлавъ:—поѣдемъ, лучше дратьте дорога не то, что корича, гдѣ сидишь въ заперти,—на чистомъ воздухѣ другое дѣло, тамъ все вспоминается какъ-то легче.

Оба пріятеля безпрекословно согласились въ справедливости этихъ словъ. Разсчитавшись съ Азжкомъ и привѣтливо поблагодаривъ его за радушное угощеніе и за умѣренность въ расчетѣ, шляхтичи отправились далѣе во имя Божіе. Воздухъ былъ чудный, на поляхъ и въ лѣсахъ пѣли птички; гдѣ жужжалъ жукъ, гдѣ трещала стрекоза, гдѣ шелкалъ кузнечикъ. Шляхтичи ѣхали молча, и каждый изъ нихъ силился припомнить данныя имъ инструкціи, и только время отъ времени то Вацлавъ у Михала, то Михалъ у Вацлава спрашивалъ:

— А что, вспомнилъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ обыкновенно и тотъ и другой.

И затѣмъ оба начинали припоминать позабытое.

Въ каждой встрѣчной корчмѣ послы останавливались на полчаса, закусывали, обѣдали, ужинали, пили и спали, и потомъ отправлялись далѣе, твердо надѣясь, что если не сонъ, то закуска, если не закуска, то обѣдъ, если не обѣдъ, то ужинъ, если не ужинъ, то чистый воздухъ помогутъ имъ припомнить дѣль ихъ поѣздки къ князю-епископу. Такимъ образомъ, послѣ продолжительнаго странствованія, они добрались наконецъ до Кракова и остановились въ одной изъ тамошнихъ гостиницъ.

Сидя за столомъ, опершись на него локтями, они крѣпко думали о томъ, что имъ слѣдуетъ говорить, явившись передъ княземъ-епископомъ и вопросительно посматривали другъ на друга, выжидая, кому изъ нихъ посчастливится первому вспомнить забытыя порученія.

— А вѣдь рано или поздно, но все же намъ нужно будетъ идти къ его княжеской и епископской милости, проговорилъ Вацлавъ, послѣ долгаго молчанія.

— Разумѣется, въ глубокой задумчивости отозвался Михалъ.

— Ну, а что жь ты ему скажешь отъ имени нашей братьи — шляхты? спросилъ первый.

— Господь какъ нибудь поможетъ намъ. Кто знаетъ, не вспомнимъ ли мы на пути къ его дворцу, зачѣмъ мы сюда пріѣхали.

— И то правда.
 — Что будетъ, то будетъ, крикнули разомъ оба пріятеля: —
 пойдя въ поспорѣ къ князю-епископу. — И съ этими словами
 они принялись одѣваться.

Цирульникъ проворно и ловко подбрилъ имъ головы и раз-
 чесалъ ихъ длинныя чубы. Шляхтичи надѣли кунтуши, только-
 что съ иголочки и, прищипнувъ сабли, отправились въ княжескій
 дворецъ, думая во всю дорогу, о чемъ они будутъ говорить съ
 его княжескимъ преосвященствомъ.

Надолго представителей сѣверской шляхты заставили ждать
 въ епископской пріемной. Осторожно вошли шляхтичи въ ту
 комнату, гдѣ сидѣлъ князь-епископъ и, робко поднявъ глаза,
 они увидѣли предъ собою еще бодрого старика, съ добрымъ от-
 крытымъ лицомъ, въ фиолетовой сутанѣ и съ темной бархатной
 шапочкой на головѣ.

Почтительно поклонились шляхтичи преосвященному вла-
 дыкѣ.

Епископъ при входѣ ихъ всталъ съ кресель, подошелъ къ
 нимъ и подавъ правую руку, которую они и поцаловали.

— Здравствуйте, дорогіе мои братья-сѣверяне, проговорилъ
 ласковымъ голосомъ князь-епископъ. — Что же скажете вы мнѣ
 отъ имени всей вашей братья — сѣверской шляхты?...

Панъ Вацлавъ подтолкнулъ изподтишка пана Михала лок-
 темъ, промолвивъ въ полголоса:

— Ну, начинай!...

Панъ Михалъ сдѣлавъ тоже, пробормотавъ:

— Начинай ты, вѣдь ты старше меня.

Но ни тотъ, ни другой, какъ говорится, ни п-т-у, ни ну.

Не безъ нѣкотораго удивленія посмотрѣлъ князь-епископъ
 на молчаливыхъ пословъ, которые являлись на одномъ мѣстѣ, от-
 кашливались, блѣднѣли, краснѣли и отирали потъ, выступавшій
 крупными каплями на ихъ лицахъ.

Въ это затруднительное время вдругъ мелькнула въ головѣ
 пана Вацлава ужасная мысль, что позоръ его и его товарища
 падетъ на всю сѣверскую шляхту, избравшую такихъ нерасто-
 рошныхъ представителей. Въ отчаяніи отъ этой мысли панъ Ва-
 цлавъ одушевился, откашлялся и твердымъ голосомъ сказалъ:

— Неосвященный князь-епископъ! Жители Сѣверскаго
 княжества избрали насъ для того, чтобы мы сложили къ сто-
 ламъ вашей княжеской и епископской милости ихъ покорнѣй-

шую просьбу. Судьбѣ однако угодно было, чтобы и мы и от-правлявшіе насъ не поняли содержанія этой просьбы. Кто тутъ правъ, кто тутъ виноватъ — разбирать этого мы не можемъ. Довольно того, что намъ или не умѣли передать порученій, или мы не умѣли ихъ выслушать. Поэтому, заключилъ съ почтитель-ными поклономъ панъ Вацлавъ: — всенижайше просимъ вашу кня-жескую и епископскую милость благосклонно принять высокое къ вамъ уваженіе всей сѣверской шляхты; что же касается соб-ственно насъ, то мы впередъ такими послами не будемъ...

Въ продолженіе этой рѣчи панъ Михалъ то раскланивался съ княземъ-епископомъ, то поддакивалъ своему товарищу, то мурлыкалъ себѣ что-то подъ носъ.

Добродушно улыбнулся ученый князь-епископъ, выслушавъ рѣчь пана Вацлава и, потрепавъ обоихъ пословъ по плечу, ска-залъ имъ:

— Передайте отъ меня братья моей, шляхтѣ сѣверской, что я сдѣлаю для нихъ все, что могу. Если же вамъ что нибудь по-надобится, то не издерживайтесь напрасно — на поѣздку ко мнѣ въ Краковъ, а лучше напишите на бумагѣ, добавивъ его прео-священство, закусывая отъ смѣха нижнюю губу.

Почтительно поцаловали шляхтичи руку снисходительнаго архипастыря и съ радостію вышли изъ его дворца.

— А вѣдь и правду говорятъ, что не святые горшки лѣпятъ, сказали оба шляхтича въ одинъ голосъ, возвращаясь въ гостин-ницу въ отличномъ расположеніи духа.

— Только не надобно рассказывать, какъ было дѣло, а то, пожалуй, въ другой разъ и въ послы не выберутъ, замѣтилъ панъ Вацлавъ.

По пріѣздѣ пословъ домой, шляхта встрѣтила ихъ такой же пирушкой, какой прежде напутствовала ихъ въ Краковъ. Заходи-ла снова круговая стопа и, такъ какъ въ старое время люди бы-ли и откровеннѣе и проще, то и послы не утерпѣли, чтобъ не рассказать своимъ землякамъ, какъ было дѣло. Всѣ отъ души посмѣялась, — и прослыли съ тѣхъ поръ панъ Вацлавъ и панъ Михалъ людьми хоть и съ слабою памятью, но за то весьма находчивыми...

Е. КАРНОВИЧЪ.

О РЕКРУТСКОЙ ПОВИННОСТИ.

Намъ доставлены замѣтки «о рекрутской повинности», написанныя г. Волковымъ (въ Кяхтѣ). Помѣщаемъ существенныя мѣста этой небольшой статьи.

Оба способа отправленія рекрутской повинности, какъ очередной, такъ и жеребьевою, имѣютъ свои невыгоды. О невыгодахъ очереднаго порядка довольно будетъ сказать, что иногда семейства, состоящія даже изъ 3-хъ работниковъ, вовсе не отправляютъ рекрутской повинности, по тѣлеснымъ только недостаткамъ всѣхъ братьевъ, тогда какъ изъ семейства, менѣе обязаннаго къ ней (напримѣръ, два брата, недостигшіе 60 лѣтъ, и племянникъ ихъ, имѣющій всѣ нужныя качества), берется рекрутъ, и семейство остается безъ поддержки. Въ жеребьевомъ порядкѣ вся справедливость зависитъ отъ случайности. Напримѣръ, если въ данное время въ одномъ семействѣ находится три работника: 30, 25 и 20 лѣтъ, — въ первый наборъ жеребій на это семейство, по счастью, не выпадетъ; къ слѣдующему же набору, бывающему чрезъ два года, семейство это отдалается уже отъ очереди: законъ обязываетъ ставить на очередь людей, имѣющихъ 20 лѣтъ, и только, по недостатку 20 и 21-лѣтнихъ дается жребій 22-лѣтнимъ; если же младшій членъ того семейства, о которомъ здѣсь говорится, или не будетъ поставленъ на жребій, какъ 22-лѣтній, или опять ему не выпадетъ жребій, — тогда при третьемъ наборѣ семейство это еще болѣе отдалится отъ жребья, тогда какъ обязанность его въ поставкѣ рекрута должна, въ сравненіи съ другими семействами, увеличиваться. Такимъ образомъ, часто случается, что большія семейства, съ полнымъ составомъ работниковъ, остаются вовсе избавлены отъ повинности и замѣняются другими, менѣе обязанными. Кромѣ того, при жеребьевомъ порядкѣ много уходитъ въ рекруты людей, оставляющихъ малолѣтнія семейства; для нихъ въ жеребьевомъ порядкѣ нѣтъ изъятія,

тогда какъ по очередному порядку идти въ рекруты сначала холостые, потомъ женатые бездѣтные, и уже по недостатку ихъ—отдаются женатые, имѣющіе дѣтей.

Самымъ лучшимъ и справедливымъ способомъ было бы несеніе рекрутской повинности установить посредствомъ охотниковъ; стоитъ только возложить на цѣлое общество или участокъ, состоящій не менѣе какъ изъ 1,000 душъ, сборъ особыхъ средствъ, чтобы имѣть возможность выдавать поступающимъ въ рекруты охотникамъ значительную награду. Потребную для этого сумму слѣдуетъ собирать со всѣхъ членовъ общества, обязанныхъ нести рекрутскую повинность. Тогда повинность эта упадала бы на всѣхъ равно.

Потому весьма полезно было бы установить при отправленіи рекрутской повинности, сначала хотя по городамъ, слѣдующій порядокъ:

1) Каждое общество или участокъ избираетъ ежегодно изъ среды своей 24 челоѣка добросовѣстныхъ и рекрутскаго старосту.

2) Добросовѣстные, вмѣстѣ съ рекрутскимъ старостою, составляютъ ежегодно списки наличнымъ членамъ своего общества или участка отъ 18 до 36-лѣтняго возраста.

3) Этотъ общій списокъ провѣряется одинъ разъ въ году въ общемъ собраніи общества, подъ предсѣдательствомъ градскаго головы, или бургомистра, или городского судьи.

4) По объявленіи набора устанавливается особый сборъ по приговору общества, составляемому также въ общемъ собраніи, подъ предсѣдательствомъ городского головы. Размѣръ этого сбора долженъ простирается по числу слѣдующихъ съ общества или участка рекрутовъ, полагая по 400 р. на cadaго и какую либо часть на расходы, нужные при сдачѣ, и обмундированіи рекрутовъ.

5) Способъ сбора или раскладки предоставляется самому обществу, которое можетъ разлагать эти деньги по числу душъ, или по состояніямъ, или посредствомъ добровольной складки, или другимъ въ обществѣ установленнымъ способомъ.

Примѣчаніе. Можно бы предоставить обществамъ составлять эту сумму своевременно, разлагая взносы ея на двѣ половины года, какъ платятся подати, только бы имѣть эту сумму всегда въ готовности. Конечно, желалось бы, чтобы для отправленія рекрутской повинности образовались въ каждомъ обществѣ особые рекрутскіе капиталы; чтобы не прибѣгать къ ежегодному сбору или раскладкамъ; впрочемъ, современнымъ можно ожидать, что всѣ общества примутъ подобныя мѣры.

6) По полученіи манифеста о наборѣ, добросовѣстные вызываютъ охотниковъ къ поступленію въ рекруты.

7) Если охотниковъ не окажется, или число ихъ будетъ недостаточнымъ для пополненія числа слѣдующихъ съ общества или участка рекрутовъ, тогда добросовѣстные составляютъ уже очередной и жеребьевой списки, въ которыхъ первое мѣсто должны занимать холостые молодые люди, годные въ рекруты, считая таковыхъ для рекрута по 5 челоѣкъ; имъ дается жребій отдѣльно отъ прочихъ членовъ общества;

когда она не выкупит жеребенка изломанного подишества рекрутской: не иначе жется, тогда оставшиеся берутся устроить причинку наивысшей обеспеченности.

8) При существовании подобных правил, каждое общество, конечно будет стараться отправлять рекрутскую повинность посредством охотников; для этого следует ему увеличивать свои средства. Итак, можно бы, было предоставить больше — семейным: откупавшим отъ очереди, взноса въ общественный рекрутский капитал по 400 р., что и должно быть востановлено этому семейству, за рекрутскую: неперелавленную списать послужбой.

9) Поступающимъ въ рекруты охотой, или по очереди, или по жеребью; выдается награда не менѣе 400 р. Если же общество увидитъ, что награда эта не принадежитъ, охотникомъ и средства общества позволяютъ, то оно можетъ увеличивать ее по своему усмотрѣнію, объявивъ объ этомъ благовременнѣе.

10) Изъ слѣдующей рекруты награды $\frac{1}{3}$ части, т. е. 100 р., выдается ему на руки, остальные 3 части (300 р.) отдаются въ проценты; изъ полученныхъ процентовъ половина выдается на содержаніе оставшагося послѣ рекрута семейства, остальные проценты причисляются къ капиталу; если же у рекрута не останется никакого семейства, то всѣ проценты причитаются къ капиталу, который и выдается ему по выходѣ въ отставку. Если онъ во время службы сѣяетъ или сдѣлаетъ такое преступленіе, которое лишаетъ его всѣхъ правъ состоянія, то деньги его поступаютъ въ пользу вдовичковъ, а по неимѣнію ихъ, какъ выморочныя, въ пользу общества.

11) Поступающему въ рекруты слѣдуетъ предоставить право избирать изъ среды общества опекуна, который, ежегодно получая изъ думы или ратуши свѣдѣнія о состояніи капитала, сообщаетъ ихъ рекруту.

12) Всѣми этими правами должны пользоваться и охотники, поступающіе въ зачетъ будущихъ наборовъ; они зачисляются обществу въ первый же наборъ.

Установленіе подобнаго порядка: очень облегчитъ отправленіе рекрутской повинности.

Мысли, очень кратко изложенныя г. Волковымъ, представлены въ гораздо болѣе развитой формѣ неизвѣстными авторомъ статьи, помѣщенной недавно въ одномъ изъ специальныхъ нашихъ журналовъ. Предметъ такъ важенъ, а начинать объ немъ рѣчь намъ отъ самихъ себя такъ затруднительно, что мы рѣшаемся сдѣлать очень большія заимствованія изъ статьи этого журнала, — или, прямо говоря, перепечатать большую половину ея. Читатель увидитъ, что планъ автора этой статьи во всѣхъ важнѣйшихъ частяхъ совершенно сходенъ съ мыслями, къ которымъ конечно совершенно неавторитетно отъ него пришесть г. Волковъ; судя по времени, въ Клязьминскій журналъ, заключающаго въ себѣ также и о рекрутской повинности.

винности, получена была спустя уже очень много времени послѣ того, какъ отправилъ въ Петербургъ свои замѣтки г. Волковъ. Такое согласіе взглядовъ конечно усиливаетъ вѣсь мыслей, предлагаемыхъ и г. Волковымъ, и авторомъ статьи.

«Рекрутская повинность въ нѣмецкихъ обществахъ отправляется въ Россіи, въ настоящее время, по двумъ системамъ: очередной и жеребьевой. Въ обоихъ случаяхъ, повинность эта отбывается обществомъ натурою, и, притомъ, за все число ревизскихъ душъ, состоящихъ въ немъ, кромѣ льготныхъ. Въ основаніи очередной системы лежитъ та мысль, что какъ нѣмецкія общества слагаются изъ семей, представляющихъ собою какъ бы отдѣльные общества, члены которыхъ, по духу нашего законодательства, обязаны платить всѣ подати и отправлять возлагаемыя на нихъ закономъ повинности обща, — то посему и рекрутская повинность должна быть отбываема не каждымъ членомъ общества отдѣльно, а семьями.

«Такимъ образомъ, по этой системѣ, семья, давшая рекрута, становится на нѣкоторое время свободною отъ этой повинности. Большая или меньшая продолжительность этого льготнаго времени зависитъ отъ состава семьи: чѣмъ больше рабочихъ рукъ, тѣмъ льготный періодъ меньше, и наоборотъ. Слѣдовательно, сущность этой системы заключается въ томъ, что семьи даютъ рекруты поочередно, а очередь обуславливается числомъ рабочихъ силъ и душъ, въ ней заключающихся.

Основная же мысль жеребьевой системы заключается въ томъ, что не семьи, составляющія общества, а каждый членъ его отдѣльно долженъ участвовать въ отправленіи рекрутской повинности, по достиженіи опредѣленнаго возраста, а именно 20 и 21 года. А потому, при объявленіи набора, призываются къ отправленію его всѣ молодые люди, нѣмціице назначеннаго возраста; но какъ такихъ однодѣтокъ всегда въ обществѣ больше, нежели сколько требуется для исполненія набора, то кому изъ нихъ идти въ рекруты—рѣшаетъ жребій; остальные же, за исключеніемъ отчисленныхъ въ запасные и подставные, освобождаются навсегда отъ этой повинности, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда лицъ, нѣмціицахъ призываемый возрастъ и годовыхъ къ военной службѣ, окажется меньше, нежели сколько ихъ нужно для отправленія набора: въ такомъ случаѣ призывается въ нособіе тому возрасту слѣдующій высшій и т. д.

«Всѣ дальнѣйшія подробности, въ приложеніи этихъ системъ къ самому дѣлу, должны бы прямо вытекать изъ главныхъ началъ ихъ; но какъ для поступленія въ военную службу необходимо имѣть опредѣленные физическія качества, и, сверхъ того, не каждая семья, по своему положенію, можетъ дать одного изъ ея членовъ въ рекруты, не лишаясь совершенно средствъ къ пропитанію своему честнымъ трудомъ, то, вслѣдствіе этого, а также и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ, оказалось необходимымъ — при вниманіи рекруты какъ по той, такъ и по другой системѣ дѣлать нѣкоторыя исключенія. А какъ, по пра-

взвѣтъ обѣихъ системъ, лица, освобождаемыя почтенъ либо отъ рекрутства, не несутъ въ возмездіе за это никакой другой повинности въ пользу общества, то отъ сего тотчасъ же произошла неравноцѣрность въ распредѣленіи тяжести этой повинности на членовъ одного и того же сословія, и затѣмъ явились льготы для однихъ, влекущія за собою обремененіе для другихъ, безъ всякаго за то вознагражденія со стороны первыхъ.

«При изученіи подробностей обѣихъ системъ, недостатки ихъ и вытекающія изъ тѣхъ недостатковъ послѣдствія выдаются такъ рѣзко, что каждый невольно долженъ придти къ мысли о настоятельной необходимости или замѣнить эти системы новою, или, избравъ лучшую изъ нихъ, сдѣлать въ ней исправленія, указываемыя опытомъ.

Авторъ говорящій собственно только о мѣщанскихъ обществахъ, перечисляетъ неудобства той и другой системы въ примѣненіи къ нимъ:

«1) Первый и главный недостатокъ, общій обѣимъ рекрутскимъ системамъ, состоитъ въ томъ, что, какъ выше сказано, всѣ члены мѣщанскаго общества участвуютъ въ отбываніи рекрутской повинности. Слабосиліе, нѣкоторыя весьма обыкновенныя болѣзни, какъ на-примѣръ: золотушное состояніе, выражающееся хотя и незначительными опухолями шейныхъ желѣзъ, но не дозволяющее носить киверъ или каску, незначительная хромота, происходящая оттого, что одна нога нѣсколько короче другой, наконецъ малый ростъ и тому подобныя недостатки хотя и не мѣшаютъ исполнять всѣ, или, по крайней мѣрѣ, почти всѣ, работы, но относятся къ разряду такихъ физическихъ недостатковъ, съ коими воспрещено принимать въ военную службу.

«А какъ мѣщанскія общества отправляютъ рекрутскую повинность только натурою, то мѣщане съ помннутыми недостатками совершенно избавляются отъ этой повинности; общество же, давая рекрутъ по числу ревнскихъ душъ, вынуждено давать ихъ и за неспособныхъ, не получая за то съ нихъ никакого возмездія; а потому тяжесть этой повинности падаетъ только на тѣ семьи, гдѣ есть члены, годные къ военной службѣ. Такимъ образомъ, семья, которой ни по очереди, ни по жеребью не слѣдуетъ дать рекрута, весьма часто даетъ его только потому, что въ тѣхъ семьяхъ, которыя стоятъ по списку выше, оказалось нѣсколько человекъ негодныхъ. За что же одніе семьи пользуются льготою лишь вслѣдствіе того, что члены ихъ имѣютъ нѣкоторые физическіе недостатки, а другіе несутъ за нихъ повинность, и часто съ полнымъ разстройствомъ своего семейнаго быта, безъ всякаго за то вознагражденія?

«Для ближайшаго усмотрѣнія подобныхъ несправедливостей, какъ вѣрныхъ послѣдствій существующихъ рекрутскихъ системъ, возьмемъ въ примѣръ слѣдующія два семейства:

1) Андрей Петровъ . . . 49 лѣтъ.
его жена Вѣра . . . 47 —
ихъ дѣти: Николай 20 —
— Петръ . 15 —
братъ Павелъ . . . 40 —
его жена Анна . . . 38 —
ихъ сынъ Антонъ . 19 —

2) Антонъ Ивановъ . . . 58 лѣтъ.
его жена Прокоеія 39 —
Прокоеія жена Анна 38 —
ихъ дѣти: Иванъ . . . 20 —
— Андрей . 12 —
— Петръ . . 5 —
— Павелъ . 3 —
— Анна . . . 14 —
— Агафья . 8 —

«Итого 7 душъ, изъ коихъ 5 мужескаго пола и почти всѣ работники, хотя Петръ и не достигъ еще законныхъ лѣтъ работника.»

Итого 9 душъ, изъ нихъ 6 мужескаго, изъ коихъ только три работника.»

«По очередной системѣ, первое семейство должно стать на очередь раньше втораго, а по жеребьевой — члены ихъ Иванъ и Николай должны быть призваны одновременно. Допустимъ теперь, что Николай малоросль, а Антонъ золотушень, — и вотъ семья благоденствуетъ, благодаря недостаткамъ, которые хотя и не мѣшаютъ всѣмъ имъ быть хорошими работниками, но, однакожь, избавляютъ отъ исполненія одной изъ самыхъ тяжелыхъ повинностей; а между тѣмъ выбытіе одного члена изъ этой семьи не произвело бы въ ней никакого разстройства. Во второй же семьѣ Иванъ оказался молодцомъ по всему: и по росту, и по здоровью, и бѣдная семья должна разстаться съ своимъ молодцомъ потому только, что въ первой семьѣ и въ другихъ ей подобныхъ не оказалось годныхъ членовъ, — должна разстаться, несмотря на то, что въ этой семьѣ пятеро малолѣтковыхъ и одинъ старикъ-дѣдъ, который, въ эти лѣта, большею частію не только не работникъ, но еще требуетъ ухода: работникъ же остается всего одинъ. Что же будетъ съ семьей? Какъ одинъ работникъ прокормить, одѣнуть и обуять всю семью да, сверхъ того, заплатить подати и повинности за шесть душъ? Поневолѣ окажется несостоятельнымъ, и его посадятъ въ рабочій домъ, а семья отправится нищенствовать или промышлять какимъ либо незаконнымъ образомъ. Но если бы первая семья и другія, подобныя ей, отправили, въ свою очередь или по доставшемуся жеребью, повинность, то второй семьѣ досталось бы дать рекрута позже, и, быть можетъ, черезъ нѣсколько лѣтъ: тогда у нея былъ бы еще подростокъ, который могъ бы помогать отцу, и семья не разстроилась бы окончательно. Кто изъ родителей-мѣщанъ будетъ болѣе благодарить Бога — тѣ ли, у коихъ дѣти молодцы по росту и здоровью, или тѣ, у коихъ дѣти имѣютъ какіе либо недостатки: коротконоги, кривошеи, золотушны? Я слышала, какъ одна мать, во время набора, благословляла судьбу свою за то, что у нея одинъ сынъ малоросль, а другой кривошеи; что, однакожь, не мѣшаетъ одному изъ нихъ быть хорошимъ сапожникомъ, а другому шить тулупы. Какое странное положеніе общества: родители радуются тому, что ихъ дѣти имѣютъ какое либо

урядство! А нередко бывают еще и такие случаи, что родители, въ видахъ освобожденія сыновей своихъ отъ рекрутства, стараются, во время дѣтства ихъ, изуродовать нѣкоторые изъ членовъ, не лишая, однакожъ, возможности работать и, слѣдственно, быть полезными своей семьѣ. Вотъ послѣдствіи неравновѣрнаго отправления повинности.

«2) Статьею 192 Уст. Рекр. запрещается принимать въ рекруты лицъ, оставленныхъ по суду въ подозрѣніи по такимъ проступкамъ, за которые, на основаніи закона, они подлежали бы лишенію всѣхъ правъ состоянія или же всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію имъ присвоенныхъ, и съ тѣмъ нѣкоторыя ссылки въ Сибиря на каторгу или на поселеніе, отдалъ въ арестантскія роты и рабочіе дома, и конц. притонъ, во время слѣдствія на невольномъ обыскѣ, ошорочены въ поведеніи. Такимъ образомъ, подозрѣніе въ преступленіи даетъ всегдашнюю льготу отъ рекрутской повинности, и человѣкъ, ни въ чемъ не виноватый, идетъ въ рекруты за мошенника, а онъ, въ возмездіе за это, даже не облагается никакою излишнею крѣпостью и пользуется льготою, какъ бы въ награду за хорошее дѣло. Поэтому, чтобы избавиться отъ рекрутства, нужно только похлопотать, чтобы какой либо уголовный преступникъ припуталъ къ своему дѣлу, тогда, при допросахъ, самому нѣсколько обити и затѣмъ устроить такъ, чтобы судъ оставилъ въ подозрѣніи, чему и бывали примѣры. Опять приходимъ къ результату весьма неутѣшительному.

«3) Есть семейства, которыя, по небольшому своему составу, какъ то: отецъ съ сыномъ, дѣдъ съ внукомъ, дядя съ племянникомъ, одиночка и т. п., поименованные въ ст. 79, 80 и 814 Уст. Рекр., освобождаются отъ рекрутской повинности, однакожъ, безъ исключенія изъ того числа душъ, за которое общество отправляетъ эту повинность. Вслѣдствіе такового освобожденія мѣщанскія семейства стараются раздробиться. А какъ раздѣлы на семьи, въ которыхъ меньше трехъ работниковъ, воспрещаются, то они достигаютъ этого слѣдующимъ образомъ: все семейство перечисляется въ купечество; на слѣдующій годъ члены его по одному и по два, смотря по тому, какъ имъ нужно раздѣляться, объявляютъ капиталы въ равныхъ городахъ, и на слѣдующій годъ каждый въ своемъ городѣ, по необъявленію капитала, сходитъ въ мѣщане, и вотъ семейство раздробилось, согласно его желанію, и избавилось отъ рекрутства во вредъ другимъ. Такихъ примѣровъ множество. Жеребьевая система отчасти устраняетъ это тѣмъ, что по 814 ст., только тѣ изъ одиночекъ и двойниковъ пользуются освобожденіемъ отъ рекрутской повинности, которые владѣютъ не менѣе пяти лѣтъ недвижимою собственностію, приносящею не менѣе 60 руб. сер. въ годъ чистаго дохода. Но законъ этотъ, устраняя означенное неудобство, не устраняетъ неравновѣрное распредѣленіе рекрутской повинности: избавляя богатыхъ, онъ заставляетъ бѣдныхъ нести ее вдвойнѣ, тѣ есть и за себя и за богатыхъ. Вотъ главнѣйшіе недостатки, общіе обѣимъ системамъ.

«Кроме того, въ очередной системѣ особенно выдѣляются слѣдующіе недостатки:

1) Весьма обременительно для общества правило, по коему одиночки и двойники, въ определенных степеняхъ родства, тогда только подвергаются отправленію рекрутской повинности, когда число такихъ семей составляетъ не менѣе третьей части всѣхъ семей; въ противномъ случаѣ, повинность эта отправляется за нихъ многорабочими семьями, и они избавляются отъ оной безъ всякаго съ ихъ стороны возмездія тѣмъ семьямъ или обществу.

2) Весьма тяжело условіе для исключенія изъ числа работниковъ по болѣзни. Для этого, по ст. 77, нужно или быть слѣпымъ на оба глаза, или не имѣть которой либо руки или ноги, или не владѣть одною изъ нихъ вслѣдствіе перелома или иной болѣзни, пресѣченной дѣйствованиемъ вѣи, и вообще быть расслабленнымъ до неподвижности, и во, если общественное собраніе участка, большинствомъ голосовъ, признаетъ справедливымъ сдѣлать это исключеніе до выздоровленія. Какъ же можно признать работникомъ того, который хотя и не расслабленъ совершенно, но страдаетъ сильною ломотою во всѣхъ членахъ и не можетъ даже ходить безъ помощи другихъ, или имѣть тѣло, покрытое язвами, или одержимъ другими какими либо хроническими болѣзнями, которые не только лишаютъ его возможности быть полезнымъ семейству, но, напротивъ, требуютъ еще ухода за нимъ, — и, наконецъ,

3) Отдѣлъ одного члена отъ семьи дозволяется лишь для вступленія чрезъ женитьбу въ домъ, гдѣ одинъ работникъ, но непременно чрезъ женитьбу. Почему же не дозволить подобнаго отдѣла по случаю усыновленія, а также въ домъ родной матери, которая могла бы приобрести этотъ домъ на собственные деньги, не принадлежащіе семьѣ умершаго ея мужа, или чрезъ вступленіе во второй бракъ? Эти причины законны для отдѣла и должны быть приняты во вниманіе. Если же обратимся къ жеребьевой системѣ, то найдемъ тамъ еще болѣе отсутствія справедливости.

«Основная мысль этой системы, заключающаяся въ томъ, что кому изъ общества слѣдуетъ отправить возложенную на него повинность, должно рѣшить жребій, едва ли можетъ быть признава правильною.

«Если сословіе обязано отправлять какую либо государственную повинность, то справедливость требуетъ, чтобы всѣ члены его участвовали въ этомъ сообразно ихъ средствамъ и чтобы распределеніе повинности было основано въ началѣ разумно. Съ принятіемъ же жеребьевой системы все предоставляется случаю, и семьи, находящіяся совершенно въ одинаковомъ положеніи, болѣею частію отбываютъ рекрутскую повинность неравномерно.

«При распределеніи рекрутской повинности на членовъ общества, могутъ быть только два случая: или повинность эта должна быть возложена на семьи, или на каждого члена отдѣльно, но непременно уже на каждого. Въ первомъ случаѣ, ирѣдемъ къ очередной системѣ, а во второмъ — къ конскрипціи. По вводимой же въ мѣщанскихъ обще-

ствяхъ жеребьевой системы, хотя и призываются къ отправленію повинности всѣ однолѣтніи, но дѣйствительно отправляютъ лишь тѣ, у которыхъ, по выкупу или номеру жеребья, окажутся цифры номеровъ, не превышающія числа требуемыхъ отъ общества рекрутъ, а остальные освобождаются навсегда. Такимъ образомъ, въ самой основѣ этой системы лежитъ неравномѣрность распредѣленія повинности, которая еще рѣзче вымается, если мы посмотримъ, какимъ образомъ тягость повинности разлагается ею на семьи. Дѣйствительно, возьмемъ два семейства, изъ которыхъ каждое состоитъ изъ отца съ тремя сыновьями-однолѣтками, совершенно годными въ военную службу.

Пусть эти семейства будутъ таковы:

а) Мать	42 лѣтъ.	б) Сидоръ	42 лѣтъ.
Его дѣти: Климъ	20 —	Его дѣти: Ома	20 —
— Петръ	18 —	— Кузьма	18 —
— Семень	16 —	— Василій	16 —

«Въ первый объявленный наборъ призываются изъ семьи а) Климъ, а изъ семьи б) Ома. Предположимъ, что Климу достался № 10, и онъ пошелъ въ рекруты, освободивъ, такимъ образомъ, навсегда брата своего Петра отъ призыва къ жребью (*), а Омѣ достался № 40, превышающій требуемое число рекрутъ, и потому онъ остался свободенъ. Черезъ два года призывается изъ семьи б) Кузьма. Допустимъ, что, по вѣзному или номеру жеребья, онъ поступаетъ въ рекруты, освободивъ отъ призыва брата своего Василя. Спустя еще два года будетъ призванъ изъ семьи а) Семень, и если ему достанется одинъ изъ первыхъ номеровъ, что легко можетъ случиться, то тогда, при одномъ и томъ же семейномъ положеніи, изъ одной семьи будетъ взято два рекрута, а изъ другой одинъ. Справедливо ли это? А можетъ случиться, что изъ семьи б) никому не попадутся первые номера, и тогда она не дастъ ни одного рекрута, между тѣмъ, какъ семья а) дастъ двухъ рекрутъ. По очереди системѣ эти семьи несли бы повинность совершенно одинаково.»

Дѣйствительно, въ тѣхъ странахъ, гдѣ срокъ службы не очень длиненъ, какъ во Франціи, предоставленіе жребію рѣшать, что одинъ будетъ нести военную повинность, а другой освобождается отъ нея, не имѣетъ такой тяжелой несправедливости, какъ у насъ, гдѣ срокъ службы остается еще очень длиненъ.

«Какъ въ многорабочихъ семействахъ призываются только молодые люди 20 и 21 года, то сколько нибудь зажиточные мѣщане всегда могутъ избѣгнуть рекрутской повинности, перечисляясь на время въ купечество.»

(*) По правилу жеребьевой системы (ст. 814 § 2 п. 1), если у поступившаго въ военную службу мѣщанина остались сыновья, то старшій сынъ освобождается навсегда отъ призыва къ жребію, а если не осталось сыновей, то льгота эта предоставляется слѣдующему за нимъ брату. *Примѣч. авт.*

«Въ настоящее время, переходъ еще болѣе облегченъ дозволеніемъ и состоящимъ на рекрутской очереди перечислиться въ кунечество. Слѣдовательно, достаточно перечислиться на два года въ кунцы, чтобы избавить своего члена отъ призыва, потому — сейчасъ въ мѣщане, а когда второму члену будетъ 19 лѣтъ, тогда вновь перейдемъ на два года въ кунечество, и т. д.

«Поэтому избавленіе отъ рекрутской повинности каждаго мѣщанина, годнаго къ военной службѣ, обойдется семьѣ рублемъ по сто съ небольшимъ, и затѣмъ вся тяжесть повинности опять падаетъ на бѣдныхъ.

«Всѣмъ въ обществѣ мѣщанамъ, имѣющимъ отъ 18 до 20 лѣтъ, паспорта должны быть выдаваемы только трехмѣсячные. Постановленіе весьма стѣснительное.

«По очередной системѣ, такіе паспорта давались только членамъ семействъ, состоящихъ на первой и второй очереди, рассчитывая по шести такимъ семей на каждую тысячу человѣкъ, что было несравненно легче. Сверхъ того, и во исполненіи набора, по жеребьевой системѣ, должно быть отчислено по 20 человѣкъ на каждую тысячу въ запасные и подставные, которые также должны быть въ теченіе года всегда наготовѣ.

«Воѣ нынѣ причисляемые въ мѣщане, отпущенные на волю и кантонисты получаютъ, по существующимъ законамъ, льготу отъ рекрутства на пять лѣтъ, со времени причисленія ихъ, если первые болѣе 21, а вторые 20 лѣтъ; если же въ настоящее время имѣютъ менѣе 20 лѣтъ, то первые пользуются означенною льготою до 26, а вторые до 25 лѣтъ. Слѣдовательно, кантонисты тогда только будутъ призваны къ жеребью, когда потребуются къ призыву 25-лѣтніе, что случается весьма рѣдко; а отпущенники — когда и сего послѣдняго возраста окажется недостаточно для исполненія набора; если же они изъ дворовыхъ, то имъ дается льгота на десять лѣтъ, со времени отпущенія на волю. А какъ тѣ и другіе, по истеченіи льготнаго времени, вносятся въ рекрутскіе списки и увеличиваютъ счетъ лицъ, за которыхъ общество должно дать рекрутъ, то, слѣдовательно, вступленіе ихъ въ общество весьма обременительно для него, такъ-какъ въ послѣдствіи общество должно будетъ давать за нихъ рекрутъ изъ своихъ членовъ, безъ всякаго за то возмездія со стороны ихъ.

«По § 2 ст. 814. Если членъ семьи поступаетъ по жеребью въ военную службу, то изъ этой семьи освобождается отъ призыва къ жеребью навсегда сынъ или братъ поступившаго; если же нѣтъ у него сына или брата, то никто не изымается. Между тѣмъ, въ 1 пунктѣ къ тому же пункту, изъяснено: «что если отъ семьи самовольно отдѣлится часть ея и за прежде отведенную послугу этою семьею, изъятіе отъ призыва къ жеребью будетъ принадлежать одному изъ членовъ отдѣлившейся части, то право это или вовсе уничтожается, или переходитъ къ одному изъ членовъ той части семьи, которая осталась въ прежнемъ союзѣ, если только эта часть будетъ, по числу ревизскихъ

душъ, болѣе отдаленнойся». Следовательно, въ такомъ случаѣ, можетъ воспользоваться изъятіемъ не только сынъ или братъ, но и другой какой либо родственникъ. Посмотримъ, на чему это ведетъ. Возьмемъ составъ семьи слѣдующій :

Антонъ Ивановъ	48	лѣтъ.
Его сыновья: Петръ	18	—
— Иванъ	12	—
Его племянникъ: Сидоръ . .	20	—
— Антонъ	19	—

«Представимъ, что изъ этой семьи поступилъ въ военную службу Сидоръ, а изъятіе отъ призыва даю Антону, но Антонъ малъ ростомъ и потому въ военную службу негоденъ, слѣдовательно и изъятіе ему не нужно. А какъ двоюродный братъ его Петръ по всему годенъ въ рекруты, то, для избавленія его отъ этой повинности, Антонъ вступаетъ въ сдѣлку съ дядею, который, съ его согласія, объявляетъ душѣ, что Антонъ самовольно отдался отъ семьи, а дума, на основаніи приведеннаго закона, лишаетъ Антона за такой поступокъ даннаго ему изъятія, предоставляя его одному изъ оставшихся членовъ семьи. Възъ законъ и обойденъ по желанію, и, притомъ, самымъ законнымъ образомъ.

«Много бы можно указать и еще подобныхъ послѣдствій этой сдѣлки; но на первый разъ, кажется, достаточно и этихъ.

«Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ свѣдѣній, какими началами руководился составитель этихъ правилъ. Быть можетъ, при этомъ была предвидѣна какая либо цѣль, совершенно отъ насъ скрытая.»

Эта критическая часть статьи не подлежитъ никакому спору. Затѣмъ слѣдуютъ соображенія автора о средствахъ избавить мѣщанскія общества отъ обременительной неравномѣрности по отношению военной повинности. Съ нѣкоторыми изъ нихъ нельзя не согласиться; объ общемъ же характерѣ его предположеній мы выскажемъ свое мнѣніе ниже.

«Кажется, что очередная система, какъ основанная на разумномъ началѣ, поравненно правильнѣе, удобнѣе и легче для обществъ, нежели мерзбевая, которая въ высшей степени обременительна для нихъ и, сверхъ того, предоставляется все рѣшать случаю. Посему, при утратѣ или въ очередной системѣ, если не совершенно, то хотя отчасти, существующихъ въ ней недостатковъ, оставленіе ея въ мѣщанскихъ обществахъ было бы для нихъ величайшимъ благодѣніемъ, что могутъ подтвердить самые общества, если ихъ спросятъ.

«Недостатки эти можно устранить слѣдующими мѣрами:

«Какъ первый и главный недостатокъ состоитъ въ томъ, что повинность рекрутская въ мѣщанскомъ сословіи отправляется за все общество только частію его, а нѣкоторые изъ членовъ вовсе не несутъ этой повинности, то слѣдуетъ также привлечь и ихъ къ общей обя-

занности, а именно: двойниковъ, одиночекъ и лицъ, контъ по суку воспрещено представлять въ военную службу, какъ законодѣрными въ тѣхъ преступленіяхъ, отдѣлать отъ многорабочныхъ и составить изъ нихъ особый рекрутскій участокъ, обложивъ всѣхъ членовъ сего ежегоднымъ денежнымъ платежемъ. Деньги эти должны быть вносимы черезъ выборныхъ въ думу для хранения и своевременнаго употребленія на наемъ охотниковъ и сдачу ихъ въ этотъ участокъ, также и для составленія участковаго рекрутскаго капитала.

«Сборъ этотъ долженъ быть производимъ ежегодно, примѣрно 1 руб. 25 коп. сер. съ души (*). А наемъ рекрутскіе наборы у насъ бывають, кромѣ вѣстранныхъ случаевъ, чрезъ годъ, то получимъ, что на наемъ и сдачу рекрутъ будетъ собрано съ 1,000 душъ въ промежутокъ между двумя наборами въ два года 2,500 руб. Если допустимъ, что, по разнымъ причинамъ, не поступитъ одна пятая сего сбора, то и тогда, предположимъ, что въ каждый наборъ потребуется отъ 5 до 6 рекрутъ съ 1,000 душъ, придется на каждого рекрута отъ 400 до 333 руб. сер., а за вычетомъ 50 руб. въ казну въ счетъ податей за охотника на будущее время, а равно денегъ, слѣдующихъ на сдачу охотниковъ, т. е. вносимыхъ на обмундировку, провіантъ и жалованье, на гербовую бумагу и другіе мелочные расходы по 20 руб. на человѣка, остается еще на каждого рекрута отъ 330 до 283 руб., изъ которыхъ если отдѣлать на наемъ каждого охотника по 250 руб. сер., цѣна, за которую и нынѣ занимаютъ мѣщане, останется еще въ кассѣ въ первомъ случаѣ 400, а во второмъ 80 руб. сер. на каждую 1,000 душъ. Оттого этотъ долженъ составлять особую вспомогательную рекрутскую сумму, въ которую также должны поступать деньги, слѣдующія на каждого рекрута, замѣняемаго кнѣзцемъ, поступившему въ участокъ за мѣщанина, отдавнаго въ военную службу за нерочное поведеніе, по приговору общества, а также и излишекъ сбора, если въ который либо наборъ потребуется рекрутъ меньше противъ предполагаемаго здѣсь. Деньги эти должны быть сохраняемы для пособія участку, какъ при могущихъ быть чрезвычайныхъ наборахъ, такъ и въ видахъ уменьшенія сбора на будущее время, каковое уменьшеніе и предоставить дѣлать общему собранію участка по его усмотрѣнію, а также и для уплаты съ самыхъ немощныхъ семей, съ тѣмъ, чтобы онѣ, при первой возможности, эти деньги возвратили въ кассу. Если же по времени исполненія набора участокъ не представитъ столько охотниковъ, сколько съ него слѣдуетъ рекрутъ, то брать ихъ натурою изъ одиночекъ, выдавая поступившему за участокъ деньги, слѣдующія охотникамъ по расчету, и отдавать поступившихъ въ военную службу вслѣдствіе всего изъ участка, какъ по

(*) Еще бы правильнѣе было, если бы рекруты брались съ общества не по числу равнскихъ душъ, а по числу наличныхъ работниковъ, и сборъ рекрутскихъ денегъ былъ разлагаемъ также на работниковъ. Можно положить и по 1 руб., ибо теперь, когда дѣла службы убавлены, стали начинаться за 150 и за 200 руб.

из-за этого подлей, так и по отправленію рекрутской повинности, навсегда; а дабы количество рекрутов востановилось бездомночно, то развешать слѣдующій порядокъ: въ первый мѣсяцъ, по окончаніи истекшаго набора, всѣхъ одиночекъ, исключая единственныхъ сыновей при матеряхъ, вдовцовъ при бабахъ и единственныхъ работниковъ въ семьяхъ, гдѣ есть хотя одинъ малолѣтокъ или вышедшій изъ глѣзъ работникъ, призывать къ выкупу жеребья для исполненія будущаго набора, и изъ вышедшихъ первые номера отчислять на каждую 1,000 душъ по 12 номеровъ, т. е. по 6 для исполненія набора и по 6 въ подставные и запасные, при чемъ относительно годности ихъ къ военной службѣ сообразоваться съ правилами, подлежащими въ наставленіи солдатикамъ. Если какой-нибудь одинокъ изъ первыхъ жеребьевыхъ номеровъ окажется негоднымъ, то записать его слѣдующимъ номеромъ и, въ то же время, составить жеребьевый списокъ. Призывъ этотъ дѣлать по возрастамъ, согласно правиламъ жеребьевой системы, то есть начиная съ 20-лѣтняго возраста; если же въ обществѣ будетъ такъ мало одиночекъ, что неостанетъ ихъ для исполненія предстоящаго набора, то тогда призывать изъ двойниковъ прежде тѣ семьи, гдѣ два брата, а потомъ — гдѣ дѣда съ племянниками, при чемъ призываются преимущественно такія семьи, въ которыхъ нѣтъ малолѣтнихъ.

Наемъ охотниковъ предоставить дѣлать самимъ призваннымъ къ жеребью, которые и заключаютъ съ нимъ условія, при посредствѣ выборныхъ отъ участка. Предварительно заключенія условія, охотникъ долженъ быть засвидѣтельствованъ въ годности къ военной службѣ, или въ губернскаго рекрутскаго присутствія, или въ общемъ присутствіи думы, при участіи городового врача, съ тою же ответственностію лишь, его свидѣтельствующимъ, каковая возлагается на членовъ рекрутскаго присутствія, при чемъ охотникъ получаетъ 75 р. сер. изъ массы участка. Не если и за сѣмъ охотникъ, во время набора, окажется негоднымъ, то долженъ идти самъ жеребьевый; равнообразно онъ долженъ идти и тогда, когда не принцетъ за себя охотника. Но, въ обѣихъ этихъ случаяхъ, онъ получаетъ отъ участка тѣ деньги, которыя ему слѣдовало на наемъ охотника, за вычетомъ, въ первомъ случаѣ, штрафа, выданнаго непринятому охотнику.

Можно надѣяться, что, при означенномъ вознагражденіи, охотники всегда найдутся, а одиночки, тѣмъ болѣе двойники, весьма рѣдко будутъ отправлять рекрутскую повинность по доставшемуся имъ жеребью, ибо если наемъ имѣта современенъ и увеличится сравнительно съ шибшимъ, то за назначеніемъ въ пособіе отъ общества 250 р. сер. каждому жеребьевому облегчающаго средства найма, и они будутъ призывать охотниковъ заблаговременно.

Тѣ лица, которыя будутъ записаны охотниками, никогда не призываются уже къ жеребью.

Весьма полезно бы было постановить, чтобы изъ числа денегъ, слѣдующихъ охотнику или жеребьевому, половина вносилась въ банкъ на его имя, но съ тѣмъ, что онъ не иначе можетъ ихъ получить, какъ

но выкодѣ въ отставку; другую же половину выдвѣвать ему на руки, а именно 75 р. сер. при заключеніи условія и 50 р. не приняты въ рекруты. Въ случаѣ смерти такого солдата на службѣ, деньги, внесенныя на его имя, выдвѣвать его дѣтямъ и женѣ. Если же ихъ нѣтъ, то обращаться въ резервную кассу того участка, за который онъ поступилъ.

«Дозволить иждивамъ, состоящимъ въ денежномъ участкѣ, избирать изъ среды себя выборныхъ, которые должны заботиться какъ о своевременномъ взносѣ рекрутскихъ денегъ въ участкѣ, такъ и о трамплинѣ ихъ; они же, какъ выше сказано, обязаны содѣйствовать жеребьевкѣ къ заключенію условій съ охотниками и представлять ихъ въ присутствіе думы для осмотра.

«Въ участкѣ многорабочему оставить существующую нынѣ очередную систему; но тѣ семьи, въ которыхъ, по дошедшей до нихъ очереди, не окажется ни одного члена, годнаго въ рекруты, по какому бы то ни было причинамъ, сносить тотчасъ же въ участокъ денежный, облагая ихъ платежемъ, наравнѣ съ прочими, по 1 р. 25 к. въ годъ съ каждой души.

«Примечаніе. Дозволить и многорабочему участку ввести у себя иппотекъ-своенный порядокъ сбора рекрутскихъ денегъ для найма охотниковъ за очередными семьями, съ тѣми напѣвленіями, какія будутъ общими его собраніемъ признаны полезными. Въ такомъ случаѣ, семья, въ коихъ, по дошедшей очереди, не окажется годныхъ въ военную службу, не сносить въ участокъ дѣшниковъ и одиночекъ.

«Дозволить обществу входить въ разсмотрѣніе возможности тѣхъ семействъ, съ коихъ слѣдуетъ взять рекрута, и если болышинствомъ голосовъ участка будетъ признано необходимымъ, для приближенія устройства семьи, освободить ее навремя отъ дачи рекрута, то кодавайствовать о томъ чрезъ думу у начальника губерніи или представлять на разсмотрѣніе казенной палаты, смотря по тому, какой путь правительствомъ признаеть лучшимъ. Объ освобожденныхъ семьяхъ должны быть составлены каждый наборъ приговоры, и когда общество признаеть возможнымъ взять изъ нихъ рекрута, тогда брать безостановочно.

«Какъ въ каждомъ полку есть нестроевыя роты, въ которыхъ требуется отъ солдата лишь хорошее здоровье, то было бы весьма полезно дозволить принимать малорослыхъ, не совершенно здоровыхъ, хотя на 10 рекрутъ одного. Возможность этого вида уже изъ того, что и нынѣ принимаются въ военную службу, отъ волынскихъ безъ зачета за рекрутъ, люди, имѣющіе ростъ, не превышающій 2 арш. 2 вершк., а при чрезвычайныхъ наборахъ допускается принимать въ зачетъ въ 2 арш. 3 вершка. Возможность этого доказывается тѣмъ, что въ полкахъ всегда были малорослые кантонисты, которыхъ теперь уже не будетъ.

«Какъ нынѣ срокъ службы солдата продолжается только 15 лѣтъ, то весьма полезно бы было предоставить короткимъ и неоконченнымъ солдатамъ, по выслугѣ этого срока, оставаться на второй срокъ въ ка-

честнѣ охотника, съ тѣмъ, что деньги, слѣдующія рекруту, котораго онъ замѣняетъ, общество обязано выдавать уже въ пользу солдата, остающагося на вторичную службу, а квитанцію выдавать тому мѣщанскому обществу, изъ котораго онъ поступилъ; если же это общество не будетъ имѣть нужды въ зачетной квитанціи, то она передается въ другія общества той же губерніи за ту же плату. Это еще удобопримѣнимѣе было бы, если бы срокъ службы солдатъ былъ сокращенъ до 10 лѣтъ.

«Выдача пособія отъ общества жеребьевымъ одиночкамъ для наипа за себя охотниковъ дастъ возможность посылать войска охотниками, которые, конечно, будутъ служить лучше, нежели вступившіе въ службу противъ ихъ желанія; уменьшится число укрывающихся отъ рекрутства и вовсе исчезнетъ ужасный порокъ — членовредительство.

«Солдаты, при выходѣ въ отставку, не будутъ въ тягость тому обществу, среди коего поселатся, ибо положенныя на имя ихъ въ банкъ деньги — не менѣе 125 руб. — составятъ съ $\frac{1}{2}$ за 15 лѣтъ сумму, достаточную для устройства ихъ, при водвореніи на новомъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что почти всѣ они, послѣ 15-лѣтней службы, будутъ еще крѣпки и годные работники. Возвратъ солдата въ семью будетъ не обремененіе, а помощь ей, и народъ отвыкнетъ смотрѣть на рекрутскую повинность съ тѣмъ ужасомъ, съ какимъ смотрѣть теперь.

«Кажется, полезнѣе всего было бы предоставить каждому мѣщанскому обществу руководствоваться жребьевой или очередной системою по его выбору. Такии образцы, выработавшяся бы изъ среды самихъ управляющихъ повинность болѣе удобная для нихъ система; правительство же оставило бы за собою лишь право требовать отъ нихъ поставленія нужнаго числа рекрутъ.»

Читатель замѣтитъ чрезвычайную упрѣнность плана, предлагаемаго авторомъ статьи, и г. Волковымъ. Оба они ограничиваются примѣненіемъ, своей системы на первый разъ лишь къ податному сословію городскихъ обывателей, составляющему менѣе одной десятой части въ массѣ податныхъ сословій, несущихъ рекрутскую повинность. Быть можетъ такую скромность объема предлагаемой реформы слѣдуетъ назвать практичнымъ благоразуміемъ въ частныхъ лицахъ, предлагающихъ ее. На само собою разумѣется, что если разсматривать дѣло въ коренныхъ его основаніяхъ, то не найдется причинъ дѣлать по отношенію къ рекрутской повинности разницу въ правилахъ для городского и для сельскаго податнаго населенія. Что касается до неудобствъ очередной и жеребьевой системъ, доводы, которые выставлены въ прочтенныхъ нами мысляхъ относительно мѣщанъ, вполне примѣняются и къ поселнякамъ. А на сколько удобно введеніе предлагаемой системы въ мѣщанскихъ обществахъ, на столько же удобно оно и въ сельскихъ, — или въ сельскихъ обществахъ оно еще легче.

Масса мѣщанъ не превосходитъ своими средствами къ уплатѣ предлагаемаго сбора массы поселенъ, а, напротивъ, даже уступаетъ ей въ этомъ отношеніи. Слѣдовательно, если можно установить предлагаемый способъ отправленія рекрутской повинности у мѣщанъ, можно установить его и у поселенъ. Преимущества его надъ обоими существующими способами очевидны. Имъ въ очень значительной степени уменьшалась бы нынѣшняя неравномѣрность.

Но все-таки она уменьшалась бы, а не вполне отстрадалась бы и при новомъ способѣ, — нѣтъ, далеко не вполне. Совершенно отстрадалась бы она при немъ лишь въ томъ случаѣ, когда бы число охотниковъ оказывалось не меньше количества требуемыхъ рекрутъ и затѣмъ уже не оставалось бы надобности въ требуемое число брать никакихъ другихъ рекрутъ ни по жребію, ни по очереди. Ожидать этого трудно. Расчитываютъ, что въ нынѣшнемъ вѣкѣ число рекрутъ, взятыхъ съ cadaго поколѣнія податныхъ сословій, состояло около 4-й части всего числа людей мужескаго пола, достигавшихъ совершеннолѣтія. Конечно пельзя ожидать, чтобы число охотниковъ стало простираться до четвертой части населенія, — а если пропорція охотниковъ меньше, то при подобномъ размѣрѣ наборовъ часть рекрутъ должна будетъ ставиться по очереди или жребію. Конечно, если примѣнить предлагаемую систему къ однимъ мѣщанскимъ обществамъ, дозволивъ имъ нанимать охотниковъ изъ всѣхъ податныхъ сословій, то для отправленія рекрутской повинности одного городского населенія быть можетъ и окажется достаточнымъ количество охотниковъ, доставляемое всею массою податныхъ сословій. Но если предположить распространеніе предлагаемаго плана на всѣ податныя сословія, то большая часть рекрутъ все-таки будетъ не изъ охотниковъ, а изъ людей, подвергающихся отправленію повинности по жребію или очереди.

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА.

Орель, марта 30, 1861 г.

Городъ Орель, какъ извѣстно, построенъ очень недавно. Не свѣряясь съ лѣтописями, — да это и не подходитъ къ моей задачѣ, — я разскажу исторію города Орла по здѣшнимъ изустнымъ сказаніямъ; впрочемъ, у насъ есть подъ руками «Исторія города Орла», написанная здѣшнимъ мѣщаниномъ Дмитріемъ Ивановичемъ Басовымъ въ 1837 году, а какъ она составлена тоже по изустнымъ преданіямъ, то я буду пользоваться и этою «исторіею».

По преданіямъ, до времени Ивана Грознаго за литовскими набѣгами, до самой Орлы (Орешка), никакихъ поселеній не было; а какъ Грозный сталъ строить много городовъ, то по благословенію московскаго митрополита Макарія *Богослова*, въ 1565 году былъ построенъ и Орель. Говорятъ, что при впаденіи рѣки Орлика въ Оку, на правомъ берегу Орлика, гдѣ теперь стоитъ церковь Богоявленія, росъ большой дубъ, а на томъ дубѣ водились Орлы; поэтому рѣка назвалась Орлой, а городъ Орломъ. Едва городъ сталъ населяться, какъ наступили смуты: явились самозванцы. Въ исторіи г. Басова объ этомъ времени такъ сказано: *«Грѣши ради нашихъ, по повелѣнію Божію, былъ глады въ Роводе три лета; въ то время поволился въ польскою королевствѣ самозванецъ, по имени Гришка Отрепьевъ, назвалъ*

ся царевичем Дмитріемъ, и обольстили короля и вельможъ, которые ему, Отрепьеву, и попырили, и далъ ему король войска...

Самозванецъ Гришка Отрепьевъ, или Гришка-Разстрижка, какъ зоветъ его народъ, съ королевскимъ войскомъ пошелъ на Москву и въ Брянскѣ былъ встрѣченъ царскимъ войскомъ; но царское войско, вмѣсто отпора, цаловало крестъ Гришкѣ-Разстрижкѣ. И стало у Разстрижки много войска: всѣ войска съ двухъ царствъ — со всего царства русскаго и со всего королевства польскаго. Сталъ Гришка-Разстрижка въ Брянскѣ и послалъ, какъ и заправскіе царскіе указы и въ Москву, и Тулу, и въ Рязань, и въ Калугу, и въ Орловское Городище; а указъ написалъ такой: «всѣ знай: я Гришка-Разстрижка—царевичъ Дмитрій; а Борисъ Годуновъ, всѣхъ бояръ, народъ надулъ! Онъ самозванецъ, а я настоящій царь», и всѣ города во всей Россіи цаловали Разстрижкѣ крестъ; только одинъ городъ—Орловское городище, не сталъ цаловать ему креста: для того,—царскій братъ родной Иванъ Ѳедоровичъ Годуновъ былъ здѣсь воеводою; онъ и укрѣпилъ народъ здѣшній своему брату царю Борису Годунову. Тогда Гришка со всѣми своими полками бросился на Орелъ и всѣхъ гражданъ казнилъ и перевѣшалъ, а которые остались въ живыхъ, тѣхъ разослалъ по разнымъ городамъ (*).

Послѣ того Гришка пошелъ на Москву; на Москвѣ сперва-наперво онъ всѣхъ прельстилъ; ну, да скоро дознались до подлиннаго, что Разстрижка точно Разстрижка, а не Дмитрій царевичъ; какъ скоро признали его Гришкой-Разстрижкой, такъ и убили его шельмеца, какъ собаку.

Убили Гришку, проявился другой самозванецъ, Петрушка (**) Болотниковъ; этотъ Петрушка Болотниковъ собралъ шайку бродягъ, всякой сволочи, къ нему пристали и бояре... только не всѣ, а много таки бояръ пристало; тогда Петрушка Болотниковъ бросился на Орелъ, и сталъ изъ Орла указы посылать; а когда стали тѣхъ указовъ слушать, онъ перешелъ въ Калугу, *идѣ и убѣгъ бытовъ*, и вся та сволочь, татары, какіе съ нимъ были, крымскіе, нагайскіе, бросились во разнымъ городамъ и стали города жечь, и Орелъ городъ весь выжгли до послѣдняго двора.

Послѣ всего этого, выбранъ былъ царемъ на русское царство Михайло Ѳедоровичъ Романовъ; а поляковъ изъ Москвы выго-

(*) Въ исторіи г. Васова сказано: что это было въ 1602 году, и хотъ ему сказывалъ столѣтній старецъ за вѣрное, но должно быть ошибся: самозванецъ появился въ московскомъ царствѣ только въ сентябрѣ 1604 года.

(**) Болотникова, сподвижника втораго самозванца, звали Иваномъ.

вѣтъ стали, тѣ бросились къ Орлу и остановились на рѣкѣ Орликѣ, на Царевомъ Броду; тогда царь Михайло послалъ на нихъ князя Померскаго и гражданина Минина, которые ихъ вывели на кремлевую дорогу, а потомъ послали ихъ къ Оку. Поляки отошли отъ тому мѣсту, гдѣ рѣка Цава впадаетъ въ Оку, версты за 10 отъ Орла, и построили себѣ городокъ; этотъ городокъ и теперь виденъ, прозывается онъ Лиевонскимъ курганомъ; ну, только князь Померскій и оттуда ихъ выгналъ и они бросились къ Кромамъ. Тамъ ихъ отбилъ воевода и въ Кромы не пустилъ; поляки — къ Болхову, и тамъ ихъ дѣдо не подошло; они побѣжали къ городу Бѣлеву, тамъ ихъ князь Цокарскій и гражданинъ Мининъ и порѣшили!

Когда поляковъ не стало, народъ весь усмирился; царь Михайло, благословясь у своего роднаго батюшки Филарета Никитина, патриарха московскаго, приказалъ срубить въ память убиенныхъ деревянную церковь во имя Введенія Божіей матери (*), и въ 1636 году срубили церковь уже на лѣвомъ берегу Орлика и стали опять строить городъ; сперва, говорятъ, было только пять дворцовъ (**), и всѣ пять избушекъ стояли лицомъ къ рѣкѣ Орлику, а на старомъ мѣстѣ были огороды и видѣлись кое-гдѣ отъ стараго города развалины.

Городъ сталъ строиться на правомъ берегу Орлика; съ полверсты выше стараго мѣста были построены воеводскія палаты и соборная церковь; на правомъ берегу Оки почти не было строеній, и въ концѣ Ильинки (***) или на Новосельской улицѣ стоялъ глаголь (Г), на этомъ глаголѣ людей вѣшали; на этомъ мѣстѣ въ настоящее время, какъ говорятъ, 3-й части сѣвѣннй домъ стоитъ и питьевая контора; но только или было вѣсколько глаголей, или онъ переносился на разныя мѣста; такъ г. Басову рассказывала старуха, что «житель города Орла Иванъ Федоровичъ Давыдовъ, за разные его нехорошіе поступки и за бродяжничество, и тутъ же за воровство, былъ повѣшенъ на глаголь; глаголь стоялъ за Орликомъ (на лѣвомъ берегу Орлика), здѣ теперь старый Окуловъ домъ».

— Мы стояли, говорила старуха: — съ этой стороны (на правой) у самаго берега и все было видно; да и тѣнь-то въ водѣ видна была; все было видно: какъ рвался-то, какъ метался, какъ кричалъ... а повѣсили его за ребра.

— А давно это было?

(*) При этой церкви былъ послѣ женскій монастырь, который теперь переведенъ къ церкви Рождества Богородицы.

(**) Уменьшительное отъ слова дворецъ, то есть дворчишко.

(***) Площадь, на которой теперь базаръ.

— А какъ придетъ Нугачеву, передъ тѣмъ временемъ: передъ са-
мой нугачевщиной; тогда за царя была у насъ царица Катерина Алек-
сѣевна. Еще должно сказать, что около Никитской церкви, среди
дѣсу, стоялъ убогій домъ, куда зимой спосили мертвыхъ изъ бѣд-
ныхъ семействъ, гдѣ они лежали до вторника Фоминой недѣли; въ
этотъ день сходился народъ изъ города и изъ деревни, торжествен-
но хоронили всѣхъ, и въ этотъ день, по рассказамъ стариковъ, бы-
вала значительная ярмарка.

О постройкахъ церквей, часовенъ, воеводскихъ домовъ я гово-
рить не буду; я думаю для вашихъ читателей, незнающихъ положен-
ія Орла, это незанимательно; да и для самыхъ жителей орловскихъ
это описаніе лишено бы было большей части интереса, такъ какъ
нынешній Орелъ *по плану произведенъ*, всѣ улицы переименованы,
зданія, церкви перенесены на другія мѣста, и на бывшій, только-
что рождавшійся Орелъ, совсѣмъ не походить; а потому и расскажу
нѣсколько историческихъ воспоминаній города Орла.

Изъ историческихъ лицъ здѣсь болѣе всѣхъ помнятъ Петра Пер-
ваго; рассказываютъ, что онъ проѣзжалъ черезъ Орелъ; черезъ Оку,
его перевозили на паромѣ (тогда моста на Окѣ во все лѣто не
строили).

Сперва перевозили самого императора, а тамъ поѣхали за его
бричкой что ли, коляской ли, — не знаю, какъ назвать, такъ говорилъ
мнѣ батюшка, бричечка безъ ресоръ, говорилъ мнѣ одинъ старикъ.
Пока привезли царскую коляску съ того берега, царь стоялъ на этомъ
берегу, и дарю подвесилъ вмѣсто хлѣба-соли—блюдо малины; и сто-
ялъ онъ на берегу, говорятъ, такой суровый, строгій.

Замѣчательно, что Петръ Первый здѣшнимъ народомъ прила-
гается, часто вовсе не къ мѣсту, ко многимъ пѣснямъ, даже и не
историческимъ; такъ въ пѣсни о смерти генерала здѣсь поютъ:

Царя Бѣлаго гусары
Петра Перваго...

Или про татарскій полонъ:

Отпусти меня
На святую Русь,
Въ свою сторону,
Къ императору
Къ Петру Первому.

Собственно же пѣсенъ, относящихся къ Петру Первому, ни въ
Орлѣ, ни въ Орловской губерніи, я не слыжалъ ни одной, хотя и по-

лишь его; тамъ о вышеописанномъ предѣлѣ его черезъ Орелъ разсказываютъ, что Петръ ѣхалъ на *Бреславское Полтавское* ораменіе; основаніе Пушкарской и Стрѣлецкой слободъ также приписываютъ (что и достоверно) петровскимъ преобразованиямъ, впрочемъ мало уважая эти преобразованія. Рассказываютъ, что пушкари московскіе забунтовали противъ Петра, Петръ и велѣлъ ихъ переселить по разнымъ городамъ; которыхъ прислали въ Орелъ, тѣхъ поселили особой слободой, и стала та слобода прозываться Пушкарской; послѣ дознался Петръ, что съ пушкарями вмѣстѣ за одно были и стрѣльцы; онъ и стрѣльцовъ разбилъ по разнымъ тоже городамъ; переселенные въ Орелъ—поставили подъ Орломъ Стрѣлецкую слободу.

Въ прежне время, да не такъ еще давно, кругомъ всего города Ора стоялъ лѣсъ, только за Богоявленіемъ и сѣяли хлѣба, а то все лѣсъ; старики, которые есть еще, помнятъ здѣшнія лѣса, помнятъ и жителей тѣхъ лѣсовъ — страшныхъ разбойниковъ. Про злодѣйства ихъ и теперь рассказываютъ со страхомъ.

— Здѣсь кругомъ версть на сто, а то и на другое сто—все лѣса были, говорилъ мнѣ здѣшній старожила:—лѣса были дремучіе, а въ тѣхъ лѣсахъ не столько звѣря было дикаго, сколько разбойниковъ. Недаромъ орловцевъ зовутъ «проломленные головы», а то и другая поговорка есть: «Орелъ да Кромь, — старинные воры; Ливны всѣмъ ворами дивны; Елецъ всѣмъ ворами отецъ; да и Карачевъ на поддачу!...» Значитъ, всю губернію похвалилъ! И какихъ воровъ не было!.. Вотъ, слыхалъ ты, къ примѣру взять, Рытикъ Оедька — чего чего онъ ни дѣлалъ! Поймаютъ его, засадятъ его въ острогъ, суютъ руки ему, ноги, а онъ напшетъ угольками на стѣнѣ лодку, плеснетъ на лодку водой, сядетъ въ лодку со всѣми острожными да и поплыветъ куда ему надо! Сколько разъ его ловили, сколько разъ онъ пропадетъ да и пропадетъ изъ острога! Наслыу догадались: какъ попросить пить, такъ дадутъ квасу, а воды хоть распросишь — ни ложки... ну, и извели. А то еще былъ Кудеяръ; тотъ, гдѣ-гдѣ не разбойничалъ! и къ Калугѣ, и къ Тулѣ, и къ Рязани, и къ Бѣлцу, и къ Воронежу, и къ Смоленску—ездѣ побывалъ, ездѣ свои станы разставлялъ, и много кладовъ позарылъ въ землю, да все съ проклятійми: страшный колдунъ былъ. И какою поганой силой владѣлъ: раскинетъ на берегу рѣчки, озера, такъ каюго ручья, раскинетъ полушубокъ или свиту, и ляжетъ спать; однимъ глазомъ спитъ, другимъ сторожить, нѣтъ ли погоня гдѣ; правый глазъ заснулъ, лѣвый сторожить: а тамъ лѣвый спит, правый сторожитъ,—такъ въ перемѣну; а какъ завидитъ гдѣ сыщиковъ, вскочитъ на ноги, броситъ на воду полушубокъ, на чемъ спалъ, и станетъ тотъ полушубокъ на полушубокъ, а лодка съ веслами; сядетъ Кудеяръ въ ту лодку — и поим-

най какъ звали... Тамъ и издохъ своей смертью, — никакъ изловить его не могли, какъ тамъ ни старались.

— Давно онъ жилъ?

— Давно! Видишь ты: въ Брянскѣ прошла Десна рѣка, за Брянскомъ дальше Десна рѣка, до Кудеяра все прямо текла, а при Кудеярѣ луку дала.

— Какъ луку дала?

— А вотъ, какъ: сперва шла прямо, а послѣ крюкомъ пошла, крюкомъ выгнулась.

— Отчего же Десна луку дала?

— Вотъ отчего: на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь лука, это былъ дремучій лѣсъ, и въ томъ лѣсу Кудеяръ притонъ имѣлъ, а въ томъ лѣсу на самомъ берегу на Деснѣ стоялъ дворышко, или два, — такъ выселочекъ небольшой. Въ этомъ выселкѣ жилъ мужикъ степенный, мужикъ настоящій, и велъ онъ порядки по-Божьи: людей не забивалъ, дурными дѣлами не занимался, и была у него дочь прекрасавица-красавица, и полюбилась она этому Кудеярищу—разбойнику; у хорошаго мужика дѣвка-дочь не зашалитъ, да и дѣвка-то не такая была, чтобъ прельститься на разбойника. Кудеяръ и такъ и сякъ—все его дѣло не выгораетъ! Захотѣлъ Кудеяръ дѣвку сликомъ захватить. Присмотрѣлъ онъ пору-времячко, когда отецъ съ матерью на работу что ли пошли, на крестины ли къ кому, — только во всей избѣ однимъ одна эта дѣвка осталась. Глядитъ дѣвка въ окно, видитъ, Кудеяръ въ избу идетъ; та двери на запоръ и сидитъ ни жива, ни мертва... Сталъ Кудеяръ въ двери стучаться.

— Что тебѣ надо? спрашиваетъ дѣвка: — зачѣмъ пришелъ?

— Пусти, говоритъ Кудеяръ: — надо.

— Да что надо-то?

— А мнѣ тебя надо: съ собой хочу взять, — долго я этого времени дождался! Отвори скорѣй!

— Не отворю, говоритъ дѣвка: — ступай, разбойникъ этакой, ступай откуда пришелъ!

— А не хочешь волею, рыло воротить, такъ силою заставлю полюбить!

Какъ сказалъ эти слова Кудеяръ—и сталъ двери ломать; а дѣвка, сама не своя, схватила икону Пресвятой Владычицы Богородицы, что въ переднемъ углу стояла, — схватила да въ окно и вышвырнула; не успѣла дѣвка выскочить въ окно, какъ Кудеяръ разломалъ двери и въ избу смотритъ, а въ избѣ никого нѣтъ. Глядь въ окно: видитъ дѣвка къ рѣчкѣ Деснѣ бѣжитъ; онъ за ней въ догонку побѣжалъ; дѣвка отъ него, онъ за ней; совсѣмъ ужъ было догналъ, только дѣ-

ка подбѣжала къ Деснѣ и стала молиться: «Матушка, Пречистая Богородица! Матушка, Десна-рѣка! не сама я тому виною, — пропадаю отъ злаго челоуѣка!» — Сказала тѣ слова и бросилась въ Десну-рѣку; и Десна-рѣка тотъ же часъ на томъ мѣстѣ пересохла и въ сторону пошла, луку дала, такъ-что дѣвка стала на одномъ берегу, а Кудеяръ, разбойникъ, очутился на другомъ! Такъ Кудеяръ никакого зла и не сдѣлалъ; а другіе говорятъ, что Десна какъ кинулась въ сторону, такъ волною-то самого Кудеяра захватила да и утопила.

— А еще про старинныхъ разбойниковъ, про кого народъ здѣсь не рассказываетъ?

— Да народъ болтаетъ еще про нава Врему.

— Что, попъ Ерема тоже былъ кодушъ?

— Нѣтъ, какъ попу можно! попъ престомъ!

Орелъ, апрѣль 2.

Рассказываютъ еще про разбойниковъ Сироту Зерина или Зельнина; Сирота звѣрства не дѣлалъ, больше мошенничалъ; его нѣсколько разъ ловили, кажется, разъ двѣнадцать, и онъ каждый разъ находилъ способы уходить изъ острога. Говорятъ, что входа, пойманнѣй, въ судъ, онъ обращался къ судьямъ съ слѣдующею рѣчью:

«Господа судьи! вы меня поберегите, я васъ поберегу, такъ-то хорошо будетъ и вамъ и мнѣ!»

И въ самомъ дѣлѣ выходило хорошо и судьямъ и Сиротѣ: онъ указывалъ на богатыхъ мужиковъ, какъ на своихъ сообщниковъ, тѣхъ привозили въ судъ, брали съ нихъ все, что могли, потомъ сводили на очныя ставки съ Сиротой; на очныхъ ставкахъ Сирота отпирался, что онъ того челоуѣка знать не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ. Наконецъ онъ былъ окончательно пойманъ и, кажется, сосланъ въ Сибирь. Разбойничалъ онъ очень недавно: дѣтъ тридцать тому назадъ, проживалъ около Липовицы дѣтъ двѣнадцать, и несмотря на то, что онъ почти ни отъ кого не скрывался, его никто не рѣшался поймать: всѣ знали, что изъ суда Сироту выпустятъ, а Сирота подѣ краснаго цѣтуха подпуститъ. Про пожаръ и вспоминать страшно; пожаръ, по поговоркѣ, хуже всякаго вора: воръ хоть стѣны оставитъ, а пожаръ и стѣны не оставитъ.

Сирота сложилъ пѣсню, которую и теперь всю можете услышать въ Орловской губерніи. Вотъ эта пѣсня:

Сирота-ли, Сирота,
Ты сиротушка!
Сиротецъ, удалецъ
Горе — вдовкинъ сынъ.
Да ты спой, сирота,

Съ гора нѣсшу!
 — «Хорошо нѣси нѣтъ,
 Да побѣдаши;
 Я и я ли молодець
 Легъ не ужиналъ,
 По утру рано всталъ,
 Да не завтракалъ;
 Да плохой былъ обѣдъ,
 Коли хлѣба нѣтъ!
 Нѣтъ ни хлѣба, нѣтъ ни соли,
 Нѣтъ ни кислыхъ щей.
 Я пойду ли, молодець,
 Съ гора въ темный лѣсъ,
 Я ерублю-ли, молодець,
 Я иглочку!
 Я иглочку, я дубовую
 Да я ниточку
 Я нивую!
 Хорошо иглой шить
 Подъ дорогой жить:
 Ужь и разъ-то я стебнулъ
 Да я сто рублей,
 А другой то разъ стебнулъ
 Да я тысячу.
 А какъ третій разъ стебнулъ—
 Казны смѣты нѣтъ!»
 Сирота ты, Сирота!
 Ты сиротушка,
 Гдѣ твоя казна?
 — «А моя, братцы, казна
 Во сиромъ бору
 Подъ сосною;
 Подъ сосною
 Подъ земною!»

Про Зельнина рассказываютъ, что онъ разъ зарѣзалъ женщину въ лѣсу ни за грошъ.

Шла черезъ лѣсъ беременная баба, на встрѣчу той бабѣ Зельнинъ разбойникъ.

- Здравствуй, баба! говоритъ Зельнинъ.
- Здравствуй, батюшка.
- Узнала ты, баба, меня?
- Нѣтъ, кормилецъ, не признала.
- Я Зельнинъ!

Баба тихъ и обмерла, да въ ноги.

— Батюшка! у меня ничего нѣтъ; возьми одежду, какая есть; отпусти, пожалуйста; не меня однупустишь, —пустишь еще душу; душу, что у меня въ утробѣ: я беременна.

— Давно я искалъ беременной бабы.

— Да на что жь тебѣ, родимый, беременная баба? говорить, перепугавшись, та баба.

— А посмотрѣть, какъ младенецъ въ утробѣ своей матери сидитъ, какъ онъ тамъ находится.

— Батюшка! кормилецъ!...

— Да что толковать!

Хватилъ Зельнинъ бабу въ брюхо, пропоролъ животъ бабѣ, да и сталъ смотрѣть, какъ лежитъ младенецъ въ утробѣ своей матери, а на бѣду его, въхаль обозъ, — ну, и застали молодца на дѣлѣ; скрутили руки назадъ, да въ острогъ!...

Приходилъ народъ въ острогъ, спрашивали у Зельнина: «какъ младенецъ во чревѣ своей матери сидитъ? Какъ онъ тамъ находится?»

— Вотъ такъ! скажетъ Зельнинъ, и скорчится: показываетъ, какъ младенецъ сидитъ; скорчится, засмѣется—и пойдутъ его корчи ломать, ломать самого Зельнина; и до самой смерти сидѣлъ Зельнинъ въ острогѣ, какъ помѣшанный. А и смерть его была не легкая: судъ присудилъ Зельнина повѣсить.

Когда сказали Зельнину, что судъ присудилъ, то онъ только засмѣялся, какъ будто это дѣло несбыточное.

— Ну, это еще посмотримъ, говоритъ Зельнинъ: — кто кого повѣсить: или меня, Зельнина, валачь Камчатниковъ, или я, Зельнинъ, того палача Камчатникова!

Въ то время палачомъ въ Орлѣ былъ орловскій мѣщанинъ Камчатниковъ. Услыхалъ Камчатниковъ про похвалу Зельнина.

— Ну, говоритъ, посмотримъ! Богъ не выдастъ, говоритъ по словица, свинья не съѣстъ!

А зналъ Камчатниковъ, что Зельнину трехъ здоровыхъ мужиковъ на одну руку было мало.... Зельнинъ силачемъ по всему городу славъ.

Пришло время Зельнину расплачиваться за свои тяжкіе грѣхи; сперва повели его въ церковь, исповѣдали, причастили святыихъ таинъ; послѣ дали въ руки толстую желтаго воску свѣчу и повели на висѣлицу его за большимъ карауломъ; какъ ни хвастался Зельнинъ своей силой, а пришло дѣло къ расправѣ, задрожалъ... пока дошелъ

изъ церкви до висѣлицы, — всѣ руки востомъ валишь! Принимъ къ висѣлицѣ, завели его на рундукъ, который былъ поставленъ спереди висѣлицы... а народу собралось весь городъ: самъ воевода прѣхалъ смотрѣть, какъ палачъ Камчатниковъ будетъ съ Зельнинымъ поступать.

Когда взвели Зельнина на рундукъ, Камчатниковъ, не трогая еще Зельнина, закричалъ громкимъ голосомъ:

— Господинъ воевода! прикажи мнѣ надъ нимъ свою волю взять!

— Когда онъ тебѣ даденъ въ руки, отвѣчалъ воевода: — то воля твоя съ нимъ, какъ хочешь!

Тогда Камчатниковъ вынулъ изъ кармана припасенную веревочку, сложилъ Зельнину руки, ладонь къ ладони, пальцы къ пальцамъ, и перевязалъ ему пальцы по парно, потомъ надѣлъ ему на голову шнурокъ, а послѣ петлю и толкнулъ его съ рундука. Зельнинъ рванулся всей силой, — думалъ веревку перервать: тогда былъ законъ такой: кто съ висѣлицы сорвется, тому все прощалось. Но какъ Зельнинъ ни силенъ былъ, веревки все-таки не оборвалъ; палачъ Камчатниковъ за похвальбу на него сердитъ былъ, и веревку принесъ крѣпкую; такъ и кончился Зельнинъ.

Убийство матери, съ единственною цѣлю видѣть ребенка во чревѣ, приписываютъ многимъ; подобное преступленіе должно быть было сдѣлано давно и такъ поразило всѣхъ, что его приписываютъ многимъ злодѣямъ-разбойникамъ.

Орелъ, 4-го апрѣля.

Лѣтъ около ста тому назадъ, жилъ купецъ Никита Ивановичъ Давыдовъ; на дочери этого Давыдова былъ женатъ Медвѣдевъ, а у Медвѣдева въ домѣ жилъ самъ воевода; стало быть Давыдовъ былъ въ силѣ. Нанялъ онъ у купца Олябьева харчевню, въ которой самъ Олябьевъ калачи пекъ.

Приходитъ Давыдовъ рано по утру въ харчевню; Олябьевъ подрѣзалъ калачи ножомъ, хотѣлъ въ печь сажать; Давыдовъ сталъ Олябьева гнать изъ харчевни.

— Дай, говоритъ Олябьевъ:—качани олену, тогда сей же часъ и выйду изъ харчевни.

— Ступай, кричитъ Давыдовъ:—ступай сейчасъ! Давыдовъ сильно на воеводу надѣлся...

Слово за слово, дошло дѣло до драки; у Олябьева на бѣду былъ ножикъ, которымъ онъ калачи подрѣзалъ, и пырнулъ тѣмъ ножомъ Давыдова въ животъ.

Давыдовъ бросился изъ херчевичей тайную канцелярiю къ воеводѣ; только добѣжалъ до половинны дороги — упалъ; изъ окна увидала лекаря, то схватила иглу, и зашила Давыдову животъ; тотъ сперва пошелъ все-таки въ тайную канцелярiю, показалъ воеводѣ рану и тогда уже отправился домой нѣшномъ, а къ вечеру умеръ.

Олябьева взяли подъ караулъ.

Бургомистромъ тогда былъ Степанъ Степановичъ Кузнецовъ; человекъ онъ былъ великій; любилъ честь, чтобы всѣ его боялись и кланялись; когда что говорить, чтобы всѣ его слушали. Къ несчастiю Олябьева, Кузнецовъ дослуживалъ срокъ, и на слѣдующихъ выборахъ онъ зналъ, что его не выберутъ. Народъ сталъ Кузнецову смѣяться: «вотъ ты бургомистръ, а Олябьева дѣла не могъ кончить, да и не кончишь. Не твоего ума это дѣло!...» и эти слова показались Кузнецову за великую обиду. Не долго думалъ онъ, приказалъ привести на площадь Олябьева, кликнулъ палача Ивана, онъ же Голованъ-Волокитинъ-Кореневъ, и сталъ Олябьевымъ разыскивать. Пытки тогда были разныя: какого обливали на морозѣ холодною водою, иныхъ сѣкли на перекресткахъ плетми, инымъ кричали головы, инымъ хомутъ надѣвали; а то кормили селедкой, а пить не давали. И все то пытали, чтобы правды добиться; а какъ добьются правды, тогда стануть по нимъ наказывать: кнутомъ бить да поздривать, а то и совсѣмъ повѣсятъ... Сталъ Кореневъ разыскивать Олябьевымъ: надѣли на него хомутъ; Олябьевъ закричалъ благимъ матомъ... разнеслось по улицамъ: «Кузнецовъ разыскиваетъ Олябьевымъ.» Одни побѣжали смотрѣть на казнь, другiе бросились къ Степану Окулову. Степанъ Окуловъ по всему Орду за перваго силача слылъ, да и работники у него были подобраны молодецъ къ молодцу — ребята удалые... Прибѣжалъ народъ къ Окулову, кричить:

— Кузнецовъ на площади Олябьевымъ разыскиваетъ! Олябьевъ кричить не своимъ голосомъ, жалостнымъ голосомъ!

Какъ Окуловъ вскочить, крикнетъ своихъ работниковъ, сейчасъ прибѣжало человекъ 18 работниковъ, ухватили дубье, рогацки да на площадь—Олябьева отбивать. Окулову очень жалко стало Олябьева: у Окулова сердце было очень жалостливое. А тѣмъ временемъ прибѣжали на площадь къ Кузнецову сосѣди Окулова.

— Убѣгай куда, кричать ему: —бѣжить вонъ самъ Степанъ Окуловъ съ товарищами!

Бургомистръ Кузнецовъ зналъ хватку Степана Окулова, узналъ, что тутъ придется многимъ пить смертную чашу, не сталъ дожидаться Окулова, а побѣжалъ чрезъ рѣку Оку въ бродъ, а на ту пору

былъ поводомъ; приближалъ онъ на дворъ къ Ивану Пастукову, да тамъ и сиротался... Увидѣлъ народъ, что бургомистръ убѣжалъ и народъ разсыпался во всѣ стороны. Палачъ Кореневъ видитъ—дѣло плохо! Самъ бѣжитъ... на площади остался одинъ Олябьевъ въ хомутѣ, безъ всякаго движенія: какъ хомутъ ему надѣли, такъ руки и вывихнулись — лопатки назадъ, такъ до смерти и ходилъ...

— Гдѣ бургомистръ? крикнулъ Окуловъ. Степанъ приближалъ съ своими товарищами на площадь.

Только никто ему не отвѣтилъ: на площади народу не было, а Олябьевъ только стоналъ, а отвѣчать не могъ.

— Отыскать Кузнецова!

Товарищи Окулова бросились за Кузнецовымъ, отыскивали по всему городу, но отыскать не могли, а привели только одного палача Коренева.

— Гдѣ бургомистръ? спросилъ его Окуловъ, весь дрожа отъ ярости, замахиваясь на него дубовымъ рогачомъ.

— Не знаю, едва проговорилъ палачъ отъ страха.

Онъ думалъ, что тутъ его смертный часъ насталъ.

— Снять съ Олябьева хомутъ, сказалъ Окуловъ своимъ товарищамъ: — надо высвободить его.

Какъ ни старались товарищи, какъ ни хлопоталъ самъ Окуловъ, все-таки хомута снять не могли: стануть снимать, Олябьевъ закричитъ, у тѣхъ и руки опустятся.

— Снимай ты! приказалъ тогда Степанъ Кореневу-палачу.

Палачъ сейчасъ же снялъ хомутъ, тогда Олябьевъ поклонился Окулову и всѣмъ его товарищамъ.

— Спасибо вамъ, сказалъ онъ: — спасибо всѣмъ вамъ, добрые люди, что не оставили меня у моего смертнаго часу!

— Не на чемъ, отвѣчалъ Окуловъ, и пошелъ домой; Олябьевъ тоже, какъ его ни измучили, а пѣшкомъ побрелъ во-свои.

Когда выздоровѣлъ Олябьевъ, пошелъ въ Петербургъ къ царю Екатеринѣ Алексѣевнѣ, съ просьбой на бургомистра Кузнецова; царьца за такой его, Кузнецова, поступокъ приказала: Кузнецова сослать въ Таганрогъ, Олябьева отъ всякаго суда освободить, да еще въ пользу его со всего суда штрафъ взять.

Сослали Кузнецова въ Таганрогъ; только онъ тамъ недолго прожилъ: вышелъ манифестъ, а по тому манифесту его вернули опять въ Орелъ, гдѣ Кузнецовъ жилъ до самой смерти своей.

— Кузнецовъ былъ сердитъ за что нибудь на Олябьева? спрашивалъ я рассказчиковъ.

— Нѣтъ, одобчали ины;— Кузнецовъ былъ человекъ большой, а Олябновъ маленький; бургомистръ Кузнецовъ, чай, и совсѣмъ не зналъ Олябнова.

— Какъ же Кузнецовъ рѣшился, не дождавшись суда, разыскивать Олябновымъ?

— Да такъ сдурю! порядки старые забросили, а къ новымъ еще не привыкли: сперва такія-то дѣла на міру рѣшали; міръ, извѣстное дѣло, не ошибается: одинъ совретъ, десять человекъ правду скажутъ; а какъ подѣлали бургомистровъ, да поставили ихъ по городамъ, они и задумали, что бургомистръ замѣстъ цѣлаго міра дѣла рѣшать можетъ. Отъ этой-то необразованности Кузнецовъ и разыскивалъ самъ собою Олябновымъ; ну, Кузнецова и хотѣли наказать: а міръ — какъ накажешь! Міра наказать нельзя!

Орель, 7 апрѣл.

Здѣсь рассказываютъ про многихъ разбойниковъ; но замѣчательно, что народъ про нихъ вспоминаетъ съ сочувствіемъ; Сироту, Дуброву, Тришку Сибиряка, Засарина и другихъ народъ выставляетъ протестовавшими и—только; злодѣянія разбойниковъ, злодѣйства безъ цѣли, я рассказалъ всѣ, или почти что всѣ; но удалыя шутки *всѣ* рассказать довольно трудно; только въ нихъ есть *одно*: это — защита слабыхъ отъ сильныхъ, бѣдныхъ отъ богатыхъ, и въ особенности господскихъ крестьянъ отъ злыхъ помѣщиковъ. Расскажу нѣсколько такихъ происшествій.

Тришкѣ Сибиряку, который жилъ тому лѣтъ 20 — 25-ть назадъ, разбойничалъ въ Орловской, Смоленской губерніи, и *не загубилъ ни одной христіанской души*, приписываютъ, какъ цослѣднему, всѣ удалыя шутки, объ которыхъ тотъ можетъ быть и самъ не слышалъ, которыя сохранились въ народѣ, какъ легенды.

Услыхало начальство, что Тришка Сибирякъ разбойничаетъ и приказало его поймать *во что-бы-то ни стало*; казись, какъ и не поймать: то въ немъ мѣстъ некажется среди бѣлаго дня, то въ другомъ, да еще и скажется: «а, моль, Тришка Сибирякъ»; а все замолвить никакъ не могли...

Въ женскомъ монастырѣ былъ праздникъ; къ обѣднѣ собралось народу — полная церковь; вокругъ церкви — народъ... къ концу обѣдни монахини пошли съ кружкой на храмъ собирать, подходить къ какому-то кушцу, тотъ и выкинулъ на тарелку 1000 руб.; обходя церковь съ кружкой, монахини сказали наперѣ игуменьѣ, что дупецъ, вонъ, стонетъ, 1000 рублей на тарелку положили...

— Иди, говоритъ казначей матѣ игуменья; спроси, какъ его зовутъ; надо записать въ книгу — поминать на вѣчныя времена.

Казначей поклонилась матери игуменья, подошла къ тому купцу и спрашиваетъ его:

— Матерь игуменья приказала спросить, какъ васъ зовутъ; надо васъ, за вашу добродѣтель, за свитую милостыню, въ книгу записать; поминать васъ станемъ на вѣчныя времена.

— А меня, говоритъ купецъ, меня зовутъ Трифономъ, прозываюсь — Тришка Сибирякъ.

Казначей такъ и обомлѣла.

— Какъ? какъ? говорила казначей, а сама ни жива, ни мертва стоитъ.

— Тришкой Сибирякомъ зовутъ, матушка, зовутъ Тришкой Сибирякомъ!...

Пока опомнилась казначей, пока пошла къ матери игуменья, рассказала игуменья, — а Тришкинъ и слѣдъ простылъ! На томъ мѣстѣ гдѣ стоялъ Тришка, — Тришки нѣтъ; бросились за нимъ изъ церкви, и тамъ невидно!... Только смотреть, лежитъ на паперти свита синяя, да борода какая-то! Тутъ только догадались, что у Тришки была подвязана борода; ну, какъ его сыщешь, какъ признаешь, когда онъ бороду отвязалъ? такъ на ту пору и не нашли!...

Узналъ Тришка Сибирякъ: въ Смоленской губерніи живетъ баринъ; у этого барина — его мужикамъ житья не было; всѣхъ въ разоръ-разорилъ! Прослышалъ про того барина Тришка Сибирякъ: «надо, думаетъ, проучить хорошаго барина, безъ науки тому барину жить — вѣкъ дуракомъ слѣтъ; стало, надо его на умъ навести, чтобы ему на тотъ народъ нестыдно свои очи выставить!...» Посылаетъ ему Тришка письмо, а въ письмѣ было написано: «Ты, баринъ, можешь, и имѣешь душу, да независимую; а я, Тришка, пришелъ къ тебѣ повернуть твою душу на путь — на истину. Ты своихъ мужиковъ въ разоръ-разорилъ, а я думаю теперь, какъ твоихъ мужиковъ оправдать. Думалъ я думалъ, и вотъ что вздумалъ ты виновать, ты и въ отвѣтъ будь. Ты обижалъ мужиковъ, ты ихъ и вознагради; а потому прошу тебя честно: выдай мужикамъ на каждый дворъ по пятидесяти рублей (а тогда еще на ассигнаціи считалось) честно проку, не введи ты меня, баринъ, во грѣхъ — рассчитаешься по Божію.»

Получилъ баринъ то письмо, — не то, что ожидался, а выше вѣтору пошелъ: больше озабоченъ, сталъ мужиковъ перебирать, сталъ допрашивать: кто подметное письмо принесть? А мужики про то дѣло и не вѣдали... Такъ-тому письму баринъ не велѣлъ, вѣрнѣе письму не

дать. Проходитъ сколько тамъ время, баринъ прочиталъ еще письмо отъ Тришки: «ты моимъ словамъ не повѣрилъ; я не люблю этого; темже вотъ что я скажу тебѣ: не въ моемъ обычаѣ за первую вину казнить; а по моему, за первую вину, только научить надо; вотъ тебѣ какаа вылучка: не хотѣлъ ты дать мужикамъ по пятидесяти рублей, даи по сту; это тебѣ наука. Только мужиковъ трогать не можт: съ шиваго кожу сниму; мужики въ томъ невноваты. Жду три дня.»

Прошло три дня — баринъ ни кому ни слова: денегъ жаль и за мужиковъ приниматься боялся—со шкурой своей барской разстаться нехочется; хоть и не дорого своя шкура обошлась, только эту снять,—другой не скоро и наживешь. Стало, надо беречь пока эту...

Пока баринъ раздумывалъ, Тришка написалъ еще письмо:

«Просилъ я тебя, баринъ, честию мужикамъ помочь тысячью — ты не помогъ; просилъ тебя помочь двумя; ты мои слова ни во что поставилъ. Теперь жди меня, Тришку, къ себѣ въ гости. А какъ тебѣ барину, надо сготовиться, какъ бы получше гостя принять, даю тебѣ сроку двѣ недѣли—сготовься. Только пироги, что въ Тулѣ печены, по нашему ружьями зовутъ—не надо, не готовъ: я до нихъ не охотникъ.»

Получилъ баринъ это письмо, сталъ снаряжаться, какъ бы гостя вопрошеннаго принять такъ, чтобы самому не остаться не при чемъ: всѣхъ своихъ мужиковъ, всю дворню собралъ, раздалъ всѣмъ ружья; послалъ и въ городъ сказать: гостя молъ жду.

Къ приему гостя было сготовлено все какъ слѣдуетъ; съ самаго ранняго утра всѣ были на ногахъ; на барскомъ дворѣ толкотня страшная, всѣ съ ружьями, просто ко двору приступу иѣтъ!... Передъ раннимъ обѣдомъ пришли солдаты съ офицеромъ.

— За чѣмъ пожаловали? спрашиваетъ баринъ у офицера.

— Такъ и такъ, говоритъ офицеръ: слышаны мы, что къ вамъ нынче обѣщали прѣхать доръ Тришка Сибирякъ; такъ изъ города меня съ моей командой и прислали къ вамъ на подмогу.

— Очень благодаренъ говоритъ баринъ: хоть я и не боюсь Тришки, а все-таки народу больше—лучше. Милости просимъ съ дорожки закусить чѣмъ Богъ послалъ, пойдете ко мнѣ въ домъ, а солдатшки ваши пусть адѣсь останутся, а жить сюда велю вамести водки, закусить...

Пешель баринъ съ офицеромъ въ домъ, приказалъ подать сейчасъ сакусу. Закусилъ, стали толковать о томъ е семъ, баринъ и повеселѣлъ. Выпилъ еще. Офицеръ еще прибродился: такъ и съ-

цель про войну, гдѣ онъ воевалъ, когда, какъ... да на рѣчкахъ-то вышелъ такой легкой!...

— Ужь какъ я вамъ благодаренъ, говоритъ баринъ:—какъ вамъ благодаренъ и сказать нельзя! съ вами я не только Тришки, а просто никого не боялся. Что мнѣ Тришки бояться? скажите мнѣ!

— Разумѣется, говоритъ офицеръ: чего бояться Тришки!

Сказавъ это офицеръ, посмотрѣвъ кругомъ: видитъ въ комнатѣ только они вдвоемъ съ бариномъ сидятъ, а больше никого нѣтъ.

— Коли вы, баринъ, говоритъ офицеръ: — не бойтесь Тришки, мнѣ и подавно его бояться нечего!...

— Отчего жъ такъ? спросилъ баринъ.

— Оттого такъ, баринъ, что я тотъ самый и есть Тришка Сибирякъ; такъ мнѣ самому себя бояться не приходится.

Баринъ такъ и обомлѣлъ отъ великой радости.

— Слушай, сказалъ Тришка, а самъ изъ кармана пистолетъ вынулъ:—слушай, просилъ я у тебя, баринъ, тысячу; не для себя просилъ, а просилъ для твоихъ же рабовъ,—ты не далъ; наказалъ тебѣ: просилъ двѣ тысячи, ты и тутъ не восчувствовалъ! Теперь ты давай мнѣ двадцать тысячъ: двѣ тысячи я отдамъ твоимъ мужикамъ, а остальные, что тамъ останется, на свою братію возьму: надо что нибудь и намъ съ твоей милости на водку получить. За такую науку какъ не взять!...

Баринъ стоитъ, только глазами хлопаетъ: никакъ того дѣла въ толкъ не возьметъ...

— Полно, баринъ, глазами-то хлопать, разсчитаемся честно, да и Богъ съ тобою и со всѣми! мнѣ некогда, пора домой.

— У меня деньги, говоритъ баринъ, какъ опомнился:— въ другой комнатѣ; ты здѣсь погоди, я тебѣ сейчасъ всѣ сполна принесу.

— Охъ, баринъ! молодецъ баринъ: подростешь—плуть будешь! Думаешь надуть? Васъ мало обманываютъ, а то еще онъ хочетъ обмануть!

— Да; я право... да я ей-Богу, забормоталъ баринъ.

— Ничего, баринъ, сочтемся! Ты ступай спереди, а я хоть и сзади; только знай пальцемъ кивнешь — въ затылокъ пулю пушу. Ты дѣлай свое дѣло, а я свое сдѣлаю.

Баринъ пошелъ напередомъ; и позади барина Тришка Сибирякъ. Вышли за двери, а въ другой комнатѣ нареду-то народу! Да вѣтъ съ ружьями!...

Перешагивая еще въ другую комнату—тамъ никого нѣтъ... Отсчитавъ баринъ денежки, ровно двадцать тысячъ, отсчитавъ, отдалъ Тришкѣ, остальные завернулъ, и опять пошелъ назадъ.

— Видишь, я не въ тебя, а слово свое держу: обѣщала быть у тебя въ гостяхъ — была; далъ слово взять двадцать тысячъ — взялъ двадцать, больше не беру; а хоть видишь самъ, и всѣ бы отдалъ, нечего дѣлать, всѣ своими руками бы отдалъ. Теперь проводи ты меня хоть за версту отъ деревни, а тамъ и прѣстимся.

Баринъ проводилъ самъ, самолично Тришку съ товарищами за ворота, а тамъ еще версты полторы, да и раскланялся...

— Смотри жь, на прощаньи наказываетъ Тришка барину: смотри жь, мужиковъ не обижать. Обидишь мужиковъ, Богъ тебя обидитъ, а то, можетъ, и я грѣшный къ тебѣ тогда въ гости побываю!

Съ тѣхъ поръ баринъ шолковый сдѣлался! что значить хорошая наука! много значить!...

И много онъ училъ ихъ братію! Ѣдетъ разъ мужичонко съ возомъ; а на возу было наложено, что и на хорошей лошади не свести; а у мужичонка была лошадевка плохенькая, а еще и поклажато барская; съ которой стороны ни поверни, все тяжело!... Ѣдетъ мужикъ съ возомъ, горе мычить, а на встрѣчу ему катитъ шестерикомъ самъ баринъ. Поровнялся баринъ съ мужикомъ.

— Стой! кричитъ баринъ:—стой, что ты тихе ѣдешь? Отчего у тебя лошадь не везетъ?

Не успѣлъ баринъ хорошей раскричаться какъ надо, какъ изъ-за куста выросъ какой-то мужикъ, снялъ шапку, низехонько поклонился барину, да и говорить:

— Пожалуйста, баринъ, ваше благородіе, окажи такую милость: подари ты этому мужику лѣвую пристяжную...

— Какъ ты смѣешь, мужикъ, мнѣ это говорить, дуракъ! и закричалъ баринъ.

— Ужь сдѣлай милость, пристаесть мужикъ:—подари мужику лѣвую пристяжную!...

— Какъ ты смѣешь мнѣ это говорить? да знаешь, что я съ тобою сдѣлаю!?... да кто ты такой!...

— А осмѣлюсь вашей милости доложить: я человекъ небольшой, а прозываюсь Тришка Сибирякъ.

Какъ услышалъ баринъ, что передъ нимъ стоитъ Тришка Сибирякъ, куда и прыть вся дѣлалась!...

— А, говоритъ, здравствуй, Триша! Возьми лошадь, какую хочешь; пусть мужичокъ доѣдетъ до дому, я и пятерикомъ доѣду, лошади ничего не сдѣлается; послѣ только пусть назадъ приведетъ.

— Нѣтъ ужь, баринъ хорошей, подари пожалуйста мужичку со-

всѣмъ лошадку; а ты прикупишь еще лошадку, а то и пятерникомъ проведишь, и пятерникомъ тебѣ чай можно... На своихъ лошадахъ ты ѣдешь не далеко, а подалее, чай, на сотскихъ!...

— Изволь, Тришка, изволь! я для тебя, Тришка, и совсѣмъ могу это сдѣлать, могу и подарить!

— Только ужь не изволь, баринъ хорошій, лошадки отнимать у мужика: не для себя прошу, прошу для твоего же здоровья: ты знаешь, можетъ, мой обычай; не введи, для Христа, меня во грѣхъ.

— Изволь, изволь!

Припегъ мужикъ къ возу лѣвую пристяжную, да съ крестомъ да молитвой благополучно и до дому доѣхалъ, да еще и послѣсколько на той лошади ѣздилъ!...

Никого Тришка Сибирякъ не обижалъ крѣпко, развѣ какого барина лихаго до крестьянъ, что развѣ поучить — не послушаетъ, другой развѣ поучить — въ толкъ не возьметъ; такъ такому лихому подъ колъниками жилки подрѣжетъ — «чтобъ не очень, говорить, прытко бѣгалъ!» Вотъ только и всего!...

Вѣрно было поймать Тришку во что бы то ни стало. Поѣхалъ отыскивать Тришку исправникъ; прѣзжаетъ исправникъ на станцію, на станціи сидитъ купецъ, пьетъ чай съ пуштемъ.

— Не угодно ли вашему благородію чайку понушать? спросилъ купецъ исправника.

— Пожалуй! отвѣчалъ исправникъ, подсажаясь къ столу: — пожалуй, на дворѣ-то ужь очень холодно.

— Холодно-съ, извольте-ко-съ чашечку...

Слово за слово и пошелъ разговоръ.

— Куда ѣдете ваше благородіе?

— Да вотъ туда-то.

— А позвольте спросить: по какой надобности ѣдете, ваше благородіе?

— Тришку Сибиряка надо поймать.

— Почему жь вы, ваше благородіе, знаете, что тамъ Тришка Сибирякъ долженъ быть?

— Миѣ передали, что Тришка Сибирякъ нынѣшній день поѣдетъ отсюда; съ этой станціи туда-то; а передали миѣ самые вѣрные люди.

— Такъ-съ... а хотѣлось бы миѣ посмотреть, какъ ваше благородіе изловите атого разбойника Тришку Сибиряка. Очень бы хотѣлось!...

— Что жь, это можно.

— Какъ же, ваше благородіе?

— Да поѣдемъ со мной вмѣстѣ.

— Сдѣлайте милость, батюшка, ваше благородіе! дѣло-то ужь очень занятное.

— Изволь, изволь.

Напились они чаю, да и поѣхали вмѣстѣ въ исправничьей бричкѣ; дорогой больше толковали все о Тришкѣ; икъ его, разбойника, исправникъ своими руками поймаетъ, и самъ его въ городъ въ острогъ засадитъ.

— Какъ же вы, ваше благородіе, узнаете этого разбойника, Тришку Сибиряка?

— Какъ не узнать! у меня прищипы его швыются; говорить исправникъ.

— А позволите взглянуть.

Исправникъ подалъ куклу прищипы.

Волосы русые, брови черныя, сталъ читать кунецъ: лѣтъ отъ роду тридцать... Баринъ, да вѣдь это, пожалуй и, на меня смакиваетъ!...

Гланулъ исправникъ, съ нимъ точно сидитъ не кунецъ, а самъ Тришка Сибирякъ.

— Слушай, исправникъ, заговорилъ Тришка, весь дурачень мало обманываютъ, а ты еще и меня хотѣлъ обмануть! вотъ тебѣ и наказаніе: ступай пѣшкомъ домой!

Нечего дѣлать, исправникъ выѣзъ изъ брички, да и бричка-то была новая, выѣзъ да поплелся домой—откуда пришелъ; а Тришка покатылъ куда ему надо было!

Тришка Сибирякъ, какъ я уже сказалъ, что его смѣшиваютъ съ Засориньимъ, Сиротой, Дубровою и другими, то и воѣ они никого не убивали; только ужь когда честію не возьмешь—злыхъ помѣщиковъ учили, и тою же наукой подъ козырьками идики подрывали, и опять-таки для того все, чтобъ не швыдко сѣгали.

Орелъ, 10 апрѣля.

Сохранились и теперь преданія: что до назначенія Орла губернскимъ городомъ, на рѣкѣ Окѣ не было, и что въ самый годъ этого назначенія началось здѣсь судоходство; въ первый разъ отъправились только двѣ маленькія барки по 12 сажень длиною, и какъ дѣло было для орловцевъ новое, то почти весь городъ провожалъ эти барки верстъ за десять. И теперь есть старинныя, которые помнятъ, что въ Орлѣ былъ одинъ только трактиръ, одна табачная лавка; будочниковъ, пожарныхъ солдатъ совсѣмъ не было; на пожаръ

сбѣгались и тушили сами жители; которые опаздывали или повѣсить не приходили, съ тѣхъ брали пени. По печамъ караулили во очереди сами хозяева, а между очередными караульщиками случались караульщицы — молодыя женщины и дѣвушки.

— Зачѣмъ же будочниковъ завели? спросилъ я старика, рассказывавшаго мнѣ это.

— А затѣмъ, батюшка, отвѣчалъ старикъ:— божно задорно стало; въ одной улицѣ караульщикъ, въ другой караульщица; долго ли до грѣха! Сейчасъ грѣхъ, какъ есть грѣхъ!...

— Тамъ и тогда доходило до грѣха?

— Какъ не доходить, доходило! А все грѣха въ тѣ времена было куда меньше! а жили веселѣе: саромѣе жиди, по Божію, оттого хорошо и было... Вотъ я тебѣ докладывалъ: у насъ въ Орлѣ всего только одинъ трактиръ и былъ, Теленковъ прозывался... Стоялъ онъ супротивъ Егорьевской церкви... Такъ жъ въ томъ-то одномъ трактирѣ народу оочестъ не бывало! А зайдетъ какой въ трактиръ, да ухааетъ отецъ, тамой задасть трактиръ — три недѣли на мѣсто сѣсть не сядеть; а провѣдаютъ по городу про холостого, такъ пальцами тычуть: «весь, говорятъ, трактирщикъ изъ трактира ползеть». Да такому парню и дѣвкѣ не скоро сыскать: весь городъ исходи, ни одна дѣвка замужъ не пойдетъ! А теперь что? зайдетъ въ трактиръ... и трактировъ—то сколько развелось! идетъ всякій въ трактиръ, при отцѣ родномъ... да тамъ еще табачнице проклятый закуритъ.

— Куда же заходили выпить?

— Была пѣвчая.

— Тоже трактиръ?

— Нѣтъ, какъ можно! тамъ можно было спросить чего: водки, пива, закусить чего, поладуть; а закуришь табачнице, хоть кто будь, не шельмъ проводить, ни на кого не посмотрятъ!..

— Отъ этого и трактиромъ не назывался?

— Нѣтъ, не отъ этого, не отъ табаку; для того пѣвчей назывался, что тамъ пѣвчіе были, пѣсни разныя пѣли; а кто прикажетъ, и по духовному могли; а кому и простую пѣсню спокуютъ, пожалуй и съ торбаномъ.

— Съ однимъ только торбаномъ?

— Нѣтъ, и гудки и рожки разные были въ той пѣвчей; только этихъ органовъ проклятыхъ не было...

— Давно же эта пѣвчая уничтожилась?

— Она-то и не уничтожилась...

— Да гдѣ же она?

— На трактиръ повернули.

— Ты помини эту пѣвчую?

— А какъ же помини?! Лѣтъ шестьдесятъ тому привезли органъ. Сначала народу повалило въ пѣвчую; протоптались нѣсколько было. Да и кругомъ—то пѣвчей народу—труба шетолчешная.

— И ты ходилъ слушать?

— Ходилъ, гулялъ былъ.

— Отчего же глупъ?

— А оттого глупъ: не зналъ я, что это грѣхъ большой! Вотъ отчего!

— А!..

— То-то другъ, а!

Мой собесѣдникъ хотѣлъ идти домой, а мнѣ не хотѣлось съ нимъ такъ скоро разстаться; чтобъ остановить его, я спросилъ:

— Давно новый соборъ строится?

— Да лѣтъ за шестьдесятъ будетъ. Былъ у насъ царь-императоръ Павелъ Петровичъ и былъ онъ имянинникъ на Павла исповѣдника; такъ губернія вся положила для императора Павла Петровича,—Павлу исповѣднику соборъ построить. Стали собирать со всѣхъ деньги, да и по сю пору собираютъ, а все никакъ этого собора не отстроить.

— Отчего же?

— А оттого: церковь, по писанію, положено ставить алтаремъ на востокъ, а этотъ соборъ куда смотритъ?

— Кажется, на востокъ...

— На какой востокъ?

— Куда же?

— Посмотри на другія церкви: всѣ смотрятъ на самый востокъ, а этотъ больше на полдень подался.

Въ самомъ дѣлѣ, новый соборъ алтаремъ стоитъ не прямо на востокъ, а на Ю. Ю. В.

— Такъ отъ этого и соборъ не отстраивается?

— Отъ самаго отъ этого... Отстроили было совсѣмъ, а тамъ опять перестраивать надо... Вотъ и теперь снова перестраиваютъ! да вѣдь тоже самое будетъ!

— Что будетъ?

— Отстроятъ, начнется служба, а тамъ...

— Была уже служба въ этомъ соборѣ?

— Какъ же, была! и обѣдню служили и другія службы справляли; да вотъ, хотъ бы взятъ: Яковъ Федоровичъ Скорятинъ когда умеръ, отпѣвали въ новомъ соборѣ.

— Отчего же его въ соборѣ отпѣвали?

— Баринъ былъ именитый, службу свою справлялъ при томъ самомъ императорѣ Павлѣ Петровичѣ; какъ померъ императоръ Павелъ, такъ Яковъ Федоровичъ и службу пересталъ. Должно быть отъ этого и хоронили его въ новомъ соборѣ.

— Похоронили въ новомъ соборѣ?

— Нѣтъ, только отпѣвали, а хоронить его повезли въ его вотчину, верстъ за сто отъ Орла.

И. ЯКУШКИНЪ.

СЕМЬ КЛЕВЕТЬ НА ЛЮБОВЬ.

(РАЗСКАЗЪ ДОКТОРА.)

— ...Ахъ, отвѣжитесь, господа, я никогда, никогда не люблю, и даже нахожу, что самое слово *любовь*... какое пустое, бессмысленное и темное слово! Не спать ночей, трепетать и волноваться, мучиться и горѣть не то огнемъ, не то лихорадкою, называя это страстью, возвышеннымъ чувствомъ... Какъ это глупо, господа! Если я здоровъ, веселъ и независимъ, такъ это потому, что я твердо убѣжденъ, что какая нибудь хорошо зажаренная котлетка гораздо лучше и питательнѣе любви.

— Какіе вы дѣлаете неприличныя сравненія, докторъ, за- жѣтали однихъ молодой человѣкъ. — Любовь, эту неоцѣнную красоту и прелесть жизни, эту, позволяете такъ выразиться, индоломѣйшую голубку, смягчающую самую чорствую душу — сравнивать съ котлеткою... это неблагогородно, докторъ, да притомъ вовсе не остро и старо.

Слова эти были произнесены такимъ теплымъ и убѣдительнымъ тономъ, что докторъ слегка понурилъ свою посѣдѣвшую голову. Онъ немного помолчалъ и потомъ, какъ человѣкъ добросовѣстный, любящій все подтверждать фактами, тихо замѣтилъ:

— Вы хотите заставить меня, молодой человѣкъ, говорить о томъ, чего я никому не рассказывалъ. Извольте, извольте, я расскажу вамъ про свою, съ позволенія сказать, любовь, — еще

не про одну... Я имѣю семь фактовъ, — меня ровно, счетовъ, семь разъ чуть-чуть да не женили.

— Bravo, bravo, заговорили слушающіе.

— Итакъ, нашъ докторъ былъ влюбленъ семь разъ! Каково? мы защищаемъ любовь, а между тѣмъ рѣдко кому изъ насъ удавалось любить хоть одинъ разъ, тогда какъ докторъ семь разъ былъ влюбленъ и, слѣдовательно, семь разъ обмануть. Славно, славно, вотъ онъ, наконецъ, сказался!

— Былъ ли я обмануть, или нѣтъ, — это еще вопросъ, горячо произнесъ докторъ. — Однако, расскажу вамъ все, какъ на исповѣди.

— *Первая любовь* моя происходила давно, только не въ деревнѣ, не при свѣтломъ ручейкѣ, какъ водится, а въ мрачныхъ стѣнахъ петербургской Медико-Хирургической Академіи. Я былъ на послѣднемъ курсѣ, любилъ учиться и терпѣть не могъ женскаго общества; надо вамъ сознаться, что въ то время я не допускалъ даже мысли, что на свѣтѣ есть хоть одна безупречная женщина, исключая моей матери. Мать моя — чудесное, благороднѣйшее созданіе; но не о томъ рѣчь, я не то хотѣлъ вамъ сказать. Знакомыхъ въ Петербургѣ у меня было довольно мало; я рѣдко куда ходилъ. Одно семейство я посѣщалъ чаще обыкновеннаго, — тамъ была старушка, добрая, какъ сама доброта, а у этой старушки двѣ хорошенькія дочки. Я былъ тогда дикъ, и старшей дочери ужасно боялся. Она черезчуръ бойка была. Терпѣть я не могъ, когда она смотрѣла на меня прямо въ глаза. Когда я цаловалъ у ней руку (а это случалось рѣдко, только во время ея именинъ), я сжимался и думалъ про себя: «охъ, эта ручка не дастъ никому пощады; чего добраго, а ужъ за вихры непременно будетъ таскать будущаго супруга». За то меньшая дочка — тиха, скромна и проста была, и голосъ такой, какого я никогда не слыхалъ! Онъ производилъ на меня впечатлѣніе такое, точно дождикъ весенній, безъ шороху и шуму, падаетъ вамъ на открытую голову: проведешь ладонью — кажется, ничего, и дождя не видно, а между тѣмъ чрезвычайную свѣжесть чувствуешь. Такого рода впечатлѣніе всегда производили на меня мягкіе звуки ея голоса. Лучшій знатокъ женщинъ, Шекспиръ, господа, видно не даромъ сказалъ: «о, голосъ въ женщинѣ — признакъ вѣрныи!» Я любилъ съ нею разговаривать, съ *любою* Ольгою, какъ я тогда называлъ ее; правда, я боялся всѣхъ, особенно старшей сестры ея, но съ

Ольгою, клянусь вамъ, какъ-то вдругъ измѣнился: переставалъ мяться, кашлять, теревить безъ толку носовой платокъ, — словомъ, самъ чувствовалъ, что съ нею и отъ дикихъ своихъ привычекъ отстаю. У меня была скверная привычка грызть ногти; бывало, вѣчно упражняюсь: когда мнѣ досадно — грызу съ ожесточеніемъ, а когда пріятно — то безъ всякаго ожесточенія, а все-таки грызу. Она замѣтила и сказала: не кусайте, руки гадкія будутъ, да и говорятъ, что это злой характеръ означаетъ. Я съ тѣхъ поръ и отсталъ; а вѣдь какого усилія мнѣ это стоило; бывало, по цѣлымъ днямъ перчатокъ не снимаю. «Злой характеръ означаетъ!» Мнѣ тогда весьма серьезнымъ показалось такое замѣчаніе. «Видно, она хочетъ меня сдѣлать лучшимъ, чѣмъ я есть», думалось мнѣ.

Между тѣмъ старшая сестрица была со мною то холодна и надменна, то вдругъ такъ внимательна, что мнѣ даже досадно дѣлалось. Во время экзаменовъ я, по привычкѣ, забѣгалъ къ нимъ и рассказывалъ, какъ прошелъ для меня тотъ или другой экзаменъ, — и Ольга всякій разъ мнѣ на счастье руку свою давала, и каждый разъ отлично экзаменъ сходилъ.

— Что, вы выйдете со степенью дѣктора? спросила одинъ разъ меня старшая дочь.

— Да, и кромя того, я надѣюсь тотчасъ мѣсто получить.

— Неужели? спросила она съ любопытствомъ и съ недоувѣрчивостію.

— Что же ты удивляешься, возразила мать: — Иванъ Ивановичъ одинъ изъ лучшихъ студентовъ, ему сейчасъ мѣсто дадутъ.

— И вамъ въ Петербургѣ предлагаютъ мѣсто? съ внимательною улыбкою обратилась ко мнѣ старшая сестра.

— И въ Петербургѣ, если захочу; одинъ изъ нашихъ профессоровъ — онъ меня любитъ — просто напрямикъ сказалъ, что мнѣ и думать не слѣдуетъ объ отъѣздѣ: послѣ послѣдняго экзамена онъ хочетъ сейчасъ же опредѣлить меня на мѣсто, съ казенною квартирою, дровами и освѣщеніемъ.

Этотъ маленькій разговоръ, какъ впоследствии оказалось, окончательно заставилъ старшую сестру перемѣнить обращеніе со мною. Я видѣлъ, что она какъ будто снисходительнѣе стала смотрѣть на мои грубыя, студенческія манеры; даже навла случай похвалить мои густые, длинные волосы, которые, по ея мнѣнію, весьма шли ко мнѣ. Наконецъ, экзаменъ мой кончился.

Съ дипломомъ въ рукахъ, съ надеждою въ сердцѣ, что передо мною открывается теперь — великая будущность, слава, деньги, и множество добрыхъ дѣлъ. — словомъ, со всѣми святышъ, но ребяческій вздоромъ, который такъ краситъ молодость, — я, какъ сумасшедшій, кинулся прежде всего къ своимъ знакомымъ.

Помню, это было въ воскресенье.

Кухарка, встрѣтивъ меня въ передней, съ улыбкою проговорила: «ахъ, баринъ, легки на поминѣ... у насъ сегодня чудесный пирогъ съ вязигой будетъ.»

— Ладно, отвѣчалъ я, и при этомъ рублевою бумажку ей въ руку сунулъ, точно она не о пирогахъ мнѣ сообщаетъ, а какъ будто первая во мнѣ великаго человека узнала.

— Ты прекрасная женщина, Марья! сказалъ я кухаркѣ, чувствуя въ то же время невъяснимую потребность, чтобы и меня она похвалила тоже.

— И, батюшка-баринъ! говорила кухарка:—какая я понече ужъ прекрасная, когда, слышь, за сорокъ стукнуло и девять зубовъ, слышь, у меня изо рта фельдшера повыдергали.

— Ничего, ничего, отвѣчалъ я благосклонно и вошелъ въ залу.

Тамъ я никого не засталъ, кромѣ Ольги, съ грустнымъ и блѣднымъ личикомъ. Увидя ее, мнѣ какъ будто совѣстно сдѣлалось... «Отчего же», промелькнуло у меня вдругъ въ головѣ: «отчего же я въ минуту своего торжества менѣе всего обѣдѣнной Ольгѣ думалъ... а она, быть можетъ, всю ночь обо мнѣ продумала...»

Послѣ первыхъ обычныхъ привѣтствій, она на меня взглянула такимъ серьезнымъ и важнымъ взоромъ, что я изумился и даже дрогнулъ почему-то.

— Послушайте, сказала она мнѣ тихо, съ какой-то важной медленностью, поправляя на себѣ блѣнную пелеринку:—я къ вамъ имѣю большую, большую просьбу...

— Позвольте узнать, какую?

— Нѣтъ, вы не шутите, пожалуйста не шутите. Я хочу съ вами говорить о дѣлѣ.

При словѣ *дѣло* ея маленькое, хорошенькое личико вдругъ приняло озабоченное выраженіе.

— Садитесь, только прямо противъ меня, продолжала она:— я хочу видѣть ваше лицо... это для меня чрезвычайно важно взглянуть вамъ, важно.

Я машинально сълъ.

— Ну, вы теперь доктор? спросила она тѣмъ же тономъ.

— Да, докторъ.

— Я это знала напередъ. Теперь я вамъ скажу безъ обвиняковъ: послушайте, добрый, милый Иванъ Ивановичъ, заклинаю васъ всѣмъ святымъ, женитесь на моей старшей сестрѣ... она влюблена въ васъ...

— Она? спросилъ я съ изумленіемъ.

— А вы? прибавилъ я едва слышно.

— Я васъ не люблю, мнѣ пятнадцать лѣтъ, простоудшно отъвѣчала она: — мнѣ любить еще нельзя. Но сестра моя очень, очень васъ любитъ... Она вчера плакала всю ночь отъ любви къ вамъ; спросите Марю, если мнѣ не вѣрите; мы съ нею всю ночь за бѣдной моей сестрой ухаживали.

Я стиснулъ только зубы и молчалъ.

— Вы знаете, гдѣ теперь моя сестра? съ жаромъ продолжала дѣвочка: — она теперь въ Казанскомъ соборѣ, и за ваше счастье пошла съ маменькой отслужить молебень. — О, какъ мнѣ весело будетъ съ вами породниться, и какъ моя сестра васъ любить, еслибъ вы знали... Она прямо объявила, что умереть съ горя, если только вы на ней не женитесь...

Не успѣлъ я еще опомниться, какъ раздался звонокъ и въ залу вошла мать съ старшею своею дочерью. Я задрожалъ отъ злобы, и въ эту минуту добрая моя старушка показалась мнѣ до того противною, что я готъвъ былъ въ мелкій порошокъ ее стереть. «О старая, безобразная фурия, это твое, твое дѣло!» думалъ я съ горечью: «молебны служить!.. нѣтъ, я тебя похороню съ твоими коварными замыслами!»

А между тѣмъ Ольга, съ своимъ бѣленькимъ платицемъ, порхнула на встрѣчу сестрѣ и начала ее цаловать такъ горячо, горячо, что у меня голова закружилась.

— Маменька, маменька, залепетала она: — вы устали, позвольте, я раздѣну васъ.

И торопливо и радостно увела мать въ другую комнату, откуда мнѣ послышались тѣ же восторженные дѣтскіе поцалуи.

Я очутился лицомъ къ лицу съ моею названною невѣстою.

— Что вы на меня такъ глядите? спросила она своимъ бойкимъ и развязнымъ тономъ.

— Вы, говорить, влюбились въ меня? спросилъ я рѣзко и отрывисто, а самого точно лихорадка била.

— Это моя тайна, отвѣчала она кокетливо, прищуривъ свои глазки.—Какъ вы нескромны! прибавила она, показывая видъ, будто смутилась, а сама опять взглянула на меня своимъ прямымъ, острымъ взглядомъ, который меня всегда такъ пугалъ и такъ не нравился.

— Такъ знайте же, заговорилъ я, выходя изъ себя и дрожа всѣмъ тѣломъ: — такъ знайте же, что я терпѣть васъ не могу, что я въ Петербургѣ не остаюсь, казенной квартиры не получаю, ни дровъ, ни освѣщенія, ни мѣста—ничего не получаю!— Прощайте и служите молебны объ другихъ женихахъ.

Я выскочилъ на лѣстницу, и, бѣжа вплоть до академій, все твердилъ: «нѣтъ, не женюсь, и ты за вихры драть меня не будешь.»

Такъ кончилась моя первая любовь.

Послѣ я узналъ, что бѣдной Ольгѣ, за ея горячее желаніе устроить судьбу старшей сестры, крѣпко досталось, и сестра потомъ всѣхъ увѣряла, что Ольга будто изъ зависти и ревности все это разстроила.

Скоро я уѣхалъ изъ Петербурга, получивъ мѣсто полковаго доктора въ одномъ пѣхотномъ полку.

Мы стояли въ огромномъ селѣ, за Москвою. Сфера моей дѣятельности была весьма ограниченная. Полковой бытъ, съ его попойками, картами, деньщиками, и телегами, не по душѣ мнѣ пришелся. Бывало, проснешься, солнце такъ весело въ окно къ тебѣ заглядываетъ, надъ прудомъ еще волнуется мягкая утренняя мгла, а между тѣмъ поручикъ Битюковъ ужь пьянъ мертвецки и во все горло деньщика своего честить. Сдѣлается досадно, поскорѣ одѣнешься и пойдешь къ подпоручику Рѣзвому: у него на столѣ еще свѣчки горятъ, зеленый столъ весь иѣдомъ исписанъ, и онъ пристааетъ къ своимъ партнѣрамъ съ ножомъ къ горлу, чтобъ послѣднюю пульку доиграть. Уйдешь и отъ подпоручика Рѣзваго, думаешь, ну, хоть съ капитаномъ Мѣшковымъ душу отведешь; но и капитанъ Мѣшковъ на четверенькахъ ползаетъ и требуетъ цаловать его въ губы, потому что онъ плевать хочетъ на полковаго командира и одинъ одинешенекъ шестнадцать бутылокъ вина вытравуль. Еще досадиѣ сдѣлается, и, отъ горя, къ прапорщику Миронову уйдешь, но и тотъ все денегъ взаимы просить и о псовой охотѣ рассказываетъ. Ну, и вернешься домой. Тутъ деньщикъ съ мрачнымъ видомъ докладываетъ, что у него кострюли украли, а по лицу видишь, что вретъ, въ кабакъ

ихъ станчикъ; просто, такая дурь самого возьметъ, что отъ скуки подсядешь къ окну и начнешь походку солдатъ наблюдать. Одинъ идетъ ровно, вытянувшись,—точно не живое существо, а желѣзный штыкъ по улицѣ проходить; другой—пробирается маленькимъ неровнымъ шагкомъ, немножко вкривъ, все бочкомъ забираетъ и подъ чужія ворота заглядываетъ; третій такъ забавно плечами шевелить, точно сказать хочеть: «эхъ братцы, полетѣлъ бы я далече, да вотъ бѣда, фельдфебель зачѣмъ—то къ себѣ зоветъ.»

Въ одинъ изъ такихъ веселенькихъ деньковъ прислалъ за мною экипажъ сосѣдній помѣщикъ. Говорятъ: «пожалуйте, баринъ занемогъ.»

Я только, что собрался и съ двора выѣзжаю, какъ вдругъ мнѣ на встрѣчу капитанъ Мѣшковъ.

— Куда ѣдешь? гаркнулъ онъ мнѣ.

Капитанъ Мѣшковъ всѣмъ ты говорилъ.

— Больнаго лечить.

— Отправляй его, братецъ, ва тотъ свѣтъ поскорѣе, да самъ живѣе возвращайся: у меня вечеринка нынче; я цѣлый ящикъ коньяку изъ Москвы привезъ. У меня, братъ, правило: жги жизнь съ обоихъ концовъ. Я-то жгу ее, разбойницу, жгу съ обоихъ концовъ! Шампанское, братецъ, дрянъ, а ужъ насчетъ коньячка—просто пальчики оближешь!

Съ такимъ напутствіемъ я отправился къ моему больному. Приѣзжаю; домъ весьма порядочный, все на барскую руку; немножко грязновато, но богато. Больной мой оказался старый отставной воинъ, съ одною ногою, съ почтеннымъ и честнымъ лицомъ. Осматриваю — плохъ, сердечный, одною только половиною легкихъ дышитъ, да и та уже попорчена. Въ довершение, несмотря на лѣто, застудилъ горло.

Я провозился цѣлый день, и только на другой, къ вечеру, заговорилъ мой больной.

— Послушайте, докторъ, сказалъ онъ: — ради Бога останьтесь у меня еще два на два, на три.

Другихъ больныхъ у меня не было, я согласился, тѣмъ болѣе, что за больнымъ ухаживала вмѣстѣ со мною его дочка, лѣтъ двадцати, съ густыми черными волосами, статная и красивая дѣвушка. Кромя дочки, тутъ же болтался ея братецъ, малый лѣтъ семнадцати, горѣвшій безконечнымъ желаніемъ поступить къ намъ въ юнкера. И сестрица, и братецъ, и безногий старикъ такъ

мнѣ понравились, что я выѣхалъ изъ ихъ дому съ нѣкоторою началью.

Недѣли черезъ три послѣ этого я получилъ приглашеніе отъ старика, давно уже оправившагося, пріѣхать погостить къ нему. Я прискакалъ къ нимъ въ тотъ же день.

Меня приняли, какъ роднаго. Отвели во флигель особыя комнаты, и старикъ сдѣлался такимъ молодцомъ, такъ исправно ковылялъ своею деревяшкою, что со стороны нельзя было подумать, что онъ дышалъ на послѣдніе остатки своего легкаго.

Все шло хорошо, господа, но тутъ опять любовишка завязалась; а гдѣ она появится, тамъ ничего путнаго не бываетъ.

Однажды, часу въ 12 ночи, я, распростившись съ своими хозяевами, къ себѣ во флигель побрелъ. Только что раздѣлся, ко мнѣ шибко постучались: горничная черезъ дверь кричить, что барышнѣ сдѣлалось дурно. «Что за притча», подумалъ я: «сейчасъ была здорова и вдругъ дурно!»

Одѣвшись поскорѣе, тотчасъ отправился къ ней. Гляжу, лежитъ совсѣмъ одѣтая и съ закрытыми глазами. Пробую руку—пульсъ бьется отлично. Касаюсь дба—жару никакого. «Ну», думаю: «шалить моя барышня, через-чуръ пуглива.» Однако, для приличія, какой-то освѣжительный сиропецъ ей приготовилъ. Сдѣлавши свое дѣло, я хотѣлъ уйти.

— Куда же вы? спросила она меня быстро. Ахъ,— докторъ, я больна, а вы меня оставляете одну.

И вдругъ заплакала. Я сѣлъ около ней и началъ уговаривать, что все вздоръ, что ей бояться нечего, что она просто немножко устала, но опаснаго ничего не можетъ быть. Она замолчала, но такъ печально смотрѣла, что я счелъ своимъ долгомъ быть съ нею любезнѣе и проболталъ съ нею до двухъ часовъ.

Это, видно, моею барышнѣ понравилось.

На другую ночь, въ то же самое время, когда всѣ улеглись, опять постучалась ко мнѣ тихонько горничная и объявила, что барышнѣ ея сдѣлалось дурно.

На этотъ разъ я засталъ ее въ дезабильѣ, какъ настоящую больную. Боже, какъ она была мила, съ своими розовыми, точно невзначай выставившимся плечиками, съ распущенными волосами и съ закрытыми глазами! Но я только взглянулъ на нее, сейчасъ догадался, что она меня надуваетъ, болѣзни ни-

какой мѣтъ, а закрыла она глаза собственно потому, чтобъ дать мнѣ время полюбоваться ею: Это мнѣ не понравилось.

— Да вѣдь вы не больны, сказалъ я ей грубо, закрывая ея соблазнительное плечо бѣлыми одѣяломъ.

— Ахъ, право, я больна, больна, больна! зашептала она самымъ здоровенькимъ и веселымъ тономъ.

Она немного приподнялась, съ умоляющимъ видомъ протянула мнѣ руку и сказала: «безжалостный докторъ, у меня такъ сердце бьется, какъ вы себя представить не можете!»

Признаюсь, это меня поставило въ тупикъ; у меня самого что-то начинало шевелиться въ сердцѣ. Она это замѣтила и вдругъ начала рассказывать о своихъ снахъ, видѣнiяхъ, и очень мило, увлекательно даже стала рассказывать. Я и развѣсивъ уши... не прощу себѣ никогда, никогда, зачѣмъ я тогда развѣсивъ уши!...

— Вы не повѣрите, говорила она, закрывая лицо руками:— какая я несчастная: каждую ночь я вижу какія-то видѣнiя, и чувствую, что мнѣ очень дурию. Сердце у меня стучитъ такъ шибко, и я удивляюсь, какъ это вы не слышите? Неужели вы этого не слышите, докторъ?

— Нѣтъ, не слышу.

— Ну, такъ послушайте, непременно послушайте. У меня, вѣроятно, аневризмъ въ сердцѣ... Я видѣла, какъ доктора грудь слушаютъ,— прислоните ваше ухо къ моей груди и послушайте серьезно...

Я нагнулся, но прижалъ не ухо, а все лицо къ ея сердцу. Вдругъ мнѣ пришла мысль: «одинъ, ночью, въ комнатѣ молодой дѣвушки, слушаю бiенiе сердца, — чортъ возьми, да меня самого убить слѣдуетъ!»

Я сейчасъ же порывисто оторвалъ голову и взволнованно произнесъ: «Mlle, будьте покойны, аневризма у васъ никакого нѣтъ».

— Ну, я очень рада, замѣтила она какъ будто простодушнымъ тономъ.— Значитъ, мнѣ придется еще много и весело жить.

— Конечно, пробормоталъ я, не зная самъ, что сказать, поклонился и ушелъ.

Не это *конечло*, сказанное мною непонадѣ, надѣлало мнѣ много хлопотъ... На другой день она со мною была чрезвычайно мила, любезна, подшучивала надъ моею неловкостью, ибѣжно пѣняла, что я дикъ и въ манерахъ и въ разговорѣ, намекала на

то, что мнѣ нужно почаще бывать въ свѣтѣ и т. п. Уговорная отца устроить прогулку, и мы, отецъ, она, братъ и я, вдругъ засуетились, уѣхали въ поле, забрали самоваръ, слушали, какъ въ травѣ коростели кричать, кузнечиковъ съ нею ловили, — словомъ, дѣльный день я какъ въ угарѣ ходилъ и совсѣмъ потерялъ голову.

Вернулись мы домой около девяти часовъ вечера. Старикъ, усталый и довѣрчивый, какъ дитя, тотчасъ въ креслахъ задремалъ; братишка побѣждалъ распорядиться насчетъ ужина, потому что сестра была баловница въ семействѣ и всѣ ей угрождали.

— Чтò, вы довольны сегодняшнимъ днемъ? спросила она шопотомъ.

— Да.

— А вотъ и кузнечикъ, котораго вы давеча поймали, пронесла она, вынимая его изъ кармана.

Я опустилъ голову, какъ преступникъ.

«Кузнечикъ!» сказалъ я самъ себѣ: «такъ ты ужь, братъ, и кузнечиковъ ловишь...»

Но это была послѣдняя вспышка моего мужества, и, какъ теперь помню, я въ тоже самое время подумалъ: «отчего же и кузнечиковъ не ловить? да, буду ловить и кузнечиковъ».

Представьте себѣ мое ослѣпленіе: въ ту ночь я долго не могъ уснуть, все ждалъ: вотъ-вотъ стукнетъ горничная и объявить, что барышнѣ сдѣлалось дурно. Но, къ большой моей досадѣ, за мною не присылали, а мнѣ хотѣлось окончательно съ нею переговорить, высказать всю душу, пасть на колѣни и прямо объясниться насчетъ брака. Однако, жду, жду... чуть мимо окна ночная птица пролетитъ, я вздрогну; вѣтка на деревѣ захруститъ, я уже хватаюсь за шапку; проклятая муха, какъ на зло, все головкою объ оконное стекло стучалась, я бранилъ ее и, вѣстѣ съ тѣмъ, былъ счастливъ, что эта муха страдаетъ бессонницей.

«Вотъ, маленькая тварь», разсуждалъ я, сидя совершенно одѣтый, но безъ свѣчи: «муха, кажется, а вѣдь ходи, и та крылышки распускаетъ... и она живетъ, и ей хочется, какъ капитану Мѣшкову, мечъ жизнь съ обояхъ концовъ... Однако, это ужь глупо... какъ будто въ самомъ дѣлѣ капитанъ... то бить муха можетъ... но чортъ съ ними, и съ мухою я съ капитаномъ! отчего же это горничная до сихъ поръ не приходитъ?»

Съ такими мыслями я уснулъ, не раздѣваясь, и видѣлъ во снѣ... неужели и сонъ рассказывать? Ну, да, видѣлъ, будто я на зеленому лугу съ нею гуляю, и платье Катеньки (такъ звали мою барышню) все изъ кузнечиковъ сдѣлано, ну, настоящіе кузнечики, двѣ капли воды похожіе на того, котораго я поймалъ съ нею.

На другой день меня позвали въ штабъ. Я не успѣлъ никого видѣть, и уѣхалъ, сказавши горничной, что вернусь обратно дня черезъ три. Между тѣмъ меня вызвали за вадоромъ—у полковницы сдѣлалось что-то въ родѣ насморка; я замѣтилъ ей, что нехорошо за подобными пустяками доктора выписывать, и въ тотъ же день, къ вечеру, снова отправился къ помѣщику. На дворѣ совсѣмъ смерклося; вечеръ былъ теплый, душистый, не слишкомъ темный и не слишкомъ свѣтлый. Не желая беспокоить моихъ знакомыхъ, я, подѣхалъ къ деревнѣ, отпустилъ ямщика обратно, а самъ пошелъ пѣшкомъ. Къ усадьбѣ вела широкая аллея, обсаженная съ обѣихъ сторонъ кленомъ. Вмѣсто того, чтобъ идти по ней, я выбралъ лучшую дорогу—повернулъ немного въ сторону и прошелъ въ садъ: такимъ образомъ я могъ приехонько дойти до флигеля.

Прежде всего, что меня немножко удивило,—это раскрытая калитка, выходящая въ поле, и верховая красивая лошадь, которая, при моемъ появленіи, чуть-чуть мнѣ на голову не фыркнула. Меня точно что-то ужалило, и я въ ту же минуту почувствовалъ, что у меня есть тайный, неизвѣстный мнѣ соперникъ. Почти воровски я вошелъ въ калитку и очутился въ саду. Странное дѣло, я сдѣлался спокоенъ и началъ хладнокровно обдумывать, въ какую сторону мнѣ идти. Сначала повернулъ направо, потомъ вдругъ направо, остановился и рѣшилъ идти серединой, нѣтъ, — думаю, нойду на лѣво, и, дѣйствительно, пошелъ направо. Отъ деревьевъ падала такая широкая тѣнь, что съ трудомъ можно было различать предметы. Промель я эдакъ шаговъ двѣсти: и ухо, и глазъ сильно работаютъ.

Преглуное, скажу вамъ, положеніе, когда порядочный человѣкъ обращается вдругъ въ шпиона.

Слышу, направо, какъ будто голоса: я поворачиваю направо. Иду дальше—точно голоса; подхожу ближе—ровно ничего. Вдругъ мнѣ явственно показалось, какъ впереди что-то забѣгло. «А! вотъ оно и бѣленькое платьице, вотъ оно...» Тутъ я

себрався съ духомъ и подхожу: новая сосновая кадка, наполненная водою, на дорожкѣ стоитъ. Я толкнулъ ее ногою.

— Не тронь, баринъ, это вода для парниковъ припасена, отозвался чей-то сонный голосъ.

Это былъ садовникъ, Петръ. Я отрезвился, ревность улетѣла, и, оглянувшись, увидѣлъ, что я очутился въ концѣ сада, гдѣ были парники и оранжереи. Бодрымъ и веселенькимъ шагкомъ, чуть не прилясывая, я отправился по направленію къ дому, прямо къ воротамъ, которыя выходили на дворъ. Точно чугунная гора съ меня свалилась. И домъ изъ-за деревьевъ глянулъ, и мой флигелекъ съ огоньками заблестѣлъ, и въ душѣ просвѣтлѣло. Не доходя до воротъ, я остановился, захотѣлось вздохнуть. Но... вздохъ мой замеръ на губахъ: вижу, шагахъ въ десяти отъ меня, Катенька съ какимъ-то мужчиною стоитъ и спокойно разговариваетъ. До сихъ поръ не постигаю, какъ они меня не замѣтили. Я, какъ вкопанный, наострилъ уши и немножко подался назадъ, чтобъ войти въ тѣнь. Но, кажется, эта предосторожность была лишняя, потому что я въ ту же минуту явственно услышалъ голосъ моей барышни:

— Нѣтъ, не пойду дальше, тамъ сыро, говорила она. — Я и безъ простуды доктора морочу. Будь покоенъ, Сержъ, будь покоенъ, онъ непремѣнно на мнѣ женится.

— О, я въ этомъ не сомнѣваюсь, отвѣчалъ мужской нахальный голосъ. — Только, пожалуйста, поскорѣе скрути этого докторишку....

При этомъ онъ чмокнулъ ее въ губы и быстро пошелъ по направленію къ калиткѣ, гдѣ стояла привязанная лошадь. Я едва вѣрилъ своимъ глазамъ и ушамъ: такъ это было просто и безцеремонно.

Дальше рассказывать нечего.

Такъ кончилась моя вторая любовь. Я въ ту же ночь въ штабъ отправился, прямо на квартиру къ капитану Мѣшкову.... Да, въ первый разъ восемь рюмочекъ коньяку выпилъ! Зато и Катенька, точно отрѣзанный домотъ, навсегда отлетѣла отъ моей души.

Отлетѣла.... да и кузнечиковъ съ тѣхъ поръ я ненавижу болѣе, чѣмъ лягушекъ....

Только-что кончилась вторая исторія, какъ вдругъ началась третья.

Помкѣ вамъ должно! Былъ отпразднѣвъ въ Москву, на на-
вѣры. Я тоже прикнулъ и очутился среди лагерной жизни.

Въ одно жаркое послѣобѣденное время я лежалъ у себя въ
палаткѣ. Вошелъ деньщикъ и объявилъ, что пришелъ какой-то
человѣкъ и ждетъ переговорить со мною.

Это былъ не то вольноотпущенный, не то кучицъ, съ бло-
курою бородкою, въ синей чуйкѣ, съ развязными манерами и
плутовскимъ глазомъ.

— Что вамъ надо?

— Извините, ваше благородіе, я имѣю-съ къ вамъ важное
дѣло.

— Ну-съ, говорите, что тамъ за важное дѣло!

— Прощенія просимъ, ваше благородіе; велите, напредъ-
сего, солдатику вашему удалиться.... на малое мгновенье уда-
литься....

— Говори, братецъ, перебилъ я съ досадою: — у меня нѣтъ
такихъ тайнъ, которыя отъ деньщика скрывать слѣдовало бы.

— И радъ, да не могу-съ, ваше благородіе... Извольте хоть
это въ соображеніе принять, что деньщикъ, конечно, царскій
человѣкъ... кто противъ этого-съ! Но когда рѣчь, прихѣрно,
промежъ себя, да по душѣ, да по секрету пойдетъ, тамъ-съ....
и деньщикъ, хотя бы Егорій у него на груди висѣлъ, а все-таки
и ему слѣдуетъ за дверью стоять.

Я слѣдаль знакъ — и деньщикъ удалился изъ палатки.

Я поглядѣлъ на него молча. Человѣкъ въ синей чуйкѣ за-
нялся, трихнулъ своею бородкою и вдругъ бойко заговорилъ:

— Не велите казнить, а прикажите рѣчь говорить, ваше
благородіе!

— Полно, полно, безъ прибаутокъ, что тебѣ надо?

— Не по своему желанью, а по влеченію красной-дѣвицы
къ вамъ пришелъ. Ступай, говорятъ, ступай, иди, Степанъ
Александръ, и всю тайну моего дѣвическаго сердца ихъ благо-
родію объяви.

— Ну?

— Вотъ-съ я и пришелъ, ваше благородіе, прямо въ пала-
точку къ вамъ. Спрашиваю крещеный народъ: гдѣ таковой-то со-
коликъ живетъ? Вонъ тамъ, говорятъ, въ бѣлой палаткѣ,
борода.

— Ну?

Мое «мы» замѣтно отбивало краснорѣчіе у словоохотливаго рассказчика.

— Позвольте съ вашими высокоблагородіемъ ужь не-престу говорить. Есть барышня-красотка, и она-то такъ васъ полюбила, что не приведи Господи, какъ! даже дѣвическую робость забыла, и проситъ, чтобъ вы къ ея паненкѣ пожаловали.

— Зачѣмъ?

— Извѣстно, зачѣмъ.... за нею капиталцу десять тысячъ есть. Прекрасная-съ жена, ваше благородіе, будетъ. Она хотѣла къ вамъ сваху подослать, да та побоялась: «не хочу, говорить, въ лагерь идти, не хочу; офицеры — буйный народъ, — такъ и норовятъ либо поцаловать, либо по лицу съѣздить.» А я тутъ какъ-то случился, да и говорю ей, свахѣ-то: «ахъ ты, московская дура! да я самъ къ ихъ благородію пойду, и увѣренъ, что рыла на сторону они мнѣ не свернутъ, а еще ихъ благородіе стаканчикъ водочки мнѣ поднесутъ».

— Въ первомъ ты не ошибся, братецъ, а что касается до стаканчика, такъ я тебѣ его не поднесу, ступай себѣ съ Богомъ. Я невѣсть не нищу, и ты, видно, случайно ко мнѣ попалъ; ужь не послали ли тебя къ другому кому?

— Нѣтъ-съ, не къ другому, а прямо къ вашей милости. Мнѣ сама барышня, разсердившись на сваху, прямо наказала: «къ доктору, говорить, Степанушка, ступай; одно развѣдай—чтобъ онъ не пьющій человекъ былъ, — мнѣ лишь бы не пьяница только....»

Меня это разсмішило и взбѣсило вмѣстѣ. Какова отважность выйти за человека совсѣмъ неизвѣстнаго! — и говорить, послѣ этого, что женщины не храбры! И каковы должны быть требованія души — *лишь бы не пьяница только*, а объ остальномъ.... объ остальномъ и помину нѣтъ!

Я открылъ двери и выразительно указалъ на нихъ моему свату, даже не желая знать, кто такая эта барышня. Не успѣлъ я еще закурить папироску, какъ вдругъ онъ снова ворвался ко мнѣ и жалобно заговорилъ:

— Ваше благородіе, приходите хоть въ церковь-то, что на Моросейкѣ, тамъ барышня у обѣдни будетъ... хоть посмотрите, авось полюбится вамъ. Сквозь землю готовъ провалиться, что вы съ нею въ любви, да въ согласіи будете жить. Ваше благородіе, отецъ родной, приходите же на Моросейку, къ обѣдни...

Охъ; Царица праведная, ужь какъ барышня-то, сердечная, васъ любить, любитъ....

«И: этотъ тоже о любви толкуеть!» воскликнула я, выпроводивши вторично за дверь моего свата. — «Нежалуй, и барышня горевать станеть, сообщитъ подругъ, что судьба ей не выйдеть, но что она влюблена, несчастная; нежалуй, и замалаетъ даже, а какая нибудь свата и подсыажеть: «а все потому, что дѣло безъ меня, сударушка, начали.» Вѣдь выдумали жь слово «любовь» и твердятъ его безъ устали; да, болѣе пошлаго, неопредѣленнаго и глупаго слова во всѣхъ лексиконахъ нѣтъ!...»

Само собою разумѣется, я въ церковь не пошелъ и тѣмъ и порѣшилъ это дѣло.

Я думалъ, что болѣе никогда слова любви въ жизни своей не встрѣчу, и съ наслажденіемъ, потирая руки, повторялъ себѣ: «о, какъ я буду счастливъ, когда меня любить перестанутъ». А между тѣмъ, черезъ три года, опять подворнулось это сиверное слово, этотъ бессмысленный звукъ, эта любовь... И я долженъ рассказать вамъ и объ этой любви, прибавилъ докторъ уныло. Но прежде дайте мнѣ пуншу и крѣпкую сигару; вы будете слушать, но за то я по крайней мѣрѣ не потеряю время, и добрую сигару выкурю.

Я сказалъ уже вамъ, что случилось это года три или четыре послѣ рассказанной исторіи.

Я былъ тогда человѣкъ уже положительный, то есть имѣлъ орденъ на шеѣ, пару лошадей, собственный экипажъ, и лишняя денъга у меня про запасъ водилась, что очень хорошо было извѣстно нашимъ офицерамъ... До сихъ поръ девять человѣкъ изъ нихъ долгъ мнѣ не отдали, но Христосъ съ ними! я готовъ имъ еще столько же занять за одно счастье, что вырвался изъ ихъ общества.

Полковой нашъ штабъ стоялъ тогда въ Каменецъ-Подольскѣ. Я преждевременно повадѣлся на себя и смѣло входилъ во все общество, и ужь нисколько не дичился ни дамъ, ни дѣвицъ. Смотрѣлъ на нихъ просто, какъ на обыкновенныхъ смертныхъ, и твердо держался дѣйствительной почвы, считая остальное все вздоромъ, а себя человѣкомъ испытаннымъ и непоколебимымъ.

Однако, иногда чувствовалъ, что мнѣ чего-то не достаетъ... То сердце какъ-то глухо стучеть, то вдругъ ни съ того ни съ сего въ веселой бесѣдѣ задумываешь. Дѣло мнѣ бѣвало, и я упор-

но не хотѣлъ дать самому себѣ малаго отчета. А причина, почему тѣмъ, была, господа, но я передъ самимъ собою стыдился въ ней признаться. Я... какъ бы сказать? заинтересовался славыми, отличными существомъ, молодымъ и граціознымъ. Мнѣ непріятно было, что передъ этимъ лукавымъ, ребяческимъ взглядомъ я не смѣю оставаться вполнѣ спокоенъ. Сколько разъ, бывало, я принуждалъ себя устремить на все юпитеровскій взглядъ, а только подожду — тѣчасъ изъ Юпитера обращаясь въ барашка. Тѣмъ болѣе это было досадно, что я, человѣкъ уже проученный, съ безпокойствомъ видѣлъ, что съ каждымъ Божьимъ днемъ моя самостоятельность уплывала. Я, на примѣръ, отличался всегда пунктуальностью, какъ нѣмецъ; если я рѣшу, положимъ, обѣдать дома, то пусть богъ-знаетъ что произойдетъ, а я все-таки пообѣдаю дома. Я съ молодости приобрѣлъ привычку заранѣе распределять свой день, — и ужъ измѣненія ни для чего не допускаю. А тутъ, какъ на грѣхъ, это хорошенькое, вертлявое существо въ прахъ разбивало мои привычки. Бывало, она скажетъ:

— Вы пойдете сегодня послѣ обѣда гулять со мною?

— Пойду, отвѣчаю я, и тутъ же внутренно покраснѣю, потому что, скажи мнѣ это другая особа, я безъ запятокъ отвѣтилъ бы: «нѣтъ, не пойду, я долженъ уснуть послѣ обѣда, это мнѣ здоровѣе прогулки». Въ другой разъ, рѣшусь сдѣлать дома: присылаетъ подковница — отказываюсь, зовутъ товарищи — нѣду, кличутъ большого осмотрѣть — я указываю на другаго доктора, а все-таки остаюсь дома. А слово сказать стояло ей — я былъ тутъ, какъ тутъ.

Въ жизнь мою я никогда не былъ въ болѣе зависимомъ и обидномъ положеніи. И чѣмъ она мнѣ нравилась такъ? Самъ не знаю, чѣмъ: ни ума, ни особенной красоты въ ней не было, но вся ея стройная, молодая фигурка была облита такой неизъяснимою граціею, что невозможно передать. Повернетъ свою голову — ну, даже въ мірѣ не сможетъ сдѣлать это такъ свободно и благородно, какъ она! Подыметъ глаза, что за взглядъ! Послушаетъ ручкою по клавишамъ (играла она дурно), но ручка ея какъ-то особенно подымется и опустится легко, красиво. Бывало, прическу, или платье поправить, и то у ней какъ-то необыкновенно выйдутъ. А ужъ, бывало, какъ опрокинетъ слегка голову на спинку кресла, такъ надобоваться невозможно.

Въ одинъ вечеръ я на нее долго, долго смотрѣлъ.

— Отчего вы на меня смотрите такъ пристально?

— Отчего? Я вамъ скажу послѣ когда нибудь.

— Ну, нѣтъ, скажите теперь. Я сдѣлаю для васъ все, что угодно, только скажите теперь.

— Все? возражалъ я шутя: — подумайте хорошенько: я, быть можетъ, непросто васъ сдѣлаю то, что вамъ будетъ не совсѣмъ приятно?

— Что же это, докторъ? Развѣ вы хотите заставить меня-яду выпить? или другое какое нибудь лекарство?

— Нѣтъ, это много. Мое требованіе будетъ гораздо легче и удобнѣе.

Въ эту минуту вошелъ въ комнату одинъ изъ нашихъ офицеровъ, и продолжать долѣе разговоръ намъ обѣимъ показалось неловко.

На другой день она завела снова объ этомъ рѣчь.

— Такъ ваше требованіе легко и удобнѣе?

— Да, требованіе мое самое маленькое.

— Въ такомъ случаѣ напередъ обѣщаюсь его исполнить; но прежде доскажите то, чего вы не договорили вчера.

— Нѣтъ, прежде я долженъ видѣть, какъ-то вы исполните то, о чемъ я вамъ скажу, а то, пожалуй, вы меня обманете.

— Нѣтъ, нѣтъ, право не обману. Развѣ это можно? Я полагаю, докторъ, что нѣтъ болѣе тяжкаго грѣха, какъ обманывать другихъ, — не правда ли?

Какой взглядъ, какое выраженіе были въ эту минуту на ея лицѣ! При этомъ она какъ-то гордо выпрямилась и скрестила такъ красиво свои руки, что просто бери кисть и рисуй эту прелестную позу.

— Что же, скажете вы, наконецъ? нетерпѣливо твердила она, смѣясь и шаловливо качая головой въ обѣ стороны.

Но я и тутъ удержался, превозмогъ себя и ничего ей не сказалъ, боясь остаться въ дуракахъ, потому что на губахъ моихъ уже шевелилось признаніе въ любви.

Я ушелъ домой, твердо рѣшившись не видаться болѣе съ нею. Но въ тотъ же вечеръ получила отъ нея коротенькую записку:

«Если вы не придете завтра къ намъ обѣдать, я поссорюсь съ вами на вѣкъ. Вы должны придти, если у васъ есть хоть крошечка сердца».

Ворочалъ я эту записочку, ворочалъ, а кончилось тѣмъ, что на другой день отправился къ ней объѣдать.

Она была еще лучше и граціознѣе въ тотъ день. Подали объѣдъ и я усѣлся около нея. «Откуда», думалъ я: «берется у ней столько разнообразія въ движеніяхъ, такая прелесть во всемъ?»

Пока я это думалъ, она, обратившись къ своей матери, со смѣхомъ заговорила:

— Вы не замѣчаете, маменька, какъ докторъ окуждаетъ нашъ супъ, и брови у него надвинулись, и ложкою какъ-то лѣниво онъ двигаетъ.

— О, нисколько! отвѣчалъ я, пойманный врасплохъ. — Супъ очень хорошъ.

— Что же, скажете вы, наконецъ? вдругъ заговорила она, припоминая нашъ прежній разговоръ, съ такою милою, невольною гримаскою, что я невольно разсмѣялся.

— Ахъ, Подицька, не мѣшай доктору кушать, отвѣчала мать:—а то ты, пожалуй, совсѣмъ ему надоѣшь.

Надо вамъ знать, что мать ея была женщина небогатая, даже бѣдная, поэтому, немудрено, что я старухѣ казался выгоднымъ женихомъ, и она меня баловала.

— Вы думаете послѣ объѣда соснуть? отнеслась ко мнѣ Подицька.

— Думаю.

— А если я вамъ сыграю изъ «Лукреціи Борджини»?

— Я терпѣть не могу музыки; сонъ, право, слаще.

— А если я вамъ расскажу одну маленькую исторію?

— Я послушаю.

— И спать не будете? спросила она.

— Не буду.

— Ахъ, маменька, закричала она съ торжествующимъ лицомъ:—докторъ спать не будетъ! гдѣ бы записать уголькомъ это диво: на потолокъ, или стѣнкѣ?

— Гдѣ хотите, но только не забывайте, отвѣчалъ я:—если не спать вы находите жертвою съ моей стороны, то и вы должны постараться сообщить мнѣ что-нибудь необыкновенное.

— Постараюсь, отвѣчала она, и задумалась.

Дѣйствительно, она *постаралась*, и когда мы остались, послѣ объѣда, вдвоемъ, она незамѣтно заставила меня сознаться, что я влюбленъ въ нее, и тутъ же объявила, что она меня любитъ еще больше, чѣмъ я ее. Я припалъ къ рукѣ ея и долго не вѣ-

риль своему счастью: Тутъ же мы начали проектировать о нашихъ будущихъ планахъ и рѣшили, по ея совѣту, до поры—до времени ничего не говорить старухѣ: Полинька хотѣла поразить ее размахъ: заказать потихоньку въичальное платье и обручальныя кольца и потомъ просить у ней благословенія, и, безъ всякаго шуму и эффекту, отправиться прямо въ церковь.

Меня восхитила эта мысль, въ которой не было никакого пустяго тщеславія, свойственнаго молодымъ дѣвушкамъ, любящимъ тотчасъ ударить въ набатъ по цѣлому городу, развѣзжать по знакомымъ и хвастать жениховыми подарками.

— Какъ же мы это сдѣлаемъ, проговорила Полинька: — вѣдь, маменька, пожалуй, замѣтитъ, если я возьму у ней деньги?

— Конечно, замѣтитъ, Полинька, ты этого не дѣлай. Я завтра же вручу тебѣ деньги, только скажи, сколько надо?

— Ахъ, я, право, не знаю! отвѣчала она наивно.— Это не будетъ для тебя много, если, напримѣръ, тысячу... ай, вѣтъ, что я говорю, это много, намъ нужно быть экономными.

— Нѣтъ, нѣтъ, не много, отвѣчалъ я, цѣлуя ее руки. — Я завтра же принесу тысячу рублей.

— О, въ такомъ случаѣ, весело отвѣчала она:— я черезъ недѣлю все устрою.

— Будто такъ скоро? Смотри, чтобъ не догадались.

— О, будь спокоенъ, мой милый, мой ненаглядный! Вѣдь я теперь еще болѣе тебя люблю, потому что ты мой! воскликнула она и отъ всего сердца поцаловала меня въ губы.

На другой день я отдалъ ей деньги. Цѣлая недѣля прошла для меня самая блаженная: я каждый день видался съ нею, включая часовъ, когда она уходила дѣлать приготовленія къ нашей свадьбѣ. Все нами было обдуманно такъ ловко, что даже старуха ничего не подозрѣвала; я самъ все забывалъ, когда Полинька возвращалась домой веселая, довольная и съ лукавою улыбкою, которая мнѣ ясно говорила: «дѣло идетъ хорошо!»

— Не надо ли еще денегъ? спрашивалъ я украдкою.

— Нѣтъ, шептала она: — не надо...

— Да можетъ быть тебѣ болѣе надо заказать?

— Нѣтъ, милый, надо спѣшить, съ бѣльемъ возни много.

— И мы жали другъ другу руки и только перекидывались веселыми взглядами. Этотъ шопотъ, эти недосказанные рѣчи, маленькія хитрости противъ старухи, поцалуй, схваченный на лету, радостное волненіе и поджиданіе, нетерпѣливое поджиданіе

ніе свѣтлаго, лучезарнаго будущаго, съ ускоренною тревогою сдержаннаго чувства... помню, какъ одинъ разъ она торопливо вырвала маленькую картинку изъ своего альбома, завернула въ душистую ленту изъ пунцоваго бархата и проворно сунула мнѣ за жилетъ.

— Зачѣмъ это? спросилъ я.

— Такъ, я отъ счастья рѣшительно не помню, что дѣлаю! отвѣчала она.—О, ты не знаешь, какъ много ты сдѣлалъ для меня, ты воскресилъ меня...

Въ субботу, наканунѣ дня, когда мы должны были объявить весь нашъ заговоръ старухѣ, я нарочно провелъ цѣлый день дома, чтобъ и съ своей стороны сдѣлать кой-какія распоряженія. Я видѣлъ, что намъ придется еще одну недѣлку подождать. «Ни я, ни Полинъка», разсуждалъ я: «не успѣли еще всего приготовить».

Съ этою мыслью отиравался я, въ воскресенье утромъ, изъ дому, чтобъ предварительно переговорить съ Полинкою, никакъ не думая, что моя несравненная, дорогая Полинъка успѣла уже все приготовить...

Почти въ одно время я и старуха узнали, что Полинъки нѣтъ въ городѣ... она, ночью, бѣжала... бѣжала съ однимъ маленькимъ, незначительнымъ чиновникомъ. Онъ, видно, нравился ей давно; но старуха и слышать не хотѣла объ ихъ бракѣ; Полинъка же, получивъ средства, ускакала съ нимъ изъ города и пересѣлалась.

Вотъ чѣмъ кончилось все дѣло. А старуха-то, мать ея, дѣла до сихъ поръ убѣждена, что я помогалъ этому бѣгству...

Вы можете представить себѣ, какъ подѣйствовало на меня это происшествіе, и какія послѣдствія того усилія употреблялъ я, чтобъ рѣшительно не имѣть никакихъ столкновеній съ женщинами. Однако, видно, чему быть, того не миновать никакимъ образомъ, — и всѣ мои старанія не повели ровно ни къ чему.

Довелось мнѣ прожить нѣсколько мѣсяцевъ въ одномъ прескверномъ, прескучномъ губернскомъ городѣ. Какъ ни былъ ожесточенъ я противъ всевозможныхъ семействъ и обществъ, однако, подѣ-часъ, меня разбирала тамъ сильная скука. А тутъ еще осень подступила съ своими темными вечерами, съ своими сѣрыми непогодами...

Вотъ, въ одинъ изъ такихъ злополучныхъ вечеровъ, присылаютъ за мною просить въ домъ баронессы Д...

— «Сынокъ захворать неволя.гь», сказалъ мнѣ присланный ими лакей, — «Донашній-то докторъ нкъ превосходительства уѣхалъ, — такъ мемушка баронесса всю надежду на васъ полагасть».

Пріѣзжаю. Точно ослаѣпило меня, — такое кругомъ великолѣпіе. Лѣстница, устланная коврами, вся въ цвѣтахъ, освѣщенная лампами. А комнатъ-то, комнатъ...

Большой былъ мальчикъ лѣтъ 12-ти, и лежалъ въ небольшомъ жару, окруженный гувернёрами и прислугою.

Осмотрѣвъ его и сдѣлавши нужныя распоряженія, я хотѣлъ было унн и домой направиться, да въ эту минуту подошелъ ко мнѣ тотъ же лакей и сказалъ, что «баронесса меня просить къ себѣ на половину изволила.»

Это меня покоробило... Однако, утѣшая себя тѣмъ, что, по всей вѣроятности, визитъ этотъ кончится ничѣмъ, и что у меня никогда не можетъ быть ничего общаго съ какой нибудь богатой баронессой, — я храбро направился за показавшимъ мнѣ дорогу человѣкомъ.

Черезъ нѣсколько секундъ отутился я лицомъ къ лицу съ его барыней, сидѣвшей какъ-то необыкновенно величественно на бархатномъ диванѣ, въ глубинѣ своего роскошнаго, прихотливаго кабинета.

Около нея сидѣла еще какая-то дама, но я, подъ влияніемъ своей злобы на весь прекрасный полъ, — и глядѣть на нее не хотѣлъ, а стоялъ и ждалъ объясненія, для чего угодно было видѣть меня ея превосходительству?

— Садитесь, докторъ, сказала мнѣ баронесса самымъ пріятнымъ, аристократически-уточненнымъ тономъ: — и скажите мнѣ, ради Бога, что съ моимъ сыномъ?

Я успокоилъ еѣ и сказалъ, что болѣзнь вовсе незначительна.

— Ахъ, благодарю васъ, благодарю васъ; вы меня воскрешаете!.. а я даже не рѣшалась взглянуть на него! — и она поднесла вышитый платокъ къ глазамъ.

Какъ ни старался я уйти, а сдѣлать этого не было ни малѣйшей возможности: баронесса рѣшительно не пускала меня и безпрестанно говорила, «что она очень рада, что встрѣтила въ этомъ скучномъ городѣ такого милаго и пріятнаго знакомаго».

— Мужикъ мой уѣхалъ по дѣламъ, добавила она: — и я пестоянно одна, смучаю вотъ здѣсь съ моею нузиной.

Тутъ сидѣвшая около нея дама приподнялась, и я долженъ

Быль поневоля поглядѣть на нее: это была не то молодая и не то старая, раздраженная особа, поклонившаяся мнѣ съ большимъ достоинствомъ. Я просидѣлъ у нихъ еще нѣсколько времени и наконецъ ушелъ, вынужденный дать слово, что буду бывать у нихъ какъ можно чаще.

Мальчикъ, противъ моихъ ожиданій, поправлялся довольно медленно; я поневоля бывалъ у нихъ каждый день, и каждый разъ, по окончаніи моего визита въ дѣтской, являлся передъ мною тотъ же лакей и тѣмъ же невозмутимымъ тономъ объявлялъ: «пожалуйте въ кабинетъ къ баронессѣ».

Кончилось тѣмъ, что я, наконецъ, привыкъ къ этимъ барышнямъ.

И въ самомъ дѣлѣ, обращеніе ихъ и обстановка были такого рода, что могли разубѣдить хоть какого заклятаго врага женщины. Разговоръ шелъ обыкновенно дѣльный; баронесса и ея кузина читали много, знали толкъ во всемъ; и, казалось, такъ мало имѣли претензій на обыкновенныя женскія замашки, и между тѣмъ незамѣтно такъ умѣли ловко польстить иногда моему самолюбію, что я чувствовалъ себя необыкновенно пріятно въ ихъ домѣ. Сидишь, бывало, въ ихъ уютномъ, какъ игрушечка убранномъ кабинетикѣ, и даже забываешь, что возлѣ тебя сидятъ недоступныя аристократки: и говорили-то онѣ, бывало, только то, что было мнѣ ближе и пріятнѣе.

Баронесса иногда по цѣлымъ часамъ спрашивала меня о службѣ, о моихъ занятіяхъ...

— Что вы не переходите въ Петербургъ? спросила она у меня однажды. И потомъ, какъ бы размысливъ о чемъ-то, добавила: — вотъ прійдетъ мужъ, это будетъ моя первая къ нему просьба...

«И все это ни за что, такъ, даромъ!» думалъ я. «Вотъ какъ важны иногда бываютъ послѣдствія какой нибудь ничтожной встрѣчи!»

Сначала я косился, правда, нѣсколько на эту черную музину: на меня наводила непріятное чувство всякая несамужная женщина; да къ тому же, не любилъ я, бывало, когда она садилась пѣть и вѣчно требовала, чтобъ я перевортывалъ ей ноты и потомъ рассказывалъ, какъ подѣйствовало на меня ея пѣніе.

Но потомъ и къ этому привыкъ я. Меня успокоило ее уже отжившее, нѣсколько подрумяненное лицо, ее накладные лекнды и вѣчные разговоры объ ученыхъ предметахъ. «По всему

видно», думалъ я: «что пора ея пришла. Да и что ей во мнѣ? Экъ, напугали меня, подумаешь, эти пошлыя барышни! Здѣсь и мысль—то не можетъ прійти о подобной грязи!»

Мы иногда и веселились. Такъ одинъ разъ составилаь у насъ поѣздка на загородную мызу баронессы, и мы всю ночь прокатались съ горъ и протанцовали.

Передъ отъѣздомъ домой, кузина баронессы подошла ко мнѣ и очень мило попросила покатать ее немножко съ горъ.

Мы отправились, и я благополучно проѣхался съ нею раза четыре, какъ вдругъ, помогая въ послѣдній разъ встать ей съ савей, я замѣтилъ, что руки моей дамы какъ-то опустились и что она падаетъ...

— Что съ вами? спросилъ я ее, и наклонившись, увидалъ, что ей дѣлается дурно. Я схватилъ ее и кое-какъ дотащилъ до бывшаго тутъ недалеко павильона. Къ счастью, онъ былъ освѣщенъ, и я, усадивъ мою даму на диванъ, побѣжалъ за стаканомъ воды.

Общество, между тѣмъ, снова возвратилось въ залу и танцовало; я не хотѣлъ тревожить баронессы и объявлять ей о положеніи ея сестры.

Прихожу — дама моя совсѣмъ умираетъ: глаза закрыты, поблѣднѣла, руки висятъ и какъ ледъ холодны... Наконецъ, я привелъ ее въ чувство.

— Докторъ, это вы? спросила она меня слабо, и вдругъ, съ испугомъ оглядѣлась кругомъ.

— Ахъ, ради Бога, докторъ, пойдите, пойдите отсюда скорѣе! И она встала и шатаясь схватила меня за руку.

— Ахъ, что вы со мною надѣлали, ахъ, это несчастное танъе, ахъ, какъ все это неприлично! и зачѣмъ я съ вами? что обо мнѣ теперь подумаютъ! Боже мой, какъ не хочется мнѣ идти въ эту случную залу!

И она старалась идти, спотыкалась и почти пала на каменную ступу.

При входѣ въ залу, насъ встрѣтила баронесса, и лукаво посмотрѣвъ на насъ, погрозила пальчикомъ...

По приѣздѣ домой, большая моя слегла въ постель, и несмотря на всѣ мои противорѣчія, убѣждала, что она чувствуетъ себя очень дурно.

Служа нѣсколько времени, я пришелъ къ нимъ съ отвѣтомъ по одному порученію баронессы, очень рано утромъ. Узнавъ

отъ людей, что господа еще почитаютъ, я взялъ газету и расположился подождать ихъ въ замѣ.

Изъ сосѣдней комнаты долеталъ до меня шумъ метущей полъ щетки. Погода нѣсколько, я услышалъ разговоръ:

— Что жь, скоро ль конецъ-то у васъ будетъ? говорили мужской голосъ. — Аль не все еще приготовили къ свадьбѣ?

— Хорошо вамъ спрашивать-то, Григорій Матвѣичъ, отвѣчала тонокій женскій голосъ, вѣроятно принадлежавшій горничной: — а побыли бы вы на моемъ мѣстѣ, такъ не то заговорили бы. Вчера вонъ, такъ-то меня набила да измучила, «всѣ волосы, говорить, тебѣ выдергаю, коли ты не причешешь меня, какъ я хочу... И безъ того, говорить, по твоей шлести я на урода похожа!»

Наступило небольшое молчаніе, и снова послышалось шарканье щетки.

— Да и что жь это, опять заговорилъ мужской голосъ: — она такъ привязалась къ нему? Коли не подается, вѣшто другихъ жениховъ мало?

— Да, скоро найдутъ онять дурака такого, — какъ же, держи карманъ! отвѣчала горничная: — намедни Настя изъ магазина подслушала, какъ онѣ тамъ бранились съ барышней-то, по-французскому: моя-то все плачетъ, а барыня-то кричитъ на нее, «что, молъ, коли ты еще этого осла-доктора не поймашь, такъ я, говорить, больше тебя и знать не хочу; и безъ того, говорить, того и гляди, старое-то узнаешь, тогда и поѣжай ты отъ меня хоть на всѣ четыре стороны; и такъ я для тебя довольно разорилась, теверича одинъ пакникъ, говорить, чего мнѣ стоять!...»

Услыжавъ такіе разговоры, я всталъ, тихонько пробрался въ переднюю и свободно вздохнулъ только на свѣжемъ воздухѣ.

Въ продолженіе трехъ дней, въ которые я не показывался къ баронессѣ; ко мнѣ принесли отъ нея ровно шесть записокъ. Последняя заключала въ себѣ самое нѣжное поздравленіе съ днемъ моего ангела, и самое любезное приглашеніе провести этотъ день въ ея семействѣ, запросто, «а можетъ быть», прибавлялось въ запискѣ: «мы и потанцуемъ».

Я внутренно хохоталъ и съ какой-то дикой злостью перечитывалъ эту аристократическую записку...

На этомъ занятіи засталъ меня одинъ пріятель. Я рассказывалъ ему подслушанный утренній разговоръ и показывалъ записки.

Пріятель мой былъ веселый малый, и плачевная развязка такъ блистательно начатаго мною знакомства послужила ему только средствомъ лишній разъ повеселиться.

Мы довольно долго съ нимъ поспорили, и кончилось тѣмъ, что, заранѣе кое-въ-чемъ другъ съ другомъ условившись, мы отправились на званый вечеръ.

Когда мы вошли, гости уже танцовали. Едва пробрались мы съ пріятелемъ въ особую, свободную комнату, какъ къ намъ подошла баронесса подъ руку съ своею кузною. Надѣлавъ самыхъ милыхъ выговорозъ за долгое отсутствіе, онѣ стали звать меня танцовать.

— Я сегодня рѣшительно, кромѣ васъ, докторъ, ни съ кѣмъ танцовать не хочу! сказала кузина баронессы и подала мнѣ руку. Но я нехотѣлся назадъ и сухо поклонился.

— Въ такомъ случаѣ, вы навсегда, значить, распрощались съ танцами, отвѣчала я ей.

— Почему это?

— Потому, что я не танцую больше.

— Ни съ кѣмъ?

— Это смотря по обстоятельствамъ...

— Ну, тамъ вы? обратилась сконфуженная дама къ моему пріятелю.

— Я съ болыниимъ бы удовольствіемъ, отвѣчалъ онъ, и юркнулъ за стулъ:— да вотъ докторъ запретилъ мнѣ: «говорить, я и лечить тебя не стану, пока ты не трудишь изъ пустяковъ свою болыную ногу».

— Ну, такъ можно будетъ устроить фанты, сказали обѣ хозяйки, едва завитно переглянувшись между собою:— докторъ будетъ сракуленъ!

И меня усадили, накрыли мою голову платкомъ и поочередъ стали спрашивать будущее.

Долго подумывалъ я сквозь платокъ, скоро ли подойдетъ съ вопросомъ моя «суженая»... Наконецъ, почувствовалъ, какъ ей худая рука легла мнѣ на голову...

— Это существо фальшивое, сказалъ я. — Фальшивое съ головы до ногъ, и совѣтовалъ бы я ему почаще вспоминать свое прошлое и помнить, что «старого воробья на макія обмануть трудно!»

— Вы все загадками говорите, докторъ, сказала мнѣ кузина баронессы, когда игра кончилась.

— Теперь давайте разыгрывать фанты: чей фантъ вынется, что тому дѣлать?

По секрету сказать каждому на ухо, сказалъ кто-то.

— Доктору, доктору! закричала кузина баронессы, подавая мнѣ вынутый ею фантъ.

Всѣ устѣлись, и я сталъ обходить публику, говоря каждому по секрету.

— Я знаю всѣ ваши продѣлки, сказалъ я тихо кузинѣ баронессы, когда очередь дошла до нея, и она наклонилась ко мнѣ, бросивъ сначала нѣжный взглядъ:—и совѣтую скорѣе прекратить ваши любезности, потому что я въ послѣдній разъ у васъ въ домѣ и никогда и не думалъ на васъ жениться...

На этотъ разъ, она не сумѣла овладѣть собою и, что-то несвязно пробормотавъ своей сестрѣ, вышла сконфуженная изъ комнаты...

Многіе изъ гостей переглянулись съ улыбкою. Видно было, что каждому моему слову съ кузиною баронессы всѣ привыкли придавать особенное значеніе.

— Нѣтъ, рѣшительно танцовать веселѣе, сказала баронеса: — докторъ! прибавила она съ упрекомъ тихо: — вѣдь этотъ вечеръ я устроила именно для васъ, а вы ни въ чемъ не хотите и пользоваться!

— Пусть пользуются другіе, отвѣчалъ я ей также тихо: — а обо мнѣ напрасно безноконилъ!

За ужиномъ мы сѣли съ пріятелемъ на концѣ стола и довольно удачными остротами встрѣчали многочисленные тосты, вызываемые хозяйною въ честь имяннинника.

— Ней болше, говорилъ мнѣ мой пріятель: — вѣдь ты имяннинникъ! «Господа! за здоровье имяннинника!» кричалъ онъ нетвердымъ языкомъ, покачиваясь во всѣ стороны: — ней, обращался онъ снова ко мнѣ: эффектно отдѣлаешься!

Между тѣмъ баронесса хирилась, а кузина ея сидѣла, какъ проговоренная къ смерти.

Едва кончился ужинъ, ко мнѣ подошла баронесса, и взявъ меня подъ руку, увела въ свой кабинетъ.

— Я вынуждена переговорить съ вами, докторъ, сказала она мнѣ, сдерживая свой гнѣвъ: — вы должны объяснить мнѣ, что все это значить? какъ понять должны мы ваше поведеніе?

— О чемъ вы говорите, баронесса? не трудитесь выразиться яснѣе.

— Ну, хорошо! я скажу вамъ прямо: — развѣ такъ обращаются съ особой, которая васъ любитъ?

— Съ кѣмъ это, снѣю спросить?

— Полноте хитрить, докторъ! вѣдь я давно все знаю! развѣ неизвѣстно вамъ, что весь городъ говоритъ, что кузина моя ваша невѣста...

— Невѣста? мол? давно ли порѣшили вы это съ вашей кузиной?

— А! закричала баронесса: — такъ вы еще и съ дерзостями! хорошо же: вотъ прѣдетъ мой мужъ!... Неужели, продолжала она съ злостью: — вы были такъ просты, что думали, что мы принимаемъ васъ безъ всякой цѣли? И за что же мы ласкали васъ, за что принимали?

— За ласки, извините баронесса, отвѣчалъ я: — платить вамъ тѣмъ же я не хочу, а что касается до прѣемовъ вашихъ, до поддержки насчетъ меня, пришлите мнѣ счетъ, я заплачу.

И я поклонился и вышелъ.

Долго послѣ трезвонла по городу обо мнѣ баронесса, и потерпѣлъ же вѣдь я изъ-за нея: во многихъ домахъ мнѣ отказали въ практикѣ.

Въ то время, когда происходили воѣ эти плачевныя исторіи по части любви, служба моя, напротивъ, шла великолѣпно.

Все, что только выходило изъ круга любви, удавалось мнѣ какъ нельзя лучше. Я составилъ себѣ изрядную репутацію, какъ докторъ, пациентовъ у меня было пропасть и, не хвастаясь скажу, я былъ общимъ любимцемъ. Даже у людей самыхъ сосредоточенныхъ и гордыхъ я всегда находилъ привѣтливое расположеніе къ себѣ, добрую улыбку и откровенное слово. То, что другимъ не прощали, для меня сходило всегда легко, безъ всякихъ послѣдствій: вообще, люди были ко мнѣ скорѣе добры, чѣмъ злы. Но — непостижимая вещь! — чуть-чуть дѣло касалось любви, какъ нарочно, все выходило замѣчательно гадко. Богъ вѣсть, наружность ли моя ужъ такая, что ничего другого не можетъ внушить женщинамъ, иромѣ одной мысли — смотрѣть на меня, какъ на подставнаго жениха, или что либо другое, но женщины, вѣдь только женщины, терзали, кололи, посягали на мое счастье. Ужъ я ли не былъ остороженъ на этотъ счетъ, но ничего не помогало, ничего не спасало.

Судите сами, господа.

Перешелъ я изъ военной службы въ гражданскую, и на от-

личное мѣсто еще перешелъ. Одна только слава, что есть начальство, а въ сущности, и больница, и фельдшера, и кругъ моихъ занятій предоставлены были совершенно мнѣ. Зажилъ я чудесно: поселился въ деревнѣ, не вдалекѣ отъ города; завелся хорошими книжками, сталъ мужичковъ лечить съ любовью и стараніемъ, не думая ни о какихъ визитахъ, — благо, жалованье хорошее, квартира просторная, подъ окномъ сиренью пахнетъ, въ двухъ шагахъ судоходная рѣка протекаетъ; пароходы взадъ и впередъ каждый день сплываютъ: едутъ съѣсть только, и въ городѣ черезъ часъ очутился, и для хозяйства купилъ все, что надо. Кромѣ того, меня навѣщалъ хорошій, небольшой кружокъ умныхъ пріятелей; натянемъ парусъ, сядемъ въ лодку и пѣсенку запоемъ, — словомъ, не жизнь была, а просто отдыхъ душевный.

Между тѣмъ мнѣ надо было, по дѣламъ, съѣздить на нѣсколько дней въ Петербургъ. Тамъ познакомился я съ однимъ чиновникомъ, милымъ и неглупымъ человѣкомъ. Сталъ онъ спрашивать меня о моей жизни; расхвастался я своею деревенскою жизнью и, глядя на его больное, измученное лицо, предложилъ ему пріѣхать ко мнѣ погостить лѣтомъ.

— Что вамъ стоитъ, заключилъ я: — тутъ по желѣзной дорогѣ, а тамъ пересядете на пароходъ и, въ нѣсколько часовъ, къ самому порогу моей квартиры дойдете.

Тѣмъ и кончилось; я возвратился домой, забылъ о чиновникѣ, но чиновникъ обо мнѣ не забылъ. Черезъ нѣсколько времени получаю отъ него письмо. Пишетъ, что хочетъ воспользоваться моимъ приглашеніемъ и, вмѣсто петербургской дачи, предпочитаетъ провести лѣто въ деревнѣ, на берегахъ Волхова.

Линный человѣкъ въ деревнѣ — не лишній, поэтому я тотчасъ отписалъ, что жду его съ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, мнѣ хотѣлось и подлечить немножко этого господина, сильно страдавшаго грудью.

Въ одинъ день, пароходъ подвезъ ко мнѣ ожидаемаго гостя, но не одного... Я не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ, когда увидѣлъ изъ окна, что ко мнѣ на крыльцо избирались сперва нѣвѣстный мнѣ чиновникъ, потомъ какая-то старуха, потомъ молодая женщина, за нею другая, тоже молодая, далѣе горничная, а за горничною нянька съ ребенкомъ: пѣлыхъ шестера штукъ, исключая ревушаго ребенка. Сильно мнѣ это не понравилось, но нечего дѣлать — пошелъ на встрѣчу.

Членовникъ мой замѣтно былъ скованъ; я тотчасъ по лицу его догадался, что это нашествіе не отъ него зависѣло, а ему только приказали везти всю эту обзону вмѣстѣ съ собою. Мнѣ даже жаль его сдѣлалось, и я старался принять ихъ ласковѣе. Тутъ онъ мнѣ представилъ свою жену, женину мать, свояченицу и нѣсколько оправился отъ перваго замѣшательства.

— Какая у васъ большая квартира, замѣтила старуха-мать.
— Вотъ, говорить, деревня, а поди, какія палаты бывають. Мебель, позвольте спросить, ваша?

— Моя.

— Собственная?

— Собственная.

— Заказная, или купленная?

— Купленная.

— Вотъ такая же точно мебель была у моего дяденьки, когда они были частнымъ приставомъ... Ахъ, и фруктовый садъ есть... онъ тоже принадлежитъ вамъ?

— Да.

— Какія чудесныя яблоки въ немъ растутъ, воскликнула молодая дѣвушка.

— Да, волшебная мать: — это мирончики...

— Ай, вѣтъ, маменька, это каравочки...

— Говорю тебѣ, душенька, что это мирончики: десятокъ такихъ яблоковъ въ Петербургѣ, на Садовой, трехрублевый стоить — и не подходи лучше! А вотъ этотъ орѣховый столъ... орѣховый, кажется?

— Орѣховый, подтвердилъ я почтительно.

— Двѣ канлы воды похожи на тотъ, который былъ у моего дяденьки, и также о двѣнадцати ножкахъ. Помнишь, Дунечка, онъ еще въ столовой у него столъ?

— Ахъ, воишь, помню, маменька! съ жаромъ воскликнула молодая дѣвица. — Онъ еще на немъ устраивалъ о Рождествѣ бѣду.

— Ну, да, тотъ именно. Боже мой, какая дивная мебель была у моего дяденьки, заключила старуха и при этомъ снова окинула быстрымъ, орлинымъ окомъ мои комнаты. — Не хвастаясь, доложу вамъ, дѣточка, у дяденьки моего чудная, божественная квартира была! А вотъ это зеркало, добавила она съ приятною улыбкою; — немощко криво у васъ виситъ, гвоздочки надо переставить.

Я почувствовалъ, что старуха съ первыхъ же словъ хочетъ взять меня подъ свое покровительство, и понялъ ту молчаливую, страдательную роль, какую разыгрывалъ несчастный зять въ ея присутствіи. Онъ молчалъ и только нарѣдка болѣзненно кашлялъ.

Наконецъ кой-какъ я ихъ устроилъ. Отвѣлъ имъ почти весь домъ, а самъ пошѣтился въ одной комнатѣ. Тутъ такая попытка для меня началась, что и представить невозможно.

Старуха покою мнѣ не давала, дѣлала пряные и косвенные намеки на прежнее свое величіе (а величіе-то ея все состояло въ томъ, что дяденька ея былъ въ Петербургѣ частнымъ приставомъ), шипѣла противъ моей кухарки, замѣчала, что она свержнаго характера и дурно бѣлье мнѣ носить. Дочка ея, дѣвица, тоже не отставала отъ матушки — сплетничала во утрамъ, нарядилась къ обѣду и говорила мнѣ любезныя пошлости. Старшая сестрица, замужняя, удерживала ее, давая почувствовать, что молодой дѣвухкѣ негодится быть такимъ сорванцомъ; меньшая злилась на нее и плакала, непрерывно жалуюсь матери, — словомъ, я увидѣлъ вполне, что такое семейная жизнь людей бѣдныхъ, грубыхъ и дурно воспитанныхъ. Одинъ только страдалецъ-мужъ похожъ былъ на человѣка: саткнетъ, бывало, уши и по цѣлымъ днямъ сидитъ надъ рѣкою и грѣется на солнышкѣ. Онъ вовсе не походилъ на того умнаго и развязнаго человѣка, какимъ я видѣлъ его въ Петербургѣ; въ присутствіи семьи онъ ничего не говорилъ и какъ-то скорбно и робко смотрѣлъ все въ землю. Богъ-вѣсть, какимъ образомъ онъ попалъ въ такую семейку.

— Иванъ Ивановичъ, Иванъ Ивановичъ, кричала однажды молодая дѣвица, стуча ко мнѣ въ окно. — Ведите устроить мнѣ качели, я страхъ какъ люблю качаться.

— Можно будетъ устроить, подождите, отвѣчалъ я равнодушно, выглядывая на улицу, гдѣ молодая дѣвухка, вооружившись палкою, отчаянно шакала ею на собравшихся деревенскихъ ребятшекъ.

— Когда же вы устроите, Иванъ Ивановичъ, качели-то?

— А вотъ, какъ нибудь, современемъ.

— Какой милый отвѣтъ! И вамъ не стыдно, Иванъ Ивановичъ, если я умру здѣсь со скуки.

— Не умрете, отвѣчалъ я тѣмъ же равнодушнымъ тономъ.

Она надулась. Я обрадовался, полагая, что послѣ этого раз-

говора, она оставитъ меня въ покоѣ. Не тутъ-то было: не прошло и часу, какъ она стала хохотать и снова вызывать меня. Я открылъ окно, и что же вижу? моя дѣвица привязала веревку къ двумъ столбамъ у садовой калитки и, сидя лицомъ ко мнѣ, со всего размаку летаетъ себѣ по воздуху.

— Вотъ ва зло вамъ, кричала она: — я устроила для себя качели. — Нянюшка, нянюшка! продолжала она: — подай мнѣ маленькаго Васю, я его тоже покачаю.

— И, барышня, въ ушѣ ли вы! сердито отвѣчала няня, защищая груднаго ребенка. — Да вы эдакъ головку ему свернете.

Барышня расхохоталась и, по прежнему, продолжала размахивать себя.

Сдѣнь въ подобномъ родѣ было множество. Ни крестомъ, ни пестомъ не могъ я отдѣлаться отъ этой развязной барышни. На всѣ ея продѣлки, мать смотрѣла съ какимъ-то умиленіемъ ослѣпленной индѣйки.

— Вотъ такая же точно и я была въ дѣвкахъ, обыкновенно замѣчала она. И такая я была ловкая, да сильная, что когда придетъ, бывало, охота подурачиться, такъ любого мужчину за поясъ заткну... И у Дунечки моей такая же рѣзвость, все бы порхать ей, моей голубушкѣ. Известно, невинная молодость, что ей!...

Поощряемая такимъ образомъ матушкою, Дунечка вела себя крайне неприлично. Одинъ разъ, за обѣдомъ, она, какъ маленькая дѣвчонка, болтала ногами и рассказывала страшныя глупости, — зять не выдержалъ на этотъ разъ и съ неудовольствіемъ ей замѣтилъ:

— Какъ это у тебя языкъ не устанетъ молоть такіе вздоры.

— А что жъ по вашему, вмѣшалась сердито мать: — все въ молчанку играть? Вотъ вы все молчите, а много ли проку отъ этого? Всего 22 рубля жалованья получаете!

— Въ настоящее время, молчалиники и постники только въ монастыряхъ водятся, прошипѣла Дунечка.

— А дяденька мой, на что, кажется, приставомъ былъ, цѣлой Сѣвною площадью и Гостинымъ дворомъ заправлялъ, съ укоромъ продолжала старуха: — однако, такой веселый кавалеръ былъ, что помираешь со смѣху, сидя съ нимъ! Вотъ это мужчина, какъ есть мужчина! А вамъ, сударь, стыдно Дунечку смущать; у васъ есть жена, такъ смотрите за нею, а Дунечку

оставьте... Вы, съ вашимъ злымъ языкомъ, готовы партію ей разстроить! заключила она, дрожа отъ злости.

При словѣ «партія», сорвавшимся съ языка у раздосадованной матушки, я насторожилъ уши.

«Ба», подумалъ я: «такъ это она привезла свою дочку ко мнѣ въ качествѣ невѣсты! вотъ отчего безирерывные намеки, что кухарка моя и бѣлья мыть не умѣетъ, и обкрадываетъ меня безпощадно».

Съ этого дня привалъ я другую методу, и сдѣлался весьма сухъ съ ними. Но старуха почему-то все это приписывала навѣтамъ и ехидности своего зятя, злилась на него страшно, а мнѣ льстила, угождала и всячески хотѣла подобрать меня въ свои руки. Планы ея расширились: смотрю, изъ Питера для Дунечки разомъ двѣ шляпки выписали, Дунечка охаетъ, Дунечка закатываетъ глазки, Дунечка въ шляпкѣ вертится, Дунечка руку мнѣ жметъ, Дунечка на ночную прогулку меня зазываетъ... Словомъ, самую энергическую атаку противъ меня повели. Въ собственномъ домѣ своемъ я былъ осажденъ такъ, что шагу свободнаго не могъ сдѣлать, чтобы не подвернулась Дунечка.

Я сталъ серьезно задумываться, какъ бы сбыть ихъ съ рукъ скорѣе. Отступнаго готовъ былъ дать. Но что вы думаете, спасло меня? Утюгъ!—да, милостивые государи, клянусь вамъ честью, меня спасъ утюгъ, желѣзный, обыкновенный утюгъ, которымъ бѣлье гладятъ...

Одинъ разъ прибѣгаетъ ко мнѣ моя кухарка, вся разстроенная, и объявляетъ, что мало того, что гости всѣмъ хозяйствомъ моимъ завладѣли, но не позволяютъ ей бѣлья моего гладить и гонять ее съ кухни. Я безъ церемоніи отправляюсь самъ на кухню: вижу, Дунечка свои юпки гладитъ и въ сильно раскаленную печку бросаетъ утюги.

— Послушайте, сказалъ я: — вы этакъ мнѣ утюги испортите.

— Что такое?

— Я, говорю, М-Не, что вы мнѣ утюги испортите. Гладьте, сколько вашей душѣ угодно, но для этого надо въ огонь бросать не утюгъ, а вотъ эту желѣзную плитку: когда она накалится, тогда отодвиньте эту штучку и вкладывайте плитку во'внутри утюга, такимъ образомъ и ваши юпки несравненно чище будутъ, и утюги вы мнѣ сбережете.

Слова мои произвели эффектъ необыкновенный. Только-что

вернулся я, чтобъ уйти изъ кухни, слышу — баць!.. Дунетка моя швырнула на землю утюги и расплакалась.

— Подбери утюги, сказалъ я кухаркѣ: — барышня хочетъ непремѣнно ихъ испортить.

Барышня заревѣла еще пуще и прямо побѣжала къ матери. Ужь не знаю, что она тамъ наговорила матери и какое значеніе всему придала, только на другой день онѣ прислали ко мнѣ горничную съ объявленіемъ, что барышня уѣзжаетъ. — «Скажи, что я желаю ей счастливаго пути».

Въ тотъ же день они уѣхали, проживъ у меня болѣе двухъ нѣсѣдѣль, и я съ тѣхъ поръ не могу равнодушно видѣть ни одного утюга, съ удовольствіемъ вспоминая, что этимъ скромнымъ, кухоннымъ орудіемъ я спасся отъ любви навязчивой невѣсты.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ всего, мною рассказаннаго, обстоятельства мои неожиданно перемѣнились, и я переселился изъ деревни въ губернской городъ.

Пообжившись и попривыкнувъ мало-по-малу къ своему новому житью, я купилъ себѣ маленькій домикъ, обзавелся хозяйствомъ и устроилъ по возможности свою жизнь спокойно и пріятно.

Обязанности мои скоро доставили мнѣ случай и тутъ кое-съ-къмъ познакомиться, и я, проводя все свободное время въ задумчивомъ, пріятельскомъ кружкѣ, долго не желалъ ничего болѣе и жилъ припѣваючи... Да видно, ужь человѣкъ никогда не бываетъ ничѣмъ доволенъ. Повѣрите ли? среди спокойной этой и невозмутимой жизни, среди непринужденнаго, мужскаго общества, мнѣ стали, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, приходитъ на память мои прежнія приключенія, мои неудачныя знакомства съ женщинами, и мнѣ стало какъ будто жаль чего-то... однимъ словомъ, на меня не шутя стала нападать скука, и я сталъ убѣждаться, что какъ бы тамъ ни было, а все лучше имѣть подлѣ себя жену и что одному жить въ мои годы плохо. Пора ужь, что ли, такая подступила, а только почувствовалъ я, что вотъ, кажется, такъ бы закрывши глаза и позволилъ женить себя.

При такихъ-то обстоятельствахъ, случайно наняла у меня квартирку одна пріѣзжая старушка, чиновница.

Я было о ней и думать забылъ, да она сама о себѣ напомнила: приходитъ разъ отдать за квартиру деньги.

Старушка была стариннаго покроя, бойкая, говорливая.

Слово за слово, разговорились, и оказалось, что мы еще седьмая вода на кисель, сродни другъ другу приходимся.

По праву родственницы, гостя моя обо всемъ меня раeproсила, обошла весь мой домъ, заставила отдать отчетъ во всѣхъ подробностяхъ хозяйства, и надавала множество совѣтовъ.

— Живешь-то ты, какъ и слѣдуетъ хорошему человѣку, заключила она, обводя глазами комнату. — Домъ-то у тебя, какъ полная чаша, одного недостаетъ: хорошей хозяйки нѣту. Не будь я прѣзжая, посватала бы тебѣ невѣсту славную, да дѣла-то мои спѣшныя, домой зовуть.

— Да что ты все прячешься, дома сидишь? добавила она: — зашелъ бы когда, провѣдалъ старуху, у меня племянница молодая, можетъ, и не соскучился бы. И она ушла.

Несмотря на такъ кстати подвернувшійся случай, я долго еще не собрался навѣстить мою новую знакомую.

Между тѣмъ наступила весна.

Однѣй разъ, копаясь въ новоразведенномъ мною садикѣ и пересаживая цвѣты, я случайно поднялъ голову, и глазамъ моимъ представилась, шагахъ въ десяти отъ меня, сидящая на скамьѣ и работающая что-то дѣвушка, въ хорошенькомъ, кисейномъ платьицѣ, бѣленькая и полненькая, съ низконаклоненной на шитье бѣлокурой головкой.

Я былъ озадаченъ, — такъ неожиданно очутилась она тутъ, близъ меня, въ саду.

Подъ предлогомъ пересаживанія цвѣтовъ, я нѣсколько разъ прошелъ мимо ея, пристально взглядывая каждый разъ на ея личико, и, на этотъ разъ, самъ желая вызвать ее на разговоръ со мною.

Но какъ ни ходилъ я, какъ ни заглядывалъ, — дѣвушка сидѣла неподвижно, скромно, и не поднимала глазъ отъ работы. Это мнѣ очень понравилось, — и я, догалавшись, что хорошенькая дѣвушка эта была племянница прѣзжей старушки, немедля долго, отправился къ нимъ.

Старушка приняла меня съ распростертыми объятіями и усадила въ гостиной на первое мѣсто.

Вскорѣ появилась и моя красавица. .

Но — рѣшительно я никогда еще не видалъ подобныхъ дѣвушекъ.

Выраженіе лица ея, манеры, обращеніе были исполнены такой скромности; покорность и послушаніе ея къ теткѣ были

такъ велики, — что я, спустя нѣсколько часовъ, почувствовалъ, что она не шута начинаетъ мнѣ нравиться...

Меня сильно подстрекало и то, что несмотря на всѣ мои хитрости, въ этотъ вечеръ мнѣ никакъ не удалось поговорить съ нею.

Появится она въ комнатѣ, — постоитъ около тетки, — выслушаетъ ея приказанія по хозяйству, — какъ будто случайно, лукаво взглянетъ на меня, — повернется и выпорхнетъ изъ комнаты. «Хозяйка, хозяйка у меня Машенька», говорила моя старушка, нюхая табакъ и, уложивъ въ вязаный ридикюль табакерку, подвинула ко мнѣ присланное Машенькою варенье.

— Одному только не могу научить ее: больно дика, съ мужчинами разговаривать не любитъ.

Въ эту минуту въ залѣ послышалась музыка; играли какую-то пьесу изъ старинныхъ русскихъ пѣсень.

— Сохрани тебя Богъ, родной, торопливо остановила меня старушка. — При тебѣ и играть не станеть: сиди здѣсь да слушай.

Когда, окончивъ игру, Машенька проходила по гостиной, я привсталъ, чтобъ благодарить ее. Она приостановилась, поглядѣла на меня своими застѣнчивыми глазами, сдѣлала что-то въ родѣ книксена, — и побѣжала изъ комнаты.

Я воротился домой въ необыкновенно свѣтломъ и пріятномъ расположеніи духа, и даже чувствовалъ себя какъ будто влюбленнымъ.

«Вотъ женщина!» думалъ я. «Какая разница со всѣми другими. Какое солидное воспитаніе и притомъ, какъ невянна!»

Съ этого вечера мнѣ окончательно опротивѣлъ мой одинокій домъ, и я сталъ бывать у нихъ часто.

И какъ хорошо проходили у меня вечера въ ихъ маленькой, уютной квартиркѣ: бывало, сижу себѣ съ старушкою, да болтаю съ ней о старинѣ, а Машенька моя такъ и мелькаетъ по комнатѣ: то варенье подастъ, то цвѣты полетѣтъ на окнахъ, то взглянетъ и улыбнется на меня. А скромная-то какая! только зайкнусь бывало, съ самымъ пріятнымъ вопросомъ хочу обратиться, — покраснѣетъ, смутится и убѣжитъ!...

«Да! такую жену не скоро съищешь», думалъ я, глядя на нее. «И какъ сдѣлала воспитать ее эта добрая тетюшка: только глазомъ покажетъ, — та ужъ и бѣжитъ нигомъ исполнить... а какъ смотреть-то, смотреть потомъ на тетку! точно говорить она лицомъ-то!»

Разъ, какъ-то, мнѣ чуть не удалось объясниться съ нею: захожу я къ нимъ — старушки не было дома. Гляжу, — Машенька моя сидитъ за пальцани, а сама все взглядываетъ въ какую-то книжку.

— Что это вы читаете? спросилъ я ее и подошелъ ближе...

Но скромница моя сконфузилась, вскочила, уронила пальцы и хотѣла бѣжать вонъ изъ комнаты...

— А ты, родной мой, впередъ не ходи пугать дѣвушекъ, раздався въ эту минуту за мной голосъ старушки: — коли меня нѣтъ дома, такъ тебѣ и сидѣть не зачѣмъ! Поди-ка сюда, да расскажи, что видѣлъ новаго, — а Машенька напоить насъ чаемъ.

Такъ и не удалось мнѣ поговорить съ нею.

Дѣла старушки, удерживавшія ее такъ долго въ нашемъ городѣ, между тѣмъ кончились, и она стала собираться ѣхать. При мысли о разлукѣ съ ними, съ моей милой Машенькой, сердце у меня сжалось такой болью, — что я въ одинъ вечеръ бросился къ нимъ, и чуть не со слезами, цалуя руки старушки, умолялъ ее переговорить за меня съ племянницей и передать ей мое предположеніе.

Старуха успокоила меня и сказала: «спасибо тебѣ, что полюбилъ мою Машеньку. Она, я знаю, не заупрямится выйти за хорошаго человѣка. Да бѣда вотъ въ чемъ: послѣ завтра я уѣзжаю, ты знаешь, — а откладывать свадьбу по моимъ стариннымъ понятіямъ не приходится...»

— Такъ что же? возразилъ я. — Послѣ завтра обвѣнчаемся, и вы уѣдете, оставивъ Машеньку на моихъ рукахъ.

Дѣло было слажено. Тетка отправилась переговорить съ невѣстой и оставалась тамъ довольно долго.

Послышались увѣщанія старушки, и слезы Машеньки...

Я началъ уже беспокоиться...

Но въ эту минуту въ дверяхъ появилась старушка, ведя за руку, какъ будто нехотя слѣдовавшую за нею Машеньку...

Я пошелъ и робко спросилъ: «согласна ли она составить мое счастье?»

Но Машенька молчала.

Я посмотрѣлъ на нее... и меня поразило ея смятеніе: глаза ея какъ-то странно бѣгали, губы шевелились, она какъ будто сплалась сказать что-то, — и вдругъ, по лицу ея полились слезы, и она, зарыдавъ, бросилась къ теткѣ.

Ее увели. Я стоялъ на шѣствѣ, какъ ошеломленный. Положеніе мое было самое неловкое. Я ждалъ появленія тетки, чтобы спросить ее и окончательно узнать о моей судьбѣ.

Черезъ минуту старушка воротилась, и по веселому лицу ее можно было угадать, что не было ничего важнаго.

— Вотъ, ноди ты, сладь съ ней, говорила она, усаживаясь на диванъ и отдуваясь:—умаяла она меня, глупая. «Боюсь» да «стыдно» — да и все тутъ. Конечно, съ непривычки-то ей дико кажется... извѣстно, дѣло дѣвичье! да ты не сокрушайся; какъ обвинчаешься, такъ попривыкнешь, небось.

Я однако же весь остальной вечеръ какъ-то странно себя чувствовалъ, и все поглядывалъ, не появится ли Машенька... Но ее не было. Я такъ съ тѣмъ и ушелъ.

Не спалось мнѣ въ эту ночь. Богъ знаетъ, какъ неприятно мнѣ было, и чего только не передумалъ я въ эти долги, скучные часы: меня начинало сбивать съ толку поведеніе моей невѣсты, и невольно вспомнилъ я, что ни разу еще не добился отъ нея отвѣта. Однако, не смотря на это, желаніе мое жениться на ней не уменьшалось.

Сильно обрадовался я, когда, наконецъ, разсвѣло, и солнышко заиграло тамъ и сямъ въ моей комнатѣ.

Я отворилъ окно и взглянулъ въ садъ. Вдали, сквозь деревья, мелькнула передо мною Машенька; а что это была непременно она,—я узналъ ее по голубому платочку.

Я схватилъ фуражку и быстро выбѣжалъ въ садъ...

Но что же со мною сдѣлалось, когда я увидалъ, что невѣста моя круто повернула назадъ, и почти бѣгомъ побѣжала къ выходу.

Я пріосановился и такъ отчаянно, точно жизнь моя отъ того зависѣла, бросился шагать черезъ аллею навстрѣчу къ дѣвушкѣ, что, какъ она ни бросалась, а очутилась прямо передо мною, и я загородилъ ей дорогу.

— Нѣтъ, вы скажите, задыхаясь, говорилъ я ей, глядя прямо въ глаза и крѣпко стиснувъ ея руки:—говорите рѣшительно, хотите ли вы идти за меня, — слышите?

И я еще крѣпче сжалъ ея руки и трясъ ихъ, что было силы.

Машенька съ испугомъ вперила въ меня свои глаза, открыла ротъ и поблѣднѣла, какъ полотно...

— Да что жъ это вы смѣтаетесь надо мою? закричалъ я ей

не своимъ голомъ и наклонился къ самому ея уху. — Если вы не скажете...

Въ эту минуту Машенька, казалось, собрала всё свои силы, и высвободивъ отъ меня одну свою руку, жестомъ показала мнѣ, что она — нѣмая!

Теперь только я понялъ все... Тоскливо побрелъ я въ свою квартиру, заперъ крѣпко на-крѣпко дверь, и, какъ дуракъ, сидѣлъ въ фуражкѣ, не двигаясь нѣскольکو часовъ сряду. Больно было мнѣ и за себя, и за эту дѣвушку.

«Нѣмая!» думалъ я: «и тутъ обманъ!»

Однако, какъ долго ни сидѣлъ я, а досада моя не унималась. Я отправился къ старушкѣ, чтобъ раздѣлаться съ нею и выместить на ней мою злобу.

Слушала, слушала меня старушка, — да какъ вскинется на меня же:

— Что ты, что ты, отецъ родной, ужь больно разгѣтушился! ты не женись, никто тебя не неволить, да не порочь дѣвушку. Эка важность, что нѣмая: да не бойсь, Господь поможетъ, сойдесть у меня съ рукъ. Прошлымъ лѣтомъ за нее полковникъ сватался, — деньги въ ломбардѣ и крестьянъ имѣеть, — «да мнѣ что за дѣло, что она такая — говорить — въ хозяйствѣ — то это не помѣха; мнѣ ужь — говорить — трещотки — то эти надоѣли; я, по крайней мѣрѣ, спокоенъ буду, что жена моя съ худымъ человѣкомъ слова не скажетъ.» Такъ было и поладили совсѣмъ, — да жаль стало, вижу, плачетъ дѣвка, — больно ужь старъ, что-ли, онъ ей показался.

— Да отчего же вы прежде мнѣ объ этомъ не сказывали? твердилъ я, подступая къ ней.

— А тебя никто не неволить! небойсь, и безъ тебя жениха найдемъ.

Такъ жалко кончилась и эта лучшая, послѣдняя моя любовь. Съ тѣхъ поръ ни о женитьбѣ, ни о любви, у меня нѣтъ и помину. — А? что вы теперь скажете? Вотъ вамъ семь, семь истинныхъ, невыдуманныхъ фактовъ о любви.

— Развѣ это любовь?

— А что-же, по вашему?

— Это, отвѣчалъ молодой человѣкъ тѣмъ же выразительнымъ и спокойнымъ тономъ: — это... семь клеветъ на любовь:

Е. КОДВАСИНЪ.

ПОДЗЕМНЫЯ ТАЙНЫ.

ПРОЛОГЪ.

ЛЮБКА.

— Довивайте вашъ чай, господа, да пойдите въ садъ, сказала Валентина Васильевна. — Въ такую чудную погоду, право, грѣшно сидѣть въ комнатѣ. Докторъ, подайте мнѣ вашу руку, а ты, Анатоль, веди нашего гостя.

И мы пошли въ садъ. Правду сказала Валентина Васильевна: вечеръ былъ чудный. Солнце только-что закатилось и вечерняя зоря румянила ясное небо. Ночная прохлада сгѣнила дневной жаръ, и еще неостывшій воздухъ былъ пропитанъ запахомъ цвѣтушнихъ яблонь и сиреней. Деревья задумчиво качали верхушками; надъ недвижной водой черными столбами кружились рои комаровъ, предвѣщая назавтра жезый зной. Въ густой травѣ неутомимо стрекотали кузнечики, и изъ глубины сада долетала до насъ звонкая трель соловая. Проникнутые какимъ-то грустнымъ и вмѣстѣ сладостнымъ чувствомъ, мы шли молча; даже, постоянно веселый и разговорчивый Анатолий Ивановичъ находился подъ обаяніемъ волшебной майской ночи. Право, чтобъ чувствовать весну, надобно родиться въ Петербургѣ! Только тотъ, кто восемь мѣсяцевъ видитъ надъ собою вмѣсто неба какой-то

гороховый кисель, а вмѣсто воздуха дышетъ болотными миазмами,—только тотъ можетъ достойно цѣнить нашу мимолетнюю весну и отъ души наслаждаться ея дарами. Въ этомъ случаѣ, мы, жители Петербурга, похожи на голодныхъ бѣдняковъ, попавшихъ на роскошный обѣдъ: намъ дорога каждая кроха, каждая капля!

Заключая свой договоръ съ Мефистофелемъ, Фаустъ положилъ непремѣннымъ условіемъ, что демонъ тогда только овладѣетъ имъ, когда ученый произнесетъ слова: «чудное мгновеніе! не улетай—ты такъ прекрасно!» Будь я на мѣстѣ Фауста, я непремѣнно проговорился бы: — въ майскую ночь. Въ послѣдній разъ, съ наслажденіемъ «затѣнулся бы» (какъ говорятъ курильщики) этимъ чуднымъ воздухомъ; мой послѣдній вздохъ понесся бы къ небу вмѣстѣ съ ароматомъ цвѣтовъ; меня убаюкивала бы на вѣчный сонъ—пѣснь соловья... Право, мнѣ думается, что въ маѣ легко умирать! Весна—пора любви и надежды: а развѣ любовь и надежда не должны быть нашими спутницами за рубежъ, отдѣляющій жизнь временную отъ жизни вѣчной?

Во время моихъ размышлений, вдругъ, Валентина Васильевна дико вскрикнула, и, истерически задыхаясь, прошептала: «Лягушка! лягушка!»

— Ахъ, другъ мой, отвѣчалъ Анатолій Павловичъ:—какъ тебѣ не стыдно быть такой трусихой? Я подумалъ и Богъ-знаетъ что! Сколько разъ я говорилъ тебѣ, что лягушка самое безвредное, самое невинное животное или насѣкомое... Докторъ, что такое лягушка: животное или насѣкомое?

— Пресмыкающееся, съ разстановкой отвѣчалъ докторъ...

— Вамъ и книги въ руки: и жабы и раны по вашей части! перебилъ Анатолій Павловичъ, сѣлся своему плохому каламбуру. — Вы такой натуралистъ, естествоиспытатель, скажите-ко намъ: какая польза отъ лягушекъ? неужели онѣ созданы только на то, чтобы пугать такихъ трусихъ, какъ моя жена, да лакошить гастрономовъ своими лапками?

— Разумѣется, нѣтъ! Я могъ бы рассказать вамъ очень много о пользѣ, приносимой лягушками, но оно будетъ для васъ незанимательно, такъ какъ вы до учевости небольшой охотникъ. Напомню вамъ только, что лягушкѣ ученый ширъ обязанъ открытіемъ гальванизма!

— Это какъ?

— Очень просто. Пропиши докторъ, пользовавшій жену сла-

наго Гальвани — вѣсто лягушачьяго сушу, сушь изъ улитокъ, или телячьихъ ножекъ, то можетъ быть намъ пришлось бы и по сіе время дожидаться обрѣтенія гальванической силы...

Въ отвѣтъ на это Анатолій Павловичъ захохоталъ. «Послѣ этого», сказалъ онъ сквозь смѣхъ: «и русская литература обязана лягушкамъ? Крыловъ написалъ нѣсколько басенъ, въ которыхъ эти гадины играютъ важную роль... Вѣдь и гальванизмъ своимъ открытіемъ обязанъ не живой лягушкѣ... Нѣтъ-съ, извольте-ко вы мнѣ указать хоть на одинъ случай, гдѣ-бы *живая* лягушка принесла непосредственную пользу?...

— Могу-съ, Анатолій Павловичъ, и случай весьма интересный. Я увѣренъ, что если вамъ объ этомъ рассказать, то Валентина Васильевна будетъ смотрѣть на бѣдныхъ лягушекъ благосклоннѣе, да и вы переимѣните ваше обидное о нихъ мнѣніе. Право, лягушки премилыя созданія! Я всегда ихъ любилъ, но послѣ прочитанной мною исторіи—уважаю!

— Кого? лягушекъ? воскликнула Валентина Васильевна.— Какъ это любезно! И послѣ этого смѣете говорить, что уважаете меня и моего мужа? Да, впрочемъ, доктора—люди нецеремонные: для нихъ и человѣкъ—то что-то въ родѣ лягушки...

— Судя по тому, каковъ человѣкъ... Отчего не сравнить его съ лягушкой, если и онъ иногда пресмыкается. Забѣчали-ли вы когда набудь наружное сходство между человѣкомъ и лягушкою? Я даже думаю, что у лягушки человѣкъ выучился плавать... Гм! продолжалъ докторъ вполголоса: — даже это разительное сходство головастиковъ, т. е. лягушечьихъ личинокъ съ микроскопическими инфузоріями... Да, очень странно!

— Вы намѣрены, кажется, уморить насъ цѣлой диссертацией, перебила его Валентина Васильевна:—извольте-ко лучше рассказать намъ вашу исторію. Мы слушаемъ.

— Нѣтъ, Валентина Васильевна, на этотъ разъ увольте... дѣло къ ночи, а мой рассказъ можетъ нагнать на васъ бессонницу...

— Не нагналъ-бы только сна!.. Рассказывайте...

— Но рассказъ страшный...

— Ужь, вѣрно, не страшнѣе романа Феваля, который я обыкновенно читаю на ночь...

— Да, но тамъ вымыселъ, — а это былъ...

— Былъ? Гдѣ же случилась эта исторія?

— Въ Англіи, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ... Я читалъ въ газетахъ...

— Послѣ этого предупреждаю васъ, что я вамъ не повѣрю, смѣясь замѣтилъ Аватолій Павловичъ: — ваша *лягушка* ничто иное какъ утка...

— Аватоль, перебила Валентина Васильевна: — пожалуйста не остри, а вы, докторъ, начинайте.

— Смотрите, съ уговоромъ: чуръ послѣ на меня не пенять! Позвольте-же мнѣ закурить сигару... вотъ такъ! Теперь — слушайте.

Въ іюлѣ 1817 года изъ Бомбей въ Лондонъ прибылъ корабль Ост-индской компаніи:—«*Адонисъ*», съ грузомъ пріятныхъ кореньевъ. Въ числѣ пассажировъ находился нѣкто Робертъ Бриджъ, пятнадцать лѣтъ тому назадъ простой матросъ — а нынѣ старшій конторщикъ центральной Бомбейской факторіи. Чего ни испыталъ Робертъ въ эти пятнадцать лѣтъ, куда только ни закидывала его судьба? Работалъ онъ и на золотыхъ приискахъ, и три года въ плѣну у индійцевъ провелъ, раза два петля *флансера* охватывала горло нашего искателя приключеній, да разъ десять лежалъ онъ при смерти... но видно не было на то воли Божіей: привелось же Роберту, хотя и чрезъ пятнадцать лѣтъ, увидѣть родимые берега Англіи. Вотъ вдали сквозь туманъ показались куполъ церкви св. Павла, Тоуэръ и мрачное вестминстерское аббатство. Тутъ Робертъ почувствовалъ, какъ со два его сердца поднялись двѣ жгучія струи и брызнули изъ глазъ блестящими слезинками... Пятнадцать лѣтъ — не бездѣлица! Бриджъ уѣхалъ дватцатилѣтнимъ парнемъ, полненькимъ, румянымъ, а возвращался тридцатипятилѣтнимъ мужчиной, съ лицомъ загорѣлымъ отъ индійскаго солнца. Тогда сердце его было полно, а кошелекъ пустъ, теперь, наоборотъ, растолстѣлъ кошелекъ, а сердце изсохло; тогда у Бриджа по плечамъ вились темнорусые кудри, а теперь въ коротко остриженныхъ волосахъ — сѣдина, серебро... зато въ карманахъ золото!..

Что-то подѣлываетъ отецъ? живъ ли онъ? Пятнадцать лѣтъ назадъ ему было сорокъ два года, тѣлосложеніе у него крѣпкое, здоровое; отчего бы ему не дожить до пятидесяти семи лѣтъ? Это еще не-Богъ-знаетъ какая старость! То-то обрадуется старикъ Арчибальдъ, увидя Роберта, котораго конечно уже давнымъ давно считаетъ умершимъ; да и не безъ причины: двѣнадцать лѣтъ Робертъ не писалъ къ нему, и отъ него въ свою очередь не

получать носить. Арчибальдъ человекъ стараго покроя, — не вѣрилъ ничѣмъ, и всегда упорно доказывалъ, что изъ десяти писемъ развѣ только два доходятъ по назначенію. Причиною этого предубѣжденія была какая-то неприятная исторія, случившаяся съ отцомъ Роберта еще въ молодости.

По мѣрѣ приближенія къ берегу, воспоминанія цѣлымъ роємъ являлись душевнымъ глазамъ нашего странника. Угрюмое лицо отца — быстро сдѣлала хорошенькая головка съ большими голубыми глазами, и живо вспомнилъ Робертъ канунъ своего отъѣзда въ Индію. Вечеръ отецъ крихтитъ, укладывая скрошннй чемоданъ Роберта, и жалуется при этомъ на слабость зрѣнія. «Чего прежде, никогда не бывало», говоритъ онъ, «чуть нагнусь, — такъ глаза и разслезятся!... Сложу къ доктору... на дняхъ, даже — въ пятницу!» Канунъ отъѣзда была среда, но Арчибальду тяжело было выговорить слово: *послѣзастра*. Тогда Робертъ не замѣтилъ этой деликатности родительской любви; его голова и сердце были не тѣмъ заняты: тамъ, у церковной ограды его ждетъ Агнеса, чтобы сказать послѣднее прощанье... И вотъ Робертъ отнимаетъ нѣсколько минутъ отъ бесѣды съ отцомъ, и подъ какимъ-то ничтожнымъ предлогомъ ускальзываетъ изъ дому. Съ замирающимъ сердцемъ спѣшитъ къ оградѣ — Агнеса тутъ, давно тутъ. Съ громкими рыданьями бросается она на шею Роберта... Какія клятвы въ вѣрности до гроба, даже за гробомъ! Какія крупныя горячія слезы, какіе жгучіе поцалун! «Я непремѣнно хочу, чтобы ты началъ свое поприще съ моей помощью!» говоритъ милое дитя сквозь слезы и подаетъ Роберту — плодъ своей бережливости: новенькій червонецъ съ изображеніемъ короля Георга III. Робертъ отнѣживается, Агнеса настаиваетъ: «это верно, которое принесетъ тебѣ богатый урожай!» говоритъ она вдохновенно. Этотъ червонецъ — цѣль!

И Робертъ поспѣшию прижалъ руку къ груди, выхватилъ изъ подъ жилета висѣвшую на шеѣ ладонку и вынулъ изъ нея завѣтную гвиною — она была неразлучна съ Бриджемъ пятнадцать лѣтъ. Сколько разъ, томимый голодомъ, Робертъ думалъ было разстаться со своимъ сокровищемъ! Сколько труда стоило ему оберечь эту гвиною въ бытность свою въ плѣну... И не смотря на все это, червонецъ не потускнѣлъ, блеститъ, будто вчера вычеканили; портретъ короля и 1801 годъ оттиснуты такъ отчетливо... Ахъ, еслибъ время также точно не сгладило въ сердцѣ Агнесы лица Роберта, дня, часа и минуты ихъ разлуки...

Теперь Агнесъ тридцать второй годъ, — чѣмъ она не жена Роберту? Поднявшаяся на корабль суматоха вывела Бриджа изъ его сладостной дремоты... Берегъ, берегъ!..

Съ легкостью юноши Робертъ вспорхнулъ на трапъ и, поручивъ свои вещи носильщику, бросился въ первую попавшуюся ему на глаза гостиницу подъ вывѣскою «Золотой арфы». Подкрѣпивъ себя стаканомъ портвейна и сочнымъ кускомъ ростбифа, Робертъ раскрылъ свои чемоданы и принялся перебирать вывезенныя изъ Индiи диковинки. Вотъ толстая золотая цѣпочка—отцу, брильянтовые запонки—ему же; шаль—за которую въ любовь лондонскомъ магазинѣ дадутъ двѣсти фунтовъ, фуляры, куски драгоценныхъ матерiй... Кому-же все это? Разумѣется, Агнесъ! Это жатва отъ ея посѣва... Увѣренному въ радости отца и невѣсты — Роберту не приходила въ голову самая простая мысль, а именно, что пятнадцать лѣтъ—не бездѣла!...

У дверейъ комнаты, занятой Бриджемъ, раздался легкій стукъ, на который Робертъ отвѣчалъ: «войдите.»

Вошелъ прислужникъ и съ низкимъ поклономъ спросилъ: «что будетъ угодно приказать милорду?»

— Я попросилъ бы васъ, мой милый, сказалъ Бриджъ, закуривая сигару:—нанять мнѣ коляску или другой какойнибудь экипажъ до Виндзора.

— Это обойдется милорду слишкомъ дорого. Не лучше ли ѣхать въ дилижансѣ? Они отправляются каждый часъ...

— Что вамъ за дѣло — дорого оно или дешево? Я спрашиваю, можете ли вы нанять мнѣ коляску?

— Сiю же минуту.

— Такъ наймите. Я заплатилъ вашему хозяину за два дня впередъ; большой чемоданъ останется здѣсь, а маленькiй вѣстѣ съ дорожнымъ мѣшкомъ я возьму съ собою.

Черезъ полчаса шегольская коляска, запряженная парой статныхъ лошадей, рысью неслась по виндзорской дорогѣ. Дорогою Робертъ замѣтилъ, что въ пятнадцать лѣтъ окрестности Лондона значительно измѣнились къ лучшему. На мѣстѣ прежнихъ пустырей—роскошные *коттеджи* богачей и знатныхъ господъ; а фабрикамъ съ дымящимися трубами — и счету нѣтъ. Но вотъ показалось предмѣстье Виндзора, а вотъ и дворецъ съ своимъ паркомъ.

— Теперь возьмите немного вѣзго къ Ольдъ-Кэстлю... сказалъ Робертъ въ волненiи кучеру.

— То есть, милорду угодно сказать, отвѣчалъ тотъ въкли-
во:—къ Аригиллю? Вотъ уже шестой годъ, какъ мѣстечко Ольдъ-
Кэстль переименовано въ Аригилль.

«Странно!» въ задумчивости, и какъ-бы самому себѣ про-
шепталъ Робертъ: «зачѣмъ переимѣнили названіе моего роднаго
мѣстечка? И чѣмъ Аригилль лучше Ольдъ-Кэстля?»

— Это мѣстечко, продолжалъ словоохотливый кучеръ:—на-
зывалось Ольдъ-Кэстль — отъ развалинъ стариннаго замка...

— Да, да, — построеннаго норманнами...

— Не знаю, кѣмъ онъ былъ построенъ, но на мѣстѣ этихъ
развалинъ теперь построенъ бумагопрядильный заводъ.

«О, промышленники! Вы готовы откармливать ваши ста-
да травой, выросшей на могилѣ вашихъ отцовъ!» прошепталъ
Бриджъ сквозь зубы. Ему стало жаль этого гранитнаго остова
Ольдъ-Кэстля. Онъ вспомнилъ то время, когда, по воскресень-
ямъ, игралъ и рѣзвился съ сосѣдними мальчиками на этихъ раз-
валинахъ; какъ ребятишки пугали другъ-друга мрачнымъ эхомъ,
гудѣвшимъ подъ сводами феодальнаго жилища.

— Прикажете остановиться у гостинницы? спросилъ кучеръ.

— Да, остановитесь!.. едва выговорилъ Робертъ, адыхался.

Онъ пріѣхалъ на родину. Боже мой, какая переимѣна! На мѣстѣ
прежнихъ уютныхъ домиковъ — двухэтажные дома, на мѣстѣ
прежняго лѣса — поле, на мѣстѣ поля — паркъ. Одна церковь
осталась безъ переимѣны; та же каменная ограда, тотъ же чере-
пичный шпиль, только намогильныя нвы и плакучія березы раз-
рослись выше и лучше прежняго... Пятнадцать лѣтъ! Аригилль-
ская гостинница не отличалась ни изяществомъ, ни особеннымъ
комфортомъ. Прежняя таверна дяди Тома была гораздо лучше!
Хозяинъ, тучный, рыжій мужчина лѣтъ сорока, встрѣтилъ Брид-
жа, какъ будто нехотя, и на всѣ распросы путешественника от-
вѣчалъ отрывисто, — что хотя и содержитъ гостинницу уже
одиннадцать лѣтъ, однакоже не можетъ доставить ему никакихъ
свѣдѣній ни объ Арчибалдѣ Бриджѣ, ни объ Агнесѣ Фортъ,
хотя и слышалъ объ этихъ именахъ.

— Но если вы не знаете ни Бриджа, ни Форта, отвѣчалъ
нетерпѣливо Бриджъ:—то скажите мнѣ крайней мѣрѣ, гдѣ Томъ
Нискольсонъ, прежній хозяинъ Ольдъ-Кэстельской гостинницы?

При этомъ простомъ вопросѣ трактирщикъ поблѣднѣлъ,
потомъ покраснѣлъ и отвѣчалъ съ какой-то настойчивостью:

онъ умеръ апоплексическимъ ударомъ одиннадцатъ лѣтъ тому назадъ, и жена моя — его вдова!..

— Неужели!.. радостно воскликнула Робертъ: — Бетси Никольсонъ, урожденная Уайтъ?

— Бетси Никольсонъ, урожденная Уайтъ, ирочно промышляла трактирщикъ.

— Такъ сдѣлайте одолженіе — скажите вашей супругѣ, что одинъ ея старинный знакомый желаетъ поговорить съ нею. Имя мое Робертъ Бриджъ...

— А почему вы знаете мою жену? недовѣрчиво спросилъ хозяинъ.

— Ея отецъ былъ друженъ съ моимъ отцомъ...

— А! вотъ что... Хорошо, сейчасъ позову.

Черезъ минуту въ комнату вошла Бетси. Это была полная, румяная женщина лѣтъ тридцати семи или восьми. Увидя Бриджа, она съ притворною радостью протянула ему руку.

— Я васъ сію минуту узнала! заговорила она очень часто и скоро (желая, какъ видно, недостатокъ чувства пополнить словами):—вы очень мало измѣнились! Скажите, я думаю, мы лѣтъ двадцать не видались?..

— Пятнадцать, мистриссъ.

— Да, пятнадцать! какъ давно... А я уже вышла за втораго мужа. Томъ скончался апоплексическимъ ударомъ, такъ неожиданно...

Бриджъ былъ пораженъ, какаѣ-то странная мысль промелькнула у него въ головѣ; но это была одна минута! Довольный тѣмъ, что видитъ подругу дѣтства, Робертъ съ увлеченіемъ впадался въ воспоминанія.

— Помните-ли вы, какъ мы воровали вишни въ саду у сосѣда? спросилъ онъ съ улыбкой.

— Вишни? Какъ же, помню... помню... разсѣянно отвѣчала Бетси.

— Какъ, бывало, сердился старикъ! Я помню, какъ онъ однажды поймалъ насъ и сказалъ, что намъ съ вами не миновать висѣлицы!..

Бетси принужденно засмѣялась. Какъ это вы все помните!.. проговорила она съ гримасой.

— Ахъ, мистриссъ, припоминая блаженное время моего дѣтства, я, кажется, дѣлаюсь ребенкомъ! Счастливыи, безгрѣшныи возрастъ!

— Безгрѣшный?.. Да, ваша правда, — безгрѣшный! отвѣчала Бетси, тупо уставивъ глаза въ уголъ комнаты.

— Ольдъ-Кэстль до того измѣнился, что трудно будетъ мнѣ найти домъ моего отца... Скажите, какъ мнѣ прѣйдти къ нему? въ волненіи спросилъ Бриджъ.

— Покойный вашъ батюшка...

— Покойный?!

— Онъ скончался въ одинъ день съ моимъ мужемъ, дрожащимъ голосомъ отвѣчала Бетси: — а домъ свой продалъ за полгода передъ смертью фермеру Бильзу...

— Умеръ? умеръ... повторилъ Бриджъ въ раздумьи. — Да вы не ошибаетесь-ли? Его звали Арчибальдъ Бриджъ...

— Знаю, знаю, и повторю вамъ, что онъ скончался девятаго сентября 1806 года, въ одинъ день съ моимъ мужемъ! Онъ...

— Да сколько разъ ты будешь, какъ сорока, повторять одно и то же? съ досадою перебилъ трактирщикъ: — ну, сказала: умеръ — и довольно! Очень нужно знать мистеру Бриджу и число!...

Робертъ съ изумленіемъ взглянулъ на мужа Бетси и отвѣчалъ, блѣднѣя отъ негодованія:

— Я думаю, что сыну весьма любопытно знать день смерти отца?

— День смерти отца, не спорю, — но день смерти первого мужа вовсе нелюбопытенъ для втораго!

— О, мистриссъ! Да вашъ мужъ настоящій Отелло! съ усмѣшкой замѣтилъ Бриджъ: — избави Боже, если когда нибудь ревность его оправдается, онъ задушитъ васъ въ постели...

Трактирщикъ яростно заскрежеталъ зубами, и что-то хотѣлъ сказать, — но слова замерли у него въ горлѣ.

— Теперь я найду отца моего безъ вашего указанія, съ грустной улыбкой сказалъ Бриджъ: — но еще одинъ вопросъ: гдѣ Агнеса Фортъ?

— А, ваша страстишка? нескромно переспросила Бетси. — Она уѣхала въ Лондонъ лѣтъ восемь тому назадъ, — и съ того времени мы не видались.

— Она... замужемъ?..

— Этого не знаю. Ей вышло прекрасное мѣсто камеръ-донц-феря у леди Торнриаль. Теперь она, вѣроятно, замужемъ...

— Да, вѣроятно! отвѣчалъ задумчиво Бриджъ и всталъ съ мѣста.

— Куда же вы? спросила радостно Бетси.

— На кладбище, поклониться праху моего отца... До свиданія!...

— Бетси! сказалъ трактирщикъ по уходѣ гостя: — ты женщина, — а женщины въ иныхъ случаяхъ дальновидѣе нашего брата-мужчины... Скажи мнѣ: появленіе этого занорскаго гуся не произвело на тебя никакого непріятнаго впечатлѣнія?

— Какъ тебѣ сказать... отвѣчала нервнѣе трактирщица: — особенно непріятнаго — нѣтъ... но я бы желала, чтобъ онъ поскорѣ уѣхалъ въ Лондонъ...

— И я также... Его появленіе не предвѣщаетъ ничего добраго...

— Какія глупости! Почему ты это думаешь?...

— Думаю потому, что въ эти одинадцать лѣтъ всѣ наши прежніе знакомые, которые перемерли, которые повѣжали изъ Англіи, — но пріѣздъ этого стариннаго знакомаго будто напоминаніе... Знаешь-ли... (тутъ трактирщикъ понизилъ голосъ) знаешь-ли, что мнѣ показалось, будто онъ догадывается?... Замѣтила ли ты, какъ онъ посмотрѣлъ на меня, когда сказалъ, что я тебя убью когда нибудь въ постели... Какая дьявольская усмѣшка!... А когда онъ говорилъ про дѣтство, затѣмъ онъ сказалъ: «безгрѣшный возрастъ»?...

— Все вздоръ! сказала Бетси съ принужденной веселостью. — Я скажу тебѣ только, что тебѣ не мѣшало-бы съ посѣтителями быть немножко повѣжливѣе, — а то ты грубилъ ему ни за что, ни про что...

— А я тебѣ скажу: будь поменѣ разговорчива съ посѣтителями: къ чему было говорить ему о девятомъ сентября? Для чего эти подробности?

— Полно, полно, Джемсъ, успокойся. Повѣришь ли ты мнѣ, что въ эти одинадцать лѣтъ, я въ первый разъ сегодня вспомнила объ этомъ днѣ... Но довольно, — что было, то прошло.

Робертъ между тѣмъ пришелъ на кладбище, и бесѣдовалъ съ пасторомъ, три года тому назадъ смѣнившимъ прежняго. Они перебирали кладбищенскія книги, чтобы можно было, сообразуясь съ надписями на памятникахъ, отыскать могилу Арчибалда Бриджа. Въ Англіи, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ чужихъ краевъ, могилы покупаются на вѣкъ и навремя: за первыя вносятся значительный вкладъ, за вторыя цѣна срабатывается годами; впрочемъ, черезъ двадцать пять лѣтъ, всякая мо-

тѣла увраздичется. Есть и общія могилы для бѣдныхъ, — опорожняемыя чрезъ определенное число лѣтъ. Что дѣлають съ вынутыми костями? Про то знаетъ смотритель кладбищъ и могильщики. Говорять, будто пережженная человѣческая кость употребляется на изготовленіе ваксы и на рафинировку сахару... Очень можетъ быть: блаженъ человѣкъ, приносящій и послѣ смерти пользу своему ближнему!...

По справкамъ оказалось, что Арчибалдъ Бриджъ похороненъ въ общей могилѣ, находящейся близъ ограды, на самомъ отдаленномъ краю кладбища.

— Могу ли я вырыть его кости и похоронить въ особенной могилѣ? спросилъ Робертъ у пастора.

— Особенныхъ препятствій къ этому быть не можетъ, но самое главное затрудненіе въ томъ: — почему вы узнаете кости вашего отца? Въ одинадцать лѣтъ, въ здѣшнемъ грунтѣ, отъ перваго тѣла остаются однѣ кости. Это еще возможно, если у покойника былъ какойнибудь природный недостатокъ или онъ былъ оперированъ, — на примѣръ: лишенъ руки, ноги... не кости всѣхъ людей, одинаково сложенныхъ и не искалеченныхъ, похожи другъ на друга какъ двѣ капли воды... Впрочемъ, желая угодить вамъ, совѣтую обратиться къ здѣшнему могильщику. Этотъ старый кротъ знаетъ всѣ закоулки кладбища. Повремените немного, я пошлю за нимъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату пастора вошелъ старикъ Самуилъ; пасторъ не ошибся, назвавъ его кротомъ: наружность могильщика имѣла много общаго съ наружностью четвероногого минера; даже толстыя, широкія его руки походили на лапы крота.

— Самуилъ, спросилъ пасторъ: — можешь ли ты припомнить, много ли похоронено тѣлъ въ общей могилѣ четвертаго отдѣла, № 7? Въ ней хоронили съ 1806 по 1809 годъ?

— Это должно быть около ограды, отвѣчалъ старикъ, прищурясь: — да тамъ по моему счету лежитъ сорокъ два покойника.

Пасторъ съ улыбкою обратился къ Бриджу.

— Видите ли, оказалъ онъ: — вамъ надобно будетъ перерыть могилу и осмотрѣть сорокъ два гроба...

— А чего угодно его чести? смиренно вмѣшался Самуилъ.

Пасторъ сказалъ ему о желаніи Роберта.

— Что же? Это возможно... Я помню, что въ тотъ же день вмѣстѣ съ Арчибалдомъ Бриджемъ хоронили трактирщика Тома

Никольсона и старуху Рахиль Стадъ... Они положены рядомъ — съ правой руки въѣво...

— И вы надѣетесь, что я найду гробъ моего отца? радостно спросилъ Робертъ.

— Что вы его найдете, за это я вамъ ручаюсь головой, — но узнаете-ли, который изъ трёхъ острововъ именно островъ вашего отца, — за это не отвѣчаю...

— Если не глаза мои угадаютъ, то сердце... Вы позволите, г. пасторъ?...

— Съ моей стороны нѣтъ никакого препятствія, но я долженъ снестись съ мирнымъ судьей и окружнымъ начальникомъ.. Это неизбежная формальность, на которую придется употребить день-другой... Чтобы не было проволочекъ, я напишу сегодня-же.

Слухъ о нахѣреніи Роберта Бриджа перенести прахъ покойника отца изъ общей могилы въ особенную — быстро распространился въ Арнгилѣ, и возбудилъ много разнородныхъ толковъ. Пуще всѣхъ шумѣли трактирщикъ съ женой.

— Если правительство разрѣшитъ этому сумасброду разрывать могилы, говорили они:—то это будетъ величайшая несправедливость!... Изъ пустой прихоти тревожить мертвыхъ!...

Однако же, не взирая на этотъ ропотъ, черезъ четыре дня послѣ посѣщенія Арнгилля Робертомъ, на тамошнемъ кладбищѣ, рано утромъ была необыкновенная суматоха. Нѣсколько полисменовъ, Робертъ, старикъ Самуилъ съ шестью работниками суетились около высокой насыпи, обозначавшей общую могилу четвертаго отдѣла. По распоряженію пастора, во избѣжаніе стеченія народа, ворота были заперты, что не мѣшало однако же нѣкоторымъ смѣльчакамъ лѣзть черезъ ограду. Сначала эти незваные зрители обнаруживали одно только любопытство, но оно мало-по-малу стало переходить въ негодованіе, выражавшееся смутнымъ говоромъ.

— Это святотатство! кричалъ какой-то работникъ, размахивая руками.

— Богачамъ все можно... ревелъ какой-то мясникъ.

— Боже мой, Боже мой! плаксиво голосилъ приходскій учитель:—а еще говорятъ, что въ могилѣ нашъ покой!...

Не обращая никакого вниманія на эти жалобы, могильщики работали усердно и чрезъ полчаса — заступъ одного изъ нихъ ударился въ крышку гроба. Воцарилось глубокое молчаніе... да-

же недовольные зрители приутихли. Въ это время между ними показалось новое лицо. Джемсъ, трактирщикъ, второй мужъ вдовы Никольсонъ, стоялъ на оградѣ, охвативъ руками толстый сукъ плакучей березы. Лицо его было блѣдно, рыжіе волосы стояли дыбомъ, зубы стучали какъ въ лихорадкѣ. Самуилъ между тѣмъ спустился въ разрытую могилу, на минуту исчезъ въ ней и потомъ вытянулъ и положилъ на край два черепа.

Должно замѣтить, что это происходило въ ясное дѣтнее утро, небо было чисто, воробьи весело чирикали въ густыхъ вѣтвяхъ на могильныхъ деревьяхъ. Вся природа была полна жизни и счастья, — и потому—то на каждого изъ присутствующихъ появленіе изъ могилы двухъ череповъ, послѣ одиннадцатилѣтняго затворничества, произвело страшное впечатлѣніе. Всѣ глаза невольно устремились на печальныхъ выходцевъ изъ могилы. Но предоставляю вашему воображенію судить объ ужасѣ, объявшемъ всѣхъ, когда одинъ изъ череповъ самъ собою закачался и издалъ какой-то странный звукъ, похожій на бляеніе овцы...

Тутъ нашъ рассказчикъ остановился и пристально посмотрѣлъ на всѣхъ насъ. Валентина Васильевна, положивъ свою хорошенькую головку на плечо мужа, зажмурила глаза; Анатолій Павловичъ смотрѣлъ на доктора съ усмѣшкою, которую можно было перевести словами: «что за сказка!» И я былъ совершенно согласенъ съ его мнѣніемъ.

— Валентина Васильевна, вы заснули? спросилъ докторъ.

— Нѣтъ, отвѣчала наша милая собесѣдница бодрымъ голосомъ:— я слушаю, и признаюсь, съ большимъ вниманіемъ.

— И вѣришь этой сказкѣ? сказалъ Анатолій Павловичъ.

— Это былъ! настойчиво перебилъ его докторъ и продолжалъ:

Итакъ, черепъ покачнулся и издалъ звукъ. Потомъ онъ опять покачнулся и покатился въ ногамъ Роберта. Всѣ, кромѣ Вриджа, остолбенѣли отъ ужаса... Онъ одинъ спокойно поднялъ черепъ, осмотрѣлъ его, тряхнулъ разъ—два и вытряхнулъ изъ него большую лягушку. Присутствующіе поняли тогда причину движенія черепа и издаваемый имъ звукъ. Полисмены съ улыбкою переглянулись, между зрителями раздался хохотъ... одинъ только трактирщикъ и Робертъ были въ сильнѣйшемъ волненіи: вѣтви дерева, за которыя держался Джемсъ, качались,

будто колеблемая бурей,—а Бриджъ, блѣдный, задыхаясь, разсматривалъ черепъ.

— Что, мистеръ? спросилъ одинъ изъ полицменовъ, подойдя къ нему: — неужели вы узнали черепъ вашего отца?

Робертъ молча взглянулъ на него и съ прежнимъ вниманіемъ разсматривалъ черепъ.

— Или вы еще не можете успокоиться отъ испугу?

— Нѣтъ... не то... отвѣчалъ наконецъ Бриджъ съ глубокимъ вздохомъ: — но что это такое?

И онъ показалъ полицмену заржавленную шляпку гвоздя, воткнутого въ затылокъ черепа... «Какимъ образомъ этотъ гвоздь могъ попасть въ голову покойника?» спросилъ онъ громко, окидывая взглядомъ всѣхъ присутствующихъ...

— Вздоръ! пустяки! никакого гвоздя нѣтъ! хрипло отозвался трактирщикъ, потрясая вѣтку такъ, что листья дождемъ сыпались съ нея. — Онъ умеръ апоплексическимъ ударомъ!...

Досказывать? — Или вы уже сами догадались? Не знаю, нашелъ ли Бриджъ кости своего отца, — но черезъ двѣ недѣли въ лондонскихъ газетахъ было напечатано слѣдующее:

«Приговоръ уголовного суда, по дѣлу объ убійствѣ арнгильскаго трактирщика Тома Никольсона бывшимъ у него въ служеніи поваромъ Джемсомъ Дорномъ — состоялся пятого сего августа. Убійца приговоренъ къ висѣлицѣ, а жена его къ ссылкѣ въ Ботани-Бей на двадцать лѣтъ, съ выставкою у позорнаго столба».

Эти строки огнемъ жгли глаза бѣдному Роберту... «Боже мой!» перѣдко повторялъ онъ себѣ: «зачѣмъ ты сдѣлалъ меня орудіемъ твоего праведнаго гнѣва? Неужели я вѣхалъ изъ Индіи затѣмъ только, чтобы отрыть изъ-подъ земли эту страшную тайну?... Отецъ мой—умеръ; всѣ, кого я знавалъ въ молодости—или въ землѣ, или далеко... Агнеса?»

Жестоко отвѣтила судьба Бриджу на этотъ вопросъ. Наканунѣ своего отъѣзда, часу въ одиннадцатомъ вечера онъ возвращался въ номеръ занимаемой имъ гостиницы. Моросилъ мелкій дождь, тускло мерцали фонари, уныло плескала Темза своими мутными волнами. Близъ Соутвартскаго моста кто-то схватилъ Роберта за руку; онъ поднялъ голову и при свѣтѣ фонаря увидѣлъ предъ собою женщину лѣтъ тридцати двухъ, въ соломенной шляпкѣ и полиняломъ кисейномъ платьѣ. Когда-то красивое лицо ея было покрыто густымъ слоемъ бѣлиль и ру-

нанъ, тусклые глаза были полны какого-то отчаяннаго безстыдства. — «Милордъ!» сказала она хриплымъ голосомъ: «что вамъ за охота шататься такъ поздно по улицѣ; не лучше ли угостить меня стаканчикомъ грогу?...» Бриджъ прислушался къ звукамъ этого голоса... что-то знакомое... «Ваше имя?» пролепеталъ онъ.

— Агнеса Фортъ! отвѣчала несчастная съ глубокимъ реверансомъ.

— Дочь фермера въ Ольдъ-Кестлѣ? задыхаясь, прохрипѣлъ Робертъ, сжавъ ей руку.

— Не жмите же такъ больно! отвѣчала она съ гримасой: — да, мой отецъ былъ фермеръ въ Ольдъ-Кестлѣ. А почему вы меня знаете?...

Тутъ вспомнилъ Бриджъ свое прощаніе съ нею, пятнадцать лѣтъ тому назадъ — и все, что еще уплѣгло въ его сердце чистаго, добраго и молодаго, все вырвалось, все вылилось въ одномъ отчаянномъ рыданьи. Онъ сорвалъ съ шеи ладонку съ завитой гинеей, подаль монету Агнесѣ и скрылся въ потномъ сумракѣ.

Несчастная женщина внимательно осмотрѣла гинеею, слезы навернулись у нея на глазахъ, она задумалась о чемъ-то, потомъ вышла своей дорогой...

— Докторъ! сказала Валентина Васильевна, вставая со скамьи: — прежде я чувствовала къ лягушкамъ омерзѣніе, а теперь ужасъ!

— А я стою на своемъ, что это сказка во вкусѣ Гофмана... замѣтилъ Анатолій Павловичъ. — Вашъ рассказъ, любезный докторъ, пропитанъ Гофманскими каплями.

Что касается до меня, я молча пожалъ руку доктора. Его рассказъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. — «Докторъ, говорилъ я ему дорогою (мы вмѣстѣ возвращались въ городъ): — неужели то, что вы рассказывали было?»

— Неужели же нѣтъ? Главный фактъ: раскрытіе преступленія лягушкою — чистѣйшая правда; остальное авторская вольность, прикраса. Но что намъ съ вами за дѣло до англичанъ? И у насъ творились (если не творятся) вещи ничѣмъ не хуже. На любомъ кладбищѣ есть могилы, въ которыхъ таѣютъ остовы, если не съ гвоздями въ черепахъ, то, по крайней мѣрѣ, пропитанные добрыми приемами мышьяку, сулемы или опиуму... А какого вы мнѣнія о летаргическомъ снѣ?

Тутъ докторъ какъ-то странно засмѣялся.

— Неужели же у насъ... началъ было я съ ужасомъ.

— Какъ и вездѣ. Надобно вамъ сказать, что я веду записки, и въ нихъ, въ теченіе моей долговременной практики накопилось очень много любопытнаго. Записки эти будутъ вполнѣ напечатаны никакъ не прежде моей смерти... Отрывки же исподволь я готовъ отдавать въ печать подъ именемъ *Подземныхъ тайнъ*.

— Читатели могутъ подумать, что въ нихъ рѣчь идетъ о рудокопахъ или, пожалуй, о гномахъ?

— Авось не подумаютъ этого, а догадаются съ первыхъ строкъ, что я рассказываю не о томъ, что выкапываютъ изъ земли, а напротивъ, что закапываютъ въ землю. Далѣе трехъ аршинъ глубины я не иду... Какъ быть! О томъ, что дѣлается на поверхности земли — такъ много написано, такъ много пишется, что поневолѣ ищешь чего нибудь новаго подъ землею...

— И вы нашли?

— Нашелъ очень много новаго и любопытнаго. Позвѣрьте мнѣ, каждое градское кладбище — Помпей своего рода. Это подземные города, заселенные людьми, исключенными или вычеркнутыми изъ списка живыхъ, — и у этихъ городовъ есть свои тайны. Есть на кладбищахъ могилы съ простодушными, откровенными эпитафіями, и онѣ напоминаютъ собою мирныя жилища добрыхъ горожанъ... Но есть и такія могилы, въ которыхъ вмѣстѣ съ усопшими зарыто преступленіе. Виновники живутъ себѣ, спокойно повторяя стихи:

Спящій въ гробѣ мирно спи,
Жизнью пользуйся, живущій!

Все такъ, господа! Но вы, какъ видно, позабыли басню о Мидасовомъ брадобрѣ; вы, вѣроятно, не думали, что лепетъ кустарниковъ, посаженныхъ надъ могилами жертвъ вашихъ, можетъ быть переведенъ на общепонятный человѣческій языкъ? Или вы позабыли старую, избитую истину: что преступленіе обнаруживается рано или поздно? Въ моихъ рассказахъ я выкопаю изъ могилъ не остовы — на что они намъ? — я отрою одни только имена и громко произнесу ихъ... Почему звать, можетъ быть,

Въ гробу на вѣкъ умолкнувшее имя —

ударить по уху того, кому оно знакомо, даже можетъ быть нѣсколько и съ родни, и доставить ему двѣ-три бессонныя ночи; и па-

ложить на его гладкій, мѣдный лобъ—вмѣсто клейма—нѣсколь-
ко морщинокъ и посеребрить на его годовѣ сотню, другую во-
лосъ... Больше мнѣ ничего и не надобно! Вѣдь послѣ этого все
войдетъ въ прежній порядокъ! Такъ-какъ бессонница есть слѣд-
ствие пробудившейся совѣсти, въ негодѣ, понятно, что она
пройдетъ, какъ только заснетъ эта крикливая жеманница; что
же касается до морщинъ и сѣдыхъ волосъ, это дипломы на ува-
женіе! Въ нынѣшнее время мы всѣ заговорили о гласности... Но
неужели ея назначеніе обличать уличныхъ буяновъ, и рыцарей
промышленности въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ? Полноте, не
смѣшите! На это есть полиція. Нѣтъ, по моему мнѣнію, глас-
ность должна срывать маску съ лицезбра, она должна выказы-
вать сраднаця извы общества, прикрытыя бархатомъ и золо-
томъ. Вотъ, напримѣръ, судья, который тридцать лѣтъ выдаетъ
себя за образецъ честнѣйшаго человѣка; онъ кричитъ о право-
судіи, онъ выхваляетъ гласность... Долой маску, сѣдой него-
дяй! Расскажи намъ лучше, какъ ты выстроилъ свои три дома
и дачу; расскажи намъ, или мы сами расскажемъ во всеуслы-
шаніе то, что слышали о тебѣ отъ людей, отъ которыхъ ты не
стыдился брать взятки въ наше время—не хуже подъячаго вре-
дены матушки Екатерины!

Вотъ по моему мнѣнію это настоящая гласность!

Мои рассказы напоминаютъ читателямъ комедію, которую Ган-
детъ заставляетъ разыгрывать передъ своимъ дядюшкой, и я беру
эпиграфомъ слова Шекспира:

«Сію минуту вы увидите самое гадкое дѣло, но что намъ съ
вами до этого? Вѣдь у насъ совѣсть чиста. Кричи тотъ, кого это
кусаетъ!»

I.

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Подгородскъ, на рѣкѣ Варлжкѣ, рѣшительно ничѣмъ не от-
личается отъ великаго множества уѣздныхъ городовъ Русскаго
царства. Тамошній соборъ съ зелеными главами и высокою коло-
кольней, какъ двѣ капли воды, похожъ на соборъ въ Рязскѣ;
каменные ряды или гостиный дворъ такой же точно, какъ и въ
Кирсановѣ; сѣвѣжій домъ, съ выставленными подъ навѣсомъ

пожарными инструментами — фотографическая копія съѣзжаго дома въ Козловѣ; наконецъ, питейный домъ и другія благотворительныя заведенія точно такія же, какъ въ Чухломѣ или Аткарскѣ. Подгородска не громили ни татары, ни ляхи, ни Разинъ, ни Пугачевъ—по весьма уважительной причинѣ: онъ основанъ въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II, и въ нынѣшнемъ, 1861 году, вступилъ въ восемьдесятъ четвертое лѣто благополучнаго своего существованія. Жителей въ Подгородскѣ (за исключеніемъ квартирующихъ уланъ) до двухъ съ половиною тысячъ. Мужской полъ занимается преимущественно доставленіемъ доходовъ питейному откупу; женскій же—хозяйствомъ, а на досугѣ и сплетнями. Въ быстротѣ передаваемыхъ извѣстій, языки жительницъ Подгородска могутъ сибѣ потягаться съ проволоками электромагнетическихъ телеграфовъ. На одномъ концѣ города, напримѣръ, въ Собачьей слободкѣ, Яковъ Степанчычъ чихнулъ, а на другомъ концѣ, въ Бондаревской улицѣ, черезъ двѣ секунды уже извѣстно, что онъ чихнулъ отъ табаку, который ему отпускаетъ въ долгъ инвалидъ Фоменко, а Фоменко потому въ долгъ табакъ отпускаетъ, что жена Якова Степанчыча и проч. Петриха еще только собирается пироги въ печь сажать, а у Никитихи уже извѣстно, что пироги съ капустой и что ими будутъ угощать Абрама Васильевича... А между тѣмъ, отъ дома Петрихи до дома Никитихи будетъ версты двѣ, если не больше. Лѣтомъ житье въ Подгородскѣ, благодаря множеству садовъ, очень пріятное; за то весна и осень — несносны. Зимой, на святкахъ, бываютъ довольно частыя вечеринки съ платою по гривеннику или двугривенному за входъ; танцуютъ подъ звуки уланскихъ трубъ и фаготовъ, *побѣдителю сердцецъ* рассыпаются въ любезностяхъ и угощаютъ своихъ дамъ комплиментами и калеными орѣхами... Словомъ, Подгородскъ городъ, какихъ много очень на Святой Руси.

Въ этомъ городѣ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, жила зажиточная вдова Марья Ивановна. Покойный мужъ ея служилъ въ Одессѣ, въ конторѣ у одного богатаго негоціанта, и оставилъ Марьѣ Ивановнѣ довольно порядочное состояніе, которое вдова разными оборотами сумѣла удвоить въ весьма короткое время. Собою она была, что называется, молодецъ-баба: рослая, дородная, румяная, зубы какъ жемчугъ, на головѣ ни одного сѣдаго волоса, а между тѣмъ въ метрикѣ очень лютвенно значилось, что Марья Ивановнѣ недавно пошелъ шестой десятокъ.

Досадный возрастъ! осень не осень, зима не зима, отъ молодыхъ отстала, а къ старухамъ не пристала. Разумъ шепчетъ: «надѣвай очки и принимайся за чулокъ, да за наставленія молодёжи»... а сердце толкуетъ: «споживи еще, Марья Ивановна! право, ты еще баба хоть куда! Ванужь идти, пожалуй поздненько, а жить затворницей рано... Подумай!»

Вдовушка долго не думала. Тутъ же въ Подгерскѣ жилъ нѣкто Павелъ Никифоровичъ — человѣкъ молодой, пріятной наружности, ремесломъ фельдшеръ, извѣстный по всему околотку своимъ искусствомъ дергать зубы, бросать кровь, и даже (безъ всякаго каламбура) ставить рожки. Томный взглядъ, брошенный вдовушкою на фельдшера, произвелъ желанное дѣйствіе. — Любовь, если не къ ней, то къ ея деньгамъ зажглась въ сердцѣ Павла Никифоровича. Онъ сталъ навѣщать Марью Ивановну, сначала изрѣдка, наконецъ чаще и чаще. Благосклонность вдовушки достигла крайняго предѣла и выражалась болѣе или менѣе цѣнными подарками: то являлась у Павла Никифоровича золотая цѣпочка, то дорогія замочники, и фельдшеръ-капелія, нимало не заботясь о репутаціи Марьи Ивановны, шеголялъ в хвасталъ обновками. Жительницы Подгеродска заговорили... забасила Масличка, затераторила Никитика, застрекотала Петриха и вся честная компанія... «Да разрази меня Господь Богъ, если бы я, генеръ, на старости лѣтъ, влюбилась въ колокозеса!» говорила Масличка: «еще прежнихъ грѣховъ не замогла, а наткось, какими дѣлами занимается! Вѣрите, даже говорить стыдно, какъ предъ Богомъ, стыдно!»

А неволя, подумаешь, говорить! Всего досаднѣе то, что Марья Ивановна и ухомъ не ведетъ, и вниманія-то не обращаетъ на рѣчи кулушекъ: она любить и любима, а до всего прочаго ей нѣтъ никакого дѣла! Какой-то философъ сказалъ великую истину: «Жаждающій! не разсматривай въ микроскопъ воду, которую хочешь утолить свою жажду! Счастливый! не разбирай пытливымъ умомъ своего счастья!» Марья Ивановна была баба не глупая, но пытливымъ умомъ ее Господь не награждалъ, а потому она и не анализировала своего счастья; ни на одну минуту не задавала она себѣ простаго вопроса: «подъ пару ли ей двадцатипятилѣтній франтикъ, и можетъ ли онъ искренно любить ее? Любитъ ли онъ ее безкорыстно?» Она умѣла усыплять въ себѣ ревность, умѣла находить оправданіе самымъ неблаговиднымъ поступкамъ своего любимца. Иногда, на нѣсколько минутъ осво-

божественное изъ-подъ гнета пятидесяти четырехъ лѣтъ сердце влюбленной вдовы билось и трепетало, какъ у двадцатилѣтней дѣвушки. Сидя въ саду и ожидая Павла Никифоровича, перѣдое Марья Ивановна задумчиво устремляла глаза на небесную лазурь, съ наслажденіемъ вдыхая ароматный воздухъ. Скальцо раздѣлу утрення заря заставляла влюбленную старуху утирывать глаза, слушающую робкое чарманье малиновки или аяблিকা. Право, въ этомъ случаѣ можно сказать —

Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно!

Какъ образчикъ чувствъ Павла Никифоровича къ Марьи Ивановнѣ, приведу одну изъ бесѣдъ ихъ между собою. Часъ шестой вечера; скромная квартирка Марьи Ивановны убрана не праздничному. Передъ диваномъ столъ, на немъ ярко вычищенный самоваръ, двѣ *оплетенныя* чашки, лимонъ, сухари, варенье, графинчикъ съ коньякомъ и прочія принадлежности чайнаго стола; у окна Марья Ивановна, тщательно причесанная и приодѣтая, ждетъ-не-дождется своего гостя. Общала пріятн въ половинѣ пятого, а теперь безъ десяти минутъ шесть—Павла Никифоровича нѣтъ, какъ нѣтъ! «Не случилось ли чего съ нимъ? Долго ли до бѣды. Можетъ, вздумалъ идти кунаться и утонуть... можетъ, съ кѣмъ нибудь повздорилъ и въ полицію попалъ». И бѣда-дѣлаетъ тысячи предположеній, одно другаго шельмѣе. Не приходитъ ей въ голову самой простой и естественной причины, а именно, что Павелъ Никифоровичъ бесѣдуетъ теперь съ двумя товарищами въ гостинницѣ «Золотаго якоря».

— Павелъ, говоритъ ему одинъ изъ нихъ:—что жь ты нѣдешь къ своей *дражающей* Машинкѣ?

— А когда захочу, тогда и пойду! оурово отвѣчаетъ подгородскій Адошичъ:—надоѣла она мнѣ туже горькой рѣдьки! Намедни реветъ дура, слезами заливаается: «ты, говоритъ, неси не любинь, у тебя вѣрно другая на мысляхъ... Я на тебя гадала, и нѣсколько разъ: отъ тебя не отходить бубновое дама!» Какую, говорю, вы тамъ бубновую даму выжонали?

— Не про Дашку ли она тебѣ навекала? живо спросилъ одинъ изъ товарищей.

— Либо про Дуньку? заштилъ другой.

— А вы не глупите! перебилъ Павелъ Никифоровичъ: — коли что знаете, такъ и знайте про себя... Ей не отъ кого знать про

Дашку, либо Душку; она не въ здѣланныхъ твоего и видѣть не хочетъ, за то ее всѣ гордянкой зовутъ! Э-эхъ, Марья Ивановна! Марья Ивановна! за ласку спасибо, а ласкать перестанешь—еще больше спасибо скажу!...

— Такъ что тебѣ за неволя дружить съ ней? Не мужъ съ женой; поклонился да и былъ таковъ!

— Вотъ то-то и есть, что это не такъ легко сдѣлать!...

— А что? видно она у лекарки Марины Михайловны достала приворотнаго зелья или любовнаго корешка?...

— Нѣтъ, не то! А танерича, значить, я самъ ее люблю за ея добродѣтель... Вотъ, примѣрно, на дняхъ, она мнѣ подарила кусокъ хорошаго господскаго полетна, полдюжины чайныхъ ложекъ серебряныхъ, да еще кое-что... Вишь скортукъ: сунно-то вять рублей аршинъ,—тоже ея подареньище...

— Ну, да, разумѣется, это важно! Ты ее береги...

— Извѣстно.

И Павелъ Никифоровъ отправился къ Марьѣ Ивановѣ. Когда онъ подходилъ къ ея дому, на городскихъ часахъ пробѣло семь.

— Насилу-то ты пришелъ, Павлуша! съ полу-упрекомъ встрѣтила его обидная Марья Ивановна.—Я ужь тутъ всего надумалась!

— А вамъ охота всякія глупости думать! угѣнительно сказалъ Павелъ Никифоровъ:—вѣдь я не малый ребенокъ! что мнѣ дѣлается!

— Гдѣ же ты такъ долго былъ?

— Гдѣ былъ, тамъ уже нѣтъ! Мало ли у меня дѣловъ? По дѣламъ своимъ ходилъ.

— И вѣрно очень усталъ? Садись же сюда, къ столу. Закусить не хочешь ли?

— Послѣ. Теперь вы налейте-ко мнѣ чайку, а съ ремонъ выпью... Гм! да что это, никакъ у васъ кто пашироси курилъ? Не былъ ли кто?

Послѣдній вопросъ былъ сдѣланъ такимъ дерзкимъ и насмѣшливымъ тономъ, что другая, на мѣстѣ Марья Ивановна, навѣрно обидѣлась бы... она же робко отвѣчала:

— Это я курила, Павлуша.

— Ишь ты! подвигать вздумали?

— Нѣтъ, не подвигать, а я нарочно накурила, потому что мнѣ этотъ дымъ тебя напоминаетъ... Я накурила и мнѣ казалось, что ты тутъ...

— Вѣдь выдумаете же вы, Марья Ивановна! Дѣлать-то зашь нечего... А это у васъ, что за колечко?

— Ты видалъ его нѣсколько разъ... это подарокъ покойнаго мужа.

— Никакъ съ брильянтамъ?

— Кажется.

— Да, надо быть брильянты, и золотого 56 пробы. Подарилъ бы мнѣ...

— Павлуша, это единственная память объ мужѣ.

— Такъ вамъ жалко, что ли? Ну, и не нужно мнѣ вашего кольца.

— Нѣтъ, нѣтъ! возьми, возьми, я такъ сказала.

— На что мнѣ оно? Я пошутить! Вѣдь оно не дорогое: рублей десять, больше не дадутъ.

— Дорого ли оно, дешево ли, во всякомъ случаѣ я тебѣ его дарю! Дай, я сама надѣну тебѣ на палець.

И надѣвая кольцо на палець Павла Никифорича, Марья Ивановна поцаловала его руку.

— Ладно! Что вы мнѣ руку-то цалуете? Вѣдь я не поцѣ и не отецъ! Сидишь, право!...

Иногда между ними происходили разговоры другаго рода. Это случалось тогда, когда Павелъ Никифоричъ былъ въ болѣе нѣжномъ расположеніи духа.

— Вы, просто красавицы, Марья Ивановна, говоритъ онъ, прищуривъ глаза.

— Такъ я тебѣ очень нравлюсь?

— Очень нравитесь.

— И этишь я совершенно счастлива и довольна. Не правда ли, Павлуша, вѣдь ты любишь меня одну? Только меня одну?

— А то, кого же еще? Васъ одишь....

— И еслибъ нужно было, то за меня ты готовъ идти...

— Куда угодно.

— Въ огонь и въ воду?...

— Хоча въ петлю.

— И ты никогда не измѣнишь мнѣ, не правда ли? Это было бы безсовѣстно съ твоей стороны, это было бы низко! Такъ ли?

— Чего хуже. Да не бойтесь, не измѣню; зачѣмъ измѣнять?

— Конечно, можетъ быть, ты встрѣчаешь молоденькихъ и хорошенькихъ дѣвушекъ...

— Конечно, встрѣчаю...

— Но не обращаешь на них никакого вниманія?

— Никакого вниманія, Богъ съ ними!

— И ты думаешь обо мнѣ постоянно?

— Съ утра до вечера... То есть, вотъ какъ ни есть, весь день!

— Видишь ли когда меня во снѣ?

— И во снѣ вижу очень часто!

— Ахъ, Павлуша, я вѣрю тебѣ, и вижу, что ты точно меня любишь! говорила съ восторгомъ Марья Ивановна, довольная своимъ другомъ. Нѣжный любовникъ говорилъ (выражался техническимъ театральнымъ терминомъ) *по сублиму*. Суфлеромъ была сама Марья Ивановна, и вслушивалась въ повтореніе подсказываемыхъ нѣжностей, заставляла себя думать и вѣрить, что не она — а собственное его сердце подсказываетъ Павлушѣ всѣ эти нѣжности. Только влюбленная старуха можетъ такъ дружно сочетать нѣжную мечтательность съ грубой дѣйствительностію. Такъ прошло два года. Марья Ивановна выкупила Павла Никифорича изъ подъ красной шапки, сладила ему прекрасный гардеробъ, твердо рѣшилась купить ему парикмахерское заведеніе — если только онъ согласится принять его вмѣстѣ съ рукою Марьи Ивановны. Однакоже о женитьбѣ, несмотря на всѣ *подсказыванья*, Павелъ Никифоричъ и не заикался... Напротивъ, въ началѣ третьяго года, посѣщенія его къ Марьѣ Ивановнѣ становились рѣже и непродолжительнѣе. Каждый разъ являлся новый благовидный предлогъ къ отказу отъ приглашенія вдовушки. Подгородскіе телеграфы усердно заработали. Петриха передала Никитику изъ достовѣрныхъ источниковъ, что Павелъ Никифоричъ ѣздитъ въ сосѣдній городъ, и тамъ намѣренъ посвящаться за дочерью купца Бѣлобрысова; Самсониха же клятвенно увѣряла Маслиху, что дѣло уже кончено, купецъ далъ согласіе и все приданое сложено: семь шелковыхъ платьевъ, два сазена чернобурыхъ лисицъ; бѣлья, столоваго серебра безъ счету — а Божье милосердіе усыпано жемчугомъ и вотъ «эткими бразилътани!» И Самсониха, вытянувъ красивую руку, отдѣлала поттемъ перваго пальца верхній суставъ указательнаго.

Хотя эти слухи и не докопали до ушей Марьи Ивановны, тѣмъ не менѣе и она начала призадумываться и сомнѣваться въ словеса Павлушѣ. Прямо спросить у него не рѣшалась, боясь, что онъ убѣдитъ ее своимъ утвердительнымъ отвѣтомъ. «Забота»,

говорят добрые люди, «не походятъ», а ужь тѣмъ болѣе по-жилаго-то не красятъ. Въ два-три мѣсяца Марья Ивановна до того переѣбилась, что ее трудно было узнать. Любовь дѣлала ее красавицей, — любовь же и отняла всю ее красоту. Глаза потускли отъ слезъ и бессонницы и окаймлись коричневыми кру-ганами, морщины избородили все лицо, волосы посѣдѣли; то, чего не дѣлалъ года, сдѣлало горе!

Прошло лѣто, приближалась осень: пошелъ дождь, грязь, слякоть; пожелтѣли подгородскіе сады, разлазась Варашка. Въ концѣ сентября, Павлуша дня на три уѣхалъ въ сѣзднѣй го-родъ и тамъ, въ церкви св. Архистратата Михаила, повѣчанъ съ дочерью кунца Бѣлобрысова, дѣвценоу Серафимноу.

— Какая же свадьба-то была, батюшки мои свѣты! голосила Маслиха дней черезъ пять:—невѣста, правда, не очень-то собой, того.. Но ужь, какъ была одѣта! Уеадь, значить, блондовый, изъ Петербурга выписанъ и триста рублей заплаченъ; платье бѣлое морэ...

— Анъ зрешь! перебиваетъ Никитиха: — платье розовое млас...

— Ты-то не ври, платье морэ! Ужь это я навѣрно знаю!

— Много ты знаешь! Нешто видѣла, лежа на печи?

— А ты, ходя за куриами! Вѣдь не была въ церкви?

— А ты была?

— Не была, да знаю!

— Безотыжкіе твои глаза, вотъ что! Ты вѣчоръ-то гдѣ была, венчани?

— Гдѣ была? Мало ль гдѣ: и дома была, и къ Надеждѣ Са-вельевнѣ ходила...

— Вотъ го-то и есуть! Тебѣ бы только по гостямъ шалыгся, а нѣтъ, чтобы дома посидѣть, да хоть бы работашеньку-то обшн-вать, — вѣдь нагишомъ бѣгаютъ!

— Не твои дѣти, не твои и забота, жаба ты болотная!

— Кто? я-то? Сама ты жаба!

И уклонясь отъ первоначальнаго предмета разговора, теле-графы начали разбиваться краткими, но выразительными де-пешами, наконецъ превзошли своего соперника, электро-маг-нетическій телеграфъ, въ томъ, до чего ему во вѣки вѣковъ не дойти, несмотря на всѣ старанія Морзе и другихъ ученыхъ: теле-графы разбивались пощечинами и готовились вступать въ ру-копашный бой; къ счастью, ихъ роняли промежуточные стая-

ция, то есть Петриха и Самсониха. Но Богъ съ ними! Что-то подымывается Марья Ивановна? Сердце давно сказало ей всю правду на своемъ таинственномъ языкѣ, — но голосъ сердца еще не былъ переведенъ на человеческій языкъ, и еще какой-то смутный приражекъ надежды утѣшалъ Марью Ивановну. Въ волненіи сидѣла она у окна и съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣла на улицу, — а тамъ все по прежнему, тоже, что было вчера, что было и два года назадъ. Тотъ же рѣшетчатый заборъ, шпѣ-за котораго выбиваются вѣтви раскидистыхъ яблоней, тѣ же тумбы, та же бесѣдка съ пестрымъ флюгеромъ на кровлѣ. Глаза Марьи Ивановны остановились на флюгерѣ, который былъ украшенъ куполъ бесѣдки соседняго сада; этотъ флюгеръ, изображавшій какого-то дракона, напомнилъ бѣдняжкѣ многое... а почему именно напомнилъ? Кинь-то въ недавно минувшее, счастливое время, Павлуша сидѣлъ у нея въ гостяхъ и о чемъ-то вѣжко разговаривалъ, а Марья Ивановна смотрѣла на флюгеръ... Теперь, черезъ два года, взглядъ на этотъ ничтожный предметъ воскресилъ въ памяти Марьи Ивановны весь разговоръ, съ мельчайшими подробностями... Это бываетъ!

Вдругъ старуха со стономъ опрокинулась въ кресла и если не чувство, то мысли совершенно ее покинули. Мимо ея оконъ проѣхали дрожки, а на нихъ щегольски одѣтый Павлуша и съ нимъ молодая дама въ бѣлой шляпкѣ съ перомъ, — молодые, ясно, что молодые!

Изъ чести Марьи Ивановны должно замѣтить, что горе не заставило ее отвратиться ни на какую глупую выходку. Не желая встрѣтаться съ негодяемъ, она переѣхала въ отдаленный отъ его жилья край города, въ Исправленную улицу, и наняла небольшую комнату у портнаго Куроганова.

Наука эзотерики, изобрѣтенная въ доуженую минуту Лаватеромъ, годится, право, только на пополненіе сонниковъ да оракуловъ. «Личо — зеркало души», сказалъ кто-то безъ осмысленія своей возлюбленной, и этотъ комментъ сталъ любимымъ афоризмомъ эзотеристовъ; несмотря на то, что опроверженію ему встрѣчаются на каждомъ шагѣ. Красавцы душою и тѣломъ — тоже такое же исключеніе изъ общаго правила, какъ и такіе-же уроды. Мнѣ думается, что благоразумная природа, у которой во всемъ разноефіе и гармонія, лишаетъ чело-вѣка одного качества, удваиваетъ другое. У слѣпыхъ, такіе образцы, необходимо развиты органы слуха и осязанія, у

глухого — зрѣніе. Такъ же точно давая человѣку прекрасную душу, судьба нерѣдко облекаетъ ее въ непрасивую оболочку — и наоборотъ: черную душу обдѣваетъ самою привлекательною наружностью. Есть, наконецъ, такіа ordinaria физіономія, при взглядѣ на которыя немально скажешь: «этотъ человѣкъ — ничто!» И вдругъ это ничто свершаетъ какой нибудь удивительный подвигъ великодушія или нивости — и вы, послѣ того всматриваетесь въ его лицо, начинаете, по системѣ Лафатара, дѣлать свои умозаключенія, смотря по тому, доброе или худое дѣло сдѣлалъ анализируемый субъектъ. Мнѣ случалось видѣть на своемъ вѣку очень много преступниковъ разнаго рода: убійцъ, поджигателей и тому подобныхъ штукарей. Всѣ они не отличались никакими особенностями въ физіономіи, и были скорѣе привлекательны, нежели безобразны.

Это разглагольствованіе затѣлалъ я къ тому, чтобы поговорить о Курегановѣ и его сестрѣ. И тотъ и другой тысячу разъ попадались, и можетъ быть еще попадутся вамъ на встрѣчу: братецъ — съ узелкомъ подъ мышкой, а сестрица съ просѣнкой и книжечкой поминанья въ рукахъ — возвращаются изъ обѣда. У обоякъ физіономіи — ничто.

Къ этимъ-то людямъ — ничто — и переселилась Марья Ивановна. За комнату со столомъ, отопленіемъ, прислугой и водой, братецъ съ сестрицей заломили немновѣрную цѣну. Старуха не торговалась; ей квартира нужна была только для ночлега, да и то не всегда. Въ продолженіе осени, она по цѣлымъ днямъ и даже по цѣлымъ суткамъ бродила по Подгородку и его окрестностямъ. Платье ея мокло насквозь и на ней же прѣсыкало, старый чепчикъ былъ плохую защитою сѣдой головы отъ дождя и ледянаго осенняго вѣтра. Бывало, погода такая, что добрый хозяинъ собаки на улицу не выпуститъ, а обѣдая Марья Ивановна плетется по грязи, и Богъ вѣсть куда! Куда глаза глядятъ. Идетъ, да только головой мотаетъ, и что-то про себя боршочетъ. Видно было по ея глазамъ и выраженію лица, что имела несчастной старухи блуждають на границѣ, отдѣляющей разумъ отъ немѣстательства. Сначала подгородскія мушкетки надъ ней подсмѣивались, потомъ, наговорившись до-сыта, приуспоили, а тамъ начали и жалѣть старуху. Бѣ до нихъ сожалѣній такъ же мало было дѣла, какъ въ прежнее время до нихъ пересудъ; она ни на кого и ни на что не обращала вниманія. Тщотвы были старшія сестры Куреганова заслушать лапку Марьи Ивановны

ласками и услужливостью... Сдоруха во весь день не говорила съ нею и двухъ словъ.

Какъ-то въ отсутствіе подоумной, Курогановъ забрался къ ней въ комнату, и, по праву хозяевъ, рылся у нея въ комодѣ.

— Посмотри-ко, Миша, говорила сестрица:—какія богатые серьги... такъ и горять!...

— Нешто, флегматически отвѣчалъ портной:—серьги-то хороши, а вотъ это еще лучше!

И онъ вынулъ изъ шкатулки банковый билетъ на имя неизвѣстнаго, въ пятьсотъ рублей.

— Э-эхъ, продолжалъ онъ философствовать:—прости Господи! Счастье богатымъ... Оттого-то видно они и съ ума сходятъ! Ну, какого ей бѣса еще старой дурѣ? Жила бы себѣ да жила въ свое удовольствіе... Одна, какъ персть...

— То-то и хорошо, Миша, вкрадчиво перебила сестрица:—жить ей, можетъ быть, остается уже немного; мнѣ кажется, могла бы въ благодарность за нашу хлѣбъ-соль и попеченія осчастливить насъ!...

— Держи карманъ, осчастливить! Сдохнетъ, какъ собака, ииѣнье печатаютъ, а мы на бобахъ и останемся...

— Останемся, либо нѣтъ... Надобно теперь, покуда еще время не ушло не плошать...

— То есть, что это значитъ—не плошать?

— А то, что вѣдь, я чай, она не знаетъ, много ль у нея всего-то добра? Вишь, колець да серегъ молвая коробка... Не трудно чему и потеряться!

— Извѣстно. Вонъ и банковыхъ билетовъ только три именныхъ, а то все на неизвѣстнаго... Была-не-была! Господи благослови!

И Курогановъ дрожащей рукой опустилъ банковый билетъ въ карманъ своего халата.

— Миша, Миша! прошептала сестра:— что ты дѣлаешь?

— А ты молчи - знай, коли ты дура! отвѣчалъ портной, судорожно сибясь.—Ужъ нечего переминяться-то... Бери сережки! Благо, нравится!..

— Спасибо, голубчикъ! простоудушно отвѣчала сестрица, будто за подарокъ, поспѣшно хватая серьги. — И то сказать, Миша, отчего не поймаетъ рыбку, коли сама въ руки идетъ.

— Ну, конечно...

— Иной подлець скажетъ, пожалуй, что мы воры... а развѣ

воры такіе бывають? Куда всё эти вещи пойдуть, когда старуха умретъ? Вѣдь въ чужія же руки! Родни у нея никого нѣтъ!.. а мы все же ей не чужіе! Право, только мы одни ее и любимъ...

— Да это ужь, что и говорить!

— Я увѣрена, что ослабы она была въ своемъ умѣ; то сама бы все намъ раздѣлила...

— Ладно, ладно! запирай—но камодъ, да ключь—то въ ящикѣ оставь, какъ былъ... Да въ камодъ—то не перерыла-ли ты?..

— Ничего, ничего не перерыла, братецъ, все на своемъ мѣстѣ!

— Ну, смотри-же: если ты да кому нябудь слово скажешь...

— Ну вотъ! ужь будто я не знаю! Будь спокоенъ — все будетъ шито и крыто...

Комодъ запертъ и все на своемъ мѣстѣ: сорежки у сестрицы, банковый билетъ у братца. Марья Ивановна пришла домой около полуночи, измокшая, продроглая...

— Чаю не принажете-ли, Марья Ивановна? заботливо спросила Куроганова. — И гдѣ это вы были? У меня все сердце по васъ изныло... Перешьните бѣлье, лягте въ постель, укройтесь потеплѣе...

— Хорошо, хорошо, бормотала непонятно старуха.

— Вамъ холодно?

— Да, болить... очень болить!..

— Что же у васъ болить?

— Голова... сильно болить...

— Лягте спать... я вамъ постель приготовлю...

— Постель?.. Хорошо.

Марью Ивановну уложили въ постель; долго металась она, отрывисто что-то выговаривая, будто въ бреду, — наконецъ уснула.

На утро Куроганова тихохонько подошла къ ея постели. Старуха лежала въ прежнемъ положеніи, легкій румянецъ игралъ на ея впалыхъ щекахъ, глаза были плотно заперты... но она не дышала.

— Марья Ивановна! вполголоса проговорила Куроганова, трогая спящую за плечо: — Марья Ивановна! повторила она погромче...

Старуха не просыналась.

— Да неужели же она умерла? прошептала портинка! — вотъ было бы счастье! только вчера говорили...

— Марья Ивановна! крикнула она во все горло, — и через минуту позвала брата.

Курогановъ спокойно взглянулъ въ лицо спящей, положилъ свою широкую ладонь ей на грудь; приложилъ зеркало къ ея губамъ и сказалъ сестрѣ: «Кажись, умерла!..»

— Неужели! вскричала та радостно.

— погоди радоваться, можетъ, и обморокъ... Да нѣтъ! Вашъ не дышать, и не шелохнется...

— Нѣтъ... ронцъ зеркало потѣеть...

— Гдѣ? съ досадою вскрикнулъ портной. — Да... точно потѣеть... Эхъ чортъ возьми! ну умирать, такъ ужь умирать, а не дурачиться!.. Досадно даже... Положимъ-часъ другой, а тамъ надобно дать знать въ полицію...

Любопытнѣе всего то, что ни братъ, ни сестра ни слова не сказали про доктора, а оно бы въ этомъ случаѣ не мѣшало.

Прошло три часа. Марья Ивановна не просыпалась. Сдѣлавъ судебнo-медицинское вскрытiе комода живой покойницы и оставивъ на видномъ мѣстѣ три именные банковые билета, Курогановъ отправился въ полицію.

Нагрянули гости. Имущество Марьи Ивановны переписали и опечатали; частный врачъ кольнулъ ее въ пульсъ ланцетомъ—кровь не пошла! Явно, что старуха умерла... надо быть ударомъ, а можетъ и другимъ чѣмъ, а можетъ статься, что она и въ летаргическомъ снѣ... Да вздоръ! Въ летаргическiй сонъ погружаются только нѣмцы да французы,—вашъ братъ, русакъ, человекъ откровенный: умеръ—такъ ужь умеръ *взиправду*.

— Надобно было бы, по настоящему, тѣло вскрыть... сказалъ лекаръ Куроганову.

— Помилуйте, ваше благородiе! вскричалъ тотъ, и забывая всякое приличiе, хватилъ лекаря за руку:—за что же мнѣ квартиру—то поганить!

Лекаръ искося взглянулъ себѣ на ладонь: красненькая... Подумаешь, какъ крѣпко стиснулъ руку портной! Иногда отъ рукопожатiя въ рукѣ появляются и радужные цвѣта, но это случается только при рукопожатiи откушника... Впрочемъ съ лихою собакой хоть шерсть клочья!..

— Она умерла, положительно отвѣчалъ врачъ. — Можете обмывать и класть на столъ.

— Померно васъ благодарить! отвѣчала Куроганова. — А какъ прикажете хоронить?

— Разумѣется, черезъ три дня, по закону... даже лучше всего черезъ четыре, — потому что бывали случаи, правда, очень рѣдкіе...

— Ну, ну, полно вамъ, Иванъ Ивановичъ! сказаль частый приставъ, вставая изъ-за стола и складывая протоколь: — пора и до дому. Прощай, Курогановъ.

Вечеръ. Марья Ивановна лежитъ на столѣ. Въ головахъ теплится лампада, у стола псаломщикъ Парамонычъ, только-что выпившій стакачикъ очищенной, поднесенный Курогановымъ; дождь звенитъ въ окна, вѣтеръ воетъ въ трубы... Вотъ и всѣ слезы, вотъ и всѣ вопли по тебѣ, Марья Ивановна. За дверьми раздаются шаги, и Парамонычъ, собравшись съ силами, жадно *продолжаетъ* (хотя еще и не начиналъ). «Не отврати лица твоего отъ мене, въ онъ же аще день скорблю, преклони ко мнѣ ухо Твое...»

На порогѣ являются Никитиха, Маслиха, Петриха, и Самсониха. Робко крадутся онѣ другъ за дружкой, подходятъ къ столу и усердно кладутъ земные поклоны. Маслиха откдываетъ отъ лица покойницы простыню, и шепчетъ Никитихѣ:

— Ну просто, какъ живая... Нисколько не измѣнились!..

— Точно спитъ, голубушка моя! отвѣчаетъ та, отирая слезы: — какая красивая! просто молоденькая...

— И духу-то отъ нея никакого нѣтъ! шопотомъ же замѣчаетъ Никитиха, всхлипывая.

— Какой тутъ духъ — давно-ли скончалась?... Охъ, охъ! куда-то все ея добро пойдетъ? вѣдь все растащутъ до нитки... А капоть-то на ней богатый, — никакъ она въ немъ прошедшій годъ было у причастья?

— Да, кажется; а чепчикъ-то новый, ленты славныя: по рублю шести гривенъ аршинъ...

— Экъ хватила! хрипло шепчетъ Самсониха: — въ лавкѣ у Крушицына точно такія-же по девяти гривенъ!..

— Нѣтъ, мать моя, ужъ вѣрно не такія!.. Ты посмотри, какія широкія, да и цѣтъ дорогой — сиреневой...

— За девять гривенъ такихъ не купишь!

— Бѣдная, бѣдная Марья Ивановна! не отвѣчала, говоритъ Петриха: — умерла сиротой горемычной на чужой сторонѣ... Царство тебѣ небесное, а душенькѣ твоей вѣчный покой! Добрый была человекъ! Никогда ни про кого худого слова не ска-

зла, ницую братію кормила... Да ты никакъ плачешь? спрашиваетъ она Самсониху.

— Да, жалко ее бѣдную! отвѣчаетъ та всхлипывая.

И подгородскія кумушки дѣйствительно плачутъ: отъ нихъ живому житья нѣтъ, а про мертваго всегда найдутся въ запасъ и слезы и молитва!

— Батюшка идетъ! сказалъ живо Парамонычъ, взглянувъ за окно, и съ новою энергіею продолжалъ: «Не отврати лица Твоего отъ мене, въ онъ же еще день скорблю, преклоня ко мнѣ ухо «Твое!...»

Священникъ, сопровождаемый дьячкомъ, вошелъ въ комнату, кумушки бросились опростеть къ нему на встрѣчу — принять благословеніе. Дьячокъ отправился на кухню, насыпать угольевъ въ кадильницу; священникъ же, надѣвая облаченіе и приглаживая волосы, спросилъ Никитиху:

— Гдѣ же хозяйка?

— Сію минуту прійдутъ, батюшка, отвѣчала та подобострастно.

— Долго хворала покойница?

— Никакъ нѣтъ, батюшка; она скончалась скоропостижно. Вчера, въ эту пору, я видѣла ее на улицѣ... Ужасно, батюшка, умереть безъ христіанскаго покаянія!...

— Воля Божія! отвѣчалъ священникъ. — Одной минуты искренняго раскаянья достаточно, чтобы Господь предалъ забвенію грѣхи многихъ лѣтъ...

— Это истинно, батюшка.

Пришли Курогановы. Дьячокъ, помахивая кадилошъ, возвратился изъ кухни. Парамонычъ зажегъ пучокъ восковыхъ свѣчекъ и сталъ съ поклонами одѣлать ими присутствующихъ; яллубы снятаго ладану заструились по комнатѣ, захватывая дыханье. Лицо Марьи Ивановны открыли: румянецъ по прежнему рдѣлъ на ея щекахъ, губы были розовыя, глаза выпуклы. Священникъ подошелъ къ ея изголовью, долго, пристально всматривался въ лицо, и наконецъ сказалъ строгимъ голосомъ:

— Гасите свѣчи... Я не могу и не смѣю служить панихиды... Она жива!

— Помилуйте, батюшка, возразилъ дрожа всѣмъ тѣломъ Курогановъ: — у насъ есть докторское свидѣтельство...

— Хотя бы ихъ было сто, я потворяю вамъ, что она жива, а живыхъ не отгѣваютъ. Стыдно вашему доктору давать ложныя

свидѣтельства. Я довольно видалъ покойницю на своемъ рѣку, и повторяю, что она жива!

— Но почему-же вы это думаете, батюшка? спросила Куроганова.

— По этому румянцу, по глазамъ, по упругости тѣла.... Смотрите: я приложу палецъ къ щекѣ и отъ нажима не дѣлается впадины, а бѣловатое отъ пальца пятно покрывается румянцемъ! Давайте стаканъ воды.

Кумушки, умиравъ отъ любопытства, обстудили столъ. Свѣчникъ поставилъ стаканъ на грудь покойницы: вода колебалась....

— Наше дѣло сторука! отвѣчалъ Курогановъ недовольною — мы не доктора.

— Но вѣдь и докторъ, давшій вамъ свидѣтельство, — не мертвой! — Сергѣевичъ, продолжалъ онъ обращаясь къ дядьку, сходи отъ меня къ Адаму Феликсовичу и попроси его сюда. А, вы голубушки, идите съ Богомъ по домамъ! Вамъ тутъ дѣлать нечего!

Кумушки побрели домой. Дорогою Маслиха рѣшила, что это не съ-просту.

— А что ты думаешь? спросила Никитиха.

— А то, что Марья Ивановна — прощу не прогнѣваться — вѣдьма.

— Ой-ли?

— Да ужь такъ-съ, повѣрьте мнѣ. Моего глупаго совѣта, конечно, никто не послушаетъ, но знайте, что если ей вбить осиновый колъ въ спину, — то она не встанетъ! Ни подъ какимъ видомъ!

— Еще бы! перебила Петриха, легкое ли дѣло ожить, когда въ спину колъ вобьютъ! Увидимъ, что будетъ!

Уѣздный докторъ Адамъ Феликсовичъ, хотя и носилъ не русскую фамилию, но былъ чистый русакъ: говорилъ, особенно съ простымъ народомъ, очень чисто по-русски, былъ большой хлѣбосоль и радушный хозяинъ. Въ городѣ его вообще любили. Несмотря на дурную погоду, онъ, по приглашанію священника, тотчасъ же явился къ Курогановымъ. Любезно расшаркиваясь, онъ сказалъ священнику:

— Дорргой, мнѣ сказали вашъ посланный, что тутъ какое-то загадочное дѣло...

— Да, кажется, летаргическій сонъ....

— О! это любопытно, очень рѣдкостный случай...

И докторъ подошелъ къ покойницѣ. Съобщивъ близкомъ человѣку привѣщаніе, не церемонился съ трунами, онъ сталъ терзать тѣло, шувать глаза и губы, и послѣ долгаго размышленія, сказалъ:

— Дѣйствительно, некое на логаргизм. Впрочемъ, эти признаки очень обманчивы; иногда разложеніе мертвѣго тѣла бываетъ такъ медленно, что... Во всякомъ случаѣ, батюшка, не могу не выразить вамъ искренней благодарности за ваше участіе въ этомъ дѣлѣ... Вы, врачъ души, помогли мнѣ, врачу тѣла—и я немедленно приму необходимыя мѣры... Хозяинъ! дайте мнѣ перо, чернилъ и бумаги. Да что вы тамъ дрожите?

— Еще бы не дрожать, Адамъ Феликсовичъ? отвѣчала Куроганова:—такія ужасы! Еще меня съ братцемъ притянуть!...

— Полноте пусташи говорить, за что васъ притягивать? Развѣ за то, что пригласили для свидѣтельства дурана Еремеева? Но это еще не-Богъ-вѣсть какая вина... Гдѣ его свидѣтельство?

— Вотъ оно, прощенталъ Курогановъ, подавая бумагу.

— Гм! сказалъ съ усмѣшкой Адамъ Феликсовичъ, прочитавъ свидѣтельство.—Апоплексія... Этими повѣждамъ рѣшительно ничего не значать поставить имя болѣзни набушь; имъ все равно: апоплексія, эпилепсія, инемонія.... Эхъ, досадно даже! У этихъ господъ ни такту, ни знанія, ни даже челоуѣколюбія...

И докторъ съ досадою разорвалъ въ куски свидѣтельство частнаго врача... Курогановъ чуть не вскрикнулъ... Было за что такъ крѣпко жать руку Еремееву!

По распоряженію Адама Феликсовича, комнату, гдѣ стояла Марья Ивановна, жарко натопили, а у стола помѣстили двухъ полицейскихъ солдатъ, со строгимъ приказаніемъ наблюдать за мнимо-умершей.

— Ну, что скажете, Лукерья Сидоровна? говорилъ Курогановъ сестрѣ, въ полночь, когда уже прошла вся эта передрага.—Скверно дѣло!

— Да еще какъ скверно-то, Миша! отвѣчала она со вздохомъ.

— Прощай, найди денежки, сережки и колѣчки!..

— Это бы еще все не бѣда, — а не пришлось бы отвѣтить!..

— Дура ты! за что тутъ отвѣчать?

— А вещи да ломбардные билеты у насъ найдутъ?...

— А если не найдутъ?

— Ну, а если та очнется?

— И то не бѣда! очнется, ну и прахъ ее побори... Не судъба, значить! А жаль, ей Богу жаль! Теперича укри она, окаянная, деньги наши; а ужь мы бы съузили распорядиться, какъ слѣдуетъ.... Что дѣлать: наехали—шолчи, потерялъ—шолчи!

— Да вѣдь глупо же упускать изъ рукъ счастье... Авось Богъ милостивъ, наше отъ насъ не уйдетъ, —и Марья Ивановна въсправду умерла....

— А вотъ увидимъ. Утро вечера мудренѣе.

Но пришло и прошло утро, день, два—пять. Весь городъ сбѣгался смотрѣть на живую покойницу: лежить, —а румянецъ играетъ по прежнему; въ комнатѣ, отъ жару дохнуть нельзя, а между тѣмъ ни малѣйшаго признака разложенія.... Покойница лежить, какъ живая, за то Курогановы ходять, какъ убитые; сестрица даже похудѣла, да и братецъ сталъ на себя непохожъ. Кумушки охрипли отъ разговоровъ, и живая покойница, наконецъ, перестала быть предметомъ ихъ бесѣдъ. Изрѣдка навѣщала Курогановыхъ Адамъ Феликсовичъ, и только твердилъ: «очень, очень странно!» Братецъ пробовалъ было поодобиться къ нему лаварень, —да докторъ такъ на него взглянулъ, что у пертнаго и душа ушла въ пятки.... Наступилъ девятый день — покойница все та же.

Утромъ, часу въ десятомъ, у дверей квартиры Адама Феликсовича раздался робкій звонокъ; слуга отворилъ: на порогѣ стоялъ Курогановъ.

— Баринъ вставши?

— Вставши.

— Можно ихъ видѣть?

— Да ты по дѣлу?

— Да, и очень важное дѣло! Доложите, что, молъ, пертнаго Курогановъ пришелъ.

— А! это... гдѣ живая покойница?... Ну, что она... еще не померла?

— Вотъ объ этомъ—то самою я и хотѣлъ попроситъ Адама Феликсовича... Какъ, значить, онъ перѣшлеть... Доложите же, пожадуйста...

И Курогановъ пожалъ руку лакею; въ рукѣ явилась желтенькая, Лакей доложилъ, и черезъ минуту Курогановъ явился предъ ясныя очи Адама Феликсовича.

— Ну, что скажешь? спросилъ протекторскимъ тономъ докторъ: — что подѣлываетъ наша покойница?

— Лежить, ваше высокоблагородіе.

— Не портится?

— Все въ одномъ положеніи, какъ и вчера... Сколько же еще дней ждать, Адамъ Феликсовичъ?

— Дня три... даже, можетъ быть, еще недѣлю...

— Такъ нельзя ли, Адамъ Феликсовичъ, хоть въ больницу ее перенести... а то, ей-богу, спокою нѣтъ мнѣ съ этой покойницей! Хоть самому приходится въ гробъ лечь. Оба мои мальчишки-ученики убѣжали къ роднымъ, давальцы отъ меня отшатнулись...

— Ну, что жь дѣлать, мой милый! Это такой рѣдкій случай... Такъ тѣло, говоришь ты, не портится?

— То есть, какъ вамъ сказать, Адамъ Феликсовичъ? оно, дѣйствительно, не темнѣетъ, а какъ будто даже духъ есть...

— Надобно было бы мнѣ самому посмотреть... Сегодня-то некогда, такъ завтра, либо послѣзавтра...

— Адамъ Феликсовичъ! отчаянно крикнулъ Курогановъ.

— Что, мой милый?

— Позвольте намъ ее похоронить!

— Чудакъ! А если она жива?

— Умерла, Адамъ Феликсовичъ; вотъ отсохни у меня языкъ, если не умерла!.. Это она такъ только дурана строитъ... Ужь позвольте намъ ее съ рукъ сбить... а тамъ, что насчетъ благодарности...

Докторъ какъ-то странно посмотрѣлъ на Куроганова. Портной продолжалъ:

— Послѣ моего покойнаго тятеньки у меня остался одинъ документъ... и самъ я не знаю какой... Будьте милостивы, скажите мнѣ, что въ немъ написано.

И Курогановъ поспѣшно подаль доктору банковый билетъ въ двѣсти рублей. Адамъ Феликсовичъ разсмотрѣлъ его очень внимательно, полюбовался на изящную каемку и превосходно отпечатанный гербъ, изображающій неяснѣ, кормящую птенцовъ своею внутренностью. Увы! ей уподоблялся въ настоящую минуту и самъ Курогановъ! По крайней мѣрѣ, ему легче было бы угостить Адама Феликсовича кусочкомъ своего мяса, нежели банковыхъ билетовъ... Но — увы! судьба...

— Гм! промычалъ докторъ, вопросительно глядя на Куроганова.

— Не откажите, отвѣчалъ тотъ, низко кланаясь.

Адамъ Феликсовичъ сѣлъ къ столу и взялъ перо въ руки.

— Повтори же, мой милый, то, что ты говорилъ мнѣ о покойницѣ... Тѣло разлагается?

— Какъ-съ? Что вы изволили сказать?

— То есть, портится тѣло? Вѣроятно есть признаки...

— Да-съ, ужъ начало портиться...

— Не замѣтилъ ты черныхъ пятнышекъ около рта и ноздрей? Такіхъ маленькихъ — въ маковое зернышко?..

— Есть, есть! я еще сегодня утромъ видѣлъ...

— Глазныя вѣки потемнѣли? посинѣли?

— Совершенно синія.

— О, такъ теперь нѣтъ никакого сомнѣнія: она точно умерла! Вотъ тебѣ свидѣтельство и хорони ее спокойно... Ты бы, мой милый, съ самаго начала это сказалъ! А то мнѣ самому странно: какъ же, думаю, человѣкъ можетъ быть въ обморокѣ девять дней? Небывальщина! Иди же, ступай!

Курогановъ возвратился домой съ сіяющимъ лицомъ. Въ свидѣтельствѣ, данномъ Адамомъ Феликсовичемъ, было восемь строкъ: стало быть, по 25 цѣлковыхъ за строку! Да, не худо! такихъ денегъ, я думаю, не платилъ своему сотруднику ни одинъ редакторъ въ мірѣ... Но принимая въ соображеніе то важное обстоятельство, что отъ этихъ восьми строкъ зависѣла жизнь человѣка, что эти восемь строкъ были смертнымъ приговоромъ несчастной Марьѣ Ивановнѣ — оно дешево! Пятенъ на тѣлѣ никакихъ не было, лицо покойницы было румяно по прежнему, члены гнулись и были упруги, какъ у живой...

Снова явился въ квартирѣ Курогановыхъ Парамонычъ, опять раздавался его гнусливый, дребезжащій голосъ: «Не отврати лица Твоего отъ мене...» Сестра Куроганова занялась на кухнѣ приготовленіемъ поминальнаго обѣда. Живо уложили покойницу въ гробъ, уведомили священника. Пастыръ прочелъ докторское свидѣтельство... задумался-было, но не надолго: затѣять уголовное дѣло не трудно, но каково-то его кончить? Во-первыхъ, удалять отъ должности, будутъ таскать по судамъ, а у него — жена и пятеро ребятишекъ... И скрѣпя сердце, священникъ сталъ служить литію...

Мелкій дождь моросилъ, какъ сквозь сито, и застилалъ окрест-

ность; пара полумертвых лошадей везли Марью Ивановну въ вагиновомъ гробу — къ мѣсту вѣчнаго успокоенія. За гробомъ плелись, плача и голоса, несмотря на ненастье, всѣ подгородскія кумушки. Приѣхали на кладбище... отпѣли — и, покачиваясь на холстахъ, гробъ исчезъ подъ землею. «Вѣчная память!» пропѣли дребезжащимъ голосомъ дьячки... Вѣчная память!

Нѣсколько дней послѣ похоронъ Марьи Ивановны по Подгородску ходили странные слухи. Петриха увѣряла Самсонику, будто могильщики слышали стоны подъ землею; Никитиха клялась Маслахѣ, что встрѣтила Марью Ивановну близъ кладбища... Многие жители блѣднѣли, рассказывая другъ другу въ вечернюю пору исторію живой покойницы. Одни Курогановы, да Адамъ Феликсовичъ были невозмутимо спокойны. Братъ и сестра раза два зачѣмъ-то были въ полиціи, но скоро переселились въ губернскій городъ и зажили богато и счастливо, да кажется, живутъ тамъ и поднесъ; Адамъ Феликсовичъ съ тѣхъ поръ надавалъ столько подорожныхъ на тотъ свѣтъ, что вѣроятно позабылъ о Марьѣ Ивановнѣ...

Если бы теперь поднять это дѣло, то, само собою, доносчикъ останется въ дуракахъ: разроютъ могилу, найдутъ кости и слѣдователь скажетъ глубокомысленно: «зачѣмъ же вы изволите дѣлать облыжное показаніе? Вы говорите, что въ этой могилѣ похоронена живая, а между тѣмъ тутъ оказались однѣ кости и мертвая голова?»

— Такъ, теперь тутъ однѣ кости! Но я одѣлъ ихъ тѣломъ, я подѣлился съ этимъ тѣломъ моею душою и посвящаю рассказъ мой почтеннѣйшему Адаму Феликсовичу, доктору медицины и разныхъ орденовъ кавалеру.

II.

КОМПАНЬОНКА.

Генеральша Елизавета Сергѣевна Задуваева уже нѣсколько лѣтъ страдала не то русской хандрой, не то англійскимъ сплиномъ. Подобнаго рода болѣзни—бѣднякамъ невѣдомы. Доктора единогласно рѣшили, что ей превосходительству необходимо разсѣянне—и начала она разсѣиваться. Прожила два года заграницей; была въ Эйсѣ, Крессингенѣ, Мариенбадѣ, Карльсбадѣ и мно-

гихъ другихъ водолечебныхъ городахъ Германіи, пила тамъ и горькія, и кислыя, и соленыя воды, скушала фунтовъ тридцать винограду; въ Висбаденѣ, даже проиграла около полутора-ста червонныхъ въ рулетку, — а все-же хандра не унимается! Видѣла генеральша вѣчно живой Парижъ, вѣчно умирающую Венецію, пламенный Неаполь, животворную Ниццу — вывезла отовсюду разныхъ разностей на нѣсколько тысячъ, и въ таможи, по знакомству, все безошливно пропустили... а тоска не црохотитъ! Весною, третьяго года, Задуваева отправилась въ свое тамбовское помѣстье, но тамъ ей сдѣлалось хуже: переходъ отъ цивилизованной Европы къ дикой сельской жизни неприятно подѣйствовалъ на нервы Елизаветы Сергѣевны. Въ концѣ дѣла она возвратилась въ Петербургъ, всю осень и зиму восхищала столицу своими обѣдами, раутами и балами, и хотя этого рода леченіе обошлось вчетверо дороже заграничнаго, но польза была та-же!

Тогда ея превосходительство изволили убѣдиться, что все на свѣтѣ «прахъ бо есть и суета», а вслѣдствіе этого убѣжденія всѣ свои помыслы благоволили обратить на предметы душиеспасительныя и на добрыя дѣла. Поварь-французъ подалъ въ отставку, или, вѣрнѣе, ему отказано за то, что какъ-то въ пятницу онъ осмѣлился подать на столъ сотъ изъ стерляди, съ подливкой на сливочномъ маслѣ; домъ генеральши наполнился паломниками, странниками, странницами, даже юридивыми. По вечерамъ какой-то старецъ рассказывалъ объ Аѳонской горѣ, либо о Киево-Печерской лаврѣ. Однажды генеральша посѣтила тюрьму, гдѣ роздала на три дѣлковыхъ булокъ и кадачей; въ одну изъ гражданскихъ больницъ прислала бутылъ деревяннаго масла и кусокъ домашняго полотна — отъ имени смиренной рабы Божіей Елизаветы; подарила дѣтямъ сосѣдняго ремесленника, человѣка крайне бѣднаго, прехорошенькую механическую игрушку и двѣ коробки *компанье*... Но увы! даже въ этихъ подвигахъ благотворительности, генеральша не только не нашла утolenія своего душевнаго недуга, но даже встрѣтила одну черную неблагодарность. Взяла она къ себѣ въ домъ на воспитаніе — сиротку Лизаньку, свою крестницу, дочь покойнаго дворецкаго Архипыча. Кормила ее, поила, одѣвала, обувала — и что-же? мѣсяцевъ черезъ пять принуждена была выгнать негодницу. Эта Лиза, позабыла чувства долга, совѣсти и благодарности, осмѣлилась разставить свои единственныя сына генеральши — Бориса Ан-

друзичу. Онь, конечно, возмозвать: человекъ молодой, пылкій—ему не долге было увлечься... Но она-то, она-то, безстыдница, иногда не должна была забывать, какал огромная дистанція отдѣляетъ ее отъ Бориньки... Она уже не ребенокъ—ей шестнадцатый годъ, могла-бы понять... «Вылитый отецъ!» говорила генеральша, на другой день изгнанія неблагодарной, съ унылымъ взглядомъ на сына: — «покойникъ Андрей Ивановичъ; (шаровъ ему небесное) поразсказалъ мнѣ многое о своихъ авенюшес galantes! Ты весь въ него уродился! Конечно, тутъ я не совсѣмъ благоразумно поступила, взявъ эту дѣвчонку въ свой домъ; не же вѣкъ деманде: могла-ли я думать, чтобы подобная дрянъ могла тебѣ понравиться?»

Портретъ камешки, въ главныхъ чертахъ, готовъ: детали послѣ... Теперь, Борисъ Андреевичъ, на сцену! Позвольте мнѣ описать вашу наружность: отъ роду вамъ, кажется, двадцать пять годокъ? Маша говоритъ, что двадцать — но она шутить: сама двадцать четыре года. Вы осчастливили свѣтъ своимъ рожденіемъ въ 1829 году, — дѣйствіе разсказа моего происходитъ въ 1853—потрудитесь разсчитать... Впрочемъ, виновать! ариметика для васъ всегда была камнемъ преткновенія, — да кажется и исторія съ географіей те-же? Чтожь, за важность! За то, съ десяти лѣтъ вы говорите по французски не хуже (и по русски не лучше) парижскаго *gamin*, танцуете очень мило... однимъ словомъ — истинно свѣтлей человѣкъ! Но объ этомъ послѣ; а теперь покуда, наружность-то вашу надобно описать... Да что и описывать? красавецъ — да и только! Волосы—что твой шелкъ; и какъ всегда мило причесаны и напомажены, заглядѣнье! Вѣдь вы, Борисъ Андреевичъ, постоянно употребляете филокомъ и еще *athénienne* изъ магазина *à la toilette*? Знаю, знаю, по три рубля за банку! Мнѣ говорили, будто выбѣлитесь, но я не вѣрю — у васъ отъ природы такой удивительный цвѣтъ лица. Лобъ-то у васъ какой чудесный, Борисъ Андреевичъ, ровный, гладкій, бѣлый — чудо! Какое вамъ было носить юнкерскую каску? И думаю, головушка черная болѣла? Конечно, вы были юнкеромъ не долго — всего четыре мѣсяца, лѣтомъ, и изъ этихъ четырехъ мѣсяцевъ, три пролежал въ отпуску, на дачѣ у шатапа... но вѣдь и шатакъ военной слумби, особенно въ лагерѣ — не бездѣлица! Чего вы только не натерѣлись, бѣдняжка! Помните-ли, какъ васъ хотѣли поставить на часы за то, что вы ударили ватшего лядьку? Да и какъ-же было не ударить? Дерзкій... свѣтъ ска-

затѣ вамъ, что вы не такъ стоите и ружье прямо держите... Опр, гдуецъ, думалъ, что вы можете быть такими-же фронтонками, какъ и онъ! Ему легко говорить: онъ съ дѣтства носилъ сѣрую шинель, чуть-ли не въ ней родился, двадцать два года на службѣ, вибѣтъ пять ранъ — и если всѣ его медали шаблонны вамъ на шинельку, онъ вамъ всю грудку отдавать. Что-же, и служили, какъ могли! Припомните выступленіе изъ лагеря: вы прошли ровно двѣсти шаговъ — въ каскѣ, съ ружьемъ и ранцемъ за плечами... а ранецъ-то былъ не пустой: десятокъ апельсинковъ, двѣ плитки шоколаду, на одиннадцать рублей серебряной монеты, духи, помада, мыло, и почти полная манерка мюскать-лионелю... Не шутка!

Доблестное служеніе Марсу разстроило ваше драгочинное здорювье, и вы, по болѣзни, вышли въ отставку. Думали было рискнуть по статской, — но прямо столоначальничекъ не примутъ, а чтобъ быть канцеляристомъ надобно умиѣть писать... скоро и хорошо, а вы ни такъ, ни сакъ не умѣете, — да и Богъ съ ней со службой! Чинъ вашъ (юнкеръ въ отставкѣ) конечно не великъ, но что значить чинъ при вашемъ состояніи, а главное — при вашей обаятельной наружности. Ужъ будто благовоспитанному юношѣ, какъ вы, и занятій нѣтъ? А Невскій проспектъ, Милутины лавки, Дюссо, Иаларъ, театры, балы, никинки... ой да тутъ голова кругомъ пойдетъ! На Невскомъ, вы обращали на себя всеобщее вниманіе щегольскимъ парадомъ, калеской и парой вродныхъ, не то Масловскаго, не то Хрѣневскаго завода. Прикащики милутиныхъ лавокъ величали васъ по имени и по отчеству; у Дюсо и у Иалера вы пользовались неоспрятаннымъ кредитомъ; въ театрѣ, маскарадахъ, на балахъ — всюду эффектъ былъ ващипъ бесцѣннымъ спутникомъ. А ващи ващрижки? Признайтесь, подожма руку на лѣвую сторону груди, гдѣ у васъ пощѣщается туго-набитый бумажникъ, признайтесь откровенно: много-ли наберется жертвъ вашей нѣжливости, кромѣ мащѣнкойнѣй крестницы? «Tout ce qui se vend a'achète!» отъбѣчаете вы самодовольно. Правда! продажное некупается! но для чага же докупать то, что иногда продается по нуждѣ... И неумоли... однако ловиши! Все это «дѣла давно мидуваникъ дней» вы совершили остоющидсь съ того времени, какъ судьба столкнула васъ съ Глашенъкой. Но невольте, — эта исторія отечъ любопытна.

Матан Бориса Андреевича весьма благоразумно изволила

разсудить, что интрижки и сплетки внѣ дома и надежнее обходится и до добра не доведутъ — это во первыхъ; а во вторыхъ, зачѣмъ искать далеко то, что можно найти въ стѣнахъ родительскаго дома. И въписала Елизавета Сергѣевна изъ своего помѣстья нѣсколько дѣвушекъ, будто бы для домашней прислуги.

Одна изъ нихъ обратила на себя особенное вниманіе Бориса Андреевича, а потому и оставлена дома подъ безгрѣшнымъ покровительствомъ «горничной», прочія отпущены по оброку. Эту избранницу звали Глашенкой. Дѣвочка она была неглупая, годани ровесница молодому барину, собой — самая бѣлая блондинка, но очень недурна. Братца ея пожаловали въ камердинеры Бориса Андреевича, и все остались довольны.

Теперь, взгляните хорошенько въ макіавеллизмъ домашней тантики Елизаветы Сергѣевны: брата фаворитки Бориньки сдѣлать его камердинеромъ; какая тонкость! Камердинеръ у молодого барина бываетъ обыкновенно его покровителемъ, его *confidant*, какъ говорятъ итальянцы, или Фигаро, какъ болѣе вѣжливое выражаются французы. Но могъ ли Боринька, не боясь грѣха, довѣрять свои стороннія интрижки своему чуть чуть что не шурину? Разумѣется, нѣтъ, и тѣмъ болѣе, что Глашенка была берзонка въ ежовыхъ рукавицы. Собирается ли онъ куданибудь въ гости, у него сперва повыспросятъ, есть ли тамъ молодая дѣвушка? Есть — тогда бѣда! Глашенка плачетъ, осмысляетъ Бориньку упреками, ревнивыми распросами... Если же Борисъ Андреевичъ, чтобы отвязаться, говоритъ, что идетъ въ холодную компанію — тогда было еще хуже. «Это значитъ у васъ тамъ будутъ разныя безпутства!» восклицала Глашенка. «Видно я вамъ надоѣла, видно у васъ новый предметъ?» и т. д. Иной разъ, и сказалъ бы Борисъ Андреевичъ, что хотя у него новаго предмета и нѣтъ, но что Глашенка дѣйствительно ему надоѣла немножко... сказалъ бы, да нельзя: Глашенка постоянно въ законѣ положеніи... Но, Воже мой! довольно, довольно! Все это, какъ видите, такъ гладко, такъ прилично... Бѣда лучше возвратилась опять къ Елизаветѣ Сергѣевнѣ.

Хиздра ея была рѣшительно неизлечима. Набѣдничанія ее знакомые не доставляли ей ни малѣйшаго размечени; нѣкоторые изъ нихъ еще пуще раздражали ея нервы. Между этими знакомыми были чадолобавыя маленькія со спѣлыми дочерями, которыхъ причина въ невѣсты Бориса Андреевича. Согласно

инструкціямъ маменьки, прелестныя дѣвы не шадли, какъ го- ворятъ балаганшья афиня, «ни трудовъ, ни издержекъ», чтобы зачлловить сердце молодого Задуваева. Онѣ вѣли любимыя его романы, сами ангажировали его на кадрили; одна изъ нихъ, въ рожденіе генеральши, протанцовала даже на двъ шала... Умѣ! вотще! Боринька холоденъ и твердъ, какъ кабанъ невскаго льду. Холодности этой было двѣ причины: первая — та, что ни одна изъ этикъ барышень ему не нравилась; а вторая — что онъ хо- рошо зналъ, что, скрытая портьеркой, въ сосѣдней комнатѣ на- ходится Глашенька и слѣдитъ за нимъ ястребиными глазами. Барышня умѣли однако же истолковать равнодушіе Бориньки въ свою пользу.

Охъ, маменьки, маменьки—Богъ вамъ судья! Слова: «правствен- ность, приличіе» у васъ съ языка не сходятъ, а между тѣмъ какъ часто заботы о счастьи дочерей увлекаютъ васъ за черту благо- разумія и заставляютъ нарушать самыя первыя правила и прили- чія нравственности! Я увѣренъ, что ни одна изъ васъ, конечно, не поѣдетъ съ дочерью въ гости къ холостому мужчынѣ, хотя бы за строгость его правилъ вамъ ручался весь городъ... Какъ мож- но! прилично-ли? Ѣздитъ же въ домъ къ старухѣ, у которой взрослый сынъ—совершенно прилично и нравственно,—не пра- вда-ли? Вы составите съ матерью партію въ панетъ или ералашъ, и въ тоже время будете льстить себя приятной надеждой, что дочь ваша составитъ иную партію... хотъ съ марьясъ напри- шѣръ?.. Мило, мило и мило!..

Но что же дѣлать генеральшѣ съ ея хандрой? Не застрѣлится- ся же!.. Утопающій хватается за соломенку, а Елисавета Сергѣ- евна ухватилась за книги. Онѣ дѣйствительно знамяли се на нѣ- сколько времени, — но тутъ, опять новое горе: глаза слаба, а печать, какъ на зло, такая мелкая, слѣпая... Хорошо, еслибы кто вслухъ читалъ, — но кому читать? Бориньки нѣтъ, а когда и бываетъ, то ужъ вѣрно найдетъ-себѣ болѣе приятное занятіе. «Да что долго думать? возьму коммашонку!» рѣшила генеральша. «Какую нибудь иностранку среднихъ цѣтъ. Дамъ ей рублей семьсотъ жалованья, стая, квартиру, прислугу; пусть и въ книжки читаетъ, что нибудь, звать десатѣ будеть... все же живою ценою!» А те моська и нонугай, такъ на- делли...»

Черезъ нѣсколько дней, въ «Полтавской газетѣ» было на- четливо объявлено, что... на лесья выгодырахъ удеши...

ать, приглашали компаньонку—въ домъ генеральши Задуваевой на Итальянской улицѣ № 987. И ежедневно являлись къ генеральшѣ разныя искательницы выгоднаго мѣста. Сначала пришла какая-то шведка, непонимавшая ни слова по русски; за ней швейцарка, странно нюхавшая табакъ, съ весьма подозрительнымъ краснымъ носомъ. Была и нѣмка—отрекомендовавшаяся тѣмъ, что хотя она и не умѣетъ читать по французски, но зато отлично знаетъ домоводство и превосходно солить грибы и варить варенье; за ней явилась русская, — дѣвица лѣтъ пятидесяти, бывшая монастырка, дочь убитаго подъ Аустерлицемъ полковника. Съ ней бы еще можно было поладить; но она настоятельно требовала, чтобы генеральша всюду выѣзжала не иначе, какъ съ нею, и позволила ей называть себя «шапан». Последнимъ условіемъ генеральша даже обидѣлась.

Наконецъ, въ одно прекрасное утро, ей доложили, что пришла какая-то французская мамзель или мадамъ и желаетъ видѣть ея превосходительство. «Просить», нехотя отвѣчала генеральша и ожидала появленія какого нибудь новаго феномена, въ родѣ шведки или нѣмки... но на этотъ разъ Задуваева пріятно обманулась въ своихъ ожиданіяхъ. Въ приемной увидѣла она милостивую француженку, лѣтъ тридцати пяти, одѣтую съ тѣмъ шикомъ и вкусомъ, который составляетъ шестое чувство каждой француженки.

— Съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить? начала генеральша, величественно опускаясь въ кресла.

— Меня зовутъ Амалія Робильяръ, отвѣчала посѣтительница, превосходнымъ парижскимъ выговоромъ: — одна особа изъ знакомаго мнѣ семейства генерала Короваева — говорила, что вы желаете взять компаньонку?

— Да, я публиковала въ газетахъ, отвѣчала генеральша, стараясь картавить. — А вы изъ Парижа?

— Я долгое время жила тамъ, и пріѣхала въ Петербургъ оттуда; но я родилась въ Марсели.

— Гм! А вы давно въ Россіи?

— Пять лѣтъ. Я воспитала дочерей у г. Мезенскаго...

Слово за слово, бесѣда оживилась. Елисавета Сергѣевна была вскорѣ рѣшительно очарована мадмуазель Робильяръ. Француженка, безъ всякаго жеманства, рассказала генеральшѣ всю свою исторію. Противъ ожиданій, не назавась дочерью полковника великой арміи. Покойный отецъ ея былъ интураломъ

купеческаго судна и умеръ, оставивъ жену и дочь въ крайней бѣдности. Вдова, съ маленькой Амаліей, переселилась въ Лионъ, къ брату, фабриканту шелковыхъ матерій. Амалія выросла, поѣхала съ матерью въ Парижъ, гдѣ была гувернанткой въ пансіонѣ; послѣ смерти матери поступила наставницей, сперва въ одно англійское сешейство, а потомъ къ дочерямъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Мезенскаго, и съ ними прѣѣхала въ Петербургъ. Вотъ и все. Тутъ, какъ видите, нѣтъ ни брата убитаго въ Алжирѣ, ни дядюшки уѣхавшаго въ Калифорнію, отъ котораго получаютъ милліоны наслѣдства; нѣтъ никакого Альфреда или Адольфа, который воспользовался неопытностью, — словомъ, тутъ одна правда. Всмотриваясь въ лицо мадамъ Робиляръ, генеральша замѣтила въ немъ то спокойствіе, ту покорность, которыя свойственны дѣвушкамъ нравственной, честной, достигшей возраста, когда замужество становится анахронизмомъ. Елисаветъ Сергѣевнѣ почему-то стало жаль французевки и она спросила не совсѣмъ скромно:

— Вы не молоды... Но гдѣ-же ваша молодость?

— О! отвѣчала Робиляръ съ грустной улыбкой: — молодость бѣдняковъ — скоро блекнетъ... Я ее и не замѣтила...

— И вы никогда не любили?

— Никогда, отвѣчала Амалія совершенно спокойно: — мнѣ было некогда...

— Однако-же, когда нибудь мечтали же вы о высокомъ назначеніи женщины быть подругою мужчины, вѣрною женою, доброй матерью...

— Не имѣя понятія о любви жены къ мужу, я старалась любить материнскою любовью тѣхъ дѣтей, которыхъ поручали моему надзору—и, какъ могла, свято соблюдала мои обязанности. Надѣюсь, что ни одна изъ моихъ воспитанницъ не помянетъ меня лихою. Но извините, заключила Робиляръ съ улыбкою: — эти слова похожи на рекомендацію себя самой... Оставимъ это. Въ чемъ же будетъ состоять моя должность у васъ въ домѣ?

— Быть моею собесѣдницей, иногда читать мнѣ, помогать въ вышиваньи и... и, кажется, только...

— Вы не страдаете безсонницей?

— Нѣтъ, слава Богу, сплю хорошо, но иногда на меня нападаетъ какая-то тоска, и сама не знаю, отчего... Въ эти роковыя

дня, я попрошу васъ, принять за меня гостей и брать на себя такую роль: хозяйки.

— Все это необременительно, и я съ удовольствіемъ принимаю эти условія.

Дѣло кончено. Мадмуазель Робильяръ поступила въ компаньонки къ генеральшѣ и все пошло прежнимъ порядкомъ. Первую пору прислуга искоса поглядывала на новое лицо, а лучше всѣхъ звалась ключница Савельевна, бывшая жена Бориньки: Она была увѣрена, что мадамъ нанята для того, чтобы слѣдить за нею и ловить ее на кражѣ сахару, кофе и прочей провизіи; однако помертвѣла: нѣтъ! — мадамъ на нее не обращаетъ никакого вниманія. Ключница убѣдилась, что мадамъ нанята не для нея, и принялась веровать по прежнему. Борисъ Андреевичъ, увидя новое лицо у своей мамы, тотчасъ-же причислилъ его къ разряду приживалокъ, в потому едва-едва удостоивалъ компаньонку взглядомъ. Въ продолженіе двухъ первыхъ мѣсяцевъ онъ не сказалъ ей и десяти словъ; въ свою очередь и мадмуазель Робильяръ обходилась съ нимъ съ самою холодною учтивостію. Это удивило Бориньку. Привыкшій съ дѣтства встрѣчать во всѣхъ окружающихъ генеральшу — раболѣпство и подобострастіе къ своей персонѣ, онъ вдругъ видитъ въ какой-то наемницѣ, французенкѣ, такое обидное равнодушіе... Странно! И Борисъ Андреевичъ попристалнѣе началъ всматриваться въ компаньонку, которую прислуга перекрестила въ Амалию Федоровну. Въ первый разъ это случилось вечеромъ за чайнымъ столомъ. Елизавета Сергѣевна дремала, Боринька курилъ сигару, искусно пуская дымъ кольцами, Амалия Федоровна задумчиво что-то чертила ложечкою на подносѣ. Глаза Бориса Андреевича сначала слѣдили за причудливыми очертаніями сигарнаго дыма, потомъ обратились въ серебряномъ самоварѣ, — наконецъ, мягко опустились на голову Амалии Федоровны. Барченка морозилъ лоскъ черныхъ, какъ вороново крыло, волосъ, очень много причесанныхъ; потомъ взглядъ его скользнулъ по тонкимъ бровямъ и упрямо остановился на глазахъ, полузакрытыхъ длинными рѣсницами. Какъ ни напрягалъ Борисъ Андреевичъ своего зора, какъ ни старался придать ему самое убійственное выраженіе, рѣсницы Амалии Федоровны были неподвижны; не киноша не унимаются. Наконецъ глаза ему начало рѣзать: вмѣсто одной — онъ видѣлъ двухъ компаньонекъ... Боринька заморгалъ, но глазъ съ Амалией Федоровной не сводилъ. Тогда она внезапно взглянула

не него и своимъ взглядомъ обожгла Бориса Андрееча: отъ вздрогнулъ, осовѣлъ и вспыхнулъ до ушей.... Выглядъ этотъ выражаетъ полное презрѣнiе.

Боринька всталъ изъ-за стола, сердито оттолкнувъ свой стулъ въ проѣздъ съвозъ зубовъ: «аѣеи», удалился на свою половину раздавленный, уничтоженный. На вѣщанья прiѣзствiя Глашенки, впервые въ жизни отвѣчалъ сердито; на ея распросы, что съ нимъ, — попросилъ оставить себя въ покоѣ. Глашенка вздохнула, медленно пошла къ двери, остановилась... Боринька и не оглядывается. Фаворитка зашепестила носовымъ платкомъ: «авось моль подумаетъ, что плачу!» Не тутъ-то было! Глашенка плюнула и ушла, хлопнувъ дверью, а Борисъ Андреечъ два раза повернулъ ключъ въ замкѣ. Сѣлъ къ столу, взялъ книгу: буквы такъ и прыгаютъ, а между строчками будто огненные змѣйки перебѣгаютъ; дышать тяжело, душно, въ темномъ углу точно сверкаютъ жгучiе глаза Амалии Федоровны. Хорошо, Боринька — человекъ не суевѣрный, а будь на его мѣстѣ простакъ, вѣдь рѣшилъ бы, что сглазили! — Что вы думаете, Борисъ Андреечъ, не сглазили-ли васъ и въ самомъ дѣлѣ? Спросите у вашей Савельевны, и она докажетъ вамъ, что сглазить не трудно: она приведетъ вамъ этому тысячи примѣровъ, вспырнетъ васъ водичкой, пошепчетъ надъ вами... Право, посоветуйтесь, не мѣшало-бы...

Легъ Борисъ Андреечъ спать — не спится! То его броситъ въ жаръ, то въ холодъ. Мало по малу самолюбіе и самонадѣянность начали напѣвать Боринькѣ свои утѣшительныя пѣсни. «Тебѣ ли не побѣдить французенку? Полно, Борисъ Андреечъ. Сообрази только: она что? Наемщица, дрянъ, голь... а ты богатъ и знатенъ. Можно подарить браслетецъ отъ Брейтфуса или Фаберге — рубликъ въ семьдесятъ — и дѣло съ концомъ!» И убаюканный сладкой надеждой Боринька, наконецъ, заснулъ богатырскимъ сномъ.

Первою мыслию Бориса Андрееча при пробужденiи была вчерашняя исторiя съ глазами. Встрѣтивъ Амалию Федоровну за утреннимъ чаемъ, Боринька очень любезно раскладываясь и даже протянулъ къ ней руку. Компаньонка вѣжливо отвѣчала на прiѣзствiе, но руки не подала. Боринька нахмурился и рѣшился истить Амалию Федоровну колючими и сарказмами. Но для этого надобно имѣть въ своемъ умственномъ арсеналѣ богатый запасъ оружія и оборонительнаго и наступательнаго, а

молодой Задуваевъ очень прохвостать не могъ. Было у него нѣсколько фразъ, вычитанныхъ изъ романовъ графини Дашъ и Гондрескура; но эти фразы отъ частаго употребленія обратились въ совершенную негодность. «Однако, рискну!» подумалъ Борисъ Андреевъ и сказалъ Амалію Федоровну, разумеется по-французски:

— Я чрезвычайно люблю вашъ языкъ, мадмуазель, его почему-то считаютъ бѣднымъ, но считаютъ тѣ, которые съ нимъ много знакомы... Есть слова, проникнутыя такимъ глубокимъ смысломъ, что рѣшительно непереводимы на другой языкъ. Напримеръ, какъ мило слово: *pruderie*? А какъ перевести его на русскій языкъ? Невозможно!

— Вы выбрали изъ французскаго лексикона одно изъ самыхъ словъ, отвѣчала холодно Амалія Федоровна, — слово *fatuité* — гораздо лучше!

— Боринька похвастался... сорвался; хотѣлъ было сказать какую-то дерзость, да передумалъ. «Чортъ съ ней!» сказалъ онъ самъ себѣ: «это также своего рода кокетство... Она воображаетъ, что можетъ плѣнить меня своими отарѣванными прелестями. Жаль только, что не на дурака напала!» Послѣ этого, недѣли двѣ, онъ ни слова не говорилъ съ компаньонкой. Генеральша замѣтила эти странныя отношенія и какъ-то спросила у Бориньки: что это значитъ?

— А что такое, шатап? отвѣчалъ Задуваевъ.

— Что ты, поссорился съ Амаліей Федоровной?

— И не воображалъ... Почему вы такъ думаете?

— Да помилуй, вѣдь я не слѣпая? Ты едва ей кланяешься, никогда съ ней не поговоришь... Чѣмъ она тебя разсердила?

— Рѣшительно ничѣмъ. Если мы не разговариваемъ, то вѣроятно потому, что не о чемъ.

— Съ ней-то не о чемъ? О, какъ же ты мало ее знаешь! Да это такая умница, что въ состояніи поддержать какой угодно разговоръ. Какая она музыкантша, какъ мило рисуетъ!...

— Какое нѣ до этого дѣло? Если она умна и любезна, тѣмъ лучше для нея... вѣдь она компаньонка, стало быть любезность ей рессало!

— Фи, Борисъ, какъ ты тривиально выражаешься. Во чтобы те ни стало я хочу помирить тебя съ Амаліей, и хочу, чтобы ты пересталъ быть о ней такого дурнаго мнѣнія. Пестой, сегодня же за рѣдкомъ я познакомила васъ другъ съ другомъ покороче.

Она не опасно. Робльмаръ хотя и хорошевица, но ей подь сорокъ, и она такъ благоразумна...

— Нѣтъ, шагал, прошу васъ, не дѣлайте этого. Что за шараданъ у людей, которые не ссорятся и не ссорились, и вѣроятно никогда не будутъ ссориться? Изъ чему же намъ сблизяться?

— А къ тому, что мнѣ хочется, чтобы ты полюбилъ ее, какъ сестру, потому что я люблю ее, какъ дочь...

— Но что же мнѣ дѣлать, если у меня къ ней антипатія...

— Вздоръ, вздоръ! Это какой-то капризъ, и больше ничего. Мнѣ тѣмъ болѣе досадно, что она о тебѣ всегда отзывается съ самой выгодной стороны.

— А что же она, напришѣръ, про меня говорила?

— Хвалила твою наружность, твой голосъ... Намедни она слушала, какъ ты пѣлъ романсъ, и плакала. Неужели ты не замѣтилъ?

— Въ самомъ дѣлѣ плакала? самодовольно спросилъ Борисъ.

— Такъ неужели я лгу? Она сказала при этомъ, что у тебя голосъ не великъ, но прекрасно выработанъ и что ты исполняешь съ бѣльшимъ чувствомъ...

— А что я такое пѣлъ?

— Ты пѣлъ элегію: «Погасло дневное свѣтало!»

— И она, вы говорите, плакала? Но вѣдь она очень мало понимаетъ по русски?

— Я перевела ей, какъ умѣла. Благодаря меня, она сказала, что твое пѣніе понятно даже безъ перевода!

Борисъ Андреичъ засмѣялся.

— Чему же ты смѣешься? спросила генеральша.

— Такъ... Пожалуй, чтобы угадать вамъ, сегодня за столомъ я постараюсь быть съ нею любезнымъ, а потомъ споемъ элегію. Увидимъ, заплачетъ ли Амадія Федоровна.

— Охъ, Боря, Боря! воскликнула Елисавета Сергѣевна, погрозивъ сыну. — Насъ, женщинъ, бранять... а я скажу, что кокетками бываютъ и мужчины!

— Какъ! чтобы я кокетничала съ ней? Ха, ха, ха! Это забавно! И въ мысляхъ не держу, хочу только угодить вамъ, вотъ и все!

Къ обѣду Борисъ Андреичъ, противъ обыкновенія, принарядился, подфартилъ и закрутилъ усмехи, долго всматривался, прищурясь, въ зеркало, наклоняя голову то направо, то на

лѣво, опрыскался духами и нетерпѣливо поглядывалъ на часы, а между тѣмъ странныя мысли приходили ему въ голову. «Мое глѣнне нравится компаньонкѣ», мечталъ Донъ-Жуанъ: «слѣдовательно и я ей нравлюсь; если же я ей нравлюсь, то побѣда моя! Какъ подумаешь, наружность обманчива! Я сначала думалъ, что Амалія Федоровна нѣчто въ родѣ Гибралтара: неприступная, непреступная — и что же? Дня черезъ два, много черезъ три — она моя! Признаюсь, я даже не охотникъ до этихъ мелкихъ побѣдъ, тѣмъ болѣе, что тутъ съ ея стороны болѣе расчета, нежели любви. Любопытно знать, во сколько мнѣ обойдется эта интрижка?»

Въ столовой мнимые враги встрѣтились: на почтительный поклонъ Бориса Андренча, компаньонка отвѣчала церемоннымъ реверансомъ. Задумавъ опять уставилъ на нее глаза, почти уже какъ на свою собственность. Хороша, очень хороша! Глаза прекрасные, зубы какъ слоновая кость, бюстъ превосходный, а какая ножка!... Право, только французенки умѣютъ такъ граціозно обуваться... Глаза Бориса Андренча замаслились, зрачки расплылись, какъ у разсерженнаго понугая, — и опять, какъ въ тотъ роковой вечеръ, впились въ глаза Амаліи Федоровны, и опять глаза французенки метнули искры и обожгли Бориньку. На этотъ разъ, однако же, онъ выдержалъ огонь непріятельской батареи и даже пролепеталъ какую-то любезность. Амалія Федоровна снисходительно улыбнулась, Боринька приободрился. Елисавета Сергѣевна хотя и не замѣтила глазныхъ маневровъ своего дѣтища, однако же поняла, что онъ конфузится и рѣшилась его выручить. Она очень искусно завела разговоръ о чужихъ краяхъ вообще и Франціи въ особенности. Воспоминаніе о родинѣ вдохновило компаньонку, она разговорилась, и генеральша, и даже Борисъ Андренчъ ее заслушались. Амалія Федоровна рассказывала имъ о Марсели, о престольномъ его мѣстоположеніи; сообщила имъ нѣсколько мѣстныхъ легендъ и преданій, между прочимъ о страшной чумѣ тысяча семьсотъ двадцать перваго года. Лицо ея горѣло живымъ румянцемъ, глаза блестяли... Въ эту минуту компаньонка была красавицей. Не сводя съ нея глазъ, Боринька мысленно сравнивалъ ее съ Глашенькой, — и увы! — фаворитка много, очень много утратила при этомъ сравненіи; это собственно въ отношеніи физическомъ, о моральномъ уже и говорить нечего. Потомъ Борисъ Андренчъ спѣлъ нѣсколько романсовъ, элегію Пушки-

на. Амалия Федоровна слушала съ непритворнымъ вниманіемъ, а при послѣдней пьесѣ, хотя и не прослезилась, какъ ожидалъ Задуаевъ, но глубоко задумалась,—а это еще того лучше! Случайно Боринька взглянулъ на часы: «Десять уже?» сказалъ онъ матери съ удивленіемъ, и это слово было самой лучшей похвалой Амаліи Федоровнѣ.

Въ двѣнадцатомъ часу Борисъ Андреичъ ушелъ на свою половину съ самыми пріятными впечатлѣніями. Компаньонка окончателно очаровала его. Ея свѣтлый умъ, развитый превосходнымъ образованіемъ, разговоръ чуждый педантизма, любезность безъ малѣйшаго кокетства — могли потрясти и не такую мелкую душонку, каковою судьба наградила Бориса Андреича. При входѣ въ свой будуаръ, онъ былъ выведенъ изъ задумчивости плаксивымъ голосомъ Глашеньки:

— Такъ вотъ вы какъ? Хорошо же вы дѣлаете, Борисъ Андреичъ, спасибо вамъ!...

— А что такое? съ неудовольствіемъ отвѣчалъ Боринька, саясь къ столу.

— А то, что я все видѣла, какъ вы съ вашей французенкой любовничали и романцы ей разные пѣли. Что жъ, ваша воля! Ее можетъ быть за этимъ и навяли! Богъ съ вами! Будьте счастливы, и не оставьте только моихъ дѣтей. А я знаю, что сдѣлаю...

— Что же ты сдѣлаешь?

— Да ужъ знаю. Въ Невѣ много мѣста для такихъ несчастныхъ, какъ я! А если не въ Невѣ, то мало ли есть способовъ лишить себя жизни? Вѣдь я знаю, вы будете очень этому рады. У меня уже все готово...

Борисъ Андреичъ поблѣднѣлъ.

— Ты, Глаша, прошепталъ онъ дрожащимъ голосомъ: — глупостей не дѣлай!

— А вы хорошо дѣлаете? Правду говорятъ, что мужчины всѣ обманщики! Дайте мнѣ вашу бритву, я сейчасъ зарѣжусь...

И Глашенька поднесла пустую руку къ своему горлу. Боринька съ ужасомъ бросился къ ней, чтобы отнять небывалую бритву. Глашенька увертывалась; наконецъ чуть слышно проговорила:

— Все равно! не зарѣжусь, такъ удавлюсь! Вотъ кстати инурокъ отъ вашего халата.

— Глаша! началъ умолять испуганный Боринька: — Глаша, перестань дурачиться! Ты напрасно меня подозрѣваешь: я и не

думаю любить французенку. Это все маменька... Глаша, полно! Я одну тебя люблю!... Постои, вотъ тебѣ доказательство, какъ я о тебѣ думаю. Какъ ты находишь эти сережки?

И тутъ Борисъ Андреичъ подаль ей сафьянную коробочку. Глашенька открыла: тамъ золотыя съ брилlyнтами сережки.

— Ахъ, какія прелести! воскликнула она радостно: — какой вы душка, Борисъ Андреичъ; вотъ, теперь, я точно вижу, что вы меня любите, да вѣдь и я васъ очень люблю, прибавила Глашенька, рассматривая сережки. — А это какой камень?

— Аметистъ.

— А-ме-тисъ?... вотъ онъ какой — аметисъ... А какой это камень, зеленый?

— Вѣроятно, изумрудъ. Ну, теперь, ты спокойна?

— Да, теперь спокойна. Купите мнѣ, Борисъ Андреичъ, когданибудь сережки съ изумрудомъ... Одна знакомая дѣвица продаетъ по случаю.

— Хорошо, хорошо! Ступай же спать и будь спокойна.

— Дайте же я васъ поцалую, хорошенько, вотъ такъ!... Прощайте, *а ревуаръ*... — Это что значить, *а ревуаръ*?

— До свиданья, до свиданья.

— А какъ сказать: покойной вамъ ночи и пріятнаго сна?

— *Bonne nuit et dormez bien*, отвѣчалъ съ улыбкой Боринька.

— Бонюя э... не выговорить! Прощайте. — И Глаша ушла.

Теперь необходимо сказать нѣсколько словъ въ оправданіе генеральши. Ее побуждало сблизить сына съ компаньонкой не что иное, какъ материнское самолюбіе. Ей любопытно было услышать безпристрастное мнѣніе о Боринькѣ и его образованіи; она хотѣла знать, какое впечатлѣніе можетъ произвести сынъ ея на дѣвицу умную, образованную и любезную, какъ компаньонка. Другаго умысла не было. Борисъ Андреичъ, въ первую минуту очарованный умомъ Амаліи Федоровны, началъ впоследствии увлекаться уже совершенно чувственными мечтами. Строгость правилъ компаньонки особенно распаляла страсть Бориньки. Есть люди, которые любовью своею возвышаютъ падшую женщину до степени дѣвственницы; но еще болѣе есть людей на свѣтѣ, которые дѣлаютъ наоборотъ. Женщинъ давнымъ-давно сравнивали съ цвѣтами, и руководствуясь этимъ сравненіемъ — скажу, что для Бориса Андреича компаньонка была тѣмъ же, чѣмъ для любителя цвѣтовъ бываетъ какаянибудь альпійская

роза, выросшая на неприступной высотѣ. Цвѣтокъ самъ по себѣ не очень красивый, но добыча-то его сопряжена съ такими затрудненіями и опасностями, что за цвѣткомъ тянутся изъ удалства и самолюбія. Камелии и чужеземныя и доморощенные Борису Андренчу давно прискучили, и онъ потянулся за альпійской розой. Удастся — хорошо, а нѣтъ — не судьба!

Подражая главному персонажу греческой мифологіи, Боринька, для обольщенія Амаліи Федоровны, сталъ принимать на себя разные образы и виды. То разсыпался онъ передъ нею золотымъ дождемъ, сорилъ деньгами, обвѣшивался драгоценностями,—но компаньонка была не Даная; то превращался онъ въ нѣжнаго голубка и томно ворковалъ нѣжности; то, наконецъ, дѣлался виртуозомъ, по цѣлымъ днямъ игралъ на флигель и пѣлъ романсы; компаньонка слушала, благодарила, но — и только. Отчаянный Борисъ Андренчъ догадался, что не этимъ можно снискать расположеніе компаньонки, что она, если кого и полюбить, тотъ долженъ быть человѣкомъ съ душой... Да, легко сказать—съ душой! А гдѣ ее возьмешь? Въ магазинѣ не купишь. Боринька началъ рыться и въ своихъ мысляхъ и въ сердцѣ — нѣтъ ли гдѣ нибудь той души, за которую бы полюбила его Амалія Федоровна? Внѣсто сердца — золотой хронометръ, не на тринадцать, а на одномъ камнѣ, эгоизмъ, выбиваетъ себѣ аккуратно по семидесяти ударовъ въ минуту. Въ головѣ, что? Акции, банковые билеты, векселя, — ни одного свѣтлаго воспоминанія, ни одной теплой юношеской мечты! И таковъ Боринька съ двѣнадцати лѣтъ.

Въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ постоянного ухаживанья за компаньонкой, Боринька успѣлъ только въ одномъ: узналъ тонъ, который нравится Амаліи Федоровнѣ. Музыка, цвѣты, природа — вотъ ея слабыя струнки, и Борисъ Андренчъ постоянно бесѣдовалъ съ нею о прелестяхъ гармоніи, о чудесахъ растительнаго царства. Компаньонкѣ достаточно было заикнуться о какомъ нибудь цвѣткѣ, чтобы завтра же онъ явился на окнѣ ея комнаты. Въ первый разъ Амалія Федоровна рассердилась, во второй — пожаловалась генеральшѣ. Та засмѣялась и отвѣчала, что цвѣтокъ не вещь, и обижаться на подарки подобнаго рода несправедливо. Видя, что Амалія Федоровна по прежнему безчувственна, Боринька ударился въ меланхолію. Сталъ жаловаться на усталость отъ жизненнаго пути, бранилъ

свое богатство, называя его золотою клѣткою, въ которую заключена его душа; что все ему постыло...

— Не знаете ли вы причины моей тоски? спросилъ онъ какъ-то у Аналіи Федоровны.

— Какъ не знать! отвѣчала она съ кроткой улыбкой:— есть двѣ причины вашей тоски. Первая — праздность, а вторая — эгоизмъ. Страдая отъ излишества, отчего вы не подумаете о тѣхъ, которые страдаютъ отъ недостатковъ? Помогайте бѣднымъ.

— Скажите, если я буду помогать имъ, тогда можно ли будетъ любить меня? утихнуть ли тогда мои страданья? И Борисъ Андреичъ устремилъ на компаньонку самый убійственный взглядъ.

— Увидите, холодно отвѣчала она.

— Будутъ ли тогда любить меня? прошепталъ Боринька.

— Тѣ, которымъ вы сдѣлаете добро? Можетъ быть. Вѣрнѣе же всего, что нѣтъ. Но что вамъ до этого за дѣло? Разсчитывая на благодарность, нельзя дѣлать добрыхъ дѣлъ. Въ такомъ случаѣ, вы торгашъ, а не благотворитель!

— Не знаете ли вы какогонибудь бѣднаго семейства,—укажите имъ, и я съ радостью помогу.

— Monsieur Борисъ, отвѣчала компаньонка съ важностью:— зачѣмъ же я буду дѣлиться съ вами моими добрыми дѣлами? Ужь неужели на вашу долю и бѣдныхъ нѣтъ? Зачѣмъ искать далеко: посмотрите на вашу дворню. Я уже не говорю о вашихъ деревняхъ, гдѣ, вѣроятно, крестьяне не блаженствуютъ. Будьте имъ отцомъ!

Боринька неприятно улыбнулся. Между дворовыми и крестьянами было нѣсколько ребяташекъ, которыхъ баринъ могъ дѣйствительно назвать своими дѣтьми, но благотворить-то имъ—какая статья?

— Итакъ, вы думаете, сказалъ онъ: — что добрыя дѣла отличное лекарство отъ скуки?

— Говорять.

— Но я гдѣ-то читалъ, что сѣющій благодѣванія пожинаетъ неблагодарность?

— Сѣйте, не заботясь о жатвѣ.

Я позабылъ сказать, что разговоръ происходилъ на дачѣ. Аналія Федоровна сидѣла на балконѣ съ какимъ-то руководѣлемъ, а Боринька стоялъ, облокотясь на балюстраду.

— Ваша система благотворительности очень оригинальна! отвѣчалъ онъ, смѣясь: — но кромѣ моихъ крѣпостныхъ, гдѣ же есть еще бѣдные?

«Господа, благодѣтели, подайте ради Христа», раздался встать чей-то голосъ подъ балкономъ. Въ порывѣ великодушія Борисъ Андреечъ вынулъ изъ кармана свой шелковый кошелекъ, подарокъ одной изъ своихъ жертвъ; взвѣсилъ его на рукѣ: рубля съ три мелочи... куда ни шло! и кинулъ кошелекъ въ шапку нищему.

— Довольны ли вы? спросилъ онъ компаньонку.

— Это вы должны спросить у самого себя.

— Я доволенъ, а вы? приставалъ Боринька.

Компаньонка какъ-то странно на него поглядѣла и молча углубилась въ свою работу.

— Дай вамъ Господи много лѣтъ здравствовать! восклицалъ нищій подъ балкономъ, родителямъ вашимъ царствіе небесное и душенькамъ-то ихъ вѣчный покой! Отцы-то вы наши, благодѣтели, родимые вы наши, кормильцы...

— Ну, ну, хорошо! сердито крикнулъ Боринька: — я ужъ тебѣ подамъ — больше не подамъ; убирайся, надоѣлъ!

— Онъ благодаритъ васъ, сказала компаньонка, улыбаясь.

— Очень мнѣ весело отъ его благодарности! Боже мой, еще нищая! Съ дѣтьми... Богъ подастъ, Богъ подастъ! закричалъ Борисъ Андреечъ, махая руками какой-то деревенской бабѣ, которая, съ тремя дѣтьми, прихрамывая, тащилась къ балкону.

— Это вы, надмузель Амели, сказалъ онъ съ ироніей: — накликали нищихъ. Тутъ въ полчаса можно истратить полсотни рублей.

Амалия Федоровна, не отвѣчая, вынула изъ кармана серебряный четвертакъ и бросила его черезъ перила прямо подъ ноги нищей. Та даже и не видала лица компаньонки.

— Вамъ пріятно? спросилъ Борисъ Андреечъ.

— Нѣтъ, потому что при свидѣтеляхъ доброе дѣло перестаетъ быть добрымъ.

— Амалия, вы ангель! восторженно прошептавъ Борисъ Андреечъ: — скажите мнѣ, любите ли вы меня?

— Какой странный вопросъ! За что же не любить васъ? Я люблю всѣхъ.

— Да я не объ этой любви васъ спрашиваю....

— А то о какой же другой? Я васъ не понимаю, да признаться, и не хочу понимать.

— Но скажите, неужели въ эти десять мѣсяцевъ я рѣшительно ничѣмъ не могъ заслужить вашего вниманія? Помните ли вы зиму? Тотъ вечеръ, когда я пѣлъ романсы... Вы были тронуты, вы даже плакали...

— Была тронута и плакала, но что же изъ этого слѣдуетъ? Что же вы заключаете изъ моихъ слезъ? Иногда я плачу, слушая и шарманку...

— И только?

— Только.

Борисъ Андренчъ ушелъ. «Зачѣмъ это я три-то цѣлковыхъ бросилъ?» сказалъ онъ самому себѣ, бродя по саду. «Подари я ихъ Глашѣ, та, по крайней мѣрѣ, была бы мнѣ благодарна... а этой все равно!»

И послѣ этого, дня три Борисъ Андренчъ не говорилъ съ Амаліей Федоровной и даже избѣгалъ встрѣчъ съ нею. Онъ утѣшался бесѣдою съ Глашенькой... Грустное утѣшеніе! На четвертый день Боринька не выдержалъ, пришелъ съ повинной. Компаньонка, какъ и три дня тому назадъ, сидѣла на балконѣ.

— Вы сердитесь? спросилъ Борисъ Андренчъ.

— На кого? отвѣчала она, не поднимая глазъ.

— На меня.

— За что мнѣ на васъ сердиться?

— За разговоръ третьяго дня?

— Я его совершенно забыла, — а въ доказательство моего миролюбиваго расположенія къ вамъ примите отъ меня эту бездѣлицу...

Амалія Федоровна подала Боринькѣ связанный въ тамбуръ шелковый кошелекъ.

— Какъ! вскричалъ съ восторгомъ юноша:—вы мнѣ дарите эту прелестную вещицу, вѣроятно, вашей работы.

— Если позволите. Это вмѣсто того кошелька, который вы бросили нищему.

— Благодарю, тысячу разъ благодарю васъ, Амели! Постараюсь, чтобы деньги изъ этого кошелька постоянно употреблялись мною на добрыя дѣла. Позвольте мнѣ поцаловать вашу ручку. Если вы не согласны, я попрошу татапа уговорить васъ.

Амалія Федоровна протянула Боринькѣ свою хорошенькую ручку, онъ пылко прильнулъ къ ней губами и почувствовалъ,

какъ эта ручка вздрогнула и дѣлала напрасныя усилія освободиться отъ этого огненнаго клейма. Борисъ Андреевичъ взглянулъ на компаньонку, лицо ея было въ огнѣ, глаза ея сверкали, она была въ сильнѣйшемъ волненіи...

— Амели! прошепталъ Борисъ Андреевичъ; но компаньонка, отдернувъ руку, быстро ушла съ балкона.

«Кажется, дѣло идетъ на ладъ!» подумалъ Боринька, покручивая усы: «ужь ледъ начинаетъ таять... она будетъ моею! Эхъ, признаюсь, ни одна интрижка не стоила мнѣ столькохъ хлопотъ, какъ эта, за то ни одна не была такъ пріятна!.. Теперь, я думаю, можно написать письмо и положить къ ней въ рабочій ящикъ. На переписку надобно убитъ недѣлки двѣ, да на изустные переговоры — недѣлку... О, до переездки въ городъ успѣю!.. Глашенька не мѣшаетъ: ей подарить какойнибудь браслетъ цѣлковыхъ въ семь, либо брошку — и квитъ!

Но за столомъ Бориньку поразили ужаснымъ извѣстіемъ. «Вообрази себѣ», сказала генеральша: «что задумала наша милая, добрая М-лле Амели? Она намѣрена насъ оставить...»

— М-лле вѣроятно шутить.... пролепеталъ Борисъ Андреевичъ.

— Нѣтъ, не шучу М-г Борисъ, отвѣчала Амалія Федоровна: — ваша татап не вѣритъ мнѣ только, что я уѣзжаю во Францію...

— Не можетъ быть!

— И вы то же? Прекрасно! Я изъ вѣры вышла. Но почему же вы не хотите допустить, что я наконецъ намѣрена переселиться на родину, нанять себѣ гдѣнибудь скромный уголокъ и пожить нѣсколько лѣтъ въ свое удовольствіе?

— Амели, скажите откровенно: — не я ли разсердилъ васъ чѣмънибудь? спросилъ Боринька смиренно.

— Вы? Помилуйте, чѣмъ же вы можете разсердить меня? А! понимаю... вы думаете, что я разсердилась на то, что вы у меня руку поцаловали? Не такъ ли? Но если вы это думаете, то я серьезно разсержусь, — неужели я такая жеманница? Нѣтъ, М-г Борисъ! мы разстанемся самыми добрыми друзьями.

— Но, Амели, нѣтъ дѣйствія безъ причины, сказала генеральша. — Недѣлю тому назадъ вы говорили мнѣ, что здѣсь на дачѣ такое пріятное житье, что вы бы во вѣки не разстались съ нею... и вдругъ сегодня, будто васъ какая муха укусила, собираетесь во Францію...

— Ахъ, вѣдь вы знаете, что мы, французенки, превзбалмон-

ный народъ! Живя у васъ здѣсь, на дачѣ, я начала сравнивать здѣшнюю природу съ марсельскою, замечталась, замечталась—и рѣшилась. Старыя дѣвы вообще рѣшительны.

Тутъ Амалія Федоровна принужденно засмѣялась, и продолжала съ какой-то ликорадочной послѣдностью: «Сегодня вторникъ, завтра я съѣзжу въ городъ, узнаю, когда отправляются пароходы, найду въ посольство, — а тамъ дней черезъ пять — уѣду.

— Да нѣтъ же, Боже мой, не уѣдете! отчаянно воскликнула генеральша:—что это такое? Жили, жили у насъ, я и скуку мою позабыла, а вы? Вскружили голову, —а сами и были таковы!... Хорошо!

При словахъ: «вскружили голову», компаньонка вспыхнула и закашлялась, чтобы скрыть смущеніе, а Боринька оставилъ на нее глаза съ такимъ плачевнымъ выраженіемъ, какое можно найдти развѣ только въ глазахъ зарѣзаннаго теленка. Тотчасъ же послѣ обѣда компаньонка ушла въ свою комнату и не выходила изъ нея до самаго вечера. Боринька велѣлъ осѣдлатъ себѣ коня, и подпрыгивая на сѣдлѣ, поскакалъ по аллеямъ Каменнаго острова. Душевно желалъ онъ упасть съ лошадыю и хоть бы руку вывихнуть, если только это не болѣе! Хоть бы лошадь понесла мимо ея оконъ... нѣтъ! какъ на зло, гадкая скотина отлично выѣзжена. Встрѣтилъ Борисъ Андреечъ одну знакомую барыню, завелъ съ ней разговоръ — не клеится! Амалія Федоровна не выходитъ изъ памяти. Возвратился нашъ рыпачъ довольно поздно и засталъ Амалію Федоровну въ салу, одну. Генеральша еще не спала.

— Итакъ, завтра вы рѣшительно ѣдете? спросилъ Боринька.

— Ёду непремѣнно. Не хотите ли дать мнѣ какія нибудь порученія въ городъ?

— Никакихъ. Я все еще не могу прійти въ себя отъ удивленія: что побудило васъ вдругъ оставить насъ?

— Прихоть, фантазія... Передъ отъѣздомъ, у меня до васъ есть большая просьба—исполните?

— Все, что вамъ угодно.

— Спойте мнѣ элегію про море... Я ѣду на пароходъ, оно же будетъ кстати...

— Сію же минуту, Амели... И въ этомъ вся ваша просьба?

— Да, только въ этомъ. Спойте, если можно, теперь же...

Кстати и маманъ васъ послушаетъ. Она въ залѣ.

Боринька бѣгомъ бросился въ комнату, открылъ флигель и послѣ нѣсколькихъ бурныхъ аккордовъ, заплѣлъ элегію. Амалія Федоровна ходила взадъ и впередъ по комнатѣ. За нѣсколько тактовъ до окончанія, стала подлѣ Бориньки, искоса взглянула на него, а по окончаніи, пожавъ ему обѣ руки, съ чувствомъ прошептала: «благодарю васъ!» Боринька хотѣлъ—было что-то отвѣчать, но компаньонка быстро скрылась изъ комнаты. Задуваевъ бѣшено ударилъ по клавишамъ... «Кокетка, кокетка!» «все это комедія и притворство! Досадно, а видно придется отложить попеченіе. Рѣшусь, впрочемъ, на послѣдній опытъ»,— пугнуть ее тѣмъ же, чѣмъ иногда пугала Глашенька Бориса Андреевича.

И Донъ-Жуанъ пошелъ на свою половину, досталъ изъ своего бюро скляночку эсс-букета, спряталъ ее въ карманъ и возвратился въ залу. Компаньонка сидѣла у флигеля и задумчиво перебирала клавиши.

— Амали! сказалъ Боринька тономъ:—угодно ли вамъ выслушать меня въ послѣдній разъ?

— Я васъ слушаю.

— Поняли ли вы, наконецъ, что я люблю васъ, что разлука съ вами для меня невыносима? Скажите мнѣ: чѣмъ заслужить ваше вниманіе?

— Полноте, М-г Борисъ, что за неприличные шутки... Оставьте этотъ разговоръ и побесѣдуйте о чемъ нибудь другомъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! Вы должны меня выслушать. Вы знаете, я одинъ сынъ у матери и моя смерть неминуемо убьетъ ее... Берегитесь, чтобы не отвѣчать за насъ обоихъ. Здѣсь—моя судьба! И Борисъ Андреевичъ показалъ ей склянку съ духами.

— Что это? Мятныя капли? съ притворнымъ спокойствіемъ спросила компаньонка.

— Да, мятныя-капли! съ горькою улыбкою отвѣчалъ негодяй:—это лекарство отъ болѣзни, называемой жизнью... Смотрите!.. Тутъ Боринька поднесъ флаконъ къ губамъ... Амалія Федоровна поблѣднѣла, и съ умоляющимъ видомъ протянула къ нему руки... Нашъ герой остановился.

— Вы ѣдете, Амали? прошептала она.

— Я должна ѣхать, отвѣчала задыхаясь компаньонка: — это необходимо. Выслушайте вы меня, Борисъ. Я бѣдная дѣвушка, труженица... Я живу въ услуженіи у вашей матушки. Она такъ добра, такъ внимательна ко мнѣ, что у меня нѣтъ силъ быть не-

благодарною... А между тѣмъ... (тутъ компаньонка перевела духъ) а между тѣмъ, продолжала она, нешного погода!— я неблаго-
годарная, презрѣнная женщина, я преступница передъ нею...

— Что же вы такое сдѣлали? спросилъ съ недоумѣніемъ Борисъ Андренчъ, — и мысль о кражѣ мелькнула у него въ го-
ловѣ.

— Я преступница—и только! Боже не скажу вамъ ни сло-
ва... Я уйду, вы не должны удерживать меня! Зачѣмъ пугать
меня ядомъ? Зачѣмъ выпытывать отъ меня признанье?.. Оставьте,
оставьте меня, ради Бога!.. До сихъ поръ я жила себѣ спо-
койно, никому не замѣтная, ничтожная... и была, по своему,
счастлива! Съ самаго того вечера, когда вы впервые бесѣдовали
со мною, я совершенно стала другая, мысли мои перепутаны,
сбиты. Я отдалаясь отъ васъ, сколько позволяли мнѣ силы. Те-
перь онѣ слабнуть—я должна бѣжать. Ради Бога, забудьте меня,
оставьте... Ради Бога, если вы добрый, благородный человѣкъ,
забудьте меня; а я уже постараюсь забыть васъ... Слова, кото-
рыя вы бросали мнѣ можетъ быть изъ жалости, или шутя — я
вѣрила имъ, я... Но довольно, довольно! Прощайте...

— Но я уже сказалъ вамъ, что безъ васъ я не могу жить, и
если вы уйдете... тогда...

— Тогда — ничего! Вы мало-по-малу забудете меня, успо-
коитесь—и все пойдетъ по старому.

— Нѣтъ, Амелия, никогда! Оставайтесь, я буду вашимъ бра-
томъ и защитникомъ!...

— Братомъ? Помните же...

— И вы останетесь?

— Можетъ быть, а теперь я пойду къ себѣ, мнѣ такъ нужно
успокоиться.

Амалия Федоровна тотчасъ вышла изъ комнаты. Но мнѣ на-
скутило шагъ за шагъ слѣдить за развитіемъ этой печальной ис-
торіи. Полагаясь на свое благоразуміе и на честность Бориса
Адренча, Амалия Федоровна осталась у генеральши, — и надеж-
да овладѣть ею снова зажглась въ мысляхъ Бориньки.

Человѣкъ — существо, сотканное изъ противорѣчій. Можно
ли было подумать, чтобы Амалия Федоровна, проживъ безмятежно
тридцать семь лѣтъ, влюбилась на тридцать восьмомъ году, въ
кого же? Въ двадцати-пятилѣтняго матушкинаго сынка, изба-
лованнаго, развращеннаго до мозга костей. Неужели въ немъ
она нашла хотя слабое подобіе идеала, созданнаго ея воображе-

нѣмъ? неужели она нашла въ немъ чувство, умъ и душу? Какъ могла она повѣрить, что изъ любви къ ней онъ готовъ отравиться? Не знаю, Богъ вѣсть! Ну, а оиъ, какъ по вашему мнѣнію, правъ или виноватъ?

Разумѣется, правъ! отвѣчаютъ многіе: что же за преступленіе ухаживать за компаньонкой матери? Это такая обыкновенная исторія, что объ этомъ не стоитъ и говорить!

— Конечно, господа, не стоитъ говорить! Ваша правда. Что такое любовь, по вашимъ понятіямъ?—Раздраженіе нервовъ, учащенное бѣненіе сердца, вспышка, а чаще всего игра воображенія. «Любовь», сказалъ Ла Рашфуко, двѣсти лѣтъ тому назадъ: «похожа на привидѣніе, о которомъ всѣ говорятъ, но никто не видалъ!» А потомъ развѣ компаньонки, гувернантки способны любить истинно? *Quelle idée!* Да если бы онѣ истинно любили всѣхъ тѣхъ, которые признаются имъ въ любви, что же бы это такое было? Да однимъ словомъ: любовь ничто иное, какъ препровожденіе времени, та же игра въ карты, у которыхъ одна только — *червоная* (кѣровая) мастъ. Одни играютъ ради скуки; другія (напримѣръ, камеліи) ради насущнаго хлѣба, — это своего рода шулера... Наконецъ, и игра-то эта большею частью подобна карточной: тоже въ пользу воспитательнаго дома! Но ставить на карту жизнь, въ эту игру, глупо, и только! Таковъ современный взглядъ на любовь не только у насъ, въ Петербургѣ, но даже вездѣ и всюду; развѣ только въ Лапландіи да въ Патагоніи думаютъ иначе.

Генеральша была въ восторгѣ, когда Амалія Федоровна сказала ей, что передумала ѣхать во Францію. Борисъ Андреичъ первую пору былъ этимъ очень доволенъ; но тамъ, видя, что бесѣды его съ компаньонкой ограничиваются только разговорами, началъ скучать, скучать и съ каждымъ днемъ Амалія Федоровна теряла въ глазахъ его прежнюю прелесть. Онъ понялъ, что тутъ, какъ говорится, взятки гладки. Бѣдная же компаньонка душою привязывалась къ нему все болѣе и болѣе. Его охлажденіе къ себѣ она объясняла благоразумною осторожностью съ его стороны; онъ скучалъ съ нею, а она думала, что это мечтательность. Но когда осенью Боринька сталъ по цѣлымъ недѣлямъ отлучаться изъ дому, а возвращаясь, едва говорилъ съ нею, Амалія Федоровна стала въ тупикъ, и не могла понять, куда исчезъ прежній Борисъ. Какъ-то она попросила его спѣть ей любимую элегію, но онъ отговорился нерасположеніемъ; въ дру-

той разъ отвѣчалъ, что онъ не въ голосъ. Когда къ генеральшѣ собирались знакомыя барышни, Боринька ухаживалъ за ними, любезничалъ, и потому хвалилъ ихъ компаньонкѣ, стараясь превозносить дѣвицъ этихъ въ ущербъ компаньонкѣ. Она очень хорошо понимала, что это говорится съ цѣлю уязвить ее; она поняла, что роль ея кончена и рѣшилась окончить ее съ неожиданнымъ эффектомъ.

Однажды вечеромъ, когда Борисъ Андреичъ вошелъ въ залу нарядно одѣтый, завитой, раздушенный и остановясь передъ зеркаломъ, сталъ надѣвать перчатки, собираясь въ маскарадъ, — Амалія Федоровна, вся въ черномъ, также подошла къ трюму и устремила на Бориньку долгій, испытующій взглядъ... Красавецъ отвѣчалъ небрежнымъ взглядомъ и усмѣхнулся.

— Вы идете въ маскарадъ, М-г Борисъ? спросила она спокойно.

— Да; а вамъ не угодно ли поѣхать со мною?

— Зачѣмъ?

— Зачѣмъ ѣздить въ маскарады? Интриговать, мистифицировать... Вы это отлично умѣете! Ѣздить и съ другой цѣлю, но вы такъ высоко нравственны, что...

— Почему, скажите, вы думаете, что я отлично умѣю мистифицировать?

— По опыту, М-lle Амели. Вы и на дружбу, и на любовь смотрите, какъ на мистификацію...

— Но что же любовь и дружба, по вашему мнѣнію?

— И то и другое — самопожертвованіе...

— Самопожертвованіе? Прекрасно, но кто же долженъ быть кумиромъ, кто—жертвой?

— Въ дружбѣ, жертва тотъ или другой мужчина; въ любви — женщина.

— Чѣмъ же они должны жертвовать? Жизнью?

— Въ дружбѣ, иногда жизнь, а въ любви — собою...

— Мы друзья? Не правда ли?

— А что же другое? Друзья настоящіе, холодные, мороженые... У насъ не понадобится жертвовать ни жизнью, ни собой!..

— Но если бы вамъ пожертвовали жизнь въ доказательство дружбы? Повѣрили бы вы?

— Я и даромъ вѣрю. Да и къ чему жертвовать жизнь тамъ, гдѣ достаточно только...

— Пожертвовать собою? То есть, честию, добрымъ именемъ

— всѣмъ, на что я привыкла съ дѣтства смотрѣть, какъ на святую... Подобныя жертвы надобно цѣнить... А если наградою этого самопожертвованія будетъ одинъ позоръ и насмѣшка, даже отъ того, кто бы менѣ всѣхъ имѣлъ на это право?...

— Вы, вѣроятно, говорите это по опыту?

Компаньонка, будто ужаленная ядовитой змѣей, быстро отошла отъ Бориньки, подошла къ столу и налила себѣ стаканъ воды... Боринька закуривалъ папироску.

— Борисъ, сказала она:—позвольте мнѣ хорошенько посмотреть на васъ... Такъ, хорошо. Теперь спойте мнѣ влегію...

— Ахъ, она мнѣ ужасно надоѣла!...

— Попробую же я сама сыграть ея голось, отвѣчала компаньонка, садясь ко флигелю и взявъ нѣсколько аккордовъ.

Боринька, охарашиваясь передъ зеркаломъ, изрѣдка говорилъ:

— Нѣтъ! не такъ... тутъ надобно взять до діэзъ, а здѣсь фа бемоль. Да нѣтъ же... Вы фальшите, дайте я сыграю!

И онъ, подойдя ко флигелю, нетерпѣливо сталъ барабанить пальцами по спинкѣ стула, на которомъ сидѣла компаньонка, какъ бы приглашая ее встать, но Амалія Федоровна не вставала. Она продолжала фантазировать, и было что-то нестройное, дикое въ этой фантазіи... Человѣкъ съ душой понялъ бы въ ней многое; для Бориньки это былъ только какой-то хаосъ звуковъ.

— Пустите же меня състь, сказалъ онъ наконецъ нетерпѣливо.

— Садитесь, отвѣчала компаньонка, вставая:—теперь всѣ расчеты покончены, теперь я вижу свои ошибки... Кончено!... Прошло то счастливое время, оно проглочено вѣчностью... Что же? И я въ слѣдъ за нимъ!

— Да вы меня и не слушаете, сказалъ съ неудовольствіемъ Борисъ Андрейчъ:—я только напрасно теряю время, а мнѣ пора!

— Мнѣ также, прошептала Амалія Федоровна, подходя къ столу и выпивая стаканъ. Черезъ нѣсколько секундъ онъ брякнулъ объ полъ и разлетѣлся въ дребезги. Упала и компаньонка съ глухимъ стономъ. Боринька дернулъ за сонетку, сбѣжались люди, пришла и генеральша.

— Матаи! что съ нею? говорилъ, запыхавшись, Борисъ Андрейчъ:—говорила какую-то чепуху, разбила стаканъ, упала...

— Да видно, она чего нибудь выпила, сказалъ кто-то изъ прислуги:—вонъ какъ каплей проѣло платье! еще и теперь дымится...

— Она отравилась! вскричала генеральша:—какая мерзость! Унесите ее прочь поскорѣй, противно даже... Боринька, шевнула она сыну: — да ты не сказалъ ли ей чего?

— Что же мнѣ ей сказать? говорилъ объ маскарадѣ, — вотъ и все!... Только она такъ странно отвѣчала, что мнѣ показалось, будто она какъ помѣшанная!... Досадно, чортъ возьми! Видно ужъ мнѣ въ маскарадѣ не ѣхать... Надобно дать знать въ полицію... Скандаль, ужасный скандаль!

Трупъ унесли въ отдаленную комнату; генеральша ушла къ себѣ въ спальню; Боринька расхаживалъ сажеными шагами по залѣ. По всему дому поднялась бѣготня. Къ барченку подошла Савельевна.

— Охъ, Борисъ Андреичъ, сказала она, задыхаясь:—тяжелый грѣхъ взяли вы на свою душу!

— Что ты врешь, старая дура! съ ужасомъ вскричалъ Боринька:—ты пьяна?

— Нѣтъ сударь, не пьяна. Но по чьей, какъ не по вашей милости, французенка—то наша чортовымъ бараномъ стала? Поменьше бы вы ей пѣсенокъ напѣвали, да не кружили бы ей голову...

— Не твое дѣло, старая корга! Убирайся прочь!...

Явилась полиція, составили актъ. Частный врачъ объявилъ, что тѣло требуетъ немедленнаго вскрытія. По вскрытіи оказалась какая-то болѣзнь въ печени и приливы крови къ оболочкѣ мозга. Ясно, что покойница отравилась въ припадкѣ умопомѣшательства. Вслѣдствіе чего, тѣло означенной французской подданной Амалін-Шарлотты-Софін Робильяръ можетъ быть предано землѣ на кладбищѣ по обряду ея вѣроисповѣданія. Это извѣстіе принесъ генеральшѣ частный врачъ.

— Стало быть она завтра же можетъ быть похоронена? спросила та съ радостью.

— Конечно. Если вамъ угодно!

— Ахъ да, пожалуйста! Избавьте меня отъ этой развратной женщины! съ омерзѣніемъ сказала генеральша.

Врачъ взглянулъ на нее съ глубокимъ презрѣніемъ. Въ докторѣ воскресъ добрый студентъ—теплая душа, и онъ проговорилъ:

— То есть, отъ чистой, безгрѣшной дѣвицы, ваше превосходительство? Ваше мнѣніе о покойной такъ рѣзко противорѣчитъ

наукѣ, что мой долгъ поправить вашу ошибку. Вы судите о ней а priori, какъ говорится у насъ, въ медицинѣ...

Недѣли черезъ двѣ послѣ этой трагедіи, я встрѣтилъ въ на-
скарадѣ Бориса Андренча. Какое-то черное домино въ розо-
вой маскѣ висѣло у него на рукѣ; онъ рассыпался въ любезно-
стяхъ, разумѣется на французскомъ языкѣ. Ужь вѣрно не Ама-
линъ Федоровнѣ чета! Многая вамъ лѣта, Борисъ Андренчъ, ва-
шнихъ чадамъ и домочадцамъ. Вѣдь Глашенька по-днесъ здрав-
ствуетъ!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

МЕЛОЧИ ВОЕННАГО БЫТА.

(СПЕНЫ И ОЧЕРКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ТУКИНА.)

ТРЕВОГИ.

I.

Городокъ Коцыловъ въ необыкновенномъ волненіи, потому что сегодня вступаетъ сюда штабъ полка на постоянныя зимовыя квартиры. Квартирная комиссія сбита съ ногъ, квартирьеры кое-гдѣ, кое съ кѣмъ уже и подрались; квартальный скачетъ взадъ и впередъ, верхомъ, на пожарной лошади; на главной, хотя единственной улицѣ и на базарной площади собираются густыя толпы народа, разумеется, всего болѣе жидковъ; болѣе нетерпѣливые спѣшатъ къ самому въѣзду въ городъ, къ заставѣ, то есть, къ тому пункту, гдѣ въ шалашикѣ, изъ древесныхъ вѣтвей, сидитъ подслѣпватый, но недремлющій аргузъ, ниваландъ, съ желѣзнымъ шупомъ... Даже чиновники присутственныхъ мѣстъ, оставивъ всѣ дѣла, высыпали на крыльцо такъ называемой ратуши (*), и, заложивъ перья за уши, прикрывая руками глаза отъ солнца, пристально смотрятъ вдаль; между тѣмъ, какъ по дорогѣ, откуда долженъ прийти полкъ, давно

(*) Т. е. зданія, гдѣ помѣщаются и уѣздный и земскій суды, и казначейство, и пр.

уже дымятся тучи пыли, среди которой темная масса, словно испанский змѣй, извиваясь, спускается по кособогу внизъ по направленію къ городу... Какъ будто плывя, она подвигается ближе и ближе... Вотъ уже ясно рисуются силуэты сѣрыхъ лошадей трубаческихъ, и лучи полуденнаго солнца весело заблестали на мѣдныхъ хоровахъ трубахъ.

— Городъ! городъ! вскрикиваетъ вдругъ, вѣхавшій до тѣхъ поръ впереди всѣхъ, по вольности дворянской, поручикъ Зиѣвъ, вставъ на стременахъ и поворачиваясь на сѣдлѣ, въ три четверти оборота назадъ къ своимъ товарищамъ... «Господа! городъ видно!»

— Гдѣ? гдѣ? раздается десяткомъ нетерпѣливыхъ голосовъ за нимъ, и каждый, дожилаясь, шею коня своего быстро подаетъ впередъ, жадно устремляя взоръ, по направленію руки Зиѣва; даже тощій, длинный, флегматическій, вѣчно сосредоточенный въ себя самозъ, совершенный рыцарь печальнаго образа, баронъ Кукъ вставляетъ поспѣшно въ глазъ свое стеклышко...

— А вонъ, въ лошадь-то нальво! Видите костель?

— Да! да! въ самомъ дѣлѣ!

— Брау! брау! раздается голось Михайлы Антоновича, никогда не называемаго впрочемъ по фамиліи, и усвоившаго междометіе это отъ какого-то паяца бродячей вѣмецкой труппы... На полномъ, добродушномъ, всегда веселомъ лицѣ его, въ эту минуту разливается особенное какое-то удовольствіе... Тучное тѣло его какъ-то восторженно подпрыгиваетъ раза два на сѣдлѣ, и снова тяжело опускается, заставляетъ кряхтѣть могучаго коня...

— Городъ, городъ близко! проносителъ говоръ по рядамъ солдатъ, отъ головы колонны до самаго арьергарда, и каждый невольно, самъ того не замѣчая, прибавляетъ ходу... На запыленныхъ, загорѣлыхъ отъ вѣтра и солнца лицахъ расцвѣтаютъ улыбки.

— Слава тебѣ Господи! конецъ походу! повторяетъ въ восторгѣ каждый — и офицеръ, и солдатъ.

— Трубачи, стройся! командуетъ полковой адъютантъ Молодичкинъ, живой, энергическій молодой человекъ, то же привскакивая на пѣхъ-аршина въ сѣдлѣ... Но уже трубачи, безъ приказанія, сами построились давно, и приложивъ мундштуки трубъ къ губамъ, только ждутъ знака...

— Пѣсенники, впередъ! слышатся между тѣмъ сзади голоса эскадронныхъ командировъ.

— Затѣмъ! только не переверни! говоритъ капелмейстеръ Шницманъ, маленький, пузатенькій, сѣденькій, гладко остриженный старичокъ, обращаясь къ трубачамъ, и давая знакъ: эйвъ, цвей, дрей! не переверни! Разъ, два, три...

Грядут марши... Въ авангардѣ зашлись иносанными... Въ окрестность вострепелась, — ожила отъ этихъ звуковъ...

Черезъ часъ полкъ уже въ городѣ... вотъ онъ уже приближается, сопровождаемый и взрослыми, и ребятами, къ площади... и обдастъ праздную толпу зѣвакъ облаками пыли, которая клубами вьется изъ-подъ конскихъ копытъ. Офицеры ведутъ коней въ лансадахъ... многіе при этомъ лобуются на тѣнь свою, которая рисуется на землѣ... Говоръ толпы, отдаленный, звукъ пѣсенъ, звукъ трубъ, топотъ копытъ — все сливается въ какой-то неподдѣленный гулъ...

— Семнадцатый номер! вскрикиваетъ офицеръ адъютантъ труба-чамъ, сажая совсѣмъ почти на видныя ноги вымышленнаго, сѣраго въ яблокахъ коня своего, и грозилоб отталкивая корпусъ назадъ, отягивая невѣроятнѣйшимъ образомъ, съ истинно кавалерійскимъ кокетствомъ, каблучки свои книзу, рисуется передъ молоденькими жидовками, черные глаза которыхъ, какъ звѣзды, а зубы бѣлые, какъ перлы, свѣтятся въ толпѣ тамъ и сямъ.

— А гите пурлицъ! красивый молодой человекъ! передаютъ и по голосу другъ-другѣ, между тѣмъ, свои замѣчанія еврейскія красавицы, кокетничая по своему, и произнося звукъ *p*, по обыкновенію, почти какъ *pr*...

Раздается полька... Боже мой, что это за бурная, что за неистовая полька!... Въдъ вотъ такъ и поднимаетъ всякаго съ сѣла... да же жиды не могутъ вытерпѣть и начинаютъ пошевеливать плечами, притопывать шлепанцами... Черноволосые жидовляги хлопаютъ въ ладоши, визжать въ тактъ: «Цибеле-шугале, гоме-шугале» а что касается до самаго творца ея, капельмейстера Шимшана, то онъ рѣшительно входитъ въ азартъ... Онъ задръгъ, защелкавъ, засвидѣлавъ, заработавъ головой, руками, ногами... Бракованная, шедевростая кобыла его, не смотря на извѣстную, почти баснословную кротость и права своего, съ покорностію не разъ ледѣвшая на хребтѣ своемъ даже самого штабъ-лекаря, на этотъ разъ формально выходитъ изъ терпѣнія: яростно, взмахнувъ жалкими остатками хвоста, злобно прижавъ уши, пронзительно взглянувъ, она, можетъ быть, дѣйствительно разъ въ продолженіе всей своей жизни страшно подбрасываетъ три раза сразу, задомъ, отъ чего задорный всадникъ, тердеть стрелена, выпускаетъ изъ рукъ поводья, и что называется, кидается носомъ впередъ, воскликнувъ: «не, переверни!»

Пѣсенники, въ особенности дежурнаго эскадрона, то же, какъ говорится, превосходятъ самихъ себя... Запѣвало, по имени Сережа, маленький человекъ, съ огромнѣйшими усами и невообразимо широкимъ ртомъ, то поднимая высоко надъ головою свою разукрашенную и кистями и бубенчиками бунчукъ, то выдѣлывая имъ разныя

сверхъестественныя, непостижимыя человѣческому уму эволюціи, заливается соловьемъ:

«Какъ у нашего дьяка
Миколая Миколаевича
Была дочь хороша,
Свѣтликъ — Аннушка душа.
Какъ повадилась Анюта
Въ черному нѣбу ходить,
Въ черной нѣбѣ сидѣть,
Въ черныя карты играть,
Козырями козырять,
Прикозыривати!»

Хоръ звучно подхватываетъ, а бубны, тарелки и скрипка, которая произительно визжитъ подъ смычкомъ эскадроннаго кузнеца—цыгана, еще болѣе увеличиваютъ эффектъ этой истинно хоровой и нѣкоторымъ образомъ назидательной пѣсни... Самъ почтенный Марко Микитичъ, старшій вахмистръ, который давно уже краситъ сѣдые усы свои и бакенбарды черною фабрику, поддается ея обаянію и увлекается несвойственнымъ, ни званію своему, ни годамъ, восторгомъ... Онъ тоже, самъ не зная какъ, пристроился къ пѣсенникамъ на правый флангъ, и, выбивая рукою тактъ по ногѣ своей, густымъ низкимъ басомъ подтягиваетъ:

«Въ черныя карты играть,
Козырями козырять,
Прикозыривати!»

Крашенные усы его оттопыриваются, губы и вся нижняя часть лица его куда-то далеко влудъ впередъ...

Однимъ словомъ, всѣ веселы, всѣ довольны, всѣ оживлены необыкновенно... Самыя даже лошади, круто собирая шею, какъ-то особенно весело тротируютъ подъ сѣдоками, точно чуютъ, что конченъ дальній путь... Именно, есть что-то невыразимо-отрадное въ томъ чувствѣ, которое испытываетъ всякая походная тварь, когда приходитъ наконецъ на мѣсто, хотя бы и не на долгое время... Даже арестантъ, вступая въ мрачную, сырую арестантскую каморку на галупвахтѣ, какъ-то весело говоритъ своимъ караульнымъ: «Вотъ и до фатеръ добралися, господа!... Слава тебѣ Господи!» прибавляетъ онъ, складывая на бары помѣтки свои, и шабожно крестится на небо, сквозь маленькое, съ толстыми желѣзными рѣшетками окошко...

Но что же такое Копыловъ? что въ немъ особеннаго?

Да ничего. Копыловъ—уѣздный городокъ, маленькій, скверный—

ий, грязвенький, одинъ изъ тѣхъ городишекъ, которые обыкновенно для стоянокъ достаются на долю армейскихъ кавалерійскихъ полковъ... Въ немъ помѣстится штабъ; эскадроны, разумѣется, разойдутся по деревнямъ... Тамъ солдаты займутъ свинные хлѣвушки, обдѣлаютъ нѣтъ нѣкъ конюшечки и сами примостятся тутъ же гдѣ нибудь, подъ самыми хвостами у лошадей... Офицеры помѣстятся по крестьянскимъ избамъ, и отдохнувъ цѣсѣ похода, всѣ начнутъ, какъ обыкновенно, кто глотать дыды въ манежѣ, кто скучать... По праздникамъ будутъ ѣздить въ Коцыловъ... Все это извѣстно напередъ каждому... Въ Коцыловѣ раздѣченій тоже мало; впрочемъ тамъ въ трактирѣ есть бильярдъ, хотя шары на немъ величиною не больше горошины. Вечеромъ можно найти партію для ерацаца, а въ праздники утромъ одождать въ костель...

Общества здѣсь, разумѣется, нѣтъ никакого: городъ населенъ однимъ почти еврейми, коммерческая и промышленная дѣятельность которыхъ значительно оживляетъ съ приходомъ полка... Купцы—единственныя существа, сочувствующія квартированію войскъ въ извѣстномъ мѣстѣ... Не считая подрядчиковъ, поставщиковъ фуража, сотни мелкихъ торговцевъ, промышленниковъ и ремесленниковъ, благодаря квартированію одного какаго нибудь полка въ городѣ, завсегда имѣютъ возможность приобрѣсть себѣ кусокъ хлѣба...

Въ то время, когда полкъ съ шумомъ и гамомъ проходитъ по главной улицѣ и черезъ базарную площадь, густая толпа жидовской публики по своему радостно привѣтствуетъ вождельныхъ гостей. Шапки снимаются, головы и бороды дружелюбно киваютъ. Порою изъ толпы вырываются отдѣльныя личности въ характеристическихъ длиннополыхъ ластиковыхъ сюртукахъ, подпоясанныхъ черными кушаками, въ грязныхъ, нѣкогда бѣлыхъ, чулкахъ и истоптанныхъ шлепанцахъ... Съ лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ, и улыбаясь, и изгибаясь, онѣ суетливо забѣгаютъ впередъ, умильно заглядываютъ офицерамъ въ лицо, ловятъ ихъ взгляды и, задыхаясь, учащенно восклицаютъ, страшно злоупотребляя звуками: *p* и *x*.

— Ромъ! аракъ доскональнѣ! начинается одинъ.

— Цукеръ, гербата, свицэ стearинова, шамъ багргдао добгрга! вскрикиваетъ другой.

— Шевць естѣтъ! сяпжнникъ! проше бить звайномымъ!.. Шевць Альтерь-Мошка, кулявнн се называмъ! рекомендуеть себя третій.

— Шампаньске шамъ досконалѣ! а-фейвъ! проше заходить! О-ту! подъ лабенземъ (*) О-ту, о-ту! заявляетъ съ какимъ-то азар-

(*) Подъ выѣскомъ «Лебедь».

домъ о себѣ четвертый, показывая рукою на вывѣску, на которой изображанъ дѣйствительно бѣлый лебедь, но съ такою длинною шеею, что ей стало бы и на десятокъ этихъ птицъ.

— А кредитъ будетъ? вдругъ неожиданно выстрѣливаетъ Зи́вевъ.

— Герсть-ду!.. герсть-ду, кредитъ? произноситъ какъ-то недоумчиво, растягивая послѣднее слово, и выйдя съ тѣмъ переставивъ толочась впереди лошади Зи́вева озадаченный жидокъ... Укорачивая шагъ свой, онъ вытливо оглядываетъ его отъ кивера до шпору; и потомъ переводя взоры свои на другаго жидка, который бѣжитъ тутъ же въ припрыжку, бормочетъ, чѣмъ дагье, тѣмъ болѣе растягивая послѣдній слогъ каждого слова: «герсть-ду кредитъ? На пану дану кредитъ?! Аль-бо панъ не ма пенѣдзятъ?!»

— Я пану вшистьки дамъ, цо тылько панъ зехце! вскрикиваетъ другой, какъ-то рѣшительно хлопнувъ себя по груди. — У пана дзуть—то у мне въ кешени! прибавляетъ онъ съ видомъ безграничной довѣренности, и снова себя ударивъ рукою, но на этотъ разъ въ лариану.

— И я пану дамъ! и я дамъ на кредитъ... на картэчке!.. на росписовѣ снова восклицаетъ первый, какъ будто захлебываясь... У нас шампаньске дѣше! подъ хейримъ! (*) — Очевидно, что это соперники...

— Молодцы! одобрительно произнеситъ Зи́вевъ. — А гдѣ трактиръ?

— О-ту! зѣразъ! вдругъ вскрикиваетъ новая какая-то, словно выкопченная изъ-подъ брюха его лошади, фигурка съ рыжею борою и плаутовскою, подвижною до-нельзя, словно у гоголевскаго яловатаго, физиономією, ободранная, ошпианная, съ палочкой въ рукахъ... О! тутъ зѣ-разъ! сейчасъ! вшистьки тамъ для пановъ готово!..

— А ты что за птица? Мишуресь, что-ли?

— Такъ есть, пане! такъ! Факторъ Шлѣмке! готовъ пану служить... Цо тылько панъ каже! Вшистьки панъ пршезъ мене ду-стане!..

А между тѣмъ Михайло Антоновичъ, котораго, благодаря изощренной полнотѣ, принимаютъ всѣ почти за самаго подковника, самодовольно покачиваясь въ сѣдлѣ, на ласковыя улыбки и дружкія поклоны отвѣчаетъ нѣсколькими стихами лирическаго содержания, которые произноситъ на-распѣвъ, какъ слѣдуетъ, и въ эффектенствѣ подражая еврейскому выговору:

(*) Клянуть.

— Велю отощать! Шибко мигубеть ишиль оуметь!

Шибко оуметь шириль оуметь!

Шабашь дитайши бель-мель гтгехо!

— Реедъ шмедонши гелегнехо!

или что-то въ родъ этого...

— Вусть-истъ?! Пульковникъ—естъ перебрасываются между собою завывающими озабоченные жидки...

...Но вотъ уже и квартира полкового командира... Штандарты съ церемоніею внесены къ нему въ комнаты. Всѣ слѣзаютъ съ лошадей и въ первую минуту едва могутъ устоять на ногахъ. Солдаты, въ сопровожденіи квартирьеровъ, расходятся по конюшнямъ, а офицеры, предшествуемые все тѣмъ же рыжимъ мишуресомъ Шлёмкою и какимъ-то еще подобнымъ же индивидуумомъ, не то Мошкою, не то Ханюгомъ, какъ были въ походной амуниціи, отправляются прямо въ трактиръ... Ихъ опять сопровождаетъ густая толпа любителей жидовъ, жидовокъ, жиденятъ...

— Мамеле!—шамеле! а гои! (*) пишцить, хватаясь за юбку матери, какойнибудь маленький черномазый Лякель въ ермолокѣ, въ нагрудникѣ спереди, въ нагрудничкѣ сзади съ болтающимися тесенками и рубашонкою, вылезшею сзади изъ панталонъ, и указывая крошечными пальцами на Михаила Антоновича...

— Риидере гее-а-вергъ! раздается голосъ чадолюбиваго отца: — румъ, аракъ, цукеръ, гербата, свиць стеариновъ! шампанскэ достовазе! снова надоѣдаютъ практическія личности, забывая по обыкновенію впередъ и снимая шапки, болтая и пейсиками и бородаками. Какая-то фигура съ черною окладистою бородою, съ краснымъ носомъ, опухшимъ лицомъ и сильно выпившая, тоже егозитъ тутъ безъ шапки и, кривляясь, произноситъ поздравительный спичъ на разныхъ языкахъ: на русскомъ, на польскомъ, на нѣмецкомъ и даже на французскомъ, разумеется съ жидовскими акцентами... А у дверей трактира уже влады и контрабасъ, и скрипка, и флейта. Съ приближеніемъ кортежа раздается убийственный маршъ...

— Нехъ жайонъ гузеры! вскрикиваетъ ораторъ, бросая и шапку и ермолку свою вверхъ...

Городской трактиръшио оживляется необыкновенно... Хозяинъ стрѣльчатый шибко въ Березицкій, вылезаетъ въ три ноги бели передъ дорогами гетманъ... «Падать до нощи! Падать до нощи, жевальмоши наново!» повторять они, стывшая сухубие поклоны жидовскимъ... Въ саломъ дѣль, какой возможивный доходъ предстоитъ ему въ будущемъ!...

Водни! Водни! Водни! Сушу! Водки! Водки! Помогеть! Водни!

(*) Христианинъ.

Биотексу! Водки оглушительнѣо декришидаютъ дорогіе, проголодавшіеся во время перехода гости, страшно оува каблуками, звала шпорами, бряца саблями.

— Гхшампанское мамъ десктовалъ! одышителъ между тѣмъ, откуда-то, чей-то чрезвычайно вкрадчивый, соблазнаительный голосъ, сквозъ всю эту сумятицу.

— А и въ самомъ дѣлѣ, господа! раздается вдругъ энергическій и звучный голосъ какого нибудь штабъ-ротмистра Дроздова.

— Попробуемъ здѣшняго шампанскаго! Попробуемъ на радостяхъ? продолжаетъ онъ вопросительнымъ тономъ, окликая ординарымъ, бойкимъ взглядомъ почтенную компанію,

— Попробуемъ, попробуемъ! Непременно попробуемъ! отдается десятка полтора радостныхъ голосовъ...

— А гдѣ же, у кого шампанское? восклицаетъ Дроздовъ, ища кругомъ глазами...

Но уже и Шварцманъ, и Цукерманъ и Шеремиданъ давно несутся до улицъ быстрымъ арабскихъ скакуновъ, подыавши цолы, переходя другъ-друга и перебраживаясь; дѣло доходитъ даже до драки. Жены и дѣти соперниковъ, родные и знакомые придишмартъ участіе въ свалкѣ... Шумъ, крикъ, плачь дѣтей оглашаютъ базарную площадь, все сливается въ оглушительнѣй, совершенно адскій вопль: «гедалтъ!!!» Лица испаряданы, шейсы оборваны, спортуки изорваны, ерможки и плепанцы растеряны...

И однакожъ все-таки шампанское въ трактирѣ является; и въ это одной дюжины — ихъ приносится нѣсколько...

II.

Поздно вечеромъ, перучинъ Зиновъ водворяется въ новой своей квартиркѣ, у жила Шмуилъ Зидбермана; и несмотря на то, что она отъ близкаго соседства съ козловани вся пропитана ванакомъ луку, чесноку, рыбе и с., — послѣ постигнутаго утонительнаго похода и это жалкое убѣжище кажется ему сворыцымъ... Къ разнаго рода заплатамъ въ пиджикѣ, впротемъ, армейскому солдату не привыкать; что же касается до самой квартиры, по веруности нѣм, правдынѣе сказать, иаутренности ея по возможности дѣлать уна приличный, комфортабельный видъ: у стѣны поставлена шолѣнная, коловная кровать, надъ нею прибитъ коловръ; на предлоколѣнной споровѣ, надъ диванчикомъ — другой, и сзади него, на полу коловръ кроватки разосааны третій, коловно доуше... Въ предѣлѣ между окнами поставленъ столикъ, покрытый зеленымъ сукномъ... Стѣны

только это сукно переверотить на другую сторону, такъ хоть сейчасъ играть въ ералашъ можно... На столикѣ, разумѣется, шкатулка, зеркало, два подсвѣчника съ цѣльными стеариновыми свѣчами, и шитый портфель. Затѣмъ нѣсколько книгъ въ красивомъ переплетѣ, именно: «Уставъ», «Памятная книжка», сочиненія Лермонтова и два тома какого-то журнала, зажатые на прежней столикѣ у уѣзднаго учителя... Далѣе, два конскія копыта, отлично препарированныя подковнымъ ветеринаромъ, снаружи выкрашенныя черною, а внутри родовой краскою, покрытыя лакомъ и превосходно подкованныя, — брѣнные остатки нѣкогда любимаго, безвременно погибшаго коня...

На стѣнахъ, кромѣ сабель, пистолетовъ и ружья съ патронташемъ, повидись двѣ литографіи въ красивыхъ рамкахъ: одна изображаетъ Доллу Монзесъ, одѣтую дебардеромъ съ бокадомъ въ рукахъ; другая — улана, выходящаго откуда-то изъ окна, по всей вѣроятности возвращающагося съ интрижки и принимаемаго крестьяниномъ на вылы... А вотъ и собственное фотографическое изображеніе Зиѣва; съ трубкою въ зубахъ, въ фуражкѣ на бекрень, онъ сидитъ верхомъ на скамейкѣ; кругомъ штукъ шесть какихъ-то личностей съ бородками, стоятъ съ какими-то хартиями въ рукахъ. Кромѣ того, тутъ есть также и хозяйскія картинки — несомнѣнно произведенія туземной кисти. На одной художникъ изобразилъ Авраама, приносящаго въ жертву Исаака на изразцовой печи. Восторонѣ, челядь Авраамова держитъ въ поводу лошадей, засѣдланыхъ гусарскими вальтрапами, и съ убійственнымъ равнодушіемъ ко всему окружающему покуриваетъ трубочки, опершись на сабли... и баранъ, запутавшійся рогами въ кустахъ, и ангелъ въ облакахъ, удерживающій протянутою оттуда рукою десницу Авраамову, какъ слѣдуетъ, тутъ же на лицо... Только спрашивается: зачѣмъ у ангела пейсики? На другой картинѣ — Давидъ, сражающійся съ Голиафомъ; оба въ полной боевой амуниціи, въ подсумкахъ съ двуглавыми ордами... Далѣе, наконецъ, портретъ какого-то господина въ чрезвычайно высокой лисьей шапкѣ, съ длинною бородою, завитою въ колечки, и съ какимъ-то неопредѣленнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Подпись на польско-еврейскомъ языкѣ свидѣтельствуетъ слѣдующее;

«Вадъ отъ глянны! Дражайшій надъ всѣмъ клейноды! (драгоценности). Кто не видывалъ его, кто не слыхивалъ о его мудрости, тотъ видѣтъ чистый визерунжъ (портретъ) предъ сѣбою! Ицко Борухъ — рабинъ. Шануйте (почитайте) его!!!»

Лежа на кровати и покуривая трубку изъ длиннаго черешневаго чубука, совершенно такъ, какъ это съ успѣхомъ изображается иногда въ нашихъ отечественныхъ иллюстраціяхъ, Зиѣвъ вполне наслаждается настоящимъ своимъ положеніемъ; краткое спокойствіе

разлитъ по лицу его, невыразимо отрадное чувство наполняетъ существо его, и чувство это — увѣренность, что огненья ничто не въ состояннн возмутить его покоя... Заранѣе утѣшаетъ онъ себя картиною безмятежной жизни въ продолженіе наступающей зимы, безмятежной въ томъ смыслѣ, что въ эту пору не бываетъ никакихъ особыхъ тревоженій... ни кампанентовъ, ни передвиженій; никакихъ военныхъ смотровъ, о которыхъ уже одни слухи обыкновенно и подвергаютъ всякаго въ лихорадочное волненіе, поглощаютъ все умы и отравляютъ спокойствіе душъ офицерскихъ — тоже не предвидится, по крайней мѣрѣ до новаго года. Настроеніе поручика такъ благодушно, что его не гнѣвають даже ни громкая перебранка жидовъ за стѣной, ни пронзительный визгъ дѣтей. Громкія: «Мамеле! мамеле! Штилле! Гег-а-вегъ! Шницбубе! Кербеле, кербеле!» не раздражаютъ его слуха, не поднимають у него жолчи.

— Та мовчать вы, бисовы диты! Поручикъ спочиваетъ слышнтся иногда оттуда же суровый на этотъ разъ голосъ деньщика его Хоменки.

— Хома! Хоменко! ау! ласково окликаетъ его Змѣевъ.

— Чого извольте? отзывается тотъ.

— Оставь ихъ, пускай себѣ шумятъ! съ кротостью ангела говорить Змѣевъ.

— Та колы гомонять, нехай ихъ зовсимъ! спочивать вамъ не дадутъ.

— Э, братъ! будетъ еще время, выснимся!

И новая, свѣжая, самая розовая улыбка озаряетъ благодушное лицо счастливаго поручика...

«Нѣтъ, уже баста!» думаетъ онъ. «Кончено! теперь отоспимся на славу... а то вотъ походомъ этотъ проклятый Соколя надо бы хуже горькой рѣдки...» И воображеніе уноситъ Змѣева, противъ воли его, назадъ... Снова грезятся ему всѣ эти мелочи обыкновенной походной жизни.

Хозяевъ, по обыкновенію, квартиреры выгнали изъ избы еще наканунѣ... но что касается до разныхъ насѣкомыхъ, безъ которыхъ, какъ извѣстно, не обходится ни одно крестьянское жилище, то они остаются здѣсь всѣ въ полномъ комплектѣ... И, Боже мой, какъ назойливы они, особливо съ вечера, съ какими неистовствами вышлепаются они въ дворянское тѣло Змѣева и какъ нечется онъ, обидный, на своемъ походномъ ложѣ! Жара и духота въ избу пестятъ симыи: съ вечера бабы топилн печь, готовили для себя ужинъ! ибо великодушный поручикъ снисходительно имъ это позволялъ... Подъ свѣчей, гдѣ стоять кадки съ квашеною капустой, проникають въ избу удушливыя, убійственныя мязмы...

А забвуть бы Змѣеву, право, не мѣшало: съ вечера долго сидѣть онъ съ товарищами на заваленкѣ, и на утро предстоитъ эскадрону огрѣбшій переходъ... Едва къ утру забывается онъ, и то какимъ-то чуткимъ, лихорадочнымъ, болѣзненнымъ сномъ.

Заря только-что занялась, а уже эскадронный трубачъ Сокола словно съ цѣпи сорвался. Торопливо выскакиваетъ онъ изъ сосѣдняго сарайчика на улицу, въ доломанѣ на-дпашь, безъ шапки, и какъ нарочно противъ той избы, гдѣ ночуетъ Змѣевъ, раздается пронзительная, дребезжащая, дьявольская трель сигнала.

— Хома! Хоменко! ау! вскрикиваетъ въ изступленіи, въ бѣшенствѣ внезапно пробужденный поручикъ. — Бѣги! лети! гони! души! души! бей! стрѣляй этого ракалю!!!

Старый, дряхлый деньщикъ Хома, спящій въ сѣняхъ, слышавъ вопли барина, босикомъ, въ одной рубахѣ, какъ барсъ, выскакиваетъ на улицу.

— Та вже годи, трубачъ, годи! кричитъ въ свою очередь Хома, махая отъ себя обѣими руками на трубача въ высшей степени отрицательнымъ образомъ. — Годи, трубачи! поручикъ спочивае!

Но — увы! сонъ поручика нарушенъ невозвратно. Звукъ Соколиной трубы начинается вторить пѣтухъ, сперва одинъ, потомъ другой, третій... все пѣтушье население деревни дружно подхватываетъ, и особенно выходитъ изъ себя одинъ, очевидно хозяйскій, помѣщающійся тутъ же, подлѣ стрѣхою змѣевской квартиры... Шавка, да, дномодичица къ утру и улегшася — было подлѣ оконца на за-двернѣ, тоже заливается звонкимъ лаемъ. Раздается громкое протяжное мычанье коровы... и реветъ она такъ, какъ будто жадуется, что есажестоко обидѣли... слышатся жалобное, за душу гдущее, бедное квадъ... заскрипѣли колодези. «На-по-ваць ко-ней!» несутся изъ раздѣлкѣ концовъ голоса. На улицѣ раздаются шаги, поди-маются шумъ, говоръ, стукотня... Деревня проснулась.

Гдѣ ушь тутъ спать! М. Змѣевъ встаетъ, выходитъ на дворъ, чтобы освѣжить утреннимъ воздухомъ свою пылающую голову. Между тѣмъ солнце уже подымалось и кругомъ кипитъ дѣятельная работа: и едѣсь, и на сосѣднихъ дворахъ идетъ уборка, чистка лошадей, и Сарбашны, щетки въ палатомъ дѣйртвин.

— Шо! ты! сибиряна! вер-те! У! слышител каной-то грозный обидящій голосъ.

Ударъ улобъ скребнищы въ бокъ лошади слѣдуетъ за этимъ возгласомъ, и въ отвѣтъ на послѣдній маневръ, раздается пронзительный визгъ. Лошади дѣлаетъ отчаянный, изступленный прыжокъ... слышатся страшный топотъ и дикое хрипѣнье...

— Ха-ха-ха-ха! раздражаются между тѣмъ другіе солдатскіе голоса.

— Ишь какая она нѣжная у тебя, Петровъ! замѣдаетъ одинъ,

— Не даромъ панною зовется! острить другой.

— На караулъ дѣлаетъ—задомъ честь отдастъ! прибавитъ третій.

— Живо, живо, ребята, не копаться! баситъ скороговоркою въ то же время не вдалекѣ чей-то голосъ повелительнаго и внушительнаго свойства.

И вслѣдъ затѣмъ изъ-за плетня появляется собственная фигура Марка Микитича. Онъ уже чисто выбритъ, его бакенбарды и усы принафабрены, сѣдины въ волосахъ зачернены, фуражка на ухѣ, въ рукахъ хлыстикъ... «Живо, живо, ребята! Нечего прокламаться!» снова покрикиваетъ онъ, съ важностью вынимая изъ-за борта мундира своего увѣсистые серебряные часы—подарокъ ротмистра Клякова: «сѣдлая пора».

— Сѣд-лай! раздается минуты двѣ спустя...

Но это уже не голосъ... это какой-то страшный, звучный ревъ...

— Отсе-жь равкнувъ! шепчутъ солдаты между собою, чуть не присѣвши на первыхъ порахъ на землю съ испугу, несмотря на то, что давно бы нѣра было привыкнуть къ голосу Марка Микитича...

Даже Змѣевъ слегка вздрагиваетъ въ это мгновеніе.

Лошади посѣдланы, и Сокола въ полной боевой амуниціи снова уже торчитъ на серединѣ улицы, въ ожиданіи приказанія трубить сборъ, и по временамъ прикладывая къ губамъ свою памятную, старую сигнальную трубу, пробуя амбушюрь.

Змѣевъ выпилъ стаканъ два мутнаго, соленаго чаю, одѣлся въ походную форму и судорожно затягивается трубкою, между тѣмъ какъ Хома, уложивъ въ бричку послѣднія мелкія вещи, ласково прощается съ хозяевами, благодаритъ ихъ за ночлегъ, усаживается на новлы и крестясь съѣзжаетъ со двора... Змѣевъ, подавъ ему на козлы докуренную трубку, тоже выходитъ на улицу.

Въ тоже самое время и изъ другикъ изъ, одинъ за другимъ, выходятъ *востода*. Вотъ ротмистръ Кляковъ, командиръ эскадрона, пожилой мужчина лѣтъ сорока съ хвостикомъ, немножко сѣдой, немножко лысый, не толстый и не тонкій, съ умнымъ, кроткимъ, добродушнымъ лицомъ, которое цѣлый вѣкъ, кажется, хотѣлъ бы видѣть передъ собою, съ сѣрыми, ласковыми глазами, хотя глаза эти давно уже утратили привычный блескъ, потухли навсегда... Должно быть отъ долгихъ стоянокъ по курнымъ избамъ, а можетъ быть и отъ чего другаго... Кто скажетъ, отъ чего вообще армейскій

офицеръ скоро ослѣдствъ?... И идетъ Клыковъ—то немного сторбнѣ- шисъ, и правая нога его выдѣлываетъ какія-то штуки, точь-въ-точь, какъ это бываетъ у лошадей со шпатою.

Вотъ штабъ-ротмистръ Михаилъ Антоновичъ... Этотъ помолже Клыкова, но лѣтъ немногожѣ тоже. На полномъ, широкомъ лицѣ его постоянно отражается какое-то довольство и саминъ собой, и всѣми окружающими его предметами, не говоря о людяхъ. Подъ длинными русскими усами его вѣчно шевелится ласковая, привѣтливая, симпатическая улыбка. Это будущій Артамонъ Сергѣичъ, на котораго онъ очень похожъ даже и Корнусовъ: видъ у него пренепотѣнный и спереди и сзади; у него такой же двухърусский подбородокъ, такая же мотучая шѣя и вѣроятно не одно офицерское поколѣнiе въ полку сдѣлались передъ его глазами. Онъ дилеттантъ службы; вакансiи не рассчитываетъ, и въ этомъ случаѣ можетъ быть онъ единственное исключенiе изъ сонна штабъ-ротмистровъ. На эскадронъ онъ зубъ не точитъ, а служитъ единственно потому, что привыкъ къ товарищескому кружку, безъ котораго существовать не можетъ, служить онъ будетъ—вѣчно, и это несомнѣнно.

Вотъ Хаджи Эдикомичъ, маленькiй, приземистый, широкоплечiй, курчавый чрыцдаръ безъ страха и упрека, кабардинское сѣмя, взросшее на русской военной почвѣ, нашедшее въ полку вторую родину, семейство; существо привязанное, преданное родному полку безгранично, беззаветно, готовое за каждаго товарища, за каждаго солдата позволить раснять себя на крестѣ, двадцать разъ въ сутки стать на барьеръ, поднять баранту противъ цѣлаго мира, защитить слабого, вести войну противъ сильнаго... Вотъ наконецъ Веніаминъ эскадрона—корнетъ Куксъ, съ своимъ стеклышкомъ въ глазу, съ вѣчно злою бородою, съ меланхолией на лицѣ.

Однимъ словомъ—вотъ эта маленькая эскадронная община, которая живетъ душа въ душу, выветъ ветъ, выветъ пить, выветъ дѣлать радости и горе, если только могутъ быть у армейскаго офицера или каибудь особыя радости, выветъ до полуночи бесѣдовать на завалинкѣ деревенской избѣ вслѣдъ вечеръ... И однажды вѣсное утро, сходясь по срединѣ улицы, встрѣчаютъ другъ-друга они съ такими радостными, что, право, вдумать можно, что они не видались лѣтъ десять по крайней мѣрѣ... О, мамля!

Но баррикадиста: что именно, такъ кружно, такъ тѣсно связываетъ людей въ военномъ быту?...

Трубить между тѣмъ уже протрубили сборъ и эскадронъ вырванъ на шумайкъ на деревню. Клыковъ здоровается съ эскадронкомъ...

— Хорошо ли, ребята, было стоять? спрашиваетъ онъ.

Чудеса, ваше благородіе! Содома, могола, отъязаютъ всѣ
прѣди въ одинъ годъ!»

— А кормили мужики хорошо?

Но да, это дѣло, вопросъ, большею частью солдаты, отъязаютъ каждаго
та, сосредоточеннымъ молчаніемъ, и только въ некоторые, больше дѣл
щительные отъязаютъ;

— Плоховато, ваше благородіе! Только одну картошку давали...

Лицо Клыкова какъ-то болѣзненно, судорожно передерсидаетъ,
справа правый усъ его морщится.

— Справа по шести маршъ! командуешь онъ, круто поворачивая
коня, и нетерпѣливо толкая его шею впередъ...

— Вахмистръ, говоритъ онъ затѣмъ вполголоса, подыывая къ се-
бѣ Марка Микитича:—прикажи всакій разъ, какъ будутъ квартиры,
цехи, цокупать для людей говядину.

— Должъ-съ въ расчетъ не приметъ! басытъ тотъ, тоже слегка
впиваясь глазами въ Клыкова.

— Да и не надобно... Изъ моихъ денегъ вели покупать.

— Слушаю-съ!...

И Марко Микитичъ осаживаетъ на ходу назадъ:

«Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, да святится имя твоѣ!» между
тѣмъ тихо, едва слышно начинаютъ пѣснники, какъ будто бы про
себя...

— Громче, ребята, громче! ободрительно произноситъ Марко Ми-
китичъ, дирижируя рукою:—подхватывай, ребята за мной:

«Да придетъ царствіе твоѣ,

«Да будетъ воля твоѣ!»

Дружно, съ благоговѣніемъ хоръ принимаетъ слова святой, дн-
ной пѣсни, и густой, могучій басъ Марко Микитича, какъ-то осо-
бенно торжественно звучитъ въ воздухѣ; между тѣмъ, какъ солда-
ты въ рядахъ, набожно осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ.

Проникъ: *Единородный Сыне! Вспру!* — «А ну-те-но, ребята,
хорувимскую!» отъязается Зыбень, осаживая лошадь и помѣщаясь
самъ въ рядъ пѣснниковъ.

Солдате между тѣмъ поднялось, высоко и эскадронъ съ проселоч-
ной дороги выходитъ на почтовый трактъ, который въ это время
оживленъ сверхъ обыкновенія. По дорогѣ тянется полковая обозъ,
эскадронные фургоны, офицерскія повозки, обывательскія повозки
съ казенными вещами... По сторонамъ дороги склываютъ разные
лицности, принадлежащія къ полку; но которыми явлено всѣ по-
ходы совершать по образу пѣшаго хожденія, какъ-то: писаря, мас-
теровые... Дань безвѣтряный; цѣль всѣмъ прообраствомъ, по доро-

гь впередъ и назадъ, которое только можно окинуть взглядомъ, стоять столбы густой пыли... Сзади въ верстахъ, или въ двухъ слышны музыка и шумъ.

— А что? будемъ дѣлать привалъ? спрашиваетъ Михайло Антоновичъ у Кдыкова. — Вотъ и корчма впереди! Штаба дождемся.

— Сдѣлаемъ! отвѣчаетъ Кдыковъ.

— Да, да, именно, сдѣлаемъ! Время осеннее... холодноватое. И Михайло Антоновичъ, приложивъ лѣвый пенькель, поднимаетъ ногу свою въ гадюку, чтобы скорѣе добраться до пѣды. Проплють тоже сдѣлать дадимъ.

Подведя эскадронъ въ корчмѣ, Кдыковъ къ величайшему удовольствію и лошадей и солдатъ, командуетъ: *Стой, слъзай! Подтлкнуть подпруги! Оправиться! Ефретора съ котелками!*

При первыхъ словахъ раздается ласковое ржаніе лошадей, при послѣдней командѣ радостной говоръ солдатъ... Что касается до офицеровъ, то они давно уже въ корчмѣ, давно уже выпили водки; Михайло Антоновичъ даже уже повторилъ... «Какъ бы теперь чего нибудь закуси?»

Но что же за закуска можетъ быть въ какой нибудь придорожной корчмѣ?.. Развѣ тарани какая нибудь?

— Давей, давай этой тарани сюда! вскрикиваетъ дрожащею рукой Михайло Антоновичъ.

— Mais c'est affreux! говоритъ баронъ Кузьмъ, дѣлая ужаснѣйшую гримасу, и съ отвращеніемъ, цѣлоса поглядывая въ сторону своей стеклянной, наглополучной тарани... Какъ можно бѣть такіа гадости?

— послужи съ мое, и не такую гадость станешь бѣть... отвѣчаетъ Михайло Антоновичъ, улетаая съ жадностію рыбу... Натяе, братъ, подробуй!

Но вотъ звенятъ колокольчикъ, и слышенъ стукъ колесъ. «Кто сей скраничка? и откуда?» восклицаетъ Михайло Антоновичъ, выходя дѣвая въ окошко... «А! да это Александръ Матвѣичъ! Александръ Матвѣичъ, сюда! сюда! Александръ Матвѣичъ, вожда! вива! вива! сюда!»

— Александръ Матвѣичъ, здравствуйте, здравствуйте! уже не говоритъ, а поетъ Михайло Антоновичъ, на голосъ: «о, мойъ лейберъ августинъ», когда тотъ появляется въ корчмѣ... Александръ Матвѣичъ) никто другой, дакъ, полковой штабъ-лекарь, родемъ петербургскій и имени, совершенно русской закуски человекъ, высочій, низкий, румяный, здоровый, веселый; докторъ старейшій, и въ холерной командѣ соборъ врачъ, несравненный.

— Хотите водки? спрашиваетъ Михайло Антоновичъ.

— Еще бы, развѣ я нехочу?.. А хотите колбасы?..

— А у васъ есть?

— Еще былъ Развѣ и не знаешь!

Скоро подходятъ и штабъ, и другіе эскадроны. Встрѣчи въ походѣ съ товарищами обыкновенно одинъ изъ самыхъ пріятныхъ... Грязная, предорожная корчма на этотъ разъ является самымъ пріятнымъ, самымъ веселымъ мѣстомъ...

— А ну, Середа, заливай! говоритъ Кляквозъ, когда уже и пѣсчинки и эскадроны, подерывая себя водкою, сѣли на лошадей... Середа ловко взявъ бутылку, быстро оплевалъ изъ надъ головою своею кругъ, ткнулъ въ воздухъ вверхъ, махнулъ наотмашъ разъ, швырнулъ другой, и опять вскинулъ изъ вверхъ.

«Ахъ ты сельскій пѣтухъ,
«Деревенскій буянъ,
«Ты почто рано встаешь,
«Голосисто поешь,
«Да мнѣ спать не даешь!

Разрѣшается онъ какою-то отчаянною, невыносимою для слуха охотой.

Воспоминанье о пѣтухѣ заставляетъ Зиѣва очнуться отъ своего забытья, въ которое онъ было совсемъ погрузился... Въ то же самое время Хома всовывается въ дверь и какими-то особенно просительнымъ тономъ произноситъ:

— Ты же лягайте, баринъ, спать, бо и я уже хочу...

— А и въ самомъ дѣлѣ пора! отвѣчаетъ Зиѣвъ, вставая съ кровати и приказывая ее перестать... Да, смотри же, не буди же меня завтра.

Спустя нѣсколько минутъ, онъ уже съ какою-то лгуновскою многозначительною улыбкой завертывается герметически въ свое красное шерстяное одѣяло, и наконецъ засыпаетъ мертвымъ сномъ, убаюканный шумомъ обильнаго дождя, который зачастилъ съ вѣтра самымъ немилосерднымъ образомъ.

III.

Но тѣмъ же уже видно судьба нашего злополучнаго поручика! Спокойно дремлетъ голубое взрѣе среди раскопанныхъ, зелено-каштаныхъ береговъ. Но вотъ налетѣла туча небесная, вѣчная страшица, и буйный вѣтеръ ошаривъ взбороздивъ волны озера, мечетъ раскопанный голубой цѣпъ его.

Среди самаго глубокаго, безмятежнаго сна, Зиѣвъ пробуждается

своиъ вѣрнѣе, старшій Хомю... Звукъ солдатскихъ шпоръ раздается въ сѣняхъ, и Хомя, вывернувъ бѣгу, подаетъ Зибеву какую-то засаленную книгу большого формата и злобщаго вида...

— Что, приказъ, что ли, шъ канцелярїи принесли? спрашиваетъ Зибевъ сердитымъ, недобрымъ голосомъ. — Можно бы и до завтра оставить... Давай сюда!

Но увы! — Это не приказъ. Это неотразимое, какъ сама судьба, не допускающее никакихъ *на*, предписаніе высшего начальства: «по случаю одержимой болѣзни поручика такого-то, бывшаго назначеннымъ съ командою нижнихъ чиновъ, для узнанія правилъ артиллерійской службы въ такую-то батарею, отправиться вмѣстѣ съ такими завтрашній день въпшему благородію».

Ударъ грома при безоблачномъ небѣ, ушатъ холодной воды, вдругъ опрокинутый на спящаго, наконецъ даже лопнувшая чешуя у кивера во время прохожденія церемональныхъ маршей мимо грознаго начальника — не въ состояніи произвести на человека такого потрясающаго впечатлѣнія, какое ощущаетъ бѣдный Зибевъ въ первую минуту... Но

Nec Hercules contra plures!

Прощайте же, сладкія иллюзіи! Прощай, ералашъ! прощайте, вечернія сходки съ дорогими товарищами.

На другой день, собравъ немногосложное свое хозяйство и приказавши Хомѣ отправляться съ вещами, получивши отъ кого слѣдуетъ нужныя бумаги и фуражныя деньги, распрощаясь на скорую руку съ товарищами, злополучный Зибевъ выступаетъ съ командою въ путь... въ какое-то убійственное Окунево, гдѣ принужденъ будетъ прожить цѣлыхъ полгода, совершенно одинъ одинѣхонекъ, въ совершенномъ разобщеніи съ остальнымъ свѣтомъ, то есть съ полкомъ.

Подъ проливнымъ осеннимъ дождемъ онъ, по назначенію свыше, дѣлаетъ сорока-верстный переходъ въ одинъ день и приходитъ въ обѣтованную землю, когда уже падаютъ сумерки. Холодная струя течетъ съ лакированнаго вице-кивера ему за воротникъ... Желудокъ его, безпокойная тварь, громко вопіетъ о пищѣ. Завидѣвъ квартирьеровъ, онъ даетъ шпоры коню своему и скачетъ галопомъ впередъ.

— Гдѣ моя квартира? первый его вопросъ. — Хорошо ли будетъ командѣ стоять?

Но, къ удивленію его, квартирьеры докладываютъ, что большая часть деревни уже занята подобною же командою отъ другаго полка и, конечно, по распоряженію земскаго начальства; что всѣ осталь-

ные крестьянскіе сараи и хлѣбы иди заняты хозяйскими земледѣльческими орудіями, и ихъ хлѣбными запасами, или въ нихъ помѣщается скотъ; что слѣдовательно строевыхъ лошадей почти больше негдѣ, что сверхъ того мужики отказываются продовольствовать солдатъ приваркомъ, потому что сами очень бѣды.

— Сотскаго сюда! вскрикиваетъ озадаченный Змѣевъ.

Ир и сотскій, являясь въ сопровожденіи крестьянъ и кланяясь въ поясъ, рѣшительно объявляетъ те же самое.

— Что хотите, то и роблице! говоритъ онъ на своемъ туземномъ нарѣчій.

— Кормить солдатъ! кричитъ Змѣевъ.

— Не ма чимъ, паночку! отвѣчаетъ сотскій.

Положеніе Змѣева очень затруднительно. Лошади и люди устали, голодны; дождь между тѣмъ не перестаетъ. Вся мѣра, на которую онъ можетъ въ эту минуту рѣшиться, состоитъ въ томъ, что онъ посылаетъ просить офицера другой команды — потѣснить и уступить нѣсколько конюшенъ, а затѣмъ обратясь къ сотскому, рѣшительно объявляетъ ему, что онъ пришелъ сюда съ командою не по своей фантазій, что само земское начальство дало на эту деревню палетъ, что затѣмъ крестьяне должны давать солдатамъ приварокъ непременно, и что ему Змѣеву ни до чего больше дѣла нѣтъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ приказываетъ командѣ слѣзть съ лошадей, искать конюшенъ, а сотскому назначать квартиры.

Между крестьянами послышался глухой ропотъ: «ой, коли жь гэтая зараза марноваць насъ перестане!» говорятъ многіе. Самъ сотскій пробуетъ еще представить свои резоны.

— Ту команду, говоритъ онъ: — что прежде насъ пришла, мы размѣстимъ кое-какъ, а теперь вашихъ солдатъ придется ставить по такимъ мужикамъ, что сами едва могутъ прокормиться.

Бабы, услышавши, въ чемъ дѣло, тоже выбѣгаютъ изъ своихъ хатъ, и начинаютъ голосить и причитывать словно на похоронахъ, то складывая руки ладонями вмѣстѣ, то разнимая ихъ. — «Ай доля жь моя горькая! Ничегусенька у насъ не машика!» воютъ онѣ на распѣвъ и растягивая послѣдніе слоги... «А тутотка москали прійшли! А что мы будемъ роблицы! А це ма у насъ ни вартошки, ни бураки-и-вы!»

Дѣти выскакиваютъ изъ хатъ вслѣдъ за матерями въ однѣхъ рубашонкахъ и тоже принимаются реветъ въ свою очередь.

Крики эти производятъ на Змѣева впечатлѣніе самаго раздражающаго свойства. Бѣдные солдаты, уставшіе, проголодавшіеся, тоже опускаютъ носы. Не только на этотъ день они должны оставаться при одномъ сухомъ хлѣбѣ, но и въ будущемъ предстоить имъ пе-

чаянная перспектива голодать дѣлуетъ зиму. Доброму поручику становится жалъ и бѣдныхъ мужиковъ и бѣдныхъ солдатъ, но что онъ можетъ сдѣлать? Вовсе не рассчитывая на возвратъ изъ казны, онъ дастъ изъ собственныхъ денегъ, на команду, нѣсколько рублей, съ тѣмъ, чтобы люди по крайней мѣрѣ могли купить себѣ водки и что нибудь изъ съѣстнаго, если бы нашли въ деревенской корчмѣ.

Между тѣмъ сетованій, послѣ шестиннаго совѣщанія съ мужиками, дѣлаетъ ему предложеніе такого рода, что въ трехъ верстахъ отъ Окунева есть еще деревушка Грузино, принадлежащая помѣщицѣ. какой-то вдовѣ Качинской, не занятая постоемъ; что мужички въ ней защиточны, и что поэтому нельзя ли хоть часть людей отправить туда.

«А! и въ самомъ дѣлѣ, чего же лучше?» думаетъ Змѣевъ, хватаясь за эту мысль. Деревня не далеко, и солдаты и лошади найдутъ по крайней мѣрѣ пристанище, а первые, сверхъ того, могутъ быть, еще и поѣдать.

Сказано — сдѣлано. Отправивъ половину команды по указанію естеслага въ Грузино и разбѣстивъ нос-какъ другую въ Окушевѣ, усталый и прозябшій, но нѣсколько успокоенный поручикъ устремляется въ отведенную ему избу. Тамъ выпивъ наскоро стакана два чаю и закусивъ, чѣмъ Богъ послалъ, онъ спѣшитъ улечься спать, чтобы вознаграждать себя за тревогу прошлой ночи... Конечно, мечты его теперь не такъ радужны... Онъ знаетъ, что въ новомъ положеніи своемъ, въ качествѣ самостоятельнаго начальника, отца и командира команды своей, онъ будетъ имѣть въ продолженіе зимы и занятія, и хлопоты; но впрочемъ и то сказать: не такъ страшень чортъ, какъ его рисуютъ...

«А вѣдь вотъ въ Грузинѣ и помѣщица есть, и къ тому же вдова!» думаетъ онъ между прочимъ. «Можетъ быть мнѣ еще и не такъ дурно будетъ здѣсь... Коли молода, то и приударить можно... благо, мѣшать некому. А то вѣдь у насъ такъ: гдѣ одинъ, тамъ и всѣ, только портятъ другъ-другу». И воображеніе его увлекается ловеласовскими замашками; вскорѣ потомъ, однако же, онъ засыпаетъ самымъ неистовымъ образомъ.

— Ваше благородіе! ваше благородіе!

— Убирайся къ чорту! Приказанья никакого! До завтра! вскрикиваетъ внезапно пробужденный поручикъ, на минуту открывая глаза и увидѣвъ предъ собою своего вахмистра.

— Да, ваше благородіе, отвѣчаетъ вахмистръ: — изъ той деревни прибѣжалъ Афонинъ, сказывается, что мужики солдатъ въ хаты не пуцаютъ.

— Какъ такъ!? опять вскрикиваетъ Зиѣвъ, почти инстинктивно вскакивая съ кровати и дико съ просонья верочая глазами. Воображенію его въ одну секунду представляется вся картина: — какъ несчастные, усталые солдаты, въ темнотѣ ночи и шолъ дождя, въ холодную пору, еще до снѣгъ поръ остаются безъ приюта... «Какъ такъ?! Отчего?!»

— Да не могли знать. — Говорятъ, помѣщица не пришла, и хаты всѣ позапирали, а которые изъ солдатъ успѣли было въ хаты войти, такъ хозяева вожь выгоняютъ, гвалтъ поднимаютъ.

— Вожь вздоръ какой! вскрикиваетъ уже въ бѣшенствѣ Зиѣвъ. — Что жь, на дворѣ, что ли, людямъ пропадать? Если насильно хаты занимать!

— Помилуйте, ваше благородіе, какъ можно! И такъ амиушцію и вещи мужики въ грѣвъ повыходили, да на цѣлую деревню голосятъ, что солдаты разбой дѣлаютъ... отвѣчать будемъ!

Дѣло принимаетъ страшно непріятный характеръ...

— Вѣрно солдаты сами затѣлили буйство, говоритъ поручикъ, и тутъ же думаетъ про себя: «чего добраго, пожалуй, съ голодухи-то станется. У меня жь въ командѣ вѣрно архаровцы собраны, кто ихъ знаетъ?» — А подай-ко сюда Афонина.

— Что тамъ такое? что за исторія? вопрошаетъ онъ Афонина, когда тотъ является передъ нимъ, затыхавшись, едва переводя духъ и облитый потомъ.

— Не могли знать! Помѣщица не велѣла мужикамъ пущать солдатъ, а мы, говорятъ, должны пани своей слушать.

— Отчего жь ты самъ къ ней не сходилъ?

— Ходилъ, ваше благородіе, ходилъ... да на силу, ваше благородіе, ноги-то унесъ. Я, говоритъ, связать тебя велю, какъ, говоритъ, ты снѣлъ въ мой домъ придти?... Разбойники вы, говоритъ, всѣ... и постоя у меня, говоритъ, не слѣдуетъ... Палетъ покажи, говоритъ.

Увы! — слишкомъ поздно сознаетъ поручикъ, что онъ поступилъ не совсѣмъ осмотрительно, потому что палета на Грулино у него дѣйствительно нѣтъ, и М-ше Качинская отчасти права.

— Гдѣ же люди? спрашиваетъ онъ.

— Да все еще на дворѣ... Совсѣмъ изморились.

Бѣдный Зиѣвъ совершенно не знаетъ, на что рѣшиться. Взять сейчасъ же въ Грулино и объясниться лично съ задорной помѣщицей — дико, поздно; велѣтъ командѣ возвратиться назадъ — тоже не имѣетъ смысла, потому что когда она придетъ назадъ въ Омучево, будетъ уже, что называется, бѣлый день.

— Поѣзжай, Афонинъ, назадъ, говоритъ онъ наконецъ. — Ужь эту-то ночь переночуйте какъ шбудъ.

— Слушаю-съ.

— Поинимашь меня?

— Поинимаю, ваше благородіе.

— Завтра утромъ я самъ туда прїѣду. — Да ты на своей лошади?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, я пѣшки.

— Отчего же пѣшки? Отчего не верхомъ?

— Да коня, ваше благородіе, жаль стало.

Несмотря на усталость, Вивревъ заснуть болѣе уже не можеть. Щемить ему сердце положеніе солдатъ, бѣснотъ поведеніе мужиковъ и самой помѣщицы, ея жестокосердіе... А онъ еще прїудерить за нею хотѣлъ. Тревожитъ его опасеніе, не надѣлали ли сами солдаты какого нибудь буйства...

«Да и я тоже хорошъ!» думаетъ онъ между прочимъ. — «Нечего сказать, славно распорядился! Помѣститесь какъ нибудь. Какъ же это, какъ нибудь-то?»

Рано утромъ, на другой день, онъ уже въ Грудинѣ. Кавалерійское сердце его сжимается въ горошину при видѣ бѣдныхъ лошадокъ, стоящихъ у плетня по колѣни въ грязи. Перепачканные отъ маковки до пятъ, вродрогніе отъ стужи, перемокшіе до костей солдаты бивуакируютъ тутъ же.

Составивъ умозрительно кодексъ убѣжденій, которыми намѣренъ дѣйствовать на строптивый, повидимому, нравъ обладательницы Грудина и вполне полагааясь на свое не разъ испытанное, свѣтское, вполне галантерейное обращеніе съ дамами, онъ отправляется въ ея резиденцію. Звяканье сабли его, въ то время, когда онъ проходитъ по двору, и которую онъ надѣлъ для вѣншаго эффекта, для того, чтобы визитъ его имѣлъ приличный характеръ, — производитъ въ домѣ неописанное волненіе.

Но что сказать о самой встрѣчѣ? Едва ли Лукреція встрѣчала нѣкогда Тарквинія такимъ изступленнымъ образомъ.

Не успѣвъ пристукнуть шпорами съ ловкостію военнаго человека, какъ это подобаеть всякому благовоспитанному кавалеристу, не успѣвши даже рассмотретьъ лица своей Лукреціи, бѣдный герой нашъ уже осыпанъ градомъ и упрековъ, и проклатій, и угрозъ... Всѣ прекрасныя, сладкія рѣчи его, заготовленныя имъ для встрѣчи, остаются безъ употребленія... Атакванный грозною вдовою, онъ уже самъ готовъ вспыхнуть, какъ порохъ, но... Змѣевъ прежде всего — рыцарь...

— Позвольте! успокойтесь! я вамъ сейчасъ объясню! началъ было онъ сколь возможно ровнымъ голосомъ, ухрищряясь придать

галантерейное выражение лицу своему и сконфуженный тактъ ужъ черезъ-чуръ не галантерейнымъ пріемомъ; но героиня, кажется, только и ждала того момента, чтобы онъ открылъ ротъ.

— Какъ?! какъ! вскрикиваетъ она всплеснувъ руками и испуская пронзительный вопль. — Миѣ? миѣ говорить дерзаетъ? въ моемъ домѣ? меня оскорбляетъ?! О! я буду жаловаться!

Разбитый, уничтоженный картечью неистовыхъ криковъ, Змѣевъ... сказать ли?... постыдно ретируется, преслѣдуемый должною компаныхъ собаченокъ и утративъ весь гусарскій авантажъ.

Во избѣжаніе всякихъ кляузъ, онъ тотчасъ же выводитъ команду вавадъ въ Окуяво, гдѣ добрые крестьяне кое-какъ соглашаются давать солдатамъ приварокъ до тѣхъ поръ, пока онъ не испроситъ у начальства разрѣшенія кормить ихъ изъ котла.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого скандальнаго происшествія, Змѣевъ уже почти успокоившійся, благодаря своему характеру, отъ переживуемыхъ на прошедшей недѣлѣ волненій, сидя въ своей избенкѣ, внезапно изумленъ появленіемъ передъ своею особою нарочно присланнаго изъ штаба почтоваго фурштата, съ конвертомъ самаго зловѣщаго вида, съ надписью о самонужнѣйшемъ, съ кусочками пера, прилѣпленными сургучемъ. Дрожащими руками Змѣевъ распечатываетъ конвертъ и едва вѣрять глазамъ своимъ. Приставъ того стана, въ которомъ находится деревушка г-жи Качинской, относится къ полковому командиру съ просьбою, чтобы отъ героя нашего потребовано было объясненіе: «на какомъ основаніи онъ осмѣлился занимать деревню Грудино, не имѣя на нее палета, тогда какъ самовольное занятіе деревни, по силѣ такихъ-то и такихъ-то статей, есть уголовное преступленіе?»

Исполнивскій вопросительный знакъ, стоящій въ концѣ этого грознаго вопроса, показался въ эту минуту бѣдному Змѣеву чудовищемъ, готовымъ пожрать его. «О нанесеніи же вышерѣченнымъ поручикомъ Змѣевымъ госпожѣ Качинской», говорилось даже въ отзывѣ становаго: «личныхъ глубокихъ оскорбленій въ ея собственномъ домѣ, куда онъ (якобы) ворвался съ авартомъ, вооруженный, съ солдатами, ею особо подано, куда слѣдуетъ, прошеніе».

При изложеніи плачевнаго факта сего, необходимо замѣтить, что вышерѣченный Змѣевъ есть единственнѣйшій въ мірѣ трусъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается до его служебной репутаціи, до его добраго имени вообще...

— Вотъ тебѣ и разъ! Въ два уголовныхъ дѣла попалъ разомъ! Что тутъ дѣлать? Боже! какая отвратительная кляуза! залепетала

онъ бѣдный, схватывая себя руками за голову и чувствуя, какъ кровь приливаетъ у него къ ногамъ... Онъ давно знаетъ, что въ подобныхъ случаяхъ, особенно въ послѣдствѣ, если къ тому же еще замѣшается въ дѣло гражданское начальство, — офицеръ безъ апелляціи признается виновнымъ, какъ бы онъ вправъ ни былъ, потому что искони существуетъ убѣжденіе, что военный народъ по преимуществу народъ буйный, дерзкій... А одна мысль о клеузѣ, о сѣдствіи, о вопрошенныхъ пунитахъ леденитъ кровь въ жилахъ его... Что скажетъ о немъ начальство, или, что всего важнѣе, что скажутъ товарищи?

Къ осморбленной вдовѣ вѣхать на вторичное объясненіе онъ уже не рѣшается, а впопыхахъ скачетъ въ штабъ полка...

— А что? накуралесилъ? спрашиваетъ его съ улыбкою и прищуривая лѣвый глазъ, добрыйшій Артамонъ Сергѣичъ, къ которому онъ врывается за помощью, за совѣтомъ...

— Да какое накуралесилъ! Дѣло было такъ и такъ, возражаетъ, чуть не плача, Змѣевъ.

— Ахъ, кан-нальи! Сѣчь ихъ надо! рѣшаетъ добрыйшій Артамонъ Сергѣичъ, выслушавъ весь ходъ дѣла...

Другіе, и, конечно, весьма благоразумно, совѣтуютъ замѣть дѣло, войдя въ мировую сдѣлку какими-бы то ни было образомъ, если только онъ не жаждетъ уронить себя въ глазахъ начальства и подвергнуться взысканію...

Но кого же избрать въ посредники мира?..

Змѣевъ рѣшается вѣхать къ становому.

Понимая, что нѣкоторымъ образомъ Змѣевъ попался къ нему въ когти, достойный господинъ этотъ долго играетъ съ субъектомъ своимъ, какъ кошка съ мышью... Онъ въ такихъ ужасныхъ краскахъ представляетъ ему всѣ, могущія произойти отъ самовольнаго занятія имъ деревни, послѣдствія, такъ пугаетъ его тѣмъ, что можетъ выйти изъ его исторіи съ вдовою, что спасая свою служебную репутацію, и чувствуя трепетъ при одной мысли попасть подъ сѣдствіе, — Змѣевъ рѣшается на все...

Конецъ концовъ, при содѣйствіи становаго (онъ же писалъ и просьбу Качинской на Змѣева) миръ, то есть, ему вручена для удовлетворенія претензіи нѣкоторая сумма, и черезъ его же руки получена отъ вдовы росписка въ томъ, что болѣе уже претензіи она не имѣетъ; самъ становой тоже отказывается отъ преслѣдованія законнымъ порядкомъ уголовного преступленія, то есть самовольнаго занятія Змѣевымъ деревни подъ постой, въ то время, когда вѣтренные его попеченію солдаты, усталые, голодные, въ глухую ночную пору должны были пропадать на открытомъ воздухѣ, мок-

нуть на дождѣ, довольствоваться кускомъ сухаго хлѣба... Становой приставъ оказывается на этотъ разъ властелиномъ судьбы Зиѣва, его протекторомъ, благодѣтелемъ...

Предоставляется всякому судить о той степени униженія, которое испытывается гордый своимъ званіемъ поручикъ послѣ всей этой передраги!

Многіе изъ добрыхъ товарищей Зиѣва, оскорбленные всей этой исторіей не менѣе его самого, въ порывѣ усердія, кланутся отомстить, но чрезъ нѣкоторое время успокоиваются, особенно когда Зиѣвъ, какъ-то вечеромъ, будучи въ хорошемъ расположеніи духа, при многочисленной волковой публикѣ подробно рассказываетъ весь ходъ этой драмы, и съ такимъ комизмомъ, котораго передать вѣтъ возможности.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, когда Зиѣвъ уже окончательно возвращается въ полкъ, одинъ изъ помѣщиковъ сосѣдняго уѣзда, познакомивъ съ Зиѣвымъ на короткую ногу, спрашиваетъ его, между прочимъ:

— Скажите пожалуйста, кто это изъ вашихъ офицеровъ стоялъ эту зиму въ Окуневѣ?

— А что? спрашиваетъ этотъ въ свою очередь.

— Да у насъ въ уѣздѣ рассказываютъ, что надѣлалъ тамъ какихъ-то авантюръ. Разбилъ домъ у помѣщицы, напалъ съ солдатами, такъ что бѣдная женщина чуть не умерла со страху... Вѣдь одакой бѣдовый народъ вы, господа военные!

А. ФАТЪЕВЪ.

ЧЕТЫРЕ МѢСЯЦА ВЪ БЕЙРУТЪ.

Въ полдень мы прѣѣхали въ Яффу, сдѣлавъ путь изъ Иерусалима туда въ одинъ сутки. Море было тихо, покойно, какъ зеркало. И какъ оно было дивно-величественно послѣ голыхъ, каменныхъ пустынь Палестины! Какъ оно было грозно и въ своемъ, кажется, невозмутимомъ спокойствіи! Отдаленный гулъ, доступный только привычному и самому напряженному слуху, дѣлалъ изъ него страшное чудовище, готовое ежеминутно подняться и поглотить того, кто дерзнетъ доврѣться его тишинѣ.

Еще день, и я дѣйствительно на морѣ; но только море было не вчерашнее. Бурно оно кипѣло сегодня. Такъ пріятно вчера я носился по его гладкимъ глыбамъ, а сегодня оно такъ немобезно, такъ сердито, что дрожь пробѣгаетъ по тѣлу, когда съ парохода не совсѣмъ привычный глазъ оглядываетъ его бурную, надутую фантасію. Точно страшно гододный звѣрь оно сердито, рычитъ при видѣ своей добычи, которою не можетъ завладѣть. Ревъ его валовъ наводитъ паническій страхъ на непривычную душу; но невольно его слушаешь!... Морозъ и дрожь по кожѣ, но не хочется оставить его!... Съ какимъ-то упоеніемъ смотрю и слѣжу за этою могучею, свободою, полною силы, нѣжною жизнью природы.

Давно уже скрылась съ глазъ нашихъ Яффа; только бурное море и покойное небо представлялось нашему глазу, которому, правда, не наскучило еще это однообразіе послѣ мертвой, пустынной Палестины. Тамъ взоръ челоуѣка замыкается среди высокихъ горъ, и на что обратить пытлиное вниманіе далекій пришлецъ?—развѣ на ящеръ-рицъ, которыя здѣсь во множествѣ, какъ нигдѣ я не видалъ, бѣ-

гаютъ по камнямъ? Только онѣ оживляютъ эту мертвую, окаменѣ-
лую природу, вѣкогда богатѣйшую въ мірѣ! — Но этотъ безжиз-
ненный трупъ былъ богатъ жизнью, но эта уродливая красавица
славна своимъ былымъ! Каждый камень какъ будто шепчетъ тебѣ
что-то, напѣваетъ изъ стараго. Но наскучить это, и тѣмъ болѣе, что
воспоминаются на самомъ мѣстѣ событій, едва ли самыя событія,
а скорѣе лекціи семинарскія, которыя вообще въ лучшія мину-
ты довольно непріятно заявляли о себѣ моею памяти. Но то ли дѣло
здѣсь, на морѣ! Тутъ вѣсть свобода!...

Давно уже Яффы было не видно, а я все еще стоялъ у бор-
та парохода. Правда, не у того борта я стоялъ, который былъ на
сторонѣ къ Яффѣ, — я сѣлъ на морѣ и мечталъ ослѣпо, но нео-
предѣленно, мутно мечталъ; — и только подошедшая ко мнѣ Mlle
NN вывела меня изъ волшебной мечты. «М-сье Южаковъ! Бу-
детъ вамъ мечтать! уже Кайфу видно. Прощайте. Надѣюсь еще
увидѣться съ вами», сказала она мнѣ, протянувъ руку. Эта дѣ-
вушка удивила всѣхъ въ Иерусалимѣ своею отважностію, предприим-
чивостію: она одна себя путешествовала по всей почтѣ Европѣ,
и оттуда пробралась въ Азію; въ Палестину тоже одна: Теперь
мы ее видимъ на пути въ Назаретъ, и тоже одну. «Какъ же вы
изъ Кайфы отправитесь?» спросилъ я ее. — «Очень просто, на ло-
шади.» — «Одна?» — «О, нѣтъ! говорятъ, оттуда завтра пойдетъ като-
лическій караванъ въ Назаретъ». — «А если это не правда, тогда
накъ?» — Тогда? посмотрю, и одна можетъ быть поѣду. Найму прово-
жатаго. Здѣсь очень многіе говорятъ по итальянски — не погибну».

Дружески пожали мы другъ-другу руки. — Долго потомъ смот-
рѣлъ я въ слѣдъ ей, пока она не скрылась на баркасѣ, когда пере-
ходъ бросилъ якорь противъ Кайфы. Она заинтересовала меня
своею рыцарскою предприимчивостію; и мнѣ хотѣлось тогда узнать,
что у нея за цѣль, такая высокая, когда она требуетъ такой силь-
ной жертвы, и гдѣ она набралась такой храбрости? Что застав-
ляетъ ее рисковать собой? Можетъ быть отъ сильной набожно-
сти она рыцарствуетъ? Но не это же вывело ее изъ теплаго уголка
въ Месивѣ! — да не набожности въ Европу и не ѣздить! Можетъ
быть глубокая и высокая ея набожность есть результатъ путеше-
ствія по Европѣ?!... «Все можетъ быть, чего и не можетъ быть»,
говорить наша народная пословица.

На другой день рано утромъ показался изъ-за небосклона сѣдой
Ливанъ, сталъ выдвигаться впередъ и наконецъ предсталъ предъ
нами во всемъ его величіи, или, лучше, мы предстали предъ него съ
смирненнымъ почтеніемъ его заслуженному вѣками достоинству.
Подъ ногами его чрезвычайно живописно раскинутъ Бейрутъ. Я

видѣлъ и прежде Бейрутъ, и два раза, но тогда онъ почему-то не обратилъ на себя особеннаго моего вниманія, — вѣроятно потому, что тогда была буря и дождь. Но теперь... предъ этой картиной нѣмѣешь. Такъ живописна его мѣстность, что смотришь и не можешь насмотрѣться. Никакая яркая фантазія художника ничего подобнаго не начертитъ себѣ. Бейрутъ расположенъ какъ бы на полуостровѣ. Полуостровъ имѣетъ видъ холма, величинаго будетъ около 5-ти верстъ длины и 3-ья ширины. На этомъ-то пространствѣ раскинутъ Бейрутъ, и каждый домъ лезитъ въ садъ. Ночь нѣмѣ въ отдаленіи величественно возвышается Ливанъ, охватывая его почти съ трехъ сторонъ. Подъ ногами Бейрута море, тихое и прозрачное. Теперь уже июль, но морской воздухъ сохранилъ еще зелень на землѣ.

Я переѣхалъ съ парохода на берегъ. Пришелъ; хоть и очаровалъ меня видъ Бейрута, но не твердою ногою вступилъ въ него. — Мое очарованіе имѣло бы только до моего самого. Слырнувшись въ евердцѣ я оставилъ русскій пароходъ, плѣв-находилъ еще себѣ свое, родное, знакомое. Съ тяжелой душою я вышелъ на берегъ... Мар-вымъ моимъ дѣломъ было — представиться генеральному русскому консулу, къ которому имѣлъ я письмо. Взять номеръ въ гостиницѣ было для меня тогда довольно рискованно, не по опасности, которую, правда, здѣсь легко предполагать чужестранцу, но по недостатку финансовъ. Мое путешествіе по Турціи почти выверотило мой карманъ. Поэтому, кромѣ представленія себя, я имѣлъ просить консула дать мнѣ квартиру въ консульскомъ домѣ, въ которомъ помѣщеніе порядочное. Г. консулъ принималъ меня такъ, какъ я и ожидалъ; конечно, не потому ожидалъ, чтобы я зналъ его, имъ хотя бы слышалъ что нибудь объ немъ: нѣтъ, онъ еще лицо здѣсь новое; а по какому-то предубѣжденію къ русскимъ чиновникамъ. Но уже тѣмъ однимъ онъ безконечно обязалъ меня (т. е. потому обязалъ, что онъ могъ бы этого и не сдѣлать), что далъ мнѣ писца изъ своей канцеляріи помочь мнѣ найти себѣ квартиру. Писецъ былъ арабъ, но хорошо говорилъ по-французски, слѣдовательно онъ былъ нѣ и драгоманомъ; онъ же помогъ мнѣ и вещи перенести съ парохода. Однако въ таможенѣ мнѣ пришлось дать бакшишъ какому-то, тоже, вѣроятно, чиновнику ея... виноватъ! это ужъ по-русски, — просто, служащему: въ Турціи чиновнаго міра не существуетъ.

«Гдѣ я? Зачѣмъ?», сказалъ я себѣ, когда остался одинъ среди разбросаннаго своего багажа въ чистенькой комнатѣ одного небогатаго араба. На пути сюда я еще не вишалъ, не спрашивалъ себя куда я ѣду? зачѣмъ? Теперь мнѣ страшно было отвѣчать самому себѣ на эти вопросы. Быть одному среди арабовъ! но главное — зачѣмъ?

Арабы православные въ Бейрутѣ, Дамаскѣ и даже на Ливанѣ просили преосвященнаго Кирилла, — и кажется, «формально, сколько я помню, — открыть русскую школу, дать русскаго учителя. Они этиги не ограничивались, они шли далѣе: они просили и русскаго священника, но — это меня не касается. Кирилла предложить мнѣ этого трудъ. Тогда я видѣлъ въ этомъ службу человѣчеству и съ жаромъ изъявляя своею готовность слушать на пользу арабовъ. Но теперь съ недоумѣніемъ я спрашивалъ себя: «Гдѣ я? зачѣмъ?» Первое — очевидно: не зачѣмъ? Я не зналъ, что сказать. Сколько я ни старался найти свѣтлую, лучшую сторону этого дѣла, за которое ни въ какую не доходилъ только до одного: ничего я не сдѣлаю для арабовъ; мой трудъ пропадетъ, время будетъ для меня потеряно. Для чего арабамъ русскій языкъ? какая польза имъ отъ него? А что они сами просили объ этомъ владѣть, изъ этого видно только ихъ охота заявить свое несомнѣнное расположеніе къ Россіи; а можетъ быть это ихъ искреннее желаніе (чему я вѣрю) ближе познакомиться съ Россіей, которой они горячо преданы, какъ единственной омеръ въ ихъ незавидномъ положеніи, имя которой имѣетъ магическую силу для нихъ; можетъ быть они ищутъ, чѣмъ бы сблизиться съ ней. И кромѣ этого все русское, при такой горячей вѣрѣ въ Россію, не могло имъ не нравиться. Но какъ бы то ни было, а они не обдумали, о чемъ просили. Это былъ наивнѣйшій дѣтскій порывъ.

Я не успѣлъ еще осмотрѣться въ своей комнатѣ, какъ хозяинъ привелъ ко мнѣ гостей: трехъ арабовъ, въ сопровожденіи двухъ арабовъ. Мужчины были одѣты прилично, чистенько. Изъ этого я могъ видѣть, что ни въ предъ собою порядочныхъ (между ними) людей. Но ихъ быстрый, болѣе чѣмъ смѣлый, даже едва не дерзкій взглядъ, черезъ-чуръ безцеремонное обращеніе въ присутствіи посторонняго, котораго они въ первый разъ видятъ, и притомъ чужестранца, совершенно не расположили меня въ ихъ пользу: мнѣ непріятно, даже противно было ихъ присутствіе въ моей комнатѣ. Боже мой, сколько наглаго въ ихъ взорѣ, сколько дерзкаго въ ихъ жестакъ и самой позѣ!...

Сдѣлавъ мнѣ привѣтствіе по-восточному, т. е. поднявъ руку снизу ко лбу, они сѣли на полъ, и указывая то на меня, то на мои вещи, отвратительно заговорили своимъ грубымъ языкомъ, картава охриплой октавой, но такъ, какъ-будто они съ жаромъ спорили, или ссорились между собою.

Такое было первое впечатлѣніе арабовъ на меня. Его я оправдываю теперь тѣмъ, что былъ совершенно незнакомъ съ ними и въ первый разъ былъ съ ними одинъ, глазъ на глазъ. Тѣмъ болѣе

естественно такое впечатлѣніе, что я имѣлъ дѣло съ бедуинами и горькими арабами, которые — совершенные дикари.

Не менѣе удивили меня арабки. Совершенно разбился объ эти личности мой идеалъ восточныхъ женщинъ. Я представлялъ ихъ застѣнчивыми, робкими, рабскими. Этому идеалу была поддержка въ Палестинѣ: тамъ я видѣлъ въ городахъ арабокъ большую частію закрытыхъ, безжолыныхъ, робкихъ, недоступныхъ для незнакомца, дикаромъ. Тамъ я не былъ знакомъ ни съ однимъ арабскимъ домогъ и потому не зналъ ихъ домашней жизни, видѣлъ ихъ только на улицахъ. Но — эти такъ прямо, такъ открыто, свободно смотрѣли на меня, что я даже потуплялъ внизъ, или отводилъ отъ нихъ глаза. Ихъ огненный взглядъ такъ свободенъ, что получаетъ паталій, дерзкій характеръ. Ихъ роскошная грудь была почти открыта до пояса, только покрывалась тонкимъ и рѣдкимъ крепомъ, который развѣ служилъ для приличія, не несколько не покровомъ. Поэтому я даже стѣснялся смотрѣть на нихъ. Онѣ также довольно громко разговаривали и съ мужчинами, и между собой.

Вскорѣ я избавился отъ этихъ докучливыхъ гостей. Но тяжелое, непріятное впечатлѣніе произвели они на меня. Послѣ нихъ я думалъ какъ-то неопредѣленно, слишкомъ мутно, или, лучше сказать, боялся думать. Я стоялъ у окна. Черезъ нѣсколько минутъ я непріятно перешелъ отъ своего положенія къ разсмотрѣнію окружающей мѣстности, и мнѣ стало легче, веселѣе. Я забылъ о моемъ одиночествѣ. Я находился среди великолѣпной, почти назематъ солнца, перспективы. Моя свѣтелка — такъ назвалъ я свою комнату — возвышалась надъ всѣмъ, вблизи окружающимъ. Она была устроена на верху дома — что-то въ родѣ нашего мезонива; но главное ея достоинство было въ томъ, что она имѣла на всѣ четыре стороны по окну, такъ что въ какую бы сторону я ни посмотрѣлъ, мнѣ было открыто огромное прѣдстранство: въ сѣверо-западное окно представлялось мнѣ дивное море съ множествомъ судовъ; въ сѣверо-восточное окно, надъ зеркальною поверхностью моря возвышался грозный сѣверный конецъ Ливана; въ юго-восточное окно серьезно, задумчиво всматривался самъ сѣдой дѣдушка-Ливанъ, всѣмъ своимъ громаднымъ хребтомъ; а въ юго-западное окно покатымъ южный конецъ Ливана безконечно тянулся на юго-западъ, окаймляя свѣтлыя теперь воды моря и какъ-бы вливаясь въ него. Подъ ногами на востокъ кипитъ Вейрутъ. Какъ сладко мнѣ улыбнулась природа и особенно теперь, когда я не ожидалъ ни отъ кого ни симпатіи, ни участія! Какъ будто она сочувствовала мнѣ, такъ ласково смотрѣла на меня, что мнѣ сдѣлалось и легко, и весело. Я вышелъ на террасу. Въ нѣмомъ восторгѣ я любовался природой. Но эта див-

ная природа, этотъ мягкій, вѣжливый, оевѣжающійся, при закатѣ солнца, воздухъ наводитъ какую-то обворожительную задумчивость... Я долго сидѣлъ и мечталъ, между тѣмъ уже темнѣло. Въ этой глухой, мертвой и подутемной тишинѣ какъ бы не чувствуешь себя на своемъ мѣстѣ и носишься гдѣ-то, только не на землѣ.... И только — тутъ и тамъ, съ разныхъ сторонъ раздающіеся. дико-заунывные, паразитально-трагательные мотивы пѣсан одинокаго голоса, прорѣзываютъ эту тищину и отрываютъ отъ заоблачнаго міра. При этой тишинѣ, при этомъ полумракѣ грустно, томно раздаются они и, ужъ не знаю, какъ будто совершенно гармонируютъ этому тайному, тихому говору отдыхающей природы. Невольно слушаешь и вслушиваешься въ ея голосъ мелодическій, дрожишь и замираешь при дико-томныхъ, печальныхъ, порывистыхъ ея переливахъ, — точно съ болью отрываются они отъ сердца. Летѣлъ бы тогда къ нему, взглянулъ бы ему въ лицо, что выражаетъ оно? отражается ли на немъ то, что онъ поетъ?... и если можно раздѣлилъ бы съ нимъ всю горечь его жизни, подарилъ бы его живыми сочувствіями.... Рабство ли его давить, или ему не достаетъ чего-такого; за что, кажется, онъ отдалъ бы полжизни! То страсть, то отчаяніе, то воодушевленіе, но больше сильная, рѣзкая печаль говорить эским переливами голоса, — и долго, долго, почти до полночи, въ этомъ дремлющемъ воздухѣ дрожитъ печальный голосъ араба...

Цѣлую недѣлю я почти только присматривался къ новой моей жизни, только вслушивался въ незнакомые мнѣ звуки голоса. Положительно я ни за что еще не смѣлъ, да и не умѣлъ взяться при тѣхъ средствахъ и правахъ, какія предоставили мнѣ для этого дѣла. Я исключительно занимался только изученіемъ арабскаго языка съ сыномъ хозяина.

На другой день своего пріѣзда являлся я къ консулу. Г. консулъ сказалъ, что онъ и готовъ бы помочь мнѣ въ моемъ дѣлѣ, но не имѣетъ никакой возможности; одно только онъ мнѣ предложилъ: не спѣшить, держать себя осторожно, чтобъ не дать повода къ разнымъ толкамъ иностранцамъ. И за то спасибо, — что же мнѣ было дѣлать? И при оправданіи моемъ изъ Іерусалима, было сказано мнѣ только: «Надѣюсь, что вы оправдаете мое довѣріе къ вамъ» — и больше ничего. Видоватъ! еще прибавили, что будутъ посылать мнѣ по 15 руб. жалованья на каждый мѣсяць.

Съ поникшей головой я вышелъ отъ консула. Не видя никакой возможности даже начать дѣло, я рѣшился только дожидаться русскаго парохода и оставить Бейрутъ другимъ дѣятелямъ по этой части. День былъ чрезвычайно жаркій, какъ и всѣ адѣйшіе дни сентябля до ноября. Атмосфера была до того накалена, если мож-

но такъ сказать, что жгло и въ носу и во рту, — и заелонить носъ и ротъ рукою, какъ бы отъ сильнаго холода, весь въ огнѣ, едва перевода дыханіе, декаль я спасенія въ тѣни, на пути отъ констан домой. Но, нѣтъ! здѣсь не сдѣлать, гдѣ во время самой сильной жары можно найти себѣ прохладу. Здѣсь, наобие зарыться въ землю или скрыться туда, куда бы не проникалъ воздухъ, чтобъ не чувствовать на себѣ его жгучаго давленія со всѣхъ сторонъ. И только у моря, куда я теперь пришелъ, подлѣ каменномъ скалою берега, въ тѣни чувствуешь небольшое освѣженіе отъ моря, едшищеннаѣ отъ пе жирающихъ лучей солнца скалою. Но какъ хорошо въ тѣни на бе регу моря! Немного вѣять прохладой въ этомъ раскаленномъ возду хѣ; чувствуешь, какъ кипитъ кровь въ жилахъ, какъ разливается пламень по тѣлу; но вотъ мало по малу пламень и крова утихаютъ, становится прохладнѣе, находитъ сеобъясннмо пріятная вѣтя, и распаленное воображеніе рисуетъ дивныя обрааы... Но какъ мертва природа въ это время! какал замогильная тишина! никого, ничего и ничто! только безчисленное множество ящерицъ бѣгають по кам нямъ; но въ Бейрутѣ — самая живая, въ полномъ разгумѣ жизнь и дѣятельность: народъ кипитъ на улицахъ....

.. Довольно уже поздно; на закатѣ солнца я воротился домой съ мор я, и послѣ чаю началъ писать письмо преосвященному Кириллу въ Іерусалимѣ, что не имѣлъ никакаѣ возможности оправдать его «до вѣрне».

Такъ я ничего не могъ придумать, какъ вѣяться за свое дѣло.

Въ одинъ день утромъ пошелъ я съ хозяиномъ своимъ въ народ ную школу и пройтись по городу. Въ училищѣ уже занялись, хотя было только шесть часовъ утра.

Училище устроено при церкви въ архіерейскомъ домѣ. Оно зани маетъ двухъэтажный корпусъ. Вверху было высшее отдѣленіе, внизу — низшее. Въ первомъ было три класса: французскій, греческій и араб скій. Во французскомъ классѣ читались еще всеобщая и свѣщенная исторія и географія на французскомъ языкѣ. Въ классѣ арабскомъ читались еще арифметика и законъ Божій. Въ комнатахъ было до вольно чисто. Низшее отдѣленіе состояло изъ 7 классовъ, замкну тыхъ въ небольшихъ, довольно грязныхъ комнатахъ съ парами. Я съ удивленіемъ спросилъ моего хозяина (хозяинъ говорилъ ксѣ какъ, почти столько, сколько и я, по гречаски), чѣму здѣсь учать? — «Арабскому языку», отвѣчалъ онъ. Какъ! во всѣхъ этихъ классахъ учать грамотѣ только?... Я предполагалъ сначала, что здѣсь учать разнымъ предметамъ, но оказалось: сколько учителей, столько и классовъ, и во всѣхъ нихъ учать только грамотѣ; потому всегда не зымѣнно одинъ учитель для каждаго класса. Ученики платятъ своему

учителю по 2 піастра (по 10 к. сер.) въ недѣлю, слѣдовательно въ мѣсяцъ по 8 піастровъ (40 к. с.); если 30 учениковъ, учитель получитъ 240 піастровъ, 12 р. сер. Но только въ одноѣ классѣ оказалось около 30 мальчиковъ, а въ другіяхъ было отъ 40 до 100. Учитель долженъ заниматься за такую плату отъ 6 часовъ утра до 4. Съ 12 до 2 свободное время для закуски.

Лишь только я показалея въ училищѣ, тотчасъ пронеслось по нему, по рекомендаціи моего хозяина: «маллемъ москоббе» русскій учитель. Они слышали обо мнѣ уже раньше. И только что пронеслось по училищу «маллемъ москоббе», какъ я былъ окруженъ всѣхъ сортовъ мальчишками: около меня образовался ужасный хаосъ крику, шуму и голосовъ; но мало по малу утихло это волненіе и большіе изъ мальчиковъ, которые видимо имѣли вліяніе на меньшихъ и чище одѣтые, возстановили порядокъ (*). Тогда тотчасъ же съ увлеченіемъ стали предлагать (на французскомъ языкѣ) себя въ ученики ко мнѣ. Я имъ отвѣчалъ, что готовъ бы съ большимъ удовольствіемъ предложить имъ свои услуги, но не имѣю ни средствъ, ни способовъ для этого. Они опять повторили, что давно и весьма охотно желаютъ учиться русскому языку и что они будутъ платить мнѣ за ученіе, а между тѣмъ я буду съ своей стороны просить русскаго инвератора, наивно спрашивали они меня, — чтобы онъ послалъ денегъ и книгъ на школу. Видя твердую готовность познакомиться съ русскимъ языкомъ, я согласился ихъ учить, но съ тѣмъ, чтобы они на себя взяли хлопоты по классу, потому что моя квартира была около 2½ верствъ отъ центра города.

Весь этотъ, теперь уже порядочный, кружокъ въ одинъ голосъ предлагалъ себя въ ученики ко мнѣ: «У ана, у ана биридъ таалленъ москоббе», и я, и я хочу учиться по русски — слышалось отовсюду. Но я передалъ имъ о своей несостоятельности для такого большаго числа учениковъ, безъ способовъ учить ихъ, и пригошь на первый разъ: тогда старшіе изъ себя выбрали 10 человекъ, а остальнымъ пока отказали. Но чтобы показать, что я не изъ матеріальныхъ выгодъ предлагалъ имъ свои услуги, я отказался отъ платы за ученіе. Пока я съ ними разговаривалъ, одинъ изъ взрослыхъ мальчиковъ, жившій подлѣ церкви, сходилъ домой и возвратился съ благою вѣстію, что его отецъ даетъ одну изъ комнатъ его дома подлѣ русскій классъ. Это произвело едва не фуроръ радости въ окружавшей меня толпѣ мальчиковъ. На другой день, въ 5 часовъ вечера, назначенъ былъ первый урокъ изъ русскаго языка.

(* Только тогда, когда нѣсколько мальчиковъ получили отъ старшихъ по нѣсколько пощечинъ и ударовъ.

Довольный этимъ успѣхомъ, я отправился бродить по Бейруту. Съ моря надобно любоваться городомъ, то есть не столько самымъ городомъ, сколько его дивнымъ, живописнымъ мѣстоположеніемъ, его видомъ. Но не заставитъ онъ любоваться собой, когда будешь въ немъ самомъ, — какъ и всякій другой восточный или, ближе, турецкій городъ. Чувство глубокаго отвращенія возбуждается при видѣ его гадостей и мерзостей внутреннихъ! И такъ мы выходимъ съ вами изъ ограды церковной, въ которой находится училище; но куда мы вышли? Не пугайтесь, это улица. Она большею частію глухо крытая, какъ корридоръ, или, лучше, подземная ми́на: она проведена подъ домами, и только между домами оставлены для свѣта открытыя мѣста (впрочемъ въ Бейрутѣ такихъ улицъ очень немного). Что жъ дѣлать, что темно? зато не жарко, а даже прохладно; этимъ же выкупается и то, что здѣсь такой ѣдкій газовый воздухъ, чтобы дышать которымъ, нужны привычныя органы... Мало того, на это же ввалимъ, что здѣсь не сосѣмъ живописныя и пріятельныя виды: вы увидите и дохлую собаку, и кошку, и крысу, и прочія невеликія, но домашнія или домовыя животныя; вы увидите ихъ распростертыми на землѣ среди улицы, такъ-что если собака лежитъ поперегъ улицы, то приводится перешагивать черезъ нее, потому что улица такъ широка, что ставъ на средину, можно руками достать ея стѣны; къ тому же, подлѣ стѣны много грязи отъ мусору и чуть не навозу. Впрочемъ дохлая собака не даетъ еще такого отвратительнаго виду, какъ другіе предметы и вещи, которыя въ каждомъ почти углу и углубленіи въ стѣнѣ представляются глазу прохожаго.... Но какъ нельзя лучше идетъ сюда русская поговорка: «не плюй въ колодець: не пришлось бы напиться». Знакомый съ востокомъ не избѣгаетъ и не презираетъ такихъ улицъ, потому что часто приводится здѣсь сиѣшнить къ нимъ, чтобы немного постоять въ нихъ во время страшной жары. Однакожь не заглядывайтесь на эти прелести Бейрута! Иначе, можно, вмѣсто улицы, пройти въ какойнибудь дворъ (тоже темный и подъ домомъ, ворота котораго всегда открыты), или, еще хуже, наткнуться на кого, или на чтонибудь, потому что улица ужъ черезчуръ лавируетъ около домовъ. По такой улицѣ мы пройдемъ около 200 сажень. Она приведетъ насъ на самую средину города, гдѣ кипитъ пародъ. И вотъ тутъ представляется перспектива самая разнообразная. Чего мы тутъ не увидимъ! Всевозможные плоды сирійскіе, мелочныя лавки, пекарни, харчевни, кофейни, разныя мастерскія: то шьютъ, то порютъ, то столярня, то слесарня, табачныя, красныя лавки и проч., — все на виду, такъ-что декорація улицы постоянно мѣняется. Тутъ же, среди толпы, хаманы (носильщики), нагруженные

вещамъ, такъ-что его самого едва видно; тутъ и на мулахъ и на ослахъ, возать въ торбахъ (*) камни, воду и разныя тяжеловѣсныя вещи; нерѣдко и цѣлый караванъ на верблюдахъ, проходитъ по этой улицѣ, — тогда уже приводится лавировать между ними и подъ ними, чтобъ идти. Я забылъ предупредить васъ, чтобы вы заткнули основательнѣе свои уши: иначе, этотъ ужасный, провзрительный крикъ арабовъ, аккомпанируемый отвратительнѣйшимъ ревомъ ословъ, оглушить васъ. На первый разъ достаточно будетъ и одного органа нашего зрѣнiя, чтобъ оцѣнить всю внутреннюю прелесть Бейрута. Однакожь любопытно будетъ взглянуть здѣсь на этихъ горячихъ, раздраженныхъ ярою дѣятельностью арабовъ, на этихъ безмолвныхъ, нѣмыхъ, почти недвижныхъ мумiй-арабовъ, которые, какъ привидѣнiя, стоятъ, какъ вкопанныя, на мѣстѣ, или идутъ.... нѣтъ, вѣрнѣе — плывутъ, движутся тихо, ровно, не шевелясь будто; вы не замѣтите ни ея поступи, ни даже ногъ, точно вѣбъ тѣломъ она подается впередъ, или на низенькой тележкѣ кто будто катитъ ее... Но особенно эта кипучая торговля обратитъ на себя ваше вниманiе. Станемъ въ уголокъ, чтобы никому не мѣшать и чтобъ намъ не мѣшали смотрѣть и наблюдать. Впрочемъ это будетъ опасно, потому что въ этой толпѣ и сквозь эту толпу мы не увидимъ и не замѣтимъ ровно ничего, кромѣ этого рѣдкѣшаго разнообразiя толпы, въ которой рядомъ съ порывистоживыми арабами, одѣтыми большею частiю въ желтое платье, движутся неподвижныя, какъ мумiи, арабки въ бѣлыхъ саванахъ. Лучше идти потише, насколько возможно, авось мимоходомъ что нибудь замѣтимъ. Вотъ прежде всего рядъ лавокъ съ сирiйскими плодами: тутъ финики, персики, гранаты, лимоны, апельсины, виноградъ, яблоки и пр. и пр. (**). Это не можетъ намъ не понравиться; но оно не удерживаетъ на себѣ долго нашего вниманiя. За этими лавками — табачная; тутъ самъ хозяинъ и табакъ рѣжетъ, и продаетъ въ то же время. Надъ мелочными лавками и останавливаться нечего: тамъ мелочь. А вотъ пекарня. Тутъ увидите вы выставленный простой хлѣбъ, и пироги слоеные, и пироги съ тѣстомъ. На Востокѣ нѣтъ ни въ одномъ домѣ хлѣбной печи, и потому хлѣбъ печется въ торговыхъ печахъ, устроченныхъ, какъ лавки, на рынкахъ; туда приносятъ жители приготовленное тѣсто, и пла-

(*) Родъ широкой ляжки, на концахъ которой устроены мѣшки. Ляжка кладется на осла или мула такъ, что мѣшки ея висятъ по бокамъ.

(**) Вотъ какая цѣна этихъ плодовъ: финики и персики — 10 к. око (3 фунта), гранаты — на 5 коп. отъ 5 до 8 штукъ, лимоны и апельсины по 3 коп. отъ 4 до 10 штукъ, виноградъ око 10, 5 и даже 2½ копѣйки.

тять за печеніе хлѣба. Но не всѣ печи для хлѣба: другія исключительно для слоеныхъ пироговъ. Это — любимый или, лучше, обыкновенный арабскій дисертъ.

За пекарней увидимъ грязную, даже грязнѣйшую харчевню, гдѣ готовится вѣскольکو жаркихъ и вѣчто въ родѣ соуса; на грязныхъ столахъ руки вѣдятъ и то и другое вѣскольکو человекѣтъ, съ непремѣннымъ присутствіемъ бутылки вина — едва не передъ каждымъ. Потомъ увидимъ и цирюльню; тамъ цирюльникъ, держа за уши турка одною рукою, другою брѣетъ его голову.

И такъ вы видите, какъ хороша перспектива улицы, набитой народомъ и наполненной множествомъ лавочекъ съ разными товарами; но когда мы пройдемъ ее, какъ будто гора съ плечъ свалится, и мы свободно вдохнемъ сирійскій воздухъ уже внѣ города. Но мы устали: вѣдь прошли около $\frac{1}{2}$ версты — не шутка по такой улицѣ и въ жару! Не угодно ли вамъ зайти въ лавочку, гдѣ продаются разные прохладительные напитки? Довольно интересное было обращаетъ вниманіе и привычныхъ къ нему прохожихъ, и возбуждаетъ аппетитъ — выпить стаканъ лимонаду, или чего другаго прохладительнаго. Въ большомъ жестяномъ тазѣ круговоротъ воды, сверху внизъ и снизу вверхъ, вертитъ перпендикулярную палочку, вставленную въ перекрестную пластинку таза; въ верхній конецъ палочки вставлены двѣ маленькія горизонтальныя палочки, на концахъ которыхъ привѣшены маленькіе желѣзные кусочки, которые ударяютъ въ стаканы, висящіе около палочки, и такимъ образомъ производятъ разнотонный звонъ, который тѣмъ скорѣе совершается, чѣмъ скорѣе круговращеніе воды, а слѣдовательно, чѣмъ скорѣе вертится палочка. Подлѣ этой палочки, въ перпендикулярномъ положеніи, стоитъ другая, въ верхній конецъ которой воткнутъ порядочный комъ свѣгу. Итакъ, мы вошли въ эту лавочку. На столѣ стоятъ около 10 зеленыхъ, алыхъ, желтыхъ, малиновыхъ графиновъ съ прохладительными напитками. Въ эту ужасную жару страшная жажда томитъ насъ, мы съ аппетитомъ начинаемъ по небольшому стаканчику пробовать то того, то другаго, и дѣлаемъ довольный видъ. Дѣйствительно, за что ни возьмись — отличная вещь, чего однажы, къ удивленію моему, вы не найдете ни въ Константинополѣ, ни въ Смирнѣ, исключая, конечно, великолѣпныя гостинницы и кафе-рестораны: тамъ все это найдется, но въ восемь разъ дороже здѣшняго, — слѣдовательно, для большинства недоступно. Здѣсь порядочный стаканъ лимонаду или чего другаго стоитъ 10 паричекъ (*); въ

(*) 40 паричекъ въ піастрѣ, а піастръ — 8 копѣекъ.

гостинницахъ же и ресторанахъ такой же точно стаканъ, ничѣмъ не лучше, стоитъ 2 піастра. И въ Бейрутѣ чрезвычайно много такихъ лавочекъ, такъ-что идя по немъ, вы почти постоянно слышите этотъ однообразный звонъ въ стаканы. Сначала я боялся пить эти холодные напитки въ такую страшную жару, когда потъ рѣдко льется изъ каждой поры тѣла; но потомъ, видя, что пьютъ всѣ, несмотря на потъ и жаръ, и самъ началъ. Я удивлялся, что здѣсь, при такой страшной жарѣ, сохраняется снѣгъ, между тѣмъ какъ въ Перми, на моей родинѣ, въ рѣдкомъ погребѣ снѣгъ едва сохраняется до осени. Здѣсь получаютъ его съ вершинъ Ливана, гдѣ зимою бываетъ весьма много снѣгу, между тѣмъ какъ подъ горой, въ долинахъ, множество роскошныхъ и разнообразныхъ цвѣтовъ, зеленеютъ деревья съ нависшими отъ плодовъ вѣтвями и растутъ хлѣбъ.

Теперь вы отдохнули и прохладились; пойдѣмъ на берегъ моря посмотрѣть другую жизнь того же Бейрута. Вы увидите правильную улицу, ведущую на берегъ оттуда, гдѣ мы пили лимонадъ, съ хорошими домами на концѣ ея, у самаго берега. Здѣсь совсѣмъ другая жизнь — болѣе покойная, съ довольнымъ и даже пріятнымъ видомъ. Тутъ вы увидите европейскіе магазины, кафе-рестораны, кондитерскія, между которыми тамъ и сямъ помѣщаются простыя восточныя кофейни и локанды. Здѣсь вы увидите народъ покойный, прогуливающійся съ довольными лицами. Васъ конечно не займетъ европейская ресторація или магазинъ — они почти пусты; но вотъ въ простой арабской кофейнѣ набито народу; посмотримъ туда, что тамъ такое? Вы увидите не больше какъ шалашъ, покрытый полотномъ или лѣсомъ (*). Этотъ шалашъ съ боковъ защищенъ только рѣдкимъ тыномъ или просто перегородкой, только-чтобъ не вошелъ туда оселъ, который одинъ пользуется иногда свободой на Востокѣ прогуляться, куда ему вздумается. Въ кофейнѣ почти всегда, если не 50, то 100 или 150 человекъ. Но здѣсь нѣтъ ни крику, ни гаму, — тишина нарушается только довольно скромнымъ разговоромъ и громкими грубыми распоряженіями хозяина со своей прислугой. Всѣ углублены во что-то и куда-то, и почти неподвижно смотрятъ на море; то ли онъ моремъ любитъ, то ли его восточная фантазія чертитъ ему милые образы, сладко нашептываетъ, мило напѣваетъ ему на ухо... И кажется, самое урчанье наргиле, какъ иногда мурлыканье кошки, не толь-

(*) Есть кофейни и въ домахъ; тамъ кофейня представляетъ собою голую комнату, безъ полу, какъ сарай, съ однимъ очагомъ и низенькими плетеными губуретками.

ко не мѣшаетъ, но будто еще поддерживаетъ это фантастическое настроеніе въ чудномъ заоблачномъ мірѣ... Взгляните вы на ихъ лица! Вотъ вамъ самое тупое, неопредѣленное выраженіе. Этотъ человѣкъ какъ будто ничего не видитъ и не слышитъ, и даже будто не чувствуетъ своей жизни, хотя тоже курить свой наргиле. Какое-то мертвое оупѣніе! но такихъ мало. — Но вотъ у другаго, какое воодушевленное лицо! Какой-то безмолвный восторгъ, сильное наслажденіе, жизнь, сила отпечатлѣваются имъ. А здѣсь тихая и сладкая улыбка, чрезвычайное и нѣжное довольство. А вотъ у этого, какое живое и грозное выраженіе лица—глаза бѣгаютъ, полные огня, силы; какое нетерпѣніе по всѣму тѣлу, судорожное движеніе по лицу! онъ забылъ и курить наргиле, и чубукъ выпалъ изъ рукъ.—Какой страшный, но безмолвный круговоротъ мыслей и чувствъ совершаются въ немъ! Но вотъ зашѣлъ арабъ въ другомъ углу — и всѣ, погруженные въ сладкую думу, со вниманіемъ слушаютъ и вслушиваются въ дикіе, но чрезвычайно печальные, трогательные переливы голоса.

На другой день утромъ, я уже писалъ для своихъ учениковъ уроки. Весь вечеръ думалъ я вчера, какъ мнѣ начать учить по-русски 10 или 15 мальчиковъ съ тремя только книгами, даже безъ азбуки?—По пальцамъ? — Я еще не дошелъ до такого педагогическаго совершенства! Нужно же было какъ-нибудь начать, — и я сталъ копировать буквы съ печатной книги (чтобъ легче было ученикамъ), и 10 экземпляровъ буквъ приготовилъ. Потомъ пошелъ къ консулу передать ему о счастливомъ началѣ. Консулъ высказалъ сочувствіе къ началу моего поприща, съ приличными, конечно, совѣтами. Въ 4 часа я пришелъ въ школу, и оттуда отправился, въ сопровожденіи моихъ учениковъ, въ домъ, любезный хозяинъ котораго предложилъ одну изъ комнатъ подъ русскій классъ. Комната, послужившая теперь для русскаго класса, была очень чистая, порядочно меблированная въ восточномъ вкусѣ, устланная коврами. Мои ученики тотчасъ же обступили меня и ждали приступленія къ дѣлу. Они всѣ хорошо знали французскій языкъ, и потому мнѣ было весьма легко учить ихъ. Мы тотчасъ взяли зарусскія а, б, в. Тогда же начали складывать и цѣлыя слова. Я не ожидалъ такого быстрого успѣха. И ученикамъ такъ понравилось, что нетрудно научиться читать, что они имѣли терпѣніе заниматься 1½ часа послѣ 10-ти часовъ занятій въ своей народной школѣ (отъ 6-ти часовъ утра до 4-хъ вечера, исключая 2-хъ часовъ обѣда). По окончаніи класса, я раздѣлилъ мои три книги на 10-ть учениковъ. Лишь только успѣлъ я покончить съ моими учениками, вошла цѣлая толпа арабовъ къ комнату; передоваго въ ней откомендовали мнѣ за хозяина. Это былъ почтенный старецъ

лѣтъ 80 (какъ я узналъ послѣ), но крѣпкій и духомъ и тѣломъ. Онъ, судя по лицу, былъ очень доволенъ, даже радъ. Поднявъ руки и глаза кверху, онъ восторженно произнесъ: *Маши алла*. Мнѣ передали, что онъ благодаритъ Бога за то, что его соплеменники имѣютъ возможность больше сблизиться съ единовѣрною Россіей, и такимъ образомъ удержаться сами и другихъ поддержать въ православіи, которое начинаетъ пошатываться здѣсь. Это имѣло магическую силу на моихъ учениковъ; голоеъ такого почтеннаго старца имѣлъ у нихъ сильный авторитетъ. Его фигура, въ восторженной позѣ, съ воздѣтыми кверху руками, яркіе, еще полные огня, и силы глаза, дрожащій голосъ придавали ему поэтическій, взволнованный видъ, показывали въ немъ неподдѣльную радость, — но чему?... Впрочемъ это объясняется тѣмъ, что онъ питаетъ безграничную преданность къ Россіи, и живетъ надеждою, что рано или поздно, даже довольно скоро, русскій флагъ исключительно будетъ развѣваться и въ Сиріи, и въ Палестинѣ и даже на морѣ. Въ толпѣ было много женщинъ. Вся толпа жадно смотрѣла на меня. Впрочемъ вѣроятно, что мнѣ это такъ только показалось, сматра на ихъ живые глаза; тутъ было, можетъ быть, только любопытство: вѣдь у этой толпы достало терпѣнія ждать окончанія класса, чтобъ потомъ посмотреть на *маллемъ москоббе*!

Я за нужное счелъ поблагодарить хозяина за позволеніе устроить русскій классъ въ его домѣ и за сочувствіе къ Россіи. Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и сказалъ, что онъ очень радъ случаю, доставившему ему удовольствіе высказать свое расположеніе къ Россіи. Потомъ онъ попросилъ меня сѣсть на диванъ, и мнѣ тотчасъ поднесла его ввучка наргиде, сдѣлавъ мнѣ привѣтствіе по-восточному — рукою снизу вверхъ. Ея поза, ея ростъ и фигура невольно обратили на себя мое вниманіе. Какіе чудные глаза, какая стройная талія и роскошная грудь! Это восточный перлъ, это красавица диванская! Но нѣтъ въ ней той скромной миловидности, той кокетливой граціи, какою обладаютъ европейки. За то, какъ все въ ней естественно, оригинально, а главное — роскошно!... Если бы не арабы, я бы заглядѣлся на нее!...

Арабы кричали между собою (то есть разговаривали), но я мало участвовалъ въ ихъ разговорѣ, не зная ничего по-арабски: чрезъ драгомана было не легко; притомъ, я и французскимъ языкомъ владѣлъ весьма плохо.

Взвукъ хозяина, по волѣ дѣда, прочелъ русскія буквы. Немного погодя, толпа стала расходиться, но я остановленъ былъ самимъ хозяиномъ, и намъ тотчасъ по удаленіи арабовъ принесли огромный на ножкахъ, круглый подносъ съ разставленными для 5 особъ тарелка-

жи при полотенцахъ, и мы усѣлись, конечно, на полу. Сидя на полу, самъ хозяинъ прочелъ «Отче нашъ» вслухъ, и тогда уже начали ѣсть. Обѣдъ былъ постный. На востокѣ вообще весьма строго соблюдаютъ обряды и установленія религіозныя. Я по крайней мѣрѣ не видалъ, чтобы кто нибудь не соблюдалъ постовъ. Здѣсь считаютъ за необходимое правило поутру и вечеромъ молиться Богу и непремѣнно вся семья вмѣстѣ; глѣба семейства приказываетъ кому читать молитвы и служить всѣмъ примѣромъ, какъ патріархъ въ семьѣ, какъ геронда въ монастырѣ. Хозяинъ между прочимъ спрашивалъ меня: постанутъ ли въ Россіи, и былъ доволенъ, получивъ утвердительный отвѣтъ; но съ желчью говорилъ потомъ о европейцахъ (францажъ — французуй), не имѣющихъ никакихъ постовъ. Обѣдъ кончился по обыкновенію молитвою, которую опять вслухъ читалъ самъ хозяинъ.

Послѣ обѣда поднесли кувшинъ съ теплой водой, мыломъ и полотенцемъ, чтобы мыть руки и натирать зубы. Зубы натираютъ мыломъ по всему востоку. Оттого здѣсь всѣ жители съ прекрасными, бѣлыми, какъ жемчужина, и здоровыми зубами. Я не слышалъ здѣсь о зубной боли, и не видалъ стариковъ или старухъ безъ зубовъ.

Затѣмъ подали кофе изъ восточныхъ чашечекъ, какими въ Россіи дѣти играютъ, то есть съ 4 наперстка — не больше. Кофе, чрезвычайно густой, но безъ сахару, и такъ горекъ и противенъ, что я не могъ вынуть этой мизерной чашечки. Передъ обѣдомъ у нихъ пьютъ съ сахаромъ, а послѣ обѣда безъ сахару. Кофе на всемъ востокѣ такое обыкновенное угощеніе, что всегда, въ какое бы время кто ни пришелъ, вмѣстѣ съ наргиле или чубукомъ подаютъ и кофе.

Итакъ съ 12 іюня стали раздаваться а, б, в, въ Бейрутѣ. Каждый день потомъ я посѣщалъ свой классъ, и вскорѣ мы уже порядочно стали читать. Тогда я взялъ къ себѣ еще 5 новыхъ учениковъ. На мою квартиру, само собой, приходили мальчики учиться — и съ этихъ я не хотѣлъ брать платы за ученіе, разсчитывая, что чрезъ это я приобрѣту надъ ними большіе нравственнаго вліянія, и кромѣ того мое положеніе не вѣчно будетъ такимъ бѣднымъ; — о чемъ я тотчасъ же писалъ въ Іерусалимъ.

Жизнь моя тнулась довольно разнообразно. До обѣда я занимался въ канцеляріи консульства, послѣ обѣда — въ классѣ, вечеромъ — на квартирѣ, а ветошь уходилъ въ знакомые дома къ арабамъ учиться арабскому языку. Когда хозяйинъ моей квартиры представлялъ меня своимъ сосѣдямъ и знакомымъ, то вездѣ, тотчасъ по приходѣ моемъ въ домъ, дѣвица подносила мнѣ цвѣтокъ, непременно душистый. Когда я спрашивалъ послѣ, что это значитъ,

мнѣ сказали только, что это у нихъ такъ принято встрѣчать тѣхъ, кого они любятъ или хотятъ полюбить, наиримѣръ, родственниковъ, которыхъ прежде не видали или близкихъ по племеннымъ связямъ людей. Какъ ни скучна мнѣ была эта прогулка по знакомымъ арабамъ, я радъ былъ своему самому ничтожному успѣху. Но признаюсь, надобно громадный запасъ терпѣнія! День — это была пытка для меня. За то ночью я вполне вознаграждалъ себя за несносный день. Какія дивныя ночи въ Бейрутѣ! А небо—это чудное, сильнее съ свѣтлыми полосами небо, усѣянное блестящими звѣздами, лучи которыхъ колеблются въ тихомъ, свѣтломъ, безоблачномъ воздухѣ! А видъ какой кругомъ на сотни верстъ! Только Ливанъ за 50 верстъ (самая вершина) загораживаетъ собою юго-востокъ. Блѣдная луна освѣщаетъ сѣдой хребетъ его, оставляя въ синемъ полумракѣ покрытые садами его скаты. А съ другой стороны прозрачное, свѣтлоголубое море, по которому мѣсяцъ разостлалъ свой роскошный хвостъ съ запада. А звѣзды то утопаютъ, то всплываютъ на воздухъ; особенно послѣ жаркаго дня совершенно свѣжій, чистый, ароматный воздухъ, какъ легко и сладко дышится. Чувствуешь, какъ пріятная прохлада пробирается по всему тѣлу. Послѣ несноснаго, тяжелаго дня, который способенъ заглушить, подавить все живое, эта благотворная, дивная ночь, упоенная бальзамическимъ воздухомъ, должна бы пробудить въ человѣкѣ всѣ уснувшія или задавленные ужасною жарою силы, пробудить въ немъ жизнь... Да, человѣкъ чувствуетъ ее теперь, какъ никогда днемъ, но только чувствуетъ жизнь; а силы для дѣла еще слабѣе, чѣмъ днемъ: пріятная слабость разливается по всему тѣлу, сладкая нѣга пропитываетъ его... Чувствуешь всю прелесть жизни; полнымъ пульсомъ бьется она, но нѣтъ силъ для дѣла; только мечтать и мечтать; даже ходить будто ужь работа,—только бы лежать или по крайней мѣрѣ сидѣть и дышать, мыслию носиться въ раяхъ, упитанныхъ блаженствами Востока... Въ такую ночь, на этомъ мѣстѣ, въ этомъ воздухѣ—нѣтъ, тутъ не можетъ быть несчастныхъ! Сладко улыбаются жизнь и убитому горемъ: завтрашній день не приходитъ ему на память; онъ такъ доволенъ настоящимъ...

Съ первымъ же пароходомъ я написалъ въ Одессу къ своему знакомому, о присылкѣ мнѣ нужныхъ для моей школы книгъ, на 30 р. сер., которые были у меня въ запасъ на черный день.

Такъ прошло у меня 15 дней. Наконецъ я начинаю уже беспокоиться за свой классъ. Нѣкоторые изъ учениковъ перестали ходить въ него, потому что ихъ родители не короткіе знакомые хозяева дома, гдѣ былъ классъ; а другіе были въ потомственной враждѣ съ нимъ. И самъ я сталъ опасаться, чтобъ не надоѣсть козламу дома.

Изъ Іерусалима нѣтъ еще ничего. Отъ консула только совѣты дѣйствовать поосторожнѣе.

Къ счастью моему, я познакомился съ смотрителемъ здѣшней народной православной школы, зажиточнымъ арабомъ. Это очень дѣльный и трудолюбивый господинъ, онъ знаетъ довольно порядочно чуть не всѣ европейскіе языки. Его братъ — драгоманъ русскаго консульства. Видя мое положеніе, онъ принялъ въ меня дѣятельное участіе и тотчасъ же предложилъ мнѣ двѣ комнаты во вновь построенной народной школѣ — одну для меня, другую для класса; вотъ кто помогъ моему бѣдѣ.

II.

9-го іюля я перешелъ на новую квартиру. Первая была за городомъ, около двухъ верстъ отъ него, въ отличномъ мѣстоположеніи. Эта почти въ самомъ городѣ — съ четверть версты отъ городской стѣны.

На другой же день, по переходѣ на новую квартиру, въ моемъ классѣ прибыло 10 новыхъ учениковъ. Черезъ нѣсколько дней онъ состоялъ уже изъ 30; притомъ еще 6-ти было отказано по малолѣтству. Теперь-то (съ 11 числа) положительно началось русское преподаванье въ Бейрутѣ. Ученики съ такою охотою брались за русскій языкъ, что просили меня, чтобъ я дѣлалъ 2 класса въ день — утромъ съ 6 до 7 часовъ и вечеромъ съ 4 до 5. Я удивлялся ихъ терпѣнію и охотѣ заниматься русскимъ языкомъ, который не могъ имъ дать ничего въ жизни: въ 5½ часовъ утра они у меня въ классѣ, въ 7½ — въ народной школѣ до 4 часовъ вечера, а потомъ опять ко мнѣ на часъ. Правда, что они у меня не занимались, не работали, а отдыхали: шутя и играя учились читать и писать, а главное — были покойны; потому имъ пріятнѣе было провести время у меня, чѣмъ дома у себя; а о народной школѣ и говорить нечего. Тамъ во время класса они дрожатъ отъ одного взгляда учителя, такъ же, какъ у насъ въ благословенной Россіи въ семинаріяхъ. Тамъ за неуспѣхъ и за шалость ждетъ ученика или жиденькая тростка для ладоней и мягкихъ частей тѣла, или ременный (чаще верблюжій) кнутъ, по чемъ ни пошло. Но я не позволялъ себѣ сказать имъ и грубаго или оскорбительнаго слова, и старался вліять на нихъ нравственно; какъ ни груба была ихъ, хотя и дѣтская натура, но я съ перваго же раза замѣтилъ, что они стали заискивать моего вниманія, ласкались около меня. А главное, я былъ русскій; это было для нихъ дороже и важнѣе всего; это, какъ мнѣ кажется, льстило ихъ самолюбію.

Съ перваго раза они привязались ко мнѣ, когда увидѣли, что я безъ педантства протягиваю къ нимъ руку. Когда кто изъ нихъ будетъ вести себя безпорядочно, шалости его будутъ уже очень рѣзки, особенно, когда кто нибудь говоритъ или дѣлаетъ пошлости, я тотчасъ спрашивалъ сначала его самого: хорошо ли онъ сдѣлалъ? объяснялъ ему, насколько это дурно, и такимъ образомъ доводилъ его до сознанія, что онъ сдѣлалъ дурно. Если онъ не убѣждался, я спрашивалъ всѣхъ остальныхъ учениковъ или одного изъ нихъ, и такимъ образомъ какъ бы дѣлалъ довѣріе имъ. Это имъ нравилось: въ другомъ мѣстѣ нигдѣ никто не спрашивалъ ихъ мнѣнія. Кто плохо приготовитъ урокъ (все мнѣ не хотѣлось терять напрасно время), я его не упрекалъ, однако давалъ ему замѣтить, что я его не припуждаю учиться, что онъ можетъ тотчасъ оставить русскій классъ, если ему не хочется учиться: и онъ даже просилъ извиненія за несправность и давалъ обѣщаніе исправиться. Я старался облагорожить ихъ взгляды на вещи, на сколько я самъ понималъ тогда. Мои ученики, безъ палки и кнута, слушались меня почти безпрекословно; такъ что ихъ родители и учителя изъ народной школы удивлялись этому, и первые иногда обращались ко мнѣ за нравственнымъ вліяніемъ на дѣтей. Родители давали мнѣ полное право наказывать ихъ дѣтей и просили объ этомъ. Я старался разуверить ихъ, что это дурное средство воспитывать дѣтей. Они не вѣрили мнѣ; но потомъ увидѣли оправданіе моихъ словъ въ моей школѣ. Такъ одинъ арабъ жаловался на своего сына, только что поступившаго ко мнѣ въ классъ, что ничего не можетъ съ нимъ сдѣлать. «Какъ только побью его», говорилъ онъ: «тогда на другой день ужъ и не жди его домой, а дней черезъ 5 придетъ; и чортъ знаетъ, гдѣ онъ бываетъ въ это время». Я обратилъ особенное вниманіе на этого молодца. Дѣйствительно, такая горячая натура, что когда на кого разсердится, то едва не трясется. Это былъ мальчикъ отчаянный; постоянно шалилъ, со всѣми дрался, ссорился. Я сначала какъ будто не обращалъ на это много вниманія, но при подобныхъ случаяхъ, то есть при дракахъ и ссорахъ, старался примирить ихъ и даже держалъ его сторону (послѣ объяснялъ другому, если онъ умѣе его, для чего я такъ поступалъ); и такимъ образомъ онъ сталъ довѣряться мнѣ, а потомъ и вполне слушался моего слова. Въ воскресенье всѣ они приходили ко мнѣ по утру, и мы вмѣстѣ шли въ церковь, а оттуда иногда гулять за городомъ. Къ несчастію, я плохо говорилъ по-французски, и потому не всегда могъ сказать то, что хотѣлъ.

Кромѣ двухъ классовъ въ день, я дѣлалъ еще третій—вечеромъ, въ 8 часовъ для тѣхъ, которые не могли быть у меня днемъ, какъ наприимѣръ ремесленники, торгующіе. Тамъ искренно они ждали

учиться по-русски, и такъ извѣстно, умиленно просили меня, что я не могъ отказать имъ, хотя это было мнѣ уже весьма тяжело. Между прочимъ, что удивило даже русскаго консула, въ числѣ этихъ учениковъ трое были марониты-арабы, находящіеся подъ сильнымъ вліяніемъ французскихъ отцовъ іезуитовъ, и всегда враги православныхъ. Теперь мнѣ было еще тяжеле, чѣмъ прежде: для моихъ старыхъ учениковъ пришло время учиться грамматикѣ; и они хотѣли покороче познакомиться съ русскимъ языкомъ. Какъ же быть? Я сталъ переводить русскую грамматику на французскій языкъ, не имѣя подлинника; поэтому теперь я писалъ урокъ только въ одномъ экземплярѣ, и они уже списывали его каждый для себя, также и слова и фразы французско-русскія.

Тогда же пригласилъ меня одинъ богатый арабъ давать уроки его двумъ уже взрослымъ сыновьямъ. Вслѣдъ затѣмъ я получилъ такія же приглашенія еще отъ нѣсколькихъ почтенныхъ лицъ, но долженъ былъ отказать имъ по недостатку времени и способамъ преподаванія русскаго языка.

Я рѣшительно не понималъ, что побуждаетъ арабовъ такъ сильно желать знанія русскаго языка, неприложимаго здѣсь къ практикѣ; теперь я нахожу тому причины политическія, религіозныя и личныя. Россія у нихъ слыветъ за государство, искренно и сильно радующее о благѣ всѣхъ православныхъ христіанъ. Къ тому же туныя турки вѣрятъ въ свое глупое преданіе, что Турція падетъ отъ Россіи. Это нравится православнымъ христіанамъ Турціи, исключая грековъ, которые сами хотятъ освободить престолъ византійскій изъ-подъ ногъ турокъ. Естественно, такимъ образомъ, здѣсь горячее расположеніе къ Россіи. Они впередъ заявляютъ ей о своемъ сочувствіи, какъ бы заискиваютъ ея вниманія. Въ Турціи больше, чѣмъ гдѣ нибудь въ другомъ государствѣ, совершенный разладъ племенъ, не съ правительствомъ — ужь это не спорно, но между собою; даже одно племя раздѣляется на нѣсколько партій, враждебныхъ другъ другу. Разладъ этотъ не оттого, что между ними была природная или историческая вражда, но потому только, что надъ ними тяготеетъ иго турецкое. Имъ сильно хочется выйти изъ подъ этой негодной опеки, но идея самостоятельности и независимости не вполнѣ еще привилась къ нимъ; а потому, вмѣсто того, чтобы сблизиться между собою, соединиться всѣмъ въ одно и дѣйствовать единодушно, они ищутъ опоры не въ себѣ самихъ, а воишь, что совершенно согласно съ восточной натурой. У нихъ нѣтъ вѣры въ себя, а главное — народъ чрезвычайно любитъ чужими руками жаръ загребать. Религіозныя вѣрованія разъединяютъ ихъ въ выборѣ вѣщней опоры: и вотъ католики льнутъ къ западнымъ католическимъ

державамъ, преимущественно къ Франціи, а православные къ Россіи. Это ихъ страшно разъединяетъ и ожесточаетъ другъ противъ друга; потому они стараются всегда оправдать свой выборъ и похваляться имъ другъ передъ другомъ. Этимъ объясняется фанатическая преданность католиковъ къ Франціи, а православныхъ къ Россіи. И вотъ постоянно слышится между ними: «je suis protégé Russe»; «je suis protégé Français». Остальные, евреи и даже турки преданы Англіи. Одни хотятъ офранцузиться, другіе обруситься, чтобъ были гарантіи въ покровительствѣ предъ турками, или въ ожидаемомъ избавленіи отъ нихъ. Въ Турціи быть протекжé французскимъ или русскимъ дѣлаетъ уже какую-то честь: такъ кажется не только тяжелымъ, но даже мерзкимъ рабство турецкое! Кромѣ того, въ Турціи народъ чрезвычайно избалованный европейской политикой, участіемъ дворовъ въ ихъ судьбѣ. «Если теперь», думаютъ и даже говорятъ они: «европейскіе дворы посылаютъ намъ деньги, заботятся о насъ, строятъ школы, благотѣльные и челоувѣколюбивыя заведенія, принимаютъ подъ свое покровительство, то что будетъ, когда мы будемъ ихъ подданными! Тогда насъ будутъ и одѣвать, и кормить, какъ даже теперь въ школахъ; тогда можно будетъ жить безъ труда на европейскія денежки». И вотъ они кричатъ наперерывъ: «я голову положу за Францію!... я умру за Россію!...» При одномъ словѣ «Франція» или «Россія» приходятъ въ восторгъ, благоговѣютъ предъ русскимъ и французскимъ флагомъ и даже предъ самими французами или русскими; слова ихъ принимаютъ съ восторгомъ и всегда за чистую монету, — оттого здѣсь разгулъ французамъ... Поэтому каждый желалъ бы знать эти языки, чтобъ научиться мудрости европейской. Кромѣ того, они увѣрены, что знаніе языка пріобрѣтеть или по крайней мѣрѣ облегчить имъ пріобрѣсть подданство тому или другому. Есть еще и религіозное побужденіе у православныхъ къ изученію русскаго языка. Видя свою несостоятельность бороться съ отцами іезуитами и католиками, они почти ничего не могутъ сказать кромѣ того, что такъ завѣщали имъ ихъ отцы, — они хотятъ познакомиться чрезъ него съ исповѣдуемой ими религіей; а греческій языкъ, какъ извѣстно, кромѣ грековъ и русскихъ, никто не уважаетъ.

Теперь мнѣ понятно, почему православные арабы такъ охотно берутся за русскій языкъ, и желаютъ слушать русское богослуженіе, т. е. по-русски и Богу молиться. И верѣдко около моей квартиры раздается, особенно по вечерамъ: «vive l'empereur Alexandre! Vive la Russie!»

Съ 7 часовъ вечера до 8½ я принималъ посѣтителей. Это время — самое свободное: до 6 или 7 час. здѣсь работаютъ, а потомъ

обѣдъ и прогулка до ночи. Съ перваго почти вечера меня начали посѣщать въ это время арабы бейрутскіе и пріѣзжіе — ливанскіе, дамасскіе и трипольскіе. Сначала меня удивляли эти посѣщенія, — особенно ихъ грубая безцеремонность казалась мнѣ дика, и я долго не могъ привыкнуть къ ней; — безцеремонно они, по приходѣ, разговаривали между собой, указывая на меня пальцемъ. Но потомъ я привыкъ къ нимъ. Конечно, не одно любопытство приводило ихъ ко мнѣ; въ ихъ взглядѣ проглядывала симпатія, у нѣкоторыхъ сильное участіе ко мнѣ. Когда я пилъ чай, то предлагалъ и имъ стаканъ чаю, и они въятеромъ едва выпивали. И имъ, какъ мнѣ казалось, было очень пріятно, что я угощалъ ихъ. Это они принимали за честь и хвалились въ городѣ.

Но чаще другихъ посѣщали меня мѣстные арабы, — большинство изъ нихъ говорили по-французски, и это большинство страшно надоѣдало своей болтовней. — Это чрезвычайно веселый народъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ — большой охотникъ помечтать; если арабъ одинъ, онъ непременно мечтаетъ. Но если ихъ двое или болѣе — постоянный смѣхъ, говоръ, хохотъ и даже пѣсни, такъ что я не зналъ, какъ избавиться отъ такихъ гостей: дѣлаю намеки — напрасно; лягу на постель и показываю видъ, что хочу спать и что они мнѣ мѣшаютъ — ничто не помогаетъ... а прямо сказать — совѣстно. Однакожь это было единственное средство, и я всегда къ нему прибѣгалъ, но они нисколько не конфузились никакими замѣчаніями.

III.

Въ первыяхъ числахъ іюля пришло извѣстіе въ Бейрутъ, что скоро пріѣдетъ сюда самъ султанъ. Это извѣстіе, какъ и должно быть, надѣлало очень много хлопотъ и больше того шуму; а толкамъ не было ни конца, ни границъ. И прежде въ Бейрутѣ кипѣла жизнь, но жизнь торговая: теперь она поддѣрнулася какою-то официальною и вмѣстѣ съ тѣмъ таинственною. Смѣло можно сказать, что лежачій Бейрутъ поднялся на ноги, а стоячій легъ. Турки прежде скрывались въ народѣ, были почти незамѣтны; но теперь — точь-въ-точь по пословицѣ русской: «не изъ тучи громъ», на каждомъ шагу бросаются въ глаза въ торжественномъ видѣ, съ радостной и вмѣстѣ угрожающей фізіономіей. Появился цѣлый полкъ арміи; выставлены пушки, противъ казармъ, на возвышающемся надъ Бейрутомъ холмѣ, изъ которыхъ каждый день съ утра едва не до ночи палили; появляются на улицахъ Бейрута генералы, окруженные огромной свитой, осматриваютъ городъ и наблюдаютъ за при-

веденіемъ его въ порядокъ и лучший видъ; на каждомъ консульскомъ домѣ приготавлиются разные гербы и иллюминаціи съ различными флагами; частные дома украшаются гирляндами изъ цвѣтовъ и разноцвѣтныхъ лампъ; — вездѣ кипитъ работа. Но это могло бы еще и поврагиться своимъ разнообразіемъ, только вотъ бѣда: на ряду съ этимъ въ городѣ стали бѣлить дома и красить лавки зеленой краской, такъ что совершенно нѣтъ возможности пройти по городу безъ того, чтобъ самому не возвратиться въ праздничномъ платьѣ — съ зелеными и бѣлыми пятнами по всему платью. Въ тоже время сверху сметали пыль, которая потомъ осаживалась на выбѣленные дома и разукрашенные лавки; особенно чувствительно было, когда дотрогивались до мѣсть, которыхъ не касалась бейрутская жизнь, — угловъ, углубленій, ямъ и проч., — тогда не только дышать, но и смотрѣть нельзя было отъ пыли и газа, испаряющагося изъ этихъ запущенныхъ мѣсть.

Турецкіе кварталы и главный базаръ преимущественно принимали праздничный видъ: тамъ, кромѣ того, что красили и бѣлили дома и лавки, улицы сверху покрывали холстомъ, съ желтымъ полукружіемъ луны на срединѣ. Но забавнѣе всего было, что каждый турокъ, даже лодочникъ — принималъ величественный видъ, грозную позу, чрезвычайно солидную и чванную, съ претензіей на геніальность физиономіи, что дѣлало ихъ, къ несчастію, ужасно карикатурными. Лодочники — съ поднятыми веслами и размахивая руками, пѣли ухорскія пѣсни, — такъ я думаю, смотря на ихъ жесты и позу. Да, сидячій Бейрутъ всталъ! Но съ другой стороны можно было видѣть совершенно противоположное вліяніе этого извѣстія.

Никто изъ арабовъ-христіанъ не украшалъ своего дома, не принималъ восторженнаго вида, — легко было замѣтить *болте*, чѣмъ равнодушіе; нѣкоторыя лица приняли озабоченный, но не весело озабоченный видъ; а большая часть смотрѣли, — какъ смотрятъ на Русь передъ пріѣздомъ начальства или въ чистый понедѣльникъ. Были и такіе, которые даже выказывали другъ-другу свои какія-то загадочныя опасенія (*). Такъ — говорю — не весь Бейрутъ радостно улыбулся благой вѣсти, но большинство осталось равнодушно, — если не больше. Однакожь, какъ бы ни было, всѣ ждали чего-то необыкновеннаго для Бейрута. Консулы сходились другъ у друга по-толковать. Учитель-арабъ написалъ пѣснь и рѣчь въ честь вѣселаго посѣтителя, а ученики выучили ихъ. А между тѣмъ страшно надоѣдала эта ремонтировка города. Дней пять продолжалась она, и

(*) «Que diable l'emporte» — отвѣчали мнѣ арабы, когда я спрашивалъ ихъ о пріѣздѣ султана.

потомъ около 5 дней все носило праздничный видъ; но — 14 числа пришло извѣстіе, что султанъ доѣхалъ только до Смирны, а поѣздки въ Бейрутъ отложилъ до болѣе удобнаго времени. Бейрутъ вздохнулъ свободнѣе, — только турки приняли кислую, но таинственную физиономію; вѣроятно ломаютъ голову, почему султанъ не пріѣхалъ.

Жизнь потекла опять по прежнему, съ восточною горячностью днемъ и съ южною нѣгою ночью. Исчезли со сцены эпюлеты, сабли и ружья, скрылись и пушки съ высокаго холма. Бейрутъ опять принялъ безпечный видъ. Опять все старое вернулось на сцену. Но у меня было столько дѣла, столько возни по классу, что для меня было все равно; въ средѣ моей жизни не было ни прилива, ни отлива. Нѣсколько времени еще волновали умы разныя догадки, почему султанъ воротился съ дороги, — но потомъ и это смолкло — все по прежнему. Ни одной свѣжей вѣсти изъ Россіи и Европы, — ни откуда ничто не волновало штиля бейрутскихъ умовъ: кой-когда какія нибудь нелѣпѣйшія слухи занимаютъ арабовъ, пока они не услышатъ или не узнаютъ, что это нелѣпость.

Среди этого покойнаго штиля, вдругъ пронеслась въ ученое арабское мірѣ Бейрута благая вѣсть, встрѣченная радостью болѣшинства, и иллюминаціонною лампою освѣтила нашу бѣдную, будничную жизнь. Это освященіе вновь устроеннаго народнаго училища и переходъ въ него изъ стараго. «Посмотримъ», сказалъ я, «какъ цѣнитъ народъ здѣшній образованіе, и какъ они будутъ сочувствовать этому торжеству!»

Это было 19 іюля. Наканунѣ, вечеромъ, учитель народнаго училища принесъ мнѣ писанный по-французски пригласительный билетъ на торжество.

Полтру въ 5½ часовъ разбудили меня мои ученики; просили, чтобъ я поспѣшилъ, и говорили, что скоро будетъ освященіе училища, что дѣло стоитъ только за архіереемъ, который сейчасъ будетъ. Не успѣлъ я одѣться, какъ пришелъ ко мнѣ учитель арабскаго языка съ извѣстіемъ, что уже и архіерей готовъ и сейчасъ начнутъ. Я тотчасъ отправился съ нимъ. Молебенъ уже совершился, когда я вошелъ въ комнату, гдѣ была служба. Около 100 человекъ арабовъ были присутствующими при торжествѣ. По окончаніи молебна, г. надзиратель очень умно догадался, что присутствующимъ мальчикамъ не нужно подходить ко кресту и св. водѣ, потому что это много займетъ времени въ оффиціальномъ торжествѣ. Архіерей, очень скоро окропивъ водою всѣ входы и выходы и углы классовъ, возвратился на свое мѣсто, и подлѣ него тотчасъ пріятно заурчалъ наргиле. Это точно было сигналомъ для всѣхъ гостей —

присутствующихъ: у каждаго во рту задымились и засверкали папироски. Миѣ очень понравилась эта безцеремонность, свобода, непринужденность. Здѣсь я видѣлъ совершенно равныхъ между собою. Отдѣлялся отъ другихъ только одинъ архіерей, — но онъ такъ безцеремонно и просто обращался со всѣми, что не признавалъ за собою никакихъ правъ надъ другими, какъ и другіе — долга къ нему: не видно ни свѣтлыхъ пуговицъ, ни шитыхъ воротничковъ, — каждый тоже, что и всѣ. Даже по одеждѣ съ трудомъ можно отличить богатаго отъ небогатаго. Совершенно свободно говорятъ, смѣются, курятъ: каждый чувствуетъ себя у себя — между своими, — чужаго нѣтъ. Это удивляло меня; я ждалъ другаго, помня родную Русь, гдѣ при свѣтлыхъ пуговицахъ и шитомъ воротничкѣ, и особенно при эполетахъ и саблѣ, боятся и шопотомъ говорить. Между арабами я вздохнулъ полною грудью.

Черезъ четверть часа архіерей всталъ и подошелъ къ открытымъ дверямъ другой комнаты, гдѣ въ то время были ученики. Ему поднесли стулъ, онъ сѣлъ въ самыхъ дверяхъ и началъ говорить назидательную рѣчь, приличную торжеству. Рѣчь была довольно хороша, по словамъ присутствующихъ, однакожъ ученики слушали ее съ рѣзкой улыбкой. Между прочимъ, тамъ онъ напоминалъ ученикамъ о благодарности къ русскому правительству, которое содѣйствовало устройству этой школы. Хотя архіерей и превосходно зналъ по-арабски, но для шику говорилъ по-гречески, и его рѣчь переводилась на арабскій драгоманомъ, должность котораго исполнялъ іеромонахъ.

По окончаніи рѣчи, снова сѣлъ онъ на свое мѣсто, и опять у ногъ его заурчалъ наргиле.

Не успѣло еще все успокоиться послѣ рѣчи архіерея, какъ изъ другой комнаты ученики стали выходить въ эту по-парно и по порядку отъ маленькихъ и младшихъ къ большимъ и старшимъ. Только-что тронулись они изъ своей комнаты, какъ зазвѣли арабскую пѣсню въ честь торжества, составленную нарочно для него учителемъ арабскаго языка. Процессія двигалась чрезвычайно медленно, такъ что пѣсня пѣлась до тѣхъ поръ, пока послѣдніе вошли въ нашу комнату. Когда они всѣ вошли и образовали собою полукругъ, тогда одинъ изъ нихъ вышелъ на средину и произнесъ предъ собраніемъ рѣчь на арабскомъ языкѣ, по окончаніи которой они обратно ушли въ свою комнату. Послѣ этого воцарилась тишина, но такая, за которою должно слѣдовать какое нибудь явленіе. Опять всѣ внимательно смотрѣли въ открытую дверь. Дѣйствительно, тамъ было какое-то приготовительное движеніе. Черезъ пять минутъ выходитъ оттуда одинъ ученикъ и, повертываясь на срединѣ комнаты, съ изумленнымъ видомъ и восторженными жестами, поэтическимъ голосомъ,

говорить: «*Quel joli et bel édifice! Comme tout respire un air de propreté, que ça a compté des soins!*» Только-что успѣлъ онъ это сказать, какъ является другой и обращаясь къ нему (тогда уже первый стоялъ прямо), говоритъ: «*Vraiment, mon cher camarade! Je suis de votre sentiment, que ne devons nous a ces messieurs, qui prennent tant des soins de nous.*» Тотчасъ является третій и вопросительно обращается къ обоимъ: «*Mes chers et bien aimés camarades! Qui est ce, qui a eu l'attention si delicate d'observer, que nous souffrions beaucoup en ville de la chaleur?*» Затѣмъ является четвертый, и съ упрекомъ говоритъ другимъ: «*Comment messieurs doutez-vous de tendre sollicitude, dont nous sommes l'objet? indigne celui qui ne pense pas au bien de la jeunesse!*» Потомъ являются еще трое; первый обращается къ предшественникамъ: «*Est-ce vrai ce que vous dites-là mon ami?—pour moi, je ne croyais qu'on prit tant de soins de nous.*» Затѣмъ второй: «*Les soins, dont nous entourent nos tendres parents ne sont ils pas innombrables? que ne font-ils pas pour nous? ils font les privations, et tout cela pour rendre heureux les enfants, qui souvent ne le payents, que par des ingratitude!*» Теперь третій, съ воодушевленіемъ: «*Ingrats?! loin, bien loin de nous ce titre a eux! S'il y a des enfants ingrats, c'est ordinairement ceux, qui ont le malheur d'être libertins; mais comme grâce à Dieu, on ne peut accuser aucun parmi nous d'être libertin; nous n'avons par consequent pas la douleur de supposer, qu'il y a ait parmi nous des ingrats.*» Потомъ продолжаютъ говорить, одинъ за другимъ, уже не по порядку ихъ разстановки. Этотъ разговоръ составилъ учитель маронитъ, прозелитъ французскій; поэтому и въ разговорѣ учениковъ онъ дошелъ до того, что всю честь цивилизаціи отдалъ исключительно Франціи, и предавалъ себя подъ опеку ей. Ученики говорили, что Франція шла впереди всѣхъ, была свѣточемъ, звѣздой путеводной для всѣхъ народовъ, и что поэтому и они исключительно одной Франціи обязаны своимъ образованіемъ.

Наконецъ явился среди нихъ самъ учитель; согласившись въ разговорѣ съ ними, онъ произнесъ панегирикъ Наполеону III, по милости котораго они имѣютъ кой-какія человѣческія права отъ турокъ.

По окончаніи этого всѣ вышли назадъ въ свою комнату. Черезъ минуту выходятъ за ними выборные ученики высшаго класса изъ своей комнаты такъ же съ пѣсню, составленною тѣмъ же учителемъ на французскомъ языкѣ, послѣ которой слѣдуетъ рѣчь на французскомъ языкѣ, произнесенная однимъ изъ нихъ.

Этимъ кончается торжество.

Отсюда архіерей заходилъ въ мою комнату и въ классъ.

Я замѣтилъ въ присутствующихъ не любопытство, но радость,

сочувствіе торжеству; правда — это не удивило меня, потому что я зналъ, что въ Бейрутѣ около 4-хъ школъ, состоящихъ изъ 200—400 школьничковъ; и съ кѣмъ я ни встрѣчался, всѣ умѣли читать и писать по-арабски, исключая положительно бѣдныхъ. Это уже исключительно вліяніе Европы, потому что въ горахъ и въ неторговыхъ городахъ, гдѣ нѣтъ столкновенія съ европейцами, тамъ съ трудомъ можно найти араба, который бы умѣлъ читать по-арабски. И чѣмъ больше я знакомлюсь съ ними, тѣмъ сильнѣе убѣждаюсь, что это преспособный народъ. Такихъ тяжелыхъ и тупыхъ головъ, какъ въ сѣверныхъ дѣсахъ, я между ними не встрѣчалъ. Особенно рѣзко выдаются у нихъ счастливая память и воображеніе. Въ Бейрутѣ очень много такихъ молодцовъ изъ арабовъ, которые хорошо знаютъ французскій, итальянскій, англійскій, греческій и свой языки, а немногіе — и нѣмецкій. Но что касается до воображенія, то можно сказать, что каждый арабъ поэтъ, фантазеръ почти до полнаго забвенія дѣйствительности; на это есть у нихъ, впрочемъ, какъ будто урочное, опредѣленное время: арабъ днемъ работаетъ до упаду, а ночью все отдается фантазю.

Послѣ этого торжества, я получилъ изъ Одессы книги для моихъ учениковъ, на 30 р. сер. Тогда они уже порядочно читали и изучили всѣ склоненія и нѣсколько фразъ французско-русскихъ, составленныхъ мною. Теперь на каждого досталось по книгѣ, другіе получили и по двѣ. То были азбуки, грамматики, разговоры русско-французскіе и греко-русскіе и такіе же лексиконы.

Теперь наше ученіе пошло регулярнѣе. Я раздѣлилъ свой классъ на три части: одни стали учить спряженія, другіе склоненія, а третій читать; писать же было дѣломъ всѣхъ. Теперь особенно хорошо занимались мои ученики, потому что были свободны отъ своей народной школы: съ августа до сентября у нихъ каникулы. Я тогда сказалъ, что кто захочетъ, можетъ приходиться ко мнѣ учиться по русски, и только нѣсколько мальчиковъ не являлись въ классъ, и то потому, что были въ то время на дачахъ, или заняты домашней работой. Теперь мы занимались 4 часа въ день и даже болѣе.

Въ это время я познакомился съ однимъ арабомъ мусульманиномъ. Однажды вечеромъ, въ 8 часовъ, я сидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ. Вдругъ слышу: «Здорова, русскій, какъ поживаешь?» Надобно сказать, что окна моей комнаты всѣ (ихъ 6) открыты, безъ оконницъ, только рѣшетка деревянная, въ отверстія которой легко просунуть голову, — на ночь я затворялъ ихъ ставнями. Такъ почти во всѣхъ домахъ на востокѣ, исключая богатыхъ домовъ. Я оборотился къ окну и съ удивленіемъ увидѣлъ, что говоритъ ко мнѣ арабъ. Здорово, любезный! отвѣчалъ я. — «Что твой подѣлываетъ?» снова началъ

онъ.—Пишу, отвѣчалъ я. Онъ замолчалъ. Меня чрезвычайно заинтересовало, какимъ образомъ арабъ бейрутскій говоритъ по-русски. Ты знаешь по-русски? спрашиваю я его?

— Очень плохо, отвѣчаетъ онъ.

— Гдѣ ты научился?

— Я былъ въ плѣну на Россіи.

Я попросилъ его войти въ комнату. Войдя въ комнату, онъ прятнулъ мнѣ руку противъ обыкновенія турокъ.

— Богъ помощь, началъ онъ.

— Спасибо. Садись, поговоримъ.

— А што, нѣтъ у тебѣ икона?

— Здѣсь вѣдь не Россія.

— О, на Россія карашо живутъ русскій!

— Тебѣ очень понравилось?

— Э! очень карашо! маруски, водка въ кабакъ.... У! карашо! очень карашо! Э, маруска! мужъ твоя дома? Пойдемъ гуляты!... Э! карашо, очень карашо! Здѣсь хуже.

— Ужь и хуже! зачѣмъ же ты не остался тамъ, если тебѣ понравилось?

— Нилза, у меня свой жина здисъ. А здисъ маруска нема! не карашо это! Водки кабакъ есть, да пить нилза!

Такимъ образомъ мы разговаривали съ нимъ часа два. Онъ, дѣйствительно, очень плохо не только говорилъ, даже понималъ по-русски: говорилъ, что прежде лучше зналъ по-русски, но теперь пере-забылъ почти все; и потому мы говорили русско-арабскимъ языкомъ. Пренаивно рассказывалъ онъ мнѣ о своей жизни въ плѣну въ Россіи, о севастопольской войнѣ; говорилъ, что онъ, когда его взяли въ плѣнъ, думалъ, что его тотчасъ стануть мучить, и удивлялся, что его хозяинъ и хозяйка ласково обращались съ нимъ, угощали его блинами и проч. Заключилъ тѣмъ, что онъ опять поѣдетъ въ Россію. Какъ ни скучно было мнѣ съ нимъ, но я радъ былъ и ему. Когда онъ уходилъ, я просилъ его посѣщать меня — чай пить.

Съ того времени онъ чуть не каждый день ходилъ ко мнѣ по вечерамъ пить чай.

Черезъ недѣлю послѣ этого, онъ предложилъ мнѣ посѣтить его, и я отправился съ нимъ тогда же, въ 7 часовъ вечера. Онъ жилъ отъ меня довольно далеко, и потому я согласился идти къ нему только съ тѣмъ, чтобъ онъ проводилъ меня назадъ. У него домъ очень порядочный. Снявъ башмаки, мы вошли въ комнату въ однихъ чулкахъ. Комната, въ которую онъ привелъ меня, была устлана хорошими коврами. Кругомъ лежали продолговатыя подушки. Положивъ двѣ подушки одна на другую, онъ предложилъ мнѣ сѣсть

на нихъ; самъ сѣлъ на коверъ противъ меня, поджавъ ноги; потомъ хлопнулъ три раза въ ладоши, и тотчасъ явился мальчикъ съ чубукомъ для меня и наргиле для хозяина. Чубукъ здѣсь пользуется большимъ почетомъ, и потому гостямъ всегда предлагается прежде чубукъ. Но я отказался отъ чубука и попросилъ себѣ наргиле. Тотчасъ потомъ подали кофе. Подъ урчанье наргиле мы вспомнили, сколько могли, Россію.

— Русска табакъ, у-у! горька! замѣтилъ онъ, потягивая наргиле: — а наша сладка, не горька; а русска махорка языкъ кусаль. Русска мужикъ — вотъ така чубукъ курить, не карошъ!

Съ часъ такъ болталъ онъ со мной. Я, конечно, не все понималъ, да и на половину только слушалъ его. Что дѣлать? здѣсь востокъ: такая безцеремонность и невѣжливость гостя въ отношеніи къ хозяину не преслѣдуется такъ строго, какъ въ цивилизованныхъ салонахъ Европы.

Наконецъ смолкъ мой хозяинъ, и тотчасъ пошелъ изъ комнаты, не сказавъ мнѣ ни слова. Я остался одинъ, и началъ уже дремать. Едва слышно скрипнула дверь, я очнулся, смотрю: четыре арабки вошли въ мою комнату. Я былъ изумленъ этимъ приходомъ. Сдѣлавъ мнѣ привѣтствіе по-восточному, онѣ сѣли въ полукругъ противъ меня. Я, привставъ немного, отвѣтилъ на ихъ привѣтствіе также. Это были жены любезнаго хозяина дома. Сначала я не могъ смотрѣть на нихъ прямо: открытая роскошная грудь, огненные глаза, страстная, черезъ-чуръ свободная поза смущали меня. Облокотившись руками на-паччи другъ друга, онѣ, рѣзко и весело разговаривая, смотрѣли на меня. Онѣ попеременно стали предлагать мнѣ вопросы, но я не могъ понять всѣхъ, а меньше того отвѣчать; и потому пришлось обратиться къ единственному средству въ такомъ случаѣ, къ пантомимамъ. Тогда поднялся самый рѣзкій, веселый дѣтскій смѣхъ. Такъ явно дѣлали онѣ мнѣ пантомимы, что у меня прошла застыбчивость. Пренаивно стали онѣ разсматривать мой костюмъ. Вскорѣ, какъ бы вспомнивъ что-то, онѣ всѣ вдругъ хлопнули три раза въ ладоши. Явилась черная арабка съ кофе. Теперь уже свободнѣе и я предлагалъ тоже вопросы; но не зналъ, какъ выразить ихъ словами, заканчивалъ пантомимами. Тотчасъ поднимался смѣхъ; и потому понимая и не понимая другъ-друга, мы весело говорили, смѣялись. Иногда ни слова, ни пантомимы не дѣлали леньнымъ, что передавалось ими; и мы бились-бились, такъ и бросали это; брались за другое. Такъ въ одинъ такой фазисъ, я совершенно ничего не могъ понять, что онѣ хотѣли передать; онѣ и словами и пантомимами объясняли, — все напрасно. Наконецъ одна изъ нихъ сдѣлала мнѣ воздушный поцалуй, и отвѣчала тѣмъ же, и

все-таки не понималъ, что онѣ хотѣли сказать мнѣ этимъ. Этотъ мой отвѣтъ вызвалъ просто истерическій смѣхъ у нихъ.

Я, кажется, не понималъ больше потому, что заглядывался на нихъ, — глаза — эти черные волшебные глаза просто жгли меня. Какія правильныя лица! Ихъ рѣзвость, звонкій голосъ, небрежная поза — все придавало имъ какую-то волшебную прелесть. Подмѣтивъ вѣроятно, что я люблюсь ими, онѣ встали всѣ и стали плясать. Какая у нихъ граціозная осанка! какія страстныя движенія и позы принимали онѣ въ своемъ дикомъ танцѣ!...

Кончивъ его, одна изъ нихъ опять хлопнула разъ въ ладоши, — явилась та же арабка. Что-то она приказала ей. Черезъ минуту та является съ периной; положила ее на полъ, потомъ отправилась назадъ и привнесла подушки, одеяло и простыню. Тогда я вспомнилъ, что засидѣлся, и объявилъ имъ, что мнѣ время уже идти домой. Онѣ всѣ хоромъ возстали противъ этого и сказали, что теперь поздно и опасно идти, и что вотъ для меня постель, что онѣ меня не отпустить отъ себя такъ поздно. Потомъ всѣ вскочили и стали готовить мнѣ постель. Приготовивъ ее, онѣ сказали мнѣ: «Мессаинконъ хавайже!» — Алла и садъ мисаекъ! отвѣчала я. Онѣ ушли.

Черезъ пять минутъ является прежній арабъ и спрашиваетъ меня, не нужно ли мнѣ чего.

Отославъ его, я легъ спать, и долго потомъ не могъ уснуть.

Утромъ, только-что я одѣлся, явился ко мнѣ опять онѣ. Опять повтореніе вчерашняго: кофе и наргиле и такой же разговоръ. Черезъ полчаса онѣ простились со мной.

Тотчасъ послѣ нихъ вошелъ ко мнѣ хозяинъ. «Добро утро! какъ твоя ночевалъ? карашо?» началъ онъ. — Благодарю, очень хорошо, сказалъ я. Я думалъ, что онъ заведетъ со мной разговоръ о своихъ женахъ, но не было и намёка; а я, естественно, не зная правилъ ихъ, не смѣлъ говорить о нихъ. Поговоривъ еще на старыи ладъ и на старую тему, я отправился домой. Онъ меня провожалъ, и дорогою секретно сказалъ мнѣ, чтобъ я никому не говорилъ, что былъ у него.

Я не допытывался отъ него, для чего такая осторожность; вѣроятно онъ имѣлъ тому причины.

Потомъ отъ своихъ учениковъ я узналъ, — не давъ имъ замѣтить, что я былъ у магометавина и видѣлъ его женъ, — что арабы мусульмане показываютъ иногда своихъ женъ, но только тѣмъ, въ кого вѣрятъ и кого любятъ и уважаютъ; но что арабъ самъ не покажетъ ихъ, и только позволить имъ представиться гостю, а самъ никогда не присутствуетъ при этомъ. Это противно ихъ правиламъ. Теперь я понималъ, почему мой знакомый не былъ въ комнатѣ, когда представлялись мнѣ его жены. Этого уже не повторялось; хотя я и же-

далъ бы, но предложить боялся. Это такая привычная струна у негометанина, что опасно дотрогиваться до ней.

Итакъ мало-по-малу я болѣе и болѣе привыкалъ къ новой моей жизни, болѣе и болѣе сближался съ арабами; но тѣмъ не менѣе сильнѣе и сильнѣе чувствовалъ всю тяжесть моего положенія. Одно меня угѣшало — это сочувствіе арабовъ моему одиночеству и труду, ихъ привязанность ко мнѣ, какъ русскому, на которую, къ сожалѣнію, я могъ отвѣчать имъ только тѣмъ же; но арабы — народъ небезкорыстный: у нихъ все на разчетахъ, все для выгоды и выгоды матеріальной. Меня очень часто приглашали на обѣдъ то тотъ, то другой, и я встрѣчалъ самый радушный пріемъ: не знали, какъ угодить мнѣ, куда посадить, чѣмъ угощать. Обыкновенно при такихъ обѣдахъ были сосѣди и знакомые хозяина. Тутъ дѣлались мнѣ самыя важныя распросы о Россіи. Каждый наперерывъ задалъ о своемъ горячемъ сочувствіи къ ней. Многіе высказывались, что поѣдутъ туда, научатся тамъ говорить по русски, посмотрятъ царя и русскія церкви. Потомъ обыкновенно начинались монологи объ ихъ бытѣ подъ властію турокъ, которые, правду сказать, не столько тяжелы, сколько противны имъ; и это потому, что они чувствуютъ себя лучше турокъ.

Такимъ образомъ я вскорѣ сдѣлался извѣстенъ почти всему Бейруту. Куда бы ни шелъ, вездѣ приводится слышать: «монлемъ москоббе!» Выйду ли на площадь (подлѣ моей квартиры), гдѣ, обыкновенно, гуляютъ арабы отъ 6 до 8 часовъ, меня тотчасъ окружаетъ толпа. Часто во время такой прогулки подходили ко мнѣ почтенные старцы и, потрепавъ меня по плечу, говорили: «таибъ монлемъ москоббе!» Подходили иногда ко мнѣ европейцы, преимущественно негодіанты-французы, но чаще всего пропагандисты папы и Франціи; они обыкновенно добивались узнать отъ меня, зачѣмъ я тутъ живу.

Изъ Бейрута въ Дамаскъ проведена шоссейная дорога; она начинается съ этой площади. На ней же пошъшеніе дилижансовъ и разныхъ телегъ и бричекъ. Арабы все еще не привыкли видѣть, какъ ѣздить въ телегахъ, и доселѣ удивляются; съ изумленіемъ слѣдятъ они за ѣдущей парой, запряженной дышлою въ телегу. Здѣсь этого нигдѣ прежде не бывало, потому что по здѣшнимъ дорогамъ только верхомъ и можно ѣздить, и то съ опасностью.

Скоро надоѣла мнѣ и эта прогулка, и я сталъ замѣнять ее потомъ прогулкой по уединенному берегу моря. Тутъ я чувствовалъ себя внѣ жизни бейрутской; но и тамъ рѣдко оставляя меня въ покоѣ. Когда приходилъ русскій пароходъ, арабы толпами шли на берегъ или даже на пароходъ смотрѣть на русскихъ матросовъ, поклонниковъ и поклонницъ. Къ счастью, они ничего не понимали по-

русски, иначе имъ пришлось бы разочароваться въ своемъ идеалѣ русскаго: они ничего не слышали бы отъ нихъ, кромѣ самой мостовой, площадной брани. Это бы еще ничего; но въ городѣ эти христа-ради странники, покупая припасы на путь, заставляли арабовъ задумываться надъ русскими. Здѣсь эти смиренныя паломники, особенно эти блаженные странницы — дѣлали такіа возмутительныя вещи, что въ другомъ мѣстѣ, только не въ Турціи, имъ бы приходилось постоянно подвергаться любезности полисменовъ. Арабы православныя, по своей приверженности къ русскимъ, окружаютъ ихъ, стараются высказать имъ свое сочувствіе, даже предлагаютъ свои услуги, какъ я не одинъ разъ замѣтилъ. Но паломники видятъ въ нихъ людей злонамѣренныхъ. Вотъ что было разъ на моихъ глазахъ. Поклонники пришли въ городъ, и ходятъ для закупокъ по рынку, но больше — поглядѣть. На рынокѣ постоянно они слышатъ отъ арабовъ: «Этанбъ москоббе хаджи!» Тутъ и мои ученики, которые уже стали во главѣ руссофиловъ, и пользуются привилегіей этой предъ другими, и они окружаютъ ихъ или слѣдуютъ за ними и стараются разговаривать. Надобно замѣтить, что это были всѣ странницы. Мои ученики знали десятка 3 или 4 фразъ по русски. Странницы, вѣроятно подозрѣвая въ нихъ негодяевъ, стали кричать на нихъ; но арабы, конечно, ничего не поняли и продолжали слѣдовать за ними, но уже тихо, видя грозный взглядъ странницъ. Странницы остановились въ одной фруктовой лавкѣ и стали покупать себѣ фруктовъ. Торговецъ, дѣйствительно, не много принадулъ ихъ, потому что онѣ не знали ни цѣны вещамъ, ни курса денегъ, ни самыхъ денегъ. Арабы, слѣдовавшіе за ними, замѣтили обманъ торговца и вступились за нихъ; странницы подумали, что они сговариваются вѣроятно еще больше обмануть ихъ, бросились считать сдачу мелкихъ денегъ и купленныя вещи, и требовали у купца своихъ денегъ назадъ. Конечно, ихъ не понимали. А арабы, вступившіеся за нихъ, упрекали торговца въ обманѣ, и стали пересчитывать сдачу, чтобъ уличить его; но странницы, предполагая, что эти арабы хотятъ взять и сдачу себѣ, выхватили ее изъ рукъ арабовъ съ страшнымъ крикомъ и даже съ претензіей плевать на нихъ: «ахъ вы воры, монѣенники! обокрасть, обидѣть насъ хотѣли! Ужо мы консулу пожалуемся. Въ Сибирь васъ сослать надо, подлецовъ!» прибавляя къ тому доморощенныя русскія фразы, въ надеждѣ, впрочемъ, что ихъ никто тутъ не пойметъ. Къ счастью, я подошелъ на эту сцену и разрѣшилъ ихъ недоумѣніе. «Охъ, батюшка нашъ», говорили онѣ мнѣ потомъ: «что здѣсь за народъ живетъ, — чистые разбойники! Вѣдь на улицѣ живьемъ грабятъ; а глазища-то, глазища-то — такъ и бѣгаютъ, какъ у звѣря. Эхъ, не Россія здѣсь; а

то въ полиціи ихъ пробрали бы. Да вѣдь какъ глупы: что ни говори, только хлопаютъ глазами». Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе производятъ эти странницы на арабовъ. Здѣсь женщина не слышна; она идетъ тихо, скромно, даже не смотритъ по сторонамъ; а голоса почти не услышишь. И вотъ русская баба является на сцену, почти съ поднятыми кулаками, съ крикомъ. Къ счастью, говорю, арабы не понимаютъ по-русски.

Такія сцены не рѣдки; такъ что арабы говорили мнѣ, что «les femmes de Russie sont heroines, sont braves, sont courageuses!» Если таковы женщины въ Россіи, то что сказать о мужчинахъ?! Но это говорилось не съ провѣей, а съ удивленіемъ: изъ такихъ дѣяній въ головѣ православныхъ арабовъ сложилось еще очень выгодное мнѣніе о русскихъ. Да, при ихъ безпредѣльномъ довѣрїи къ русскимъ; иначе, кажется, и не переварили бы ихъ головы эти дѣянія.

Совершенно другое впечатлѣніе, весьма благопрїятное, производятъ на нихъ другой посѣтитель Бейрута и моей школы, — это бывший протоіаковъ русской миссіи въ Іерусалимѣ — отецъ А..., человекъ очень почтенный, возвратившійся изъ Іерусалима въ Россію. Отецъ былъ у меня въ классѣ, говорилъ съ моими учениками, экзаменовалъ ихъ, говорилъ и съ надзирателемъ народной школы и оставилъ во себѣ весьма хорошее, лестное воспоминаніе арабамъ. Если бы побольше такихъ посѣтителей моей школы, мое дѣло шло бы снѣживѣ. Но, къ сожалѣнію, только этотъ господинъ и былъ у меня: ни консулъ, ни секретарь его, ни агентъ общества пароходства и торговли ни разу не посѣщали моей школы. Только мѣстный архіерей былъ нѣсколько разъ.

Тихо, смирно текла жизнь бейрутская. Ничто не нарушало покоя. Совершеннѣйшій штиль. Кой-какіе слухи изъ Европы, иногда довольно тревожные, проносились въ немъ, и замирали, не затемняя собою свѣтлаго горизонта Сирїи. Но въ концѣ іюня вдругъ пришло съ Ливана страшное извѣстіе, нарушившее тишину Бейрута: марониты и друзья посеорились между собою, и началась уже рѣзня. Тотчасъ сталъ подниматься на ноги христіанскій Бейрутъ; арабы-христіане какъ бы вспрянули отъ сна. Куда ни помотришь, и днемъ и ночью разъѣзжаютъ они въ полномъ своемъ вооруженіи. Какой героизмъ проявился въ нихъ! Каждый день отрядами отправлялись они изъ Бейрута на Ливанъ, въ полномъ вооруженіи, съ пиками и бубнами. Съ рыцарской храбростью они хвастались истребить всѣхъ друзей. Даже одинъ изъ моихъ учениковъ, мальчикъ 15 лѣтъ, отправился въ отрядъ. Всѣхъ занималъ одинъ разговоръ — о предстоящей борьбѣ двухъ племенъ, одно

исламіе — истребить злое языческое племя. Съ увлеченіемъ разсказывали одни, какъ арабы-христіане поколотили друзовъ; съ ужасомъ другіе говорили о неистовствахъ друзовъ; и всѣ стали закупать оружіе, порохъ и дробь; но тутъ они спохватились, что рано немного позвалились перебить друзовъ: съ трудомъ, и то лишь секретно, можно было достать порохъ. Турки-купцы заперли свои пороховые магазины, а христіанамъ запрещено торговать порохомъ. Однако это заставило задуматься только разсудительныхъ арабовъ; остальные увлеклись общимъ потокомъ стремленія перебить друзовъ.

Изъ-за чего произошелъ раздоръ — слухи были различныя; но всѣ шили друзовъ. Большинство разсказывало такъ:

Маронитскіе мальчики занимались чѣмъ-то въ своихъ садахъ. При нихъ вѣшли туда быки друзскіе. Друзы еще по сіе время обоготворяютъ быковъ, впрочемъ, говорятъ, не всѣ. Мальчики, конечно, стали выгонять этихъ быковъ, и не уважили неприкосновенности друзскихъ боговъ: они стали выгонять ихъ своими арапниками. Это увидѣли мимоходомъ друзы, и вступились за оскорбленную честь. Мальчишкамъ, конечно, пришлось бы поплатиться жизнью за такое безбожіе. Къ счастью, тотчасъ же подоспѣли на выручку ихъ арабы-марониты: завязалась драка. Между тѣмъ, такъ-какъ это было подлѣ селенія друзо-маронитскаго, то противныя стороны увеличивались постоянно, и дошли до порядочныхъ партій. Этотъ раздоръ перешелъ тотчасъ и въ другія селенія. Агитаторы съ той и другой стороны устремились во всѣ концы Ливана и Сиріи. Отовсюду стали стекаться въ разные пункты друзы и арабы-христіане, и нападать другъ на друга. Такимъ образомъ вскорѣ составились два ополченія: едно друзское въ 30,000, а другое арабское въ 20,000; и произошла разбойническая война: горы не позволяли дѣйствовать открыто и массою. Конечно, регулярной войны и въ открытомъ мѣстѣ не могло быть у арабовъ. Такимъ образомъ поднялся весь Ливанъ: вооружились и старъ и младъ отстаивать уже не собственность только свою, но и жизнь. Ожесточеніе другъ противъ друга было ужасное: если вѣрить слухамъ, выкалывали глаза, отрѣзывали уши, носъ, пальцы плѣннымъ, и отпускали ихъ куда угодно; но большею частію, потѣшаясь страданіями своихъ враговъ, замучивали ихъ до смерти; больше и тяжеле всего доставалось женщинамъ и дѣтямъ. О спасеніи собственности — вопросъ былъ второстепенный. Что можно было унести и увезти, богатые ливанцы-христіане отпирывали въ Бейрутъ. Каждую ночь Ливанъ освѣщался заревои въ разныхъ мѣстахъ. Картина была ужасная, живописная и великолѣпная. Плачь и крикъ почти долетали до Бейрута; такъ что и въ Бейрутѣ всѣ стали побаиваться за себя; а онъ все пустилъ

и пустѣть, потому что множество молодыхъ арабовъ учились на выручку своихъ; другіе, забравъ лучшія вещи, на пароходахъ уѣхали въ Александрію. Страхъ все со дня на день увеличивался, и тѣмъ болѣе, что стали поговаривать, что и турки помогаютъ друзьямъ. Уже страшныя вѣсти стали приходиться съ Ливана, но говорили все разное. Друзы не нападали на вооруженные отряды, но врываются въ села, и били, и жгли, и грабили, что могли; были, говорятъ, стычки, но небольшія, между вооруженными. Дѣло принимало ужасающіе размѣры. Консулы иностранныхъ державъ уже представляли пашѣ объ угрожающей опасности, требуя, чтобъ онъ силою прекратилъ этотъ раздоръ; но паша старался ихъ увѣрить, что опасности большой нѣтъ, и только. Наконецъ они заставили его своимъ энергичнымъ протестомъ послать туда полкъ солдатъ, но и это не принесло ожидаемыхъ результатовъ: войско гдѣ-то простояло, и не двигалось съ мѣста въ виду рѣзни. Тогда консулы обратились къ пашѣ съ ультиматумомъ, грозя иначе оставить свои посты. Это подействовало немного на пашу, и онъ послалъ своихъ агентовъ примирить враждующія стороны, а консулы—своихъ драгомановъ для контроля за турками и на помощь посламъ паша. Эта миссія консуловъ имѣла полный успѣхъ. Арабы-христіане, при первомъ появленіи драгомановъ, сейчасъ подчинились ихъ вліянію; а друзы съ недавняго времени уважаютъ англичанъ, и потому драгоманъ англійскаго консула уговорилъ ихъ примириться съ арабами-христіанами. Но это было уже въ началѣ сентября. Цѣлый мѣсяць они рѣзались, и, говорятъ, нанесли другъ другу страшные уронъ. Я говорилъ, что были отправлены обѣими враждующими сторонами агитаторы по всей Сиріи; они явились и въ Бейрутъ, который поднялся съ перваго же раза на зовъ ливанскихъ арабовъ-христіанъ. Но и друзы нашли себѣ прозелитовъ здѣсь: сѣмя ихъ пало на турокъ, вострепнулись они отъ своей летаргіи; религіозное движеніе пронеслось по магометанскому кварталу, но оно тотчасъ же успокоилось: говорятъ, не было на это разрѣшенія отъ паша. Однакожъ секретно, одинъ по одному и болѣе, турки отправлялись въ горы, что замѣчали христіане. Въ Бейрутѣ же самою сначала ни опасности, ни тревоги не было, и мы еще не ждали грозы. Но вдругъ, въ одинъ прекрасный день, вбѣгаютъ ко мнѣ двое моихъ учениковъ, — это было во 2 половинѣ августа, въ понедѣльникъ, въ 6 часовъ вечера. — «*Qu'est ce que vous dormez, monsieur? Courez dehors! Sortez tant de suite! turques avec les drouses attaquent a nous!*» Меня какъ холодомъ обдало! Какъ-какъ одѣвшись, я тотчасъ выбѣжалъ изъ квартиры и попалъ на улицѣ въ толпу, которая, вооруженная, двигалась на площадь подлѣ моей квартиры, гдѣ я обыкновенно гулялъ по вечерамъ. Я послѣдо-

валъ за толпой. Но ни у кого я не могъ добиться, что такое дѣлалось; только и слышно было: «турки... друзья... друзья... турки!.. Вся площадь была занята народомъ, когда мы вошли на нее. На самой среднѣ стояло войско, около роты, и между народомъ развѣзжалъ паша и прочіе начальствующие въ Бейрутѣ. По одну сторону войска стояли турки, а по другую арабы-христиане. Меня тотчасъ увели арабы, мои знакомые, подальше отсюда, опасаясь за меня. Тотчасъ, говорятъ, разошлись и турки, и арабы. На другой уже день я узналъ, что это за исторія была. Двое арабовъ-христианъ — *protégés de Russie* — поссорились на площади съ двумя турками. Раздоръ, говорятъ, произошелъ изъ пустяковъ. Турки какъ-то хвалились своимъ политическимъ достоинствомъ, что они въ дружбѣ съ англичанами; а арабы говорили, что они протеже русскіе, и хвалились своею преданностію къ ней. Турки замѣтили, что на Ливанѣ не спрашиваютъ, кто протеже русскій, кто французскій, а рѣжутъ всѣхъ. Разговоръ дѣлался крупнѣе, и, при восточномъ темпераментѣ, дошелъ до кинжаловъ. Арабы нанесли сильныя раны туркамъ, такъ что одинъ изъ нихъ на другой же день умеръ. Арабы тотчасъ были окружены турками, но въ то же мгновеніе подоспѣла на выручку ихъ толпа арабовъ изъ ближайшихъ кофеенъ, тутъ находящихся на площади, и видѣвшихъ эту сцену. Началась ссора; къ рѣшительному дѣлу не смѣли еще приступить. Во время перебранки явился батальонъ солдатъ и развелъ враждующихъ. Двоихъ арабовъ, по успокоеніи враждовавшихъ, отвели въ темницу, и паша на другой день хотѣлъ военнымъ судомъ разстрѣлять ихъ. Но они были работниками у богатаго фабриканта-араба, подданнаго русскаго; поэтому они были протеже русскіе. Ихъ хозяинъ тотчасъ обратился къ русскому консулу просить защиты. Консулъ отправилъ своего секретаря съ протестомъ противъ взятія въ темницу арабовъ, состоящихъ подъ покровительствомъ Россіи, безъ его на то согласія; и арабы спасены. Но турки хотѣли отомстить за смерть своего брата; на другой день они собирались у фабрики этого араба, съ дѣлюю напасть и разграбить ее, но не успѣли: арабы успѣли принять мѣры противъ того.

Непріязненному движенію турокъ приписывали характеръ заговора — перерѣзатъ всѣхъ христіанъ. Не знаю, насколько это правда, но самъ вѣрю.

Съ того времени Бейрутъ былъ въ весьма тревожномъ состояніи. По вечерамъ боялись выходить, и днемъ ходили не иначе, какъ вооруженные. Косо смотрѣли турки и арабы другъ на друга. Я приготовился совѣмъ, при первомъ непріязненномъ движеніи, перейти на какое нибудь судно или пароходъ, если случатся на то время.

Тревожное состояніе продолжалось до сентября, потомъ опять все пошло по прежнему.

Опять все пошло по старому — та же тема, на тотъ же ладъ; и я, не ожидая ничего новаго, покойно распивалъ чай 2 сентября, въ шесть часовъ вечера. Тогда я вдругъ слышу выстрѣлъ издамека; потомъ опять все тихо; чрезъ нѣсколько минутъ опять, а потомъ и еще, и еще, и пошла непрерывная перестрѣлка. Что такое? Я испугался. Выбѣгаю на улицу — кругомъ раздаются выстрѣлы по городу. На улицѣ, въ разныхъ мѣстахъ, горятъ кучи щепокъ, палокъ и хворосту; народу много, но народъ расхаживаетъ покойно, или смотритъ на огни. Я удивился. Что жъ бы это такое?—Завтра у католиковъ празднуется Воздвиженіе Честнаго Креста; и вотъ они, въ память того, какъ Елена съ факелами искала въ горѣ крестъ, спрятавшийся туда евреями, зажигаютъ въ этотъ вечеръ костры на улицѣ, или — больше — на дворѣ, и стрѣляютъ изъ ружей. Каждый маронитъ считаетъ за святую обязанность сдѣлать хоть одинъ выстрѣлъ. Паша, конечно, запрещаетъ стрѣлать, но полиція ничего не можетъ сдѣлать, потому что гдѣ она появляется, тамъ тотчасъ все умолкаетъ; но даже и тогда въ оградахъ стрѣляютъ, затворивъ предварительно ворота. Но это дѣлаютъ не одни марониты, но и православные арабы, — послѣдніе 13 сентября, вечеромъ на 14-е. Тогда точно такая же исторія.

Въ сентябрѣ, въ одно воскресенье, утромъ, ученики мои предложили мнѣ прогуляться за городомъ и между прочимъ осмотрѣть мѣста, освященныя здѣшнимъ преданіемъ. Но прежде я познакомлю читателя съ преданіемъ. Вотъ что говорить.

Въ IV вѣкѣ здѣсь, въ Бейрутѣ, жили еще язычники. Тогда Сирія состояла изъ нѣсколькихъ небольшихъ областей, которыя имѣли каждая своего царя. Въ это время явился подлѣ самаго Бейрута змѣй-чудовище, котораго не могли убить; и онъ безпрепятственно входилъ въ городъ, схватывалъ перваго попавшагося человѣка, съѣдалъ его, и потомъ, если еще былъ недоволенъ этимъ обѣдомъ, бросался и на другихъ и съѣдалъ или хотя убивалъ ихъ. Весь городъ былъ въ страхѣ. Бейрутъ былъ столичный городъ, и въ немъ жилъ царь. Змѣй, вѣроятно, опредѣлилъ уже для себя весь городъ провіантскимъ магазиномъ, и потому держалъ его въ совершенно осадномъ положеніи, такъ-что жители были заперты въ городѣ. И такъ, жители были въ страхѣ отъ ежедневныхъ нападеній змѣя, въ добычу которому подвергалось нѣсколько человѣкъ. Тогда они, въ отчаяніи, рѣшились между собою выставать отъ города въ день по одному человѣку, на котораго выпадалъ жребій. Дѣйствительно, съ того времени змѣй не входилъ уже въ городъ, и довольство-

зался одною выставленною жертвою, между тѣмъ какъ прежде съѣдалъ по нѣсколку человѣкъ. Городъ былъ въ печальномъ положеніи; жребій каждодневно вызывалъ крикъ, плачь, отчаяніе и траурную процессію до мѣста, назначеннаго для приѣма страшнаго гостя. Жители были въ постоянномъ страхѣ и отчаяніи: каждый могъ ждать на другой день участи—свариться въ желудкѣ змѣя. Горю этому, говорятъ, сочувствовало самое небо какими-то знаменіями. Впрочемъ, тутъ преданіе устное съ письменнымъ не сходится: устное говоритъ, что земля стонала, а арабское письменное — что небо было мрачное, но безъ тучъ, и издавало какіе-то странные звуки. Но разногласіе не велико, а главное — дорогъ фактъ.

Царь сочувствовалъ общей бѣдѣ, но въ своемъ домѣ не видѣлъ еще бѣды. Наконецъ жребій выпалъ на его любимую дочь. Несчастную одѣли въ бѣлое платье и повели въ приемное мѣсто. Весь городъ составлялъ траурную процессію. И вотъ она уже стоитъ на назначенномъ мѣстѣ. Но тутъ преданіе дѣлаетъ изъ нея героиню: она безъ страха ждетъ чудовища. Вдругъ подѣзжаетъ юноша поразительной красоты и величія, въ бронѣ, съ конемъ, на златоубранномъ конѣ. Она тотчасъ обращается къ нему: «послушай, милый молодой человѣкъ! зачѣмъ ты тутъ ѣдешь? Развѣ не знаешь, что здѣсь обитаетъ страшное чудовище? — если оно увидитъ тебя, то не спасешься на своемъ конѣ отъ него. Оставь меня одну погибать! бѣги, бѣги!»

— Нѣтъ, прекрасная! Я не уйду отъ тебя, а спасу тебя отъ этого чудовища.

— Бѣги, бѣги скорѣе! съ отчаяніемъ вскричала она, видя приближающагося змѣя.

Юноша уже мчался на конѣ на встрѣчу змѣю и, подѣхавъ къ нему, копьемъ ударилъ его въ отверзтую часть; и — чудо! — ужасный змѣй не убитъ, но притихъ, сдѣлался, какъ овца, смиренъ. Подоспѣвшая царица, по просьбѣ юноши, перевязала у него шею однимъ концомъ своего пояса, а за другой конецъ повела его, по указанію юноши, ѣхавшаго впереди на лошади. Народъ, на стѣнѣ и у воротъ города, съ страшнымъ удивленіемъ смотрѣлъ на чудо. Змѣй приведенъ былъ на возвышенное, чистое мѣсто среди города (*) и, по приказанію юноши, сожженъ на томъ мѣстѣ, и пепелъ развѣянъ по морю. Царь обращается къ юношѣ и предлагаетъ ему въ благодарность полцарства и спасенную имъ дочь. Но необыкновенный юноша — это былъ Георгій, будущій великомученикъ — отказался отъ предлагаемаго и попросилъ, въ замѣнъ его, позволенія

(*) На этомъ мѣстѣ стоитъ теперь главная православная церковь во имя великомученика Георгія.

построить христіанскую церковь на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ убилъ змія, и чтобъ онъ далъ свободу христіанству въ его столицѣ и даже царствѣ. Царь согласился. Юноша этотъ былъ сынъ царя, который жилъ за 5 дней пути отъ Бейрута и былъ также язычникъ. Георгій былъ преслѣдуемъ отцомъ за принятіе христіанства. Вскорѣ царь бейрутскій раскаялся, что далъ такія права Георгію, потому что народъ постоянно толпами обращался въ христіанство. Дѣло, конечно, дошло до того, что царь сталъ мучить его. Но какія средства онъ ни принималъ, никакъ не могъ замучить Георгія: тотъ былъ необыкновенно живучъ. Тогда царь принужденъ былъ спросить самого Георгія: какъ его лишить жизни? Георгій сказалъ, что только тотъ можетъ лишить его жизни, кто далъ ее ему. Поэтому его родной отецъ отсѣкъ ему голову своею рукою. Онъ причисленъ церковью къ лику святыхъ, и мощи его находятся въ землѣ скрытныи въ 4 часахъ отъ Бейрута, въ селѣ Св. Георгій. Вотъ какую легенду передали мнѣ ученики изъ древняго быта Бейрута.

Итакъ мы пошелъ гулять за городомъ и между прочимъ на мѣста, означенныя этою легендою. Я почти постоянно спотыкался о камни, заглядываясь на живописную мѣстность. Скаты горъ представлялись какъ бы въ панорамахъ. Я не могъ налюбоваться ими. Но меня удивило главное то, что весь Ливанъ покрытъ лѣсомъ, и подлѣ самаго Бейрута великолѣпная роща, какой я не встрѣчалъ и не ожидалъ встрѣтить нигдѣ въ Турціи. Вся роща была оглашена пѣніемъ птицъ. Въ различныхъ мѣстахъ разстановлены были маленькіе шалаши, окруженные множествомъ столовъ и стульевъ, разбросанныхъ между деревьями. Это кофейни. Было жарко на открытомъ мѣстѣ, а тутъ прохладно, прелестно! Еслибы можно, я переселился бы сюда поближе къ рощѣ смотрѣть на Ливанъ и дышать этимъ прохладнымъ, ароматнымъ воздухомъ.

Черезъ полчаса прогулки, мы пришли къ означеннымъ легендою мѣстамъ. Мнѣ указали на квадратное строеніе подлѣ дороги. Это просто масса желтаго, крѣпкаго, какъ гранитъ, камня. Тутъ былъ источникъ въ эпоху легенды. Георгій, убивъ змія, умылъ здѣсь свои руки. Потомъ въ память этого христіане построили здѣсь часовню, съ престоломъ, на которомъ совершалась и литургія. Это строеніе замѣчательно, по преданію, тѣмъ что камень, изъ котораго оно построено, имѣетъ свойство мылиться; но на опытъ, который я тотчасъ же сдѣлалъ предъ глазами учениковъ, этого не оказалось, — что однакожь они приписали особенному случаю, но больше—оспоривали, что онъ и у меня мылился, принимая мутную, сгустившуюся отъ отдѣлавшихся частицъ песку и пыли воду за мыло. По преданію, когда турки брали Бейрутъ, они никакъ не могли сломать этого строенія, даже

стрѣляли ядрами все напрасно; такъ и оставили. Къ камню благочестивые христіане прикладываются и теперь. Отсюда въ 250 саженьхъ стоитъ мечеть турецкая, — это бывшая церковь, построенная самимъ Георгіемъ великомученикомъ. Дикіе, громадные камни въ основаніи и стѣнахъ свидѣлствуютъ ея древность. За бакшишъ мы вошли въ мечеть. Изнутри — подъемъ, заведенный на половину камнемъ и мусоромъ, на колокольню бывшей церкви или на минаретъ этой мечети; но турки никогда не кричатъ съ нея въ часы молитвы. Преданіе говоритъ, что великомученикъ Георгій съ колокольни этой пѣлъ передъ службой. Потомъ, когда турки овладѣли церковью и сдѣлали изъ нея мечеть, они по своему правилу хотѣли кричать съ колокольни въ часы молитвы; но въ то время являлся змѣй на колокольнѣ, или тогда уже минаретѣ, и прогонялъ крикуна или пѣвуна. Тогда турки установили никогда не кричать съ ней. Это единственный минаретъ, съ котораго турки не кричатъ; сторожъ мечети — турокъ предупредилъ насъ, чтобы мы ничего не пѣли тамъ; но я пропѣлъ одну церковную пѣсню, — и змѣй не появлялся; чтó турка, принявшаго уже испуганный видъ, удивило.

Въ 200 саженьхъ отъ мечети находится неширокая, но длинная — около трехъ верстъ — лощина, которая была прежде русломъ рѣки, вытекавшей съ Ливана разными истоками и впадавшей въ море.

Во 100 саженьхъ отъ моря показали мнѣ тотъ глубокой прежде омутъ, въ которомъ жилъ пресловутый змѣй, пришедшій сюда съ ливанскихъ горъ.

Здѣсь великомученика Георгія чтутъ и турки, наравнѣ съ пророкомъ Іліей, ознаменовавшимъ собой кармильскую гору на берегу Средиземнаго моря — у Кейфы.

Въ концѣ сентября я собирался съ знакомыми арабами на Ливанъ, чтобы объѣхать его и потомъ посѣтить Дамаскъ. Одинъ изъ предложившихъ мнѣ ѣхать съ нимъ былъ человекъ состоятельный, имѣлъ дачу на Ливанѣ и домъ въ Дамаскѣ. Посѣщавшіе меня арабы ливанскіе тоже просили меня пріѣхать къ нимъ. Такимъ образомъ я имѣлъ возможность побывать, даже погостить въ разныхъ мѣстахъ Ливана, чтó чрезвычайно льстило моему любопытству. Бывшіе у меня, предъ этимъ приготовленіемъ моимъ къ поѣздкѣ, ливанскіе арабы говорили мнѣ, что они привезутъ мнѣ своихъ дѣтей учиться по-русски, когда я возвращусь съ поѣздки; всѣхъ наберется — увѣряли они — до 40 мальчиковъ, за которыхъ они будутъ платить мнѣ 400 пиастровъ въ мѣсяцъ (20 р. сер.)

Итакъ я уже почти собрался ѣхать, но вдругъ, наканунѣ дня поѣздки, получаю отъ консула приглашеніе представиться къ нему. И что же? Какою новостью сообщилъ мнѣ консулъ?

«Преосвященный Кириллъ», сказалъ онъ мнѣ: «не имѣть болѣе возможности содержать васъ: и потому вы можете удовлетворить вашему желанію — ѣхать въ Россію; да и нечего дѣлать въ Бейрутѣ. — Я сказалъ консулу, что имѣю надежду жить въ Бейрутѣ собственными средствами; но мнѣ было замѣчено, что мой заграничный паспортъ просроченъ.

Объявилъ я это своимъ ученикамъ, что русскій классъ въ Бейрутѣ кончилъ свою исторію; а самъ сталъ готовиться къ отъѣзду въ Россію. На другой же день пришли ко мнѣ родители моихъ учениковъ и другіе знакомые просить меня остаться у нихъ для преподаванія русскаго языка. Я сказалъ, что это зависитъ отъ консула. Они послали отъ себя смотрителя народнаго училища къ консулу.

На слѣдующій день приходили трое ливанцевъ — и та же исторія.

Черезъ нѣсколько дней пришелъ русскій пароходъ, и я отправился на немъ восвояси.

Не только мои ученики, но почти все народное училище съ учителями и мои знакомые провожали меня до парохода...

Такъ кончилась моя карьера въ Бейрутѣ. — Съ чѣмъ пріѣхалъ, съ тѣмъ и уѣхалъ; — только карманъ сдѣлался уже окончательно пустъ...

Но можно было многое сдѣлать... а что сдѣлано, то останется, можетъ быть, только въ памяти нѣсколькихъ.

Е. ЮЖАКОВЪ.

ГРОМООТВОДЪ.

АКЦИОНЕРНАЯ КОМЕДИЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА:

ДМИТРІЙ ПЕТРОВИЧЪ БОЛТОВЪ, молодой человекъ, лѣтъ 26, ищущій мѣста въ одномъ изъ министерствъ. Худошавъ, бѣлокуръ и блѣденъ. Въ движеніяхъ его нѣкоторая вялость. Говоритъ неровно: то медленно и апатично, то съ одушевленіемъ. Способенъ къ восторженности. Одѣтъ опрятно, но безъ особеннаго вкуса.

АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ ПАНЬШИНЪ, сверстникъ Болтова, лѣтъ 27, сынъ богатаго откупщика. Полонъ; сложенія сыраго, глаза и волосы черные. Говоритъ скоро; сложенъ къ веселости. Одѣтъ хорошо и съ нѣкоторыми признаками франтовства.

МЭРИ, бывшая швея. Хорошенькое личико брюнетки; движенія снѣлы, но не лишены природной граціи. Разговоръ живой. Одѣта съ роскошью и вкусомъ.

МАРЬЯ МИХАЙЛОВНА, хозяйка квартиры Болтова. Полная женщина, лѣтъ 36, изъ отпущенницъ.

ИВАНЪ КОНДРАТЬИЧЪ ДЕРГАЧЕВЪ, капиталистъ и издатель журнала, лѣтъ 30. Внѣшность изящная. Говоритъ плавно, цѣлѣуно; подчасъ впадаетъ въ докторальный тонъ. Любитъ дорогое бѣлье и брелоки.

КАТЕРИНА ИВАНОВНА ДЕРГАЧЕВА, жена его, худенькая дама, лѣтъ 25.

Т. LXXXVII. Отд. I.

25

Блѣкура и желта. Въ манерахъ замѣтна ловкость и нѣкоторая юркость. Одѣта богато и по модѣ.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА МАМАЕВА, племянница Дергачевыхъ, дѣвица, лѣтъ 22. Черные волосы; большіе сѣрые глаза; прямой изящный носъ; ротъ, выражающій кроткій и нѣсколько «легматическій» характеръ. Движенія ея плавны; разговоръ ровень и отличается искренностью. Одѣта просто, но съ особеннымъ изяществомъ.

КНЯГИНЯ ПОДОЛЬСКАЯ, вдова, лѣтъ 45, съ перерѣзанными формами, выказывающими увядшую красоту. Любитъ молодиться; носить дорогія платья и много золотыхъ вещей. Кокетлива, искательна; тонъ разговора вкрадчивый и льстивый.

МИХАИЛЪ ИВАНЫЧЪ БЕЛЬМЕСОВЪ, молодой человекъ, лѣтъ 25, получившій большое наследство. Наружность довольно красивая, но не симпатичная. Въ манерахъ замѣтна сухость, съ нѣкоторыми признаками фатства.

ГРАФЪ ПЕТРЪ ѲЕДУЛЫЧЪ, вліятельный человекъ, лѣтъ 60. Величавъ, надутъ; носить парикъ; любитъ резонировать, и очень бонсея уронить свое достоинство. Сбѣтаетъ сухо, какъ бы нехотя.

БАРОНЪ АЛЕКСАНДРЪ КАРЛЫЧЪ ЭЙЗЕНШМИДТЪ, добродушный лысый старичокъ, съ энкурейскимъ выраженіемъ на лицѣ. Слабонервнъ и склоненъ къ смѣшливости.

ШЕСТИПАЛОВЪ, пожилой служака; подобострастенъ и трусливъ. Поситъ декорациі и заикается.

ХАСАНОВЪ, уроженецъ Кавказа. Волосы черные съ просѣдью. Носъ большой, съ горбомъ. Рѣчь груба, неправильна, и отличается горловыми звуками. Не лишень подобострастія, и также носитъ декорациі.

ИВАНЪ САМОЙЛЫЧЪ МЮЛЬШТЕЙНЪ, бывшій откупщикъ, пожилыхъ лѣтъ. Безобразенъ, грязенъ; говоритъ съ жидовскимъ акцентомъ.

КОНТОРЩИКЪ ДЕРГАЧЕВА, типъ ловкаго петербургскаго артельщика, вышедшаго въ люди.

Шарманщикъ, итальянецъ.

Лакей Дергачева.

Лакей графа Рива-де-Нейра.

Лакей Бельмесова.

Гости, покупщики акціи, оффиціанты и прислуга на балѣ Дергачевыхъ.

(Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ. Между первымъ и вторымъ актами проходить два мѣсяца; между вторымъ и третьимъ — мѣсяць; между третьимъ и четвертымъ — около года; между четвертымъ и пятымъ — около трехъ мѣсяцевъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляет скромную, низенькую комнату, занимаемую Болтовымъ въ четвертомъ этажѣ одного изъ многолюдныхъ петербургскихъ домовъ. Дверь направо ведетъ въ покой хозяйки Болтова; другая дверь, прямо, выходитъ въ корридоръ, сообщающійся съ сѣнями. У правой стѣны стоитъ большой кожаный диванъ; посерединѣ сцены — ветхій письменный столъ, заваленный кипами бумагъ и книгами, и передъ нимъ кресло; близъ стола — этажерка, также съ книгами. На столѣ стоятъ двѣ стеариновыя свѣчи, уже догорающія. Шкапъ съ платьемъ, гитара, два-три стула и нѣсколько простыхъ картинокъ, по стѣнамъ, дополняютъ убранство комнаты. Десять часовъ вечера.

ЯВЛЕНІЕ I.

Болтовъ и Марья Михайловна. (Болтовъ, одѣтый въ поношенное домашнее пальто, сидитъ у письменнаго стола и пишетъ; Марья Михайловна съ боку, у того же стола, вяжетъ чулокъ).

МАР. МИХ. (съ досадою). Ахъ, мои батюшки, — опять спустила петлю!... Вишь, какъ глаза-то плохи стали!... (Старается поправить ошибку)... Да вы у меня совсѣмъ свѣчи-то заполнили!... Смотритка, куда удвинулъ!...

БОЛТ. (поднявъ голову). А что?... Не видите?...

МАР. МИХ. (пододвигая къ себѣ свѣчи). Гдѣ, тутъ, увидишь, черезъ столъ! Вотъ, хоть бы сюда, что ли, поставилъ... А то, поди-ка, зарылся въ бумагахъ, и знать не хочеть, что я безъ огня свжу!... (Понизивъ голову) Чего вы, только, все пишете — не знаю... Чай, ужь всѣ глаза проглядѣли... Только свѣчкамъ переводъ...

БОЛТ. Погодите, Марья Михайловна, можетъ быть и мондѣла поправится; тогда заживемъ!...

МАР. МИХ. Рассказывайте, по пятницамъ-то... До васъ жилецъ былъ — то же толковалъ. Все, бывало, пишетъ, сердечный... «Каррьеру, говорить, надо сдѣлать»... Маялся, маялся, а кончилъ тѣмъ, что въ долговое посадили... такъ и пропали за нимъ мои денежки!...

БОЛТ. Да что онъ писалъ-то?

Мар. Мих. Все просьбы, что ли, какія-то... Народу къ нему хаживало не мало...

Болт. Вѣрно былъ кляузникъ; нешудрено, что попался!...

Мар. Мих. Кляузникъ!... Поди-ка, какъ скоро рассудилъ!... Нѣтъ, онъ дѣло-то очень хорошо зналъ... Все въ губернское правленіе ходилъ... Ну, а вы-то, что?... Намедни не знали, какъ съ *отмыткой* сладить... Инда дворника насмѣшили...

Болт. Я этихъ мелочей, точно, не знаю... не занимался такими пустяками... У меня теперь дѣло важнѣе... Видите эту кипу бумагъ? Это проэктъ... Когда я его рассмотрю, начальство скажетъ: «молодецъ, Дмитрій Петровичъ! Дать Дмитрію Петровичу мѣсто! Дать ему жалованья — тысячу — двѣ тысячи рублей!» А, каково! Вотъ тогда и закутнѣй! (*Хлопаетъ Марью Михайловну по плечу*).

Мар. Мих. (*съ легкой ироніей*). Все это, батюшка, буки... А теперича, я посмотрю: и бѣлья-то у васъ нѣтъ порядочнаго, и свѣчи-то догораютъ послѣднія.

Болт. (*перебивая*). Какъ свѣчи послѣднія?... Да вѣдь мнѣ надо заниматься!... Я, можетъ быть, буду писать всю ночь... Нѣтъ, ужь, пожалуйста, доставьте!... Голубчикъ, Марья Михайловна (*наскаясь къ ней*), смастерите, возьмите въ долгъ... На этихъ дняхъ, судьба моя рѣшится... (*Слышитъ въ снѣгахъ звонокъ*).

Мар. Мих. Кого это Богъ даетъ въ такую пору?...

Болт. Отворите же. Можетъ быть, ко мнѣ. Да свѣчекъ доставьте непременно... (*Торжественно*) Поль-царства за свѣчку!... (*Марья Михайловна уходитъ*). Прескверное положеніе! Возжусь съ проэктошъ, а рѣшительно не знаю, выйдетъ ли изъ него чтонибудь путное... (*Задумывается*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Болтовъ; потомъ Паньшинъ, Мэри и Марья Михайловна. (Паньшинъ, одѣтый въ бальный фракъ, вбѣгаетъ, каяканируя и держа подъ руку Мэри. Мэри — въ наварадномъ домино, но безъ наски. Она напѣваетъ извѣстный романсъ: «Что ты грустно глядишь на дорогу?...» и заливается звонкимъ хохотомъ. Марья Михайловна слѣдуетъ за ними, съ радостнымъ лицомъ, и украдкой доставъ двѣ свѣчки, незамѣтно вставляетъ ихъ въ подсвѣчники).

Пан. (*бросаясь къ Болтову на шею*). Болтовъ, дружище!...

Болт. Паньшинъ! Ты ли это? Какими судьбами?...

Пан. Сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались! Дай посмотрѣть на тебя!... (*Взглядываясь въ Болтова*) Постарѣлъ, братецъ, ты, выцвѣлъ — точно молью тронуть!... Ну, а эту особу узнаешь? (*Указываетъ на Мэри*).

Болт. Боже мой, Мэри подруга моей юности! Какъ похорошѣла! Позволь разцаловать тебя. (*Цалуются съ Мэри, которая, взявъ его за бакенбарды, начинаетъ разсматривать съ важностью*).

Мэри. Ты все такой же, растрепанный, гадкій и ужъ посѣдѣлъ! Ахъ, странъ какой! Вотъ тебѣ за это! (*Цалуетъ его въ губы, звонко чмокая*).

Болт. Какой счастливый случай васъ занесъ сюда?... Садитесь же, да рассказывайте... А вы, Марья Михайловна, сдѣлайте намъ чайку...

Мар. Мих. Сейчасъ, сейчасъ! (*Начинаетъ хлопотать, приготавливая чай на письменномъ столѣ, но временахъ уходитъ, и наконецъ приноситъ самоваръ*).

Пан. Мы собрались съ Мэри въ маскарадъ, да еще немного рано. Успѣемъ поговорить... (*Садятся, строятся, на диванъ; Мэри беретъ гитару, протягивается вдоль дивана, положивъ голову на колѣни къ Паньшину, и, прислушиваясь къ разговору, слегка перебираетъ струны*). Кому же начинать? Я самъ желалъ бы пораспросить тебя, братецъ, кое о чемъ... Вѣдь давно не встрѣчались.

Болт. Какъ же! Съ университетской скамьи.

Пан. Да, съ той поры, какъ, помнишь, долбили наизусть «Ивигенію въ Авлядѣ?...»

Болт. (*перебивая*). И восхищались, изъ подъ палки, Теокритомъ...

Пан. (*перебивая*). И вѣрили въ непогрѣшительность римскаго права и въ добродѣтель женщинъ...

Болт. (*перебивая*). А ты развѣ потерялъ эту вѣру?

Пан. Въ состоятельность римскаго права?

Болт. Нѣтъ, въ добродѣтель женщинъ?

Пан. Потерялъ, братецъ, вѣру, и въ то, и въ другое... А ты, неужели, вѣришь смѣхъ вѣроломнымъ существамъ? (*Указываетъ на Мэри*).

Болт. Я допускаю исключенія...

Пан. Я, такъ, не допускаю, — оно покойнѣе. Заранѣе задаюсь тѣмъ, что женщины — плутовки, обманщицы. Но это не

нѣшасть мнѣ ихъ любить, — разумѣется, не всѣхъ, а хорошенькихъ. За то вѣтъ мѣста сомнѣніямъ, и любовь, говоря высокими слогами, не теряетъ для меня розоваго колорита...

Болт. Такъ ты... эпикуреецъ... по прежнему?

Пан. По прежнему; я, въ этомъ отношеніи, постояненъ.

Болт. Скажи: что наши бывшіе товарищи? Что, напримѣръ, Пандусовъ, — что ходилъ всегда въ спальныхъ сапогахъ, и танцевалъ за даму, на танцъ-классахъ?

Пан. Спился, братецъ; очень ужъ сильно налегалъ на шпанку. Онъ точно напророчилъ себѣ смерть. Помнишь, бывало, все поетъ латинскую пѣсню:

«Mihі est propositum
In taberna mori.»

Онъ даже перевелъ эту пѣсню: — голосъ, еще, изъ Лучія, — какъ это? (*Задумывается*) Да! (*беретъ у Мэри гитару*) начиналось такъ: (*Напѣваетъ*)

«Мнѣ судьбой назначено
Кончатъ жизнь въ трактирѣ...»

И дѣйствительно, братецъ, — по сказанному, какъ по писанному, — кончилъ жизнь у трактирнаго бильярда...

Болт. Жаль!... А что толстякъ Жмуровъ, что такъ неистово надувалъ валторну въ оркестрѣ?...

Пан. Сошелъ съ ума. — Его надула, въ свою очередь, какая-то толстая вдова... Однако, позволь, — расскажи лучше о себѣ, чѣмъ спрашивать о другихъ. А то мнѣ придется давать тебѣ все такіе отвѣты: «пьетъ», — «пьетъ и беретъ взятки», — «пьетъ, беретъ взятки, и обыгрываетъ въ карты». Немногіе, братецъ, уцѣлѣли...

Болт. Уцѣлѣлъ ли ты, по крайней мѣрѣ?

Пан. Я, братецъ, самыхъ строгихъ правилъ. Почти не пью — докторъ не велѣлъ; въ карты не играю вовсе — не умѣю; взятковъ не беру, потому что не даютъ. Моя главная слабость — это женскій полъ... Когда я вижу вотъ такія ножки (*показываетъ на ноги Мэри*), — съ бантиками на концахъ ботинокъ, или край шитой юпки, тогда у меня, вотъ здѣсь, точно что-то порвется (*показываетъ на сердце*). Передъ глазами, какъ у преступника, проходитъ кровавое облако... Я бываю тогда способенъ на всякую глупость...

Болт. Полно шутить... Расскажи серьезно, что съ тобой происходило, все это время.

Пан. Изволь, изволь!... Ты помнишь, —отецъ мой былъ откупщикомъ. Дѣла его сначала шли хорошо. Онъ и самъ жилъ отлично, и мнѣ давалъ много денегъ... Бывало, цѣлый день рыщешь на лихачѣ!.. Однако, страстишка, въ родѣ этой (*показываетъ на Мэри*), подъ-конецъ разорила моего родителя... Когда онъ умеръ, дѣла его были очень разстроены... Мнѣ пришлось сильно позаняться... Я съ мѣсяцъ просидѣлъ въ четырехъ стѣнахъ, пересмотрѣлъ бумаги и счета, передалъ откупъ въ другія руки, и теперь переселяюсь сюда, чтобы вести дѣла на биржѣ... Тысячекъ полтораста мнѣ очистилось... Можно жить припѣваючи...

Болт. Чѣмъ же ты будешь заниматься?

Пан. Пушу капиталъ въ оборотъ, а самъ буду наслаждаться... Женщины, женщины—вотъ цѣль моей жизни!

Болт. (*обращаясь къ Мэри*). Ну, а ты какъ поживаешь?

Мэри. Квартира въ бель-этажѣ, на Михайловской площади, карета, пара рысаковъ, соболій салонъ, денегъ—въ волю...

Болт. Недурно. Откуда же такая благодать?

Мэри (*полусерьёзно*). Какъ откуда? Выработываю.

Болт. Знаю, что выработываешь. Но кто же главная-то практика?

Мэри. Баронъ Эйзеншmidtъ, лысый старикашка... Онъ меня очень балуетъ; я его чудо какъ люблю!

Болт. Прекрасно. А этотъ молодой человекъ? (*Показываетъ на Паньшима*).

Пан. Видишь ли, въ чемъ дѣло? Баронъ Эйзеншmidtъ даетъ ей общественное положеніе. Онъ — основной фондъ ея благосостоянія. Я только прихоть, — забава...

Болт. (*смотря на Мэри*). Какъ она пережѣвилась... Во время оно, —мы жили рядомъ на чердакѣ у Марьи Михайловны... (*Къ Марьѣ Михайловнѣ*). Помните?

Мар. Мих. (*съ чувствомъ*). Какъ не помнить! Полюбила я тогда васъ, какъ родныхъ!.. Оба были сироты: ни отца, ни матери!.. (*Наливаетъ чай и разноситъ на поднось, потомъ садится за столъ у самовара*).

Болт. Бывало, и у меня, и у нея (*показываетъ на Мэри*) странное безденежье. Приходилось подѣлать цикорный ко-

фей и занимать другъ у друга четвертаки... Чуть ли я тебѣ не остался еще долженъ полтинникъ, — а?

Мэри. А ты мнѣ за-то покупалъ лекарства, когда я была больна. (*Понизивъ голосъ такъ, чтобы Марья Михайловна не могла слышать*) Теперь нечего скрывать: я знала, что ты заложилъ тогда для меня свою пѣпочку...

Болт. Ахъ, да: въ самомъ дѣлѣ. Скажите, какъ это трогательно!.. Такъ ты, хоть и вышла въ знать, а не забыла меня?

Мэри. Никогда не забуду... я знаю, что ты тратился на меня не изъ-интереса...

Болт. Въ самомъ дѣлѣ... наши отношенія были совершенно чисты... Мы жили, какъ братъ и сестра... Мэри, бывало, работаетъ надъ чепцами да платьями; я сижу возлѣ нея за книгой... Вечеромъ, иногда сойдемся у топленной печки, да вмѣстѣ пожалуемся на судьбу... Она все мечтала, какъ бы открыть магазинъ; я—какъ бы сдѣлаться профессоромъ... А вѣдь славное было время! Не такъ ли, Мэри?

Мэри. Чѣмъ славное?

Болт. Какъ чѣмъ? На душѣ было свѣтлѣе,—на сердцѣ легче... Мнѣ тогда вѣрилось, что я добьюсь чего нибудь... А теперь что-то не вѣрится...

Мэри. Ты все такой же, — хандрить да жалуешься... Бывало, выйдутъ деньги, — и повѣситъ носъ; точно, въ самомъ дѣлѣ, бѣда... Нѣтъ, я не въ тебя... Посмотрѣла, посмотрѣла—вижу, шитьемъ много не добудешь,—бросила чепцы, переѣхала къ барону, да и зажила барыней. Что тутъ думать-то!...

Пан. (*глядя Мэри по головѣ*). Молодецъ, молодецъ женщина. (*Къ Болтову*). За-то, посмотри, братецъ, какая атласная ручка, — какіе изящные ногти! Я ужь не вхожу въ подробности... Надо правду сказать, — прелесть дѣвочка!..

Мэри (*къ Болтову*). Пріѣзжай ко мнѣ; съ меня теперь пишутъ портретъ для барона...

Пан. (*съ увлеченіемъ*). Если бы ты видѣлъ, что это за великолѣпіе!.. Венера, братецъ, да и только!.. Я хочу заказать себѣ копію... Нѣтъ, знаешь, чѣмъ еще она хороша?.. Занимается своимъ воспитаніемъ, — къ ней ходитъ студентъ, даетъ уроки. (*Къ Мэри*) Да ты ужь не кокетничаешь ли съ своимъ учителемъ,—а? (*Грозитъ пальцемъ*).

Мэри. Вотъ, вздумалъ! Съ этимъ рыжишь ч. челомъ?.. Что я—не нашла, что ли, лучше-то никого? (*Обрацаясь къ Болтову*)

Однако, чѣмъ пустяки толковать, расскажи—ка лучше про себя... Гдѣ ты побывалъ съ тѣхъ поръ, какъ мы вѣстѣ горе-то тѣпали?

Пан. Въ самомъ дѣлѣ!... Мы теряемъ время, а мнѣ еще нужно передать тебѣ кое-что?

Болт. Что такое?...

Пан. Нѣтъ, прежде изволь рассказывать... Мы вѣдь, братецъ, не видались съ тѣхъ поръ, какъ ты вышелъ изъ университета... Помню, какъ блистательно ты выдержалъ экзаменъ. Но за то, какая у тебя была въ ту пору испитая физиономія,—просто умора! Ты тогда чуть совсѣмъ не извелся за работой...

Болт. Да, лѣзь изъ кожи, и Богъ-знаетъ—для чего!.. Теперь иногда становится досадно...

Пан. (*оглядываясь кругомъ*). Въ самомъ дѣлѣ, «науки», какъ жетя, тебя не очень сытно «питаютъ»!.. Однако, рассказывай, рассказывай, — мы слушаемъ...

Болт. Рассказывать мнѣ много нечего... По окончаніи курса, я тотчасъ поѣхалъ за-границу...

Пан. Это знаю; ты рѣшилъ заниматься политической экономіей?

Болт. Именно... Пробылъ годъ въ Берлинѣ, два года въ Парижѣ. Изъ Парижа ѣздилъ въ Англію... Мнѣ хотѣлось поучиться за-границей, чтобы приложить потомъ свои знанія здѣсь, въ Россію... Мечталъ выйти въ люди... Потрудился я не мало,—перечиталъ много книгъ; сошелся съ нѣкоторыми экономистами; даже кое-гдѣ пописывалъ въ газетахъ...

Пан. Знаю, знаю. Недавно былъ объ этомъ разговоръ...

Болт. Гдѣ? у кого?

Пан. Послѣ скажу, а ты продолжай...

Болт. Да я почти кончилъ... Я вернулся въ Россію мѣсяца четыре тому назадъ... Хотѣлось поскорѣе пристроиться на службу... Я желалъ дѣятельности практической... Карьера ученая мнѣ казалась слишкомъ замкнутой... Нашлись знакомые, — пристроили меня въ министерство — *на испытаніе*. Вотъ это испытаніе и стало мнѣ поперекъ горла... Дали мнѣ разсматривать одинъ проектъ; надъ нимъ-то я и вожусь теперь уже двѣ недѣли... Ужасно трудно!.. То есть, не самый предметъ труденъ, а тяжело то, что приходится доказывать пользу такого дѣла, которому не сочувствуешь...

Пан. Что же это за проектъ?

Болт. Знаешь? Теперь вѣдь всѣ бросаются въ акціонерныя предпріятія!.. Вотъ и нашлись господа—затѣваютъ новую компанію на акціяхъ; хотятъ назвать ее «Громоотводъ.» Цѣль у нихъ, видишь, та, чтобы застраховать акціонеровъ всѣхъ компаній отъ большихъ потерь, уравнивать проигрышъ и выигрышъ... Если какое предпріятіе начнетъ падать, они вызываются поддержать его; если слишкомъ зазнается, они собьютъ ему спеси. Они обезпечиваютъ акціонерамъ извѣстный процентъ, и за это берутъ процентъ въ свою пользу... Вотъ главные основанія проэкта... Оттого происходитъ и самое названіе — «Громоотводъ». Онъ долженъ предупреждать акціонерныя грозы...

Пан. Это, значитъ, почти то же, что «Crédit Mobilier» во Франціи?

Болт. Не совсѣмъ-то; но между ними есть сходство... На мой взглядъ, это сходство, впрочемъ, не въ пользу «Громоотвода»... Про «Crédit Mobilier» кто-то сказалъ, что это — ягренный дождь, гдѣ хозяева заглядываютъ въ карты... По моему, и «Громоотводъ» былъ бы въ томъ же родѣ... Онъ сдѣлался бы центромъ биржевой игры, а главное—убилъ бы прочія предпріятія.

Пан. (шутливо). Ну, этого, братецъ, я что-то не понимаю... Ты говоришь, что онъ, напротивъ, хочетъ поддерживать другія компаніи?..

Болт. То есть, какъ поддерживать?.. Взять ихъ въ опеку — значитъ, подавить предпріимчивость, развить безпечность, безответственность, заставить выдавать чрезмѣрные дивиденды, произвольно возвышать и понижать цѣну акцій!.. Вотъ послѣдствія!.. Виѣшность тутъ, правда, прилична; но пораскопай-ка, и увидишь такія прорѣхи, что бѣда!..

Пан. Ты, братецъ, кажется, увлекаешься! Если люди идутъ въ это дѣло, стало быть есть же въ немъ что нибудь путное!..

Болт. Какъ не идти въ дѣло?.. Теперь такое время!.. Затѣй, какой хочешь вздоръ, да распни позаманчивѣе, такъ всѣ пойдутъ къ тебѣ, какъ мухи на отраву... (Послѣ нѣкотораго раздумья). Хотятъ застраховать цѣлыя предпріятія!.. Вѣдь это, значитъ, поручиться за стихіи, за подитическія обстоятельства, за нравственность людей... Каково! Признаюсь, если бы такое страхованіе удавалось, мы жили бы, какъ на Макарійскихъ островахъ... Да, вотъ, пришлось къ слову... Не хочешь ли, я устрою компанію для застрахованія вѣрности женщинъ? Пойдешь ли ты въ долгу, — а?

Пан. Ну, нѣтъ, братецъ, извини: это значитъ — проиграть на-вѣрное!.. (Обращаясь къ Мэри). Не такъ ли?

Мэри. Ужь и вы хороши! Кто и за вашу братью поручится — чай, двухъ дней не проживеть!

Мар. Мих. (къ Мэри). Машинька! Поди-ка сюда, дружокъ, поговоримъ, пока господа-то заняты дѣломъ... Давно вѣдь мы, мой ангель, не видались.

Мэри. Сейчасъ, сейчасъ!.. (Вставая и обращаясь къ Паньшину) Не хочу съ тобой сидѣть — ты гадкій! (Встаетъ и садится воля Марьи Михайловны. Обѣ начинаютъ говорить вполголоса).

Болт. (къ Паньшину). Такъ ты не хочешь поручиться за женщину, а готовъ поручиться за стаю торгашей?

Пан. (вспыливъ). Что ты толкуешь?.. Между торгашами, братецъ, есть много честнѣйшихъ людей. Если гдѣ еще встрѣчаешь честность да аккуратность, — такъ это именно въ коммерческихъ дѣлахъ...

Болт. Честность и аккуратность! Разумѣется! Но эта честность и эта аккуратность развиты въ торговлѣ на столько, на сколько необходимо для успѣха дѣла. Это не въ силу принципа, а потому, что если начать надувать на каждомъ шагѣ, такъ тебѣ не повѣрятъ ни на-грошъ.

Пан. Да не все ли тебѣ равно, лишь бы не надували?

Болт. (съ жаромъ). Все равно — лично для меня, и когда я имѣю дѣло съ мелочной лавкой. Но далеко не все равно, когда сюда замѣшаются общественные интересы... Что мы видимъ на каждомъ шагѣ? Человѣкъ былъ честенъ, пока могъ воровать только гривенники, а оставь ему на руки худо-запертый сундукъ, откуда можно утащить сотню тысячъ, — того и гляди, утащить, — утащить, да еще начнетъ проповѣдывать о честности, да карать другихъ за плутовство.

Пан. Ты ошибаешься, братецъ, право ошибаешься.

Болт. Какъ ошибаюсь?

Пан. (полусерьезно). Да такъ. Я того мнѣнія, что всякій начинаетъ воровать именно съ пятаковъ да гривенниковъ, и если не попадается, то потомъ разомъ хватаетъ сотню тысячъ.

Болт. (съ усмѣшкой). Ну, то-то же! Развѣ мы не знаемъ, какъ обкрадываютъ банки за-границей?.. Прислушайся къ толкамъ между торговцами, — не тѣни, что ворочаютъ милліонами и ведутъ только книги (такіе скрытны и не проговариваются),

а съ практиками, что нѣбють дѣло съ людьми, и ты услышишь, что вся ихъ механика основана на взаимномъ надувательствѣ. Нужно только знать, когда надуть и на сколько. Вотъ и весь фортель... Какая же, послѣ этого, гарантія, что такой духъ не войдетъ и въ это дѣло? А тутъ ужъ такой просторъ плутовству, какъ нигдѣ...

Пан. (съ ироніей). Такъ, значить, братецъ, по твоему, нельзя начинать никакихъ дѣлъ? Надо сидѣть, сложа руки, да читать книжки, какъ ты до сихъ поръ?

Болт. (успокоившись). Напротивъ, надо дѣйствовать... Я самъ жалѣю, что до сихъ поръ только читалъ книги... Скажу тебѣ искренно: книжныя занятія сдѣлали меня очень непрактичнымъ. Вовсе не умѣю ладить съ людьми... Вотъ, чрезвычайно желалъ бы заняться чѣмъ нибудь полезнымъ, да не знаю, куда пристыться... Я тебѣ сгоряча разругалъ «Громоотводъ»... Но это мое личное убѣжденіе. Надо потолковать съ практиками... Начальство, кажется, расположено въ пользу проэкта; стало быть, есть же въ немъ что нибудь хорошее.

Пан. Тебѣ, братецъ, какъ я посмотрю, надо начать работать настоящимъ образомъ, да извѣдка приносить жертвы граціямъ, — какъ кто-то изъ древнихъ совѣтовалъ такому же бирюку, какъ ты... Здѣсь ты совсѣмъ зачерствѣешь, заплеснѣешь... Ну, да противъ всего этого лекарство найдется...

Болт. А что такое? Не хочешь ли ты начать воспитывать меня, какъ Поль-де-Кожъ одного изъ своихъ героевъ, въ обществѣ лоретокъ?

Пан. Боже упаси, — зачѣмъ? Около тебя ихъ сестрѣ, кажется, нечѣмъ поживиться... Нѣтъ, у меня къ тебѣ серьезное предложеніе...

Болт. А именно?..

Пан. Ты желаешь практической и полезной дѣятельности?..

Болт. Больше всего на свѣтѣ...

Пан. Такъ хочешь быть редакторомъ одного журнала!

Болт. Какого?

Пан. «Биржеваго Вѣстника», что издается Дергачевымъ? Это редакторство было бы по тебѣ...

Болт. (съ удивленіемъ). Вотъ неожиданное предложеніе!

Пан. Ну, да полно удивляться... Хочешь, или нѣтъ?

Болт. Какъ не хотѣть; но вотъ что! Вѣдь это журналъ чисто-

практическій?... Я не приготовленъ, чтобы вести его съ достоинствомъ... Да и какъ тебѣ пришло въ голову?...

Пан. Эхъ, какая ты, братецъ, ямла! Кони предлагаютъ, такъ, значить, дѣло возможное... Ты слыхалъ о Дергачевѣ?...

Болт. Слыхалъ мелькомъ... Не тотъ ли это Дергачевъ, что былъ въ наше время въ университетѣ?...

Пан. (*перебивая*). И убоился бездны премудрости?... Именно. Онъ вышелъ изъ перваго курса...

Болт. Чѣмъ же онъ теперь? Неужели издаетъ журналъ?

Пан. А отчего бы и нѣтъ! Теперь только лѣнливый не издаетъ журналовъ...

Болт. Да вѣдь онъ русскую грамоту—то плохо зналъ, сколько нѣтъ помнится!

Пан. Экой, братецъ, ты какой! Тебѣ бы журналъ издавать, да еще и грамоту знать! Будеть съ тебя и одного чего нибудь.

Болт. Нѣтъ, серьёзно, — какъ же это такъ?

Пан. Ну, вотъ, присталъ! Что тебѣ за дѣло, какъ это происходитъ. Принимай *совершившійся фактъ*, какъ говорятъ дипломаты, да и ступай къ Дергачеву въ редакторы.

Болт. Послушай: тутъ есть что-то странное!

Пан. (*съ досадою*). Прошу покорно! Сейчасъ твердилъ, что желаетъ дѣятельности, а теперь, предлагаютъ ему дѣло, — такъ кобенится!

Болт. Я не прочь; но какъ вспомню про Дергачева, такъ сдѣдается смѣшно... Дергачевъ — издатель журнала!.. Просто смѣхъ!.. Ха, ха, ха!..

Пан. Вишь, расходился! Да что ты думаешь про Дергачева? Это, братецъ, человекъ замѣчательный. Въ университетѣ онъ былъ въ черномъ глѣ; потому и незамѣтно было въ немъ прыти. А теперь поди—ка!.. Онъ, видишь, прямо принялся за практику, — оттого ему все и далось... Какъ вышелъ изъ университета, Дергачевъ нашъ сталъ, говорятъ, живиться около какой-то купчихи; скоро у него явился и капитадецъ; тогда онъ пріютился къ старовѣру подрядчику, сталъ, черезъ барынь, доставлять ему поставки въ казну; потомъ принялъ дѣла его на себя; женился на богатой, переѣхалъ въ Петербургъ, перекупилъ журналъ, да теперь такъ ведетъ дѣла, что только карманы отдуваются... Вотъ, оно что — практика—то! А ты, вотъ, съ своими высшими взглядами, только въ кулаки себѣ дуешь!.. Ну, что присмирѣлъ?... Завид-

но стало?... Берись за гужъ. Можетъ статься, и ты въ Дергачева выйдешь!..

Болт. Ты все шутишь! Говори серьезно.

Пан. Я говорю, братецъ, серьезно... Видишь ли? у Дергачева скопилось теперь много дѣлъ... Онъ, между прочимъ, загѣваетъ и «Громоотводъ».

Болт. Вотъ какъ! Въ проэктѣ, однако, нѣтъ его фамилин.

Пан. Все равно... Но потому, что онъ тутъ участвуетъ, я и думаю, что дѣло должно быть не дурно... Да, — такъ я опять о его предложеніи... Дергачевъ — только практикъ... Между тѣмъ ему хотѣлось бы сдѣлать изъ «Биржеваго Вѣстника» серьезный коммерческій органъ, подпустить туда, знаешь, этакихъ всякихъ воззрѣній и велерѣчій. Статьи твои ему бросались въ носъ. Вотъ, онъ узналъ, какъ-то, что мы съ тобой товарищи, и попросилъ меня передать тебѣ его *предварительное* предложеніе. Оно, конечно, ни къ чему тебя не обязываетъ... Ну, попалъ теперь, какъ это произошло?

Болт. Понялъ, понялъ; но я не знаю, каковы убѣжденія этого Дергачева: буду ли я достаточно независимъ?

Пан. Эхъ, братецъ, какой ты скучный! Носишься съ своими убѣжденіями, точно Богъ-вѣсть, съ какими сокровищемъ... Что же? Ты думаешь, только твои убѣжденія и хороши?..

Болт. Вовсе не думаю!... Но какъ же взяться за дѣло, и не знать, къ чему его вести?

Пан. Кто тебѣ говорить!.. Повидайся съ Дергачевымъ, — переговоры... Сообщи ему свой взглядъ, пойми его. Можетъ быть, *теорія съ практикой* на этотъ родъ сойдутся! а?

Болт. Только, вотъ что! Я къ нему не пойду первый. Это значило бы занскивать...

Пан. Прошу покорно, какъ строго себя держать! Ай да Болтовъ!.. А кабы ты посмотрѣлъ, братецъ, какъ передъ Дергачевымъ извиваются всякія *особы* обоихъ половъ... Ну, да хорошо, хорошо! Онъ къ тебѣ самъ зайдетъ... По рукамъ, что ли? (*Протягиваетъ руку*).

Болт. По рукамъ (*хлопаетъ его по рукамъ*).

Пан. (*глубоко вздохнувъ*). На силу-то! какъ гора съ плечъ! Замаялъ ты меня совсѣмъ! И не помню, когда я съ кѣмъ такъ вознялся!... (*Къ Марью Михайловну*) Марья Михайловна, дай-тека чайку; совсѣмъ въ горлѣ пересохло!..

Мар. Мих. Сейчасъ, сейчасъ! (*Подаетъ чай*).

Пан. (къ *Марья Михайловна*). О чемъ вы, тамъ, съ Мэри-то бесѣдовали?

Мар. Мих. А я ее, признаться, все спрашивала, какое, то есть, у барона насчетъ ея положеніе...

Пан. Ну, что же? Я думаю, богатое положеніе?

Мар. Мих. Да ужь чего! Умирать не надо! Вотъ, я все и говорю, что надо держаться барона. Старичокъ всегда лучше: скорѣе обезпечить... Съ вашимъ братомъ свяжись, такъ пропадешь... Право, такъ!..

Пан. Я тоже ей внушаю постоянно... (*Марья Михайловна уходитъ на прежнее мѣсто, и продолжаетъ говорить съ Мэри*). (*Къ Болтову*). Такъ, значитъ, мы о дѣлѣ мончили! Теперь нѣ нужно дать тебѣ еще кое-какія наставленія... Постарайся, братецъ, сойтись съ Дергачевыми... Жена у него прелюбезная особа, а племянница жены, что живетъ у нихъ, просто, братецъ, прелесть!.. Такой лакомый кусочекъ, что какъ смотришь, только слюньки текутъ!.. Эхъ, кабы киса-то у тебя была потолще да вправъ посмѣлѣе, могъ бы ей, этакъ, турусы на колесахъ, да и законнымъ...

Болт. Вотъ, нашелъ ей партію! (*Грустно*) У меня даже нѣтъ порядочнаго имени!.. Не знаю, кто былъ мой отецъ и мать!.. А, кстати, какъ зовутъ Дергачева?

Пан. Иванъ Кондратьичъ. Только ты, смотри, какъ попадешь въ биржевой кружокъ, не вздумай проговориться, что не зналъ Ивана Кондратьича... «Какъ», скажутъ: «вы не знали Ивана Кондратьича? — Ивана Кондратьича не знали?» — просто засмѣютъ тебя. «Что, скажутъ, это за человекъ: Ивана Кондратьича не зналъ!» Такъ вотъ каковъ Иванъ Кондратьичъ! А ты давеча вздумалъ надъ нимъ трунить!.. Жена у него Катерина Ивановна, а племянница Ольга Петровна, по фамилии Мамаева.

Болт. (*съ удивленіемъ*). Мамаева? Ольга Петровна?..

Пан. Ну, да, Мамаева Ольга Петровна. Отчего же ей не быть Мамаевой Ольгой Петровной? Что? не нравится, что ли, фамилія, или имя?

Болт. (*съ раздумьи*). Нѣтъ, ничего...

Пан. У тебя, братецъ ты мой, есть что-то на умѣ; изволь каяться.

Болт. Право, ничего... Можетъ быть, это случайное сходство. Я разъ встрѣтился съ одной Ольгой Мамаевой.

Пан. Какъ, гдѣ? Ужь началъ, такъ рассказывай!

Болт. Да что рассказывать? Можетъ быть, это вовсе не она.

Пав. Нѣтъ, нѣтъ, любезнѣйшій; такъ не отдѣлаешься... Я здѣсь всю ночь просижу, а ужъ выжиу изъ тебя, что мнѣ надо... Вишь, какой скромникъ!.. (Къ Мэри). Мэри, поди-ка сюда, Болтовъ сейчасъ будетъ рассказывать про женщину, — слышишь ли? про женщину!...

Мэри (подбывая къ Болтову). Ну? слушаю!..

Мар. Мих. (вслушавшись). Грѣховодники, право, грѣховодники? (Машетъ рукой и уходитъ.)

ДВЕНАДЦАТЫЙ ПЕРСОНАЖЪ.

Тѣ же, кромя Марьи Михайловны.

Пав. (къ Мэри). А если онъ начнетъ упрямиться, такъ ты его булавкой; онъ этого ужасно не любитъ.

Мэри (къ Болтову). Говори же! А то, вотъ, какъ-разъ за-пушу! (Показываетъ на булавку.)

Болт. Перестань, перестань... Начинаю... Видите ли, годъ тому назадъ, я ѣхалъ изъ Англіи во Францію, — разуйѣтся, черезъ проливъ...

Пав. Понятно, братецъ, дѣло, что черезъ проливъ.

Болт. Сѣлъ я въ Ньюгавенъ, а направлялъ путь къ Діэппу... Погода была сначала довольно тихая... На пароходѣ пассажировъ было немного... Въ числѣ ихъ я замѣтилъ и русское семейство.

Пав. По разговору, что ли, узналъ?

Болт. Да, по французскому разговору: русскіе за границей всегда говорятъ по-французски.

Пав. Ты, вѣрно, представился въ качествѣ компатріота?

Болт. Нѣтъ, вовсе не представлялся, потому что было не до того... Море скоро забушевало; пассажиры получили морскую болѣзнь; лица у всѣхъ поблѣднѣли, вытянулись; тутъ ужъ было не до любезностей... Русское семейство состояло изъ отца, дочери и компаньонки. Отецъ лежалъ, какъ пласть, кажется, спалъ; дѣвочки сильно страдали, но сначала были въ памяти... Я тоже чувствовалъ сильный припадокъ... Все рассказывать долго... Дѣло въ томъ, что началась буря, у парохода соскочилъ руль, потомъ испортился винтъ; волны стали заливать

насъ... Тогда спустили шлюпку и начали переносить туда дамъ... Надо сказать, что когда опасность усналась, я принялся ухаживать за одной изъ дѣвицъ...

Пан. Это и была Ольга Мамаева?

Болт. Да; но въ ту минуту я вовсе не зналъ, кто она.

Пан. Почему же ты, братецъ, именно къ ней подрезонился?

Болт. Сначала потому, что она страдала больше, чѣмъ компаньонка, а потомъ тутъ была и другая причина... Ты исмыталъ, что такое морская болѣзнь, или видалъ другихъ въ этой болѣзни?

Пан. Нѣтъ, братецъ, Богъ хранилъ; я терпѣть не могу моря; дальше Петергофа не пускался въ плаваніе.

Болт. Дѣло въ томъ, что въ сильномъ припадкѣ ныне совершенно теряютъ сознание, особенно женщины... Такъ и Ольга Мамаева, когда сдѣлалось опасно, была ужъ безъ памяти... Металась, бѣдняжка, старалась сорвать съ себя все, что на ней было, такъ-что я разстегнулъ ей корсетъ... Но какъ она была хороша въ эту минуту!... Ахъ, какъ хороша! Я-было совсѣмъ засмотрѣлся.

Пан. (*дрожа отъ восторга*). Ужъ и не говори лучше!... У меня и вчужѣ такъ мурашки по кожѣ забѣгали!... Ужасно люблю хорошенькія плечики!... Ухъ! бррр! прелесть, братецъ, — а?

Мэри (*слегка ударивъ его по щекѣ*). Вотъ тебѣ, молчи! (*Къ Болтову*) А какой былъ у нея корсетъ?

Болт. Изъ бѣлаго муаръ-антикя...

Пан. (*къ Мэри*). Полно, не мѣшай рассказывать. (*Къ Болтову*) Ну, что же далѣе?

Болт. Что далѣе?... Да, надо тебѣ замѣтить, когда я ей расстегнулъ корсетъ, я увидалъ у нея на шеѣ медальонъ на цѣпочкѣ — ни дать ни взять, какъ у меня. Эго ли, или плечики ея особенно подѣйствовали, только я получилъ къ ней чрезвычайную симпатію...

Пан. (*лукаво*). Ужъ признайся, что плечики болѣе подѣйствовали, чѣмъ медальонъ!

Болт. (*улыбался*). Можетъ быть!.. (*Продолжалъ*) Намъ пришлось плохо... Всѣ бросались въ шлюпку; я потащилъ и Ольгу, уложилъ ее тамъ, и собирался опять на пароходъ, чтобы перевести компаньонку; но шлюпка переполнилась водою; послышались крики; я сталъ глотать воду; что-то меня сильно ударило, и затѣмъ я не помню, что происходило... Осталось только въ

сознании, что я какъ будто раусь впередъ, цѣпляюсь, и что что-то ухватился за меня и не пускаетъ... Впослѣдствіи я узналъ, что я вытащилъ Ольгу на берегъ...

Пан. Гдѣ же ты очулся?

Болт. Въ Діэппѣ, у себя на квартирѣ. У кровати моей сидѣла Леонтина, дочь хозяйки. Мы съ ней были большіе друзья... Леонтина мнѣ рассказала, что переходъ потонулъ, но что пассажиры почти всѣ спаслись; что я былъ принесенъ безъ чувствъ и что у меня была на плечѣ рана... Я дѣйствительно чувствовалъ боль въ плечѣ... Затѣмъ — что, на другой день, ко мнѣ приходило русское семейство и что ко мнѣ есть записка... Изъ записки я узналъ, что это семейство были Мамаевы и что Ольга Мамаева считаетъ меня своимъ избавителемъ....

Пан. Такъ ты ее спасъ, братецъ, не быши ей представленнымъ?...

Болт. Когда ужъ тутъ было разсуждать!...

Пан. (съ важностью). Вотъ, тотчасъ видно, что человѣкъ неблаговоспитанный!... Нѣтъ, здѣшніе кавалеры не таковы!... Здѣсь недавно на балѣ загорѣлось на дѣвицѣ платье, такъ вѣдь никто изъ кавалеровъ не пошелъ тушить, потому что не имѣли чести быть ей представленными... Вотъ это, значитъ, воспитаніе!...

Болт. Можетъ ли быть?

Пан. Да ужъ это вѣрно... Только не о томъ теперь рѣчь... Неужели ты такъ и не видался съ Мамаевыми?

Болт. Они на другой день уѣхали, — не знаю куда.

Пан. А адреса развѣ не оставили?

Болт. Нѣтъ; можетъ быть, сами не знали, куда отправятся...

Пан. (съ досадою). Чортъ знаетъ, что за хладнокровіе въ этомъ человѣкѣ! Ты, вѣрно, искушавшись въ морѣ, набрался рыбьихъ свойствъ. Да какъ же было не попробовать?...

Болт. Хочешь видѣть записку? Она у меня...

Пан. Разумѣется; давай, давай.

Болт. (вынувъ изъ стола свертокъ бумагъ). Вотъ!

Пан. Дай, Мэри прочтеть; кстати, увидишь, какъ она нынче бойко читаетъ.

Мэри (открывъ записку, читаетъ). «Дѣла моего отца загваляютъ насъ оставить Діэппѣ. Мы уѣзжаемъ завтра. Это лишаетъ меня возможности лично благодарить васъ, мой избавитель; но чувство признательности къ вамъ во мнѣ тѣмъ не менѣе живо и

сильно. Знаю, что вы русский, и горжусь вашим подвигомъ. Молю Бога о вашемъ выздоровленіи и о томъ, чтобы Онь поощрилъ мнѣ случай ближе узнать человека, жертвовавшего за меня жизнью. До свиданія въ Россіи.»

«Ольга Мамаева.»

Болт. Видишь ли? Россія велика, гдѣ же мнѣ было искать ее?

Пан. (съ торжественностью). Ужь лучше не оправдывайся... Простю, братецъ, мы рожля, увалець, чортъ-знаеть-что такое!...

Болт. Вотъ, кареша!... Для перваго свиданія вздумалъ ругаться...

Пан. Да нельзя не ругать-то тебя! (Къ Мэри) Постой-ка, постой — дай записку.

Мэри (подаетъ записку). На, возьми.

Пан. Хочу посмотрѣть почеркъ!.. Да чуть ли не ея!... Того и гляди, что это она... (къ Болтову) Ты точно въ сорбчкѣ родился; вотъ ужь не въ коня-то коря!...

Болт. Ты думаешь, въ самомъ дѣлѣ, что это та самая Ольга Мамаева?

Пан. Почти увѣренъ!... Ну, что? Теперь не станешь отпѣкиваться отъ знакомства съ Иваномъ Кондратьичемъ?

Болт. Видишь ли, что: это, нѣкоторымъ образомъ, поставить насъ въ ложное положеніе. Я какъ будто стану напоминать о себѣ; онъ, пожалуй, сочтетъ себя обязаннымъ...

Пан. (съ досадою). Ну, слушай, Болтовъ, всему есть мѣра. Этакъ, братецъ, я вѣдь тебя и изобью. Счастье къ человеку валить само, а онъ только ханжить да брыкается... Изобью, ей-богу, изобью,—просто изувѣчу!.. (Успокоившись) Полю, въ самомъ дѣлѣ, вздоръ-то говорить!... Такъ, на дняхъ, Дергачевъ къ тебѣ пріѣдетъ, потомъ ты отправляйся къ нему, да одѣнься порядочно, причешись... Ты вѣдь теперь похожъ на лѣшаго... Будь поразвязнѣе, сойдишь съ дамами... Не приелать ли тебѣ портнаго?

Болт. А чѣмъ же я ему заплачу?

Пан. Стоить токовать о такихъ пустякахъ!... Экипируйся же хорошенько... Кстати, ты тащуешь?

Болт. Давно пересталъ.

Пан. И прескверно сдѣлалъ... У Дергачевыхъ скоро балъ; ты бы и ногъ тамъ заняться этимъ малодушествомъ... Да мы тебя развернемъ...

Мэри. (*взглядывает на часы*) Не пора ли намъ, Саша? Скоро полночь.

Пан. (*суетливо*). Вѣдь въ самую дѣлѣ пора; когда-то еще дождемъ... (*къ Болтову*) Такъ прощай, дружище!

Бол. Прощай, — спасибо! (*Цалуются*) Заверни когда и опять!

Пан. (*перебивая*). Смотри же, не пятайся назадъ... Не жалѣй кармановъ Дергачева — толсты, вынесутъ. Да не ершишь, пожалуйста, своими убѣжденіями; выѣденаго лица они, братецъ, не стоятъ, убѣжденія-то твои... (*Къ Марью Михайловну*) Прощайте, Марья Михайловна, прощайте, не обвиняйте лихою! (*Цалуетъ ее*). Пора, пора! Мэри, поѣдемъ!

Мэри. Карета на улицѣ?

Пан. На улицѣ, — маршъ!

Мэри (*къ Болтову*). Прощай, медвѣженочъ, — смотри же, не плошай съ своей Ольгой!.. (*Цалуетъ его*) Марья Михайловна, до свиданія, душечка; такъ приходите, непременно приходите!

Мар. Мих. Приду, приду, моя радость; отчего не придти! (*Цалуются*).

Болт. Прощайте, — желаю веселиться!

Пан. Спасибо! До свиданія.

Мэри. До свиданія. (*Панъ и Мэри выходятъ; Болтовъ ихъ провожаетъ; Марья Михайловна свѣтитъ за дверь. Слышнень голосъ Мэри, которая поетъ: «Что ты грустно глядишь на дорогу!»*)

(*Занавѣсъ опускается*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ внутренность кабинета Дергачева. Это большая богато убранная комната, съ каменною, въ которомъ глѣзетъ каменный уголь, модною мебелью, бронзою и драпировкою. По серединѣ стоитъ письменный столъ, окруженный этажерками, на которыхъ навалены книги, бумаги, денежные счета и листики газетъ. У стѣны шкапъ съ книгами, и желѣзный, несгораемый шкапъ для денегъ. Кабинетъ примыкаетъ къ конторѣ, гдѣ, чрезъ растворенную дверь, виденъ прилавокъ съ рѣшеткой, за которою сидятъ прикащики. Къ при-

дверь, то-и-дѣло, подходят посетители, для заключенія денежныхъ сдѣлокъ. Оттуда слышится, по временамъ, стукъ косточекъ на счетахъ и легкій говоръ. На боковой стѣнѣ кабинета другая дверь, ведущая въ прихожую. — Утро.

ЯВЛЕНІЕ I.

Дергачевъ и Мюльштейнъ. (Дергачевъ одѣтъ въ изящное бѣлье, съ брильянтовыми запонками на груди и у рукавовъ рубашки, и дамашній сюртукъ съ бархатными лацканами. По жилету его распущена широкая золотая цѣпочка отъ часовъ, съ брелоками. Пальцы правой руки его изукрашены перстнями. Онъ куритъ гаванскую сигару, сладострастно унываясь дымомъ и сбрасывая пепель въ красивую пепельницу изъ раковины. Мюльштейнъ одѣтъ неопрятно, хотя также довольно богато. У него душно приглаженные волосы, довольно грязныя руки, вымятые воротнички у рубашки и потертые лакированные сапоги. Онъ куритъ папирсы, которые свертываетъ самъ изъ турецкаго табаку — куритъ много и жадно, и сбрасывая пепель, большею частію, на себя, потомъ неудачно обмахивается грязнымъ платкомъ. Оба продолжаютъ начатый разговоръ).

Мюльшт. Такъ вы, Иванъ Кондратьицъ, полагаете — «Громотводъ» пойдетъ-съ?

Дергач. (съ жаромъ). Пойдетъ, непременно пойдетъ. Графъ Петръ Федулычъ заинтересованъ тутъ всѣмъ своимъ капиталомъ; баронъ Эйзеншмидтъ на нашей сторонѣ, какъ директоръ въ этомъ дрянномъ «Сѣверномъ Оленѣ;» редактору «Безпристрастнаго наблюдателя» обѣщаны изъ учредительскихъ долей тысяча акцій, по первоначальной цѣнѣ; другія газеты не пикнутъ противъ насъ, потому что не знаютъ въ дѣлѣ толку. Значитъ, главное сдѣлано. Остается заманить Бельмесова, съ его двумя милліонами. Онъ, правда, не смыслитъ въ коммерціи ни бельмеса (*слегка улыбается собственной остротой*), да тѣмъ лучше: намъ нужны его денежки, а головъ-то и нашихъ станетъ, чтобы пустить дѣло въ ходъ. За то, онъ, хоть и недалеко, а проныра такая, что любо-дорого, и тѣмъ хорошъ, что юлить передъ знатью и хлопочетъ изъ любви къ искусству... Я имѣю на него серьезные виды, и надѣюсь его также заманить; — фортель, кажутся, найдеть... Что скажете, — а?

Мюльшт. (*усмалдукивается и отъ восторга засыпаетъ себя пепломъ*).

Славно, славно!.. Да узъ про васъ сте говорить! На счетъ коммерціи вы...

Дергач. (*перебивая его*). Первый *архитектуръ*—не правда ли? Такъ всегда отзывался обо мнѣ мой наставникъ въ дѣлахъ, Махровъ Петръ Степанычъ. Вотъ, напримѣръ, — мужикъ былъ сиволапый, а какое состояніе нажил!.. Такъ я опять къ дѣлу-то... Извольте видѣть, какая обстановка... Власти также противъ насъ не пойдутъ. Тутъ у насъ тоже подведены туры на колесахъ... Капиталець составится порядочный. Наклеивается еще одинъ юноша — Панышинъ; — чай знаете, сынъ откупщика?

Мюльшт. Знаю, знаю, — такой плотный.

Дергач. Вотъ онъ—тоже человекъ въ капиталѣ: тысячь подтораства — побольше. Деньги его почти всѣ у меня. Онъ-то отъ насъ не уйдетъ... Вы, Иванъ Самойлычъ, и говорить нечего, — неизмѣнное копые, а чрезъ васъ Одесса и Таганрогъ, въ случаѣ нужды, поддадутъ намъ пару.

Мюльшт. Это можно, — теперь телеграфы.

Дергач. Я съ нашимъ журналомъ, разумѣется, тоже не дремлю. Добылъ себѣ новаго редактора. Вы, какъ участникъ въ изданіи, должны о томъ знать да вѣдать... Давно ужъ я собирался вамъ сказать объ этомъ, да хотѣлось выждать, чѣмъ между нами рѣшится.

Мюльшт. Кто же редакторъ?

Дергач. Болтовъ—молодой малый. Года три, какъ вышелъ изъ университета. Съ тѣхъ поръ жилъ все за-границей и занимался финансовыми науками, да политической экономіей. По наружности вялъ, а перо бойкое... Я еще прежде читалъ его заграничныя письма въ нашихъ газетахъ... Мнѣ давно хотѣлось его заманить къ себѣ... Устроилъ это Панышинъ. Я черезъ него началъ дѣйствовать.

Мюльшт. (*почесавъ за ухомъ*). Такъ-съ, такъ-съ, Иванъ Кондратьичъ... да вѣдь онъ, значить, изъ ученихъ?

Дергач. Да, не вынче-завтра будетъ магистромъ.

Мюльшт. Такъ въ дѣлѣ-то, пай, не смыслить?...

Дергач. Разумѣется, не смыслить. Да это вичего—это даже намъ на руку. Намъ такого надо.

Мюльшт. То есть, какъ же это-съ?

Дергач. А вотъ, извольте видѣть, какъ! Предстаилъ я, напримѣръ, нашъ компанейскій проектъ, да и говорю, кому слѣдуетъ: «тутъ, молъ, нужно избрать, для разсмотрѣнія, человека слѣду-

щого; тутъ, молъ, дѣло идетъ не о верижганіи новости, или не о тюловой фабрикѣ какойнибудь; тутъ, говорю, нуженъ взглядъ пошире, голова попросторнѣе... Поручите, говорю, разсмотрѣніе специалисту — хоть Болтову, что ли! Этакій человѣкъ, во крайней мѣрѣ оцѣнить, пойметъ, чего мы желаемъ, и не испугается дѣла потому, что оно новое... Начальство выслушало внимательно всѣ мои резоны; слышу я, затѣмъ, что проектъ у Болтова, и что онъ корнѣтъ надъ нимъ, сердечный, и день и ночь. А вѣсть-то между тѣмъ ему нечего, — начальство только обласкаетъ мѣсто по службѣ. — «Хорошо, думаю себѣ, проголодайся-ка, голубчикъ, а тамъ мы тебѣ и покажемъ лакомый кусочекъ на удочкѣ». Настраиваю Панышина, прикидываюсь, разушѣтся, блаженнымъ, сердобольнымъ, и прошу его, во что бы те ни стало, добыть мнѣ Болтова, заманить его къ намъ. Панышинъ ѣдетъ къ нему, и привозитъ отвѣтъ, что Болтовъ согласенъ; только, изволите видѣть, онъ ни за что не сдѣлаетъ перваго шага, а нужно, чтобы я къ нему съѣздилъ самъ. «Тѣмъ лучше, думаю, малый самолюбивъ, — значить, алтынничать не станеть, и если подастся разъ, не отступитъ назадъ». Прекрасно. Выбираю денекъ похолоднѣе, да помрачнѣе: въ такіе дни бѣдняки сговорчивѣе, и ѣду къ Болтову. Указываютъ мнѣ квартиру — чуть не на чердакѣ. Поднимаюсь туда. Въ комнатѣ холодно смертный. Застаю Болтова за дѣломъ. Закутался, сердечный, въ теплый халатъ, а дрожатъ дрожмя. Я къ нему; говорю нѣсколько лестныхъ словъ: — «такъ и такъ, молъ, вы человѣкъ незавѣнный; Россія, молъ, нуждается въ такихъ дѣятеляхъ». Разушѣтся, все это развелъ водой, чтобы не казалось приторно... Слово за слово, мы ворѣшили. Я ему назначилъ, когда вріѣхать ко мнѣ; козякъъ, что отворила мнѣ дверь, да въ десять цѣлковыхъ за хлопоты, и такъ дѣло было устроено. Теперь Болтовъ принимается за редакторство. Чай, читали въ «Биржевомъ Вѣстникѣ» вчерашнюю статью его о «Громотводѣ»... Каково?

Мюльшт. Славно, славно! То есть, какъ слѣдуетъ—для публики. Тутъ все есть этакое... *(Затрудняется докончить фразу и дѣлаетъ жестъ рукой, выражающій выпрепный полетъ мысли).*

Дергач. А что какъ же! Иначе велья. Нашего брата, разушѣтся, не проведешь такой статьей, а публика падка на задушевный тонъ да горячія фразы. Ей подавай и жалобы на прежній застой, и похвалы прогрессу и гласности, и заботы объ об-

щемъ благѣ... (*Улыбаясь*). Да, нынче и откупщики стали радѣть о пользѣ «меньшикъ братій», такъ какъ же намъ-то отстать отъ нихъ?

Мюльшт. (*замыкаясь истерическимъ смѣхомъ*). Такъ-съ, такъ-съ. Поневоля надо хвалиться. Такъ что же: заманули формальное условіе съ намъ, — какъ его?...

Дергач. Съ Болтовымъ? Нѣтъ еще — все не рѣшается; говорить, что нужно прежде всмотрѣться въ дѣло... Признаюсь, это нѣсколько меня заботитъ. Хотѣлось бы окончательно его задречь... Первый шагъ, правда, сдѣланъ; статья съ его именемъ есть. Затѣмъ заключить бы съ нимъ условіе, заплатить его долгишки, да дать ему акцій, которыя идутъ побойчѣе; тогда онъ поневоля клюнетъ, а клюнувши разъ, войдетъ во вкусъ, и изъ самолюбія не захочетъ сознаться, что опростоволосился. Вотъ какой у меня планъ... А что онъ всей нашей механики не знаетъ, такъ это тѣмъ лучше. Правда, мнѣ пришлось долго уговаривать его написать первую статью... Ужъ какинъ лазаремъ я тутъ передъ нимъ прикинулся, и чего не нацелъ ему! За то, кажется, онъ мнѣ повѣрилъ, — цифры же, благо, въ мою пользу; теперь его не вдругъ разувѣришь. Практики я нарочно не буду ему открывать... Стану его только по губамъ мазать, а пусть онъ и толку не знаетъ, что такое биржа, да маклера. Я ему такъ и сказалъ: «я, молъ, буду ѣздить на биржу и сообщать вамъ практическія свѣдѣнія, а вы давайте всѣмъ этимъ мелочамъ общее направленіе; влагайте свою душу въ журналъ; поставьте его на достойную ногу». Онъ, кажется, согласился; практика его какъ будто пугаетъ; онъ радехонекъ отъ нея избавиться... Потому-то я и говорилъ вамъ, Иванъ Самоильчъ, что ученый, да не понимающій дѣла — для насъ лучше. Нашъ братъ, практикъ, всякаго встречнаго считаетъ за мошенника; вотому насъ и трудно надуть. А эти ученые готовы повѣрить кому угодно. Напой въ уши вотъ такому барину чтонибудь поискуснѣе, такъ онъ, сердечный, и будетъ разыгрывать эту музыку на разные лады...

ЯВЛЕНІЕ II.

То же и лакей Дергачева. (*Лакей, одѣтый въ лирейдный фракъ, короткіе бархатные панталоны и штилеты, входитъ изъ боковой двери, съ пакетами въ рукѣ, и обращается къ Дергачеву*).

Лакей (*подавая пакеты*). Пакеты съ почты.

Дергач. Дай сюда! *(Берет пакеты). (Лакей уходит)*.

Мюльшт. *(встает)*. А нѣтъ пора, Иванъ Кондратьицъ; къ графу Петру Оедульцу надо заѣхать — деньзенокъ дать въ займы. Меся тѣмъ его настрою...

Дергач. Доброе дѣло — хорошенько его, старикашку!... До свиданья, до свиданія *(Привстает и подаетъ руку Мюльштейну. Мюльштейнъ уходит)*.

ДВЕНАДЦАТЫЙ ДѢЙСТВІЕ.

ДЕРГАЧЕВЪ, ОДИНЪ.

Дергач. *(принимаясь распечатывать полученные пакеты)*. Посмотришь, посмотримъ, что тутъ хорошенькаго? Кажется, все изъ компанейскихъ правленій. *(Проблывает одну изъ бумаг)*. Ба, ба, ба! Съ «Бѣломорскимъ пловцомъ» несчастье!... Прошу покорно!... Транспортъ мѣховъ потонулъ!... Вѣдь это, я думаю, на миллионъ убытку... Надо видѣть въ виду, — можетъ пригодиться!... *(Откладываетъ въ сторону)*. А здѣсь, что? *(Вскрываетъ еще пакетъ и проблываетъ бумагу)*. Вотъ тебѣ и разъ! У «Сѣвернаго оленя» тоже бѣда! Потонули два парохода со всѣмъ грузомъ... *(Читаетъ)* «Убытокъ простирается, приблизительно, до 1,850,000 р.» *(Всторону)*. Знаемъ мы это «приблизно». Это, значить, клади, навѣрняка, два миллиона съ половиной. Эхъ, какъ одна буря огрѣла двѣ компаніи!... Славно!... Надо, значить, сбывать акціи-то... *(Нодумавъ)* Объявленія напечатаю завтра... А сегодня можетъ быть удастся сдѣлать хорошее дѣло... Пока припрятать!... *(Прячетъ двѣ бумаги въ столъ, и продолжаетъ пересматривать прочія)*. Ну, это не важно: общія собранія, выдача дивиденда, дополнительные взносы. *(Всторону)* Это все рутинна — тутъ не къ чему приложить способностей... Нѣтъ, а на счетъ «Бѣломорскаго пловца», да «Сѣвернаго оленя», я потѣшусь; не а буду, если не обработаю дѣльца! *(Потираетъ руки)*.

ДВЕНАДЦАТЫЙ ДѢЙСТВІЕ.

ТОТЪ ЖЕ И ЛАКЕЙ.

Лакей *(сходя изъ двери)*. Шестипаловъ пріѣхали; желаютъ переговорить.

ДЕРГАЧ. Пресса, пресса! *(Лаконично уходитъ. — Вспороку)*. Вотъ съ этого барина и начну пробу; можетъ быть удастся...

ЯВЛЕНИЕ V.

ДЕРГАЧЕВЪ и ШЕСТИПАЛОВЪ.

ШЕСТИПАЛ. Здр-аствуйте, пп-очтеннѣйшій Иванъ Кк-ондратьичъ; о-чень радъ съ вами повидаться... повидаться...

ДЕРГАЧ. Честь нѣбу кланяться. Неудобно ли присѣсть? *(Подвигаетъ ему кресло)*. Какъ вы въ своемъ здоровьи?

ШЕСТИПАЛ. Нн-е дурно, скрипимъ, вашими молитвами. Только, какъ сегодня хх-олодно, об-ѣда! *(Потираетъ руки)*.

ДЕРГАЧ. Не хотите ли къ камину?

ШЕСТИПАЛ. Нн-ѣтъ, нѣтъ, я тутъ сс-лавно усѣлся... усѣлся...

ДЕРГАЧ. Не прикажете ли сигару, папирску?

ШЕСТИПАЛ. Нн-ѣтъ, благодарю: утреннюю сс-сигару я уже выкурилъ дома, я курю всего пп-о двѣ въ день... *(Немного задумывается)* А сс-кажите, пожалуйста, кто этотъ господинъ, что вв-ышелъ — этотъ зз-амарашка?...

ДЕРГАЧ. Это Мюльштейнъ, бывшій откупщикъ таганрогскій; теперь онъ занимается дѣлами на здѣшней биржѣ.

ШЕСТИПАЛ. Должно быть пп-родувной... продувной!

ДЕРГАЧ. Ужасная каналья!...

ШЕСТИПАЛ. То-то, вв-ядно по глазамъ. Я на службѣ, знаете, на-им-стался. Только взгляну на человекъ, сейчасъ вамъ скажу, кк-акого поля ягода... Что же, у васъ съ нимъ дд-ѣла?

ДЕРГАЧ. Къ несчастію, дѣла. Разумѣется, я ему не вѣрю; но онъ богатъ, ворочаетъ милліонами; я часто вынужденъ бываю входить въ общія предпріятія съ нимъ.

ШЕСТИПАЛ. *(указывая пальцемъ по направленію къ двери)*. Долженъ быть, нзъ жж-идовъ... нзъ жидовъ?

ДЕРГАЧ. Кажется. Впрочемъ, я думаю, онъ смѣшанной кровн.

ШЕСТИПАЛ. Непремѣнно нзъ жж-идовъ. Я въ им-олодости долго сс-лужилъ въ Бѣлоруссіи, такъ привыкъ отличать эту пп-ороду... *(Барабанитъ пальцами по ручкѣ кресла)*.

ДЕРГАЧ. Вотъ одна изъ неприятныхъ сторонъ коммерческой дѣятельности.

Шестицал. *(разсыпано)*. Что гг-акое?

Дергач. *(скрадливо)*. То, что нужно водиться съ людьми, которыхъ не можемъ уважать... Напримѣръ, я презираю Мюльштейна, а поневолю протягиваю ему руку... Государственная служба въ этомъ отношеніи несравненно благороднѣе... Человѣкъ извѣстнаго сана всегда увѣренъ, что товарищи его болѣе или менѣе люди порядочные...

Шестиц. *(самодовольно)*. Да-да, да, конечно. Ну, и вотъ это что нибудь да за-начить *(показываетъ на свои ордена)*, и этого изъ слова не выкинешь... не выкинешь...

Дергач. Признаюсь, я съ-молоду хотѣлъ начать служить, да обстоятельства помѣшали... Меня утѣшаетъ только то, что теперь Россія нуждается въ людяхъ опытныхъ, въ промышленныхъ дѣлахъ...

Шестиц. Именно... Правда, что чч-ины и кресты дѣло хх-оршее, да вотъ что: увлечешься службой, забудешь о сс-себѣ. Не знаемъ иногда, куда съ своими деньгами да ѣваться. Вотъ, у меня теперь опять скопилось да-еньжонокъ, такъ я къ вамъ, по-очтеннѣйшій Иванъ Кондратьевичъ, за совѣтомъ; пособите, научите уу-му-разуму.

Дергач. *(поспѣшно)* Вы желаете купить?

Шестиц. Кк-упить. Да-что нибудь по-выгоднѣе, — что нибудь такое, чтó бы да-авало, этакъ, процентиковъ десятокъ съ хх-востикомъ *(прищолкиваетъ пальцами)*. А, мм-ожно?

Дергач. *(задумываясь—и довольно сухо)*. Не знаю, что бы вамъ рекомендовать...

Шестиц. *(льстиво)* Ужь вы, да-а не знаете! Кто же этому по-вѣрить? Первый дока во всемъ Питерѣ, да не съумѣетъ дать добрый сс-овѣтъ! Вишь, что выдумалъ!... *(Принужденно усмѣхается)*

Дергач. А на много ли, — снѣго спросить?

Шестиц. *(съ легкимъ замѣщательствомъ)* Да и, тучъ, по-онашариль, признаться, и чужихъ деньжонокъ, — у родственниковъ; — такъ, если бы что нибудь хх-оршее предетнилось, можно бы тысячь по-ятьдесятъ пустить... пустить...

Дергач. *(съ большимъ сочувствіемъ)* Нушъ порядочный! Хотѣлось бы присовѣтовать вамъ что нибудь по-выгоднѣе. Позвольте сообразить! *(Размышляетъ и чертитъ карандашомъ на листу бумаги. Шестицаловъ все время молчитъ, барабакаетъ пальцами по ручкѣ кресла, и чтипо смотритъ въ пространство.)*

ДЕРГАЧ. (*выходя из раздумья*). Вотъ, что я придумалъ. Вы, вѣрно, слышали о компаніи «Бѣломорскій пловецъ»?

ШЕСТИП. (*лукаво*) Сс-лыкалъ, а что?

ДЕРГАЧ. Мы только-что получили извѣстіе, что, во время бури на Бѣломъ морѣ, цѣлый транспортъ мѣховъ этой компаніи погибъ. Вотъ официальное свѣдѣніе (*Вынимаетъ изъ ящика стола бумагу, и подаетъ ее Шестипалову; тотъ бросаетъ на бумагу разсѣянный взглядъ*). Шутка сказать: десять тысячъ бобровыхъ шкуръ, пять тысячъ соболей, лисицы до двухъ тысячъ штукъ — и все это кануло въ море! Милліономъ пахнетъ!

ШЕСТИП. (*встревожась и перебивая Дергачева*) Кк-дкъ? мм-пллі-онъ убытку! Ахъ, Создатель мой, да вѣдь у меня есть акціи этой компаніи! — Кк-акъ же теперь быть, какъ быть?

ДЕРГАЧ. (*сдерживая улыбку*) Извините, я не зналъ, что вы акціонеръ этой компаніи; я бы не испугалъ васъ такъ, ... не приготовивши; напрасно вы мнѣ не сказали прежде...

ШЕСТИП. (*съ нервическимъ раздраженіемъ и трусостію*) Что ужъ, тутъ, пп-риготовлять, когда деньги изъ кармана пп-падаютъ?... Я не малый рр-ребенокъ!.. Но, какъ же быть-то мнѣ? — пп-особите, пп-очтеннѣйшій. (*плаксиво*) Не хотѣлось бы терять; все нн-а жито трудами... трудами. (*смотритъ на Дергачева съ жаднымъ людопытствомъ*).

ДЕРГАЧ. (*успокоительнымъ тономъ*). Не пугайтесь, не пугайтесь; какъ нибудь пособишь; только выслушайте меня хладнокровно до конца.

ШЕСТИП. Гг-оворите, гг-оворите!... (*Онъ все время сидитъ, какъ на шомкахъ, и съ трудомъ удерживается отъ возгласовъ и замлчаній.*)

ДЕРГАЧ. Изволите видѣть, я началъ рѣчь къ тому, что какъ транспортъ съ мѣлами «Бѣломорскаго пловца» потонулъ, то значительный барышъ должна заработать другая такая же компанія — «Сѣверный олень». Эта компанія также занимается звѣриннымъ промысломъ на сѣверныхъ моряхъ, и ведетъ дѣла прекрасно... Понятно, что компаніи эти соперницы. Теперь, убытокъ «Бѣломорскаго пловца» дастъ барышъ «Сѣверному оленю», — и барышъ огромный. Если взять въ расчетъ, что цѣны на пушной товаръ и безъ того сильно возвышались, то надо ожидать, что «Сѣверный олень» въ нынѣшнемъ году, просто, озолотитъ своихъ акціонеровъ... Потому-то я и хотѣлъ посоветъ-

товать вамъ купить побольше акцій «Сѣвернаго оленя». Раскаяваться не будете.

Шести п. (шоропливо) Съ величайшимъ уловольствіемъ. Но какъ-жъ вы развязаться съ «Бѣломорскимъ-то пловцомъ», бб-езъ убытку... безъ убытку?

Дергач. (хладнокровно и докторально). Подождите; кончимъ сперва съ «Сѣвернымъ оленемъ», а потомъ дойдетъ очередь и до «Бѣломорскаго пловца». По знакомству съ вами (*Шести паловъ беретъ руку Дергачева и прижимаетъ къ своему сердцу*)—я доставляю вамъ случай купить акцій «Сѣвернаго оленя» на пятьдесятъ тысячъ, но, разумѣется, съ барышникомъ въ мою пользу...

Шести п. (умиляясь). Рр-азумѣется, разумѣется. Какъ же иначе; — кк-то себѣ врагъ... врагъ?

Дергач. (*взявъ со стола листокъ своего журнала и отыскавъ таблицу цѣнъ акцій, водить пальцемъ по столбцамъ цифръ*). Вотъ, посмотрите. Первоначальная цѣна акцій «Сѣвернаго оленя» была 125 р.; потомъ премія на нихъ постоянно возрастала, и теперь продажная цѣна дошла до 165 р. Когда всѣ узнаютъ объ убыткахъ «Бѣломорскаго пловца», цѣна эта непременно дойдетъ до 180... Я же съ васъ возьму по 170, и доставляю вамъ, по этой цѣнѣ, около 300 акцій. Согласны?

Шести п. Сс-огласенъ, согласенъ, нн-о...

Дергач. (*перебивая*). Постойте. Теперь объ—акціяхъ «Бѣломорскаго пловца». Сколько у васъ ихъ?

Шести п. Пн-ятьсотъ штукъ.

Дергач. Именныя?

Шести п. Нн-ѣтъ, на пп-редъявителя... на предъявителя...

Дергач. Прекрасно! 500 штукъ. (*Задумывается*) По теперешнимъ цѣнамъ (*справляясь съ таблицей*), онѣ стоятъ по 100 р., но непременно упадутъ, по крайней мѣрѣ, на 10 процентовъ, т. е. до 90. Хотите, я продамъ вамъ ихъ по 95-ти?

Шести п. Ахъ, вы бб-лагодѣтель мой! Устройте это въ самомъ дѣлѣ. Кк-акъ не хотѣтъ? Вы избавите меня отъ большой бб-ѣды... бѣды. Я самъ ихъ купилъ по 96 р.; значитъ, пп-отеряю только пятьсотъ руб. За то, на «Сѣверномъ оленѣ» я вѣдь, пожалуй, пп-олучу по 10 р. на акцію бб-арыша, а на всѣ 300 акцій тт-ри тысяча руб. Не пш-укта, разомъ хватить три тт-ысячи... тысячи...

Дергач. Съ вами есть деньги на «Сѣвернаго оленя»?

Шести п. Ни-е деньги, а бб-леты есть... билеты.

Дергач. Билеты? Какіе? не именные ли?

Шести п. На ни-извѣстнаго. Нашему бб-рату, служащему, именные какъ-то ни-ейдутъ. Могутъ возникнуть ни-едоразумѣнія... Я всегда кладу на неизвѣстнаго: чч-ище дѣло по службѣ, да и съ рукъ лучше идуть... Сс-колько слѣдуетъ?

Дергач. Пятьдесятъ одна тысяча. Достанетъ?

Шести п. Дд-останетъ, Богъ дастъ, съ пп-роцентами... *(Достаетъ изъ кармана толстый бумажникъ, и вынулъ оттуда билеты, начинаетъ считать ихъ, раскладывая по столу.)*

Дергач. Я, пока, напишу для васъ записку *(Садится къ столу и пишетъ)*... Вотъ, готова. Теперь извольте писать вы объ уступкѣ акцій «Бѣломорскаго пловца», а я между тѣмъ слѣлаю расчетъ по билетамъ. *(Садится за столъ и считаетъ.)*

Шести п. *(пишетъ записку)*. Ну, кк-ончилъ, — тт-акъ ли? *(Показываетъ Дергачеву.)*

Дергач. Совершенно... Ятоже кончилъ. Вотъ, ровно пятьдесятъ-одна тысяча. Вамъ сдачи приходится двадцать-пять рублей; извольте получить *(Передаетъ ему деньги)*. Теперь обмѣняйтесь записками, и дѣло будетъ въ шляпѣ *(Отдаетъ свою записку Шестипалову и беретъ отъ него его записку, которую, взявъ съ полученными билетами, запираетъ въ столъ)*.

Шести п. Ухъ, какъ гг-ора съ плечь! Выручили же вы меня, пп-очтеннѣйшій Иванъ Кондратьчъ, — вѣкъ не забуду. Надо же было этимъ пп-роклатымъ шкурамъ утонуть! Совсѣмъ было пп-одѣбли... подѣбли... Ну, да, слава Богу, кажется, вв-ыпутаюсь, благодаря вамъ. *(Взявшись за шляпу)*. Прощайте, пп-очтеннѣйшій Иванъ Кондратьчъ, прощайте! Поцалуйте рр-учки у Катерины Ивановны и Ольги Петровны. Прощайте... А кк-огда же акціи-то доставите?

Дергач. Непремѣнно завтра. Мы такихъ дѣлъ не откладываемъ въ долгій ящикъ; а вы «Бѣломорскаго пловца» своего присылайте какъ можно скорѣе, — хоть сейчасъ, вапримѣръ.

Шести п. Сс-ейчасъ же пришлю... Вишь, пп-роклатый «Бѣломорскій пловецъ» совсѣмъ было пп-одкузынилъ... подкузынилъ... *(Уходитъ. Дергачевъ провожаетъ его до двери.)*

ЯВЛЕНИЕ VI.

ДЕРГАЧЕВЪ, ОДИНЪ.

ДЕРГАЧ. Вѣдь, ѣтакая бестія! Скажите пожалуста: въ одинъ годъ наворовалъ пятьдесятъ тысячъ! И хоть бы тутъ что нибудь было (*показываетъ на лобъ*)! Какъ же не проучивать такихъ мошенниковъ! (*Садится къ столу и принимается за дѣла; но дверь снова отворяется; входитъ Хасановъ; Дергачевъ оставляетъ замятїя, и идетъ къ нему на встрѣчу, съ вопросительнымъ выраженїемъ на лицѣ.*)

ЯВЛЕНИЕ VII.

ДЕРГАЧЕВЪ И ХАСАНОВЪ.

Хасан. (*подойдя къ Дергачеву*). Честь мнѣю рекомендовать себя... Хасановъ — жительствую въ Петербургѣ — родомъ съ Кавказа.

ДЕРГАЧ. (*протягивая ему руку*). Очень прїятно... Садитесь, пожалуйста. (*Подвигаетъ для него кресло*).

Хасан. Благодарю... (*Садится*).

ДЕРГАЧ. Не прикажете ли сигару, папирску?

Хасан. Не курю... Я вамъ лучше скажу-сь: и безъ того здоровьишко плохое, а съ этимъ табачникомъ совсѣмъ бы зачахъ... Я на крыльцѣ тутъ встрѣтилъ Шестипалова; онъ, должно быть, отъ васъ выходилъ?

ДЕРГАЧ. Да, онъ сейчасъ былъ у меня. А вы изволите его знать?

Хасан. Я вамъ лучше скажу-сь: виѣсть подъ розги ходили, одноклассники были. Ему повезло. Правда, и я добился до хорошаго чина, да житейшко-то мое, сударь мой, какое-то горькое... У Шестипалова, вонъ, деньжищъ тьма. Чай и къ вамъ, разбойникъ, приходилъ, чтобы купить, — а? (*Дергачевъ улыбается*). Я вамъ лучше скажу-сь: предметшу содержать, стырый хрычъ. Нѣтъ, у насъ не наживешь. Съ этой дороговизной да новыми порядками только проживаешься... Что, какво съ акціями?

ДЕРГАЧ. Смотря по свойству предпрїятїй; вообще обороты

кредитнымъ бумагамъ тихи. Это, я думаю, отъ бывшаго въ Европѣ денежнаго кризиса.

Хасан. *(съ озабоченіемъ)*. А намъ-то какое дѣло до ихъ кризисовъ? Не по міру же, на старости лѣтъ, идти!.. Я къ вамъ, сударь мой, — ния и отчество?..

Дергач. Иванъ Кондратьичъ... впрочемъ, напрасно беспокоитесь...

Хасан. Да, да... Я къ вамъ, Иванъ Кондратьичъ. Нужны деньги: хотѣлось бы продать акціи; нечего дѣлать, — таковскія и были! *(Дѣлаетъ жестъ, какъ будто низвергаетъ что-то въ бездну)*.

Дергач. А какія у васъ акціи?

Хасан. «Сѣвернаго оленя», — компанія солидная...

Дергач. *(сухо)*. Да, компанія эта пользовалась хорошей репутацией; но, въ послѣднее время, она понесла значительный убытокъ. Большаго дивиденда въ нынѣшнемъ году ожидать нельзя; я даже думаю, что она вовсе не раздастъ дивиденда. Значить, акціи упадутъ, упадутъ непремѣнно.

Хасан. *(тревожно и недоувѣрчиво)*. Да отчего же это, сударь мой?.. Я вамъ лучше скажу-съ: вчера мнѣ за нихъ предлагали по 165, только не хотѣлось отдавать...

Дергач. Вчера была одна цѣна, — сегодня другая... Напрасно вы не отдали по 165; теперь ужъ, пожалуй, не продадите и по 140.

Хасан. Да какой же резонъ-то тому, сударь мой; что же онѣ, за-ночь-то, усохли, что ли, — убыло, что ли, ихъ? *(При-
нужденно усмѣхается.)*

Дергач. *(взлѣвъ изъ стола бумагу, предълагаетъ ее Хасанову и самъ пробѣгаетъ глазами)*. Потрудитесь прочесть; тогда увидите, что предположенія мои довольно основательны.

Хасан. *(надѣвъ очки, читаетъ бумагу, съ замкками и силь-
нымъ волненіемъ)*. «Правленіе Общества Пароходства «Сѣверный олень» считаетъ долгомъ довести до всеобщаго свѣдѣнія, что въ бывшую на Бѣломъ морѣ, въ ночь съ 20 на 21 ноября, сильную бурю, принадлежавшіе обществу пароходы «Рѣзвый» и «Шалунъ» набѣжали на большія массы льда и бывъ заперты льдинами, погибли, вѣсть совсѣмъ грузомъ.» *(Остановившись)*. Вотъ тебѣ и разъ! *(Продолжаетъ читать)* «Убытокъ простирается, примѣрно, до 1.850,000 р.» *(Окончивъ чтеніе и обраца-*

мъ въ *Дергачу*) Я вамъ лучше скажу-съ: вѣдь это, выходитъ, я болванъ, что не отдалъ по 165!

Дергач. (*охлаждяпровно*). Теперь, вы сами убѣдились, что анціи «Сѣвернаго оленя» должны упасть. Шутка сказать — 1.850,000! Это почти четверть всего складочнаго капитала Общества. Если такъ, то анція упадетъ на 25 процентовъ, т. е., вмѣсто 165, понизится до 125. Покрайней мѣрѣ, эта послѣдняя цѣна будетъ рациональна; а впрочемъ, нельзя поручиться, что она не упадетъ еще ниже.

Хасан. (*съ ужасомъ*). Такъ, этакъ, на четыреста моихъ акцій?..

Дергач. (*перебивая его*). Вы потеряете болѣе шестнадцати тысячъ.

Хасан. (*съ сильнымъ негодованіемъ*). Я вамъ лучше скажу-съ: это, значить, вовсе нѣ надо было связываться съ вашими компаніями... Вы же, сударь мой, въ своемъ журналѣ завѣрили, что «Сѣверный олень» дастъ золотыя горы, — а вотъ теперь и поете матушку рѣшку... Я вамъ лучше скажу-съ: — это, просто, грабежъ!..

Дергач. (*улыбаясь*). Вы напрасно горячитесь. Акціонерныя предпріятія—предпріятія болѣе или менѣе рискованныя. Предвидѣть всѣ случайности никто не въ состояніи; мы, также какъ и всѣ, можемъ рассчитывать только большую или меньшую вѣроятность успѣха; все остальное во власти Божіей...

Хасан. (*съ досадою*). Немного я, сударь мой, смыслю во всѣхъ этихъ вѣроятностяхъ... Я вамъ лучше скажу-съ: я люблю дѣйствовать на чистоту. Выгодно дѣло—давай, сюда, невыгодно — проваливай. Вотъ какъ мы врывались, а не то, что:—«и такъ и сякъ, и хочется, и додеется — и нашимъ и вашимъ», — не разберешь!.. (*Всклакиваетъ*) Чортъ знаетъ что такое — шестнадцать тысячъ! Правда, я самъ заплатилъ за эти анціи по 153 рубля, да и тутъ, если онѣ упадутъ до 140, убытку вѣдь на каждую по 13 рублей, а на всѣ болше 5,000.

Дергач. 5,200 рублей.

Хасан. Вонъ! 5,200 рублей! Да гдѣ же я возьму эти 5,200 рублей? Я вамъ лучше скажу-съ:... эти деньги-то казенныя... Я ихъ пустилъ въ оборотъ, — думалъ, что заработаю... Что же, теперь, — меня по головѣ, что ли, поглядать — а? Какъ вы полагаете?

ДЕРГАЧ. (*хладнокрово*). Я полагаю, что за растрату казенныхъ денегъ вы пойдете подь судъ.

ХАСАН. (*поблѣднѣвъ*). Я вамъ лучше скажу-сь: со всѣмъ буду ошельмованъ. Фу, ты, проклятая жадность! (*Въ отчаяніи беретъ себя за голову*).

ДЕРГАЧ. Зачѣмъ же падать духомъ? Успокойтесь. Поговоримъ хладнокрово. Можетъ быть, есть еще средство помочь бѣдѣ.

ХАСАН. Какое средство? Говорите, — отпустите душу на покаяніе. — Лишь бы развязаться...

ДЕРГАЧ. Чтобъ выручить васъ, я, пожалуй, куплю ваши акціи по 150. Въ такомъ случаѣ, вы потеряете 1,200 рублей, вмѣсто 5,200. Мнѣ кажется, это разница.

ХАСАН. Я вамъ лучше скажу-сь: большая разница; только, позвольте, я попробую: не возьметъ ли прежній покупщикъ за 165...

ДЕРГАЧ. Не думаю. Если вы пойдете сейчасъ, это ему покажется страннымъ; онъ не рѣшится на сдѣлку, и подождетъ до завтрашней биржи; а между тѣмъ объявленіе, что вы читали, будетъ разослано. Да къ тому же, никто не поручится, что это извѣстіе не распространилось ужь въ публикѣ другими путями.

ХАСАН. (*съ раздумьем*). Правда, правда!.. (*Очнувшись*) Я вамъ лучше скажу-сь: тотъ баринъ, просто, ротъ разинетъ. Подумаетъ: «что это? — То ломался, рожу воротилъ, а тутъ вдругъ опять лѣзетъ съ своими акціями». Догадается, что дѣло нечисто... Ну, а какъ же вы-то, сударь мой, ихъ сбудете?..

ДЕРГАЧ. У васъ есть на это фортель... Во-первыхъ, я приостапавлю рассылку объявленія. Понимаете, я это сдѣлаю для себя. Во-вторыхъ, у меня есть уже въ виду покупщикъ; онъ не откажется отъ сдѣлки... Впрочемъ, я не настаиваю; дѣлайте, какъ знаете. Завтра, когда объявленіе появится въ моей газетѣ, я куплю этихъ акцій дешевле... Подумайте...

ХАСАН. Я вамъ лучше скажу-сь: «что думай, то хуже»: съ этимъ думаньемъ совсѣмъ въ петлю заглѣзешь... Берите, сударь мой, по 150; пропадай кровные 1,200 рублей!..

ДЕРГАЧ. Акціи съ вами?

ХАСАН. Со мной, со мной! (*Достаетъ изъ кармана свертокъ бумагъ, и вынимаетъ оттуда акціи*).

ДЕРГАЧ. (*сдѣлавъ расчетъ на бумагѣ*). Вамъ слѣдуетъ получить съ меня, за 400 акцій, 60,000; не такъ ли?

ХАСАН. (*поглядываетъ разсчитывать*). Такъ, такъ... (*Всторону*). А вчера-то давали 66,000. Дуракъ я, дуракъ!

ДЕРГАЧ. (*вытаскиваетъ изъ желѣзнаго шкафа деньги и сосчитываетъ ихъ*). Вотъ шестьдесятъ тысячъ, — извольте пересчитать.

ХАСАН. (*пересчитываетъ*). Вѣрно — шестьдесятъ тысячъ.

ДЕРГАЧ. Мы обыкновенно беремъ записки о каждой денежной сдѣлкѣ. Угодно вамъ будетъ дать?

ХАСАН. Ну, нѣтъ, ужь избавьте. Я вамъ лучше скажу-съ и такъ было влопался. А тутъ, вдругъ, будетъ документъ. Начальство узнаетъ. «Откуда, скажете, у Хасанова шестьдесятъ тысячъ?» Пойдутъ распросы да разнохиванья... Нѣтъ, ужь не взыщите... И такъ, много доволенъ, — проучили, вѣкъ не забуду...

ДЕРГАЧ. Какъ знаете... Впрочемъ, я увѣренъ, что вы на меня не въ претензіи. Тутъ—случайность стихійная; предотвратитъ ее не во власти человѣка... Напротивъ, я желалъ вамъ помочь...

ХАСАН. Благодарю!.. Что дѣлать?.. Я вамъ лучше скажу-съ: самъ виноватъ, что 6 тысячъ изъ рукъ выпустилъ... Самъ на себя пеняй... (*Со вздохомъ*) Прощайте, сударь мой. (*Помолчавъ*). Только, знаете, на счетъ того-то: сору изъ избы не выносите — на счетъ казенныхъ-то сумъ. Не равно узнаютъ, ... не хорошо!..

ДЕРГАЧ. (*спокойнымъ тономъ*). Будьте увѣрены: я никогда не проговариваюсь, — особенно, если болтовня ведетъ, такъ сказать, къ соблазну...

ХАСАН. Я вамъ лучше скажу-съ: именно къ соблазну. Прощайте, добраго здоровья! (*Пожимаетъ Дергачеву руку и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ДЕРГАЧЕВЪ, одинъ.

ДЕРГАЧ. (*проводитъ Хасанова до двери, возвращается*). Удачный сегодня денекъ (*Потираетъ руки*). Однако, нужно смекнуть, сколько доставить мнѣ этотъ фокусъ. (*Беретъ листокъ бумаги, разсчитываетъ и говоритъ съ растаповкой*). Я купилъ у Хасанова 400 акцій «Сѣвернаго оленя» по 150; изъ нихъ 300 акцій продалъ Шестипалову по 170. Значитъ, заработано 6,000. Остальныя 100 акцій еще успѣю сбыть къ завтраму, по нынѣш-

ной дѣль, т. е. по 165. Значитъ, еще прибавил 1,500. Затѣмъ, у Шестипалова куплено 500 акцій «Бѣломорскаго оленя» по 95-ти; но я ихъ спущу сегодня по 100. Вотъ еще барышъ въ 2500. И такъ, въ нынѣшнее утро, по случаю какой-то дурацкой бури и по нелюбви двухъ олуховъ, я заработалъ 10,000. Сумма кругленькая. Славно, славно!.. Только нужно торопиться, и послать за маклеромъ... (Звонитъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тотъ же, и лакей; потомъ конторщикъ.

Лакей (сходя). Что прикажете?

Дергачъ. Позови ко мнѣ главнаго конторщика, — да скорѣе! (Лакей уходитъ, а слѣдъ за нимъ является конторщикъ).

Конторщ. (сходя и ставъ съ почтительной покло). Изволили присылать...

Дергачъ. Да. Вотъ, въ чемъ дѣло. Побѣжайте, сію минуту, къ маклеру и скажите ему, чтобы онъ, на нынѣшней биржѣ и непремѣнно по настоящимъ цѣнамъ, продалъ 100 акцій «Сѣвернаго оленя» и 500 акцій «Бѣломорскаго оленя.» Покупщикъ уже былъ на примѣтѣ — онъ знаетъ... (Конторщикъ хочетъ уйти). Пойдите... (Беретъ изъ стола два листка). Вотъ объявленія отъ правленій обѣихъ компаній; ихъ нужно помѣстить въ завтрашнемъ номерѣ, но сдайте ихъ въ редакцію не прежде, какъ по закрытіи биржи. Да слышите: никому о томъ на-гуго. Откладывать далѣе мы не имѣемъ права, но терять не хотѣлось бы... Такъ вотъ все... Живѣе же — къ маклеру. — Чтобы непремѣнно продалъ, — слышите?

Конторщ. Слушаю-съ.

Дергачъ. А объявленіе придержите до вечера, да не проболтайтеся.

Конторщ. Понимаю, понимаю-съ. Зачѣмъ болтать!

Дергачъ. Ну, только. Съ Богомъ! (Конторщикъ послышно уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

Дергачевъ, одинъ.

Десять тысячъ! Право, очень удачно. Эта буря приглась

какъ нельзя больше кстати... Нѣтъ, еще нашему брату можно жить... Ну, что, напримеръ, чиновникъ?.. Положимъ, и онъ возьметъ иногда ловко, да вотомъ и дрожитъ дрожкой, чтобы не узнали... А узнаютъ, — неровенъ часъ — отъ службы отставятъ. (*Презрительно*). Да то и называется: *взятка!*.. Самое слово какое-то грязное, антипатичное. У насъ не то. У насъ — *спекуляція*, — умѣнье пользоваться коммерческими обстоятельствами... Есть смѣтка — загребай денежки; пуста голова: — самъ на себя пеняй... Вѣдь по совѣсти сказать: что, собственно, предсудительнаго въ нынѣшней моей *предѣлкѣ*? Полежничать, а не задержалъ объявленія, и они появятся днемъ позже; но что же за бѣда? Они могли загодать въ пути, отъ какой нибудь *вѣюги* въ Архангельской губерціи; вотъ и все. А что я *обманалъ* этихъ двухъ господъ, — такъ чортъ же имъ велѣлъ уши-то: развѣшивать? На то и шука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ... (*Съ пренебреженіемъ*). Да и жалѣть-то ихъ нечего: одинъ — *взяточникъ*; грѣбеть руки около подрядовъ; другой — *спекулируетъ* казенными деньгами. (*Съ некоторымъ умилемъ*). Нѣтъ, что ни говорить, такъ, разные крикуны, а я приношу монинъ журнѣль подлзу обществу; — журналъ мой все-таки лучший проводникъ гласности. Если я иногда и позволяю себѣ проказки, за то я строгъ къ другимъ: у меня держи ухо востро! (*Съ одушевленіемъ*). Погодите, милостивые государи, теперь я подѣлничать поваго редактора. Нужно только его направлять, такъ мы задвинемъ вамъ *гравону*, — вы станете предомъ *интересомъ*... (*Съ заданомъ и умилемъ*). Вотъ, только бы провести «Громоводъ», взбить на нежъ пѣну журнальными статейками, а тамъ, сбывъ себѣ учредительскія акціи, да в сторону; — потѣшайся только, когда другіе станутъ вязнуть по горло... Дѣло бы это дѣло обработать, тогда можно дуститься и въ *благодѣлительность*, дачать дѣлать пожертвованія. Тогда можно будетъ громче толковать объ *общемъ благѣ*; а дѣло извѣстное, что когда твердишь о филантропіи, то и свои дѣлишки какъ-то *хотѣе* юрятся... Водъ Валерьянъ Алексѣичъ, — откушакъ, и въ цѣловальниковъ вышелъ, а увѣрялъ же печатно, что *взялъ Царевскій откупъ изъ любви къ меньшей братіи*, — «чтобы дескать, рабочій народъ могъ добыть хорошую чарку вина».. Вотъ, какъ надо дѣйствовать!.. Проказникъ, право, Валерьянъ Алексѣичъ! (*Умилается полуодобрительно-полукальничиво*)!

КНИЖКА ХІ.

ДЕРГАЧЕВЪ И КНИЖНИИ ПОДОЛЬСКАЯ.

Кн. Подольск. (съ шляпкой и съ муфтой въ рукахъ, слѣдуетъ черезъ контору). Bonjour, M^r Дергачевъ! — Какъ поживаете?

Дергач. (испуганно кричитъ). Здравствуйте, княгиня. Вотъ неожиданно обрадовали! Позвольте вашу муфту (берете муфту): да снимите шляпку, и присядьте къ камину. Я думаю, озлобились; — кажется, холодно.

Кн. Подольск. Нѣтъ, снѣгъ, куда озлобнуть! Я съ радостью утражу на ногахъ, и успѣла побывать въ десяти мѣстахъ... Вы знаете, что я еще очень жива... для моихъ лѣтъ... (Садится на подставку съ кресла, и сжимаетъ перчатку.)

Дергач. (перевосая). Полноте вызывать меня на комплименты... Позвольте, лучше, поцаловать вашу ручку! (Цалуетъ ея руку, съ искусственнымъ увлеченіемъ, и медлитъ ее опустить). Какая ручка! Кажется, не будь я женатъ, я былъ бы способенъ теперь на чудовищный поступокъ... (Хочетъ повторить поцалуй).

Кн. Подольск. (кокетливо отдергивая руку, но такъ, что Дергачевъ успѣваетъ ее поцаловать). Finissez, finissez! Я вовсе не желаю искушать васъ, — перестаньте; иначе, я буду жалѣть, что вошла сюда безъ Катерины Ивановны... (Объ торжественности) Мы съ ней друзья; я вовсе не хочу разстроивать ваше семейное счастье... Полноте шутить, успокойтесь, и поговоримте о дѣлѣ... Я съ утра въ каретѣ: все хлопоту о жидовочкѣ, которую завтра будутъ крестить... Что это за милосе создатель!... Забыла купить для нея крестикъ и ризки, а теперь явилась къ Катеринѣ Ивановнѣ—предложить ей быть *dame patronesse* въ нашемъ благотворительномъ обществѣ... Но мнѣ сказали, что ея нѣтъ дома; вотъ я и пришла сюда...

Дергач. (перевосая). Въ какомъ благотворительномъ обществѣ?

Кн. Подольск. А какъ же? У насъ устроивается новое благотворительное общество для пособія швеямъ.

Дергач. Швеямъ? какинъ швеямъ?

Кн. Подольск. Бѣднымъ швеямъ... Давно бы пора за это взяться... Вы вѣдь знаете, въ какомъ моральномъ... (ищетъ вы-

раженія) sans quel abrütissement moral находятся эти создания... Назначеніе нашего общества—поднять их нравственно?... Не правда ли; прекрасная цѣль?

ДЕРГАЧ. (*сдерживая улыбку*). Прекрасная, прекрасная; но какъ же вы этого добьетесь? Признаюсь, мой слабый умъ остановился бы передъ такой задачей...

Кн. Подольск. Это потому, что вы, мужчины, хотите всегда дѣйствовать умомъ, однимъ только умомъ... Нѣтъ, въ такихъ дѣлахъ нужно участіе сердца,—женскаго, любящаго сердца...

ДЕРГАЧ. Но я все-таки не вижу, какія у васъ средства?...

Кн. Подольск. (*съ неудовольствіемъ*). Какъ не видите?... Да развѣ не довольно женщинѣ за что нибудь взятыя, чтобы достигнуть цѣли?.. Мы будемъ посѣщать этихъ цвей, бесѣдовать съ ними, возить имъ книги, заказывать поучительныя статьи для нихъ. Тѣмъ, которыя будутъ отличаться нравственностію, будемъ выдавать награды—родъ шифра: съ одной стороны *видка*, эмблема трудолюбія, а съ другой надпись: «за добрую нравственность». Наконецъ, тѣмъ, которыя на возрастѣ, мы будемъ стараться отыскивать хорошихъ жениховъ... (*съ торжествующимъ видомъ*) Теперь поняли?..

ДЕРГАЧ. (*показывая видъ совершающаго участія*). Дѣятельность очень почтенная и очень занимательная... (*Простодушно*) Скажите, какъ взгляды-то разны!... Въ молодости, т. е. въ ранней молодости, до женитьбы, я часто проводилъ время между гризетками; но мнѣ вѣдь, право, никогда и въ голову не приходило приняться за ихъ нравственное возрожденіе...

Кн. Подольск. (*поплетъ наслышку и ударивъ Дергачева по руку*). Вотъ вамъ за это, насмѣшникъ! Да еще пожалуюсь Катерины Ивановны; расскажу ей, какъ ваша супружеская вѣрность держится на волоскѣ!... Однако, полноте шутиты.. (*Посылъ минутнаго раздумья*) Третьяго дня, я была на балѣ у княгини Красносельской; видѣла тамъ вашу племянницу М-лю Мамасву. Что это; какъ она мила! Какіе чудиме волосы; какой прекрасный ростъ; какъ много граціи въ манерахъ! а тамъ вотъ, право, нѣ больше! (*дольше пазладеніи ружъ тонкій обхватъ*). *Ragissante, ragissante!* Сколько ей дѣтъ?

ДЕРГАЧ. Олѣтъ?.. Да ужь 22 года; кажется...

Кн. Подольск. Что же? тогда бы замужъ...

ДЕРГАЧ. Будто это такъ легко,—взяла да и вышла?...

Кн. Подольск. Да почему же трудно?... Хороша собой, и сродоміе вѣдь, я думаю, недурное?...

Дергач. Состоячіе у нея хорошее. Но, видите, дѣло въ чемъ: тутъ вопросъ довольно сложный. Состояніе Ольги заключается въ капиталѣ; капиталъ этотъ весь у меня въ оборотѣ, виѣсть съ деньгами моей жены и моими собственными... Главные мои обороты состоятъ въ сдѣлкахъ по кредитнымъ бумагамъ. Тутъ деньги приливають и отливають безпрестанно. Сегодня, напримѣръ, за одніѣ акціи я выдалъ шестьдесятъ тысячъ и, вѣроятно, сегодня же получу эту сумму назадъ, можетъ быть съ барыщемъ. Слѣдить за такими переходами суммъ очень трудно, а реализовать наши капиталы можно только при ликвидаціи всѣхъ моихъ дѣлъ...

Кн. Подольск. Все это, снес, для меня китайская грамота; однако, кажется, я понимаю вашу мысль.

Дергач. Я хочу этимъ сказать, что Ольга не можетъ вдругъ отстать отъ меня, и потребовать свои деньги обратно... Между тѣмъ, держать свой капиталъ безъ оборота, или получать только казенные проценты, было бы ей невыгодно. Ольга привыкла къ комфорту; она не можетъ обойтись безъ нѣкоторыхъ прихотей... Вотъ что, по моему мнѣнію, можетъ затруднить ея замужество... Женясь ея, вѣроятно, захочетъ разузнать о ея состояніи, а допустить его къ разсмотрѣнію моихъ книгъ и счетовъ было бы неприлично, даже невозможно. Я говорю съ вами, княгиня, совершенно откровенно и по опыту: Ольгѣ представлялись ужъ партіи; но какъ тутъ встрѣчались всегда щекотливые вопросы, то это и не приводило ни къ чему положительному..

Кн. Подольск. Почему же вы думаете, однако, что не найдется человѣкъ, который не станетъ и спрашивать о приданомъ, лишь бы получить руку Ольги?

Дергач. (*грустными тономъ*). Безкорыстные люди ничуть рѣдки, княгиня; деньги играютъ теперь такую важную роль, что подѣлъ часть, право; становится страшно.

Кн. Подольск. Не огчлывайтесь, — Ольга тацъ мила: elle vaut bien son périaat d'or!.. Да, напримѣръ, Бельмесовъ! А Отчего бы вамъ не пристроить его къ вашей семьѣ?... Откровенно вамъ скажу, онъ неравнодушенъ къ вашей племянницѣ. Charmant jeune homme! можетъ сдѣлать хорошъ чюварьеру, а о состояніи и говорить нечего: два милліона...

Дергач. (*осмелдьясь*). Мнѣ очень пріятно слышать это, особенно отъ васъ, княгиня. Мы съ Catherine такъ любимъ Ольгу, что всякій знакъ участія къ ней принимаемъ съ особенною благодарностью. (*Съ чувствомъ*) У насъ нѣтъ своихъ дѣтей. Ольга заняла въ нашихъ сердцахъ мѣсто дочери... О Бельмесовѣ я самъ очень хорошаго мнѣнія: это молодой человекъ съ душой и сердцемъ.

Кн. Подольск. (*исребивая*). И съ какимъ сердцемъ... ип сошъ фог! Я думаю даже, что эта партія была бы выгодна для обѣихъ сторонъ: Бельмесовъ могъ бы вступить въ общій предпріятіи съ вами. Тогда, его деньги, ваше умѣнье,—это привело бы къ чему нибудь верошму.

Дергач. Теперь особенно, когда рѣчь идетъ о томъ, чтобы поставить на ноги нашъ «Громоотводъ», намъ нужно собрать, какъ можно болѣе капиталовъ... Я разсчитываю, между прочимъ, и на ваши деньги, княгиня...

Кн. Подольск. Ну, мои деньги не могутъ много фигурировать въ такомъ предпріятіи,—какія нибудь пятьдесятъ, шестьдесятъ тысячъ!...

Дергач. Дѣло не всегда въ цифрахъ. Для насъ важно ваше имя, княгиня, ваши связи, ваше вліяніе на графа Петра Бедулыча; для насъ важна симпатія женщины... (*Одушевляясь*) Это придастъ намъ силы окончить трудъ, начатый не изъ личныхъ разсчетовъ, а для пользы общества и государства...

Кн. Подольск. (*съ чувствомъ*). Прекрасно сказано!... Да, въ нашъ эгоистическій вѣкъ такое сознаніе отрудно; не все же жить и хлопотать только для себя!... (*Посль минутнаго раздумья*) Кстати, уступите мнѣ акціи «Громоотвода», подешевле. Графъ человекъ богатый; съ нимъ вамъ нечего женироваться, а для меня сдѣлайте уступку!.. Слышите? — Я на это разсчитываю...

Дергач. (*поспшно*). Разумѣется, княгиня, какъ же иначе! Для васъ я назначу часть изъ учредительской доли и уступлю вамъ по первоначальной цѣнѣ... Служить вамъ—первая потребность моей души... Это дѣло кончено, и, въ задатокъ, позвольте поцаловать вашу ручку.

Кн. Подольск. Требованіе законное! (*Протягиваетъ Дергачеву руку, которую тотъ цалуетъ съ увлеченіемъ. Въ это время, на порошъ двери, ведущей изъ конторы, показывается Дергачева.*

Она закутана въ шаль; ни волосъ у нея шлепа, въ рукахъ луста.
Она, лютиторбо время, жидкннть войднн въ кабинетъ).

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢ ЖЕ И ДЕРГАЧЕВА.

ДЕРГАЧЕВА (съ торжественностью). Bravo! Какъ это трогательно! Финансы у ногъ графин! (Подблзаетъ къ лѣ. Подольской). Bonjour, cherè princesse! Здравствуйте! (Цалуетъ ее, пожимая ея обѣ руки). Какъ вы милы, что осталиев; а я только ъдила сдѣлать нѣсколько визитовъ...

Кн. Подольск. (поздоровавшись съ Дергачевой, разсматриваетъ ее въ лорнетъ). Какъ вы разрумянились, мой ангелъ!...

ДЕРГАЧЕВА (стараясь казаться серьезной). Это отъ ревности, княгиня. Какъ же? Застаю васъ наединѣ съ мужемъ, и вы хотите, чтобы я была равнодушна?

Кн. Подольск. (указывая на Дергачева). Да, мы назначили здѣсь другъ другу rendez-vous.

ДЕРГАЧ. (перебивая и обращаясь къ женѣ). И если бы ты не вошла, я не отвѣчалъ бы за послѣдствія! (Всѣ трое смѣются, и дамы снова нѣжно цалуются).

ДЕРГАЧЕВА. А гдѣ же Ольга?

Кн. Подольск. Мнѣ сказали, что она дома, въ своей комнатѣ; но я не хотѣла ее тревожить, и прошла сюда...

ДЕРГАЧЕВА. Надо ее позвать... Она васъ очень любитъ, княгиня... (Звонитъ въ колокольчикъ. Входитъ лакей. — Обращаясь къ лакею). Доложи Ольгѣ Петровнѣ, что княгиня здѣсь. Вѣдь Ольга Петровна дома?

ЛАКЕЙ. Дома-съ.

ДЕРГАЧЕВА. Гдѣ она?

ЛАКЕЙ. Сидятъ, въ диванной, съ господиномъ Болтовымъ, и читають книгу.

ДЕРГАЧЕВА (вполголоса). Вѣчно съ Болтовымъ! (Громко) Такъ ступай, доложи. (Лакей уходитъ.)

Кн. Подольск. (обращаясь къ Дергачевой). А я хотѣла переговорить съ вами, ма cherè, о нашемъ благотворительномъ обществѣ, о нашихъ бѣдныхъ гризеткахъ... (Отходитъ съ Дергачевой-сторону, и говоритъ вполголоса).

ЯВЛЕНІЕ КН.

Тѣ же, Ольга и Болтовъ. (Ольга входитъ послѣшно, и обращается тотчасъ же къ княгинѣ Подольской; Болтовъ слѣдуетъ за нею, въ некоторомъ отдаленіи).

Ольга. Bonjour, princesse... Мнѣ только сейчасъ сказали, что вы здѣсь...

Кн. Подольск. Bonjour, mon ange... Что за пережонія?... Вы были заняты, я тоже пріѣхала по дѣлу... Вѣдь вы знаете... мою слабость къ вамъ? (Идетъ съ)... Сейчасъ про васъ говорили съ М-г Дергачевымъ (съ улыбкой), и, разумеется, васъ брали...

Дергач. (показывая кн. Подольской на Болтова). Вы, кажется, не знакомы, княгиня?... Позвольте вамъ представить — Дмитрій Петровичъ Болтовъ — нашъ добрый знакомый и сотрудникъ мужа по «Биржевому Вѣстнику»...

Кн. Подольск. (къ Болтову). Очень рада, очень рада... много насильстана. Читала вашу статью о «Громоудѣ» — съ большимъ удовольствіемъ. Сколько силы, одушевленія!... Правда, предметъ, самъ по себѣ, можетъ вызвать симпатію... (Болтову молча кланяется).

Ольга (подходя къ Дергачеву). А я еще не успѣла поздороваться съ тобой, Жан. Здравствуй! (Протягиваетъ ему руку, которую тотъ цѣлуетъ). Впрочемъ, ты не будешь на меня сердиться, когда узнаешь, какъ я провела утро...

Дергачевъ. Какъ? Я думаю, читала?

Ольга. Да, сейчасъ мы читали съ Дмитриемъ Петровичемъ... Но дѣло, вотъ въ чемъ... Оказывается, что М-г Болтовъ — мой старый знакомый... Помнишь происшествіе, что случилось со мной и съ покойнымъ отцомъ, когда мы на пароходѣ переѣзжали Ламаншъ?... Я тебѣ и Catherine рассказывала объ этомъ... Молодой человѣкъ, который спасъ мнѣ жизнь, никто иной, какъ М-г Болтовъ... Вотъ онъ, мой избавитель!... (Дергачевъ хочетъ протянуть объ руку Болтову, съ намрениемъ благодарить его; но Ольга его останавливаетъ). Постой, постой... дай кончить... Покуда, это — моя радость, а вотъ подарокъ и для тебя: Дмитрій Петровичъ принимаетъ твое предложеніе насчетъ редакторства, и этижъ ты отчасти обязанъ мнѣ...

ДЕРГАЧ. *(съ восторгомъ)*. Возможно ли?... Дмитрій Петровичъ! Ахъ, какъ я радъ! Благодарю васъ, вдвойнѣ благодарю, и за Ольгу, которую мы любили какъ дочь, и за то, что вы рѣшились дѣйствовать вмѣстѣ съ нами... Теперь я не сомнѣваюсь въ успѣхѣ; будемъ стоять за правду; покажемъ людямъ, что истина рано или поздно торжествуетъ... *(Обнимаетъ Болтова)*. Какой счастливый день!... *(Къ Ольгѣ)* Мерсі, Ольга, — теперь я еще больше буду любить тебя...

Кн. Подольск. Что это вы, messieurs, обнимаются? Что такое случилось? Позвольте и намъ принять участіе въ вашей радости.

Ольга. Рекомендую вамъ, княгиня *(указывая на Болтова)*, моего избавителя. Этотъ молодой человекъ спасъ мнѣ жизнь.

Кн. Подольск. Когда? Какимъ образомъ?...

Дергачевъ *(перебивая и подводя Болтова)*. Рекомендую вамъ, княгиня, новаго редактора «Биржеваго Вѣстника»...

Дергачевъ. Какъ? Дмитрій Петровичъ согласился? Очень рада, очень рада! *(Протягиваетъ Болтову руку)*.

Дергачевъ *(съ торжественностью)*. Да, тѣ, чего я не могъ добиться силою своего краснорѣчія, совершилось, благодаря хорошему глазу Ольги...

Ольга. Полно; Жанъ, шутить...

Дергачевъ. Да какъ же? *(Обращаясь къ Болтову)* Не правда ли, Дмитрій Петровичъ? Скажите, положи руку на сердце...

Болт. *(застычиво)*. Правда, что...

Дергачевъ *(перебивая)*. Ну, вотъ, онъ самъ признается! А вѣдь съ виду какой смиренникъ! *(Обнимаетъ и целуетъ Болтова)* Ничего, мы сочтемся, не сердитесь; что я васъ вывожу на свѣжую воду!...

Кн. Подольск. Позвольте однакожь, — что все это значить?... *(Входитъ лакей)*.

Лакей. Кушанье подано.

Дергачевъ. Оставайтесь съ нами обѣдать, княгиня; за столомъ мы вамъ все расскажемъ подробно, и съ радости разоцѣмемъ бутылку Vin Royal. *(Лакею)* Подать къ обѣду шампанскаго. *(Лакей уходитъ)*.

Кн. Подольск. Мерсі, но вѣдь я обѣщала...

Ольга. Подnote, княгиня; вы, вѣрно, не откажетесь разделить съ нами нашу радость... *(Не слушая ея возраженій, сме-*

маши съ нея шлду). Я предложу тебѣ за здоровье моего издателя!...

ДЕРГАЧЕВЪ. А я въ честь новой редакціи. Княгиня, вашу руку! *(Беретъ ее подъ руку, и уводитъ изъ комнаты)*.

ОЛЬГА. А мы, съ Catherine, возьмемъ подъ руки виновника торжества, и заключимъ шествіе! *(Ольга и Дергачевъ берутъ подъ руки Болтова, и также уходятъ)*.

Занавѣсъ опускается.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Въ квартирѣ Дергачевыхъ балъ. Театръ представляетъ боковую залу, отдѣляемую арками отъ залы, въ которой танцуютъ. Изъ балльной залы слышится музыка, и, чрезъ арки, тамъ видны танцующіе. Комнаты освѣщены великолѣпно и уставлены цвѣтами и зеленью. Лакеи, въ бѣлыхъ жилетахъ и галстукахъ, разносятъ конфеты и прохладительныя. По стѣнамъ боковой залы стоятъ легкіе диваны, безъ спиннокъ, и табуреты. Впередѣ сцены, по бокамъ, поставлены два ломберные стола. За однимъ изъ этихъ столовъ сидятъ графъ Петръ Овдудычъ, баронъ Эйзеншmidtъ, Хасановъ и Шестицаловъ; они ведутъ игру, которую прерываютъ разговорами; за другимъ столомъ сидятъ партія молчаливыхъ господъ, внимательно занятыхъ игрою.

ЯВЛЕНІЕ I.

Партіи играющихъ.

Гр. ПЕТРЪ ОВДУДЫЧЪ *(оставя карты и обращаясь къ барону Эйзеншmidtу)*. Что ни говорите, баронъ, а это весьма и весьма неприлично... Нужно разбирать дѣла и людей... Предпріятіе наше обставлено великолѣпно... Какъ же позволять метать въ него каменья?... Возьмите: у насъ—все люди солдныя, люди съ вѣсомъ, съ заслугами, а тутъ, вдругъ, какой-то молокососъ печатно увѣряетъ, что мы монополисты, что мы поднимаемся на фокусы и хотимъ надуть публику... Что за тонъ!... Я готовъ держать пари, что авторъ не изъ дворянъ; — это какой нибудь пролетарій!... *(Громко поводитъ глазами)*.

БАР. ЭЙЗЕНШ. (*малкимъ голосомъ*). Я его знаю, — авторъ-то, — знаю... Онъ сынъ сѣдельника... У него славные глаза, точно у матери... Мать была красавица... Я ее помню, — очень помню... Вотъ была женщица!... (*Цалуетъ себя конемъ пальцемъ, чмокаетъ и вздыхаетъ*).

ГР. ПЕТРЪ ӨЕДУЛЫЧЪ. (*съ досадой*). Вы, баронъ, всегда увлекаетесь... Тутъ дѣло не о глазахъ сына и не о прелестяхъ матери... Надо на это смотрѣть съ высшей точки... По моему, авторъ все-таки торгашъ, а статья его — извините меня, messieurs, за выраженіе — напоминаетъ сыромятный ремень, отъ нея пахнетъ дегтемъ... Хэ, хэ! (*Хасановъ и Шестипаловъ одобострашило улыбаются*).

БАР. ЭЙЗЕНШ. (*съ нѣкоторымъ сладострастіемъ*). Я, признаться, не нюхалъ статьи, даже не читалъ ея, — право, не читалъ!... Знаю только, что отъ автора не пахнетъ дегтемъ, а отъ сестры его, которая прелестна (*задыхается отъ восторга*) всегда вѣетъ тончайшииъ es-bouquet... Знаете? — Именно, вѣетъ... (*Дѣлаетъ дунвеніе по воздуху*.)

ГР. ПЕТРЪ ӨЕДУЛЫЧЪ (*оскорблѣсь*). Съ вами, баронъ, нельзя вести серьезнаго разговора!... О чемъ ни заведи рѣчь, вы всегда сверотите на кринолиновую юпку... (*Хасановъ и Шестипаловъ стараются смириться и потупляютъ глаза*).

БАР. ЭЙЗЕНШ. Вы не совсѣмъ справедливы, графъ... не совсѣмъ справедливы... Хорошенькія женщины, особенно этакія полненькія, кругленькія (*описываетъ руками нѣчто сферическое*) — моя слабость, — хи, хи, хи! Когда я вижу, какъ колышется юпка, я чувствую въ себѣ присутствіе чего такого... наркотическаго... Я говорилъ объ этомъ даже съ докторомъ... Знаете, что онъ мнѣ сказалъ?... (*Смотритъ вопрошательно на графа Петра Өедулыча, который упорно молчитъ*). Онъ осматривалъ мою голову, и нашелъ, что у меня очень развитъ бугорокъ любви... Стало быть, я невиннать: — это ужъ врожденное... Но вы не совсѣмъ правы, графъ: я въ отношеніи къ женщинамъ совершенный демократъ... Мнѣ все равно крашеннииъ сарафанъ или великолѣпнѣйшая кринолина... хи, хи, хи! (*Заливается смѣхомъ*).

ГР. ПЕТРЪ ӨЕДУЛЫЧЪ (*разерячмшись*). Вы не хотите, баронъ, чтобы я говорилъ?...

БАР. ЭЙЗЕНШ. Напротивъ, напротивъ, графъ, мнѣ очень пріятно васъ слушать, очень пріятно... Но, видите? Какъ скоро рѣчь коснется хорошенькихъ, — не могу быть хладнокровнымъ...

Что делать? Теперь ужь можно ствынать... ми, хи, хи! Продолжайте, продолжайте, графъ; меня даже разговоръ очень интересуетъ; извините только; дайте расшфаться... Я слабонервный; у меня часто истерическій смѣхъ!... Иногда нападетъ это на меня, когда я бываю наединѣ съ женщиной... Просто, не могу выговорить слова... такая досада... ми, хи, хи! (Дастаетъ изъ крамана услокашительный порошокъ, который тотчасъ же прикипаетъ).

Шестиц. (робко). А вы-озвольте, ваше ос-ательство, — о чемъ изволили гг-говорить?

Гр. Петръ Федулычъ (краиво). Я началъ говорить о статьѣ, что появилась на дняхъ въ новой газетѣ «Тиски». Статья эта о нашей компаніи «Громоотводъ»... Газета, кажется, хочетъ составить оппозицію «Биржевому Вѣстнику»; но какъ бы то ни было, эта статья, по моему, неприлична...

Хасан. Я вамъ скажу-сь, — просто ругательная...

Гр. Петръ Федулычъ (сухо). Вы развѣ читали?

Хасан. Нѣтъ-сь, не удалось; — а я только изъ того заключаю, что вы изволили изъяснить...

Гр. Петръ Федулычъ (несотря на барона Эйзенцидта, который, между тѣмъ, пришелъ въ нормальное состояніе). Статья, по моему мнѣнію, вредная. Господа, пишущіе подобные статьи, — просто алармисты...

Шестиц. (вторя). Аа-лармисты, аа-лармисты!

Бар. Эйзенши. (мяко). Почему же именно алармисты?

Гр. Петръ Федулычъ. Я вамъ сейчасъ скажу, если только съ вами не сбѣлается опять истерическаго припадка...

Бар. Эйзенши. (спокойно). Нѣтъ, нѣтъ, — я принялъ порошокъ; теперь не сбѣлается... не сбѣлается...

Гр. Петръ Федулычъ. Эти писаки задались тѣмъ, чтобы подрывать всякій авторитетъ... Они трубятъ тревогу, задираютъ, оскорбляютъ все, что выше ихъ ничтожества, и воображаютъ, что приносятъ пользу... Между тѣмъ, какъ же безъ авторитета? Я васъ спрашиваю, какъ же безъ авторитета? (Смотритъ грозно на собесѣдниковъ).

Хасан. (подобострастно). Я вамъ лучше скажу-сь: — просто, невозможно.

Шестиц. (струхнувъ). Нн-евожно, — невозможно!

Бар. Эйзенши. (кратко). Это еще не доказательство, графъ... не доказательство!..

Гр. Петръ Ѳедулычъ (*съ зорчностію*). Какъ по доказательству! Какихъ же вамъ еще доказательствъ?.. Акцій не вышущено, а на процессы ужь пренія!.. Развѣ это не выражаетъ довѣрія публики?.. И все это дѣло авторитета, потому что публика, между нами сказать, не понимаетъ, что такое «Громоотводъ»... И послѣ всего этого, вдругъ люди рѣшаются убѣдить, что проектъ нашъ, извольте видѣть, — «сусальное золото, которое прикрываетъ сосудъ, наполненный нечистотой»!.. Такое изрѣченіе обращено было къ Фарнсеямъ; но мы вѣдь не Фарнсеи, не Мюльштейны какіе нибудь...

Бар. Эйзенши. А кстати, — говорятъ, Мюльштейнъ хочетъ открыть банкирскій домъ... Не слышали вы, графъ, ничего объ этомъ, — ничего не слышали?

Гр. Петръ Ѳедулычъ. Нѣтъ, ничего. Да что мудренаго? Мюльштейнъ пройдоха порядочный!..

Бар. Эйзенши. Я слышалъ, что и «Тиски» — то надаются на его деньги...

Гр. Петръ Ѳедулычъ. Того и гляди: мудренаго нѣтъ... А я все опять на счетъ «Громоотвода»... Теперь вѣдь идетъ рѣчь о томъ, какъ бы выхлопотать нашему предпріятію гарантію отъ казны... А вѣдь хорошо бы, — какъ вы думаете, баронъ?

Бар. Эйзенши. Такъ, такъ; но вѣдь теоретики не то говорятъ; они говорятъ, что гарантія — зло... что гарантія мѣшаетъ успѣху хорошаго предпріятія, и поддерживаютъ предпріятіе дурное... Вотъ что теоретики говорятъ...

Гр. Петръ Ѳедулычъ. Я вамъ дамъ совѣтъ, баронъ: — не слушайте никогда теоретиковъ; это все завистники; они разсуждаютъ такъ съ-голода и отъ зависти; это собаки, что лежатъ на снѣгъ... (*Улыбаясь и потирая руки*) Нѣтъ, когда я отъ этой гарантіи получу и положу въ шкатулку кругленькую сумму денегъ, меня никакой крикунъ не убѣдитъ, что гарантія — зло... Однако, мы совсѣмъ заговорились...

Хасан. Я вамъ лучше скажу-съ: такихъ рѣчей можно совсѣмъ заслушаться...

Гр. Петръ Ѳедулычъ (*снисходительно*). Такъ, такъ, но кому же сдавать?

Шестиц. Бѣ-арону, барону!

Гр. Петръ Ѳедулычъ. Такъ не угодно ли, баронъ?

БАР. ЭЙЗЕНШМ. Сейчасъ, сейчасъ;—совсѣмъ было забылъ...
(*Сдаетъ карты.*)

ГР. ПЕТРЪ ѲЕДУЛЫЧЪ. А знаете, кого я вчера встрѣтилъ, баронъ,—какъ бы вы думали?

БАР. ЭЙЗЕНШМ. Кого, кого?

ГР. ПЕТРЪ ѲЕДУЛЫЧЪ. Вашу Мэри... Ъхала по Милліонной... Что за карета, что за сѣрые рысаки—великолѣпіе!.. Сама въ бархатной шубѣ съ соболемъ, щечки, какъ розанчики, — глазки, какъ звѣздочки!.. Дѣлаетъ честь вашему вкусу... За то, жаюсь вамъ, я свежъ ей сегодня букетъ изъ бѣлыхъ камелій... хэ, хэ!

БАР. ЭЙЗЕНШМ. (*снисходительно*) Bravo, графъ! Да вы опасный соперникъ! Смотрите, —не дошло бы дѣло до дуэли, хи, хи, хи! Правду сказать, Мэри славный ребенокъ. Чудо, какъ тѣшить меня... тѣшить... Если «Громоотводъ» пойдетъ, возьму акцій на ея долю; надо ее обезпечить... непременно надо...

ГР. ПЕТРЪ ѲЕДУЛЫЧЪ. Вы великодушны и щедры, баронъ, какъ рыцарь... Я не буду жалѣть, если вамъ проиграю, а это, кажется, случится... весьма и весьма случится... (*Перебрасывается картами.*)

БАР. ЭЙЗЕНШМ. Что, каково нынче съ акціями, вообще, каково, а?

ШЕСТИП. Пш-лохо, плохо-съ! Я ны-едавно продалъ «Бѣлморскаго пловца», съ убыткомъ!.. Да, спасибо, еще Дд-ергачевъ въ-выручилъ... выручилъ...

ХАСАН. Я вамъ лучше скажу-съ: я спустилъ «Сѣвернаго оленя», чрезъ Дергачева же, да тоже съ убыткомъ...

ШЕСТИП. А я ик-упилъ «Сѣвернаго оленя», да такъ пр-омакнулся, что бб-ѣда! (*Машетъ рукой.*)

ХАСАН. У кого купилъ?

ШЕСТИП. Да все у Дд-ергачева же...

ХАСАН. Такъ это онъ вамъ, видно, мои акція-то всучилъ!..

ШЕСТИП. Ни-езнаю, не знаю!

ХАСАН. Да какія акціи-то?—воняетъ отъ нихъ водкой?

ШЕСТИП. Бб-ѣда, какая вонь, — я все удивлялся!..

ХАСАН. Такъ это мои; у меня сынишко графинчикъ съ настойкой на нихъ пролилъ; —какъ я ни сушилъ послѣ,—все воняетъ...

ШЕСТИП. Въ-оняетъ, воняетъ!..

БАР. ЭЙЗЕНШМ. (*иронически*). Значить, Дергачевъ-то вамъ обонимъ услужилъ, обонимъ?..

Хасан. (с чувством). Я вамъ лучше скажу-съ: просто, облагодѣтельствовалъ: безъ него я совсѣмъ бы погибъ съ этими акціями...

Шкстип. (съ смиреніемъ). Сс-пасибо ему — помогъ и миѣ... Только «Сс-ѣверный олень-то» меня очень пш-одѣлалъ!.. Ну, ужь это Бб-ожья воля... Дд-ергачевъ тоже монетъ оо-шибиться.

Хасан. Я вамъ лучше скажу-съ; тутъ никакъ польза: какъ вы ни расчитывайте, налетитъ, это, изъ Европы кризисъ, а такъ подкузьмить, что терпѣнья нѣтъ... Нѣтъ, нечего говорить: Дергачевъ мужикъ добрый!..

Шкстип. Дд-обрый, добрый!.. (*Графъ Петръ Одумичъ и баронъ Эйгеншмидтъ насмѣшливо переглядываются, и затѣмъ продолжаютъ играть.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, княгиня Подольская и Ольга. (Княгиня Подольская и Ольга, взявшись за руки, выходятъ изъ бальной залы, чтобы освѣжиться. На обѣихъ бальныя туалеты. Княгиня Подольская одѣта молодо, но богато и со вкусомъ; она обмахивается вееромъ. Туалетъ Ольги отличается намыскашной простотой; въ рукѣ ея букетъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ. Обѣ продолжаютъ начатый разговоръ.)

Кн. Подольск. (съ увлеченіемъ). Увѣрю васъ, ма сеге, что Бельмесовъ влюбленъ, влюбленъ до безумія... Надо было слышать, какъ онъ восхищается вами... Такъ-то, ма petite, послушайте меня, — выходите за него замужъ... Вы, конечно, увѣрены, что я желаю вамъ добра... да и Дергачевъ вамъ совѣтуютъ тоже; не такъ ли?

Ольга (въ смущеніи). Очень благодарна вамъ, княгиня, за участіе... Catherine и Jean одного мнѣнія съ вами, но, посудите: вѣдь я едва знаю Бельмесова... Правда, онъ кажется умнѣе, образованѣе; но я не чувствую къ нему ничего особеннаго...

Кн. Подольск. Вы забываете, ма сеге, главное: онъ страшно богатъ!... Вотъ, что значить — молодость! Вы все мечтаете о какой-то романической привязанности... Это хорошо въ книгахъ, mon ange, да при всѣхъ другихъ условіяхъ... Деньги теперь много значать... Богатый мужъ будетъ исполнять всѣ ваши желанія, всѣ ваши прихоти; вы сдѣлаетесь царицей баль-

шаго свѣта... Тогда, отъ васъ будетъ зависѣть подь-часъ дать волю вашему воображенію и чувству...

Ольга (*съ замѣшательствомъ*). Полноте, княгиня...

Кн. Подольск. Да, разумѣется, моя прелесть! Вы теперь еще слишкомъ неопытны (*цалуетъ ее*), mais il faut absolument passer par-là! Надо смотрѣть на вещи прямо... Вы знаете, что отъ этого замужества зависить ваше благосостояніе?... Кипиталь вашъ въ биржевыхъ оборотахъ, а не всякій рѣшится жениться, прежде чѣмъ узнаеть, что есть у невѣсты...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Бельмесовъ. (Бельмесовъ, войдя въ боковую залу и замѣтивъ Ольгу, торопливо подходитъ къ ней. Изъ балльной залы слышны звуки мазурки.)

Бельм. Ольга Петровна, васъ ищутъ; вы танцуете въ первой парѣ. (*Къ кн. Подольской*) Pardon, princessel..

Ольга. Какъ же, я помню!.. Сейчасъ, сейчасъ... До свиданія, княгиня... (*Пожимаетъ кн. Подольской руку и уходитъ. Бельмесовъ хочетъ за ней слѣдовать, но кн. Подольская живо же заставаляетъ его остаться. Бельмесовъ остается, глядя на нее вопросительно*).

Кн. Подольск. (*тайно показывая на дверь, въ которую вышла Ольга*). Я сейчасъ говорила съ ней о тебѣ... Кажется, можно будетъ сладить... Только смотри, не теряй времени... и главное — никому ни слова...

Бельм. (*споломаса*). Знаю, знаю... я уже началъ дѣйствовать; положиись на меня...

Кн. Подольск. Да не забудь объ условіяхъ... Однако, тебя ждуть. Ступай, — желаю успѣха!.. (*Бельмесовъ, дѣвъ знакъ, что понялъ, въ чемъ дѣло, уходитъ въ балльную залу. Кн. Подольская подходитъ къ зеркалу, и поправляетъ себя прическу. Въ этомъ замѣтн застаетъ ее Дергачева.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же (кроме Ольги и Бельмесова) и Дергачева.

Дергачева. (*войдя въ боковую залу, и замѣтивъ кн. Подоль-*

скую). Я все искала васъ, княгиня;— хотѣла сообщить вамъ новость...

Кн. Подольск. Что такое, что такое, *ma chère*, говорите!..

Дергачева. Бельмесовъ сейчасъ, почти формально, предупредилъ меня, что намѣренъ просить руки Ольги...

Кн. Подольск. Bravo! онъ дѣйствуетъ энергически!.. Что же вы ему отвѣчали?

Дергачева. Я ему отвѣчала, что ни я, ни мужъ мой ничего не имѣемъ противъ этого; что, напротивъ, мы сочли бы за особенную честь съ нимъ породниться; но что Ольга не зависить отъ насъ и должна сама рѣшить...

Кн. Подольск. Прекрасно, *ma chère*; вы поступили съ достоинствомъ.

Дергачева. Я думаю, что если онъ обратится къ Ольгѣ, она будетъ такъ благоразумна, что не откажетъ ему, не посоветовавшись съ нами, а мы ужъ какъ нибудь ее настроимъ... Въ самомъ дѣлѣ, странно было бы отказываться отъ такой блистательной партіи...

Кн. Подольск. У насъ съ ней сейчасъ было маленькое совѣщаніе... Я старалась ее приготовить и расположить въ пользу Бельмесова...

Дергачева. Ну, что же, — успѣли? Я знаю, что Ольга вѣритъ вамъ...

Кн. Подольск. Кажется, я успѣла представить ей Бельмесова въ выгодномъ свѣтѣ... Собственно, противъ него она ничего не имѣетъ... Но, если я не ошибаюсь, тутъ есть препятствіе другаго рода... Скажите, не любитъ ли ужъ Ольга кого нибудь?

Дергачева (*нервительно*). Развѣ — Болтовъ?..

Кн. Подольск. Какъ, этотъ рыцарь печальнаго образа? Вотъ странный вкусъ!

Дергачева. По крайней мѣрѣ, они, по цѣлымъ часамъ, говорятъ, читаютъ вмѣстѣ книги, разсуждаютъ, спорять и, кажется, очень любятъ проводить время другъ съ другомъ...

Кн. Подольск. Э! коди такъ, — тутъ, значить, нѣтъ ничего опаснаго... Повѣрьте моей опытности, *ma chère*: когда любовники много говорятъ, любовь вылетаетъ вмѣстѣ съ фразами... Настоящая любовь небогата...

Дергачева. Тѣмъ лучше... Я знаю только, что Ольга очень хорошаго мнѣнія о Болтовѣ...

Кн. Подольск. Это ничего не значить, *ma chère*: вы можете

быть очень хорошаго мнѣнія о вашемъ домашнемъ учителѣ, о вашемъ дворецкомъ; но отъ этого еще далеко до того, чтобы говорить имъ нѣжности, или вѣшаться къ нимъ на шею...

Дергачева. Что Ольга нравится Болтову, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія... Я признаюсь, даже всегда радовалась этому; такая страстишка можетъ крѣпче привязать Болтова къ намъ, а это очень важно для дѣлъ Жан...

Кн. Подольск. И очень, и очень; потому-то и нужно его менажировать...

Дергач. Все это такъ... Но, видите, дѣвицы наши вообще чрезвычайно экзальтированы... Мнѣ кажется, и Ольга придаетъ слишкомъ большую цѣну тому, что Болтовъ когда-то спасъ ей жизнь... Скажите сами, княгиня: стоитъ ли это глупѣйшее происшествіе того, чтобы придавать ему такъ много значенія?.. На повѣрку выходитъ, что нашъ герой горячился по-пустому: Ольгу спасли бы и безъ него... Мнѣ кажется даже, что чувство благодарности меня бы только связывало...

Кн. Подольск. Безъ сомнѣнія, та снѣге... Потому-то я и думаю, что страстишка эта неопасна... Зачѣмъ же намъ идти противъ этой страстишки? Лучше воспользуемся ею.

Дергачева. Какъ воспользуемся?

Кн. Подольск. По-моему, очень кстати случилось, что Ольгу интересуется челоуѣкъ совсѣмъ изъ другой сферы; ему, конечно, не придется въ голову оспаривать ее у Бельмесова... Надо воспользоваться этимъ... Если у Ольги есть настоящая склонность къ Болтову, надо дать понять ей, что замужемъ она будетъ свободнѣе и что отъ нея будетъ зависѣть позволять себѣ кое-какія развлечения... Впрочемъ, я задерживаю васъ, та снѣге; пойдите въ залу; мы можемъ поговорить и тамъ... *(Разговаривая вполголоса, уходятъ въ бальную залу.)*

ЯВЛЕНІЕ V.

Партіи играющихъ, и потомъ Дергачевъ.

Гр. Петръ Ѳеодулычъ. Ну, вотъ, — не правъ ли я былъ? Вы меня обыграли, баронъ, весьма и весьма обыграли...

Бар. Эйзенши. Вы, кажется, несчастливо играетъ, графъ... Должно быть, зато счастливы въ любви, — а? въ любви?.. Хи-хи-хи!

Гр. Петръ Ѳеодулычъ. Въ прежнее время, случалось — бывало — выдали виды. Теперь уж не то! Укатали горку... крутая сивуха... Нѣтъ, какъ эта пословица?..

Хасан. Укатали сивку крутая горки!

Гр. Петръ Ѳеодулычъ. Да, укатали... сивку... сивку крутая горки! Хэ, хэ!

Бар. Эйзенши. Почему же именно укатали?.. Мужчины нашихъ лѣтъ, — солидные, скромные, — очень нравятся молоденькимъ дѣвочкамъ, — знаете, дѣвочкамъ, что носятъ коротенькія платьица, только-что перестаютъ играть въ куклы и начинаютъ любить... Я самъ люблю этою возраста... очень люблю... Буколки, или косы по сторонамъ, — открытая шейка!... Право, славно!... У меня есть много обожательницъ между пансіонерками; всегда ихъ перецалую — въ губки, въ шейку... Славно! Какъ-то на душѣ сдѣлается веселѣе!..

Хасан. *(улегшись)*. Я вамъ лучше скажу-сь: самое пріятное занятіе-сь женскимъ поломъ. Бывало, какъ стоишь гдѣ нибудь, у чорта на кулачкахъ, такъ только и отрады, что съ бабешкой какой нибудь: *(Приходитъ въ себя и конфузится)*.

Бар. Эйзенши. На Мэри тоже нельзя пожаловаться: привязанность прибрная, испытанная привязанность... А ужь какъ она умѣетъ приласкаться да утѣшить, — именно профессор!.. Хи-хи-хи! *(Выражаетъ полный восторгъ)*. Однако, сочтентесь!.. *(Дѣлаютъ расчетъ по ирѣ, расплачиваются и потомъ встаютъ съ своихъ мѣсть. Дергачевъ подходитъ къ ихъ столу въ половинѣ разговора, и ждетъ окончанія расплаты.)*

Дергач. *(замѣтивъ, что расчеты кончены)*. Вотъ какъ! баронъ вышелъ побѣдителемъ!... А вѣдь, по началу игры, нельзя было ожидать... Извините меня, пожалуйста, messieurs, что я такъ долго не приходилъ васъ провѣдать... Не считите это за равнодушіе... *(Всѣ четверо дѣлаютъ успокоительные жесты.)* Дѣло въ томъ, что я цѣлый часъ толковалъ съ чиновникомъ, который привезъ важную новость, касающуюся и васъ...

Гр. Петръ Ѳеодулычъ и бар. Эйзенши. *(въ одинъ голосъ)*. Что? Что такое? — Говорите, говорите!

Дергач. Представьте! Въ высшихъ сферахъ не соглашаются обезпечить «Громоотводъ» гарантіей отъ казны; говорятъ, что гарантировать такое предпріятіе невыгодно, неудобно...

Гр. Петръ Ѳеодулычъ *(глубокомысленно)*. А вѣдь пожалуй, что такъ!.. Вопросъ о гарантіяхъ, вообще, вопросъ спорный... Я,

кажется, выразилъ это мнѣніе не далѣе, какъ полчаса тому назадъ...

Бар. Эйзенши. *(съ лукавой улыбкой)*. Мнѣ кажется, напротивъ, графъ: вы говорили именно въ пользу гарантій... въ пользу гарантій говорили...

Гр. Петръ Ѳедулычъ. Я говорилъ? Когда же, когда? *(Обращаясь къ Шестипалову)* Развѣ я говорилъ въ этотъ смыслъ?

Шестип. *(робко)*. Нѣ-вѣтъ!.. вв-аще сс-іятельство говорили только насчетъ шив-катулки, штатулки...

Гр. Петръ Ѳедулычъ *(смѣхаясь)*. Да, насчетъ штатулки... Но тутъ дѣло—не въ штатулкѣ: тутъ государственный вопросъ, который я, признаюсь, не рѣшился бы поддерживать...

Бар. Эйзенши. Однако, вы сейчасъ его поддерживали, графъ, сейчасъ поддерживали! Хи-хи-хи! *(Къ Хасанову)* Не правда ли, не правда ли?

Хасан. *(торопливо)*. Я вамъ лучше скажу-съ: у меня что-то уши заожгло; не дослышалъ-съ!..

Бар. Эйзенши. Да, вы не дослышали!.. А я такъ очень хорошо дослышалъ, какъ графъ доказывалъ пользу гарантій, доказывалъ... Хи-хи-хи!

Гр. Петръ Ѳедулычъ *(примирительнымъ тономъ)*. Значить, вы меня не поняли, баронъ... Я старался отыскать въ этомъ началѣ нѣкоторыя благоприятныя стороны, пока можно было предполагать, что... что шѣра эта полезна... Теперь же, когда очевидно, что она бесполезна, даже вредна.—мнѣ кажется, долгъ каждого изъ насъ усвоить себѣ такой взглядъ... *(Съ достоинствомъ)* Государственная мудрость въ томъ и состоитъ, чтобы приравниваться къ обстоятельствамъ...

Бар. Эйзенши. *(волнуясь)*. Положимъ, это высшій государственный взглядъ, высшій взглядъ... хи-хи-хи! *(Обращаясь къ Дергачеву)* А что скажете вамъ коммерческая мудрость? Вы какого мнѣнія объ этомъ, Иванъ Кондратьичъ? — Какого вы мнѣнія?..

Дергач. Не скрою отъ васъ, messieurs, что гарантія отъ казны придала бы нашему предпріятію большей вѣсъ... Удайся намъ это, мы разыграли бы на такую тему цѣлую симфонию... Но неудача не должна лишать насъ бодрости... Все дѣло — въ приемахъ... Теперь, когда мнѣстно, что гарантія не состоится, мы должны и въ литературѣ, и въ обществѣ проводить ту мысль, что всякая гарантія вредитъ уснѣху, поселяетъ недовѣріе

къ разумности и состоятельности предпріятія... Все дѣло — въ пріемахъ!..

Гр. Петръ Ѳедулычъ (съ важностію). Весьма и весьма, — все дѣло въ пріемахъ!

Бар. Эйзеншм. Хи-хи-хи! Именно, въ пріемахъ!

Дергач. Теперь мы, по крайней мѣрѣ, знаемъ, чего держаться... Теперь мы не можемъ разсчитывать на гарантію... Сужденія наши объ этомъ предметѣ должны теперь, какъ мнѣ кажется, опредѣляться слѣдующими главными положеніями... (Обращаясь къ своимъ собесѣдникамъ) Вы позволите мнѣ, messieurs, произнести родъ спича, чтобы показать вамъ мой взглядъ на дѣло?

Гр. Петръ Ѳедулычъ. Весьма и весьма, — говорите!..

Бар. Эйзеншм. Это, именно, необходимо... Хи, хи, хи!

Дергач. (докторальнымъ тономъ и съ разстановками)

Положенія мои слѣдующія:

Первое. — Задумавъ предпріятіе, мы считали его состоятельнымъ и выгоднымъ, и потому оно, собственно говоря, не нуждалось въ гарантіи;

Второе. — Считаая предпріятіе выгоднымъ, мы, по чувству патриотизма и въ видахъ государственной пользы, находили неприличнымъ присвоить исключительное пользованіе ожидаемыми выгодами самимъ себѣ, или имѣющему образоваться обществу, а поставили своимъ долгомъ допустить къ участию въ дѣлѣ и казну;

Третье. — Узнавъ теперь, что участіе казны и правительственная гарантія неосуществимы, мы освобождаемъ себя отъ всякихъ обязательствъ, внушаемыхъ чувствомъ патриотизма. За то, тѣмъ съ большимъ правомъ и большими надеждами на успѣхъ, принимаемся за дѣло, для личной нашей пользы и для пользы того общества, которое намѣрены составить... (*Перемльмишь тонъ*). Вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ, та программа, которой, какъ мнѣ кажется, мы должны теперь слѣдовать... Впрочемъ, если она несогласна съ вашими убѣжденіями, заявите мнѣ ихъ; я не остановлюсь передъ уступками...

Гр. Петръ Ѳедулычъ. Вы весьма я весьма разъяснили дѣло... Мнѣ самому не разъ приходили въ голову подобныя же мысли... Но не дурно было бы, если бы вы дали намъ, для памяти, записочки о томъ, что сейчасъ говорили... (*Къ барону Эйзеншмидту*). Какъ вы находите намѣненіе, баронъ?

БАР. ЭЙЗЕНШ. (въ легкой шпик). Непогрѣшительнымъ, графъ; именно, не въ чему придратъся, хи, хи, хи! (Къ Дергаче-ву) Однако, все это еще только фразы, фразы!... Скажите, Иванъ Кондратьчъ, что намъ дѣлать, какъ именно дѣйствовать, какъ дѣйствовать?...

ДЕРГАЧ. На дняхъ, уставъ «Громоотова» утвердится... Мы напечааемъ, по этому поводу, въ «Биржевомъ Вѣстникѣ» великолѣпную статью; поразимъ тамъ теорію гарантій въ самое сердце; распашемъ предпріятіе въ обольстительныхъ краскахъ; пусть слухъ, что акціи будутъ доставаться съ трудомъ и не иначе, какъ по протекціи, и затѣмъ уже объявимъ подписку; но съ таинни формальностями, чтобы казалось, что мы не прочь сами захватить все акціи... Это произведетъ надлежащій эффектъ; нублика бросится на нашъ «Громоотводъ» съ азартомъ...

ГР. ПЕТРЪ ФЕДУЛЫЧЪ. Весьма и весьма... Такъ и должно дѣйствовать... Я такъ и думалъ... Только вы намъ записочку-то...

ДЕРГАЧ. Очень хорошо-съ... Впрочемъ, мы пятеро, какъ участники предпріятія, можемъ переговорить объ этомъ подробнѣе за ужиномъ. Сядемте за однимъ столомъ, а теперь не угодно ли въ залу — посмотрѣть на молодежь?...

ГР. ПЕТРЪ ФЕДУЛЫЧЪ, БАР. ЭЙЗЕНШ., ХАСАН. и ШЕСТИПАЛ. (вмѣстѣ). Весьма и весьма! Именно, именно! Очень радъ-съ... Пп-ойдемте! (Идутъ по направленію къ бальной залѣ).

ГР. ПЕТРЪ ФЕДУЛЫЧЪ (уходя). Я всегда говорилъ, что въ такихъ случаяхъ все дѣло въ приемахъ, въ однихъ только приемахъ... (Уходятъ. — Господа, составлявшіе другую партію, также встаютъ съ мѣстъ, и отправляются въ большую залу).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Ольга и Болтовъ. (Ольга и Болтовъ входятъ вмѣстѣ, и осматриваются кругомъ, желая убѣдиться, что они одни).

Ольга (въ сильномъ волненіи). Наконецъ-то мы наединѣ!... Мнѣ нужно объясниться съ вами, Болтовъ... Помогите мнѣ, если у меня не достанетъ кладнокривіа...

Болт. (тревожно). Вы пугаете меня, Ольга Петровна!... Что случилось?

Ольга (*собираясь съ дуэли*). Буду говорить право... Вальсера просить руки моей... Что вы на это скажете?

Болт. (*умило*). Что сказать вамъ?... Скажу, что Бельмесовъ несчастливъ... Онъ считаетъ себя въ правѣ стать рядомъ съ вами!... Боже мой! Чего бы я не далъ за это право!... (*Вальсера*) Вотъ, когда чувствуешь всю тяжесть бѣдности и зависимости! (*Закрываетъ лицо руками*).

Ольга (*протягивая ему руку*). Вы любите меня. Болтовъ: — а это знаю... хоть вы никогда не говорили мнѣ о любви.

Болт. (*прижимая ея руку къ губамъ*). Да, Ольга Петровна, — я люблю васъ... Я не смѣлъ признаться вамъ до сихъ поръ, потому... потому, что ничто не давало мнѣ на это права. Я хотѣлъ трудиться, мечталъ сдѣлаться извѣстнымъ, занять въ обществѣ положеніе достойное васъ... Но все это были мечты; теперь дѣло кончено...

Ольга (*съ состраданіемъ*). Я пришла къ вамъ за совѣтомъ; я такъ вамъ обязана, что сочла это своимъ долгомъ... Но будьте же тверды... Я сама не знаю, на что рѣшиться...

Болт. Какой совѣтъ могу я вамъ дать?... Могу ли я быть безпристрастнымъ?... Если бы вы не были мнѣ такъ близки, такъ дороги, — я сказалъ бы, что Бельмесовъ — прекрасная партія; теперь, я скажу, что онъ васъ не стоитъ, — не стоитъ, несмотря на его богатство и блестящую карьеру.

Ольга (*ласково*). Ахъ, Болтовъ, вы преувеличиваете мою достоинства...

Болт. Но чѣмъ же я виноватъ, что я не могу смотрѣть на васъ иначе?... До сихъ поръ, каждое слово, каждое движеніе ваше меня восхищало... Что бы вы ни говорили, что бы вы ни дѣлали, все мнѣ нравилось безусловно; я любилъ васъ, со всѣми вашими достоинствами и недостатками... Мнѣ кажется даже, что недостатки ваши мнѣ были илѣе достоинствъ... Достоинства ваши цѣнили и другіе, недостатки ваши я скрывалъ для себя, чтобы любоваться ими втихомолку... Какого же безпристрастія вы отъ меня требуете?...

Ольга (*съ усиленіемъ*). Перестаньте, Болтовъ, вы увлекаетесь!...

Болт. (*послѣ некотораго раздумья*). Да и въ чемъ же тутъ вопросъ?... (*Рѣшительно*) Вы любите Бельмесова?

Ольга. Я едва его знаю...

Болт. Любите когонибудь другаго?

Ольга (*топжливо*). Къ чему теперь признанія?... Обстоятельства таковы, что мнѣ нельзя слушаться сердца... Вѣдь вы не признавались же до сихъ поръ, что любите меня... Я почти въ такомъ же положеніи...

Болт. (*строю*). Такъ вы рѣшаетесь пожертвовать истиннымъ чувствомъ,—чему?—свѣтскому положенію, нишурному блеску?... Берегитесь, Ольга Петровна... Это—святотатство... Вы за него отвѣтите передъ Богомъ...

Ольга. Пощадите меня, Болтовъ... я и безъ того въ отчаяніи...

Болт. Я теперь ужъ не говорю о себѣ... Моя судьба рѣшена; о ней не стоитъ заботиться... Но я считаю долгомъ сказать слово о васъ... Признайтесь, истинно ли вы любите?...

Ольга. Кого?...

Болт. Я не смѣю спрашивать... Пусть это останется тайной... Но, вотъ, на что я *требую* отвѣта; слышите? *требую*: любите ли вы истинно?... Ваша натура такова, что въ ней не должно быть фальшивыхъ струнъ... Любите или не любите?... (*Трещиво* *ожидаетъ отвѣта*).

Ольга (*съ усиліемъ и закрывъ лицо руками*). Не люблю... То есть, не люблю на столько, чтобы всѣмъ пожертвовать для любви!

Болт. (*грустно*). Я такъ и донялъ васъ... Любовь, не способная на самопожертвованіе, не есть любовь... (*Торопливо*) Въ такомъ случаѣ, выходите за Бельнесова: вотъ вамъ послѣднее слово!... (*Опускаетъ голову*).

Ольга (*взявъ его за руку*). Вы не повѣрите, Болтовъ, какъ мнѣ тяжело это признаніе... Вы будете осуждать, презирать, можете быть ненавидѣть меня?..

Болт. (*страстно*). Я буду молиться за васъ, Ольга, буду молиться о вашемъ счастіи... Съ этихъ поръ, у меня нѣтъ другаго интереса въ жизни...

Ольга (*съ чувствомъ*). Простите меня, Болтовъ... Ваше великодушіе только сильнѣе убѣждаетъ меня, что я преступница!...

Болт. (*съ горечью*). Отчего же: преступница? Вы слишкомъ строги къ себѣ... Счастіе самолюбиво... Самопожертвованіе не всякому по плечу... Лучше не браться за то, что превышаетъ наши силы...

Ольга. Такъ; но выслушайте меня... Мнѣ хотѣлось сколько нибудь оправдаться предъ вами...

Болт. Говорите, Ольга Петровна; готовъ слушать васъ, но заранѣе оправдываю... *(Съ увлеченіемъ)* У меня нѣтъ ни силъ, ни умѣнья обвинить васъ въ чѣмъ бы то ни было!..

Ольга *(въ раздумьи и съ разстановкой)*. Я, въ самомъ дѣлѣ; упала нравственно... Я ужь теперь не та, какою была годъ назадъ... Тогда я съумѣла бы найти счастье и въ скромной долѣ...

Болт. *(перебивая)*. А теперь, вы представляете себѣ счастье на раззолоченномъ пьедесталѣ?.. Смотрите, не ошибитесь!..

Ольга *(продолжая)*. Послушайте... Годъ тому назадъ, едва мы возвратились изъ-за-границы, какъ отецъ мой умеръ... Мать моя скончалась еще прежде... Я осталась совершенно одна... Состояніе мое заключалось въ капиталѣ, съ которыми я не знала, что дѣлать... Мы жили въ Курскѣ... Скоро тетка моя, Дергачева, пріѣхала за мной, и взяла меня съ собой въ Петербургъ... У Дергачевыхъ собиралось большое общество... Общество это мнѣ, правда, не нравилось... Тамъ говорили постоянно о томъ, какъ наживать деньги и добиваться чиновъ и орденовъ... Сначала мнѣ было душно, тяжело; но я скоро привыкла... Удовольствія и выѣзды меня очень занимали... Дамы и кавалеры за мной ухаживали; на балахъ я играла первую роль; мнѣ писали стихи, посвящали музыкальныя пьесы, портретъ мой былъ ужь въ академіи... Однигъ словомъ, я вошла въ моду... Я знала, что многое дѣлается изъ видовъ на протекцію Жанъ; но все это меня тѣшило... Я сдѣлалась тщеславна, привыкла къ роскоши, и стала считать бѣдность самымъ ужаснымъ несчастьемъ...

Болт. *(съ горечью)*. Вы были правы, Ольга Петровна: бѣдность—страшное несчастье... Не дай Богъ испытать это на дѣлѣ!..

Ольга *(продолжая)*. Встрѣча съ вами живо напомнила мнѣ прошлое... Препрежее время какъ будто снова пронеслось передо мной... Когда я васъ слушала, мнѣ казалось, что говорить мой отецъ... Ваши мнѣнія такъ близко подходили къ его чистымъ, благороднымъ убѣжденіямъ!.. Мнѣ кажется, даже голосъ вашъ напоминаетъ мнѣ отца. Вы подѣйствовали на меня благотворно... Но свѣтлыя минуты проходили; я снова чувствовала, что принадлежу къ обществу, гдѣ деньги ставятся выше всего... Я многимъ обязана вамъ, Болтовъ; никогда не забуду, что вы для

меня сдѣдали; навсегда сохраню къ вамъ самую нѣжную дружбу... (*Протягиваетъ ему руку*).

Болт. (*зрительнымъ тономъ*). Дружбу!.. Какой тяжелый урокъ!..

Ольга (*перебивая*). Дружбу, Болтовъ,—не смѣю иначе называть это чувство... Выслушайте, и поймите меня... Я, можетъ быть, скажу жесткое слово, но уваженіе къ вамъ обязываетъ меня говорить правду...

Болт. (*торопливо*). Говорите, говорите!..

Ольга. У васъ прекрасныя правила; вы добры, великодушны... Но вамъ не достаетъ силы воли; ваши убѣжденія чисты, но не тверды... Въ васъ нѣтъ энергій, предприимчивости; характеръ вашъ слишкомъ легко подчиняется... Вспомните, какъ вы принялись за вашу теперешнюю обязанность!.. Вы написали первую статью о «Громоотводѣ», когда еще не знали, каково это предпріятіе... Взялись за редакторство потому, что я подвернулся тутъ съ любезнымъ словомъ... И теперь, вы не убѣжены, что вашъ трудъ чистъ и полезенъ... а между тѣмъ вы не оставляете его, и продолжаете работать... Развѣ такъ долженъ поступать человѣкъ, который серьезно смотритъ на свою обязанность?

Болт. (*съ отчаяніемъ*). Вы жестоки, Ольга Петровна!..

Ольга. Я откровенна, Болтовъ... Докажу вамъ это сейчасъ... (*Съ усиліемъ*). Чувство, которое вы мнѣ внушили, — болѣе, нежели дружба...

Болт. (*восторженно*). Возможно ли?..

Ольга (*продолжая*). Но это—не любовь, Болтовъ... Люби я васъ истинно, я не могла бы высказать вамъ то, что сейчасъ сказала;—люби я васъ, я не впала бы въ раздумье... Я отдалась бы вамъ; безъ размышленія... безъ заботы... (*Отрезвляясь*). Нѣтъ, я не люблю васъ, Болтовъ!.. Я не люблю васъ!..

Болт. (*кротко*). Вы правы, Ольга Петровна,—я не стою вашей любви...

Ольга (*съ ожесточеніемъ*). Утѣштесь; я также не стою вашей... Видите? Я не чувствую къ Бельмесову никакой привязанности, а между тѣмъ рѣшаюсь выйти за него замужъ... для того только, чтобы быть богатой, чтобы блестять въ свѣтъ, чтобы угодить роднѣ... Я желаю сдѣлать выгодную партію... Неправда ли, какъ это пошло! Нѣтъ, Болтовъ, я не стою вашей любви... Постарайтесь разлюбить меня... Тогда мнѣ будетъ легче... А теперь, Богъ видитъ, какъ мнѣ тяжело!..

Болт. Скажите, Ольга Петровна; сумѣетъ ли Вольнесотъ оцѣнить васъ, способенъ ли онъ на это?

Ольга. Онъ любитъ меня, искренно любитъ, — я это вижу... Это только и миритъ меня съ судьбой...

Болт. Въ такомъ случаѣ выходите за него... Жизнь вамъ улыбається... Страданія и лишенія не для васъ созданы... Рѣшайтесь, и будьте счастливы...

Ольга (*протягивая ему руку*). Благодарю васъ, Болтовъ... Ваше рѣшеніе меня подкрѣпило... Простите, что я наговорила вамъ столько неприятнаго...

Болт. Напротивъ, Ольга Петровна; я долженъ благодарить васъ... Вы мнѣ открыли глаза; вы, можетъ быть, спасли меня отъ паденія... У меня нѣтъ теперь ничего, кромѣ добраго имени; я долженъ имъ дорожить...

Ольга (*замѣтивъ движеніе въ бальной залѣ*). Однако, я всеѣмъ забылась... Прощайте, Болтовъ... Это — послѣднее свиданіе ваше съ Ольгой Мамаевой... Вы, конечно, понимаете, что будущія наши отношенія не должны заходить далѣе дружбы... Прощайте... Молитесь за Ольгу!... (*Ольга протягиваетъ Болтову руку, которую тотъ страстно цалуетъ, — и убѣгаетъ въ бальную залу. Болтовъ остается погруженный въ раздумье*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Болтовъ и потомъ Паньшинъ.

Пан. (*входя и замѣтивъ Болтова*). А я, братецъ, все тебя искалъ... Хотѣлось съѣсть виѣстѣ съ тобой за ужинъ... Да что это ты, какъ будто муху съѣлъ, или точно тебя выпороли!...

Болт. (*мрачно*). Я сейчасъ проглотилъ такую пилюлю, что не знаю, какъ переварю ее...

Пан. (*съ легкой ироніей*). Что? Вѣрно, поспорилъ?... Не сумѣлъ доказать кабащнику, что онъ грабитель; не успѣлъ убѣдить биржеваго спекулянта, что биржевой обманъ — все-таки обманъ; не добился того, чтобы внушить взяточнику отвращеніе къ взяткамъ?... Угадалъ-ли?

Болт. Хуже — я убѣдился, что я самъ чуть-чуть не грабитель, не обманщикъ и не взяточникъ... Къ этому прибавь пол-

ное отреченіе отъ всего, чтѣ привязывало меня къ жизни и къ дѣлу.

Пан. (*съ тревогой*). Да ты, братецъ, бѣлены, что ли, обѣлся, или вздумалъ меня морочить?... Что за гнѣль ты несешь?.. Это даже неприлично...

Болт. (*не слушая его*). Помнишь тотъ вечеръ, когда ты пріѣхалъ ко мнѣ, отъ имени Дергачева, съ предложеніемъ принять редакторство по «Биржевому Вѣстнику»?

Пан. Помню...

Болт. Я говорилъ тебѣ тогда, что я вовсе не практикъ, что подобное редакторство не совсѣмъ по мнѣ...

Пан. Говорилъ, братецъ, говорилъ, и, надо тебѣ отлатъ справедливость, — все, что ты ни говорилъ, была совершенная галиматья!.. Мнѣ искренно хотѣлось тогда тебя поколотить...

Болт. Однако, на повѣрку выходитъ, что я былъ правъ...

Пан. Что это? Не вздумалъ ли ты раскаяваться, что взялся за редакторство?..

Болт. Раскаяваюсь, искренно раскаяваюсь...

Пан. Это что за извѣстіе?

Болт. Я говорю серьезно... Когда я брался за дѣло, и надѣялся изучить его, и принести пользу... Вліяніе Ольги придадо мнѣ рѣшимости...

Пан. (*перебивая*). За то, ты врѣзался въ Ольгу по уши, и изъ редактора едва не превратился въ трубадура... Я все ожидалъ, что ты, вмѣсто экономическихъ обзоровъ, скоро начнешь писать любовные стансы, и собирался даже подарить тебѣ лютню или арфу... Это бы очень шло къ тебѣ!..

Болт. (*не слушая*). ...Первые мѣсяцы прошли для меня очень пріятно... Но чѣмъ болѣе я знакомился съ дѣломъ, особенно съ практической стороною дѣла, тѣмъ болѣе убѣждался, что тутъ что-то не такъ, — тутъ между теоріей и практикой есть какой-то пробѣлъ. Дергачевъ постоянно сообщалъ мнѣ биржевыя извѣстія; но мнѣ все казалось, что онъ говоритъ не искренно, что когда рѣчь коснется его интересовъ, онъ бываетъ пристрастенъ... Сомнѣніе стало меня преслѣдовать... Въ одномъ обществѣ, я печально подслушалъ разговоръ, который касался меня... Обо мнѣ говорили въ такомъ тонѣ, что будто бы я изъ-за денегъ пишу противъ убѣжденія, и содѣйствую какимъ-то темнымъ планамъ Дергачева... Я не довѣрялъ себѣ, потому не

могъ требовать объясненій... Между тѣмъ, я всматривался въ свое положеніе все пристальнѣе и пристальнѣе... Недовѣріе къ себѣ усиливалось... Наконецъ, не далѣе, какъ часть тому назадъ, чиновникъ, знающій подробно дѣло о «Громоотвождѣ», открылъ мнѣ закулисныя тайны; теперь я убѣжденъ, что попался въ ловушку... Оказывается, что Дергачевъ обманывается, что Дергачевъ обманывается публику, а журналъ его помогаетъ обману... Скажи, не ужасно ли это?

Пан. (*спокойно*). Это было бы ужасно, если бы было справедливо; но это все вздоръ, небылица, — ergo, это смѣшно и глупо... Вотъ тебѣ силлогизмъ; извини, что нелестный!..

Бол. (*не слушая*). И ко всему этому — узнать, что Ольга, какъ и всякая другая дѣвушка, желаетъ, прежде всего, сдѣлать карьеру, и способна выйти за-мужъ, не любя...

Пан. (*насмѣшливо*). Вотъ, вотъ, вотъ!.. Наконецъ-то ты договорился!.. Вотъ, гдѣ скрывался весь фортель! Теперь вижу, откуда происходила іереміада!.. Понимаю, понимаю!.. То-то, тебя такъ перевернуло... Эхъ, Болтовъ, Болтовъ, умный ты парень, а куда еще ты прости!

Болт. (*съ нетерпѣніемъ*). Ты все паясничаетъ, да говоришь дерзости: это, наконецъ, скучно!..

Пан. Да нельзя, братецъ, не ругать-то тебя... ты чортъ знаетъ, что такое... Точно повредился... Скажу тебѣ, во-первыхъ, что противъ Дергачева ты не правъ. Я берусь выбить изъ тебя эту дурь... Въ доказательство, — не отстану отъ «Громотовода», хоть у меня тамъ положено все состояніе... Что касается до Ольги, неужели ты рассчитывалъ на ея сердце и руку?.. Посмотри-ка мнѣ прямо въ глаза?.. (*Болтовъ дѣлаетъ жестъ нетерпѣнія*). Скажите, какое самообольщеніе! Да благодари, братецъ, судьбу, что не завлекла тебя дальше... Тебѣ ли, твоей ли флегматической натурѣ, стать въ уровень съ Ольгой?.. Не намъ съ тобой, братецъ, рассчитывать на обладаніе такой женщиной!.. Всмотрись-ка въ нее: въ ней примѣсь южной природы; въ ней частица азіатской крови; отъ нея вѣетъ иѣгой, зноемъ... А ты, что?.. Влѣтъ, бѣлобрысь, вмѣсто крови — вода; привыкъ къ покою да халату... Гдѣ тебѣ съ ней тягаться!.. Эй, образумься, да перестань дурачиться... Впрочемъ, я тебя не выпущу; поѣдемъ ко мнѣ... Я дамъ тебѣ на-ночь порошокъ, что Эйзеншмидтъ принимаетъ отъ расстройства нервовъ... Можетъ быть,

завернуть Мэри изъ маскарада, — выпьемъ бутылочку шампанскаго... Такъ-то, по моему

«Lustig hier und lustig da!»

Значить, по рукамъ; вдемъ, немедленно вдемъ!..

Болт. (*улыбаясь не зотя*). Пожалуй, — поѣдемъ!.. Только слушай, въ случаѣ разрыва съ Дергачевымъ, мнѣ придется заплатить неустойку; я безъ церемоніи, рассчитываю на твой кошелекъ...

Пан. Разумѣется: казна моя всегда для тебя открыта. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Мюльштейнъ, Шестипаловъ и Хасановъ. (*Мюльштейнъ выходитъ изъ бальной залы; за нимъ торопливо слѣдуютъ Хасановъ и Шестипаловъ*).

Шестип. (*съ жаднымъ любопытствомъ*). Тт-акъ вы, Иванъ Самойлычъ, хх-отѣли намъ оо-бъяснить что-то на счетъ Дергачева...

Мюльшт. (*лукаво*). Да сто тутъ объяснять-то: Дергацовъ васъ просто надулъ...

Хасан. (*съ удивленіемъ*). То есть, какъ же это надулъ-съ?

Мюльшт. Такъ, надулъ, какъ всѣхъ надуваетъ...

Шестип. Оо-двако, кк-акъ же это?

Мюльшт. Очень просто... (*Къ Шестипалову*) У васъ «Бѣлорскій пловець»?

Шестип. Дд-а!

Мюльшт. (*къ Хасанову*). А у васъ «Сѣверный олень»?

Хасан. Истинно, — «Сѣверный олень».

Мюльшт. Ну, такъ какъ же не понимаете? Дергацовъ, какъ узналъ, сто съ этими компаніями плохо, такъ и напугалъ васъ... Вы оба спустили ему акціи, а онъ ихъ перепродалъ съ барысомъ, — часть вамъ же (*обращается къ Шестипалову*), другія на биржѣ... А объявленія — то напечаталъ на другой день, когда все было улажено... Вы оба заплатились, а онъ-то положилъ себѣ въ карманъ десять тысячъ... Вотъ, какъ дѣла-то обдѣлываютъ!..

Хасан. (*съ ожесточеніемъ*). Да вѣдь это, значить, разбой, — дневной грабежъ!

Шестиц. (*вторя*). Гр-абежъ, — грабежъ!..

Мюльшт. Да какъ же вы не догадались?

Хасан. Я вамъ лучше скажу-сь: и въ умъ не приходило; все считалъ Дергачева благодѣтелемъ...

Шестиц. (*вторя*). Бб-лагодѣтелемъ, — благодѣтелемъ.

Мюльшт. Да вѣдь, цай, процитали же объявленія-то?

Хасан. Прочитать-то прочитали, да не вдомекъ-сь: не изловчились, значить, на счетъ этихъ плутней...

Шестиц. Сс-овсѣмъ въ гг-олову не пришло: тт-очно, затмѣніе какое... затмѣніе...

Хасан. Я вамъ лучше скажу-сь: давеча еще разговоръ былъ; призналъ я, кажется, что мон-то акціи у нихъ (*указываетъ на Шестипалова*), — для того настойкой, слышь, воняютъ: сынишко — у меня облизъ, — такъ и то не вдомекъ... Вотъ, говоритъ пословица: «простота хуже воровства».

Шестиц. (*вторя*). Хх-уже воровства...

Хасан. Ахъ, разбойникъ, разбойникъ!... Да мы его, этакъ, къ суду... У меня тутъ есть дока: такую просьбу намахаешь, что небу будетъ жарко;—всѣ косточки переберемъ.

Шестиц. Дд-а, да, къ сс-уду, къ суду!

Мюльшт. (*улыбался*). Какой тутъ судъ!... Судомъ ничего не сдѣлаете—сами оплосали... (*Таинственно*) Слушайте только меня: мы ему нанакостимъ луцсе суда!...

Хасан. (*съ восторгомъ*). Истинно вамъ доложу: готовъ бы, кажется, головой къ кому идти, только бы Дергачева подвести!... Последнее бы отдалъ: «на, молъ, ни тебѣ, ни мнѣ, пропадай лучше!» (*Входитъ въ азартъ*).

Шестиц. Кк-акъ же теперь бб-уть-то?

Мюльшт. Вы вѣдь участвуете въ «Громоотводѣ»?

Хасан. и Шестиц. (*вильсть*). Участвуемъ! Уу-частвуемъ!

Мюльшт. Дерзайте же его... Не отставайте... Онъ и тутъ думаетъ надуть, да не удастся... Слушайте меня: мы его сами надуемъ...

Хасан. (*радостно*). Важно!... Будетъ, значить, и на нашей улицѣ праздникъ!

Шестиц. Хх-орошо бы его, мошенника!...

Мюльшт. Только, никому ни слова!.. Дайте ему нацать дѣло... А то все испортите...

Хасан. Я вамъ лучше скажу-сь: ротъ себѣ, кажется, зашью, а не проговорюсь...

ШЕСТИЦ. Сс-охранн Богъ преговориться!..

Мюльшт. *(собираясь уйти)*. Такъ, по рукавъ! *(Подаетъ имъ руки)*. Безъ мене, ни сагу... Мы его обрабатываемъ... *(Уходитъ)*.

ХАСАН. Обрабатываешь, мошенника! Бррр! Такъ бы, кажется, и разразилъ! *(Машетъ кулакомъ)*.

ШЕСТИЦ. Ии-менно, рр-азразилъ!... *(Уходятъ вслѣдъ за Мюльштейномъ, выражая жестами сильное негодованіе.)*

ЯВЛЕНІЕ IX.

ДЕРГАЧЕВЪ и ДЕРГАЧЕВА. *(Входятъ изъ двери бальной залы)*.

ДЕРГАЧ. Наконецъ-то спровадили гостей!... Вотъ чучелы-то... хоть въ кунсткамеру!...

ДЕРГАЧЕВА. Забѣтилъ ты туалетъ княгини Подольской? Все еще молодится,—кокетничаетъ!... Я очень люблю, когда ты съ ней любезничаешь... Вѣдь, вотъ, умна, а вѣрить, что можетъ нравиться!...

ДЕРГАЧ. Какъ бы то ни было, а мы не даромъ производили кормленіе зѣррей... Барышъ, пожалуй, будетъ побольше того, что зарабатываетъ Крейцбергъ... Я обдѣлалъ славныя дѣлишки... Во-первыхъ, свелъ всѣхъ тузовъ нашего «Громотвода», и доказалъ имъ, какъ дважды два-четыре, что, если съ гарантіей хорошо, то безъ гарантіи еще лучше!... умора, право! *(хохочетъ)*; во-вторыхъ, завербовалъ Бельмесова; въ-третьихъ, закрѣпилъ въ своихъ рукахъ деньги Ольги; ей теперь не видать капитала, какъ ушей своихъ; будемъ только выкачивать ей процентики; въ-четвертыхъ, заполнилъ совсѣмъ Паньшина... Все — операціи приличныя, округленныя... Ну, а для развлечения публики, показывалъ двухъ идиотовъ, Шестипалова и Хасанова... Вотъ, люди! Просто кладъ!... Ихъ избираешь, а они только кланяются да благодарятъ!...

ДЕРГАЧЕВА. Неужели не догадалась?

ДЕРГАЧ. Рѣшительно, нѣтъ... Я, нарочно, ихъ сондировалъ, — ни тѣни сомнѣнія!... А что Ольга?

ДЕРГАЧЕВА. Кажется, довольно весела... Говорить, что съ тѣхъ поръ, какъ дала слово Бельмесову, стала смегойнѣе... Я такъ и думала... Первый шагъ труденъ, — а тамъ пойдутъ подарки, да веселости—слезы, какъ разъ высохнутъ... Къ хороше-

му скоро привыкнешь... (*Смотрит на часы*) Однако, ужь пятый часъ, Жан, — пора спать!...

ДЕРГАЧ. (*цалуя жену*). Пора, мой ангелъ!... Спи спокойно... Я сейчасъ приду... только сведу маленькіе счеты...

(*Занавѣсъ опускается*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Театръ представляетъ пріемную комнату въ квартирѣ Бельмесовыхъ. Посрединѣ стоитъ круглый столъ, окруженный диванами; у стѣны также по дивану и по нѣскольку кресель. Комната убрана очень изящно.

ЯВЛЕНІЕ I.

Бельмесова и княгиня Подольская. (Бельмесова и княгиня Подольская сидятъ у круглаго стола и разбираютъ кружева, принесенныя, въ большомъ cartonѣ, изъ магазина).

Кн. Подольск. (*вынувъ кружевной приборъ*). Вотъ, что очень хорошо, ma chère!... Взгляните: берта, рукава и весь передъ платья... Какъ это легко; — какой роскошный рисунокъ!...

Бельмес. Ваша правда, княгиня!... Но что это должно стоять! Настоящее *robin d'Alemçon*, и такихъ разифровъ!... Позвольте, — здѣсь есть записка... Вотъ, посмотрите: полторы тысячи! Прошу покорно!

Кн. Подольск. За то, хорошо, ma chère...

Бельмес. Но я не могу бросить такихъ денегъ на одно кружево... Помните: нужно еще платье, куафюру, а нынче модистки такъ дороги...

Кн. Подольск. Вы все толкуете о дороговизнѣ... *C'est extrêmement bourgeois!* Скупость нейдетъ къ вашему хорошенькому личику, ma chère... Я рѣшительно не узнаю васъ.

Бельмес. (*слегка вспыхиваетъ*). Какая же скупость!... Я просто не въ состояніи столько тратить. (*Со вздохомъ*) Теперь не прежнее время... Прежде, я, разумѣется, и не подумала бы отказать себѣ въ такой прихоти...

Кн. Подольск. (*съ важностью*). Прихоти!... Вы называете

это прикотью?.. Вхвать на балъ къ маркизъ Петруччи, гдѣ будетъ вся аристократія, весь *Corps diplomatique*, и одѣться кое-какъ, — какъ одѣваются всѣ, — да возможно ли это!.. Я, этакъ, скоро отрекусь отъ васъ, ма сѣге. Вспомните, только, про туалетъ М-ше Папандоконоаки... Мужъ ея не больше, какъ бывшій откупщикъ, грязный, съ огромныиъ носомъ, а выписалъ жонѣ къ этому балу кружевное платье изъ Парижа. Я завъжала давеча къ *Lerine*, и видѣла, какъ къ этому платью придѣлывали *modestie*. М-ше Папандоконоаки нашла, что лицъ слишкомъ открытъ. Скажите, какіе строгіе нравы... у женщины, которая обобрала сербскаго князя и молдавскаго господаря! (*Хочетъ*) Удивительны эти дамы!.. Вышла теперь замужъ за откупщика, и хочетъ всёхъ увѣрить, что она недоступна даже взгляду мужчины... Преморительная!.. Неужели же вы уступите какой нибудь Па-н-ан-до-ко-ва-ки? Едва выговоритъ фамилію! (*Хочетъ*).

Бельжес. Но эта Папандоконоаки во сто разъ богаче меня! У мужа ея, говорятъ, больше десяти милліоновъ, а мы потеряли почти все, что у насъ было.

Кн. Подольск. А выдумаете, откуда эти десять милліоновъ? Папандоконоаки, правда, занимался откупами, но повѣрьте мнѣ, ма сѣге, что больше половины его капитала взято въ Сербіи и Молдавіи.

Бельжес. Не потому ли М-ше Папандоконоаки и интересуются такъ придунайскими княжествами? У нея всегда безконечный разговоръ объ этомъ съ дипломатами.

Кн. Подольск. Именно... На балѣ у Елецкихъ она совсѣмъ заговорила моего милаго Рива-де-Нейра, секретаря испанскаго посольства.

Бельжес. (*съ любопытствомъ*). Рива-де-Нейра говорилъ съ ней, и долго?

Кн. Подольск. Чуть не цѣлый вечеръ. Она, вѣдь, какъ привяжется, такъ не отстанетъ... Мужчины очень тщеславны, ма сѣге... Знаете? мнѣ случалось замѣчать: иногда ихъ привлекаетъ къ женщинѣ собственно туалетъ... Прежде, чѣмъ доберешься до нашего сердца, увидишь только то, чѣмъ принарядно это сердце и въ такомъ случаѣ, повѣрьте мнѣ, ма сѣге, ни *gainses* изъ брильянтовъ, ни борта изъ *point-de-Venise* не пошлываютъ дѣлу. Вы говорите, что вы разорились!.. А я развѣ не въ томъ же положеніи?.. Этотъ негодный Дергачевъ чуть вѣкъ насъ не пустилъ по шіру. Однако, я не унываю... (*Наказываетъ на свое*

платье) Видите: одѣваюсь по прежнему, принята во всѣхъ аристократическихъ домахъ, и не отказываю себѣ ни въ чемъ. Какъ же иначе?.. Свѣтская женщина, съ моею опытностью, всегда сумеетъ извернуться и устроиться.

Бельмес. Однако, какъ же вы это дѣлаете, княгиня?.. Состояніе ваше, послѣ нашего общаго несчастія, кажется, очень уменьшилось...

Кн. Подольск. Между нами, — та сѣге, у меня не осталось почти ничего, кромѣ заемнаго письма отъ графа Петра Федулыча, что онъ мнѣ выдалъ, когда мы оба были немолодые... Графъ также немало поплатился, по милости вашего ночтовнаго дядюшки; потому, это заемное письмо, хоть и написано въ пятьдесятъ тысячъ, теперь не много стоитъ... Я жду, когда дѣла графа поправятся... Вы меня спрашиваете, та сѣге, какъ я обрабатываю свои дѣла? Пока, вамъ бесполезно это знать. Вы еще слишкомъ молоды и хороши собой; вамъ не нужно хлопотать, чтобы знать все, что задумается. Пожелайте только, и я ручаюсь, что вы затмите туалетомъ самыхъ блистательныхъ дамъ въ Петербургѣ...

Бельмес. Какъ понять васъ, княгиня?..

Кн. Подольск. Э, та сѣге! Вы щекотливы и застѣнчивы, какъ какая нибудь пансіонерка. Съ вами нельзя говорить прямо о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ... Притомъ же, на васъ такой пуританскій костюмъ, точно на воспитанницѣ Свѣт-Дени!...

Бельмес. Вы какъ будто сердитесь на меня, княгиня...

Кн. Подольск. Нисколько, та сѣге; но нельзя же жить въ свѣтѣ, и не получить никакой свѣтской опытности!.. Ну, да объ этомъ послѣ... Давайте лучше выбирать для васъ платье (*Перебираетъ кружева*).

Бельмес. Давайте, давайте; только пожалуйста не увлекайтесь, а то вы доведете меня до банкротства...

Кн. Подольск. До банкротства!.. Что это вы, та сѣге! Я не въ Дергачева, хоть и кокетничала съ нимъ когда-то... Ужасный человекъ! Какъ бы я желала, чтобы его, вмѣстѣ съ вашей тетужиной, засадили въ тюрьму!

Бельмес. Да чѣмъ же тетужина тутъ виновата?

Кн. Подольск. Я на нее сержусь, не столько за себя, сколько за васъ, та сѣге.

Бельмес. За меня?... Что же она сдѣлала противъ меня?

Кн. Подольск. Неужели вы не знаете, что пока вашъ капиталъ былъ въ рукахъ Дергачевыхъ, они, общими силами, отдавали отъ васъ молодымъ людямъ?... Они ловко давали понять, что деньги ваши въ оборотѣ, и не могутъ быть отдѣлены... А вы знаете вашу молодежь: она нынче очень практична... Такіе наскоки не внушали ей довѣрія... За вами ухаживали, говорили вамъ любезности; но предложенія вамъ не дѣлалъ никто... Бельмесовъ былъ исключеніе... Дергачевы ухватились за него потому, что онъ былъ богатъ, не спрашивалъ о приданомъ, и самъ могъ поддержать вашего дядю деньгами...

Бельмес. Однако и вы, княгиня, принимали живое участіе въ этомъ дѣлѣ; вы также уговаривали меня дать согласіе на предложеніе Мишеля...

Кн. Подольск. (съ легкимъ замѣшательствомъ). Правда, ма сѣге, правда... Но вы, конечно, увѣрены, что намѣренія мои были чисты... Я всегда жалѣла, что такая прелестная дѣвушка, какъ вы, не выходитъ замужъ... Я была убѣждена тогда, что Бельмесовъ любить васъ искренно... Миѣ и въ голову не приходило, что онъ ищетъ только случая выгоды употребить свой капиталъ!... Люди нынѣшняго вѣка такъ испорчены, что, право, легко обмануться...

Бельмес. (съ недоуваніемъ). Вы все твердите миѣ, княгиня, о холодности моего мужа; вы какъ будто даете понять, что онъ даже миѣ невѣренъ... Правда, что Мишель очень переиѣнился: онъ задумчивъ, молчаливъ, избѣгаетъ оставаться со мною наединѣ... но я это приписываю разстройству его денежныхъ дѣлъ: онъ очень озабоченъ... Я сама, когда выходила за него замужъ, не чувствовала къ нему особенной любви; потому миѣ должно быть снисходительной... тѣмъ болѣе, что обстоятельства наши вовсе не располагаютъ къ нѣжностямъ...

Кн. Подольск. Вы обезоружите хоть кого своей простотью... Это дѣлаетъ вамъ честь, ма сѣге... Но я все-таки не вижу, почему мужъ вашъ въ правѣ дѣлать дорогіе подарки другимъ женщинамъ?...

Бельмес. (тономъ оскорбленнаго самолюбія). Почему же вы такого нѣнія о немъ, княгиня? Гдѣ доказательства?... Я знаю, что у Мишеля теперь нѣтъ денегъ; стало быть, онъ не въ состояніи дѣлать подарки...

Кн. Подольск. (нагло). Вамъ, ма сѣге — можетъ быть... Но если у него нѣтъ денегъ на кружевное платье для жены,

то, видно, есть деньги на брилліантовые серьгуары для какойнибудь Берты...

Бельмес. (*встает съ диска, съ сильнѣмъ солнѣннѣмъ*). Для Берты? Кто эта Берта?...

Кн. Подольск. Это одна изъ подвытъ камелій... Красавица!... Продолговатые глаза, точно миндалинны, тонешкій носикъ, какъ изъ фарфора, на правой щекѣ мушка...

Бельмес. (*прерывистымъ голосомъ*). Ахъ, да... Должно быть, я ее видѣла... Разъ, въ Петергофѣ, на музыкѣ, возлѣ нашей коляски остановилась великолѣпный фэтонъ; въ немъ лежала женщина, вся въ черномъ... Она была поразительно хороша... Я спросила одного изъ кавалеровъ, кто это... Тотъ какъ-то странно улыбнулся... и отвѣчалъ: «*C'est une femme qui n'a pas de nom!*» Такой отвѣтъ меня удивилъ... Послѣ, мнѣ сказали, что это Mlle Bertha... (*Съ неподованіемъ*) Однако, это ужасно, княгиня!... Неужели Мишель влюбленъ въ нее?...

Кн. Подольск. (*улыбаясь*). Влюбленъ? Не думаю. Онъ, просто, ухаживаетъ за ней, чтобъ разсвѣяться, чтобъ не отстать отъ другихъ... Говорятъ, впрочемъ, — Берта способна привязать къ себѣ мужчину... не надолго...

Бельмес. Послушайте, княгиня!... вы, можетъ быть, ошибаетесь; можетъ быть тутъ нѣтъ ничего серьезнаго?...

Кн. Подольск. Да, по моему, это вовсе и не серьезно... Мужъ вашъ въ связи съ Бертой... Что жъ тутъ необыкновеннаго? Сегодня будетъ Берта, завтра Клара, послѣ завтра Фанни... Я думаю, для васъ это все равно...

Бельмес. Однако, такое поведеніе возмутительно!... Я нѣтъ не подала Мишелю повода искать развлечения у камелій, и тратить на нихъ послѣднія деньги...

Кн. Подольск. А развѣ всѣ мужья не таковы? У васъ какія-то аркадскія понятія, ма сѣге... Вы даже сами отчасти виноваты въ томъ, что мужъ вашъ скучаетъ съ вами и проводитъ время съ Бертой...

Бельмес. Я виновата? Чѣмъ же? Скажите скорѣе, скажите!... •

Кн. Подольск. Вотъ, видите ли, ма сѣге!.. Въ послѣднее время, вы очень измѣнились... Прежде, вы были веселы, любили свѣтъ, выѣзды, удовольствія; теперь вы часто задумываетесь, грустите, пропускаете очень интересные балы, и какъ будто удаляетесь отъ свѣта!...

Бельмес. Что же тутъ страннаго, княгиня? Всему свое время. Я сдѣлалась постарше... Притомъ же, по милости Жанп, я потеряла все состояніе и стала въ зависимость отъ мужа... Все это не можетъ располагать къ веселости; деликатность даже заставляетъ меня волчески уменьшать расходы...

Кн. Подольск. А я скажу вамъ, ма сѣге, что разсчетъ вашъ вовсе невѣренъ. Скромничаньемъ и бережливостію вы думаете принести пользу мужу и сдѣлать ему угодное, а на повѣрку выходитъ противное. Бельмесовъ самолюбивъ. Онъ желалъ бы, чтобы жена его играла роль въ свѣтѣ, чтобы за ней ухаживали, чтобы туалетъ ея восхищалъ и удивлялъ всѣхъ. Это доказывало бы, что дѣла его вовсе не такъ худы, какъ иные думаютъ; даже помогло бы ему подняться въ общемъ мнѣніи...

Бельмес. Но какое же средство, княгиня, мнѣ выѣзжать и одѣваться теперь такъ, какъ прежде? Тогда мы были богаты; у меня было независимое состояніе; теперь мы потеряли почти все, и я должна жить на счетъ мужа.

Кн. Подольск. Вы, ма сѣге, все за свое: унываете, хандрите, задумываетесь надъ тѣмъ, какъ сдѣлать себѣ бальное платье, и только губите такъ свою молодость... Понятно, что вы наводите уныніе и на мужа; онъ, поневолѣ, скучаетъ дома... Для женщины молоденькой и съ такой наружностью, какъ ваша, не должно быть ничего невозможнаго... Вамъ стоитъ только захотѣть, чтобы у васъ было все, что вздумается. (*Далуетъ се*). Такъ-то, мой ange, перестаньте грустить и докажите мужу, что вы вовсе ему не подвластны... Онъ находитъ же средства дѣлать подарки Бертѣ, вы также найдете средства, какъ вести жизнь эlegantной дамы...

Бельмес. Такъ вы думаете, княгиня, что мнѣ должно пренебречь невѣрностію Мишеля; по крайней мѣрѣ, показать видъ, что я ничего не замѣчаю?

Кн. Подольск. Не только показать видъ, ма сѣге, но въ самомъ дѣлѣ стать выше его интригъ и проказъ... Если вы будете уступать ему на каждомъ шагу, онъ перестанетъ уважать васъ, вы потеряете его навсегда; если же вы выкажете маленькое упрямство и нѣсколько эмансипируете себя, то, повѣрьте мнѣ, онъ, равно или поадию, броситъ всѣхъ Бертъ, и придетъ къ вамъ же, такой шѣпный и влюбленный, какимъ былъ въ первый день брака... Переимѣните же тактику съ нынѣшняго дня, съ этой минуты... Начнемъ съ выбора платья. (*Шеребираетъ кру-*

жева) Вотъ платье, которое было бы вполне достойно васъ, ма сёге, — взгляните. Я, на вашень мѣстѣ, выбрала бы его непременно!... (*Вынимаетъ платье, и растягиваетъ его силой съ Бельмесовой*).

Бельмес. Ахъ, какая прелесть!.. Цѣлое платье изъ роинѣ d'Алевзон! Какъ это хорошо!.. Кружева — моя слабость... Чувствую, что я еще равнодушна къ туалету...

Кн. Подольск. Такъ зачѣмъ же дѣло стало? Берите это платье, ма сёге! А каковы рукава, — чудо! (*Объ рассматриваютъ рукава*).

Бельмес. Но, я думаю, за это платье назначали сумасшедшую цѣну... Позвольте! (*Смотритъ съ заиску*) Шесть-тысячь!.. Однако, это ужасно; такая сумма ужъ никакъ не по новы средствамъ! (*Вздыхаетъ*) Увы, княгиня, не могу, хоть бы и желала!..

Кн. Подольск. Вамъ это платье нравится? Значить, оно — ваше. Извольте его отложить, и приказать приготовить къ балу. (*Вынимаетъ платье изъ картона, и хочетъ его положить себе*).

Бельмес. Вы шутите, княгиня! Кто же заплатитъ за это платье?

Кн. Подольск. За него ужъ заплачено, ма сёге; стало быть, оно принадлежит вамъ. (*Любуясь платьемъ*). Какова прелесть!

Бельмес. Какъ заплачено?.. Не можетъ быть!

Кн. Подольск. (*Вынимая изъ кармана и подавая ей счетъ*.) Взгляните, — увѣрьтесь, что я говорю правду!

Бельмес. (*проблываетъ глазами счетъ*). Въ самомъ дѣлѣ! Однако, я тутъ ничего не понимаю... Неужели Мишель вздумалъ сдѣлать мнѣ сюрпризъ? Но, какъ онъ угадалъ мой выборъ?

Кн. Подольск. Вотъ вздумала! Мишель! Ея Мишель мечтаетъ теперь, — ищетъ денегъ, чтобы неблизировать гостиную Берты, а она воображаетъ, что онъ вѣрный и любезный мужъ...

Бельмес. Такъ кто же это могъ быть?

Кн. Подольск. Это, пока, — моя тайна. Скажу вамъ только, ма сёге, что вы можете принять этотъ подарокъ, не краснѣя... Такъ поѣзжайте же на балъ, mon ange, будьте любезны и очаровательны по прежнему... Съ какими ветеранѣмъ Риваде-Нейра желаетъ съ вами встрѣтиться! Вы не можете себя представить, какъ вы вскружили его дипломатическую голову!..

Бельмес. (*съ легкимъ замѣшательствомъ*). Риваде-Нейра?.. Онъ говорилъ съ вами обо мнѣ?..

Кн. Подольск. Прїѣзжалъ вчера къ мнѣ, и только и разго-

вора было, что про васъ... Просилъ меня устроить непременно такъ, чтобы вы ѣхали на балъ къ Петруччи... Ему нужно о чемъ-то объясниться съ вами, топ анге! Онъ не хотѣлъ мнѣ сказать, о чемъ именно; но я увѣрена, что дѣло идетъ о чемъ нибудь пріятномъ для васъ... Не будьте же къ нему жестоки!.. Какъ хорошъ собой Рива-де-Нейра! Глаза—рѣшительно жгутъ; нельзя вынести его взгляда... Совершенный джентльменъ!.. И какъ богатъ! Представьте, та сѣге: у него, въ Пиренеяхъ, однихъ пастуховъ три тысячи; у каждаго пастуха по три тысячи барановъ; вѣдь это составляетъ... *(задумывается)* Да! девять миллионовъ барановъ. У каждаго барана на шеѣ по колокольчику. Говорятъ, звонъ такой, что слышно на нѣсколько миль кругомъ. А вы замѣтили, какія руки у Рива-де-Нейра?.. Удивительныя руки!..

Бельмес. *(въ раздуми)*. Да, онъ очень хорошъ собой... Только, знаете, о чемъ я думала сейчасъ, княгиня?.. Ѣхать ли мнѣ на балъ?

Кн. Подольск. Что вы, что вы, мой ангелъ! Да на что это похоже? Согласилась-было, а теперь опять назадъ... Нѣтъ, нѣтъ, моя прелесть, вы дали мнѣ слово, а главное — я дала за васъ слово... Понимаете ли? Мнѣ необходимо, чтобы вы ѣхали... Я знаю, впрочемъ, вы не будете раскаиваться... Не ѣхать было бы даже не великодушно... Рива-де-Нейра давно ужъ твердитъ вамъ о любви своей, и вдругъ вы перемѣнитесь къ нему именно теперь, когда дѣло дошло до маленькой жертвы... Такъ рѣшено: — вы ѣдете; я могу дать благопріятный отвѣтъ! *(Собирается надѣть шляпу)*.

Бельмес. Поѣду, поѣду, княгиня; но куда же вы такъ рано?.. *(Задумчиво)*. Скажите мнѣ вотъ что: отъ кого это платье?

Кн. Подольск. Объ этомъ послѣ, топ анге, — послѣ. Узнаете въ свое время. Во всякомъ случаѣ, обѣщаю вамъ пріятный сюрпризъ. Теперь, прощайте; мнѣ пора ѣхать. *(Цалуетъ Бельмесову, и собирается уйти)*.

Бельмес. Прощайте, княгиня. Завтра увидимся!

Кн. Подольск. Какъ же! Я заѣду къ вамъ передъ баломъ... Вашъ туалетъ возложенъ на мою отвѣтственность; я хочу, чтобы вы въ этотъ вечеръ превзошли всѣ ожиданія... *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНИЕ II.

БЕЛЬМЕСОВА, одна.

БЕЛЬМЕС. (*проводит кн. Подольскую, садится на диванъ, задумывается, и говорит вполголоса*). Я не ошибалась: Мишель измѣнилъ мнѣ. Онъ скучаетъ, — тяготится моимъ присутствіемъ... Онъ вовсе не говоритъ со мной и о дѣлахъ... Должно быть, дѣла идутъ дурно!.. Боже мой, сколько переиѣвъ въ одинъ годъ! Годъ назадъ, я была богата; я выходила замужъ за человѣка съ огромнымъ состояніемъ, съ блестящей карьерой. Я думала, что буду счастлива... Разореніе Дергачева, точно, повернуло все вертѣ дномъ... Мишель потерялъ большую часть состоянія; я лишилась почти всего... Между нами родилась холодность. Мы встрѣчались у себя только случайно; едва успѣвали сказать другъ другу нѣсколько словъ... Я это приписывала разстройству нашихъ дѣлъ, неудачамъ; теперь оказывается, что тутъ замѣшалась женщина—камелия... (*Тревожно*) Однако, не я ли сама причиной такого поведенія Мишеля?.. Не узналъ ли онъ о моихъ отношеніяхъ къ Рива-де-Нейра?.. (*Встаетъ съ дивана, и говоритъ, одушевляясь*). Впрочемъ, развѣ это — отношенія, — развѣ я хоть скольконибудь виновата?.. (*Задумчиво*) Какъ теперь помню... На балѣ у Елецкихъ, послѣ вальса, я вышла въ одну изъ дальнихъ комнатъ... За трельяжемъ изъ плюща, я хотѣла поправить себѣ, передъ зеркаломъ, прическу... Я очень довольна была, въ тотъ вечеръ, своимъ туалетомъ... Щеки у меня разгорѣлись; я съ удовольствіемъ смотрѣлась въ зеркало... Вдругъ глаза мои встрѣчаютъ въ стеклѣ чей-то взглядъ, — темный, глубокий... Я была не въ салахъ ни повернуть голову, ни сойти съ мѣста... Нѣсколько секундъ я смотрѣла молча, неподвижно... Мнѣ было и жутко, и невыразимо-приятно... У меня захватило духъ... Взоръ мой потонулъ въ какой-то таинственной дали... Я не выдержала и зашаталась... Тихій, звучный голосъ заговорилъ тогда у моего уха; я увидѣла его возлѣ себя. Онъ взялъ меня за плечу, подвелъ къ дивану, и осторожно опустилъ на подушку. — Я скоро оправилась... Когда я открыла глаза, онъ все стоялъ передо мной... Онъ сказалъ мнѣ, что его зовутъ Рива-де-Нейра... Онъ только-что получилъ тогда депешу о томъ, что братъ его убитъ въ колони-

ахъ... Эта вѣсть сильно потрясла его; онъ вышелъ изъ балльной залы, чтобы собраться съ мыслями... мы встрѣтились... На лицѣ его были слѣды глубокаго горя... Онъ сказалъ мнѣ, что былъ близокъ къ отчаянію, — что убитый — его любимый братъ... «Но встрѣча съ вами миритъ меня съ жизнью» — проговорилъ онъ, вполголоса... Мы встрѣчались нѣсколько разъ... Онъ всегда подходилъ ко мнѣ, говорилъ со мной подолгу... Я восхищалась его изящными манерами, благороднымъ и почтительнымъ тономъ его разговора. (*Торопливо*) Для чего однако эти совѣщанія между нами и княгиней Подольской?.. Развѣ онъ не могъ самъ прійхать ко мнѣ?.. Наконецъ, что значить жертва, о которой онъ хочетъ меня просить?.. Не отъ него ли и платъе?... Что, если въ самомъ дѣлѣ!.. Мнѣ это было бы чрезвычайно больно... Я не имѣю никакого права принимать отъ него подарки... (*Ободрились*). Впрочемъ, какъ онъ великодушень и щедръ!.. Мнѣ кажется, онъ сумѣетъ сдѣлать самый щекотливый вопросъ такъ, что не будешь имѣть духа разсердиться... (*Задумывается, и слегка краснѣет*).

ЯВЛЕНІЕ III.

ТА ЖЕ И ЛАКЕЙ.

ЛАКЕЙ. (*Неся на подносѣ письмо, хочетъ пройти чрезъ комнату.*)

БЕЛЬМЕС. Что это?

ЛАКЕЙ. Къ баринѣ письмо...

БЕЛЬМЕС. Отъ кого?

ЛАКЕЙ. Не могу знать. Приносилъ человѣкъ; не сказалъ отъ кого.

БЕЛЬМЕС. Дай сюда, — я посмотрю. (*Беретъ письмо и смотритъ на адресъ и облатку*). Хорошо; — оставь здѣсь. (*Кладетъ письмо на столъ. — Лакей уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

БЕЛЬМЕСОВА И ПОТОМЪ БЕЛЬМЕСОВЪ.

БЕЛЬМЕСОВА (*разсматривая конвертъ, съ волненіемъ*)... Женскій вочеркъ, — французскій адресъ, и на облаткѣ В... Не отъ

Берты ли?.. Можетъ быть, — благодарить за подарокъ, или просить денегъ, или назначаетъ свиданіе!.. И все это такъ просто, натурально... безъ усилій, безъ борьбы, — я думаю, вовсе безъ участія сердца!.. (*Входитъ Бельмесовъ.*)

Бельмес. (*съ разсыпаннымъ и озабоченнымъ видомъ*). А!.. ты одна, Ольга? Я думалъ здѣсь встрѣтить княгиню Подольскую...

Бельмесова. Княгиня была здѣсь сейчасъ, но уѣхала. А ты откуда?

Бельмес. Изъ Коммерческаго суда... Справлялся тамъ по нашему дѣлу... (*Мажуетъ рукой*) Да что! Только себя разстроилъ, безъ всякой пользы! (*Опускается на диванъ, и закрываетъ лицо руками.*)

Бельмесова (*съ безпокойствомъ*). Да расскажи мнѣ, вежа-луйста, въ чемъ дѣло? За что мы тутъ страдаемъ?

Бельмес. (*съ нетерпѣніемъ*). Ахъ, Богъ мой! Мнѣ, право, ужъ надоѣло повторять одно и тоже! Съ кѣмъ ни встрѣтишься, только и распросовъ: «что ваше дѣло? скоро ли кончится? по сколько копѣекъ на рубль?» Если бы еще эти распросы къ чемунибудь вели, а то, право, болтовней не поможешь!

Бельмесова (*обиженымъ тономъ*). Послушай, однако, Мишель: мнѣ кажется, съ моей стороны тутъ не простое любопытство: отъ рѣшенія этого дѣла зависитъ: останется ли у меня чтонибудь, или нѣтъ?

Бельмес. (*рѣзко и съ нетерпѣніемъ*). Ну, изволь: я тебѣ расскажу все, съ начала до конца; только, чтобы это было въ послѣдній разъ!.. Можешь послѣ спрашивать Болтова; онъ тамъ надъ чѣмъ-то хлопочетъ, — разумѣется, понапрасну... Помнишь? Когда я на тебѣ женился, Дергачевъ только-что затѣвалъ «Громоотводъ»... Твои деньги были у него; я тоже имѣлъ глупость ввѣрить ему весь свой капиталъ, — около двухъ милліоновъ... Уставъ былъ утвержденъ: на акціи, прежде чѣмъ появились онѣ, была ужъ премія... Все шло хорошо; мы надѣялись, Богъ знаетъ, на какіе барыши... Вдругъ оказалось, что Мюльштейнъ сбывъ всѣ свои 50,000 акцій, — слишкомъ на пять милліоновъ. Такая масса бумагъ совершенно завалила биржу... Распространилась паника; акціи «Громоотвода» вдругъ упали на 25 процентовъ ниже *паріи*. Мы растерялись... Мюльштейнъ объявилъ, что отказывается отъ участія въ предпріятіи. Въ своей газетѣ «Тиски», онъ сталъ ругать не только «Громоотводъ», но и другія компаніи... Публика поднялась противъ насъ, а Болтовъ

отказался отъ редакторства по «Биржевому Вѣстнику». Не берусь судить, добросовѣстенъ ли такой поступокъ... Тебѣ лучше знать образъ мыслей Болтова...

Бельмесова (*сухо*). Миѣ кажется, Болтовъ поступилъ благородно. Онъ убѣдился, что намѣренія Дергачева нечисты, и тотчасъ разошелся съ нимъ... Жаль, что мы ему не повѣрили въ то время...

Бельмес. (*продолжая*). Какъ бы то ни было, кредитъ «Биржеваго Вѣстника» и Дергачева упалъ; а «Тиски» и Мюльштейнъ, напротивъ, поднялись... Съ Мюльштейномъ соединилось все, что прежде составляло оппозицію Дергачеву... Акціонерныя дѣла въ тотъ годъ шли, вообще, очень дурно... Отъ бурь, пожаровъ и денежнаго кризиса главные компаніи понесли убытка до двадцати милліоновъ, а какъ мы обезпечивали ихъ барыши, то намъ пришлось страшно поплатиться... Черезъ восемь мѣсяцевъ, «Громоотводъ» ликвидировался, и мы получили по 25 копѣекъ за рубль... На мою долю, это составило около пятисотъ тысячъ... Какъ ни жаль было денегъ, а лучше бы на этомъ остановиться... Такъ нѣтъ... Дергачевъ опять поддѣлъ насъ: онъ вздумалъ скупить, для Англіи, все сало на здѣшней биржѣ, и мы опять вѣбрили ему капиталы... Мюльштейнъ, чрезъ свою банкирскую контору, убилъ насъ втуть; сало привезено было обратно непроданнымъ... Дергачевъ объявленъ банкротомъ, арестованъ, дѣло о немъ еще не кончено... Говорятъ, что мы получимъ копѣйки по 3 или по 4 на рубль, такъ что отъ моихъ двухъ милліоновъ у меня останется 15 или 20 тысячъ... Ну, что, — пріятная новость?

Бельмесова (*съ ужасомъ*). Неужели это правда? Значить, мы — почти нищія?

Бельмес. Не почти, а въ полномъ смыслѣ слова — нищія... (*Высокомырно*). Вотъ, сударыня, что насъ ожидаетъ, когда мы считаемъ деньги идоломъ, когда у насъ въ виду одни денежные интересы!.. Теперь вы видите: деньги исчезли, сердечной привязанности не существуетъ, разочарованіе полное, и нигдѣ никакой поддержки! (*Закрываетъ лицо руками.*)

Бельмесова (*тономъ оскорбленнаго самолюбія*). За что же ты меня упрекаешь, Мишель?.. Не ты ли самъ искалъ руки моей?.. Я не вдругъ согласилась на твое предложеніе, и, можетъ быть, если бы не родня...

Бельмес. (*прерывая*). Хорошо оправданіе!.. Вышла замужъ

безъ налѣйшей ослонности къ человѣку, — потому только, что ей совѣтовала родня!.. Скажите, какая странная почтительность!.. Теперь поздно притворяться, сударыня... Признайтесь лучше, что вы выходили не за меня, а за мои два милліона, на которые ваша родня зарилась не меньше васъ!..

Бельмесова (*съ упрекомъ*). Послушай, однако, Мишель: если ужъ ты такъ не деликатенъ, то позволь и тебѣ зашѣгнуть, что ты также рассчитывалъ на спекуляціи въ компаніи съ Дергачевымъ.

Бельмес. Можетъ быть, — не отрицаюсь... Но я все-таки вступилъ честнѣе... Во-первыхъ, я говорилъ и дѣлалъ то, что дѣлаетъ каждый мужчина, желая понравиться женщинѣ... Это — общія мѣста, азбука, которыя не должны бы вводить въ заблужденіе самую неопытную дѣвушку. Во-вторыхъ, я никогда не подымался на ходули, не старался представиться какимъ-то феноменомъ, и если не любилъ тебя, то потому... потому, что не любилъ никогда другихъ женщинъ, крошѣ камелій... Моя откровенность, можетъ быть, жестока; но пора же было и мнѣ высказаться... Церемониться намъ другъ съ другомъ нечего... Прими существованность, какова она есть...

Бельмесова (*съ отчаяніемъ*). Это ужасно!.. Ты жестокъ, Мишель!.. Ты все обвиняешь меня!.. Когда же я мечтала о себѣ такъ много?

Бельмес. Я очень хорошо помню, какъ тебя считали фениксомъ, восьмымъ чудомъ свѣта... Ты была въ большей модѣ: тебѣ приписывали какіе-то возвышенные помыслы, необыкновенныя стремленія... Все это очень можетъ быть; но я бы желалъ знать, гдѣ у тебя сердце?

Бельмесова. Какъ? Ты думаешь, что я вовсе безъ сердца?

Бельмес. Знаю: у тебѣ есть сердце на то, чтобы сочувствовать герою романа, уличному бродягѣ, левреткѣ, что выгнали на тротуаръ въ морозный день. Ты умѣешь кстати поплакать и о восточныхъ христіанахъ, и о сицилійцахъ... А когда дѣло дошло до того, чтобы изъ-за денегъ пожертвовать сердечной привязанностью, — вѣдь ты не задумалась: откуда явилось благоразуміе и практичность!.. Какое же участіе принимало твое сердце въ этомъ рѣшеніи? — Интересно бы знать!

Бельмесова (*умоляющимъ тономъ*). Мишель, пощади меня: я, право не заслужила такихъ ужасныхъ упрековъ!..

Бельмес. (*съ торжественностью*). Не заслужила! Да я не знаю на-

казанія, котораго ты бы не заслужила!.. Пожертвовать истинной привязанностью, пренебречь чувствомъ, которое одно въ состояніи украсить жизнь — и все изъ-за денегъ, — развѣ это дѣло женской натуры?.. По моему, твой поступокъ безнравственнѣ поведенія камелій: въ тѣхъ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ притворства; онѣ даютъ, что могутъ; и ужь не щеголяютъ добродѣтелью... А ты вѣдь взбиралась на такіе подмостки, что, бывало, рукой не достанешь! (*Ходитъ, съ волненіи, по комнатѣ*).

Бельмесова (*съ негодованіемъ*). Это ужь слишкомъ!.. Ты меня ставишь ниже какойнибудь Берты!..

Бельмес. (*нѣсколько смѣшавшись*). Берты?... Отчего же именно Берты?.. Развѣ тебѣ ктонибудь сказалъ, что я близокъ съ Бертой? (*Осматривается кругомъ, и замѣчаетъ на столѣ письмо*) А понимаю! Ты прочтала это письмо! (*Беретъ письмо со стола*).

Бельмесова (*вспыхнувъ*). У меня нѣтъ привычки читать чужихъ писемъ!.. Ты, точно, задался тѣмъ, чтобы предполагать во мнѣ всѣ дурныя наклонности... Это однако невыносимо!..

Бельмес. (*сухо*). Не читала?.. Тѣмъ лучше!.. Я могу прочесть тебѣ его самъ. (*Распечатываетъ письмо*) Ты думала, можетъ быть, что я буду притворяться, скромничать? Для чего? Ты случайно узнала то, что я самъ намѣренъ былъ тебѣ рассказать... Между нами все кончено... Намъ нечего и щадить другъ друга... (*Смотря на письмо*) Вотъ, видишь? Берта благодаритъ меня за брилльянтовый феруаръ, который я ей вчера отвезъ, зоветъ меня сегодня къ себѣ на ужинъ!.. (*Держко*) Какъ ты думаешь? Вхать мнѣ?

Бельмесова (*рыдая*). Какъ хочешь... Мнѣ все равно!

Бельмес. Поѣду, разумѣется... У меня еще остается довольно денегъ на то, чтобы провести весело нѣсколько дней... А тамъ, постараюсь раздѣлаться съ жизнью...

Бельмесова (*съ ужасомъ*). Мишель, что ты говоришь, — добойся Бога!..

Бельмес. (*съ отчаяніемъ*). А что же прикажешь мнѣ дѣлать?.. Я привыкъ къ роскоши, я избалованъ, работать не могу... и вдругъ остаться безъ куска хлѣба!.. По моему, лучше совсѣмъ покончить съ жизнью... (*Нѣсколько успокоившись, и заминая картонъ съ кружевами*). Впрочемъ, ты, кажется, не унываешь... Это ты для себя выбирала кружева?

Бельмесова. Да... я думала—было ѣхать на балъ къ Петруччи...

Бельмес. И поѣжай, мой другъ... Это тебя нѣсколько разсѣетъ...

Бельмесова. Ты, кажется, смѣешься надо мной!..

Бельмес. *(какъ бы одумавшись и перемѣнивъ тонъ)*. Прости меня, Ольга, я слишкомъ погорячился... Ты видишь сама, — я теряю голову... Я тоже заслуживаю сожалѣнія! *(Хочетъ взять ее за руку; но она отдергиваетъ ее...)* Ты серднишься?... Что дѣлать!.. Послѣ разговора, какой у насъ былъ сейчасъ, конечно, не можетъ быть рѣчи о примиреніи... Но видишь ли, мой другъ?.. Наша общая польза требуетъ, чтобы мы, хоть нѣсколько дней, не показывали вида, что мы разорились... Это еще можетъ поднять нашъ кредитъ... Потому, мнѣ кажется, тебѣ необходимо ѣхать на балъ къ Петруччи... Постарайся одѣться, какъ можно богаче... и быть веселой и любезной... Это закроетъ рты говорунамъ, и будетъ полезно для нашего дѣла... Я самъ не могу ѣхать, и потому ты хорошо бы сдѣлала, если бы поѣхала съ княгиней Подольской... Мы даже совѣтовались съ ней о твоёмъ туалетѣ...

Бельмесова *(съ удивленіемъ показывая на кружевное платье)*. Какъ,—это платье?..

Бельмес. *(кивнувъ головой и улыбаясь)*. Я не всегда такой извергъ, какимъ кажусь... А! да вотъ и княгиня; ты можешь съ ней условиться, какъ ѣхать.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и княгиня Подольская.

Кн. Подольск. *(Входя торопливо)*. Здравствуйте, М-г Бельмесовъ. Я все искала васъ: думала застать у нашего адвоката, но онъ мнѣ сказалъ, что вы уѣхали домой,—я тотчасъ же сюда. Какъ поживаете? Что наше дѣло? *(Пожимаетъ руку Бельмесову)*. Bonjour, Ольга, еще разъ! *(Целуетъ Бельмесову)*.

Бельмес. О дѣлахъ послѣ, княгиня... У насъ съ Ольгой къ вамъ просьба...

Кн. Подольск. *(посмотрѣвъ на Бельмесову)*. Что такое?.. Да вы, мой ангелъ, кажется, плакали? Что это значить?..

Бельмес. (*перебивая*). Ничего, княгиня!.. Лезретка наша переломила лапку, такъ Ольга и расплакалась: вы знаете, какал она чувствительная и нервная!.. Но лезретку обѣщаютъ вылечить, и Ольга дала мнѣ слово утѣшиться... Просьба наша состоитъ въ томъ, чтобы вы поѣхали съ ней (*указывая на жену*) на балъ къ маркизѣ Петруччи... Мнѣ самому ѣхать нельзя... Вы, вѣрно, не откажете намъ въ этомъ?

Кн. Подольск. (*улыбаясь*). То есть, вы хотите, чтобы я прощлатамъ незамѣченной, — совершенно ступевалась?.. Это — судьба всѣхъ дамъ, которыя выѣзжаютъ съ вашей женой... Ольга затмѣитъ хоть кого угодно...

Бельмесова. Ахъ, княгиня, у васъ вѣчно комплименты наготовѣ...

Бельмес. (*льстиво*). Княгиня, право, всегда такъ любезна...

Кн. Подольск. (*перебивая*). И великодушна: очень рада, что могу служить вамъ, мой ангель. Поѣдьте, поѣдьте вмѣстѣ... Постараюсь забыть о себѣ, и буду любоваться вами...

Бельмесова. Благодарю васъ, княгиня; вы такъ добры, что я не нахожу словъ...

Бельмес. Позвольте, княгиня, поцаловать вашу ручку (*Цалуетъ ея руку*).

Бельмесова. Такъ я пойду распоряджусь на счетъ платья, пошлю за подиеткой (*Уходитъ*).

ДВЕННА VI.

Тѣ же, кромѣ Бельмесовой.

Кн. Подольск. (*проводитъ глазами Бельмесову*). Что сказали въ коммерческомъ судѣ?

Бельмес. Надъ дѣлами Дергачева назначена администрація... Говорятъ, мы получимъ копѣекъ по двадцати на рубль.

Кн. Подольск. Это еще порядочно. Я ожидала хуже...

Бельмес. Я тоже. Но это, пока, секретъ. Женѣ я сказалъ, что можно рассчитывать копѣйки на 3, или на 4.

Кн. Подольск. Что же твоя жена, вообще? Ты пустилъ ужъ въ ходъ нашъ маневръ?

Бельмес. Какъ же! И очень удачно. Я напугалъ ее, наго-

ворилъ ей дерзостей, и вывелъ изъ терпѣнія... Теперь, я думаю, она способна на все рѣшиться... А что нашъ испанецъ?

Кн. Подольск. Рива де Нейра согласенъ: всего милліонъ франковъ; тебѣ восемьсотъ тысячъ, мнѣ двѣсти тысячъ.

Бельмес. Съ переводомъ на Лондонъ?

Кн. Подольск. На Лондонъ—въ полной суммѣ, и а Vista... Каково я обработала?

Бельмес. Отлично! Только, смотри! (*Прикладываетъ палецъ къ зубамъ*).

Кн. Подольск. Разумѣется. У насъ общее дѣло... Я берегу себя... А что платье?...

Бельмес. (*торопливо*). Я далъ ей понять, что платье отъ меня... Тише,—идеть!..

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ И БЕЛЬМЕСОВА.

Бельмесова (*входя*). Все сдѣлала, что нужно, послала за жювисткой, распорядилась насчетъ куафера...

Кн. Подольск. И прекрасно, ма сѣге. Такъ завтра, въ десять часовъ, я за вами заѣду; осмотрю вашъ туалетъ, придамъ ему послѣдній coup de maitre, и мы отправимся... Теперь, до свиданія!.. Мы ѣдемъ, съ вашимъ мужемъ, по дѣламъ (*Пожимаетъ руку Бельмесовой*). Вашу руку, М-г Бельмесовъ!

Бельмес. Поѣдемте, княгиня,—пора! (*Беретъ ее подъ руку*). До свиданія, Ольга!

Бельмесова. До свиданія! (*Кн. Подольская и Бельмесовъ уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

БЕЛЬМЕСОВА И ПОТОМЪ МЭРИ.

БЕЛЬМЕСОВА. (*оставшись одна*). Боже мой, Боже мой! Какое безвыходное положеніе! (*Въ отчаяніи опускается на диванъ*). (*Въ двери появляется Мэри, въ шляпкѣ съ опущеннымъ вуалемъ; осматривается, и подходитъ къ Бельмесовой. Бельмесова, замѣтивъ Мэри, вздрагиваетъ, и не говоритъ ни слова.*)

Мэри. (съ некоторою робостью). Извините, что я вошла къ вамъ безъ доклада...

Бельмесова. (смотря на нее съ удивленіемъ). Кто вы?... Съ кѣмъ нибѣ удовольствіе говорить?

Мэри. Для васъ я — Марія Барецкая; въ моемъ кругу меня зовутъ, просто, Мэри...

Бельмесова. Признаюсь, я не понимаю...

Мэри. Я изъ того класса женщинъ, которыя слывуть подъ именемъ *камельій*.... Судьба васъ, вѣроятно, не сталкивала съ такими женщинами... Я не посмѣла бы и теперь войти въ вашъ домъ; но дѣло идетъ о вашей пользѣ, можетъ быть, о вашей чести...

Бельмесова (съ ужасомъ и отращеніемъ). О моей чести? Послушайте, сударыня; я, право, не вижу, что у насъ можетъ быть общаго...

Мэри. Васъ оскорбляетъ мое присутствіе... Я это вижу... Но, что дѣлать! Позвольте мнѣ открыться, и выслушайте меня... (Бельмесова съ некоторымъ усміемъ указываетъ ей на кресло. Мэри поднимаетъ вуаль и садится).

Бельмесова. Я васъ слушаю...

Мэри. Я приступаю прямо къ дѣлу... Противъ васъ заговоръ.

Бельмесова (съ ужасомъ). Заговоръ? Какой заговоръ, — съ какой цѣлью?

Мэри. Вы знаете испанца Рива-де-Нейра?

Бельмесова (съ нетерпиміемъ). Да, но въ чемъ же дѣло?

Мэри. Онъ, кажется, влюбленъ въ васъ?

Бельмесова (оскорбившись). Я, право, не знаю, должна ли я васъ слушать: тонъ разговора такъ страненъ...

Мэри. Постойте. Я больше не буду дѣлать вамъ вопросовъ. Рива-де-Нейра влюбленъ въ васъ, страстно влюбленъ, — это несомнѣнно... (Бельмесова краснѣетъ, и выказываетъ сильное нетерпиміе). Книгиня Подольская рѣшилась воспользоваться этой страстью... Она дала понять испанцу, что мужъ вашъ, за большія деньги, уступить ему свои права. Испанецъ долго не рѣшался; онъ слишкомъ уважалъ васъ... Наконецъ его увѣрили, что нѣтъ другаго средства... Онъ назначилъ миллионъ франковъ; изъ нихъ часть пойдетъ вашему мужу и часть княгинѣ Подольской... Дѣло будетъ устроено такъ... Вы пойдете, съ княгиней Подольской, на балъ къ маркизѣ Петруччи. Тамъ вы встрѣди-

те Рива де-Найра... Онъ будетъ умолять васъ назначить ему свиданіе въ первомъ маскарадѣ; вы согласитесь...

Бельмесова (*перебивая*). Кто же далъ вамъ право думать, что я соглашусь?... Вы забываетесь!...

Мэри (*твердо*). Вы согласитесь,—должны согласиться, или вы погибнете.

Бельмесова (*съ изгндованіемъ*). Никогда! Ни за что!...

Мэри. Мнѣ остается испытать послѣднее средство! (*Достаетъ изъ кармана записку*). Вотъ записка отъ человѣка, которую вы должны повѣрить... (*Подаетъ ей записку*).

Бельмесова (*съ удивленіемъ*). Записка отъ Болтова!... (*Читаетъ съ ужасомъ*). «Дѣло идетъ о спасеніи вашей чести... Исполняйте буквально все, что вамъ присовѣтуютъ... Иначе мы не ручаемся за успѣхъ!.. » (*Окончивъ чтеніе*) Однако, что все это значить?... Какъ вы попали на слѣдъ этого заговора?

Мэри. Я близка съ Бертой, любовницей вашего мужа... Берта нарочно написала къ нему письмо, съ тѣмъ, чтобы оно попало въ ваши глаза... Васъ старались оскорбить, и внушить вамъ презрѣніе къ мужу, съ тѣмъ, чтобы вы скорѣе рѣшились измѣнить ему. Всѣ они дѣйствовали за-одно... Берта открыла мнѣ эту тайну потому, что мужъ вашъ хотѣлъ обмануть и ее... Онъ прежде занималъ у нея деньги, и далъ ей заемное письмо въ тридцать тысячъ; теперь онъ устроилъ такъ, чтобы продать дѣло съ Дергачевымъ, получить деньги съ испанца, развестись съ вами, и уѣхать за-границу, не заплативши Бертѣ...

Бельмесова. Что же связываетъ моего мужа съ княгиней Подольской?

Мэри. Они, кажется, неравнодушны другъ къ другу; впрочемъ, я не ручаюсь, что мужъ вашъ не обманетъ и Подольскую...

Бельмесова. Я, рѣшительно, терплюсь... Тутъ такая сѣть обмановъ, что я не вижу исхода... Скажите, что мнѣ дѣлать?

Мэри. Не показывайте вида, что вы знаете о заговорѣ; поѣзжайте, съ Подольской, на балъ; будьте веселы, любезны; назначьте испанцу свиданіе въ маскарадѣ...

Бельмесова. Затѣмъ, съ какой цѣлью?...

Мэри. Не перебивайте меня,—время дорого... назначьте испанцу свиданіе въ маскарадѣ; поѣзжайте въ черномъ домино съ кружевами, и здѣсь (*показываетъ себѣ на лицо*) приколите себѣ кокарду, вотъ изъ этой ленты (*беретъ со стола лиловую ленту*,

половину которой отрываетъ и кладетъ къ себѣ въ карманъ). Это будетъ условной примѣтой... Смотрите же, исполните все... Иначе я ни за что не ручаюсь...

Бельмесова (съ покорностью). Все исполню, непременно исполню... Но какъ мнѣ больно, право, что я такъ приняла васъ!... Скажите, чѣмъ я заслужила ваше участіе?

Мэри. Вы обязаны не мнѣ, а Болтову... Я исполняю то, что онъ мнѣ поручилъ... Но скажу вамъ, что я ревнива къ чести женщинъ... Какъ мнѣ ни страшно было войти къ вамъ, прямо, безъ доклада, я рѣшилась... Теперь не раскаяваюсь... По крайней мѣрѣ, я близко видѣла особу, которую Болтовъ такъ искренно любить... (Встаетъ и хочетъ уйти.)

Бельмесова (со слезами на глазахъ). Какъ мнѣ благодарить васъ? (Хочетъ ее поцаловать).

Мэри (уклоняясь отъ поцалуня). Полноте, я не позволю себѣ забыть... Между нами слишкомъ большое разстояніе. Я, просто, камелія — Мэри, а передо мной стоитъ графиня Рива де-Нейра...

Бельмесова (съ удивленіемъ). Какъ?...

Мэри (приложивъ палецъ къ губамъ). Сюда идуть! Прощайте. (Опускаетъ вуаль и убываетъ).

(Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Сцена дѣлится на двѣ половины. Лѣвая сторона ея представляетъ внутренность стеклянной аркады, которая сообщается съ роскошными сѣнями дома, занимаемаго графомъ Рива-де-Нейра. Какъ аркада, такъ и сѣни ярко освѣщены газомъ. Правая сторона сцены представляетъ улицу, куда изъ аркады ведетъ широкое крыльцо, изъ рамъ. Въ глубинѣ, на некоторомъ разстояніи отъ крыльца, стоитъ карета; на улицѣ горятъ газовыя фонари. Ночь лунная и морозная.

ЯВЛЕНІЕ I.

Болтовъ и **Паньшинъ**. (Болтовъ и Паньшинъ, въ теплыхъ пальто и шляпахъ, выходятъ справа, изъ-за угла улицы, осматриваются, и говорятъ вполголоса, стараясь оставаться въ тѣни.)

Болт. (посмотрѣвъ налево, въ глубину сцены). Карета еще здѣсь... значить, не опоздали... А славно морозить!...

Пав. (*потирал руки*). Да, братецъ, морозецъ хоть куда... Хорошо, что еще удалось закусить... А то, на тощій желудокъ, въ этой засадѣ, куда бы плохо!... Который-то часъ?

Болт. (*вынувъ часы и подоидя къ фонарю*). Скоро пить.

Пав. Ага, поздневько; я думаю, скоро и развязка, — пора бы!

Болт. Тс! — идуть! (*Слышны слеза, изъ глубины щели, шагъ. Болтовъ и Пальшиль уходятъ направо, за уголъ, гдѣ остаются, наблюдая затѣль, что происходитъ на сценѣ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же (за кулисами), Шестицаловъ и Хасановъ. (*Шестицаловъ и Хасановъ одѣты по зимнему, выходятъ слѣва, изъ-за аркады... Они ступаютъ по снѣгу тихо, и тревожно осматриваются кругомъ.*)

Хасан. (*съ досадой*). Вотъ, чортъ дернулъ таскаться по ночамъ... Истинно — наказаніе!... Съ тѣхъ поръ, какъ съ этии акціями связался, всякое униженіе испытываешь...

Шестиц. И и-менно, униженіе...

Хасан. Я вамъ лучше скажу-съ: просто позоръ!... Вотъ хоть бы теперь, свидѣтелями... Ну, какіе мы свидѣтели! Что бы намъ за дѣло?... Лежалъ бы себѣ дома, вверхъ ногами, такъ нѣтъ — шляйся, точно воръ какой!...

Шестиц. Дд-снежный интересъ... интересъ...

Хасан. Правда, по тысячѣ цѣлковичей намъ обѣщано; теперь, и это для насъ деньги, на голодные зубы... Вотъ оно, акци-то! Поневолѣ, на скверное дѣло бросаешься...

Шестиц. И и-менно, поневолѣ!..

Хасан. Я вамъ лучше скажу-съ: съ этии акціями скоро нашему брату жрать нечего будетъ... Какое бы мнѣ, теперь, дѣло, что у Бельмесова жена гуляетъ? Что я, — рожалъ, что ли, ее, или посаженныи отцомъ, что ли, былъ? Мнѣ, провались она совсѣмъ!... Такъ нѣтъ, стой, вотъ, тутъ, да жди, какъ ее выпустятъ отъ любовника... Проклятое дѣло!.. Да и мужъ-то мерзавецъ!.. Только, что деньги-то лестно получить; такъ и унижаешься!..

Шестиц. Сс-обственнo, денежный интересъ — интересъ! (*Отходятъ всторону*).

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И БЕЛЬМЕСОВЪ. (Бельмесовъ, въ шубѣ и шляпѣ, торопливо выходитъ слѣва, изъ-за аркады, и, замѣтивъ Шестипалова и Хасанова, приближается къ нимъ, взглядываясь въ ихъ лица.)

БЕЛЬМЕС. (*Шестипалову и Хасанову*). А, это вы!.. Что, жена не выходила?

ХАСАН. (*туло*). Какая жена?

БЕЛЬМЕС. (*нетерпѣливо*). Ну, дама, въ маскѣ, не выходила? (*Показываетъ по направленію къ снѣгу*).

ХАСАН. (*ирочно*). Не выходила...

ШЕСТИП. Нѣтъ, не выходила, не выходила!

БЕЛЬМЕС. Я такъ и думалъ, — карета еще тутъ... А я сейчасъ хотѣлъ предупредить кое-кого... Смотрите же! Жена выйдетъ, вѣроятно, съ лакеемъ. Вы (*къ Хасанову*) побойчѣе... старайтесь задержать лакея, а вы (*къ Шестипалову*) будьте при мнѣ... Я нарочно при васъ сорву съ нея маску... Поняли?

ХАСАН. И ШЕСТИПАЛ. (*вмѣстѣ*) Тихе; кажется, идетъ! (*Вся троица приотворяется занять мѣста. — Волковъ и Паншинъ, изъ-за кулисы направо, показываютъ также видѣ, что готовятся къ дѣлу. Налъво, изъ снѣговъ, раздается шорохъ; выходитъ дама, въ собольей шубѣ и маскѣ. За ней слѣдуетъ лакей, который провожаетъ ее, съ тѣмъ, чтобы довести до кареты. Лакей отворяетъ дверь на улицу, и бережно спускаетъ даму со ступенекъ крыльца.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ, дама въ маскѣ и лакей графа Рива-де-Нейра.

МАСКА. (*тихо*). Карета здѣсь?

ЛАКЕЙ. Здѣсь, — сейчасъ! (*Рукой даетъ знакъ кучеру; въ это время, Хасановъ подходитъ къ лакею, и старается заговорить съ нимъ. Бельмесовъ, украдкой, приближается къ дамѣ въ маскѣ, и дерзко хватаетъ ее за руку. Дама вскрикиваетъ, и старается вырваться; лакей хочетъ броситься къ ней на помощь, но Хасановъ его удерживаетъ*).

БЕЛЬМЕС. (*злобно*). Наконецъ-то вы попались, сударыня!... Хорошо, очень хорошо!.. Такъ, вотъ, каковы ваши правила, ва-

ша нравственность!.. Ну, скрываться нечего... снимите вашу маску! Снимите, снимите! (*Къ Шестипалову.*) Подойдите же сюда, полюбуйтесь на мою супругу—на мое семейное счастье!.. ха, ха, ха! (*Возвышая голосъ*). Что же вы, сударыня, — не слышите, что ли? (*Грозно*) Снимите маску, — говорю я дамъ!

МАСКА (*иряча лицо*). Прости меня!.. Я очень виновата!.. Но я несчастна!.. (*Плачетъ и падаетъ на колѣни*).

БЕЛЬМЕС. (*любуясь ея отчаяніемъ*). Слезы—рыданія!... Какъ натурально!... Иной бы повѣрилъ, что раскаяніе искренне... И, такъ, постоянно обманывать мужа!.. Предавать себя за деньги!... (*Нетерпѣливо*)... Однако, намъ некогда разговаривать... Долой маску! Слышишь?

МАСКА. (*вставая*). Не могу, — ни за что!.. Лучше уру!..

БЕЛЬМЕС. А, ты не хочешь, — не пожешь?.. Ну, такъ я тебѣ пособлю!.. (*Бросается къ ней, чтобы сорвать маску; она старается вывернуться; но Шестипаловъ ее держитъ за руку. Въ это же время, Хасановъ борется съ лакеемъ, который хочетъ вльшиться въ общее смѣтеніе*). Вотъ, твоя маска!... (*Срываетъ маску и топчетъ ее ногами*). Смотри же, теперь, на насъ—смотри! —покажись шамъ, безстыдница!

МЭРИ (*совсѣмъ открывая голову*). Изволь—изволь!.. Что-жь ты молчишь?.. Не ожидалъ?..

БЕЛЬМЕС. (*съ ужасомъ*). Боже мой!.. Я обмануть!.. Кто вы, сударыня?..

МЭРИ (*насмѣшливо*). Кто я?.. Я подруга Берты, которую ты хотѣлъ обмануть!.. Ты думалъ, что ты одинъ хитеръ, —не воображалъ, что тебя проведутъ?..

БЕЛЬМЕС. (*въ отчаяніи*). Боже мой, Боже мой!.. Вездѣ измѣна!.. (*Хасановъ выпускаетъ лакея, и конфузится. Шестипаловъ также терзается*).

МЭРИ. Тебя удивляетъ измѣна!.. А ты развѣ не измѣнилъ женѣ... не измѣнилъ потомъ Бергъ... не задумалъ измѣнить княгинѣ Подольской?..

БЕЛЬМЕС. (*вполголоса*). Я погибъ... Они все знаютъ. (*Опомнившись*). Но какъ же это могло случиться?... Мнѣ положительно извѣстно, что жена моя поѣхала въ маскарадъ, что она встрѣтилась съ Рива де Нейра, и отправилась, въ его каретѣ, къ нему... Я слѣдилъ за ней...

МЭРИ. Все это очень просто... Жена твоя поѣхала въ маскарадъ; ходила тамъ съ испавцемъ, и назначила ему свиданіе...

Это между нами было улавлено; мы даже нарочно надѣли оди-
наниа домино... Потомъ, при выходѣ съ маскарада, мы подмѣ-
нили одна другую... Я, въ каретѣ испанца, поѣхала къ нему,
сюда; а жена твоя, въ моей каретѣ, поѣхала къ себѣ домой... Я,
разумѣется, рассказала все испанцу... Хорошо, что ты еще не
попался ему въ ту минуту: онъ убилъ бы тебя на мѣстѣ...

Бельмес. *(терзаясь)*. Это ужасно!.. Всѣ планы разруши-
лись!.. *(Ободравшись нѣсколько)*. Однако, тутъ что-нибудь не такъ;
тутъ — недоразумѣніе... Я пойду къ графу Рива де Нейра... Я
не могу такъ оставить дѣло. *(Къ лакею)* Гдѣ графъ? Мнѣ нужно
его видѣть! *(Хочетъ идти къ подъезду)*.

ЛАКЕЙ. Графъ теперь въ постелѣ; — не вѣтъ отъ него пись-
мо... *(Падаетъ письмо)*.

Бельмес. *(съ удивленіемъ)*. Письмо, — ко мнѣ? — Давай сюда!
(Торопливо открывъ письмо, и совершенно растерявшись). Дуэль!...
Графъ вызываетъ меня съ нимъ драться!.. Но это невозмож-
но... это незаконно... Я не могу на это согласиться!... *(Болтовъ и
Нанкингъ выходятъ изъ-за кулисъ и подоидя къ Бельмесову сзади,
становятся по обѣ стороны)*.

Болт. *(спокойно и твердо)*. Вы должны на это согласиться!..

Пан. *(перебивая)*. И если вы выйдете живымъ изъ этой дуэ-
ли, мы оба *(показываетъ на Болтова)* будемъ драться съ вами,
пока не положимъ васъ на мѣстѣ!.. Поняли?..

Бельмес. *(въ отчаяніи)*. Господа, это насиліе: я буду жа-
ловаться!..

Болт. Молчите... Поступки ваши извѣстны... Извѣстно,
какъ вы, вмѣстѣ съ Подольской, предложили испанцу купить
вашу жену; какъ вы нарочно тиранили, оскорбляли, развращали
ее. Извѣстно, какъ вы обманули Бертю, и собирались ѣхать въ
Англию... Да нѣтъ: Подольская вывела васъ въ свѣжую воду!..

Бельмес. Я погибъ, погибъ!

Пан. Старыя бабы ревнивы: вы думали, надуете Подоль-
скую, такъ это вамъ пройдетъ даромъ?.. Нѣтъ, съ старой хуже
попадешься!.. Какъ она узнала, что вы зачѣяли улепетнуть, —
она тотчасъ по начальству; теперь бумаги и деньги ваши при-
остановлены... Хорошо?

Бельмес. *(въ отчаяніи)*. Ну, вижу, что все потеряно... Гос-
пода, я въ вашихъ рукахъ... Что мнѣ дѣлать?

Болт. Отвѣчайте немедленно Рива-де-Нейра, что вы прини-
маете вызовъ... О прочемъ мы успѣемъ еще переговорить... От-

примитесь съ нами... (*Улыбаюсь*) Вы намъ говорѣ слиткомъ до-
рога, чтобы васъ вынустить. (*Хасановъ и Шестипаловъ, замлы-
шмекъ, какой оборотъ приняло дѣло, хотять уйти; Пашиникъ изъ
остидедемаеть.*)

Паш. (къ Хасанову и Шестипалову). Господа, куда вы?

Хасан. и Шестип. (*вмѣстѣ*). Никуда! ни-никуда!

Паш. Оставайтесь; вы намъ нужны... Вы хотѣли быть, за
деньги, свидѣтелями Бельмесова противъ его жены; теперь вы
будете свидѣтелями Бельмесовой противъ ея мужа, но ужъ без-
возмездно!.. Такая гадкая услуга не стоить вознагражденія!..
Поняли?

Хасан. Однако, какъ же-съ?

Паш. Молчите!.. (*Вполголоса*) Ваши плутни тоже выходятъ
наружу. Дергачевъ надулъ васъ; вы надули Дергачева; Мюль-
штейнъ надулъ и Дергачева и васъ... Казенныя проказы тоже
всплываютъ... Такъ ужъ вы не горячитесь, а лучше исполняйте
то, что вамъ велятъ... Слышите?

Хасан. Слышимъ. (*Въ отчаяннѣ*) Господи! послѣднее время
приходить!.. И Мюльштейнъ надулъ, разбойникъ!

Шестип. (*максимо*). Бѣ-ѣда, просто бѣда... Хх-отъ кара-
улъ кричи!.. Ми-ошенникъ на мошенникъ!..

Паш. Полноте плакаться-то!.. Маршъ за нами!..

Болт. (къ Бельмесову). Извольте дать отвѣтъ графу Рива до
Нейра!

Бельмес. (къ лакею). Доложи графу, что я получилъ его
письмо, и немедленно пришлю отвѣтъ...

Лаккѣй. Слушаю-съ.

Болт. Такъ отправитесь, господа, всѣ вятеромъ и со-
ставимъ планъ дѣйствій... (*Всѣ собираются идти. — Къ Мэри*)
Прощай, Мэри, спасибо за услугу; вѣкъ не забуду!.. (*Подойдя
къ ней и понизивъ голосъ*) Побѣзжай сейчасъ къ Ольгѣ; успокой ее;
скажи, что нужъ ея у меня, да не говори пока о дуэли... Пони-
маешь?

Мэри. Понимаю. Прощай!.. (*Пашинику*) Прощай, Саша;
завтра буду къ тебѣ. (*Цалуетъ его.*) (*Лакею*) Бѣдемъ! (*Лакею от-
правляется, чтобы велеть подать карету; Мэри идетъ за кимъ,
напывая романсъ: «Что ты грустно глядишь на дорогу?»*)

Паш. (къ оставшимся). Ну, дружина храбрая, впередъ —
маршъ! (*Уходятъ, вмѣстѣ, направо.*)

(*Занавѣсъ опускается.*)

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Театръ представляетъ квартиру Болтова, съ такимъ же убранствомъ, какъ и въ первомъ актѣ. Одно изъ оконъ отворено. Ранняя весна; девять часовъ вечера.

ЯВЛЕНІЕ I.

Болтовъ и Марья Михайловна. (Болтовъ сидитъ у письменнаго стола за бумагами; Марья Михайловна у того же стола вѣжетъ чулокъ. Свѣчи догораютъ.)

Болт. (*оставивъ бумаги и взглянувъ на свѣчи*). Марья Михайловна! А свѣчи—то опять догораютъ! Есть ли другія?

Мар. Мих. Нѣтъ, больше нѣту... Ну, да пораньше спать ложитесь... Оно здоровѣе, да и расходу меньше... (*Спускаетъ петлю.*) Эхъ, грѣхъ какой, — опять, никакъ, петлю спустила. (*Подвигаетъ къ себѣ свѣчу и старается поправить ошибку.*)

Болт. (*веселымъ тономъ*). Марья Михайловна! А, Марья Михайловна!

Мар. Мих. (*съ легкой досадою*). Что-о?.. Ну, что пристааете?

Болт. Мнѣ пришелъ въ голову тотъ вечеръ... Помните? Когда Паньшинъ съ Мери къ намъ вѣрнулись. А вѣдь мы не далеко съ тѣхъ поръ съ вами уѣхали, Марья Михайловна, — а? Только лишній годъ за плечами!..

Мар. Мих. Ужъ подлинно! А вы—то все хвалились безъ памяти, что я—де въ тысячу, въ двѣ тысячи мѣсто!.. Вотъ вамъ и мѣсто!.. Пересматривала я давеча ваши сорочки!.. Какъ есть, лохмотья, шобонъ на шобонѣ... Инда штопать нельзя!.. Не все ли этакія бываютъ отъ тысячныхъ—то мѣсть?..

Болт. Ничего, Марья Михайловна... Въ лохмотьяхъ ходимъ, да зато на душѣ легко!.. Не знаю, мнѣ что-то очень весело!.. Жаль вотъ только, что свѣчи—то послѣднія... Расписался—было, а тутъ и кончай!..

Мар. Мих. Да что это на васъ за веселье напало? Кажись, не отъ чего: денегъ—то, какъ и прежде, меньше гроша...

Болт. Богъ съ ними, съ деньгами! (*Раздается звонокъ у дверей.*) Вотъ, слышите, звонокъ!.. Денегъ нѣтъ, да друзья есть!.. Вѣрно, кто нибудь изъ пріятелей... (*Марья Михайловна выходитъ*

отворить. Въ двери лалются Мэри и Паньшинъ, и бѣгутъ къ Болтову, который ихъ радостно встрѣчаетъ. Марья Михайловна лалется вслѣдь за ними.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Мэри и Паньшинъ.

Болт. (Паньшину). Здравствуй, здравствуй! очень радъ!..

Пан. Здравствуй, братецъ! Вотъ я и опять въ Питерѣ! Слеталъ въ Москву... да и назадъ къ тебѣ, на чердакъ... Да что золотое время терять? — Марья Михайловна, выпляску! Ну, Мэри, валяй!.. Разъ, два, три! (Хлопаетъ въ ладоши и прыгаетъ.)

Мар. Мих. Полноте, полноте безобразничать-то, грѣховодники!.. (Къ Мэри) Здравствуй, Машенька... Что, голубка, здорова?

Мэри. Здорова, здорова... Что намъ дѣлается? (Цалуетъ Марью Михайловну. Марья Михайловна уходитъ хлопотать по хозяйству.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, провъ Марья Михайловны.

Болт. Здравствуй, Мэри! Что, проказница? Безъ него (указывая на Паньшина), ко мнѣ не ѣздила, — бѣдлась за себя?...

Мэри. Какъ не бояться? Видишь, какой опасный: того и гляди, влюбисься!

Болт. Садитесь же, садитесь!.. (Къ Паньшину) Ну, что, — въ Москвѣ устроилъ дѣло?

Пан. Устроилъ, братецъ, славно устроилъ... Нужда научить ѣсть калачи... Какъ просадилъ всѣ денежки этому проклятому Дергачеву, такъ, вотъ, теперь и принимаюсь за каррикуатуры...

Болт. За каррикуатуры?

Пан. Буду, братецъ, поставлять каррикуатуры для одного юмористическаго журнала...

Болт. Что это тебѣ вздумалось?

Пан. Да вѣдь надо же что нибудь кусать... Хорошо, что

у меня хоть этот талант былъ — рисовать уродовъ... А то, теперь, просто, бѣда бы!.. Деньги общаютъ хорошія... Да и знаешь? Цода другихъ дурачить, такъ самому-то дѣлается пріятно, точно, будто ты самъ умѣе всѣхъ...

Болт. Когда же ты примешься?

Пан. Да немедленно, братецъ... У меня вотъ какой планъ. Тутъ ужь, этакъ, немножко сформировалось (*указываетъ себя на голову*). Хочу представить всѣ скандалы за прошлый годъ...

Болт. Въ томъ числѣ, — и скандалъ съ Дергачевымъ и нами?

Пан. Непремѣнно... Представлю, тутъ, Гласность, въ видѣ поделѣнковой старухи... Хочетъ старуха штопать прорѣхи, а вмѣсто того дѣлаетъ новыя дыры...

Болт. (*перебивая*). Какъ, подь-часъ, наша Марья Михайловна?..

Пан. Именно, — какъ наша милѣйшая Марья Михайловна... Ну, а вокругъ этой старухи, — знаешь? — вишнегретъ, изъ всѣхъ насъ... Да, вотъ, я къ тебѣ — за матеріаломъ...

Болт. Какъ, за матеріаломъ?

Пан. Съ этой поѣздкой, я немного поотсталъ... Расскажи, какъ дѣло было?..

Болт. Да вѣдь ты, чай, все знаешь?

Пан. То-то не все, — недосконально!.. конца не знаю, въ подробностяхъ...

Болт. Ну, помнишь, какъ мы привели къ себѣ Бельмесова и этихъ двухъ дураковъ, Хасанова и Шестицалова?..

Пан. Какъ не помнить?.. Бельмесовъ, пока писалъ письмо испанцу, все плакалъ да дрожалъ, какъ осиноый листъ, а тѣ двое творили молитвы да подкрѣплялись, для бодрости, настойкой...

Болт. На другой день была дуэль, и Бельмесовъ былъ такъ догадливъ, что отправился на тотъ свѣтъ...

Пан. Я думаю, это первое, что онъ сдѣлалъ порядочнаго...

Болт. Первое и послѣднее; остальное все — подлости и мошенничества!..

Пан. Ну, а что нашъ набольшій — Дергачевъ?

Болт. Изъ тюрьмы выпущень; кое какъ отдѣлался отъ кредиторовъ; заплатилъ копѣекъ по пятнадцати на рубль, и теперь,

говорять, виѣстѣ съ женой, куда-то уѣхалъ, — слушать не откупамъ...

Пан. Повѣрь мнѣ, — опять придется за прежнее: тащить людей исправляетъ только мѣгла... А что Ольга?..

Болт. Ольга, я слышалъ, выходитъ замужъ за Рива де Нейра... Испанецъ оправдался предъ ней. Оказалось, что Бельмесовъ съ Подольской сами втянули его въ эту подлую штуку: онъ бы и не подумалъ... А Ольга его любила истинно!..

Пан. Что, ея деньги — всё пропали?

Болт. Нѣтъ, мнѣ удалось спасти пятьдесятъ тысячъ, въ акціяхъ на ея имя... И то едва успѣлъ: Дергачевъ — было и припряталъ... Теперь, у нея, по крайней мѣрѣ, есть собственность...

Пан. Подольская уѣхала?

Болт. Успѣла взять деньги, и уѣхала въ Англію; говорятъ, захватила съ собой какого-то юношу...

Пан. Ну, а что, тузы — графъ Петръ Феодулычъ да баронъ Эйзеншвидтъ?

Болт. Ругаютъ акціонерныя дѣла, на чемъ свѣтъ стоитъ!..

Пан. Да, они порядочно повлатились!... Однако, кто же — въ выигрышѣ?

Болт. Мюльштейнъ; онъ, говорятъ, теперь въ десяти милліонахъ... Кто же еще?..

Мэри. Я... Мнѣ баронъ подарилъ акцій на пятьдесятъ тысячъ... Я ихъ тотчасъ же и спустила... Теперь, зато, я капиталистка... Знай нашихъ!..

Пан. Bravo!.. Вотъ, гдѣ скрывается истинная-то практичность! Ай да Мэри!

Болт. Поднялся еще бывший конторщикъ Дергачева... Пообчистилъ своего патрона, и ужъ теперь — купецъ первой гильдіи.

Пан. А что Хасановъ да Шестипаловъ?

Болт. Выгнаны изъ службы... Мюльштейнъ ихъ обманулъ, и почти совсѣмъ разорилъ... Чуть не ходять по міру...

Пан. Значить, — вошь сестрамъ по серьгамъ... Ты вышелъ голъ, какъ соколъ...

Болт. (перебивая). Да, чтобы раздѣлаться съ Дергачевымъ задолжалъ еще тебѣ три тысячи, которыя не знаю ужъ, какъ и отдашь...

Пав. Это что!.. У тебя, положишь, и прежде не было ни гроша, а у меня вѣдь было состоянье кругленькое. Такъ, вѣтъ; такъ съумѣлъ спустить; что теперь, хоть карманы выворотить,—ни копейки!..

Мэри. Вѣтъ, и у тебя еще есть три тысячи...

Пав. Какія три тмояча? Очень бы радъ совзаться, да, право, вѣтъ...

Мэри. А тѣ три тысячи, что ты далъ ему (*указываетъ на Болтова*), для уняты Держачеву?..

Пав. (*не хотя*). Да!.. Но, что объ этомъ говорить?.. Я объ нихъ забылъ... Изъ чего ему отдать теперъ?

Мэри. Ты получишь ихъ съ меня!..

Пав. Какъ, съ тебя?

Мэри. (*улыбаясь*). У насъ съ Болтовымъ счеты, и онъ поручилъ мнѣ отдать тебѣ три тысячи...

Болт. (*къ Мэри*). Что это значить?.. Я на это несогласенъ!.. Я постараюсь отдать самъ...

Мэри. Какъ несогласенъ? Что за вздоръ! Я должна тебѣ три тысячи, и передаю ихъ за тебя Сашѣ... (*Паньшину*). На, вотъ тебѣ деньги Болтова! (*Подаетъ ему пачку кредитныхъ билетовъ*). Теперь вы квиты?

Пав. (*кладя деньги въ карманъ*). Квиты;—спасибо, дружнице: очень кстати! (*Пожимаетъ руку Болтову*).

Болт. (*сминаясь*). Полю, — мнѣ, право, совѣстно!.. (*Къ Мэри*). Какъ ты добра, Мэри!.. Но, когда же я тебѣ отдамъ?

Мэри. Ты мнѣ ничего не долженъ!.. Я сейчасъ отдала проценты, а за мной еще капиталъ...

Болт. Какой капиталъ?..

Мэри. А то, что ты платилъ за меня, когда я была больна... Этотъ капиталъ у меня здѣсь (*указываетъ на сердце*), и все растетъ, растетъ!..

Болт. Полю, Мэри, — то были бездѣлицы; мнѣ, право, совѣстно вспомнить...

Мэри. Бездѣлицы, да отъ души и изъ послѣдняго... А эта цѣпочка! (*Указываетъ на цѣпочку, которая у нея на шеп*). Я знаю, чего тебѣ стоило съ ней разстаться...

Болт. (*съ чувствомъ*). Да, это память отъ жены моего отца!.. (*Вздыхая*) Жена моего отца не была моей матерью... Я не знаю, кто была моя мать... Но ту, которая благословила меня этимъ образомъ (*показываетъ на медальонъ, висящій у него на груди*), я

съ дѣтства привыкъ считать матерью... Вотъ онъ (*рассматривая медальонъ*) — образъ апостола Петра, патрона моего отца!... (*Къ Мэри*) Да, во время твоей болѣзни, я, тихонько отъ Марьи Михайловны, заложилъ цѣпочку... Но образъ былъ всегда при мнѣ...

Мэри. Возьми же назадъ и цѣпочку; я, нарочно, ее вытупила: вотъ, возьми (*снимаетъ съ себя цѣпочку*); съ такими вещами не надо' разставаться...

Болт. Спасибо, Мэри; ты меня очень утѣшила!.. Спасибо!..

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ же и Марья Михайловна.

Мар. Мих. (*войдя и поглядывая въ окно*). Вотъ, чудо-то: никакъ, гроза собирается! Не затворить ли?..

Болт. Нѣтъ, оставьте такъ; теперь пріятно освѣжиться... (*Къ Марьѣ Михайловнѣ*) Подите-ка сюда, посмотрите, что у меня есть!..

Мар. Мих. Ну, что еще выдумалъ? Чай, пустяки какіе нибудь?

Болт. Посмотрите-ка: цѣпочка-то отъ образа апостола опять у меня!..

Мар. Мих. (*съ живостью*). Ахъ, мои батюшки, вотъ радость-то!.. Да откуда же это? Откуда Богъ послалъ?.. А я думала, она совсѣмъ ужь сгинула!.. Шутка ли: больше трехъ годовъ не видѣла!..

Болт. Мэри поберегла, да отдала мнѣ сейчасъ...

Мар. Мих. (*къ Мэри*). Ахъ, ты моя разумница, золотая моя!.. Слава тебѣ, Господи!.. Смотри-ка, радость какая!.. (*Къ Болтону*) А я, признаться, всегда мекала, что оттого вамъ, Богъ и счастья не даетъ, что благословіе не соблюли... (*Раздается ударъ грома. Марья Михайловна набожно крестится*). Слава Тебѣ, Господи, — Слава Тебѣ, Господи, — Слава Тебѣ, Господи!..

Пав. Какъ гроза-то, разыгралась!.. Но, что, за воздухъ — чудо! (*Подходитъ къ окну. — По временамъ, раздаются раскаты грома*).

Болт. (*къ Паньшину*). Что же? ты хотѣлъ придаться за карриатуры?..

Пав. Погода, братецъ, — теперь нерасположенъ; все

не чувствую въ себѣ жолчи и влобы къ людямъ... Нанротивъ! такъ бы, кажется, и бросился всѣхъ обнимать!.. Дайте, начну съ васъ. Марья Михайловна, — Болтовъ, Мари! (*Обнимаетъ ихъ по очереди*). Мари, прелесть моя!.. Я теперь бѣденъ, а не меньше прежняго счастливъ... Люби только ты меня; мнѣ больше ничего не нужно! (*Цалуетъ ее нѣсколько разъ*).

Болт. А баронъ?

Пан. О баронъ я не забочусь: какъ она знаетъ, — я не ревнивъ!..

Мар. Мих. Зачѣмъ оставлять барона! Баронъ человекъ хорошій, почтенный; еще наградить... Ахъ, батюшки, счастье-то какое!.. А я думала, — совсѣмъ цѣпочка пропала: сгинула, думала, да и только! (*Раздается звонокъ у двери*).

Болт. Кто бы это? Марья Михайловна, потрудитесь!... (*Марья Михайловна выходитъ*).

ДВЕНАДЦАТЫЙ ДЕЙСТВІЕ V.

Тѣ же, лакей, и потомъ графиня Рива де-Нейра.

Лакей (*входя*). Графиня Рива де-Нейра!..

Болт. (*съ удивленіемъ*). Какъ? Сама графиня? Мнѣ, право, совѣстно!.. Проси, проси!.. (*Лакей уходитъ*). Приберете, что можно!.. (*Всѣ бросаются наскоро прибираться. Входитъ графиня Рива де-Нейра; за ней Марья Михайловна*).

Болт. (*встрѣчая графиню*). Графиня — вы здѣсь, — въ такую пору? Не знаю, какъ благодарить васъ!..

Гр. Рив. де-Нейр. Я уѣзжаю изъ Россіи... Вчера была моя свадьба съ графомъ Рива де-Нейра... Завтра мы отправляемся въ Испанію, и потомъ тотчасъ же въ Манилу... Мужъ мой назначенъ туда губернаторомъ... Но я не могла уѣхать, не простившись съ друзьями... (*Къ Болтову*) Вамъ, Дмитрій Петровичъ, я обязана жизнью, добрымъ именованьемъ, счастьемъ!.. Я не сумѣю выразить вамъ то, что я чувствую... Одинъ Богъ въ состояніи заплатить вамъ... Я, съ своей стороны, обещаю вамъ только неизмѣнную дружбу и любовь сестры... Обнимите меня, мой лучший другъ!.. Вы моя гордость, моя слава! (*Прижимаетъ его къ груди, и рыдаетъ отъ восторга*)...

Болт. (*съ замѣщательствомъ*). Графиня!.. Вы придаете слишкомъ много цѣны моей услугѣ... Я не менѣе обязанъ вамъ...

Вы первая открыли мнѣ глаза, когда я готовъ былъ зачунуться въ этомъ биржевомъ омутѣ. Репутация моя спасена вами...

Гр. Рив. де-Нейр. (къ Мери). М-ше Мари, не откажитесь поцаловать меня на этотъ разъ...

Мэри (съ чувствомъ). Графиня! Вы слишкомъ добры...

Гр. Рив. де-Нейр. (цалуя Мари). Вотъ, вамъ поцалуй, отъ чистаго сердца!... Будьте счастливы, добры и милы, какъ прежде!... (Къ Панышину) Вамъ, Александръ Петровичъ, я также многимъ обязана...

Пан. (перебивая) Помилуйте, графиня!... Я дѣлалъ только то, что всякій сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ...

Гр. Рив. де-Нейр. Во всякомъ случаѣ, искренно благодарю васъ (протыкиваетъ ему руку, которую онъ целуетъ)... Прощайте, друзья мои... Васъ, Болтовъ, я жду къ намъ, въ Маннлу... Тамъ, подъ южнымъ небомъ, поговоримъ про Петербургъ, да про бывшее время... Приѣзжайте же!...

Болт. Постараюсь, графиня... Я, въ самомъ дѣлѣ, ѣду въ кругосвѣтное плаваніе: надо освѣжиться послѣ этой катастрофы...

Гр. Рив. де-Нейр. (къ Болтову). Такъ мы васъ ждемъ... До свиданія!... Мнѣ хотѣлось бы вамъ оставить что нибудь на память... (Снимаетъ съ себя медальонъ) Вотъ память моей покойной матери... Это — образъ апостола Петра, которымъ благословила меня мать, предъ смертью; у меня нѣтъ вещи драгоценнѣе... Возьмите, возьмите!... (Передаетъ ему медальонъ) Если мать моя смотритъ на меня теперь съ неба, она не оскорбится моимъ поступкомъ... (Буря стихаетъ). Взгляните, какъ ясно небо, какъ мирно въ воздухѣ!... Видно, душа матери довольна мной!... (Подымаетъ глаза, и мысленно молится).

Болт. (са удивленіемъ разсматривая медальонъ). Это непостижимо!... Мой медальонъ точно такой же... (Къ Марью Михайловну) Марья Михайловна, посмотрите-ка!

Мар. Мих. (Подбѣжавъ и разсмотрѣвъ медальонъ, съ восторгомъ и изумленіемъ осматриваетъ графиню). Господи, — Мать Пресвятая Богородица!... Неужели я сподобилась этой милости?... (Къ графиню) Сударыня—извините моей простотѣ:—откуда у васъ образокъ-то?

Гр. Рив. де-Нейр. Это—благословеніе моей матери, Софьи Ивановны Макаевой...

Мар. Мих. Супруги Петра Ивановича?

Гр. Рив. де-Нейр. Да, Петра Ивановича Мамаева, — Петръ Ивановичъ былъ мой отецъ... Онъ скончался недавно, а матери я вовсе не помню...

Мар. Мих. (съ восторгомъ). Такъ и есть!.. Силы небесныя!.. Сердце-то, сердце-то: словно голубь — вылетѣть хочетъ!.. (Держитъ себя рукою сердце)... Сударыня, не взыщите со старухи! (Бросается къ графинѣ) Дайте ручку!.. Вѣдь я знавала вашихъ родителей-то; жила у нихъ въ домѣ... При нихъ и выросъ дядя...

Гр. Рив. де-Нейр. (съ чувствомъ). Возможно ли? Какъ это было?.. Давно ли вы изъ нашего дома?..

Мар. Мих. Пришло, видно, время все рассказать... Такъ, значить, Богу угодно... Жила я въ вашемъ домѣ — ужь годовъ, двадцать, чай, — либо побольше... При маменькѣ вашей находилась; къ ней во дворъ взята была... Помню, какъ васъ маменька-то рожала... Много страданья перенесла она, сердечная!.. Съ тѣхъ поръ все и болѣла... Вотъ, когда вамъ было годочка, знать, два, почувствовали, это, маменька себя больно плохо; за священникомъ послали... Помните, чай, отца Пахомія?.. Славный былъ старикъ!..

Гр. Рив. де-Нейр. Помню, помню...

Мар. Мих. Позвали отца Пахомія; маменька исповѣдалась, причастилась... да и велѣли васъ привести къ себѣ, къ постели, да еще мальчика... сына Петра-то Ивановича...

Гр. Рив. де-Нейр. Какъ? У меня вѣдь не было братьевъ!..

Мар. Мих. (закраснѣвши). Ужь извините, сударыня, вамъ расскажу... Сыночекъ-то у Петра Ивановича не отъ вашей маменьки былъ... былъ до брака прижить... Однако, маменька его очень, очень любили... Вотъ привели ихъ обоихъ къ постели... Маменька приказали себѣ достать два образочка апостола Петра, — нарочно заказаны были одинакіе, — да и изволили надѣть и на дочку-то свою, — значить на васъ, — и на сына-то Петра Ивановича... Скоро затѣи и скончались... Царство ей небесное!.. (Утираетъ слезы).

Гр. Рив. де-Нейр. (съ любовитствомъ). Гдѣ же другой образокъ, — у кого?..

Болт. (съ восторгомъ). Теперь, мнѣ все понятно! Сестра, другъ мой!.. (Бросается въ объятія графини).

Гр. Рив. де-Нейр. (съ радостнымъ удивленіемъ). Какъ? ты мой братъ!.. Боже благодарю Тебя!.. (Обнимаетъ Болтова).

Болт. (*любуясь графиней*). Ахъ, какое счастье! Сестрица, ангель мой! Какъ ты хороша, какъ мила, какъ добра!.. Боже!.. Я, кажется, съ ума сойду, отъ радости... Да! (*къ Марьѣ Михайловнѣ*) Марья Михайловна! А вѣдь вы не все досказали... Кто же была моя мать?.. Вы должны знать... Не скрывайте;—не грѣшите предъ Богомъ!..

М а р. М и х. (*опускаясь на колѣни*). Да будетъ его святая воля... Я, Митя,—я твоя мать,—я грѣшная раба Божія!.. Прости меня, голубчикъ... Тяжкій грѣхъ мой предъ Господомъ!.. (*Замывается слезами*).

Болт. (*бросаясь къ ней на шею*). Матушка, благодѣтельница моя!... Да вѣдь не вы ли меня вскормили?... Не вы ли ходили за мной, какъ родная? Какъ же это я не догадывался!... Господи, сколько радостей!... Значить, я не одинокъ на свѣтѣ: есть кого мнѣ любить, есть для кого жить и работать, есть за кого молиться!...

Гр. Рив. де-Нийр. Обвините меня, Марья Михайловна... Вы и вѣдь не меньше близки: вы воспитали моего брата, моего благодѣтеля!... (*Обнимаетъ ее*).

Мэри (*въ раздумьи*). А я, такъ, и не знаю, кто были мои родители!...

Пад. (*опололоса*). И не старайся узнавать, а то, пожалуй, откроется, что ты мнѣ сестра... съ которой нибудь стороны... (*Улыбаясь*) Нѣтъ, лучше не узнавай!...

Болт. (*восторженно*). Ахъ, какъ мирно, какъ легко на душѣ!... Тучи разсыпались, сомнѣній какъ не бывало... Свѣтло, ясно!...

Пад. (*взглянувъ въ окно*). Гроза совсѣмъ прошла; небо просвѣтлѣло. Въ воздухѣ не шелокнетъ!...

Болт. Просвѣтлѣло и въ нашей жизни... Гроза очистила воздухъ!... За то, нельзя не вспомнить добрымъ словомъ и нашу «Громоотводъ».

(*Закапавъ опускается*.)

О Ч Е Р К И

ИЗЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ

(ПО МИЛЛЕУ.)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ началѣ прошлаго года сталъ я печатать при «Современникѣ» «Переводъ Основаній Политической Экономіи» Милля, съ прибавленіемъ своихъ замѣчаній и дополненій. Въ теченіе года успѣлъ я напечатать такимъ образомъ изъ пяти книгъ переводимаго трактата только одну первую, въ которой излагается теорія производства. Я увидѣлъ, что ошибся, когда считалъ удобнымъ прилагать свой переводъ къ журналу. Одна первая книга уже составила около 27 печатныхъ листовъ, и оказывается, что весь трактатъ будетъ составлять листовъ 100, если не больше. Я полагалъ, что не расширю его до такого объема. По шриоту, выбранному для печатанія перевода, собственно переводъ долженъ занимать около 55 листовъ. Я думалъ, что примѣчаній и дополненій сдѣлаю не много, такъ что, отъ нихъ объемъ переводимаго сочиненія увеличится листовъ на 7, много на 10, и всего выйдетъ листовъ 65. Въ такомъ размѣрѣ печатаніе перевода при «Современникѣ» можно было кончить въ два года, т. е. къ концу нынѣшняго. Читатель видѣлъ, что мнѣ не удалось удержаться въ границахъ, которыя, какъ теперь рассказываю, ставилъ я себѣ при началѣ печатанія. Я увидѣлъ, что при размѣрѣ, какой принимаетъ моя работа, нѣтъ возможности продолжать ея изданіе въ преж-

ней формъ: оно въ этомъ случаѣ растянулось бы по четыремъ годамъ журнала, а при такой растянутости, конечно, служило бы ему только обремененіемъ. Потому-то я только докончилъ печатаніе первой книги при «Современникѣ» и остановился.

Но остановился я только въ печатаніи моей работы при «Современникѣ», а не въ самой работѣ. Главную часть ея, — самый переводъ Милля, — я теперь уже кончилъ, а на то, чтобы прибавить примѣчанія — потребуется не очень много времени. Поэтому я рассчитываю, что издамъ остальные 4 книги трактата Милля отдельными томами довольно скоро.

Я считаю обязанностью напечатать прежде въ «Современникѣ», въ замѣнъ полнаго перевода, обзоръ остальныхъ книгъ трактата Милля, въ размѣрѣ, удобномъ для журнала, такъ чтобы не имѣли надобности, для пополненія къ первой книгѣ, покупать отдельнаго изданія читатели, которые не захотѣли бы имѣть переводъ этого сочиненія безъ того обстоятельства, что первая книга была напечатана въ получаемомъ ими журналѣ.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ.

[МИЛЛЬ, КНИГА ВТОРАЯ.]

А. СОПЕРНИЧЕСТВО, КАКЪ НОРМА РАСПРЕДѢЛЕНІЯ. — В. КЛАССЫ, МЕЖДУ КОТОРЫМИ ДѢЛИТСЯ ПРОДУКТЪ.

(гл. III—X).

Разумѣется, мы должны обозрѣвать содержаніе трактата Милля по порядку книгъ и главъ. Первая книга уже извѣстна въ полномъ составѣ читателю. Стало быть намъ приходится начинать со второй; а во второй первыя двѣ главы трактуютъ о системахъ экономическаго устройства, основанныхъ на принципѣ, различномъ отъ господствующаго принципа новой экономической исторіи, и потому объ этомъ принципѣ, о частной собственности, о степени ея экономической полезности въ нынѣшнемъ ея видѣ и о томъ, какія измѣненія нынѣшняго ея вида справедливы и полезны по мнѣнію Милля; — следовательно (заключаете вы) статьи наши должны начаться оборотомъ этихъ главъ, — о коммунизмѣ и о частной собственности. Какъ бы не такъ! — «держи карманъ!» — Извините за простонародное выраженіе. — Неужели, читатель, вы до сихъ поръ такъ глупы,

что думаете, будто мы (я говорю собственно про себя, про других не знаю) — будто мы поступаемъ, какъ слѣдуетъ поступать? — Напримѣръ, будто мы пишемъ о томъ, о чемъ слѣдуетъ писать? — Никогда! Да, съ гордостью могу сказать я о себѣ, что никогда не отступалъ до сихъ поръ отъ правила: пиши не о томъ, о чемъ слѣдуетъ, да и о томъ, о чемъ почти что не стоитъ писать, пиши не такъ, какъ слѣдуетъ. Неужели захочу я теперь испортить репутацію, пріобрѣтенную годами неуклоннаго слѣдованія этому принципу? Неужели захочу я подвергнуться угрызеніямъ совѣсти? Никогда. Я венарушимо держусь принципа и съ удовольствіемъ жертвую ему двумя первыми главами II книги Милля, обзоромъ которыхъ мнѣ слѣдовало бы начать.

Да и на что намъ онѣ? Что касается до меня, мнѣ въ коммунистическомъ обществѣ жить не придется, слѣдовательно плевать я хотѣлъ на коммунизмъ (съ вашего позволенія). А вы, читатель, смѣю спросить, кто вы такой? До вашей нравственности, до вашего ума мнѣ нѣтъ никакого дѣла; я только спрашиваю: каковъ размѣръ вашего имущества? Если вы владѣете порядочной собственностью или хотя ждете порядочнаго наслѣдства, тогда вы, безъ всякаго Милля, знаете, какое это хорошее учрежденіе — собственность (конечно, если она не должна идти не нынѣ-завтра подъ аукціонный молотокъ), и знаете вы, что всѣ другія системы общественнаго устройства, кромѣ системы частной собственности, фальшивы и гибельны. Если же у васъ недвижимаго имущества нѣтъ, движимаго мало, — тогда, — тогда простите меня за прамору: я съ вами толковать не намѣренъ, потому что я не хочу знаться съ людьми не порядочными. Стало быть, во всякомъ случаѣ, нечего мнѣ ни для себя, ни для читателя останавливаться на первыхъ двухъ главахъ II книги Милля.

Развѣ только для приличія, чтобы ужъ не совсѣмъ пренебречь этими двумя первыми главами, не стоящими никакого вниманія, выпишемъ первую страничку пропускаемаго нами отдѣла II книги, да и то больше не для самой этой странички, а такъ лишь для общаго предисловія къ слѣдующимъ выпискамъ.

Рутинныя политико-экономы выставляютъ всѣ части экономическаго быта одинаково независимыми въ своихъ основнѣйшихъ чертахъ отъ соображеній челоуѣка о лучшемъ устройствѣ челоуѣческаго быта. На самомъ же дѣлѣ принципы только одной части экономическаго быта, именно производства, налагаются на челоуѣка съ необходимостью физическихъ законовъ, — остальные элементы экономическаго быта устраиваются уже самимъ челоуѣкомъ и вполне подлежатъ власти историческихъ обстоятельствъ; — разъясненіемъ

этой важной разницы теории производства от теории распределения обмена и начинается Милль свою вторую книгу:

Принципы, изложенные в первой части нашего трактата, сильно отличаются в некоторых отношениях от принципов, к рассмотрению которых мы теперь приступаемъ. Законы и условия производства имѣютъ характеръ истины, о какихъ говорятъ естественныя науки. Въ нихъ нѣтъ ничего, зависящаго отъ воли, ничего такого, что было бы можно измѣнить. Все производимое человѣкомъ должно быть производимо тѣми способами и подъ тѣми условіями, какія налагаются качествами вѣшной природы и внутренними свойствами физическаго и умственнаго устройства самаго человѣка. Хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но размахъ его производства все равно будетъ опредѣляться размахомъ его предварительнаго сбереженія и при данномъ размахѣ сбереженія будетъ пропорціоналенъ энергій человѣка, его искусству, достоинству его орудій и благоразумному пользованію выгодами соединеннаго труда. Хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но, удвоивъ количество труда, онъ не получитъ съ даннаго пространства земли удвоеннаго количества пищи, если не произойдетъ улучшенія въ земледѣльческомъ процессѣ. Хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но непроизводительный расходъ отдѣльныхъ лицъ будетъ вести къ пропорціональному объединенію общества, и только производительнымъ расходомъ будетъ обогащаться общество. Каковы бы ни были мнѣнія или желанія по этимъ вещамъ, они не измѣняютъ характера самыхъ вещей. Мы не можемъ сказать впередъ, какихъ предѣловъ не перейдутъ измѣненія въ способахъ производства, какихъ предѣловъ не превзойдетъ возрастаніе производительности труда при будущемъ расширеніи нашихъ знаній о законахъ природы и при возмощеніи изъ этихъ новыхъ знаній новыхъ промышленныхъ процессовъ, о которыхъ мы теперь не имѣемъ и понятія. Но каковы бы ни были наши успѣхи въ стараніяхъ расширить предѣлы, полагаемые намъ свойствами вещей, мы знаемъ, что неизрѣнно существуютъ эти предѣлы: мы не можемъ измѣнить коренныхъ качествъ ни матеріи, ни мысли, а можемъ только съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ употреблять эти качества на произведеніе феноменовъ, нужныхъ для насъ.

Не таковы принципы распределения богатства. Это распределение — чисто дѣло человѣческаго учрежденія. Когда явились вещи, то люди, или какъ частныя люди, или какъ общество, могутъ поступать съ ними, какъ захотятъ. Они могутъ отдать ихъ въ распоряженіе, кому нибудь угодно и на какихъ нибудь условіяхъ. Далѣе: когда люди живутъ въ обществѣ, то всякое распоряженіе вещами можетъ производиться только по согласію общества, или, точнѣе говоря, по согласію тѣхъ, которые располагаютъ дѣятельною силою общества; это согласіе необходимо при всякомъ общественномъ устройствѣ, независимость отъ него бываетъ только въ одиночествѣ совершенной пустыни. Даже вещи, произведенныя однимъ своимъ личнымъ трудомъ, безъ всякой чужой помощи, че-

ловѣкъ не можетъ сохранять въ своемъ распоряженіи иначе, какъ по дозволенію отъ общества. Мало того, что общество можетъ ихъ взять у него, — ихъ могли бы взять и взяли бы у него отдѣльные люди, если бѣ общество осталось къ этому равнодушно, если бѣ оно не употребляло бы своего внимательства въ цѣломъ своемъ составѣ, или не назначало и не содержало особенныхъ людей, чтобы не давать никому нарушать его владѣнія этими вещами. Такимъ образомъ распределеніе богатства зависитъ отъ законовъ и обычаевъ общества. Правила, которыми оно опредѣляется, бываютъ тѣ, какія созданы мнѣніями и желаніями правящей части общества; въ разные времена и въ разныхъ обществахъ эти правила очень различны, и могли бы стать еще различнѣе отъ прежнихъ, если бы того захотѣли люди.

Дѣйствительно, у разныхъ народовъ и въ разные эпохи у одного народа мы видимъ формы экономическаго быта чрезвычайно разнообразныя. Не говоримъ уже о томъ, что, въ противоположность нынѣшнему господству принципа частной собственности у цивилизованныхъ націй, были у тѣхъ же племенъ въ глубокую старину формы, представляющія видимое сходство съ коммунизмомъ, — формы, до сихъ поръ господствующія у разныхъ варварскихъ и полуварварскихъ племенъ; не говоримъ о томъ, что у самыхъ передовыхъ націй до сихъ поръ сохраняется кое-что изъ этихъ учрежденій дикой старины, напримѣръ, за береговою чертою море призывается всѣми націями за общее достояніе человѣческаго рода; судоходныя рѣки у самыхъ передовыхъ націй еще остались общими достояніемъ націй; въ самой Англии, не говоря уже о Франціи и Германіи, еще остаются городскіе выгоны какъ общее достояніе цѣлаго города и т. д. Это послѣднее обстоятельство — чисто калмыцкая или чирокезская черта, а въ понятіи о морѣ англичане, французы и прочіе — чуть ли не перещеголяли самихъ троглодитовъ; не говоримъ и о томъ, что въ сферѣ громаднѣхъ предпріятій стала все сильнѣе и сильнѣе выступать тенденція, противоположная безграничному праву частной собственности (унажемъ развитіе этой тенденціи по двумъ направленіямъ, известнымъ каждому: акціонерныя общества захватываютъ все больше и больше мѣста въ промышленной дѣятельности; когда частная собственность мѣшаетъ осуществленію громаднѣхъ предпріятій, замыслиаемыхъ акціонерными обществами, законъ устраняетъ ее съ ихъ пути посредствомъ экспроприаціи, которая все больше и больше входитъ въ законное правленіе и при столкновеніяхъ государственной дѣятельности съ частною собственностью, — столкновеніяхъ, прежде разрешавшихся экстремными противозаконными мѣрами администраціи, а теперь разрешаемыхъ противъ частной собственности въ пользу государственныхъ надобностей правильными приговорами законныхъ судилищъ); — обо

всемъ этомъ мы не станемъ говорить, потому что тутъ вездѣ—и въ что похужее на коммунизмъ, на который мы уже наплевали, въ чемъ и объяснились выше: Нѣтъ, и въ дѣлахъ, совершающихся исключительно по принципу частной собственности, формы экономического устройства очень различны. Возьмемъ, на примѣръ, земледѣльческій продуктъ. Въ иномъ мѣстѣ, на примѣръ въ Бразиліи, весь онъ принадлежитъ одному классу, землевладѣльцамъ, воздѣлывающимъ свои поля посредствомъ рабовъ: земля и капиталъ — собственность плантатора; трудъ исполняется людьми, составляющими также его собственность, то есть въ экономическомъ отношеніи не людьми, а машинами или домашнимъ скотомъ. Въ другихъ мѣстахъ землевладѣлецъ также самъ бываетъ антрепренеромъ, ведущимъ дѣло на свой капиталъ, но уже посредствомъ свободныхъ работниковъ, такъ что тутъ два класса: землевладѣльцы-хозяева и наемные работники. Въ иныхъ мѣстахъ мы видимъ тоже два класса, но уже не такъ распредѣляются между ними три элемента производства; значить, и продуктъ: землю беретъ у владѣльца въ аренду человекъ, самъ ее воздѣлывающій собственнымъ трудомъ и капиталомъ; да и тутъ опять есть разные формы распредѣленія между этими двумя лицами, землевладѣльцемъ и арендаторомъ-работникомъ: въ однихъ мѣстахъ арендная плата опредѣляется торговыми условіями, въ другихъ остается неизмѣнна, въ третьихъ обычное право арендатора на пользование землею, съ незапамятной старины находившееся въ его родѣ, укоренилось до того, что землевладѣлецъ уже утратилъ всякую власть вмешиваться въ хозяйство арендатора, такъ что тутъ какъ будто два собственника: одинъ по имени, а другой на дѣлѣ, — и на дѣлѣ выходитъ, что земля отчасти принадлежитъ арендатору-работнику и лишь отчасти лицу, называющемуся владѣльцемъ ея. Бываетъ и такое устройство, въ которомъ каждый изъ трехъ элементовъ производства имѣетъ своимъ представителемъ особенный классъ. Земля принадлежитъ землевладѣльцу, капиталъ фермеру, а самъ фермеръ уже не работникъ, и трудъ на фермѣ исполняется людьми другаго сословія, работниками. Наконецъ, есть еще особенное устройство, когда самъ землевладѣлецъ—съ тѣмъ вмѣстѣ и работникъ, иначе сказать, когда работникъ вмѣстѣ и собственникъ земли, и называлъ принадлежить также ему самому.

Какая же тутъ неизмѣнность законовъ распредѣленія, когда распредѣленіе видоизмѣняется по множеству разныхъ общественныхъ отношеній, созданныхъ почти всегда историческими обстоятельствами, совершенно независимыми отъ экономическихъ принциповъ и по-большей-части прямо противорѣчащими имъ? Развѣ политико-экономическими принципами былъ устроенъ общественный

быть при завоеваніи Римской имперіи варварами, или во времена феодализма или даже въ позднѣйшія, хотя бы въ наше времена? Развѣ онъ еще не подчиненъ господству вліяній, гораздо сильнѣйшихъ, чѣмъ здравый экономическій расчетъ? Развѣ изъ здраваго экономическаго расчета велись войны при Наполеонѣ I, — войны, развязкой которыхъ рѣшенъ былъ экономическій бытъ Европы? Развѣ по экономическому расчету завладѣла и хочетъ продолжать владѣть Алжирією Франція? Развѣ по здравому экономическому расчету устроились и сохраняются подземельныя отношенія въ Англіи? — Но вѣдь мы вовсе не то говоримъ (отвѣчаютъ рутинные политико-экономы), что всѣ установившіяся формы экономическихъ отношеній сообразны съ принципами науки, или что всѣ эти формы должны остаться неизмѣнны; напротивъ, мы порицаемъ многія изъ нихъ, порицаемъ даже всѣ, за исключеніемъ только одной, и доказываемъ, что всѣмъ имъ лучше было бы замѣниться этою одною, которая одна удовлетворительна. Мы говоримъ только, что неизмѣненъ общій принципъ, по которому распределяется продуктъ при всѣхъ этихъ формахъ, и что онъ вполнѣ удовлетворителенъ; принципъ этотъ — соперничество. Оно имѣетъ въ себѣ необходимость закона природы; устранить его невозможно; а еслибъ и можно было устранить его, не слѣдовало бы устранять, потому что ничего лучшаго нельзя и придумать человѣку. — Посмотримъ, такъ ли это.

принципъ соперничества, степень всеобщности его дѣйствій; степень его сообразности съ наибыводнѣйшими условіями производства и распределенія; зародышъ экономической истины, находящейся въ этомъ принципѣ, и высшій экономическій принципъ, поставляемый наукою на мѣсто соперничества.

Обыкновенные экономисты разсуждаютъ такъ, какъ будто бы всѣ промышленныя операціи совершаются подъ господствомъ соперничества, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ устраненъ монополіей, такъ что случаи, въ которыхъ онъ не дѣйствуетъ, представляются исключеніями, а его господство — общимъ правиломъ. Эту ошибку очень удовлетворительно разоблачаетъ Мильль въ IV главѣ, которую мы и приводимъ здѣсь всю цѣликомъ.

При системѣ частной собственности продуктъ дѣлится подъ вліяніемъ дѣйствія двухъ силъ: соперничества и обычая. Для насъ важно узнать величину вліянія той и другой силы и видоизмѣненія, которымъ дѣйствіе одной подвергается по вліянію другой.

Политико-экономы вообще, а въ особенности англійскіе, при-

мысли придавать почти исключительное значение соперничеству, почти не принимая въ соображеніе противоположныхъ ему дѣйствій обычая. Они часто выражаются такъ, какъ будто думаютъ, что соперничество на самомъ дѣлѣ всегда совершаетъ тотъ результатъ, къ совершенію котораго стремится по теоріи. Это отчасти объясняется тѣмъ, что только черезъ принципъ соперничества получаетъ политическая экономія права на научный характеръ. На сколько опредѣляется соперничествомъ величина ренты, прибыли, рабочей платы, цѣны, эти величины могутъ быть подведены подъ законы. Если мы примемъ, что онѣ опредѣляются исключительно соперничествомъ, то можно вывести принципы, по которымъ онѣ видоизмѣняются, и эти принципы будутъ имѣть высокую всеобщность и научную точность. Политико-экономъ справедливо считаетъ это своимъ прямымъ дѣломъ, и политическая экономія, какъ абстрактная или гипотетическая наука, не обязана и не можетъ сдѣлать ничего, кромѣ этого. Но совершенно искаженнымъ понятіемъ о дѣйствительномъ ходѣ человѣческихъ дѣлъ была бы мысль, что соперничество на самомъ дѣлѣ имѣетъ эту неограниченную силу. Я не говорю о естественныхъ и искусственныхъ монополіяхъ, не говорю о вмѣшательствахъ власти, измѣняющихъ свободный ходъ производства и обмѣна, — политико-экономы всегда принимали въ соображеніе эти вліянія, нарушающія дѣйствіе соперничества. Я говорю о такихъ случаяхъ, въ которыхъ дѣйствію соперничества нѣтъ никакихъ стѣсненій или препятствій ни отъ сущности дѣла, ни отъ искусственныхъ затрудненій, но въ которыхъ результатъ все-таки опредѣляется не соперничествомъ, а привычкою или обычаемъ, и соперничество или совершенно не дѣйствуетъ, или производитъ дѣйствія совершенно не такія, какія обыкновенно считаются естественнымъ его результатомъ.

Соперничество лишь съ недавняго времени стало оказывать сколько нибудь значительное вліяніе на экономическія условія между людьми. Чѣмъ отдаленнѣе отъ насъ время, тѣмъ исключительнѣе вліяніе неподвижныхъ обычаевъ на всѣ сдѣлки и обязательства. Причина тому очевидна. Обычай — сильнѣйшій защитникъ слабыхъ противъ сильныхъ; единственный защитникъ слабыхъ тамъ, гдѣ законы или правительство не въ силахъ защитить ихъ. Обычай — преграда, которую больше или меньше принуждено уважать тиранство даже при самомъ угнетенномъ состояніи людей. Свобода соперничества — пустой звукъ для трудящагося населенія въ бурномъ военномъ обществѣ; трудящіеся никакъ тутъ не могутъ спорить объ условіяхъ своего труда: тутъ всегда есть господинъ, властвующій на вѣсы свой мечъ, и условія опредѣляются такія, какія налагаетъ онъ. Но хотя дѣла и рѣшаются по праву сильнѣйшаго, сильнѣйшій не находитъ выгоды и вообще не имѣетъ охоты настаивать на исполненіи этихъ условій во всей ихъ суровости, а каждое смягченіе ихъ имѣетъ тенденцію становиться обычаемъ, всякій обычай становится правомъ. Не какое нибудь соперничество, а права, возникшія такимъ образомъ, опредѣляютъ при грубомъ положеніи общества ту часть продукта, которая предоставляется чело-

цѣлу, его производящему. Въ особенности опредѣлились обычаями страны до новѣйшихъ фазисовъ общественнаго развитія всѣ отношенія между землевладѣльцемъ и земледѣльцемъ и всѣ платежи земледѣльца землевладѣльцу. Только въ послѣднее время условія пользования землею стали, вообще говоря, дѣломъ соперничества; во всѣ прежнія времена было не такъ: человекъ, воздѣлывающій землю, обыкновенно считался тогда имѣющимъ право сохранять за собою эту землю, пока исполняетъ обычныя условія, и такимъ образомъ сдѣлался, какъ бы имѣющимъ нѣкоторое право собственности на землю, совмѣстно съ настоящимъ собственникомъ. Даже и тамъ, гдѣ земледѣлецъ не приобрѣлъ такой вѣчности пользования, условія пользования часто бывали постоянны и неизмѣнны.

Напримѣръ, въ Индіи и въ другихъ азіатскихъ обществахъ, имѣющихъ такое же устройство, райоты или поселяне-фермеры не считаются такими фермерами, которыхъ землевладѣлецъ можетъ прогнать когда хочетъ, или даже по истеченіи нѣдѣльнаго срока. Правда, почти во всѣхъ деревняхъ есть нѣкоторые райоты, находящіеся въ этомъ непрочномъ положеніи; но они—люди, поселившіеся тутъ недавно, или потомки людей, поселившихся не очень давно, во время еще памяти; а тѣ, которые считаются потомками или представителями первоначальныхъ жителей, почитаются имѣющими право сохранять за собою свою землю, пока платятъ обычную ренту; это право признается и за многими переселенцами, если они давно уже наняли свою землю. Надобно сознаться, что почти вездѣ уже затемнилось понятіе о первоначальной или правильной величинѣ этой обычной ренты: узурпація, тираннія и иноземное завоеваніе значительно исказили факты, по которымъ опредѣлялась бы эта величина. Когда старинное чисто гиндусское владѣніе переходитъ подъ власть британскаго правительства или подъ управленіе его агентовъ и когда начинается пересмотръ системы доходовъ, то обыкновенно оказывается, что фискальное хищничество расширило требованія государства, главнаго землевладѣльца, такъ что стерлись на практикѣ всѣ границы этихъ требованій; но все-таки оказывается, что считалось необходимымъ придумывать особенное имя и особенный предлогъ для каждаго лишняго требованія, такъ что, сверхъ собственно такъ называемой ренты, требовалось иногда еще 30 или 40 другихъ платежей. Къ этому окольному способу увеличивать платежи, нѣдѣрное не прибѣгли бы, если бы за землевладѣльцемъ было признанное право увеличивать ренту. Употребленіе этого средства—доказательство, что нѣкогда была обычная рента, которую нельзя было увеличивать, и что райотъ не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ имѣлъ нѣкогда право на землю, пока платилъ ренту, согласную съ обычаями (*). Бри-

(*). Древніе индійскіе законы называютъ подлежащей рентой шестую часть или четвертую часть продукта; но имѣть доказательствъ, чтобы правила, опредѣляющія эти законы, когда нибудь дѣйствительно соблюдались.

Прим. авт.

танское правительство въ Индіи всегда упрощаетъ систему повинностей поселянина, соединяя всѣ подати въ одну; черезъ это оно дѣлаетъ ренту, не только на фактъ, но и по закону, вещь произвольной или, по крайней мѣрѣ, подлежащей особенному соглашенію; но оно строго уважаетъ право райота на землю, хотя до реформъ нынѣшняго времени почти не оставляло ему земли больше, чѣмъ нужно для самаго скуднаго пропитанія (да и нынѣшнія реформы, имѣющія другой характеръ, еще не совсѣмъ приведены въ исполненіе).

Въ новой Европѣ земледѣльцы постепенно вышли изъ состоянія личнаго рабства. Варвары, завоевавшіе Западную Имперію, нашли, что легчайшимъ способомъ хозяйства надъ завоеванными землями будетъ для нихъ—оставить эти земли въ рукахъ прежнихъ жителей; они избавили себя отъ непріятнаго труда надзирать за толпами рабовъ, дозволивъ рабамъ сохранить нѣкоторую свободу дѣйствій, подъ обязанностью снабжать господина провизіею и трудомъ. Обыкновеннымъ способомъ для этого было давать въ исключительное пользованіе раба количество земли, считавшееся достаточнымъ для его продовольствія, и заставлять его исполнять на другихъ земляхъ господина всѣ работы, какія будутъ нужны. Эти неопредѣленные повинности постепенно преобразовались въ опредѣленную повинность—давать положенное количество провизіи или положенное количество труда. Со временемъ господа полюбили употреблять свой доходъ не на содержаніе свиты, а на покупку предметовъ роскоши, и платежи въ натурѣ были замѣнены денежными платежами. Каждая изъ этихъ уступокъ давалась первоначально по произволу господина, который могъ отнѣмать ее, но постепенно получала силу обычая, а наконецъ признавалась закономъ и приобрѣтала судебное охраненіе. Такимъ образомъ рабы постепенно возвысились до положенія свободныхъ фермеровъ, имѣвшихъ землю въ вѣчномъ пользованіи на неизмѣняныхъ условіяхъ. Эти условія были иногда очень тяжелы и народъ очень бѣдствовалъ. Но его повинности опредѣлялись обычаемъ или закономъ страны, а не соперничествомъ.

Гдѣ земледѣльцы никогда собственно не были въ личномъ рабствѣ, тамъ потребности бѣднаго и малоразвитаго общества породили другую систему, введенную и въ остальныхъ странахъ по уничтоженіи личнаго рабства; въ нѣкоторыхъ частяхъ Европы эта система оказалась настолько выгодною, что сохранилась донинѣ, несмотря на высокае развитіе ихъ земледѣлія. Я говорю о системѣ половничества. При ней земля раздѣлена на мелкія фермы; каждая семья имѣетъ такую ферму; землевладелецъ вообще даетъ капиталъ, считающійся нужнымъ по мѣстному земледѣльческому порядку, и вѣсто ренты и прибыли получаетъ положенную долю продукта. Эта доля, вообще уплачиваемая натурою, обыкновенно составляетъ половину продукта, какъ и обозначаютъ слова: половникъ *metayer*, *mezzaiuolo* и *medietarius*. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ на богатой вулканической почвѣ неаполитанскихъ провинцій, землевладелецъ беретъ двѣ трети, а поселянинъ, благодаря превосходному земледѣлію, все еще имѣетъ средства къ жизни. Но по-

дошину или двѣ трети беретъ землевладелецъ, во всякомъ случаѣ эта доля неизмѣнная, одинаковая для всѣхъ фермъ, не переизмѣняющаяся при перемѣнѣ фермеровъ: обычай страны служить всеобщимъ правиломъ, никто не думаетъ возвышать или понижать ренту, или дѣлать съ фермеромъ какія нибудь другія условія, несходныя съ обычными. Совершеннѣе совершенно не дѣйствуетъ на опредѣленіе величины ренты.

Раньше ренты подверглись вліянію соперничества цѣны тамъ, гдѣ нѣтъ монополій, и дѣйствіе соперничества на цѣны имѣетъ гораздо менше исключеній, чѣмъ его дѣйствіе на ренты; но и тутъ, даже и при нѣкоторой своей дѣятельности, торговое соперничество не имѣетъ такого безусловнаго вліянія, какъ предполагаютъ нѣкоторые писатели. Въ политико-экономическихъ книгахъ безпрестанно встрѣчается теорема, что не можетъ быть двухъ цѣнъ на одномъ рынкѣ. Дѣйствительно, таковъ естественный результатъ соперничества, не встрѣчающаго себѣ препятствій. Но каждый знаетъ, что почти всегда на одномъ и томъ же рынкѣ существуютъ двѣ цѣны. Въ каждомъ большомъ городѣ, почти въ каждой отрасли торговли, есть дорогия лавки и дешевыя лавки; мало того, въ одной и той же лавкѣ часто продается одинъ товаръ различными покупателями по разнымъ цѣнамъ и, вообще говоря, въ каждой лавкѣ норма цѣнъ приспособлена къ тому, какіхъ покупателей она имѣетъ. Оптовая торговля по главнымъ товарамъ дѣйствительно находится подъ владычествомъ соперничества: тутъ и покупщики и продавцы — купцы или фабриканты, и въ своихъ покупкахъ руководятся не безразсчетомъ или суетностью, а коммерческимъ расчетомъ. Потому объ оптовыхъ рынкахъ можно вообще сказать, что на нихъ дѣйствительно не бываетъ двухъ цѣнъ одной вещи въ одно время: въ каждомъ мѣстѣ, въ данное время, есть рыночная цѣна, которую можно обозначать въ прейсъ-курантѣ. Но въ розничной торговлѣ, гдѣ покупщикомъ бываетъ человѣкъ дѣйствительно потребляющій вещь, цѣна очень медленно и невольнѣ подчиняется дѣйствію соперничества; даже тамъ, гдѣ соперничество существуетъ, результатомъ его часто бываетъ не пониженіе цѣнъ, а только раздѣленіе прибыли отъ высокой цѣны между большимъ числомъ торговцевъ. Потому-то столь значительная часть цѣны, платимой покупателемъ, поглощается барышемъ розничныхъ торговцевъ, и тотъ, кто захочетъ узнать, какая доля изъ розничной цѣны доходить въ руки людей, производящихъ покупаемую имъ вещь, часто удивится ничтожности этой доли. Правда, если рынкомъ бываетъ большой городъ, въ которомъ занятіе розничною торговлею обѣщаетъ достаточную выгоду большимъ капиталистамъ, то вообще они найдутъ выгоднымъ для себя расширить свои обороты, подорвавъ другихъ торговцевъ пониженіемъ цѣны, не довольствуясь тѣмъ, чтобы дѣлиться съ ними полемъ оборотовъ. Такое вліяніе соперничества все сильнѣе и сильнѣе чувствуется въ главныхъ отрасляхъ розничной торговли въ большихъ городахъ. Быстрота и дешевизна перевозки, дѣлая покупщиковъ менѣе зависимыми отъ торговцевъ ближайшихъ окрестностей, ве-

дуть къ постепенному уподобленію всей страны большому городу. Но до сихъ поръ только въ большихъ торговыхъ центрахъ розничныя цѣны (вполнѣ или хотя въ значительной степени) опредѣляются соперничествомъ. Въ другихъ мѣстахъ оно или вовсе не дѣйствуетъ, или обнаруживаетъ свое дѣйствіе только временнымъ колебаніемъ цѣны; обыкновенной силой, ихъ опредѣляющей, остается обычай, по временамъ видоизмѣняемый существующими въ умахъ покупателей и продавцевъ понятіями о какой-то справедливости или сходности цѣны.

Во многихъ отрасляхъ торговли условія продажи опредѣляются формальнымъ соглашеніемъ между торговцами, общество которыхъ всегда имѣетъ средства сдѣлать ватруднительнымъ или неприятнымъ положеніе каждаго изъ членовъ этой корпораціи, отступающаго отъ положенныхъ правилъ. Извѣстно, что до недавняго времени книжная торговля находилась въ такомъ положеніи, и что, несмотря на дѣятельное соревнованіе въ ней, соперничество не производило своего натурального дѣйствія, не разрушало положенныхъ торговцами цѣнъ. Во всѣхъ свободныхъ профессіяхъ вознагражденіе опредѣляется обычаемъ. Плата получаемая медиками, адвокатами почти одинакова для всѣхъ медиковъ и для адвокатовъ; всѣ ходатаи по дѣламъ берутъ почти одинаковую плату. Причиной тому служатъ, конечно, не недостатки большаго соперничества въ этихъ профессіяхъ. Но соперничество тутъ дѣйствуетъ не тѣмъ, что понижаетъ плату, а тѣмъ, что уменьшаетъ шансы каждаго къ полученію платы.

Мы видимъ, что обычай выдерживаетъ борьбу съ соперничествомъ очень успѣшно даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ духъ соперничества чрезвычайно силенъ, по многочисленности соискателей и по общей энергій стремленія всѣхъ ихъ къ выгодѣ; если такъ, то навѣрное можно ожидать, что обычай держится еще тверже тамъ, гдѣ люди довольствуются меньшими денежными выгодами, не столь дорожа ими по сравненію съ своимъ удобствомъ или удовольствіемъ. Я увѣренъ, что на континентѣ Европы мы часто найдемъ въ однихъ мѣстахъ гораздо высшія цѣны нѣкоторыхъ или всѣхъ товаровъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, находящихся по близости, и что не найдемъ для этой разницы никакихъ причинъ, кромѣ той, что всегда было такъ, что покупатели привыкли и не ищутъ другихъ цѣнъ. Предпримчивый соискатель съ достаточнымъ капиталомъ могъ бы понизить цѣны и разбогатѣть, понижая ихъ; но такихъ предпримчивыхъ соискателей нѣтъ. Капиталисты оставляютъ свой капиталъ по прежнему въ другихъ занятіяхъ и ищутъ большей прибыли, чтобы не беспокоить себя.

Эти замѣчанія должны считаться общими оговорками ко всѣмъ выводамъ, которые будутъ изложены въ слѣдующихъ частяхъ нашего трактата, касающихся до дѣйствій соперничества: всѣ выводы о немъ подлежатъ этимъ оговоркамъ, хотя бы мы гдѣ нибудь и не упомянули о томъ прямо. Вообще мы должны будемъ рассуждать такъ, какъ будто бы соперничество дѣйствительно производитъ свои общезнаемые, естественные результаты всегда, когда не отстраняется какою нибудь

положительную преграду. Но гдѣ соперничество не существуетъ, хотя могло бы существовать, или гдѣ его естественныя послѣдствія преодолеваются какимъ нибудь другимъ явленіемъ, тамъ эти наши заключенія будутъ не вполне приложимы, и для избѣжанія ошибки въ примѣненіи выводовъ политической экономіи къ дѣламъ дѣйствительной жизни мы должны соображать не только тотъ результатъ, какой произойдетъ при гипотезѣ полнаго дѣйствія соперничества, — мы должны также соображать, какъ видоизмѣнится этотъ результатъ, если соперничество не оказываетъ полнаго своего дѣйствія.

Такиимъ образомъ, хорошъ ли, дуренъ ли принципъ соперничества, онъ не можетъ считаться всеобщимъ принципомъ экономической дѣятельности. Лишь съ недавняго времени, даже и въ передовыхъ странахъ, сталъ онъ господствовать хотя надъ нѣкоторыми сторонами экономической жизни; прежде и тутъ онъ былъ слабѣе обычая. Въ другихъ сторонахъ промышленной жизни обычай сохраняетъ веревѣсь надъ соперничествомъ даже и въ передовыхъ странахъ, даме и до сихъ поръ. Вообще можно провести между этими сферами такую границу: гдѣ покупателемъ является коммерческій человекъ, тамъ условія сдѣлки опредѣляются соперничествомъ; это — область покупокъ не на собственное потребленіе, а на перепродажу; это — область биржевыхъ дѣлъ и дѣлъ, имѣющихъ коренное сходство съ биржевыми операціями. Напротивъ того, гдѣ покупщикомъ бываетъ не коммерческій человекъ, а потребитель, тамъ условія сдѣлки вообще подчиняются обычаю; это — область покупокъ на личное потребленіе. Таково общее разграниченіе сферы соперничества отъ сферы обычая въ покупкѣ вещей, которыя покупаются сначала купцомъ у производителя, потомъ потребителемъ у купца, какъ предметы потребленія, — напимѣръ, нища, одежда, топливо и разныя принадлежности домашняго хозяйства, вообще такъ-называемая движимая собственность. Недвижимая собственность, которая покупается не на потребленіе, а на полученіе отъ нея постояннаго дохода, имѣетъ нѣсколько иной характеръ. Приобрѣтеніе дома или участка земли обыкновенно бываетъ дѣломъ, совершаемымъ не наскоро, не безъ справокъ, не дѣломъ обыденнымъ: тутъ покупатель, хотя бы и не былъ коммерческимъ человекомъ, старается дѣйствовать по коммерческимъ правиламъ: хлопотливо разыскиваетъ, выжидаетъ, подвергаетъ предметъ техническому осмотру и т. д. Слѣдовательно, тутъ по-видимому всѣ сдѣлки должны бы совершаться по принципу соперничества. Дѣйствительно, покупатель и слѣдуетъ ему, насколько онъ допускается сущностью покупаемаго предмета. Но самая сущность покупаемаго предмета тутъ очень упорно отстраняетъ отъ

себя точное дѣйствіе коммерческаго принципа соперничества. Одинаковыхъ тюковъ хлопчатой бумаги, одинаковыхъ кусковъ коленакора, одинаковыхъ четвертей хлѣба одного сорта существуетъ одновременно въ продажѣ безчисленное множество въ рукахъ разныхъ продавцовъ. Да и разные сорта каждаго изъ такихъ товаровъ выравниваются очень легко, потому что всякій сортъ безпрестанно проходитъ черезъ руки коммерческихъ людей, этихъ, такъ-сказать, пробирныхъ мастеровъ по оцѣнкѣ всякихъ товаровъ. Недвижимая собственность вообще не идетъ черезъ коммерческія руки, — она переходитъ отъ владѣльца, имѣвшаго ее долговременнымъ своимъ владѣніемъ, прямо къ такому покупщику, который также намѣренъ постоянно держать ее въ своемъ владѣніи, а не то, что беретъ ее только на перепродажу. Если примѣнить къ этому дѣлу терминъ «потребленіе» (въ косвенномъ смыслѣ пользованія доходомъ, и въ противоположность коммерческой покупки, имѣющей своею цѣлью не пользованіе доходомъ, а выигрывать отъ перепродажи, какъ можно болѣе быстрой), то надобно сказать, что недвижимая собственность знаетъ только потребителей, а купцовъ не знаетъ. Банкиръ, покупающій домъ или помѣстье, является не биржевымъ человекомъ, а простымъ потребителемъ, все равно какъ когда заказываетъ обѣдъ. Такимъ образомъ недвижимая собственность вообще не подвергается такой правильной оцѣнкѣ, какъ движимая. Но еслибъ и подвергалась, успѣхъ оцѣнки не былъ бы такъ точенъ, потому что каждый предметъ недвижимой собственности имѣетъ въ себѣ индивидуальность, и нѣтъ громадной массы совершенно одинаковыхъ предметовъ, подъ цѣну которыхъ можно было бы подвести его. Коленкоръ на манчестерской биржѣ и на калькутской биржѣ — это одно и то же; стоимость провоза вычисляется до послѣдней копѣйки. Потому, при обыкновенномъ ходѣ биржевыхъ дѣлъ, калькутскіе обороты коленкоромъ опредѣляются манчестерскими, и наоборотъ. Но найдете ли вы въ цѣломъ свѣтѣ хотя два дома, столь одинаковые, какъ двѣ штуки одинаковаго коленакора? Найдете ли хотя два помѣстья, совершенно одинаковыя? Негоціантъ знаетъ, что за тысячу бочекъ сала или тюковъ хлопчатой бумаги онъ можетъ дать столько-то тысячъ рублей со столькими-то сотнями, десятками, единицами рублей, столькими-то десятками и единицами копѣекъ, — да, копѣйка въ копѣйку: одною копѣйкою больше это ужъ будетъ дорого, нерасчетливо. Но сколько стоитъ этотъ домъ? Около 20,000 р., — но можетъ быть и не больше 19 тысячъ, а можетъ быть и больше 21 тысячи, — тутъ на 10%, даже на 15, на 20% — неопредѣленность, неизвѣстность. Помѣстье — это своего рода такая же вещь относительно оцѣнки, какъ, напримеръ, умъ чело-

вѣка или какая нибудь картина. Разумѣется, дурака отъ умнаго отличить легко, а гениальнаго человѣка отъ человѣка съ обыкновеннымъ умомъ тоже легко отличить, — но извольте-ко опредѣлить степени ума точнымъ образомъ. Такъ легко видѣть, что Осинковка должна стоить дороже Ивановки, а Павлово гораздо дороже самой Осинковки; а на сколько именно? Разумѣется, тутъ, по необходимости, останавливаются на какой нибудь цифрѣ, но зато ужъ и цифра такая, — по крайней мѣрѣ два нуля на концѣ. Развѣ продается когда нибудь берковецъ сама на биржѣ ровно по 50 рублей? Развѣ стоитъ когда-нибудь какая-нибудь биржевая бумага ровно *à pari*, безъ всякой преміи и безъ всякаго упадка? Какъ же это домъ можетъ продаваться ровно за 20 тысячъ рублей, а не за 21,378 рублей 19 коп.? Это значитъ — точной оцѣнки ему нѣтъ; это значитъ, въ его цѣнѣ существуетъ значительная степень неизвѣстности.

Таимъ образомъ изъ двухъ разрядовъ имущества принципъ соперничества обыкновенно стремится господствовать надъ продажей недвижимой собственности, но по неудобству точной оцѣнки предметовъ этого рода, онъ вовсе тутъ не достигаетъ опредѣлительности, въ которой и заключается его сила; дѣйствуя тутъ постоянно, онъ постоянно тутъ дѣйствуетъ слишкомъ шатко. Съ полной опредѣлительностью онъ дѣйствуетъ въ биржевыхъ и похожихъ на биржевые продажахъ другаго рода имущества — въ продажахъ предметовъ движимой собственности; но опять слишкомъ слабъ оказывается въ продажахъ отъ кушца потребителямъ, а чрезъ этотъ видъ продажъ проходятъ всѣ товары, подвергающіеся продажамъ перваго вида, и кромѣ того, безчисленное множество товаровъ, не подвергающихся продажамъ въ видѣ биржевыхъ.

Такое неполное дѣйствіе принадлежитъ принципу соперничества при самомъ высшемъ его развитіи въ самыхъ передовыхъ странахъ; въ другихъ земляхъ до сихъ поръ остается, а до недавняго времени во всѣхъ странахъ былъ кругъ его дѣйствій еще несравненно тѣснѣе. Спрашивается теперь: что же можетъ сказать намъ господствующая теорія политической экономіи о всемъ этомъ большинствѣ экономическихъ сдѣлокъ, условія которыхъ или вовсе не подчинены принципу соперничества или сильнѣе, чѣмъ ему, подчинены другимъ элементамъ экономической жизни? — Съ обыкновенною своею добросовѣстностью Милль, какъ мы видѣли, прямо говорить, что эту часть экономическихъ сдѣлокъ она не въ силахъ подвести ни подъ какія правила: «только принципъ соперничества, даетъ политической экономіи возможность научнаго характера. Законы ренты, прибыли, рабочей платы, цѣнъ могутъ быть указываемы лишь на-столько, на-сколько опредѣляются соперничествомъ.»

Говорятъ: «тѣ экономическія сдѣлки, которыя еще не опредѣляются соперничествомъ, находятся въ перазвитомъ, неудовлетворительномъ положеніи». Но мы видѣли, что значительнѣйшая половина экономическихъ сдѣлокъ, вѣроятно, никогда не могутъ и получитья принципу соперничества на-столько, чтобы войти въ теорію, основанную исключительно на немъ; пусть эта часть экономической жизни называется недостигнутою высочайшаго развитія; но что жъ дѣлать, если она не можетъ достигъ его? Значить, она никогда не подойдетъ подъ господствующую нынѣ теорію; значить, эта теорія, какъ бы хороша ни казалась сама себѣ, должна прямо сознаться, что она не — теорія экономической жизни, а лишь теорія нѣкоторыхъ частныхъ формъ этой жизни, что она не — наука, а лишь одинъ отдѣлъ науки; къ полной экономической теоріи она относится такъ же, какъ анатомія руки относится къ цѣлой наукѣ, называемой анатоміей, какъ монографія объ Англіи относится къ географіи.

Какъ сама господствующая теорія оказывается лишь одной частью цѣлой экономической теоріи, такъ и принципъ ея, соперничество, оказывается лишь частнымъ видоизмѣненіемъ болѣе общаго экономического принципа, видоизмѣненіемъ, заимствующимъ свою частную особенность отъ частной особенности тѣхъ сторонъ экономической жизни, къ которымъ примѣняется. Послѣ сдѣланныхъ нами замѣчаній, не трудно открыть, въ чемъ состоитъ особенность фактовъ, придающая частный характеръ общему экономическому принципу, который въ этой своей частной формѣ является соперничествомъ.

Мы видѣли, что соперничество является въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ покупатель—коммерческій человѣкъ, покупающій не на потребленіе, а на перепродажу. Этотъ элементъ сдѣлки,—ея назначеніе служить лишь средствомъ для новой продажи, и составляетъ характеристическую особенность оборотовъ, принадлежащихъ сферѣ соперничества. Но форма перепродажи, конечно, всякимъ будетъ признана лишь за частную форму полученія экономической выгоды, лишь за одинъ изъ множества способовъ, какими стремится человѣкъ выиграть что нибудь въ экономическомъ отношеніи. Отбросимъ же эту частную черту, чтобы осталось у насъ болѣе общее понятіе,—и каждому очевидно, какое понятіе останется у насъ: останется «расчетъ экономической выгоды», короче можно сказать, просто расчетъ выгоды (потому что экономическая наука и безъ всякихъ оговорокъ ясно указываетъ именно только на экономическую выгоду, когда говоритъ просто о выгодѣ), а еще короче можно сказать,

просто «разсчитать» или «разсчитливость» (потому что само собою разумеется, какова цѣль разсчета — выгода).

Конечно, когда мы возведемъ въ общій принципъ науки, вмѣстѣ понятія «сопоришчество», такое общее понятіе, какъ «экономическая разсчитливость», наука получаетъ въ основаніе себѣ идею, имѣющую гораздо менѣе опредѣлительныхъ признаковъ, уже безъ всякой переработки готовыхъ на примѣненіе къ тому или другому данному случаю. Но такова натура всей серіи основныхъ принциповъ во всѣхъ наукахъ: удѣльный вѣсъ золота или воды — понятіе съ большимъ числомъ признаковъ, чѣмъ законъ тяжести; а законъ тяжести на землѣ имѣетъ гораздо больше признаковъ, чѣмъ законъ всеобщаго тяготѣнія; законы пищеваренія въ человѣческомъ организмѣ опредѣляются большимъ числомъ признаковъ, чѣмъ общіе законы пищеваренія въ животныхъ организмѣхъ, а законъ питанія, обнимающій собою всѣ органическія существа, имѣетъ еще меньше признаковъ. Что жь дѣлать, — таково ужь свойство природы и таковъ законъ математики, что число признаковъ каждаго принципа или понятія обратно пропорціально его обширности. Мы вовео не то говоримъ, что частныя принципы частныхъ подраздѣленій научнаго предмета не имѣютъ важности или не хороши на своемъ мѣстѣ; напротивъ; они драгоценны; напротивъ, прекрасно заботиться объ ихъ отысканіи; сдѣлайте одолженіе, разъясните не только то, какъ совершается пищевареніе у человека вообще, но и тѣ видоизмѣненія, какія оно имѣетъ у эскимоса, питающагося жиромъ, и у гиндуса, питающагося рисомъ; сдѣлайте одолженіе, изучайте еще глубже частныя случаи, — подраздѣляйте гиндуса на раджу, земиндара, простолюдина, опишите пищу каждаго, изучайте особенныя вліянія каждаго изъ этихъ сортовъ пищи. Все это прекрасно и очень полезно; но разсудите же, что выйдетъ чепуха, если вы станете воображать общимъ закономъ предмета частный законъ, проявляющійся лишь въ одномъ видоизмѣненіи предмета: вѣдь нельзя же, напримѣръ, повторить объ эскимосѣ всего, что говорится о гиндусѣ, или вообще повторить объ органическомъ существѣ всего того, что говорится о человѣкѣ. Вѣдь нельзя же, напримѣръ, было бы совѣтовать овцѣ питаться говядиной или утверждать, что на Уранѣ полѣ тропиками растутъ финиковыя пальмы. Есть еще другой источникъ непростительныхъ натяжекъ: воображать, что какая бы то ни была форма предмета — безусловная форма, что внѣ этой формы не могутъ проявляться силы, ее создающія при извѣстныхъ условіяхъ, и что какая бы то ни было изъ существующихъ формъ проявленія какой бы то ни было силы не замѣнится современемъ другою формою.

Объ эти ошибки дѣлаетъ господствующая экономическая теорія съ своимъ принципомъ соперничества. Форму, принимаемую силой экономическаго разчета лишь въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ, она хочетъ считать всеобщимъ закономъ цѣлой экономической дѣятельности и провозглашаетъ эту частную форму — самымъ высшимъ воплощеніемъ экономическаго разчета, идеаломъ, совершеннѣе котораго люди не могутъ ничего ни создать, ни даже придумать. Первая ошибка, кажется, достаточно раскрыта теоріею; чтобы замѣтить ее, достаточно было лишь обозрѣть главные разряды экономическихъ фактовъ. Чтобы очевидно обнаружилась вторая ошибка, нужно имѣть лишь нѣкоторую, даже хоть и небольшую, привычку къ логическому мышленію.

Въ самомъ дѣлѣ, какое условіе ставитъ логика для признанія извѣстной формы явленія за форму не то, что совершенную, безусловную, а хотя бы за скольконибудь удовлетворительную? Логика говоритъ, что для этого форма дѣла должна соответствовать самой натурѣ дѣла, то есть общей совокупности всѣхъ коренныхъ его качествъ, а не одному какому нибудь внѣшнему признаку или симптому дѣла. Напримѣръ, удовлетворительно ли гражданское устройство южныхъ штатовъ Сѣверной Америки, гдѣ юридическое положеніе человека опредѣляется не характеромъ его, а цвѣтомъ кожи? Удовлетворительно ли такое леченіе, которое основывается не на распознаваніи сущности болѣзни, а на внѣшнихъ симптомахъ ея? Удовлетворительна ли зоологическая классификація не по устройству цѣлаго организма, а по какой нибудь принадлежности его, напримѣръ, по устройству зубовъ? Всѣ такіе случаи не выдерживаютъ ни малѣйшей критики.

Точно такъ же неудовлетворителенъ и тотъ экономическій разсчетъ, который основывается не на качествахъ самого предмета, не на соображеніи потраченныхъ на его производство элементовъ, не на стоимости предмета, а на его цѣнѣ. Разумѣется, цѣна предмета почти всегда находится въ нѣкоторой связи съ его стоимостью, но связь эта никогда не бываетъ безусловно точна, а болѣею частью бываетъ вовсе неточна и очень шатка. Въ нынѣшнемъ году при употребленіи даннаго количества труда и капитала на десятину, — назовемъ это количество 24, — родилось на десятинѣ 6 четвертей хлѣба; стоимость четверти будетъ 4 единицы труда и капитала, и цѣна четверти, положимъ, будетъ 4 рубля. Въ слѣдующемъ году при той же затратѣ силъ родилось только 4 четверти; стоимость четверти будетъ 6 единицъ, но цѣна ея, какъ извѣстно всякому, никакъ уже не будетъ 6 рублей, а непремѣнно будетъ гораздо больше. На третій годъ при той же затратѣ силъ родилось 8 четвертей; стоимость чет-

зертн будетъ 3 единицы, но цѣна ея никакъ не будетъ 3 рубля, а непременно будетъ гораздо меньше. Спрашивается теперь: удобна ли для прочнаго хода земледѣльческаго хозяйства такая норма расчета, которая не имѣетъ точной зависимости ни отъ количества употребляемыхъ на хозяйство силъ, ни отъ степени успѣшности результатовъ, достигаемыхъ хозяйствомъ? Политико-экономы очень подробно, горячо и превосходно доказываютъ, что экономическія дѣла никакъ не могутъ идти успѣшно въ обществѣ, въ которомъ денежная единица не имѣетъ совершенно точной опредѣленности, совершенно неизмѣннаго постоянства. Прекрасная и очень важная истина. Но мы спрашиваемъ теперь: не точно ли таково же и влияние недостатка неизмѣнной и точной пропорціи между степенью успѣшности дѣла и количествомъ выручки за него? Нынѣ чловѣкъ продаетъ свой товаръ за 10 франковъ, и эти 10 франковъ составляютъ 50 граммовъ серебра; черезъ годъ продавая товаръ такъ же за 10 франковъ, онъ получаетъ въ этихъ 10 франкахъ только 45 граммовъ серебра, то есть получаетъ право приобрести на всемирномъ рынкѣ только $\frac{9}{10}$ частей той суммы цѣнностей, на какую получалъ право годъ тому назадъ. Такая шаткость никуда не годится; при ней невозможенъ никакой плуный порядокъ въ экономической дѣятельности. Такъ; потому во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ принять принципы неизмѣнности денежной единицы. Но и при неизмѣнности ея, развѣ не скрывается точно такое же зло въ обстоятельствахъ, нами рассматриваемыхъ? Пусть франкъ неизмѣненъ. Но развѣ чловѣкъ не сбивается съ толку въ своей экономической дѣятельности, когда при затратѣ 200 франк. на воздѣлываніе гектара, онъ въ нынѣшнемъ году, при урожаѣ въ 12 гектолитровъ получаетъ по 20 франковъ за гектолитръ, то есть 240 франковъ выручки съ гектара, то есть 20% прибыли; въ слѣдующемъ году, при урожаѣ въ 10 гектолитровъ, получаетъ по 30 франковъ за гектолитръ, то есть 300 франковъ выручки съ гектара, то есть 50% прибыли; а на третій годъ, при урожаѣ въ 13 гектолитровъ, получаетъ лишь по 15 франковъ за гектолитръ, то есть 195 франковъ выручки съ гектара, то есть подвергается убытку въ $2\frac{1}{2}\%$? Въдъ это — путаница точно такого же рода, какъ отъ колебанія денежной единицы. Или нѣтъ, путаница гораздо худшаго рода: тамъ колебаніе шло независимо отъ успѣшности дѣла, и какіе бы незаслуженные убытки или незаслуженныя прибыли ни получалъ чловѣкъ отъ перемѣны денежной единицы, все-таки чѣмъ успѣшнѣе шло его дѣло, тѣмъ меньше была убытокъ или тѣмъ больше была его прибыль. А здѣсь шаткая связь выручки съ успѣшностью дѣла ведетъ къ прямой противоположности выгодъ отъ дѣла съ его успѣшностью: чѣмъ меньше собрано хлѣба земле-

дѣльческими козлевами, тѣмъ больше получаютъ они прибыли; тѣмъ больше собрано ими хлѣба, тѣмъ больше шансъ для нихъ потерять убытокъ. Согласитесь, что такая норма расчета—прямая премія за безуспѣшность труда, прямой штрафъ за успѣшность его, прямое возбужденіе къ неподвижности или ухудшенію общественнаго положенія, прямое отвлеченіе человѣка отъ охоты къ улучшеніямъ.

Мы вонсе не то хотимъ сказать, что общественное положеніе въ какой бы то ни было странѣ становится хуже или хотя остается неподвижно; нѣтъ, мы положимъ, что оно постепенно улучшается во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Но мы говоримъ, что если въ цивилизаціи, въ успѣхахъ знаній лежитъ необходимая сила улучшать общественный бытъ, то наводятся въ общественномъ бытѣ элементы, мѣшающіе этой силѣ прогресса, и что одинъ изъ такихъ элементовъ — недостаточность точной и неизмѣнной пропорціи между успѣшностью дѣла и степенью выгодъ отъ него для трудившагося надъ нимъ, — шаткость, происходящая изъ неудовлетворительности нормы расчета, называемой соперничествомъ.

Человѣку, сколько нибудь сообразительному, слѣдуетъ слышать толки рутинныхъ политико-экономовъ о необходимости и неизбѣжности соперничества. Мы знаемъ, что принципъ этотъ приимается лишь къ одному изъ обстоятельствъ экономической жизни, — къ феномену покупки и продажи; мы знаемъ, что все тѣ труды и продукты, которые идутъ на собственное потребленіе производителя, не поступая въ продажу, остаются неподвластны соперничеству, и никакъ не могутъ стать подвластны ему (*). Мы спрашиваемъ: по-

(*) Тутъ могутъ сдѣлать возраженіе, довольно тонкое. Известно, что человѣкъ перестаетъ производить предметъ на личное свое потребленіе, когда рассчитываетъ, что выгоднѣе или, вообще, удобнѣе ему покупать этотъ предметъ. Такъ постепенно перестаютъ люди прясть и ткать холстъ и сукно для своего домашняго обихода, предпочитаютъ покупать эти вещи. Слѣдовательно, принципъ соперничества захватываетъ подъ свою власть производство на собственное потребленіе, — захватываетъ тѣмъ, что уничтожаетъ его, ставитъ вмѣсто него покупку на свое потребленіе въ обмѣнъ за товаръ, производимый на продажу. Такъ; но все-таки остается очень обширная область дѣлъ и продуктовъ, въ которую не проникаетъ это вліяніе. Какъ за обѣдомъ, изготовленіе котораго поручено особенному ремесленнику, повару, человѣкъ оставляетъ самому себѣ изготовленіе нѣкоторыхъ принадлежностей обѣда, напримеръ самъ дѣлаетъ салатъ (поваръ вѣроятно сдѣлалъ бы это искуснѣе; но что вы прикажете дѣлать со мной, когда я не хочу поручать ему того?), такъ и въ важныхъ случаяхъ экономическаго производства есть вещи, которыя не поддаются вліянію соперничества, не покупаются, а производятся дома. Каждому пріятно имѣть овощи изъ своего огорода, хотя покупка ихъ и обошлась бы дешевле домашняго производства. Такихъ случаевъ очень много. Мы не станемъ перечислять ихъ, потому что усердно занимаются такими перечнями рутинные экономисты, когда спорятъ противъ

уже ли эти труды совершаются, эти труды производятся безъ всякаго расчета экономической выгоды? Если, напримеръ, женщина шьетъ или чинитъ бѣлье для своего семейства, а не на продажу, неуменна не заботится она, чтобы работа ея шла успешно, чтобы материалы и орудія, — нитки, иглолки, куски ситца или холста, — расходовались на работу какъ можно экономнѣе, словомъ сказать, чтобы стоимость продукта была наименьшая? Когда она готовитъ кушанье для своего семейства, развѣ не дѣйствуетъ она съ такою же расчетливостію? Когда мужъ ея производитъ разные починки по домашнему хозяйству, развѣ не поступаетъ онъ точно такъ же? Значитъ, экономическій расчетъ существуетъ и безъ формы соперничества.

Да и какъ ему не существовать безъ нея? Развѣ можетъ человѣкъ, съ какою бы цѣлію ни работалъ, на себя или на другихъ, для продажи или не для продажи, не заботиться о томъ, чтобы употребить для полученія извѣстнаго продукта какъ можно меньшее количество труда, или при употребленіи извѣстнаго количества труда получить какъ можно большее количество продукта или продуктъ какъ можно лучшаго качества? Не руководится такимъ расчетомъ — это не въ силахъ человѣка, какъ не въ силахъ его не заботиться о томъ, чтобы вообще было ему лучше и легче (*).

Фаланстеріанцевъ и всякихъ коммунистовъ, у которыхъ впрочемъ все не о томъ и рѣчь идетъ, чтобы отнять у человѣка удовольствіе имѣть свой огородъ, свою комнату, свою мебель, и т. д.

(*) Пожалуй, и тутъ можетъ представиться возраженіе, но только уже отъ совершеннаго непониманія предмета. Могутъ сказать: наемный работникъ, а еще гораздо замѣнѣе — работникъ при обязательномъ трудѣ не заботится ни о хорошемъ качествѣ продукта, ни о томъ, чтобы наработать много продукта. Разумѣется, нѣтъ; онъ заботится исключительно объ уменьшеніи своего труда, о томъ, чтобы работать какъ можно меньше. Разумѣется, каждый заботится о томъ, въ чемъ заинтересованъ. Если человѣкъ исполняетъ работу въ свою пользу, главная мысль у него заработать побольше или получше; если же не въ свою пользу, то главная мысль у него получить плату за количество работы, какъ можно меньшее, и если вы вникните въ этотъ второй случай, онъ окажется по принципу одинаковъ съ первымъ, хотя и противоположенъ ему по результатамъ для хозяина. Наемный работникъ получаетъ извѣстныя деньги, то есть право на приобрѣтеніе извѣстной суммы продуктовъ за свою работу; и когда онъ старается работать какъ можно болѣе мало, небрежно, онъ старается о томъ, чтобы эта сумма продуктовъ обошлась ему въ количество труда, какъ можно меньшее. Точно такой же расчетъ и у работника, исполняющаго обязательный трудъ. Негръ содержится своимъ владѣльцемъ для работы; и когда работаетъ лѣнливо, онъ заботится собственно о томъ, чтобы назначенное ему содержаніе прибрѣталось для него сколь возможно меньшимъ количествомъ труда. Цѣль у работника-хозяина и у наемнаго работника одна и та же, — чтобы наименьшимъ количествомъ труда достигать наибольшаго результата; только

Но если принципъ сочетанія труда и возникающей изъ него об-
и́нъ составляетъ степень экономическаго развитія, высшую, чѣмъ
патріархальная система производства всѣхъ предметовъ потребленія
въ самомъ семействѣ только для этого семейства, то и форма сопер-
ничества, которую принимаетъ экономическій расчетъ на этой бо-
лье высокой ступени развитія, вѣроятно должна заключать въ себѣ
при всей своей неудовлетворительности какіе нибудь элементы пре-
восходства надъ формою расчета, существующаго въ патріархаль-
номъ производствѣ. Конечно такъ, и открыть эти элементы не
трудно. Какія данныя для своей расчетливости имѣетъ производи-
тель въ патріархальномъ бытѣ? Только свой личный или семейный
опытъ, съ прибавкою довольно скудныхъ свѣдѣній о производствѣ у
нѣкоторыхъ сосѣдей. Когда является биржа или возникаютъ хета
зародыши ея, ярмарки и покупки товаровъ купцами для перепро-
дажи, кругъ сравненія чрезвычайно расширяется. Являясь на ба-
зарѣ, на ярмарку, на биржу, производитель видитъ свой товаръ
сравниваемымъ съ подобными товарами всѣхъ производителей цѣ-
лаго обширнаго округа или цѣлой страны, цѣлаго свѣта; формою
сравненія успѣшности производства тутъ служить цѣна. Произво-
дитель возбуждается къ заботѣ объ усовершенствованіяхъ уже не
одними своими личными наблюденіями и знакомствами, а вслѣдствіемъ
усовершенствованіемъ у кого бы-то ни-было, гдѣ бы-то ни-было
достигнутымъ. Словомъ сказать, перевѣсъ соперничества надъ па-
тріархальными средствами расчета тотъ, что оно сближаетъ рас-
счеты гораздо большаго числа производителей.

Есть у него и другое преимущество. При патріархальномъ рас-
счетѣ остается на произволъ производителя принимать или не
принимать даже тѣ усовершенствованія, съ которыми онъ знако-
мится изъ скудныхъ источниковъ свѣдѣній того быта. А въ человѣ-
кѣ, кромѣ экономическаго расчета, кромѣ стремленія къ выгодѣ,
существуютъ наклонности, прямо противоположныя этому стрем-
ленію. Изъ нихъ главныя: наклонность пристращаться къ рутинѣ и
обольщаться фальшивымъ самолюбіемъ.—«Э, проживемъ по пре-
жнему. Отцы и дѣды не глупѣе насъ были», и т. д.—«Славны бубны
за горами. — Я самъ не глупѣе другихъ», и т. д. Нѣтъ надобности
говорить, какъ часто эти враждебныя прогрессу наклонности под-

---

формы этого стремленія различны, смотря потому, какой изъ двухъ терминовъ
пропорціи принимается за величину опредѣленную: если количество труда
(какъ у работника-хозяина), то выгодность пропорціи состоитъ въ увеличеніи
продукта; если же количество продукта, выгодность пропорціи достигается
уменьшеніемъ количества труда.

чиняютъ себѣ чловѣка до того, что не дозволяютъ ему учиться и измѣнять способъ своихъ дѣйствій сообразно его выгодѣ. При формѣ соперничества расчетъ выгоды пріобрѣтаетъ силу физической необходимости; въ этой формѣ онъ довольно быстро одолеваетъ и рутину и фальшивое самолюбіе.

Мы не распространяемся объ этихъ преимуществахъ, потому что они очень подробно и рѣзко выставляются на видъ въ каждомъ рутинномъ курсѣ политической экономіи. Но признавая громадный перевѣсъ формы соперничества надъ формами патріархальнаго расчета, мы не можемъ скрыть, что она все еще далеко не представляетъ удобства, требуемыхъ теоріею науки. Просимъ читателя не приписывать намъ того направленія мыслей, которое ясно отвергается всѣмъ ходомъ нашего изложенія. Когда кто нибудь находитъ недостатки въ настоящемъ или новомъ, консервативная толпа возражателей кричитъ, что онъ хочетъ возвратитъ старину. Въ большей части случаевъ крикъ этотъ поднимается только отъ ослѣпленія. Но дѣйствительно случается довольно часто и то, что экономическіе реформаторы или употребляютъ неосторожныя выраженія, или даже и на самомъ дѣлѣ допускаютъ въ своихъ понятіяхъ притѣсь предубѣжденій о достоинствахъ старины. Напримѣръ, доказывая неудовлетворительность соперничества, выражаются или думаютъ такъ, какъ-будто лучше его были формы, имъ вытѣсняемыя. Мы не имѣемъ ничего подобнаго такому взгляду въ своихъ мысляхъ и стараемся (не знаемъ, успѣваемъ ли) выразиться такъ, чтобы не возбуждать ошибочныхъ мыслей въ этомъ отношеніи. Настоящее нисколько не представляется для насъ удовлетворительнымъ; новое не представляется идеаломъ совершенства. Но кажется ясно бываетъ изъ нашихъ словъ, что мы судимъ тутъ по требованіямъ науки, по средствамъ, какими снабжаетъ она чловѣка, а не по старинному еще менѣе удовлетворительному быту. Не о томъ рѣчь, лучше ли стараго новое, удовлетворительнѣе ли настоящее прошедшаго; рѣчь о томъ, не слѣдуетъ ли иснать еще лучшаго и не имѣетъ ли чловѣкъ уже и теперь средствъ ввести въ свой бытъ принципы, которые были бы на-столько же лучше нынѣшнихъ, на-столько нынѣшніе лучше какихъ-нибудь чисто варварскихъ старинныхъ. Напримѣръ: если мы видимъ, что положеніе наемнаго работника неудовлетворительно, а работа его слишкомъ неуспѣшна, разумѣется, тутъ нѣтъ у насъ ничего подобнаго пристрастію къ какой-бы-то ни было формѣ невольничества, — наемный трудъ гораздо лучше невольническаго, тутъ и разсуждать нечего, это доказывается въ каждомъ курсѣ политической экономіи, — нѣтъ, у насъ въ виду другое положеніе, положеніе хозяина. Точно такъ же мы говоримъ и о

принципъ соперничества. Его недостатки—недостатки не по сравненію съ патріархальными формами расчета, а съ тѣми формами, какихъ требуетъ разумъ.

Посмотримъ же, удовлетворительно ли дѣйствуютъ даже тѣ стороны соперничества, въ которыхъ состоитъ его преимущество надъ патріархальными формами расчета.

Онъ облегчаетъ производителю узнавать усовершенствованія, сдѣланныя въ производствѣ другими, и оцѣнивать ихъ. Но какимъ способомъ получаютъ эти свѣдѣнія?—прямымъ ли, самымъ ли простымъ и вѣрнымъ? Простота и вѣрность способа конечно требуются теоріей. Простейшій и вѣрнѣйшій способъ распространенія свѣдѣній объ известномъ дѣлѣ—то, когда человѣкъ знакомится прямо съ самымъ дѣломъ, а не съ одними его результатами. Напримеръ, что лучше и выгоднѣе: знать тотъ фактъ, что известный производитель разбогатѣлъ, или сверхъ того знать также методъ производства, которымъ онъ разбогатѣлъ? Знать, что англійскіе стальные инструменты хороши, или знать методъ ихъ выдѣлки? Соперничество знакомитъ только съ результатомъ, а не съ методомъ, которымъ достигается результатъ. Это—своего рода Пинетти: извольте смотрѣть, вотъ какія удивительныя вещи умѣетъ дѣлать этотъ искусникъ; а какъ онъ ихъ дѣлаетъ, какіе приемы употребляетъ и по какому методу развилъ въ себѣ способность къ такимъ вѣщамъ, этого вы извольте доискиваться сами. Да, соперничество держится метода секретности. То, что уже придумано однимъ, должны придумывать послѣ него еще сотни тысячъ лицъ. Экономно ли это? Способъ распространенія свѣдѣній по принципу соперничества неудовлетворителенъ. При неудовлетворительности способа, по которому распространяются свѣдѣнія, конечно должны быть неудовлетворительны и средства къ практическому ихъ примѣненію. Лучшее всего устроивается дѣло человѣкомъ, научившимся устроить его. Моя польза въ томъ, чтобы становился моимъ руководителемъ тотъ, кто искуснѣе меня. При соперничествѣ практическое искусство—такой же секретъ, какъ и теоретическое знаніе. Кто выучился пользоваться изобрѣтеніемъ, выгода того требуетъ, чтобы другіе какъ-можно дольше не пользовались имъ. Мы не говоримъ о вещахъ нечестныхъ (и очень убыточныхъ для общества), до которыхъ слишкомъ часто доводитъ такое отношеніе: фабрикантъ старается мѣшать другому въ заведеніи фабрики, ремесленникъ старается разстроить дѣла другаго ремесленника; тутъ бывають безчисленныя интриги, обманы и т. д. Обратимъ вниманіе лишь на тѣ черты дѣла, которыхъ необходимо держаться каждому производителю, какъ бы ни былъ онъ честенъ. Онъ сталъ бы дѣйствовать во

вредъ себѣ, то есть измѣнилъ бы своей обязанностью къ своему семейству, еслибы помогалъ другимъ производителямъ принять усовершенствованный процессъ, слѣдовать которому научился. Онъ въ положеніи нашей знахарки, лекарство которой терлетъ силу, какъ только она научитъ кого-нибудь другаго его употребленію. Такимъ-образомъ при соперничествѣ искусство должно осуществляться неискусными руками, знаніе должно распространяться незнаніемъ.

Каковы способы и средства, точно такъ же и норма оцѣнки. Она ставится виѣ предмета, въ его случайной принадлежности, — въ продажѣ и въ цѣнѣ. Объ этомъ мы уже говорили, замѣтили, что связь между стоимостью предмета и его врожденною цѣною слишкомъ не вѣрна, а для успѣшности производства необходимо, чтобы расчетъ производился по стоимости предмета.

Такимъ-образомъ принципъ соперничества дѣйствуетъ далеко неудовлетворительно въ облегченіи производителю знакомства съ усовершенствованіями и сужденія о нихъ; точно такъ же дѣйствуетъ онъ и въ томъ отношеніи, чтобы ставить производителя въ необходимость руководиться въ производствѣ пріобрѣтеннымъ знакомствомъ съ улучшеніями. То правда, что руководиться этимъ знакомствомъ производитель будетъ принужденъ при соперничествѣ, но въ какомъ смыслѣ необходимо ему руководиться знакомствомъ съ улучшеніями, въ хорошемъ или дурномъ, въ выгодномъ или убыточномъ для общества смыслѣ, этого принципъ соперничества не рѣшаетъ или, лучше сказать, часто рѣшаетъ это въ убыточномъ смыслѣ. Онъ внушаетъ только ту заботу, чтобы производить успѣшнѣе другихъ, имѣть преимущество надъ другими; это преимущество достигается худою успѣшностью работы другихъ, точно такъ же, какъ и усиленіемъ успѣшности собственной работы. Если взять верхъ усовершенствованіемъ собственной работы не трудно, производитель будетъ заботиться объ этомъ; если же это кажется ему трудно, онъ обращается къ легчайшему способу, — старается мѣшать другимъ.

Мы разсматривали неудовлетворительность принципа соперничества съ теоретической точки зрѣнія, излагали его недостатки въ отвлеченныхъ понятіяхъ. Какими результатами отражается теоретическая неудовлетворительность его на практикѣ; очень подробно изложено во многихъ книгахъ. Каждый читатель знакомъ съ этою практической стороною: промышленная непріязнь между разными странами, разными провинціями одной страны, разными производителями одной провинціи; экономическая непріязнь между сословіями; слишкомъ рискованные обороты, кончающіеся промышленными кризисами, — обо всемъ этомъ говорили мыслители, послѣ

которыхъ наши слова о томъ же были бы слишкомъ слабы. Мы хотѣли обратить вниманіе читателя на то, что всѣ эти вредныя явленія практической жизни коренятся въ самомъ принципѣ, въ самой логикѣ соперничества, никакъ не могутъ быть устранены отъ него, и обратимъ вниманіе лишь на одно изъ этихъ практическихъ отношеній по элементу, который съ особенною силою выставляется Миллемъ при каждомъ удобномъ случаѣ.

Курсъ Милля весь проникнутъ глубокимъ сознаниемъ важности Мальтусовой теоремы. Если размноженіе идетъ быстрѣе, тѣмъ слѣдовало бы по прогрессу промышленнаго развитія страны, масса населенія необходимо терпѣть нужду; положеніе массы можетъ улучшиться только тогда, если сократится размноженіе, — вотъ мысли, которыя постоянно твердитъ Милль. Мы старались доказать, что коренная причина нужды теперь не въ чрезмерности размноженія, а въ элементахъ, болѣе фундаментальныхъ; что при устраненіи этихъ элементовъ, зависящихъ отъ самого человѣка, размноженіе ни теперь, ни въ теченіе долгихъ вѣковъ еще не могло бы вредить благостолію массы. Но если эти элементы остаются, то Мальтусъ вполнѣ правъ. Когда человѣкъ нездоровъ, ему необходимо воздерживаться отъ пищи, которая была бы не вредна, а здорова ему здоровому. Такъ при нынѣшнихъ экономическихъ отношеніяхъ вредно обществу размноженіе. Посмотримъ же, какую связь съ размноженіемъ имѣетъ принципъ соперничества.

Соперничество имѣетъ въ виду цѣну. Цѣна продукта складается изъ разныхъ элементовъ, изъ которыхъ большая часть въ послѣднемъ анализѣ оказывается только видоизмѣненіемъ рабочей платы. Слѣдовательно, при соперничествѣ всѣ наниматели труда влечутся понижать рабочую плату. Рабочая плата опредѣляется уравненіемъ запроса и снабженія. Чѣмъ больше людей, ищущихъ работы, тѣмъ ниже рабочая плата; слѣдовательно, прямая выгода каждаго нанимателя труда состоитъ въ томъ, чтобы людей, ищущихъ работы, являлось какъ можно больше, то есть, чтобы простонародье размножалось какъ можно быстрѣе. Смотрите же теперь, какосъ противорѣчіе: чтобы улучшилось положеніе работника, должно уменьшиться размноженіе; чѣмъ меньше будетъ масса простонародья, тѣмъ лучше будетъ каждому простолюдину; но чѣмъ больше будетъ размножаться простонародье, тѣмъ выгоднѣе нанимателю труда; слѣдовательно, на-сколько размноженіе убыточно цѣлому обществу и каждому простолюдину, на-столько же оно выгодно сословію господствующему надъ экономическими явленіями.

Почему Милль не выставляетъ этотъ результатъ соперничества такъ же настойчиво, какъ выставляетъ Мальтусову теорему? Просто

потому, что онъ не надѣется на возможность формы экономическаго расчета, которая замѣнила бы собою соперничество. Надобно дѣйствительно сказать, что практическое принятіе обществомъ такой формы экономическаго расчета, которая была бы удовлетворительнѣе соперничества, — дѣло очень трудное при нашихъ привычкахъ, требующее очень большаго прогресса въ понятіяхъ и обычаяхъ. Это мы должны видѣть изъ характера тѣхъ самыхъ недостатковъ, которые напали въ соперничествѣ.

Коренной недостатокъ соперничества тотъ, что нормою расчета беретъ оно не сущность дѣла, а внѣшнюю принадлежность его (не стоимость, а цѣну). Слѣдовательно, чтобы принципъ соперничества замѣнился хорошою формою расчета, нужна очень твердая привычка судить о вещахъ по ихъ натурѣ, а не по внѣшнимъ признакамъ или случайнымъ послѣдствіямъ. Чтобы сознательно и твердо держаться такого принципа, людямъ нужно приобрести гораздо большую твердость мыслей, чѣмъ къ какой способно теперь огромное большинство не однихъ простолюдиновъ, но и образованныхъ сословій. Если бы не существовало въ массѣ общества элементовъ, сильно ведущихъ къ такому укрѣпленію, надобно было бы сказать, что перспектива эта слишкомъ еще далека отъ нашего времени. Но существуютъ экономическіе элементы, сильно помогающіе прогрессу расчетливости, требуемой теоріею. Общество раздѣляется въ экономическомъ отношеніи на двѣ части. Одну, конечно, всегда малочисленную по количеству, составляютъ люди, изъ которыхъ у каждаго доходъ получается въ послѣднемъ анализѣ не столько отъ его собственнаго труда, сколько отъ поступленія въ его пользу части труда нѣсколькихъ или многихъ другихъ людей. Человѣку въ такомъ положеіи невыгодна была бы оцѣнка вещей и заслугъ по ихъ сущности. Весь или почти весь доходъ его извлекается изъ преувеличенной оцѣнки его трудовъ или заслугъ по какому нибудь предубѣжденію, или по рутинѣ, или по какому нибудь фальшивому признаку. Не такой интересъ другой, несравненно многочисленнѣйшей части общества, составляемой людьми, изъ которыхъ каждый не только не получаетъ въ свою пользу часть труда или продукта другихъ, но и продуктомъ своего труда или заслугъ пользуется не вполне, оставляя большую или меньшую долю его въ пользу кого нибудь изъ первой части общества. Для человѣка, который долженъ рассчитывать лишь на свой трудъ, лишь на свои дѣйствительныя заслуги, оцѣнка вещей по ихъ существенному достоинству выгодна. Какъ только кто изъ такихъ людей приобрящетъ привычку мыслить, онъ влечется своими мыслями къ переоцѣнкѣ предметовъ по ихъ сущности, находя подъ возбужденіемъ личнаго интереса неосновательными тѣ оцѣнки, какія устано-

вились по интересу классовъ, живущихъ чужимъ трудомъ. Необходимость честной трудовой жизни дѣлаетъ человѣка нерасположеннымъ къ обольщенію. А масса націй въ каждой цивилизованной странѣ просвѣщается теперь, если и не съ исключительною быстротою, то все-таки довольно замѣтно, и не очень далеко время, когда она приобрететъ способность судить о вещахъ своимъ умомъ по своимъ интересамъ. Соразмѣрно успѣхамъ ея умственной жизни, будетъ входить въ экономическія дѣла и норма расчета, сообразная съ выгодами человѣчества.

Другой недостатокъ соперничества — то, что оно, кромѣ хорошаго способа приобретать выгоду, оставляетъ человѣку и противоположный, дурной способъ: человѣкъ выигрываетъ при соперничествѣ не только отъ успѣшности своей работы, но и отъ неуспѣшности работы другихъ. Очевидно, что этотъ второй вредъ происходитъ изъ перваго кореннаго недостатка, о которомъ мы сейчасъ говорили. Существенное достоинство предмета находится въ качествахъ самого предмета, а не въ томъ, лучше или хуже его другіе предметы того же разряда. Говорятъ: «годность предмета узнается по сравненію». Дѣйствительно; но по сравненію съ чѣмъ? Съ требованіями, какія надобно имѣть отъ этого предмета, съ потребностями человѣческой природы, которыя должны быть удовлетворены этимъ предметомъ. Хорошая ли для торговыхъ дѣлъ рѣка — рѣка Темза? Очень хорошая, потому что самыя большія суда ходятъ по ней свободно, и настолько она широка, что престоило на ней вѣсімъ судамъ, сколько бы ни пришло ихъ. Послѣ этого какая же надобность рассуждать, что Миссиссиппи гораздо шире Темзы, а какаянибудь рѣчка Безъимянка гораздо уже и мельче ея? Отъ этихъ сравненій Темза нисколько не оказывается болѣе удобною или менѣе удобною для торговли, чѣмъ безъ нихъ. Хорошая ли рѣка — рѣка Темза по снабженію людей водою для питья? Рѣшительно негодная рѣка, потому что вода въ ней грязная и вонючая. Что же можетъ она проиграть въ этомъ отношеніи чрезъ сравненіе съ Невой, въ которой вода для питья прекрасная? Вѣдь и безъ этого сравненія вода Темзы уже оказывалась совершенно непригодною для питья. Или что она выиграетъ отъ сравненія съ той же рѣчкой Безъимянкой, которая завалена навозомъ, такъ-что вода въ ней не просто грязная и вонючая вода, а густѣйшій навозный настой? Развѣ меньше грязи и вони будетъ въ водѣ Темзы, если мы скажемъ, что существуютъ рѣчки еще болѣе вонючія? Норма сравненія для предмета — потребности того человѣческаго дѣла, на которыя долженъ служить предметъ. По степени своей пригодности къ дѣлу, предметы одного разряда распределяются на хорошіе и дурные, очень или про-

сто хорошіе или дурныя. Но самое отношеніе извѣстнаго предмета къ дѣлу, то есть и существенное достоинство этого предмета нимало не выигрываетъ и не проигрываетъ отъ того, много ли предметовъ находится въ классахъ высшихъ, чѣмъ онъ, и въ классахъ низшихъ, чѣмъ онъ. Вамъ угодно судить объ этомъ кускѣ сукна, продающагося по два рубля за аршинъ. На что вамъ нужно это сукно? На то, чтобы имѣть платье теплѣе бумажнаго, или полотнаго, или шелковаго? Если такъ, вы не найдете сукна, которое лучше этого куска удовлетворяло бы вашей надобности: оно плотно, прочно, не тяжело, мягко. Всѣми этими качествами обладаетъ оно, если говорить практически, въ совершенствѣ. Сравните его съ какимъ хотите сукномъ, эти его качества не увеличатся и не уменьшатся. Разсматривайте со всевозможною внимательностью самый этотъ кусокъ, чтобы убѣдиться въ его качествахъ, а сравнивать его ни съ сѣрмягою, ни съ высшими сортами сукна нѣтъ вамъ никакой надобности.

Или, нѣтъ, есть надобность: надобно удостовѣриться, стоитъ ли онъ по 2 рубля аршинъ. Но эта надобность не принадлежитъ къ сущности дѣла; она происходитъ оттого, что вы не знаете ни стоимости этого сукна, ни того, правильно ли назначается купцомъ цѣна. Слѣдовательно, чтобы судить о продуктѣ по его собственнымъ качествамъ, а не по сравненію съ другими предметами того же рода, нужны два условія: надобно, чтобы производство предмета велось открыто, какъ ведутся счетныя книги акціонерныхъ обществъ; надобно также, чтобы предметы оцѣнивались столь же открыто по этой явной для всѣхъ стоимости. Вотъ условія, безъ которыхъ невозможно замѣненіе принципа соперничества формою экономическаго расчета, болѣе удовлетворительною. — Чтобы производство велось открыто, для этого нужно, чтобы самъ потребитель былъ хозяиномъ производителемъ. Счеты по коммерческому дѣлу открыты лишь хозяевамъ дѣла. Чтобы оцѣнка продукта дѣлалась по его стоимости, для этого опять нужно, чтобы некому было выигрывать отъ оцѣнки предмета выше его стоимости, то есть опять нужно, чтобы потребитель самъ былъ и производителемъ. А при нынѣшнихъ формахъ производства, при нынѣшнемъ экономическомъ устройствѣ, это чистая невозможность. Подумайте только: вѣдь тутъ предполагается, что кто пашетъ землю, тотъ имѣетъ на своемъ столѣ хлѣбъ, лучше котораго нѣтъ ни у кого въ цѣлой націи; а кому угодно носить бархатное платье, тотъ самъ долженъ сидѣть за станкомъ, чтобы выткать бархатъ (мимоходомъ говоря, надобно думать, что при такомъ условіи мало нашлось бы охотниковъ до бархата). — Читателю из-

известны формы экономического устройства, посредствомъ которыхъ должны быть достигнуты эти условія. Тутъ главное дѣло въ томъ, чтобы работники приобрѣли искусство сами управлять предприятиями, въ которыхъ работаютъ: цѣль новыхъ формъ та, чтобы работники сдѣлались изъ наемныхъ людей хозяевами; а хозяинъ, разумеется, долженъ самъ вести неослабный надзоръ за предприятиемъ и за всѣми людьми, которые заведываютъ тою или другою стороною его. При высшемъ своемъ развитіи большинство простолюдиновъ, даже и въ передовыхъ странахъ, еще слишкомъ мало подготовлено къ этому. Но и здѣсь опять мы должны сказать, что время подготовки значительно сокращается очевидностью большой выгоды новыхъ формъ для простолюдиновъ.

Послѣ этихъ разъясненій уже самъ собою ясенъ становится характеръ той высшей формы экономического расчета, которою должно замѣниться соперничество, когда заинтересованныя въ этой замѣнѣ сословія приобретутъ самостоятельность мысли и привычку къ веденію промышленныхъ предприятий. Нормою расчета по требованію теоріи должна быть самая сущность рассчитываемаго дѣла, то есть стоимость продукта. Производители, работая сами на себя, будутъ, конечно, соображать не случайную принадлежность продукта, цѣну, потому что главная масса ихъ продуктовъ вовсе и не пойдетъ на рынокъ, не будетъ выходить изъ ихъ рукъ, стало быть и не будетъ искать себѣ цѣны; работая на собственное потребленіе, они будутъ соображать коренные элементы дѣла: мы располагаемъ известнымъ количествомъ рабочаго времени и рабочихъ силъ; въ какой пропорціи выгоднѣе всего для насъ распределить эти силы, это время между разными производствами на удовлетвореніе разныхъ своихъ надобностей? Основаніемъ расчета тутъ будетъ служить классификація надобностей съ соображеніемъ того, какая доля труда можетъ быть обращена на удовлетвореніе известной надобности безъ вреда для другихъ надобностей, не менѣе или болѣе настоятельныхъ. Чтобы яснѣе было это, рассмотримъ гипотетическій случай.

Предположимъ, что существуетъ акціонерное общество, состоящее изъ 2000 населенія, въ числѣ которыхъ находятся 500 взрослыхъ работниковъ. (Мы, для краткости, будемъ считать трудъ работника представителемъ труда и работницы и дѣтей или стариковъ, составляющихъ одну единицу домашняго быта съ этимъ работникомъ). Предположимъ, что, за исключеніемъ праздничныхъ дней и болѣзней, приходится 300 рабочихъ дней въ году на человѣка, и что рабочий день считается въ 10 часовъ.

Въ такомъ случаѣ общество имѣетъ въ теченіе года 1,500,000 рабочихъ часовъ. Вотъ фондъ, которымъ оно располагаетъ на удовлетвореніе своихъ надобностей. Теперь слѣдуетъ ему сообразить свои потребности.

Пища, едва достаточная на поддержаніе жизни (скудная по количеству, дурная по качеству), можетъ быть произведена количествомъ труда 100 часовъ на человѣка; для снабженія цѣлаго общества такою пищею потребуется 200,000 рабочихъ часовъ. Для снабженія человѣка изобильною и разнообразною пищею хорошаго качества нужно вдвое больше труда, 200 часовъ на человѣка или 400,000 на общество. Для доставленія роскошнаго стола съ разными прихотями нужно еще вдвое больше труда, 400 часовъ на человѣка, 800,000 часовъ на общество.

Постепенное обзаведеніе хорошими жилищами и ремонтъ ихъ, вмѣстѣ съ топливомъ, требуетъ 150 часовъ на человѣка или 300,000 на цѣлое общество. Очень дрянныя жилища, кое-какъ отопляемыя, потребуютъ втрое меньше труда, 50 часовъ на человѣка, 100,000 на общество; а роскошныя жилища—втрое больше, 450 часовъ на человѣка, 900,000 на цѣлое общество.

Для снабженія человѣка порядочною одеждою въ нужномъ количествѣ надобно 100 часовъ на человѣка, 200,000 на цѣлое общество. Если людямъ ходить оборванными или полунагими, на это потребуются труда вчетверо менѣе, по 25 часовъ на человѣка, 250,000 на общество. Роскошныя наряды будутъ стоить труда, въ четыре раза большаго, 400 часовъ на человѣка, 800,000 на цѣлое общество.

Соединяя въ одну статью всѣ мелкія надобности домашняго быта, мы положимъ, что на порядочное удовлетвореніе ихъ нужно 50 часовъ работы на человѣка, 100,000 на цѣлое общество; но кое-какъ перебиваться можно количествомъ работы, въ пять разъ меньшимъ: 10 часовъ на человѣка, 20,000 на общество; а роскошь въ этихъ мелкихъ потребностяхъ будетъ требовать труда въ пять разъ большаго, то есть 250 часовъ на человѣка, 500,000 на общество.

Но кромѣ домашнихъ надобностей каждой отдѣльной группы близкихъ между собою людей, есть надобности цѣлаго общества; на примѣръ, ему нужны общественныя заботы о воспитаніи, о путяхъ сообщенія, объ охраненіи продуктовъ и лицъ. Скудное удовлетвореніе этимъ надобностямъ обойдется въ 20 часовъ на человѣка, въ 40,000 на общество; хорошее удовлетвореніе потребуетъ труда, въ 5 разъ большаго, то есть 100 часовъ на человѣка, 200,000 на цѣлое

общество. При роскошномъ удовлетвореніи понадобится конечно еще гораздо больше труда, но тутъ всякая излишняя трата противъ того, что нужно для хорошаго удовлетворенія — уже очевидно бываетъ не удовлетвореніемъ общественной надобности, а просто общественнымъ дурачествомъ; и вотъ открывается еще одинъ предметъ, стоющій расходъ труда, —

Общественныя дурачества. По предметамъ дѣйствительной общественной надобности сюда принадлежатъ, какъ мы сейчасъ сказали, расходы на приданіе дѣлу фальшиваго блеска, бесполезнаго или даже вреднаго для дѣла. Но гораздо обширѣйшій предметъ расхода составляютъ по разряду общественныхъ дурачествъ дѣла, не только при излишней роскоши исполненія, но и при всякомъ исполненіи, скудномъ, посредственномъ, роскошномъ, прямо вредныя благосостоянію общества: напримѣръ, расходы на приобрѣтеніе перевѣса надъ другими обществами въ могущество или политическомъ вліяніи, главнымъ образомъ войны съ разными своими принадлежностями. При хорошемъ общественномъ расчетѣ такихъ дурачествъ вовсе не дѣлается. Самое скудное удовлетвореніе такимъ дурачествамъ обходится очень дорого, положимъ въ 200 часовъ на человѣка, 400,000 на цѣлое общество; а роскошное удовлетвореніе обходится несравненно дороже, напримѣръ въ 500 часовъ на человѣка, 1,000,000 на цѣлое общество.

Вотъ теперь мы имѣемъ данныя для соображенія расходовъ, какихъ потребуеть удовлетвореніе общественнымъ надобностямъ и прихотямъ въ разныхъ степеняхъ.

	Скудное удовле- твореніе.		Хорошее удовле- твореніе.		Роскошное удовле- твореніе.	
	На че- ловѣка.	На обще- ство.	На че- ловѣка.	На обще- ство.	На че- ловѣка.	На обще- ство.
Пища	100	200,000	200	400,000	400	800,000
Жилище	50	100,000	150	300,000	450	900,000
Одежда	25	50,000	100	200,000	400	800,000
Мелкія домашнія надобности	10	20,000	50	100,000	250	500,000
Общественныя надобности	20	40,000	100	200,000	100	200,000
Общественныя дурачества	200	400,000	500	1,000,000	500	1,000,000
Итого	405	810,000	600	1,200,000	2,100	4,200,000

Общество имѣеть на удовлетвореніе своимъ надобностямъ и желаніямъ 1,500,000 часовъ. Стало бытъ о роскошномъ удовлетвореніи потребностей въ полномъ ихъ размѣрѣ нечего ему и думать: разумѣется, при нынѣшнемъ состояніи понятій и привычекъ роскошь пріятнѣе простаго изобилія; но что же дѣлать, когда не достаетъ для нея средствъ? Вѣдь если бы общество изъ любви къ роскоши въ домашнемъ быту и удержалось отъ всякихъ общественныхъ дурачествъ, если бы оно пожертвовало для той же цѣли и всѣми общественными надобностями, все-таки на одну роскошь въ домашнемъ быту понадобилось бы 3,000,000 часовъ, — вдвое больше, чѣмъ имѣеть общество. Но свои 1,500,000 часовъ оно можетъ распределить по удовлетворенію разныхъ надобностей и желаній очень различными способами. Напримѣръ, оно можетъ расположить дѣло такимъ манеромъ:

Пусть одна десятая часть членовъ общества (200 человѣкъ) имѣеть полную роскошь въ своемъ домашнемъ быту; для этого нужно по 1,500 часовъ на человѣка, слѣдовательно на 200 человѣкъ . . . 300,000 часовъ.

Пусть вдвое большее число людей, то есть 400 человѣкъ или двѣ десятыхъ доли общества живутъ въ домашнемъ быту изобильно; для этого нужно по 500 часовъ на человѣка, то есть на 400 человѣкъ . 200,000 —

Остальная масса общества, то есть семь десятыхъ частей его или 1,400 человѣкъ, пусть живетъ въ домашнемъ быту скудно; для этого нужно по 185 часовъ на человѣка, то есть на 1,400 человѣкъ 259,000 —

Общественныя надобности пусть удовлетворяются скудно; на это нужно . . . . . 40,000 —

Всего изъ 1,500,000 часовъ расходуется на эти предметы . . . . . 799,000 —

Слѣдовательно остается на общественныя дурачества . . . . . 701,000 часовъ.

Вотъ такимъ манеромъ обьективно и распределяется общественный трудъ, когда дѣло ведется безъ точнаго соображенія расходовъ со средствами, безъ вниманія къ степени настоятельности той или другой человѣческой надобности, по безразсчетнымъ прихотямъ, по всякимъ случайнымъ капризамъ. Общій видъ исторіи до сихъ поръ былъ въ этомъ родѣ, лишь отъ очень немногихъ, да и то почти во всѣхъ случаяхъ кратковременными отступленіями отъ обычной безразсчетливости. Тутъ не надобнонисколько внимать чело-

вѣческую натуру; да и разшѣръ общественныхъ средствъ тутъ виновать лишь въ обществахъ совершенно дикихъ, еще не познакомившихся съ способами придавать труду успѣшность. Въ обществахъ не то, что цивилизованныхъ, а даже и во всѣхъ тѣхъ, которыя успѣли выйти хотя изъ грубѣйшаго дикарства, стали осѣдлыми, земледѣльческими, — не только въ нынѣшней Англіи или въ Германіи, а даже въ Англіи IX вѣка, въ Германіи X вѣка, въ нынѣшней Персіи, въ нынѣшней Малой Азіи трудъ по степени своей внутренней успѣшности уже могъ бы содержать общество въ благосостояніи. А человѣческая натура опять-таки невиновата, если дѣло выходитъ плохо, когда человѣкъ дѣйствуетъ безразсечно, на удачу: тутъ виновать только недостатокъ разсчета. Какъ бы ни былъ уменъ, распорядителемъ, дѣятелемъ банкиръ, какъ бы ни былъ онъ скромнѣе въ личныхъ своихъ расходахъ, остороженъ и добросовѣстенъ въ своихъ операціяхъ, его дѣла тотчасъ разстроются, онъ обанкротится самъ и разоритъ всѣхъ имѣвшихъ съ нимъ дѣло, если ведетъ дѣла безъ бухгалтерскихъ книгъ, полагаясь на одну свою память и сообразительность. А общественное хозяйство неравненно обширнѣе, многосложнѣе всякаго банкирскаго дѣла. На угадъ, по памяти, по глазомѣру можно вести лишь свое частное хозяйство человѣку, у котораго оно очень не велико, да и у него, какъ бы благоразумнѣе ни былъ онъ, часто будутъ оказываться въ хозяйствѣ прорѣхи, если не ведетъ онъ прихода-расходныхъ книгъ. А такихъ книгъ еще ни въ одномъ обществѣ не заведено. Сколько рабочихъ силъ находится, положимъ, во Франціи? Это никому неизвѣстно; говорится объ этомъ лишь на-угадъ, въ такомъ родѣ: число взрѣлыхъ мужчинъ, способныхъ къ работѣ, вѣроятно около 9,000,000, а можетъ быть только 7,000,000; изъ нихъ производительнымъ трудомъ занимаются четыре пятыхъ части, а можетъ быть только три пятыхъ части; число взрослыхъ здоровыхъ женщинъ, помогающихъ труду, можетъ быть таково же, а можетъ быть и гораздо меньше, потому что слишкомъ многія женщины даже и въ рабочемъ классѣ отвлечены отъ дѣльной работы хлопотами, въ которыхъ трудъ тратится слишкомъ безуспѣшно; а можетъ быть число женщинъ, помогающихъ мужчинамъ въ дѣльной работѣ, и больше мужчинъ, занятыхъ ею, потому что женщина не берется въ солдаты, не берется въ бюрократическія должности; стало быть число женщинъ, работу которыхъ надобно считать производительной, можно считать отъ 3½ милл. (половина изъ 7 милл.) до 8 милл. (восемь десятыхъ частей изъ 9 милл.); отсюда снѣ успѣшности труда этихъ женщинъ съ трудомъ мужчинъ можно считать только за одну половину единицы мужскаго труда, а можно

считать и за три четверти. Посмотрите же, какая удовлетворительная точность получается изъ этикъ глазомѣрныхъ соображеній:

Производительныхъ работниковъ во Франціи отъ $(7,000,000 \times 0,6 =)$	4,200,000
до $(9,000,000 \times 0,8 =)$	7,200,000
Трудъ женщинъ, участвующихъ въ производительномъ трудѣ, составляетъ такихъ же единицъ труда, отъ $(3,500,000 \times 0,5 =)$	1,750,000
до $(8,000,000 \times 0,75 =)$	6,000,000
<hr/>	
Итого, Франція имѣетъ единицъ производительнаго труда отъ	5,950,000
до	13,200,000

Какой прочный фундаментъ для хорошаго веденія дѣлъ! Какъ вы полагаете, можетъ ли хорошо вести свои дѣла негодіантъ, который, задавая себѣ вопросъ: «какъ великъ мой капиталъ?» умѣетъ отвѣчать себѣ только: «не знаю, а вѣроятно не меньше 60 тысячъ, и не больше 130 тысячъ»; который, спросивъ себя: «сколько у меня работниковъ на фабрикѣ?» умѣетъ отвѣчать себѣ только: «не знаю хорошенько, а должно быть не меньше 600, и не больше 1,300», — какъ вы полагаете, могутъ ли хорошо идти экономическія дѣла этого негодіанта и отчего идутъ они плохо? Оттого ли, что работники у него — плохой народъ, или оттого, что капиталъ у него малъ? Нѣтъ, работники, можетъ быть, очень хороши и капиталъ достаточенъ; вся бѣда оттого, что онъ не соблюдаетъ перваго условія экономическихъ дѣлъ, — не ведетъ счетовъ.

Что мы говорили о расчетѣ рабочихъ силъ, которыми располагаетъ общество, точно то же надобно сказать и о количествѣ труда, требующагося на хорошее удовлетвореніе той или другой потребности. Спросите кого хотите, никто не умѣетъ сказать вамъ, сколько рабочихъ дней нужно, чтобы производить обильное снабженіе всѣхъ серьезныхъ надобностей для известнаго числа людей. Только по постройкѣ жилищъ дѣлаются смѣты подобнаго рода архитекторами, да и тутъ счетъ не доводится до конца: считается, сколько рабочихъ дней должны употребить на постройку дома каменщики, столяры, кровельщики, — работники, прямо трудящіеся надъ этимъ домомъ; а какого количества работъ стоитъ ремонтъ орудій, или употребляемыхъ, и производство матеріаловъ постройки, этого никто не считаетъ: кирпичъ, дѣся, желѣзо вносятся въ смѣту не количествомъ рабочихъ силъ, какихъ стоили, а своею рыночною цѣною; ремонтъ орудій не составляетъ особенной статьи, а безъ всякаго расчета входитъ въ оцѣнку рабочей платы. Стало быть и по по-

стройкѣ жилищъ не подведенъ расчетъ способомъ, какого требуетъ наука. Но вѣдь постройка жилищъ — лишь одна часть расходовъ труда на этотъ предметъ: нуженъ ремонтъ построенныхъ жилищъ; по этой статьѣ расхода не составляются полнымъ образомъ смѣты даже и по такой неполной формѣ, какъ для постройки.

А по удовлетворенію другихъ надобностей домашняго быта ни о чемъ подобномъ еще и не думалъ никто ни изъ экономистовъ школы Адама Смита, ни изъ людей, имѣющихъ прямое вліяніе на общественныя дѣла. Составлялись бюджеты среднихъ расходовъ семейства въ томъ или другомъ общественномъ положеніи и смѣты доходовъ его, преимущественно въ простонародномъ бытѣ и въ бытѣ мелкихъ чиновниковъ; но бюджеты расходовъ составлялись по цѣнамъ вещей, а бюджеты доходовъ по вознагражденію въ денежномъ счетѣ; а это все совершенно не то, что нужно сдѣлать.

Не знаемъ, удалось ли намъ возбудить въ читателѣ отчетливое представленіе о положеніи дѣлъ, нами разсматриваемомъ. Если удалось, онъ, пожмая плечами, говоритъ: «чего лутнаго можно ждать при такомъ отсутствіи расчета? Количество средствъ, какими располагаетъ общество, совершенно неизвѣстно; количество средствъ, нужное для удовлетворенія той или другой человѣческой потребности въ томъ или другомъ размѣрѣ, также совершенно неизвѣстно. Какого тутъ можно ждать порядка, какой можно ждать рассудительности въ экономическихъ дѣлахъ общества?»

Рутинные политико-экономы нимадо не конфузятся этимъ: по ихъ мнѣнію, и нѣтъ надобности ни въ какомъ счетѣ, ни въ какой сообразительности обществу: все рассчитывается и улаживается безъ помощи сознательнаго разсужденія со стороны общества, естественнымъ дѣйствіемъ механизма цѣнъ и индивидуальныхъ интересовъ. Объ этомъ вѣроятно придется намъ подробнѣе говорить, когда будемъ излагать содержаніе III-й книги Милля, объ обмѣнѣ. А теперь, не вдаваясь въ техническія подробности, которымъ будетъ мѣсто въ одной изъ слѣдующихъ статей, мы рассудимъ объ основномъ принципѣ такого мнѣнія.

Мало ли есть въ природѣ разныхъ естественныхъ силъ, дѣйствіемъ которыхъ движутся человѣческія дѣла и живетъ самъ человѣческій организмъ; мало ли есть и въ самомъ человѣческомъ организмѣ силъ и стремленій, дѣйствующихъ самобытно и безъ всякаго преднамѣреннаго расчета человѣческой сообразительности. Что же, есть ли изъ этихъ безчисленныхъ силъ природы и человѣческаго организма хотя одна, которая сама собою, безъ управленія сознательнымъ человѣческимъ соображеніемъ, дѣйствовала бы такъ, какъ нужно для пользы человѣка? Вотъ идетъ дождь, падаетъ роса, сами собою; что

же, всегда нива получаетъ отъ нихъ самихъ столько влаги, сколько нужно для успѣшнаго роста хлѣба? Нѣтъ, изъ 100 лѣтъ развѣ въ одно, время и количество дождя и время сухой погоды расположатся сами собою наиблагоприятнѣйшимъ образомъ для роста хлѣба; въ остальные 99 лѣтъ дождя падаетъ или больше или меньше, чѣмъ нужно, или не тогда, когда нужно; быть можетъ въ половинѣ этихъ лѣтъ отступленія отъ нужной для человѣка нормы не чрезмѣрно велики и хлѣбу удастся вырасти порядочно, хотя выросъ бы онъ лучше, если бы въ этотъ разъ дождь упалъ нѣсколькими днями раньше, въ другой нѣсколькими днями позже, въ этотъ разъ былъ нѣсколько по-сильнѣе, въ другой разъ не былъ такъ силенъ. А сколько бываетъ лѣтъ очень тяжелаго неурожая то отъ чрезмѣрной засухи, то отъ чрезмѣрнаго количества дождей? Значить, сила дождя и ясной погоды дѣйствуетъ сама собою неудовлетворительно для человѣческихъ надобностей. Можете говорить, что человѣкъ еще не въ состояніи руководить дѣйствіями этихъ силъ; но не говорите же, что не нуждается бы онъ въ томъ, чтобы руководить ими; что онъ уже и сами собою дѣйствуютъ, какъ нельзя лучше для него. Да и въ томъ, что еще не можетъ онъ теперь руководить ими, вы будете правы лишь отчасти: кое-что онъ уже можетъ сдѣлать, кое-что онъ уже и дѣлаетъ: онъ устраиваетъ искусственную поливку, онъ устраиваетъ дренажъ. Разумѣется, эти опыты пока еще слабы, ничтожны сравнительно съ общей массой нивъ. Но вѣдь силы человѣка растутъ, скоро онъ будетъ въ состояніи дѣлать гораздо больше; да и теперь уже могъ бы дѣлать значительно больше, если бы употребилъ на то всѣ силы, какими можетъ располагать, если бы не тратилъ этихъ силъ на пустяки, если бы научился цѣнить дѣла по ихъ истинной важности, да не сбивался бы съ толку предрасудкомъ, что дескать и само собою все хорошо идетъ. Возьмите, какую хотите, другую естественную силу природы, вы увидите тоже самое: каждая дѣйствуетъ безъ всякаго постоянного отношенія къ надобностямъ человѣка: иной разъ, какъ нужно для нихъ, въ другой разъ во вредъ имъ, какъ случится; только чрезвычайно рѣдко случается, чтобы когда нибудь какая нибудь сила дѣйствовала совершенно такъ, какъ нужно человѣку, а слѣшкомъ часто, что она дѣйствуетъ чрезвычайно вредно для него. И разсудите сами, можетъ ли быть иначе, когда она дѣйствуетъ сама собою, безъ управленія человѣкомъ? Развѣ она беретъ въ расчетъ его нужды или желанія? Бросайте горошину на Соломоновъ кругъ, иной разъ упадетъ она и на ту цифру, какой вамъ хочется, нерѣдко упадетъ близко къ этой цифрѣ; ну, а большею частью, какъ она упадетъ? Во-все не такъ, какъ вамъ хочется.

Итакъ вы думаете, что силы самого организма человѣка не нуж-

даются въ руководствѣ соображеніемъ? Вѣдь еслибы мы не разсуждали объ интересѣ своего здоровья или не расчитывали непріятныхъ ощущеній отъ излишняго обремененія желудка, почти каждый изъ насъ былъ бы обжорою, почти каждый — пьяницею, и безпрестанно каждый изъ насъ ѣлъ бы и пилъ бы ядовитыя вещества, — развѣ нѣтъ между ними очень пріятныхъ на вкусъ? Посмотрите на ребенка, на бушмена, у которыхъ нѣтъ соображенія въ этомъ дѣлѣ: они безпрестанно обжираются, и готовы ѣсть и ѣдятъ богъ-знаетъ какую дрянѣ. Всякая другая потребность организма, всякое другое стремленіе человѣка точно также нуждается въ руководствѣ соображенія. Возьмите расположеніе къ физической любви или къ идеальной довѣрчивости, возьмите добродушіе, разговорчивость, — всякая изъ этихъ наклонностей дѣлаетъ человѣку неисчислимый вредъ, когда нисколько не руководится разсудкомъ. Да и какъ быть иначе? Вѣдь что такое называется соображеніемъ, разсудкомъ, расчитливостью? Сложеніе всѣхъ данныхъ, всѣхъ фактовъ и обстоятельствъ, причинъ и вѣроятныхъ послѣдствій; вѣдь только эта сила соображенія — представительница цѣлаго человѣческаго организма со всѣми его потребностями, силами и зависимостями отъ вѣшной природы; вѣдь только черезъ посредство ея человѣкъ является полнымъ человѣкомъ. Всѣ другія силы — частныя силы, одностороннія, не обнимающія ни всего организма, ни всей его обстановки. Разумѣется, по одному данному почти всегда выйдетъ не то, что сообразно со всею совокупностью данныхъ.

Что же за исключеніе были бы изъ общихъ законовъ природы и человѣческаго организма экономическія наклонности и дружныя дѣйствія, если бы каждая изъ нихъ сама собою постоянно дѣйствовала именно такъ, какъ полезно для цѣлаго человѣка, если бы дѣйствія каждой изъ нихъ въ отдѣльности не нуждались въ подведеніи къ общимъ выгодамъ цѣлаго организма? Это — слишкомъ неправдоподобное мнѣніе.

Мы видѣли одинъ изъ манеровъ, по которымъ распредѣляются общественныя силы, когда общество не соображаетъ ни своихъ средствъ, ни потребностей. Всѣ эти манеры, несмотря на необозримое свое разнообразіе, имѣютъ точно тотъ же существенный характеръ, какъ и приведенный нами для примѣра: непремѣнно оказывается недостатокъ средствъ въ однихъ частяхъ общества, мотовство въ другихъ. Иначе и быть не можетъ при такомъ порядкѣ дѣлъ: откуда же явилась бы соразмѣрность распредѣленія силъ съ потребностями, когда неизвѣстны ни размѣръ силъ, ни размѣръ потребностей? Но читатель видѣлъ, что съ тѣмъ же самымъ размѣромъ средствъ и потребностей общество пользовалось бы полнымъ

изобиліемъ, если бы распредѣляю свои средства разсудительно: въ самомъ дѣлѣ, на изобильное удовлетвореніе всѣхъ общественныхъ и частныхъ потребностей нужно только 1,200,000 рабочихъ часовъ, а общество располагаетъ средствами, равными 1,500,000 рабочихъ часовъ, то есть, за полнымъ удовлетвореніемъ всѣхъ разсудительныхъ надобностей, у него остается еще 300,000 часовъ въ излишкѣ; оно можетъ теперь, удовлетворивъ своимъ настоятельнымъ надобностямъ, располагать этимъ излишкомъ средствъ уже какъ ему угодно, — вотъ доля, законно предоставляемая разсудкомъ игрѣ фантазіи, страстей, прихотей: за удовлетвореніемъ всѣхъ вашихъ нуждъ, у васъ остается излишекъ; вы, не рискуя быть безразсуднымъ, можете потѣшать себя на этотъ излишекъ, — но не больше, какъ на него. Изъ 1,200,000 рабочихъ часовъ вы не можете ни одного терять на бездѣлье или на дурачества, — это воспрещаетъ разсудокъ; а остающіеся затѣмъ 300,000 часовъ употребляйте какъ хотите. Вы можете пожертвовать ими на уменьшеніе вашего труда: работайте, вмѣсто 10 часовъ въ день, только по 8; или, если роскошь манитъ васъ сильнѣе, чѣмъ отдыхъ, употребляйте два эти лишніе часа каждаго рабочаго дня на производство предметовъ роскоши.

Вотъ принципъ экономическаго разсчета, поставляемый теоріею. Но мы уже нѣсколько разъ говорили, что только съ измѣненіемъ формъ производства возможно осуществленіе условій, имъ требуемыхъ. Главное изъ этихъ условій — точный счетъ общественныхъ силъ и потребностей. При нынѣшнихъ формахъ производства никакъ нельзя составить сколько нибудь удовлетворительной оцѣнки ихъ. Правда, правительства передовыхъ странъ уже предпринимаютъ обширныя статистическія работы съ этою цѣлью. Такъ въ Соединенныхъ Штатахъ при каждой десятилѣтней переписи перечисляется не только населеніе по возрастамъ, но переписываются и оцѣниваются всѣ главныя статьи имущества и производства. Не говоримъ уже о томъ, что многія и важнѣйшія изъ этихъ статей оцѣниваются только по денежному счету, слишкомъ не точно выражающему дѣйствительныя качества предмета. Главная важность въ томъ, что научныя, теоретическія желанія оказываются недостаточными для приведенія въ извѣстность тѣхъ данныхъ, которыя стараются тутъ опредѣлить. Дѣло опредѣляется только самымъ дѣломъ. Что не нужно для дѣла, то никакъ не будетъ исполнено удовлетворительно. Возможно ли, чтобы переписчики или оцѣнщики добивались точныхъ показаній, когда самимъ людямъ, къ которымъ обращаются они за свѣдѣніями, нѣтъ никакой практической надобности хлопотать надъ точною оцѣнкою своихъ средствъ? Да большая часть этихъ людей при нынѣшнемъ порядкѣ производствъ не могутъ и оцѣнить своихъ

средствъ точнымъ образомъ, но нормѣ, требуемой наукою. Знаетъ ли фабрикантъ, или даже можетъ ли знать онъ, сколькими часами работы произведенъ продуктъ его фабрики? Онъ могъ бы знать только число рабочихъ дней, да и по нимъ онъ не хранитъ счетовъ: онъ хранитъ счета только количеству денегъ, выданныхъ рабочимъ. А сколькими рабочимъ днямъ соответствовала эта сумма, онъ уже не помнитъ черезъ полгода, быть можетъ черезъ мѣсяць или даже черезъ недѣлю; а записки объ этомъ брошены по ненадобности ихъ для его расчетовъ. Да еслибъ онъ и хранилъ эти счета рабочихъ дней, дѣло не слишкомъ много подошло бы къ точности: сколько часовъ рабочаго дня употребилъ тотъ или другой работникъ нынѣ, вчера на дѣйствительную работу и сколько пропало у него въ бездѣльѣ, и сколько часовъ онъ занимался дѣломъ съ полнымъ усердіемъ и занимался ли имъ съ полнымъ усердіемъ хотя одинъ часъ въ день,—этого не знаетъ хорошенько никто, кромѣ самого работника, и много-много двухъ-трехъ его сосѣдовъ по мѣсту въ фабричной комнатѣ. Смѣшно требовать и глупо надѣяться, чтобы взрослые люди, вся дѣловая жизнь которыхъ руководится только расчетомъ надобности и выгоды, стали терять время на вѣрный счетъ тому, чего считать нѣтъ имъ надобности или чего не могутъ они учесть. Точный счетъ рабочихъ силъ, точный счетъ количеству труда, нужному на получение известнаго продукта, на удовлетвореніе известной надобности, будетъ вестись лишь тогда, когда на этомъ счетѣ будетъ основано производство, которое теперь основано не на немъ, а на слишкомъ невѣрной принадлежности его, цѣнѣ.

Мы изложили только одну сторону дѣла — общій принципъ его. Каковъ долженъ быть или, по всей вѣроятности, будетъ способъ его осуществленія и въ какихъ формахъ оно осуществится? Способъ осуществленія въ каждомъ дѣлѣ много зависитъ отъ обстоятельствъ. Одна и та же цѣль достигается въ разныхъ случаяхъ свободнымъ дѣйствіемъ индивидуальныхъ лицъ, въ другихъ — силою распоряженій общественной власти. О томъ, который способъ лучше самъ по себѣ, не нужно было бы по настоящему и говорить намъ: какъ мы думаемъ объ этомъ предметѣ, должно быть понятно читателю, сколько нибудь желающему вникать въ нашъ образъ мыслей; да и самъ по себѣ вопросъ очень ясенъ. Но въ исторіи слишкомъ часто задача бываетъ не въ томъ, какой путь самый лучший, а въ томъ, какой путь возможенъ при данныхъ обстоятельствахъ. Если я самъ въ силахъ отстранить челоуѣка, несправедливо мѣшающаго мнѣ идти своей дорогой, я самъ отстраняю его; но если я не въ силахъ отстаять своихъ правъ одинъ, я призыву противъ неправильно мѣшающихъ мнѣ вмѣшательство обществен-

ной власти. Изъ этого еще не будетъ слѣдовать, что я люблю полицейскую расправу или судебныя тяжбы или уголовныя процессы; но войдите же въ мое положеніе, что мнѣ дѣлать, кромѣ этого? Очень можетъ быть, что въ нѣкоторыхъ странахъ, гдѣ народъ имѣетъ права въ родѣ англійскихъ и сѣверо-американскихъ, дѣло исполняется исключительно или преимущественно частнымъ образомъ. Мало ли что дѣлается въ такихъ странахъ частными силами? Вотъ, напримеръ, гдѣ на свѣтѣ слышано, чтобы война велась не правительствомъ, а добровольнымъ соглашеніемъ частныхъ людей? а теперь ведется же она такъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ: собираются частные люди и рѣшаютъ, что быть войнѣ. Война объявляется. Собираются частные люди и рѣшаютъ, что столько-то надобно выставить войска, и составляютъ изъ себя войско. Соображаютъ они, куда идти войску, и посылаютъ его туда. А правительстве только принимаетъ и обнаруживаетъ факты, совершающіеся не по его инициативѣ. Мало ли что бываетъ въ иныхъ странахъ? Въ Индіи, напримеръ, растутъ пальмы, ходятъ по лѣсамъ слоны; слѣдуетъ ли изъ этого, что во всѣхъ странахъ возможны такіа явленія? Мало ли что бываетъ при иномъ развитіи общественныхъ правовъ? Въ свободныхъ штатахъ Сѣверной Америки, напримеръ, дѣвушка можетъ ѣздить по какимъ угодно дорогамъ одна, и не только по дорогамъ ѣздить, но большимъ улицамъ въ большихъ городахъ можетъ ходить одна и не подвергнется оскорбленію; а селѣкъ и нашелся наглець, который вздумалъ бы привязаться къ ней, не нуженъ былъ бы ей родственникъ или провожатый: каждый посторонній наказалъ бы негодяя. Слѣдуетъ ли изъ этого, что во всѣхъ странахъ можно теперь ждать того же? Со временемъ, — о, временемъ, конечно, вездѣ такъ будетъ, и даже лучше будетъ; ну, а теперь, что прикажете дѣлать въ странахъ, гдѣ не такъ? Нечего дѣлать, приходится родственнику или знакомому сопровождать дѣвушку. — «По одежкѣ протагивай шожки», — эта поговорка прилагается не къ однимъ экономическимъ дѣламъ, а ко всякимъ; впрочемъ мы здѣсь и говоримъ объ экономическихъ дѣлахъ, къ которымъ она прямо и относится.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ и о формахъ хозяйства производительнаго и потребительнаго, требуемыхъ удовлетворительною формою экономического расчета. Если бы могъ стоять домъ безъ фундамента, если бы можно было имѣть теплоту въ комнатахъ безъ печей, разумѣется, не было бы никакой надобности ни въ фундаментѣ, ни въ печахъ; а если бы можно было быть сытымъ безъ пищи, не нужна была бы и пища. Если бы вѣрная оцѣнка продуктовъ и разныхъ видовъ труда по ихъ внутреннимъ качествамъ, если бы хо-

рошее распределение продуктовъ, если бы успѣшнѣйшій ходъ производства или экономное потребление возможны были безъ извѣстныхъ формъ экономическаго быта, то, разумѣется, не нужны были бы эти формы. Но изъ перечисленныхъ нами условий національнаго благосостоянія ни одно невозможно безъ извѣстнаго экономическаго устройства. Напримѣръ, въ теоріи производства мы видѣли, что для его успѣшности нужны такія формы быта, при которыхъ каждый работникъ былъ бы хозяиномъ, а единица производительнаго хозяйства должна имѣть такой огромный размѣръ, что нужны для ней сотни работниковъ; слѣдовательно форма производительнаго устройства должна быть такова, чтобы въ каждомъ предпріятіи былъ не одинъ хозяинъ, а сотни хозяевъ и чтобы никто не касался дѣла кромѣ хозяина, иначе сказать, чтобы всякій касающійся былъ хозяиномъ его на столько, на сколько касается. Теперь точно такое же требованіе мы находимъ въ условияхъ удовлетворительнаго экономическаго расчета. Онъ возможенъ лишь тогда, когда каждому потребителю извѣстна точная стоимость потребляемаго продукта, количество рабочихъ силъ, употребленныхъ на производство; а это можетъ быть извѣстно лишь хозяину производства; слѣдовательно каждый потребитель продукта долженъ быть его хозяиномъ—производителемъ. А по принципу сочетанія труда не только всѣ продукты, нужные для отдѣльнаго человѣка, но и ни одинъ изъ этихъ продуктовъ въ отдѣльности не долженъ быть произведеніемъ работы одного человѣка, а долженъ проходить въ своемъ производствѣ черезъ десятки и сотни рукъ (чѣмъ больше дробятся производительныя операціи на свои простѣйшіе элементы, тѣмъ успѣшнѣе идетъ производство). Стало быть и тутъ, вмѣсто отдѣльнаго хозяина отдѣльнаго продукта, требуется соединеніе множества людей, занимающихся въ своей совокупности производствомъ разныхъ продуктовъ по разнымъ человѣческимъ потребностямъ, и притомъ такое сочетаніе, въ которомъ каждый участникъ по труду былъ бы соучастникомъ въ правѣ хозяйства.

Мы говоримъ только объ общемъ принципѣ формы хозяйства, требуемой теоріею. О подробностяхъ должны мы будемъ говорить при обзорѣ слѣдующихъ отдѣловъ трактатовъ Милля; и — почему знать? — быть можетъ и станемъ говорить о нихъ когда нибудь, въ противность принятому нами правилу — не говорить о томъ, о чемъ должно: вѣдь человѣкъ не ангелъ и погрѣшаетъ иногда противъ правилъ самыхъ хорошихъ и самыхъ любимыхъ.

В. ФОРМЫ РАСПРЕДЕЛЕНІЯ ПРОДУКТА ПРИ ПРИНЦИПѢ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, ПО ПРИНЦИПУ СОПЕРНИЧЕСТВА ИЛИ НОРМАМЪ ЭКОНОМИЧЕСКАГО РАЗСЧЕТА, ЕЩЕ МЕНѢЕ УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНЫМЪ.

Мы говорили о формѣ экономического расчета, требуемой научною теоріею, и на этотъ разъ по своему правилу отказались отъ изложенія той формы распределенія, которая происходитъ изъ хорошаго расчета и о которой по всѣмъ соображеніямъ здраваго смысла слѣдовало бы намъ теперь говорить. Мы впрочемъ и не жалѣемъ объ этомъ: къ чему наполнять страницы разсужденіями о томъ, чего еще нѣтъ? вѣдь несуществующее не существуетъ, стало быть ничтожно. Есть еще другое основаніе къ тому: Вы, напримѣръ, говорите мнѣ, что я не долженъ разстроивать своего здоровья обжорствомъ, не долженъ портить судьбу близкихъ мнѣ людей мотовствомъ; я — простите «нагую рѣзкость выраженія» — оборачиваюсь къ вамъ спиною: можете ли вы поддержать силу вашихъ замѣчаній судебнымъ порядкомъ? можете ли представить меня къ суду для наказанія за образъ жизни, который называете вы безразсуднымъ и вреднымъ для меня и для другихъ? Не можете? — Такъ что же мнѣ за охота слушать ваши рѣчи, которыя неприятны для меня и которыя я называю поэтому глупыми? Я уважаю только законъ, да и то лишь когда за закономъ стоитъ судебная власть съ своими наказаніями и не могу я отъ нихъ уйти. Пожалуй, я уважаю отчасти и обычай, потому что за обычаемъ стоитъ общественное мнѣніе съ своими наказаніями, и очень часто съ полицейскими наказаніями. Остальнаго ничего я знать не хочу. Такъ вотъ и теперь будемъ-те говорить лишь о тѣхъ формахъ распределенія, которыя существовали или существуютъ по волѣ закона или обычая: эти формы уже доказали свою возможность: что дѣлалось или дѣлается въ дѣйствительности, то, конечно, возможно. А всякія другія формы я называю утопическими мечтаніями и не хочу знать ихъ.

Впрочемъ, при моемъ нынѣшнемъ расположеніи духа, понятіе утопіи становится у меня очень широко: мнѣ кажется, что всякое требованіе здраваго смысла — утопія. «Надобно заботиться о просвѣщеніи народа» — утопія! Народъ такъ невѣжественъ, что не чувствуетъ надобности въ просвѣщеніи: зачѣмъ же навязывать ему вѣнужное? Народъ обремененъ матеріальною работою, ему некогда просвѣщаться. — «Надобно заботиться, чтобы не было людямъ причинъ становиться обманщиками, плутами, ворами» — утопія! Негодяю на роду написано быть негодяемъ, а честный человекъ устоитъ

противъ всякихъ искушеній, даже сильнѣе разовьетъ себя честность борьбою противъ нихъ; да и нельзя устранить этихъ искушеній: когда, въ какомъ обществѣ не существовало ихъ? да и нельзя сдѣлать, чтобы въ обществѣ не было множества плутовъ и воровъ: когда же въ какомъ обществѣ не было ихъ? Слѣдовательно, все это вздоръ, подобно мечтаніямъ о какихъ-то лучшихъ формахъ экономическаго распредѣленія. Займемся исключительно формами, доказавшими свою возможность на практикѣ.

Производство имѣетъ три элемента: землю, трудъ и капиталъ; смотря по тому, раздѣляется владѣніе этими элементами по разнымъ классамъ или соединяется въ одномъ классѣ, продуктъ распредѣляется между разными классами или весь остается въ рукахъ одного класса.

Самая невыгодная изъ формъ экономическаго устройства — рабство. Всѣ виды обязательнаго труда сходны въ этомъ отношеніи съ своимъ первообразомъ, рабствомъ. Каждый, сколько нибудь знакомый съ политической экономіею, очень хорошо знаетъ это и потому намъ нѣтъ надобности останавливаться на этомъ предметѣ.

При рабствѣ и разныхъ видахъ обязательнаго труда весь продуктъ принадлежитъ землевладѣльцу. Ему принадлежатъ всѣ три элемента производства: и земля, и капиталъ, и личность трудящихся. Рабы не получаютъ доли изъ продукта, а только содержатся своимъ владѣльцемъ, какъ содержится имъ домашній скотъ. Есть нѣсколько другихъ формъ, въ которыхъ продуктъ дѣлится между двумя классами, потому что одному изъ нихъ принадлежатъ два изъ трехъ элементовъ производства. Одна изъ этихъ формъ — половничество, до сихъ поръ остающееся очень распространеннымъ на континентѣ западной Европы, между прочимъ въ Италіи и многихъ провинціяхъ Франціи. Оно имѣетъ много видовъ. Въ однихъ, земледѣльческимъ капиталомъ долженъ запасаться самъ работникъ, въ другихъ — капиталъ дается ему отъ землевладѣльца, въ третьихъ — известная часть капитала дается отъ землевладѣльца, а известною частью долженъ запасаться самъ работникъ; въ однихъ видахъ половничества уплата отъ половника землевладѣльцу производится натурою, въ другихъ — деньгами; въ однихъ она составляетъ половину продукта (отчего и произошло названіе половничества), въ другихъ — только третью или четвертую часть продукта, а двѣ трети или три четверти остаются у половника. Но общій признакъ всѣхъ видовъ половничества — тотъ, что доля, отдаваемая половникомъ землевладѣльцу, опредѣляется не соперничествомъ, а обычаемъ. Уже изъ этого ясно, что половничество можетъ держаться лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ новая промышленная дѣятельность еще не обратилась

на земледѣліе, гдѣ оно еще остается въ средневѣковомъ эконоическомъ положеніи. Вообще говоря, половники пользуются нѣсколько лучшимъ, а часто и значительно лучшимъ благосостояніемъ, чѣмъ наемные земледѣльческіе работники; но объ этой формѣ устройства мы не будемъ распространяться, потому что она очевидно должна уничтожиться въ довольно скоромъ времени и тамъ, гдѣ еще удержалась до сихъ поръ, а не то, чтобы могла распространяться на такія мѣста, гдѣ не существуетъ.

Она замѣтно и уничтожается, замѣняясь или госнодскимъ хозяйствомъ съ наемными работниками, или фермованіемъ земли по принципу соперничества, или обращеніемъ платы владѣльцу изъ нѣвѣстной доли продукта въ неизвѣстную сумму, которая уже составляетъ не то, что форму распределенія продукта, а родъ опредѣленнаго налога, — только налога, платимаго поселяниномъ не государству, а частному лицу; черезъ нѣсколько времени (иногда, конечно, очень нескоро) этотъ налогъ капитализуется и выкупается.

Итакъ, половничество — та форма распределенія продукта между двумя классами, въ которой пропорція раздѣла опредѣляется обычаемъ, а не соперничествомъ. Когда же пропорція раздѣла земледѣльческаго продукта между двумя классами опредѣляется соперничествомъ, то происходятъ двѣ главныя формы раздѣла: во-первыхъ, хозяйство можетъ вести самъ землевладѣлецъ посредствомъ наемныхъ работниковъ; во-вторыхъ, хозяйство можетъ вести работникъ, арендующій землю по принципу соперничества. Первый случай надобно назвать господскимъ хозяйствомъ съ наемнымъ трудомъ; второй случай, очень хорошо знакомый англійскимъ политико-экономамъ, нѣвѣстенъ у нихъ подъ именемъ коттерства.

О господскомъ хозяйствѣ съ вольнонаемнымъ трудомъ Милль говоритъ очень мало и лишь мимоходомъ, потому что въ Англии оно совершенно неупотребительно. Большіе землевладѣльцы совершенно неспособны успѣшно вести хозяйство, по единодушному отзыву всѣхъ англійскихъ политико-экономовъ, очень хорошо знакомыхъ съ большимъ землевладѣніемъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ Милль.

Большіе землевладѣльцы повсюду бываютъ правдивымъ сословіемъ и если трудятся, то развѣ въ такихъ отрасляхъ дѣятельности, которыя доставляютъ больше удовольствія, чѣмъ сельское хозяйство, и вездѣ захвачены высшими сословіями. «Напрасно и неразсудительно было бы ожидать, говоритъ Джонсъ, чтобы порода знатныхъ собственниковъ, огражденных привилегіями и титулами, привлекаемыхъ къ военной и политической каррьерѣ выгодами и привычками своего положенія, могла когда нибудь сдѣлаться сословіемъ хорошихъ сельскихъ хозяевъ». Каждый можетъ самъ разсудить, каковы были бы результаты даже въ

Англіи, если бы сельское хозяйство въ помѣстьяхъ велось самими землевладѣльцами. Мало было бы примѣровъ амаля и энергіи, довольно много было бы отдѣльных примѣровъ посредственнаго успѣха, а общее положеніе земледѣлія было бы нигуда негодно.

При обязательномъ трудѣ форма господскаго хозяйства владычествуетъ во многихъ странахъ оттого, что тутъ слишкомъ мало бываетъ капиталистовъ, желающихъ брать помѣстья въ аренду, а денежной платы несвободные работники часто не могутъ вносить въ количествѣ, какого желать бы владѣлецъ. Но съ вольно-наемнымъ трудомъ эта система хозяйства не можетъ долго удержаться. Если по уничтоженіи обязательнаго труда не производится выкупа земли законодательнымъ путемъ или не устанавливается, также законодательнымъ путемъ, неизмѣнная рента, а предоставляется дѣлю вліянію соперничества, то происходитъ одно изъ двухъ: когда въ странѣ много капиталовъ и много капиталистовъ, находящихся въ выгоду вести земледѣльческое хозяйство на свой капиталъ коммерческимъ способомъ, являются капиталисты-фермеры и продуктъ дѣлится между тремя классами: землевладѣльцами, капиталистами-фермерами и наемными работниками; а когда нѣтъ ни капитала, ни выгоды возникать классу капиталистовъ-фермеровъ и существуютъ лишь два класса, землевладѣльцы и вольные работники, происходитъ форма, называющаяся у англійскихъ писателей коттерствомъ. О законахъ, которыми подчинено распредѣленіе продукта въ первомъ случаѣ, мы будемъ говорить въ особенной статьѣ подробно, потому что эта форма, — распредѣленіе земледѣльческаго продукта между тремя классами, — принимается въ школѣ Адама Смита за нормальную, ближе всѣхъ остальныхъ формъ экономическаго быта соответствующую требованіямъ науки. Съ свойствами втораго случая теперь же пусть познакомитъ насъ Милль, очень основательно рассматривающій его въ двухъ главахъ (IX и X гл. II-й кн.). IX-ю главу мы приведемъ здѣсь вполнѣ, X-ю почти вполнѣ, выпуская изъ нея лишь немногія, небольшія мѣста, не имѣющія для насъ интереса.

Общимъ названіемъ коттерства я обозначаю всѣ безъ исключенія системы, по которымъ работникъ снимаетъ землю безъ посредства капиталиста-фермера, а условія, на которыхъ беретъ онъ землю, и въ особенности, величина ренты, опредѣляются не обычаемъ, а соперничествомъ. Главный примѣръ этой системы въ Европѣ — Ирландія, изъ которой и заимствовано слово коттеръ (*). Почти все земледѣльческое

(* Слово «коттеръ» обозначается фермеръ, снимающій у другаго мелкаго фермера нѣбу съ однимъ или двумя экранами земли; но въ экономической литературѣ значеніе этого термина давно расширилось, такъ что онъ обозначаетъ и мелкихъ фермеровъ, снимающихъ землю прямо у землевладѣльцевъ, и вообще обозначаетъ всѣхъ поселянъ-фермеровъ, ренты которыхъ опредѣляются соперничествомъ.

Прим. Милля.

поселеніе Ирландіи составляютъ коттеры; только въ Эльстерѣ фермеры, пользующіеся правомъ вознагражденія (tenant right), служатъ исключеніемъ. Правда, существуетъ въ Ирландіи многочисленный классъ такихъ работниковъ, которые не могутъ получить даже и малѣйшаго клочка земли въ постоянное пользованіе, потому что или собственники или фермеры, сдавшие землю, не хотятъ увеличивать раадробленіе участковъ. Но по недостатку капитала въ Ирландіи господствуетъ обычай вознаграждать работника не деньгами, а землею; даже люди нанимающіеся на время въ работники у коттеровъ или у большихъ фермеровъ (гдѣ встрѣчаются въ Ирландіи большіе фермеры) обыкновенно получаютъ плату не деньгами, а дозволеніемъ на одно лѣто воздѣлывать себѣ кусокъ земли, который обыкновенно дается имъ отъ фермера уже удобренный и называется конэкръ. За этотъ кусокъ они обязываются уплатить ренту деньгами, часто по нѣскольکو фунтовъ за акръ, но въ дѣйствительности денегъ не платится, а свой долгъ зарабатываютъ они двумя по денежной оцѣнкѣ (*). По системѣ коттерства продуктъ раздѣляется на двѣ части, ренту и вознагражденіе работника; очевидно, что величина одной части опредѣляется величиною другой. Работнику остается то, что не берется землевладѣльцемъ. Положеніе работника зависитъ отъ величины ренты. А рента, опредѣляясь соперничествомъ, зависитъ отъ отношенія между запросомъ на землю и предложеніемъ ея. Запросъ на землю зависитъ отъ числа соперничающихъ сѣмщиковъ; а такими сѣмщиками являются всѣ поселяне. Такимъ образомъ система эта имѣетъ своимъ результатомъ то, что принципъ населенія дѣйствуетъ не на капиталъ, какъ въ Англіи, а прямо на землю. При этомъ положеніи дѣлъ рента зависитъ отъ пропорціи между населеніемъ и землею. Но земля составляетъ опредѣленную величину, а населеніе имѣетъ безпредѣльную способность размножаться; потому, если размноженіе не задерживается чѣмъ нибудъ, соперничество въ запросѣ на землю скоро поднимаетъ ренту до крайней высоты, при которой только можетъ оставаться въ живыхъ народъ. Такимъ образомъ результаты коттерства зависятъ отъ границы, на которой способность населенія размножаться удерживается или обычаемъ, или личнымъ благоразуміемъ, или истощеніемъ отъ голода и болѣзнями.

Нельзя безусловно сказать, что коттерство рѣшительно ни въ какомъ случаѣ не допускаетъ благосостоянія рабочаго класса. Если бы возможно было предположить, что оно существуетъ у народа, у котораго высокій уровень благосостоянія вошелъ въ привычку, который такъ требователенъ на житейскія удобства, что не станетъ предлагать за землю ренты, не оставляющей ему хорошихъ средствъ къ жизни:

(*) Конэкрная система вышла изъ употребленія въ Ирландіи послѣ голода 1846 и 1847 годовъ. Но она должна сохранить свое мѣсто въ нашемъ опытѣ характеристики коттерства, служа естественной принадлежностью и слѣдствіемъ коттерской системы. Потому мы оставили текстъ въ прежнемъ видѣ, какъ онъ былъ написанъ до 1846 года.

Прим. Милля.

который размножается съ медленностію, такъ что имѣть въ немъ незавидныхъ людей, поднимающихъ ренту своимъ соперничествомъ, когда увеличеніе земледѣльческаго продукта отъ усовершенствованія техники не даетъ народу возможности повысить ренту безъ вреда для себя, — если бы можно было представить такое положеніе дѣлъ, то при системѣ коттерства землепашцы могли бы имѣть не меньшее вознагражденіе, чѣмъ при какой нибудь другой системѣ, могли бы пользоваться значительнымъ благосостояніемъ. Но все-таки, при зависимости ренты отъ произвола, они не имѣли бы ни одной изъ тѣхъ особенныхъ выгодъ, которыя получаютъ по тосканской системѣ половина отъ прочаго пользованія землею. Они не имѣли бы въ своемъ распоряженіи капитала, принадлежащаго землевладѣльцамъ, и недостатокъ капитала не вознаграждался бы у нихъ энергическими побужденіями къ усердному физическому и умственному труду, существующими въ поселеніи, при неизмѣнности ренты. Напротивъ, увеличеніе цѣнности земли отъ усердной работы поселенна вело бы только къ возвышенію ренты во вредъ ему или на слѣдующій годъ, или по истеченіи прежняго контракта. Правда, землевладѣльцы могли бы имѣть честность или расчетливость, чтобы не пользоваться выгодною, какую давало бы имъ соперничество; но не у всѣхъ землевладѣльцевъ эта воздержность была бы одинакова. А вообще никакъ нельзя ожидать, чтобы какое нибудь сословіе людей стало поступать въ противность прямой своей денежной выгоды; и легчайшее сомнѣніе было бы тутъ почти столь же губельно, какъ положительная увѣренность, потому что, если человѣкъ соображаетъ, дѣлать ли ему усиліе или пожертвованіе въ настоящемъ для будущаго, то рѣшеніе повернется противъ заботы о будущемъ при самомъ малѣйшемъ рискѣ, что плоды труда или пожертвованія будутъ отняты у него. Единственной оградой отъ этихъ сомнѣній было бы возникновеніе обычая, обезпечивающаго неотъемлемое пользованіе землею поселенну съ возвышеніемъ ренты лишь тогда, когда возвышеніе утверждалось бы общимъ мнѣніемъ всего населенія. Такой обычай — право фермера на вознагражденіе (*tenant right*), существующее въ Эльстерѣ. Значительность суммы, получаемой снѣвляющимися фермеромъ отъ его преемника за уступку фермы (*), ограничиваетъ кругъ сомнѣтелей людьми, могущими заплатить такую сумму; видно также изъ этого факта, что землевладѣлецъ не вполне пользуется выгодами даже и отъ такого ограниченнаго соперничества, потому что рента, имъ получаемая, не составляетъ всей суммы, платимой новымъ фермеромъ. Новый фермеръ

(*) Нерѣдко фермеръ, не имѣющій контракта, продаетъ просто только привилегію занимать эту ферму, нисколько имъ не улучшенную, за сумму отъ 10 до 16, даже до 20 и даже до 40 годичныхъ платежей ренты съ этой фермы (*Digest of Evidence taken by Lord Devon's Commission, Introductory Chapter*). Составитель этого отчета прибавляетъ: «тишина, которую пользуется Эльстеръ сравнительно съ другими ирландскими провинціями, можетъ быть приписана преимущественно этому факту».

Прим. Милля.

внести временно выкуп, въ полной увѣренности, что рента не будетъ увеличена; это гарантируется ему обычаемъ, который не признавъ въ законѣ, но получаетъ свою обязательную силу отъ другой санкціи, очень хорошо известной каждому въ Ирландіи (*). Безъ той или другой изъ этихъ опоръ не можетъ въ странѣ, дѣлающей экономическіе усѣхи, возникнуть обычай, которымъ бы ограничивалась поземельная рента. Если богатство и населеніе будутъ въ недвижимомъ состояніи, то вообще будетъ въ немъ и рента; а нѣсколько времени просуществовавъ безъ перемены, она вѣроятно станетъ считаться не подлежащею переменѣмъ. Но всякое увеличеніе богатства и населенія ведетъ къ возвышенію ренты. При половничествѣ есть установившійся способъ для землевладѣльца непремѣнно получить часть увеличенія въ земледѣльческомъ продуктѣ. Но при коттерствѣ онъ можетъ получить эту часть только измѣненіемъ условій контракта, и въ прогрессирующемъ обществѣ это измѣненіе почти всегда будетъ выгодно ему. Потому его выгода рѣшительно противна возникновенію обычая, придающаго рентѣ неизмѣнную величину.

Гдѣ величина ренты не ограничена закономъ или обычаемъ, тамъ коттерство имѣетъ невыгоды самаго худшаго половническаго устройства, почти не имѣя ни одной изъ выгодъ, которыми онъ вознаграждается въ половничествѣ лучшаго устройства. При коттерствѣ почти нѣтъ возможности земледѣлю находиться не въ жалкомъ положеніи. Но положеніе земледѣльцевъ можетъ не быть несчастнымъ. И при этой системѣ соперничество въ запросѣ на землю можетъ быть сдерживаемо достаточными препятствіями размноженію людей; этимъ можетъ предотвращаться крайняя бѣдность; привычка къ благоразумію и къ высокому уровню благосостоянія, однажды установившись, можетъ сохраняться. Но и въ этихъ благоприятныхъ обстоятельствахъ побужденія къ благоразумію будутъ значительно слабѣе, чѣмъ у половниковъ, подобно тосканскимъ защищеннымъ обычаемъ отъ опасности лишиться своихъ участковъ. Пользуясь такою защитой, семья половниковъ можетъ обѣднѣть лишь отъ собственнаго неблагоразумія въ размноженіи, а неблагоразуміе другихъ семей въ этомъ отношеніи не повредитъ ей. Напротивъ, какъ бы ни была благоразумна и воздержна семья коттеровъ, рента можетъ быть поднята во вредъ ей размноженіемъ другихъ семей.

(*) «Въ огромномъ большинствѣ случаевъ выкупъ—не вознагражденіе прежняго фермера за издержки или за улучшенія, а просто застрахованіе жизни или покупка личной безопасности, (Digest, ut supra).—«Нынѣшній фермерскій выкупъ въ Эльстерѣ надобно считать зародышемъ состоянія арендаторовъ-собственниковъ» (copyhold), справедливо замѣчаетъ составитель отчета.—«Если право выкупа нарушено и фермеръ прогнанъ безъ уплаты ему уступочной цѣны то вообще слѣдуетъ убійство или поджогъ» (гл. 8).—«Безпорядки, господствующіе въ Типперари и земледѣльческіе заговоры по всей Ирландіи слѣдуетъ считать систематизированной войною для полученія эльстерскаго права выкупа».

Прим. Милла.

Отъ этого зла коттеры могутъ найти себѣ защиту лишь въ томъ, когда по всему сословію распространено спасительное чувство обязанностей или достоинства. Должно сказать, что это чувство можетъ доставлять имъ значительное огражденіе. Если обычный уровень потребностей въ цѣломъ сословіи будетъ высокъ, то молодой человѣкъ не захочетъ предлагать ренту, при которой сталъ бы въ положеніе, худшее своего предмѣстника; точно также можетъ установиться (и дѣйствительно установился въ нѣкоторыхъ странахъ) общій обычай не жениться иначе, какъ при существованіи незанятой фермы.

Но дѣло въ томъ, что никакъ не представится намъ случая разсматривать коттерства при положеніи вещей, когда въ привычкахъ рабочаго класса укоренилась высокая норма благосостоянія. Коттерство встрѣчается лишь тамъ, гдѣ обычныя потребности сельскихъ работниковъ чрезвычайно низки, гдѣ поселане размножаются до самаго предѣла голодной смерти, гдѣ населеніе сдерживается лишь болезнями и недолговѣчностью, отъ недостатка въ необходимомъ для поддержки физическаго существованія. Къ несчастію, таково положеніе огромнаго большинства ирландскихъ поселанъ. Когда народъ упалъ до такого положенія, когда онъ находится въ немъ съ незапамятнаго времени, коттерство бываетъ почти непреодолимымъ препятствіемъ ему выдти изъ этого положенія. Когда привычки народа таковы, что размноженіе сдерживается лишь невозможностію физическаго пропитанія, и когда пропитаніе получается народомъ лишь отъ земледѣлія, то всѣ условія и договоры относительно величины ренты бываютъ чисто номинальными; сомскательство на землю заставляетъ снимающихъ ее общаться платить болѣе, чѣмъ возможно платить, и уплативъ все, что могутъ, они почти всегда будутъ оставаться въ долгу.

«Объ ирландскихъ поселаняхъ, говоритъ Ривенсъ, секретарь комиссіи, изслѣдовавшей дѣйствія законовъ о бѣдныхъ въ Ирландіи (Irish Poor Law Enquiry Commission) (*), можно сказать, что въ каждой семьѣ, не имѣющей достаточно земли для своего прокормленія, одинъ или нѣсколько человѣкъ ходятъ по міру; изъ этого легко понять, что поселане всячески стараются снимать малые участки, и предлагаемая ими рента не основывается ни на достоинствахъ земли, ни на собственности ихъ возможности заплатить обѣщанныя деньги: они просто обѣщаютъ плату, какую угодно, лишь бы получить участокъ. Почти никогда не могутъ они уплатить обѣщанной ренты, и потому, какъ только вступили въ пользованіе землею, становятся должниками людямъ, у которыхъ сняли ее. Въ уплату ренты они отдаютъ весь продуктъ земли, за исключеніемъ картофеля, нужнаго на ихъ прокормленіе; но вся эта плата бываетъ обыкновенно меньше обѣщанной ренты, потому

(*) Evils of the State of Ireland, their Causes and their Remedy, стр. 10. Эта брошюра содержитъ между прочимъ превосходный сводъ показаній изъ массы свидѣтельствъ, собранныхъ комиссіею, председателемъ которой былъ архіепископъ Гуэлл.
Прим. Мулла.

долгъ имъ постоянно растетъ. Иногда обѣщанная рента бываетъ больше всего самаго урожайнаго продукта, какой когда либо случался на участіи или какой можетъ дать участокъ въ наилучшее дѣло, при существующей системѣ обработки; поэтому еслибы поселанинъ исполнилъ условія договора съ землевладѣльцемъ, которыхъ почти никогда не можетъ исполнить, то онъ воедѣльвалъ бы землю задаромъ и еще давалъ бы землевладѣльцу премію за позволеніе воедѣльвать ее. Въ дріморскихъ мѣстахъ рыбаки, а въ сѣверныхъ графствахъ поселане, имѣющіе ткацкіи станки, часто платятъ за землю больше, чѣмъ стоить по рыночной цѣнѣ весь продуктъ ея. Можно бы предположить, что они стали бы жить нѣсколько лучше вовсе безъ земли. Но рыбная ловля можетъ прекратиться на недѣлю или на двѣ; можетъ останавливаться недѣли на двѣ и запросъ на продукты ткацкаго станка; въ это время они умерли бы съ голода, еслибы не имѣли земли, съ которой собираютъ нищу. Рѣдко платятъ коттеры всю обѣщанную ренту. Поселанинъ постоянно находится въ долгу у землевладѣльца; продажою его жалкаго имущества, — нищенской одежды его и его семьи, двухъ-трехъ студеивъ и нѣсколькихъ штукъ глиняной посуды, — продажою всего имущества, находящагося въ его жалкой избушкѣ, не поправятся бы постоянный и вообще возрастающій долгъ. Почти всѣ поселане бываютъ должны уплатою за цѣлый годъ, и невзыменіемъ въ несправности бываетъ у нихъ нищета. Если въ какой нибудь годъ продуктъ участка будетъ больше обыкновеннаго, или какъ нибудь получить поселанинъ какое нибудь имущество, его благосостояніе не увеличится, онъ не можетъ быть лучше прежняго или больше прежняго, не можетъ прикупить себѣ мебели и посуды, одѣть жену и дѣтей получше. Все полученное имъ должно пойти къ тому, у кого снимаетъ онъ землю. Случайное увеличеніе дохода послужитъ только къ уменьшенію его долга, въ отсрочкѣ времени, когда его прогонятъ за неплатежъ долга. Но выше этого не должны простираться его ожидания.

Изъ показаній собранныхъ комиссіею, бывшею подъ предсѣдательствомъ лорда Девона, мы приведемъ фактъ, засвидѣтельствованный Гёрди, короннымъ секретаремъ (Clerk of the Crown) графства Керри-скаго; изъ этого показанія видно, до какой крайности доходитъ соперничество въ запросѣ на землю, и до какой чудовищной высоты иногда поднимается оно номинальную ренту: «я знаю случай, когда нашлась ферма, дающая въ годъ, какъ въ точности извѣстно мнѣ, 50 фунтовъ; соперничество подняло дѣну до того, что она была сдана за 450 фунтовъ».

При такомъ положеніи дѣлъ — какую пользу принесетъ земледѣльцу, снимающему землю, величайшее трудолюбіе, величайшее благоразуміе, какой убытокъ принесетъ ему безразсудство? Если землевладѣлецъ потребуетъ полной уплаты, у коттера не останется хлѣба на собственное пропитаніе. Если чрезвѣщныя усердіемъ онъ удвоитъ продуктъ своего участка, если по благоразумію не станетъ рождать дѣтей,

онъ выиграетъ только то, что больше останется у него на уплату землевладельцу; а если у него будетъ хотя 20 человекъ дѣтей, вотъ такъ землевладелецъ возьметъ у него лишь то, что остается за прокормленіемъ его семьи. Изъ всѣхъ людей, живущихъ на свѣтѣ, почти одинъ только ирландскій коттеръ въ такомъ положеніи, что какъ бы ни поступалъ онъ, онъ не можетъ ни улучшить, ни ухудшить своего положенія. Если онъ трудолюбивъ и благоразуменъ, отъ этого выиграетъ только его землевладелецъ; если онъ лѣнивъ или неводержимъ, убытокъ отъ этого только землевладельцу. Никакое воображеніе не можетъ представить устройства, при которомъ было бы меньше побужденій къ труду или благоразумію. Тутъ уничтожены побужденія, управляющія свободными людьми, и не замѣнены побужденіями, управляющими рабомъ. Ирландецъ не имѣетъ ни надеждъ, ни опасеній, кромѣ опасенія быть прогнаннымъ съ участка; а противъ этой бѣды онъ ограждаетъ себя посредствомъ *ultima ratio*, оборонительной междоусобной войны. «Рокизигъ» и «Уайтбонагъ» — вотъ судьба народа, который можетъ назвать своимъ лишь тотъ кусокъ плохой пищи, который съѣдаетъ вынѣ, и не хочетъ лишаться этого куска въ угоду другимъ.

И послѣ этого люди, претендующіе быть нашими наставниками, отсталость ирландской промышленности, недостатокъ въ ирландцахъ энергии къ улучшенію своего быта — приписываютъ особенной лѣности и беззаботности, свойственной кельтскому племени, — не надобно ли назвать это горькою сатирою на манеру, по которой составляются иніціи о важнѣйшихъ вопросахъ человѣческой природы и жизни? Приписывать разницу въ образѣ дѣйствій и въ характерѣ врожденному естественному различію, — это самый обыкновенный и пошлый способъ изъ всѣхъ пошлыхъ способовъ уклоняться отъ надобности принимать въ соображеніе дѣйствія общественныхъ и нравственныхъ вліяній на человѣка. Какое племя не стало бы лѣннѣе и безнечнѣе при такомъ устройствѣ дѣлъ, что предусмотрительность и трудолюбіе не приносятъ никакой пользы? Если племя живетъ и работаетъ въ такой обстановкѣ, удивительно ли, что порожденная ею безпечность и апатія не отбрасываются въ одинъ мигъ, когда представляется случай трудиться съ дѣйствительною пользою для себя? Очень натурально, что народъ, любящій удовольствія и впечатлительный, каковъ ирландскій народъ, не такъ наклоненъ къ рутинному труду, какъ англичане, потому что жизнь имѣетъ для него много привлекательныхъ сторонъ независимо отъ труда; но ирландцы способны къ труду не менѣе своихъ кельтскихъ братьевъ французовъ, не менѣе тосканцевъ или древнихъ грековъ. Люди впечатлительные способны всѣхъ другихъ одушевляться усердіемъ въ работѣ, лишь бы находили достаточное побужденіе къ ней. Если люди не работаютъ, когда не имѣютъ побужденій къ труду, это еще вовсе не свидѣтельствуетъ, чтобы они не были способны къ трудолюбію. Никто не работаетъ усерднѣе ирландца въ Англійи или въ Америкѣ, но не работаетъ ирландецъ усердно, когда онъ коттеръ.

Многолюдное населеніе, воздѣлывающее землю въ Индіи, нахо-

дится въ положеніи, довольно сходномъ съ поттерствомъ и въ то же время на столько различномъ отъ него, что сравненіе этихъ двухъ системъ instructively. Въ большей части Индіи теперь находится, и вѣроятно всегда находилось, только два сословія, участвующія въ раздѣлѣ продукта: землевладѣлецъ и поселеникъ; землевладѣлецъ вообще бываетъ государь; исключеніемъ служатъ лишь тѣ случаи, когда государь особенныи документомъ уступилъ свои права другому лицу, становящемуся его представителемъ. Но развѣръ уплатѣ, производимыхъ поселянами или, во индійскому названію, райотами, почти никогда, или вовсе никогда, не былъ опредѣляемъ соперничествомъ, какъ опредѣляется въ Ирландіи. Мѣстные обычаи были до безконечности разнообразны, и не было такого обычая, который на практикѣ могъ бы устоять противъ воли государя, но всегда было въ известномъ округѣ какое нибудь общее правило; сборщикъ не торговался съ отдѣльнымъ поселеникомъ, а налагалъ на каждого плату по той же норѣ, какъ на другихъ. Такимъ образомъ сохранялось понятіе, что землевладѣлецъ имѣетъ на землю право собственности или во крайней мѣрѣ вѣчнаго владѣнія, и возникло аномальное сочетаніе наследственной принадлежности земли поселянамъ-фермерамъ, съ произвольной властью землевладѣльца увеличивать ренту.

Когда туземные индійскіе правители въ большей части Индіи были замѣнены моголами, правительство стало дѣйствовать по другому принципу. Была произведена подробная перепись земель, и на основаніи этой переписи былъ распределенъ налогъ, назначавшій, сколько съ каждаго участка должно платиться правительству. Если бы эта норма осталась ненарушенной, райоты были бы въ довольно выгодномъ положеніи поселяны-собственниковъ, платившихъ такую ренту. На самомъ дѣлѣ было иное. По отсутствію всякаго серьезнаго отраженія отъ незаконныхъ виногательствъ, эта перепись улучшила положеніе поселяны почти только номинальнымъ образомъ; за исключеніемъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда мѣстный правитель былъ гуманомъ и энергичномъ, поборы не были на практикѣ ниваного предѣла, кромѣ невозможности райота заплатить больше.

Такое было положеніе дѣла, сдѣлавшееся въ Индіи властью англичанъ. Англійскіе правители рано почувствовали надобность положить конецъ этому произвольному характеру повсемельнаго дохода и опредѣлить точный предѣлъ правительственнымъ требованіямъ. Они не захотѣли возвратиться къ норѣ налога, опредѣленной моголами. Англійское правительство въ Индіи вообще мало смотрѣло на то, какъ представлялись туземныя учрежденія въ теоріи, а наследовало только, какія права существовали и уважались на практикѣ, старалось оградить и расширить эти фактическія права туземцевъ. Принципъ этотъ былъ очень хорошъ, но долго англійскіе правители понимали факты очень фальшивымъ образомъ, грубо ошибались во взглядѣ на существующіе обычаи и права. Ошибки ихъ происходили отъ неспособности людей обыкновеннаго ума представить себѣ общественный бытъ, радикально различный отъ быта, съ которымъ они практически свыклись. Англія при-

вышла къ большимъ помѣстьямъ и къ большимъ землевладѣльцамъ, и англійскіе правители считали дѣломъ несомнѣннымъ, что Индія тоже имѣетъ большихъ землевладѣльцевъ съ большими помѣстьями; они стали искать класса людей, которые могли бы соответствовать такому положенію, и на глаза имъ попался родъ сборщиковъ налога, называемыхъ земиндарами. «Земиндаръ, говоритъ авторъ научной «Исторіи Индіи» (Mill's History of British India, кн. VI, гл. 8), имѣлъ нѣкоторыя права, принадлежащія землевладѣльцу: онъ собиралъ ренту съ небольшого округа, управлялъ его земледѣльцами, жилъ окруженный блескомъ и, по его смерти, наследовалъ ему сынъ. Изъ этого, не задумываясь, заключили, что земиндары были собственники земли, составляли аристократію, владѣющую помѣстьями въ Индіи. Но земиндары, собирая ренту, не оставляли ее въ своихъ рукахъ, а за вычетомъ небольшого процента, отдавали всю собранную сумму правительству,—этого англійскіе правители не сообразили. Не сообразили они и того, что если земиндары управляли райотами, имѣли надъ ними во многихъ отношеніяхъ деспотическую власть, то управляли имъ не какъ своими фермерами, не какъ людьми, снявшими ихъ землю по срочному или бесрочному контракту. Райотъ владѣлъ своею землею наследственно; земиндаръ не имѣлъ права согнать его съ этой земли; земиндаръ обязанъ былъ давать отчетъ въ каждомъ «артингѣ», полученномъ отъ райота; и если онъ сверхъ небольшого процента, который предоставлялся ему въ плату за трудъ сбора, удерживалъ изъ собранной имъ суммы хотя одну ану, это было воровствомъ.

«Въ Индіи представлялся намъ случай, подобнаго которому никогда не встрѣчалось въ исторіи, продолжаетъ Милль (*). Послѣ государя главнѣйшее право на землю принадлежало самимъ хлѣбопашцамъ. Земиндаровъ легко было бы вполне вознаградить за ихъ права, т. е. за права сборщиковъ. Съ цѣлью улучшить земледѣліе было принято великодушное рѣшеніе пожертвовать правами собственности, какія имѣлъ государь. Англійскіе правители справедливо находили, что право собственности сильно возбуждаетъ людей къ усовершенствованію земледѣлія; это право можно было дать людямъ, на которыхъ оно подѣйствовало бы несравненно сильнѣе, чѣмъ на людей всякаго иного класса, дать его людямъ, которые во всѣхъ странахъ необходимо бываютъ главными дѣятелями въ земледѣльческихъ усовершенствованіяхъ, — дать это право тѣмъ самымъ людямъ, которые воздѣлываютъ землю. Такая мѣра была бы достойна считаться однимъ изъ величайшихъ благодѣяній, когда либо оказанныхъ какой нибудь странѣ, она вознаградила бы индійскій народъ за бѣдствія, которыми такъ долго подвергался онъ отъ дурныхъ правительствъ. Но законодателями были англійскіе аристократы, и они поступили по аристократическимъ предрасудкамъ» (Mill's History of British India, кн. VI, гл. 8).

(*) Джемсъ Милль, авторъ «Исторіи Британской Индіи», цитируемой здѣсь авторомъ «Основаній Политической Экономіи», отецъ его.

Принятая ими мѣра оказалась совершенно неудачною по отношенію къ результатамъ, которыхъ ждали отъ нея благонамѣренные законодатели. Не привыкли соображать видоизмѣненія, какимъ подвергается дѣйствіе каждаго учрежденія въ разныхъ мѣстахъ даже одного королевства, они воображали, что создали въ бенгальскихъ областяхъ англійскихъ землевладѣльцевъ, а на дѣлѣ оказалось, что они создали ирландскихъ землевладѣльцевъ. Новые поземельные аристократы обманули всю надежду, возлагавшуюся на нихъ. Нисколько не заботясь объ улучшеніи своихъ помѣстій, они позаботились быстро разорить самихъ себя. Правительство не приняло на себя труда дать землевладѣльцамъ возможность не болѣе послѣдствій расточительности, какъ сдѣлало въ Ирландіи, и всю землю въ Бенгалѣ пришлось секвестровать и продать за долги или неплатежъ податей; въ одно поколѣніе исчезли почти все прежніе земледары. Теперь занимаютъ ихъ мѣсто другія фамиліи, болѣею частію потомки калькутскихъ банкировъ или туземныхъ чиновниковъ, и живутъ такими же бесполезными трутнями на землѣ, отданной имъ. Правительство пожертвовало своими денежными выгодами для созданія этого класса; пожертвованіе оказалось совершенно напраснымъ или прямо вреднымъ для страны.

Въ тѣхъ частяхъ Индіи, гдѣ британская власть установилась позднѣе, англичане не сдѣлали такой ошибки, не подарили бесполезному сословію большихъ землевладѣльцевъ государственнаго дохода. Почти во всемъ мадрасскомъ президентствѣ и въ нѣкоторой части бомбейскаго президентства рента платится прямо правительству самими землепашцами. Въ сѣверозападныхъ провинціяхъ правительство заключаетъ условія со всею сельскою общиною, опредѣляя, сколько долженъ платить каждый земледѣлецъ, но соединяетъ ихъ общею отвѣтственностію другъ за друга въ недоимкахъ. При всемъ томъ, въ большей части Индіи землепашцы не получили вѣчнаго пользованія съ платежемъ неизмѣнной ренты. Правительство ведетъ свое хозяйство по принципу, по которому хорошій ирландскій землевладѣлецъ поступаетъ въ своемъ помѣстьѣ: оно не подвергаетъ землю соперничеству, не хочетъ брать съ хлѣбопашцевъ всего, сколько обѣщались бы они платить, а само опредѣляетъ, сколько они въ состояніи заплатить, и ограничивается этимъ въ своемъ требованіи. Во многихъ округахъ есть землепашцы, считающіеся фермерами другихъ землепашцевъ, которые называются наследниками первоначальныхъ поселенцевъ или завоевателей деревни; правительство обращается съ своими требованіями только къ этимъ поселенцамъ, число которыхъ бываетъ во многихъ мѣстахъ велико. Рента опредѣляется иногда только на одинъ годъ, иногда на три года, или на пять лѣтъ, но повсюду правительство стремится нынѣ ввести контракты съ долгими сроками, доходящими въ сѣверныхъ провинціяхъ Индіи до 30 лѣтъ. Этотъ порядокъ дѣлъ существуетъ еще не такъ много времени, чтобы опытъ могъ показать, въ какой степени слабѣе вѣчнаго пользованія дѣйствуютъ долговременные контракты относительно развитія въ землепашцахъ побужденій къ усовершенствованію. Но системы годич-

ныхъ условій и контрактовъ на недолгій срокъ уже безвозвратно осуждены. Эти системы могутъ назваться успѣшными только по сравнению съ прежними безграничными поборами. Никто ихъ не одобряетъ, и съ самаго начала считались онѣ только переходными мѣрами, которымъ предполагалось прекратить, когда полнѣйшее знакомство съ средствами страны доставитъ данныя для болѣе прочнаго устройства.

Когда составлялось мною и печаталось первое изданіе этой книги, настоятельнѣйшимъ изъ всѣхъ практическихъ вопросовъ для англійскаго правительства былъ вопросъ, что дѣлать съ коттерами. Большинство населенія, простиравшагося до 8 милліоновъ жителей, долго страдало въ безнадежной апатіи и крайней нищетѣ подъ господствомъ коттерства, было доведено имъ до того, что кормилось самую плохую пищу и не имѣло ничего кромѣ этой пищи, было доведено до неспособности сдѣлать что нибудь или захотѣть чего нибудь для улучшенія своей участи; наконецъ неурожаетъ своей плохой пищи оно было повергнуто въ остояніе, при которомъ не оставалось ему ничего иного, какъ, или умереть съ голоду, или содержаться чужими пособіями, или перейти къ другому экономическому устройству, радикально различному отъ несчастнаго устройства, подъ которымъ жило оно до той поры. Такое положеніе дѣлъ привлекло къ себѣ вниманіе законодательской власти и націи; но трудно сказать, что законодательство и нація успѣли разрѣшить вопросъ. Бѣдствіе происходило отъ системы повсемѣльныхъ отношеній, отнивавшихъ у народа всякія побужденія къ труду и бережливости, кромѣ побужденія, даваемого страхомъ голодной смерти; а средство придуманное парламентомъ уничтожило и это побужденіе, давая народу законное право жить милостынею. Для отстраненія причины зла не было сдѣлано ничего; ограничились пустыми жалобами, купивъ отсрочку рѣшенія 10 милліонами фунтовъ стерлинговъ изъ національной казны.

«Нѣтъ надобности (замѣчалъ я тогда) тратить доказательства на то, что коренная причина экономическихъ бѣдствій Ирландіи находится въ системѣ коттерства, что ожидать трудолюбія, полевой дѣятельности, какихъ нибудь другихъ задержекъ размноженію, кромѣ смерти, ожидать хотя какого нибудь уменьшенія бѣдности въ народѣ, когда земледѣльцы этого народа платятъ ренту, опредѣляемую соперничествомъ, — значить, ждать смолкъ отъ репейника и грозовыхъ отъ терновника. Если наши государственные люди еще не созрѣли до пониманія этого факта, или, признавая его въ теоріи, они еще не такъ осязательно чувствуютъ его практическую силу, чтобы основать на немъ свой образъ дѣйствій, то существуетъ чисто матеріальный аргументъ, уклониться отъ котораго не найдутъ они возможности. Если единственное растеніе, которымъ до сихъ поръ питался народъ, будетъ давать плохіе урожаи и въ слѣдующіе годы, то нуженъ будетъ какой нибудь новый сильный толчокъ земледѣльческому искусству и трудолюбію, или ирландская земля не будетъ въ состояніи кормить нынѣшняго своего населенія. Весь продуктъ съ западной половины острова безъ всякаго вычета ренты, не можетъ те-

перь содержать изъ года въ годъ население этой половины Ирландіи; оно по необходимости будетъ ежегодно содержаться на счетъ государственныхъ доходовъ, пока эмиграціе или голодною смертію уменьшится до числа, соответствующаго низкому состоянію ирландской промышленности; это невозможно, если не найдены будутъ средства сдѣлать ирландскій трудъ болѣе производительнымъ».

Послѣ того, какъ были написаны эти слова, непредвидѣнные и нѣкимъ событіемъ забавили англійскихъ правителей Ирландіи отъ затрудненій, которыя были бы справедливымъ наказаніемъ за ихъ неумнительность и непредусмотрительность. Ирландія подѣ владычествомъ поттерства не могли прокармливать свое население. Парламентъ прибѣгъ къ иѣрамъ, усиливавшимъ размноженіе населенія, и нимало не усилившимъ производство. Но неожиданнымъ путемъ явилась помощь, которой не дала ирландскому народу мудрость политическихъ людей. Народъ началъ эмигрировать безъ пособія правительства; первые переселенцы накопили деньги на плату за переѣздъ слѣдующимъ переселенцамъ; это исполненіе уѣвилдовой системы въ гигантскомъ размѣрѣ уменьшило теперь число жителей Ирландіи до количества, которое можетъ находить себѣ занятіе и средства къ жизни при нынѣшней земледѣльческой системѣ. Ценсъ 1851 г. показалъ уменьшеніе населенія въ полтора миліона сравнительно съ ценсомъ 1841 года. Ирландцы нашли себѣ путь на тотъ цѣлѣтущій материкъ, на которомъ въ теченіе пожелѣвнн можетъ безъ уменьшенія благосостоянія помѣщаться весь излишекъ людей съ цѣлаго свѣта; ирландскіе поселенцы стали обращать свои взоры на земной рай за Океаномъ, какъ на вѣрное убѣжище и отъ угнетенія саксовъ и отъ тиранинн природы; какъ бы ни уменьшалось впоследствии занятіе для земледѣльческаго труда всеобщимъ распространеніемъ англійскаго способа хозяйства по Ирландіи, люди остающіеся безъ занятій станутъ переселяться въ Америку съ такою же быстротою, какъ переселился туда миліонъ ирландцевъ въ три года съ 1848 до 1850 г. И точно также переселеніе не потребуетъ расходовъ отъ государства; весь излишекъ изъ Ирландіи успеетъ переселиться туда, хотя бы вся Ирландія была обращена въ пастбище, подобно графству Сотерлендскому. Люди, думающіе, что земля страны существуетъ для нѣсколькихъ тысячъ земледѣльцевъ и что пока ренты платятся, общество и правительство могутъ оставаться довольны собой,—такіе люди могутъ видѣть въ этомъ переселеніи счастливое прекращеніе ирландскихъ затрудненій.

Но теперь не такое время, чтобы могли удержаться эти надменные мнѣнія, и расположеніе умовъ не благопріятствуетъ имъ. Земля Ирландіи, земля всякой страны принадлежитъ народу этой страны. Отдѣльные лица, называемыя землевладѣльцами, не имѣютъ по суду правственности и справедливости права ни на что иное, кромѣ ренты или вознагражденія по продажной цѣнности ренты. Что же касается самой земли, главное дѣло тутъ въ томъ, какая форма собственности и водѣльванія можетъ доставить отъ земли больше пользы общей массѣ ея жителей. Для собственниковъ ренты можетъ быть очень выгодно, что-

бы масса жителей, отчаявшись получить справедливость въ странѣ, гдѣ жили и страдали она и вредки ея, пошла на другой материк искать того, что отнято у ней на родинѣ поземельною собственностію. Но законодателямъ государства слѣдуетъ нѣвыми глазами смотрѣть на вынужденное переселеніе милліоновъ людей. Когда жители страны массово покидаютъ страну оттого, что правительство страны не хочетъ давать имъ мѣста для жизни въ ней, правительство осуждено. Парламентъ обязанъ преобразовать поземельное устройство Ирландіи. Нѣтъ необходимости лишать землевладѣльцевъ ни одного фардинга изъ денежной цѣнности ихъ законныхъ правъ; но справедливость требуетъ, чтобы люди, воздѣлывающіе землю, получили возможность стать въ Ирландіи тѣми, чѣмъ станутъ они переселившись въ Америку, — стать собственниками земли, ими воздѣлываемой.

Политическое благоразуміе требуетъ этого и не удовлетворяется имъ чѣмъ меньшимъ. Люди не знающіе ни Ирландіи, ни какой иностранной земли, берущіе единственною нормою общественнаго и экономическаго процвѣтанія — англійское устройство, предлагаютъ, какъ единственное лекарство для бѣдствій Ирландіи, обращеніе коттеровъ въ наемныхъ работниковъ. Но это прозвѣтъ объ улучшеніи ирландскаго земледѣлія, а не объ улучшеніи положенія ирландскаго народа. Состояніе поденщика не имѣетъ въ себѣ волшебной силы, чтобы влечь предусмотрительность, бережливость и воздержность въ народъ, лишенный этихъ качествъ. Если бы ирландскіе поселане могли быть мгновенно обращены въ наемныхъ работниковъ, при сохраненіи нынѣшнихъ привычекъ и нравственныхъ особенностей, мы только увидѣли бы 4 милліона или 5 милліоновъ людей, живущихъ въ состояніи наемныхъ работниковъ столь же бѣдственно, какъ жили они въ состояніи коттеровъ: они точно такъ же пассивно переносили бы всѣ лишенія, такъ же безразсудно размножались бы, и быть можетъ даже работали бы такъ же небрежно, потому что всѣхъ ихъ цѣлою массою нельзя было бы прогнать, а если бы можно было, это значило бы только отдать ихъ на пропитаніе деньгами налога для бѣдныхъ. Совершенно иное будетъ послѣдствіе, если сдѣлать ихъ поселанями собственниками. Народъ, не знающій расчетливости и любви къ труду, признаваемый всѣми за одинъ изъ самыхъ отсталыхъ въ Европѣ народовъ по умѣнью трудиться съ успѣхомъ, нуждается, для своего возрожденія, въ самыхъ могущественнѣйшихъ возбужденіяхъ къ трудолюбію и расчетливости, а право собственности на землю — сильнѣйшее изъ этихъ побужденій. Вѣчная принадлежность продукта земли хлѣбопашцу служитъ почти неизмѣнною гарантіею неутомимѣйшаго трудолюбія; она служитъ если и не вполне несомнѣннымъ, то все-таки наилучшимъ изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ предохранительныхъ средствъ отъ излишняго размноженія, и гдѣ она не приведетъ къ цѣли, тамъ едва ли привело бы къ цѣли какое угодно другое экономическое устройство; въ этомъ случаѣ зло было бы непобѣдимо одними экономическими средствами.

Потребности Ирландіи сходны съ потребностями Индіи. Въ Индіи

мы дѣлали иногда большія ошибки, но все-таки никто даже и не предлагалъ, подъ предлогомъ земледѣльческихъ усовершенствованій, прогнать райотовъ или поселянъ-фермеровъ съ ихъ участковъ; достигъ усовершенствованій въ земледѣліи предполагается тамъ доставленіемъ болѣе прочнаго владѣнія райотамъ, и спорять лишь о томъ, нужно ли вѣчное владѣніе или достаточно будетъ долгій срокъ контрактовъ. Тотъ же самый вопросъ представляется въ Ирландіи. Нельзя не признать, что долговременные контракты при такихъ землевладѣльцахъ, какіе встрѣчаются иногда, произведутъ чудеса даже въ Ирландіи. Но для этого при долговременныхъ контрактахъ необходима низкая рента. Безъ нея не слѣдуетъ ожидать, чтобы коттерство устранилось одною долговременностію контрактовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ коттерство, контракты въ Ирландіи всегда были долговременные; обыкновенные сроки были 21 годъ или три жизни. Но рента опредѣлялась соперничествомъ, назначалась больше того, чѣмъ можно заплатить, потому поселянинъ не приобрѣталъ и никакимъ трудолюбіемъ не могъ приобрѣсти выгоды отъ снятой земли, и контрактъ нисколько не обезпечивалъ его въ дѣйствительности. Въ Индіи, гдѣ правительство не уступило безразсудно своихъ правъ собственности земиндарамъ, оно можетъ предотвращать это зло: будучи само землевладѣльцемъ, оно можетъ опредѣлять ренту по своему собственному разсчету. Но если земля принадлежитъ частнымъ лицамъ, рента опредѣляется соперничествомъ, а когда сонскатели—поселяне бьющіеся изъ-за куска хлѣба, то неизбѣжны номинальныя ренты, если само соперничество не остается чисто номинальнымъ по малочисленности населенія. Большинство землевладѣльцевъ будутъ жадны къ немедленному полученію большихъ доходовъ и власти; и пока находятся коттеры, предлагающіе имъ какую угодно ренту, напрасно будетъ ожидать, чтобы землевладѣльцы, съ пожертвованіемъ собственныхъ выгодъ, стали сдерживать это вредное сонскательство.

Вѣчность владѣнія сълѣдѣе долговременнаго контракта возбуждаетъ къ усовершенствованію: самый долговременный контрактъ, прежде чѣмъ окончится, проходитъ черезъ всѣ постепенности кратковременныхъ контрактовъ до самаго уничтоженія контрактной гарантіи. Кромѣ того, есть другія причины, еще болѣе важныя, для предпочтенія вѣчности владѣнія. Даже въ дѣлахъ чистаго разчета было бы грубою ошибкою забывать о вліяніи воображенія: въ понятіи «на вѣчное время» есть сила, которой лишены самый продолжительный срокъ. Если даже срокъ этотъ обнимаетъ жизнь дѣтей и всѣхъ людей лично дорогихъ для человѣка, человѣкъ не станетъ съ полнымъ усердіемъ увеличивать цѣнность земли, съ каждымъ годомъ уменьшающейся въ своей цѣнности лично для него; противнаго можно ожидать отъ человѣка лишь тогда, когда онъ достигнетъ высокой степени умственнаго развитія, при которой господствующимъ соображеніемъ у него становится общественное благо, для чего также нужна вѣчность связи личной выгоды съ общою. Притомъ же во всѣхъ европейскихъ странахъ поземельная собственность вообще соединена съ вѣчнымъ владѣніемъ; при такомъ порядкѣ дѣлъ временное

владѣніе, хотя бы на очень долгій срокъ, непременно должно казаться чѣмъ-то менѣе важнымъ и почетнымъ, чѣмъ поземельная собственность, и слѣдовательно люди съ меньшимъ жаромъ будутъ стремиться къ нему, а получивъ его, чувствовать къ нему менѣе привязанности, чѣмъ къ собственности. Но въ странѣ, гдѣ господствуетъ коттерство, вопросъ о вѣчности владѣнія лишь второстепенный вопросъ по сравнению съ важнейшимъ дѣломъ — съ ограниченіемъ ренты. Безопасно можно предоставить соперничеству ту ренту, которую платитъ напихавшій, снимающій землю для прибыли, а не для своего пропитанія; но не слѣдуетъ предоставлять соперничеству ренту, платимую работниками, если работники не достигли такой степени просвѣщенія и благосостоянія, какой еще нигдѣ они не достигли и едва ли могутъ достичь, пока рента ими платимая опредѣляется соперничествомъ. Рентамъ, платимымъ поселянами, никогда не слѣдуетъ быть произвольными, никогда не слѣдуетъ зависеть отъ землевладѣльца; эти ренты необходимо должны быть неизмѣнно опредѣлены обычаемъ или закономъ; и гдѣ не установленъ, какъ въ тосканскомъ половничествѣ, взаимно выгодный обычай, тамъ рассудокъ и опытъ требуютъ, чтобы рентамъ была назначена неизмѣнная величина государственной властью, т. е. чтобы рента обращена была въ неизмѣнную плату, а фермеръ въ поселянина-собственника.

Самый простой способъ проивести эту перемену въ такомъ размѣрѣ, чтобы совершенно уничтожилось коттерство, — прямой законодательный способъ: совершеніе дѣла парламентскимъ актомъ, который объявилъ бы всю ирландскую землю собственностью занимающихъ ее хлѣбомашцевъ, обязавъ ихъ платить ренту, какія теперь они дѣйствительно платятъ, то есть дѣйствительныхъ, а не номинальныхъ рентъ. Подъ именемъ «вѣчнаго пользованія» (fixity of tenure), это было однимъ изъ требованій Союза Ринилэровъ въ успѣшнѣйшій періодъ ихъ агитации; гораздо лучше выразилъ это Коннеръ, самый первый, самый пылкій и неутомимый проповѣдникъ этого рѣшенія, словами: «оцѣнка на вѣчныя времена» (a valuation and a perpetuity). Въ послѣднее время, подъ именемъ «Лиги Фермерскаго Выкупа» (Tenant Right League), образовался Союзъ, имѣющій своею цѣлью между прочимъ и направленіе общественнаго мнѣнія къ этому рѣшенію. Такая мѣра не была бы въ себѣ ничего несправедливаго, лишь бы землевладѣльцы были вознаграждены за вышнюю цѣнность шансовъ возрастанія ренты, отъ которыхъ потребовался бы у нихъ. Потрашеніе существующихъ общественныхъ отношеній, конечно, было бы тутъ не сильнѣе того, какое произвели Штейнъ и Гадерибергъ, когда рядомъ адиктовъ въ началѣ вышшняго вѣка совершили революцію въ поземельной собственности Прусскаго государства и утѣковѣчили свои имена въ числѣ величайшихъ благодѣтелей своей страны. Просвѣщенные иностранцы, писавшіе объ Ирландіи, фонъ Раумеръ и Гюставъ де Бомонъ, считали это средство столь прямо и вѣрно соответствующимъ болѣзни, что трудно имъ казалось понять, какъ до сихъ поръ не исполнено такое дѣло.

Эта мѣра не превышала бы предѣловъ справедливой законодательной власти и не была бы нарушеніемъ собственности, если бы земледѣльцамъ было предоставлено право, при несогласіи на ограниченіе ренты, взять за свои земли полную цѣнность, капитализованную по обыкновенному проценту наъ нынѣшняго дохода; но я знаю, что есть противъ такой мѣры серьезныя возраженія. Во-первыхъ, такая мѣра — полная экспроприація высшихъ сословій Ирландіи; по принципамъ, нами изложеннымъ, такой переворотъ совершенно оправдывается, но только въ такомъ случаѣ, если онъ единственное средство къ достиженію великаго общественнаго блага. Во-вторыхъ, само по себѣ не очень выгодно для націи, если вѣрсе уже нѣтъ никакихъ помещельныхъ собственниковъ, кромѣ поселянъ. Важную часть хорошей земледѣльческой системы составляютъ большія фермы, владѣлыаыя богатыми капиталомъ и принадлежащіа лицамъ, получившимъ самое высокое воспитаніе, по своей образованности способнымъ оцѣнивать научныя открытія, имѣющимъ средства для рискованныхъ, продолжительныхъ и дорогихъ опытовъ. Даже и теперь есть въ Ирландіи много такихъ земледѣльцевъ, и вредно для націи было бы прогнать ихъ изъ помѣстій. Кромѣ того между нынѣшними участками, конечно, находится много слишкомъ мелкихъ, на которыхъ нельзя было бы собственнику вести хозяйство выгоднымъ образомъ, а изъ людей, занимающихъ нынѣ участки, не всѣ таковы, чтобы нашлись въ нихъ качества, нужныя для поселянъ собственниковъ, заволающихъ свое хозяйство. Для многихъ изъ нихъ было бы полезнѣе получить надежду на пріобрѣтеніе помезельной собственности трудолюбіемъ и бережливостію, чѣмъ прямо получить собственность.

Но если самый прямой и энергичный способъ создать помезельныхъ собственниковъ имѣетъ свои неудобства, то онъ все-таки гораздо лучше, чѣмъ оставленіе дѣла въ нынѣшнемъ видѣ. Если правители Ирландіи не позаботятся заблаговременно достигъ великой общественной цѣли средствами, менѣе разрушительными для нынѣшнихъ общественныхъ отношеній, то вѣроятно дѣло это будетъ вынуждено у нихъ необходимостію обстоятельствъ, при которыхъ уже не будетъ въ ихъ власти руководить условіями помезленія.

Когда общественное устройство страны требуетъ не исправленія подробностей, а радикальнаго измѣненія, то затрудненія, представляемыя имъ правительству, должны быть не сглаживаемы слегка, а прямо устранены людьми, способными возвыситься надъ собственною безпечностью и надъ своими и чужими предрассудками.

При многосложности сдѣленія человѣческихъ дѣлъ, и полезныя, и вредныя дѣйствія причинъ всегда остаются на практикѣ недостигающими полнаго теоретическаго размѣра. Но исторія не лишена примѣровъ тому, что были перемѣны, подобныя измѣненію, очеркъ котораго я сдѣлалъ, и результаты этихъ перемѣнъ не лишены поучительности. Въ продолженіе французской исторіи три раза были поселяне покупщиками земли, и за этими періодами тотчасъ же наступали три главныхъ эпохи земледѣльческаго благосостоянія Франціи.

«Во времена очень тяжелыя, говоритъ Мишле (*Le Peuple*, часть 1, гл. 1), въ эпоху всеобщей бѣдности, когда и богачъ становится бываетъ принужденъ продавать, бѣднякъ видить себя въ состояннн почитать; не является никакихъ покупателей; приходитъ въ лохмотьяхъ поселенинъ съ своимъ лундоромъ и прибрѣтаетъ клочекъ земли. За этими временами разоренн, когда поселенинъ могъ дешево прибрѣтать землю, всегда слѣдовало внезапное возвышенне изобилн, котораго не умѣли объяснить. Напримеръ, около 1500 года, когда Францн, истощенная Людовикомъ XI, довершаетъ свое разоренн въ Италн, дворянство, идущее въ походъ, принуждено продавать; земля, перейдя въ новыя руки, вдругъ расцвѣтаетъ; народъ работаетъ, строится. Это прекрасное время на языкѣ монархической исторн называется временемъ *добраго* Людовика XII.

«Къ несчастню, оно непродолжительно. Едва земля приведена въ хорошее положенн, на нее обрушивается эискъ; начинаются религиозныя волненн, истребляющн все, что есть на землѣ, начинаются ужасныя бѣдствн, страшные голодные годы, въ которые матери ѣдятъ своихъ дѣтей. Можно ли повѣрнть, что страна оправится? Но едва окончилась война, на этомъ опустошенномъ полѣ, изъ этой еще дымящейся хижины является поселенинъ съ деньгами, которыя успѣлъ сберечь. Онъ покупаетъ; черезъ 10 лѣтъ лицо Францн измѣнилось; черезъ 20 или 30 всѣ имѣнья удвоились, утронились въ цѣнности. Эта эпоха также называется именемъ короля, именемъ *добраго Генриха IV* и великаго Ришелье».

О третьей эпохѣ не нужно и говорить,—это была эпоха революцн.

Кто хочетъ изучать картины, противоположныя этимъ, пусть сравнить эти историческн перноды, ознаменованныя раздробленнемъ большой и созданиемъ малой собственности, съ тяжелымъ страданнмъ нацн, сопровождавшимъ изгнанн мелкихъ йоменовъ для очищенн мѣста большимъ пастбищамъ, съ этимъ великимъ экономическимъ событнмъ англннской исторн въ XVI вѣкѣ, и съ продолжительнымъ ухудшеннмъ въ положенн рабочихъ классовъ послѣ этого событн.

Эти факты и мысли возбуждаютъ много соображенн, имѣющихъ прямой интересъ для насъ; но статья и безъ того вышла уже очень длинна; потому отложимъ наши замѣчанн до другаго удобнѣйшаго случая.

Затѣмъ, кромѣ формы, въ которой хозяйство ведется капиталистами-фермерами, остается еще только одна форма земледѣльческаго быта—хозяйство поселанъ-собственниковъ. По вопросу о распредѣленн, эта форма имѣетъ внѣшнюю одинаковость съ формою невольническаго производства: какъ тамъ, такъ и здѣсь продуктъ вовсе не распредѣляется между разными классами, а весь остается въ однихъ рукахъ землевладѣльцевъ. Но этотъ землевладѣлецъ — работникъ, трудящнйся самъ въ свою пользу, и во всѣхъ возможныхъ отношеннхъ,—въ политическомъ, нравственномъ, экономическомъ,—ре-

зультаты этой формы прямо противоположны результатам невольническаго труда. При невольничествѣ работникъ, говоря вообще, не получаетъ ничего сверхъ необходимѣйшаго для поддержанія жизни; въ бытѣ поселянъ-собственниковъ работникъ пользуется всѣмъ благосостояніемъ, какое только возможно для простолюдина по политическому и промышленному положенію страны. Высокъ ли или довольно низокъ этотъ наибольшій размѣръ возможнаго благосостоянія — дѣло зависящее отъ степени населенности страны, климатическихъ условій и уровня цивилизаціи въ ней; но каковъ бы ни былъ этотъ наивысшій размѣръ, работникъ пользуется имъ. Каково бы ни было благосостояніе поселянина-собственника въ извѣстной мѣстности, половникъ въ той же мѣстности имѣлъ бы вдвое меньше благосостоянія, кѣттеръ (поселянинъ, нанимающій землю у владѣльца на условіяхъ соперничества) еще меньше, наемный работникъ также гораздо меньше, не говоря уже о человѣкѣ несвободномъ. Столь же рѣзокъ результатъ быта поселянъ-собственниковъ относительно успѣшности труда. Высока или низка наибольшая возможная успѣшность труда въ данной странѣ, дѣло опять зависящее отъ политическихъ и климатическихъ условій и отъ того, какой методъ производства употребляется. Но каковъ бы ни былъ этотъ максимум, работа поселянина-собственника всегда достигаетъ его, между тѣмъ какъ при тѣхъ же условіяхъ работа половника имѣла бы гораздо меньше успѣшности, работа вольнаго наемщика — еще меньше, не говоря уже объ обязательномъ трудѣ. Англійскіе политико-экономы, имѣя со всею англійскою публикою, вообще почти не имѣютъ понятія о бытѣ поселянина-собственника, уцѣлѣвшемъ лишь въ немногихъ и маленькихъ темныхъ уголкахъ Англій, куда еще не успѣла проникнуть новая коммерческая жизнь. Потому Милль, ставящій эту форму земледѣльческаго быта выше всѣхъ другихъ перечисляемыхъ имъ, описываетъ ея результаты очень подробно, и въ особенности выставляетъ изумительное усердіе поселянина-собственника въ работѣ, — усердіе, изумляющее людей, подобно англичанамъ, не привыкшихъ съ малолѣтства видѣть его. Онъ рассказываетъ своимъ читателямъ о трудолюбіи поселянъ-собственниковъ такимъ тономъ, какимъ сталъ бы рассказывать, напримѣръ, нашему простонародью русскій писатель о чудесахъ кристальнаго дворца или тропической природы: въ каждомъ словѣ такъ и слышится прибавка: «да поймите же это, вѣдь вы сроду объ этомъ понятія не имѣли; да повѣрьте же, что это возможно, что это такъ, что я не обманываю васъ сказками». Намъ, русскимъ, это — не новость, не рѣдкость: мы знаемъ, какъ работаетъ поселянинъ на своей нивѣ. Потому изъ множества примѣровъ и свидѣтельствъ, собранныхъ у Милля, приведемъ лишь

небольшіе отрывки для приѣтра отношеній его и англійской публики къ этому вопросу. Вотъ начало отдѣла о поселянахъ—собственникахъ, показывающее до какой степени чуждо обыкновенному англійскому воззрѣнію это понятіе.

Когда земля принадлежит поселянамъ—собственникамъ, то весь продуктъ, какъ при системѣ рабства, достается одному собственнику земли и нѣтъ раздѣла его на ренту, прибыль и рабочую плату. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ эти двѣ формы общественнаго устройства составляютъ крайнія противоположности: одна изъ нихъ—состояніе величайшаго угнетенія и униженія рабочихъ классовъ, а при другой они имѣютъ полнѣйшую независимость въ своей судьбѣ.

Но выгодность мелкой поземельной собственности составляетъ одинъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ въ политической экономіи. На континентѣ благотворность существованія многочисленнаго сословія собственниковъ представляется для громаднаго большинства аксіомою, хотя и есть нѣкоторые люди, несогласные съ господствующимъ мнѣніемъ. Но англійскіе авторитеты или вовсе не знаютъ о мнѣніи континентальныхъ агрономовъ, или считаютъ достаточнымъ для его отстраненія говорить, что эти агрономы не имѣли случая видѣть, какъ полезна большая собственность въ благоприятныхъ для нея обстоятельствахъ. Выгода большой собственности, говорятъ англійскіе авторитеты, обнаруживается только тамъ, гдѣ и земледѣльческія хозяйства велики, а для большихъ фермъ нужно накопленіе капиталовъ значительнѣе того, какое обыкновенно встрѣчается на континентѣ, и потому большія континентальныя помѣстья, за исключеніемъ обращенныхъ подъ пастбища, почти всѣ отдаются на обработку мелкими участками. Въ этихъ словахъ есть часть правды, но тотъ же самый аргументъ можно обратить и противъ англійскихъ авторитетовъ: если континентъ мало знаетъ по опыту земледѣльческія хозяйства большаго размѣра съ большимъ капиталомъ, то англійскіе писатели вообще столь мало знакомы по практикѣ съ хозяйствомъ поселянъ—собственниковъ и почти всѣ имѣютъ самое ошибочное представленіе о ихъ положеніи и образѣ жизни. А между тѣмъ и въ Англій старинныя преданія говорятъ въ пользу мнѣнія, господствующаго на континентѣ. Именны, которыхъ называли славою Англій, пона они существовали, о которыхъ такъ часто жалѣютъ теперь, когда они исчезли, — эти именны были мелкіе собственники или мелкіе фермеры, и если большинство ихъ были фермеры, а не собственники, то тѣмъ замѣчательнѣе репутація энергической независимости характера, которой они пользовались. Есть въ Англій уголокъ, къ несчастію слишкомъ маленькій уголокъ, въ которомъ еще много поселянъ—собственниковъ; я говорю о statesmen, «государственныхъ людяхъ» Комберленда и Уэстморленда. Они собственники, хотя (впрочемъ, сколько я знаю, не всѣ, а только большая часть ихъ) платятъ нѣкоторыя обычныя повинности; эти повинности неизмѣнны, потому не мѣшаютъ имъ быть настоящими собственниками, какъ не мѣшаетъ тому поземельный

надегъ. Только они въ цѣлой Англій могли послушать оригиналомъ, съ котораго писаны «Картины сельской жизни» Уордсворта.

«Но общая система англійскаго земледѣлія не такова, чтобы англійчане по опыту знали характеръ и результаты хозяйства поселянъ-собственниковъ; а земледѣльческое устройство другихъ странъ вообще совершенно незнакомо англійчанамъ, такъ что самое понятие о поселянхъ-собственникѣ чуждо англійскому уму и не легко проникаетъ въ него. Самыя выраженія англійскаго языка мѣшаютъ этому: собственникъ земли обозначается обыкновенно словомъ landlord (землевладелецъ или помѣщикъ), — терминомъ, который всегда пробуждаетъ мысль объ арендаторахъ — фермерахъ, снимающихъ у него землю (tenants). Когда въ недавнее время проникла въ парламентскій и гаетный пренія мысль, что надобно сдѣлать ирландскихъ поселянъ собственниками для улучшения состоянія Ирландіи, то нашлись писатели, претендовавшіе на знакомство съ дѣломъ, и, однако же, до такой степени незнакомыя самаго слова proprietor (собственникъ), что воображали, будто бы поселяне-собственники, о которыхъ идетъ рѣчь, то самое, что ирландскіе коттеджи, берущіе въ наймы землю мелкими участками. При такомъ плохомъ знакомствѣ съ предметомъ необходимо, прежде чѣмъ налагать его теорію, позаботиться о разъясненіи фактическаго положенія дѣла; по этой необходимости я вложу вопросъ подробнѣе, чѣмъ слѣдовало бы по общему разбѣру частей моего трактата; я представлю нѣсколько свидѣтельствъ о состояніи земледѣлія, о благосостояніи и доможествѣ земледельцевъ въ гѣхъ государствахъ или провинціяхъ, гдѣ большая часть земель не имѣетъ никакихъ ни лендлордовъ, ни фермеровъ, кромѣ самихъ земледельцевъ, владеющихъ землею.

Мы приведемъ этотъ отрывокъ, чтобы онъ свидѣтельствовалъ, какъ медленно проникаетъ въ науку вліяніе фактовъ, которые не находились прямо подъ глазами у людей, основавшихъ науку. Кажется, что можетъ быть созвоніе съ принципами теоріи Адама Смита, какъ не признаніе быта поселянъ-собственниковъ выгоднѣйшею формою экономическаго устройства? А вотъ, мы видимъ, что до сихъ поръ большинство англійскихъ политико-экономовъ даже не помало, что такое значитъ выраженіе поселянина-собственникъ, и Милль явился почти-что первымъ политико-экономомъ въ Англій, рѣшительно признавшимъ превосходство этой формы надъ другими. Мы тутъ можемъ также подумать еще вотъ о чемъ: до какой степени нуждается въ передѣлкѣ теорія, составившаяся при незнаніи такого факта, какъ бытъ поселянина-собственника? Читатель знаетъ, что въ господствующей школѣ эта передѣлка не только не произведена, а даже и не считается нужною. Именно то, что мы допускаемъ къ должному участию въ установленіи политико-экономическихъ принциповъ понятіе о поселянинѣ-собственникѣ, и служитъ одною

изъ главныхъ причинъ разницы нашихъ нивъ отъ господствующихъ.

Вотъ общая характеристика хозяйства поселенъ-собственниковъ, приводимая Миллемъ изъ Лейга.

«Если мы послушаемъ большаго фермера, ученаго агронома (англійскаго) «политико-эконома, то хорошее хозяйство должно погибнуть съ погубелью большихъ фермъ; имъ кажется нелѣпностью самая мысль о томъ, что хорошее хозяйство можетъ существовать безъ большихъ фермъ, воздѣлываемыхъ большимъ капиталомъ: дренажъ, удобреніе, расцѣпчивое распределение земли, расцѣпка ея, правильные сѣвообороты, хорошія скоты, хорошія орудія—все это, по ихъ словамъ, исключительно принадлежитъ большимъ фермамъ, которыя воздѣлываются большимъ капиталомъ и наемнымъ трудомъ. На бумагахъ доказывать это легко, но если мы обратимъ глаза съ ихъ книгъ на ихъ поля и хладнокровно сравнимъ хозяйство наилучшихъ округовъ, воздѣлываемыхъ большими фермами, съ хозяйствомъ наилучшихъ округовъ, воздѣлываемыхъ малыми фермами, то мы увидимъ, во Фландріи, восточной Фрисландіи, Голштейнѣ и по всей полосѣ удобной земли на континентѣ отъ Зунда до Кале, что хлѣбнничество тутъ лучше, чѣмъ на противоположномъ берегу Англійи на такой же почвѣ и подъ тѣми же градусами отъ Фортскаго залива до Дувра. При одинаковости почвы и климата земля, очевидно, получаетъ высшую производительность тамъ, гдѣ внимательнымъ трудомъ воздѣлываются мелкіе участки, составляющіе собственность земледѣльцевъ, какъ это мы видимъ во Фландріи и голштейнскомъ Дитмарсенѣ. Наши агрономы не смѣютъ утверждать, что наши большіе фермеры, даже въ графствахъ Бервикскомъ и Роксберкскомъ или въ Лотаамскомъ округѣ приближаются къ тому совершенству, какимъ отличается хозяйство мелкихъ фландрскихъ фермеровъ, что они такъ внимательно удобряютъ, дренируютъ и очищаютъ землю или получаютъ отъ нея столько продуктовъ, сколько собираютъ въ Фландріи съ небольшихъ участковъ, имѣющихъ отъ природы почву не очень плодородную. Даже въ тѣхъ приходахъ Шотландіи или Англійи, гдѣ существуетъ наилучшее хозяйство, на большихъ фермахъ бросается безъ пользы очень много земли по угламъ и краямъ полей и пропадаетъ подъ полевыми дорогами, которыя необходимо должны быть широки по дурному своему состоянію и дурны по своей широтѣ; пропадаетъ много земли въ невоздѣланныхъ клочкахъ подъ общественными выгонами, подъ бесполезными закраинами, подъ дрянными кустарниками, —пропадаетъ столько земли, что если бы всѣ эти пропадающіе клочки соединить и воздѣлать, ихъ достало бы на содержаніе всѣхъ бѣдныхъ прихода. Но когда прилагается къ хозяйству большаго капитала, то, разумеется, онъ обращается лишь на лучшую почву. Онъ не можетъ прилагаться къ маленькимъ непроизводительнымъ клочкамъ, оплодотвореніе которыхъ требовало бы больше труда и времени, чѣмъ дается надобностью въ скорой, выручкѣ капитала. Время и трудъ наемныхъ

работниковъ не могутъ быть употреблены съ выгодною на воздѣлываніе такихъ участковъ; но если бы работникъ былъ собственникомъ, онъ нашелъ бы выгоду воздѣлывать ихъ. На первое время онъ довольствуется и тѣмъ, что можетъ кормиться отъ своей земли. Но трудомъ покладѣннй сообщается этимъ клочкамъ плодородіе и цѣнность. Средства къ жизни улучшаются и достигаются очень высокіе способы обработки. Дренажъ, кормленіе скота въ стойлахъ цѣлое лѣто, жидкое удобреніе—это вещи общепотребительныя въ маленькихъ хозяйствахъ Фландріи, Ломбардіи, Венеціи. У насъ, при системѣ большихъ фермъ, эти усовершенствованія только еще начинаются въ округахъ съ самымъ лучшимъ хозяйствомъ. Въ странахъ, гдѣ земля принадлежитъ мелкимъ собственникамъ поселянамъ, мы находимъ даже хозяйство, основанное на молочныхъ скопахъ, выдѣлку огромныхъ сыровъ сотрудничествомъ многихъ маленькихъ хозяевъ (*); взаимное застрахованіе отъ огня и града соединеніемъ силъ мелкихъ хозяевъ, производство самой мудреной и обширной изъ всѣхъ новыхъ земледѣльческихъ операций,—производство свекловичнаго сахара; эти мелкіе хозяева снабжаютъ европейскій рынокъ льномъ и пенькою; въ этихъ странахъ, даже бѣднѣйшіе люди каждый день имѣютъ въ изобиліи овощи, плоды, птицу за своимъ столомъ, а у насъ даже средніе классы совершенно лишены такого разнообразія въ пищѣ; это разнообразіе и составляетъ существенную принадлежность мелкихъ земледѣльческихъ хозяйствъ. Всѣ эти факты заставляютъ наблюдателя усомниться въ справедливости мнѣнія нашихъ агрономовъ, будто бы большія фермы, воздѣлываемыя наемнымъ трудомъ и большимъ капиталомъ, извлекаютъ изъ земли наибольшій продуктъ, снаб-

(*) Достойнъ вниманія способъ, по которому швейцарскіе поселане соединяютъ свои капиталы для выдѣлки сыра. «Каждый швейцарскій приходъ для выдѣлки сыра нанимаетъ особеннаго человека, обыкновенно уроженца Грюйерскаго округа (во Фрейбургскомъ кантонѣ). На 40 коровъ считается нужнымъ имѣть одного сырника съ помощникомъ, или выжимальщикомъ, и пастуха. У каждаго хозяина коровъ есть книжка, въ которой каждый день отиѣчается, сколько молока дано каждой коровой. Сырникъ и его помощники доятъ коровъ, сливаютъ ихъ молоко виѣствъ, дѣлаютъ изъ нихъ сыръ и въ концѣ лѣта каждый поселанинъ получаетъ количество сыра, соразмѣрное тому, сколько молока дали его коровы. При такомъ сотрудничествѣ поселанинъ вмѣсто маленькихъ, негодныхъ на продажу сыровъ, какіе могъ бы дѣлать изъ молока трехъ или четырехъ своихъ коровъ, получаетъ большіе, годные на продажу сыры лучшаго качества; они имѣютъ хорошее качество потому, что дѣлаются людьми, специально занимающимися этою работою. Сырникъ и его помощники получаютъ извѣстную плату съ каждой коровы деньгами или сыромъ, или нанимаютъ коровъ у хозяевъ и платятъ за нихъ деньгами или сыромъ». (Notes of a Traveller, стр. 315). Подобная система существуетъ во Франціи въ департаментѣ Жюры. Въ этомъ интересномъ примѣрѣ сочетанія труда очень замѣчательную черту составляетъ довѣріе къ честности людей выдѣлывающихъ сыръ.—дѣло не могло бы производиться, еслибы такое довѣріе не существовало и не оправдалось опытомъ.

имеют население страны наибольшимъ количествомъ предметовъ необходимости и комфорта; и будто бы при иной системѣ это невозможно.

Предубѣжденіе, будто бы хозяйство фермеровъ-капиталистовъ лучше хозяйства поселеній-собственниковъ, подтверждается тѣмъ, что сравниваютъ результаты, получаемые при первой изъ этихъ формъ въ Англіи, съ результатами, какихъ вторая успѣваетъ достигать въ другихъ странахъ, гдѣ обстановка гораздо менѣе англійской благоприятна успѣхамъ сельскаго хозяйства. Тутъ забываютъ, что сравнивать достоинства двухъ принциповъ надобно при одинаковыхъ условіяхъ для дѣйствія обоихъ, и что успѣшность англійскаго сельскаго хозяйства происходитъ не отъ формы его, а отъ выгодности общей обстановки всякаго промышленнаго дѣла въ Англіи. Милль находитъ примѣръ быта поселеній собственниковъ въ условіяхъ, въ какихъ дѣйствуютъ фермеры капиталисты, и обнаруживаетъ на этомъ примѣрѣ, что хозяйство поселеній собственниковъ при одинаковости условій несравненно успѣшнѣе хозяйства фермеровъ-капиталистовъ.

Острова Британскаго канала служатъ такимъ рѣшительнымъ примѣромъ желанныхъ результатовъ, производимыхъ принадлежностью земли поселенцамъ, что я не могу не прибавить къ сдѣланнымъ мною многочисленнымъ выпискамъ отрывка изъ описанія экономическаго устройства ихъ. Отрывокъ этотъ беру я изъ Уильяма Торитона, писателя, соединяющаго личнымъ наблюденіемъ съ внимательнымъ изученіемъ свидѣній, собранныхъ другими. Его «Plea for Peasant Proprietors» — книга, которую надобно назвать классической по вопросу о пользѣ принадлежности земли поселенцамъ; такъ превосходно собраны и обработаны въ ней матеріалы. Вотъ что говоритъ онъ объ устройствѣ Гернзи (стр. 99—104): «этотъ маленький островъ посылаетъ на рынокъ гораздо большее количество продуктовъ, чѣмъ посылаютъ въ самой Англіи округи такой величины, — фактъ, уже самъ по себѣ доказывающій, что поселенцы на Гернзи должны быть далеки отъ бѣдности, потому что, будучи полными собственниками всѣхъ своихъ продуктовъ, они, конечно, продаютъ только ту часть ихъ, которая осваивается не нужна имъ самимъ. Удовлетворительность ихъ положенія очевидна каждому наблюдателю. Изъ всѣхъ обществъ, какихъ случаются имѣ видѣть, говорить Гилль, самое важнѣющее имѣетъ я на маленькомъ островѣ Гернзи; — куда бы ни пошелъ на этотъ островъ путешественникъ, говоритъ сэръ Джорджъ Гель, всадъ онъ увидитъ, что господствуетъ на немъ благосостояніе. Англичанина, который идетъ или ѣдетъ въ поле изъ Порта св. Петра, прежде всего поражаетъ видъ домовъ, разсѣянныхъ по пейзажу. Многіе изъ этихъ домовъ такъ хороши, что въ Англіи могли бы принадлежать только людямъ средняго сословія; англичанинъ не можетъ сообразить, какіе же люди живутъ въ этихъ домахъ, которые не такъ велики, какъ дома англійскихъ фермеровъ, но почти всѣ самымъ хо-

решн для работниковъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ рыбацкихъ шалашей, на цѣломъ островѣ буквально нѣтъ ни одного дома, который можно было бы сравнить съ обыкновеннымъ жилищемъ англійскаго земледѣльческаго работника. Посмотрите на дрянныя жилища англійскихъ земледѣльческихъ работниковъ, говоритъ Делиль Брокъ, бывшій балъи острова Гернси, и сравните ихъ съ домами нашихъ поселянъ!—Нищѣ на Гернси совершенно неизвѣстны; пролетаріевъ такъ же почти нѣтъ, по крайней мѣрѣ нѣтъ пролетаріевъ между людьми способными къ работѣ. Сберегательныя кассы также свидѣтельствуютъ о всеобщей зажиточности рабочихъ сословій на Гернси. Въ 1841 году въ Англии, при населеніи около 18 милліоновъ, имѣли дѣйствіе въ сберегательныхъ кассахъ менѣе 700,000 человекъ, т. е. 1 изъ 20 человекъ населенія, и средняя величина вкладовъ была 30 фунтовъ. На Гернси въ томъ же году изъ 26,000 человекъ имѣли вклады 1920 человекъ и средняя величина вкладовъ была 40 фунтовъ.» Тоже самое мы читаемъ о Джерси и Альдерни.

Торнтонъ подробно показываетъ успѣшность и производительность мелкихъ земледѣльческихъ хозяйствъ на островахъ Британскаго канала и выводъ изъ этихъ подробностей выражаетъ слѣдующими словами: «Мы видимъ, что на двухъ главныхъ изъ этихъ острововъ земледѣльческое населеніе гораздо многочисленнѣе, чѣмъ въ Великобританіи,—на одномъ въ два раза, на другомъ въ три раза: въ Великобританіи приходится только одинъ земледѣлецъ на 22 акра водѣльной земли, а на Джерси одинъ на 11 акровъ, на Гернси одинъ на 7 акровъ. А кромѣ земледѣльцевъ, земледѣліе этихъ острововъ содержитъ несемледѣльческое населеніе, которое также гораздо гуще, чѣмъ въ Великобританіи,—на Джерси въ четыре раза, а на Гернси въ пять разъ. Разница эта происходитъ не отъ того, чтобы почва или климатъ на островахъ Британскаго канала были лучше,—нѣтъ, почва на нихъ отъ природы менѣе плодородна, а климатъ такой же, какъ въ южныхъ графствахъ Англии. Вся разница происходитъ отъ неутомимой заботливости земледѣльцевъ и изобильнаго удобренія» (Торнтонъ, стр. 38).

«Въ 1837 году, говоритъ онъ (стр. 9), средний урожай пшеницы на большихъ фермахъ Англии былъ только 21 бушель съ акра, и въ самомъ плодородномъ изъ всѣхъ графствъ средній урожай не превышалъ 26 бушелей. Самый высокій средній урожай, о какомъ только слыхивали въ Англии—30 бушелей. На Джерси, гдѣ средняя величина земледѣльческихъ хозяйствъ только 16 акровъ, средній урожай пшеницы въ 1834 году былъ, по словамъ Инглеса, 36 бушелей, а по оффиціальнымъ таблицамъ за пятилѣтіе 1829—1833 годовъ мы знаемъ, что онъ былъ 40 бушелей. На Гернси, гдѣ размѣръ хозяйствъ еще меньше, урожай въ 4 квартера съ акра считается, по словамъ Инглеса, хорошимъ, но очень обыкновеннымъ.»—«30 шиллинговъ за акръ земли средняго достоинства считалось бы въ Англии очень хорошей рентой, но на островахъ Британскаго канала только уже очень плохая земля даетъ 4 фунта ренты за акръ» (Торнтонъ, стр. 32).

Вотъ наконецъ общій выводъ Милля о поселянахъ-собственникахъ:

Мнѣ кажется, что этимъ изслѣдованіемъ прямыхъ дѣйствій и косвенныхъ вліяній принадлежности земли поселянамъ я доказалъ, что нѣтъ необходимой связи между этою формою поземельной собственности и несовершенствомъ производительныхъ искусствъ; что если она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и неблагопріятна успѣшнѣйшему пользованію силами земли, то не менѣе важны и другія отношенія, по которымъ она благопріятна ему; что изъ всѣхъ существующихъ системъ земледѣльческаго устройства она производитъ самое выгодное вліяніе на трудолюбіе, умственное развитіе, бережливость и благоразуміе народа, и самымъ сильнѣйшимъ образомъ удерживаетъ людей отъ непредусмотрительнаго размноженія; что поэтому нѣтъ изъ существующихъ устройствъ ни одного, столь благопріятнаго нравственному и физическому составу населенія. По сравненію съ англійскою системою обработки земли наемнымъ трудомъ она должна считаться чрезвычайно полевою для рабочаго класса. Сравнить ее съ системою общей принадлежности земли товариществу работниковъ мы здѣсь не имѣемъ обязанности.

Милль упоминаетъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ хозяйство поселянъ-собственниковъ представляется не самою выгодною формою земледѣльческаго устройства; тутъ разумѣются извѣстные элементы преимущества большаго хозяйства надъ малымъ: большее сочетаніе труда, употребленіе болѣе могущественныхъ способовъ производства и предполагаемый многими перевѣсъ большаго хозяйства въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ отрасляхъ сельской промышленности, наприм. въ овцеводствѣ. Мы на этотъ разъ можемъ ограничиться ссылкой на дополненіе наше къ той главѣ 1-й книги Милля, гдѣ разсматривается въ общемъ принципъ вопросъ о большомъ и маломъ размѣрѣ производства (Перев. Милля Т. I, стр. 294—303). Довольно будетъ замѣтить, что нѣтъ раціональныхъ причинъ считать сельское хозяйство исключеніемъ изъ общихъ законовъ промышленной дѣятельности. Перевѣсъ выгодъ, даваемыхъ дѣлу усовершенствованными процессами, требующими обширныхъ размѣровъ производства, такъ великъ, что ни въ какой отрасли экономическаго быта мелкое хозяйство не можетъ выдерживать соперничества съ большимъ, какъ скоро прогрессъ технологіи и механики открываетъ возможность усовершенствованныхъ процессовъ въ этомъ дѣлѣ и начинаетъ прилагаться къ дѣлу капиталъ большими массами: никакое усердіе въ трудѣ не спасаетъ мелкаго хозяина, когда являются у большаго хозяина усовершенствованные процессы, недоступные мелкому. Если при нынѣшнемъ общественномъ устройствѣ поселяне-собственники еще сохранились на континентѣ Западной Европы,

это лишь потому, что земледѣліе въ ихъ мѣстахъ еще сохранило неразвитые процессы производства и въ большихъ хозяйствахъ. Когда оно станетъ (а оно уже начинаетъ становиться) не патріархальнымъ, а коммерческимъ дѣломъ, мелкія хозяйства должны погибнуть при нынѣшнемъ экономическомъ устройствѣ. Чтобы сохранились они, и чтобы животворились усовершенствованные процессы усердною работою, работниковъ-хозяевъ, для этого нужно другое устройство, то самое, выгодность и неизбежность котораго обнаруживается при внимательномъ разсмотрѣніи и cadaго частнаго вопроса и cadaго общаго принципа экономической науки.

Вотъ наша статья почти уже и кончена. Но читатели, конечно, замѣтили въ ней одинъ важный пробѣлъ: онъ слишкомъ рѣзко чувствуется въ обзорѣ формъ сельскаго хозяйства, дѣлаемомъ писателемъ, защищающимъ наше обычное общинное землевладѣніе. Объ общинномъ землевладѣніи Милль ни слова не говоритъ въ главахъ, содержаніе которыхъ мы пересматривали, а мы не дополнили этого пропуска, понятнаго въ англійской книгѣ, не натурального у насъ. Что жъ дѣлать! будто ужъ всегда дѣйствуешь естественно: иной разъ поступаешь такъ, что самъ пожимаешь плечами. Отложимъ этотъ предметъ до другаго случая; оно тѣмъ извинительнѣе будетъ, что дѣло объ общинномъ землевладѣніи принадлежитъ не столько частному, занимавшему насъ теперь вопросу о классахъ, между которыми дѣлится продуктъ, сколько общему принципу всей теоріи распредѣленія. Когда намъ удастся говорить объ этомъ общемъ принципѣ, поговоримъ о многомъ оставленномъ въ сторонѣ теперь, между прочимъ и объ общинномъ землевладѣніи.

Въ сельскомъ хозяйствѣ владѣніе капиталомъ очень часто отдѣляется отъ владѣнія землею. Въ фабричномъ дѣлѣ и въ другихъ отрасляхъ промышленности это бываетъ слишкомъ рѣдко; а когда и бываетъ, доля землевладѣльца невелика сравнительно съ долею капиталиста. Во всѣхъ большихъ промышленныхъ предпріятіяхъ (кромя земледѣльческихъ) участокъ земли, на которомъ стоитъ промышленное заведеніе, и самое зданіе, въ которомъ оно помѣщается, составляетъ обыкновенно собственность того же лица, которое ведетъ предпріятіе на свой капиталъ: фабрика принадлежитъ фабриканту, заводъ заводчику и т. д. Слѣдовательно, тутъ существуютъ лишь два класса: капиталисты-землевладѣльцы и работники. Когда бываетъ иначе, когда на примѣръ, фабрика или заводъ отдается въ аренду, большая часть суммы, платимой арендаторомъ-хозяиномъ предпріятія собственнику-хозяину арендуемой фабрики, платится не за землю, а за зданіе съ его обзаведеніемъ, то есть за капиталъ, принадлежащій къ разряду основнаго капитала. Доля, платимая собствен-

но за землю, остается за этимъ вычетомъ уже невелика и не заманиваетъ большаго вниманія. А выдѣлъ той части продукта, которая бываетъ велика, служитъ выдѣломъ отъ одного капиталиста другому. Дѣйствительно, тутъ два капиталиста: одному принадлежитъ оборотный капиталъ и нѣкоторая часть основнаго (напр. машины ставить, или по крайней мѣрѣ ремонтируетъ арендаторъ), а другому—часть основнаго капитала (зданіе и, быть можетъ, машины). Раздѣлъ, остающейся на долю капитала части продукта между этими двумя капиталистами, слѣдуетъ обыкновенной пропорціи раздѣла между двумя соучастниками по величинѣ вклада, даваемого каждымъ изъ нихъ въ общую сумму. Такимъ образомъ, распределеніе продукта въ остальныхъ отрасляхъ производства гораздо проще, чѣмъ въ земледѣльской и представляетъ гораздо меньше разнообразныхъ формъ. Поселянамъ-собственникамъ соотвѣтствуютъ тѣ мелкіе ремесленники и мастера, которые работаютъ въ своихъ мастерскихъ по одиночкѣ, при помощи лишь своей семьи, да развѣ двухъ-трехъ несовершеннолѣтнихъ учениковъ. Коттерамъ соотвѣтствуютъ тѣ работники мануфактуръ, которые занимаются работою у себя на дому, получая работу отъ большаго хозяина. Но масса работниковъ во всѣхъ заводскихъ, фабричныхъ и ремесленныхъ производствахъ быстро переходитъ въ состояніе наемныхъ работниковъ, а въ отрасляхъ промышленности, гдѣ наиболѣе усовершенствованы процессы производства, уже вся сполна перешла въ это положеніе.

И. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

I.

БОЛГАРСКАЯ ПѢСНЯ.

ИЗЪ МОРИЦА ГАРТМАНА.

Какъ волчицу ночью я поймалъ въ лѣсу,
На плечъ могучемъ я ее несу,
Посреди деревни я убью ее, —
Но не то прославить удалство мое.

Я казасу кади, что пришелъ за мной,
Горло перерѣзалъ сабелькой кривой;
Двѣ пистолы длинныхъ онъ съ собой таскалъ,
На бедрѣ звенѣли мялка да нивалъ;
Захрипѣла, глухо, дрогнувъ, голова...
Но не это славить громкая молва.

Мимо сниты грозной, разъ, одинъ бѣгу,
Изъ ружья плохаго подстрѣлялъ агу —
Цалъ онъ, словно птичка межъ вѣтвей густыхъ,
А кругомъ драбанты на коняхъ свонкъ...
Гайдуки про это говорятъ, дивясь,
И слышцы слагаютъ стройныя слова, —
Но не это славить громкая молва.

Изъ родной деревни собрался бѣжать —
 Милую навѣки страшно покидать!
 Ножъ холодный, острый, я ей въ грудь вонзилъ
 И въ груди два раза ножъ поворотилъ;
 Брызнувъ струйкой алой, быстро кровь пошла...
 Какъ она прекрасна подъ ножомъ была!
 Мало было столько силы въ этотъ мигъ,
 Чтобъ, не дрогнувъ, слышать дикій, волчій рыкъ,
 Чтобъ снести каваса неподвижный взоръ,
 Чтобъ въ агу среди свиты выстрѣлить въ упоръ!

Не дрогнулъ я, видя, что она мертва —
 И пошла про это громкая молва...

II.

БѢДНЯКУ.

И шумно и праздно счастливыцы живутъ,
 Не ходять къ нимъ голодь и трудъ;
 Тому, — кто прославляенъ, силенъ и богатъ,
 Всегда есть пріятель и братъ!

Ты бѣденъ — трудись, и стучись; и повѣрь,
 Вездѣ заперта тебѣ дверь.
 Повѣрь, что на вырветъ у жизни борьба,
 Навѣрно отниметь судьба!

Какъ рѣчь они держать къ тебѣ свысока!
 Счастливать они бѣдняка...
 На ихъ снисходительный, важный привѣтъ
 Сдержи неузнанный отвѣтъ.

Узналъ ты. — Вставай, пробивай себѣ путь, —
 Успишь потомъ отдохнуть!

Смотри, чтобъ проклятыя опаснаго крикъ
Не вырвался, дерзокъ и дивъ !

III.

Т. К. А.

Ты весела среди смѣющихся гостей, —
А знаю я: ты зарыдать готова!
Но не измѣнить взглядъ привѣтливыхъ очей,
Не выдасть скорбь твою обдуманное слово...

Средь нерѣшительныхъ, средь вялыхъ и пустыхъ,
Что даже слабостью, какъ доблестью, гордятся
И что, подъ бременемъ сомнѣній роковыхъ,
Съ пути пробитаго на шагъ ступить боятся,

Ты не рисуешься. — Невинна и чиста,
Геройству своему цѣны сама не зная,
Идешь одна — тверда, прекрасна и проста,
Своихъ мучителей тупыхъ не проклиная!

IV.

О, бойся, братъ, такъ страшно вѣкъ прожить!
Гляди: они прошли безслѣдно, глухо,
Умолкнули, умѣя говорить,
Не слышали ни живущіе ухо...

Не переживъ ни страсти, ни грозы,
Они сошли незнаемые въ гробы. —
Ничьей они не вызвали слезы,
Ничьей они не пробудили злобы!

С. ВЕРГЪ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ЭКОНОМІЯ И ЧУВСТВЕЛЪНОСТЬ. — МАШИНА И ЧЕЛОВѢКЪ. — ФРАНЦУЗСКІЕ РАБОЧІЕ, — ТКАЧИ ВЪ ЛІОНѢ. — «МОРЯ» МИШЛЕ. — О МОРЯ И МОРСКИХЪ ЧУДЕСАХЪ. — ЕЩЕ О КИТАѢ. — КИТАЙСКАЯ АДМИНИСТРАЦІЯ.

Политико-экономы говорятъ, что ихъ наука — наука мѣры и вѣса; что она разрѣшаетъ вопросы математическимъ методомъ; что въ ней нѣтъ мѣста чувствительности; что она не должна проповѣдовать поощреніе лѣни и праздности. Все это очень хорошо; но развѣ ктонибудь изъ теоретиковъ общества проповѣдовалъ праздность и лѣнь, кромѣ самихъ же политико-экономовъ, когда они открыли въ рентѣ и въ ростѣ свойство содержать собственника, хотя бы онъ всю жизнь свою не тронулъ палецъ о палецъ? Что же касается до математическаго метода, то онъ былъ бы хорошъ вполне, если бы статистика отвѣчала цифрами на всѣ вопросы жизни. А такого полнаго отвѣта она покамѣстъ не даетъ, да и дать не можетъ. То, что противники новаго экономическаго ученія называютъ чувствительностью, въ сущности только логическое развитіе нѣкоторыхъ началъ, высказанныхъ Адамомъ Смитомъ, и справедливаго стремленія къ упроченію общаго благосостоянія массъ, а не однихъ привилегированныхъ сословій.

Вся задача новыхъ экономистовъ заключается въ освобожденіи
Т. LXXXVII Отд. II.

работника отъ гнета капиталиста, въ уравновѣшеніи труда и капитала. Что же въ этомъ стремленіи преступнаго, непрактичнаго или умозрительнаго?

Недостатокъ обсужденія у насъ теорій и идей, вызванныхъ на западѣ Европы неудовлетворительностью настоящаго экономическаго и общественнаго быта Европы, порождаетъ въ нашемъ обществѣ смутность экономическихъ понятій и способствуетъ расположенію дилеттантовъ, знакомыхъ съ предметами или только по нѣкоторымъ французскимъ сочиненіямъ одной политико-экономической школы, или набирающихся экономическихъ идей въ салонныхъ разговорахъ, или отрывочнымъ чтеніемъ всякихъ русскихъ экономическихъ журнальныхъ статей. Такой дилеттантизмъ вреденъ между прочимъ тѣмъ, что при недостаткѣ ученаго преподаванія и при отсутствіи дѣльныхъ сочиненій на русскомъ языкѣ, дилеттанты засоряютъ общество невѣрными идеями и поселяютъ умственный развратъ, скрывающій подъ формой экономическихъ основаній тупой эгоизмъ и бессмысліе въ пониманіи общественныхъ вопросовъ и гражданскихъ обязанностей.

Видя въ стремленіяхъ къ уравненію правъ и отношеній капиталиста и работника, богатаго и бѣднаго, одну только чувствительность, дилеттанты закрываютъ глаза отъ новой исторіи Европы; они не хотятъ понять новаго направленія общества, его новыхъ потребностей и того тихаго, но могучаго движенія, которое спорнымъ путемъ вытѣсняетъ старое экономическое ученіе.

Для дилеттантовъ-экономистовъ всѣ, даже самые заутанные экономическіе вопросы не представляютъ никакой трудности. Спросите ихъ, что такое пролетарій, и они понесутъ чушь о латинскомъ происхожденіи названія, простодушно вѣря, что поясняютъ этимъ смыслъ самаго явленія, или прибавятъ, что пролетарій — негодяй и лѣнтяй, который хочетъ жить на счетъ другихъ. При такомъ рѣшительномъ взглядѣ на одну изъ главнѣйшихъ составныхъ частей современнаго европейскаго общества, у подобныхъ мыслителей теряется совершенно всякая способность смотрѣть вѣрно на экономическій бытъ какого либо народа и ясно понимать экономическіе вопросы. И отчего пролетарій негодяй и лѣнтяй? Извѣстно, что народъ состоитъ не изъ однихъ привилегированныхъ лицъ или сословій, что государство живетъ и держится всѣми членами государства, а не нѣкоторыми. Только тотъ народъ, или то государство можетъ быть самымъ богатымъ, самымъ сильнымъ и самымъ счастливымъ, въ которомъ не отдѣльныя лица, а именно всѣ, то есть каждый отдѣльный членъ общества пользуется благосостояніемъ.

Всматриваясь въ условія настоящаго экономическаго быта Евро-

ны, нельзя не видѣть, что производства извѣстныхъ продуктовъ увеличиваются въ той мѣрѣ, въ какой капиталы устремляются на нихъ производство. При этомъ капиталы сосредоточиваются въ однихъ рукахъ, потому что большой капиталъ даетъ большую силу обороту, и капиталистъ, или производитель, можетъ довольствоваться меньшимъ процентомъ. Вслѣдствіе этого, предприятия переходятъ въ руки большихъ капиталистовъ, а массы рабочихъ населеній въ той же степени отдаляются отъ возможности пріобрѣтенія капиталовъ, отъ самостоятельныхъ предприятий и отъ достиженія самостоятельной собственности. Этимъ путемъ современное европейское общество распалось на два класса — на капиталистовъ и рабочихъ. Переходъ изъ одного въ другой есть только дѣло такъ-называемаго счастья и несчастья. Оба класса, сильные каждый въ своемъ родѣ, стоятъ враждебно одинъ противъ другаго, и настоящій общественный порядокъ западной Европы покоится именно на господствѣ капитала надъ рабочей силой безъ капитала.

Въ промышленной дѣятельности народовъ, недостигавшей никогда такого развитія, какъ въ настоящее время, лежитъ одна изъ главнѣйшихъ причинъ болѣзни. И машины играютъ въ этомъ не послѣднюю роль. Главнѣйшее вліяніе ихъ заключалось въ томъ, что они подорвали ремесла. Ремесленнику прежде не былъ труденъ переходъ изъ рабочихъ въ собственники; но условія перемѣнились, какъ только ремесленникъ, работающій ручнымъ инструментомъ, превратился въ рабочаго при машинѣ и система раздѣленія труда получила на практикѣ большое приложеніе.

Въ началѣ появленія машинъ, число рабочихъ для нихъ было мало. Но скоро число это увеличилось, потому что ручная работа не могла соперничать съ работой машинной. Многие ремесленники должны были прекратить свои работы и идти на фабрики и мануфактуры, или совершенно разбиться. Поступая въ число рабочихъ къ машинѣ, каждый получалъ, согласно системѣ раздѣленія труда, свое особое занятіе. Кругъ дѣятельности такого рабочаго становился крайне сжатъ, задача была вѣчно одна и та же, и машинный рабочій совершенно терялъ общій взглядъ на все производство. Отъ такого порядка вещей рабочій страдалъ и въ физическомъ и въ моральномъ отношеніяхъ. Капиталисты скоро оцѣнили выгоды машинъ и системы раздѣленія работъ и стали прилагать ихъ ко всѣмъ производствамъ. Этимъ путемъ образовался особый классъ населенія — классъ фабричныхъ рабочихъ, самостоятельный членъ настоящаго европейскаго общества, составляющій замкнутое и сильное цѣлое. Но самъ ли пролетарій подготовилъ себѣ это положеніе? Гдѣ основаніе обвинять его въ лѣни, въ нежеланіи работать? Гдѣ основаніе видѣть

въ его общественныхъ стремленіяхъ одно грубое посягательство на чужую собственность, посягательство, чуждое всякой справедливости? Пролетаріатъ и вызванное имъ сознаніе необходимости изменить экономическія условія настоящаго европейскаго общества не составляютъ дѣло случая. Кто не видитъ во всемъ этомъ работы исторіи, тотъ не пойметъ ни смысла явленія, ни его значенія.

Пролетарій вовсе не нищій и не лѣнтяй. Нищій не работаетъ. Пролетарій, напротивъ, можетъ и хочетъ работать, хорошо и много. Онъ полонъ силъ, но онъ требуетъ вознагражденія, которое можетъ доставить ему не только работу, но и возможность достиженія вмѣстѣ съ работой капитала и самостоятельности.

Въ этомъ видѣ пролетарій есть явленіе новой исторіи; только въ нынѣшнемъ столѣтіи онъ явился на западѣ Европы въ видѣ сознательнаго, самостоятельнаго цѣлаго. До XIX столѣтія бѣдныхъ, нуждавшихся въ общей помощи, было можетъ быть больше, чѣмъ теперь, но о пролетаріатѣ не было рѣчи. Онъ плодъ новой исторіи. Вотъ почему на пролетарія нужно смотрѣть нѣсколько глубже, чѣмъ это дѣлаютъ дилеттанты-экономисты: поменьше презрѣнія, побольше знанія исторіи, побольше знакомства съ порядкомъ существующимъ въ экономическомъ цирѣ.

Мы вовсе не думаемъ излагать теоретическія основанія новой экономической системы, а предлагаемъ читателю вродѣ разсказъ объ экономическомъ бытѣ ліонскаго рабочаго, на основаніи двухъ-трехъ статей французскихъ журналовъ. Читатель найдетъ здѣсь фактическое, ничѣмъ неприкрашенное подтвержденіе справедливости основанія, служащаго точкой отправленія новѣйшимъ экономистамъ, о необходимости вмѣшательства правительственной власти въ дѣло улучшенія положенія рабочаго, вмѣшательства, которое никакъ не хотятъ допустить экономисты старой школы.

Шелковая промышленность, то есть возвращеніе шелковичныхъ червей, размотка коконовъ, сученіе и окраска шелка, наконецъ приготовленіе шелковыхъ матерій—составляетъ одну изъ главнѣйшихъ отраслей промышленной дѣятельности Франціи и славу ліонскихъ фабрикъ. Человѣкъ посѣщающій въ первый разъ ліонскаго фабриканта ожидаетъ найти у него огромную мастерскую, паровую машину, обиліе ткацкихъ станковъ и несмѣтное число рабочихъ. Но вмѣсто всего этого онъ находитъ контору и двухъ или трехъ людей, занятыхъ въ ней письменной работой. Ліонскій фабрикантъ покупаетъ готовый шелкъ, отдаетъ его тять рабочимъ въ мастерскихъ, не принадлежащихъ ему, и перепродаетъ готовую матерію молочнымъ торговцамъ. Специальность антрепренера заключается въ покупкѣ шелка, въ наблюденіи за рабочимъ и въ продажѣ матерій. Едва

да есть другое коммерческое предприятие, представляющее большой риск и требующее больших способностей от исполнителя. Причина этого заключается в цене сырого продукта и в капризных требованиях моды, обнаруживающей на шелковую промышленность совершенно деспотическое влияние. Лионский фабрикант, кроме чисто коммерческих способностей, должен обладать большим вкусом в выборе рисунков, тканей и цветов для материй; должен наблюдать за артистическим выполнением рисунка в ткани; он должен быть negociant и художник. Влияние его на рабочее население огромно, потому что его званием дѣла и вкусом держится вся промышленность и существуют рабочіе.

Непосредственный помощник лионскаго фабриканта есть простой ремесленникъ. Фабрикантъ, купивъ шелкъ и приготовивъ его для ткани, призываетъ ткача и отдаетъ ему количество, необходимое для тканья куска матеріи. Работникъ уноситъ шелкъ домой, тчетъ, и когда матерія готова, относитъ ее къ фабриканту и получаетъ плату по числу метровъ длины куска.

Самое тканье производится фабричнымъ образомъ. Не каждый ткачъ имѣетъ однако свой собственный станокъ; обыкновенно мастерскія принадлежатъ только нѣкоторымъ ткачамъ, имѣющимъ отъ двухъ до шести ткацкихъ станковъ. Большая часть мастерскихъ расположена въ узкихъ, неоправныхъ улицахъ. Мастерская, это большая комната, хорошо освѣщенная, съ желѣзной печью и нѣрѣдко съ пріемной комнатою, рядомъ. Хозяева мастерскихъ составляютъ весьма интересный и любопытный классъ населенія Лиона. Они сами мастеровые, держатся своего званія, и хотя не лѣзутъ въ буржуазію, но тѣмъ не менѣе даютъ рабочимъ, какъ и всѣ капиталисты. Отношеніе ихъ къ фабрикантамъ такое же, какъ и всѣхъ остальныхъ ткачей, не владѣющихъ ткацкими станками. Хозяинъ наблюдаетъ только надъ своими учениками, но не вмешивается въ работу ткачей, работающихъ на его станкахъ. Онъ больше ничего, какъ хозяинъ мастерской. Носить одинакій костюмъ съ ткачами несобственниками, веселится во воскресенья тамъ же, гдѣ веселятся и они. Хозяева держатся дружно одинъ другому, знаютъ другъ друга и составляютъ оотно общества взаимнаго вспомошествованія, чтобы удобнѣе противустоять фабрикантамъ или, какъ они ихъ называютъ, патронамъ. Такихъ обществъ въ Лионѣ болѣе ста шестидесяти.

Ремесло хозяина представляетъ три источника дохода. Заработная плата, какъ и у всѣхъ остальныхъ ткачей, потому доходъ съ мастерской. За право работы въ мастерской, на станкѣ своемъ, онъ беретъ съ ткача половину его задѣльной платы. Рассчитывая плату за наемъ квартиры, отопленіе и освѣщеніе, хозяину изъ этой платы

оценивается ровно половина. Процентъ ужасный! Наконецъ каждый ученикъ платитъ за учење сумму довольно большую, или же въ замѣнъ денегъ работаетъ извѣстное число лѣтъ на хозяина даромъ.

Хозяинъ мастерской съ шестью ставками находится въ положеніи полнаго довольства. Онъ работаетъ, какъ и остальные, тринадцать часовъ въ сутки. Но выгоды такого положенія чрезвычайно усиливаются тѣмъ, что хозяинъ работаетъ дома, среди своей семьи, нестѣсняемый надзоромъ; наконецъ и денежные выгоды, получаемыя имъ отъ своего занятія, далеко выше выгодъ простаго ткача — нехозяина. Въ Лионѣ и его окрестностяхъ изъ числа рабочаго населенія около трети составляютъ хозяева.

Положеніе простаго рабочаго много хуже. Прежде всего онъ теряетъ часть изъ своей заработной платы только потому, что не на столько богатъ, чтобы имѣть свой собственный ткацкій станокъ. Потому онъ работаетъ не у себя дома, слѣдовательно теряетъ нѣкоторую часть своей независимости. Не имѣя ни семьи, ни хозяйства, простой ткачъ при малыхъ заработкахъ, не позволяющихъ ему имѣть столъ у хозяина, ѣсть въ харчовиѣ (*cabaret*). Жизнь безъ дома и семьи — жизнь безпорядка; нѣтъ причинъ вынуждающихъ экономію, да иногда и не изъ чего быть экономнымъ. Положеніе ткача становится годъ отъ году печальнѣе. Прежде ткачи поселялись въ семействахъ хозяевъ; но время вытѣсняеть такой порядокъ вещей, и скоро между хозяевами и ткачами образуются тѣже отношенія, какія существуютъ вообще между капиталистами и рабочими. Хозяева становятся уже представителями матеріальной силы, они смотрятъ уже капиталистами, тогда какъ у простыхъ ткачей нѣтъ ничего, кромѣ здоровыхъ рукъ и желанія работать. Ткачу осталась только возможность скитальческой жизни. Онъ переходитъ изъ мастерской въ мастерскую, работаетъ подлѣ хозяина, не чуждый ему во всемъ, живетъ и держится особнякомъ, не чувствуя самъ принужденности къ эксплуатирующему его собрату по ремеслу и не возбуждая этой привязанности къ самому себѣ. Такая жизнь обнаруживаетъ огромное вліяніе на нравственность рабочаго и меньше всего предохраняеть его отъ возможности нищеты въ старости. Разумѣется, экономія, при хорошемъ поведеніи, сулитъ ему въ будущемъ положеніе хозяина. Но всегда ли возможна экономія? Всегда ли есть изъ чего быть экономнымъ? Наконецъ отчужденіе, въ которомъ живетъ ткачъ, и жизнь въ кабакѣ обнаруживаютъ слишкомъ разрушительное вліяніе на нравственность рабочаго и представляютъ слишкомъ малое ручательство возможности подобной экономіи. И тутъ переходъ изъ худшаго къ лучшему есть дѣло случая, исключеніе изъ общаго правила. Понятно, что и способность вынести твердо та-

кое безвыходное положеніе, способность смотрѣть твердо въ будущее, ничего не обещающее и ведущее большую часть къ необеспеченной старости, или, еще хуже, къ нищетѣ, не можетъ быть утѣломъ всего рабочаго населенія. Борьба трудная, не у всякаго достанетъ силы вынести ее.

Положеніе ученика еще хуже. Существуетъ обычай, что ученикъ долженъ работать на хозяина четыре года. Условіе тяжелое; обременительное для родителей ученика тѣмъ, что они должны кормить его на свой счетъ въ пору его полной силы. Вслѣдствіе этого наиболѣе бѣдные семейства не могутъ отдавать своихъ дѣтей въ ученье. Замѣчательна несоразмѣрность срока ученическихъ годовъ съ временемъ, необходимымъ для дѣйствительнаго изученія ткацкаго ремесла. Оно изучается въ шесть мѣсяцевъ, а остальные три съ половиной года ученикъ работаетъ даромъ на хозяина. Родители выкупаютъ иногда часть изъ этихъ четырехъ лѣтъ рабства суммой, доходящей нерѣдко до 500 франковъ.

Но женщинамъ во всемъ этомъ гораздо хуже, чѣмъ мужчинамъ, хотя къ чести лонскихъ фабрикантовъ нужно отнести, что они платятъ рабочимъ по числу метровъ, не спрашивая кто ткалъ—мужчина или женщина. Это «къ чести» требуетъ маленькаго подцененія. Не все ли равно для фабриканта, кто работалъ—вещь? Должно бы быть все равно, но, къ сожалѣнію жадность къ деньгамъ и стремленіе къ большимъ барышамъ иногда измѣняли это правило, построенное на началахъ справедливости. Когда машинное производство получило въ Англіи большое развитіе и механическая сила стала замѣнять силу рабочаго, мужчины были замѣнены почти вездѣ женщинами. Причина заключалась единственно въ томъ, что женщины довольствуются меньшей платой. Если мужчина и женщина тогда помѣнялись; мужчины, оставшись безъ работы, стали сидѣть дома, заниматься хозяйствомъ и нянчить дѣтей, а женщины водворились въ мастерскихъ и вмѣстѣ съ работой наследовали часть и мужскія привычки. Фабриканты скоро вошли во вкусъ выгодной для нихъ задѣльной платы, и не обращая вниманія на потребности рабочихъ, а между тѣмъ зная хорошо, что женщины тише, слабѣе и податливѣе мужчинъ и не станутъ прибѣгать къ физической силѣ, понизили задѣльную плату до послѣдней степени. Водились даже такіе фабриканты, которые искали семейныхъ женщинъ, рассчитывая вѣрно, что мать не задумается ни предъ какимъ трудомъ, лишь бы достать кусокъ хлѣба своимъ дѣтямъ. Съ большимъ развитіемъ машинныхъ производствъ и съ облегченіемъ надзора за ними, жадность и конкуренція заставляла замѣнять женщинъ дѣтьми. И въ

этомъ смыслѣ плата по метрамъ, производимая лiонскими фабрикантами, дѣлаетъ имъ честь, — они могли бы быть хуже.

Положеніе женщины хуже потому, что она зарабатываетъ меньше, чѣмъ мужчина. Такимъ образомъ, если средній дневной заработокъ мужчины 2 франка 50 сент., то заработокъ женщины только 1 франкъ 75 сент. Причина въ томъ, что для тканья широкихъ и узорчатыхъ матерій и бархату нужно имѣть больше силы, чѣмъ для работы за обыкновеннымъ ткацкимъ станкомъ. Нѣкоторыя изъ женщинъ ткутъ и бархатъ, — и рассказываютъ, въ новѣйшее время, про одну женщину, которая, благодаря исключительной крѣпости и силѣ, работая въ день по *четыре*дцати часамъ, зарабатывала, достигая, одинаковыя съ лучшими рабочими.

Лучшее положеніе между женщинами занимаютъ, разумеется, хозяйки, т. е. владѣтельницы мастерскихъ или жены хозяевъ. Такая хозяйка зарабатываетъ въ день 4 франка, и за вычетомъ одного франка расходовъ на хозяйство, у нея остается 3 франка. Къ этому слѣдуетъ прибавить плату, получаемую отъ ткачей за ткацкіе станки, такъ что средній дневной заработокъ составляетъ отъ 5—7 франковъ для жены и отъ 6—8 для мужа. Такой значительный, повидимому, заработокъ не обезпечиваетъ однако хозяина. Промышленный кризисъ разорлетъ его мгновенно, потому что хозяинъ зависитъ вполне отъ фабриканта. Нѣтъ торговли у фабриканта — нѣтъ работы у хозяина. Кромѣ того, отъ произвола фабриканта и его приказчиковъ зависитъ дать или не дать работу, дать работу выгодную или менѣе выгодную. Фабрикантъ, покровительствующій ткачу, даетъ ему кусокъ большой длины, или такую матерію, гдѣ надвязка основы можетъ быть сдѣлана скоро и легко. Если же ткуются куски короткіе, то у ткача всегда много прогульныхъ дней, потому что установку ткацкаго станка, расположеніе и надвязку основы дѣлаютъ особыя работницы. Несмотря на все это, хозяинъ и хозяйка находятся въ положеніи сравнительно много лучше, чѣмъ остальные работники. Выгоды положенія хозяйки тѣ же, какъ и хозяина. Она работаетъ дома среди своей семьи, можетъ удобно располагать своимъ временемъ, согласуя интересы и заботы по домашнему хозяйству съ занятіями по своему ремеслу. При такомъ порядкѣ вещей здоровье хозяйки, ея нравственность и семейное счастье страдаютъ менѣе, чѣмъ при работѣ на мануфактурѣ. Только одно обстоятельство повидимому можетъ нарушать гармонію выгоднаго промышленнаго положенія хозяйки. Въ Лiонѣ существуетъ обычай, по которому хозяйка играетъ роль посредника между своимъ мужемъ и фабрикантомъ. Не хозяйинъ, а его жена отправляется за заказомъ и относитъ готовую работу. Какъ только кусокъ матеріи конченъ,

снять съ цилиндра, сложенъ, хозяйка надѣваетъ лучший свой чепчикъ и лучшее свое платье и отправляется съ нимъ къ фабриканту. Понятно, что если хозяйка хороша, а фабрикантъ или его прикащикъ молодъ, то нравственности хозяйки можетъ угрожать нѣкоторая опасность.

Въ воскресенье или въ праздникъ, когда всѣ населенія мастерскихъ собираются на гулянья, находящіяся въ окрестностяхъ города, трудно отличить хозяйку отъ простой работницы. Всѣ одѣты одинаково со вкусомъ, и бѣднѣйшая работница готова на жертвы, чтобы быть одѣтой изящно. Несмотря на одинаковость вкуса и общее изящество нарядовъ, между положеніемъ хозяйки и работницы существуетъ громадная разница. Одна имѣетъ семейство, положеніе въ обществѣ, пользуется довольствомъ, тогда какъ другая живетъ одиноко и должна довольствоваться платой самой ничтожной. Трудно опредѣлить средній заработокъ работницъ, и до сихъ поръ по этому предмету не существуетъ вполне удовлетворительныхъ данныхъ. Причина въ томъ, что независимо отъ переходовъ для работъ изъ однихъ мастерскихъ въ другія, тысячи другихъ обстоятельствъ измѣняютъ величину дневнаго заработка. Есть матеріи, которыя приносятъ болѣе выгоды, у другихъ особенно трудна и слѣдовательно медленна установка основы, подвязка нитей. Все это служитъ источникомъ потерь, потому что нужно платить женщинѣ, которая занята этимъ, а самой ткачихѣ сидѣть безъ дѣла.

Есть работницы болѣе смѣшленные и сильныя; другія же отъ неудачи легко впадаютъ въ уныніе или силы измѣняютъ имъ. Здоровье однихъ имѣетъ большое вліяніе на общую величину заработка, у другихъ же воля и энергія замѣняютъ слабость тѣла. Но на долго ли? Принимая обстоятельства наиболѣе выгодныя, средній дневной заработокъ ткачихи нельзя принять выше 1 фр. 50 сант. Принимая даже 1 фр. 75 сант., годовая сумма за 300 рабочихъ дней составитъ 525 франковъ. На 1 фр. 75 сантимовъ въ день, цифра преувеличенная, жить можно, но очень худо. Разсчитывая 20 сантимовъ въ день за квартиру (72 фр. въ годъ), можно жить только въ лачугѣ. Полагая 150 франковъ въ годъ на одежду, обувь, стирку, возможно имѣть только крайне необходимое. Останется 80 сантимовъ въ день на пищу, на непредвидѣнные расходы и на расходы по ремеслу. Принимая заработокъ болѣе вѣрный въ полтора франка, на день остается вмѣсто 80, только 55 сантимовъ! Большая часть работницъ кормятся у хозяевъ, въ ихъ семействѣ, но и это лучшее положеніе не всегда возможно. Хотя женщины вообще умѣреннѣе и экономнѣе мужчинъ, менѣе нуждаются въ такой сильной пищѣ, какъ мужчины; но не нужно забывать, что тканье составляетъ занятіе довольно

утомительное, и что сила нужна для возможности полного дневного заработка. Скверное помещеніе, бѣдная одежда, плохая пища и по меньшей мѣрѣ двѣнадцать часовъ работы въ день — вотъ матеріальныя выгоды ткачихи, находящейся въ выгодныхъ условіяхъ здоровья и работы. А нужно еще замѣтить, что ткачихи — работницы привилегированныя, послѣ хозяекъ онѣ составляютъ аристократію фабричнаго населенія Ліона. Сучильщицы, работающія постоянно стоя въ теченіе тринадцати часовъ, получаютъ не болѣе 8 франковъ въ недѣлю; а въ извѣстные періоды плата имъ падаетъ до 70 сантимовъ въ день. Обыкновенно онѣ имѣютъ столъ у хозяевъ. Тѣ за 5 сантимовъ даютъ имъ утромъ супъ, а въ обѣдъ одно блюдо, за 25 сантимовъ. Супъ сучильщицъ вошелъ въ Ліонъ въ поговорку. Мотальщицы, и особенно мотальщицы утка находятся не въ лучшихъ условіяхъ. Онѣ работаютъ у хозяевъ и платятъ за это, какъ и ткачихи, половину задѣльной платы. Рабочій день въ 13 до 14 часовъ труда приноситъ имъ отъ 1 до 1 фр. 25 сент. Навивальщицы получаютъ столько же, но станокъ отъ хозяина кромѣ того. Въ хорошихъ мастерскихъ держатъ годовыхъ работницъ и платятъ имъ 100, 125 и даже 150 фр. жалованья. Это, разумѣется, выгодноѣ для навивальщицы, потому что она пользуется всѣмъ готовымъ, но за то на нее возлагаютъ тяжелыя домашнія работы, и вообще на нее смотрятъ больше, какъ на служанку, чѣмъ на мастерицу. Работницы, устанавливающія станъ и располагающія на немъ основу, получаютъ отъ 3 до 4 франковъ въ день. Но положеніе ихъ неособенно пріятно потому, что имъ приходится вѣчно бѣгать изъ одной мастерской въ другую. Во всемъ этомъ высказывалась еще лучшая сторона жизни ліонскихъ рабочихъ. Но вотъ бѣдствія, дѣлающія положеніе рабочаго слишкомъ непрочною. Ихъ три — прогуль, болѣзнь и старость. Даже при самомъ цвѣтущемъ положеніи коммерціи и при полномъ дѣйствіи фабрикъ, рабочій не избавленъ отъ прогульныхъ дней. Въ жизни въ некоторыхъ мастерскихъ эти прогулы имѣютъ хроническій характеръ. Такъ напримѣръ работницы, устанавливающія станки и наматывающія основу, имѣютъ обыкновенно три пресульных дня въ недѣлю; а когда сбытъ матерій замедляется, онѣ сидятъ почти совсѣмъ безъ дѣла. Въ томъ же положеніи находятся всѣ работницы, занятія которыхъ зависятъ исключительно отъ моды, напримѣръ przygotowющія картоны. Ткачи обезпечены болѣе, хотя и они не могутъ ручаться за завтра. Часто, — являясь въ мастерскую, рабочій узнаетъ, что хозяинъ не имѣетъ заказовъ или же заказана матерія новаго рисунка; нужно установить стачокъ, а работницы для этого вѣтъ — занята у другихъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ пропадаетъ много времени въ бѣготѣ. При прогулахъ случается верѣдъ,

ко, что работница, бѣгая изъ мастерской въ мастерскую и нища работы, не находитъ ей и должна возвращаться домой съ пустыми руками, не зная, чѣмъ ей придется накормить своихъ дѣтей. Подождеице это еще ужаснѣе, когда есть дома больные и не на что купить лекарства или испосить печку.

Но еще ужаснѣе коммерческій кризисъ. Фабриканты останавливаютъ свои заказы. Мастерскія нустѣютъ. Хозяинъ еще можетъ держаться — у него есть экономія; но рабочий, которому сберечь было не изъ чего, превращается сразу въ нищаго, въ нищаго, полного мужества и силы. Гдѣ же тутъ лѣнь, гдѣ же желаніе жить на чужой счетъ? Въ 1836 году поднали на набережной совершенно изнуреннаго, почти умирающаго работника. «Я умираю отъ стыда», сказалъ онъ людямъ, которые несли его въ больницу. Общее бѣдствіе, какъ кризисъ, поражаетъ въ Лионѣ и въ его окрестностяхъ сто семьдесятъ тысячъ душъ рабочаго населенія. Даже морозная язва и голодъ ничего въ сравненіи съ этимъ бѣдствіемъ.

А старость, а продолжительныя хроническія болѣзни! Гдѣ взять денегъ на это, когда ихъ скопить невозможно? Еще надобно замѣтить, что шелковое производство одно изъ здоровѣйшихъ: мастерскія опрятны, воздухъ чистъ, самая работа хоть и утомительна; но не вызываетъ большую потерю силъ; специальныхъ болѣзней связанныхъ съ этимъ производствомъ нѣтъ, и человекомъ управляетъ хорошо даже слабая рука старика. Часто случается, что употребляютъ съ стариками нѣкоторое насиліе, чтобы заставить ихъ отказаться отъ работы. Они любятъ свое ремесло—это нѣстная добродѣтель и одна изъ причинъ преимущества монскихъ фабрикъ предъ другими. Чувство независимости не позволяетъ имъ рѣшиться бросить работу, когда имъ кажется, что они еще могутъ работать. Они боятся быть бесполезными, и большого труда стоитъ заставить старика, что матерія выходитъ у него не такой ровной и плотной, и что тотъ же станокъ въ рукахъ молодыхъ приноситъ болѣе выгоды;

Остается еще сказать о дѣтяхъ и объ ученикахъ. Большая часть отдѣловъ шелковаго производства почти не требуютъ ученья. А между тѣмъ ученье ткача продолжается четыре года, и за ремесло, которому можно выучиться въ пять мѣсяцевъ, ученикъ отдаетъ хозяину все свое время и всю свою работу съ тринадцатилѣтняго возраста до 17 или 18 лѣтъ. Въ Лионѣ немногочисленныя семейства, имѣющія средства содержать своего ребенка въ теченіе четырехъ лѣтъ труда, совершенно для нихъ непродумательнаго. Число же семействъ, имѣющихъ средства откупить два года дѣловой работы 400 или 500 франковъ, еще менѣе. Всѣми выгодами въ этомъ случаѣ пользуется, разумѣется, хозяинъ. Допуская даже, что ученикъ или ученица нау-

чатся ткать не меньше, какъ въ теченіе года, хозяинъ мастерской пользуется ихъ трудомъ исполнѣ три года. Особенно выгодны послѣдніе два года, когда ученикъ уже работаетъ какъ мастеръ, и полный дневной заработокъ его идетъ весь въ карманъ хозяина. Интересъ хозяина заставляеть его извлекать изъ силъ и способностей своихъ учениковъ наибольшую выгоду, въ теченіе рабочихъ часовъ. И хотя обычай установилъ для ученика восемь рабочихъ часовъ въ день, но хозяева нередко наблюдаютъ еще два, а иногда и четыре часа. Такимъ образомъ дѣвочка въ четырнадцать лѣтъ, въ возрастѣ, когда здоровье ея требуетъ особеннаго вниманія и заботливости, должна посвятить себя работѣ, способной истощить силы даже взрослога человѣка. Законъ французскій плохо покровительствуетъ дѣтямъ, а нѣтнвый обычай нарушается безпрестанно и безнаказанно. Но кромѣ страданій физическихъ и разныхъ лишеній, которымъ подвергается ребенокъ, и нравственность его страдаетъ не менѣе. Нельзя работать вѣчно, нужны и удовольствія, и дѣвочка, въ лучшую пору жизни лишенная добраго совѣта, мучимая тяжелой для ея лѣтъ работой, легко кидается на развлеченія и ищетъ утѣшенія въ развратѣ, какъ мужчина въ пьянствѣ. Къ чести ліонскихъ рабочихъ, пьянство у нихъ рѣдко.

Въ Ліонѣ и въ окрестностяхъ его мало охотниковъ отдавать своихъ дочерей въ ученіе; легче отдаютъ въ водилки и въ швей, чѣмъ на фабрики. И отцы семейства правы, потому что они знаютъ, какими опасностями подвергается нравственность ихъ дѣтей въ этомъ большомъ городѣ. Когда не находилось ученицъ въ окрестностяхъ Ліона, за ними отправлялись въ Дофинъ, даже въ Провансъ и Овернь. Замѣчено, что молодыя работницы трудно выходятъ замужъ, если во время ученія онѣ не жили въ своихъ семействахъ. Чтобы немочь этому горю хотя частью, одинъ изъ ліонскихъ фабрикантовъ, самъ бывшій некогда простымъ рабочимъ, задумалъ устроить нѣчто въ родѣ пансіона. Въ нѣсколькихъ лѣтъ отъ Ліона онъ выстроилъ что-то въ родѣ фабрики, школы или монастыря, и дѣвочки, желающія учиться ремеслу, принимаются туда на три года, по условіямъ; работницы же подписываютъ условія на 18 мѣсяцевъ. — Въ послѣднее время явились уже три пансіона въ этомъ родѣ.

Правила, принятые въ этихъ домахъ, чрезвычайно строгіи. Напримеръ, въ одномъ изъ нихъ работа начинается въ пять часовъ съ четвертью утра, и кончается въ восемь часовъ съ четвертью вечера. Въ числѣ этихъ пятнадцати часовъ, четверть часа назначается утромъ на завтракъ и на уборку постелей, часъ на обѣдъ и на отдыхъ, такъ что на дѣйствительную работу приходится болѣе двѣнадцати часовъ. По окончаніи вечерней работы: ужинаятъ, молятся и въ девять часовъ

дожаты спать. Отпускаютъ изъ пансіона одинъ разъ въ шесть недѣль. Для элементарнаго образованія учреждена воскресная школа. Все это въ цѣломъ производитъ самое грустное впечатлѣніе. Воскресное ученіе, разумѣется, не приноситъ пользы, или пользу весьма незначительную. Ужь какая наука ребенку, измученному шестидневной работой! Школы эти только заводятъ на дѣтей тоску и прибавляютъ имъ новую непріятность. Праздникъ тоже не вознаграждаетъ ученицъ за трудъ недѣли, и проходитъ очень печально. Утромъ и вечеромъ молитва въ церкви, катехизисъ, ученіе въ церкви и рекреція нѣсколько бѣднѣе, чѣмъ въ рабочіе дни. Послѣ вечерни, если погода хороша, выводятъ ученицъ гулять всѣхъ вмѣстѣ; а при дурной погодѣ заставляютъ ихъ читать вслухъ. Работницы подчинены тѣмъ же правиламъ. Работа въ теченіе недѣли производится подъ надзоромъ смотрительницъ. Нужно согласиться, что въ подобныхъ заведеніяхъ дѣвочки содержатся лучше, чѣмъ у мастеровыхъ; ихъ лучше кормятъ, лучше одѣваютъ, онѣ лучше помѣщены. Но за то все остальное слишкомъ тяжело. Эти двѣнадцать часовъ работы, воскресенье, проводимое почти все въ церкви, отсутствіе почти всякаго сообщенія съ жизнью внѣ стѣнъ заведенія, можетъ испугать своей излишней строгостью и изсушающимъ вліяніемъ и не ребенка. Это не столько заведеніе для воспитанія, сколько рабочій домъ. Такъ-что, несмотря на выгоды лучшаго помѣщенія и лучшей пищи, жизнь обыкновенныхъ ученицъ представляетъ огромнѣйшую выгоду жизни на свободѣ и права имѣть воскресенье и праздникъ, чего лишены пансіонерки. И несмотря на всю тягость такой жизни и ея притупляющее вліяніе, родители стали помѣщать своихъ дѣтей охотно въ эти рабочіе дома, потому что дочки выходятъ легче замужъ. Нужно, чтобы жизнь была ужь очень скверна, когда человѣкъ рѣшается искать спасенія своимъ дѣтямъ въ исправительномъ заведеніи! Дилеттанты могутъ возразить, что прежде было еще хуже, что съ успѣхомъ цивилизаціи положеніе рабочихъ значительно улучшилось. И точно прежде было еще хуже, прежде мануфактурноты походили еще болѣе на плантаторовъ, и когда жадность къ деньгамъ заставляла ихъ замѣщать работниковъ работницами, семейнымъ женщинамъ осталось одно средство—выбѣжать своимъ дѣтямъ нанять. Дѣло это устроивалось такъ, что одной нянькѣ отдавали на руки, на время рабочихъ часовъ, нѣсколько дѣтей. Дѣтей этихъ помѣщали, разумѣется, въ очень дешовыхъ и, следовательно, плохихъ помѣщеніяхъ; при условіяхъ самыхъ невыгодныхъ для ихъ здоровья; а чтобы дѣти были неспокойныѣ, имъ давали опиумъ. Все это имѣло огромное вліяніе на увеличеніе смертности, особенно въ до-двухлѣтнемъ возрастѣ. Пріюгъ,

разумеется, уменьшили зло, дѣти бѣднѣхъ рабочихъ и работницъ; благодаря устройству приютовъ, не терпятъ ни холода, ни голода, ни нечистоты, и предупреждено бродажничество. Но неужели на этомъ и успокоиться? Мы требуемъ людей, но какъ ихъ создавать, когда мать не знаетъ своего ребенка? Мать цѣлый день въ мастерской, а ребенокъ въ приютѣ; они сходятся только вечеромъ, на ночь, когда мать, измученная 12—14 часовой работой, требуетъ прежде всего отдыха. Но и перспектива жизни ребенка непривлекательна. Все дѣтство въ приютѣ да въ воскресной школѣ, молодость и пора полныхъ силъ на фабрикѣ или на мануфактурѣ, а старость въ богадѣльнѣ! Вѣчная опека, вѣчное вспомошествованіе и вѣчная бѣдность, но когда же самостоятельная жизнь? Подобный порядокъ возможенъ, пока въ массахъ неразвито еще чувство собственного достоинства. Но такая пора проходить, подачка наконецъ оскорбляетъ, и человекъ, чувствуя силу въ своихъ мышцахъ и смыслъ въ головѣ, можетъ потребовать наконецъ того, что ему принадлежитъ по праву человека. Онъ имѣетъ право не желать быть ни нищимъ, ни пролетаріемъ. Во всемъ этомъ женщины гораздо тяжелѣе, чѣмъ мужчины. Она оторвана отъ семьи, оскорблено ея материнское чувство, устранено ея нравственное вліяніе на воспитаніе своего ребенка; наконецъ женщина обременена, сравнительно съ мужчиной, работой болѣе трудной. Существуютъ мыслители, которымъ хочется видѣть въ женщинѣ существо, созданное только на потѣху мужчинѣ. По ихъ мнѣнію, обязанность женщины — управлять хозяйствомъ, правиться своему мужу и нянчить дѣтей. Пошливъ фразы, приводимыя этими мыслителями для убѣжденія своихъ читателей, едва ли убѣждаютъ когонибудь. Мыслители эти въ восторгѣ отъ слабости женщины; ихъ очаровываетъ ея грація, ея добродѣтели, способность вѣрнаго чувства и т. п. притерности. Отправляясь съ этого основанія, они хотятъ сдѣлать изъ женщины игрушку и забаву мужчины, а на мужчину возлагаютъ весь умственный трудъ и всѣ общественныя обязанности. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего новаго. На востокѣ всякая женщина, а въ европейскомъ обществѣ женщины изъ числа денежной и всякой другой аристократіи и женщины такъ-называемаго образованнаго сословія—давно пользуются этимъ правомъ. Когда женщина обезпечена, мужъ несетъ на себѣ всѣ тягости вѣ семейной жизни, для доставленія своему семейству средствъ существованія; женщины остается одно: тратить время на пустые визиты и наряды, вязать кошельки, вышивать манжеты, воротнички и расплываться въ сантиментальности. Заботы по хозяйству и по уходу за дѣтьми занимаютъ у такихъ женщинъ мало времени — двѣ трети дня имъ рѣ-

шительно нечего дѣлать. Такого рода праздную жизнь ведетъ въ Лионѣ женская буржуазія. Жены фабрикантовъ не принимаютъ не только никакого участія въ дѣлахъ своихъ мужей, не помогаютъ имъ въ счетахъ, въ корреспонденціи, въ надзорѣ за магазинами, какъ это существуетъ въ другихъ отрасляхъ промышленности, но онѣ даже чужды самыхъ основныхъ вопросовъ занятій ихъ мужей, онѣ остаются въ полномъ невѣдѣніи движеній торговли, не зная, идутъ ли дѣла ихъ дома къ банкротству, или къ обогащенію. Но если незначительное число женщинъ живетъ, не дѣлая ничего и превращая всю жизнь «въ пріятную прогулку подъ руку съ пылкимъ молодымъ человѣкомъ», за то большая часть женщинъ бѣднѣхъ работаютъ уже слишкомъ много, несутъ всѣ тягости труднаго физическаго труда, заботы о содержаніи и прокормленіи своего семейства. Однѣ погибаютъ отъ праздности, другія страдаютъ отъ избытка труда. Приказывать и исполнять приказаніе—двѣ вещи разныя. Также разница существуетъ между матерью, только имѣющей въ своемъ распоряженіи кормилицъ, мамокъ, нянекъ, гувернантокъ, горничныхъ и лакеевъ, и бѣдой женщиной, обязанной нести всѣ эти обязанности. Женщины, разслабленныя физически и нравственно избыткомъ матеріальнаго довольства, едва ли даже и представляютъ себѣ ясно всю тягость жизни матери семейства, которой всѣ средства существованія заключаются въ жалкомъ дневномъ заработкѣ ея и ея мужа. Распорядокъ занятій, по которому мужъ добываетъ средства существованія, а жена смотритъ за дѣтьми и за хозяйствомъ, хорошъ больше въ теоріи, а въ практикѣ онъ рѣдко возможенъ. Какое тутъ хозяйство, когда на заработокъ мужа невозможно хозяйничать; нужно добыть еще столько, чтобы прокормить семью. И вотъ жена идетъ тоже въ поденщицы на фабрику. Но однимъ этимъ не кончатся еще ея занятія. Работая внѣ дома, она должна работать еще и у себя. Она должна встать раньше другихъ, чтобы приготовить мужу и дѣтямъ завтракъ; вечеромъ ложится позже другихъ, потому что должна уложить дѣтей, прибрать въ домѣ. Она должна присмотрѣть за всѣмъ, должна приготовить и завтракъ, и обѣдъ, и ужинъ, должна смотрѣть за дѣтьми, держать ихъ въ чистотѣ, предупредить и холодъ и голодъ; а когда останется свободное время, то посмотрѣть за платьемъ, починить старое и сшить иногда новое. Тутъ ужъ нѣтъ мѣста пустымъ мечтаніямъ, неразлучнымъ съ праздною жизнью; тутъ всѣ заботы устремлены на пріобрѣтеніе только самаго необходимаго; объ удобствахъ и думать нечего. Женщинѣ въ подобномъ положеніи нѣтъ другаго выхода, кромѣ труда и труда. Вѣчный трудъ, необъщающій ничего отдалаго въ будущемъ, не обезпечивающій даже завтрашнее существованіе. Если бы

еще одни заботы по хозяйству, но и это невозможно; мужъ зарабатываетъ въ день только два франка, а на прожитки нужно три, и этотъ третій, недостающій франкъ, должна добыть жена. Чтобы женщина была избавлена отъ работы, необходимо, чтобы задѣльная плата мужчине была достаточна для содержанія его съ семействомъ. Но во-первыхъ, это невозможно, потому что задѣльная плата, падая постоянно, дошла наконецъ до той величины, что человекъ на свой заработокъ въ состояннн прокормить только одного себя. А во-вторыхъ, нѣтъ никакой необходимости дѣлать изъ женщины исключительно мать и хозяйку. Трудъ для женщины также необходимъ, какъ и для мужчины: только трудъ дастъ ей твердое положеннн въ обществѣ, опредѣлитъ ея социальное значеннн, поставитъ женщину въ положеннн независимое отъ мужчины, и избавитъ ее отъ опеки, въ которой ее держутъ постоянно. Нужно только, чтобы трудъ не былъ выше силъ, чтобы онъ не сдѣлался отъ того наказанннмъ, чтобы женщина не отрывалась отъ семьи и отъ своихъ дѣтей, оставляя заботы надзора и воспитаннн на произволъ случая, или людей вовсе не заинтересованныхъ этимъ. Такой распорядокъ труда, качественный и количественный, при которомъ человекъ страдаетъ наименѣе въ физическомъ и въ нравственномъ отношеннн, важенъ потому, что въ тѣсной связи съ нимъ находится ухудшеннн или улучшеннн человѣческой породы и, слѣдовательно, экономическнй бытъ и экономическое развитнн человѣческаго общества.

Человекъ, живя на землѣ, находится въ полной зависимости отъ климата страны и отъ окружающей его атмосферы. Вдыхая каждую минуту вредныя или здоровыя испареннн, испытывая дѣйствнн сухости и влажности воздуха, теплоты, холода и свѣта, человекъ зависитъ вполне отъ этихъ чисто физическихъ причинъ и испытываетъ полезное или вредное влннн ихъ на свой организмъ. Но человекъ подчиненъ не одному влннн мѣстности, въ которой онъ живетъ; самый порядокъ жизни играетъ важную роль въ его экономнн. Пища, питье, одежда, родъ ежедневныхъ занятнн могутъ или усиливать, или ослаблять влннн мѣстности. Но есть еще рядъ причинъ, имѣющихъ влннн на организмъ человека. Развитнн зародыша въ матери можетъ свершиться при условннхъ благоприятныхъ, и слѣдовательно правильно, или же при условннхъ неблагоприятныхъ, такъ что ребенокъ является уже въ свѣтъ болѣзненнымъ. Наконецъ дѣйствуютъ на человека не менѣе сильно причины такъ называемыя моральныя. Порождая страданнн нервной системы и мозга, онѣ нарушаютъ наконецъ порядокъ отправленнн организма въ его физическомъ и моральномъ проявленнн.

Трудно сказать, какня изъ упомянутыхъ причинъ оказываются

болѣе вліятельными; но вѣрно то, что наследственность недостатковъ и уродливостей и нарушение правильности развитія зародыша въ матери—принадлежитъ къ причинамъ весьма важнымъ и обыкновеннымъ. Если нормальное развитіе зародыша и плода нарушено, если беременная женщина страдаетъ отъ болѣзни изнѣмшаго труда, разныхъ огорченій, дѣйствующихъ болѣе или менѣе продолжительно, все это отразится на ребенкѣ. Законы, по которымъ совершается развитіе плода, такъ постоянны, что по мнѣнію И. Жофруа Сентъ-Илера, можно почти по произволу производить извѣстные аномаліи. Постороннія же вліянія, нарушающія правильность развитія, до того важны, что кости черепа и позвоночный столбъ, лишенные или возможности принять нормальные размѣры и форму, лишаютъ и мозгъ возможности полнаго развитія и, слѣдовательно, нормальныхъ отправленій его и нервной системы. Современная медицина признаетъ фیزیологическую и патологическую наследственность дѣломъ болѣе общимъ и болѣе распространеннымъ, чѣмъ думали до сихъ поръ. Статистическія данныя, при всей своей недостаточности, подтверждаютъ вѣрность такого заключенія, и какъ оказывается изъ наблюденій, болѣзни мозга и нервной системы имѣютъ по преимуществу характеръ наследственности. Болѣзни эти не передаются, разумѣется, непременно всѣмъ дѣтямъ, но переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе онѣ или усиливаются, или ослабѣваютъ. И какъ ни одна болѣзнь не сохраняетъ постоянного тона и измѣняется въ своихъ симптомахъ, сообразно средѣ, въ которой она развивается, то характеръ той же подвижности сохраняютъ болѣзни и въ своей наследственности. Состояніе здоровья и состояніе духа родителей имѣетъ значеніе въ моментъ зачатія ребенка, въ это мгновеніе передается будущему плоду начало болѣзни. Фیزیологи замѣтили, что дѣти, зачатые въ нетрезвомъ видѣ, имѣютъ тугой умъ. Наследственностью объясняется легче всего раннее развитіе дурныхъ склонностей въ дѣтяхъ даже хорошихъ, нравственныхъ родителей, но которыхъ постоянное физическое утомленіе, глубокое огорченіе и раздраженіе мозга, могли приводить къ намѣреніямъ и поступкамъ, несогласнымъ съ ихъ натурой. Нездоровое мѣсто, порядокъ жизни, пища, питье, обнаруживая вредное вліяніе на родителей, бываютъ причиной рожденія слабыхъ больныхъ дѣтей; а бѣдность, какъ показываютъ статистическія данныя Англіи, составляетъ одну изъ главнѣйшихъ причинъ сумасшествія. Тамъ же замѣчено, что съ уменьшеніемъ бѣдности становятся рѣже случаи сумасшествія. Фабричныя и мануфактурныя населенія страдаютъ обыкновенно отъ образа жизни, несогласнаго съ правилами гігіены. Самый поверхностный наблюдатель замѣтитъ это легко: на рабочемъ населеніи Ліона,

Лидля, Манчестера, Бирмингама лежитъ печать физическою и моральною порчи. Но кромѣ болѣзней, неразлучныхъ съ существованіемъ нынѣ устройствомъ мануфактуръ и фабрикъ, жизнь эта ведетъ къ нравственной порчѣ, къ безпорядочности и порокамъ, имѣющимъ чуть ли не болѣе гибельное вліяніе на упадокъ населенія въ физическомъ отношеніи. Наслѣдственность въ занятіяхъ обнаруживаетъ подобное же вредное вліяніе на способности и силы челоѣка. Известно, что каждый трудъ находится въ зависимости отъ извѣстныхъ способностей, и эти способности или органы, уставая болѣе другихъ, дѣйствуютъ и на извѣстныя отправления организма. Въ занятіяхъ, переходящихъ отъ отца къ сыну, одно и тоже занятіе, одинаковаго рода напряженность однихъ и тѣхъ же способностей, ведетъ къ болѣзнямъ, исключительно связаннымъ съ этимъ занятіемъ, и къ ослабленію извѣстныхъ умственныхъ способностей.

Наслѣдственность способностей и силъ представляетъ однако не одни печальные результаты. Если передается дурное, то по тому же самому закону передается и хорошее. Успѣхи образованія какъ ни слабы, какъ ни медленно увеличивается умственное богатство челоѣка, но полезное вліяніе ихъ замѣчается все болѣе и болѣе съ каждымъ новымъ поколѣніемъ. Передача умственнаго богатства свершается не только потому, что съ образованіемъ и самѣмъ уходомъ за дѣтьми дѣлается болѣе тщательнымъ, болѣе обезмечивающимъ развитіе въ дѣтяхъ умственныхъ способностей; но и вслѣдствіе простой физиологической наслѣдственности, по тому же закону, по которому передается органическое сложеніе и тѣлесная красота. Было замѣчено нѣсколько разъ, что дѣти дикарей, перенесенныя въ центры европейской цивилизаціи, даже въ самой первой молодости, свыкаются трудно съ нашими обычаями и идеями и выказываютъ къ европейской наукѣ менѣе способностей, чѣмъ дѣти европейцевъ. Въ индійскихъ школахъ поражала англичанъ разница между дѣтьми браминновъ и дѣтьми низшихъ кастъ. Первые, принадлежа къ семействамъ, въ которыхъ способности разрабатываются съ незапамятныхъ временъ, учатся съ легкостью; вторыя же съ большимъ трудомъ пользуются уроками европейцевъ. Вѣрность подобнаго заключенія подтверждается и наблюденіями надъ животными.

Перемѣна мѣста и занятій самое лучшее средство для предупреденія порчи организма. Развитіе желѣзныхъ дорогъ допускаетъ легко частую перемѣну мѣста, имѣющую значительное вліяніе на нашъ организмъ. Но это средство для богатыхъ; оно недоступно пролетарію. Для мануфактурнаго рабочаго, разумеется не въ видѣ безусловной мѣры, но тѣмъ менѣе мѣры, признанной для многихъ мѣстностей, есть значительный выходъ. По мѣрѣ развитія

въ городахъ народонаселеній , мануфактурной дѣятельности и нравственнаго зла, неизбежнаго въ этихъ случаяхъ, въ жителяхъ городовъ развивается все болѣе потребность , хоть на короткое лѣтнее время, мѣнять ихъ на деревню , гдѣ и воздухъ чище , и жизнь спокойнѣе. Въ той же перемѣнѣ и въ освобоженіи себя отъ мануфактуры долженъ искать спасенія и рабочій. Для лионскаго рабочаго это легко возможно. Нѣкоторые экономисты хотѣли бы замѣнить тамъ рабочаго механическимъ дѣтелемъ. Но къ счастью для фабричнаго населенія Лиона , значительные торговые дома еще не воспользовались этой идеей. Стоитъ только капиталистамъ взяться за нее , и они увлекутъ за собой другихъ. Болѣе дешевое производство даетъ возможность понизить цѣну на товаръ , и остальнымъ фабрикантамъ останется одно изъ двухъ: или примѣнить къ работѣ механическую силу, или оставить шелковую промышленность. Хорошо еще, что до сихъ поръ не нашелся такой капиталистъ—и лионскій рабочій имѣетъ еще возможность выйти изъ своего бѣдственнаго положенія. Причину этого нужно искать не въ великодушій капиталистовъ , а въ особенныхъ условіяхъ шелковой промышленности и въ осторожности фабрикантовъ. Англійскіе фабриканты работаютъ уже давно шелковыя матеріи на мануфактурахъ , но не смотря на то, лионскіе ткачи съ ними соперничаютъ и держатся по прежнему старой своей методы. Объясненіе этого факта слѣдуетъ искать не въ рутинѣ , а въ солидности и осторожности лионскихъ фабрикантовъ. Они не стараются увеличивать своихъ дѣлъ расширеніемъ кредита. Они покупаютъ шелкъ на шестьдесятъ дней , съ условіемъ платить проценты , если окончательная уплата будетъ сдѣлана въ этотъ срокъ; если же уплата сдѣлана въ теченіе десяти дней , то проценты не платятся. Рѣдко случается, что бы счеты не были окончены въ теченіе десяти дней; большой срокъ для фабриканта невыгоденъ, — онъ долженъ платить проценты , да и довѣріе къ нему можетъ поколебаться. Въ тѣхъ же отношеніяхъ находятся фабриканты къ своимъ покупателямъ. Завися сильно отъ количества сбора шелка и отъ капризовъ моды , они не желаютъ подвергать себя еще и риску кредита. Это торговцы спекулирующіе навѣрняка , и оттого въ Лионѣ случается , ежегодно едва одно банкротство. Но все дѣло измѣняетъ свой характеръ , если фабрикантъ станетъ работать матеріи на мануфактурѣ. Основной капиталъ , затраченный имъ на мануфактуру , на машину и на инструменты , долженъ быть значителенъ ; фабрикантъ долженъ держать много рабочихъ , и въ случаѣ кризиса нужно терпѣть большой убытокъ. Лионскій фабрикантъ находится совсѣмъ въ другихъ условіяхъ : только что прекращается запросъ на матеріи , онъ приостанавливаетъ свои заказы , и уже не рискуетъ

ничѣмъ. Вся тяжесть кризиса падаетъ на рабочаго. Такой распорядокъ дѣлъ, выгодный для фабрикантовъ, и удерживающій ихъ отъ устройства мануфактуръ, можетъ, при усиленіи соперничества англійскихъ и германскихъ шелковыхъ фабрикантовъ, подорвать благосостояніе ліонскихъ рабочихъ. Хотя Ліонъ и славится матеріями высокой доброты, составляющими гордость и славу ліонскихъ фабрикъ, но силу торговли и насущный хлѣбъ массы рабочихъ составляютъ матеріи средней добротности, на которыя существуетъ наибольшій запросъ. Соперничество иностранцевъ въ производствѣ матеріи высокой добротности не страшно для ліонцевъ потому, что въ ліонскихъ матеріяхъ, кромѣ цвѣта и рисунка, есть неуловимый для иностранцевъ шикъ. Подражая удачно въ рисунокъ и цвѣтъ, иностранцы не въ состояніи передать той особенности, которая характеризуетъ ліонскія матеріи, и ліонскія ткани останутся вѣроятно навсегда образцами для всѣхъ остальныхъ шелковыхъ фабрикъ. Совсѣмъ другое съ матеріями средней доброты: тутъ иностранныя мануфактурныя произведенія опасны, и одно обстоятельство можетъ дать ліонскимъ рабочимъ возможность соперничествовать съ иностранцами — устройство мастерскихъ въ селеніяхъ и въ окрестностяхъ городовъ, но отнюдь не въ самомъ Ліонѣ.

Подобная децентрализація производства болѣе важна, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго раза. Прежде всего нужно припомнить ту страшную дороговизну предметовъ первой необходимости, которая является въ большихъ городахъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ населенія. Отличнымъ примѣромъ въ этомъ случаѣ можетъ служить Берлинъ. Возрастаніе цѣнъ на наемъ помѣщеній и на жизненные припасы привело къ тому, что рабочій долженъ убавить свою ежедневную порцію. Въ 1836 году на берлинскаго рабочаго приходилось въ годъ 105 фунтовъ мяса, а 1855 годъ только 73 фунта на человѣка. Количество потребляемаго хлѣба уменьшилось тоже. Пониженіе заработной платы, вслѣдствіе стремленія фабрикантовъ къ мануфактурнымъ производствамъ и конкуренціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ возвышеніе цѣнъ на предметы первой необходимости дѣлаетъ положеніе рабочаго въ большихъ городахъ все печальнѣе и печальнѣе. Плохое и дорогое помѣщеніе, безпорядочность въ образѣ жизни, тяжелый трудъ изъ-за куска насущнаго хлѣба, холостая жизнь — все это ведетъ къ ослабленію нравственности и физическихъ силъ рабочаго. Нравственность и физическія силы женщинъ страдаютъ еще болѣе, развратъ усиливается, семейное начало ослабѣваетъ, рабочій годъ отъ году отдалается все далѣе отъ возможности достигнуть самостоятельности въ жизни, и все больше и больше зависитъ отъ капиталиста-фабриканта или хозяина. Совсѣмъ другое, если мастерскія бу-

дуть въ селеніяхъ, когда каждое семейство будетъ имѣть свой станокъ, или нѣсколько семействъ устроить товариществомъ небольшую фабрику. Прежде всего тутъ выигрышь въ нравственномъ отношеніи: женщина станетъ выходить замужъ легче, развратъ ослабѣтъ; поколѣніе пойдетъ здоровѣе. Женщина уже не станетъ работать по 12—14 часовъ въ день, а работая менѣе, принесетъ тѣже выгоды своему семейству, потому что работая дома, она будетъ заниматься въ то же время и домашнимъ хозяйствомъ, смотрѣть за дѣтьми, учить ихъ. Обученіе ремеслу дѣтей пойдетъ безъ издержекъ, дома, тогда какъ нынче, ученикъ, работающій въ чужой мастерской, стоитъ родителямъ по меньшей мѣрѣ 500 франковъ. Ко всему этому присоединяется дешевизна содержанія въ деревнѣ, противъ жизни въ городѣ, позволяющая ткачамъ соперничествовать въ цѣнѣ съ иностранными мануфактурщиками, и уничтоженіе хозяевъ мастерскихъ. Изъ разчета, сдѣланнаго выше, было видно, что хозяинъ мастерской за дозволеніе ткачу работать на его стану получаетъ отъ рабочаго половину изъ его задѣльной платы. Такимъ образомъ, если ткачъ выработаетъ въ недѣлю 24 франка, то изъ нихъ достается ему только 12 франковъ; остальные 12 идутъ хозяину, и изъ нихъ 6 на общіе расходы по содержанію мастерской—отопленіе и освѣщеніе, а послѣдніе 6 франковъ составляютъ барышь хозяина только потому, что онъ богаче рабочаго. При дешевизнѣ сельской жизни, рабочему легче будетъ завести свой ткацкій станокъ. Обыкновенный станокъ стоитъ около 150 франковъ. Допуская, что рабочій не имѣетъ нисколько денегъ, въ экономіи, онъ въ крайнемъ случаѣ можетъ войти въ сдѣлку съ торговымъ домоу или съ фабрикантомъ, которому поставяетъ матерію, и получивъ отъ него станокъ, выплатить эти 150 франковъ, и даже съ процентами, работою въ теченіе известнаго срока. Первое время рабочему будетъ такъ же трудно, какъ и нынче. Но по крайней мѣрѣ тѣ шесть франковъ, которые хозяинъ беретъ изъ его кармана каждую недѣлю, пойдутъ на уплату за ткацкій станокъ, взятый въ долгъ, и каждый рабочій превратится въ собственника, въ человека съ семействомъ, живущаго самостоятельно своимъ домоу, своимъ хозяйствомъ. Соединеніе занятій сельскимъ хозяйствомъ съ ткацкимъ ремесломъ увеличитъ еще больше благосостояніе рабочаго. Противъ этого, пожалуй, могутъ возражать тѣмъ, что земледѣлецъ принимающійся за ткацкій станокъ въ то время, когда ему нечего дѣлать въ полѣ, будетъ ткать плохо, грубо, безъ той легкости, какая нужна въ этомъ дѣлѣ, и отъ которой отучаетъ земледѣліе. Но на это можно отвѣтить ссылкой на Цюрихъ, гдѣ ткацкыя занятія преимущественно женщины, и работаютъ отлично; мужья же несутъ всѣ та-

желая сельско-хозяйственные работы. Такая система раздѣленія труда будетъ болѣе сообразна съ силами и наклонностями мужчины и женщины. Одной домашнее занятіе, другому тяжелый трудъ въ полѣ. Этихъ соблюдется и основной экономической принципъ—прилагать къ извѣстному производству силу наиболѣе для него способную.

Децентрализація производствъ, дѣлая рабочаго хозяиномъ, самостоятельнымъ членомъ общества, спасая массы рабочихъ населеній отъ страшныхъ послѣдствій коммерческихъ и торговыхъ кризисовъ, въ то же время не стѣсняетъ и самую шелковую промышленность. Фабрикантъ, имѣющій на рукахъ огромная мастерскія, не въ состояніи слѣдить такъ за измѣненіями моды и за запросами. При уменьшающемся запросѣ фабрикантъ, имѣющій сотни рабочихъ, съ трудомъ рѣшится уменьшить, или на время вовсе остановить производство. Обязанный выплачивать разныя текущія расходы, по содержанию мануфактуры, фабрикантъ скорѣе рѣшится на рискъ и во время кризиса станетъ работать въ кредитъ, лишь бы избавиться отъ необходимости содержать свою мануфактуру совершенно даромъ. Но когда онъ уже не въ состояніи выдержать далѣе кризиса, все рабочее населеніе своей мануфактуры онъ пускаетъ нищими.

Для лионскаго рабочаго начала освобожденія его отъ хозяина заключается въ устройствѣ своей собственной мастерской внѣ города. Но какъ завести ее? На чьи деньги? На козлевъ и на фабрикантовъ можно надѣяться въ видѣ исключенія, и вотъ почему нужно искать поддержки въ правительствѣ, его деньгахъ. Только при кредитѣ, открытомъ правительствомъ лионскому пролетарию, онъ освободится отъ эксплуатаціи его труда капиталистомъ и получитъ возможность встать на свои ноги. Только при правительственной помощи истра эта можетъ получить общее значеніе для всего лионскаго рабочаго населенія. Новый порядокъ вещей встрѣтитъ, разумно, сильное сопротивленіе со стороны хозяевъ, которымъ придется вступать въ разрядъ обыкновенныхъ рабочихъ и лишиться половины вѣдливой платы, получаемой ими отъ бѣдняковъ только за то, что они не въ состояніи имѣть свой собственный станокъ. Хотя же и вѣдлію экономистовъ капиталъ не обладаетъ свойствомъ доставлять владѣльцу его возможность жить не трудясь лично, а эксплуатируя чужой трудъ, по двѣнадцать франковъ въ недѣлю изъ двадцати четырехъ, все-таки ужь слишкомъ много и, едва ли ростъ этотъ найдетъ оправданіе въ какой бы то ни было экономической системѣ. Уничтоженіемъ хозяевъ установятся только справедливыя отношенія между рабочими, водворится между ними равенство. Выигрыши для общества очевидны, нетому что заработокъ распределится между его членами равномѣр-

нѣе. Другой вопросъ, въ какой мѣрѣ рабочіе, зависящіе нынче вполне отъ желаній капиталистовъ, выразятъ стремленіе освободиться отъ этого гнета и оставить Ліонъ, чтобы поселиться въ деревняхъ. Городская жизнь для многихъ изъ нихъ представляетъ пріятныя особенности, которыхъ они не найдутъ въ сельской жизни. Имъ будетъ трудно отвыкать отъ городскихъ привычекъ. Тоже самое можно сказать и про женщинъ. Не это зло переходное. Нельзя ожидать, разумеется, чтобы всѣ рабочіе сразу переселились изъ Ліона въ его окрестности; но и нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы мысль такого переселенія не входила все болѣе и болѣе въ общее сознаніе рабочихъ. Нѣсколько удачныхъ примѣровъ, и рабочіи увидятъ выходъ изъ своего настоящаго печальнаго положенія. Для начала будетъ достаточно, если образуются маленькія хозяйства и мастерскія отдѣльныхъ семействъ, а тамъ ужъ не трудно переходить къ товариществу и къ устройству на общій счетъ фабрикъ съ механическими двигателями.

Разсказываютъ, что въ Эльберфельдѣ, когда явилась впервые паровая машина, рабочіе испугались; имъ показалось, что машина лишитъ ихъ послѣдняго куска хлѣба. Но вмѣсто того, чтобы собраться и сломать машину, какъ это дѣлалось мѣстами, они ждали терпѣливо результатовъ опыта. Опытъ удался вполне. Что же рабочіе? Они купили машину, и съ машиной въ шесть силъ боролись съ успѣхомъ противъ машины въ тридцать пять силъ, принадлежавшей фабриканту. Эту замѣтку мы приводимъ для тѣхъ дилетантовъ-экономистовъ, которымъ хотя и извѣстно, что энергія труда бываетъ наибольшая въ томъ случаѣ, когда результатъ производства составляетъ собственность трудившагося; однако, имъ все-таки больше нравится тотъ порядокъ вещей, при которомъ родъ человѣческой дѣлится на капиталистовъ и на работниковъ.

Мѣсяца два-три тому назадъ, знаменитый французскій историкъ Мишле, занимающійся въ послѣднее время съ особою любовью естественными науками, издалъ популярное сочиненіе о морѣ, въ томъ же полу-поэтическомъ, полу-ученомъ родѣ, какъ прежнія книги его: «Птица» и «Насѣкомое». Это сочиненіе, по нашему мнѣнію, лучшая изъ трехъ книгъ, въ которыхъ историкъ взялъ на себя роль натуралиста. Кромѣ той любви къ природѣ, которою отличаются и первыя, имъ видны едѣе жещѣ претензіи на оригинальность и глубину, и оттого, вѣрно, книга вышла и оригинальна, и полна во многихъ случаяхъ поэзіи. Предметъ ея притомъ такъ интересенъ и для большинства читателей такъ попу, что намъ хотѣлось попробовать сдѣлать извлеченіе изъ книги Мишле для «Современника». Это, однако, оказалось очень неудобнымъ, именно потому, что простое из-

влеченіе не представило бы той полной картины, какою мы любуемся въ цѣломъ сочиненіи, а переводъ его цѣликомъ занялъ бы слишкомъ много мѣста. Притомъ, мы слышали, что «Море» уже переводится вполнѣ на русскій языкъ.

Взамѣнъ отрывковъ изъ книги Мишле, поимѣняемъ здѣсь прекрасную статейку изъ «Круглаго года» о томъ же предметѣ. Она довольно обстоятельно знакомитъ съ «чудесами моря» (такъ названа она въ подлинникѣ), и вѣрно заохотитъ многихъ прочесть произведеніе Мишле въ его полномъ объемѣ.

Три пятыхъ земнаго шара сплошь покрыто водою, которая имѣетъ глубины приблизительно отъ шести до семи миль и даже болѣе. Судя по новѣйшимъ вычисленіямъ, основаннымъ на наблюденіяхъ надъ силою движенія волны во время прилива (которое измѣняется, смотря по глубинѣ), въ Атлантическомъ океанѣ слѣдуетъ считать среднимъ числомъ пятнадцать тысячъ футовъ глубины, а въ Тихомъ океанѣ—двадцать тысячъ. Эта огромная масса воды почти вездѣ и при всѣхъ обстоятельствахъ имѣетъ однѣ и тѣ же свойства. Температура ея также представляетъ гораздо менѣе разнообразія, нежели температура воздуха и земли. Обыкновенная температура морской воды рѣдко или даже никогда не переходитъ за 87° по Фаренгейту, въ самыхъ жаркихъ частяхъ тропиковъ: и точно также рѣдко опускается ниже точки замерзанія, даже въ самыхъ сѣверныхъ широтахъ. Цвѣтъ морской воды, какъ замѣтно по морскимъ пещерамъ, куда весь свѣтъ проникаетъ сквозь нед, отражаемый бѣлымъ дномъ, есть чистѣйшая лазурь.

Морская вода поразительно прозрачна, когда она чиста и освѣщена яркимъ лучемъ солнца. На двадцати-пяти саженяхъ глубины (полтора ста футовъ) часто случалось ясно различать на днѣ кораллы, а въ вестъ-индскихъ моряхъ, на глубинѣ болѣе нежели двое противъ этого, усматриваютъ на днѣ формы различныхъ предметовъ. Подводные пейзажи—вещь довольно извѣстная; многіе путешественники посвятили имъ восторженные описанія.

Когда большой океанъ приходитъ въ волненіе, на поверхности его образуются волны, достигающія иногда огромной вышины. Волны эти были не разъ вымѣрены, подъ противнымъ вѣтромъ; нашли, что крайняя высота ихъ достигаетъ пятидесяти футовъ, отъ вершины до самаго глубокаго опаденія; ширина бываетъ отъ четырехъ до шестисотъ ярдовъ, а быстрота движенія по водѣ—около молумили въ минуту. Эти волны, разбивающія всякое препятствіе, или странно сливающіяся съ облаками, бушующими въ воздухѣ, представляютъ самое страшное явленіе природы. Приближаясь къ берегу, онѣ дробятся на меньшія массы воды, которыя часто попадають на

подводныя скалы, или разбиваются объ утесы, поднимаясь, массами въ нѣсколько тоннъ, на сто футовъ вышины и болѣе. Другаго рода основныя движенія воды есть морской приливъ, производящій, каждые двѣнадцать часовъ, прѣбыль и убыль воды, по всемъ частямъ океана.

«Кромѣ общей массы волнъ, въ морѣ есть нѣсколько опредѣленныхъ струй или токовъ, бѣгущихъ широкими путями отъ одного полюса къ другому и производящихъ измѣненія температуры въ близъ лежащихъ странахъ и смѣшеніе водъ на поверхности, или на известной глубинѣ, которое должно имѣть большое вліяніе на обитающихъ тамъ животныхъ. Бурные разливы, или такія волненія, которыя долго, безъ промежутковъ, бушуютъ въ узкихъ, запертыхъ мѣстахъ моря, или въ воронкообразныхъ проходахъ причиняютъ страшныя несчастія. Достоверно извѣстно, что кромѣ сотни тысячъ человѣкъ, погибшихъ въ такихъ мѣстахъ въ 1232 и 1242 годахъ, множество цѣлыхъ селеній и городовъ было снесено разливомъ Сѣвернаго моря по низменнымъ берегамъ Голландіи. Между Новою Шотландіею и Новымъ Брауншвейгомъ, обыкновенный весенній приливъ достигаетъ иногда ста футовъ вышины и уноситъ скотъ, пасущійся на берегу.

«Страшныя бури и ураганы, называемыя нынѣ циклонами, свирѣпствуютъ на водахъ океана, взбивая ихъ въ пѣну, или яростно рвутся на поверхности спиральными столбами, передъ которыми ничто не можетъ устоять.

Огромныя, оторванные глыбы льда, нагруженныя иломъ и камнемъ и глубоко погруженныя въ воду, плывутъ на тысячи миль по океану, отъ арктическаго и антарктическаго полюсовъ. Цѣлые утесы заплываютъ такимъ образомъ отъ Гренландіи въ средину Атлантическаго океана и тамъ перемѣшиваются съ другими массами, приносимыми противоположнымъ теченіемъ отъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ. Эти плавающія глыбы льда имѣютъ большое вліяніе на климатъ Европы и Америки, а большія изъ нихъ бывають, въ нѣкихъ случаяхъ, опаснѣе всѣхъ морскихъ чудовищъ.

«Разнообразіе и многочисленность, представляемыхъ населеніемъ водъ, вообще не довольно опредѣлены. Всѣ классы животныхъ имѣютъ тутъ своихъ представителей.

«Въ морѣ есть множество родовъ млекопитающихъ, замѣчательныхъ не только своимъ громаднымъ размѣрамъ, но и пользою, которую изъ нихъ извлекаетъ человѣкъ. Въ открытомъ океанѣ обитаютъ возможныя роды китовъ, изъ которыхъ нѣкоторые представляютъ величайшіе въ мірѣ образцы животныхъ. Обыкновенный китъ, дающій китовый усъ, имѣетъ шестьдесятъ футовъ длины; одна голова

его длиною въ двадцать футовъ, и если онъ взрослый, то въ него бываетъ не менѣе семидесяти тоннъ вѣса. Это животное можетъ принимать своими мощными челюстями только самое нежное и жирное мясо, такъ что пища его не должна бы, кажется, быть въ состояніи поддерживать такую колоссальную жизнь.

«Другія огромныя млекопитающія, называемыя лавами, хотя съ виду совершенно похожія на рыбу, часто встрѣчаются въ сѣверныхъ широтахъ, а иногда попадаются и въ тропическихъ моряхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ, тюлень и моржъ, не имѣютъ никакого сходства съ китомъ, тогда какъ другія имѣютъ съ нимъ много общаго: они-то и подали поводъ ко множеству сказокъ о бесплодныхъ животныхъ, изъ которыхъ самыми знаменитыми могутъ считаться скрены и морской змѣй. Огромнѣйшіе тюлени, точно также какъ и моржи, даютъ наиболѣе цѣнное сало, и поэтому они очень быстро истребляются. Говорятъ, на одной группѣ острововъ, въ Беринговомъ проливѣ, было поймано болѣе трехъ милліоновъ тюленей, въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ до 1833 г. Въ то же время, въ 1803 г., около трехъ четвертей милліона тюленьихъ шкуръ было умышленно истреблено русскою мѣховою компаніею, для предотвращенія избытка ихъ въ торговлѣ. Моржъ не такое безобидное животное, какъ тюлень; онъ нерѣдко нападаетъ на враговъ своихъ, людей, когда обыкновенно остается побѣжденнымъ. Бѣлый или полярный медвѣдь и морская выдра могутъ также считаться водными животными, такъ какъ они почти постоянно живутъ на льду или подъ льдомъ и рѣдко выходятъ на берегъ.

«Морскія птицы представляютъ очень много любопытнаго, и число ихъ вѣдъ всякаго опредѣленія. Каждая голая скала, каждый подводный камень, торчащій на поверхности необозримой пустыни океана; служатъ убѣжищемъ мнѣридамъ морскихъ птицъ; колонны ихъ покрываютъ всѣ берега отъ полюсовъ до экватора, и цѣлыя стаи несутся далеко отъ земли надъ пустынею моря.

«Изъ всѣхъ другихъ птицъ, пингвинъ можетъ быть наиболѣе отличается отъ обыкновеннаго типа животныхъ этого класса. Крылья его приспособлены собственно для движенія въ водѣ, и плыветъ онъ съ такою неутомимою быстротою, держа повержъ воды одну голову, что нерѣдко обгоняетъ рыбу. Пингвины живутъ въ водѣ и встрѣчаются на тысяччу миль отъ ближайшаго берега. Самые большіе изъ нихъ вѣсятъ иногда до восьмидесяти фунтовъ, и въ желудкѣ у нихъ случается находить на десять фунтовъ вѣса ириса и большіе камни, глотаемыя вѣроятно для того, чтобы способствовать перемалыванію въ зубу пищи.

«Фрегата, буревѣстникъ и альбатрасъ перелетаютъ, кажется,

черезъ весь океанъ, отъ одного берега до другаго Атлантическаго, или Тихаго океановъ. Точно также и великанъ и бакланъ, или морской воронъ, скорѣе принадлежатъ къ водянымъ, нежели къ земнымъ птицамъ, и вполнѣ подходятъ къ нашему сюжету. Всѣ они одарены сильнымъ и быстрымъ полетомъ, питаются рыбами и рѣдко залетаютъ далеко на материкъ, тогда какъ надъ моремъ кружатся на огромныхъ разстояніяхъ. Благодаря этимъ птицамъ, накаплиются массы гуано, способствующія удобренію земли. Можно составить себѣ понятіе о количествѣ этихъ массъ изъ того, что на одномъ островѣ Иквикѣ было собрано, за послѣдніе тридцать лѣтъ, болѣе шести милліоновъ кубическихъ футовъ гуано; а въ 1854 г. его было вывезено съ китайскихъ острововъ не менѣе полу-милліона тоннъ.

«Хотя и нѣтъ положительныхъ доказательствъ о существованіи въ океанѣ колоссальнаго пресмыкающагося, похожаго на змѣю, однако, существованіе морскихъ змѣевъ несомнѣнно; они ядовиты, но не большихъ размѣровъ. Ящерицы, совершенно безвредныя, длиною въ три, четыре фута, также встрѣчаются въ Тихомъ океанѣ; а въ теплыхъ моряхъ очень обыкновенны большія черепахи, заносимыя иногда и въ холодныя поясы.

Зеленыя, вѣсть-индскія черепахи, имѣющія шесть футовъ длины и до полу-тонны вѣса, бывали находимы даже на британскихъ берегахъ. Эти животныя постоянно живутъ въ водѣ и выкадываютъ иногда на утесы только для того, чтобы класть тамъ свои яйца, которыя высиживаются подъ солнечною теплою.

«Пресмыкающіеся не всегда были рѣдкостью въ океанѣ, такъ какъ на многихъ скалахъ Европы мы находимъ явные слѣды бывшаго существованія огромныхъ морскихъ животныхъ этого рода, совершенно существовавшихъ въ величій и превосходившихъ впрожорствомъ самыхъ большихъ изъ нынѣшнихъ обитателей моря.

«Мы слывемъ видѣть въ рыбахъ — единственныхъ животныхъ, созданныхъ для воды, и точно, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, они отличны отъ всѣхъ другихъ, имѣютъ свой особенный видъ и наиболѣе приспособлены къ этой средѣ. Однако, несмотря на то, мы видимъ морскихъ четвероногихъ, птицъ и гадовъ, которыя отличаются только нѣкоторыми особенностями организма отъ животныхъ того же рода, живущихъ на землѣ или въ воздухѣ; тогда какъ между рыбами рѣдко встрѣчаются такія, которымъ могли бы долго существовать безъ воды. Исключенія составляютъ только летучая рыба и пегасъ, носящіеся въ воздухѣ; рыба-лагушка (hog-fish), которая можетъ ползать по камнямъ; гасаръ (hassar), идущая ночью бродящій отъ одного пруда къ другому, и гобя (goby), глубоко прокапывающаяся въ глинистую почву.

«Рыбы дышать воздухомъ, содержащимся въ водѣ и задышуются, если ихъ жабры, или дыхательный аппаратъ высыхаетъ. Для движения имъ способствуютъ не только плавательныя перья и упрямости хвостомъ, которыми онѣ, какъ гибкимъ весломъ, легко бьютъ по водѣ, но и удивительная гибкость всего ихъ тѣла, совершенно свободно скользящаго по водѣ. Живя среди стикій, имѣющей почти равный съ ними удѣльный вѣсъ, они безъ всякаго усилія могутъ спускаться въ глубину. Впрочемъ, нѣкоторыя рыбы не переступаютъ за известную глубину, но ихъ удерживаетъ тутъ скорѣе редъ ихъ пинци, нежели какая либо иная причина. Быстрота хода ихъ совершенно невозможна для другихъ родовъ животныхъ, которыя тѣмъ тяжеле, чѣмъ болѣе напряженія мускуловъ требуетъ движеніе въ той стикіи, въ которой онѣ живутъ. Мы видимъ, когда судно идетъ на всѣхъ парусахъ, или на всѣхъ парахъ, рыбы точно также спокойно и безъ малѣйшаго усилія плаваютъ вокругъ него, какъ если бы оно стояло на мѣстѣ и провожаютъ его, изо дня въ день, на цѣлыя сотни миль. Нѣтъ словъ, чтобы описать яркіе цвѣта этихъ животныхъ, ихъ оригинальныя, изящныя или безобразныя формы и всѣ свойственныя имъ особенности. Трудно себѣ представить что нибудь безобразнѣе и непріятнѣе ската, который живетъ въ теплыхъ водахъ и имѣетъ широкое, плоское и угловатое туловище длиною футовъ въ двѣнадцать, или пятнадцать, завершенное хвостомъ футовъ въ пять, съ острымъ, стрѣло-образнымъ концомъ, который заражаетъ ядомъ наносимыя имъ раны; тогда какъ ничего нѣтъ животиныи маленькаго бегемота Средиземнаго моря, напоминающаго мисологическія изобразенія летящаго дракона. У морскаго ежа и у морскаго дикобраза вся спинка покрыта острыми иглами; королевская рыба похожа, по головѣ и шеѣ, на большое животное, усѣченное по поламъ какими нибудь случаями. Рыба-зубатка бываетъ длиною отъ шести до восьми футовъ и снабжена страшнымъ аппаратомъ зубовъ, въ сравненіи съ которымъ даже зубы аллигатора, или акулы покажутся ничтожными. Пила-рыба надѣлена острымъ оружіемъ, которое можетъ глубоко проникнуть въ киль корабля. Любопытна также рыба удильщикъ (angler), которая ловитъ себѣ пинцу посредствомъ приредной удочки, состоящей изъ двухъ тонкихъ щупальцевъ на головѣ, слегка свисающихъ и расширенныхъ на оконечностяхъ; эти щупальцы привлекаютъ своимъ яркимъ цвѣтомъ неосторожную добычу, а владѣлецъ ихъ причется въ кль, или въ песонъ.

«Море имѣетъ важное значеніе тѣмъ, что представляетъ неисчислимыя заводы пищи для людей; но мало найдется въ исторіи чловѣчества фактовъ необыкновеннѣе предразсудка, допуслающаго,

чтобы огромное количество этой полезной пищи пропадало даромъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ея наибольшее обиліе. Въ Ирландіи, шведскіе массы, во многихъ случаяхъ, скорѣе умрутъ съ голода, нежели станутъ ловить рыбу, которую наблюдаютъ нѣзъ берега. Въ другихъ мѣстахъ, въ нѣкоторыхъ родахъ рыбы витается такое глубокое уваженіе, что самая крайняя нужда не заставитъ голоднаго населенія невробовать обрести ихъ въ пищу. Но есть и такіе (какъ всѣ мы знаемъ), которыя повсюду приняты въ пищу и которыхъ истребляется неограниченное количество. На необозримомъ мнѣ разстояніи море перрываетъ массою сельдей, до такой степени обильною, что въ нее не можетъ пройти лодка. Вся эта рыба ежегодно плыветъ къ сѣверо-западному берегу Европы, наполняя всѣ заливы, проходы, углубленія, отъ Норвегіи и до Нормандіи. Въ одну ночь ея было взято болѣе полу-милліона на одну лодку. Изъ одного шведскаго порта ея было вывезено болѣе двухъ сотъ милліоновъ въ одинъ годъ. Въ Ярмутѣ для этого промысла употребляется до четырехъ сотъ шлюпокъ, изъ которыхъ три, принадлежащія одному и тому же владѣльцу, перевезли на берегъ, въ 1847 г., до четырехъ милліоновъ сельдей. Но не однѣ сельди представляютъ такое обиліе; въ актахъ одного порта значится, что тамъ поймано въ одинъ день двадцать пять милліоновъ сардиннокъ. Даже трески, гораздо болѣе крупной рыбы, ловится, ежегодно, среднимъ числомъ не менѣе двухъ сотъ, или двухъ сотъ пятидесяти милліоновъ штукъ, а нѣкоторыя другія рыбы, какъ-то: макрель, семга, тунецъ, служатъ главною пищею въ нѣкоторыхъ времена года населеніямъ многихъ странъ Европы.

«Природа щедро уравнивала это огромное потребленіе рыбы съ обильнымъ распложеніемъ. Треска ежегодно кладетъ болѣе девяти милліоновъ яицъ; осетръ болѣе семи милліоновъ; а макрели, сельди и другая мелкая рыба должна плодиться милліонами для сохраненія своего рода отъ истребленія ея многочисленными врагами. Поэтому, нечего опасаться недостатка рыбы въ океанѣ, но почти всѣ роды ея и въ особенности тѣ, которые являются во множествѣ въ извѣстныхъ времена года, имѣютъ обычаи совершать иногда, по видимому, чисты случайные переходы изъ одной части моря въ другую. Это можно объяснить отчасти, но не совсѣмъ, разнообразіемъ температуры въ различныхъ времена года; впрочемъ, обычаи животныхъ, населяющихъ море, требуютъ гораздо болѣе изученія, нежели сколько было приложено до сихъ поръ, для того, чтобы дать возможность опредѣлить нѣкоторыя, относящіяся до нихъ черты въ естественной исторіи.

«Рыба преимущественно ловится вблизи береговъ или на отмеляхъ, но это еще не даетъ повода думать, чтобы она не могла нахо-

даться на значительной глубинѣ. Раковидная, — крабы, гомары, морскіе раки, — также встрѣчаются неслучайно вблизи твердой земли; или на большихъ массахъ водорослей, плавающихъ среди Атлантическаго океана. Раковидныя очень любопытныя животныя. Молодой крабъ рождается съ несравнимо большою головою и выходитъ изъ яйца своимъ длиннымъ, заостреннымъ хвостомъ; потомъ начинаетъ вертѣться снизу вверхъ, пока не вылезетъ совершенно и не измѣнитъ своихъ размѣровъ. Впрочемъ, даже по вылезеніи изъ яйца, это еще не настоящій, признаваемый крабъ: странная форма его выработывается цѣлымъ рядомъ измѣненій и преобразованій, въ родѣ какой-то пантомимы. Нѣкоторые крабы живутъ въ собственныхъ жилищахъ, которыя они мѣняютъ, по мѣрѣ того, какъ ростъ ихъ требуетъ болѣе обширнаго помѣщенія; другіе же не устрояютъ для себя жилищъ, а живутъ въ какой попадется раковинѣ и, судя по постоянству, съ какимъ они держатся этого убѣжища, оно должно быть для нихъ достаточно удобнымъ.

«Гомары и морскіе раки мало разнятся въ своихъ обычаяхъ. И тѣ, и другіе мѣняютъ по временамъ свои раковины, когда онѣ становятся для нихъ тѣсны, а во время періодовъ своего преобразованія прячутся въ ямы, или въ иль.

«Маленькія, вычурныя раковины, извѣстныя подъ именемъ «уткородокъ», которыя пристають ко дну корабля, или тѣ, которыя называются баланами (balanus) и находятся на каждой скалѣ и на берегахъ моря въ другихъ раковинахъ, также принадлежать къ раковиднымъ. Существуютъ и другіе виды этого рода, также причисленныя къ разряду морскихъ животныхъ, и каждое изъ нихъ имѣетъ большое значеніе въ своей сферѣ.

«Что касается червей, то изъ нихъ немногіе могутъ считаться собственно морскими животными; въ числѣ ихъ есть самыя любопытныя, самыя быстрыя, а также есть и самыя непріятныя изъ всѣхъ жителей моря. Таковы: морская мышь, серпула, высывающая пушистую голову изъ каменнаго своего футляра; нѣкоторыя изъ нихъ составляютъ собѣ панцырь изъ частицъ песку, раковинъ, камешковъ; другія могутъ протачивать камень и грызутъ все, что имъ ни попадется.

«Самый любопытный изъ открытыхъ до сихъ поръ червей, это безвѣстный жилаецъ малярной раковинки, недавно найденный на днѣ моря, или на днѣ глубины. Незамѣримая глубина моря полна живыхъ существъ, изъ которыхъ нѣны проникають, ища себѣ пищи, во всякое органическое вещество. Не мѣшало бы телеграфическимъ компаніямъ заблаговременно принять мѣры, чтобы уберечь

проволами, положенныя на дно океана, отъ неутонувшихъ враговъ, живущихъ однимъ разрушеніемъ.

«Океанъ изобилуетъ мягкими животными, изъ которыхъ нныя имѣютъ раковины: онѣ составляютъ одну изъ важныхъ классовъ морскаго населенія. Глава этого рода моллюсковъ есть каракатица, которая во всѣхъ моряхъ имѣетъ представительницею какую нибудь достойную сестрицу. Каракатица нашихъ береговъ имѣетъ нѣсколько видовъ своего рода въ Атлантическомъ и въ Тихомъ океанѣ; а одинъ родъ ея, такъ называемый корабликъ, защищенный раковиною, находится только въ южныхъ моряхъ. Немногія изъ животныхъ, населяющихъ океанъ, надѣлены такими средствами къ нападенію и къ защитѣ, какъ эти моллюски. Онѣ бывають иногда очень велики, имѣютъ сильные пасти и челюсти, длинныя лапы, съ особенными клещами, которыми они могутъ крѣпко за все цѣпляться; нныя изъ нихъ содержатъ въ себѣ запасъ темной жидкости, которую они выпускають въ воду, что-бы затемнить ее, когда хотять скрыться отъ врага, или спрятаться отъ подстерегаемой добычи. Эти животныя принадлежать къ самымъ безобразнымъ и, въ то же время, къ наиболее организованнымъ и сильнымъ своего класса; они годны въ пищу, хотя употребляются только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Они принадлежать къ разряду морскихъ животныхъ, имѣвшему въ былое время гораздо большее значеніе въ моряхъ, нежели нынѣ. Ископаемыя раковины аммонитовъ, довольно хорошо извѣстныя собирателямъ коллекцій, представляютъ намъ остатки исчезнувшей породы, очень близкой къ корабликамъ. Надо полагать, что эта порода играла, въ былое время, важную роль въ океанѣ.

«Въ океанѣ, на различныхъ глубинахъ, обитаетъ безчисленное множество голыхъ, мягкихъ животныхъ, изъ рода моллюсковъ; онѣ разнообразны видомъ и величиною, блещутъ яркими красками и отличаются очень странными свойствами. Многія племена рыбъ питаются преимущественно этими моллюсками. Ничего нельзя себѣ вообразить красивѣе и нѣжнѣе нѣкоторыхъ изъ нихъ; число ихъ неограничено, они представляютъ рядъ животныхъ, переходящій отъ совершенно беззащитныхъ къ крѣпко огражденнымъ каменною твердынею, какъ напримѣръ устрицы. Раковины, служащія имъ защитою — самыя значительныя и разнообразныя произведенія природы. Взгляните на раковину морскаго наука, на конусъ, на гвинейскую монету и на тысячи другихъ; посмотрите, когда животное выходитъ изъ этого панцыря, или когда оно высовываетъ оттуда свои ушки, осматриваясь вокругъ, или лица пищи. Обратите вниманіе на устрицу, рассматривая жемчужную раковину; послѣдуйте взоромъ за корабельнымъ червемъ или за камнеточцемъ, на проды-

равненной поверхности дерева, или камня; найдите раковину, содержащую въ себѣ императорскую, багряную преску и постарайтесь изучить по этимъ чудесамъ богатую современницу моря. Будьте спокойны, эта сокровищница неистощима. Ея богатства на всю вашу жизнь, и она не перестанетъ лить свои богатства на землю, пока свѣтитъ луна.

«Въ послѣдніе годы, почти во всѣхъ моряхъ были найдены весьма замѣчательныя раковины, отличныя отъ обыкновенныхъ особенностями своего состава и устройствомъ шупальцевъ обитающаго въ нихъ животнаго. Одна изъ нихъ, сверлуша (*terebratula*), любозытна, подобно каракатицѣ, какъ въ овецъ вытѣняютъ видѣ, такъ и въ отношеніи своего прошлаго. Дѣйствительно, слѣды видовъ этой раковины, также какъ и слѣды видовъ поребрика (*psittulus*), составляютъ какъ бы первоначальную лѣтопись міроаданія, и находятся преимущественно, между ископаемыми, на самыхъ древнихъ утесахъ. Новѣйшіе рода ихъ находятся и въ нашихъ моряхъ, обыкновенно на известной глубинѣ.

«У всѣхъ береговъ довольно часто встрѣчаются группы очень мелкихъ животныхъ, считавшихся когда-то полипами, а нынѣ причисленныхъ къ моллюскамъ. Они живутъ на водоросляхъ и плаваютъ въ открытомъ морѣ, издавая иногда фосфорическій свѣтъ. Случается, что они скользятъ по поверхности воды непрерывною, живою цѣпью; они чрезвычайно замѣчательны тѣмъ, что даютъ ключъ къ объясненію несходства поколѣній, ускользающаго отъ наблюдений. Одно изъ этихъ мелкихъ животныхъ, такъ называемая салпа, носитъ явные признаки сходства съ животными одного съ нимъ рода, двумя поколѣніями ниже или выше, но никогда со своимъ ближайшимъ предкомъ или потомкомъ. Это странное, сбивчивое, но положительно доказанное явленіе свойственно многимъ животнымъ, преимущественно низшаго разряда.

«Морскія звѣзды, морскіе ежи и другія подобныя созданія должно считать чисто водными животными. Они обязаны такимъ названіемъ своему лучезарному виду или игламъ и усикамъ, и чрезвычайно замѣчательны и наружностью, и свойствами. Многія изъ нихъ прирастъ каменными пластинами, сложенными въѣсть и представляющими естественную защиту; встарину, эти каменные животные были очень обыкновенны и чрезвычайно разнообразны. Одна изъ ихъ породъ, такъ называемая дилейная звѣзда (*lily-star*), теперь почти совершенно вывелась.

«Есть родъ звѣздиной морской звѣзды, чрезвычайно распространенный и нерѣдко попадающійся въ нашихъ моряхъ; длинныя лучи ея расходятся изъ компактнаго центра и обвиваются вокругъ

предмета, съ которыхъ приходить въ соединеніе. Пусть читатель вообразитъ себя восторгъ и удивленіе доктора Уалленка, натуралиста на корабль «Бульдогъ», посланномъ недавно для извѣренія океана, отъ Гренландіи до Лабрадера, — пусть читатель вообразитъ себя восторгъ почтеннаго натуралиста, когда онъ увидѣлъ на концѣ веревки, вытаскиваемой изъ глубины полуторы тысячи сажень, привставшую, какъ безобразный скелетъ, офоіокому или хрупкую звѣзду (*brittle-star*) изъ этого класса, которая была еще жива, пройдя сквозь огромную массу лежавшей надъ нею воды, и крѣпко держалась за веревку своими лапами, которыя она, при малѣйшемъ испугѣ, можетъ разводитъ съ необыкновенною легкостью.

«Выстѣ съ этимъ было поднято со дна на нѣ много другихъ животныхъ того же разряда: они были не микроскопическихъ размѣровъ, и каждое имѣло лапы отъ двухъ до трехъ вершковъ длиною.

«Все это доказываетъ, что глубина моря непустынна и что минимал невозможность, чтобы животныя могли существовать безъ свѣта и воздуха, на такой огромной глубинѣ, гдѣ на каждый вершокъ плоскости приходится болѣе двухъ тоннъ тяготѣнія одной воды, есть одно изъ тѣхъ предположеній, которыя мы всегда слишкомъ спѣшимъ дѣлать, и новое доказательство, что въ законахъ природы могутъ существовать вещи, совершенно противорѣчащія нашему опыту и рѣзко противоположныя всѣмъ аналогіямъ, которыя мы для нихъ придумываемъ. Многія изъ этихъ маленькихъ морскихъ звѣздъ, перенесенныя въ домъ, теряютъ всѣ свои особенности, и такъ мало отличаются отъ обыкновенныхъ родовъ, что неопытный наблюдатель пройдетъ мимо ихъ, нисколько не подозрѣвая, что онѣ родились и жили среди обстоятельствъ, до такой степени непостижимыхъ для насъ.

«Особенное вниманіе обращено теперь на одинъ родъ морскихъ животныхъ, которыхъ можно найти нынѣ во многихъ салонахъ. Нѣкоторыя породы этого класса (*напримѣръ*, *Ascidæ*, или морская крапива) живутъ въ открытомъ океанѣ, и будучи слишкомъ велики, не встрѣчаются въ нашихъ виваріумахъ; но за то другія (настоящія поливы) составляютъ главное украшеніе этихъ любопытныхъ сварадовъ. Медуза или слизень (*jelly-fish*) имѣетъ отъ двухъ до трехъ футовъ въ окружности, и даже болѣе; вынутая изъ воды, она походитъ на огромную массу почти прозрачной слизи, которая, оставаясь нѣкоторое время въ такомъ положеніи, быстро испаряется и на мѣстѣ ея остается только нѣсколько зеренъ твердаго вещества.

«Другія, этого рода, бываютъ гораздо меньше и чрезвычай-

но красны; а шипы иступятъ, какъ прищипы. Многимъ изъ этихъ имѣютъ свойство издавать тотъ удивительно красивый фосфорическій блескъ, который тѣнется иногда по морю на длинномъ протяженіи. Эти существа служатъ пищею явтамъ и свѣточамъ океану; они начинаютъ свое существованіе, скармливаясь въ явщипы, мелешкія группы, самыхъ прихотливыхъ формъ, принявшихъ преждѣ за моллюски.

«Морскіе анемоны и полипы обыкновенно состоятъ изъ цилиндрическаго углубленія, открытаго сверху въ видѣ широкаго рта, окруженнаго множествомъ щупальцевъ, которые животное протягиваетъ, ища себѣ пищи. Нѣкоторыя изъ нихъ отдѣляютъ не слишкомъ твердое, каменистое вещество, а другія группируются въ особенныя формы, болѣе или менѣе извѣстныя во всѣхъ моряхъ, подъ именемъ коралловъ. Эти животныя разнообразны до безконечности, и скопляющаяся изъ нихъ масса твердаго вещества неизмѣримо разрастается. Эта масса известковаго вещества, содержащагося въ животныхъ, безпрестанно размываемая водою, которая тотчасъ же снова поглощаетъ частицы ея съ каждаго куска известняка, на который она осѣдаетъ, постоянно нарастаетъ и, не подлежа большимъ измѣненіямъ, остается отъ каждаго поколѣнія и накопляется въ значительный слой на земной поверхности.

«Но теперь извѣстно, что животныя, сооружающія огромныя массы коралловъ, изъ которыхъ возникли цѣлыя острова въ Тихомъ океанѣ, могутъ вести свои работы только на умѣренной глубинѣ; изъ этого должно бы заключать, что известнякъ составляетъ только верхній слой этихъ работъ, если бы эти верхніе слои не находились въ иныхъ случаяхъ почему-то постоянно ниже уровня моря, тогда какъ нѣкоторыя другія части материка и морскаго дна, какъ извѣстно, постоянно нарастаютъ и поднимаются.

«Низменныя части дна, гдѣ разводятся кораллы, постепенно возвышаются, и это составляетъ огромную, перпендикулярную стѣну, на глубинѣ сотенъ саженъ.

«Красивый красный кораллъ Средиземнаго моря; вытаскиваемый ежегодно изъ глубины не слишкомъ значительной, не принадлежитъ къ этому сорту. Подобно другимъ вѣтвистымъ родамъ, онъ не составляетъ компактныхъ массъ.

«Остается поговорить еще объ одномъ значительномъ классѣ животныхъ, которыя могутъ, по справедливости, занять мѣсто въ ряду прочихъ чудесъ моря, — о микроскопическихъ строителяхъ, скрытыхъ въ раковины. Эти животныя нечто иное, какъ кусочки

студенистаго вещества, которое может вытягиваться во всё пространство, а также составлять изъ себя чрезвычайно красивыя и сложныя оболочки раковинъ; но отдельное существо этого рода до такой степени мелко, что форму его можно рассмотреть только въ сильный микроскопъ. Для одной раковины ихъ потребно множество, потому что отдельная личность можетъ считаться бесконечно малюю. Кто повѣритъ, что эти животныя покрываютъ океанъ на нѣсколько тысячъ миль пространства, скопясь на днѣ его и на поверхности гуще, нежели до сихъ поръ предполагали, и что остовы ихъ составляютъ девять десятыхъ мля, образующаго дно океана на этой глубинѣ? Въ желудкахъ морскихъ звѣздъ, вытаскиваемыхъ живыми изъ океана, съ глубины около двухъ миль, была находима не вполне переваренная пища, состоявшая изъ этихъ микроскопическихъ слизней, и хотя нѣтъ никакой возможности достать ихъ самихъ живыми съ такой глубины, но существованіе ихъ тамъ не подлежитъ болѣе ни малѣйшему сомнѣнію. Точно также ясно, что они всегда существовали въ этихъ холодныхъ, безмолвныхъ безднахъ, такъ какъ все дно Атлантическаго океана густо покрыто мягкимъ иломъ, который весь состоитъ изъ ихъ остововъ, съ примѣсью развѣ нѣсколькихъ наносныхъ камешковъ, съ изрѣдка попадающимися отростками губки, или твердыни сучьями простой растительности.

«Необходимо сказать еще нѣсколько словъ объ этихъ губкахъ и о растительномъ царствѣ моря. Губки попадаютъ очень часто; онѣ состоятъ изъ любопытно сотканной сѣти, покрытой легкимъ, слизистымъ веществомъ. Мѣстами на нихъ есть дыры, куда протекаетъ вода и приноситъ туда ихъ пищу.

«Ничего нѣтъ любопытнѣе, какъ наблюдать надъ этими нижайшими видами жизни въ водѣ, гдѣ эти животныя привлекаютъ вниманіе, какъ своими яркими красками, такъ и безобразіемъ представляемыхъ ими формъ. Нынче не трудно найти случай для такихъ наблюденій, такъ-какъ это животное можетъ быть содержимо въ комнатѣ, въ инвариумѣ.

«Не такъ легко наблюдать надъ растительнымъ царствомъ моря. Отъ красныхъ патенъ на дѣвственныхъ свѣгахъ арктическихъ морей до громадныхъ, зѣленистыхъ водорослей, въ восемьсотъ футовъ длиною, плавающихъ въ открытомъ океанѣ,—тутъ есть безконечное разнообразіе всевозможныхъ растений, привлекающихъ удивленіе и вниманіе множествомъ замѣчательныхъ свойствъ; но чтобы вполне понять и объяснить ихъ, необходимы знаніе и опытность глубоко-ученаго натуралиста. Многіе изъ самыхъ значительныхъ

водорослей постоянно плавают на поверхности воды и растут таким образом; но только на наветренных широтах, почти точно также исключительно, как и морскія животныя. По временамъ, нѣкоторыя изъ нихъ отрываются отъ утесовъ, къ которымъ они обыкновенно прикрѣплены, и плывутъ къ новымъ, далекимъ берегамъ. вмѣстѣ съ ними, плывутъ дѣлая колоніи рыби, раковидныхъ, моллюсковъ, червей и другихъ животныхъ, которыя перенесены такимъ образомъ, совершенно неожиданно для себя, отъ одной точки земнаго шара къ другой. Эти плывучія массы бываютъ такъ велики, что небольшимъ кораблямъ, ходившимъ въ началѣ по Атлантическому океану въ Америку, не рѣдко случалось серьезно бороться съ ними, и даже въ настоящее время случается, что они останавливаютъ колеса и винты парохода.

«Въ другихъ мѣстахъ морская растительность преимущественно встрѣчается вблизи береговъ и бываетъ столь же замѣчательна разнообразіемъ и красотою, какъ и флора прилежащей страны.

«Эти крупныя виды растительности, надѣленные высшею организаціею, раскидываются на большое пространство и легко распознаются; но кромѣ ихъ, на водѣ нерѣдко усматриваются широкія, перепончатыя формы, въ видѣ темныхъ пятенъ, которыя, при ближайшемъ изслѣдованіи, оказываются состоящими изъ неизчислимо мелкихъ группъ, или клѣточекъ, которыя разрастаются съ невѣроятною быстротою; въ каждую клѣточку едва зароняется микроскопическая частица каменстаго вещества и все это вмѣстѣ образуетъ пласты, покрытые оболочкою, разрисованною самыми блестящими узорами. Клѣточки, будучи не болѣе какъ простою растительностью, пропадаютъ также быстро, какъ и образуются, тогда какъ содержащіяся въ нихъ частицы камня остаются и въ свое время опадаютъ на дно. Этотъ родъ растенія до такой степени распространены, что на югѣ Тихаго океана, одна масса его простирается на пятьсотъ миль въ длину и на сто двадцать въ ширину: толщина сообразна съ этимъ и быстро увеличивается. Въ другихъ мѣстахъ, подобныя же быстрыя скопленія производятся такими же, повидимому, ничтожными средствами».

Въ прошедшемъ номерѣ «Современника» мы обѣщали представить еще нѣсколько фактовъ о китайскомъ чиновничествѣ изъ статьи «Корнгиальскаго магазина». Вотъ эти факты:

«Мандаринъ», говорить древнее правило китайской юриспруден-

цѣмъ: «есть отецъ и мать народа». Такова теорія, на основаніи которой отеческое правительство берется устроить благосостояніе многочисленнаго семейства изъ 360 милліоновъ людей, которыхъ столица такъ недавно была занята европейскими войсками. Въ этой теоріи воплощена прекрасная идея заботливаго вниманія и отеческой любви — какъ въ большей части теорій. Но — увѣ! къ Китаю, преимущественно предъ всѣми другими государствами, можно приложить слова латинскаго поэта: «онъ видитъ лучший путь и не только видитъ, но и одобряетъ его своимъ холоднымъ умомъ, сіяющимъ подобно холодной лунѣ—и затѣмъ выбираетъ худшій». Мандаринъ въ теченіе многихъ долгихъ и томительныхъ лѣтъ былъ несправедливою мачихой, жадною какъ Гарпагонъ, двуличною какъ Янусъ. Однако мы не можемъ не согласиться, что организація того, что мы видимъ теперь въ состояніи гнилости и упадка, была нѣкогда превосходна въ своемъ родѣ. Машина заржавѣла и пришла въ негодность; продажность и насилие почти уничтожили ее; взятіе Пекина, можетъ быть, было для нея спасеніемъ; но изобрѣтатели ея имѣли добрыя и честныя намѣренія и были изъ числа умныхъ людей своего времени.

«Государь Серединой Земли считается источникомъ правосудія; и цѣлью древнихъ законодателей, начертавшихъ китайскую конституцію, было — сдѣлать императора не только номинально, но и дѣйствительно первымъ судьей въ его государствѣ. Нѣкоторые изъ китайскихъ государственныхъ людей, въ особенности въ царствованіе національныхъ династій ганской, сонгской и мингской, когда умъ и слово пользовались большою свободою, по своимъ способностямъ не уступали Сюлли и Кольберу, и не безъ успѣха трудились надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать императора вершиною уметвенной пирамиды, главою трудолюбивыхъ пчелъ — вмѣсто того, чтобы онъ былъ коронованнымъ трутнемъ, столь обыкновеннымъ въ восточныхъ странахъ. Поэтому даже и теперь должность китайскаго императора вовсе не sineкура: ему приходится не только подписывать бумаги, но и читать меморія, предсѣдательствовать въ разныхъ государственныхъ учрежденіяхъ, заниматься огромною корреспонденціей, потому что безъ личнаго надзора монарха весь государственный механизмъ долженъ остановиться. Кромѣ министерствъ войны и финансовъ, управленія публичныхъ работъ, трибунала церемониальныхъ дѣлъ и надзора за гражданскими чиновниками, императоръ обязанъ обрѣцать особенное вниманіе на дѣла управленій ценсурнаго и полицейскаго, судовъ апелляціоннаго и уголовнаго, которые все находятся въ Пекинѣ, подъ верховнымъ надзоромъ самаго государя. Сверхъ того,

несмотря на огромное пространство и население Китая и на обширность власти наместников и губернаторов, мечь правосудия может быть законнымъ образомъ обнажена только рукою верховнаго правителя, и каждый смертный приговоръ долженъ получить подпись, сдѣланную краснымъ карандашомъ прежде, чѣмъ вѣлать вправѣ выполнить сентенцію судьи.

«Съ перваго взгляда, казалось бы, ничто не можетъ быть лучше этой судебной системы Китая въ уголовныхъ дѣлахъ, или разумнѣе этихъ преградъ, поставленныхъ въ предупрежденіе ошибокъ и злонамѣренности. Арестантъ, подозрѣваемый въ какомъ нибудь важномъ преступленіи, какъ, наприимѣръ, въ убійствѣ или въ измѣнѣ, прежде всего отводится къ *сіаню* или къ деревенскому старостѣ — должностному лицу безъ жалованья, избираемому своею общиною. Деревенскій староста отправляетъ обвиненнаго, — если по обстоятельствамъ дѣла признаетъ это нужнымъ, — къ суду низшаго чиновника изъ ученаго класса, который не имѣетъ права наказывать, но можетъ оправдать по благоусмотрѣнію, и который, въ сущности, отправляетъ обязанность суда присяжныхъ въ рѣшеніи относительно судебныхъ уликъ. Если этотъ Миньесъ съ хрустальными шпигунцами найдетъ обвиненіе справедливымъ, то арестанта ведутъ къ *нань-ча-це*, или окружному инспектору уголовныхъ дѣлъ. Этотъ чиновникъ дѣйствуетъ въ качествѣ президента трибунала, съ помощью судей, и обвиненіе провозводится родственниками пострадавшаго лица, а иногда публичнымъ адвокатомъ, который назначается на случай, когда жалующіеся окажутся, по болѣзни или по другимъ причинамъ, неспособными къ надлежащему веденію иска. Этотъ публичный адвокатъ не есть постоянный чиновникъ, но импровизированный прокуроръ, избираемый изъ среды многочисленныхъ вандариновъ низшаго разряда, принадлежащихъ къ трибуналу и составляющихъ нѣчто въ родѣ адвокатскаго сословія. Такимъ же образомъ если обвиненный есть лицо неспособное къ защищенію себя, судъ можетъ назначить ему адвоката, выбираемаго также изъ числа наличныхъ юристовъ, и оба ходатаи получаютъ жалованье изъ провинціального казначейства. Если обвиненный признанъ виновнымъ, то онъ можетъ апеллировать къ наместнику и въ этомъ случаѣ въ новомъ судѣ, назначенномъ для пересмотра дѣла, предсѣдательствуетъ самъ великій сатрапъ — уголовный инспекторъ; судьи засѣдаютъ вѣсть съ нимъ, и адѣсь требуется для приговора единогласіе, какъ въ англійскомъ судѣ присяжныхъ. Даже по утвержденіи обвинительнаго приговора у обвиненнаго остаются еще средства къ оправданію. Ему дозволяется подать просьбу въ большой апелляціонный судъ, иначе

называемый верховнымъ судомъ, въ Пекинѣ. На счетъ провинцій, гдѣ онъ имѣеть жительство, онъ можетъ быть доставленъ въ столицу, судимъ въ пятый разъ, и, будучи осужденъ опять, все-таки имѣеть еще одно, послѣднее, средство—апелляцію къ самому императору. Государь, съ помощью совѣта ценсоровъ, называемаго Ту-чейнень, долженъ разсмотрѣть дѣло, и если онъ утвердитъ приговоръ, то на немъ являютя роковыя красныя буквы и китайская Фемида требуетъ къ себѣ свою, шесть разъ осужденную, жертву.

Подобная система, столь сложная, медленная и осторожная, обнаруживаетъ крайнее отвращеніе къ пролитію крови во имя закона; и по теоріи въ самомъ дѣлѣ таково законодательство Китая, основанное на необыкновенномъ уваженіи къ святости человѣческой жизни. Но на практикѣ этотъ планъ, при всей его мудрости и благонамѣренности, скоро потерпѣлъ большія измѣненія. Онъ былъ рассчитанъ на то, чтобы спасти жизнь невинныхъ, строго разсматривать истину судебныхъ доказательствъ и сохранить бѣлую мантию правосудія незапятнанною ни одною каплей невинной крови. Эта цѣль, вѣроятно, была во многихъ случаяхъ достигнута, пока система вышодилась добросовѣстно. Но, какъ легко себѣ вообразить, выгодною такого множества отсрочекъ и лазеекъ пользовались не одни тѣ лица, которыя были жертвою ошибки или злобы. Злодѣи и негодяи, которыхъ преступленіе не было подтверждено совершенно ясными уликами, но тѣмъ не менѣе было извѣстно всѣмъ заинтересованнымъ въ дѣлѣ лицамъ, переходили отъ суда къ суду, надѣясь уйти изъ тюрьмы, подкупить своихъ стражей, получить свободу по какой нибудь прихоти властей, или прощеніе по случаю вступленія на престолъ новаго императора, или по поводу какого либо другаго необыкновеннаго событія. Во всякомъ случаѣ жизнь — вещь пріятная, и добиваться отсрочки стоитъ труда, хотя бы изъ нея ничего не вышло; и отчаянный злодѣй, можетъ быть, часто подсмѣивался про себя при мысляхъ о хлопотахъ, которыя онъ причинялъ своимъ постоянно мѣняющимся судьямъ, тюремщикамъ, сторожамъ и адвокатамъ..

«Для воспрепятствованія этому судебная практика придумала усилить наказанія для тѣхъ преступниковъ, которые объявляютъ неудовольствіе при каждомъ рѣшеніи и нѣсколько разъ будутъ признаны виновными. Преступникъ могъ выбирать одно изъ двухъ: или простое обезглавленіе въ своей родной провинціи, или смерть, исполненную продолжительныхъ мученій, въ Пекинѣ. Но тѣ, которые выдумали это легальное средство устрашенія, мало были знакомы съ человѣческою природою, съ тѣми сумасбродными надеж-

дами, которыя арестанты преимущественно предъ всѣми другими людьми способны питать, думая о своемъ положеніи, а также съ упрямствомъ своихъ соотечественниковъ. Оказалось, что ни крестъ, ни пила, ни ножъ, срывающій съ костей тѣло доскутлями, ни топоръ, отрубающій одинъ членъ за другимъ, ни раскаленные щипцы, словомъ—никакія мученія, которыя огонь и желѣзо, въ соединеніи съ дьявольскою жестокостію, могутъ причинить слабому и дрожащему отъ ужаса тѣлу, — были не въ состояніи удержать негодяя отъ новыхъ попытокъ получить жизнь и свободу. Тогда старшинный основной законъ началъ ослабѣвать. Было постановлено, что право окончательной апелляціи зависитъ отъ надписи цензора на просьбѣ, отъ постановленія верховнаго суда о пересмотрѣ дѣла, отъ рѣшенія императора на основаніи письменнаго доклада о донзательствахъ и проч. Цѣль всѣхъ этихъ крючковъ, очевидно, клонилась къ отиѣнѣ гуманнаго правила древнихъ юристовъ: что лучше открыть дверь милосердія для тысячъ виновныхъ, нежели пролить кровь одного невиннаго. Судебная практика въ этомъ отношеніи была непостоянна. Въ ней были свои приливы милости и строгости. Добрый, дѣятельный, заботливый императоръ, какихъ было, по крайней мѣрѣ, два въ татарской династіи, обыкновенно выказывалъ примѣрное терпѣніе въ выслушиваніи всѣхъ важныхъ дѣлъ, излагаемыхъ въ его присутствіи. Лѣнливый или равнодушный государь предоставлялъ все на произволъ мандариновъ. Но китайскіе судебные чиновники не остановились на увѣреніи, что апелляціонная просьба обвиненнаго для своей дѣйствительности должна быть подкрѣплена важнымъ сановникомъ правительства; они нашли, что смертные приговоры на бланкѣ, подписанномъ красными карандашомъ, совершенно годны и совершенно согласны съ государственными постановленіями. Мандаринъ въ состояніи завалить свою конторку красными автографами, предающими въ его руки жизнь и состояніе всѣхъ людей, находящихся въ подвѣдомомъ ему округѣ.

«Эти искусные комментаторы государственнаго устройства Цѣнгушей Земли сдѣлали еще другое открытіе. Мандаринъ — судья не имѣетъ власти подымать мечъ, — это не подлежитъ сомнѣнію; но онъ можетъ употреблять хлыстъ и палку; а когда этотъ хлыстъ есть длинная, подобная кнуту, плеть изъ сыромятной кожи, а палка — сухая бамбуковая трость, то самъ Неронъ едва ли пожелае бы имѣть болѣе дѣйствительныхъ исполнителей закона.

«Сверхъ того, судья имѣетъ власть заключать въ «кангу» на столько времени, на сколько заблагоразсудитъ; а такъ какъ никакіе нервы не въ состояніи вынести постоянной бессонницы, то смерть мо-

жетъ быть причинена этииъ страннѣиъ способомъ, не безпокоя чувствительной совѣсти Брата солнца и луны. Такимъ образомъ ограниченіе власти мандарина приносить узнику больше вреда, нежели признаніе меча законнѣиъ орудіемъ въ рукахъ его мучителя.

• Въ такомъ обширномъ и богатомъ государствѣ, среди кишашщихъ роевъ этого хитраго и корыстолюбиваго народа, преступленія должны быть обыкновенны. Нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній на этотъ счетъ, а если они и существуютъ, то не доходятъ до иностранцевъ. Пекинская и провинціальныя газеты не могутъ служить барометромъ текущихъ событій. Въ нихъ говорится только то, что правительство желаетъ слѣвать извѣстнѣиъ. Но изъ другихъ источниковъ много свѣдѣній доходитъ до европейскихъ жителей на морскомъ берегу, которыми почти нечего болѣе дѣлать, какъ прислушиваться къ отдаленному реву и ропоту, происходящему въ обширной замкнутой имперіи, подобно дѣтамъ, внимающимъ таинственному шуму морской раковины. Отбросивъ преувеличенія и прикрасы, свойственныя восточной манерѣ рассказывать, мы можемъ составить себѣ довольно вѣрное понятіе о состояніи преступнаго населенія въ имперіи. Другимъ источникомъ свѣдѣній служатъ низшіе полицейскіе суды Кантона, Шанхая и другихъ портовъ, гдѣ европейцы ведутъ торговлю: сумма случаевъ неважнаго воровства значительна, хотя едва ли можетъ сравниться съ тою, до которой простиралась бы она въ столь же населенной мѣстности на берегу Средиземнаго моря; а примѣры насмліа замѣчательно рѣдки. Въ Китаѣ, повидимому, общее правило то, что въ городахъ находится надлежащее количество смиренныхъ мошенниковъ; но смѣлыхъ буйныхъ придорожныхъ разбойниковъ и свирѣпыхъ пиратовъ должно искать въ другомъ мѣстѣ. На Голубой и Желтой рѣкахъ есть мелкіе пираты, которые нападаютъ на незначительную добычу и живутъ небольшою прибылью. Эти бѣдные разбойники и не мечтаютъ о собственномъ кораблѣ. Они выкарабкиваются съ своими дрянными веслами изъ грязныхъ бухтъ, въ самыхъ маленькихъ лодкахъ, плохо вооруженные, дурно одѣтые, но обильно вымазанные рыбьимъ жиромъ. При мужественномъ сопротивленіи, они уходятъ; будучи схвачены: въкапакемъ небольшихъ джонковъ, которые они избираютъ своею добычей, они выскользаютъ подобно угрямъ изъ рукъ своихъ побѣдителей, и умѣнѣемъ плавать вознаграждаютъ свой недостатокъ храбрости. Подобныя нападенія рѣдко оканчиваются слишкомъ серьезными результатами; если пираты остаются побѣдителями, то они свисходительно обходятся съ побѣжденными, и какъ можно скорѣе спѣшатъ возвратиться на бе-

режь съ своею добычею, состоящею изъ риса и хлѣба, изъ допавшагося подъ руку влатья, какиѣ нибудь кусковъ красной или желтой мѣди, захваченныхъ наскоро на корнѣ или на каютѣ, иногда — и это уже блистательный трофей — изъ кое-какой мелкой монеты. Доллары и серебряные слитки обыкновенно бываютъ спрятаны слишкомъ хорошо, такъ что не могутъ быть открыты этими торопливыми досмотрщиками. Цѣлью набѣга здѣсь бываетъ скорѣе пропитаніе, чѣмъ обогащеніе; и исключая рѣдкіе случаи особеннаго искушенія, эти разбойники никого не мучатъ и не лишаютъ жизни. Съ этими земноводными мелкими хищниками судья обходится снисходительно: по понятіямъ китайской юстиціи, триста ударовъ бамбуковою тростью тѣло человѣка въ состояніи вынести. Четыре безсонныя недѣли въ «кангѣ» или въ страшныхъ колодахъ на шеѣ, рукахъ и ногахъ, можетъ быть, еще не сведутъ съ ума угрюмаго и невпечатлительнаго «куди». Къ этимъ двумъ наказаніямъ остается прибавить нѣсколько меньшихъ мукъ — и затѣмъ, по понятіямъ китайцевъ, съ виновнымъ будетъ поступлено въ высшей степени нѣжко. Къ мелкимъ ворами городскихъ рынковъ и улицъ оказывается еще больше снисходительности. Въ этихъ неважныхъ случаяхъ законъ ограничивается присужденіемъ хорошаго наказанія палками и заключенія въ колодки на недѣлю. Такъ китайская юстиція относится къ мелкимъ проступкамъ; но на поджигательство она смотритъ гораздо суровѣе, а злонамеренную порчу плотины соедѣла наказываетъ съ чрезвычайною строгостью. Убіеніе, наѣзна, впрятство въ большихъ размѣрахъ, и вооруженный разбой — наказываются смертью, болѣе или менѣе, маленною и жестокою; а за отцеубіеніе опредѣляются самыя суровыя наказанія, какъ это было нѣкогда въ римскомъ законодательствѣ. На подлѣгъ тамъ смотрятъ не съ такою строгостью, какъ у насъ; восточные народы вообще снисходительны къ преступленіямъ, требующимъ для своего выполненія единственно хитрости и декуста, — къ тѣмъ, такъ сказать, эстетическимъ проступкамъ, которые не сопровождаются пролитіемъ крови, взломомъ сундука съ деньгами, или поджигательствомъ. Поэтому искусный фабрикантъ фальшивой монеты, талантливый подражатель коммерческихъ подписей — могутъ быть увѣрены, что найдутъ судей, умѣющихъ цѣнить ихъ дарованія. И въ китайскомъ законодательствѣ существуетъ правило, назначающее легкія наказанія для преступниковъ знатныхъ и ученыхъ, и суровыя — для бѣдныхъ и необразованныхъ.

«Китай питаетъ особенно вѣрные чувства къ боготу, и преступственно къ такому, который любитъ свою библіотечу и книжку»

судитъ въ настоящемъ классическомъ стилѣ ганской династии. Бли- зорукая Астрей монгольской философіи можетъ простирать свое снисходительность до потворства грѣхамъ могущественныхъ пре- ступниковъ; ихъ наказываютъ немногими ударами, и то, что въ лю- дяхъ незначительныхъ считаютъ гнуснымъ и ужаснымъ, въ нихъ относятъ къ проказамъ, которыя можно загладить деньгами. Но есть другіе преступники, на которыхъ не простирается эта оми- щальная снисходительность, — именно разбойники, объявленные вѣнъ покреми- тельства закона и заговорщики. Первые составляютъ въ Китаѣ ужас- ное братство. Во внутреннихъ провинціяхъ, гдѣ чистый придвор- ный языкъ принимается за образецъ, ихъ называютъ куан-куинъ или отчаянными. Но на границахъ имперіи, въ Манджуріи и на краю Монгольской Татаріи, для обозначенія ихъ, употребляютъ ту- рецкія слова: *оролисъ* и *гайдукъ*. Всѣ эти слова, китайскія или турецкія, обозначаютъ смѣлаго и отъявленнаго разбойника, открытаго врага законовъ, существо самое неважное для бюрократическихъ педантовъ, подобныхъ чопорнымъ мандаринамъ. Куанъ-куинны не совсѣмъ лишены популярности въ Серединной Землѣ: имъ удивляют- ся женщины, ихъ восхваляютъ мужчины, ихъ воспеваютъ крестья- не въ своихъ грубыхъ балладахъ, и когда они присоединяются къ толпѣ на какомъ нибудь деревенскомъ праздникѣ, то на нихъ смо- трятъ такъ, какъ смотрятъ поселяне Корсики и Сардиніи на гор- выхъ бандитовъ. Между китайскими разбойниками бывали свои Ро- бинсъ-Гуды, и эти смѣлые мародеры нерѣдко выказываютъ щедрость посредствомъ своихъ зло-пріобрѣтенныхъ денегъ, и раздаютъ бѣд- нымъ то, что они отняли у богатыхъ. Эти великодушные грабители, куанъ-куинны, не полагаются исключительно на популярность, ко- торую они могутъ пріобрѣсти между бѣдными классами посред- ствомъ своихъ подвиговъ и случайныхъ подарковъ. У нихъ есть со- общины въ городахъ; ихъ шпіоны ходятъ по рынкамъ и по- дворьямъ; они ищутъ союзниковъ въ непріятельскомъ лагерѣ, и хорошо влетятъ за сообщеніе нужныхъ свѣдѣній. То какой нибудь полицейскій чиновникъ заблаговременно уведомляетъ шайку объ засидѣнціи, которая готовится противъ нея; то какой нибудь кас- сиръ иномынно даетъ ей знать, что столько-то тюковъ или такая-то сумма денегъ, принадлежащая его хозяевамъ, будетъ проходить по такой-то дорогѣ или по такому-то каналу, въ такой-то день.

«Куанъ-куинны столько же смѣлы, какъ хитры. Часто случается, что въ свое время они были людьми честными и благонамѣренны- ми, которыхъ потомъ довели до разбоя какое нибудь преслѣ- дованіе со стороны властей. Многие изъ нихъ могутъ показать

на своемъ тѣлѣ рубца — слѣдствію мученій, которыми они были подвергнуты по несправедливому приговору какогонибудь сумасброднаго палача; у другихъ сынъ умеръ въ канѣ или подъ плетью за какую-нибудь ничтожную или воображаемую вину; нѣкоторые были членами тайнаго общества, китайскими карбонариями, и, будучи открыты, превратились въ хищныхъ злодѣевъ. Но вслѣдствіе помощи принадлежать къ этимъ шайкамъ: они испытываютъ своихъ неоситовъ строгимъ посвященіемъ искусствъ — голодомъ, мученьями и усталостью. Клятва повиновенія и вѣрности подкрѣпляется немобѣдностью ужаснаго мщенія шайкинику, и китайцы признаются, что вѣрность этихъ разбойниковъ относительно другъ друга блистательнымъ образомъ выказывается даже при самыхъ жестокихъ мученіяхъ.

«Для охраненія спокойствія служатъ полицейскіе, принадлежащіе къ судилищамъ, и замѣтные по своимъ краснымъ халатамъ, высокимъ чернымъ шапкамъ и официальнымъ фазаньимъ перьямъ, возвышающимся надъ ихъ головами подобно рогу. Изъ нихъ нѣкоторые исправляютъ должность тюремщиковъ, другіе палачей, въ случаѣ нужды.

«Деревенскія тюрьмы суть не что иное, какъ караулки, гдѣ арестантовъ можно запереть, пока готовится конвой для нихъ; во всякій городъ имѣетъ свой смиреннѣйшій домъ, гдѣ несчастные узники набиты, какъ скотина въ хлѣвѣ, гдѣ суровый смотритель выгадываетъ экономію изъ скудныхъ порціи риса, и гдѣ все ужаса Дантова ада скаты въ малый объемъ. Китайцы всѣхъ эвеній болѣе этихъ тюремъ больше смерти, — не потому, что это страшныя вертепы бѣдствія, а потому, что заключеніе тягостно для бѣднаго китайца, который привыкъ къ путешествію, который по своей натурѣ все непохожъ на прозябаемое, какимъ мы считаемъ его, и который бывалъ во многихъ городахъ и искрестилъ много миль по водѣ и по сушѣ. Китаецъ одаренъ замѣтительною способностью терпѣнія; онъ можетъ весело пить и свистать при скудномъ столѣ, спать въ тѣсномъ углу, и будучи запертъ въ какую-нибудь клетку, гдѣ мало простора пищи и воздуха, онъ все-таки въ состояніи сохранить свою безукоризненную вѣжливость и веселость. Рѣдко онъ умираетъ по повиданію свѣта: въ жизни своей онъ обыкновенно побываетъ тамъ и сямъ, онъ отправляется въ чудный Фучанъ, или въ Нанкинъ, или въ Кіутчу — городъ вымощенный асфальтомъ и украшенный шелковыми тканями, и тамъ онъ проводитъ жизнь, исполненную трудовъ и лишеній, плановъ, успѣховъ, шировъ, неудачъ, пока наконецъ не

сдѣлается степеннымъ гражданиномъ, или не стѣнать гдѣ нибудь въ каналь.

«Разношницовъ, шарлатановъ, страствующихихъ авантюристовъ — въ Китаѣ больше, чѣмъ гдѣ нибудь. Личности подобныя Саму Слангу и Жинь Блазу — почти учрежденія въ Цѣнтинской Землѣ, и колесо фортуны весело вертится у этихъ сладкоязычныхъ и бодрыхъ милліоновъ. Но голодъ и тѣсное жилище по принужденію, жалкая крѣпа, тѣснота, отвратительныя ложицы, гнилая солома, близкое соудство проказенныхъ и разбойниковъ, и все это тоже по принужденію — сокрушаютъ эластическій духъ китайца. И онъ желаетъ смерти, желаетъ этого *mauvais quart d'heure* на деревянномъ крестѣ со всѣмъ ужаснымъ аккомпаниментомъ бѣины. И мандарины готовы потворствовать предпочтенію, которое арестантъ оказываетъ смерти предъ тюрьмою. Продолжительные сроки заключенія не по карману странѣ, которая должна давать пропитаніе такому множеству людей, и гдѣ такъ мало празднаго народа. Если арестантъ не воспользовался правомъ апелліаціи, то онъ рѣдко томится долго. Но прежде, чѣмъ снять голову съ куанъ-куна, необходимо поймать его. Мандарины вѣдливны на этотъ счетъ; они знаютъ, какъ необходимо въ такой населенной странѣ поддерживать силу закона и уничтожать тѣхъ, которые его нарушаютъ. Кромѣ того, здѣсь приѣзживается и собственный ихъ интересъ; потому что отъявленные разбойники ищутъ особенную злобу противъ ученой аристократіи, и никогда не упускаютъ случая разграбить собственность чиновника, или перехватить сборщика податей, или задержать мандарина у себя въ пѣхну, для полученія за него выкупа. Они не часто могутъ наносить удары своимъ осторожнымъ неприятелямъ; но тотъ, кто тревожитъ одного чиновника — безпокоитъ вмѣстѣ съ тѣмъ все сословіе, и долженъ ожидать, что противъ него будутъ устремлены жала цѣлаго роя встревоженныхъ педантовъ.

«Полицейскіе съ фазаныими перьями вполне годны на то, чтобы смотрѣть за чернью и ловить мелкихъ ворюшекъ; но они не бѣже, какъ питающіяся мышами совы, совершенно неспособны наудать на благородную добычу, подобную куанъ-кунамъ. Для этой цѣли или должна быть нанята шайка разбойниковъ на счетъ суммъ провинціи, или употреблены регулярныя войска правительства. Первый способъ стоитъ слишкомъ дорого, а второй дешевъ, но сопряженъ съ перипетіями и формальностями, достойными самыхъ цивилизованныхъ націй: сообщается военному начальнику округа, испрашивается согласіе военного министерства въ Пекинѣ, императорская канцелярія обсуждаетъ вопросъ, уголовный инспекторъ дѣлаетъ повторе-

ше, а шайбоганы и губернатора уведомлять о послѣдующихъ. Много крупныхъ и красивыхъ буквъ будетъ тщательно выведено наизяществою шестью, шестю шестю будутъ переписывать бумаги и составлять доклады прежде, чѣмъ императорское величїе упоиномочить гражданскихъ чиновниковъ расколотъ войскамъ. Но вотъ, шестю, довольно надѣлано красивыхъ шестю, и шестю судьбы начинаютъ опутывать разбойничать. Экспедицію командуетъ обыкновенно мандаринъ четвертой степенн. Кто онъ гражданскій чиновникъ, но отправляется вооруженный, верхомъ; но въ его начальствомъ состоятъ двое, или болѣе военныхъ мандариновъ, которые предводительствуютъ солдатами и тоже ѣдутъ верхомъ съ мечами, луками и колчанами; войска ихъ идутъ вѣшномъ. Довольно замѣчательно, что несмотря на превосходную храбрость татарской дивизн, мандарины, говорятъ, предпочитаютъ китайскія войска для этихъ полчищескихъ экспедицій, вѣроятно боясь, что малкіе манчжурскіе войска слишкомъ увлекутся нападениемъ на неблагогодоваго врага. Кавалерія требуется рѣдко, вслѣдствіе свойства почвы. Разумѣется, въ странѣ, такъ наводненной льдомъ и скудной деревнями, вѣста, гдѣ можно спрятаться, попадаются не часто. Тамъ есть утесистыя горныя цѣпи, но онѣ заняты своими собственными обитателями, какъ въ Индїи, и рѣдко китайскіе разбойники владѣютъ горнымъ укрѣплениемъ. Когда у нихъ такое есть, то они могутъ свѣдѣться надъ мандаринами; и если только окрестные жители не станутъ къ нимъ во враждебное отношеніе, то ихъ не легко захватить врасплохъ или уморить голодомъ. Но большая часть куанъ-кушновъ укрывается среди обширныхъ болотъ, которыми изобилуетъ почти каждая провинція и гдѣ они ставятъ свои миниатюрныя насады изъ бамбука, строятъ плетенныя хижины и обвиваютъ небольшой лагерь глубокими рвами. Только птицеловы, да рыбаки проникаютъ въ этотъ лабиринтъ топей, охраняемый лисорядками и сынучими песками; но бѣдные куанъ-кушны свѣжались со всѣмъ этимъ и живутъ тамъ, платя щедро за провизію, соль, шерсть и новости.

Мандарины никогда не отваживаются входить въ среднечутокъ трясти безъ хорошаго проводника. Угрозами и обидными, ничтожными деньгами и обильными палочными ударами они заставляютъ какого нибудь рыбака вести колонну по этому лабиринту воды и грязи; и тогда эта колонна представляетъ внушительное зрѣлище. Впередъ идетъ рота ветерановъ съ длинноствольными фитильными ружьями, зажженными фитилями и въ полной амбушиціи. Этихъ стрѣлкамъ сопутствуютъ проводники со связанными назади

руками и съ веревкою вокругъ шеи, — въ видахъ тонкой предупредительной мѣры. За тѣмъ ѣдетъ главный военный мандаринъ, вооруженный подобно скипоу. За нимъ движутся сабальники и конейники, въ щитахъ и шлемахъ, съ драконами и тиграми, которые нарисованы фантастическими красками и на которые страшно смотреть. Далѣе слѣдуютъ субалтернъ-офицеры, храбро предводительствуя стрѣлками изъ лука и ракетною командою, изъ которой первые подвигаются впередъ съ натянутымъ лукомъ и со стрѣлою, положенною на тетиву. Потомъ ѣдетъ гражданскій мандаринъ съ мечомъ въ рукѣ, въ сопровожденіи своихъ полицейскихъ съ флажками шерлями, и толпы «кулиевъ» (носильщикова), снабженныхъ веревками, цѣпями, кандалами и запасными бамбуковыми палками, въ количествѣ достаточномъ для значительнаго числа преступниковъ. Хоръ музыки составляетъ эриергардъ. Но литавры и дудки не понадобятся до празднованья побѣды, и потому герои подвигаются безъ барабаннаго боя и громкаго крика; покручивая свои усы и шопотомъ хвастаясь подвигами, которые имъ предстоитъ совершить. Но вотъ они зашли въ середину болота — и съ ними дѣлается перемена. Имъ чудятся ковыля между тучною травою и осокою, они сбиваются въ кучу подобно овцамъ, испуганнымъ колебаніемъ тростника; и когда подымается дикая птица, шумя крыльями и издавая рѣзкій крикъ, то эти звуки имъ кажутся военными кликами куанъ-кунновъ. Старая поговорка выворачивается на изнанку: теперь офицеръ принимаетъ каждый кустъ за вора и раздѣляетъ мѣткіе леди Макдуоу, что негодни могутъ повѣсить честныхъ людей. Иногда разбойники бываютъ захвачены врасплохъ и дѣлаются легкою добычею; часто они вышутываются изъ бѣды; а во временахъ отражаютъ нападеніе. Но если они дрались и разбиты, то происходитъ странная сцена. Говорятъ, въ цѣпныхъ часахъ продолжается битва двухъ или трехъ сотъ солдатъ съ какими нибудь двумя десятками разбойниковъ, защищающихся своимъ бамбуковымъ палисадомъ. Гражданскій мандаринъ, дрожа отъ страха и забывъ свое достоинство, причется подъ лошадь и взвизгиваетъ при каждомъ выстрѣлѣ. Музыканты бросаютъ свои бубны и цимбалы, и бѣгутъ ради спасенія своей жизни. Военные мандарины бранятъ и страшатъ своихъ солдатъ, пощипываютъ, подталкиваютъ и бьютъ ихъ, но сами и не думаютъ идти впередъ. Не легко принудить бѣдныхъ солдатъ къ нападенію; они нѣтятся назадъ, валлонуются при выстрѣлахъ неприятеля, гремятъ своими щитами и саблями, между тѣмъ какъ стрѣлки ложатся на землю, а ракеты пускаются на удачу. Наконецъ наступитъ

насть критическій моментъ пороку у разбойничью вѣстошлася, или брань мандариновъ оказалась злѣе неврагительскихъ пулъ; слѣдствіе штурмъ и одержана побѣда. Она не обошлася безъ крови; пулякунны упорно защищаются и дорого продають свою свободу; но наконецъ они перебиты или взяты. Можно представить себѣ триумфъ, пѣсни, варварскій диссонансъ этихъ гремѣщихъ литавръ, пронзительныхъ горноовъ, хриплыхъ дудокъ, ревущихъ трубъ, издающихъ звуки побѣды. Мы можемъ вообразить себѣ гражданскаго мандарина, опять сѣвшаго на лошадь, который благородно грозитъ окованнымъ врагамъ, размахиваетъ саблею у нихъ носа и рычитъ, какъ левъ, въ воинственномъ гнѣвѣ. Я видѣлъ коллекцію картинъ, работы одного туземнаго артиста, изображающихъ торжество возвращенія домой послѣ такого подвига. Нѣкоторые изъ плѣнниковъ заключены въ бамбуковыя кѣтки, другіе привязаны къ шестамъ и отягчены оковами; главнаго разбойника, человека большаго роста и значительной толщины, съ руками связанными на спинѣ, тащутъ на канатѣ, который держатъ восемь человекъ; такое же число людей дергаютъ его за веревку сзади; при чемъ каждый держитъ обнаженный мечъ; а гражданскій мандаринъ ѣдетъ возлѣ и размахиваетъ своею саблей надъ невинною головою преступника. За тѣмъ — шествіе по улицамъ города, покрытаго почнымъ мракомъ, шопотъ, любопытная толпа, развивающіеся платки, куреніе опиума, цвѣты по дорогѣ, триумфальная арка, покрытая плоскими и лентами, трескучіе и шипящіе фейерверки, великолѣпные фонари, смотрящіе съ каждой двери на радостную процессію, и всегда готовый востъ, съ улыбкою подносящій свою бластательную еду, которой чернила еще не совсѣмъ засохли. Немедленное слѣдствіе столь успѣшнаго предпріятія состоитъ въ томъ, что приличная сумма серебра сыплется въ кошелекъ гражданскаго мандарина, высшій начальникъ и субалтернъ—офицеры получаютъ денежную награду или повышение, а солдаты—подарокъ и двойные раціоны. Каждый ласкають, привѣтствуютъ, осыпають цвѣтами, угощаютъ сахарными конфетами, и увѣковѣчиваютъ его имя въ изящныхъ стихахъ и на столбцахъ газеты. На дело же бѣдныхъ узниковъ достаются не розы, а терніа. Пинки, плески и удары сыплются на нихъ градомъ; каждый трусъ изъ толпящейся черни нападетъ теперь на нихъ, — и несчастные рады шокорѣе приютиться въ тюрьмѣ. На другой, на третій или на четвертый день, когда для побѣдоносныхъ сановниковъ кончились праздники и опиамъ лести; послѣ того, какъ его сіятельство намѣстникъ послалъ съ экстреннымъ курьеромъ яркую депешу въ Пекинъ, депешу, въ которой не только

содержаніе, полагая, что Жумага пишетъ редовный свѣтъ; когда на-
речь наслѣдствъ уже, принимаемъ сейперерковъ, говкою лодогъ и
театральными представлѣніями, — наслушаетъ судъ.

Противъ узниковъ доволно новыхъ узникъ для того, чтобы поло-
жить имъ головы на плаху. Но надобно отирѣить, кто были ихъ под-
стрекатели и сообщники, какія думаютъ вѣтви ихъ общества;
нѣтъ ли между рыцарями, его какихъ нибудь людей богатыхъ, отъ ко-
торыхъ можно бы поживиться, и такъ далѣе. Обыкновенно также
при этомъ случаѣ стараются уловить какія нибудь особыя преступ-
ленія, напр. кто былъ дѣйствительнымъ убійцею разношца, найденаго
мертвымъ дозлѣ нагоды; кто былъ шайбникомъ, уведомленіе ко-
торого облегчало покражу денегъ, собранныхъ сборщикомъ податей;
и не способствовалъ ли кто нибудь изъ принадлежащихъ къ конторѣ
общества продажѣ мѣховъ и гарачаго пуха — къ слишкомъ усѣш-
ному разграбленію денежныхъ сундуковъ этой почтенной компаніи.
Происходитъ продолжительная борьба между уворствомъ виновныхъ
и уверствомъ ихъ мучителей; дѣлые дни и ночи проходятъ въ до-
просахъ, въ которыхъ говорить только одна сторона, потому что
клян-куниъ умираетъ и тарить безмолвно и гордится своимъ
упрямымъ терпѣніемъ. Здѣсь пусаются въ ходъ все мученія,
которыя могутъ причинить хлысты, палки, сѣрные спички, вѣ-
щанье на желѣзныхъ крюкахъ, раскачиванье въ воздухѣ по-
средствомъ бичевки искусно завязанной вокругъ большихъ паль-
цевъ, полужадушеніе дымомъ, вывертываніе членовъ, обрѣзы-
ваніе ушей и пальцевъ на ногахъ, — и однакоже рѣдко слу-
чается выпытать что нибудь отъ страдальца, непоколебимаго въ
своей угрюмой рѣшимости. Банитъ обыкновенно умираетъ, какъ
затравленный вѣбрь, и не выдаетъ ничего. Онъ гордится сво-
имъ мужествомъ и своею храбростью; онъ не имѣетъ никакой
надежды остаться въ живыхъ, и умираетъ, не дѣлая даже ни
малѣйшей попытки освободиться отъ канги. Эта канга есть глав-
ная подпора монгольскаго порядка. Это кѣвка, сѣбянная лѣзъ
поперечныхъ перекладинъ инопла бамбуковыхъ, инопла желѣз-
ныхъ, иногда деревянныхъ. Тѣло арестанта заключено въ нее;
она идетъ отъ кодынь къ шеѣ; остаются свободными только
голова и нижнія оконечности, потому что руки прикрѣплены рем-
немъ къ перекладинамъ. Преступники въ такомъ положеніи служатъ
подпорою и фундаментомъ для своей собственной подвижной тюрь-
мы; онъ носитъ ее съ собою, и не можетъ прилечь, для отдыха, а
долженъ проводить дѣльные дни и ночи на ногахъ. Съ наружной сто-
роны кѣвки прибитъ ярлыкъ съ обозначеніемъ имени несчастнаго.

преступленія его и судебнаго приговора. Канга можетъ вѣснц сто фунтовъ или только двадцать, но, во всякомъ случаѣ, это ужасное наказаніе, назначаемое на болѣе или менѣе продолжительные періоды отъ шести часовъ до шести недѣль. Вообразите дни и ночи естественнаго напряженія членовъ, мучительное кусанье москитовъ и другихъ насѣкомыхъ, терзающихъ обнаженное тѣло, и ни одной руки, чтобы отогнать ихъ; жгучее солнце, при невыносимъ тѣни, подъ которою можно бы пріютиться, холодную ночь безъ крова; изнуреніе, головокруженіе, члены, одеревѣвшіе отъ ужасной усталости, лихорадка, бредъ, давленіе жосткаго ярна на потертыхъ плечкахъ, ошейникъ, агонію продолжительной безсонницы, жажду и носоры! Говорятъ, заключенные въ кангу часто сходять съ ума; они засыпаютъ стоя, какъ лошади, они гибнутъ, и ихъ находятъ мертвыми въ этихъ кѣлѣткахъ, подобно дикимъ звѣрямъ, забытымъ въ кампанахъ. Но канга у судей — любимое наказаніе.

Есть и другіе разбойники въ Китаѣ, съ которыми обходится не такъ церемонно. Всѣ большія горныя цѣпи имѣютъ коренное населеніе, совершенно отличное отъ китайцевъ по языку, нравамъ, виду и крови. Чангъ-коласы въ провинціи Канги совершенно независимы и часто безпокойны. Но самые отважные и свирѣпыя горцы въ Китаѣ — миас-дзы, которые населяютъ большую цѣпь снѣжныхъ горъ, находящуюся почти въ центрѣ имперіи и извѣстную подъ именемъ хребта Нанъ-лингъ. Эти дикіе горцы дѣлаютъ регулярныя нашествія на богатыя хлѣбородныя долины и разбойничаютъ на трехъ большихъ дорогахъ, пересѣкающихъ ихъ суровую страну. Китайцы пробовали обезопасить проходы посредствомъ фортовъ и гарнизоновъ; они дѣлаютъ иногда великолѣпныя экспедиціи противъ горныхъ племенъ, и нѣсколько соевныхъ головъ отъ времени до времени посылаютъ въ Пекинъ на показъ императору и въ доказательство непобѣдимаго героизма его бессмертныхъ ветерановъ. Но варвары обыкновенно выигрываютъ гораздо болѣе, и самую лучшую защиту долинъ считается обычаемъ платить имъ вождямъ подать, подъ именемъ благосмысленнаго подарка.

Дѣтубійство — обыкновенное преступленіе въ Китаѣ, какъ и во всей Азіи отъ Ливана до Кореи. Унижительное положеніе женщины въ Китаѣ, малодѣдность женскаго труда сравнительно съ мужскимъ въ этой странѣ, гдѣ мужчины отправляютъ работы всѣхъ родовъ, способствуетъ къ распространенію этого преступленія. Неудѣль мадаринъ — воплощенное милосердіе; дѣтубійства судья вовсе не считаетъ убійствомъ, и не налагаетъ смертной казни за это преступленіе; хотя онъ съ своего судейскаго сидѣнща произноситъ

краткую утѣшительную рѣчь къ преступницѣ и объявляетъ въ газетѣ о проществіи. Но умерщвленіе взрослого, въ особенности мужчiny, считается дѣломъ серьезнымъ.

Китай есть родина уголовныхъ слѣдователей; его чиновники отличаются въ производствѣ слѣдствій и руководствуются древними диконинными правилами для открытія тайнаго самоубійства и для распредѣленія отвѣтственности между лицами, которые были въ враждѣ съ покойникомъ, между тѣми, которые трогали трупъ безъ распоряженія начальства, и тѣми, на чьей землѣ найдены слѣды и улики преступленія. Полицейскіе получаютъ очень скудное жалованье, которое начальникъ перехватываетъ на дорогѣ; но объ этомъ они мало беспокоятся; они живутъ взятками, а тамъ, гдѣ доносъ можетъ причинить погубель, и во всякомъ случаѣ надѣлаетъ много хлопотъ, полицейскій не имѣетъ повода отчаяваться въ комфортѣ. Довольно любопытно, что полиція выжимаетъ отъ бѣдныхъ больше, чѣмъ отъ богатыхъ. Уничтожить богатаго въ Китаѣ не такъ легко, какъ въ мусульманскихъ государствахъ; и правосудіе дѣлается легче, по мѣрѣ того, какъ оно восходитъ по общественной лѣстницѣ. Даже съ великимъ мандариномъ, когда онъ запятналъ себя какимъ нибудь преступленіемъ, обходятся не такъ строго, какъ съ туркомъ или персіанциномъ соотвѣтствующаго ранга обошелся бы въ подобномъ случаѣ его государь. Когда комиссаръ Линъ, прежній врагъ англичанъ, заключившій съ ними трактатъ 1842 г., сдѣлалъ преступленіе, то онъ потерялъ оффиціальнй шарикъ, поясъ, перо и все свое состояніе. Всѣ жены его были проданы съ аукціона, за исключеніемъ мадамъ Линъ № 1-й, которой было позволено раздѣлить ссылку своего мужа въ Татарію. Однакоже китайцы объявили, что императоръ поступилъ не слишкомъ строго, что его крутая дисциплина была простою исправительною мѣрою. Такъ это и вышло. Нѣсколько лѣтъ спустя, Линъ получилъ новый шарикъ и новое губернаторство; правда, это губернаторство было скудное и жалкое и находилось въ пустынной области, и шарикъ не былъ полированнымъ коралломъ; но подвергнувшійся конфискаціи и разоренію государственный мужъ снова возникъ, какъ фениксъ; и если такая система продолжится, то онъ со временемъ можетъ сдѣлаться опять намѣстникомъ. Но продолжится ли она? Ужь давно надъ кишашею имперіей распространилась, подобно пожару, вѣсть, что горсть «чужеземныхъ чертей» заняла священный городъ, и что императоръ и его татарская армія побѣжали, какъ овцы отъ волка. Тайпинги подкопали тронъ; и, конечно, торжество союзниковъ должно разрушить сгнившее зданіе,

которого уже нельзя починить. Въ настоящее время въ горахъ и болотахъ, въ городахъ и на рынкахъ, тамъ, гдѣ плаваютъ цѣлые ослоты джонковъ и висятся мириады кровель и баньки, а также далеко между кочующими племенами степнаго края распространились вѣрные слухи. Отъ каждаго подданнаго можно ожидать, что онъ сброситъ съ себя иго, и громадная система жестокой тирании, подданства и лицемерія — рухнетъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СКОРНАЯ НАША ПОХВАЛА САМИМЪ СЕБѢ, СЪ ПОКАЗАНІЕМЪ ПРИЧИНЪ НАШИХЪ ВЪССТАТЕЛЬНЫХЪ УСПѢХОВЪ. — МУЖИКИ — ЛЮДИ ЛИ? — НАШЕ МНѢНІЕ ОБЪ ЭТОМЪ. — ВЪГЛЯДЪ ДРЕВНИХЪ. — РАССУЖДЕНІЕ ДВОРЯНИНА ВОСКРЕСЪ О НАСЛАДСТВЕННОМЪ БЛАГОРОДСТВѢ ДУШИ. — МЫСЛИ ОБЪ ЭТОМЪ ЛИБЕРАЛОВЪ. — ВЪСЛѢДОВАНІА НОВѢЙШЕЙ НАУКИ О МОРОДАХЪ ЛЮДЕЙ. — НУЖНО ЛИ МУЖИКОВЪ УЧИТЬ ГРАМОТѢ? — ГРАМОТНОСТЪ ВЪ ЕВРОПѢ. — ПОТРЕБНОСТЪ ГРАМОТНОСТИ ВЪ НАРОДѢ ВЪ ВѢДАХЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ. — НУЖНО ЛИ ДОПУСКАТЬ МУЖИКОВЪ ДО ВЫСШАГО ОБРАЗОВАНІА? — РАЗНЫЯ МНѢНІА О ТОМЪ: ЖЕНЩИНЫ — ЛЮДИ ЛИ? — МНѢНІА ДРЕВНИХЪ, МНѢНІА НОВѢЙШІА. — НАШЕ ПРЕДУВѢЖДЕНІЕ ВЪ ПОЛЪЗУ ЖЕНЩИНЪ. — МОСКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО РАСПРОСТРАНЕНІА ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ ВЪ НАРОДЪ. — БЛАГОРОДСТВО И ПРЕВОСХОДСТВО ЖЕНСКАГО ПОЛА ПЕРѢДЪ МУЖСКИМЪ, НЕОПРОВЕРЖИМО ДОКАЗАНОКЪ ИЗЪ НАИМЕНОВАНІА ПЕРВОЙ ЖЕНЫ, ОТЪ СРЪЖЕНІА ЕЯ СОТВОРЕНІА, МѢСТА СОТВОРЕНІА, ВѢЩЕСТВА, ПОСЪ КОТОРАГО ОНА СОЗДАНА, ОТЪ ОСОБЕННЫХЪ ДАРОВЪ, КОТОРЫМИ ОНА УСИЛЕНА И ПРОЧЪ. — ТИРАМІА МУЖИЧЪ НАДЪ ЖЕНЩИНАМИ. — ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мы въ восторгѣ, читатели, — въ восторгѣ оттого, что твоята чувствъ наконецъ вошла твоя свое. Отсюда мы слышимъ ладваніи и одобренія за наша «внутренніа обозрѣнія». Читатели: и дако читательницы, получая новую книжку «Современника», прежде всего разрѣываютъ «внутреннее обозрѣніе» и читають жуть, а восторгъ отнѣтъ только дако и огреничиваются, не заглядывая въ другіа отдѣлы. Уснѣхъ наша такъ великъ, что другіа отдѣлы «Современника» начинаютъ вѣроятно дако коснѣся на насъ. «доскаты, отбѣсите лавочку».

Можете послѣ этого судить, какими глазами смотрѣть на насъ

другіе журналы. Отъ горя и злости они рѣшительно не знаютъ, что имъ и дѣлать. Салату пока съ отчаянія бросилъ писать и исчезъ безъ вѣсти, неизвѣстно, куда. Другіе, желая сдѣлать «Внутреннее обозрѣніе» какъ нибудь позанимательнѣе, начали, вмѣсто органическихъ явленій жизни общественной и политической, помѣщать въ немъ случайные скандалы, — имѣющіе большею частию смыслъ «дня» — не болѣе. Вотъ одолжили-то! Третіе рѣшились вступить съ нами въ конкуренцію. Полагая, что успѣхъ нашъ зависитъ оттого, что мы, въ случаѣ нужды, пользуемся науками и разными учеными свѣдѣніями, они попытались начинать свои обозрѣнія свѣдѣніями историческими, философическими и т. п. Вышло нѣчто ужасное! Читатели только махнули рукой. «Нѣтъ» — говорятъ — пишете лучше ужъ такъ, какъ писали. А то это... невыносимо!...

Такимъ образомъ, мы остаемся по прежнему *господами положенія*. Да еще какими господами? — Наши собратія не могутъ довольно надвинуться той невѣроятной благосклонности, которую имѣютъ къ намъ читатели, ни тѣмъ болѣе понять причины ея. И въ самомъ дѣлѣ, что у насъ есть такого, что могло бы привлечь читателя? Учености не только фундаментальной, патентованной, которая бы отыскалась погребомъ, сыростью, или попахивала пергаментомъ, но даже и никакой — рѣшительно нѣтъ. Кой-какія ученые свѣдѣнія, встрѣчающіяся въ нашихъ статьяхъ, всѣ ненадерганы и понадерганы не то, чтобы изъ иностранныхъ книгъ, *секретно* отъ читателя, а просто изъ російскихъ книгъ, которыя у всякаго читателя подъ рукою, въ виду, такъ сказать, самого читателя. Сдѣлай это кто нибудь другою, сейчасъ закричали бы: «Посмотрите, дескать, какъ онъ дергаетъ и у того-то, и у того-то! И какъ безстыдно дергаетъ — въ виду всѣхъ!» И проходу бы не было; такъ и скидки бы съ литературнаго поприща. А когда мы это дѣлаемъ, читатели только улыбаются. «Вамъ, дескать, позволяется дергать, сколько вамъ угодно. Вы такъ мило дергаете.» Не тоже ли самое, читатель, бываетъ въ жизни? Возьмемъ одинъ взятку, и взятку какую нибудь сквернѣйшую... такъ изъ-за угла съ сдернуть гдѣ нибудь: двѣкопайникъ, дескать, двѣнадцать.... Въѣзъ закричатъ: «вонъ онъ воръ, вѣточникъ, казнокрадъ... продай свое счастье, суду» и проч., однимъ словомъ, унесутъ. Другой неостаточно обдергиваетъ пресвитера, подрывничковъ, вѣзду, богоугодники и другіе заведенія, и обдергиваетъ, никакъ не по мѣрѣ, въ виду всѣхъ, — и въѣзъ только улыбаются и махнутъ ему руку: «Дескать, продолжайте; мы такъ мило всѣхъ обдергиваемъ.» Мы идиоты, и только смѣемъ уклоняться отъ предмета. Мы знаемъ, что въ статьяхъ нашихъ нѣтъ учености. Ученость, конечно, еще не такая дѣнная вещь, безъ которой нельзя бы было обойтись. Обманется же безъ нея и

нѣ почетный М. П. Погодинъ, оиъ, почивавшій на учености всю жизнь свою; — да еще какія усаооимслымаы стали вознсываыу грамотны! Но прамъ учености въ статьи нашихъ недостаетъ много: недостаетъ, напр., внутренней стрейности. Нѣтъ ни одной статьи, въ которой бы не было противорѣчій: Въ концѣ статьи непременно утверждается что (нибудь такое, что въ началѣ отрицалось, или на оборотъ. Попробуй сдѣлать это чтонибудь другой, опять поднимся бы гвалтъ. «Логика-то, дескать, логика-то у него кака! Посмотрите-ка!» Намъ опятъ ничего и туть. Какъ будто никакшихъ противорѣчій никто и не примѣчаетъ! Намощь, послѣдовательности, серьезности въ изложени у насъ рѣшительно никакой нѣтъ. Отступленія отъ предмета на каждомъ шагу; о чемъ бы мы ни заговорили, о томъ сейчас и начинаемъ говорить — и говоримъ не то, чтобы чтонибудь дѣльное, серьезное, а такъ себѣ... мечтанія наши, парадоксы, вообще чтонибудь легованое. Сдѣлай это ктонибудь другой, сейчасъ бы закричали: «ого! оруда несешь!» — и заклевали бы безъ всякой ошады... А намъ все это рѣшительно, какъ съ гуся вода. Читатели только улыбаются. «Это — говорить — ничего, что оруда... у васъ и оруда выводитъ такъ мила, такъ сочувственна... Пожалуйте; продолжайте.»

Что же все это значитъ? Чѣмъ объяснить такую безпримѣрную благооклопность къ намъ читателей?

Все объясненіе, благосклонный читатель, заключается въ двухъ словахъ, которыя мы уже и сказали въ первой стрекѣ нашей статьи... *Теплота чувствъ*... вотъ тогъ талантъ, который владѣемъ мы и приключаемъ къ себѣ весь; въ томъ вся тайна нашихъ успѣховъ.

Казалось бы, трудно представить писателя, который бы, начиная писать о чемъ-бы то ни было, не проникнулся вѣдѣть съ тѣмъ теплотою чувствъ къ читателямъ: талантъ ли небудаетъ писать автора, экономическія ли соображенія, въ томъ и другомъ случаѣ теплоте чувствъ составляетъ необходимое условіе дѣла и успѣха. Ибо чѣтъ такое талантъ? Ничто иное, какъ тотъ же умъ, но владѣющій: болышею искренно, болышею широтой и глубиной взгляда на отношеніе ко себѣ или кълю: ообществу страсамъ человеческого енія. Существовающее же свойство ума преломляется иронически, отренился возбуждѣть въ дружка любовь къ знанію, отренился приключить къ себѣ обаяніе всего добра и прекраснаго, вакличающагося въ истинномъ знаніи, однимъ словомъ: существонное свойство ума; а тѣмъ болыше талантъ, оеиъ любовью, обидательность... Бы экономической точкой рѣшай оспаломъ чѣтъ-ничто шее; ины преломителемъ, а читателя — потребителемъ. Отныя страсно все. Ибо какія же отношенія могутъ быть болыше милки, болыше любезны, болыше делительны и ошове

ний производителя не потребителю, особенно если/производитель самъ и посредникъ? Какой производителю не хочется о томъ, чтобы надѣля его были по вкусу публики, правились ей, приласкали къ себѣ, а не отталкивали? Такихъ образомъ, и съ психической и съ экономической точки зрѣнія любовь къ читателямъ, предупредительность, любезность должны бы были повидному быть существеннѣйшими качествами каждаго писателя и быть ключомъ въ каждой строчкѣ его твореній.

Надѣя оказывается однакожъ совершенно ничто. Ничъ существа болѣе неподвижнаго, болѣе чуждо-чуждому, болѣе строитиваго, какъ писатель въ его твореніи. Какой-то невольной правдой къ читателямъ бываетъ проникнута каждая строчка его твореній. Читателемъ онъ не называется ничто, какъ толпа невоспитанная, чернь, бессмысленный народъ, узколобые, тугоголовые и т. п. Даже самыя гуманнѣйшіе писатели трактуютъ читателя, почти какъ школьника, если только еще не хуже, и высказываютъ ему вещи не очень лестныя. «Вы, — говорятъ они обращаясь къ читателю, — и этого не понимаете. Это удивительно. А какъ просто-то, какъ легкой Кнхтеса неинного нужно писать смыслъ; донахъ же нахелки могу, чтобы это понять», и такъ дадѣ въ томъ же родѣ. Благоклонный читатель все это выслушиваетъ, не моргнувши глазомъ. Читатель потому и титулуется съ неизмѣтливикъ еще «проста бласклонный», что онъ представляетъ себою существо кроткое, мягкое, доверчивое, терпѣливое; на немъ все падаетъ, все его терзаетъ. Онъ все переноситъ. «Чортъ васъ побери!» думаетъ онъ себѣ о писателяхъ. «Врагитесь сколько хотите, если у васъ ухо такая штука. Авось среди бранн что забуду и дѣльное скажеть, научите чему забуду.» Должны ны сказать однакожъ, что въ абсолютное время и чиня скрѣпнымъ мотъ читателемъ стали осуществитисъ очень рѣдко, оттого доверіе читателя къ писателямъ съмѣло понижалосъ. Явилосъ писатели ужасные, которые никакимъ образомъ не учились жизни никакимъ образомъ, и которые между тѣмъ пишутъ безукоренно, безосадако, денно-нощно; и пишутъ исключительно чуждому кругу. Для читателя ланое, что онъ склалосъ. Божосиниъ никакимъ-отъ, а между тѣмъ орудиоты въ обращеніи съ нимъ еще босадрепосако, чинъ другіе писатели, и браниво: сгола-чотъ-савтъ-стоптъ. Какъ ни благоклоненъ читатель, но терпѣть и смъ длазетъ во въ неогрѣ.

Но вотъ вотъхъ, проказкой, дала ницъ, возмощиъ ницъ, ставъ ницъ, строчки ницъ, колоситъ. «внупреніе обертывагала: Казельй возрсагитъ, авторскій азъотъ, въ: внупреніе обертывагитъ; бранитина, возмощиъ, возмощиъ, возмощиъ, возмощиъ, возмощиъ, возмощиъ. Приседала, ни, чинъ забуду; народъ

нимъ въ области законодательства, администраціи, торговли, науки жизни общественной и т. д. — онъ ко всему относился какъ шориндъ невно, или съ величайшимъ скептицизмомъ, недоуміемъ и т. п. Если выказывалъ иногда въ похвалу чему-нибудь, — то похвала была какъ-то холодная, что-то такое произнесенное оквозъ зубы — дескать; покажи... нечто... быть можетъ, что-нибудь и выйдетъ». И какою высокомернымъ тономъ принималъ всегда господишь, сидѣвшій во «внутреннемъ обзорѣ». Онъ давалъ видъ, что рѣшительно все знаетъ, — и никто не могъ подступиться къ нему иначе, какъ въ качествѣ ученика, школьника или отлашеннаго. Образовывалась ли какая-нибудь торговая или промышленная компанія — для продажи шерсти, для выдѣлки поташа, мыла и т. п., господишь, сидѣвшій во «внутреннемъ обзорѣ», хотя ничего не понималъ ни въ торговлѣ, ни въ промышленности, и тутъ придирался и бранился. Дескать, и компанія образовалась не такъ, и средства не такія, и потребление не расчитано; — однимъ словомъ, внутренний обзорѣватель былъ человѣкъ самый беспокойный, брюзгливый, педантъ, который, понимая очень мало, совился однакожь вездѣ, всѣхъ хотѣлъ учить, гѣворилъ всѣмъ кучу неприязностей и даже оскорбленій. Къ такому характеру внутреннихъ обзорѣвателей такъ всѣ привыкли, что стали наконецъ брюзгливость, стрептливость считать существовою или обязанностію. Некоторые редакторы, чтобы сдѣлать отдѣлъ «внутренняго обзорѣнія» внимательнѣе, стали приглашать вести его людей, составившихъ себѣ литературную извѣстность единственно умѣемъ браниться. Читатели перестали читать «внутреннее обзорѣіе», даже не стали разрѣзывать тѣхъ листовъ, гдѣ оно печаталось. Вѣрнѣе сказать, дѣлать дошло бы наконецъ дѣло; — если бы не явились мы.

Давно уже, благосклонный читатель, мы не испытывали такого чистаго и возвышеннаго наслажденія, какое испытываемъ теперь; произисоше это коротенькое, его непривѣтнре для васъ мы. Какое невыразимое пріятное, такое чинъ не бранивое ощущение почувствовали мы во время существа своего! Не даромъ некоторые изъ опытнишихъ нашихъ писателей не опублікутъ никогда удобнаго случая показать себя. Они хорошо понимаютъ и умѣютъ цѣнить вѣрнѣе моменты этого не потнѣ чуждаго наслажденія!

Вернувшись въ извѣдланіе «внутренняго обзорѣнія» мы нечего ан дѣло сказать иначе! Мы не стали заниматься ни критикою, ни новью, ни правительственныхъ распоряженій, ни предпріятіями торговыми, промышленными, ни чѣмъ-либо изъ первоначальнаго обнаруженія, ни чѣмъ-либо приложеніемъ дѣлу. Чдѣ-нибудь? — Мы не имѣемъ и соеой дѣла чуждыхъ; для этого свѣдѣніе! Мы делаемъ все, или какъ обыкновенными, всѣмъ доступными, всѣмъ извѣстными; — и то же съ

тѣмъ, чтобы учить другихъ, а такъ, чтобы по дружески бесѣдовать съ другими о тѣхъ или другихъ предметахъ. «Вотъ» говорили мы обыкновенно читателямъ: «это дѣло идетъ у насъ такъ-то и такъ-то, — и идетъ, молъ, ладно себѣ, ничего; — а вотъ, молъ, если оно пойдетъ такъ-то и такъ-то, также будетъ ничего, ладно, пожалуй еще и лучше». Читатели пришли въ восторгъ отъ нашихъ скромныхъ бесѣдъ — и толпой повалили насъ во «внутреннее обозрѣнiе», — и теперь скорѣе мы встрѣтите неразрѣзаннымъ какой нибудь другой отдѣлъ въ «Современникѣ», чѣмъ «внутреннее обозрѣнiе».

Впрочемъ, если мы заведемъ рѣчь о нашихъ допѣнкахъ, то вовсе не съ тѣмъ, чтобы хвалить себя. Мы уверены, что читатель, ознакомившись очень хорошо нашу скромность, и не усумнится въ этомъ. Правда, мы не смущались случая сказать по спонтанности слова два-три о нашихъ заслугахъ, но при этомъ надобно помнить, что между русскими и трудно найдти писателя, который бы, имѣя такой благопритный случай указать на свои достоинства, не сдѣлалъ бы того же самаго, что сдѣлалъ мы. Цѣль нашего небольшого разсужденiя о нашихъ заслугахъ была та, чтобы 1) рассказать нашимъ собратьямъ тайну нашихъ усѣховъ, и этимъ самымъ указать средства, которыми и они могутъ приобрести себѣ благосклонность читателей, и 2) то, чтобы своею откровенностию расположить еще болѣе въ свою пользу читателя. Темами для вышнѣшняго нашего обозрѣнiя мы выбрали вопросы самыя щекотливыя и притомъ, по новости своей, для рѣшенiя весьма трудныя. Мы чувствуемъ, что они намъ не подь силу, и если рѣшаемся говорить о нихъ, то только потому, что твердо надѣемся на благосклонность къ намъ читателей.

Первый изъ этихъ вопросовъ есть слѣдующій: музыка, по крайней мѣрѣ русскiе музыканты — люди ли? Сколько намъ извѣстно, вопроса этого никто еще не ставилъ въ нашей литературѣ, по крайней мѣрѣ никто не выражалъ его такъ категорически, какъ выразили мы. Между тѣмъ необходимость постановки этого вопроса чувствуется всѣми и всюду; элементы его носятся въ той устоявшейся агитационной, которой мы дышимъ. Если бы никто не сомнѣвался, что музыка — искусство, не могло бы быть никакого сомнѣнiя и въ томъ, что они имѣютъ право быть гражданами, какъ и всѣ, имѣютъ право равнѣе съ другими учиться: читать учебныя науки, писать также, какъ и всѣ, право отправлять разныхъ дѣлъ своимъ по способу умѣнiямъ, но имѣя музыканты ни въ какой государственной сферѣ не участвуютъ отъ другихъ и т. д. — но въ такомъ правѣ музыканты должны участвовать очень много. Но, что эти сомнѣваются должны сомнѣваться, хотя и *facile modo*, но тѣмъ не менѣе крикомъ слышны голоса музыкантов — люди ли?

Признаемся откровенно, что мы и сами въ этомъ нѣсколько сомнѣваемся. Сколько бы мы ни увлекались либеральными, модными идеями о равенствѣ людей, во дѣлѣ одного бѣлаго, только не предубѣжденнаго, заглава, чтобы видѣть все безконечное различіе, которое положила природа между мужиками и лицами другихъ сословій, благородными. Возьмите вы перваго адептнаго, блистательнаго барина, поставьте его подлѣ мужика, сравните, обоихъ по одной только наружности — и какія безмолвныя различныя результаты получите вы изъ этого сравненія. Посмотрите, какаѣ уцѣраго ослѣпительная бѣлизна кожи не только на лицѣ, но и на всекъ тѣлѣ! какаѣ пропорціональносты не только въ посадкѣ дѣлаго стана, но и въ отдѣльных частяхъ нигдѣ не безобразной тодстоты, ни еще безобразнѣйшей худобы! Вездѣ умѣренная, пріятная округлосты формъ! Даже то, что Павелъ Ивановичъ Чичиковъ называлъ барабаномъ, имѣетъ моллоты и округлосты на столько именно, насколько нужно, чтобы представить картину въ дѣломъ! При этомъ умное выраженіе лица, глазъ, мелодическій голосъ, пріятныя, мягкія манеры, наконецъ поантура всего дѣлаго такова, что вы сейчасъ видите, что этотъ человѣкъ созданъ господствовать, повелѣвать! И вдругъ подлѣ этого *наземльничаго* чловѣка ставятъ какого-то двуногаго — сторбленнаго, до безобразія изсохшаго или растолстѣвшаго, двѣ томъ кожи похожаго на египетскую мумію, съ тупымъ, безсмысленнымъ выраженіемъ лица, съ хриплымъ или невпріятно рѣзкимъ голосомъ, во пріемамъ похожаго скорѣе на медвѣдя, чѣмъ на чловѣка, вдобавокъ изъ тому держащаго себя съ какимы-то приторнымъ подобострастіемъ, — и говорятъ: это тоже чловѣкъ! Поощадите, Бога ради, гг. либералы!

Но если наши тѣлесныя очи не довольно хороши для того, чтобы видѣть это безмѣрное различіе между истиннымъ чловѣкомъ, и двуногимъ, покочившъ на чловѣка, то обратите вниманіе на ихъ умственное различіе. Истинный чловѣкъ даже и въ томъ случаѣ, когда онъ не имѣетъ возможности получить образованія, уже по своему требованію своей природы какимы всегда высокими занятъ помыслами о благородствѣ своего происхожденія, о польдѣ своей для отечества, о поддержаніи чести своего рода, какъ зорко слѣдитъ онъ за дѣлами преледелствами по разнымъ вѣдомствамъ разныхъ днцъ, какъ онъ умѣетъ услужить и оказать уваженіе каждому по степеню его ранга, какъ онъ въ непримѣнномъ ему истинноту умѣетъ онъ замѣтить и отличить врасоту даже въ соловіяхъ висннхъ, съ какимы неупрощенными моравами стремится онъ въ прекрасному во всѣхъ его родахъ, и въ музыкѣ, и въ театру, и къ шампанскому, съ какою безмалочною щедростію бросаетъ онъ деньги на поощреніе талантовъ,

красоты, общественных удовольствій! Но всего не перечислишь. Что же вы найдете въ томъ необразованномъ двуногомъ, которое называется мужчиною? Никакихъ возвышенныхъ понеседовъ, никакихъ благородныхъ стремленій и порывовъ, въ образѣ жизни какое-то отшатывательное оскордство, — и самая рѣчь только о хлѣбѣ, да урожаѣ, да трудѣ! Фш!

Это безконечное различіе между природами благородными и неблагородными либералы хотятъ обыкновенно объяснить образованіемъ. Потому мы и взяли для сравненія два лица одинаково необразованныя. Но еслибы мы взяли два лица одинаково образованныя, разница вышла бы еще рѣзче, еще огромнѣе. Писатели-члѣбы представляютъ обыкновенно въ примѣръ Ломоносова, вышедшаго прямо изъ крестьянскаго быта. Но что такое былъ Ломоносовъ? — Ученый работникъ, — не болѣе. Съ такимъ клѣбомъ выходятъ почти всѣ образованные люди, вышедшіе изъ низшихъ классовъ общества. Это тѣ же чернорабочіе, съ тѣмъ только различіемъ, что послѣ образованія они обратили свои силы и дѣятельность на другіе предметы. Съ тою же неутомимостью, съ которою прежде нахали землю, они начинаютъ потомъ писать ученые трактаты, стихи и т. п. Но никогда образованіе не можетъ привить къ нимъ ни того тонкаго эстетическаго чувства наслажденій, какими обладаютъ лица благородныя по рожденію, ни того умѣнья властвовать надъ другими, ни того сознанія преимуществъ своей природы, ни того такта — тонко и непримѣтно, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно дать другимъ почувствовать эти преимущества, ни многого множества другихъ пріятныхъ качествъ породы, которыми владѣютъ только люди благородныя по природѣ. Однимъ словомъ, въ самомъ образованіи выходятъ то, да не то. Да чего? — Чернорабочіе поучившіеся выходятъ относительно различія породъ еще тупѣе, чѣмъ были прежде. Они не только не примѣчаютъ несомнѣннаго различія породъ; напротивъ, начинаютъ кричать во всеуслышаніе, что всѣ двуногіе, называемые людьми, одной природы, что надобно не имѣть здраваго смысла, чтобы различать какой-то особенный классъ высшаго порядка людей и т. п.; все въ томъ же родѣ.

Пойдите толкуйте съ ними! Не разумѣется, что парадоксы, какъ бы ихъ блистательно ни доказывали, все-таки останутся парадоксами.

Еще съ древнихъ временъ люди болѣе проникательные стали приѣчать, что при всей видимой одинаковости дружелюбныхъ, миролюбивыхъ людей, бѣмъ по природѣ своей все неодинаковы: Одни самою природою назначены къ тому, чтобы руководствовать, другіе служить, повиноваться. Аристотель въ первой книгѣ своей «Полити-

ли» говоритъ: «господствовать призвано только то, что одарено духовными дарами; — что имѣетъ только тѣлесную силу для исполненія приказаній, то назначено для повиновенія. — Что рабочей скотины для бѣднаго, то эти созданные для повиновенія низшаго разряда люди для богатаго. Какъ для занятія какою бы то ни было искусствомъ нужны орудія, такъ нужны орудія и для домашняго хозяйства; одни изъ этихъ орудій неодушевленные, другіе одушевленные; къ разряду одушевленныхъ принадлежатъ и лица низшаго порядка. . . . Отъ домашняго скота они отличаются весьма немногими: точно также, какъ и домашній скотъ, они пригодны только для удовлетворенія тѣлесныхъ нуждъ. Правда, они одарены разумомъ, а скотъ водится только инстинктомъ, но не должно забывать при этомъ, что они имѣютъ способность только понимать разумныя приказанія; сами же разумами не обладаютъ.» Выступъ съ мнѣніемъ о различіи натуръ, составленныхъ для господства и для повиновенія, Аристотель допускалъ наследственную передачу душевныхъ достоинствъ; отъ одного лица къ другому. «Если первый человекъ, — говоритъ онъ, — какой либо фамилии будетъ имѣть преимущественное достоинство, то она произведетъ еще многихъ себѣ равныхъ, ибо каковы предокъ таковы обыкновенно бываютъ и потомки ихъ.»

Мысли Аристотеля такъ естественны, такъ очевидны съ перваго взгляда, что они принимались за достовѣрныя почти во все время. Приводимъ здѣсь замѣчательное мнѣніе по этому предмету древлянина Коцебу, который объясняетъ: какимъ образомъ благородство можетъ передаваться отъ одного человека другому, отъ одного поколѣнія другому. Дворянинъ Коцебу начинаетъ свое объясненіе следующими стихами Горация:

Fortes creantur fortibus et bonis,
Est in juvenis, est in equis patrum
Virtus, nec imbecillum feroces
Progenerant aquilae columbam.

«Сильные рождаются только отъ сильныхъ, орлы не высиживаютъ голубей, оселъ передаетъ свою лѣность, а коня свою кротость, левъ свою крѣпость и человекъ свое благородство. Философскій врачъ Веймаръ говоритъ, что не только дѣла семейства были о пяти и шести пальцахъ или съ рогами, но также дѣла семейства самоубійцъ или глупыхъ людей. «Когда», говоритъ Цицеронъ о Метеллѣ: «когда его мать родитъ пятого ребенка», то онъ конемъ будетъ оселъ».

«Если свойства тѣлесныя, какъ: пальцы и рога; если: качества душевныя, какъ: самоубійство или кротость, переходятъ въ дѣла

поколѣнія, то зачѣмъ также не величіе души? благородство души? Человѣкъ имѣетъ право ожидать отъ *слуха* родителей *слуха* сына; такъ почему же отъ *благородныхъ* родителей не *благороднаго* сына?

«Что такое душа! О, кто знаетъ это?—Отдѣли желѣзистую землю отъ ея флористона, и магнитъ не будетъ болѣе притягивать желѣза. Отдѣли составныя части тѣла, и человѣкъ не мыслитъ болѣе. Пресыщенный желудокъ затмѣваетъ божественный свѣтъ души. Но какъ бы то ни было, духъ ли душа; однако всякій скептикъ долженъ согласиться, что то мыслящее существо, которое управляетъ моральными поступками, иногда бываетъ ограничено: совершеннѣйшею, или несовершеннѣйшею организаціею тѣла, а иногда снабжено свободнѣйшею дѣятельностію. Но кому обязаны мы крѣпостию или безсиліемъ, красотою или безобразіемъ тѣла? — нашимъ родителямъ. Итакъ почему же все равно, благородный или неблагородный сообщилъ мнѣ свою организацію? Сынъ получаетъ въ наследство отъ отца своего *ипохондрию*, *бользнь души*; такъ почему же не получаетъ онъ и благородство, *здоровье души*?

«Если добродѣтель, говоря съ Плутархомъ, есть одна только долговременная привычка, то почему не такъ легко можетъ привыкнуть къ исполненію добродѣтели цѣлая фамилія, какъ одинъ человѣкъ? Молодой дворянинъ родится; правила чести еще прежде него существовали въ его семействѣ, все что ни окружаетъ его, внушаетъ ему ея законы, и онъ непримѣтно становится честнымъ человѣкомъ, подобно тому, какъ въ тѣхъ земляхъ, гдѣ видишь около себя одинъ только красивыя лица, рождаются только и красивые люди.

«Когда Гомеръ думаетъ въ Одиссеѣ и Еврипидъ въ Гераклидѣ, что весьма мало сыновъ были подобны отцамъ; когда Демосеенъ ставитъ почти закономъ судьбы, что лучшіе отцы всегда оставляли по себѣ худшихъ сыновъ; то это слова только стихотворца и оратора; я держусь опыта и восклицаю съ Лессингомъ: «кто увеличиваетъ, тотъ ничего не говоритъ! Зачѣмъ намъ сражаться чужимъ оружіемъ? мы рождены съ тѣмъ, чтобы самимъ думать.»

«Однако съ гордестію и радостію ссылаюсь я на философа *Камма*—когда онъ говоритъ о различныхъ человѣческихъ поколѣніяхъ. Все, что только принадлежитъ къ разности, и потому не бываетъ въ самомъ себѣ наследственно, можно произвести со временемъ чрезъ браки, всегда остающіеся въ одиѣхъ и тѣхъ же фамиліяхъ, что я называю *фамиліальнымъ сходствомъ*, гдѣ наконецъ нѣчто характеристическое столь глубоко вкореняется въ слухъ произражденія, что становится похожимъ на отродье, и подобно сему непрерывно продолжается. Сіе примѣчено на старомъ венеціанскомъ дворянствѣ;

особливо на тамошнихъ домахъ. Но крайней мѣрѣ въ Оттавѣ блатородныя женщины всѣ вообще гораздо большаго росту; несли простыя. На возможности, чрезъ рачительное отдѣленіе выродковъ и хорошихъ родовъ, наконецъ утвердить продолжительное фамильное сходство, основалось мнѣніе г-на *Маспертуса*, — чтобы перевести одно *блатородное* отъ природы поколѣніе въ какую либо провинцію, гдѣ умъ, способности и праводушіе дѣлались бы наследственными.

«Когда натура сотворила вообще блатородныя и неблатородныя поколѣнія, то почему же не сотворила она блатородныхъ и неблатородныхъ *фамилій*? Американецъ и негръ, народы южной и восточной Азіи, признають высшее дворянство европейцевъ; они просятъ нѣтъ своихъ женъ и дочерей, желаютъ привить нѣтъ сего блатороднаго поколѣнія къ своему, и ставятъ то себѣ за честь, за что они наказываютъ смертію нѣтъ собственного своего народа въ жару ревности. Европейцы блатороднѣе креоловъ, мулатты местницовъ, первородные индѣйцы шамбисовъ, вольные негры и старые негры невольники своихъ африканскихъ братьевъ. Что касается *общихъ до народовъ*, то относится къ *каждому народу*. Натура сотворила блатородные народы, натура сотворила блатородныя поколѣнія. Если смѣшать гренландцевъ съ европейцами, то *народное блатородство* потеряется, а если сочетать Геца Берлихинскаго съ дочерью Ридгеретса, то потеряется *кольное блатородство*. Какъ въ тринадцатомъ столѣтіи дворянство было столь многочисленно, что нѣмецкая земля не могла его кормить, тогда многіе дворяне перешли въ иностранную службу, даже въ Константинополь къ греческому императору. Многіе переселились въ Венгрію, составили тамъ королевскую лейб-гвардію; ихъ почитали на равнѣ съ князьями и такъ же получили названіе *Prinzipes*. Оттоуъ фонъ Фрейзингенъ утверждаетъ: что до тѣхъ поръ безобразная венгерская нація чрезъ смѣшаніе съ нѣмецкими дворянами была облатородствована. Если бы къ нимъ послали гренландцевъ, то бы этого не произошло. «Кровь и родъ общи, блатородной или *силтельной*». Такъ говорили старые дворяне датчане. Плодъ соотвѣтствуетъ дереву, сынъ подобенъ блатородному отцу. Блатородство души очевидно навечатлѣвается въ чертахъ сыновъ и внуковъ. Въ пастушеской одеждѣ приближался Регнеръ къ молодой Сангитѣ, но едва молодая дѣвица увидѣла его блатородный видъ, пламенные глаза, какъ вскричала; «Ты не тотъ, чѣмъ себя представляешь! Твои глаза показываютъ королевскаго сына!» Саксо Грамматикъ приводитъ многіе примѣры, отчасти смѣшанные, въ которыхъ блатородство рода было узнано по одному только виду, даже и тогда, когда онъ было покрыто рубищемъ.

«Съ нами точно такъ бываетъ, какъ съ блатородными собаками

и лошадами. Родословныя арабскіх лошадей распространяются часто въ тринадцатое столѣтіе. Такія благородныя лошадиныя породы отличаются небольшою крестотою, но даже крестотію; общежительностію, умомъ и терпѣніемъ.... Почти также поступаютъ съ лошадьми въ Парагвай. Вообще все равно, дѣлаетъ ли наблюдатель свое предѣланіе истины надъ людьми или звѣрами, — заключенія остаются однѣ и тѣ же.

«Правда, воспитаніе молодого дворянина весьма различно отъ воспитанія небогатаго, и дѣйствуетъ на душу и тѣло; кто, ако отвѣргася? Однако, вотъ былъ бы сѣбною подражателемъ кельвическѣ, который бы утверждалъ, что воспитаніе можетъ переимѣнить Герасрата въ Собрата. Съ тѣломъ крѣпко соединено то невоистинное, что мы называемъ *душею*. Если болитъ одно, то и другая страдаетъ; и если здорово и крѣпко первое, то добродѣтель имѣеть свое болѣвое мѣсто и въ другой. Злодѣй всегда болѣтъ, хотя мы наружно и не примѣчаемъ того, — сѣмь всѣхъ пороковъ всегда лежитъ въ недостаточной организаціи тѣла, которое дано отцу и мати. Сколь много, или сколь мало имѣють вліянія на то, отецъ и мати, то основывается на неизвѣстныхъ законахъ природы. Но если оба они *благородны*, то конечно и сынъ *будетъ благороднымъ*, и тогда зависитъ только отъ воспитанія *благородно образовать его*»

«Съ неотразимою силою доводовъ, приводимыхъ г. Коцебу въ пользу неотъемлемнаго благородства души, трудно не согласиться. Очень жаль только, что онъ опровергаетъ самъ себя самымъ усерднымъ образомъ, доказывая, въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія, что возможна не только передача благородства титулованнаго отъ предковъ потомкамъ, безъ внутренняго благородства души; но что и внутреннее благородство самихъ предковъ во многихъ случаяхъ можетъ подлежать большому сомнѣнію.

«Весь свѣтъ, говоритъ онъ: *есть только одно великое семейство. Мужикъ доводится съ родни Габсбургскому дому и нищій — Вельфенскому. Родословная, сбереженная отъ крестъ и мышей, не есть достоинство. Стѣдливая улыбочка блещетъ на щекахъ истиннаго дворянина, когда онъ смотритъ на, особенное производство слова предокъ (Ahnen) въ примѣнаніи, Саксонскаго царяда. Спартанскіе короли имѣли при себѣ поваровъ и трубачей, которые оставали яды свои въ наследствѣ своимъ дѣтямъ, несмотря на то, умѣли ли послѣдніе стрѣпать кушанья или трубить. Также смѣшно благородство предковъ *безъ добродѣтели предковъ*, съ тѣмъ только различіемъ, что не на заслугамъ пріобрѣтенное дворянство можетъ дѣлать тысячу несчастныхъ, и, напротивъ того, не очень важно было, если игра на ошей правды съ спартанскому королю, или приговоръ на бы его чер-*

ная похлебка. Также слава предковъ весьма часто обманываетъ насъ. Грубая древность имѣла другой масштабъ для великости; часто не доставало у историковъ собственнаго благородства души, чтобы по достоинству цѣнить чужія дѣла. Многие бѣжали бы отъ своихъ предковъ, если бы поставили ихъ въ средины оныхъ. Только бросьте взглядъ на необразованныхъ людей XIV и XV вѣка, и увидите, какъ они думали только о турнирахъ и войнахъ; какъ стремились во имя Господне повергать на стогнахъ бѣдныхъ ремесленниковъ и ихъ грабить; какъ они въ одинъ часъ умерщляли, а въ другой выпивались до пьяна; какъ забывались жалостливою и бѣдственной цѣнью народа, и смѣялись глупымъ словамъ придворнаго шута; какъ продавали съ публичнаго торга свое мщеніе. Посмотрите, какъ они обидели неосторожнаго путешественника въ своей выѣздной запискѣ, повергали его на землю, или требовали у него рыцарской милостыни; вы увидите, что не было конца войнамъ, и что даже поваренные мальчишки объявляли ее милостивымъ своимъ государямъ... О, ежели бы я, говоритъ Коцебу: — не слышалъ къ несчастію часто справедливыхъ жалобъ, что благородное происхожденіе подавляетъ обыкновенно прилежаніе и поревнованіе, что дворянинъ близокъ къ верху, ему стоитъ сдѣлать нѣсколько ступеней, — оттого онъ дѣвнтся и думаетъ, что тому надобно быть такъ, что ему не нужно заслуги, что благородное происхожденіе подобно богатому наслѣдству, отъ процентовъ котораго онъ можетъ кормиться. Ахъ! знатное происхожденіе прилично благородному Телемаку, но заслуги должны быть его менторомъ...

Tu es grand, tu es puissant, ce n'est pas assez, fais que je te estime.

Но если дворянинъ Коцебу впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, не находя возможности жизненныхъ явленій уладить съ мнѣніемъ о потомственной передачѣ внутренняго благородства, то нѣкоторыя волюдумпы идутъ гораздо далѣе. Несмотря на неопровержимыя доводы Коцебу, они отвергаютъ совершенно теорію о передачѣ внутренняго благородства. Вилавлъ насмѣхается надъ мыслию, что дѣтей простыхъ гражданъ должно считать неблагородными; высказываетъ сомнѣніе въ строгомъ цѣломудріи всѣхъ нашихъ матерей, бабокъ и прабабокъ; говоритъ, что дворянинъ ничѣмъ не лучше по рожденію сапожника, что онъ не клалъ въ своихъ пеленкахъ ни конфетъ, ни *Creme a la fleur d'Orange* и т. п. Другіе идутъ еще далѣе. Дюлеръ въ своей исторіи «*Histoire de la noblesse*», обличая во лжи стихъ Галлера:

Kein Uebel auf der welt das nicht ein pfaffe that!

говоритъ, что, по его мнѣнію, нѣтъ ни одного зла въ мірѣ, кото-

раго не учинялъ бы дворянствъ. Сочинитель *Гремландскій процессъ* сравниваетъ древнее дворянство съ старыми сыроухъ, предлогъ съ червячками. Онъ думаетъ, что потомки представляютъ въ себѣ намъ предковъ, подобно лужѣ, обрабатываемой солидою. На всѣ эти крайнія выходки людей, очевидно раздраженныхъ, бѣжится дворянствъ Коцебу, — и, по нашему мнѣнію, совершенно справедливо.

Мнѣніе о существованіи различныхъ породъ людей съ дотемперанною, разумѣется, передачею, качествъ породы подтверждается отчасти современною наукою. Читателямъ конечно извѣстно предположеніе новѣйшихъ ученыхъ, естествоиспытателей, о постепенномъ развитіи различныхъ видовъ животныхъ, не въ чемъ повидному въ настоящее время между собою не сходныхъ, отъ одной или немногихъ первоначальныхъ формъ. Различія въ настоящее время существенныя могли произойти отъ разныхъ случайныхъ причинъ, дѣвшихъ невозможъ недѣлимыхъ извѣстнаго вида другую, видоизмѣненную отъ другихъ недѣлимыхъ того же вида, форму; форма эта при благоприятныхъ условіяхъ сложилась случайно, окрѣпла и закончилась чрезъ размноженіе подобныхъ недѣлимыхъ, — и такимъ образомъ произошла новая порода, лучшая и высшая той, отъ которой она произошла. Ученые французскіе находятъ возможнымъ эту теорію перехода видовъ приложить къ человѣческимъ расамъ, доказывая между прочимъ, что одна порода людей не могла бы распространиться во всѣ части земнаго шара, гдѣ теперь встрѣчается человекъ.

Распространеніе изслѣдованій естественно-историческихъ на человека дало и еще нѣкоторые положительные результаты. Уже съ 1839 года Буже де Пертъ составляетъ коллекцію различныхъ предметовъ, встрѣчающихся въ прежнихъ геологическихъ формаціяхъ. Между ними находятся въ значительномъ количествѣ каменные топоры. Въ 1849 году онъ издалъ сочиненіе по этому предмету и достоверность его открытія была подтверждена рядомъ ученыхъ путешественниковъ, разсматривавшихъ его коллекцію. Это дробные эллиптическіе куски, обточенные по всей своей окружности, неполированные и представляющіе множество неровностей и трещинъ. Они найдены въ аллувиумѣ, формаціи, древности которой далеко превосходитъ древность нижнихъ слоевъ вильскаго аллувиума. Въ тѣхъ же слояхъ, гдѣ находятся упомянутые топоры, встрѣчаются остатки первобытнаго слона, ископаемаго быка и т. п., принадлежащія къ исчезнувшимъ породамъ. Два года тому назадъ Фонтенъ открылъ въ Пиренеяхъ двухъ-этажную пещеру, въ верхнемъ этажѣ которой находились различныя кости ископаемыхъ животныхъ вмѣстѣ съ костями человека; внизу же, среди подобныхъ же

кости. шпательныя, острыя стрѣлы изъ оленьяго рога и изъ кости. Эти острѣлы были снабжены на зубчатыхъ и впадинкахъ; какъ бы для помѣщения въ послѣднихъ яды. Въ Англии наша острѣлы стрѣлы, вогнутые въ кости ископаемаго оленя. Въ эти остатки доназываютъ древность человѣческаго рода. Возраженія, при этомъ представляющія (кстати!) оказались несостоятельными. Но всей вѣроятности, эти первые люди изготовляли свои каменные орудія не для битвы, но для рубки и обдѣлки лѣса, который доставляли имъ оружіе. Когда умно было рубить дерево, они ударили однимъ камнемъ о другой; пока его обтачивали; неровности служили для удобнѣшаго обращенія съ этимъ орудіемъ, и чтобы долѣе употребить, его обтачивали по всей окрестности. Впрочемъ форма череповъ этихъ старинныхъ породъ показываетъ ихъ слабое развитіе, сближающее ихъ съ современными шимпанзе. Въ пещерѣ горы Шово, на 40 метровъ ниже долины Мааса, найдены головы съ маленькимъ черепомъ, выдающимися челюстями, наклонными зубами и лицевымъ угломъ въ 70°. Даже въ эпоху, когда люди научились полировать камни, въ эпоху несравненно ближайшую къ историческому времени, жили люди съ плоскими головами (брахицефалы), но изслѣдованіемъ датскаго ученаго Стененстрена. Они полировали камни трѣугольн. въ круглыхъ ямахъ. Не порода людей, которые принадлежатъ топорамъ, найденнымъ Буше де Перть, должна быть несравненно древнѣе тѣхъ, черепа которыхъ найдены въ пещерахъ Шово и въ Даніи. Въ современности состояніи человѣческаго рода Пандоръ Жозефъ Сент-Иллеръ насчитываетъ 12 расъ, и изъ нихъ четыре главныхъ: казакскую, монгольскую, азіатскую и готтентотскую, указывая при этомъ нѣсколько замѣчательныхъ анатомическихкихъ отличій между ними (См. Зап. Февраль).

Принимая во вниманіе изысканія современной науки, принимая во вниманіе безконечную разницу, которая усматривается въ нашемъ отечествѣ между людьми благородными и низкими, почему бы мы не могли отнести послѣднихъ къ тѣмъ низшимъ, первоначальнымъ формамъ людей, отъ которыхъ въ незапамятныя еще времена, при сдѣланныхъ счастливыхъ обстоятельствахъ, нѣсколько недѣльныхъ успѣли отдѣлиться, счастливо организовать и постепенно усовершенствоваться; образовати нынѣшнюю породу людей благородныхъ; или почему бы не отнести ихъ къ потомкамъ ископаемыхъ хотя не тѣхъ, которымъ принадлежатъ каменные топоры; найденные Буше де Перть, а положили тѣхъ, черепа которыхъ найдены въ пещерахъ Шово и Даніи? Намъ кажется, что мужички наши этимъ не обидятся! Да и обидѣться, кажется, нечего. Все таки мы не исключаемъ въ дѣль ихъ изъ числа людей, а относимъ только къ породамъ низшимъ.

Если же мужики не люди, или люди, но низшаго порядка, то того, къ которому принадлежать люди истинно, т. е. благородные, то казалось бы и образовывать ихъ, и даже учить грамотѣ нѣтъ никакой надобности. Такъ дѣйствительно и думали древніе. Тогда мѣня высказывали и нѣкоторые изъ новѣйшихъ государей, любили они почтенныя. Если не ошибаемся, то того же мнѣнія держится и Викторъ Ипатьичъ Аскоковскій. По его мнѣнію, если человекъ красивый вѣру и чистое сердце, то онъ легко можетъ обойтись безъ грамотности; грамотность, пожалуй, еще развратитъ и испугаетъ его.

Какъ ни основательно это мнѣніе, оно оказывается одиознымъ во всемъ удобоприменимымъ на дѣлѣ, уже потому одному, что наше любезное отечество имѣетъ слабость причислять себя къ европейскимъ государствамъ, а въ послѣднихъ образованіе мужиковъ, не называясь почему, почитается дѣломъ необходимости. И не то, чтобы хлопотали объ этомъ только неугомонные либералы, а хлопотать сами правительства. Еще Фридрихъ Вильгельмъ III, немедленно по вступленіи своемъ на прусскій престолъ, далъ слѣдующій замѣчательный приказъ министру Массову:

«Вамъ извѣстно, что на школьное образованіе въ моемъ государствѣ я смотрю какъ на предметъ, заслуживающій всего моего вниманія и заботливости. Ученіе и воспитаніе образуютъ человека и гражданина. То и другое вѣрается обыкновенно школамъ; потому школа имѣетъ весьма важное вліяніе на благосостояніе государства. Это давно уже признано всѣми, и однакожь доселѣ почти исключительно заботились только о такъ называемыхъ ученыхъ школахъ, тогда какъ гораздо болѣе заботливости требовали школы сельскія и школы для горожанъ, какъ потому, что въ этихъ школахъ являлось гораздо большее число монкъ подданныхъ, такъ и потому, что, исключая немногихъ омытовъ, для этихъ школъ доселѣ ничего предпринималось не было. Теперь время позаботиться о приличномъ воспитаніи и крестьянскихъ дѣтей и дѣтей горожанъ. При этомъ должно имѣть въ виду, ту цѣль, чтобы образовывать изъ нихъ благомыслящихъ, покорныхъ и трудолюбивыхъ гражданъ и земледѣльцевъ. Сообразно съ этою цѣлью со всею тщательностію должна быть составлена программа для ихъ ученія. Если будетъ недостатокъ въ деньгахъ, то недостатка этого должно пополнить государству. Я твердо увѣренъ, что вы употребите всѣ силы, чтобы привести въ исполненіе это мое отеческое намѣреніе относительно монкъ подданныхъ.»

Нынѣ Германія учится поголовно. «Дѣти обязаны учиться въ Германіи всѣ безъ исключенія, и, согласно этой обязанности, отъ 6 ж по крайней мѣрѣ до 12 лѣтъ посѣщать школу. Время такой обя-

зачислять будущихъ учащихся для протестантскихъ дѣтей продолжася до дня конфирмаціи. Конфирмація вступаютъ со 13 г., при томъ должна бытъ совершена не позже 30-ти лѣтъ. Кто до 30-го лѣтъ достигнетъ 18-лѣтъ, того конфирмуютъ. После обученія въ будничныхъ школахъ на него возлагается обязанность посѣщенія воскресной школы прежде до 18 лѣтъ, нынѣ до 16-ти лѣтняго возраста. Никто не можетъ принять на себя никакой общественной должности, ни занятія промысломъ, ни ремесломъ, если не представитъ надлежащаго свидѣтельства о посѣщеніи праздничной школы. Обязанности посѣщенія праздничной школы продолжася и во время бытности въ латинскихъ училищахъ или гимназіяхъ. Судьямъ, ученики и подмастерья ремесленниковъ и торговцевъ отъ такого посѣщенія не увольняются. Все предложенія о продолженіи ученія въ будничныхъ школахъ и сокращеніи урока для посѣщенія праздничныхъ до 1856 года рѣшительно отвергались. Въ этомъ случаѣ продолженіе среди будничныхъ школъ для католиковъ до достиженія ими 13-ти лѣтняго возраста, воскресное ученіе сокращено 2-мя годами для всѣхъ исповѣданій, обязательный срокъ наученія закона Божія до 16-ти лѣтняго возраста остался и теперь въ силѣ. Положеніемъ 1856 года, настоящее обученіе и частныя воспитательныя заведенія подчинены строгому контролю, дабы подъ видомъ частнаго обученія, часто допускающаго послабленіе, не обходились обязанности посѣщать школу.

«Давать дозволеніе заниматься частнымъ преподаваніемъ предоставлено низшимъ инстанціямъ управленія. Дабы ни одно дитя и на самое короткое время при переходѣ въ другой училищный округъ не могло ускользнуть отъ школьнаго ученія, назначается время для перебеда и даже требуется удостовѣреніе въ дѣйствительности платежа по перекоду» («Русск. Педаг. Вѣст.» № 2).

Изъ приведеннаго нами приказа Фридриха Вильгельма III-го читатель усмотрѣлъ уже, что грамотность необходима не только для самаго народа, но и для государства, образуя изъ народа гражданъ благочестивыхъ, покорныхъ... Въ этомъ отношеніи у насъ очень много признаютъ необходимость грамотности, какъ средства для религіознаго воспитанія народа, весьма мало знакомаго съ истинными религіозными понятіями. Одинъ начальникъ, во время своихъ объѣздовъ по селамъ и деревнямъ, усмотрѣлъ разительное и ужасяющее явленіе религіознаго невѣжества въ народѣ. Не только въ мѣстахъ степныхъ, но и въ селамъ торговыхъ и даже подгородныхъ, гдѣ самыя условія быта способствуютъ къ общенію съ людьми евангеліе заветія и слѣдовательно всякаго развитія, много не вѣжеть ни мѣстнаго понатія о св. Троицѣ, — о Иисусѣ Христѣ

знаютъ только то, что ему надо молиться; но молиться также, какъ Микодъ и Митрофаніе угодишканъ, — Пресвятой Дѣвѣ Маріи такъ бы и не слѣдъвало вовсе, а если когда на молитвѣ и являлась Богородица, то или совершенно безсознательно, или представляя себѣ что-то неопредѣленное, чему также слѣдуетъ молиться («Рус. Изв.» № 100).

Но грамотность нужна для народа не только въ видахъ наставленія его въ религіи, въ видахъ образованія благочестивыхъ и покорныхъ гражданъ, но и въ видахъ сельско-хозяйственныхъ, въ видахъ принятія къ народу разныхъ улучшеній въ земледѣліи, въ домашнемъ быту и т. д. Вотъ что говоритъ по этому предмету одинъ сельскій козацкъ:

«Возможна ли предприимчивость въ народѣ, смотрящій только на всякое орудіе, болтающій, какъ звѣрь, какъ переносительство на личность или собственность всякаго улучшенія (невозвращенія) въ земледѣльчествѣ, ремесленномъ или другомъ трудѣ. Даже улучшенія въ собственномъ быту поселенцевъ, какъ бы они видны, обязательны имъ были, но доступны крестьянину, но понимающему ихъ пользу, ихъ выгоды этого улучшенія. Скажите, напримеръ, чтобы онъ поставилъ свою избу на каменномъ фундаментѣ; или хотя на каменныхъ (или въ деревянныхъ) столбахъ, даже тамъ, гдѣ камень подъ бочкомъ, бери, сколько хочешь, а лѣсъ далеко и дорогъ; доказывайте ему, сколько хотите, что это выгодно, что это чистое освобожденіе денегъ и труда, что избу скоро падаетъ, изба развалится, а на каменѣ она простоятъ долго безъ поправки, онъ ни за что не послушаетъ, никакія убѣжденія, примѣры, даже примеровъ не подѣлываютъ; его надо было заставить это сдѣлать насильно (подъ страхомъ наказанія) для его собственнаго блага. Скажите ему, чтобы онъ исправилъ дорогу, заровнялъ канавку, водометну или рывану, которую ежедневно шрефашаетъ, иначе онъ потеряетъ много хлѣба (отъ разструги) при перевозѣ и добавокъ изломаетъ телосу, онъ не послушаетъ, и хотя точно изломаетъ телосу разъ, другой, — дороги все-таки не заровняются; тогда какъ на поправку дорогъ требуется гораздо меньше времени, чѣмъ на починку телоса. Посоветуйте ему подновить лошадь въ голомядну, докажите ему необходимость примѣромъ сосѣда, у котораго, въ прошлую осень, некая лошадь изломала ногу, падая, — онъ не послушался. Посоветуйте не наладывать въ гору такія спромыки. Посоветуйте, сколько хотите, что въ этомъ нѣтъ никакого расчета, что онъ оворѣ въ два раза перевезетъ то же и новѣе заворитъ лошадь, нежели втянетъ разъ очень тяжелый возъ, что лошадь можетъ надорваться; нѣтъ, не послушаетъ, будетъ цѣлый часъ быть самымъ несчастнымъ».

животное, чтобы оно встало возъ не по силамъ, збѣетъ ее до полусмерти; лошади надорвется, онъ ее продастъ татарамъ по негодности за безцѣнокъ, и въ будущемъ году будетъ опять накладывать такіе же возы. Скажите ему, что хлѣбъ на его полѣ перезарѣлъ, что пора жать, иначе высьшитя, посоветуйте ему самому убѣдиться въ оправданности вашихъ словъ (сжавъ $\frac{1}{4}$ десятины во-время), ни за что не исполнить, не послѣдуетъ даже примѣру, особенно если выгодныхъ послѣдствій достигъ не мужикъ простой, а помѣщикъ, колонистъ и оброкъ-содержатель.»

«Но всего не перечислишь. Даже самаго доступнаго понятіемъ крестьянъ и ихъ быту, изъ того, что поселеникъ легко бы могъ сдѣлать лучше, не дѣлаетъ потому только, что закаленъ въ невѣжественной неподвижности. Послѣ этого и подавно возможно ли введеніе порядка, образованнаго административнаго устройства, среди народа совершенно невѣжественнаго? Возможно ли искорененіе расколовъ въ народѣ, неизмѣняемъ никакихъ понятій о правилахъ вѣры? Если признавать расколы нравственными болѣзнями, эпидеміями, то надобно и дѣйствовать противъ нихъ точно такъ, какъ дѣйствуютъ противъ эпидеміи. Начинаютъ лечить не только заболѣвшихъ, — ихъ часто лечатъ бываетъ уже поздно, а стараются предотвратить распространеніе эпидеміи на здоровыхъ, укрѣпивъ ихъ физическія силы правильнымъ образомъ жизни (гигіеною). Надобно связать народъ съ церковью, укрѣпивъ его въ правилахъ вѣры и христіанскаго благочестія познаніемъ евангельскихъ истинъ и наставленій. Отчего расколы такъ распространяются? Оттого, что всѣ раскольники и сектанты болѣею частію грамотны, хотя мало и тверды въ правилахъ своей вѣры и убѣжденіяхъ, каковы бы они ни были; тогда какъ нашъ православный мужичокъ только крестное знаменіе твердитъ, а рѣдкій знаетъ только молитву Господню наизусть, не понимая смысла ея; о правилахъ своей вѣры и богослуженія никто понятія не имѣетъ. Всѣ иновѣрцы не только христіанскихъ исповѣданій, но даже евреи и магометане грамотны, хотя настолько, что могутъ читать въ воскресные дни свои духовныя книги, а нашъ православный поселеникъ лишентъ этого утѣшенія и нравственно-полезнаго прейпровожденія времени» («Экон. Зап.» № 2).

Изъ всѣхъ приведенныхъ нами соображеній очевидно, что грамотность для мужиковъ необходима.

Другое дѣло — образованіе ихъ высшими наукамъ. Это для нихъ уже излишнее, ничѣмъ неоправдываемая роскошь. Правда, либералы и здѣсь кричатъ за мужиковъ. Они говорятъ, что каждый талантъ есть капиталъ для государства даже въ экономическомъ отношеніи, что въ массахъ родится множество талантовъ, что если ихъ закрыть

путь къ высшему образованію, то государство будетъ разорять само себя. Еще Платонъ въ своей «Республикѣ» говорилъ, что одни золотыя созданы владычествовать. Но такъ какъ золотой человекъ можетъ быть отцомъ жемчужинамъ, то предъ рожденіемъ должно дѣтей всѣхъ перемѣшивать и по обнаруженію способностей отдѣлать лучшійхъ отъ худшійхъ. О нѣмецкихъ писателяхъ извѣстно, что почти всѣ они, а особенно лучшіе изъ нихъ, были изъ разночинцевъ. Наши либералы разсуждаютъ объ этомъ, такимъ образомъ: «если мы станемъ разсматривать образованіе съ экономической точки зрѣнія, то увидимъ, что образованіе составляетъ пожизненный капиталъ индивидуума и сильнѣйшее орудіе человечества для дальнѣйшаго развитія своего благосостоянія, своихъ богатствъ. Образованіе этого капитала есть самая выгодная промышленная операція государства, ибо капиталъ этого рода, что онъ не можетъ служить къ удовлетворенію инаго потребленія, кромѣ *производительнаго* — это его характеристическая черта, — и если еще до сихъ поръ неощѣнено вполнѣ это экономическое его достоинство, то единственно потому, что до нашихъ временъ всѣ болѣе или менѣе заражены были дуализмомъ, который вошелъ въ плоть и кровь нашей мысли. Образованіе, разсматриваемое, какъ самый надежный и полезный капиталъ, представляетъ обществу самую выгодную затрату и помещеніе капиталовъ, и потому въ интересѣ самаго государства — доставлять помощь желающимъ продолжать свое интеллектуальное развитіе въ какомъ нибудь изъ высшихъ учебныхъ заведеній; государство, чтобы не пострадало его экономическіе интересы, должно только наблюдать, дѣйствительно ли въ субъектѣ, къ которому оно приложило часть своихъ матеріальныхъ запасовъ, находится на столько способностей, что присоединеніе къ нимъ первыхъ не будетъ безплодно и приведетъ человека, который въ состояніи будетъ вознаграждать общество, за данныя ему въ заемъ средства: выдѣлать или свою дѣятельностію, или выдѣлать ихъ ему деньгами съ надлежащими процентами.» — «Въ дѣлѣ образованія матеріальная затрата на ученіе, хотя и необходима, но чрезвычайно мала въ сравненіи съ чистымъ доходомъ, получаемымъ отъ присоединенія ея къ хорошимъ способностямъ человека; общество и человекъ — это не два, а одно существо, и правительство, развивая личность, развиваетъ и укрѣпляетъ само себя. Получивъ высшее образованіе, личность выигрываетъ, но общество выигрываетъ оттого вдесятеро, ибо плоды и результаты этого образованія имѣютъ характеръ чистого общественнаго» («Русск. Пед. В.» 1860. № X).

Все это мы припомнимъ здѣсь, впрочемъ, не потому, чтобы сами сочувствовали всѣмъ этимъ мыслямъ, а для того только, чтобы пред-

ставили читателю..образчики: страничек и листовыхъ книжекъ и безработь. Семь же мы, малютки, думаемъ, что нѣтъ никакой нужды давать мужикамъ доступъ къ высшему образованию. Что на взглядъ, что въ государствѣ будетъ много Ломоносовыхъ, Жюльдовыхъ и т. д. Государство мало можетъ чувствовать потребности въ ученыхъ, поэтахъ и т. д. Ему болѣе нужны солдаты, чиновники, ремесленники, чернорабочіе и т. п. Впрочемъ, и безъ ученыхъ и особенно безъ поэтовъ государство никогда не останется. Въ случаѣ нужды во части поэзіи юридической подтануть и князь Вяземскій, и князь Кугушевъ, и графъ Соллогубъ и др. А давать мужикамъ доступъ къ образованию неудобно уже и потому, говоритъ баронъ Николай, что этигъ неуклюженно возбуждаются въ нихъ потребности, историкъ они въ настоящее время не имѣютъ, и которымъ удовлетворить не всегда въ состояніи. А кромѣ того баронъ Николай думаетъ, если всѣ мужики пойдутъ въ университетъ, кто же будетъ землю пахать? — Пожалуй, такъ мы насидимся безъ и хлѣба. Однимъ словомъ: мы совершенно согласны съ барономъ Николаемъ, который рассуждаетъ объ этомъ предметѣ такъ резонно, что мы поставили за особенное удовольствіе украсить нашу статью его подлинными словами.

«Никакое благоразумное правительство не только не захочетъ пригласить земледѣльца, чернорабочаго, однимъ словомъ—ословіе, живущее трудами рукъ своихъ, къ такому образованию, которое причино и нужно для ословія, дѣйствующаго на поприщѣ духовномъ, государственномъ и учебномъ, но сочтетъ необходимымъ направить каждое ословіе къ той степени просвѣщенія, которая, удовлетворяя его нравственнымъ способностямъ, не создала бы нужды искусственныхъ, неудовлетворимыхъ, порождающихъ только неудовольствіе, зависть и тѣ чувства *междуословья*, которыя въ разныхъ странахъ Европы такъ много способствовали къ потрясенію общественнаго порядка и къ разстройству народнаго благосостоянія.

«Если сынъ земледѣльца поступаетъ въ университетъ, то онъ, вѣроятно, по окончаніи курса не обратится къ полевымъ работамъ и не проведетъ жизнь свою въ плугомъ, на повозкѣ, каменщикомъ или столяромъ; онъ сдѣлается или медикомъ, или чиновникомъ, или ученымъ, или промышленникомъ въ огромныхъ размѣрахъ, т. е. главою какого нибудь промышленнаго заведенія; и если бы всѣ мужики пошли въ университетъ, то мы остались бы при одной духовной пищѣ, безъ хлѣба, что было бы довольно неудобно.

«Анархисты и социалисты болѣею частію принадлежатъ къ такому разряду людей, которые отстали отъ бѣдныхъ и слабыхъ классовъ, и глумятся ими; которые учившись, но недоучившись, считаютъ себя духовно превосходными, и желая пристать къ другимъ

соблюдать; готовы идти каждому за готовностью принимать его манное духовное провозглашение. Для глупыхъ людей разрушеніе всего существующаго есть вѣрнѣйшій способъ выйти изъ дѣтскаго положенія. Если бы они остались въ той сферѣ, къ которой они были предназначены, если бы они знали землю или шили сапоги, вместо того, чтобы слушать курсы, не дослушать ихъ, то имѣла бы обезпеченное существованіе; они не нуждались бы въ томъ, чтобы жить и наслаждаться на счетъ общественнаго спокойствія, *Schulter bloß bei deinen Leisten*, также старая, но хорошая поговорка; въ тотъ день, когда всѣ мужики захотятъ идти въ университетъ, приговоръ общества будетъ произнесенъ. Для теорій это можетъ быть приговорно; но на практикѣ это такъ; всякому человеку можно предложить только то, что онъ можетъ переварить» («Русск. Педаг.» Вѣст. 1860. № X, VII).

Всѣ эти разсужденія барона Нинголан такъ милы и такъ наивны, что даже трогать ихъ жалъ. *Quiescant in pace!*

Переходимъ теперь къ вопросу о женщинахъ. Женщины—люди ли?—Вопросъ этотъ для рѣшенія гораздо труднѣе намъ, точнѣе сказать, щекотливѣе, чѣмъ вопросъ о мужчинахъ. Относительно женщинъ существуютъ мнѣнія самыя крайнія. Одни говорятъ, что онѣ несравненно выше мужчинъ, другія, — что онѣ безконечно выше ихъ. И такъ какъ мнѣнія эти крайнія, то сторонники того и другаго мнѣнія никакъ не могутъ разсуждать спокойно и готовы идти на ножи. Потому разсуждать и рго и сонга становить весьма опасно.

Если мы съ вопросомъ о женщинахъ обратимся къ древности; то увидимъ, что древность была не особенно дѣстнаго мнѣнія о женщинахъ. О востокѣ ничего не говоримъ. Весь Востокъ держалъ женщину въ жемчужныхъ рукахъ. Въ Индіи жена была рабой мужа, и деспотизмъ послѣдняго освященъ священной религіей. Законъ Ману говоритъ: «Женщина вѣковѣ зависитъ отъ своего мужа, своихъ дѣтей, ближайшихъ и мужей родственниковъ и никогда не можетъ управлять сама собою. Если бы мужъ ея вѣлъ жизнь самую порочную, если бы онъ не имѣлъ ни одного добраго качества, — то жена и тогда должна постоленно чтить его, какъ Бога». По религіозному взгляду индійцевъ рожденіе дочерей почиталось послѣдствіемъ множества грѣховъ, совершенныхъ дедушкою, за которые и послѣдній присуждался къ рожденію дѣвочки? Законъ дозволяетъ мужчине подъ всякимъ возможнымъ предлогомъ оставлять жену, но жена ни въ какомъ случаѣ не могла оставить мужа, ни просить развода съ нимъ. Но народной вѣрѣ индійская жена могла въ двухъ случаяхъ получить небесное блаженство—когда она оказывала безусловную, рабскую покорность своему мужу, или когда воспитывала сына; который могъ свер-

нить надъ сою потребными церемоніи. Мужество первоначальныхъ дѣлателей было усмирительно.

Въ Китаѣ въ рожденіи дѣтей смотрѣли, какъ на священное предсказаніе. Женщины имѣли такое же значеніе въ домѣ, какъ раба. Мужъ есть «себя» своей жены, жена только «тыя его» и «его». Мужъ имѣетъ право оставить свою жену, если она ему не нравится. Общественныхъ въ женщинахъ народовъ варварскихъ имѣть нужды говорить; они всѣмъ извѣстны. Потому обращаемся къ древнимъ образованнымъ народамъ, грекамъ и римлянамъ.

Положеніе женщины въ Греціи и Римѣ было лучше въ первоначальные времена этихъ государствъ, чѣмъ впоследствии, когда достоинство людей стало оцѣниваться исключительно политическимъ ихъ значеніемъ. Уже потому самому, что женщина не играла никакой роли на политической аренѣ, что ея дѣятельность ограничивалась только домашними занятіями, она могла занимать въ общественной лѣстницѣ мѣсто самое незначительное. Въ Афинахъ женщина могла наследовать въ томъ только случаѣ, когда не было наследниковъ мужескаго пола. Сыновья наследовали равныя части, дочерямъ выдѣлялось наследство по усмотрѣнію ихъ братьевъ. Женщины почитались какъ бы несовершеннѣйшими и въ отношеніи дѣтей были бессильны противъ отеческой власти мужчинъ. Браки заключались безъ взаимнаго согласія брачующихся, отецъ самъ изъявлялъ согласіе за своихъ дѣтей, не спрашивая о ихъ склонности. Объ образованіи женщинъ заботились весьма мало; оно ограничивалось болѣею частию только музыкою. Государственные мужи и философы любили проводить время не съ замужними женщинами, а съ гетеранми, которые при тѣлесной прелести блещали и умственнымъ образованіемъ, какъ, напримеръ, Аспазія. Аристотель говоритъ о женщинахъ: «если она имѣетъ волю, то эта воля есть права, и если она способна къ добродѣтели; то это добродѣтели малымъ чѣмъ отличается отъ добродѣтели рабовъ. Мужъ востановляетъ душу, которой принадлежитъ господство, а женщина только тѣло, которое должно пощиваться. Онъ же говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что женщины представляютъ собою родъ чудовищъ и служатъ началомъ къ извращенію натуръ. Платонъ говоритъ въ своемъ Тимеевѣ: «кто жилъ беззаконно, тотъ во второмъ своемъ рожденіи переходитъ въ тѣло женщины, — а если онъ и здѣсь не отстанетъ отъ зла, то переходитъ за тѣмъ во образъ какого нибудь другого подобнаго ей животнаго».

У римлянъ женщина также не пользовалась полными правами членовѣстности. Выходя замужъ, она переходила изъ дома отца, по юридическому выраженію, въ руку мужа и дѣлалась въ домѣ

она сама, по вѣрѣ ерѣмеева. Она могла поступити се другому, ну жу, какъ Катонъ уступилъ свою жену другому, своему Гартенію. Да, временными мужа, она составляла для нѣгъ окаяныя, по своей нѣжа подлѣ ея мужа мундштукъ родственника. Въ Римѣ; мать вѣв. Греція, мужъ могъ умертвить свою пресупную жену, или; если нѣтъ не хотѣлъ жить самъ въamorâloniъ своей чести, могла ерѣмоси. вавносъ; жалобу, тогда мать, жена не жила права жаловаться на вѣвѣрность своего мужа.

Такъ смотрѣли на женщину въ древности. Въ новѣйшія времена, въ большинствѣ европейскихъ обществъ, взглядъ на женщину установился совершенно другой. Къ этому большинству пристали и многіе изъ нашихъ россіянъ. Нынѣ во многихъ нашихъ ученыхъ обществахъ женщины принимаются въ члены, несмотря на то, что у нихъ нѣтъ ученыхъ дипломовъ. А насчетъ дипломовъ, извѣстно, какъ щекотливы наши ученые общества! Лучше свѣдѣній никакихъ не имѣй и дѣла никакого не дѣлай, а ученый дипломъ чтобъ непременно былъ! Вновь рождающееся Общество поощренія промышленныхъ способностей простерло свою любезность къ женщинамъ до того, что значительную часть перваго своего засѣданія употребило на разрѣшеніе глубокомысленнаго вопроса о томъ: могутъ ли женщины, *сдѣлавшись уже членами общества*, занимать должности президентовъ, вице-президентовъ, секретарей въ обществахъ и т. п., и съ Божіею помощію рѣшило вопросъ этотъ въ пользу женщинъ.

Мы также не безразличны къ женщинамъ и полагаемъ, что женщины, по крайней мѣрѣ, участвъ въ Россіи нѣтъ, не хуже мужчинъ, а даже, поучше для; въ границахъ мы не бывали. Мы нѣтъ никакого обязательнаго признака, дѣ общественной дѣятельности, они однакожъ принимаютъ, на сколько могутъ, горячее участіе въ совершающейся дѣятельности. Во многихъ городахъ образуются разныя женскія общества съ извѣстными цѣлями для пользы общественной. Такъ въ Саратовѣ образовалось недавно женское благотворительное общество; за Кавказемъ общество св. Анны для распространенія на Кавказѣ просвѣщенія; въ Москвѣ основалось недавно общество распространенія полезныхъ книгъ въ народъ; это общество не исключительно женское, но женщины приняли въ немъ самое дѣятельное участіе. Это общество особенно заинтересовало насъ въ свою пользу. Мы даже уже читали объ учрежденіи общества распространенія полезныхъ книгъ для народа. Но никакъ не думали, чтобы инициатива учрежденія этого общества и самое учрежденіе принадлежали женщинамъ. И потому были пріятно изумлены, когда прочитали, что честь эта принадлежитъ дѣйствительно женщинамъ. Частая дѣлеть.

тебѣ въ особенное удовольствие передавать сообщенія о чинахъ учрежденія обществу.

Въ пятницу 27 января была первое собраніе этого общества, въ которомъ предложено было собраніемъ присутствующимъ изборить комитетъ нацѣль, доконституціонныхъ составныхъ управленіе общества. Не прежде чѣмъ предложено было къ избранію, люди изъ членовъ общества Г. Н. Геннадіи предложилъ изъяснить беззадерность составленіемъ временный комитетъ членамъ, учредителямъ съ нѣхъ предварительные труды по устройству общества и не избирать отдѣльно каждаго изъ нихъ, а утвердить зесь комитетъ въ цѣльяхъ его составленія. Предложеніе это было поддержано баллотированіемъ и принято большинствомъ голосовъ. Комитетъ утвержденъ обществомъ въ слѣдующемъ составѣ:

1-й отдѣлъ — книги духовно-просвѣдительно-поддержанія:

Кн. Дар. Андр. Голицына, кн. Елиз. Петр. Долгорукова, Ан. Пет. Исакова, кн. Соф. В. Мещерская. Сотрудники: протоіерей Серг. Григ. Терновскій, священникъ Вас. Алексѣев. Погожевъ.

2-й отдѣлъ — учебники:

Кн. Ек. Вл. Гагарина, Ек. Алексѣев. Палтова, Вар. Евг. Чертова, Сотрудники: Г. Н. Геннадіи, И. И. Красовскій, Н. Н. Павловъ, Н. О. Самарцкъ.

3-й отдѣлъ — книги для дѣтей:

Нат. Юр. Арсеньевъ, Елиз. Степ. Давыдовъ, Ол. Ал. Ковалевскій, кн. Алкои. Петр. Урусова. Сотрудники: Дн. Кан. Говинъ.

4-й отдѣлъ — литература:

Пел. Пав. Ахлестышева, кн. Ек. Ник. Ливень, граф. Елиз. Вас. Сальясъ, кн. Нат. Борис. Трубецкая. Сотрудники: В. И. Герье, кн. Н. А. Долгорукой, О. И. Тимирязевъ.

5-й отдѣлъ — домоводство, естествознаніе и проч.:

Гр. Елиз. Никол. Голденъ, Елиз. Алексѣев. Драгусова, кн. Ал. Дн. Оболенскія, кн. Марья. Пана. Щербанова. Сотрудники: Н. С. Арсеньевъ, Г. В. Дмитревскій, А. П. Ефремовъ, А. З. Зиньковъ.

Сотрудникъ предсѣдательницы: Мих. Ник. Капустинъ.

Предсѣдательницею избрана Александра Николаевна Стрелкова (М. В. № 103).

... Петербургское общество поощрять таланты и таланты способностей доселѣ не может довольно надвинуться: какими образомъ могло такъ сильнае московское общество, безъ всякаго правдиданія, избрать даму председателницею общества? Вотъ оно, общество поощрять таланты и таланты способностей, если и сдѣлаетъ это, такъ оно предвзвѣтельно дорожитъ обсужденою въ ней, предвѣтъ, т. е. что дана «дань» не можетъ быть и предвѣдѣльницею.

Мы съ своей стороны въ удивленіе отъ этого не приходимъ, — и радуемся отъ души, что наши дамы стали сами смотрѣть на себя, какъ на полныхъ человекъ и принимать дѣятельное участіе въ общественномъ дѣлѣ... При этомъ приходимъ намъ на память старинный еврейскій анекдотъ:

Когда-то и гдѣ-то былъ чудный садовникъ, который отращивалъ прекрасныя розы... Въ одинъ день розы стали просить его, чтобы онъ сшилъ имъ золотыя и шелковыя богатыя платья. Садовникъ понималъ истинную красоту розъ, и жаль ему было одѣть ихъ въ неуклюжія, хотя и другія платья, но по слабости сердца онъ не могъ отказать розамъ въ ихъ просьбѣ и одѣлъ ихъ въ блестящія платья. Тогда, посмотрѣвъ на розы, засмѣялись большія деревья, которыя росли близъ розъ, а съ ними засмѣялись и всѣ полевые цвѣты. Розы до маковокъ были въ золотѣ и шелку, и воздухъ вокругъ нихъ уже не пахъ маковкою, а пахъ сладостными ихъ благоуханіемъ.

Смыслъ притчи сей таковъ, что у всякой розы есть такія достоинства, передъ которыми ничтожны титулы и богатыя тряпки...

Если ко всему нами вышесказанному мы присовокупимъ еще, что нѣкоторыя изъ нашихъ женщинъ стали выказывать недовольство своимъ образованіемъ, которое дается въ институтѣхъ, и храбро идутъ слушать лекціи въ университетѣ, несмотря на нѣкоторыя несправедливости, встрѣчаемыя ими здѣсь, то читатель пойметъ, почему мы убѣждены, что женщины не только не хуже, но выше мужчинъ...

Впрочемъ, читатель, такъ какъ мы привыкли уже всегда говорить тебѣ правду, то не скроемъ и теперь, что не одно это убѣжденіе заставляетъ насъ такъ говорить о женщинахъ, а и опасеніе огорчить людей образованныхъ. У всѣхъ еще въ свѣжей памяти, съ какими недавно громами вышли они противъ «Иллюстраціи», осмѣлившейся сказать какое-то оскорбительное слово противъ евреевъ. Мы видѣли тогда цѣлый шумъ протестовъ. Воображаемъ! какими баюнами разразились громами, если бы увидѣли, что мы во «внутреннемъ обозрѣніи» вмѣсто того, чтобы защищать — стали наспровождать права женщинъ? Правда, мы могли бы вопросъ о женщинахъ поставить въ другомъ видѣ въ параллель вопросу о мужчинахъ т. е. могли бы не то изслѣдовать: женщины — люди ли? Что женщины благородныя —

люди, — въ этомъ еднѣи удивляясь, но не поговоришь. А мальчишки перерывскія бабы? ..

Но, приходясь, мы вынуждены ставить вопросъ даже въ такой видѣ, потому что не знаемъ, какъ на это взглянуть. Какъ бы? Поэтому и рѣшаемся доказать обоимъ всѣхъ женщиныамъ, что онѣ не только люди, но и люди, по преимуществу, гораздо высшихъ мужичишъ, тѣмъ болѣе, что у насъ полъ румынскости, диоскоритизма, гай это и доказано самыми неспорными образцами ..

«Какъ же это», спроситъ нашъ читатель: «вѣдь это будетъ противорѣчье: мужичишъ говоримъ вы, люди низшаго порядка, а бабы — женщины ихъ — будутъ выше мужичишъ даже высшего порядка, — это какъ?»

Благосклонный читатель! Мы уже предупредили васъ, что у насъ противорѣчій едина бѣда, что бабы этого мы вовсе не можемъ сказать. Уже какъ это, тамъ случилось, что женщины вѣшь сартовъ и вдовъ, выданъ, выданъ мучилъ: вѣшь же сартовъ и вдовъ, только выданъ. Вотъ вамъ и доказательство.

«Хотя вѣшь, низшаго, по сущности души, между мужемъ и женою, много зреть другиямъ: преимущества, и въ обонхъ равнаго достоинства врожденно свободное произволіе, но что принадлежить, да прочее, кромѣ оидности души въ человекѣ, въ томъ *орекскій, знаменитый родъ* превосходитъ суровости мужичишъ *безкомечна*. Истина сія тѣмъ безусловное покажется, когда она, (въ чемъ состоитъ и измѣренье чаше) по вымыслоннымъ и украшоннымъ словамъ, чужде логическими и вросилетельными рѣченіями, коими многіе соизскы другияхъ уловить обоняетъ: до сколько свидѣтельствомъ превосходныхъ писателей; истинными додствораженіи и дельными доводами — не только евангеліи, дисаціи и обоете драве уаконовиши — доказана будетъ. И такъ, во первыхъ, чтобъ приступить къ самому дѣлу: мена тѣмъ превосходитье мужишъ, чѣмъ превосходитье она: подумиша чина, ибо Адамъ значить земля, да противъ того Ева — землѣи знаменуетъ. Чего ради, сколько землѣи жизнь земли превосходитье, столько мена должна быть предпочтена мужу. Но: не пожелъ бы кто слабымъ сіе доказательствомъ, чтобъ изъ имени заключать о вещахъ: самое. Особливо знаемъ мы, что дѣшній Творецъ вещей и наименовалъ онѣхъ познавъ прежде вещи, нежели именовалъ емы, который какъ наималѣйшей не могъ учинить погрѣшности, то такіа имена далъ онимъ, которыа бы естество, свойства и употребленіе вещей изобразали.

«Въ твореніи Богъ поступалъ такимъ порядкомъ, что отъ одного превосходнаго дѣла начиная, претавалъ на другомъ превосходѣйшемъ. И такъ, воиервыхъ, Богъ сотворилъ безплотныхъ

ангеломъ, а потому и чуждыми, и чуждыми души. Но Августинъ мнитъ, что душа перваго чловѣка прежде произведенія тѣла сотворена съ ангелами купно. Потому сотворилъ неразрушимыя тѣла, какъ-то небеса, звѣзды и стиккіи: говорю—неразрушимыя, впрочемъ разнымъ переменамъ подлежащія; изъ которыхъ всѣмъ ярочіи, разрушенію подверженныя; создавъ, отъ низшихъ по степенямъ достоинства восходя обратно къ совершенію всего свѣта. Отсюда, во первыхъ, произешли минералы; потомъ растущія, то есть дрова и былія, наконецъ животныя: то есть звѣри: просмыкающіеся, плавающіе; летающіе и четвероногіе; послѣдними же сотворилъ подобныхъ себѣ двухъ чловѣкъ; мужа, говорю, прежде, а потомъ жену, въ которой приведенъ изъ окончанія созданія небеса, земля и всѣ ея украшенія; ибо Творецъ, создавъ жену, опочилъ отъ дѣла творенія, и въ ней совершилась вся премудрость и власть Создателя, сверхъ которой не находится болѣе твари, ниже выдуманна быть можетъ. И такъ понеже жена есть послѣднее изъ сотворенныхъ, конецъ и дополненіе всѣхъ дѣлъ Божіихъ и совершеніе всего свѣта, то кто поспоритъ, чтобъ она не была превосходнѣйшая всѣхъ тварей, безъ которой свѣтъ, будучи уже совершенъ, конечно, и во всемъ недостаточенъ, остался бы несовершеннымъ, каковымъ онъ не никакъ могъ унизиться, какъ въ твари, далеко всѣхъ совершеннѣйшей. Ибо несогласно съ разумомъ и думать претивно, чтобъ Богъ хотѣлъ совершить такое и толкое дѣло, нѣкоторымъ несовершеннымъ. Особенно, когда свѣтъ самъ по себѣ, какъ всецѣлый и совершеннѣйшій кругъ, отъ Бога созданъ, то надобно было ему такою частицею приведену быть къ окончанію, которая бы изъ всѣхъ первою и послѣднью, нераздѣлимую нѣкоторымъ союзомъ, въ себѣ соединяла. Такъ жена въ сотвореніи свѣта по времени, между всѣми тварями была послѣдняя, но она же съ превосходствомъ и достоинствомъ въ смыслѣ божескомъ расположеніи была и первая: есть общее эмблематическое мнѣніе, что конецъ въ твореніи есть всегда первый, во въ произведеніи—послѣдній; жена же была послѣднее дѣло Божіе, введена отъ него въ свѣтъ, какъ дарница въ чертоги, ей предуготованью, украшеніе и во всемъ совершеніе, — и такъ по достоинству ей вся тварь подвергается и повинуетъ, которая всѣхъ тварей есть властница, также конецъ; совершеніе и слава совершенная.

«Сколько, въ разсужденіи мѣста, на которомъ жена сотворена, преимуществомъ рода превышаетъ мужа,—священное писаніе весьма достаточно свидѣтельствуетъ, когда объявляетъ, что жена въ раю превосходнѣйшемъ и наипрекраснѣйшемъ сотворена мѣстѣ; напротивъ того, мужъ въ онаго, на простомъ полѣ, съ животными и

звѣрми вмѣстѣ, а потомъ уже для созданной жены въ рай введенъ былъ. Почему жена особеннымъ естества даромъ какъ бы приобыкши къ высочайшему сотворенію своего мѣсту, съ высоты внизъ смотря, не чувствуетъ нисколько робости и происходящей оттого перемены, ниже слабѣетъ зракъ ея, какъ дѣлается съ мужчинами; кромѣ того, когда случится тонуть женщинѣ вмѣстѣ съ мужчиною, не имѣя уже нисколько посторонней помощи, она больше бываетъ на поверхности воды, а мужчина опускается ко дну скорѣе. Что же преимущество мѣста много даетъ преимуществъ человѣку, — гражданскіе законы и священное писаніе ясно утверждаютъ: не меньше также обыкновенно у всѣхъ народовъ наблюдается, что не только люди, но нѣкоторые животныя и самыя вещи, чѣмъ которыя изъ знатнѣйшаго происходятъ мѣста, тѣмъ изящнѣйшими почитаются.

«Теперь къ другому поступимъ: превосходить жена мужа веществомъ творенія, потому что она не изъ неживотворенной нѣкоей и простой сотворена земли, какъ мужъ, но изъ матеріи очищенной, оживленной и одушевленной, — души, говорю, разумной, участвующей божественнаго смысла. Къ сему слѣдуетъ, что мужъ изъ земли, которая по своему естеству всѣхъ родовъ животныхъ производитъ, содѣйствующей небесной силѣ, созданъ отъ Бога; жена же безъ всякой содѣйствующей силы сотворена единственно отъ Бога, во всемъ о себѣ свѣдуща, цѣла, и совершенна; а мужъ съ своей стороны чувствуетъ недостатокъ въ лишеніи ребра, изъ котораго жена содѣлана, когда Адамъ погруженъ былъ глубокимъ сномъ, такъ что не чувствовалъ, что оное изъ него взято было Богомъ, и женѣ дано. Вслѣдствіе сего мужъ есть естества дѣло, а жена — единственно Божіе.

«И потому жена божескаго сіянія въ себѣ показывается болѣе мужа и всегда исполнена онаго бываетъ, что и доселѣ ясно видѣть можно въ чистотѣ ея и красотѣ удивительной. Ибо самая красота есть не что иное, какъ Божескаго лица и свѣта сіяніе, вещамъ дарованное и блистающее въ тѣлахъ прекрасныхъ. Оное всемирно обитаетъ и наполняетъ болѣе женъ, нежели мужей. Отсюда женское тѣло какъ по взору, такъ и по осязанію есть нанизкнѣйшее; цвѣтъ блистательный и бѣлый; кожа тончайшая и прозрачная; голова стройная, кудри прекрасныя, волосы мягкіе, свѣтлѣющіеся и длинныя, взоръ милый и взглядъ веселый, лицо всего прекраснѣе, шея бѣлизною молоку подобная, лобъ порядочный и пространный, глаза имѣютъ плѣняющіе и сіяющіе, въ которыхъ усмотрѣть можно любезную веселость съ благосклонностію соединенную, выше ихъ брови, представляющія два тонкихъ полукруга; а притомъ съ приличною плоскостію и пристойнымъ разстояніемъ раздѣленныя, отъ

средины которыхъ начинается носъ ровный и порядочный; подъ онымъ, уста блестящія и нѣжными губами украшенныя, между которыми, въ случаѣ пріятнаго смѣха, сверкають зубы маленькіе и ровные, слоновой кости подобные, коихъ у женщинъ обыкновенно бываетъ числомъ меньше, нежели у мужчинъ; почему первыя не столько проѣстливы и грызливы; въ кругъ скулы возвышенныя, и щеки нѣжной мягкости розоваго цвѣта, наполненныя стыдливости; и округлый подбородокъ съ пристойною впадиною; подъ онымъ шея тончая, изъ плечъ возвышающаяся, горло нѣжное и бѣлѣющее, толстоты посредственной; голосъ и рѣчь пріятнѣйшая; грудь просторная и высокая, облеченная тѣломъ равной крѣпости, какъ и сосцы, чрево какъ сія круглое, бока мягкіе, спина ровная и возвышенная мѣстами; концы у рукъ и ногъ округлые, и всѣ члены наполненные сокомъ; къ сему шагъ и походка скромная; движеніе приличное; помаванія пристойныя; сверхъ того всего тѣла расположеніемъ, стройностію и способностію во всемъ надмѣру жива и казиста, и изъ всѣхъ тварей нѣтъ ни одного столь удивительнаго предмета, ниже чуда, столько зрѣніе привлекающаго, такъ что развѣ слѣпой одинъ видѣть не можетъ, что Богъ все, что только свѣтъ имѣеть въ себѣ прелестнаго, соединивъ, снабдилъ жену изобильно, дабы для того ей вся тварь удивлялася, любила и почитала до того, что, какъ самимъ происходило дѣломъ, безплотные духи къ нѣкоторымъ женамъ жестокою любовію пылали, которое мнѣніе не ложно, но многимъ искусствомъ утверждается; что стихотворцы о любовныхъ обращеніяхъ боговъ съ ихъ любовницами намъ сообщаютъ, какъ то Аполлона и Дафны, Нептуна и Салмоней, Геркулеса и Ибы, Эола и Олифалы, и прочихъ боговъ любовницахъ и самаго Іовита весьма многихъ.

«Кромѣ красоты удивительной, жена снабжена нѣкоторымъ достоинствомъ благопристойности, котораго въ мужчинахъ случается мало. Сама натура болѣе въ женѣ, нежели въ мужей, стыдливости всесила. Сію же честь стыдливости и доселѣ умирая и умерши сохраняютъ, какъ то видѣть наипаче можно, которыя въ водахъ потыбають; ибо свидѣтельствуєтъ Плиній и самое искусство, что жена утопшая всегда ницъ сверхъ воды плаваєтъ, какъ бы натура и по смерти соблюдала ихъ стыдливость; напротивъ того, мужчины вверхъ лицомъ и навзничъ. Къ сему и то, что превосходнѣйшій членъ человѣка, коимъ мы наипаче разствуотъ животныхъ, и за Божеское естество почитаемъ, то есть голова, и во оной лицо особливо; голова у мужчинъ безвласіемъ обезображается; напротивъ того, женщины, къ великому преимуществу при-

роды, не бывають безвласны: лицо у мужчинъ независною для нихъ елика бородою и гнусными волосами бываетъ закрыто, такъ что отъ зѣрей едва различить ихъ иногда можно; у женскаго же пола всегда бываетъ лицо чистое и пристойное. Отсюда закономъ XII таблицъ запрещено женщинамъ на щекахъ брить волосы, чтобъ со временемъ борода не выросла, и стыдливость не была бъ закрыта. Чистоты изъ всѣхъ сіе яснымъ доказательствомъ служить можетъ, что женщина, однажды омывшись чисто, сколько послѣ ни окачивается, вода никакой уже въ себѣ мутности не имѣетъ; мужъ же сколько бъ вымытъ ни былъ, обыкновенно мутная и нечистая вода съ него стекаетъ. Къ тому жъ по распредѣленію естества, у женщинъ каждый мѣсяцъ излишняя кровь сама собою, невѣдомо другимъ, выходитъ; напротивъ того, у мужчинъ, въ лицо, наружную часть тѣла выступаетъ. Кромя того какъ изъ всѣхъ животныхъ одному только человѣку дано смотрѣть вверхъ на небо, то естество fortuna и въ семъ удивительное попеченіе о женскомъ полѣ имѣла, и сдѣлала, что ежели по случаю или неосторожности женщинѣ упасть надобно, то она обыкновенно на задъ падаетъ или на спину, а никогда лицомъ и головою не бьется. (*) Притомъ, не видимъ ли мы, что и въ произведеніи человеческого рода естество предъ мужами женъ предпочтало. Сіе особливо изъ того явствуетъ, что одно женское сѣмя, по свидѣтельству Галена и Авицены, есть вещество плода и пища; но въ мужчинѣ совсѣмъ находимъ иное: ибо сѣмя онаго подобно какъ нѣкоторое случайное входитъ въ сущность. Откуда гласитъ законъ: есть весьма важный и отмѣнный долгъ женъ зачинать и соблюдать зачатое; почему и видимъ, что изъ рождающихся весьма многіе на матерей походятъ, потому что они произошли отъ ихъ крови. Сіе сходство особливо примѣчаемъ мы въ составѣ тѣла, и всегда уже въ обычаяхъ, ибо если матери глупы, то и дѣти; ежели же матери будутъ разумны, то и дѣти таковы жъ бываютъ; но въ разсужденіи отцовъ совсѣмъ противное выходитъ: которые ежели сами будутъ премудры, то родятъ дѣтей глупыхъ, а глупые отцы дѣтей премудрыхъ производятъ, только бъ мать была разумна; не иная тому причина, для чего матери болѣе, нежели отцы, дѣтей любятъ, какъ та, что оныя болѣе своего въ нихъ чувствуютъ и находятъ, нежели отцы. По той же причинѣ, какъ думаю, взаимно и въ насъ всѣяно, что мы горячѣе къ матерямъ, нежели ко отцамъ бываемъ, такъ что, кажется, мы ко отцу нѣкоторое только чувствованіе и склонность, а къ

(*) «Сіе отдать автору на вѣру».

матерямъ всю любовь имѣемъ. Почему и естество матерямъ дало молоко такой силы, что онымъ не только питаются младенцы, но и немощные возставаютъ, и нѣкоторыхъ взрослыхъ оно иногда жизнь сохраняетъ. Сего опытъ находимъ въ Валеріѣ, на нѣкоторой бѣдной молодой женѣ, питавшей мать свою молокомъ собственнымъ, въ заключеніи бывшую, которая бы въ противномъ случаѣ умереть должна была съ голоду. За такое ея горячее усердіе жизнь возвращена матери, и обнѣмъ храмъ набожности посвященъ былъ. Тоже повѣствуется о другой дочери, которая отца своего престарѣлаго и заключеннаго, аки младенца, сосцами своими кормила. *Валер. Макс. кн. 5, гл. 4.* Извѣстно же и всѣмъ, что почти всегда женщины имѣютъ болѣе сердоболія и жалости, нежели мужчины, что и самъ Аристотель какъ собственное отдастъ женскому полу. Женщины, въ услуженіи и соприсутствіи немощнымъ, больше имѣютъ ревности и охоты, или что молоко женское особливо болынымъ, слабымъ, и при смерти уже находящимся дѣйствительнымъ служить лекарствомъ къ возвращенію жизни. Откуда, какъ медики объявляютъ, теплота ихъ сосцовъ, если она къ груди мужчины весьма уже престарѣлаго приложена будутъ, теплоту жизненную возбуждаетъ, умножаетъ и соблюдаетъ. Чтѣ безъ сомнѣнія и Давидъ вѣдалъ, который, избравъ себѣ Ависагу Сумантанью, отъ объятій ея, будучи уже старъ, теплоту въ себѣ почувствовалъ. Наконецъ женскій полъ и тѣмъ способѣе къ той священной рожденія должности (сколько всѣмъ извѣстно) почитается, что оный десяти лѣтъ иногда можетъ выходить замужъ, а мужескій полъ женится позже. Сверхъ того, одна женщина изъ всѣхъ плодящихся тварей, родивъ, вскорѣ послѣ родовъ опять къ тому жъ бываетъ расположена. Къ сему слѣдуетъ и то естества чудо, что беременная женщина, имѣющая прихоти, безвредно питается сырымъ вѣствомъ, нерѣдко угольемъ, землею, камнемъ, такъ же металлы, ядъ и прочее тому подобное безъ всякаго вреда варить въ желудкѣ, и превращаетъ въ здравую пищу тѣла. Какія сверхъ сихъ еще производитъ естество чудеса въ женскомъ полѣ, никто удивляться не будетъ, если кто читалъ медицинскія и философическія книги.

Что скажу о словесности, томъ божественномъ дарѣ, которою одною человекъ разнится пашпаче отъ прочихъ животныхъ, и которую Трисмегистъ Меркурій равно цѣнитъ съ бессмертіемъ, и Изіодъ наивышшимъ человѣческимъ сокровищемъ называетъ. Не достаточно ли въ рѣчахъ женщина мужчины, не свободнѣе ли и изобильнѣе? Не всѣ ли люди отъ матерей и кормилицъ говорить учатся? Понятнѣе само естество премудро въ семъ печася

о человѣческомъ родѣ, симъ даромъ женскій полъ одарило, такъ что едва гдѣ нѣкую женщину найти можно. По справедливости пріятно и похвально въ томъ превосходить полъ мужскій, чемъ оный превосходить прочихъ животныхъ.

«Кромѣ того, превосходство женскаго пола, доброта и невинность доводами сими довольно доказана быть можетъ: понеже начало всѣхъ золъ отъ мужей произошло, а не отъ женъ: ибо первый прародецъ Адамъ дерзнулъ преступить заповѣдь Божию, заключилъ врата небесная, и всѣхъ насъ грѣху подвергнулъ и смерти, потому что всѣ мы согрѣшаемъ и умираемъ во Адамѣ, а не въ Еввѣ. Его грѣхъ первородный отверзъ входъ въ преисподняя. Каннъ первый завистливый и человѣкоубійца, первый братоубійца, первый отчаявшійся милосердія Божія, первый двоеженецъ Ламехъ, первый, показавшій срамоту отца своего Ноя, Хамъ, первый властолюбецъ (тиранъ), похититель вольности и идолослужитель Нимвродъ, первый прелюбодѣй мужъ, первый кровосѣцитель мужъ: сверхъ того первые мужи въ союзъ съ демонами вступили и скверныя изобрѣли искусства. Мужи, дѣти Іакова отца, превосходнаго, продали брата своего; Фараонъ, царь египетскій, первый побивалъ младенцевъ. Первые мужичины противъ естества плотоугодія дѣлали, какъ свидѣльствуютъ то Содомъ и Гоморра, которыя за мужскія беззаконія погибли. О знатныхъ въ древности городахъ читаемъ, что мужи вездѣ были безразсудно сластолюбивы, двуженцы, многобрачные, многоложные, прелюбодѣи и блудодѣи. Изъ женъ же, нигдѣ не находимъ, какъ только, что каждая однимъ довольна всегда была мужемъ. Не сыщешь ни одной двумужней, ежели она отъ перваго мужа плодъ имѣла. Ибо жены, въ разсужденіи стыда и чистоты, гораздо мужей воздерживѣе. Есть притомъ безчисленныя знаменитѣйшія жены, которыя, сверхъ великой сродной ихъ полу стыдливости, супружескою любовью мужей своихъ далеко превосходили. Изъ которыхъ суть: Авигея, супруга Навамова, Артемизія Мовзолова, Алгія Полливика Фивейскаго, Юлія жена Помпеева, Порція Катонина, Корнелія Грагова, Мессалина Сулпиціева, Алцеста Адметова, Ипократа, супруга Митридата, царя понтійскаго, Дидона, постройтельница Карфагена, римская Лукреція и Сулпиція жена Лентулова. Есть безконечное число и другихъ, коихъ дѣвства и стыда непорочность не могла быть и самую смертью нарушена: изъ сихъ примѣрами намъ себя представляютъ: Афанта Каледонская, Камилла Волская, Ифигенія гречанка, Кассандра и Кризе; прибавь къ симъ дѣвицъ лакедемонскихъ, спартанскихъ, милезскихъ, еврейскихъ и другихъ безчисленныхъ, о которыхъ намъ

даютъ знать еврейскія, греческія и варварскія исторіи, которыя дѣяство предпочитали не только царскому достоинству, но и самой жизни. Если же будемъ искать примѣры почитанія и любви къ своимъ родителямъ, между прочимъ оныхъ находимъ оныя: въ Клавдіѣ Вестальной дѣвицѣ къ отцу своему и простой той женщѣ, о которой выше упомянуто, къ своей матери. Но противоположнѣе, можетъ быть, снѣтъ зонгъ нѣкой—Сампсоново, Язоново, Дефобово и Агамемноново пагубныя, несчастныя супружества. Однако, если оныя рассмотримъ прилежно, найдемъ, что жены обвиняются ложно, особливо, что злой жены имѣтъ хорошему мужу никогда не случается. Напротивъ того обыкновенно злымъ мужьямъ попадаютъ злыя жены, а нерѣдко злымъ мужьямъ случаются жены добрыя, но заражаются ихъ пороками. Можешь ли думать, что ежели бы позволено было женскому полу сочинять законы, писать исторіи, какія бы они сочинили трагедіи о чрезвѣрныхъ мужей злодѣйствахъ, изъ которыхъ слыцется много челоуѣкоубійцъ, воровъ, хищниковъ, измѣнщиковъ, которые еще во времена Исуса Навина и Давида царя въ великомъ множествѣ разбой производили, такъ что и предводителей своихъ имѣли, но и доселѣ въ безмѣрномъ числѣ находится оныхъ; почему всѣ темницы наполнены мужчинами, повсюду мѣста казней покрыты трунами мужскими. Напротивъ того, женщины всѣхъ свободныхъ наукъ, всякой добродѣтели и благотворенія были изобрѣтательницы, что доказываютъ самыя тѣхъ вещей наименованія женскія; къ сему и то примѣчаніе достойное служить, что и самый сей свѣтъ женскими именами называется, какъ-то *отъ Азіи* нимфы, *отъ Европы* Агеноровой дочери и Ливіи дочери Эпафоровой, которая такъ же и Африкою называется.

«Самые древніе законодатели и устроители республикъ мужи мудрые и ученые Ликургъ, говорю, и Платонъ, вѣдая изъ сокровенныхъ философіи, что женщины ни превосходствомъ духа, ни крѣпостію тѣла, ни достоинствомъ естества ничѣмъ мужей не ниже, но ко всему столько же способны, установили, чтобъ жены съ мужчинами въ поединкахъ и въ гимназіяхъ упражнялися, и во всемъ, что принадлежитъ къ воинской дисциплинѣ, въ лукъ, бросаніи камнемъ, въ стрѣльбѣ, въ бою ружейномъ, какъ въ конницѣ, такъ и въ пѣхотѣ, въ расположеніи лагеря и расположеніи строя и въ походѣ; кратко сказать, во всѣхъ тѣхъ же упражненіяхъ, какія имѣли мужчины, обращали наравнѣ и жены. Прочтемъ древности достовѣрныхъ писателей, то найдемъ, что въ Гетуліи, Бактрахъ, Галлеціи былъ обычай, по которому мужчины въ нѣжности вдавалися, а женщины нахали, въ строеніи, купечествѣ, ристаніи, войнѣ и прочемъ,

что нынѣ дѣлають у насъ мужчины, упражнялися. У кантабровъ мужья женамъ приданое давали, сестры братьевъ женили, дочерей наследницами объявляли. У скифовъ, еракіанъ и галловъ общія были званія у мужей и женъ, и когда дѣло о войнѣ происходило или о мирѣ, жены въ разсужденіяхъ и совѣтованіяхъ придавалися, что доказываетъ утвержденный Аннибаломъ союзъ съ келтами: ежели кто изъ келтовъ принесетъ жалобу въ обидѣ на кареагенянина, въ такомъ дѣлѣ кареагенскія власти или полководцы, находившіеся въ Испаніи, должны быть судьями; если жъ кто изъ кареагенянъ обиженъ будетъ отъ келтянина, въ такомъ случаѣ должны судъ производить жены. Но какъ мужчины тираннически, въ противность божескаго права и законовъ естественныхъ, верхъ взяли, то данная женамъ свобода неправедными уже законами отъемется, истребляется обыкновеніемъ и употребленіемъ, а воспитаніемъ вовсе погибаетъ. Ибо женскій полъ какъ скоро рождается, то отъ первыхъ лѣтъ содержать его въ домѣ въ небреженіи, и какъ бы неспособному къ отправленію важнѣйшихъ дѣлъ, ни за что кромѣ иглы и нитки, приниматься не позволяется. А какъ достигнетъ лѣтъ довольныхъ, предается во власть ревнивую мужа, или въ вѣчную темницу монашества заключается. Въ народныя также возбраняется имъ вступать званія. Въ судахъ ходить за дѣлами, хотя бѣ была женщина и преразумная, запрещается. Сверхъ того не допускаются въ юрисдикціи, въ посредствѣ, въ усыновленіи, въ заступленіи, въ смотрѣніи, опека и попечительствѣ въ дѣлахъ по духовнымъ и уголовнымъ. Такъ же возбраняется проповѣдывать слово Божіе въ противность явственнаго писанія. Но и нынѣшнихъ законодателей такая несправедливость, которые отвергли повелѣніе Божіе за преданія, что объявили женъ быть худшаго состоянія каждаго мужа, хотя впрочемъ оныя и-превосходствомъ естества и достоинствомъ ихъ благороднѣе. Итакъ, по силѣ сихъ законовъ женщины, какъ бы побѣждены будучи войною, уступать должны побѣдителямъ не по естественной или сверхъестественной какой нуждѣ или причинѣ, но по обыкновенію, воспитанію, фортунѣ и насильственному нѣкоему случаю».

Здѣсь мы остановимся. Книга, изъ которой мы извлекли всѣ вышеприведенныя нами разсужденія о *благородствѣ и преимуществѣ женскаго пола*, переведена съ какого-то иностраннаго языка въ Москвѣ, подъ руководствомъ московскаго архангельскаго собора протоіерея Петра Алексѣева, и издана въ Санктпетербургѣ издательствомъ Императорской Академіи Наукъ еще въ 1784 году. Читатель удивится конечно не меньше нашего, что назадъ тому почти сто лѣтъ,

былъ такой эмансипированный взглядъ на женщину, а мы кругомъ насъ слышимъ почти только дикія сужденія о прекрасномъ полѣ... Признаемся, что мы готовы бы были разочароваться нашимъ настоящимъ, еслибъ только могли убѣдиться, что взглядъ почтеннаго автора раздѣляли наши предки.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

О ПРИЧИНАХЪ ПАДЕНІЯ РИМА.

(ПОДРАЖАНІЕ МОНТЕСКЬИ.)

(Исторія цивилизаціи во Франціи отъ паденія западной римской имперіи. Сочиненіе Гизо, члена французской академіи. Часть первая. Переведено подъ редакціею М. Стасюлевича. С.—Петербургъ. 1861 г.)

Разбирать знаменитую книгу Гизо, изданіе которой въ русскомъ переводѣ — дѣло очень похвальное и полезное, мы не будемъ. Она слишкомъ извѣстна, стало-быть выставять ея достоинства бесполезно. Разбирать недостатки? Но главные недостатки взгляда Гизо вовсе не особенные его недостатки: повсюду, какъ у него, вы прочтете, что древній міръ былъ неспособенъ къ дальнѣйшему прогрессу, потому его разрушеніе было спасительно для человѣчества, и умеръ онъ отъ внутреннихъ смертельныхъ болѣзней; что варвары внесли съ собою новые высшіе элементы, бывшіе необходимыми для блага человѣчества; что папская власть, возникшая на основаніи варварства, была въ свое время спасительна; что монашескіе ордена были въ свое время полезнѣйшими дѣятелями цивилизаціи, которая только и сохранилась, благодаря монастырямъ; что феодализмъ, имѣя такіе-то и такіе-то недостатки, не долженъ однако же быть порицаемъ безусловно; что вообще и средніе вѣка не такъ дурны, какъ

утверждалъ Вольтеръ съ энциклопедистами, и т. д. и т. д. Если мысли эти вѣрны, Гизо столько же слѣдуетъ хвалить за нихъ, сколько за то, что онъ вѣритъ въ обращеніе земли около солнца, — это просто господствующее мнѣніе; если же эти мысли ошибочны, опять въ упрекъ ему ставить ихъ нельзя. Лично человѣкъ не подлежитъ никакому упреку, если всѣ такъ думаютъ или дѣлаютъ, какъ онъ. Самому Гизо принадлежитъ только мастерское изложеніе господствующаго взгляда, а иногда очень дѣльные изслѣдованія въ его подтвержденіе. За то и за другое нельзя не похвалить его; но вѣдь не писать же статью о мастерскомъ изложеніи и нельзя же наполнять журнала разборомъ специальныхъ изысканій о какихъ нибудь частныхъ вопросахъ средневѣковой исторіи. Слѣдовательно о главномъ направленіи Гизо нѣтъ надобности много говорить.

Но въ господствующемъ направленіи историческихъ понятій есть много оттѣнковъ; въ предпочтеніи того или другаго оттѣнка уже выказывается личность писателя, уже состоитъ личное его достоинство или недостатокъ. Эту сторону дѣла мы разсматривали въ рецензій русскаго перевода «Исторіи цивилизаціи въ Европѣ», книги служащей предисловіемъ къ «Исторіи цивилизаціи во Франціи». Стало бытъ распространяться объ этомъ теперь нѣтъ нужды.

Но если мы ничего не хотимъ говорить здѣсь о сочиненіи Гизо, то думамъ коснуться самаго предмета, о которомъ трактуетъ книга. «Современникъ» порицаютъ за недостатокъ серьезности, учености, — а вотъ покажемъ же, что можемъ быть солидными, то есть донельзя сухими и скучными (въ этомъ смыслѣ понимается солидность нашими порицателями), напишемъ статью о предметѣ, передъ которымъ суэзскій каналъ и зундская поплаина — сюжеты занимательныя. Не угодно ли вамъ поразсудить съ нами, напримѣръ, о великомъ переселеніи народовъ, о герулахъ и франкахъ салійскихъ, о визиготахъ и алеманнахъ, о Гензерихѣ и Сигебертѣ? Угодно ли, не угодно ли вамъ, а извольте слушать слѣдующую диссертацию объ отношеніи этихъ занимательныхъ племенъ и лицъ къ немцамъ занимательнымъ Максиминамъ, Максиміанамъ и Максенціямъ.

Фактъ, съ котораго начинается исторія новаго міра, — занятіе провинцій Римской имперіи варварами. По обыкновенному понятію толкуютъ о какомъ-то очень курьезномъ содѣйствіи этого факта историческому прогрессу, даже утверждаютъ, что безъ него все пропало бы: только онъ и спасъ погибавшій міръ. Видите ли, римскій міръ уже совершенно истощилъ все свое содержаніе, ничего новаго и лучшаго не могъ развить изъ себя, — по обыкновенному выраженію, умираетъ. На этомъ способѣ разсужденія опираются разныя вздорныя мечтанія и объ нынѣшнихъ дѣлахъ. Если бы толковали

только о древней Римской имперіи, мало было бы намъ огорченія и вреда. Но бѣда въ томъ, что точно такъ же трактуютъ о вопросахъ, важныхъ для нынѣшней практической жизни народовъ, въ особенности народовъ полуварварскихъ. «Западная Европа отжила свой вѣкъ, истощила свои жизненные элементы; западные народы не способны продолжать дѣло прогресса; міръ долженъ возобновиться паденіемъ этихъ народовъ и замѣною ихъ новыми, свѣжими племенами». Вы спрашиваете доказательствъ, — доказательство одно: такъ было полторы тысячи лѣтъ тому назадъ съ римскимъ міромъ; для продолженія прогресса необходимо было смѣниться прежнимъ народамъ новыми, свѣжими племенами. Послѣ такого аргумента начинается ликованіе и хвастовство: «А вотъ ужъ мы и готовы возобновить міръ, внести въ исторію новые прекраснѣйшіе элементы. Какіе мы, право, молодцы! Вотъ, не нынѣ, завтра облагодѣтельствуемъ человѣчество». На сколько это мнѣніе происходитъ прямо изъ тщеславія, споръ противъ него бесполезенъ. Тщеславіе не исправляется никакими словесными доводами; оно уступаетъ мѣсто справедливому сознанію своихъ достоинствъ лишь тогда, когда въ людяхъ дѣйствительно разовьются достоинства, приносящія имъ справедливую честь. Человѣкъ уже такъ устроенъ, что ему непременно хочется гордиться собой: нельзя гордиться путно, онъ гордится безпутно и становится разсудителенъ въ этомъ отношеніи лишь тогда, когда пріобрѣтаетъ истинныя заслуги. Но на сколько тщеславный взглядъ претендуетъ опираться на аргументацію, на сколько онъ раздувается и укрѣпляется будто бы учеными соображеніями, споръ противъ него не остается безъ результатовъ: тщеславіе все-таки принуждено бываетъ становиться нѣсколько осмотрительнѣе и умѣреннѣе, когда докажутъ ему, что вздорность его очевидна: вотъ поэтому и разберемъ мы роль варваровъ при мишмомъ спасительномъ пособіи ихъ прогрессу человѣчества чрезъ занятіе римскихъ провинцій.

Чрезвычайно часто бываетъ, что при разсужденіяхъ о какой нибудь вещи забывается одна неважная штука—сущность вещи. Сколько толкуютъ, напримѣръ, о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ какой нибудь войны, забывая лишь одно то, что война раззоряетъ обѣ воюющія стороны, а разореніе вѣдь не Богъ знаетъ какъ хорошо и полезно. Вотъ этимъ самымъ недостаткомъ страдаетъ и обыкновенное толкованіе о благотворности завоеванія римскихъ провинцій варварами, что они будто бы принесли пользу прогрессу этимъ завоеваніемъ. Да подумайте только, что такое значитъ прогрессъ и что такое значитъ варваръ. Прогрессъ основывается на умственномъ развитіи; коренная сторона его прямо и состоитъ въ успѣхахъ и развитіи знаній. Приложеніемъ лучшаго знанія къ равнымъ сторонамъ

практической жизни производится прогрессъ и въ этихъ сторонахъ. Напримѣръ, развивается математика, отъ этого развивается и прикладная механика; отъ развитія прикладной механики совершенствуются всякія фабрикаціи, мастерства и т. д. Развивается химія; отъ этого развивается технологія; отъ развитія технологіи всякое техническое дѣло идетъ лучше прежняго. Разрабатывается историческое знаніе; отъ этого уменьшаются фальшивыя понятія, ищающія людямъ устроить свою общественную жизнь, и она устроивается успѣшнѣе прежняго. Наконецъ всякій умственный трудъ развиваетъ умственные силы человѣка, и чѣмъ больше людей въ странѣ выучивается читать, получаетъ привычку и охоту читать книги, чѣмъ больше въ странѣ становится людей грамотныхъ, просвѣщенныхъ, — тѣмъ больше становится въ ней число людей, способныхъ порядочно вести дѣла, какія бы то ни было, — значить, улучшается и ходъ всякихъ сторонъ жизни въ странѣ. Стало быть, основная сила прогресса—наука; успѣхи прогресса соразмѣрны степени совершенства и степени распространенности знаній. Вотъ что такое прогрессъ—результатъ знанія. Что же такое варваръ? Человѣкъ, еще погрязшій въ глубочайшемъ невѣжествѣ; человѣкъ, который занимаетъ средину между дикимъ звѣремъ и человѣкомъ сколько нибудь развитаго ума, который къ дикому звѣрю едва ли не ближе, чѣмъ къ развитому человѣку. Какая же тутъ можетъ быть польза для прогресса, т. е. для знанія, когда люди, сколько нибудь образованные, замѣняются людьми, еще не вышедшими изъ животнаго состоянія? Какая польза для успѣха въ знаніяхъ, если власть изъ рукъ людей, сколько нибудь развитыхъ, переходитъ въ руки невѣждъ, незнанію и неразвитости которыхъ нѣтъ никакого предѣла? Какая польза для общественной жизни, если учрежденія, дурныя или хорошія, но все-таки человѣческія, все-таки имѣющія въ себѣ хоть что нибудь, хоть нѣсколько разумное, — замѣняются животными обычаями?

Говорятъ: «римскій міръ истощилъ свои жизненные силы». Тутъ опять забывается сущность вещи. О чемъ говорится? О населеніи Римской имперіи. Что же, развѣ люди, его составлявшіе, утратили человѣческую натуру? развѣ они перестали родиться имѣющими человѣческій умъ и человѣческія наклонности? или развѣ по какому-то особенному случаю всѣ люди въ Римской имперіи рождались идиотами? Что за вздоръ! пока общество состоитъ изъ людей, оно имѣетъ въ себѣ всѣ свойства человѣческой природы. Отживаетъ свою жизнь организмъ отдѣльнаго человѣка; но съ каждымъ вновь родившимся человѣкомъ является новый организмъ съ новыми свѣжими силами, и при каждой смѣнѣ поколѣній возобновляются силы народа. Прошло 20 лѣтъ, — двадцатилѣтній юноша сталъ сороколѣтнимъ мужчиною

и потерялъ юношескую свѣжесть чувствъ, не влюбляется, не дурится; но вѣдь это произошло съ Петромъ, а въ эти 20 лѣтъ выросъ Иванъ, новый двадцатилѣтній юноша, который теперь имѣетъ ту же самую свѣжесть чувствъ, точно такъ же влюбляется и дурится, какъ было съ Петромъ за 20 лѣтъ; прошло еще 20 лѣтъ, Ивану 40 лѣтъ, и онъ утратилъ свѣжесть чувствъ; а Петръ, бывшій въ 40 лѣтъ здоровеннымъ работникомъ, сталъ теперь 60 лѣтнимъ старикомъ и не можетъ работать такъ много и хорошо, какъ прежде; но вѣдь его мѣсто занялъ Иванъ, а подлѣ Ивана выросъ новый двадцатилѣтній юноша Андрей, который теперь имѣетъ точно такую же свѣжесть чувствъ, какую имѣлъ Иванъ 20 лѣтъ, а Петръ — 40 лѣтъ тому назадъ. И какаятуть перемѣна въ составѣ общественныхъ силъ? Вѣдь и 20 лѣтъ тому назадъ тоже были 60-лѣтніе старики, кромѣ 40-лѣтнихъ и 20-лѣтнихъ людей; вѣдь и 40 лѣтъ тому назадъ были 40-лѣтніе мужчины и 60-лѣтніе старики, кромѣ 20-лѣтнихъ юношей? Какъ же это общественныя силы могутъ истощаться? какъ можетъ уменьшаться въ обществѣ свѣжесть и молодость, пока не перестаютъ родиться люди? — кажется, пока родятся младенцы, существуетъ въ обществѣ кормленье грудью, прорѣзыванье зубовъ; пока младенцы вырастаютъ въ дѣтей, существуютъ въ обществѣ дѣтскія игры, съ звонкимъ дѣтскимъ смѣхомъ; пока вырастаютъ дѣти въ юношей, существуютъ въ обществѣ благородныя юношескія стремленія съ опрометчивыми юношескими увлеченіями, съ чистою юношескою любовью; а неужели вы думаете, что когда нибудь не было въ обществѣ стариковъ съ старческою усталостью и холодностью? Риторика вещь прекрасная, — почему не городить иногда риторическій вздоръ, — оно и нужно бываетъ иногда для эффекта; но не слѣдуетъ же постоянно ослѣпляться своей риторикой до того, чтобы совершенно забывать здравый смыслъ и факты. Старѣетъ отдѣльный человѣкъ; въ обществѣ пропорція свѣжихъ и усталыхъ силъ вѣчно остается одинакова. Пожалуйста, не противорѣчьте физиологін, не утверждайте, что бываютъ народы, состоящіе изъ людей безголовыхъ или не имѣющихъ желудка, или исключительно изъ однихъ стариковъ, или исключительно изъ однихъ молодыхъ людей, — вѣдь каждая изъ этихъ четырехъ фразъ одинаково нелѣпа. Что за охота выказывать себя глуцомъ или лгуномъ.

«Нѣтъ, говорятъ намъ, вы не такъ поняли наши слова; мы говорили не о количествѣ силъ въ обществѣ, а лишь о томъ, что формы общественной жизни сложились очень дурно, не было простора человѣческимъ силамъ, не было выхода изъ этихъ формъ, не было въ обществѣ силъ переработать эти формы, выработать изъ нихъ новыя, болѣе широкія. — Такъ? ну, теперь вѣрно изложена ваша

мысль? На этомъ вы стоите? а прежде мы не такъ влаждали вашъ взглядъ? Полноте, да развѣ вы говорите что нибудь иное, чѣмъ ту же негѣдность, отъ которой уже отказались, только облачаете ее въ другую форму, болѣе хитрую? Какъ же это въ обществѣ подоспѣетъ сила, а прежде когда-то доставало? Значить, количество силъ въ обществѣ уменьшилось? А вѣдь вы сами сознались, что это — негѣдность. — «Нѣтъ, возражаете вы, вы опять не такъ перетолковали: мы не то говоримъ, что количество силъ въ обществѣ уменьшилось, а то, что препятствія къ дѣятельности этой силъ стали тяжелѣе прежняго; формы слишкомъ укоренились; обществу нужно бы перерости ихъ, чтобы пріобрѣсти просторъ, а онѣ слишкомъ тверды, не можетъ оно сломить ихъ». — Извините меня: не я перетолковалъ ваши слова, а вы сами не понимаете, что говорите. Изложишь вашу мысль, вы говорите, «вотъ такъ, вотъ именно такъ мы и думаемъ»; спросишь васъ всмотрѣться въ эту мысль, скажешь: «такъ вѣдь это значить вотъ что», — вы и отказываетесь: «нѣтъ, говорите, мы не то думали, а другое». А по правдѣ сказать: вы просто думали вещи несообразныя, произносили слова, не вникая въ ихъ смыслъ: «дерево растетъ изъ желѣза», — помните, изъ какого желѣза? — «Нѣтъ, мы не то хотѣли сказать; а что дерево растетъ изъ желѣзной руды». — Нѣтъ, и не изъ желѣзной руды оно растетъ, — «Опять вы не такъ толкуете: не то, что изъ желѣзной руды, а изъ земли, въ которой бываетъ и желѣзная руда». — Да развѣ изъ тѣхъ кусковъ земли растетъ оно, которые составляютъ руду? — «Ну, разумеется, мы такъ и хотѣли сказать, что желѣзная руда не участвуетъ въ ростѣ дерева. Мы только хотѣли сказать, что на землѣ растутъ деревья и желѣзо тоже лежитъ въ землѣ». Такъ разсудили бы вы, о чемъ хотите говорить: если о ростѣ дерева, то не прилетали бы къ нему желѣза; а если о желѣзѣ, такъ не прилетали бы къ нему, какъ растетъ дерево. А то вы просто говорите пугавицу.

Вотъ хоть бы и теперь, въ этой послѣдней формѣ, на которой вы остановились. «Обществу стѣснительны были укоренившіеся формы, ему нужно было бы перерости ихъ». — Ну, что же это значить? Значить, въ обществѣ была прогрессивная сила, была надобность въ прогрессѣ; а вы начали съ того, что общество было неспособно къ прогрессу; да какъ же оно было неспособно къ тому, къ чему оно имѣло силы? — «Оно было способно къ прогрессу; но препятствія были слишкомъ сильны; не могло оно переработать укоренившихся силъ». — То есть, какъ же не могло? чьею силою были созданы эти формы? вѣдь силою общества; а количество силъ въ обществѣ не уменьшилось; какъ же оно стало бессильно надъ тѣмъ, надъ чѣмъ прежде оно было сильно? Развѣ разрушать труднѣе, чѣмъ создавать?

Подумайте, что вы говорите: каменщики, построившие домъ, не въ силахъ разломать его; столяръ, сдѣлавшій столъ, кузнецъ, сковавшій якорь, не въ силахъ разрушить его. — «Ахъ Боже мой, вы все не такъ толкуете: вѣдь мы говоримъ не о томъ, что у общества было мало силъ, а о томъ, что формы слишкомъ укоренились». Да что же это «укоренились»? это — вѣрно опять метафора о деревѣ, растущемъ изъ желѣза? Форма — фактъ. Фактъ существуетъ только постоянною поддержкою отъ той силы, которая произвела его. Чтобы онъ исчезъ, слишкомъ много будетъ, если сила прямо обратится на его разрушеніе; довольно будетъ, если она перестанетъ поддерживать его, онъ самъ собою падетъ. «Укоренилось!» — метафора, уподобленіе дереву! Посмотрите же вы на дерево: развѣ оно все укореняется, укореняется, — до извѣстной поры только, а потомъ начинаетъ ветнать, падаетъ, искореняется. Для этого не нужно собственно ни бурь, ни наводненій: довольно того, что растительная сила, поддерживавшая это дерево, начинаетъ покидать его, что свѣжіе соки изъ почвы перестаютъ съ любовью втягиваться въ него, устремляются къ чему нибудь другому. Если ужъ брать вашу метафору объ укорененіи, изъ нея же самой выходитъ вотъ что: общество—почва, на которой вырастаютъ формы общественной жизни; вырастаютъ они изъ свѣжихъ соковъ этой почвы; пока онѣ привлекаютъ къ себѣ эти свѣжіе соки, онѣ растутъ, укореняются; когда свѣжимъ сокамъ перестало быть привлекательно устремляться въ эти формы, когда онѣ стали привлекаться къ чему нибудь другому, укоренившіеся формы, какъ бы глубоко ни укоренились, начинаютъ слабѣть, искореняться, и на мѣсто ихъ возникаютъ новыя формы, съ которыми потомъ будетъ тоже. — «Но когда почва истощилась, когда свѣжихъ соковъ нѣтъ?» Ну, вотъ и прекрасно, опять дерево у васъ «растетъ изъ желѣза», опять старая пѣсня: въ обществѣ нѣтъ свѣжихъ силъ,—а вы ужъ, кажется, сознались, что это—нелѣпость, что истощается отдѣльный человѣкъ, а не общество, что количество свѣжихъ силъ въ обществѣ никогда не только исчезать, но и уменьшаться не можетъ. Или вамъ слишкомъ нравится метафора о корняхъ, деревѣ и почвѣ? Да разберите хоть эту метафору, она сама изобличитъ вашу нелѣпость. Развѣ истощается почва оттого, что покрывается растительностію, что эта растительность становится роскошнѣе и роскошнѣе? Кажется, на самомъ дѣлѣ бываетъ наоборотъ: опадающіе листья, истлѣвающіе корни удобряютъ почву, открываютъ больше простора; если въ нынѣшнемъ году была растительность, въ слѣдующемъ она будетъ лучше нынѣшней, именно потому, что ей предшествовала нынѣшняя растительность. Вотъ скала, почти голая, едва прикрытая мхомъ, видимымъ лишь въ микроскопъ;

жизнью этого моха образуется слой почвы для болѣе замѣтной растительности; постепенно является трава, за нею кустарникъ, наконецъ лѣсъ и чѣмъ дальше растетъ лѣсъ, тѣмъ глубже становится растительный слой, тѣмъ привольнѣе расти лѣсу, тѣмъ больше свѣжихъ соковъ находитъ онъ себѣ въ почвѣ, все улучшающейся безъ конца. Вотъ метафора, изображающая жизнь общества. Въ самой себѣ не имѣетъ она конца отъ истощенія силъ; напротивъ, чѣмъ дальше дѣлается она, тѣмъ роскошнѣе становится обиліе свѣжихъ силъ для ея продолженія въ формахъ, все совершеннѣйшихъ. Но васъ смущаютъ тѣ примѣры, что прогрессъ иногда уничтожается въ извѣстныхъ странахъ, въ извѣстномъ народѣ; вы не знаете, какихъ причинъ искать этому и въ недоумѣніи вашемъ сваливаете вину на самое общество. Да попробуйте же обратиться хоть къ вашей любимой метафорѣ объ укорененіи, ростѣ и т. д. Она поможетъ вамъ понять дѣло, если вы не станете искать въ ней только риторическихъ фразъ, а вникнете въ фактъ, чтобы сообразить дѣйствіе законовъ природы. Развѣ лѣсъ не исчезаетъ иногда? развѣ не замѣняются результаты долгаго развитія растительныхъ силъ жалкими низшими формами? Развѣ не поблываетъ иногда ничтожный бурьянъ или какой нибудь дрянный коряжникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ прекрасный лѣсъ? Скажите, отчего это бываетъ? отъ истощенія ли почвы? — Нѣтъ, вы знаете, что это происходитъ отъ внѣшнихъ фактовъ, совершенно постороннихъ самому лѣсу и его внутренней жизни. Случится гроза, зажжетъ лѣсъ молнія, вотъ онъ и сгорѣлъ; а чѣмъ онъ былъ тутъ виноватъ? или чѣмъ виновата почва, на которой онъ выросъ? Но разумѣется, если вы не хотите довольствоваться незамысловатымъ натуральнымъ объясненіемъ, вы можете натянуть софизмами ходъ событій такъ, что погибель лѣса окажется, по вашему толкованію, результатомъ формъ, принятыхъ его жизнью. И можете вы доказывать, что погившій лѣсъ не могъ продолжать роста самъ собою отъ внутреннихъ пороковъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему молнія могла сжечь лѣсъ? Конечно только потому, что много было въ немъ высохшаго, попадавшаго на землю валежника, много было на деревьяхъ засохшихъ или засыхавшихъ вѣтвей, отъ которыхъ еще не успѣли освободиться деревья, много было и цѣлыхъ деревьевъ, уже совершенно засохшихъ, умершихъ, но еще продолжавшихъ держаться на корню будто живыми. Значитъ, по вашему лѣсъ все равно погибалъ уже? Э, полноте! Тоже самое было съ той самой поры, какъ началъ разрастаться лѣсъ: съ незапамятныхъ временъ было много въ немъ валежнику, много было сухихъ деревьевъ; но вѣдь росли же подлѣ нихъ новыя, и разрастался же лѣсъ!

Метафоры чрезвычайно часто замѣняютъ собою для огромнаго большинства всякое непосредственное пониманіе дѣла: «продвѣтаніе», «укорененіе», «увяданіе» — огромнаго большинства историковъ; этии словами ограничиваются въ сущности всѣ понятія о ходѣ исторіи. Потому-то мы и вникли въ эту метафору, чтобы показать, что даже изъ нея слѣдовало бы извлечь взглядъ на вещи, болѣе натуральный и вѣрный, чѣмъ какой распространенъ почти во всѣхъ историческихъ книгахъ. Возвратимся, напримеръ, къ факту, съ котораго начинается средняя исторія. Какую книгу ни раскройте, отъ Гизо до г. Тимаева, вездѣ найдете одно и то же:

«Жизнь древняго міра была истощена, принципы ея разбиты и вполнѣ и истощены; древній міръ разлагался, умиралъ и, вмѣсто него, для продолженія историческаго прогресса, должны были явиться новыя племена съ свѣжими силами». Мы нарочно не употребили тутъ ботаническихъ метафоръ о продвѣтаніи, увяданіи, почвѣ и т. д., — обыкновенно рѣчь бываетъ начинаема еще этими метафорами; но скажите: и безъ нихъ, что она такое, какъ не та же самая слово-въ-слово метафора, что дескать почва истощилась и нужна была новая почва, или, что лѣсъ умираетъ самъ собою, и т. д.? Если вы, не-обольщаясь риторикою и не вводя въ исторію отвергаемыхъ наукою понятій о назначеніи одного народа на мѣсто другого (какъ на мѣсто столоначальника, устарѣвшаго или умирающаго, назначается другой столоначальникъ, съ свѣжими силами къ отправленію должности), — если вы, не дѣлая невѣжественныхъ гипотезъ, противорѣчащихъ законамъ природы, будете прямо разсматривать дѣло, какъ оно было, вы найдете ему другое объясненіе, или, лучше сказать, не найдете, а само собою оно найдется: и искать его нечего, такъ оно просто. Да и объяснять дѣло почти нечего, такъ оно будетъ ясно, лишь только вы позаботитесь свести главныя черты его.

Мы сдѣлаемъ лишь самый короткій очеркъ, возьмемъ лишь самыя главные факты; будемъ приводить лишь одну самую сильную причину для каждаго факта; потому очеркъ будетъ неполонъ: кромѣ главной причины были другія, подобныя ей; кромѣ главнаго факта были другіе очень важныя, подобныя ему. Но если читатель найдетъ нужнымъ дополнить нашъ очеркъ подробностями, то просимъ его не думать, что мы не цѣнили ихъ относительной важности. Мы имѣли цѣлю не то, чтобы отмѣтить все, что полезно было бы отмѣтить, а лишь одно совершенно необходимое.

Въ то время, какъ Римъ возникалъ и постепенно уединялся въ средней Италіи, почти все пространство итальянскаго материка было погружено въ грубое варварство. Лишь нѣсколько, не очень значительныхъ по объему, округовъ или успѣли достигнуть нѣкоторой

степени цивилизаціи, болѣе или менѣе самостоятельной, или доу-
чили цивилизованное населеніе изъ Греціи. Изъ этихъ городовъ
цивилизациа стала проникать въ Римъ и мало-по-малу онъ одѣла-
ся главнымъ центромъ ея въ средней Италиі. Каждое положеніе
дѣлъ настало, когда Римъ, благодаря превосходству военнаго
устройства данного ему цивилизаціей (у народовъ, мало развитыхъ,
цивилизациа прежде всего обращается на военныя дѣла и въ воен-
номъ могуществѣ цивилизующійся народъ обыкновенно дѣлаетъ
успѣхи быстрѣе, чѣмъ въ другихъ сторонахъ жизни), — что мы ви-
димъ въ Италиі, когда римская власть расширилась до рѣки По, за
которою начиналась тогда «дальняя» Галлія? Небольшое племя, почти
все сосредоточивавшееся въ одномъ городѣ съ его окрестностями,
овлаживало обширною страню съ многочисленнымъ населеніемъ, въ
второмъ лишь очень немногія небольшие частички были нѣсколько
цивилизованы. Изъ своего центра оно основало много колоній по
важнѣйшимъ пунктамъ покоряемыхъ земель. Этими разсадниками,
при пособіи частичекъ, получившихъ цивилизацію раньше, населе-
ніе Италиі постепенно цивилизовалось. Когда ходъ дѣла достигъ
нѣкоторой высоты (столѣтія за два и за полтора до нашего лѣто-
счисленія), явилась цивилизованная масса такой многочисленности,
что варварскіе и полу-варварскіе народы, жившіе въ югозападной
Европѣ до Дуная, въ юговосточной Европѣ на сѣверъ отъ коренной
Греціи, и по восточному и южному берегамъ Средиземнаго моря, въ
Азіи и Америкѣ, или не превосходили эту массу численностью
каждый по одиночкѣ, или были малочисленнѣе. Напримеръ, литуръ
или гальветы, бельги или иллирійцы могли вывести въ поле тысячъ
50 или 100; римляне могли послать противъ нихъ также тысячъ 50
или больше войска. Какойнибудь полу-варварской владѣтель Понта
или Пергама, Сиріи или Арменіи могъ выставить тысячъ 50 или 150
войска; римляне могли послать противъ него тысячъ 100 или 80. Но
римское войско было войско вполне регулярное, а у тѣхъ варваровъ
или полуварваровъ регулярнаго войска или вовсе не было, или было
мало, а масса сражающихся состояла изъ милиціи, плохо воору-
женной, а еще хуже дисциплинированной. Словомъ, тутъ было то же
самое, что въ столкновеніяхъ англичанъ съ раз-ными ость-индскими
государствами, только неравенства по численности войскъ было
меньше. Такимъ образомъ, римляне очень быстро завоевали громад-
нѣйшее пространство земель, покоря одинъ народъ за другимъ въ
родѣ того, какъ англичане завоевали Остъ-Индію (Македонія тоже
была страна полуварварская; образованная Греція, понапшаяся въ
добычу римлянамъ, не была велика ни по пространству, ни по числу
жителей). Явилось государство, имѣвшее до 100 или 150 милліо-

новъ населеніе, отъ 100 тысячъ до 150 тысячъ квадратныхъ миль, изъ которыхъ четыре пятыхъ части пространства и населенія были совершенно варварскія, изъ остальной доли значительнѣйшая половина была полуварварская и лишь Италия была уже порядочно цивилизована, да еще былъ небольшой кусокъ цивилизованной земли на востокъ—маленькая Греція съ разбросанными своими колоніями. Это извѣстно каждому. Сравнивается теперь: какое положеніе дѣлъ должно было возникнуть изъ этого? Варвары и полуварвары по немногу цивилизовались, — въ родѣ того, какъ теперь жители Остъ-Индіи. Дѣло это шло не съ быстротою молніи, — но что же тутъ удивительнаго или отчаяннаго? Вотъ Россія, въ которой населеніе въ нѣсколько разъ меньше, чѣмъ населеніе западной Европы, уже около 400 лѣтъ (не съ Петра Великаго, а съ Іоанна III) находится подъ сильнымъ умственнымъ вліяніемъ западно-европейскаго населенія, несравненно многочисленнѣйшаго, чѣмъ мы, а вѣдь все еще нельзя намъ слишкомъ хвалиться своими успѣхами, не Богъ-знаетъ какъ далеко ушли. Но что же тутъ погибаетъ и какая почва тутъ истощается? Вотъ точно такъ же и тогда: Піринейскій полуостровъ, Галія, Британія, южная окраина Германіи, нынѣшняя Турція, европейская и азіатская, южная часть Россіи, Сѣверная Африка съ громадными своими населеніями повсюду цивилизовались вліяніемъ, выходящимъ изъ Греціи и Италиі. Такъ прошло лѣтъ 400 или 500. Успѣхи войны этими странами были сдѣланы очень порядочные; но разумѣется, не успѣли же они достигъ того уровня, на которомъ были ихъ цивилизаторы, римляне и греки.

Сначала, когда эти обширныя страны стояли еще слишкомъ низко, небольшія цивилизованныя страны, бывшія двумя центрами, изъ которыхъ развивался прогрессъ, легко сохраняли свое владычество надъ ними, въ-родѣ того, какъ англичане въ Остъ-Индіи довольно долго не встрѣчали опасности своему господству отъ народа, какъ только былъ онъ разъ покоренъ. Но мы замѣтили, что военная часть раньше всего развивается у народа, начинающаго цивилизоваться. Вмѣстѣ съ умученіемъ способности сражаться сначала пробуждается у покоренныхъ народовъ мысль о независимости; начались возстанія, болѣе или менѣе имѣвшія національный характеръ и опиравшіяся на мѣстное регулярное войско, — то возмутятся сирійскіе легіоны, то возмутятся испанскіе легіоны, то возмутятся галльскіе легіоны, — словомъ сказать: начали происходить факты, въ-родѣ недавняго возмущенія бенгальской арміи. Удивительно ли, что при такихъ обстоятельствахъ римляне принуждены были управлять завоеванными странами по порядку, въ которомъ надъ всѣмъ преобладали военная часть и финансовая часть? Сначала

это было нужно для утверждения римской власти, потому для предотвращения и подавления повстаній къ отпадению. Точно такъ же управляютъ англичане Остѣ-Индію. Войско и деньги на содержаніе войска, — какъ можно больше войска содержать въ странѣ, и ничѣ можно больше денегъ брать въ странѣ на содержаніе войска, — вѣдь и англичанамъ въ Остѣ-Индіи почти некогда думать ни о чемъ кромѣ этого. Точно такъ же было и съ римлянами относительно провинцій. Спросимъ: неужели слава Остѣ-Индіи истощается отъ англійскаго господства? неужели Остѣ-Индіа не совершенствуется при цинѣшномъ порядкѣ вещей? Слова вѣтъ, тамъ еще очень дурно: и народъ еще чрезвычайно невежественъ, и жизнь бѣдно, и подати тяжелы, и въ управленіи много произвола; да развѣ это до англичанъ лучше было? Напротивъ, несравненно хуже; а теперь все-таки становится съ каждымъ годомъ лучше: и дороги строятся, и дикіе обычаи по земному искореняются, и число грамотныхъ людей увеличивается между остѣ-индцами; вотъ уже многіе изъ нихъ ищутъ книги въ родѣ европейскіихъ, многіе приобрѣтаютъ европейскіи понятія о законахъ и законномъ порядкѣ. Неужели это—ходъ дѣла отчаянный? Положеніе очень дурно, но улучшается; цивилизація еще очень слаба, но растетъ. Къ чему это приведетъ раньше или позже? Спросите у самихъ англичанъ, они скажутъ: остѣ-индцы цивилизуются; когда они оцивилизуются на столько, что не будутъ нуждаться въ нашемъ руководствѣ, Остѣ-Индіа слѣдуетъ независимую отъ Англии. Добровольно ли мы уйдемъ изъ нея, прогонятъ ли насъ, этого мы точно не можемъ сказать напередъ нельзя; вѣроятно будетъ отчасти добровольная уступка, отчасти принужденное вытѣсненіе. Однимъ ли государствомъ останется Остѣ-Индіа, или распадется на нѣсколько государствъ, этого также нельзя сказать впередъ съ точностію; но вѣроятно будетъ нѣсколько государствъ, потому что населеніе распадается на нѣсколько огромныхъ племенъ. Впрочемъ, все это вѣроятно будетъ еще не такъ скоро, потому что до сихъ поръ индѣйцы еще слишкомъ далеки отъ нужнаго для того уровня цивилизаціи. Это говорятъ сами англичане. Что предвидать они относительно Остѣ-Индіи, то уже начало исполняться въ римскихъ провинціяхъ. Послѣ долгихъ бесплодныхъ попытокъ къ возвращенію національной независимости, — оставшихся бесплодными по слишкомъ малой еще тогда степени успѣха провинцій въ цивилизаціи, — Римская имперія начала очень явственно раздѣляться на 4 части: центромъ одной была Галлія, центромъ другой — Италія, третьей — Греція, четвертой — Малая Азія. Что тутъ было смертельнаго? Напротивъ, вѣдь въ каждомъ учебникѣ говорится, что распаденіе им-

періи Карла Великаго было результатомъ и свидѣтельствомъ успѣховъ, сдѣланныхъ шаціями, основаніемъ и залогомъ дальнѣйшаго прогресса. Вотъ то же самое началось и въ Римской имперіи. Управление имперіею посредствомъ четырехъ, какъ будто федеративныхъ государей оное время Діоклитіана, или распрежденіе имперіи на четыре префектуры, точно такъ же было фактомъ прогресса, какъ и распаденіе имперіи Карла Великаго. Тотъ и другой фактъ одинаково показываютъ, что побужденные народы успѣли подняться на столько, что уже не осталось прежняго чрезмѣрнаго разстоянія между ними и бывшими ихъ завоевателями. Разница лишь въ томъ, что римляне III и IV вв. нашего лѣтосчисленія стояли по цивилизации гораздо выше франковъ IX вѣка, стало быть и успѣхи, сдѣланные провинціями въ первые три вѣка нашей эры, были гораздо значительнѣе сдѣланныхъ ими въ первую половину Средней Исторіи.

Говорять, что стѣснительность формъ въ Римской имперіи была безвыходна, а грабительство римлянъ въ провинціяхъ безмѣрно. Дѣйствительно, самоуправство и хищничество проконсуловъ, а потомъ императорскихъ правителей были чрезвычайно велики; а формы управленія были чрезвычайно обременительны. Но какъ ни дурно было положеніе дѣлъ въ Римской имперіи, по заведеніи варваровъ оно сдѣлалось несравненно хуже. Римскіе гражданскіе и уголовные законы имѣли значительную степень достоинства; но заведеніемъ варваровъ закономъ сталъ произволъ, безумный капризъ алчнаго и кровожаднаго дикаря. Положить, что римскій проконсулъ или префектъ грабилъ и казилъ очень смѣло. Но онъ и его помощники понимали, что поступаютъ жестоко и притѣснительно, когда поступали такимъ образомъ. Стало быть они поступали такъ лишь когда побуждали ихъ къ тому расчетъ; они знали по крайней мѣрѣ, что рѣзать и грабить дурно, оставались справедливы и не жестоки во всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ случаяхъ, когда не было имъ прямой пользы отъ несправедливостей. Завоеватель-варваръ былъ не таковъ: онъ рѣзалъ людей такъ, какъ индлинцы бьютъ мухъ, — безъ всякой надобности, просто отъ скуки. Ему не нужно было для этого уклоняться съ пути, который онъ признавалъ справедливымъ; у него не было ни колебаній, ни опасеній; не было того несправедливаго чувства, которое отталкиваетъ человека отъ дурнаго дѣла. И для преодоленія этогого нужды особенныя довольно сильныя побужденія: нѣтъ, онъ не дѣлалъ ничего дурнаго, когда рѣзалъ и грабилъ. Онъ дѣлалъ это съ тѣмъ чувствомъ, съ каковымъ въспыскивалъ римскій законникъ садился играть въ преферансъ. Въ VI или VII столѣтіи жить было несравненно хуже, чѣмъ въ III.

И не только формы управленія были въ IV вѣкѣ еще отъсчительны, чѣмъ чрезъ 200 или 500 лѣтъ послѣ того, — формы эти уже готовились замѣниться въ Римской имперіи лучшими. Основаніемъ для возможности притѣсненій было слишкомъ низкое развитіе провинцій сравнительно съ Италіею; по мѣрѣ того, какъ провинціи цивилизовались, ослабѣвалъ этотъ главный источникъ безправности ихъ жителей. Мы знаемъ, что право римскаго гражданства постепенно предоставлялось одной провинціи за другою и наконецъ было распространено на всю Римскую имперію. Конечно, сначала это право оставалось почти только на бумагѣ, по недостаточной подготовленности жителей провинцій отстаивать его, по непривычкѣ ихъ считать себя людьми. Но вѣдь всегда бываетъ такъ; и тоже, какъ всегда бываетъ, провинціи по немногу стали привыкать пользоваться своимъ правомъ и желать лучшаго. Возникло общественное мнѣніе; подъ конецъ Римской имперіи оно уже достигало такой силы, что мѣры, принимаемыя безъ совѣта съ нимъ, оказывались неэффективными, и само правительство увидѣло надобность призвать выборный элементъ къ участию въ дѣлахъ. Градское и сельское управленіе мало по малу было передаваемо въ руки самаго общества, а въ послѣднія времена Римской имперіи начали появляться императорскіе декреты объ учрежденіи чего-то похожаго на провинціальныя сеймы. Разумѣется, эти уступки были только формальными, — на дѣлѣ императорская администрація оставалась полною властью; но вначалѣ вѣдь всегда такъ бываетъ. Следовательно формы политическаго устройства уже начинали измѣняться въ направленіи, открывавшемъ просторъ для гражданской жизни провинцій.

Столь же замѣтенъ прогрессъ въ юридическомъ положеніи массы. Она при завоеваніи провинцій находилась въ рабствѣ. Рабство довольно быстро смягчалось, замѣнилось крѣпостнымъ состояніемъ, и крѣпостные люди начали постепенно приобретать больше и больше правъ.

Такимъ образомъ во всѣхъ отрасляхъ цивилизованной жизни Римская имперія подвигалась впередъ: просвѣщеніе въ провинціяхъ распространялось; національности шли къ приобретенію несомнимаго существованія, въ управленіи стали являться выборный элементъ, права массы расширялись.

Въ чемъ тутъ признаки готовящагося, въ чемъ зародки — смерти отъ внутреннего изурядія? Напротивъ, вездѣ видны зародки болѣе высокой жизни въ лучшіе формы.

Возвратимся назадъ. Мы почти все существовавшее восточное было истреблено, римскій міръ отделили на нѣсколько сотъ лѣтъ назадъ къ тѣмъ временамъ, когда администраціею стали италіяно-

дние «архивогворилки», бредные по Еврею имперы и тевтоны, или въ временахъ, еще болѣе далекихъ; когда Македонія была населена дикарями, когда существовала была Малая Азія скивами, или еще раньше, когда водили греки на Трою. Не раньше XVII вѣка, быть можетъ только въ половинѣ XVIII вѣка, усилила континентальная Европа снова подняться до того положенія, до какого достигала въ концѣ III, въ началѣ IV вѣка. Прогрессъ былъ слишкомъ на 1000 лѣтъ задержанъ паденіемъ Западной Римской имперіи передъ варварами.

Но, говорятъ, самая побѣда варваровъ надъ Римскою имперіею доказывала несостоятельность Римской имперіи. Еслибы внутреннія силы римскаго міра не истощились, онъ легко отразилъ бы натискъ этихъ слабыхъ дикарей.

То есть какъ же это «легко» и какъ же это «слабыхъ»? Внутреннія силы Римской республики конечно были въ самомъ энергическомъ процвѣтаніи (если уже употреблять вашу метафору) около времени Марія. Что же мы видимъ? Кимвры и тевтоны истребляютъ нѣсколько римскихъ арій, чрезвычайно многочисленныхъ, и Римъ снова на одинъ волосокъ отъ опасности быть взятъ варварами, какъ былъ взятъ три столѣтія передъ тѣмъ, какъ былъ взятъ чрезъ пять столѣтій послѣ того. Или легко было римлянамъ побѣждать племена западной Германіи при Августѣ? А съ кѣмъ же тутъ боролись римляне? Лишь съ небольшою частіею, лишь съ отдѣльными племенами дикарей одной только западной окраины безмѣрнаго пространства отъ Рейна до Амура, которое все занято было такими же воинственными дикарями. Вообразимъ же себѣ, что всѣ эти народы устремились на западъ: не одни прирейнскія номады, какъ прежде, двинулись на римлянъ, — эти племена составляютъ теперь лишь ничтожный авангардъ несметныхъ алчныхъ полчищъ, которыя волна-волною льются на цивилизованный міръ изъ глубины центральной и восточной Германіи, изъ Европейской Россіи, изъ Туркестана, изъ Монгольской степи. Бьютъ первая волна, — она рѣбета, и накрыла равнинными широкую полосу цивилизованнаго прибрежья; за нею нахлынула другая волна, за другою третья, и — каждая до дна, стремительнѣйшія, и проливаются, сметающа, — такъ продолжается въ теченіе нѣсколько тысячъ лѣтъ; цѣла, ничего не осталось въ цивилизованномъ мірѣ уголка, который по нѣскольکو разъ не былъ бы, по топлень нахлывомъ этихъ свирѣпыхъ полчищъ. Какіе нибудь кимвры и тевтоны, съ своими кѣпъ, могутъ быть, сзую до до того переполненнаго населенія, возелебятъ Римъ, сдѣлають ставку, и, обь сдѣлаемъ степь Римской имперіи, тотъ, можетъ, чаръ она была дравъ, дакъ онакъ прудомъ вѣдетъ донкаго, населенія? —

Надобно было представить себе отношение сил между кочующими дикарями и цивилизованнымъ народомъ. Когда цивилизованный народъ посылаетъ регулярное войско для покоренія дикой страны, команды которой не думаютъ идти всю массу на цивилизованную землю, варварская страна завоевывается регулярными войсками. Таковы были походы Александра Македонскаго и римлянъ. Но если въ оборонительной войнѣ команды слабы, потому что раздѣлены обширностью своихъ пустынь на племена довольно полкиа, то совершенно иное дѣло, когда изъ глубины стѣнъ поднимаются эти полкиа племена и двигаются черезъ земли подобныя себѣ дикарей на цивилизованную страну: тутъ съ каждымъ шагомъ стремительно масса ихъ растетъ, захватывая въ себя или гоня впередъ собою племена, встрѣчающіяся на пути. Сила дикарей стремно возрастаетъ и отъ того, что они соединяются въ сплошную массу, и отъ того, что они одушевлены расчетомъ на грабежъ. Въ наступленіи они гораздо грознѣе, чѣмъ въ оборонѣ.

«Положимъ, что готы, вандалы, гунны и безчисленнымъ другимъ племенамъ и дружинамъ варваровъ двигались громадными массами, масса которыхъ не могли бы выдержать ни легионы Августа, ни легионы Суллы, ни Марія, ни Сципионовъ. Но послѣ того разитъ не было также безчисленныхъ фронтъ, что довольно слабымъ шайкамъ варваровъ проходили сквозь дѣлую страну, не встрѣчая нигдѣ отпора? Въ концѣ IV вѣка ужъ есть такіе фронтъ, а въ V ихъ очень много. Вотъ вамъ и доказательство, что древній міръ умираетъ, былъ безсилемъ, встѣхъ.» Разумѣется, сталъ онъ наконецъ и встѣхъ, и безсилемъ, и умеръ наконецъ, — кто въ этомъ сомнѣвается? — гдѣ о томъ и рѣчь идетъ, отчего ослабѣлъ онъ, отчего умеръ. Намъ очень тяжело множество ударовъ огромной булавой; онъ лежитъ на землѣ умирающій, — разумѣется, теперь слабая рука можетъ бить его хоть щепкой безразлично, — но дастъ онъ отпора; а потомъ гдѣ и чертъ будутъ бить его, и не пошевельитъ онъ пальцемъ, чтобы раздвинуть чертика. Какъ же онъ не обессилѣлъ, какъ же онъ не умеръ? Тогда не говорите пошлостью, что былъ онъ слабъ, что умеръ онъ отъ атрофическаго органическаго разстройства. Въдъ когда Анной былъ брошенъ задуманный Геркулесомъ, антонинъ негдѣ безразлично пошевелится надъ его громаднымъ тѣломъ. Что же, по вашему, Анной былъ хилый здоровый человекъ, или силѣлъ отъ атрофическаго разстройства?

Чѣмъ же былъ убитъ древній міръ? Мы прямо говоримъ: изжареннымъ варварствомъ, которое сдѣлало себя общими интересами отъ Рейна до Амура. Тутъ было не бѣдѣ, антонинъ еще дѣлалъ бѣдѣ страны отъ варваровъ. Никакой имперской необходимости

смерти не было. Напротивъ, жизнь была свѣта, прогрессъ безоста-
новоченъ. Погибель Римской имперіи — такая же геологическая ка-
тастрофа, какъ погибель Геркулана и Помпеи, какъ погибель стра-
ны, по которой гуляютъ теперь волны Зейдеръ-зе. Подобные случаи
погибели предмета, погибли дѣла отъ высшихъ разрушительныхъ
силъ, какъ бы ни здорово было дѣло, какъ бы ни исполненъ былъ
жизни предметъ, встрѣчаются ежедневно въ частномъ быту, встрѣ-
чаются безчисленное число разъ въ исторіи, только никогда не про-
ходила эта гибель въ известной намъ исторіи въ такомъ огром-
номъ размѣрѣ, какъ при гибели всего древняго цивилизованнаго
міра. Не толкуйте же о разумности, о благотворности этикъ ката-
строфъ. Лошадь ударила челевѣка подковою по виску, и онъ умеръ, —
какая тутъ разумность, какія тутъ внутреннія причины смерти? Дис-
сабонъ разрушенъ землетрясеніемъ, — виноваты ли въ томъ достоин-
ства или недостатки португальской цивилизаціи? Поднимается са-
мумъ, заноситъ нескомъ караванъ въ Сахарской степи, — не доказы-
вайте, что верблюды и лошади были шлохи, люди глупы, товары не
хороши. Слѣбная игра силъ природы въ стихіяхъ, въ животныхъ
или въ людяхъ, не вышедшикъ изъ животнаго состоянія. Помните
ли вы пѣсню Гёте о томъ, какъ Тилли бралъ Магдебургъ.

«Магдебургъ, Магдебургъ! Дѣвухи въ немъ красавицы, — кра-
савицы въ немъ и дѣвухи и женщины. Все цвѣтеть тамъ. Идетъ
къ нему Тилли, по цвѣтущимъ лугамъ, по цвѣтущимъ садамъ, идетъ
къ нему Тилли. Сталь подъ нимъ Тилли. — «Кто спасетъ нашъ го-
родъ, кто спасетъ нашъ домъ! Иди, мой милый, бейся съ нимъ». —
«Онъ не страшень, какъ ни грозитъ намъ. Поцалую твои алыя губ-
ки. Онъ не страшень». — Конецъ пѣсни вамъ извѣстенъ. Защитники
Магдебурга перебиты, городъ взятъ; дѣвуха бѣжитъ. Ландскнехтъ
останавливаетъ ее.

Ну, что же вы, доказываяе разумность факта: не былъ ли моло-
дой человекъ — трусъ, не была ли дѣвуха — шкетка, не за то ли они
верлибл, не аллется ли Тилли орудіемъ прогресса, не вносятъ ли
онъ въ Магдебургъ элементъ новой, лучшей жизни? Да и въ са-
момъ дѣлѣ, гдѣ Магдебургъ имѣлъ корпоративное устройство, съ
гильдейскими и маколами учрежденіями, такъ Тилли вѣроятно по-
неслъ развитію свободы промышленности, должно быть, что безъ
Тилли не могъ явиться Адамъ Смитъ и Кобденъ. Вѣроятно, поги-
бель Магдебурга была необходима для промышленнаго прогресса!
Чье оплотнѣніе! необходимый элементъ, убійца — самъ источникъ
своей смерти. Никъ, на атомъ приравну едѣла судитъ: всаго
ни бѣдѣтъ на себѣ: доблѣдѣтъ правде, доблѣдѣтъ д. нѣ

поватые; умираютъ фольные, умираютъ и шорные, — всѣхъ бываетъ.

Сколько добрыхъ живъ поблекла,
Сколько низкихъ рокъ щадать!
Нѣтъ великаго Патрокла,
Живъ презрительный Терситъ!

Въ населеніи самихъ провинцій Римской имперіи мы не найдемъ рѣшительно никакихъ причинъ считать погибель древняго міра дѣломъ нужнымъ или полезнымъ для человѣчества. Мы видимъ только крайнюю нецѣлѣсообразность, совершенное противорѣчіе съ фактами въ обыкновенномъ мнѣніи, будто бы древній міръ истощилъ свои силы, дошелъ до предѣла, выше котораго не могъ бы развиваться, и будто бы надобно было ему погибнуть для открытія возможности дальнѣйшаго прогресса человѣчеству. Но кромѣ этой дикой стороны, обращенной противъ древняго міра, господствующее мнѣніе имѣетъ другую сторону, очень лстивую для племени, завоевавшихъ римскія провинціи. На сколько древній міръ былъ безжизненъ и неспособенъ къ прогрессу, на столько же, видите ли, варвары отличались какими-то особенно жизненными элементами и были способны къ развитію; варвары, видите ли, внесли жизненные соки, и т. д., — развивается та же деревянная метафора, кончающаяся поэтическимъ уподобленіемъ: «такъ мутныя воды Нила, потопляя Египетъ, покрываютъ его слоемъ плодоснѣйшаго ила», — видите, до чего простерлась поэзія, даже рима выходитъ: Нила, ила. Превосходно! только ни съ Ниломъ, ни съ его плодотворнымъ иломъ никакого сходства нѣтъ. Позвольте спросить: почему это варвары были особенно способны къ прогрессу и какіе новые живительные элементы внесли они въ исторію?

Обыкновенно отвѣчаютъ: «принципъ личности». Въ древнемъ мірѣ будто бы личность поглощала государство, человекъ исчезалъ въ гражданинъ. У варваровъ, наоборотъ, индивидуализмъ свобода была выше всякихъ общественныхъ узъ. Тутъ простое и простое противопоставляются дѣлу алохн общественнаго блага, которымъ въпрочемъ бы имѣлъ со множествомъ другихъ эпохъ существовать въ самой исторіи древняго міра. У древнихъ дикихъ кочевническихъ племенъ, напримеръ у краснокожихъ северо-американцевъ, у индейцевъ, нѣтъ общественныхъ учрежденій, которые дѣйствовали бы постоянно и правильно; но въ моменты дѣйствительнаго кризиса или въ исключительныхъ случаяхъ, а въ обыкновенное время она существовала нѣтъ сходна собравшая тоже лишь въ особенныхъ случаяхъ, но обыкновенно дѣлаетъ между частными лицами распрямленіемъ

семи эти лица, какъ знаютъ. Если одно изъ нихъ обращается за покровительствомъ къ вождю или къ именованному собранію, другое лицо покоряется или не покоряется этой власти, какъ само разсудитъ; словомъ сказать, обыкновенное теченіе дѣлъ — полнѣйшая неурядица съ постепеннымъ восклиемъ и съ полнѣйшимъ деспотизмомъ вождя или сходни въ тѣхъ случаяхъ, когда возбуждается къ дѣйствию эта власть, противъ которой впрочемъ каждый, кто захочетъ, ведетъ войну. Тоже самое было и у германцевъ. Тоже самое въ старину, задолго до Филиппа, было и у македонянъ. Тоже самое было у вои́хъ именемъ, вошедшихъ въ составъ древняго міра, когда каждое изъ нихъ было въ состояніи дикости. Что тутъ особеннаго? и что тутъ особенно хорошаго? Или ужь не заключается ль въ такомъ состояніи общества прочный зародышъ свободы? Ничего. Власть вождя дремлетъ лишь потому, что богатствъ у каждого мало, а онъ — человѣкъ богатый, ему и скучно хлопотать изъ-за пустяковъ; онъ и спитъ себѣ, пока его растолкаетъ кто-нибудь съ просьбою о внимательствѣ. А какъ только является у членовъ общества богатство, привлекающее вниманіе вождя, онъ перестаетъ спать и оказывается неотъемлемымъ деспотомъ. Легко ему сдѣлаться деспотомъ потому, что племя имѣетъ военные права; онъ военный командиръ, а власть военнаго командира не знаетъ границъ; само племя расположено къ признанію такой власти. Вольные монголы и Чингизъ-ханъ съ Тамерланомъ, вольные тунны и Атиллѣ; вольные франки и Хлодвигъ; вольные олбугульеры и атаманъ ихъ шапки, — это все одно и тоже: то есть каждый волея въ волея, пока атаманъ не срубитъ ему головы, какъ вообще водится у разбойниковъ. Какой тутъ зародышъ прогресса, мы не въ силахъ понять; имѣется, напротивъ, что подобныя права — просто смѣсь анархіи съ деспотизмомъ.

Оно такъ и было. По завоеваніи римскихъ провинцій каждый членъ изъ именованной завоеванной разбойничаетъ, грабятъ и рѣжутъ все ему попадающееся, дѣль завоевателя и не вспоминаетъ, изъ своихъ ли товарищей, пока кто-нибудь зарѣжетъ его, а вождь между тѣмъ рубитъ головы у вои́хъ, кто попадаетъ ему въ руки.

Кромѣ этой особенной, никакой другой особенности мы не видимъ въ порядкѣ, введенномъ варварами. А эту особенность мы видимъ и у кельтовъ, и у цыганцевъ, и у татаръ, завоевавшихъ Русь, — впрочемъ это не сказать, дѣль у насъ, историческая школа, говорившая, что татарскій порядокъ былъ очень благотворенъ для Россіи. Но если о великихъ мамановыхъ, которые потребовали Навалою, а маманъ-Маманъ-Али, о турецкихъ султанахъ, о мадрасинцахъ, тунисинцахъ, алжирскихъ разбойникахъ, вайкохъ, съ ихъ дѣль и бѣдѣ (свергнутыи соотвѣтствующими деспотами) буржуа

сани, алеманскимъ, франскимъ дружинамъ съ ихъ предводителями) никто, кажется, не говоритъ, что они внесли новыя элементы прогресса въ страны, гдѣ утвердился ихъ разбой, и повели по пути прогресса население Босны, Герцеговины, Египта и т. д.

Но вѣдъ изъ этого разбоя, продолжавшагося вѣково, вышло наконецъ феодализмъ — вотъ и особенный элементъ, внесенный въ жизнь цивилизованныхъ странъ варварами. Хоть бы и былъ онъ особенный, какой же въ немъ прогрессъ сравнительно съ устройствомъ Римской имперіи въ самыя худшія времена ея? Тамъ все-таки была известнаго рода законность, хотя сколько-нибудь соблюдавшаяся. А феодализмъ — ни больше, ни меньше какъ грабежъ, приведенный въ систему, междуусобица, подводимая подъ правила. Теперь уже давно всѣмъ признано, что въ феодализмѣ не было рѣшительно ничего способнаго къ развитію, что онъ былъ лишь смягченною формою предшествовавшей ему полнѣйшей анархіи грабительскаго самоуправства. Ничего не могла взять цивилизація изъ этой формы, служившей только препятствіемъ для нея; все, рѣшительно все отвергала цивилизація изъ феодальныхъ учреждений, какъ только могла справиться съ ними. Разумѣется, сравнительно съ VI и VII столѣтіями феодализмъ былъ прогрессомъ, но лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ старинныя итальянскіе разбойники, бравшіе выкупъ, были прогрессомъ надъ прежними разбойниками, рѣзавшими безъ всякаго выкупа. Да и что спеціальнаго, особеннаго въ западномъ феодализмѣ? Возникъ онъ изъ того, что вольные люди записывались въ подданство могущественныхъ сосѣдей, чтобы чрезъ регулярное жертвованье частью дохода получать защиту противъ другихъ грабителей. Не точно такъ же записывались подъ власть сильныхъ людей вольные люди во всѣхъ странахъ въ эпохи сильной неурядицы; напримеръ, и у насъ такъ было въ смутныя времена самозванцевъ. Возникшая изъ этого форма отношеній между вѣростепенными владѣльцами и могущественнымъ провинціалышнымъ владѣльцемъ, какъ ихъ свѣрсенномъ, между областными владѣльцами и владѣльцемъ страны, какъ ихъ сюзереномъ, тоже не представляетъ ничего особеннаго: точно такъ же были отношенія князьскихъ радней къ императору; а князьскія радней къ сильнымъ раднямъ въ Ост-Индіи; какойнибудь Аудъ былъ какъ двѣ капли воды похожъ на какуюнибудь Саксонію или Бургундію XII вѣка. Раскройте Шанъ-Нанъ, вы увидите то же самое въ старинной персидской царствѣ: Русскія князья въ герцогахъ своей области, какъ бы то ни было, не имѣли особеннаго характера, какъ Герриксъ Мостъ, и находились въ Шану Кейзеру точно въ томъ же отношеніи, какъ свѣрсенній князь въ вѣростепенномъ кня-

ператору, какъ графъ пашанскій къ французскому королю. Точно въ такихъ же отношеніяхъ были такъ-называемые тираны греческихъ малоземскихъ городовъ къ царю персидскому. Теперь дѣло извѣстное, что формы, подобныя феодализму, являлись почти во всѣхъ странахъ въ періодъ перехода отъ ногайшей дикости къ высшимъ ступенямъ порядка, сколько нибудь законнаго. Древній міръ задолго до начала нашего лѣтосчисленія дошелъ уже до формъ болѣе совершенныхъ или, лучше сказать, до формъ, менѣе дикихъ.

Вотъ мы дошли и до конца средней исторіи, — вѣдь она кончается замѣненіемъ феодализма централизованною бюрократіею или чѣмъ нибудь подобнымъ. А достигла эта централизованная бюрократія полнаго господства надъ феодализмомъ не раньше, какъ въ XVII вѣкѣ; а въ Римской имперіи эта форма уже господствовала въ III вѣкѣ; значитъ, цѣлые 14 вѣковъ были потрачены на то, чтобы поднялась исторія хоть до той высоты, съ какой низвергли ее варвары. Вотъ теперь и разсуждайте о благодѣтельномъ вліаніи завоеванія римскихъ провинцій варварами. Вся благотворность этого событія состояла въ томъ, что передовыя части человѣческаго рода низвергнуты были въ глубочайшую бездну одиночества, изъ которой едва успѣли вылѣзть до прежняго положенія послѣдствіемъ 14-вѣковыхъ усилій.

Сдѣлаемъ теперь крутой поворотъ. Какое намъ дѣло до тѣхъ или другихъ понятій о способности или неспособности древняго міра къ дальнѣйшему прогрессу, о благодѣтельности или гибельности вѣдательства варварскихъ племенъ въ судьбу цивилизованныхъ странъ? Пусть пишутся объ этомъ специалистами ученые книги; насъ занимаютъ вопросы совершенно иные и, разумѣется, мы не стали бы тревожить такую ветхую старину, еслибъ разоблаченіе ошибочнаго взгляда на вопросъ ветхой старины не представлялось дѣломъ довольно важнымъ для очищенія самохвалныхъ и, къ счастью, пустыхъ мыслей о нѣкоторыхъ живыхъ отношеніяхъ. Мы говоримъ не о славянофилахъ. Если бы спорить приходилось лишь протѣгать ихъ, не стоило бы спорить, потому что они малочисленны и слишкомъ уже часто встрѣчаются люди, любящіе дешевымъ манеромъ подсмѣиваться надъ ними, не замѣчая того, что сами не чужды коренной тенденціи, изъ которой происходитъ славянофильство. Оно лишь — послѣдовательная, развитая форма чувства, существующаго чуть ли не въ большинствѣ нашего общества, проглядывающаго, къ сожалѣнію, даже у многихъ изъ людей, имѣющихъ вліаніе на мысли всей публики. «Мы призваны обновить жизнь цивилизованнаго міра, внести въ нее высшіе элементы, которыхъ сама она выработала не въ силахъ». Всмотритесь хорошенько

къ самому зачатому западнику, онъ съ этой стороны: часто оказывается славянофиломъ.

Мы далеко не восхищаемся нѣмѣцкимъ состояніемъ западной Европы; но все-таки полагаемъ, что нечѣмъ ей позавидовать отъ насъ. Если сохранился у насъ отъ патриархальныхъ (дикихъ) временъ одинъ принципъ, нѣсколько соотвѣтствующій одному изъ условій быта, къ которому стремятся передовые народы, то нѣдъ западная Европа идетъ къ осуществленію этого принципа совершенно независимо отъ насъ. Новыя экономическія тенденціи стали обнаруживаться во Франціи и въ Англіи задолго до того, какъ баронъ Гакстаузенъ разсказалъ нѣмцамъ о нашемъ обычномъ общинномъ землевладѣніи; а французы и англичане узнали объ этомъ нашемъ обычаѣ отъ нѣмцевъ еще позднѣе, — чуть ли не вчера только или третьяго дня. Ихъ мыслители нашли истину безъ помощи знаній о нашемъ бытѣ: они и не подозрѣвали даже, когда составляли свои теоріи, что у одного изъ русскихъ племенъ сохранилось общинное землевладѣніе. Распространялись и распространяются до сихъ поръ ихъ мысли въ западной Европѣ также безъ всякаго отношенія къ нашему обычаю: ни для кого изъ приверженцевъ новыхъ теорій на западѣ не служитъ онъ доводомъ въ пользу новыхъ теорій. Это все равно, какъ изобрѣтены были и распространены по Европѣ висячіе мосты, безъ всякаго участія тутъ нѣсколько похожей вещи, издѣвна существующей, — не поминимъ, у китайцевъ ли, или у какого-то другаго восточно-азиатскаго народа: перебрасываются съ одного края ущелья на другой веревки и настилаются на этихъ веревкахъ доски. Европейскіе инженерны и не подозрѣвали о существованіи такого факта, когда стали доказывать возможность и пользу висячихъ мостовъ, и вошли въ употребленіе такіе мосты безъ всякой помощи китайскаго или какого другаго восточно-азиатскаго вліанія. Какое же тутъ участіе имѣли китайцы въ прогрессѣ европейской инженерной науки и практики? Чѣмъ была тутъ или будетъ обязана имъ человѣческая цивилизація или западная Европа? Напротивъ, когда они изъ своего Богъ-знаетъ какого безтолковаго состоянія перейдутъ въ порядочную цивилизацію, они же будутъ учиться отъ западной Европы не тѣмъ однимъ вещамъ, сходнаго съ которыми ничего не было у нихъ въ ихъ прежнемъ азіатствѣ, а между прочимъ и постройки висячихъ мостовъ, сходная съ которыми вещь была у нихъ. Принципъ, положимъ, дѣйствительно одинъ и тотъ же. Но форма, до какой развивается вещь, порождаемая принципомъ, совершенно не та, и китайцамъ безъ помощи европейской цивилизаціи никакъ нельзя было бы дойти до висячаго моста, дѣйствительно прочнаго, удобнаго, удовлетворяющаго надобностямъ

цивилизовавшаго общества; а та форма, какаа существовать у нихъ при азиатствѣ, вѣдь и неудовлетворительна для общества, скольконибудь развитаго. Что же хорошаго въ китайскихъ веревочныхъ мостахъ? Хорошо въ нихъ то, что при своемъ прежнемъ и нынѣшнемъ азиатствѣ, китайцы, бывшіе неспособными имѣть постройки болѣе совершенной формы, терпѣли бы еще больше неудобствъ, еслибъ не было у нихъ хоть веревочныхъ мостовъ. Значить, для китайцевъ эти мосты были и остаются пока полезны, даже очень полезны, пожалуй, благодѣтельны и спасительны; но вѣдь для самихъ же китайцевъ только; а Европѣ не принесли, не приносятъ и не могутъ принести никакой пользы. Они ей совершенно не нужны; они для нея совершенно неудовлетворительны. А для китайцевъ они, какъ мы ужъ говорили, очень полезны. И не только теперь полезны при ихъ азиатствѣ, при ихъ неспособности имѣть лучшіе пути сообщенія съ лучшими мостами. Навѣрное, обычный этотъ фактъ окажется полезнымъ и для дальнѣйшаго ихъ прогресса, когда они станутъ способны завести у себя лучшіе пути сообщенія по европейской наукѣ. Вѣдь мандарины не сдѣлаются же вдругъ просвѣщенными европейцами, истинными реформаторами, какими нибудь Стефенсонами или Робертами Овенами: долго будетъ у нихъ въ головахъ сидѣть азиатская рутина съ отвращеніемъ отъ всего истинно европейскаго. Вотъ имъ и будутъ говорить порядочные инженеры: «что же такое, вѣдь всячіе мосты—чисто національное наше китайское учрежденіе; вѣдь въ нихъ нѣтъ ничего европейскаго, развращеннаго и гибельнаго для китайскихъ порядковъ». Да и народъ китайскій не легко повѣрилъ бы удобству и прочности желѣзныхъ всячѣхъ мостовъ, если бы не привыкъ къ своимъ веревочнымъ; ну, а теперь каждому будетъ видно, что желѣзные всячіе мосты безопасны во всѣхъ отношеніяхъ: и съ китайскими порядками сходны, и ходить или ѣздить по нимъ вовсе не страшно. Значить, китайцы будутъ много обязаны своимъ нынѣшнимъ веревочнымъ мостамъ за легкіе успѣхи новаго инженернаго искусства въ ихъ странѣ.

Вотъ точно такого же рода исторія и съ нашимъ обычнымъ землевладѣніемъ. Европѣ тутъ позаимствоваться нечѣмъ и не для чего: у Европы свой умъ въ головѣ, и умъ гораздо болѣе развитый, чѣмъ у насъ, и учиться ей у насъ нечему, и помощи нашей не нужно ей; и то, что существуетъ у насъ по обычаю, неудовлетворительно для ея болѣе развитыхъ потребностей, болѣе усовершенствованной техники; а для насъ самихъ этотъ обычай пока еще очень хорошъ, а когда понадобится намъ лучшее устройство, его введеніе будетъ значительно облегчено существованіемъ прежняго обычая, представляющагося сходнымъ по принципу съ порядкомъ, каковой

тогда понадобится для насъ, и дающимъ удобнее, просторное основаніе для этого новаго порядка.

Кромѣ общиннаго землевладѣнія невозможно было самымъ усерднымъ мечтателямъ открыть въ нашемъ общественномъ и частномъ бытѣ ни одного учрежденія или хотя бы зародыша учрежденія для предсказываемаго ими обновленія ветхой Европы нашею свѣжею помощію. Мы тутъ говоримъ, разумѣется, не о славянофилахъ: у славянофиловъ зрѣніе такого особеннаго устройства, что на какую у насъ дрянъ ни посмотрятъ они, всякая наша дрянъ оказывается превосходной и чрезвычайно пригодной для оживленія умирающей Европы. Одинъ увѣряетъ, что очень хороша привычка нашего народа безотвѣтно подвергаться всякимъ надругательствамъ и что западная Европа умираетъ отъ недостатка этой похвальной черты, а спасена будетъ нами чрезъ наученіе отъ насъ такому же смиренію. Другой находитъ, что мы молодцы пить и гулять, что западная Европа должна научиться отъ насъ широкому русскому разгулу, то есть дракамъ въ харчевняхъ и битью стеколъ въ трактирахъ, и спасена будетъ отъ смерти собственно этимъ. Третій проникаетъ глубже въ народную жизнь, и отъ домашняго очага, то есть отъ сбитой изъ глины печи черной избы выносить иное сокровище: битые женъ мужьями, битые сыновей отцами (и, наоборотъ, битые отцовъ сыновьями, когда отцы одряхлѣютъ), отдаванье дочерей замужъ и вѣнчанье сыновей по приказанью родительскому безъ надобности въ согласіи женимыхъ и выдаваемыхъ замужъ; эти семейныя отношенія должны послужить идеаломъ для западной Европы, которая и спасется чрезъ нихъ. Четвертый восхищается продолжительностью вашей жестокой зимы, — и находитъ, что западная Европа разслабѣла отъ недостатка морозовъ; но ужъ въ этомъ никакъ нельзя ей помочь, и онъ откровенно сознается, что дѣло ея пропащее. Мы говоримъ не о такихъ людяхъ: ихъ мало, и спорить съ ними не стоитъ; мы говоримъ не про чудаковъ, а про людей, разсуждающихъ по обыкновенному человѣческому смыслу. Они кромѣ общиннаго землевладѣнія не видятъ у себя ничего такого, чему полезно было бы распространиться отъ насъ на передовыя страны и чѣмъ бы могли мы содѣйствовать ихъ оживленію. А этому обычаю Европѣ поздно научиться отъ насъ, да и не нужно учиться, потому что сама она гораздо лучше насъ понимаетъ, какіе новые порядки ей нужны, какъ ихъ устроить и какими способами вводить. Значитъ, оживлять намъ ее ровно ужъ нечѣмъ.

Нечего намъ и хлопотать объ этомъ: никакихъ оживлятелей не нужно ей. Она и своимъ умомъ умѣетъ разсуждать и своими силами

уметь, а вѣтъ что ей угодно, и спросить еще довольно у ней на все, что ей нужно дѣлать.

Или вы начнете говорить, что она ветшаетъ, слабѣетъ силами, что она отжила свою жизнь и т. д., — то есть одѣтъ возвратитесь къ той же метафорѣ о деревѣ, которая оказалась обмѣщива, и все къ тому же примѣру древняго мира, который оказался свидѣтельствующимъ совершенно противное, — къ этому ли возвращаетесь вы? Пожелаю, потолкуемъ еще разъ.

«Старыя страны, долго жившія историческою жизнью, истощаютъ свои...» — ну, конечно, продолженіе мы ужъ слышали. Разсудите сначала хотя о древнемъ мірѣ, — для краткости хотя о западной, половинѣ его, о Западной Римской имперіи; для большей краткости будемъ говорить лишь о сѣверной части ея, о западно-европейскомъ кускѣ Римской имперіи. Онъ состоялъ изъ Италіи, юго-западной Германіи, нѣмецкаго рейнскаго побережья, Бельгіи, Голландіи, Англіи, Франціи, Пиринейскаго полуострова. Изъ всѣхъ этихъ странъ, какія имѣли долгую историческую жизнь передъ разрушеніемъ западнаго римскаго міра? — одна только Италія. Всѣ остальные еще въ началѣ нашего лѣтосчисленія были совершенно дикими, варварскими, то есть по вашей терминологіи: ювыми, свѣжими, дѣвственными. Отъ этой дѣвственности и свѣжести начинали онѣ избаловаться, — мы видѣли, что понемногу они цивилизовались; мы даже хвалили ихъ успѣхи, наводили въ нихъ залюги дальнѣйшаго прогресса; но если то, что казалось намъ хорошо, по вашему было губительно, то нечего сказать, вѣдь не Богъ-знаетъ еще сколько этой гибели привидѣлось къ нимъ, не Богъ-знаетъ сколько заразились онѣ ядомъ цивилизаціи: въ концѣ III вѣка, въ половинѣ IV вѣка, онѣ все еще были странами полудикими: масса туземнаго населенія оставалась еще очень невѣжественна, то есть, по вашему, свѣжа. Въ исторической жизни эта масса не принимала еще ни малѣйшаго участія; образованные классы были все еще малочисленны, да и они только лишь начинали принимать участіе въ исторической жизни, едва лишь начинали въ нихъ пробуждаться первыя неопредѣленныя мысли о самостоятельности. Значитъ, если долгая историческая жизнь не увеличиваетъ, а уменьшаетъ способность страны къ прогрессу, — то есть печва; по вашей метафорѣ, не удобряется, а истощается растущимъ на ней лѣсомъ, и чѣмъ дольше разрастается лѣсъ, тѣмъ меньше остается свѣжихъ соковъ въ землѣ, — если думать и такъ, въ противоположность здравому смыслу, то все-таки по вашему же принципу оказывается, что Пиринейскій полуостровъ, Галлія, Британія, Прирейнскія и нѣмецкая полосу были странами очень свѣжими, очень способными къ прогрессу, въ то время, какъ варвары стали истреблять въ

нихъ разлашающуюся цивилизацію. Посмотрите теперь на западную Европу. Если цивилизація истощаетъ свѣжесть народныхъ силъ, если участіе въ исторической жизни уменьшаетъ способность къ прогрессу, то дѣйствительно ли населеніе западной Европы очень уже истощено въ этихъ отношеніяхъ?

Образованности въ западной Европѣ очень много. Такъ; неужели масса народа и въ Германіи, и въ Англіи, и во Франціи еще до сихъ поръ не остается погружена въ вѣроятное невѣжество? Утѣшьте: она вѣрится въ колдунювъ и вѣдьмъ, изобилуетъ бесчисленными суевѣрными расказами совершенно еще языческаго характера. Неужели этого мало вамъ, чтобы признать въ ней чрезвычайную свѣжесть силъ, которая, по вашему, соразмѣрна дикости?

Нынѣшнее состояніе массы въ самыхъ передовыхъ странахъ достаточно ручается, что она до сихъ поръ почти вовсе еще не жила историческою жизнью, а продолжала нисколько вѣковъ дремать младенческимъ сномъ, какими дремали наши любимыя молодья страны. А не полагаетесь вы на этотъ выводъ, по нашему совершенно очевидный, то справьтесь съ исторіею. Исторія прямо вамъ говоритъ, что феодальное время было временемъ исторической жизни исключительно однихъ только феодаловъ и рыцарей: сначала подъ этими настоящими своими именами, потомъ подъ именами высшаго сословія или аристократіи, они одни распоряжались судьбою странъ: строили учрежденія, какія хотѣлось имъ, воевали, судили, уравнивали и поживали себѣ какъ сами думали, не допуская другихъ сословій равно ни къ чему. Когда же кончился феодальный вѣрокъ? Во Франціи въ концѣ прошлаго вѣка, значитъ—еще не очень давно; въ Англіи,—объ ней мнѣнія различны: по словамъ однихъ, въ ней онъ еще продолжается; по словамъ другихъ, кончился въ 1846 г. отиѣною хлѣбныхъ законовъ; иные говорятъ, еще раньше, въ 1832 г. парламентскою реформою, а еще другіе говорятъ будто еще раньше, въ концѣ или въ половинѣ XVII вѣка, при второмъ или при первомъ низверженіи Стюартовъ. Возьмемъ самый далекій срокъ, все-таки выходитъ немногимъ больше 200 лѣтъ. Въ Германіи покончилось господство феодализма Наполеоновскими завоеваніями и реформами Штейна въ началѣ нынѣшняго вѣка; но это лишь въ западной и сѣверной Германіи, а въ южной, въ австрійскихъ земляхъ — въ 1848 году. До эпохъ, нами обозначенныхъ, ни въ одной изъ этихъ трехъ передовыхъ странъ не было въ исторической жизни сильнаго участія не только со стороны массы населенія, но и со стороны средняго сословія. Значитъ, еще некогда было истощиться отъ продолжительной исторической жизни силамъ не только массы населенія, но и силамъ средняго сословія. Вы видите, что оно только

еще принимается за веденіе историческихъ событій, за устройство общественнаго порядка по своимъ надобностямъ: и въ Германіи и въ Англіи, да и въ самой Франціи, какъ видитъ каждый, еще очень сильны элементы, сохраняющіеся отъ феодализма: армія и бюрократія.

По мнѣнію веродочныхъ писателей о сельскомъ хозяйствѣ, чѣмъ дольше воздѣлывается земля рациональнымъ образомъ, тѣмъ плодороднѣе она становится. Вы, посмотрѣвшіеся должно быть одного только залежнаго хозяйства, по которому чрезъ три года земля становится никуда негодна и нивы переносятся на новое мѣсто, думаете, что историческая жизнь истощаетъ силы страны. Такъ вотъ, если даже и оговориться съ вашимъ понятіемъ, все-таки выходитъ, что лишь одна ничтожная доля въ составѣ населенія каждой передовой страны могла истощить свои силы, а если брать весь народъ страны, то слѣдуетъ сказать, что онъ еще только готовится выступить на историческое поприще, — только еще авангардъ народа, среднее бословіе, уже дѣйствуетъ на исторической аренѣ, да и то почти лишь только начинаетъ дѣйствовать; а главная масса еще и не принялась за дѣло, ея густыя колонны еще только приближаются къ полю исторической дѣятельности.

Рано, слишкомъ рано заговорили вы о дряхлости западныхъ народовъ: они еще только начинаютъ жить.

Но вы видѣли, что точно такъ же едва начиналась историческая жизнь и въ провинціяхъ Римской имперіи. Кто намъ поручится, что и жизнь западной Европы не подвергнется такой же катастрофѣ?

Ручательствомъ за то, что не будетъ такой катастрофы, служатъ географія, статистика, технологія и военное искусство. Отношеніе цивилизованнаго міра къ варварскому и полуварварскому теперь уже и по пространству земли и по числу населенія не то, какое было въ прежнія времена. Римская имперія имѣла огромную величину; она равнялась пространствомъ всей нынѣшней западной Европѣ. Но огромнѣйшая часть ея состояла изъ земель, только еще начинавшихъ цивилизоваться: уровень просвѣщенія въ нихъ возвышался еще не столько собственными ихъ силами, сколько вліяніемъ Италіи и Греціи; быть можетъ довольно скоро, — черезъ два, черезъ три вѣка, — онѣ приобрѣли бы силу держаться и самостоятельно; но когда начался натискъ варваровъ, онѣ держались еще только умственнымъ развитіемъ итальянскаго и греческаго племени. Италія, то есть пространство земли величиною въ какихъ нибудь 5,000 географическихъ миль, и Греція, съ своими островами и узкою полосою малоазійскаго побережья, то есть пространство въ какихъ нибудь двѣ или три ты-

сачи географич. мѣль, еще оставались единственными странами, въ которыхъ цивилизація достигла такой силы, что образованность ихъ уже существовала и развивалась внутреннимъ могуществомъ. Такимъ образомъ, весь тогдашній уже цивилизованный мѣръ ограничивался двумя небольшими землями, которыя однѣ и служили существенно важными частями его, центрами, къ которымъ лишь примыкали остальные громадные пространства, получающія жизнь изъ этихъ центровъ. Теперь не то: въ западной Европѣ есть страны, которыя въ томъ или другомъ отношеніи цивилизованы больше другихъ; но и страна, наименѣе сдѣлавшая успѣховъ, никакъ уже не можетъ быть названа полуварварскою. Канада ибудь Испанія, или Померанія, или Трансильванія все-таки — страны цивилизованныя. Нѣчто подобное положенію, въ какомъ были всѣ части Римской имперіи, кромѣ Италіи и Греціи, представляетъ теперь быть лишь немногихъ, очень на большихъ уголковъ западной Европы, — острова Сардинія, отчасти острова Корсики; но и Корсика и Сардинія все-таки несравненно дальше отъ дикости, чѣмъ была въ III вѣкѣ Галлія, не говоря уже о другихъ римскихъ провинціяхъ. Тогдашнее состояніе этихъ провинцій можно сравнить съ тѣмъ, что представляетъ теперь Остъ-Индіа, или островъ Ява, или ближе къ Европѣ, Алжирія. Цивилизованный элементъ страны сосредоточивается преимущественно въ пришельцахъ другого племени; довольно многіе туземцы принимаютъ такую же цивилизацію и число ихъ увеличивается, но все-таки масса туземнаго простолюдія еще остается совершенно варварскою. Если бы цивилизованный мѣръ нашъ ограничивался одною Англіею съ Остъ-Индіею и если бы вообразить, что Англія лежитъ гдѣ ибудь на краю Остъ-Индіи, это было бы совершенно сходно съ состояніемъ Римской имперіи. Разумѣется, трудно было бы ручаться, что этотъ небольшой уголокъ, прижатый къ огромному пространству полудикихъ земель и ослабленный каждымъ несчастіемъ еще столь слабой цивилизаціи въ этихъ земляхъ, можетъ удержаться противъ наплыва дикихъ ордъ изъ всей центральной Азии. Такимъ образомъ, первая разница: широкость и прочность основанія, приобрѣтеннаго новою цивилизаціею. Сосредоточенно тому, какъ увеличилось пространство цивилизованныхъ земель, уменьшилось пространство земель, откуда можетъ устремиться на нихъ потокъ варварства. Еще разительнѣе измѣнилось отношеніе по числу населенія. Если мы исключимъ Китай, Японію, Остъ-Индію, племена которыхъ, конечно, уже не грозятъ вторженіемъ въ западную Европу, то весь остальной старый свѣтъ уже не имѣетъ столько населенія, какъ западная Европа. Если считать силу по числу рукъ, перевѣсъ силы уже на сторонѣ западной Европы. Не такъ было полторы тысячъ лѣтъ

тому назадъ, когда существенное сопротивленіе безчисленнымъ дикарямъ ограничивалось лишь населеніемъ Италіи и Греціи. Наконецъ технология и военное искусство находится теперь совершенно въ иномъ положеніи. У варвара и у римскаго легионера самымъ сильнымъ оружіемъ былъ мечъ, который умѣютъ ковать и въ полуварварскихъ странахъ. Если бы судьба походовъ рѣшалась и теперь на лашахъ и штыкахъ, успѣхъ могъ бы еще представляться возможнымъ. Онъ затруднился съ изобрѣтеніемъ пороха, съ появленіемъ ружей и пушекъ. Но пока оставались старинныя ружья, старинныя пушки слишкомъ топорной работы, какой нибудь Достъ Мохаммедъ афганскій могъ устроить у себя оружейные и литейные заводы не хуже европейскіихъ. Теперь не то. Когда возмущилась бенгальская армія, англичане, разумѣется, были очень поражены неожиданною перспективою растраты, успій, какихъ стоить будетъ имъ борьба, но въ заключеніе очень основательно прибавляли: «мы снабдили этихъ спаевъ превосходнѣйшимъ вооруженіемъ, но чинить своихъ ружей они не могутъ, дѣлать патроны для нихъ не могутъ; когда они разстрѣляютъ захваченные ими въ нашихъ арсеналахъ патроны, они останутся почти безоружны противъ насъ; потому что тѣми ружьями, какія они могутъ и чинить, тѣми патронами, какіе они могутъ дѣлать, сражаться имъ съ нами нельзя».

ПОГОДА ЗА ЛУЧШЕЕ.

КРИТИЧЕСКІЕ ОЦѢНКИ.

II.

МОТИВЫ ОБЩЕСТВЕННАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

(По поводу педагогическихъ статей г. Ушинскаго.)

Современная намъ эпоха обильна различнаго рода теоріями и проэктами. То «Труды комиссіи», то «Прозектъ преобразованія», то прозектъ устройства дѣснаго хозяйства, то «Шагъ впередъ», то прозектъ учительскихъ семинарій, то книжонки съ бойкимъ заглавіемъ «Нѣтъ болѣе шулерства!», «Нѣтъ болѣе мышей...», то объявленія «Нѣтъ болѣе сѣдыхъ волосъ!», — короче, насъ пугаетъ частица «то» и мы, перечисливъ столько заголовковъ, удивляемся пробѣлу: нѣтъ объявленія о прекращеніи общаго горя... Немудрено, что только прозектъ министерства обсуждается русской литературой; о прочемъ отозвались лишь нѣкоторые наши журналы и то какъ бы вскользь.

Въ самомъ дѣлѣ слово «воспитывать» имѣетъ слишкомъ большое значеніе для всякаго развитаго отца. Если купецъ хлопочетъ о возможно большей свободѣ своей торговли отъ пошлинъ; если акціонеръ чутко прислушивается къ говору о благосостояніи компаніи, гдѣ его капиталы; если, наконецъ, подчиненный старается угодить своему начальнику, то какъ же отцу не заботиться о воспитаніи своего сына, чтобы направить свое продолженіе (смотря даже съ этой точки зрѣнія) не по торной дорогѣ дармоеда, лишняго чело-

ища, а дать ему нравственную силу добывать себѣ кусокъ хлѣба? Конечно, между отцами слишкомъ много степеней людей различно развитыхъ, оттого-то у многихъ воспитаніе ведетъ въ одну сторону, у другихъ — въ другую. Но что такое отецъ и сынъ? Неужели первому принадлежить право распорядиться самовольно будущимъ своего дитяти? По нашей практикѣ—отвѣтъ утвердительный, но къ какимъ результатамъ ведетъ наша практика?

Родители взростили своихъ дѣтей дома, научили съ грѣхомъ пополамъ читать и писать и въ условный часъ отдали ихъ подъ опеку правительства, пусть дѣлаютъ что знаютъ, — замѣчательное пожертвованіе: прервать ояазъ съ ребенкомъ! Но нѣкоторые не признаютъ достаточнымъ это для себя, находятъ необходимымъ прибавить сюда еще домашнюю жизнь, они не рѣшаются отдать своего сына въ исключительный надзоръ казенно-учебныхъ гувернеровъ, они болтса, что ихъ дитя не достигнетъ той цѣли, которую должно имѣть русское училище. Наврасно опасеніе!

Напримѣръ, преподаваніе русскаго языка... Вы начинающій, у васъ есть нѣсколько человекъ подчиненныхъ. Что вы отъ нихъ требуете, на что вы обратите вниманіе? на многое, но прежде всего вамъ нужно будетъ знать, знакомъ ли вамъ подчиненный съ образомъ отправления служебныхъ обязанностей и не введетъ ли онъ васъ въ неспрїятность. А чтобы вы были довольны, для этого не надо воспитанниковъ казенно-учебнаго заведенія начинать различными свѣдѣніями по исторіи литературы, влившими въ служебной дѣятельности. Сообразивъ это, взгляните въ преподаваніе роднаго языка въ его историческомъ развитіи. Вы увидите, что сухой перечень весьма полезенъ въ этомъ дѣлѣ. Рѣдко, очень рѣдко вы встрѣтите въ учебномъ заведеніи писателя, читающаго въ свободное время какое нибудь литературное произведеніе, — съ самаго дѣтства отвыкаютъ отъ того, что имъ влищно въ будущемъ, и все свое вниманіе обращаютъ на изученіе и затверживаніе урока (какимъ представляется имъ заданное по предмету изученія отечественнаго языка), сокращая и убавляя изъ руководства все, по ихъ мнѣнію, ненужное. Если даже страсть нѣкоторыхъ перейдетъ за стѣны училища, то и тогда, подавленная сперва новыми работами, потомъ уничтожаемая трудностью имѣть хорошую книгу безъ жертвъ и лишеній, она погаснетъ самасобой, какъ гаснетъ свѣтильня, опущенная въ воду, — замѣнится преферансомъ, шtosомъ, гольцомъ, бильярдомъ, источниками увеличенія доходовъ и матеріальнаго состоянія. А понятно, что для подобной жизни нужнатоько природная сметка. Иногда невольнo поражаешься нападками и придирками нашей журналистики къ казенно-учебнымъ заведеніямъ: они идутъ своей дорогой, они выработы-

ваго същества, выходя для административной деятельности, а потому стоятъ риска на званіи и не дѣлать ни «охлажденія» способности складать прикладныя математич. разсуды, они вынуждены всею возможно большою частью изъ общества рѣшъ нравственно-нравскихъ задачъ, — почему требуютъ отъ нихъ перышки пера и убѣдливой тона, что склится разбить обухъ лавкамъ.

Для учащихся въ казенно-учебныхъ заведенияхъ нужна зная природа, страны, вѣтвности, климата, прикладныя, теорія... все это превозмозно въ ширѣ и требованіяхъ профессіи ихъ будущей жизни. Курсъ преподавательскаго учителя не входитъ въ глубину, многостороннее разсмотрѣніе всѣхъ звѣзъ существующаго міра. Существуютъ слоны, бегемоты, гиеноманы, носороги — охотничья: не восты не ихъ въ казнь. Если индустрія, маляки, — останутся: много хлѣбятъ. Такъ-то надо-ни-малу (сохраняя тихое-спокойно растутъ) наберется курсникъ, — знаній и свѣдѣній насущныхъ достаточно, а что до основанія, до извѣстнаго развитія и выработки, — то ее нѣтъ, малая и не предвидѣнная способностью залезать далеко въ глубь. И, востраже, выходятъ достаточно образованные люди: ослица не выведутъ осленка, а корова — быкомъ, знаютъ, что ослица — не оселъ, а корова — не быкъ, а спросите различіе — не скажутъ.... нѣтъ приличія! А между тѣмъ у насъ слышатся жалобы на малоболь шитондѣ къ ослѣдственнымъ, статистическимъ и географическимъ познаніямъ. «Презять...», извѣрять, вынуждѣно не географію — дозять уроковъ. Достаточно, или нѣтъ? с. Основное выводитъ, что въ дозять уроковъ немыа пробѣи этого предмѣтъ по требованіямъ любителей и приверженцевъ географіи, что «Географія по праву должна остаться одною первоначальнорою, сухою и трудною наукою» («Ж. М. Н. Прозв.» № 9. стр. 148). А что, спроси я, если будетъ болѣе дозвать уроковъ? Что, если тогда вынуждѣно не маломѣ бросить дѣла, бросить службу, да уйдешь въ лучшую по климату и вѣтвности сторону? кто вынуждѣно? — учени! Нѣтъ, лучше учиться безъ грама

Чему нибудь и какъ нибудь.

Нужна исторія.... Мы слышались, что исторія привлекаетъ дѣтей своею сказочностью. Но чтобъ опровергнуть эту клевету, намъ стоятъ только сослаться на гг. Кайданова, Зуева, Берте, Смараглова, Устрялова и всѣхъ вообще промышленяющихъ и пекущихся о распространеніи историческихъ знаній. Хотя бы «Руководство къ изученію всеобщей исторіи (')» почтеннаго Семена Николаевича Смараг-

(') «Руководство» — Смараглова издано издательствомъ Воспитательнаго Дома, но принято многими гимназіями для преподаванія взгляда на всеобщую исторію.

дела. Начиная съ простоты и даже до раздѣленія всемирныхъ судьбъ на востокъ и западъ, и на вѣсть и на тѣнь, но не на мысль... Кто ослѣпиль рукою, когда Семанъ Николаевичъ начинаетъ обрисовывать екатерининскаго Раммаша, восточнаго, безчеловѣчнаго Робеспьера, а кто? — Кременья и даже цѣлую націю нагнанныхъ — показавшись, когда онъ съ счастливою доходитъ въ нагетинской оргіи до выскока замѣчательнаго эпитета: «продеть корала» — примѣръ небывавшій въ исторіи! — А «Начертаніе русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній, пришлое Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ руководство для гимназій» Авторъ его — академикъ Н. Устряловъ. Сперва идетъ начало — перечисленіе обитателей вѣршинной Европѣйской Россіи, а въ концѣ мы узнаемъ, что наши предки славно «жили въ городахъ Лазогу, Волгоградъ, Смоленскъ, Полоцкъ, Кіевъ (не болѣе), считались земледѣльцами и рыбачами (когда?) и въ почваго соотоліи; но вообще жили раздѣльно, отдѣльными клѣтками, и молчаливо исламъ, истребляли другъ друга въ браняхъ мѣждоусобныхъ и, не смотря на свою многочисленность, были логкою добычею воинственныхъ иноплеменниковъ» (кого и какъ?). Далеко узнаемъ, что они «жили въ оазисѣ Гречіи», подымались на лодкахъ по сушѣ въ Константинополь, били хазаръ, жили князьями, эти князья «собирались, дрались, неожиданно на Кавказѣ ихъ побилъ татары, а потомъ переехали и т. д. и т. д.». Нелогично бы думать, что подобнымъ побужденіемъ и слѣдомъ остаются безъ вліянія на теорію воспитанія, на само общество, что за стѣнами училища нѣтъ привѣренія и старанія подражать выраженному. У насъ первая забота при записаніи и образованіи своихъ дѣтей дѣйствовать сообразно съ теоріей нашихъ педагогическихъ задачій. Мы стараемся изъ нихъ замѣрять и выбрать планъ нашихъ собственныхъ дѣйствій, или приобретаемъ чуждыя знакомство съ ними, писавшаго, или пишущаго по господствующимъ, нафанташнымъ, навравающимъ. Теорія, въ свою очередь, отключается отъ жизни, отлучается отъ существующаго. Мы работаемъ и въ заключеніе невольно остаемся удивляться, отчего наша цѣль не достигнута, отчего предметъ нашихъ работъ и исканій отдалается и отдалается на огромное разстояніе!

Ясно видно, на сколько разумно дѣйствуютъ отриц. отрицая врожденную человѣческую индивидуальность своихъ сыновей ради какой нибудь побравушки. Отсюда пришео слѣдствіе солонная замкнутость. И только подобное неспризнаніе въ другикъ личной индивидуальности можетъ породить взгляды, въ родѣ высказываемыхъ Стаховыми («Наканунъ»), или раздѣляемыхъ родственниками арестантскаго, слѣдовавшей женой простаго студента (Замѣтка Новоро Пота): въ этомъ только и можно найти причины повидному ни

на чепъ чесснованныхъ выходовъ этихъ господъ. Какъ бы то ни было, а Стаховы и компания понимаютъ смутно, что воспитанный ими не можетъ быть въ уровень съ получившимъ образованію общечеловѣческое, образованію, достигающаго цѣлаго гнѣзды думъ и энергичной работы. Они чувствуютъ все бессиліе, всю шаткость плетель своихъ заботъ о дѣтяхъ и боятся дать имъ рѣзкій толчокъ къ преобразованію: толчка и теоретически негнѣрная обстановка требуетъ много силы, много воли для усвоенія сознана плетельности прошлаго пути. Они предчувствуютъ тяжелую борьбу, нравственную пытку для своихъ любимцевъ и любимиць, какъ только послѣдніе поддадутся влеченію жизни, выйдутъ изъ заколдованнаго круга кастовыхъ повѣрій; сами боятся всякой борьбы, всякаго иного слова и отстраняютъ отъ этой борьбы своихъ холеманкъ робить. Имъ пусть идетъ все своимъ порядкомъ, пусть Кляма имегда не свазываются уземи брана съ Нисаровыми, пусть въ звучная и тронкія салонныя фемиліи не вносятся ятна къ видѣ нискаго шлобейскаго презрѣнна, пусть централизованная деблель и заслуги высоко ставятся толпомъ въ странидахъ отечественной дѣтениси — только тогда они будутъ спокойны и веселы, и игривый ихъ сонъ съ вѣчными parties-plaisirs, завыными формонными обѣдами, раникины выведани и раникины разочарованіемъ, виданнымъ прамичіемъ, длинными моральными тенденціями — этотъ итрусемый ихъ сонъ продлится долго, безмятежно, снѣтельно къ радости повседневныхъ для простыхъ смертныхъ ихъ величественныхъ представителей. Но только прервется онъ на минуту, только прервется одна изъавѣтная въ массѣ единица для нея не будетъ долго покоя, пока, наконецъ, не схватитъ ее свѣжая жизнь и выведетъ къ сознанию плетельности прошлаго мншурнаго прозлбавія. Тамъ точно долго не успокоится несчастный ототавной чиновникъ, проснѣданный лѣтъ двадцать на департаментскомъ стулѣ и брошенный случайно въ нечистовичицею совру, въ своихъ немскихъ работы, соотвѣтствующаго способности и привычкамъ... Непятно стремлѣнію подобнахъ личностей ограбить свои заповѣданные дѣлами и укорененные кнѣвами обязательства; понятно ихъ стараніе загородить себя китайскою стѣною отъ закусьорьтеды, той черной толпы необтесанныхъ людей, что ходятъ безъ подметокъ и по итѣслу и богае не йдуть гонящими; понятно ихъ любовь къ лоску, когда внутри пустота и правила жизни Еома Дымманна; но какъ объяснить себѣ стремленіе хотъ, къ припѣру, какого набудъ Макара Гаскльишка (прославленнаго между прочими «Искрою») нестивать весь мнръ въ такое грустное прозлбавіе, заставить весь мнръ ловить въ нутной водѣ раковъ и садиться на шею труж-

инженъ-производителей своихъ фанкотовъ и парадестланъ? Какъ объяснить себѣ стремленіе убѣдить другихъ въ необходимости признанія за собою человеческого достоинства и стремленія работать посылно для другихъ, но не задаромъ, а ради матеріальнаго своего благосостоянія, но нѣтъ добросовѣстно приносимой пользы другимъ? Какъ, наконецъ, объяснить небужденія формулировать и ставить нормы для степени развитія ума въ людѣ... хотъ бы какойнибудь Елены, какогонибудь Инсарова, или какогонибудь ланса Петрушки? Подобнымъ превращеніемъ Макаровъ-Гасильниковъ останутся для насъ навсегда неразгадаанною тайной...

И вотъ подобныя личности боятся вылезать себя передъ народомъ въ истинномъ смѣлѣ, меншируютъ, прячутъ о необходимости запретить народное просвѣщеніе... Голосъ ихъ теряется, и они придумываютъ плутку пехитрѣ: они говорятъ, что народъ надо воспитывать тайно, какъ воспитывали ихъ, а ихъ, видите, воспитывали... смѣлъ сказать, что они говорятъ... для государства! Въ сущности—то они хотятъ осудить народъ на настоящее просвѣщеніе, сдѣлать его противникомъ всего живаго....

Многимъ кажется, что мы идемъ по новой дорогѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не обмануться въ нашомъ прогрессѣ, какъ не подумать, что мы уже далеко ушли, когда недавно еще литературѣ нужно было убѣждать въ необходимости распространенія грамоты (съ одной только грамотѣ шла рѣчь!), а теперь въ журналѣ министерства вылезаетъ статья г. Ушинскаго съ фразами, что нужно вывести нашъ народъ изъ тѣсной стѣнной сферы исключительно патріархальнаго бытія въ болѣе обширную и свободную сферу гражданскаго общества, государства и человечества? Кого не поразитъ этотъ вромъ трескучихъ словъ о дѣлѣ столь простомъ и ясномъ, какъ народное образованіе? Можетъ быть кому нибудь покажется страннымъ не только предложеніе вывести народъ въ человечество, но также и нѣніе, будто народъ русскій не былъ въ сферѣ государства. «Въ сферѣ государства, скажутъ другой: народъ былъ и теперь ожидается.» И въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только взглянуть въ быль престарелая, чтобы не согласиться съ г. Ушинскимъ, на полорова мы смотримъ, какъ на это не полезное, не вредное, и — ради только самаго источника — рѣшаемъ подвергнуть его критикѣ. Возможно, напримеръ, крестьянина или городского обывателя (хотя съ одной стороны платы податей), и мы увидимъ, что онъ, не могъ знать своего значенія по самой своей обстановкѣ, по сущности самыхъ своихъ отправленій, по недостатку времени для образованія, и отнюдь не по вредности цивилизаціи, не введшей его въ сферу го-

судрства; какъ это изобразитъ думать г. Ушинскій; А что дѣлается для дѣйствительности на патриархальной широтѣ разрушительное: это до мнѣнія г. Ушинскаго весьма почетно: патриархальной нравственности, коренящейся въ семейномъ бытѣ, дѣйствило было, чтобы смирять тѣ неловкія и многоколѣнные отношенія; въ которыхъ правдана патриархальный же человекъ; патриархальной нравственности ставило только для патриархальнаго же быта. Но когда дѣлается дѣлается, хотя бы въ формѣ торговли и промышленности, въ нравствѣ человека изъ тѣсной сферы семейства и родовой снотшеній, тогда и патриархальная нравственность оказывается недостаточною. Человекъ въ началѣ какъ бы раздѣляется, изъ-серединъ у него въ некоторое время уживающагося мирно патриархальнаго нравственности въ отношеніи своего семейства и совершенная безответственность за границею семейства. Онъ какъ будто принадлежитъ какъ себѣ и внутри себя только однимъ семейнымъ законамъ (внутри себя семейные законы!) и ни въ какомъ неискренно повиноваться всѣмъ другимъ законамъ кажутся ему вѣдѣнными принужденіями, которыхъ «должно повиноваться, если нельзя этого избежать, но которые нежелательно и даже похвально обходить.» Да, мы здѣсь имеемъ видѣть бесспорное государственное бытіе. Но направле д. Ушинскій думаетъ, что съ первыми проблескомъ цивилизаціи въ народѣ, человекъ теряетъ уваженіе къ другимъ и держится старой поговорки «на обмануть на предѣлы», направле г. Ушинскій воображаетъ, что онъ первыми столкновеніемъ патриархальнаго человека съ «внѣшнимъ», у него рождался прежде всего мысль не подчиняться ничему; это совершенно помыслимо. Съ какою стати человекъ начинаетъ считать неприкосновеннымъ себя другого человека, но предѣла, ему никакого не вида ни независимъ съ какой стати онъ задумаетъ не признавать внутри себя никакихъ законовъ, противъ относившихся до него семейственныхъ обязанностей? Здѣсь это «приражающееся», какъ говоритъ г. Ушинскій, законы? Нѣтъ, здѣсь не торговля, не промышленность иконолаты, а совершенно иное зло, которое гнетъ малодушій живимъ народѣ, является для него не разумнымъ законамъ, а тагетнымъ требованіемъ, справедливости котораго онъ не можетъ познать и причины котораго ему непонятны; подобнаго неурядица: онъ не понимаетъ въигромъ, а зарождается вѣдѣствіе неистиннаго положенія человека. Возьмемъ для примѣра реформу Петра I, столь необходимую тогда народомъ. Развѣ можно сказать, что народъ такъ себя, съ нечего дѣлать; не возмнилъ тогда Петра? Реформа не гармонировалась съ духомъ народа, была одѣлана безъ участія народа въ ея редакціи, и вотъ причина, по которой старѣйшіе, бояре, духовенство противились нововведеніямъ, вотъ та причина, въ силу

которой народъ считалъ себя вправе не повиноваться предписаніямъ царя. Петръ I, напротивъ, сумелъ въ деньгахъ; война разорвала русскіе финансы; нерешное пораженіе отняло у войскъ артиллерію. Императоръ рѣшился послѣдовать примеру Петра I, до- казалось, что платежи съ дворовъ невѣрны, и сами дворы то умень- шаются, то увеличиваются, какъ города при Екатеринѣ II, — Петръ велѣлъ переписать дворы, а народу брать паспортъ. Фискаль- ныя мѣры, введенныя царемъ, опять вызываютъ народное неудо- вольствіе и именно потому, что причина мѣры неизвѣстна ни какому классу, а сама мѣра притомъ обременительна. Начинаясь доущи- нѣ добиваться отъ паспортъ, начинается борьба, безпаспортныхъ, суды, приговоры и наказанія. Народъ опять не оттого протестуетъ, что находится подвину въ патриархальномъ соотловіи, что цивилизація еще не ввела его въ «болѣе свободную» сферу государ- ства, а оттого, что у него есть своя точка воззрѣній, и съ этой точки Петровы мѣры ему кажутся и сѣвительными и лишними: привычка нельзя избавиться отъ привычекъ податей. А привычка подати, по сло- вень профессора Лешова, платилась безъ различія возраста, состо- янія здоровья, имуществва и т. д.; бѣднѣй платилъ тоже, что бога- тѣй; старикъ и безмалый младенецъ платилъ съ полнымъ силой му- жикомъ; «требовалась только то, чтобы во время переписи дѣлалъ русскимъ возмужемъ» недвижимой подати. Народу, такъ вѣдь не мо- гла быть неясна, когда онъ притомъ самъ на себя напечатывать воз- ташествъ этой неопредѣленности и видѣлъ, какъ другіе пользова- лись его положеніемъ. А странныя случаи могутъ вердикъ по- рождаться отъ подобнаго мѣръ; такъ, г. Ганъ въ своей за- пискѣ «О бытѣ мѣщанъ Саратовской губерніи», на стр. 33-й, сообщаетъ замѣчательныя факты. «По неоплатности переложить «платить съ лица, особенно неспособныхъ, на предметы, какъ «у сельскихъ обывателей на землю, податная податина у мѣщанъ на- «сно дѣлается наследственная и роетъ въ мѣстѣ съ возрастомъ бу- «дущаго преемника, такъ что, когда онъ достигнетъ вѣка 18-ти, на «немъ лежитъ уже неоплатная податина, которая дѣлать его же по- «гда дѣлаетъ весь его заработокъ». Оттого бывають случаи, что на малолѣтнихъ дѣтахъ считается податина по 21 р. 80% и, и болѣе. «Счастіе, говоритъ г. Ганъ: если по стеченію вѣкъъ ильбуть благо- «пріятныхъ обстоятельствъ, онъ успеетъ расплатиться съ подати- «кою... а то общество, какъ неоправданно должника, отдастъ его въ «ремрутъ за мѣръ» (ibid.), или, если онъ съ нравственнымъ и маг- нимъ взглядомъ — выйдетъ изъ него бурлакъ:

Дешевле, жалкой нищеты,
 Неизомыслима черта
 И лязгающий узоръ
 Спокойно безнадежный взоръ,

и протяжный его вой не одного оставитъ на берегу и не одному ребенку приснится онъ ночью! А что у него въ душѣ, какое воспоминаніе о прошедшемъ, какой взглядъ на жизнь и обстановку своей молодости? Растолкуйте ему, почему онъ сдѣлался бурлакомъ, внесите къ нему, г. Ушинскій, вмѣстѣ съ цивилизаціей государственную нравственность, авось полетчаетъ ему отъ вашихъ увѣщаній; можете сказать, что это все патріархальность не позволила ему ужиться съ обществомъ, можете еще много и много сказать — повѣрите ли онъ вамъ? Не повѣрите вамъ и садовникъ г. Успенскаго («Гулянье»). Вотъ онъ грязный, разстрепанный, неулыбчивый. Взоръ его дикъ, лицо изможденное, фигура усталая. Говоритъ онъ, едва шевеля губами, и какіе-то звуки вылетаютъ изъ его рта: «занышь, братъ, занышь... на носы и вѣтъ каждый заныть, будь сами пледъ во лбу этого человѣка. Ты знаешь мои дѣла: я отъ юмалства не видалъ свѣтлаго дая. Сколько я вынесъ? сколько я вынесъ!! Вспомни, какъ трехъ братьевъ я проводилъ въ солдаты... занышь! Да я объ этомъ не толкую...» и т. д. Вотъ тутъ и поговорить бы о патріархальности, о необходимости государственнаго воспитанія, тутъ бы и начать воспитывать людей можетъ быть и шѣщанинъ, и садовникъ поняли, что это такъ должно быть съ ними; одинъ созналъ бы, можетъ быть, разумность своего положенія за то, что его предки податей не платили, а другой, можетъ быть, понялъ бы, что горевать и запивать отъ тоски по братьямъ-воинамъ не слѣдуетъ, а нужно готовиться самому постоять за «матушку-родимую» и т. д., и т. д.

Мы, кажется, мало указали, какъ нужно понимать слова г. Ушинскаго, и на сколько авторъ вѣренъ дѣйствительности. Мы для этого не брали исключительностей, а сообщили только нѣкоторыя обстоятельства низшаго класса, и то не извѣстными въ печати фактамъ, и, кажется, ихъ совершенно довольно, чтобы отличить общечеловѣческія чувства и стремленія отъ патріархальной нравственности, которая виновата въ этихъ фактахъ только тѣмъ, что, по вышеприведеннымъ словамъ г. Ушинскаго, ослабила волю и энергію у людей, а слѣдовательно лишила ихъ возможности направить свою жизнь лучше для себя и полезнѣе для общества. По мнѣнію г. Ушинскаго, этому одно лекарство — цивилизація посредствомъ воспитанія должна внести въ народъ гражданскую и государственную нравственность. Но что же значитъ здѣсь государственная нравственность и какое она можетъ имѣть значеніе? — Человѣка большого

докторъ лечитъ, т. е. прописываетъ средства, уничтожающія возможность повторенія санинаговаго болѣзни, не позволяеть поврежденному организму еще болѣе повреждаться, сообщая ему необходимое и отстраняя все ненормальное. Не странно, если бы докторъ подумалъ доказывать больному, что онъ долженъ быть подольше болѣть, что такъ заведено, всегда есть на свѣтѣ больные, безъ поврежденныхъ никогда не существовала вселенная, потому что тогда не могли бы жить доктора, ради которыхъ можно бы похвалить подольше. Личное чувство больного можетъ повлечь на это весьма естественный отвѣтъ... Въ этомъ же родѣ и совѣтъ г. Ушинскаго, — притомъ совершенно безсодержательный — проповѣдывать «нравственность необходимости» — заключающійся одною пустою, громкою, но ничего незначащею фразою, потому что, если слова доктора не будутъ убѣдительно для больного, то и несчастный не похвалитъ необходимости быть ему несчастнымъ предпочтительно предъ другими, крошки со стола которыхъ могутъ его насытить. Но если человекъ не признаетъ ясновидца, яжеучителя, за то онъ сочувствуетъ мыслямъ человека, не позволяющаго подчинить себя безвозвратно надѣлѣ и громкими обѣщаніями на словахъ его трудъ или нищество, его покой или веселость, его званія или способности. Тотъ можетъ найти себѣ полное сочувствіе, кто проповѣдуетъ миръ — а не пошлость, согласіе — а не вражду; кто естественное не стремится направить совершенно въ претивоположную сторону по не существующимъ законамъ, кто говоритъ, что болѣзнь — ненормальное состояніе, а насканіе и нерабоченіе — неразумное явленіе, короче, кто самъ человекъ.

Низшій классъ народа не готовится къ государственной дѣятельности, странно и воспитывать его для подобной дѣятельности; но передъ нимъ всегда природа, человѣческія отношенія. Обо всемъ онъ хочетъ знать и гадать, а его званія слишкомъ удалены и стоятъ на той степенн, гдѣ не существуетъ положительныхъ выводовъ науки, а есть одни отвлеченныя мнѣшескія воззрѣнія и вымышленныя объясненія дѣйствій природныхъ силъ. Не разумнѣ ли начать воспитывать съ этой стороны? Къ чему ему государственная нравственность, когда онъ готовъ работать, чтобы содержать себя и мѣштался малюшкѣмъ съ другими, когда онъ готовъ приносить пользу обществу, государству, доставляя своимъ трудомъ нужныя произведенія? къ чему же ему государственная нравственность? А его интересуетъ многое, очень многое; тамъ, гдѣ можетъ родиться вопросъ: «почему?» и тутъ же быть рѣшеннымъ, вотъ это онъ съ радостію послушаетъ. Какія бы г. Ушинскій ни выдумывалъ фразы, какъ бы онъ ни старался увѣрять въ необходимости ввести народъ

въ области государства, народъ всегда захочетъ сперва образоваться общечеловѣчески, чтобы быть въ состояніи оценить, а не заучивать многого, необходимаго для общественной, или государственной жизни, потому что ему природно требованіе разумности и анализа, и потому, что только съ общечеловѣческими воззрѣніями можно быть сознательно хорошимъ гражданиномъ, понимать разумность своихъ дѣйствій и отличать разумныя требованія отъ глупаго деснаго.

Г. Ушинскій впрочемъ точно и не видитъ прямыхъ отношеній, порождающихъ ту или другую общественную болѣзнь, а бьется постоянно за отвлеченно-обрательныя понятія «цивилизаци», «государственности», «гражданственности» и т. п. Оттого онъ, представляя факты личной дѣятельности, темъ же не подмечаетъ въ этихъ фактахъ индивидуальности дѣйствующаго, а иррешительно все какому нибудь отвлеченному понятію, но относитъ къ выставленной личности; отсюда у него отчаяннѣйшія попытки сбить нормы человѣческихъ дѣйствій и положеній, точно онъ думаетъ въ виду на живыя индивидуальности, а отвлеченные фантастическіе образы. (Это особенно разительно въ предлѣтѣ утинскихихъ семинарій.) Самая идея народнаго образованія является для него чѣмъ-то создаваемымъ полупривольно, . полунеобходимо. Про народныя школы онъ говоритъ, что онѣ «не принадлежатъ къ «гнѣмъ явленіямъ народной жизни, которые могутъ быть дѣянкомъ «пересажены изъ одной почвы на другую и приняты въ средѣ народа. Но духъ школы, ея направленіе, ея цѣль должны быть облумлены и созданы нами самими, сообразно исторіи нашего народа, степени его развитія, его характеру, его религіи» (№ 11, стр. 73). — короче, учредитель школы, не его мѣткою, можетъ быть мозаикой отвлеченныхъ понятій въ приложеніи ихъ къ практикѣ, можетъ ставить разъ навсегда общія нормы, не заботясь о живыхъ предположеніяхъ, о прогрессивномъ движеніи мысли и жизни. Это г. Ушинскій еще разъ выражаетъ на слѣдующей страницѣ: «Въ ршеніи ставъ «важнаго вопроса, говоритъ онъ: должны принять участіе и литература и все общество, потому что въ дѣлѣ общественнаго воспитанія, общественное мнѣніе всегда будетъ играть важную роль; но «дѣльными участниками въ практическомъ разрѣшеніи этого вопроса явятся безъ сомнѣнія съ одной стороны церковь, съ другой «все наше ученое и учебное сословіе — представители духовнаго и «представители свѣтскаго образованія» (стр. 74). Это главное участіе отънимается примиреніемъ литературныхъ партій на люблюе кн. Важенскаго, — сколько литература выиграла отъ этого знаменитаго торжества, столько же народная школа выиграла отъ участія представителей свѣтскаго образованія, потому что самъ г. Ушинскій

проговаривается, и изъ его словъ не трудно заключить, что представители (кто они—мы не знаемъ; вѣроятно, редакторъ журнала и индустриальный народнаго просвѣщенія, а можетъ быть и г. Асоченскій съ Бурачкомъ) соберутъ для того, чтобы они выслушали представителей духовнаго образованія, ибо «по коренному смыслу христіанской религіи духовный пастырь долженъ быть не только «служителемъ алтара, не только проповѣдникомъ слова Божія; «но наставникомъ и учителемъ» (которые не тѣ же проповѣдники?)» (стр. 74). «Оставляя въ сторонѣ небесное назначеніе религіи, «какъ приготовительницы христіанна къ будущей жизни, мы полагаемъ, что христіанскій пастырь имѣетъ назначеніе умственно и «правственно возвышать людей и въ этой жизни и открывать источникъ того благодѣтельнаго вліянія, которое христіанская религія «оказала на умственное и нравственное развитіе человѣческихъ обществъ» (стр. 75). Итакъ г. Ушинскій, въ припадкѣ изліянія своей нестерпимой шлоисти, рѣшилъ по случаю идеи народнаго образованія, что хорошо бы заразъ сдѣлать два добрыхъ дѣла—опредѣлить идею народнаго образованія и возвысить умственно и нравственно представителей свѣтскаго образованія поученіями духовныхъ пастырей. Очень хорошо, очень хорошо, г. Ушинскій! Но этого еще очень мало: выслушаютъ представители свѣтскаго образованія поученія духовныхъ особъ и уйдутъ... вліянія отъ проповѣди въ массѣ не будетъ замѣтно; такъ ужъ кстати г. Ушинскій нашелъ за лучшее, чтобы «наше свѣтское образованіе вообще сблизилось съ религіознымъ» (стр. 78), такъ сразу и начнется у насъ все по новому! — Но ошибся, сильно ошибся тотъ, кто повѣрилъ желанію г. Ушинскаго, чтобы въ обожженіи идеи народнаго образованія участвовала литература и общество. Изъ сдѣланныхъ нами выписокъ, какъ бы выводъ, является на сцену желаніе г. Ушинскаго, «чтобы не желѣзныя дороги, не «промышленность со всѣмъ своимъ золотомъ и со всею смѣлою «грязью, не столичный и фабричный развратъ, не промышленническая литература, разсчитывая на трудовой грошъ крестьянина, а «церковь и школа, не разрушая, а освящая и озаряя свѣтомъ мысли «и чувства семейный бытъ и оставляя ему то, что принадлежитъ по «справу (т. е. ничего?) всякому христіанскому семейству, вывели «нашъ простой народъ изъ тѣсной отжившей сферы исключительно «патріархальнаго быта въ болѣе обширную и свободную сферу «гражданскаго общества, государства и человѣчества» (стр. 70). Но какая же церковь должна освятить русскій народъ? Конечно, та, которую исповѣдуетъ русскій народъ, которую исповѣдуетъ самъ г. Ушинскій и по весьма уважительнымъ причинамъ: «католицизмъ, по мнѣнію г. Ушинскаго, не истинами христіанства, а своею іерархією

«поставилъ препоу цивилизаціи народа». Ну, это слишкомъ односторонне, замѣтитъ читатель, а впрочемъ, хорошо бѣвъ католицизма. Протестантизмъ — это вѣчная протестація, вѣчное отрицаніе, «которое не можетъ остановиться, не отказавшись отъ собственного своего характера» (?). А «православная религія величественно идетъ «по средней (*), истинной дорогѣ; она, свято сохранивъ древнія формы «христіанства и не объявляя римскихъ притязаній на земную власть, благословляетъ и освящаетъ всякій истинный прогрессъ» (стр. 79).

«Что же такое? готовъ спросить нашъ читатель: — г. Ушинскій видѣлъ необходимость ввести нашъ народъ въ «болѣе свободную» сферу, а планъ—то дѣйствій и цѣль образованія народа очертилъ слишкомъ узенькимъ кругомъ, заковалъ въ миниатюрныя границы? Хоть бы ему взять примѣромъ для своихъ теорій англійское общество «British and Foreign society», вышло бы значительно получше и пошире» (*). Но, читатель, развѣ у насъ Англія? Мы должны помнить и слова г. Ушинскаго, что у насъ должно создать школы «сообразно исторіи нашего народа», а въ прошедшемъ русскаго народа не были ни Lord Brougham, ни Marquis of Lansdowne, ни the Duke of Argyle, ни Lord John Russel (члены общества «British and Foreign Society»), а потому не могло существовать и осуществленія на практикѣ мнѣній, раздѣляемыхъ этими людьми. Напротивъ, если мы вспомнимъ прошлое, то узнаемъ, что «издревле русскій дѣтководцемъ и учителемъ обычай бѣ, «учити дѣти малыя въ началѣ азбукѣ, потомъ часословцу и всалтири, тоже писати; по сихъ же цѣцы преводаютъ и чтеніе апостола. «Возрастающихъ же препровождаютъ къ чтенію и священныя библіи, и бесѣды евангельскихъ и апостольскихъ, и разсужденію высокаго въ оныхъ книгакъ лежащаго разумѣнія» (Пред. къ азбукѣ начала XVIII ст.). А разумѣніе это не могло быть иное, чѣмъ учили духовныя лица, потому что самая грамотность возникла изъ самыхъ простыхъ, первыхъ потребностей церкви и была принята, т. е. распространилась такимъ же простымъ естественнымъ путемъ, единственно только подъ видомъ ученія вѣры. И дадѣ этого воснитаніе не шло и не могло идти. Духовныя лица заботились только о правильномъ знаніи развѣ принятаго программой образованія и ни-

(*) Вѣроятно слово «средней» странная описка; если же нѣтъ, то можно подумать, что авторъ лишешъ той возмужалости ума, въ которой возможно сложиться убѣжденіямъ, потому что самъ г. Ушинскій напечаталъ на стр. 61 курсивомъ: «средины нѣтъ».

(*) «British and Foreign Society» не придерживается въ своихъ школахъ ни одного опредѣленнаго вѣроисповѣданія, предоставляя сектаторское религіозное образованіе питомцевъ на долю родителей. Въ школахъ его преподаются только первыя основы христіанства.

сколько не имѣли охоты расширить кругъ предметовъ преподаванія, что можно видѣть хотя въ посланіи новгородскаго архіепископа Геннадія къ митрополиту Симону въ началѣ XVI вѣка, гдѣ очерчивается поразительная картина знаній людей, готовящихся принять духовный чинъ. «А се приведутъ ко мнѣ мужика, говоритъ онъ: и азъ велю «ему апостолъ чести, и онъ не умѣетъ ни ступити; и азъ ему велю «псалтирю дати, и онъ и потому едва бредетъ; ино вѣдь то всю землю облаялъ, что нѣтъ человѣка въ землѣ, кого бы избирати на поповство.» Вслѣдствіе этихъ причинъ Геннадій проситъ митрополита объ исходатайствованіи у государя повелѣнія учреждать училища, гдѣ бы, по мнѣнію Геннадія, учить первое—азбука граница истолкована совсѣмъ, да и подтительныя слова да псалтиря съ слѣдованіемъ на крѣпко. И коли то изучитъ, можетъ послѣ того проучивать и ковархати и чести всякія книги.» Въ такомъ же духѣ составлялись и азбуки; напр., какъ только кончалась азбука, слѣдовалъ отдѣлъ складовъ и прописей, начинавшійся молитвою: «За молитвы святыхъ отецъ нашихъ, Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ, аминь», и т. д. Потомъ начинался отдѣлъ апофегмъ. «Не ищи, говорилось тамъ: человѣче, мудрости, ищи прежде кротости: аще обрящешь кротость, тогда познаешь и мудрость», или: «аще кто хочетъ много знати, тому подобаетъ мало спати, а мастеру (учителю) угождати», или: «человѣкъ божій бойся Бога, стоитъ смерть у порога...» и т. п. Вообще азбуки того времени отличались поученіями, часто весьма наивными; такъ напримеръ, азбука 1679 г. обращается къ ученикамъ, такимъ образомъ:

«Хощеши, чадо, благъ разумъ стяжати,
Тщися во трудѣхъ выну пребивати.
Временемъ раны нужда есть терпѣти,
Ибо тѣхъ кромѣ безчинують дѣти.
Розги малому, бича большимъ требѣ,
А жезлъ подростимъ при нескудномъ хлѣбѣ.
Та орудія глупыхъ исправляють,
Плоти цѣлости ничто не вреждають.
Розга умъ остритъ, память возбуждаетъ
И волю злую къ благу прелагаетъ».

и т. д. и т. д.

Не знаемъ, наведутъ ли эти факты г. Ушинскаго на новыя доказательства въ защиту выставяемой имъ теоріи, но г. Ушинскій находитъ необходимымъ вывести нашъ народъ изъ патріархальнаго состоянія въ сферу государства, гражданства ес., чрезъ содѣйствіе школы и церкви, которая должна освящать семейство свѣтомъ мысли и чувства. Что-же выйдетъ изъ этого освященія? Семейст-

во, при переходѣ изъ патриархальнаго состоянія въ сферу государственныхъ потребностей, основываясь на смыслѣ словъ самого г. Ушинскаго, освящать совершенно излишне, потому что, какъ онъ говоритъ, въ семействѣ отношенія остаются вполнѣ нравственными; только внѣ семейства патриархальный человѣкъ противится всякому непонятному для него вмѣшательству другихъ по очень простой причинѣ, ясной даже для г. Ушинскаго: «еслибы сама общественная жизнь обратилась къ крестьянину съ безкорыстными дѣланіемъ ему добра, то и въ его сердцахъ развилось бы безкорыстное «общественное чувство» (стр. 68.). Тутъ, очевидно, нужно освѣтить или, говоря правильнѣе и яснѣе, измѣнить совершенно другія причины порожденія корысти и измѣнить отнюдь не по способу, предлагаемому авторомъ. Г. Ушинскій точно не видитъ и не знаетъ результатовъ прежняго воспитанія; ему точно неизвѣстны слѣдствія заучиванія голыхъ буквъ безъ разъясненія смысла; ему точно незнакома исторія испанской инквизиціи, исторія религиозныхъ войнъ, фанатизмъ мусульманъ, казни Альбы; онъ точно не видитъ необходимости разумнаго сознанія, — въ противномъ случаѣ онъ не позволялъ бы «представителей образованія» для созданія идеи народной школы. Конечно, чтобы понималъ г. Ушинскій потребность жизненности въ воспитаніи народа — этого требовать невозможно; его стремленія — вводить народъ въ туманныя опредѣленія и освящать семейства...

Вотъ тѣ основанія, на которыхъ г. Ушинскій строитъ свою теорію народнаго образованія. Кажется ясно, что приведенныя основныя намъ не новы, и не заключаютъ въ себѣ ничего своеобразнаго съ современными понятіями. Но откуда и какъ могла сложиться подобная теорія? Объясненіе этого мы находимъ у г. Белюстина въ статьѣ его «Два (?) и послѣднія слова о народномъ образованіи». Каждому, мало-мальски читающему современные періодическія изданія, извѣстно очень хорошо, какъ были приняты первыя слова этого грамматика о народномъ образованіи. Между многими антагонистами г. Белюстина какъ-то оказался «Русскій Міръ», напечатавшій статью «Статистика общественной нравственности», составленную на основаніи статистическихъ изслѣдованій французскаго ученаго Герри о состояніи общественной нравственности во Франціи и Англіи. Г. Белюстинъ схватился за эту статью, чтобы доказать, что «мелькнула мода на грамотность, какъ въ былыя времена была мода на богадѣльни, на пріюты, на филантропическіе концерты, на училища для дѣвочекъ и проч. и проч. — и все закричало о грамотности, и всѣ кинулись къ ней, какъ къ единственному спасенію народа отъ всякаго (?) рода лавъ (къ чему утрировка?);

«и безъ вины виновнымъ оказался дерзнувшій (т. е. г. Белюстинъ) «сказать, что съ одной грамотностью еще не далеко уйдешь» (стр. 147, № 2). Гг. Белюстину и Ушинскому сродна мысль г. Аскоченскаго, что народу прежде нужно раздать евангеліе, а потомъ уже приняться его учить грамотѣ. Изъ статьи объ общественной нравственности можно выписать такое мѣстечко: «совершенное невѣжество «менѣе допускаетъ крайнюю степень разврата, чѣмъ и въ некоторой образованность, и, не смотря на распространеніе образованности нравы несколько не сдѣлались чище» (стр. 145 № 2). «А между тѣмъ», говоритъ въ другомъ мѣстѣ г. Белюстинъ: «нашъ народъ такъ неудержимо ринулся къ образованію! О, горе, если вмѣсто хлѣба дадутъ ему камень! Большое горе, если вмѣстѣ съ знаніемъ внесутъ въ его душу отраву, которая въ конецъ растлитъ его нравственное чувство, какъ это было и есть въ иныхъ странахъ» (стр. 147 — 148). Особенно г. Белюстину не нравятся «всяческія школы, и всяческіе учителя» (стр. 147), которые и есть самый, что ни на есть, пагубный народъ. Даже г. Ушинскій понялъ, что г. Белюстинъ портитъ дѣло, — вотъ онъ и прибавилъ къ его статьѣ свое примѣчаніе, но такъ мило, уклончиво, что только нужно удивляться его способности обходиться безъ скандаловъ. Онъ чуетъ; что просвѣщеніе плохая причина преступленій, когда не чѣмъ удовлетворить человѣку своимъ физическимъ требованіямъ, — что склонность къ преступленію не столько зависитъ отъ шаткости или твердости нравственныхъ воззрѣній, сколько отъ невыносимости окружающаго гнета; онъ знаетъ, наконецъ, что признаваемое нами за преступленіе, вслѣдствіе дѣтскихъ привычекъ и разныхъ внушеній, можетъ быть простымъ удовлетвореніемъ природныхъ нуждъ, — впрочемъ, не знаемъ и не ручаемся, понимаетъ ли г. Ушинскій все это; но ему надобно было замаскировать немного признаніе г. Белюстина и онъ говоритъ: «Факты нравственной «статистики находятся въ такой (т. е. прямой?) зависимости отъ множества разнообразнѣйшихъ причинъ, что ими нельзя съ увѣренностью измѣрять нравственныя послѣдствія того или другаго направленія въ образованіи. Несомнѣнно только то, что одно умственное «образование, и тѣмъ болѣе полуобразованіе, которое одно и возможно для массъ народа, само по себѣ не можетъ еще имѣть благодѣтельнаго вліянія на возвышеніе нравственнаго уровня»: (стр. 148). Удивительно: выводъ остался тотъ же самый, но только мягче. Но откуда г. Ушинскій взялъ, что для массъ возможно только одно полуобразованіе? Если признать это вѣрнымъ, тогда, основываясь на теоріи же г. Ушинскаго, нечего пытаться вывести народъ изъ невѣжества, потому что «болѣе всего нужно бояться полуобра-

«званія» (стр. 125), вреднаго во всѣхъ отношеніяхъ. Но г. Ушинскій рѣшается сказать на нѣсколькихъ строкахъ сряду нѣсколько нелѣпостей. Далѣе, въ примѣчаніи, увѣривъ читателя, что только одно полуобразование возможно для народа, онъ говоритъ, что г. Белюстинъ желаетъ «прочнаго образованія» народа, какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи... Г. Белюстинъ желаетъ, не понимая, что онъ желаетъ; ну, а г. Ушинскій не желаетъ «прочнаго образованія», потому что оно невозможно! Не понимаемъ всѣхъ тонкостей этой маскировки. Лучше положительно объявить себя централизаціоннымъ бюрократомъ, противникомъ просвѣщенія, чѣмъ скрываться за безсодержательныя фразы и все-таки проговариваться... И подобный-то господинъ видитъ въ своей теоріи благодѣтельныя средства устроить разумно народное образованіе, придать ему духъ жизни и сознательнаго прогрессивнаго движенія—что еще удивительнѣе—точно радикальный защитникъ просвѣщенія, рѣшается пренаивно просить читателя видѣть въ его словахъ, «касающихся всѣхъ насъ, посвятившихъ себя болѣе или менѣе дѣлу народнаго образованія (г. Ушинскій и себя относитъ къ этимъ людямъ! каково?) скорѣе сильное желаніе обратить вниманіе общества (это для чего? вѣдь здѣсь главные дѣятели,—представители духовнаго образованія? не вздумалъ-ли г. Ушинскій говорить персидскимъ высокимъ слогомъ и употреблять тропы? не нужно-ли здѣсь вмѣсто общества, цѣлаго, поставить—часть его, государственныхъ органовъ? а?) на крайнюю современную потребность учрежденія правильныхъ, «воспитывающихъ народныхъ школъ» (стр. 73.) «Желать правильныхъ народныхъ школъ» и говорить, что народу можетъ быть свойственно только гибельное полуобразование!! Два эти сопоставленія, безъ всякихъ нашихъ предъидущихъ выводовъ и выписокъ изъ статьи г. Ушинскаго, ясно характеризуютъ стремленія автора учредить школы, которыя не давали-бы полуобразования и не могли бы дать полнаго образованія, т. е. забивали-бы всякое проявленіе живой мыслительности.

А для возможности примѣнять свои мысли къ практикѣ, г. Ушинскій предлагаетъ устройство учительскихъ семинарій. Мысли объ учрежденіи у насъ такихъ педагогическо-образовательныхъ учреждений, а тѣмъ болѣе цѣлый проэктъ, по мнѣнію многихъ, могутъ привести огромную пользу въ нашемъ просвѣщеніи.

Званіе воспитателя прельщаетъ не одного молодого человека и служитъ для многихъ источникомъ мечтаній и бредней о томъ времени, когда они получаютъ возможность возложить на себя эту «священную» обязанность, окруженные толпою дѣтей, едва понимающихъ окружающую ихъ обстановку, — толпою будущихъ

гражданъ и дѣятелей на славу и пользу отчизны. Для столькихъ же оне, напротивъ, является совершенно ничтожнымъ, не дающимъ никакихъ льготъ, безжизненно-сучнымъ и совершенно малымъ въ ряду должностныхъ, административныхъ, полицейскихъ, ученыхъ и другихъ лицъ, имѣющихъ власть и вліяніе на окружающее. Наконецъ, есть люди, выдающіе въ его существованіи одну цѣль мѣшать, досаждаютъ и наказываютъ безвинно, по своему усмотрѣнію, имъ подчиненныхъ питомцевъ. Подобное нерасположеніе къ гувернерамъ (мы ставимъ это слово синонимомъ воспитателя) очень естественно породилось настроеніемъ умовъ, выраженіемъ которыхъ явилась у насъ педагогическая литература. Съ первымъ словомъ противъ существующихъ методовъ и направленій, съ первымъ выраженіемъ «прозрѣнія въ лучшую жизнь съ ея полнотою стройной», оно неминуемо должно было зародиться у многихъ и войти во взглядъ ихъ на все относящееся къ сферѣ воспитателя. Но отвергать возможность существованія хорошихъ наставниковъ, не краснѣя говорить, что странно, даже глупо надѣяться, чтобы изъ нашихъ разныхъ педагоговъ могли выйти тѣ высокіе идеалы воспитателя, которые нынче сдѣлались модными, — отнюдь не значитъ отвергать возможность существованія хорошаго воспитанія. Немудрено, что видя на практикѣ людей разившимися подъ дѣйствіемъ прошедшаго, своеобразно отгнѣнишаго ихъ умъ, и читая требованія отъ этихъ же людей совершенно противоположнаго ихъ убѣжденіямъ и привычкамъ, — многіе отвергли всякую возможность переработки къ лучшему нашихъ воспитателей; немудрено, если совокупность нововведенныхъ качествъ истиннаго наставника показалась для многихъ безжизненною, отвлеченною игрою фантазіи. При старой обстановкѣ никакая человѣческая разумность не можетъ существовать; ее поработятъ предрасудки касты. Только отвергнувши устарѣлое, развязавши школьные путы для питомцевъ, можно было ожидать чего нибудь хорошаго. Не можетъ же ничто идти успешно, когда руководитель будетъ затрачивать средства на удовлетвореніе постороннихъ, ни къ чему ненужнымъ цѣлямъ, а главную оставить безъ помощи и средствъ. Не можетъ ничто идти тамъ успешно, гдѣ воспитатель принимаетъ на себя роль полицейскаго, гдѣ фабрикантъ наблюдаетъ за чистотою облюбовъ. Нужно воспитателю дѣлать свое дѣло, а фабриканту свое; нужна наставнику работать для воспитанниковъ; а не для стѣны. Не реформы—у педагоговъ—одни слова и слова. Мы слышали много разныхъ отрицаній и не видѣли ни одной соотвѣтственной попытки на дѣлѣ. И вотъ что особенно странно. Многіе говорятъ, что наше общество интересуется вопросами о воспитаніи; но

этого, признаться, не замѣтно по назанит педагогическихъ изданій, бездеременно печатающихся на своихъ страницахъ всякую залежавшуюся гиль. Конкурса у нихъ нѣтъ, или, правдѣмъ же, самъ конкурсъ побуждаетъ ихъ къ отсталости: выписываютъ ихъ преимущественно уѣздныя училища, изрѣдка гимназій на казенныя суммы, по заведенному порядку, а частныя лица не сильно интересуются какими нибудь тоненькими, всегда пустыни по содержанию, книжками, рассчитывая прочесть интересное и болѣе дѣльное по предмету воспитанія въ толстыхъ неспеціальныхъ журналахъ. Поэтому педагогическія изданія существуютъ «сами по себѣ», не стараются двинуть впередъ общественный взглядъ, — нѣтъ! они не хотятъ «дѣлать все à la fantaisie и, пользуясь своею властью, прилагать подъ чашъ къ жизни самыя непрактичныя начала» (Воспит. 1860 г. № 9). Стоитъ для этого вспомнить «Русскій Педагогическій Вѣстникъ», отроца П. Гурьева, Вышнеградскаго, Белюстина и К°, (нынѣ этотъ журналъ редактируется А. Григорьевичемъ) — писанія правила (Воспит. 1859 г. № 12), защиту этихъ правилъ (Воспит. 1860 г. № 9), статью «Дѣя мощечины», ничѣмъ неуслушающую теорію «трехъ мощечинъ», (Воспит. 1860 г. № 7), статьи «О школьной дисциплинѣ» (Воспит. 1860 г.) и т. д. Все это весьма поразительно: журналы о воспитаніи, затрогивающіе всѣ стороны общественной жизни, касающіеся болѣе или менѣе прямо всѣхъ улучшеній, — не раскрываютъ причины общественного зла, вреднаго въ развитіи человѣческой личности, не отыскиваютъ средствъ ему противодействовать, а тратятъ время, мысль и трудъ на отвлеченныя, ложныя призывы, видныя нѣры; исправленія пошлаго, воображаемого того, поддерживаютъ нѣры, очевидно вредныя. Евангелій матеріалъ терлется изъ виду, если эта потеря крошѣ того отрицается болѣеменно на общество и не вызываетъ адровой дѣятельности, то можетъ ли кто нибудь считаться правымъ, отчуждался отъ міра собою для размышленій и выдумокъ новыхъ теорій, усложняющихъ и подкрѣпляющихъ насиліе, когда само насиліе—производство живаго, болнаго настроенія, а не требованіе, не законъ природы! можетъ ли это убійственное пренебреженіе къ своему долгу считаться явленіемъ нормальнымъ, терпимымъ въ обществѣ, и чѣмъ подобнаго человѣкъ лучше и правдивѣе бесноватальнаго тирана? Последній законѣтъ и приказалъ мучить, а этого думаетъ, досточа... и зачѣмъ? чѣмъ оправдать себя и убѣдить другихъ, что были невинны и невинны!...

Ясно, что признаваемая педагогамъ власть наставника надъ интомцемъ и ихъ полу-слова о вредѣ «несправедливыхъ» и «неугодныхъ» наказаній — могутъ породить только полу-нѣры, Принципъ

ихъ — кievскія правила. Какую они принесли пользу? Директоръ не можетъ быть доволенъ своимъ безвластiемъ; ученикъ можетъ быть наказываемъ, а педагогическiй совѣтъ — является безапелляціонною трибуной... существуетъ какой-то самосудъ между товарищами, а нѣтъ представительства учениковъ въ совѣтъ учителей. Короче, все à la fantaisie, искусственно, шатко и должно было уничтожиться. Упоренившееся понятiе о разумности правъ воспитателя нарушено ограниченіемъ для наставника возможности наказывать; задатки гармоническихъ отношеній между учителемъ и ученикомъ положены; движеніе началось и, по законамъ всякаго движенія, должно продолжаться до совершенія полнаго пути, до достиженія прямо вытекающихъ разумныхъ результатовъ, т. е. до уничтоженія нежелательнаго состоянія, бывшаго при порожденіи движенія. Повторяемъ, только анти-прогрессивная ненормальность могла здѣсь дѣйствовать творчески, чтобы выработка новыхъ соотношеній прекратилась безуспѣшно; а самыя стремленія къ лучшему, при всей своей индифферентности, все таки остаются вѣрными, потому что успѣхъ борьбы зависитъ отъ постороннихъ условій: силъ борющихся. А кто имѣетъ больше власти: воспитатели-ли, при своемъ меньшинствѣ, или пштонцы, при своей многочисленности?

Мы, конечно, разумѣемъ здѣсь не одни права тѣлесныхъ наказаній: розги, плети, карцеры, — все это эмблемы общаго. Если же одинъ видъ наставническаго произвола дѣлается для многихъ очевидно нежелательнымъ, то этимъ ясно указывается на несостоятельность всего подобнаго произвола: очевидно нежелательное есть только реальное изображеніе общей нежелательности. Что же думать о людяхъ, старающихся или доказывать разумность подобной ненормальности или воспитывать другихъ такъ, чтобы для нихъ не могъ казаться великiй произволъ нежелательнымъ? А съ этою цѣлью строить г. Ушинскiй учительскiй семинарiй, можетъ быть даже не понимая, что и для чего онъ строитъ.

«Самый существенный недостатокъ, говоритъ онъ: въ дѣлѣ русскаго народнаго просвѣщенія есть недостатокъ хорошихъ наставниковъ, специально подготовленныхъ къ исполненію своихъ обязанностей». «Природные же воспитательные таланты, сами по себѣ представляющіе дорогу въ дѣлѣ воспитанія, встрѣчаются рѣже, чѣмъ какіе либо другіе таланты; а потому, по словамъ г. Ушинскаго: — нельзя рассчитывать на нихъ тамъ, гдѣ требуются многіе тысячи учителей. Но знаніе и умѣнье преподавать (продолжаетъ про-зваторъ) и дѣйствовать преподавателемъ инстинктивное и нравственное развитіе дѣтей могутъ быть (въ силу, конечно, законовъ государственныхъ) сообщены молодымъ людямъ и необладающимъ особей»

ными способностямъ (вотъ даже каинимъ! послушаемъ, поучимся!). Кромѣ того въ каждомъ наставникѣ, а особенно въ тѣхъ наставникахъ, которые назначаются для низшихъ училищъ и народныхъ школъ, важно не только умѣнье преподавать, но также характеръ, нравственность, убѣжденія и т. д.

Г. Ушинскій увѣренъ, что образованіе народныхъ учителей не могутъ наши гимназіи, но не потому, что духъ и направленіе ихъ главнѣйше направлены къ образованію только чиновника (если не примѣшается постороннее болѣе жизненное вліяніе), сильнаго зазубреннымъ урокомъ, а потому, что... «курсъ гимназіи рассчитанъ болѣе на приготовленіе молодыхъ людей къ университету» (стр. 120)! Тутъ г. Ушинскій прямо противорѣчитъ статьѣ Свода. Курсъ гимназіи можетъ дать достаточно матеріаловъ для свободной самостоятельности, но если онъ этого не достигаетъ, то, безъ сомнѣнія, странно считать причиною такого грустнаго факта исключительную (по мнѣнію г. Ушинскаго) цѣль гимназіи — приготовленіе питомцевъ къ университету. И если даже гимназіи не могутъ дать народу дѣльныхъ дѣятелей, если для нихъ является явная необходимость въ переводѣ своихъ учениковъ въ университеты—то, въ силу логики и здраваго смысла, можно заключить, что сами университеты, скорѣе нежели гимназіи, уѣздныя и приходскія училища, могутъ дать намъ людей, способныхъ пролагать новую дорогу для улучшенія народнаго быта; можно предполагать, что университеты способны внушить своимъ студентамъ здравую идею народнаго образованія. Но г. Ушинскій находитъ кончившихъ курсъ въ университетахъ, или связанныхъ съ нимъ своимъ образованіемъ, — «вышедши учителями народа», «потому что германскіе педагоги (кто эти педагоги?) именно замѣчаютъ, что молодые люди, слушавшіе университетскіе курсы и вынесшіе изъ нихъ высочайшія научныя идеи, по большей части являются дурными элементарными и народными учителями, внося эти идеи со всею ихъ обширностію и выстѣ со всею ихъ неопредѣленностію въ свою школьную дѣятельность» (стр. 122). Мы рѣшительно не понимаемъ этой германской (?) мудрости. Вынесенное нами мнѣніе, на нашему, негерманскому, разумѣнію, не только странно, но и глупо, бездоказательно и нелогично. Чтобы сказать, что нибудь подобное, нужно быть или насальнымъ, отрицательнымъ отъ фактовъ читателемъ университетскаго образованія, или его заклятымъ врагомъ. Глядя же прямо на вещи и понимая все такъ, какъ оно есть, нельзя такъ глупо и бездоказательно надеяться на то, что далеко не всемы, понятно не спосѣмъ, возмужали. Въ самомъ дѣлѣ, какъ назвать образованіе, всецѣлошее «высочайшія идеи» и недающее задатковъ для простаго пониманія простѣй-

шаго закона, что нельзя твердить едва начинающему учиться свои «высокія идеи»? Подобное образованіе выпустить въ лицѣ своего питомца «высокія идеи», но не человѣка, — повергнуть его въ сферу отрѣшенностей, сдѣлаетъ его неспособнымъ къ жизни, къ пониманію живыхъ потребностей... неужели это университетское образованіе? Мы въ этомъ опредѣленіи узнаемъ состояніе образованія временъ — греко-латино-словенской академіи, временъ схоластизма, зубренія псалтиря, требника, четъ-мишей и силлабическихъ виршей; но, къ счастью, не находимъ здѣсь ни малѣйшаго подобія нашего современнаго высшаго образованія. Конечно, найдутся и теперь между студентами десятки неспособныхъ не только къ миссіи народнаго наставника, но и къ другимъ «болѣе высокимъ» занятіямъ; но развѣ они могутъ составлять общую характеристику университетскаго образованія? Г. Ушинскому нужно было сказать: «прежде замѣчали мы (или для красоты — «германскіе педагоги») въ университетахъ совершенную отрѣшенность отъ потребностей народа (что отчасти существуетъ еще и теперь), оттого-то на студентовъ трудно было полагаться въ добросовѣстномъ выполненіи ими обязанностей элементарнаго учителя» и т. д. Но авторъ захотѣлъ бросить камень въ студентовъ, начавшихъ миссію народнаго образованія, и выказалъ одно только свое незнаніе какъ ихъ трудовъ, такъ и ихъ возрѣвій. Если прежде университетъ для большинства являлся не болѣе, какъ одною цѣлью достать права перваго разряда и чинъ 10 или 9 класса, то за то теперь, можно сказать утвердительно, большинство ищетъ въ стѣнахъ университетскихъ аудиторій живаго взгляда на свое будущее положеніе между разнохарактерными общественными членами, ищетъ разгадокъ на тѣ самыя извѣстнѣе вопросы, которые еще Гейне когда-то послужили обильнымъ сюжетомъ для его желчныхъ думъ. А потому между современными студентами нѣтъ желанія однихъ только личныхъ матеріальныхъ выгодъ, хотя бы они стоили отрѣшенія отъ собственныхъ взглядовъ, и перевѣсъ на сторонѣ стремленія къ дѣятельности для общественныхъ выгодъ. Нельзя ожидать, чтобы студенты университетовъ посвящали всю свою будущую дѣятельность исключительно народному образованію, сдѣлались исключительно элементарными учителями, но можно положительно утверждать, что большая часть по этому предмету будетъ сдѣлана ими. Впрочемъ г. Ушинскому не врятся обширныя свѣдѣнія, особливо онъ признаетъ ихъ вредными для учителя народной школы, «для учителя всякой народной школы нѣтъ надобности въ обширныхъ познаніяхъ, которые скорѣе вредно могутъ подѣйствовать на его дѣятельность» (стр. 121). Почему? спроситъ читатель. А хоть бы оттого, что

«и некоторымъ прусскимъ учительскимъ семинариямъ прямо ставится въ обязанность — не переучить (*nicht überlehren*) будущихъ учителей». И г. Ушинскій находитъ подобное распоряженіе совершенно рациональнымъ. По его словамъ, «дѣйствительно, «обширныя познанія могутъ только вытѣснить учителя изъ той «скромной колеи, которую онъ для себя избралъ, и помѣшать его «ограниченной, но въ высшей степени важной для государства дѣятельности» (стр. 122). Въ Пруссіи, въ «европейскомъ» государствѣ, есть правило — *nicht überlehren*; его и мы признали бы твердымъ и неизмѣннымъ, еслибы у насъ не рождался вопросъ: «на какомъ основаніи»? и если бы мы хоть что нибудь поняли въ доводѣ г. Ушинскаго; а то, несмотря на все наше искреннѣйшее желаніе, мы не можемъ связать и сдѣлать заключеніе на основаніи двухъ диаметрально противоположныхъ данныхъ. Какой нибудь А. избираетъ для себя профессіей образованіе простонародья, «важную для государства дѣятельность»; нельзя предположить сейчасъ, безъ всякаго повода, что А. съумасшедшій, дѣлающій все «очертя голову»; напротивъ А. долженъ быть человекомъ благоразумнымъ, иначе государственные органы засадятъ его въ больницу и не позволятъ ему заниматься преподаваніемъ. Съ какой же стати этотъ господинъ А. можетъ бросить самими имъ избранную профессію? Положимъ, онъ во время своихъ трудовъ приобрѣлъ такъ или иначе «обширныя познанія» и увидѣлъ свою способность къ другой работѣ. Онъ чувствуетъ, что можетъ быть полезнѣе на другомъ поприщѣ, за что онъ можетъ пользоваться бѣльшими благами за свой трудъ (принимая вознагражденіе, какъ справедливое воздаденіе за производительность) и онъ избираетъ для себя новую профессію. Все какъ нельзя болѣе разумно. Но положимъ даже, А. увлекается, ошибается въ своихъ предположеніяхъ, — остановите его, что же выйдетъ? онъ пренебрежетъ своими занятіями и будетъ мучиться своимъ безсиліемъ, а общество въ лицѣ его потеряетъ и народнаго учителя и полезнаго дѣятеля въ другой отрасли удовлетворенія общественнымъ потребностямъ. Очевидно, что въ обстановкѣ, очерченной г. Ушинскимъ, А. является не индивидуальною личностію, свободно избирающею для себя занятія, а простою машинкой, пружинкой, гвоздикомъ, какъ хотите; не онъ самъ дѣлается народнымъ учителемъ, а его дѣлаютъ. У него нѣтъ средствъ прочувствовать жизнь, понять общественныя потребности и направить сознательно свою дѣятельность; у него отняты средства переимѣниться, сдѣлаться изъ автомата живымъ человекомъ, потому что этого не хочетъ г. Ушинскій, присудившій ему вѣчно быть бессознательнымъ рычагомъ своихъ идейъ. И послѣ этого, какъ понять слова автора: «которую онъ для себя избралъ»? Тутъ,

напротивъ, видно, что другіе думали за него, что другіе присуждали ему быть народнымъ учителемъ, другіе опредѣляли для него безвычайное достоинство прозваніе, онъ же самъ является не бодѣе, какъ жертвою египетскихъ розервіей. А у человека могутъ быть діаметрально различны позывы и стремленія, такъ что правила г. Ушинскаго относительно учительскихъ семинарій, основанныя на принципахъ фабрикаціи, не только неразумны, но прямо губительны для общества (*).

По мнѣнію г. Ушинскаго, учительская семинарія должна быть что-то среднее между гимназіей и уезднымъ училищемъ, чтобы выпускать хорошихъ народныхъ учителей. А хорошій учитель народной школы, по его словамъ, долженъ обладать свѣдѣніями оцѣнь разнообразными. «Онъ долженъ имѣть познаніе, говоритъ авторъ: не только въ законѣ божіемъ, грамматикѣ, арифметикѣ, географіи и исторіи, но и въ естественныхъ наукахъ, медицинѣ, сельскомъ хозяйствѣ; кромѣ того умѣть хорошо писать, рисовать, чертить, читать ясно и выразительно и если возможно, даже пѣть. Тогда только (?) онъ будетъ въ состояніи сообщать ученикамъ своимъ свѣдѣ-

(*) Чтобы наше мнѣніе не показалось голымъ, позволимъ себѣ привести довольно любопытный примѣръ изъ прошедшихъ временъ гатчинскаго николаевскаго института, и именно возьмемъ результаты, данныя музыкальнымъ классомъ въ періодъ отъ 1837 — 1840 г. Намъ приводить идѣтъ эти факты только потому, что они могутъ дать понятіе о разнообразности направленій питомцевъ, если пожелають узнавать ихъ стремленія. 28 февраля 1837 года, музыкальный классъ былъ преобразованъ: раздѣленъ на два отдѣленія, съ назначеніемъ въ каждомъ по 10 часовъ въ недѣлю преподаванія; учителю назначили помощника, и сверхъ того опредѣлили наблюдателя за поведеніемъ воспитанниковъ; однакъ въ тотъ классъ и неслѣ такихъ пожертвованій не принесть ожидаемой отъ него пользы. Изъ 42 воспитанниковъ, составлявшихъ его: три опредѣлены были потомъ по вѣдомству театральн. дирекціи; четыре оставлены при домѣ: два — помощниками учителя музыки и два — помощниками учителя гимнастики; одинъ — помощникомъ учителя при школѣ малолѣтнихъ дѣтей; одинъ назначенъ былъ писаремъ при конторѣ института; девять переведены были въ писарскій классъ; четыре — въ С.-Петербургскій ботаническій садъ; одинъ — въ гатчинское училище практическаго садоводства; два поступили въ военную службу; три — въ фельдшера; одинъ — въ курьеры; наконецъ семь размѣщены были по разнымъ мастерствамъ и одинъ умеръ. Итакъ, изъ сорока двухъ воспитанниковъ оказалось только пятеро способныхъ музыкантовъ, которые постановленіемъ омузыкальнаго совѣта 6 июня 1840 г. розданы были въ С.-Петербургѣ между думскими артистами на два года для ихъ усовершенствованія. Эти-то пятеро музыкантовъ состоятъ (иногданые состоятъ и теперь) помидниками при учителѣ музыки и занимаются подъ его руководствомъ съ тѣми воспитанниками института, которые оказываютъ къ музыкѣ особую склонность и охоту. Такъ кончилась въ гатчинскомъ домѣ попытка образовать особый музыкальный классъ. (Очеркъ исторіи гатчинскаго института — Петра Гурьева, 1834 г. стр. 83).

нія, необходимы или полезны для нихъ въ жизни.» (стр. 122). Все это, конечно, можетъ понравиться очень многимъ: программа не такъ ограничена и повидному противорѣчитъ всему сказанному вами о мнѣніяхъ г. Ушинскаго. Но мы рѣшаемся осѣлѣть приведенное мнѣніе автора. Всякій согласится, что начертать программу— вещь ничего незначащая для самаго духа и объема преподаванія, а слѣдовательно и для результатовъ успѣшныхъ или пагубныхъ, вносимыхъ учебнымъ заведеніемъ въ общественную жизнь. Какъ съ ограниченной программой можно сдѣлать много плодотворнаго, такъ точно съ обширными курсами можно дѣйствовать гибельно на образованіе юношества: дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ. Г. Ушинскій, очертивъ такимъ образомъ курсъ учительской семинаріи, не выходитъ и здѣсь изъ своего любимаго принципа, что невѣжество лучше полуобразованія, и поэтому раздражается слѣдующей тирадой: «нѣтъ нужды доказывать, говоритъ онъ: что убѣжденія всякаго народнаго учителя христіанскаго народа должны быть пропущены идеи христіанства. Вотъ почему народныхъ учителей «средно возводить на ту среднюю ступень образованія или, лучше сказать, сообщать ему то поверхностное, самонадѣльное полуобразованіе, которое скорѣе всего ведетъ къ сомнѣнію въ религію, а потомъ къ безвѣрію. Ожидать, чтобы учитель народной школы самъ перешагнулъ за эту ступень и достигъ того высшаго образованія, которое снова возвращаетъ человѣка къ религію (т. е. позволяетъ ему вполне оцѣнить религіозныя вѣрованія?)— никакъ нельзя. При образованіи учителей для народныхъ школъ болѣе всего «нужно бояться этого полуобразованія, возбуждающаго самонадѣливость и не дающаго положительныхъ и полезныхъ знаній. Познанія, безопасныя для человѣка, которому предстоитъ еще много учиться, не безопасны для того, кто оканчиваетъ ученіе на первой «его ступени», и т. д. и т. д. (стр. 125)....»

Читатель, вѣроятно, замѣтилъ, что г. Ушинскому создать школу, опредѣлить идею народнаго воспитанія, написать проектъ учительской семинаріи— ничего не значить, ему «море по колено.» Моделировка его дѣло, его специальность. Такъ ему захотѣлось сдѣлать учительскія семинаріи— интернатами, закрытыми учебными заведеніями. «Требуя отъ наставника, рассуждаетъ онъ: чтобы онъ не однимъ ученіемъ, но всѣмъ своимъ характеромъ имѣлъ вліяніе на столь же всестороннее развитіе своихъ воспитанниковъ, должно позаботиться и о томъ, чтобы педагогическое подготавленіе наставниковъ не ограничивалось однимъ теоретическимъ и практическимъ обученіемъ. Вотъ почему въ Германіи, послѣ многихъ попытокъ, пришли къ убѣжденію, что учительскія семинаріи

«должны быть по преимуществу заведенія закрытыя, интернаты, тогда какъ въ отношеніи всякаго другаго рода учебныхъ заведеній «въ той же Германіи господствуетъ совершенно противоположное «мнѣніе» (стр. 121.) Въ Германіи существуетъ понятіе о необходимости интернатности въ дѣлѣ образованія учителей элементарныхъ школъ, какъ же Россія не предложитъ учрежденіе у себя новой воспитательной фабрики? У насъ вѣдь нѣтъ общеевропейскихъ авторитетовъ по части педагогикѣ, а тамъ цѣлая фаланга прославленныхъ именъ отъ Локка, хотя бы, до Песталоцци. Но это еще не значитъ, что справедливо и разумно самое основаніе вѣдѣной моделировки. Вотъ, на примѣръ доказательства разумности учрежденія интернатовъ для приготовленія народныхъ учителей (эти доводы мы передаемъ вкратцѣ) или, по словамъ г. Ушинскаго: «причины, требующія устройства особыхъ учительскихъ семинарій и того, чтобы эти заведенія были интернаты, выкажутся яснѣе, если взглянуть на то, къ какой цѣли должна стремиться всякая учительская семинарія» (стр. 121.):

1) Для учителя народа нѣтъ надобности въ обширныхъ познаніяхъ, которыя здѣсь губительны. Примѣръ—прусское «nicht überlehren».

Но какая же здѣсь связь съ интернатомъ? вѣдь и въ открытомъ учебномъ заведеніи можно ничего не приобрести или зазубрить самое ограниченное количество самыхъ непригодныхъ знаній?

2) Небольшія свѣдѣнія народнаго учителя должны быть ясны, точны и опредѣленны. Для такого учителя, по мнѣнію автора: нужна только небольшая грамота. Авторитетъ: отзывъ германскихъ педагоговъ о способностяхъ кончившихъ университетскій курсъ въ дѣлѣ преподаванія для народа.

Конечно, чтобы составить небольшую грамоту — а тѣмъ болѣе выучить ей питомцевъ — нужно учредить новое установленіе, несогласное съ другими учебными заведеніями ни по духу, ни по направленію; но чтобы оно было именно интернатъ, — это не вытекаетъ изъ цѣли его основанія.

3) Свѣдѣнія учителя народной школы должны быть очень разнообразны. Нужно заботиться, чтобы будущій учитель умѣлъ ясно и отчетливо читать и т. п.

Качества, не требующія все-таки аскетизма.

4) «Въ самой передачѣ свѣдѣній въ народныхъ школахъ, гдѣ учитель становится лицомъ къ лицу съ такимъ классомъ народа, для котораго вовсе не назначаются (не авторъ-ли беретъ на себя право назначать?) гимназіи, нѣтъ много особенностей» и т. п. (стр. 123).

Для этого прежде всего нужно знать не методъ преподаванія, а самый народный духъ, самые народные понятія и требованія. Но странно думать, чтобы народный духъ узнавался изъ книги или лекцій педагога; для этого необходимо учителю постоянное общеніе съ самимъ народомъ, съ окружающею народъ средою, а отсюда не изученіе отдельныхъ теоретическихъ опредѣленій, часто ни на чемъ несостоятельныхъ, или основанныхъ на искусственно подобранныхъ фактахъ, мельчающихъ и сущающихъ самый выводъ. А подобная потребность требуетъ жизни не въ интернатѣ, а напротивъ возможно большего соприкосновенія будущаго учителя съ народомъ, не въ лицѣ питомцевъ, обыкновенно привлеченныхъ въ школу педагогическою дисциплиной и поэтому терпящихъ или, правильнѣе, обязанныхъ скрывать большую часть отпечатка своего народного характера, — а въ лицѣ взрослыхъ, ничѣмъ не стѣсненныхъ представителей народа, отцовъ будущихъ питомцевъ наставника. Г. Ушинскій инстинктивно понималъ это, но понималъ совершенно иначе: у него эта необходимость является подтвержденіемъ его мысли важности воспитанія въ интернатѣ; онъ находитъ, что

5) «методъ преподаванія можно научить изъ книги или словъ преподавателя, но приобрести навыкъ въ употребленіи этого метода можно только дѣльною и долговременною практикою. Въ германскихъ учительскихъ семинаріяхъ (и если автору такъ нужны авторитеты, то мы можемъ прибавить, что и въ англійскихъ — *Trainings Institutions*) практикантъ обыкновенно сначала присутствуетъ на урокахъ хорошаго учителя и помогаетъ ему по его указанію, а потомъ самъ пробуетъ преподавать по лекціи, составленной и обдуманной заранѣе съ учителемъ. При такомъ урокѣ практикантъ присутствуетъ его товарищи и учителя и замѣчаютъ его каждую ошибку; а послѣ урока, въ особомъ педагогическомъ собраніи, высказываютъ практиканту всѣ, слышанныя на его лекціи замѣчанія, при чемъ обращается вниманіе даже на мельчайшія подробности преподаванія; какъ-то на интонацію, движенія и проч. Выслушавъ эти замѣчанія, практикантъ готовится къ новому уроку. Такое приготовленіе вначалѣ бываетъ очень медленно и трудно: практикантъ не только долженъ услышать себя предметъ урока во всѣхъ подробностяхъ, но придумаетъ объясненія, выраженія, вопросы, приготовится ко всѣмъ случайностямъ урока, обдумать каждое движеніе. Понятно, что послѣ дукъ-льми трехъ лѣтъ такихъ занятій изъ практиканта образуется хорошій преподаватель съ отличными преподавательскими приемами и привычками и что промѣ того предметъ преподаванія установится въ его головѣ въ полной ясности и опредѣленности. Но, конечно такіа упражненія, такіа педагогическіа бесѣды, такая взаим-

ная критика и взаимное раздраженіе гораздо удобнѣе дѣлаются при совмѣстной жизни семинаристовъ въ интернатѣ»...

Кажется ясно, что г. Ушинскій и не думаетъ о живыхъ потребностяхъ народа, о живомъ, понятномъ преподаваніи. Потребность изученія практикантомъ того класса, гдѣ онъ современемъ будетъ руководителемъ юношества, а слѣдовательно и умственного развитія, для автора совершенно непонятна. Его заботы сосредоточены на приличныхъ жестахъ и движеніяхъ, на красивыхъ объясненіяхъ. Но положимъ, что жестыкуляція необходимая принадлежность хорошаго учителя, что раздраженіе учителю можетъ двинуть практиканта къ самостоятельной работѣ (чего, конечно, ни въ какомъ случаѣ не можетъ случиться), что практикантъ приобрететъ отличные преподавательскіе приемы, — что же изъ этого выйдетъ? Конечно, одинъ актеръ безъ пониманія жизни, съ узкою сферою узкихъ познаній. Въ самомъ дѣлѣ; учитель заставляетъ практиканта помочь себѣ — практикантъ помогаетъ; учитель говоритъ, что практиканту нужно составить лекцію и обдумываетъ вмѣстѣ съ нимъ, чтѣ и какъ слѣдуетъ говорить; сколько же придется на долю практиканта самостоятельнаго труда, при сильной авторитетности учителя (а сильная авторитетность — прямое слѣдствіе обязанности учителя «не переучить» и во что бы то ни стало слѣвать изъ своего питомца учителя народной школы!) Потомъ практикантъ читаетъ лекцію; товарищи критикуютъ... Что? конечно, «мельчайшія подробности преподаванія, какъ то: интонацію, движенія и проч.» — самую лекцію нимъ критиковать нельзя; авторитетъ учителя силенъ, а какъ бы то ни было, учитель замѣшанъ въ дѣлѣ практиканта: вѣдь они вмѣстѣ обдумывали и составляли. Такимъ образомъ, мы вполне вѣримъ, что изъ практиканта можетъ выйти преподаватель «съ отличными педагогическими приемами», но можетъ и не выйти: какъ бы ни былъ строгъ и бдителенъ надзоръ, самолюбивая личность можетъ не подчиняться критическимъ замѣчаніямъ товарищей, тѣмъ болѣе, что съ нею работалъ самъ учитель. Но вотъ кончены лекціи практиканта; изъ него образовался «хорошій» учитель народной школы «съ отличными педагогическими приемами» — что же дальше? — Онъ получаетъ школу. Наконецъ-то выработался на Руси «хорошій» учитель — слава тебѣ Господи! Но чтѣ думаетъ о себѣ такой семинаристъ? онъ прошелъ сквозь огонь и воду педагогической мудрости, трудился, приобрѣлъ «не обширныя, но опредѣленные познанія» и признанъ... «хорошимъ» наставникомъ. Явится ли онъ авторитетомъ предъ своими питомцами, или сочтетъ ихъ своими друзьями, равными, достойными съ его стороны уваженія? Последнее что-то сомнительно, вѣдь все его воспита-

не было основано на авторитетности и самъ-то онъ готовился въ «хорошіе» воспитатели «съ отличными» пріемами, то есть, какъ авторитетъ въ дѣлѣ воспитанія народа... Да и сами-то питомцы для него новы: онъ присутствовалъ и училъ въ учительской семинаріи на лекціяхъ нужныхъ будущимъ учителямъ, — а теперь попалъ въ народную школу!

Мы видѣли выше условія полезныхъ познаній хорошаго народного учителя, условія нелѣпыя; но даже оставляя ихъ въ сторонѣ, мы имѣемъ право спросить теперь: будетъ ли выпущенный и образованный такимъ образомъ «хорошій» учитель — живымъ человекомъ? Намъ невольно приходится на умъ два стиха изъ «Фауста» — Гёте:

Нѣтъ! чувства не вриять словамъ,
Когда оно изъ сердца не исходитъ, —

и въ самомъ дѣлѣ, что такое «живой» человекъ, что такое «живое» слово?

И. ПИОТРОВСКІЙ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Краткое изложениі русской исторіи. Составилъ Н. Тимашевъ. Изд. второе. Спб. 1861.

«Въ настоящее время» множество рукъ трудится надъ собираніемъ уликъ въ прегрѣшеніяхъ «Современника». Г. Тимашевъ такъ счастливъ, что получилъ отъ публки,—замѣтьте отъ самой публки! это не шутка,— одну улику подобнаго рода, и такъ добръ, что выставляетъ эту улику на общее пользованіе. Публика, говоритъ онъ въ предисловіи ко 2 изданію своего «Краткаго изложенія русской исторіи»: раскупила все прежнее изданіе, а требованія на книгу продолжаются: «это, вопреки мнѣнію рецензента «Современника» 1859 г. показываетъ или то, что книга моя имѣетъ свои достоинства, или же то, что въ литературѣ нашей не достаетъ именно такого рода руководства». Должно быть или то или другое. Поищемъ сначала достоинства. Русскіе, говоритъ г. Тимашевъ: — славяне; а славяне, говоритъ онъ, бываютъ разные: восточные, сѣверозападные и югозападные. «Къ югозападнымъ славянамъ принадлежатъ: болгары, сербы, хорваты, хорутане, черногорцы; они находятся подъ властію Турціи и Австріи». Что же это, значить черногорцы не сербы? и подъ чьей же это властью они находятся: подъ властью Турціи или подъ властью Австріи? — «Къ сѣверозападнымъ славянамъ (продолжаетъ г. Тимашевъ) принадлежатъ: поляки, чехи, моравы, находящіеся подъ властью Австріи и Пруссіи». А не существуетъ ли на свѣтѣ еще лужичанъ, не существуетъ ли то же словаковъ? и не находится ли поляковъ подъ властью еще какой нибудь

другой державы, кромѣ Австріи и Пруссіи? — Впрочемъ кромѣ славянъ жили на пространствѣ нынѣшней Россіи и другія племена, говоритъ г. Тимаевъ: «на сѣверъ отъ Волги многочисленное финское племя», — ну а мордва, до нынѣ остающаяся въ губерніяхъ Пензенской и Саратовской, къ какому племени принадлежитъ? какими же это судьбами губерніи Пензенская и Саратовская лежатъ на сѣверъ отъ Волги?

Мы видимъ, что г. Тимаевъ только изъ скромности говоритъ, будто бы въ его «сочиненіи нѣтъ ни новыхъ фактовъ, ни новыхъ изслѣдованій и выводовъ». — Мы пересматриваемъ книгу слегка; что попадется подъ глаза, то и выбираемъ: вотъ, напримѣръ, параграфъ объ уни. «Поляки обратили вниманіе на вѣру (говоритъ г. Тимаевъ), стараясь подавить православіе и распространить католицизмъ во всемъ кievскомъ княжествѣ. Кириллъ Терлецкій, епископъ луцкій, Михаилъ Рагоза, митрополитъ кievскій, и хитрый Ипатій Поцей, епископъ владимірскій, не довольные константинопольскимъ патріархомъ, рѣшились отдѣлиться отъ православія и искать покровительства у папы, главы западной церкви», и т. д. Что же, — Кириллъ Терлецкій, Михаилъ Рагоза и хитрый Ипатій Поцей были поляки? а если они были русскіе, то поляки ли завели унию? А вотъ параграфъ: «Образованіе Петра Великаго.» — «О дѣтствѣ Петра рассказываютъ, что однажды во время Алексѣя Михайловича купецъ принесъ Петру подарки, между которыми находилась маленькая сабля; трехлѣтній царевичъ схватился за саблю», и — ждете вы по этому началу — прибавилъ, что, дескать, когда я выросу, я этою саблею побью Карла XII подъ Полтавою; но нѣтъ: г. Тимаевъ не догадался, что его анекдотъ слѣдовало бы закончить такимъ манеромъ. А вотъ «Отечественная война 1812 г.» — «Наполеонъ, желая покорить и самую Россію, вскорѣ нашелъ предлогъ къ войнѣ.» Вотъ какъ, Наполеонъ желалъ покорить Россію! Такой скрытный былъ человекъ: никто до г. Тимаева не умѣлъ узнать этого! Нѣтъ, что ни говорите, новыхъ фактовъ въ маленькой книжкѣ г. Тимаева не мало. Судя по этимъ небольшимъ выдержкамъ, надобно отвергнуть первую половину дилеммы автора: «или то, что книга моя имѣетъ свои достоинства». Значитъ, объяснить продолжающееся требованіе на нее можно только второю половиною дилеммы: «или же то, что въ литературѣ нашей не достаетъ именно такого рода руководства»; именно не достаетъ такого рода руководства: есть руководства не дурныя; есть много руководствъ плохихъ, но и плохія все таки писаны людьми, хоть сколько нибудь знакомыми съ предметомъ; а такого руководства, которое имѣло бы совершенно рябическій характеръ, до изданія книжки г. Тимаева не было. Полная благодар-

ность ему за то, что онъ потрудился восполнить этотъ недостатокъ.

И какой плодовитый педагогъ г. Тимаевъ! На оберткѣ его книжки читаемъ, что въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга, кромѣ «Краткаго изложенія русской исторіи», поступили въ продажу тоже его сочиненія: «Краткій учебникъ всеобщей исторіи», ч. I: Исторія древняго міра», «Тетрадь всеобщей географіи», — это все сочиненія г. Тимаева; а дальше поставлены еще двѣ книжки: «Греческая мнѳологія» и «Филоктитъ, трагедія Софокла, переводъ с греческова», — чьего сочиненія эти двѣ книжки, не написано; только поставлены онѣ рядомъ съ сочиненіями г. Тимаева. Но кѣмъ бы ни были напечатаны «Филоктитъ, переводъ с греческова», этотъ господинъ, т. е. не Филоктитъ, а человекъ, его напечатавшій, долженъ быть — отважный прогрессистъ, бойкая голова, нововводитель; такъ-что не даромъ поставлена его книжка рядомъ съ сочиненіями самого г. Тимаева: одна уничтожаетъ букву ъ, замѣняетъ букву и буквою і, а другою открываетъ, что Наполеонъ желалъ покорить Россію и что черногорцы — не сербы. Оба молодцы. Однако погодите, это еще не все: на оберткѣ «Краткаго изложенія Русской исторіи» напечатано еще, что въ непродолжительномъ времени выйдеть въ свѣтъ «Краткій учебникъ Всеобщей Исторіи. Часть 2. Исторія среднихъ вѣковъ. Составилъ Н. Тимаевъ».

Скоро ли г. Тимаевъ исполнитъ это обѣщаніе, скоро ли подаритъ намъ «Исторію среднихъ вѣковъ» такого же ребяческаго характера, какъ «Краткое изложеніе русской исторіи»?

Краткій учебникъ Всеобщей Исторіи. Ч. II. Исторія Среднихъ Вѣковъ. Составилъ Н. Тимаевъ. С.-П.-бургъ. 1861.

А вотъ обѣщаніе ужъ и исполнено. Молодецъ г. Тимаевъ; право, хорошо.

«Не всѣ народы, говоритъ онъ въ началѣ своей новой книжки, одинаково важны для исторіи: нѣкоторые народы исчезли, оставивъ только имя своему потомству; другіе народы содѣйствовали развитію образованія; третіе способствовали къ распространенію образованія; четвертые разрушительными появленіями и набѣгами задерживали ходъ образованія. Поэтому народы могутъ быть раздѣлены на историческіе и неисторическіе; такъ древніе греки и римляне, новѣйшіе французы, англичане, германцы — суть вполнѣ историческіе народы; напротивъ того, готтентоты, негры, калмыки, якуты — суть не историческіе народы». Готтентоты, калмыки, якуты вѣроятно и по мнѣнію г. Тимаева не содѣйствовали развитію или передачѣ

образованія; значить, ни ко вторымъ, ни къ третьимъ народамъ они не принадлежатъ: что же они — четвертые народы, которые разрушительными появленіями и набѣгами задерживали ходъ образованія? Или они — тѣ народы, которые «исчезли»? Вотъ видите ли, г. Тимаевъ, прежде, чѣмъ печатать историческіе учебники, надобно самому выучиться писать съ толкомъ; иначе, не попадешь въ число «писателей, благотворителей и друзей человѣчества», которые «смѣло подвигаютъ впередъ общество». Впрочемъ кажется, что г. Тимаевъ можетъ «преимущественно явиться дѣятелемъ въ исторіи», какъ художникъ: въ своихъ маленькихъ книжкахъ онъ часто проявляетъ поэтической складъ души. Начистъ, напримѣръ, говорить о рыцарскихъ замкахъ и прибавить, что въ наше время ихъ развалины «служатъ жилищемъ воронамъ и летучимъ мышамъ»; или, начнетъ говорить о Фридрихѣ II Гогенштауфенѣ и очень мило обрисуетъ «прекрасную Италію съ ея свѣтлымъ небомъ, чуднымъ климатомъ и роскошною природою». Книжка у него очень маленькая, — всего страницей 300 самаго маленькаго формата и напечатана крупнымъ шрифтомъ; — кажется, негдѣ было бы разгуляться, — нѣтъ, онъ умѣетъ распорядиться мѣстомъ, все важное успѣетъ сообщить. Напримѣръ: въ краткомъ учебникѣ иной не нашелъ бы мѣста по-разговориться о домашнихъ дѣлахъ Рудольфа, графа габсбургскаго, до его избранія въ императоры; а г. Тимаевъ открываетъ возможность рассказать намъ слѣдующій, конечно очень важный историческій фактъ: «Въ это время въ южной Германіи, въ Швабін, жилъ Рудольфъ, графъ габсбургскій, отличавшійся отвагою, благочестіемъ, справедливостію и добротою, такъ-что онъ былъ любимъ своими подчиненными. Однажды Рудольфъ Габсбургскій ѣхалъ верхомъ на конѣ и встрѣтилъ священника, шедшаго съ святыми дарами къ больному; благочестивый Рудольфъ сошелъ съ коня, предложилъ его священнику для переправы черезъ рѣчку и потомъ подарилъ коня священнику». Это очень хорошо. — Дошла у г. Тимаева очередь до Венеціи. — онъ и тутъ успѣлъ замѣтить, что «длинные и легкія гондолы отличались изяществомъ и роскошью; не съ XVI вѣка всѣ гондолы дѣлались черными». Да вѣдь XVI вѣкъ, если не ошибаемся, принадлежитъ уже не къ средней, а къ новой исторіи; что же краткому учебнику исторіи среднихъ вѣковъ до того, въ какой цвѣтъ стали красить гондолы съ XVI вѣка? Словомъ сказать, книжка г. Тимаева написана какъ будто бы стенографомъ со словъ бойкаго мальчика, который такъ и рѣшетъ свой отвѣтъ на экзаменѣ: чего, чего не подвернется подъ языкъ этому мальчику! Случилось ему прочесть балладу Шиллера въ переводѣ Жуковскаго — онъ вложилъ ее въ отвѣтъ; случилось прочесть въ старинномъ

«Живописномъ Обзорѣніи» статейку о гондолахъ, онъ и гондолы всунедъ въ отвѣтъ; а вдругъ порадуетъ васъ и такимъ рассказцемъ: «Изъ пррремниковъ Родюна замѣчательнъ герцогъ Робертъ, по прозванью Дьяволъ. Сначала Робертъ-Дьяволъ велъ самую преступную жизнь; онъ жилъ въ твердомъ замкѣ среди дикаго лѣса, составилъ себѣ толпу отважныхъ товарищей, съ которыми онъ нападалъ на монастыри и замки, грабилъ ихъ и убивалъ путешественниковъ, купцовъ и горожанъ; отецъ его, опечаленный поведеніемъ сына, умеръ съ горя. Однажды, какъ рассказываютъ, Робертъ ограбилъ одинъ замокъ и велѣлъ привести къ себѣ владѣтеля замка; но такъ какъ владѣтеля не было, то привели владѣтельницу замка и Робертъ узналъ въ ней свою мать. Она упрекала Роберта и говорила, что онъ хочетъ и ее низвести въ могилу, какъ и отца. Это произвело сильное впечатлѣніе на Роберта; онъ перемѣнилъ образъ жизни, распустилъ своихъ товарищей и самъ, какъ кающійся грѣшникъ, отправился къ святымъ мѣстамъ въ Иерусалимъ и въ Римъ. Получивъ отъ папы прощеніе грѣховъ, онъ возвратился въ Нормандію и сдѣлался однимъ изъ лучшихъ герцоговъ норманскихъ» (стр. 104). Выслушавъ такой эпизодецъ, экзаменаторъ суроваго свойства морщитъ брови и мычитъ: «не къ дѣлу рассказываете, не о томъ васъ спрашиваютъ; о Робертѣ Дьяволѣ могли бы вовсе, вы и не упоминать; онъ лицо не важное; вы бы учились хорошенько, а то вѣрно въ театрѣ часто бываете, балеты смотрите, да намъ на экзаменѣ ихъ и отвѣчаете». Но экзаменаторъ игриваго свойства подмаргиваетъ суровому товарищу и хихикаетъ: «зачѣмъ же (хи, хи, хи! закрывался платкомъ) Робертъ Дьяволъ велѣлъ привести владѣтельницу замка? что онъ съ ней хотѣлъ сдѣлать?» (Опять закрывается платкомъ и хихикаетъ; весь классъ вторитъ ему громкимъ хохотомъ; бойкій отвѣчающій мальчикъ самъ улыбается и переминается).

Въ предисловіи къ «Изложенію русской исторіи» г. Тимаевъ говоритъ: «этотъ учебникъ составленъ преимущественно для женскихъ учебныхъ заведеній». Не знаемъ, для какихъ заведеній преимущественно составленъ «Учебникъ Исторіи Среднихъ Вѣковъ»; но если также для женскихъ, г. Тимаевъ — большой шутникъ.

Тетрадь Всеобщей Географіи. (Приготовительный курсъ).
Седьмое исправленное изданіе. Составилъ М. Тимаевъ. Спб. 1861.

Двумя страницами выше, мы причисляли эту «Тетрадь» къ сочиненіямъ г. Н. Тимаева, автора прекрасныхъ рѣчиескихъ руководствъ по всякимъ исторіямъ; и по всеобщей древней, и по всеобщей средней, и по русской; а вотъ видите ли мы и ошиблись, не разобрали дѣла,

напрасно предположили, что достаточно для Россіи считать въ числѣ своихъ сыновъ одного печатнаго г. Тимаева. Нѣтъ, и велика страна наша, и обильна гг. печатными Тимаевыми: въ дополненіе къ Н. Тимаеву открылся теперь М. Тимаевъ; вы думаете: «ну, теперь ужь довольно»; нѣтъ: къ предисловію «Тетради», подь которымъ написано «М. Тимаевъ», сдѣлана прибавка въ пять строкъ, говорившая, что «седьмое изданіе «Тетради» исправлено по новѣйшимъ географіямъ», и подь этою прибавкою подпись: «В. Тимаевъ». Такимъ образомъ птенцовъ (преимущественно женскаго пола, — надобно сказать, должно быть: птеницъ или птеночекъ), назидаютъ цѣлыхъ трое гг. Тимаевыхъ: 1) Н.; 2) М.; 3) В. Какъ назидаетъ ихъ г. Н., мы уже видѣли. Полюбопытствуемъ теперь относительно гг. М. и В.

Мы слышали, какъ разсуждаетъ о славянскихъ племенахъ г. Н. Тимаевъ. Послушаемъ, что говорятъ о нихъ гг. М. и В. Тимаевы. — «Политическое обозрѣніе Европы. Число жителей и ихъ поколѣнія. 1. Славянское поколѣніе, къ коему относятся: россіяне (г. Н. Тимаевъ говорить просто—русскіе), поляки, чехи или богемцы, венды въ Пруссіи (это должно быть — лужичане; ну, а какъ въ Саксоніи, нѣтъ ли тамъ лужичанъ?), словаки, кроаты, иллиріане, болгары, живущіе въ Австріи и турецкихъ владѣніяхъ». — Гг. М. и В. Тимаевы имѣютъ надъ г. Н. Тимаевымъ то преимущество, что знаютъ лужичанъ (подъ именемъ вендовъ, какъ Геродотъ зналъ калмыковъ подь именемъ агриппеевъ) и словаковъ (этихъ уже подь настоящимъ ихъ именемъ), которые укрылись отъ изысканій г. Н. Тимаева; а г. Н. Тимаевъ имѣетъ надъ своими однофамильцами то преимущество, что знаетъ хорутанъ, которыхъ они не знаютъ. Умилительно это сравненіе: знаніе трехъ славянскихъ племенъ раздѣлилось между тремя однофамильцами, какъ разъ каждому по племенн: сему хорутане, онымъ же словаки и лужичане (рекомые венды).

Оно, впрочемъ, не однихъ хорутанъ не найдете вы между европейскими «поколѣніями»: гг. М. и В. Тимаевы забыли руноновъ, албанцевъ, мордву (ее могутъ они отыскать на сѣверъ отъ Волги, по указанію своего однофамильца), все латышское племя, ирландцевъ, бретонцевъ и все кельтское племя, басковъ; оно, впрочемъ, и то сказать, не стоитъ такихъ пустяковъ замѣчать. — Вотъ еще отрывочекъ съ той же страницы. «Хлѣбопашество почти вездѣ производится, но въ лучшемъ состояніи оно находится въ Англіи, въ Нидерландахъ и Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ. Россія и Сицилія также богаты хлѣбомъ». Это сопоставленіе Россіи и Сициліи прелестно. — Читаемъ дальше. «Рудокопство особенно важно въ Россіи, Швеціи, Венгріи и въ нѣкоторыхъ странахъ Германіи, особен-

но въ Вогеміи и Саксоніи». Только? ну, а какъ же въ Англіи, которая одна добываетъ изъ своихъ рудниковъ больше богатства, чѣмъ вся остальная Европа? — Впрочемъ, что намъ до заграничныхъ земель, посмотримъ лучше «обозрѣніе Россійской Имперіи.—«Величина ея свыше 400,000 квадр. миль». — А по академическому мѣсяцеслову на 1861 г. менѣе 375,000 кв. миль. Видно, у гг. М. и В. Тимасвыхъ какія нибудь особенныя квадратныя мили. Любопытно узнать, какія моря находятся на предѣлахъ европейской Россіи. Вотъ какія: «Моря. На сѣверѣ — Сѣверный Океанъ. На западѣ — Балтійское море. На югѣ — Черное море и заливъ онаго — Азовское море. Балтійское море служитъ преимущественно путемъ сообщенія съ другими народами». Хорошо; только Каспійское море гдѣ же? Видно, Каспійскаго моря не оказывается между европейскою Россіею и Персіею «по новѣйшимъ географіямъ», по которымъ исправлено самое изданіе «Тетради». А жаль этого моря: оно снабжало насъ хорошей рыбой. Идемъ дальше. «Европейская Россія раздѣляется на 5 странъ: лѣсную страну, страну мануфактурной промышленности, страну горнозаводской промышленности, страну хлѣбопашества и степную страну. Въ странѣ мануфактурной промышленности находится губернія Казанская», — однако далеко же заѣхала страна мануфактурной промышленности. Извѣстное дѣло, что когда одна вещь слишкомъ растягивается, другая должна сжиматься. Потому изъ страны хлѣбопашества исключены «большая часть губерній Саратовской и Самарской и часть губерній Воронежской». Бѣдныя части, куда онѣ дѣнутся?

Нѣтъ, гг. М. и В. Тимаевы нимаю не уступать своими достоинствами своему однофамильцу.

Изумительно, что подобныя, никуда не годныя книжонки дожидаются до «седьмаго исправленнаго изданія». Какіе несчастные люди принуждены покупать ихъ?

Письма русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства. Изданы комиссіею печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, состоящею при московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. I. Переписка Петра I съ Екатериною Алексѣевною. II. Переписка царицы Прасковьи Федоровны и дочерей ея Екатерины и Прасковьи. Москва. 1861.

Начнемъ прямо пересмотромъ историческихъ документовъ, находящихся въ первыхъ двухъ выпускахъ. Письма перенумерованы; мы и ставемъ пересматривать ихъ по порядку номеровъ.

№ 1. — 1707 г. января 8. Письмо Петра I къ Анисѣ Кирилловнѣ Толстой и государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, о приездѣ изъ изъ Киева.

†

«Госпожи тетка і матка!

«Письмо ваше, въ которомъ пишете о новоявленной Катерине, я пришелъ: слава Богу, что здорово въ рожденьи матери было, а что пишете къ шурѣ по старой пословине, і ежели такъ станеть, то почво больше раду быть дочери, нежели думать сынку. О приѣзде написать я уже вамъ говорил и свия писемъ также поттвержаю: приѣжайте въ Киевъ не мешкаю; изъ Киева отпишите, а не отписавъ не ѣдите, для того что дорога отъ Киева не очень чиста. При семъ посылаю подарокъ матери и въ дочерю.»

РГДА.

«Изъ Жолки, въ 8 д. января 1707.»

«Подлинникъ писанъ собственною рукою Петра I; хранился въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ делъ, въ книгѣ подл № 17.»

№ 2. — 1707 г. февраля 6 дня. Письмо Петра I къ Анисѣ Кирилловнѣ Толстой и государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, о приездѣ изъ изъ Жолку.

†

«Госпожи тетка і матка!

«Какъ къ вамъ сей доноситель приѣдетъ, поблагодарите свия не мешкаю.»

РГДА.

«Изъ Жолки, въ 6 д. февраля 1707.»

«Подлинникъ писанъ собственною рукою Петра I; письмо было свернуто пакетомъ, на оборотѣ надпись: † Госпожамъ тетке і матке. Пакетъ запечатанъ красною суричною печатью, на которой изображены шифръ: Р. А.; на верху корона. Хранится въ государственномъ архивѣ М. И. Д., въ книгѣ подл № 17.»

Точно таквы же письма отъ № 3 до № 8, отъ 10 до № 23, отъ № 25 до № 97, отъ № 99 до 221, то-есть до конца перваго выпуска. Большая часть писемъ тутъ отъ императора Петра къ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ; есть нѣсколько писемъ и отъ нея къ нему. Содержаніе его писемъ таково: «я приѣхалъ вчера или третьяго дня въ городъ, изъ котораго пишу тебѣ. Завтра или послѣзавтра отпра-вляюсь въ такой-то городъ». Къ этому прибавляются замѣтки о здоровьѣ, иногда о погодѣ: когда Петръ пишетъ съ минеральныхъ водъ, то прибавляетъ, что пьетъ минеральныя воды; когда императрица ѣдетъ къ нему, онъ совѣтуетъ ей, по какой дорогѣ лучше проѣхать; очень часто прибавляется: благодарю тебя за твой подарокъ, — это обыкновенно какіе-нибудь фрукты, иногда какой-нибудь

другая провизія или нѣсколько бутылокъ вина, или пива; довольно часто императоръ самъ посылаетъ подарки супругѣ: кусокъ матеріи на платье или тоже что-нибудь изъ провизіи. Если случилась какая-нибудь новость, въ двухъ словахъ упоминается о ней, но рѣшительно всегда въ двухъ словахъ, чрезвычайно кратко. Почти всегда упоминается о дѣтахъ: хорошо, что они здоровы; пожалуйста заботься о нихъ; или: очень мнѣ пріятно, что ты такъ заботишься о дѣтахъ.— Въ письмахъ Екатерины къ супругу тоже самое, но чаще нежели въ письмахъ Петра встрѣчаются поздравленія съ праздниками. Словомъ сказать, изъ 221 письма 218 имѣютъ обыкновенный характеръ коротенькихъ записочекъ, посылаемыхъ семейникомъ къ семейнику на-скоро, съ единственною цѣлю уведомить о здоровьѣ, чтобы не беспокоились домашніе, или сообщить что-нибудь по обыкновеннымъ семейнымъ дѣламъ, о которыхъ и въ самомъ семействѣ черезъ недѣлю забываютъ. Вотъ еще примѣры, въ прибавокъ къ двумъ уже приведеннымъ.

№ 155. — 1719 г. августа 16. Письмо государыни Екатерины Алексѣевны къ Петру I, *поздравительное съ праздникомъ Успенія Богородицы, и съ уведомленьемъ о здоровьи.*

«Инаго нынѣ къ довошенію вашей милости нічего не имѣю, но паче всего всѣмъ сердцемъ желаемъ вамъ здравья, и дабы неувышимымъ вашимъ трудностямъ Господь Богъ даровалъ вамъ покой и въ сие время дѣла ваши сполна пожеланнымъ благополучиємъ, съ чемъ каждого часу вашу милость ожидаю. О себѣ довошу, что кушо въ дѣтками и со внучаты нашими обрѣтаемся, слава Богу, въ добромъ здоровьѣ. При семъ поздравляю вашу милость вчерашнимъ праздникомъ Успенія Богородицы.

«Августа 16-го дня».

№ 162 — 1723 г. іюля 4. Письмо Петра I къ государыниѣ Екатерины Алексѣевнѣ, *о прибытіи своемъ съ флотомъ въ Ревель.*

† Катеринушка, другъ мой сердешинной, здравствуй!

«Объявляю вамъ, что мы со флотомъ вчерашнего дни въ здѣшней Бай (Вааголандск. — вальв, гавань, прим. издав.) прибыли благополучно (въ) 8 часовъ по полудни, і стали на якорь; а сего моменту идемъ къ городу. Могли-бы быть і ранее, только великой былъ туманъ; чего для вѣло опасались кокшаръ (sic) і протчихъ желѣн, того для немного парусовъ употребляли. За симъ пакы здравствуй і будъ весела, а мы, слава Богу, веселы і здоровы.

ПЕТРЪ.

«Отъ Ревеля, въ 4 д. іюля 1723».

Теперь читатель пусть самъ разсудитъ, въ какой степени полезно или нужно было издавать эти письма. Нѣкоторымъ покажутся, быть можетъ, нѣсколько любопытны орфографическія неуравновѣ-

сти. Но и съ этой стороны изданаіе рѣшительно бесполезно для каждаго, кто читалъ хоть какія-нибудь книги о Петрѣ Великомъ. Вѣдъ извѣстно, что русская орфографія не входила въ воспитаніе тогдашнихъ врсменъ; она считалась нужною лишь для однихъ спеціалистовъ—типографскихъ корректоровъ. Конечно очень немногимъ изъ нашихъ читателей новъ тотъ фактъ, что Петръ Великій писалъ очень неправильно, какъ и всѣ его сподвижники, какъ и всѣ тогдашніе важные люди, за исключеніемъ развѣ двухъ, трехъ лицъ изъ числа архіереевъ.

Если въ перепискѣ Екатерины и Петра изъ 221 письма 218 не пишутъ ничего важнаго или любопытнаго для исторіи, то разумѣется, еще меньше можно найти чего-нибудь такого въ перепискѣ царицы Прасковьи Федоровны съ Петромъ I, Екатериною Алексѣевою, герцогинею мекленбургскою Екатериною Ивановною, съ принцессою Анною Леопольдовною, въ перепискѣ герцогини мекленбургской Екатерины Ивановны и царевны Прасковьи Ивановны съ ихъ царственными родственниками, съ княземъ и княгинею Меншиковыми, и проч. Изъ 101 письма, помѣщенныхъ во второмъ выпускѣ, только 16 заключаютъ въ себѣ хотя что-нибудь кромѣ увѣдомленій о здоровьѣ, а всѣ остальные 85 имѣютъ исключительно «форменный» характеръ поздравительныхъ и дображелательныхъ писемъ, какими до сихъ поръ постоянно обмѣниваются раза по два или по три въ годъ родственники и люди близкіе въ патриархальныхъ классахъ русскаго общества. Вотъ примѣры:

«№ 1. — 1716 г. февраля 3. Письмо царицы Прасковьи Федоровны къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевѣ, съ извѣстіемъ о здоровьѣ царскихъ дѣтей и съ просьбою не оставитъ своего милостія ей дочери.

«Государыня моя матушка и невѣстуха, царица Екатерина Алексѣевна!

«Здравствуй, свѣтъ мой, на именованіе лѣтъ. Доношу милости твоей: государь Петръ Петровичъ, и государыня царица Анна Петровна, и государыня царица Елисавета Петровна, слава Богу, въ добромъ здоровьѣ.

«Пожалуй, государыня моя невѣстуха, прикажи насъ увѣдомить писаньемъ о нашемъ здравіи, чего мы отъ сердца слышать желаемъ. Прошу вашей милости: содержи, свѣтъ мой, въ своей милости мою дочку, какую я видела въ ней твою милость, также слышу и зашную твою милость къ ней.

«А о себе доношу вашей милости: я въ дѣтии своими до воли Божией живы.

«При семь остаюсь — сноха ваша Прасковья являюсь».

«Февраля въ 3 де(нь) 1716 году, изъ Санктъ Питербурха.

«Подлинникъ, за собственноручною подписью царицы, хранится въ зо-

сударственном архивѣ м. ч. д., въ книгѣ подъ № 17; на оборотѣ адресъ: государынѣ моей невѣстухѣ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.»

«№ 51. — 1717 г. ноября 24. Письмо герцогини Мекленбургской Екатерины Ивановны, къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, поздравительное со дня ея тезоименитства.

«Милостивая моя государыня тетушка і матушка, царица Екатерина Алексѣевна, здравствуй на множество лѣтъ.

«Вашего величества милостивое писанье, пущенное изъ Санктъ-Петербурга 17-го прошедшаго октября я исправно получила, за которое покорно благодарствую. И при семъ моемъ благодареніи нижайше поздравляю ваше величество, мою государыню матушку, выиѣшнимъ торжественнымъ днемъ вашего тезоименитства, и желаю отъ всего моего сердца: да подасть Всевышній вашему величеству благополучно день сей торжествовать, тако жъ и (въ) впредь будущіе лѣта такихъ же дней многихъ во всякомъ здравіи достигнуть.

«Покорнѣйше прошу ваше величество приказать меня своимъ милостивымъ писаніями не оставить о состояніи дрожайшаго здравія государя моего дялюшка, тако жъ і вашего величества, тако жъ і о здравіи государя моего брата и сестрицы; о чемъ сердечно желаю вѣдать.

«При семъ і о себѣ вашему величеству доношу: за помощію Божіею, съ любезнымъ моимъ супругомъ обретаюсь въ добромъ здравіи. Впрочемъ рекомендую себя во всегдашнее вашего величества милости, и сократя сие, съ покорнымъ почтеніемъ пребываю

Вашего величества

покорная служница і племянница

Екатерина.»

«Изъ Ростова, 24 ноября 1717 г.

«Подлинникъ, за собственноручною подписью герцогини, хранится въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ книгѣ подъ № 17.»

Таковы 85 изъ 101 письма 2-го выпуска. Въ 16 остальныхъ есть прибавки къ извѣщеніямъ о добромъ здоровьи и къ пожеланіямъ добромъ здоровья. Въ письмахъ 9, 10, 11 и 12 идетъ рѣчь о пожалованіи Крестовскаго острова въ подарокъ царицѣ Прасковѣ Федоровнѣ. Особенно важнаго впрочемъ и тутъ не такъ много: въ письмѣ № 9 императрица Екатерина Алексѣевна въ 4 строкахъ извѣщаетъ царицу Прасковью Федоровну, что императоръ отдастъ ей Крестовскій островъ; въ письмѣ № 10 царица Прасковья Федоровна въ 4 съ половиною строкахъ извѣщаетъ о томъ князя Меншикова и проситъ его сдѣлать распоряженіе о ввѣдѣ ея во владѣніе Крестовскимъ островомъ; въ письмѣ № 11 князь Меншиковъ, въ 12 строкахъ, отвѣчаетъ царицѣ Прасковѣ Федоровнѣ; что Крестовскій островъ пожалованъ былъ прежде ему и онъ завелъ тамъ пильныя мельницы и заводы; и что, вспомнивъ о томъ, императоръ оста-

вилъ Крестовскій островъ за нимъ, а царицѣ Прасковѣ Ѳедоровнѣ пожаловалъ взаменъ его Петровскій островъ; въ письмѣ № 12 Меншиковъ сообщаетъ царицѣ Прасковѣ Ѳедоровнѣ то же самое во второй разъ по случаю полученія письма отъ императрицы Екатерины Алексѣевны. Въ письмахъ №№ 21 и 22 царица Прасковья Ѳедоровна зоветъ герцогиню мекленбургскую Екатерину Ивановну и принцессу Анну Леопольдовну пріѣхать въ Россію помидаться съ нею; въ письмѣ № 27 то же самое, съ прибавленіемъ совѣтовъ герцогинѣ мекленбургской Екатерины Ивановны относительно ея беременности; въ 4 другихъ письмахъ находятся нѣкоторые приказанія тому или другому управляющему нѣкимъ той или другой царевны, чтобы онъ распорядился присылкою хорошей провизіи; наконецъ вотъ и письма, въ которыхъ упоминается о предметахъ, относящихся до исторіи.

№ 36. Герцогиня мекленбургская Екатерина Ивановна, въ 20 строкахъ, проситъ императора Петра не отнимать своей милости у ея супруга герцога мекленбургскаго и не слушать «несправедливыхъ доношеній на него отъ короля прусскаго», который пишетъ къ ея супругу «непрямое сердце и великое лукавство». Въ письмахъ №№ 67 и 71 императоръ Петръ пишетъ въ двухъ и въ трехъ строкахъ герцогинѣ мекленбургской, что по возможности желаетъ помогать ея супругу, но обстоятельство или, по тогдашнему выраженію, «конъюнктуры» еще мѣшаютъ ему; а важнѣйшее изъ всѣхъ писемъ № 76 мы помѣщаемъ вполнѣ.

«№ 76. — 1721 г. сентября 8. Письмо Петра I къ герцогинѣ Мекленбургской Екатерины Ивановны, о заключеніи нейштадскаго мира.

«Любезнейшая государыня племянница!»

«Объявляемъ вамъ, что всемогущественный Богъ двадцатводнолѣтнюю войну благимъ и пожелаемымъ миромъ благословить дозволилъ, которой миръ заключенъ августа въ 30 день въ Нейштате, і онымъ вамъ поздравляемъ. І нынѣ свободни можемъ въ вашемъ дѣле вамъ вспомогать, динше бѣ супругъ вашъ помогче поступалъ.»

«снѣтъ».

«Изъ Санктъ-Петербурка, въ 8 день сентября 1721 г.

«Подлинникъ хранится въ государственномъ архивѣ министратова иностраннаго дѣла. Советскоручныя строки Петра I обозначены отъ настоящаго изданія японскими знаками».

Въ 1-мъ выпускѣ находятся цѣлыхъ три письма такой же или еще большей исторической важности. Читатель помнитъ, что мы въ началѣ статьи обозрѣли лишь 218 писемъ изъ 221, — а эти три оставили тогда въ сторонѣ для подробнѣйшаго знакомства съ ними. Вотъ они.

№ 9. — 1708 г. августа 31. Письмо Петра I къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и Анисѣ Кириловнѣ Толстой, о битвѣ со шведами.

†
«Матка і тетка здравствуйте!

«Писмо отъ васъ я получилъ, на которое не подивите, что долго не отвѣтствовалъ; повѣже предъ очми непрестанно непріятныя гости, на которыхъ уже намъ скучило смотрѣть; того ради мы вчерашнего утра резервовались і на правое крыло караля шведского съ осмью батальонами напали, і по двочасномъ огню оного съ помощниемо божіемо съ поля збили, знамена і протчая побрали. Правда, что я какъ сталъ (въ подл. италъ) служить, такой игърушки не видалъ; аднакожь сей танецъ вчачь (въ очахъ?) горячего Карлуса ізрядно стонцовали; аднакожь болше всѣхъ попотѣлъ нашъ полкъ. Отдайте поклонъ кнеине і протчимъ, і о семъ объявите.

ПІТЕРЪ.

«Изъ лагору отъ реки Черной Маппы, въ 31 д. августа 1708.

«Подлинникъ писанъ собственною рукою Петра I; писмо было свернуто пакетомъ и запечатано красною сургучною печатью съ шифромъ: Р. А., наверху корона. На пакетѣ надпись: † Тетушке Анисье Кириловнѣ и протчимъ. Хранится въ Государственномъ Архивѣ М. И. Д. въ книгѣ подъ № 17.

№ 24. — Письмо Петра I къ Государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ о дѣйствицѣ члѣбныхъ водъ на здоровья Государя.

†
«Катеринушка, другъ мой, здравствуй!

«А мы, слава Богу, здоровы, толко съ воды брюхо одуда, для того такъ поить, какъ лошадей; і инова за нами дѣла здесь нѣтъ, толко что... Писмо твое я чрезъ Саеонова получилъ, которое прочитая гороада задумался. Пишешь ты, яко бы для лекарства, чтобъ я нескоро къ тебѣ приѣхалъ, а дѣламъ знатно сыскала ково-нибудь вытнее (*) меня; пожалуй отпиши: изъ нашихъ ли іли изъ таруннчанъ? а болше чаю: изъ тарунчанъ, что хочешь отомстимъ (**), что я предъ двумя лѣты занялъ. Такъ-та вы еввинны дочки дѣлаете надъ старинами! Кнезь-папъ і четверной лапушкѣ (***) і протчимъ отдай поклонъ.

«ПІТЕРЪ.»

«Изъ Карльсбада, въ 19 д. сентября 1711.

«Подлинникъ писанъ собственною рукою Петра I; былъ вложенъ въ особый пакетъ и запечатанъ красною сургучною печатью съ шифромъ: Р. А., наверху корона. На пакетѣ надпись: † Царине Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Хранится въ Государственномъ Архивѣ М. И. Д., въ книгѣ подъ № 17.

(*) Вытнѣй—рослый, здоровый (см. Опытъ обл. великорус. Словаря, стр. 34).

Примѣч. издателямъ.

(**) Читай: отомстить. Прим. изд.

(***) Слова: «і четверной лапушкѣ» приписаны съ боку. Прим. изд.

«№ 98. — 1717 июня 18. Письмо Петра I къ Государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, о приѣздѣ своемъ въ Спа для леченія бодами.

†

«Катеринушка, другъ мой сердешинишкый, здравьствуй!

«Иного объявить отсель нѣчего, только что мы сюды приѣхали вчерась благополучно; а понеже во вѣремя пития водъ домашней забавы докторы употребляютъ запрещаютъ, того ради я матрису свою отпустилъ къ вамъ; ибо не могъ бы удержатца, ежелибъ при мнѣ была.

«ПЕТРЪ.»

«Изъ Шпа, въ 18 д. июня 1717.

«Подлинникъ писанъ собственною рукою Петра I; письмо было запечатано красною сургучною печатью съ шифромъ: Р. А. На оборотѣ надпись: † Еѣ Величеству Государыне Царице Екатерине Алексѣевнѣ. Хранится въ Государственномъ Архивѣ М. И. Д., въ книгѣ подъ № 17.»

Изъ 322 писемъ, напечатанныхъ въ двухъ первыхъ выпускахъ, два или три любопытны; еще писемъ пять или шесть могли бы быть нѣсколько интересны, какъ образцы языка, которыми писали супруга Петра, его племянницы и сестры. Но образцовъ этихъ очень много напечатано и давнымъ-давно и въ недавнихъ книгахъ, стало быть и съ этой стороны вновь издавать ихъ не было пользы. Кто изъ людей, читавшихъ не только Голжова или г. Устрялова, но хотя бы какойнибудь русскій журналъ, не знакомъ съ слогомъ Петра, Екатерины I и другихъ лицъ, письма которыхъ собраны теперь? Кому покажется интересна даже орфографическая неуровненность этихъ писемъ? — развѣ людямъ, никогда ничего не читавшимъ. А развѣ для такихъ людей предпринимаются ученые изданія историческихъ документовъ? Вѣроятно они дѣлаются для специалистовъ или для людей, хоть нѣсколько занимающихся исторіей. Такихъ людей тогдашняя манера писемъ не удивитъ, они давно знакомы съ ней, и ничего не только новаго, но даже хотя бы скольконибудь полезнаго для какойнибудь справки не отыщутъ они въ изданныхъ теперь письмахъ. Если бы московскій пожаръ 1812 г. и петербургское наводненіе 1824 г. истребили всѣ документы и памятники петровскаго времени, кромѣ этихъ писемъ, еслибъ до начатаго теперь изданія не извѣстно было никому на свѣтѣ, что существовалъ Петръ Великій, что супруга его носила имя Екатерины Алексѣевны, что онъ бралъ нѣсколько разъ курсъ минеральныхъ водъ, что онъ сражался со шведами и любилъ употреблять въ письмахъ шутивыя выраженія, изданіе имѣло бы безцѣнную драгоцѣнность; къ сожалѣнію, всѣ эти факты очень хорошо и подробно извѣстны.

Если комиссія будетъ продолжать свое изданіе по такому плану, — если она будетъ собирать и печатать всѣ коротенькія семейныя записочки, въ которыхъ не говорится ровно ни о чемъ, кромѣ

интересней съ праздниками, извѣщеній о добромъ здоровьѣ и т. д., если она будетъ продолжать такъ, то наберется у ней 500 выпусковъ съ 70 тысячами писемъ прежде, чѣмъ случится ей навпечатать хотя одну страницу, сколько ибудь важную для изслѣдователя. Мы думаемъ, что назначеніе комиссіи — заниматься изданіемъ не этихъ писемъ, черезъ мѣсяцъ утрачивавшихъ всякое значеніе даже для лицъ, обмѣнивавшихся ими. Неужели, не осталось, напримѣръ, отъ Петра Великаго писемъ, болѣе важныхъ для историка? Мы совѣтовали бы комиссіи подумать объ этомъ. Теперь она понапрасну тратитъ бумагу, тратитъ трудъ, а что важнѣе всего — тратитъ время. Видъ пона она работаетъ, задача считается исполняющеюся, и дѣло другой комиссіи для того же дѣла; а если дѣло исполняется такимъ образомъ, то все равно, что оно не исполняется.

Опытъ историческаго оправданія Петра I-го, противъ обвиненій нѣкоторыхъ современныхъ писателей. *Карла Задлера.* С.—Петербургъ. 1861 г.

Удивительное дѣло, какъ скоро и какъ рѣзко измѣнились ходячія, общепринятія мнѣнія о Петрѣ Великомъ! Давно ли, кажется, было время, когда историческіе витии и риторы не находили достаточно сильныхъ выраженій для восхваленія преславныхъ дѣяній пресвѣтлаго «отца отечества», когда поэты величали его божествомъ съ творческою силою, произведшей свѣтъ въ Россіи, когда Шевыревъ съ «Москвитяиномъ» горой стояли за Петра и доказывали историческую и даже физическую необходимость самихъ мелочныхъ преобразованій петровыхъ, въ родѣ уничтоженія русской бороды и русскаго кафтана, когда многіе называли Петра Великимъ между Великими, когда намъ доказывали въ школахъ пользу, важность и необходимость изученія русской исторіи тѣмъ, что она одна изображаетъ намъ дѣянія Петра Великаго? И вдругъ, въ настоящее славное время раздаются голоса противъ Петра, его обвиняютъ во многомъ, хотятъ найти и указать всѣмъ пятна въ этомъ прежде столь свѣтломъ и славномъ солнцѣ, затемнить хоть нѣсколько яркій блескъ его славы, уменьшить въ глазахъ нашихъ его исполинскую тѣнь, разросшуюся подъ перомъ прежнихъ дѣписателей Петровыхъ до колоссальныхъ размѣровъ полубога. И—страшно и смѣшно выговорить — дѣло ужъ дошло до того, что на славное имя Петрово взимается даже нашъ знаменитый, методичный, приторный и афористически болтливый Погодинъ, «рыцарь безъ упрёка», тронутый до слезъ несчастною судьбою царевича Алексѣя Петровича; подобно тому, какъ и г. Циммерманъ былъ тронуть

«блѣдную орожденною гнѣвою ерейшима Гамилтона», которая встала предъ нимъ изъ могилы и потребовала очищенія памяти отъ несправедливаго осужденія» и тоже, вѣдно съ Погодинымъ, востала съ обвиненіями противъ Петра. Чѣмъ объяснить такую рѣзкую переѣмку въ сужденіяхъ о Петрѣ и откуда взялась въ Погодинѣ такая ярость — рѣшительно неизвѣстно, но крайней мѣрѣ съ точности. Какъ бы то ни было, только подобныя отчаянные поступки Погодина и Циммермана глубоко огорчили г. Карла Задлера — иностранца, какъ онъ самъ сознается; предъ нимъ тоже встала греза и величественная тѣнь Петра, и потребовала, чтобы онъ оправдалъ и очистилъ ее память отъ скверны Погодина. Г. Задлеръ съ жаромъ ухватился за это великое и славное дѣло, всамушевляемый и ободряемый еще тѣмъ, что г. Семеновскій, и то бывающій очень остороженъ, когда дѣло коснется обвиненій Петра. «Послѣ такой осторожности со стороны подобнаго авторитета, какъ г. Семеновскій, говоритъ г. Задлеръ, невольно проникнемся чувствомъ сильнаго негодованія къ современнымъ русскимъ историкамъ, прочитавъ статью Погодина объ Алексѣѣ Петровичѣ» (стр. II). Опираясь на подобныя авторитеты и проникнутый подобными чувствами къ русскимъ, или, какъ онъ выражается въ другомъ мѣстѣ, туземнымъ историкамъ, г. Задлеръ дѣйствительно взялся за оправданіе Петра и явилъ блистательный опытъ и доказательство своихъ адвокатскихъ и всякихъ способностей. Но отъ его оправданія выигралъ одинъ только Погодинъ, потому что для послѣдняго нашелся достойный противникъ, съ которымъ онъ можетъ состязаться сколько угодно, можетъ даже вступить въ устный публичный диспутъ, не роняя достоинства своего противника и не унижаясь предъ нимъ; оба соперника одинаково сильны и стоятъ другъ друга. Напротивъ, Петру Великому не поспорится отъ оправданія г. Задлера, который оказалъ своему клиенту услугу à la мишенька и еще разъ представилъ научное доказательство той истины, что услужливый человекъ съ извѣстнымъ качествомъ часто бываетъ опаснѣе врага. Бѣдный Петръ, когда-то онъ дождался для себя хоть сколько нибудь своснаго историка, который бы взглянулъ на него прямо и смѣло, съ исторической точки зрѣнія и опредѣлилъ бы настоящую цѣну и достоинство его исторической дѣятельности. А то (не говоря о славянофилахъ, у которыхъ ничего нельзя разобрать) до сихъ поръ за исторію его принимались или отчаянныя панегиристы, которые въ буквальный почти смыслѣ были бѣлы ума отъ Петра, были совершенно ослѣплены блескомъ его дѣданій, закрывали глаза, чтобы ничего не видѣть и не понимать, падали предъ нимъ ницъ и повергались въ прахъ; или же поддѣльные и надутые смѣльчаки, комически важные и непопулярные

судьи. Эти послѣдствія франко-итальянскія Петра были къ нему очень строги, съ замѣтнымъ усиленіемъ старались придраться къ нему, поддѣть его хоть въ чемъ нибудь и непременно высказать противъ него нѣсколько обвиненій; но во всемъ этомъ ясно обнаруживалась заносчивость москити, что и мы дескать, при удобныхъ обстоятельствахъ, не уступимъ въ либерализмѣ другимъ, и кромѣ приторныхъ пошлостей, способны еще на ужасно смѣлыя вещи, даже на обвиненіе самаго Петра. Какъ ни смѣшны были эти ужь черезчуръ грубыя критики и маневры, однакожь они волюнѣ привели къ желанной цѣли; нашлись головы, которыя были поражены и наумлены этимъ фальшивымъ задоромъ и натянутою смѣлостью. «Имена Петра и Алексѣя привлекли на себя еще большее вниманіе съ тѣхъ поръ, какъ либеральный авторъ (ага!) г. Погодинъ избралъ ихъ предметомъ своего труда» («Опытъ оправд. Петра», стр. 25). «Хотя вся статья г. Погодина есть не что иное, какъ уничтоженіе Петра и его новой Россіи: тѣмъ не менѣе она дѣлаетъ честь не только нынѣшнему времени, но и смѣлости г. Погодина» (стр. 100). Чего же лучшаго можетъ еще потребовать Погодинъ отъ своего противника? Конечно, отчаянная смѣлость и задоръ Погодина извѣстны были всѣмъ и прежде, но никто не говорилъ о нихъ такъ гласно и ясно, какъ г. Задлеръ. Это невольная, но дѣйствительная услуга, оказанная г. Задлеромъ своему противнику; а что же онъ сдѣлалъ для своего клиента, или во крайней мѣрѣ, что онъ въ состояніи сдѣлать?—Пословица говоритъ, «видна птица по полету»; также точно и г. Задлеръ виденъ весь въ приведенныхъ нами его словахъ, такъ сказать, виденъ по первому взмаху его ученыхъ крыльевъ; но чтобы лучше узнать его полетъ, приведемъ нѣсколько другихъ подобнымъ мѣстамъ его оправданій.

«Г. Погодинъ, касательно своихъ мнѣній о Петрѣ, нашелъ себя въ нѣмаломъ историкѣ нашего же столѣтія, Шлоссерѣ, замѣчательнаго единомышленника: «способность, сила, умъ для всего, что полезно и необходимо, непрерывная дѣятельность для преобразования своего народа отличали Петра при совершенномъ, нравственномъ развратѣ. — Всему безъ исключенія данъ былъ другой видъ: одежда, жилищу, образу жизни, и Петръ не долго размышлялъ о средствахъ къ достиженію своей цѣли, потому что онъ не имѣлъ никакого понятія о правилахъ чести, о нравственномъ порядкѣ вещей еще въ юности своей, а позже у него не доставало времени, случая и охоты къ приобрѣтенію ихъ. Онъ побуждалъ, то сознательно, то безсознательно, натуру грубую — натурою грубою и понуждалъ своихъ русскихъ къ образованію кнутомъ, палкою и шафотомъ. — Но какъ высоко ставитъ Петра надъ

«всѣми этими упреками современники его: Фоссайтъ, Минихъ, Неплюевъ; позднѣйшіе историки: Голшковъ, Ломоносовъ, Карамзинъ, Устряловъ, Соловьевъ; изъ иностранныхъ Чампелъ, Велтеръ и другіе» (с. 151), которымъ Шлоссеръ конечно и въ подметки не годится. «Уже Шлоссеръ, иностранный писатель, удивляется насъ тѣмъ, что такъ несправедливо судить о Петрѣ. Тѣмъ болѣе поразила насъ эта несправедливость къ Петру въ ученомъ, образованномъ г. Погодинѣ (Шлоссеру, видите, невнимательно; онъ неучъ и необразованнѣе Погодина), знающемъ всѣ замѣчательнѣйшія событія своего отечества» (с. 159). «Можетъ быть, покажется кому нибудь страннымъ, что мы осмѣливаемся возражать знаменитому писателю, Погодину (помилуйте, тутъ нѣтъ ничего страннаго; оправдывая Петра, вы тѣмъ самымъ сдѣлались также знамениты, какъ и г. Погодинъ, обвиняя его), тѣмъ болѣе, что слогъ нашъ явно обнаруживаетъ иностранца, слабо владѣющаго русскимъ языкомъ, и въ умѣннн привлекательно излагать предметъ далеко ему уступающаго» (с. 25). И видно. Такимъ образомъ рыбакъ рыбака узналъ издалека. Теперь посмотримъ, что сдѣлалъ г. Задлеръ съ такими затчками и задатками, послушаемъ его защитительной рѣчи.

Прежде всего г. Задлеръ разбираетъ дѣло о Фрейлинѣ Гамильтонѣ, и оправдываетъ Петра противъ нѣкоторыхъ обвиненій по этому дѣлу, высказанныхъ г. Циммерманомъ. Вопросъ о Гамильтонѣ самый новый, животрепещущій и современный; какъ видите, онъ даже сдѣлался предметомъ ученаго спора; не говоря уже о томъ, что г. Семеvскій, самый читаемый и интересный писатель, посвятилъ ему особую монографію, которая «привлекла еще большее вниманіе» на Гамильтонѣ. Къ чести нашихъ ученыхъ нужно сказать, что они по большей части поднимаютъ самые интересные вопросы, рѣшеніе которыхъ составляетъ насущную потребность времени, отъ которыхъ въ томъ или другомъ отношеніи зависитъ наша судьба и разъясненіе нашей прошедшей или будущей участи. Къ числу такихъ вопросовъ относится и вопросъ о Фрейлинѣ Гамильтонѣ, этой исторически важной, вліятельной и замѣчательной личности. Только, къ сожалѣнію, не всѣ еще у насъ потонули въ безднахъ науки и не всѣ понимаютъ важность и значеніе этихъ вопросовъ. Даже вотъ мы сами, если бы не чувствовали нѣкоторой робости предъ учеными мужами и не боялись упрековъ въ невнимательности къ рѣшенію научныхъ вопросовъ съ виду маловажныхъ, а въ сущности плодотворныхъ и чреватыхъ великими результатами, — непременно сказали бы хотъ по секрету, что намъ ужъ надоѣли всѣ эти толки объ Гамильтонѣ, и что едва ли она сама по своей исторической значимости заслуживаетъ такого вниманія. Дѣйствительно, ея исторія очень трогатель-

на, трагична, и съ этой точки зрѣнія представляетъ много интереснаго, какъ всякое людское страданіе вообще, какъ несчастная участь чья бы то ни было. Несчастныя, страдающія личности попадаютъ намъ на каждомъ шагу въ исторіи и въ жизни; перечтите однихъ только страдающихъ поэтовъ и вообразите, сколько есть несчастныхъ мучениковъ любви; жертвы, имѣющія право на наше участіе и состраданіе, существовали всегда, и онѣ могутъ быть предметомъ повѣсти, романа, пожалуй историческаго разсказа, которые всѣ можно читать съ большимъ интересомъ, съ напряженнымъ до болѣзненности вниманіемъ, какъ всякій уголовный процессъ, какъ исторію любой казни, съ которою связано что нибудь романтическое. Дѣйствительно, и такія личности, хотъ онѣ и не имѣли важнаго значенія въ свое время, могутъ быть въ нѣкоторомъ отношеніи полезны и для исторіи, могутъ вѣрно характеризовать понятія, воззрѣнія и нравы эпохи, особенно если въ ихъ судьбѣ рѣзко отпечатлѣлось все это, если ихъ исторія типична. Но въ судьбѣ Гамильтонъ ничего такого не замѣчается; подобныхъ случаевъ, казней, трагедій съ романтическими приключеніями въ нашей исторіи очень довольно; много можно набрать ихъ изъ временъ Петра и изъ исторіи послѣдующихъ царствованій и можно передѣлать ихъ въ историческіе романы, очень интересные, какъ дѣйствительно нѣкоторые и пытались было сдѣлать это. Но какой же толкъ выйдетъ изъ этого? Конечно наука не должна пренебрегать никакими мелочами и изученіе мелочей очень часто приводитъ къ важнымъ результатамъ; и было бы очень хорошо, если бы при общей исторіи эпохи существовали частныя подробныя монографіи не только о главнѣйшихъ дѣятеляхъ эпохи, но и другихъ личностяхъ, имѣвшихъ къ нимъ какое нибудь отношеніе. Но вѣдь это роскошь, умѣстная и законная только тогда, когда порядочно изслѣдованы и рассмотрѣны болѣе общіе и болѣе крупныя факты, и совершенно неблагоразумная и непозволительная, когда изслѣдователь, опуская изъ виду главное и существенное, останавливается много и долго на мелочахъ, да еще и не имѣя въ виду ничего другаго, кромѣ этихъ же самыхъ мелочей, такъ что онѣ представляются ему послѣднею и конечною цѣлью. Кто похвалитъ и одобритъ разсчетливость господина, который не имѣя ни сюртука, ни сапоговъ, всѣ свои средства и усилія употребляетъ на то, чтобы приобрести себѣ отличную цѣпочку къ часамъ, существующимъ только въ его воображеніи? Исторія Гамильтонъ и сама по себѣ неважна, а въ рукахъ нашихъ историковъ рѣшительно потеряла всякое значеніе, какое она могла бы еще имѣть при другомъ образѣ воззрѣнія на нея; вѣдь они принялись толковать объ ней единственно для того, чтобы успокоить «блѣдую, опрощающую тѣнь» и «очистить

память ея отъ несправедливаго осужденія», и затѣмъ покончить все дѣло, сказавши съ древнимъ пѣнкою:

Но, тѣнь великая, довольно;
Иди, сокройся въ облакахъ!
Душъ нашихъ больше не терзая,
Живи, ликуй на небесахъ.

Какая же отъ этого польза для исторіи? Если дѣло идетъ объ эпохеивіи и очищеніи тѣней, то въ такомъ случаѣ работѣ не будетъ конца, придется вызывать миллионы окровавленныхъ тѣней, не очищенныхъ и неомытыхъ, и времени не хватитъ на это. Скажите, пожалуйста, не значитъ ли это попусту терять время и бессмысленно толочь воду, ломая голову надъ рѣшевіемъ такихъ вопросовъ:

«Была ли Гамильтонъ дѣйствительно дѣтоубійцею? какъ наказывали законы тѣхъ временъ дѣтоубійство? была ли Гамильтонъ осуждена уголовнымъ судомъ или просто волею монарха? ну, это еще вопросъ сюды-туда. А далѣе: почему царь не только ее не пощадилъ, но еще приказалъ вытатъ въ другорудъ? Это послѣднее новелѣніе Петра рождаетъ слѣдующіе вопросы относительно Гамильтонъ: на сколько она заслуживаетъ наше участіе? Была ли она невинная жертва соблазна и одного ли она любила? Одного или нѣсколькихъ дѣтей она погубила? Въ другихъ отношеніяхъ была ли она строго нравственна?» (Оп. оправд. Петра, стр. 2).

Подумаешь, право, что челоуѣку рѣшительно нечего дѣлать и вотъ онъ отъ скуки придумываетъ разные вопросы, раскладываетъ, такъ сказать, историческій грандпасьянсъ, и — что досадиѣе всего — печатаетъ произведенія своихъ досуговъ для назиданія и поученія публики. Мы даже не видимъ много интереса и въ вопросѣ Циммермана: «присутствовалъ ли Петръ Алексѣевичъ при пыткахъ Гамильтонъ». — Но что прикажете дѣлать? ката зварена, дѣло сдѣлано: Петръ обвиненъ за дѣло Гамильтонъ, и Петра оправдываютъ; вотъ и изволь возиться съ этими оправданіями, толковать тутъ объ нихъ, и непременно съ кислою гримасой, съ вытлутымъ лицомъ и наморщеннымъ челоуѣмъ, а то какъ разъ со всѣхъ сторонъ посылаются брань и ругательства: вотъ негодай, шарлатанъ, невѣжда, не признаетъ значенія личности въ исторіи, отвергаетъ пользу монографіи, воображаетъ, что въ исторіи не нужны изслѣдованія частныхъ фактовъ со всѣми ихъ подробностями, и тому подобныя лестные и чисто ученые комплименты. А посему подвергается подробному и строгому анализу оправданія г. Задлера. Основываясь на свидѣтельствѣ Голикова и анекдотахъ Штелина, онъ утверждаетъ, что Гамильтонъ дѣйствительно была дѣтоубійцею, осуждена по опредѣле-

нію суда, а не просто монаршею волею, и государь въ поступкѣ Гамильтонъ видѣлъ преступленіе тяжкое, за которое законы Божіи ветхаго и новаго завѣта наказываютъ смертію, хоть у него приведены ссылки только на одинъ ветхій. «Что Гамильтонъ была подвергнута пыткѣ, продолжаетъ г. Задлеръ: тоже совершенно понятно, хотя и невозможно оправдать эту мѣру. По нашему мнѣнію, если уже слѣдовало пытаться, то развѣ Орлова, а никакъ не Гамильтонъ, которая за свой поступокъ и безъ того приговаривалась къ смерти» (стр. 10). «Хватъ друга камнемъ въ лобъ.» Г. Циммерманъ говоритъ, что Гамильтонъ пытали, такъ сказать, классической русской пыткой, то есть кнудомъ на вискѣ. Г. Задлеръ такъ оправдываетъ въ этомъ Петра: «г. Циммерманъ могъ удостовѣриться изъ означенныхъ анекдотовъ Штелива, что осужденной дано было три дня на покаяніе; что ее всѣ очень любили; что она была благотворительна; наканунѣ казни ее посѣтили очень многіе изъ придворныхъ кавалеровъ и дамъ; и она трогательно прощалась съ ними. Въ день казни она была элегантно одѣта въ бѣлое шелковое платье съ черными лентами. Такъ не нарядится женщина съ вывихнутыми руками. Притомъ страданія отъ жестокой пытки такъ ужасны, что если Гамильтонъ была ей подвергнута, то едва ли бы была въ силахъ потомъ принимать посѣтителей». Слѣдовательно, Гамильтонъ была подвергнута не жестокой пыткѣ, и у ней не были вывихнуты руки. Итакъ, Петръ правъ; «всѣ дѣйствія Петра по этому дѣлу, говоритъ г. Задлеръ непосредственно за приведенными сейчасъ словами, вполне справедливы, за исключеніемъ пытки» (стр. 12). «Хотя Голиковъ и Штеливъ наводятъ на предположеніе, что Петръ былъ прежде въ связи съ Гамильтонъ, хотя г. Циммерманъ приводитъ изъ біографіи дѣвницы Крамеръ подобныя же намеки; но это опровергается уже тѣмъ обстоятельствомъ, что Петръ лично допрашивалъ Гамильтонъ. Зная за собою такой грѣхъ, могъ ли бы онъ допрашивать? Удивительно, какимъ образомъ г. Циммерманъ, приведа слова Голикова о ходатайствѣ государыни за виновную, далѣе дѣлаетъ такое, совершенно противорѣчащее предположеніе: «не замѣшалась ли при ея осужденіи ревность другой женщины? Кто, кромѣ Екатерины, могъ здѣсь ревновать? и какъ согласить ревность съ предстательствомъ ея предъ государемъ за обвиняемую?» (стр. 13). Удивительно, какъ человѣкъ можетъ рассуждать подобнымъ образомъ, и при такомъ скудоуміи приниматься за оправданіе когб бы то ни было, и высказывая приведенный нами вздоръ, воображать, что онъ дѣйствительно оправдываетъ Петра. Наконецъ вотъ еще одно общее, такъ сказать похвальное оправданіе г. Задлера. «Многіе, между прочими и г. Циммерманъ, не хотятъ допустить, что Петръ, при своей

суровости и жестокости, тоже бывалъ кротокъ и милосердъ». Что вы вздоръ говорите и безсовѣстно клеветаете на людей? Кто, кромѣ развѣ только васъ, станетъ утверждать, что жестокий и суровый человѣкъ вообще рѣшительно уже недостуеиъ кротости и милосердію? «Для доказательства возможности соединенія этихъ качествъ (суровости, жестокости, кротости и милосердія) въ одномъ лицѣ, мы, говоритъ г. Задлеръ, приведемъ нѣсколько чертъ изъ характера Юсіфа II, — онъ вѣдь слыветъ кроткимъ и милосердымъ» (стр. 16); и начинается разсказъ о *смакк* и о *буркк* на 6 страницахъ, проводится параллель между Петромъ и Юсіфомъ, въ такомъ родѣ: «Петръ опасался, чтобы заклеименіе было не точно исполнено, — то же самое было и съ Юсіфомъ. Гейслеръ (Skizzen-Sammlung, Th. III, p. 169) разсказываетъ....» и пошла писать. Вотъ ученость, вотъ начитанность, и цитатъ сколько!

Вотъ дѣло объ Алексѣѣ Петровичѣ безконечно выше и интереснѣе, чѣмъ исторія Гамильтонъ; надъ несчастною судьбою царевича невольно задумается всякій; она интересна и въ историческомъ, и въ психическомъ, и въ нравственномъ отношеніи, со всѣхъ сторонъ, съ какихъ угодно точекъ зрѣнія. Судъ объ этомъ дѣлѣ нельзя считать окончательно рѣшеннымъ и историческій приговоръ надъ нимъ еще не состоялся; оно представляетъ много сторонъ неразъясненныхъ, много фактовъ сомнительныхъ; тайныя пружины и нити этого дѣла только еще затронуты, и нужно еще много труда, чтобы распутать и прослѣдить ихъ до конца; самый исходъ его, такъ сказать, послѣдній актъ, заключительный финалъ находится подъ покровомъ сомнѣнія; подлинность страшнаго письма Румянцова не доказана и не опровергнута положительно. Вотъ этимъ бы слѣдовало заняться нашимъ историкамъ, вмѣсто того, чтобы мудрствовать о томъ, одного ли любила Гамильтонъ, или десятирыхъ; и вмѣсто двухъ монографій о Гамильтонѣ, мы съ большимъ интересомъ и пользою прочли бы десятокъ ихъ объ Алексѣѣ Петровичѣ. Такъ нѣтъ же вотъ; извольте заниматься фрейлиною Гамильтонъ, любоваться ея «красотою, пріятнымъ умомъ, необыкновенною любезностью, элегантнымъ шелковымъ платьемъ» и тому подобными вещами. Правда, и дѣло о царевичѣ не осталось безъ вниманія; но оно, къ сожалѣнію, попало въ руки такихъ слѣдователей и судей, какъ Погодинъ и его противникъ г. Задлеръ; такъ-что если бы въ наше время существовалъ какой нибудь вѣтилъ, въ родѣ тѣхъ, какіе были при Петрѣ, онъ непременно бы воскликнулъ: «что се? что дѣлается? что видимъ? Погодинъ обвиняетъ Петра Великаго, а Задлеръ оправдываетъ его! не привидѣніе ли это? не во снѣ ли обманываемся?» Нѣтъ, это не привидѣніе, не сонъ, а дѣйствительная, горькая прав-

да, совершившаяся въ виду всѣхъ. «М. П. Погодинъ, говоритъ г. Задлеръ, въ 1-й нн. «Рус. Бесѣд.» за 1860 г., положилъ, съ своею собственною ему художественностію (Боже!), свой взглядъ о судѣ, произведенномъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. Онъ обвиняетъ Петра во всемъ, и представляетъ его какъ человѣка суроваго, жестокаго. Касательно жестокости Петра, мы совершенно согласны съ почтеннымъ авторомъ» — хватъ друга снова камнемъ въ лобъ — «но вовсе не раздѣляемъ его прочихъ мнѣній» (стр. 24). И затѣмъ начинаются оправданія; но еслибъ вы знали, что это за оправданія! Прочитавши ихъ, чувствуешь какую-то усталость, изнуреніе, головную боль; вездѣ дичь и чепуха страшная; изъ всей многословной болтовни нельзя вывести рѣшительно никакой мысли, а не то, что еще какогонибудь заключенія за, или противъ Петра. Оправданіе обыкновенно ведется такъ: Погодинъ обвиняетъ Петра въ томъ и въ томъ; дѣйствительно это справедливо; но обратимъ вниманіе еще на слѣдующіе факты, и дѣйствительно приводятся факты изъ Голикова, анекдоты изъ Штелина, строчки изъ Устрялова, выписки изъ манифестовъ. Но всѣ эти факты также идутъ къ оправданію Петра, какъ и къ оправданію той мысли, что на лунѣ есть жители, похожіе на насъ. Все оправданіе Петра у г. Задлера состоитъ изъ 2-хъ частей, которыя подраздѣляются на 37 отдѣловъ, съ прибавленіемъ заключенія, «въ которомъ мы (Задлеръ) сообщимъ нашимъ читателямъ одно мѣсто изъ книги Гервинуса, гдѣ разсматривается шекспировъ Отелло, черты характера, котораго могутъ относиться и къ характеру Петра» (стр. 29). «Качества, мнѣнія и намѣренія Алексѣя ясно «видны: 1) изъ манифеста Петра (слѣдуютъ выписки); 2) собственноручный отвѣтъ царевича на допросы Толстаго; опять выписки; 3) качества Алексѣя по словамъ г. Погодина (слѣд. выписки); 4) качества его по словамъ г. Семевского (выписка). Теперь слѣдуетъ: 5) нашъ собственный взглядъ. Алексѣй заслуживаетъ сожалѣнія, какъ по своимъ наклонностямъ, такъ и по отношеніямъ къ отцу, къ матери и къ окружавшей его партіи. По нашему мнѣнію, съ желѣзною волею Петръ, и съ слабымъ характеромъ Алексѣй, представляютъ собою два существа, которыя отъ взаимнаго «соприкосновенія, оба ошибочно дѣйствуютъ, но Петръ съ благимъ намѣреніемъ, Алексѣй же съ дурнымъ; и потому Петръ возбуждаетъ въ насъ сочувствіе, а Алексѣй сожалѣніе; и читатель видитъ, что мы даемъ преимущество Петру предъ Алексѣемъ (неужели?). Романъ будетъ смотрѣть на все это съ противоположной точки «зрѣнія. — Чтобы еще съ большею ясностію показать взаимныя отношенія между отцомъ и сыномъ, мы просимъ позволенія нашъ «привести еще другой подобный историческій примѣръ, въ томъ же стилѣ».

«тин»; и начинается опять рассказ о сивкѣ и о буркѣ, производится параллель между Петромъ Великимъ и Фридрихомъ Вильгельмомъ I. — «Г. Погодинъ говоритъ, что Екатерина была врагомъ Алексѣя. Напротивъ: отношенія Алексѣя къ Екатеринѣ были всегда дружелюбны, благосклонны и исполнены довѣрія. Приведемъ его письмо къ сней. Катерина Алексѣевна здравствуй на множество лѣтъ. За писаніе твое зѣло благодарствую и впродъ сего желаю». — Далѣе Погодинъ говоритъ: Алексѣй не нравился теткѣ. А если и не нравился, что развѣ это служить доказательствомъ ея вины? Нисколько (ну, конечно). «Тетки почти всегда балуютъ своихъ племянниковъ, и потому мы болѣе сомнѣваемся въ хорошихъ качествахъ Алексѣя, чѣмъ въ добрыхъ свойствахъ тетки его. — Погодинъ говоритъ, что и Меншиковъ содѣйствовалъ гибели царевича. Не правда; Меншиковъ былъ властолюбивъ и гордъ. Если онъ побуждалъ Алексѣя къ праздности, въ такомъ случаѣ онъ и самъ долженъ былъ содѣлаться его сообщникомъ и повѣреннымъ во всѣхъ его поступкахъ... Съ какою же осторожностью долженъ былъ дѣйствовать Меншиковъ, нарушая высочайшую волю. Алексѣй боялся Меншикова и былъ къ нему почитателемъ» (стр. 29 — 57).

Прочитавши такую путаницу, вы съ изумленіемъ спрашиваете: ну, положимъ, Алексѣй имѣлъ слабый характеръ и возбуждаетъ сожалѣніе, Екатерина не была врагомъ его, и Меншиковъ не побуждалъ его къ праздности, положимъ даже, что и тетка баловала своего племянника: гдѣ же тутъ оправданіе Петра, и что же изъ всего этого слѣдуетъ? А слѣдуетъ то, говоритъ Задлеръ, «что Петръ имѣлъ полное право обвинять Алексѣя, подававшего важные поводы къ неудовольствію противъ себя, въ чемъ виновѣдствіи и самъ Алексѣй сознается»; а это даетъ поводъ думать, что и на планетахъ есть жители, потому что, какъ между Петромъ, Фридрихомъ Вильгельмомъ I и Отелло есть большое сходство, такъ точно оно есть и между планетами. — Ко второй части мы боимся и приступать; она еще запутаннѣе, головоломнѣе и безтолковѣе, чѣмъ первая; прослѣдить и разобрать ее нѣтъ никакой возможности, иначе вы рискуете утонуть и совершенно забыть свою голову страшной чепухой; мы взглянемъ только на нѣкоторые болѣе замѣтныя и выдающіяся оправданія.

«Здѣсь, говоритъ г. Задлеръ, мы намѣрены разсматривать промышленности этого времени; показать, что руководило Петромъ? — ненависть или любовь? Любовь его къ Алексѣю доказывается тѣмъ, что «онъ назначаетъ его воспитателемъ Екатерины. — Изъ его объявленія министрамъ, сенату, войскамъ и гражданскимъ чинамъ видно, какъ онъ заботится о томъ, чтобы судии изъ пристрастія къ

«нему не рѣшили бы дѣло несправедливо. Поступилъ ли бы такъ отецъ, ненавидящій сына? — Въ 21 день по смерти царевича, Петръ приказалъ во флотъ, на которомъ онъ тогда самъ находился, служить панихиду, со всею пышностію, подобающе сыну царствующаго государя, и согласно съ тогдашними установленіями (стр. 67 — 74).» — «До сихъ поръ мы могли оправдывать Петра; теперь же насъ возмущаетъ продолженіе пытокъ и розъсковъ, послѣдовавшихъ за объявленіемъ приговора. Въ этомъ уже осудить должно самаго Петра, потому что судъ, приговора царевича къ смерти, этимъ самымъ покончилъ свои обязанности: — это тоже услуга мишенини. «Еще болѣе ужаса возбуждаютъ въ насъ слѣдующія слова Устрялова, на счетъ развѣхъ мнѣній о смерти царевича: «вѣроятно всего, царевичъ умеръ вслѣдствіе пытки: достоверно, что 26 июня утромъ, въ 8 часовъ, его пытали въ Трубецкомъ раскатѣ, а въ 7 часовъ по полудни церковный колоколъ возвѣстилъ о кончинѣ его». Морально это было уже грѣхомъ. Алексѣй отказался уже отъ свѣта. Чего же еще хотѣли? Деказательствъ увеличивающихъ или уменьшающихъ вину? Но какая польза отъ этого? Приговоръ былъ уже произнесенъ. Русская пословица говоритъ: «лежащаго не бьютъ». Физически это было также жестоко, тѣмъ болѣе, что уже четыре года предъ тѣмъ, Алексѣй, по слабости здоровья и отъ угрожавшей ему чахотки, былъ посланъ въ «Карлсбадъ» (стр. 77).

Тутъ слѣдовало бы предложить г. Задлеру, его же собственный вопросъ: поступилъ ли бы такъ отецъ, ненавидящій своего сына? Что же за вздоръ вы городили прежде; къ чему всѣ ваши пустяки о назначеніи воспріимникомъ, о панихидѣ, о безпристрастіи? Согласитесь, что приведенными сейчасъ словами вы сами себя бьете по лицу и всѣ ваши оправданія и разглагольствія на иностранный манеръ разлетаются въ прахъ, свидѣтельствуя только объ искусныхъ приемахъ и способахъ вашего ума и вашей сообразительности. — Въ такомъ родѣ всѣ оправданія и вся книга. Но если ни въ одномъ случаѣ г. Задлеру не удалось, какъ слѣдуетъ, оправдать Петра, за то однажды посчастливилось отлично и лихо поддѣть Погодина. «Въ своихъ «предположеніяхъ Погодинъ выражается поэтически. Мы признаемъ въ его словахъ риторическія красоты, но истины въ нихъ еще не видимъ; даже мы не соглашаемся съ нимъ въ нѣкоторыхъ изъ «его поэтическихъ выраженій. Онъ при всякомъ удобномъ случаѣ восклицаетъ: несчастный Алексѣй. Такіе эпитеты въ историческихъ описаніяхъ предоставляются уже самому читателю. Если онъ соглашается съ мнѣніемъ автора, то онъ самъ невольно выговаривать — несчастный Алексѣй. Если же читатель думаетъ иначе, то

«весьма справедливо укорить автора въ желаніи быть проводникомъ «своихъ мнѣній. Мы приведемъ слѣдующія слова Погодина, чтобы «показать, что тутъ слово «несчастный» вовсе неумѣство: начались «сборы въ возвратный путь изъ Неаполя. Царевичъ ѣздилъ съ Толстымъ въ Бари помолиться, несчастный, мощамъ чудотворца Николая (стр. 103).» Вотъ это правда, что нехстати, такъ ужъ нехстати; вѣрно замѣчаніе; ай, да г. Задлеръ, сразу подмѣтилъ, что «несчастный» стоитъ не-у-мѣста, а еще иностранецъ.

Написавши въ такомъ родѣ свой опытъ оправданія Петра и перчитавши его отъ начала до конца, онъ и самъ увидѣлъ, что оно вовсе не оправданіе, а такъ чортъ-знаетъ-что такое, по крайней мѣрѣ, вовсе не то, чего бы ему хотѣлось, и что онъ думалъ сдѣлать; откровенное сознаніе въ этомъ невольнo прорвалось въ концѣ его книги. «Мы надѣемся, что встрѣтимъ снисхожденіе въ нашихъ читателяхъ къ тому, что защищая великаго человѣка, къ которому наша любовь и участіе постепенно возрастали, мы отступили отъ обѣщанной нами въ началѣ скромности, увлекшись своимъ предметомъ, подъ конецъ говорили съ возрастающимъ гнѣвомъ. Мы дѣйствительно были намѣрены возражать знаменитому писателю съ полнымъ спокойствіемъ духа (со смысломъ), а на дѣлѣ вышло иначе (стр. 106)». Отчего бы это? думалъ г. Задлеръ, и рѣшилъ, что это произошло отъ того, что онъ не туземный, а иностранный историкъ и въ утѣшеніе себя сослался на слова Вольтера, который говорилъ, что описаніе учрежденій, законовъ, войнъ и предпріятій Петра есть обязанность туземныхъ историковъ. Ошибаетесь, г. Задлеръ, увѣряемъ васъ; иностранный историкъ можетъ написать отличную исторію Петра, даже лучшую, чѣмъ туземцы; ваше оправданіе вышло изъ рукъ вонъ плохо не оттого, что вы не туземный историкъ, а отъ другой болѣе важной причины, которой мы вамъ не скажемъ; догадайтесь сами.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА.

Петербургская весна и разныя размышленія по этому поводу. — Вредное вліаніе вышнейшей весны. — Умопомѣшительство. — О вредѣ ранней карьеры. — Здравый смыслъ въ помѣшанныхъ и помѣшательство въ людяхъ съ такъ-называемымъ здравымъ смысломъ. — Воспоминаніе объ одномъ изъ передовыхъ русскихъ людей и нѣсколько словъ въ заключеніе по этому поводу. — Цвѣточная выставка. — Ледъ на Невѣ. — Поврежденія имъ сдѣланныя. — Майскій парадъ. — Лѣтній садъ. — Открытіе Паллоненаго вокзала (14 мая). — Острова. — О другихъ увеселительныхъ загородныхъ заведеніяхъ. — Прощаніе съ городомъ. — «Живописная Украина» г. Льва Жемчужникова. — Поправка. и т. д.

Въ ту минуту, когда во всѣхъ приличныхъ и благопристойныхъ климатахъ все давно зеленѣетъ, благоухаетъ и цвѣтетъ; когда въ голубыхъ небесахъ тѣхъ счастливыхъ странъ вьются жаворонки и соловьи заливаются въ кустахъ розъ, — у насъ о веснѣ бормочуть... развѣ только въ журналахъ какіе нибудь *новые поэты* на старый ладъ... Я прошу моего благосклоннаго читателя непричислять меня къ этимъ новымъ поэтамъ, я только по названію *новый*—въ сущности я очень старъ (объ этомъ давно, какъ вамъ извѣстно, твердятъ занимающіеся мной мои собраты—фельетонисты), по крайней мѣрѣ, старъ на столько, что бряцать на лирѣ, танцовать и тому подобное считаю уже для себя совершенно невозможнымъ и неприличнымъ. Тяжкая проза жизни, вмѣстѣ съ ревматизмами, давно по-

ложила на меня свою гнетущую руку, а къ этому еще сѣренькое небо, дождь, снѣгъ, непроходимая слякоть на улицахъ, взбурораженная мостовая — ни пройти, ни проѣхать. Леденѣющій вѣтеръ, Нева покрытая густыми остановившимися массами льда въ маѣ мѣсяцѣ!

Весна! Весна, когда на крышахъ снѣгъ! Скучно... если не на свѣтѣ, то по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ очень скучно, господа!

Восемь мѣсяцевъ сряду сидишь, какъ въ тюрьмѣ, за двойными и тройными рамами, не видя свѣта Божьяго, не смѣя высунуть носа изъ воротника шубы, чтобъ не отморозить его; паръ отъ дыханія замерзаетъ... Думаешь: «ну, вотъ прійдетъ весна, май, оттаешь немножко, отогрѣешься на вѣшнемъ солнцѣ, увидишь свѣтъ Божій, вдохнешь въ себя вольный, душистый, весенній воздухъ, успокоишь глазъ на зелени луговъ...» Ждешь и не дождешься весны.

Какая весна! Весны нѣтъ въ Петербургѣ... Петербургская весна — это несбывающаяся надежда, это заблужденіе молодости.

«Проклятый климатъ!..» думаешь, поднимая воротникъ шубы, чтобъ защитить лицо отъ вѣтра и отъ лепешекъ мокраго снѣга.

Въ прежніе годы, быть можетъ, весна бывала и не лучше настоящей, но тогда мы не замѣчали ни снѣга, ни грязи, ни льдовъ, ни вѣтровъ, намъ и въ голову не приходило, что петербургскій климатъ такъ скверенъ, а теперь...

Бѣда въ томъ, что весна — то нашей жизни, давно миновала!... Будущее для насъ такъ коротко... и не увидать намъ того разсвѣта, къ которому, бессильные, мы рвались всю жизнь, — той весны чело-вѣчества, которая суждена для иныхъ, грядущихъ, болѣе счастливыхъ и болѣе практическихъ поколѣній!..

Да и что намъ до разсвѣта, говоря откровенно? Большая часть изъ насъ уже устроили свои карьеры, болѣе или менѣе обезпечили себя и свои семейства, пользуются нѣкоторымъ почетомъ въ обществѣ или въ своемъ кружкѣ — и слава Богу!.. Намъ уже на закатѣ нуженъ покой, а не движеніе; насъ пугаетъ смѣлость новаго поколѣнія, мы не раздѣляемъ его вѣтеривнія; читая и слушая современную молодежь, мы иронически улыбаемся и говоримъ, пожимая плечами: «утопія!» «утописты!...»

Когда мои мыльные товарищи и сверстники, пользующіеся различными литературными и административными авторитетами, собираются для *обмѣна мыслей* (мы постоянно собираемся для обмѣна мыслей), я съ гордостію, глядя на нихъ, повторяю вслѣдъ за Ѳ. Н. Глинкою:

Все — тайные совѣтники,
Но ленивые друзья!..

Прелестные стихи! И Бѣлискій не признавалъ Федора Николаевича поэтомъ! Чудакъ!

Наши сходки для *обмѣна мыслей* бываютъ необыкновенно замѣчательны... Краснорѣчіе такъ и льется потокомъ изъ устъ нашихъ, настоящий парламентъ! Не шутя, многіе изъ насъ говорятъ очень охладно и бойко. Этому удивляются мельза; можно было, слава Богу, научиться: мы всю жизнь проболтали и теперь, когда, говоря, пришло время *дѣла*, мы все еще болтаемъ, и сами движемся своему краснорѣчію.

Не ума! вругъ нашихъ друзей ораторовъ, въ послѣднее время, начинаютъ замѣтно рѣдѣть.

«Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече,
Какъ Саади нѣкогда сказалъ...»

Да и у присутствующихъ краснорѣчіе какъ-то становится вялѣе и холоднѣе съ каждымъ днемъ, и начинаетъ смахивать на общій мѣста... Надо сказать правду, — мы очень скоро износились и составились преждевременно... вѣроятно отъ климата. — Ужасный климатъ!

Особенно нынѣшняя весна имѣла на насъ (я говорю о нашемъ поколѣніи) чрезвычайно тлетворное вліяніе. У однихъ изъ нашихъ друзей волосы совсѣмъ посѣдѣли, другіе лишились зубовъ, или совсѣмъ оплѣшивѣли, третьи замѣтно потупѣли, у четвертыхъ самолюбіе развилось до болѣзни, пятые договорились до того, что начали ужъ просто заговариваться. Мы, впрочемъ, долго не замѣчали этого и даже рукоплескали рѣчамъ, въ которыхъ не было уже ни малѣйшаго признака здраваго смысла, только одно краснорѣчіе — и догадались, что дѣло плохо, тогда только, когда друзья наши начали выкидывать такіа штуки, которыя всѣми здравомыслящими людьми искони вѣковъ и во всѣхъ странахъ признаются несомнѣнными признаками умоповрежденія...

Разжиженіе или поврежденіе мозга хотя болѣзнь самая аристократическая, но все таки непріятная... Недаромъ восклицалъ нѣкогда поэтъ:

Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума,
Нѣтъ, легче посохъ и сума;
Нѣтъ легче *трудъ* и *гладь*...

Впрочемъ — тихое помѣшательство еще ничего; при тихомъ помѣшательствѣ можно спокойно провести вѣкъ въ весьма хорошемъ обществѣ, между очень умными и даже учеными людьми, профес-

серами и академиками, и никому изъ нихъ въ голову не придетъ, что вы помѣшанный... Такимъ помѣшаннымъ вѣсть числа между нами.

Самое опасное помѣшательство, кончающееся обыкновенно бѣшенствомъ, происходитъ отъ неуемной жажды почестей (честолюбія), соединенной съ выходящимъ изъ границъ самолюбіемъ. Такому помѣшательству подвергаются у насъ иногда люди, выскочившіе рано, то есть лѣтъ подлѣ 40, въ почетныя чины и получившіе значительныя мѣста, — тѣ, на которыхъ указываютъ обыкновенно съ завистію палачами и про которыхъ кричатъ: — какъ выскочилъ-то! какую карьеру сдѣлалъ!... Мы привыкли во всемъ къ восточному и медленному шествію (прогрессу), которое прочтѣе и надежнѣе скачковъ (такъ разсуждаютъ всѣ истинно благонамѣренныя и благомыслящіе люди). Когда человѣкъ подлѣ 70 или въ семьдесятъ лѣтъ достигаетъ почестей, — онъ уже никакъ не рискуетъ сойти съ ума, потому что въ такія лѣта онъ нерѣдко выживаетъ изъ ума; а тѣ же почести въ 40 лѣтъ кружатъ наши головы и вредятъ нашему мозгу. По нашимъ патріархальнымъ понятіямъ, 40 и 45-ти-лѣтній человѣкъ — это еще молокосось...

Когда одинъ господинъ, сдѣлавшій блистательную карьеру подлѣ 40 лѣтъ, не выдержалъ и свихнулся на сорокъ первомъ, всѣ 70-лѣтніе старцы, съ успѣхомъ окончившіе карьеры, и пятидесятилѣтніе молокососы, недобившіеся до карьеры, единогласно подняли крикъ:

— Помилуйте! Что же мудреного! Этого должно было ожидать... Какъ не сойти съ ума, выскочивъ въ чины въ такія лѣта!... Это не естественно. Онъ ужъ возмечталъ о себѣ Богъ-знаетъ-что... Ужъ у него умъ за разумъ зашелъ!... и такъ далѣе.

Изъ этого само собой извлекается, что ранняя карьера для насъ, русскихъ людей, положительно опасна — и потому не должно обольщаться ею. Все несвоевременное для насъ крайне вредно, ибо, какъ извѣстно, мы еще не созрѣли...

Ранозреваемые литературныя карьеры кончаютъ у насъ также очень печально. Бывали примѣры, что молодые люди, написавшіе двѣ или три хорошія повѣсти, два или три звучныхъ стихотворенія, послѣ неумѣренныхъ журнальныхъ похвалъ и добродушно-приятельскихъ возгласовъ, — преисполнились такою неистовою гордостью, доходили до такого головокруженія, что продолжали уже сочинять совершенную дичь и приходили въ ярость, когда критика деликатно намекала имъ объ этомъ... Литературная извѣстность (сказать мимоходомъ) у насъ еще до сихъ поръ пріобрѣ-

тается очень легко — и мы совершенно напрасно — хотя и очень зло — подсмѣиваемся надъ нашими отцами и дѣдами, замѣчая, что они пріобрѣтали литературную славу за какойнибудь акростихъ или мадригальчикъ... Не надобно слишкомъ самообольщаться и самолюбиво увлекаться нашимъ прогрессомъ.

Самолюбіе и самообольщеніе — болѣзнь, въ высшей степени распространенная у насъ. Самые умные и даровитые люди подвержены этой болѣзни. Замѣчая остроумно и до тонкости всѣ малѣйшіе недостатки и слабости въ другихъ, они и не подозреваютъ, до какой степени смѣшны они сами. Они въ этомъ случаѣ нѣсколько напоминаютъ мнѣ того умалишеннаго, котораго я видѣлъ года два тому назадъ въ «Больницѣ Всѣхъ Скорбящихъ».

Сумасшедшій этотъ, подойдя ко мнѣ и пожавъ мою руку, сказалъ, посматривая на меня съ ироніей:

— Очень радъ съ вами познакомиться... Скажите, что привело васъ сюда?... Любопытство посмотреть на сумасшедшихъ? Да вѣдь въ томъ свѣтѣ, гдѣ вы вращаетесь, болѣе сумасшедшихъ, чѣмъ здѣсь, въ домѣ умалишенныхъ. Здѣсь, я вамъ скажу, мало любопытнаго. Всѣ они (и онъ указалъ на толпу сумасшедшихъ) помѣшаны на страшныхъ пошлостяхъ; видно, что они никогда не владѣли вполне здравымъ смысломъ и умишка имѣли самый узенькій. Вотъ, напримеръ, этотъ стриженный, что сидитъ въ углу такъ глубокомысленно, онъ помѣшанъ на томъ, что онъ генералъ, и бросается съ яростію на того, кто не говоритъ ему: ваше превосходительство... Какая жалкая суетность! Неправда ли, ваше превосходительство?

И сумасшедшій обратился къ одному изъ посѣтителей — генераловъ, бывшихъ съ нами.

Затѣмъ онъ началъ дѣлать преостроумныя характеристики другихъ сумасшедшихъ...

Этотъ сумасшедшій показался мнѣ гораздо остроумнѣе многихъ извѣстныхъ нашихъ умниковъ и юмористовъ.

Я замѣтилъ это начальнику больницы.

— Да, отвѣчалъ онъ улыбаясь: — онъ у насъ большой говоритъ и говорить бойко, но съ нимъ бѣда: на него находятъ минуты бѣшенства и тогда мы его заираемъ въ темную комнату...

Умъ и здравый смыслъ въ сумасшедшихъ и нѣчто въ родѣ помѣшательства въ несомнѣнно-умныхъ и здравомыслящихъ людяхъ поражали меня нерѣдко.

Лѣтъ десять назадъ тому я познакомился съ N, который пользовался въ то время уже довольно значительною репутаціею между лучшими и передовыми людьми въ Москвѣ и Петербургѣ. Я заранѣе

былъ уже предупрежденъ въ его пользу. Всѣ почти мои близкіе знакомые, авторитету которыхъ я вѣрилъ безусловно, ахали при его имени и сообщали мнѣ между прочимъ о томъ, что N человѣкъ съ блестящимъ образованіемъ, что онъ слушалъ лекціи въ германскихъ университетахъ, знакомъ съ германскою философіею, и такъ далѣе. Кроме всего этого, по ихъ словамъ, онъ былъ надѣленъ отъ природы глубокимъ эстетическимъ чувствомъ, которое развилось въ немъ чтеніемъ великихъ англійскихъ и нѣмецкихъ поэтовъ въ подлинникѣ. Онъ зналъ эти языки, какъ свой собственный. Мнѣ говорили, что въ самой натурѣ его было что-то тонко-поэтическое, возбуждавшее къ нему невольную симпатію...

Лѣтомъ 184* года я гостилъ въ деревнѣ *** губерши, у одного изъ моихъ пріятелей, который былъ также пріятелемъ N и его ближайшимъ сосѣдомъ. N пріѣхалъ изъ-за границы въ свою деревню въ июнѣ мѣсцѣ и на другой же день послѣ пріѣзда явился къ моему сосѣду. Я никогда не забуду перваго вечера, проведеннаго мною съ нимъ. Ожиданія мои не были обмануты; напротивъ, всѣ похвалы, которыя я слышалъ объ N, казались мнѣ слабы и идеаль, составленный мною объ немъ, совершенно блѣденъ сравнительно съ оригиналомъ. Его лицо не принадлежало къ тѣмъ лицамъ, которыя мы привыкли называть красивыми; черты его были неправильны, даже нѣсколько рѣзки, но они смягчались кроткимъ выраженіемъ его умныхъ и глубокихъ глазъ; густые, темные, немного волнистые волосы его, зачесанные назадъ и обнаруживавшіе широкій и высокій лобъ, рассыпались почти до плечъ; голосъ его принадлежалъ къ самымъ симпатическимъ голосамъ, которые когда либо я слышалъ... Я съ первой минуты, съ перваго взгляда почувствовалъ къ нему невольное влеченіе, которое возрастало по мѣрѣ того, какъ я вглядывался въ него и слушалъ. Черезъ нѣсколько часовъ мнѣ было такъ легко и пріятно въ его присутствіи, какъ будто я былъ вѣкъ знакомъ съ нимъ... Вечеръ былъ чудесный, теплый; мы гораздо за полночь просидѣли на террасѣ, выходящей въ садъ. Разговоръ вертѣлся на предметахъ самыхъ обыкновенныхъ; N передавалъ намъ нѣсколько эпизодовъ изъ своей заграничной повѣдки; онъ говорилъ мастерски, не прибѣгая къ пошлымъ эффектамъ извѣстныхъ говоруновъ. Отъ его разказовъ, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ казалось, вѣяло правдою и поэтическою свѣжестью.

Я скоро сошелся съ N... Онъ прогостилъ нѣсколько дней у моего пріятеля и потомъ мы всѣ вмѣстѣ отправились, по его приглашенію, къ нему въ деревню.

N имѣлъ очень хорошее, но разстроенное состояніе, полученное имъ послѣ смерти отца, полтора года передъ тѣмъ. Въ деревнѣ, гдѣ

онъ жилъ, было до 500 душъ и до полутораста человѣкъ двори... Управляющій его, нѣмецъ, по словамъ моего пріятеля, обращался съ крестьянами неслишкомъ человѣколюбиво, выжималъ изъ нихъ сокъ, и конечно болѣе въ свою пользу, чѣмъ въ пользу новаго владѣльца, который, какъ я замѣтилъ уже, принадлежалъ къ милкшншимъ и гуманистѣйшимъ изъ людей. Когда пріятель мой сообщилъ N свое мнѣніе объ его управляющемъ и нѣкоторыя факты его управленія, N схватилъ себя за голову и въ отчаяніи началъ ходить по комнатѣ.

— Неужели? повторялъ онъ: — это ужасно, ужасно!.. Я двухъ дней не оставлю его послѣ этого!..

Онъ весь взволнованный, потрясенный, чуть не со слезами на глазахъ, признался намъ, что онъ въ деревнѣ не имѣетъ ни одной минуты покойной, что онъ ничѣмъ не можетъ серьезно заняться и наслаждаться свободно деревенскою жизнью, потому что безобразіе крѣпостнаго права бросается ему здѣсь на каждомъ шагѣ. Онъ сообщилъ намъ, между прочимъ, что онъ занимается составленіемъ проекта объ освобожденіи своихъ крестьянъ, что онъ осуществитъ эту мысль непременно и въ самомъ непродолжительномъ времени; что ему легче будетъ сдѣлаться *пролетаріемъ*, чѣмъ продолжать пользоваться крѣпостнымъ правомъ.

— Да ты прежде всего лучше выгони своего управляющаго, замѣтилъ ему нашъ общій пріятель: — да займись самъ управленіемъ своего имѣнія и устройствомъ участи своихъ крестьянъ, — это будетъ гораздо практичнѣе.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Я не могу быть спокоенъ до тѣхъ поръ, пока у меня будетъ хоть одна крѣпостная душа!

И онъ развилъ передъ нами цѣлую утопію будущаго: освобождая крестьянъ и отдавъ имъ всю землю, которою они владѣютъ, онъ на то, что останется у него, заведетъ въ своихъ деревняхъ школы, поселится навсегда въ деревнѣ и посвятитъ всего себя образованію своихъ крестьянъ, чтобы искупить передъ ними, какъ онъ выражался, грѣхи своихъ предковъ. Онъ говорилъ это съ такимъ увлеченіемъ, съ такимъ благороднымъ энтузіазмомъ, что у меня невольно показались на глазахъ слезы (десять лѣтъ тому назадъ и еще былъ очень наивенъ) и я съ чувствомъ крѣпко пожалъ ему руку.

«Можно ли сомнѣваться въ будущемъ Россіи, когда она производитъ такихъ людей?» подумалъ я съ карамзинскимъ умиленіемъ.

Дѣто провели мы превосходно и почти всякій день видѣлись съ N. Управляющій его, котораго онъ хотѣлъ прогнать черезъ два дня, оставался однако спокойно и управлялъ по прежнему. N усердно за-

нимался проектомъ освобожденія, говорилъ намъ, что онъ приводитъ его къ концу и обѣщался прочесть его. Въ ожиданіи этого чтенія мы ѣздили на рыбныя ловли, охотились, предавались разнымъ сельскимъ удовольствіямъ и наслаждались природою... Ни малѣйшіе ея отгѣвки не ускользали отъ поэтического взгляда N... Вдохновленный ею, во время отдыха на охотѣ, или вечеромъ лежа на диванѣ террасы, выходящей въ садъ, N одушевлялся: онъ съ глубокой ironіей бичевалъ наши общественныя предрассудки, беспощадно издѣвался надъ нашими барскими слабостями и привычками, надъ нашею безпечностію, лѣнью, неспособностію къ прагматической дѣятельности, аристократическою пустотою; онъ называлъ крестьянина *нашимъ кормильцомъ и великимъ труженникомъ*...

. . . . . Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся....

Онъ читалъ намъ наизусть стихи изъ Шиллера, изъ «Фауста» Гёте; изъ дашскихъ отечественныхъ поэтовъ: Тютчева, Фета, Полонскаго...

И все это при благоуханіи скошенной травы, при вечернемъ закатѣ, ярко просвѣчивавшемъ сквозь гущу зеленя, даже иногда при пѣніи соловьевъ, которые заглушали чудныя, гуманныя рѣчи и невольно заставляли N останавливаться...

И мы долго послѣ этого молчали, прислушиваясь къ щелканію соловья, и погруженные въ поэтическій экстазъ...

Незабвенныя ночи!... Я съ какою-то болью теперь вспоминаю объ нихъ... «Вотъ идеалъ настоящаго человѣка, освобожденнаго отъ всѣхъ нашихъ пошлыхъ привычекъ, предрассудковъ, рутинныхъ взглядовъ и прочаго», думалъ я, глядя на N и вздыхая.

N уѣхалъ изъ деревни въ концѣ осени, и мы встрѣтились съ нимъ зимою въ Петербургѣ на Невскомъ проспектѣ. Онъ шелъ мнѣ на встрѣчу съ какимъ-то господиномъ.

Я страдаю увлеченіями до сихъ поръ, а 10 лѣтъ назадъ тому я страдалъ этою болѣзнію еще болѣе. Я бросился къ N съ распростертыми объятіями и съ восторгомъ.

Онъ сухо улыбнулся мнѣ, протянулъ: А-а! и пожалъ мнѣ руку, но явно уклонился заводить со мной разговоръ и даже какъ будто смутился нѣсколько моего восторга. Господинъ, шедшій съ нимъ, осмотрѣлъ меня съ любопытствомъ съ ногъ до головы.

Этотъ господинъ былъ князь П'...

«Неужели жь это оттого, что идетъ съ кивземъ?.. Быть не можетъ», подумалъ я. «Можетъ ли быть зараженъ такими пошлостями человекъ, подобный N?.. Какая сумасшедшая мысль!»

Я даже покраснѣлъ отъ нее, но мнѣ было все-таки не совсѣмъ ловко, точно какъ будто кто-то нечаянно брызнулъ мнѣ холодною водою въ лицо.

Я узналъ адресъ N, но долго послѣ этого не рѣшался идти къ нему.

Искушеніе однако было сильно, и я не преодолѣлъ его... Въ одно прекрасное утро я позвонилъ къ нему.

— Дома?

— Какъ прикажете объ васъ доложить?—спросилъ лакей, взглянувъ на меня испытующимъ взглядомъ.

Я назвалъ мою фамилію и вошелъ въ залу... Сердце мое билось сильно...

Вдругъ дверь съ шумомъ растворилась, N бросился ко мнѣ и началъ съ жаромъ обнимать меня.

— Какъ я радъ! какъ я радъ васъ видѣть!... говорилъ онъ мнѣ усаживая меня:—я давно бы самъ былъ у васъ, но не зналъ вашего адреса...

Онъ вспоминалъ о нашихъ деревенскихъ вечерахъ, говорилъ съ такою теплотою и любовью о нашемъ общемъ другѣ, обнаружилъ столько радушія, простоты и искренности въ обращеніи со мною, что я рѣшительно таялъ, слушая его. Онъ замѣтилъ даже (я какъ это польстило моему самолюбію!), что онъ очень радъ случаю, который свелъ меня съ нимъ и, что такая пріязнь, которая завелась между нами, не можетъ ни прерваться, ни поколебаться, потому что она основана на одинаковости взглядовъ и убѣжденій.

Черезъ минуту послѣ этихъ изліяній началъ раздаваться звонокъ за звонокомъ и кабинетъ N скоро наполнился самымъ разнообразнымъ обществомъ. Тутъ были и дипломаты, и военные, и свѣтскіе франты, и ученые, и поэты, и литераторы, и дилеттанты и артисты. N поразилъ меня своею находчивостію и любезностію со всѣми этими господами, и поразилъ, я долженъ сознаться, не совсѣмъ пріятно...

«Что можетъ имѣть онъ общаго съ этими великосвѣтскими господами?» думалъ я: «Для чего онъ пускаетъ ихъ къ себѣ.—онъ, человекъ съ такими глубокими убѣжденіями и съ такимъ серьезнымъ взглядомъ на жизнь? И что за охота превращать свой кабинетъ въ какой-то безобразный раутъ?»

Я не выдержалъ и черезъ нѣсколько времени сообщилъ ему мои думы.

Онъ горько улыбнулся.

— Что же дѣлать? возразилъ онъ пожавъ плечами: — въ Петербургѣ это неизбѣжно. Въ свѣтѣ поневолю сталкиваешься съ людьми, отъ которыхъ послѣ невозможно отдѣлаться... У меня, кому же, нѣтъ столько твердости въ характерѣ, чтобы запереть свою дверь для этихъ господъ...

— Въ свѣтѣ?—замѣтилъ я:—но что можетъ быть общаго между вами и этимъ свѣтомъ?... Вы человѣкъ независимый, искать связей вамъ не для чего, а человѣкъ съ вашими убѣжденіями и съ вашимъ образомъ мыслей, я думаю, не можетъ увлекаться свѣтскими успѣхами и дорожить салонною репутаціей.

Н едва замѣтно улыбнулся...

— Но вотъ видите ли, сказалъ онъ: — это такъ, но у меня непреодолимая, нелѣпая слабость наблюдать всѣ нелѣпости, всѣ уклоненія отъ здраваго смысла въ разныхъ слояхъ общества. — Я знаю, что это смѣшно, но что жъ дѣлать? Я вошелъ въ свѣтъ, какъ зритель входитъ въ театръ взглянуть на незнакомую ему пьесу... Пьеса оказывается пуста и скучна и онъ выходитъ, не дождавшись ея конца...

Меня отчего-то кольнуло при этихъ словахъ... Мнѣ показалось, что передо мною стоитъ пустой фатъ и отпускаетъ пошлыя фразы... «Или я съ ума схожу», подумалъ я: «или N сходить съ ума...»

Однажды я завелъ рѣчь объ N съ однимъ короткимъ знакомымъ его, человѣкомъ очень ему прсданнымъ... Это было года черезъ три послѣ моего знакомства съ N...

Меня начинали смущать противорѣчія словъ N съ его поступками и дѣйствіями.

— А васъ это удивляетъ?... возразилъ онъ равнодушно. — N—человѣкъ образованный, остроумный, надѣленный богато отъ природы дарованіями, но испорченный жизнію, воспитаніемъ, и испорченный до мозга костей... Его такъ называемыя убѣжденія всѣ взяты имъ изъ книгъ, развиты его собственнымъ умомъ, но они не прошли сквозь его сердце. Онъ блестящій говорунъ и былъ бы, безъ всякаго сомнѣнія, превосходнымъ парламентскимъ ораторомъ въ конституціонномъ государствѣ... Но хорошимъ гражданиномъ — никогда... Такого рода люди, какъ онъ, неспособны ни къ какой серьезной дѣятельности... и ихъ краснорѣчіе—звукъ пустой... То, что я вамъ говорю теперь, — я говорилъ ему въ глаза и еще гораздо рѣзче.

— Неужели? И что же онъ? перебилъ я.

— Онъ назвалъ меня своимъ лучшимъ другомъ, обнялъ меня и сознался, что я совершенно правъ: — онъ обнималъ меня и сознавался въ эту минуту искренно; но самолюбіе его, я убѣжденъ въ этомъ, безпрестанно послѣ этого нашептывало ему противъ

меня, и онъ никогда не проститъ мнѣ того, что я вижу его насквозь. Онъ уважаетъ и даже боится меня, но онъ предпочитаетъ льстецовъ и любитъ ихъ болѣе меня, хотя можетъ быть иногда и чувствуетъ къ нимъ презрѣніе... Онъ кричитъ противъ свѣта — и, какъ умный человѣкъ, видитъ вполне пустоту его, но, какъ человѣкъ тщеславный, все на свѣтѣ промѣняетъ на вѣншній блескъ, на эфемерный салонный успѣхъ. Въ свѣтѣ онъ, какъ рыба въ водѣ, — это его настоящая сфера. У насъ, у своихъ простыхъ и короткихъ пріятелей ему хорошо, но все уже не такъ ловко, какъ въ свѣтѣ. Онъ знаетъ, что мы его любимъ, слушаемъ его съ удовольствіемъ, но *не впрямь ему*, а тамъ каждую его фразу принимаютъ не шута. Всѣ дамы отъ него въ восторгѣ, а онъ въ восторгѣ отъ ихъ раздушенныхъ записокъ и дорожитъ ими гораздо болѣе, чѣмъ искреннимъ и правдивымъ словомъ своихъ друзей, хотя онъ убѣжденъ въ томъ, что въ нашихъ словахъ — правда, а въ ихъ словахъ и запискахъ — ложь и пустота. Это сумасшествіе, если хотите, и ничѣмъ неизлечимое, потому что наследственное. Одержимыхъ этого рода помѣшательствомъ у насъ очень много между образованными, гуманными и либеральными господами изъ породы барченковъ. Вотъ вамъ одинъ маленькій, совершенно незначительный, но довольно характеристичный фактъ изъ его житейскихъ похожденій.

Одинъ изъ самыхъ близкихъ намъ людей, вы его знаете (онъ называлъ мнѣ фамицію этого господина), — закадычный пріятель N, какъ вамъ извѣстно. Это его тѣнь... Общественное положеніе этого господина быть другомъ N. — N въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, во время поѣздокъ своихъ за границу и въ деревню, ведетъ постоянную переписку съ нимъ объ литературѣ, искусствахъ вообще, о политикѣ и о разныхъ отвлеченныхъ предметахъ...

Изъ его писемъ можно бы составить томъ, толщиною по крайней мѣрѣ, съ какойнибудь «Энциклопедическій Лексиконъ». Ужъ я замѣчу теперь, кстати, что господа пріобрѣтшіе себѣ авторитеты, какъ нашъ другъ N, ужасно вообще любятъ вести глубокомысленныя переписки съ друзьями... Авторитетъ увѣренъ, что письма его къ другу непременно напечатаны послѣ его смерти, если не другомъ, то друзьями его друга, и потому онъ истощаетъ въ нихъ все свое краснорѣчіе и глубокомысліе, чтобы явиться во всемъ блескѣ передъ грядущими поколѣніями. Маленькое самолюбіе друзей авторитета вполне удовлетворяется тѣмъ, что они имѣютъ честь быть съ авторитетами въ такихъ короткихъ отношеніяхъ, что они повѣряютъ этимъ господамъ сокровенныя тайны своихъ мыслей и эти друзья обыкновенно тщательно собираютъ всѣ письма и записочки своихъ знаменитыхъ друзей, нумеруютъ ихъ, переплетаютъ, дѣлаютъ къ нимъ 'ученія

примѣчанія и выноски, какъ наши знаменитые библіографы къ незадачнымъ посмертнымъ твореніямъ нашихъ знаменитыхъ писателей, и ждутъ съ нетерпѣніемъ смертнаго часа своего знаменитаго друга, чтобы опубликовать ихъ и черезъ нихъ прославить свое собственное темное имя... Весь свѣтъ, дескать, узнаетъ, что я былъ другомъ знаменитаго человѣка! Это очень и лестно и пріятно!... Но я увлекаюсь эпизодами...

Дѣло въ томъ, что къ другу N пріѣзжаетъ изъ провинціи его семейство — матушка и двѣ сестрицы, по письмамъ своего брата привыкшія благоговѣть передъ N и знающія наизусть самыя блистательныя отрывки изъ переписки N съ братцемъ... Братецъ приглашаетъ своего знаменитаго друга на вечеръ къ себѣ, чтобы познакомиться его съ своимъ семействомъ, N общается пріѣхать къ нему непременно на цѣлый вечеръ и крѣпко жметъ руку друга.

Другъ въ восторгѣ.

— И пораньше, пожалуйста пораньше пріѣзжай! говоритъ наизусть другъ: — ужъ ты не давай никому слова, брось на этотъ разъ своихъ аристократовъ...

Онъ хочочетъ и треплетъ по плечу своего знаменитаго друга.

— Непремѣнно, непременно! повторяетъ знаменитый другъ: — ты можешь быть увѣренъ, что тебя я ни на кого не промѣняю...

Утромъ въ день, назначенный для пріема знаменитаго друга, весь домъ въ неслыханномъ волненіи... Сестрицы приготавливаютъ свои лучшіе туалеты, маменька вытаскиваетъ свой парадный чепецъ... братецъ въ страшныхъ хлопотахъ: — онъ беретъ разныя печенья къ чаю у Иванова, вина къ ужину у Елисѣева, поваренка изъ англійскаго клуба... Чайный столъ приготавливается съ 6 часовъ, чашки, сахарницы — все разставлено въ живописномъ порядкѣ, скатерть, какъ серебро, въ комнатахъ надушено, братецъ проситъ сестрицъ и маменьку одѣться, какъ можно попроче, но со вкусомъ.

— Вѣдь онъ обладаетъ въ высшей степени чувствомъ изящнаго, замѣчаетъ братецъ: — и у него глазъ чрезвычайно наблюдательный...

Наконецъ все готово... Ближе къ 8 часамъ. У сестрицъ страшно бьются ихъ дѣвственныя сердца подъ тугостаянутыми корсетами. Маменька поглядываетъ на часы.

— Онъ сейчасъ будетъ, сейчасъ! говоритъ братецъ, потирая руки съ самодовольствіемъ и расхаживая по комнатѣ...

Приглашенные на N гости уже почти всѣ собрались... 9 часовъ, а N нѣтъ... братецъ хмурится и поглядываетъ на часы. Семейство также въ безпокойствѣ... самоваръ кипитъ, чай разливается, самоваръ остываетъ, а N все нѣтъ, какъ нѣтъ...

Вотъ ужъ и десять часовъ.

Разговоръ съ гостями не ладится, сестрицы поглядываютъ на брата, какъ будто съ упрекомъ, какъ будто говорятъ: «Хорошъ твой другъ!» Братецъ кусаетъ отъ досады губы...

— Гдѣ нибудь заболтался въ большомъ свѣтѣ, говоритъ онъ проницески, стараясь скрыть свою досаду: — большой свѣтъ — это наша слабость!...

Половина одиннадцатаго... рѣзкій звонокъ, отъ котораго всѣ вздрагиваютъ... Сердце стукнуло у брата.

— Это *онъ*! шепчетъ братецъ.

Дѣйствительно, является *онъ*...

— Наконецъ-то! Хорошо! хорошо! а еще обѣщалъ пріѣхать пораньше, — изъ какого *салона*?... Вотъ, матушка, рекомендую вамъ (сынкокъ обращается къ своей матери и поглядываетъ съ улыбкою на сестеръ), человекъ извѣстный, умный, образованный и такъ далѣе, и такъ далѣе, мой *лучшій другъ*, — а слова никогда не держитъ...

При этомъ насильственный хохотъ...

Гости вторятъ ему. Маменька и сестрица смѣются также не совсѣмъ натурально.

Извѣстно, что мы, люди не принадлежащіе къ большому свѣту, не умѣемъ никакъ скрывать своихъ ощущеній, — маменька и сестрица, разумѣется, захлебнулись при видѣ N; запахъ амбре и мвановское печенье, конечно, тотчасъ бросились нашему знаменитому другу въ носъ и въ глаза. Внутри его зашевелилась эпиграмма, но онъ скрылъ ее. Онъ замѣтилъ также двухъ или трехъ незнакомыхъ ему лицъ, у которыхъ пробѣжала дрожь при его появленіи — и въ немъ вдругъ вспыхнуло ничѣмъ неудержимое желаніе *порисоваться*, или *поломаться* передъ незнакомыми ему людьми... Я слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ, я видѣлъ насквозь всѣ его внутреннія ощущенія и передаю ихъ вамъ вѣрно, — за это ручаюсь... Онъ принялъ небрежную свѣтскую позу, вставилъ въ глазъ стеклышко, довольно нагло, какъ совершенный фатъ, осмотрѣлъ всѣхъ — и пошелъ и пошелъ. Въ четверть часа онъ Богъ-знаетъ чего не наговорилъ, и не замѣтилъ, что все время простоялъ задомъ къ маменькѣ своего друга... Вдучи къ своему другу, онъ имѣлъ твердое намѣреніе, повѣрьте, что это такъ, сойтись какъ можно ближе и за просто съ семействомъ своего друга, и перехода за порогъ его, оставить всѣ свѣтскія замашки и фарсы, которые деловки и неприличны въ простомъ, радушномъ кругу; но отъ запаха ли амбре, отъ благоговѣнія ли къ нему, которое такъ и испарялось отъ присутствовавшихъ, — голова его закружилась, онъ забылъ всѣ свои благоразумныя намѣренія и безсознательно началъ разлагать

вать какую-то странную роль, не то гениальнаго человѣка, не то фата...

Къ довершенію всего, онъ объявилъ своему другу, что никакъ не можетъ остаться у него долго, потому что, къ несчастію, долженъ показаться хоть на минуточку на раутѣ какого-то князя...

— Эти свѣтскія обязанности рѣшительно отравляютъ существованіе, произнесъ онъ, поглядывая на сестрицъ своего друга сквозь лорнетъ: — мы удалимся съ нимъ (онъ положилъ руку на плечо друга) отъ всего этого въ какойнибудь живописный уголокъ Швейцаріи... А вы поѣдете съ нами?

Этотъ вопросъ предложенъ былъ такъ, что сестрицы пришли въ совершенное замѣшательство и поглядывали въ недоумѣніи на брата.

Братецъ также неловко вертѣлся и бормоталъ:

— Поѣдемъ, непременно поѣдемъ!..

Н не обращалъ никакого вниманія на старушку-мать своего друга, онъ даже не отвѣчалъ на вопросъ, который она ему предложила. Одна изъ сестрицъ, по настоянію брата, сыграла передъ N робкими перстами какую-то сонату Бетховена, и когда она окончила, онъ небрежно воскликнулъ: Bravo! Bravo!...

Потомъ онъ объявилъ братцу, что у его сестры рѣшительный музыкальный талантъ и что она непременно должна брать уроки въ музыкѣ у какогонибудь серьезнаго артиста...

Братецъ сообщилъ это сестрицѣ; сестрицѣ это было, конечно, пріятно, но общій тонъ N, нѣсколько пренебрежительный и вѣсть покровительственный, произвелъ непріятное впечатлѣніе на все семейство. Несмотря на всѣ просьбы, N уѣхалъ въ исходѣ двѣнадцатаго часа, и поваренокъ англійскаго клуба напрасно истощалъ свое искусство, потому что остальные гости — все больше ученые — ничего не разумѣли въ гастрономическомъ дѣлѣ.

Вечеръ совершенно разстроился. Въ семействѣ даже чуть не дошло до ссоры, по поводу N. Маменька замѣтила сыну, что другъ его очень невѣжливъ, потому что не отвѣчаетъ на вопросы и стоитъ къ дамамъ задомъ... Сынъ началъ защищать своего друга, хоть и самъ былъ сильно уязвленъ страннымъ его поведеніемъ; маменька начала горячиться, сынъ также, и такъ далѣе.

А тотъ, кто былъ причиной этого семейнаго раздора, ѣхалъ домой и зѣвалъ въ каретѣ... Онъ вовсе не былъ званъ ни на какой раутъ, а этотъ раутъ у него такъ несчастливо сорвался съ языка...

Въ каретѣ онъ (въ этомъ онъ не признавался, но это должно было быть) схватывалъ себя за голову въ отчаяніи, хотѣлъ вернуть

ся назадъ, броситься на грудь къ другу, передъ нимъ и передъ его семействомъ торжественно сознаться, что онъ поступилъ съ ними гадко, глупо, по-хлестаковски — и для удовольствія всѣхъ ѣсть за ужиномъ за двоихъ; онъ чуть было не дернулъ уже кучера за шнурокъ!.. но раздумалъ и пріѣхалъ домой....

То, что я рассказалъ вамъ — не ново; я знаю, что такіе случаи описывали въ различныхъ повѣстяхъ, изображая разнаго рода хлыщей, глупыхъ фатовъ, — но видъ N не глупый фатъ, онъ не хлыщъ, онъ у насъ человекъ *передовой, общественный перлъ*, мыслитель, ораторъ, философъ, немнѣжно гегелистъ.... Удивительная страна, гдѣ гегелизмъ уживается съ хлестаковствомъ!

Литература, казвившая эту хлестаковщину до сихъ поръ или только въ пустѣйшихъ свѣтскихъ франтахъ, или въ мелкихъ, неполучившихъ никакого образованія чиновникахъ, должна теперь подняться выше и смѣло изобразить намъ ее въ тѣхъ господахъ, которые гордятся своею цивилизаціею и считаютъ себя *передовыми* людьми.... Это будетъ гораздо значительнѣе и поучительнѣе.... Видъ всѣ мы, имѣвшіе счастье родиться барченками и получившіе барское воспитаніе, немнѣжно Хлестаковы. Эту хлестаковщину, эту дурь, это помѣшательство передали намъ вмѣстѣ съ заложенными и полупромотанными имѣніями....

Я видѣлъ очень ясно черты хлестаковства въ самомъ себѣ и въ моихъ знакомыхъ — людяхъ умныхъ и образованныхъ; но допустить эти черты въ N — избранномъ изъ избранныхъ — это казалось мнѣ невозможнымъ и даже преступнымъ.

Однако съ этихъ поръ я сталъ наблюдать за N внимательно!.. Я даже вышелъ изъ моей привычной, обыденной жизни, изъ того маленькаго и скромнаго кружка, въ которомъ заключилъ себя... и сталъ выѣзжать въ свѣтъ, — даже въ большой свѣтъ, съ единственною цѣлію разсмотрѣть моего идеала со всѣхъ сторонъ. Это тоже своего рода помѣшательство.

Результатъ моихъ наблюденій надъ N былъ таковъ:

Я окончательно убѣдился, что этотъ человекъ, со всѣмъ его блистательнымъ развитіемъ, современными взглядами, гуманнымъ и либеральнымъ міросозерцаніемъ, со всею его начитанностію, съ его поэтическимъ чувствомъ и проч. и проч., — имѣлъ тѣ же пошлыя привычки, тѣ же жалкія слабости, то же мелочное тщеславіе, какъ и самые обыденные и пустые люди изъ нашей породы.

Нѣтъ!.. Онъ былъ весь пропитанъ аристократизмомъ до мозга костей, и гордился, какъ Байронъ, своею старинною фамиліею; онъ дорожилъ своими великосвѣтскими связями несравненно болѣе, чѣмъ дружбою своихъ великосвѣтскихъ друзей... Съ полюбившимъ онъ обращался

не только безцеремонно, но иногда просто невѣжливо; относительно первыхъ соблюдалъ условныя приличія до малѣйшей тонкости, и не отступалъ ни на шагъ отъ свѣтскаго кодекса. Онъ щеголялъ въ свѣтѣ своимъ либерализмомъ, какъ фаты щеголяютъ своею англійскою складкою и англійскими экипажами; онъ прослылъ въ свѣтѣ даже краснымъ и былъ очень доволенъ этимъ. Дамы страшно боялись его радикализма, но несмотря на это, находили его очень милымъ и tout à fait distingué; великосвѣтская молодежь не любила его, потому что считала его слишкомъ серьезнымъ и ученымъ; генералы косились на него и считали его человѣкомъ опаснымъ для государственнаго спокойствія и подлежащимъ надзору полиціи....

Пріятели подсмѣивались надъ его надокстію къ большому свѣту, которая, по ихъ мнѣнію, была недостойною и непростительною слабостію въ такомъ умномъ и образованномъ человѣкѣ, и въ то же время невольно питали къ нему еще бѣльшее уваженіе именно потому, что онъ имѣлъ связи съ большимъ свѣтомъ... Такія противорѣчія въ жизни на каждомъ шагѣ — и они никого не удивляютъ и не оскорбляютъ. А развѣ это не безуміе?

Своимъ даромъ слова, умѣнемъ красно рассказывать, N часто злоупотреблялъ до невозможности. Онъ умѣлъ ловко пустить пыль въ глаза своею образованностію и начитанностію, но давалъ иногда ужъ слишкомъ большую волю своей фантазіи, такъ-что рассказы его теряли совершенно колоритъ правдоподобія и только своею извѣстностію и художественною отдѣлкою отличались отъ дестаковскихъ.

Мнѣ показалось даже, послѣ долгаго наблюденія надъ N, что всякое слово его, всякое движеніе, особенно въ многочисленномъ и мало знакомомъ ему обществѣ, было разсчитано на эффектъ. Въ такомъ обществѣ онъ постоянно былъ актеромъ....

Только въ небольшомъ кружку своихъ пріятелей и то изрѣдка, когда пустота жизни ужъ начинала слишкомъ томить его, когда всѣ фразы перемалывались на его языкѣ и дѣлались ему самому противными, когда всѣ его великосвѣтскіе успѣхи представлялись ему въ настоящемъ видѣ, онъ на минуту становился искрененъ и съ болью сердца, съ жолчью и съ провѣей надѣвался надъ самимъ собою и надъ всѣмъ своимъ поколѣніемъ, участь котораго такъ хорошо угадалъ Дармонтовъ....

Я пересталъ считать N идеаломъ, короче узнавъ его; я не могъ какъ прежде благоговѣть передъ нимъ, но не могъ не любить его, потому что.... я было хотѣлъ сказать, *потому что если онъ не былъ способенъ бороться съ самимъ собою, то по крайней мѣрѣ способенъ былъ страдать отъ этой ащичной лжи и безарестанннхъ противорѣчій между своими словами и осмизнію*, — но это какъ-то ужъ смущаетъ

жонъ «разшито»; лучше сказать просто потому, что я самъ вышелъ изъ барачковъ, и не могъ не завидовать N и не сочувствовать ему.

Провить N объ освобожденіи крестьянъ остался, разумѣется, одной только гуманной фантазіей, какъ и вся жизнь его. Онъ умеръ за годъ до освобожденія крестьянъ, за границей, и до конца его жизни крестьянами его управлялъ тотъ же пѣмецъ, о которомъ я говорилъ выше.

Многія значительныя особы, знавшія его, до сихъ поръ вспоминаютъ объ немъ съ ужасомъ и благодарятъ Бога за то, что Онъ избавилъ Россію отъ такого опаснаго человѣка. Они еще и до сихъ поръ косятся на его пріятелей, пережившихъ его....

Напрасно!.. Глубокомысленныя особы и государственныя умы все превеличиваютъ своимъ болезненнымъ и пылкимъ воображеніемъ. Мнѣ рассказывали, что когда одинъ очень почтенный и либеральный господинъ, достигшій слишкомъ рано (по нашимъ понятіямъ) извѣстныхъ степеней, вдругъ свихнулся и началъ говорить и дѣлать Богъ-знаетъ-что, — кто-то, рассказывая объ его продѣлкахъ одной глубокомысленной особѣ, прибавилъ:

— Какъ жаль! онъ, бѣдный, кажется, сходитъ съ ума.

Глубокомысленная особа скорчила недовѣрчивую физиономію и таинственно произнесла:

— Не вѣрю... нѣтъ, такіе господа съ ума не сходятъ... Они, батюшка, себѣ на умѣ. Это какія нибудь штуки, подъ этимъ кроется какой нибудь замыселъ!

А черезъ день послѣ этого несчастный началъ бросаться на людей, и только тогда глубокомысленныя особы убѣдились дѣйствительно, что онъ сошелъ съ ума...

У насъ вообще признаютъ сумасшедшими только тѣхъ господъ, которыхъ надо уже сажать въ мѣшки... А сколько людей полурехнувшихся свободно гуляютъ и развѣзжаютъ по петербургскимъ улицамъ и притомъ имѣютъ еще репутацію людей очень умныхъ, дѣловыхъ, даровитыхъ, и такъ далѣе.

Но къ чему я потревожилъ N'а?.. Онъ давно покоится на одномъ изъ богатыхъ кладбищъ, подъ великолѣпнымъ саркофагомъ. Миръ праху его! А живые N (потому что въ нашемъ поколѣніи много такого рода господъ, хотя менѣе его даровитыхъ и блестящихъ) еще будутъ обшивать меня, пожалуй, что я намекалъ на нихъ.

Нѣтъ, я не имѣлъ въ виду никого, я только хотѣлъ сказать, что всѣ мы образованные и гуманнѣйшіе изъ джентльменовъ, и даже лучшіе изъ насъ, болѣе или менѣе краснорѣчиво проболтавши всю жизнь, пройдемъ безслѣдно и бесполезно, въ безпрестанныхъ противорѣчій съ самими собою, рискуя безпрестанно совсѣмъ свихнуть-

ся... И ужь если русскій джентльменъ свихнется однежды, то ужь никакіе европейскіе мыслители и философы не спасуть его!

Вообща, говоря правду, участь наша рѣшена... Приговоръ нашъ подписанъ... Часъ нашъ пробилъ..

Всѣ эти печальныя мысли навѣяли на меня сѣверные вѣтры, ледовскій ледъ, морозы, голыя, черныя деревья въ маѣ мѣсяцѣ и слухи о томъ, что такой-то умеръ, такой-то сошелъ съ ума... А всѣ эти умершіе и сошедшіе съ ума подавали, говорятъ, большія надежды!

Нешутя, внѣшнюю весну особенно много слуховъ о сумасшедшихъ, и всѣ эти слухи такъ непріятно подѣйствовали на меня, что я во всѣхъ, начиная съ самого себя, подозреваю теперь если не маленькое помѣшательство, то по крайней мѣрѣ нѣкоторую замутанность въ головѣ.

Ко мнѣ явился на-дняхъ господинъ пожилыхъ лѣтъ съ усамъ и съ марціальной осанкой.

Онъ расшаркался передо мною.

— Что вамъ угодно? спросилъ я.

— Вы пишете подъ именемъ Новаго Поэта?

— Я, отвѣчалъ я со скромностію.

Марціальный господинъ крикнулъ, нахмурилъ бровь и произнесъ скороговоркою:

Кто полезнымъ быть желаетъ
И согражданъ поучаетъ,
Гласу истины внимаетъ,
Тотъ навѣрно уже знаетъ,
Что шутить не подобаетъ.

Проговоривъ это, онъ прибавилъ прозой:

— Извините, это мое мнѣніе, я хотѣлъ лично его сообщить вамъ.

— Покорно васъ благодарю... Только? спросилъ я.

— Нѣтъ-съ, я хотѣлъ еще сообщить вамъ, что я написалъ провѣтъ и представилъ его уже одному государственному человѣку — о томъ, что крестьянъ освобождать иль подѣ крѣпостнаго состоянія не слѣдуетъ...

— Вы напрасно беспокоились, возразилъ я:— вы оцоздали съ вашимъ провѣтомъ, потому что крестьяне уже освобождены:

— Нужды нѣтъ-съ. Позвольте прочесть вамъ провѣтъ.

— Извините меня, мнѣ нѣкогда. Я долженъ сейчасъ ѣхать.

— Позвольте передать вкратцѣ,—онъ снова крикнулъ.

И не дожидаясь моего согласія, началъ безъ запинки:

«Въ послѣднее время многіе писатели и мыслители, иль конхъ

ны логически, между прочимъ, г. Бланка, неоспоримо доказали, что крѣпостное право есть не только зло, но благодѣяніе для россійскаго народа, ибо 1)...»

Онъ говорилъ минуты три, какъ школьникъ хорошо вызубренный урокъ.

— Извините, мнѣ некогда, перебилъ я...

— Позвольте мнѣ еще прочесть вамъ мои стихи къ современности...

Ото сна я пробудился,
На Парнасъ очутился...

— Извините, мнѣ некогда, повторилъ я рѣшительнѣе...

Марциальный господинъ покрутилъ усъ и сказалъ: «ну, стихи я вамъ послѣ прочту, а знаете ли, вѣдь я началъ стихами писать только что нынѣшнею весною... Ей-Богу, вдруг!»

И насилу спровадилъ отъ себя этого господина... «Бѣдный!» подумалъ я, — это одна изъ жертвъ нынѣшней весны... Вѣроятно, не долго ему придется гулять на волѣ.

«Посадить на цѣнь...» и такъ далѣе.

Искусственная весна, выведенная въ теплицахъ и оранжереяхъ и пощипавшаяся въ манежѣ противъ зимняго дворца, подъ именемъ *цѣточной выставки*, въ нынѣшнемъ году была такъ же хороша, какъ и въ прошедшіе годы... Садъ нынѣшней выставки былъ расположенъ очень искусно, но несравненно проще прошлогодняго, безъ излишнихъ холмовъ, мостовъ и проч.

Весеннее небо хмурилось, какъ осеннее, и мрачно спортило въ узнія окна манежа — на допотопныя цикадіи, гигантскія лиліи, кедры, различные папоротники, азалии, рододендроны, бамбуки и т. д.

Ладожскій ледъ былъ въ Невѣ до 10 мая. Троицкій мостъ навѣдетъ только 17 мая. Вотъ любопытный перечень всѣхъ проказъ, учиненныхъ нынѣшнимъ ладожскимъ льдомъ:

«Съ 4-го по 8-е число мая, отъ педшаго по р. Невѣ льда произошло слѣдующія поврежденія: затопило у хлѣбной пристани 8 барокъ и 5 лодокъ, нагруженныхъ хлѣбнымъ товаромъ на сумму до 22,000 руб., принадлежащихъ разнымъ лицамъ, но весь товаръ спасенъ и выгруженъ на берегъ; повредило на пристани набережную и на сѣнной биржѣ затопило двѣ сѣнныя барки; у пристани сѣвернаго пароходства повредило у парохода кожухъ; отъ берега противъ кавалергардскихъ казармъ, оторвало пустую барку, которая и оставлена у Николаевского моста; оторвало стоявшую у Адмиралтейства купальную ванну, принесло ее къ Николаевскому мосту и нава-

шло на быки, гдѣ она и сломана; повредило стоявшіа у Пречетнаго моста двѣ дровяныя барки, потопило четыре плашкоута Дворцоваго моста, прочіе плашкоуты сильно повредило, а также повредило двѣ купальныя ванны, стоящія противъ 1-го кадетскаго корпуса; сорвало съ якорей стоявшіе ниже Николаевского моста, у берега Васильевского острова, 7 катеровъ, изъ коихъ 4 унесло внизъ, одинъ затонулъ противъ горнаго института, а два навалило на частный пароходъ. Означенные катера, при сносѣ ихъ, повредили двѣ финляндскія пароходныя пристани и сдѣлали у двухъ пароходовъ, стоявшихъ близъ пристаней, незначительныя поврежденія; затонули у Рижской пристани два судна съ каменнымъ углемъ; у одного частнаго парохода повредило бортъ, сдвинуло съ мѣста рижскую пристань; причѣмъ сломало у нея трапъ и береговыя упорныя балки, а буш-притомъ стояшаго близъ нея финляндскаго судна пробиле стѣну и сдѣлало другія поврежденія. На Черной рѣчкѣ, у Нарвской части, повредило у моста, ведущаго на Гутуевскій островъ, сваи. У большаго Крестовскаго моста повредило два ледорѣза, отъ берега Крестовскаго острова оторвало ванну и нанесло ее на Петербургскрестовскій мостъ, но вреда мосту не причинило. — 6-го мая въ 8 часовъ вечера, работники содержателя тони, мѣщанина Ларионова, крестьяне Василій Александровъ и Григорій Якимовъ и мѣщанинъ Андрей Аванасьевъ, переѣзжая на лодкѣ чрезъ р. Неву, со стороны Литейной части, на Выборгскую сторону, взяли съ собою нѣсколько человекъ пассажировъ и у Лѣтнаго моста были затерты льдомъ; но всѣ спасены людьми михайловскаго артиллерійскаго училища. — Въ ночь на 6-е мая, Рождественской части, на рѣчкѣ Невѣ, оторвало напоромъ льда стоящую на причалѣ лодку съ кирпичемъ, принадлежащую государственному крестьянину Павлу Михайлову, и проломилло ей бокъ, отчего она, отплывъ нѣсколько сажень, утонула; бывшіе на ней люди спаслись. — 6-го мая вечеромъ, рыбаки крестьяне: Филипъ Матвѣевъ и Федоръ Карповъ, на рѣчкѣ Невѣ, у берега Литейной части, посадивъ въ лодку свою для перевоза на Выборгскую сторону 11 человекъ пассажировъ, въ числѣ коихъ находились прикамандированные къ артиллерійскому училищу прапорщики: Никофераки и Забусовъ, отплыли отъ берега, но на срединѣ Невы были остановлены наплывшею на нихъ льдиною, которою и снесло ихъ въ рѣку Большую невку, а тамъ совершенно затерло льдомъ. Для спасенія этихъ людей, по распоряженію смотрителя пеньковаго буяна Артемьева, тотчасъ же вольнонаемными сторожами буяна были наложены по льду доски, по которымъ всѣ пассажиры и рыбаки переправились на берегъ. — 7-го мая, въ 7 часовъ пополудни, Васильевской части, по рѣвѣ Невѣ несло льдомъ тихвинку, на которой нахо-

дѣлись купеческій внукъ Дмитрій Дехтеревъ и иностранецъ Петръ Момсенъ, но посредствомъ каната, брошеннаго съ Николаевскаго моста, люди эти спасены.

Екатерингофское гулянье выходящее, впрочемъ, изъ моды, было очень печально въ нынѣшнемъ году. Обычныя весеннія прогулки въ Лѣтнемъ саду начались послѣ 10 мая.

Майскій парадъ, который всегда бываетъ въ апрѣлѣ, въ нынѣшнемъ году могъ назваться дѣйствительно майскимъ, потому что онъ былъ 2 мая... Множество публики стеклось на это блестящее зрѣлище, потому что въ этотъ день погода была довольно теплая... Павловскій воксалъ открылся 14 мая, и Штраусъ снова появился на астрадѣ, къ великой радости своихъ навлоскихъ обожателей... На островахъ только что началось катанье... Въ Павловскомъ воксалѣ открытъ кабинетъ для чтенія, въ которомъ получаютъ всѣ русскіе журналы и многіе иностранныя.

Ни одно изъ загородныхъ увеселительныхъ заведеній на островахъ еще не открыто. Знаменитыя минеральныя воды находятся въ спорѣ... и когда они откроются, и откроются ли — это еще неизвѣстно. Какой-то г. Кутуевъ, говорятъ, оспариваетъ права на это заведеніе у г. Излера, передавшаго г. Излеру какимъ-то господиномъ...

Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ?..

Во второй половинѣ мая сдѣлалось потеплѣе, деревья начинаютъ зеленѣть, а городъ пустѣть...

И слава Богу! Пора воля изъ него... и поскорѣй отъ этихъ чудовищныхъ мостовыхъ, отъ этой удушающей пыли, и такъ далѣе, и такъ далѣе...

Г. Васильевъ, инженеръ корпуса путей сообщенія, издалъ недавно двѣ брошюры. 1) Матеріалъ для проекта мостовыхъ и сточныхъ трубъ въ городахъ и преимущественно въ С. Петербургѣ, и 2) Снособы и средства для сохраненія здороваго воздуха въ городахъ и населенныхъ мѣстахъ и примѣненіе ихъ къ С.-Петербургу.

Изъ послѣдней брошюры мы выпишемъ то, что относится къ Петербургу.

«Если забудемъ на минуту», говоритъ г. Васильевъ, «обманывающую насъ, роскошную виѣшность С. Петербурга и обратимся къ желожному сознанію фактовъ общественнаго здравія и жизни, то придемъ къ весьма невыгодному заключенію. Если разобщить С.-Петербургъ со всею имперією, то есть, если воспрепятствовать прибыліи населенія отъ приѣзжихъ изъ другихъ мѣстъ, то ежегодный избытокъ смерти надъ рожденіемъ въ 5,000 человекъ, по среднему

выводу за послѣднія 10 лѣтъ, покажетъ намъ, что населеніе С.-Петербурга, при настоящихъ условіяхъ въ немъ жизни, не болѣе какъ въ 2 столѣтія, должно бы было уменьшиться въ 10 разъ.

«Улучшить такіа невыгодныя условія жизни С.-Петербурга можно; наукою все нужное для того выработано; опыты въ другихъ городахъ въ томъ несомнѣнно удостовѣряютъ, но на полное устраненіе ихъ въ настоящее время разсчитывать трудно, и необходимость заставляетъ ограничиться только нѣкоторыми вспомогательными средствами.

«Средства въ этомъ случаѣ могутъ быть также механическіе или химическіе. Выборъ ихъ зависитъ много отъ системы сточныхъ трубъ, которая будетъ окончательно избрана для С.-Петербурга, системы, *закрытой* или *свободной*.

«Если будетъ утверждена *свободная*, съ введеніемъ которой несоудствіи уничтожатся выгребы и помойныя ямы, то для очищенія воздуха въ настоящее время есть одно только средство: дезинфекція нечистотъ въ выгребныхъ и помойныхъ ямахъ, веществами химическими, но употребленіе ихъ слѣдуетъ сдѣлать болѣе основательнымъ и постояннымъ. Для этого нужно, независимо отъ монополюной ждановской жидкости, испробовать и другія средства и съ болѣе дешевыми ознакомить жителей, составить надлежащія инструкціи, за отступленіе отъ которыхъ, виновныхъ подвергать денежному штрафу.

«Если же будетъ назначена система *закрытая*, то положительно зная это, можно сверхъ того начать теперь же приглашать гг. домовладѣльцевъ къ устройству выгребовъ и ямъ каменныхъ, непроницаемыхъ съ раздѣлительными приборами, можно теперь же вводить улучшенные способы очистки трубъ и выгребовъ съ отвозкою нечистотъ, въ герметически закрытыхъ снарядахъ (*).

«Кромѣ того, какаа бы ни была избрана для С.-Петербурга система сточныхъ трубъ, по мѣстнымъ условіямъ ее необходимо пополнить двумя дренажными линіями въ каждой улицѣ; къ этимъ главнымъ линіямъ могутъ примыкать линіи частныя, огибающія фундаменты домовъ; слѣдовательно осушающія и стѣны и дворы. Устройство дренажныхъ такихъ линій, составляя часть общаго проекта улучшенія улицъ, можетъ быть устраиваемо отдѣльно стоимостью, на длинѣ 1 версты улицы, не дороже 3,000 руб.; въ болѣе населенныхъ частяхъ теперь же можетъ быть также постепенно введено, безъ особыхъ значительныхъ экстраординарныхъ расходовъ.

(*) Въ пневматическихъ подвижныхъ камерахъ по образцу употребленнымъ въ Туринѣ и Миланѣ.

Между тѣмъ устройство дренажа уже будетъ одно изъ средствъ, основательно дѣйствующихъ для осушенія грунта.

«Если почти всѣ правительства европейскихъ государствъ покровительствовали и дѣлали ссуды своимъ подданнымъ десятками милліоновъ (*) для распространенія дренажа, въ видахъ частныхъ выгодъ и общей пользы, протстекающей изъ того для государства, то нѣтъ сомнѣнія, что по убѣжденіи въ пользѣ и возможности постепеннаго дренажа С.-Петербурга и у насъ, для улучшенія въ немъ общественнаго здравія, городская дума изыщетъ небольшія ежегодныя средства.

«Кромѣ того слѣдуетъ обратить особенное вниманіе въ настоящее время на соблюденіе чистоты въ дворахъ и улицахъ, для чего очистка и свозка грязи должны быть болѣе тщательны; для уменьшенія же образованія количества такой грязи, необходимо улучшить способы мощенія улицъ, и въ особенности требовать подъ ними надлежащаго основанія, безъ котораго онѣ никогда не будутъ прочными. Стараться какъ можно скорѣе замостить пространства еще незамощенныя. Воспретить, при очисткѣ подземныхъ уличныхъ трубъ, выбрасываніе нечистотъ на мостовую, но ввести для этого особые подвижныя крытыя лщики, въ которые жидкія нечистоты изъ трубъ должны наливаться бадьями и работу эту, какъ нечистую, наравнѣ съ прочими подобными, производить преимущественно ночью. Въ нѣкоторыхъ многовзжихъ улицахъ, гѣтомъ, для уничтоженія пыли, ввести поливку, цѣнность которой въ оптовомъ видѣ обойдется не дороже 30 коп. за 100 квадр. саж. въ день; считая поливъ самымъ обильнымъ, то есть по $\frac{3}{4}$ ведра на сажень. На кладбищахъ слѣдуетъ возмѣжное пониженіе горизонта грунтовыхъ водъ.

«Между всѣми этими предположеніями, дренажъ грунта имѣетъ безотлагательную важность. Съ открытіемъ дѣйствія общества водопроводовъ, употребленіе воды значительно увеличится; употребленная же въ дѣло вода, слѣвавшись нечистою, куда будетъ выпускаться? Въ городскія трубы не пустятъ водочистительныя колодцы. Кромѣ того впускъ нечистой воды въ трубы воспрещается закономъ, а если и впуснется въ нихъ вода, достаточна ли будетъ тогда настоящая вѣстность трубъ для нея? Вотъ вопросы, о которыхъ необходимо теперь подумать. Вѣрнѣе же всего, что при неотвратимомъ засоренномъ ихъ состояніи безъ дренажа и для нея будетъ одинъ и тотъ же резервуаръ — почва С. Петербурга, со всѣми губельными оттого послѣдствіями для общественнаго здравія. На

(*) «Въ Англіи дано 50,000,000 р., во Франціи — 25,000,000 р. сер.»

сторонах Выборгской и Петербургской, гдѣ мѣстные жители такъ много терпятъ отъ непрокладки сточныхъ трубъ, дренажъ, какъ болѣе дешевое средство, можетъ привести также значительную пользу; но крайней мѣрѣ съ устройствомъ его сдѣлается справедливымъ требованіе мостовыхъ, гдѣ таковыхъ еще нѣтъ.

«Въ настоящее время возбужденъ вопросъ объ устройствѣ публичныхъ писсуаровъ въ С. Петербургѣ; рѣшеніе его также встрѣчаетъ камень преткновенія въ системѣ городскихъ стоковъ. Пускать никакую нечистоту въ трубы нельзя по закону; извлеченіе и отвозка цѣнны и требуютъ большой акуратности. Я полагаю въ настоящее время въ этомъ случаѣ лучше всего употребить способъ англійскій — дезинфекцію мочи известью, при чемъ осадокъ мочевино-кислой извести, получаемый въ особомъ отдѣленіи выгребѣ, въ видѣ твердаго тѣла, будетъ извлекаться и отвозиться за городъ; воду же очищенную известью, особымъ рукавомъ можно пускать прямо въ городской водостокъ.

«Вообще же дѣло осушенія и очищенія почвы С. Петербурга должно было быть первымъ приступомъ для улучшенія въ немъ жизни во всѣхъ отношеніяхъ; и какія бы затрудненія при этомъ не встрѣтились, мы должны ихъ побѣдить.»

Нельзя не быть благодарнымъ г. Васильеву за разработываніе насущныхъ вопросовъ для устройства Петербурга... Скоро ли будетъ суждено осуществиться всѣмъ этимъ прекраснымъ проэктамъ? А пора бы!...

Говоря о юбилѣѣ г. Сосницкаго («Совр. З №, стр. 164, Замѣтки Нового Поэта) мы по ошибкѣ сказали, что актеръ нѣмецкой труппы *Голандъ* произносилъ рѣчь юбиляру. Это былъ не *Голандъ*, а извѣстный актеръ нѣмецкой труппы — г. Александръ *Толлертъ*.

Вотъ пріятная новость:

Левъ Михайловичъ Жемчужниковъ, извѣстный нашъ художникъ, предпринимаетъ изданіе рисунковъ «изъ южно-русской природы и жизни».

Вотъ что онъ говоритъ, объявляя о своемъ изданіи:

«Во время своихъ путешествій по разнымъ частямъ Россіи, я собиралъ народныя сказки, преданія, повѣрья и пѣсни, а также старался схватить особенности лицъ и одежды, различныя мѣстности и проявленія архитектурнаго вкуса, доказывающія возможность существованія нашего самобытнаго народнаго зодчества. Изъ собраннаго мною запаса рисунковъ и замѣтокъ я издаю тѣ, которыя относятся до Украйны, надѣясь этимъ принести пользу, сколько-нибудь ускоривъ изученіе нашей народности.

«Если это собраніе рисунковъ заслужитъ вниманіе хотя немно-

гихъ просвѣщенныхъ любителей южно-русской народности, — стоило мой трудъ пробудить искреннее сочувствіе хотя бы въ одномъ сердцѣ и положитъ начало *каждому, болѣе обширному собранію*, — то цѣль моя достигнута.

«Для доставленія предлагаемому изданію большей достовѣрности и для облегченія любителямъ наводить справки, — при каждомъ рисункѣ будетъ указаніе — съ чего и когда онъ сдѣланъ. О художественномъ достоинствѣ рисунковъ — буду стараться по мѣрѣ силъ.

«Какъ было бы любопытно увидѣть теперь подобное собраніе рисунковъ не только изъ жизни отдаленныхъ временъ козачества, но и гораздо позднѣйшихъ! Какая это была бы подмога теперь для историческихъ картинъ, для этнографіи, археологій и самой исторіи! Иногда бездѣлица объясняетъ цѣлый рядъ вѣрованій и историческаго развитія.

«Трудъ мой не есть специальное изданіе древностей, археологій, или народной архитектуры: сюда войдетъ все это, какъ часть цѣлаго, въ связи съ современною жизнію, — какъ впечатлѣнія путешественника. Собирая рисунки, я не всегда имѣлъ возможность оканчивать ихъ на мѣстѣ, а потому они и будутъ передаваемы въ томъ видѣ, въ какомъ были сдѣланы, безъ малѣйшаго дополненія или измѣненія. Я дорожилъ чертою, которую добылъ съ природы, и не дозволялъ себѣ дальнѣйшаго окончанія въ кабинетѣ, боясь впасть въ ошибки отъ самовластныхъ догадокъ.

«Я буду благодаренъ каждому за всякое дѣльное замѣчаніе, а тѣмъ болѣе — за доставленіе мнѣ рисунковъ современныхъ ли, съ природы, или старинныхъ; но прошу *точно* указывать — гдѣ рисунки собраны, отъ кого получены, въ какое время, съ чего сняты и даже при какихъ обстоятельствахъ. Поясненія къ рисункамъ, иногда довольно пространныя, будутъ, по мѣрѣ надобности, помѣщаемы въ южно-русскомъ литературно-ученомъ вѣстникѣ «Основа».

«Я готовъ помѣщать въ своемъ изданіи также и произведенія художниковъ, изображающія мѣстность и жизнь южно-русскую, но только тогда, когда буду имѣть возможность — сдѣлать съ оригинала снимокъ самый точный, вполнѣ передающій мысль и чувство художника.

«Рисунки будутъ выходить по два рисунка каждый мѣсяцъ. Хотя выпускъ рисунковъ начнется съ апрѣля, но въ теченіе года выйдутъ всѣ 24 рисунка.

«Имѣя прямое сношеніе съ Парижемъ и получая матеріалъ оттуда изъ первыхъ рукъ, рисуя, гравирова и печатая самъ, — я избавляюсь отъ большихъ издержекъ, и потому могу избавить и публику отъ лишняго расхода, назначая цѣну: 4 р. сер. съ пересылкою за го-

довое изданіе, состоящее изъ 24-хъ рисунковъ, для тѣхъ лицъ, которыя подписались на «Основу», а для прочихъ—5 р. сер. безъ пересылки и 6 р. сер. съ пересылкой; отдѣльно, за каждый рисунокъ—30 коп. сер., а за всѣ 24 рисунка вмѣстѣ, когда они будутъ изданы, назначите цѣна 6 р. сер. безъ пересылки.

«Всѣ рисунки будутъ гравированы на мѣди, отпечатаны на китайской бумагѣ и наклеены на толстую, бѣлую, лучшую французскую бумагу, въ размѣрѣ «Основы». Иногородные будутъ получать рисунки ежемѣсячно».

Г. Жемчужниковъ назвалъ свое изданіе: *Живописной Украиной*, въ память Шевченка, который нѣкогда издалъ альбомъ рисунковъ подъ этимъ именемъ.

Г. Жемчужниковымъ изданы четыре рисунка, составляющіе первый выпускъ:

1) Заглавный листокъ, изображающій форму дверей (изъ двери въ сѣни).

2) *Козачій судъ въ Черномерьи*; рисовалъ съ природы, въ 1850 г., А. Е. Бейдеманъ; онъ же и гравировалъ.

3) *Дичина въ дрибушкахъ*, съ рисунка И. И. Соколова, гравировалъ Л. Жемчужниковъ.

4) *Бабуся съ намиткѣ*, съ рисунка И. И. Соколова.

Нельзя не обратить особеннаго вниманія нашихъ читателей на это замѣчательное изданіе, которому мы желаемъ полного успѣха.

ИЗЪ БЕРЛИНА.

ДОРОГА ОТЪ ПЕТЕРБУРГА. — КЕНИГСБЕРГЪ. — ПЕРВЫЕ ВЕСЕННИЕ ДНИ. — ПОЛИЦЕЙСКІЙ СКАНДАЛЪ. — ПАРЛАМЕНТСКІЯ ЗАСѢДАНІЯ. — СКУДОСТЬ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ НОВОСТЕЙ. — ПЕРЕПИСКА РАХЕЛІИ СЪ ДАВИДОМЪ ФЕЙТОНЪ. — ДВА СЛОВА О НѢМЦЕННЫХЪ ЖЕНЩИНАХЪ. — ПЕРЕПИСКА ГЕЙНЕ И ПОЛЕМИКА ШТЕЙНМАНА. — УМЕРШИЙ СВИДѢТЕЛЬ. — ЗНАКОМСТВО СЪ АУРБАХОМЪ.

... Въмѣсто тепла и зелени, которыхъ мы ждали за Динабургомъ, насъ обсыпало снѣгомъ, и на встрѣчу быстро несшейся почтовой каретѣ попадались еще совсѣмъ голые пирамидальныя тополи, очень похожіе въ этомъ видѣ на громадныя пучки розогъ. Нельзя сказать, чтобы переѣздъ отъ Динабурга, гдѣ перерывается желѣзная дорога, до Ковно, гдѣ она опять начинается, былъ пріятенъ и удобенъ. Почтовая карета кажется особенно тряскою, если пересѣсть въ нее изъ спокойнаго вагона; а намъ пришлось провести въ ней всю ночь, и разумѣется не спать, а только чутко дремать. Переправа черезъ Двину не обѣщала, что мы поспѣемъ вовремя и къ ковенскому поѣзду. Несмотря на шумъ, гамъ и суетливый крикъ перевозчиковъ-жидовъ, или лучше сказать именно отъ этого шума и гама мы чуть не шесть часовъ провели на паромѣ, подъ холоднымъ и пронзительнымъ вѣтромъ. Берегъ былъ уже въ двухъ шагахъ, какъ насъ отшибло назадъ; перевозчики не сумѣли справиться, — и намъ пришлось два раза переправляться съ немовѣрными усиліями цѣлой толпы крикливаго народа. Хорошія лошади выручили насъ потомъ, — и мы пріѣхали въ Ковно какъ-разъ во время, за полчаса до отправления поѣзда. Въ Эйдкунепѣ насъ очень любезно и безъ всякихъ придирокъ осмотрѣли прусскіе таможенныя чиновники, и часа въ три по полудни или около того на третій день послѣ выѣзда изъ Петербурга мы были въ Кѣнигсбергѣ, гдѣ мож-

но было наконецъ отдохнуть отъ утомительной и почти бессонной дороги. Здѣсь было уже довольно тепло, довольно зелено, и по случаю праздника вознесенья (9-е мая, по нашему 27-е апрѣля) студенты, филистеры и прусскіе войны шли по улицамъ, съ дамами и безъ дамъ, за городъ, на гулянье. За сѣрыми городскими стѣнами есть гдѣ погулять кѣнигсбергцамъ, и насладиться весеннимъ воздухомъ и пивомъ. Зеленыя аллеи этихъ довольно скромныхъ кѣнигсбергскихъ парковъ, съ не менѣе скромными кофейнями, пивными и ресторациями на каждомъ шагу и по обѣимъ сторонамъ, были единственнымъ предметомъ, который занялъ меня тутъ на полчаса и послѣ дорожной усталости. Осматривать другія достопримѣчательности города мнѣ казалось совершенно излишнею заботою; да и что за достопримѣчательности въ Кѣнигсбергѣ? Если же онѣ есть, то о нихъ вѣрно рассказано у Карамзина, въ «Письмахъ русскаго путешественника» или у г. Греча въ его «Дорожныхъ Письмахъ»; гдѣ-то рассказано, но гдѣ именно, не помню; тамъ и можно прочесть, если понадобится. И такъ, не смотря на то, что Кѣнигсбергъ видѣлъ я въ первый разъ, я не хотѣлъ отыскивать въ его узкихъ, стариннаго вида улицахъ, идущихъ то въ гору, то подъ гору, ни вѣчной принадлежности каждаго нѣмецкаго города и городка — Stadtmuseum'a, ни specialнаго преимущества города Кѣнигсберга — дома, гдѣ родился знаменитый философъ Кантъ. Нѣтъ сомнѣнія, что не будь на желѣзной дорогѣ отъ Петербурга до границы перерыва на двѣсти верстъ, я и не остановился бы на роднѣ «Критики чистаго разума», а проѣхалъ бы прямо въ Берлинъ, откуда и иду къ вамъ теперь.

Здѣсь уже совсѣмъ весна, даже больше — жаркое лѣто. Въ первый день прѣзда сюда, то-есть 10 мая, глядя на толпы, нестро и шумно идущія «подъ липами» за Бранденбургскія ворота, въ такъ называемый «звѣринецъ» (Thiergarten), любоваться молодою зеленою, я готовъ еще былъ повторять начальныиъ монологъ Фауста въ первый весенній день, за городскими воротами. Сегодня, когда дѣла успѣла уже порядкомъ налѣсть на липы, мнѣ хочется сказать съ Гейне: «Verlass Berlin mit seinem dicken Sande!» и уѣхать — разумѣется, не въ Индію, куда онъ приглашаетъ и гдѣ конечно еще больше песку, а куда-нибудь въ менѣе людное и менѣе пыльное мѣсто, что я вѣроятно и сдѣлаю завтра. Впрочемъ, я началъ свое письмо не съ тѣмъ, чтобы рассказывать вамъ свой маршрутъ и впечатлѣнія, какія производитъ на меня погода. Надо сообщить вамъ что-нибудь болѣе интересное о Берлинѣ. Вы хотите знать, что здѣсь новаго въ политикѣ, въ литературѣ. Очень немного, но все-таки кое-что есть.

Всѣ говорятъ теперь объ исторіи съ «полкейскимъ полковникомъ», Пацке, прусскимъ родственникомъ разныхъ фейеровъ и живо-

глетовъ Щадрина. Титулъ «полицейскаго полковника» (Polizei-obrist) очень страненъ: говоритъ, что Пацке первый носилъ его, и вѣроятно послѣ настоящей исторіи его совѣтъ отиѣнять. Это вѣчто въ родѣ помощника оберъ-полицеймейстера, или директора полиціи. Но въ чемъ же исторія? Подобно многимъ героямъ «Губернскихъ очерковъ», прусскій полковникъ началъ свою карьеру очень скромнымъ образомъ: у него не было ни гроша за душой, когда онъ опредѣлился въ полицію; за женой не взялъ онъ тоже ни полушки, — и вдругъ оказывается, что онъ приобрѣлъ «на имя жены» (это видно и здѣсь можно) очень вредное имѣніе гдѣ-то im Meklenburgischen, и что въ бумажникѣ у него есть тысячь десять, двѣнадцать на мелкіе расходы. Сумма довольно пріятная, если сообразить скромный окладъ жалованья, которое онъ получалъ. Какъ сумѣлъ онъ накопить ее и сдѣлаться мекленбургскимъ помѣщикомъ, вѣроятно навсегда осталось бы скрытно подъ непроницаемымъ покровомъ официальной тайны, еслибъ одному неудачному литератору не вздумалось поискать хоть гдѣ-нибудь въ темныхъ углахъ берлинской полиціи такого «сюжетца», который затронулъ бы публику за живое и заставилъ раскупить хоть одно изъ нечитаемыхъ ею произведеній. Расчетъ былъ вѣренъ, и двѣ брошюры, которыя издалъ Эйхгофъ, произвели желанный эффектъ. Хотя ихъ и конфисковали, но авторъ все-таки вѣрво взялъ свое (*). «Службы берлинской полиціи» (такъ названы брошюры) поджали гвалтъ не только въ публикѣ, но и повнше. Впрочемъ, надо сказать, что онъ явился не разомъ. Первая брошюра показалаея клеветой тѣмъ, для кого важно, чтобы не обо всемъ и правда говоримась. По этому случаю было произнесено самимъ министромъ внутреннѣхъ дѣлъ графомъ Шверингомъ нѣсколько усномыслительныхъ для полиціи словъ, что дескать нечего обращать вниманіе на злонамѣренныя толки и что нѣтъ сомнѣній, что въ полиціи «служатъ все люди достойные, и себя безподобно ведутъ». Оставалось только сказать: «я, могу, ручюсь за честность всѣхъ чиновниковъ моего вѣдомства», — и я не могу поручиться, что этого золотого шарфченія не было произнесено въ данномъ случаѣ. Но въ первой брошюрѣ были только цѣточки, во второй являлись уже ягодки, и оставить дѣло безъ изслѣдованія оказывалось невозможнымъ. Обширнѣе касалось очень некотанвыхъ обстоятельствъ: растраты суммъ, опредѣленныхъ на содержаніе жандармовъ, фальшивыхъ счетовъ и отчетовъ, и проч. Два мелкихъ полицейскихъ офицера,

(*) Я узналъ, когда письмо мое было уже дописано, что Эйхгофъ ничего не получалъ отъ своихъ брошюръ, и будучи принужденъ удалиться отъ непріятностей въ Лондонъ, находится въ очень стѣсненномъ положеніи. Редакція «Völkisch-Zeitung» собирается открыть подписку въ его пользу.

которыхъ ближе всего было допросить первыхъ, показали на допросѣ, что они только исполнители высшей воли, что если кто виноватъ въ злоупотребленіяхъ, такъ это самъ «полицейскій полковникъ». Графъ Шверинъ, не смотря на выгодное мнѣніе о своихъ подчиненныхъ, опять таки не могъ оставить и Пацке неприкосновеннымъ къ дѣлу. По городу быстро распространился и былъ подхваченъ на лету всѣми газетами слухъ, что Пацке, не говоря о другихъ подвигахъ помельче, получалъ ежегодно съ 1849 года деньги на содержаніе, обмундировку, ремонтъ и проч. цѣлой сотки жандармовъ, которыхъ вовсе не существовало въ натурѣ и которые числились только въ шнуровыхъ полицейскихъ книгкахъ. Графъ Шверинъ отдалъ приказаніе президенту или директору полиціи Цедлицу арестовать Пацке. Но вотъ тутъ-то, какъ говоритъ почтмейстеръ въ «Мертвыхъ душахъ», тутъ-то и начинается «нить завязки романа». До какихъ градусовъ бюрократической высоты поднимается эта нить, неизвѣстно; но трудно думать, чтобы главнымъ виновникомъ всего дѣла былъ Пацке. И вотъ почему трудно это думать. Баронъ Цедлицъ, вмѣсто того, чтобы, по приказанію министра, арестовать обвиненнаго немедленно, согласился на просьбу Пацке — отсрочить арестъ на день. Этого срока было совершенно довольно, чтобы дать «полицейскому полковнику» возможность улизнуть. Одинъ изъ пріятелей его въ полиціи, и вѣроятно чловѣкъ не совсѣмъ чуждый его подвигамъ, тотчасъ добылъ ему фальшивый паспортъ въ Данію, — и Пацке, подъ видомъ датскаго купца, черезъ два дня оказался уже за моремъ, въ шведскомъ городѣ Истадѣ. Въ одномъ онъ промахнулся. Паспортъ былъ написанъ только для одной Даніи, а онъ поѣхалъ черезъ Швецію. Телеграфы успѣли уже разнести повсюду вѣсть о побѣгѣ, и Пацке тотчасъ же изловили въ Истадѣ и отправили въ его родную Пруссію. Не всякому триумфатору удается собрать вокругъ себя такую густую толпу, какая вышла встрѣчать «полицейскаго полковника» на пристань въ Любекѣ, какая собралась потомъ въ Гамбургѣ и наконецъ въ Берлинѣ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Для бывшаго стража порядка и благочинія шумныхъ толпы, ожидавшія его прибытія, приготовили впрочемъ не вѣнки и не букеты. Всѣ запаслись очень здоровыми дубинками и палками, — и Пацке пришлось бы довольно солоно, если бъ полиціа не взяла его подъ свое крыло, такъ долго его согрѣвавшее. Тайкомъ, задними дворами, въ глухой каретѣ, провозили его, чтобы спасти отъ заслуженныхъ обидъ. Въ Берлинѣ даже не рѣшились высадить его на станціи желѣзной дороги, а высадили не доѣзжая и привезли на лошадяхъ. Вышедшій третьяго дня номеръ сатирической газеты «Kladderadatsch» посвященъ весь

подвигамъ Пацке. Особенно удачна пародія извѣстнаго «Ночнаго смотря» Цедлица, переведеннаго Жуковскимъ. Самое имя Цедлица въ заглавіи пришлось очень кстати. «Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ» встанутъ сто жандармовъ изъ своей могилы — пшуровой кенги, и въ мундирахъ, сотканныхъ изъ голубаго эфира, мчатся на руммельбургское поле — совершать свои эзерциціи. «Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ» встаетъ съ постели и полковникъ, надѣваетъ шлемъ, шпагу и эполеты, и на одной изъ тѣхъ фантастическихъ лошадей, на которыхъ издавна такъ аккуратно получается и выписывается въ расходъ фуражъ, отправляется тоже на мѣсто эзерциціи своего фантастическаго войска. Тамъ заставляеть онъ своихъ сто жандармовъ производить разныя эволюціи и въ одиночку и en masse. «Они должны осматривать паспорта и виды на жительство. Онъ упражняетъ ихъ въ арестахъ и во всемъ прочемъ, что потребно настоящимъ хранителямъ порядка, натравливаетъ на жидовъ и литераторовъ. Живьемъ хватаютъ они демократовъ; разгоняютъ беззаботныя клубы и собранія», и проч. Но только пробьетъ часъ на ближайшей башнѣ, гордо сидѣвшій на конѣ полковникъ оказывается сидящимъ подъ замкомъ, а ста жандармовъ и ихъ коней вовсе не оказывается.

«Das ist die nächtliche Runde
Im Rummelsburger Feld,
Die um die zwölfte Stunde
Der selige Patzke hält.»

По поводу этой исторіи можно бы пуститься, слѣдуя примѣру нѣмецкихъ газетъ, въ очень серьезныя и обстоятельныя разсужденія: почему и какъ могли встрѣтиться подобныя злоупотребленія въ берлинской полиціи подъ управленіемъ графа Шверина, который, какъ извѣстно, принадлежитъ къ дѣтелямъ такъ-называемой «новой системы»; можно бы очень краснорѣчиво заняться доказательствомъ, что «новая» система никогда не достигнетъ своей цѣли, и даже вовсе не будетъ новою, если останется въ рукахъ «старыхъ» людей, и проч. и проч. Но эти душеспасительныя разсужденія, также какъ и догадки, останется ли графъ Шверинъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а баронъ Цедлицъ — директоромъ полиціи, будутъ вѣроятно повторены очень подробно нашими газетами, и тамъ можно будетъ любителямъ политическихъ тонкостей найти объясненіе, какъ могутъ уживаться съ новою системою древнія дѣлія, и доводы, почему теперешняя система прусскаго управленія — новая система, и взгляды о томъ, какъ горестны злодѣянія à la Пацке «въ наше время, когда» и т. д. (Знаменитая фраза эта очень часто стоитъ теперь во главѣ журнальныхъ и газетныхъ статей въ Прус-

сим). Мнѣ кажется, изъ всего дѣла Пацке можно и слѣдуетъ вывести только одну мораль. Болѣе десяти лѣтъ не доставало въ берлинской полиціи ста блюстителей общественнаго порядка и спокойствія, ста хранителей священныхъ интересовъ семейства и собственности, которые считались необходимыми, — и этого недостатка никто не замѣчалъ, и спокойствіе не было нарушено, и семейство и собственность оставались безопасными, и Пруссія не провалилась сквозь землю. Стало быть, въ этихъ ста войнахъ вовсе не было никакой надобности. Пацке, вѣроятно, тонкій философъ, давно смекнулъ то, что только теперь должно неволью представиться неоспоримой истиной для всѣхъ, и то по его же милости. Удивительно, какъ это ни одна либеральная газета не заступится за принципы злополучнаго «полковника»; я думаю, это происходитъ только въ отместку за его прежнюю нелюбовь ко всякаго рода печатнымъ листамъ, будь это непозволительное воззваніе какого нибудь демагога или официальный отчетъ о блестящихъ дѣйствіяхъ берлинской полиціи.

Говорятъ, что слѣдственная коммиссія, занимающаяся разборомъ дѣла Пацке, не хочетъ измѣнить нелюбви ея подсудимаго къ печатному слову, и официальные отчеты о дѣяніяхъ «полицейскаго полковника» будутъ печататься въ самомъ краткомъ видѣ (*). Компрометировать себя, конечно, никому не пріятно; но вѣдь у барона Цедлица, на примѣръ, совѣсть должна быть совершенно чиста, и потому лучше бы ужъ сказать про Пацке *et consortes* всю подноготную. Чистота совѣсти сімла во всѣхъ чертахъ лица и во всѣхъ пуговицахъ и шауркахъ мундира директора полиціи, когда онъ присутствовалъ, на третій день послѣ поимки бѣглеца (не обманувшаго своихъ преслѣдователей и синими очками на носу), на торжественномъ открытіи намятника мѣстной прусской знаменитости, Кейту. Журналы не безъ вроніи рассказываютъ о не совсѣмъ обыкновенномъ *laissez-alleg*, съ какими баронъ Цедлицъ обращался въ разговорѣ, на помянутомъ торжествѣ, ко всѣмъ, и къ министрамъ, и къ разнымъ генераламъ, и къ членамъ палаты, и къ представителямъ города. Ужъ если не померкла ясность чела и блескъ мундира у директора полиціи, то министру, конечно, можно и бровью не моргнуть. И точно, графъ Шверинъ былъ третьяго-дня невозмутимо спокоенъ и разсуждалъ очень дѣльно за министерскимъ столомъ въ палатѣ депутатовъ, куда я счелъ священною обязанностію заглянуть во время недолгаго моего пребыванія въ Берлинѣ.

Вы конечно не потребуєте отъ меня отчета во всѣхъ умныхъ рѣ-

(*) Это уже подтвердилось.

чахъ о пошлннѣ на свекловичный сахаръ, о правахъ и преимуществахъ евангелической церкви и о тому подобныахъ мѣстныхъ интересахъ, которыми занимались на этотъ разъ господа прусскіе депутаты. Особеннаго ораторскаго искусства никто не проявлялъ, хотя члены и правой и лѣвой стороны и центра говорили связно и довольно бойко; описывать вамъ наружность господъ Финке, Шульце, Рейхенспергеровъ тоже не для чего, — и потому я ограничусь только однимъ замѣчаніемъ, чисто внѣшнимъ. Пренія не только о сахарѣ и евангелической церкви, но даже и о народномъ просвѣщеніи заключались преимущественно въ повтореніи избитыхъ общихъ мѣстъ и никакъ не могли поглотить всего вниманія не только иностранца, но и туземца. Поэтому я имѣлъ достаточно досуга сосчитать съ трибуны головы не лысыя и не сѣдыя, которыхъ едва ли было больше дюжины между слишкомъ сотней депутатовъ. Правда, такого унылаго старчества, какое мнѣ случилось видѣть разъ въ засѣданіи французской академіи, тутъ не было; но все-таки перевѣсъ старости не только надъ молодостью, но и надъ мужествомъ, былъ ужъ черзчуръ великъ. Я готовъ уважать и старость, но молодость люблю больше, и мнѣ всегда кажется, что всякое дѣло пошло бы лучше, если бы въ немъ вмѣстѣ съ опытностью и осторожностью старца участвовали увлеченіе и отвага юности. Эта мысль особенно живо возбуждалась во мнѣ на помянутомъ засѣданіи, когда за министерскимъ столомъ поднимался министръ просвѣщенія Бетманъ-Гольвегъ, и жалостливымъ, бессильнымъ старческимъ голосомъ произносилъ довольно гладкія, но тупыя и скудныя смысломъ фразы. Подчасъ меня рѣшительно брала злость, и можетъ быть оттого я не досидѣлъ до конца преній о преобразованіяхъ по учебной части. На всякое дѣльное замѣчаніе дребезжащій голосъ «культусъ-министра» отвѣчалъ все въ одномъ родѣ, что «по мѣрѣ силъ и возможности дѣлается все требуемое духомъ времени», и такимъ образомъ выходило, что и разсуждать ни о чемъ не нужно: онъ, Бетманъ, все предвидитъ, все знаетъ, все, что нужно, дѣлаетъ, и если пришесть въ парламентъ, такъ только по снисхожденію къ людямъ, которымъ хочется, во что бы то ни стало, толочь воду.

Журналы жалуются на холодность депутатовъ къ своимъ «парламентскимъ обязанностямъ» и на то, что засѣданія бываютъ очень немногочисленны. Не только публики мало, но и члены собираются далеко не въ полномъ числѣ. Если ужъ и они такъ равнодушны къ преніямъ о благѣ и прогрессѣ своего отечества, то мнѣ—надѣюсь—и подавно нечего особенно ими интересоваться. Того, что я сказалъ о единственномъ засѣданіи, на которомъ былъ въ домѣ подъ № 55 въ Лейпцигской улицѣ, вѣроятно будетъ для васъ довольно, и мнѣ можно на этотъ разъ покончить съ берлинскою политикою.

Въ литературѣ, вѣрою отъ весенняго времени, новостей почти нѣтъ. Здѣсь произошла только нѣкоторый эффектъ недавно появившагося переписка знаменитой Рахели Фаригагенъ съ Давидомъ Фейтомъ; но я не прочиталъ еще ея, и потому не могу пока сказать ничего. Рахель была безспорно очень умная женщина; но интересы, которыя вызвали такое нестойчивое обиліе писемъ съ ея стороны (кромѣ двухъ изданныхъ теперь частей, еще покойный Фаригагенъ напечаталъ ихъ три толстыхъ тома), въ большей части случаевъ слишкомъ далеки отъ настоящихъ интересовъ жизни. Вѣчныя неутомимыя рефлексіи надо всѣмъ, начиная съ Гёте и кончая вѣточкой сирени, дѣлаютъ чтеніе писемъ Рахели самымъ тяжелымъ трудомъ, и въ нихъ отдыхаешь только на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она рѣшается не быть особенно глубокомысленной и рассказываетъ о какихъ нибудь личныхъ встрѣчахъ или происшествіяхъ. Сентиментализму была въ ней тоже нрядная доля, и вообще черезъ-чуръ мало простоты въ отношеніяхъ къ жизни.

Этотъ порокъ, столь обыкновенный въ такъ называемыхъ «образованныхъ» нѣмецкихъ женщинахъ, есть слѣдствіе неблаго воспитанія, которое можетъ быть нигдѣ не отрѣшено такъ отъ мужаго, какъ въ Германіи. Нѣмецкіе философы, и едва ли не Кантъ первый, рѣшили, что мужчина есть представитель мысли, а женщина—представительница чувства, — и вотъ, кромѣ чувства, не стали въ ней ничего развивать воспитаніемъ. Что же вышло изъ этого? Такъ какъ самому чувству отведена была въ жизни женщины только извѣстная, ограниченная сфера, то нѣмецкія женщины впали въ сладкій и приторный сентиментализмъ, умѣющій восхищаться по рутинѣ весенними ландышами и фіалками, да стихами какого нибудь Гейбеля, но не умѣющій сочувствовать ничему за предѣлами мелкихъ интересовъ гостиной или палисадника передъ домомъ. Эта страстная и могучая сила, которую Гёте въ концѣ своего «Фауста» называлъ «Das Ewig-Weibliche», такъ обмельчала, что мнѣ случилось слышать отъ очень умныхъ людей въ Германіи, что это «Ewig-Weibliche» не «возвышаетъ» человѣка, какъ говоритъ Гёте, а «унижаетъ» его нравственное достоинство, не «ziecht uns hinan», а «zieht uns hinab». Дѣйствительно, трусость мужчинъ въ болѣе образованныхъ классахъ—опирается въ значительной мѣрѣ на безучастіемъ къ жизни, сентиментально расслабляющемъ воспитаніи женщинъ. Женщины среднихъ классовъ въ Германіи перестали быть и хозяйками въ томъ смыслѣ, какъ изобразилъ хозяйку Шмиллеръ въ своей «Пѣсни о колоколѣ». Довольно быстрое развитіе общественной жизни удалило женщинъ отъ домашняго очага. Притомъ съ каждымъ годомъ жить становится труднѣе; дороговизна растетъ — и, вмѣсто соб-

ственного хозяйства, становится несравненно выгоднѣе пользоваться хозяйствомъ кофейной и ресторана. При полномъ пренебреженіи серьезнымъ воспитаніемъ, женщинѣ-матери не остается возможности заниматься и уроками своихъ дѣтей. Дѣти идутъ въ школу, едва начинаютъ твердо держаться на ногахъ и произносить р несовсѣмъ похоже на л. Семья разваливается и теряетъ свое значеніе, но выигрываетъ ли отъ этого хоть что-нибудь общество? Успѣховъ, которые отвѣчали бы утвердительно на этотъ вопросъ, не видно. О женщинахъ продолжаютъ еще говорить словами Шиллера, что «онѣ влетаютъ небесныя розы въ земную жизнь»...

...Sie flechten und weben
Himmlische Rosen in's irdische Leben...

Но это уже мертвая фраза, которой вдобавокъ никто не вѣритъ, кромѣ отроковъ, у которыхъ впервые начинаетъ биться сердце отъ женскихъ взглядовъ. Рожать дѣтей и не всегда еще выкармливать ихъ самой — вотъ и вся задача женской жизни. Къ чему же повторять безъ вѣры въ нихъ громкіе возгласы о важномъ и святомъ значеніи семейства для общества, о благодѣтельномъ влияніи женщины, и проч.? А дѣло, кажется, такъ просто. Вся бѣда оттого, что перемѣшались слова.

«Das Ewig-Weibliche
Zieht uns hinan.»

Вовсе не «Ewig-Weibliche» такъ же, какъ и не «Ewig-Männliche», а просто — «Ewig-Menschliche». Пора бы, въ нашъ вѣкъ уничтоженія всякихъ привилегій, понять это.

Но я началъ говорить не о нѣмецкихъ женщинахъ, а о литературныхъ новостяхъ. Меня особенно заинтересовало только что напечатанное въ Амстердамѣ собраніе «Писемъ Генриха Гейне». Ихъ издавъ университетскій товарищъ покойнаго поэта Фридрихъ Штейнманъ, тотъ самый, который не задолго передъ этимъ напечаталъ, точно такъ же въ Амстердамѣ, три тома посмертныхъ стихотвореній Гейне, возбуждившихъ заѣсъ сильную полемику. Эти три томика, изъ которыхъ одинъ заключаетъ въ себѣ поэму «Берлинъ», не дописанную будто бы Гейне и досочиненную Штейнманомъ, всѣми журналами были признаны почти единогласно за поддѣлку. Стихи въ самомъ дѣлѣ плоховаты, и если онѣ и дѣйствительно написаны самимъ Гейне, то ничего не прибавляютъ къ его славѣ. Иданныя теперь двѣ части переписки Гейне, подлинности которыхъ нитѣ не заподозрѣваетъ, объясняютъ отчасти, какъ могли попасть въ руки Штейнмана неподѣланные стихотворенія знаменитаго поэта въ черновыхъ листахъ и тетрадахъ. Но Штейнманъ прежде всего ви-

новать самъ, что на него опрокинулась вся нѣмецкая журналистика и никакъ не хотѣла признать произведеніями Гейне то, что онъ издавалъ съ его именемъ. Не говоря о томъ, что Штейнманъ пользуется не совсѣмъ-то хорошою репутаціею въ литературномъ кругу, онъ, кромѣ того, пренебрегъ при изданіи стихотвореній Гейне вслѣдствіемъ объясненіями, откуда, какъ и когда достались они ему. Притомъ сатирическая поэма «Берлинъ», по его собственному признанію, принадлежала наполовину ему, и онъ не указалъ даже тѣхъ мѣстъ, которыя написаны Гейне. Все это вмѣстѣ не внушало никому довѣрія. Главнымъ протестантомъ въ журналистикѣ, утверждавшимъ, что изданіе Штейнмана не что иное, какъ спекуляція, — явился, правда, тоже человѣкъ ненадежный, именно братъ покойнаго поэта — Густавъ Гейне, дрянной литераторъ, издающій въ Вѣнѣ какую-то дрянную газету. У него нѣтъ ничего общаго ни по таланту, ни по духу съ авторомъ «Путевыхъ Картинъ», и Генрихъ Гейне при жизни не хотѣлъ съ нимъ знаться, и всѣ посмертныя заботы по изданію своихъ сочиненій и разбору бумагъ поручилъ не ему, а человѣку постороннему, направленіе и правила котораго цѣнилъ гораздо выше. Заступничество за собственность обиды Генриха Гейне и протестъ противъ Штейнмана былъ бы неособенно опасенъ со стороны такого господина, какъ вѣнскій Гейне, еслибъ, какъ я сказалъ, Штейнманъ самъ внушалъ болѣе довѣрія, или, по крайней мѣрѣ, потрудился подкрѣпить болѣе прочными доводами подлинность изданныхъ имъ томовъ. Въ брошюрѣ, которую онъ напечаталъ въ отвѣтъ на журнальныя нападки и обвиненія, много задору, но убѣдительности не больше, чѣмъ и въ коротенькихъ предисловіяхъ къ самому изданію стихотвореній Гейне. О воинственномъ тонѣ этого отвѣта свидѣтельствуется уже самое заглавіе. Брошюра называется: «Война мышей и лягушекъ противъ стихотвореній Генриха Гейне». Воинственный тонъ еще ничего бы: защищаться не мѣшало похрабрѣе, потому что и нападали очень бойко; но вотъ что ужъ совсѣмъ плохо, — нѣкоторые страницки протеста Штейнмана отзываются доносомъ. Съ такимъ качествомъ трудно возстановить свою репутацію и стать авторитетомъ въ какомъ бы то ни было дѣлѣ. Очень вѣроятно, что въ этомъ причина равнодушія, съ какими встрѣтили и журналы, и публика «Переписку Гейне». Чтобы убѣдить сомнѣвающихся въ подлинности напечатанныхъ имъ стихотвореній Гейне, Штейнманъ объявилъ въ своей брошюрѣ, что онъ послалъ подлинныя рукописи въ Берлинъ къ дѣвицѣ Людвигѣ Ассингъ, издательницѣ переписки Гумбольдта съ Фаригагеномъ, и къ другу Гейне — Мозеру, и что эти почтенныя особы, очень хорошо знакомыя съ рукою Гейне, конечно подтвердятъ передъ публикой и

перодъ почитателями поэта правоту его, Штейнмана. Миѣ рассказывали по этому поводу въ Берлинѣ такой анекдотъ. Амстердамскій издатель Гейне, Бингеръ, слыша со всѣхъ сторонъ, что издаваемыя имъ произведенія — поддѣлка, рѣшился самъ отправиться въ Берлинъ, и узвать истину по рецепту, прописанному самимъ Штейнманомъ. Людмилу Ассиногъ найти въ Берлинѣ было не трудно; но она не могла ничего сказать въ успокоеніе амстердамскому книгопродавцу. Дѣйствительно, геръ Фридрихъ Штейнманъ писалъ къ ней и извѣщалъ ее въ письмѣ, что пришлетъ на просмотръ рукописи Гейне, но самыхъ рукописей она такъ-таки и не получала. Оставалось справиться у Мозера. Но гдѣ живетъ этотъ Мозеръ и даже какъ зовутъ его, никто не могъ сообщить Бингеру. Голландецъ обратился съ этими вопросами къ Штейнману. Штейнманъ иронически отвѣчаетъ, что ему такіе вопросы въ высшей степени странны. Можетъ ли это быть, чтобы въ Берлинѣ, столицѣ столь литературной, не знали Мозера, друга Гейне. и не знали, гдѣ онъ живетъ? Бингеръ принялся опять справляться, но все повапрасну. Наконецъ, въ числѣ разныхъ Мозеровъ, сапожниковъ, кровельщиковъ, портныхъ, трубочистовъ и проч., помѣщенныхъ въ адресной книгѣ, онъ отыскалъ какого-то А. Мозера, «обучающаго грамотѣ». Развѣ ужъ не это ли другъ Гейне? Бингеръ пустился въ поиски, и нашелъ означеннаго Мозера гдѣ-то на чердакѣ въ одной изъ отдаленнѣйшихъ улицъ Берлина. Это былъ какой-то «аятникъ въ пылк ходячій», занятый новымъ переводомъ «Моиссева Пятикнижія», и имѣлъ весьма слабое понятіе о Гейне, да и то не о Генрихѣ, а о какомъ-то другомъ, до котораго амстердамскому книгопродавцу не было рѣшительно никакого дѣла. Мозеръ, давно удалившійся отъ свѣта, обрадовавшись неожиданному гостю, принялся его душить чтеніемъ своего перевода, и Бингеръ едва отъ него спасся. Но надежда его отыскать друга Гейне можетъ быть и не вполне бы угасла, если бѣ одинъ собиратель автографовъ, исчисляя свои сокровища, не упомянулъ случайно имени Мозера.

— У васъ есть письма Мозера! Какого Мозера? воскликнулъ Бингеръ, въ сладкомъ ожиданіи, что дѣло, за которымъ онъ пріѣхалъ въ Берлинъ, наконецъ таки разъясняется. — Какого Мозера?

— Друга Гейне, отвѣчалъ собиратель автографовъ.

— Гдѣ онъ? скажите, не знаете ли вы его адреса?

— Какъ гдѣ? какого адреса? Да вѣдь онъ умеръ.

— Умеръ! неужто? Какая жалость! когда же?

— Да теперь ужъ есть лѣтъ двадцать пять.

Не знаю, былъ ли дѣйствительно Бингеръ въ Берлинѣ за справками; но въ брошюрѣ Штейнмана имя Мозера, какъ достовернаго
Т. LXXXVII. Отд. II.

свидѣтеля, напечатано en toutes lettres. И притомъ онъ прямо говоритъ, что послалъ рукопись къ этому человѣку въ Берлинъ.

Письма Гейне, изданныя Штейнманомъ, далеко не всѣ адресованы къ нему, и это главное ручательство за ихъ подлинность. Нѣкоторыя были уже напечатаны, но большая часть являются въ первый разъ въ этихъ двухъ томикахъ. Издатель обѣщаетъ еще два тома, въ которыхъ будутъ помѣщены письма къ нему, касающіяся преимущественно литературы.

О Гейне осталось такъ мало біографическихъ свѣдѣній, что за изданіе писемъ его нельзя не быть благодарнымъ. Жаль, что къ нимъ мало присоединено объясненій и указаній. Нѣкоторыя письма относятся еще ко времени студенчества, и въ нихъ довольно живо представляется намъ молодой Гейне. Нѣсколько любопытныхъ подробностей о Матильдѣ, женѣ Гейне, являются тоже въ первый разъ въ печати. Штейнманъ помѣстилъ также извинительное письмо Гейне по поводу книги о Берне, гдѣ было нѣсколько непростительно гадкихъ выходокъ, какъ противъ самаго Берне, такъ и противъ лицъ, къ нему близкихъ. Теперь въ біографіи Гейне можно будетъ пополнить нѣкоторыя бѣлыя страницы, особенно если нѣмецкіе бібліографы, въ которыхъ нѣтъ недостатка, прибавятъ къ изданнымъ письмамъ свои поясненія.

Въ заключеніе мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ о знаменитомъ нѣмецкомъ романистѣ Бертольдѣ Ауэрбахѣ, съ которымъ я познакомился въ Берлинѣ. Мы видѣлись ежедневно, и бесѣды и прогулки съ нимъ останутся для меня самыми пріятными изъ моихъ берлинскихъ воспоминаній. Какъ писателя съ первоначальнымъ дарованіемъ, съ глубокою любовью къ народу, котораго никто не изображалъ въ Германіи лучше его, я давно любилъ Ауэрбаха; личное знакомство съ нимъ способно было только утвердить эту любовь и уваженіе. Въ Берлинѣ переселился онъ изъ Дрездена со всѣмъ семействомъ, не болѣе какъ полгода тому назадъ. Ауэрбаху скоро пятьдесятъ лѣтъ, но онъ бодръ и живъ, какъ юноша. Небольшаго роста, плотный и коренастый, съ зачесанными назадъ и даже неинге вьющимися темными волосами и просѣдью, съ небольшою окладистой бородой, съ большими свѣтлыми глазами, съ открытымъ круглымъ лицомъ, онъ похожъ самъ на шварцвальдскаго мужика, и ничто не напоминаетъ въ немъ его еврейскаго происхожденія. Быстрая, живая и умная рѣчь его отличается чрезвычайною простотою, какъ и рассказъ его въ «Босоножкѣ», въ «Мои и Броз» и другихъ народныхъ его повѣстяхъ...

Съ появленіемъ «Шварцвальдскихъ деревенскихъ повѣстей» началось возрожденіе повѣствовательной литературы въ Германіи, до

тѣхъ поръ представившей только такія жалкія произведенія, какъ романы Штернберга, графини Иды Ганъ-Ганъ и т. п. Ауэрбахъ вызвалъ цѣлую школу нувелистовъ, которые обратились съ сочувствіемъ къ народу и принялись изучать хорошія и дурныя стороны его быта, его нужды, желанія и надежды, его радости и печали. Пора было бросить удушливныя метафизическія сѣеры и раздушенные салоны, въ которыхъ витали нѣмецкіе романисты, для здоровей и свѣжей дѣйствительности.

«Фраки, бѣлые жилеты,
Тали стланутыя мило,
Поцалуи, комплименты,
Если бъ въ васъ да сердце было...
«И любви хотя немножко
Было въ сердцѣ! Тошны, право,
Ваши вопли и стenanья...
Развѣ жизнь вамъ не забава?
«Ухожу отъ васъ я въ горы,
Гдѣ живутъ простые люди,
Гдѣ свободный вѣетъ воздухъ,
И дышать просторнѣй груди!»

Эти стихи пролога къ «Гарцу» Гейне могли бы служить лучшимъ эпиграфомъ къ рассказамъ Ауэрбаха, принесеннымъ имъ съ шварцвальдскихъ горъ. Дѣйствіе этого свѣжаго народнаго направленія не можетъ ограничиться только литературною сѣерой; облегчая знакомство съ народомъ и съ его потребностями, произведенія автора «Босоножки» и цѣлаго круга народныхъ писателей, образовавшагося около него, должны благотворно дѣйствовать и на все общество. Примиреніе и симпатія между народомъ и классами болѣе образованными нужны въ Германіи не меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ, — и въ этомъ смыслѣ дѣятельность Ауэрбаха въ высшей степени заслуживаетъ уваженія. Почти безукоризненная художественная красота его рассказовъ и повѣстей и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайная вѣрность его изображеній свидѣтельствуютъ не только о близкомъ знакомствѣ его съ народомъ, но и о любви, которая привела его къ изученію народнаго быта. На всемъ, что ни писалъ Ауэрбахъ о народѣ, лежитъ теплый свѣтъ твердаго и разумнаго сочувствія. Онъ не скрываетъ народныхъ недостатковъ и пороковъ, и не идеализируетъ его добродѣтелей и хорошихъ сторонъ. Въ этомъ случаѣ не всѣ послѣдователи Ауэрбаха сумѣли сохранить чувство мѣры ихъ образца, и болѣе всего приближается къ нему въ этомъ отношеніи только Отто Лудвигъ, писатель, у насъ совершенно неизвѣстный, авторъ прекраснаго романа изъ народной жизни «Между

небомъ и землей». Къ сожалѣнiю, какъ я слышалъ отъ Ауэрбаха, Лудвигъ въ настоящую минуту тяжело и изнурительно болеетъ, и мало надежды, чтобы онъ поправился и написалъ еще что нибудь. Кромѣ Ауэрбаха и Лудвига, повѣствовательная литература въ Германiи представляетъ теперь нѣсколько очень замѣчательныхъ талантовъ, каковы напр. Годфридъ Келлеръ, Густавъ Фрейтагъ и др., и намъ пора перестать повторять какъ мы это еще дѣлаемъ съ юности, по старой памяти, что у нѣмцевъ нѣтъ теперь ни одного романиста, ни одного нувелиста, которыхъ стоило бы читать.

Послѣ того знанiя народа и той любви къ нему, доказательства которыхъ представлялъ каждый романъ и каждый маленькiй рассказъ Ауэрбаха, отъ него слѣдовало ожидать, что онъ не ограничитъ своего влiянiя одной стороною нѣмецкаго общества. Эти романы и рассказы были написаны такъ просто и ясно, что ихъ могъ читать каждый простолюдинъ; но все-таки они были предназначены авторомъ для чтенiя классовъ болѣе образованныхъ. Желая доставить полезное и занимательное чтенiе для жителей сельскихъ и деревень, для бѣднаго поденщика и работника, для земледѣльца и мелкаго ремесленника, — Ауэрбахъ принялся за изданiе книгъ для народа. Первой попыткой его въ этомъ родѣ былъ сборникъ подъ заглавiемъ «Кумъ» («Gevatersmann»), первая тетрадь котораго явилась въ 1845 году. Успѣхъ его былъ огромный: болѣе 80,000 экземпляровъ были проданы сразу. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ было разобрано по двѣсти экземпляровъ. Такимъ же благороднымъ дѣятелемъ явился Ауэрбахъ и взявшисъ за трудное дѣло — писать для народа. Его можно упрекнуть за нѣкоторыя частности, за излишнiй подчасъ дидактизмъ въ изложенiи; но эти недостатки, замѣтные въ «Кумѣ», почти совсѣмъ исчезли въ «Народныхъ календаряхъ», которые онъ издаетъ уже четыре года. Статьи изъ перваго сборника, за исключенiемъ имѣвшихъ лишь временный интересъ, изданы потомъ особю книжкой подъ заглавiемъ: «Кумова Шкатулка», приобрѣли огромную популярность во всей Германiи и переведены на многie языки.

Послѣднимъ трудомъ Ауэрбаха, съ которымъ мы, можетъ быть, еще познакомимъ читателей «Современника» была повѣсть «Edelweiss», появлявшаяся отрывками въ «Кельнской Газетѣ». Теперь Ауэрбахъ обрабатываетъ ее окончательно для отдѣльнаго изданiя.

И. НИХАЙЛОВЪ.

14 (3) мая, 1861 года.

ПОЛИТИКА.

АМЕРИКАНСКІЯ ДѢЛА. — ПОЛОЖЕНІЕ ДѢЛЪ ВЪ ИТАЛІИ И ВЕНГРИИ.

Скудны источники нашихъ свѣдѣній объ американскихъ дѣлахъ; мы должны ограничиваться европейскими газетами, въ которыхъ американскія событія занимаютъ, разумѣется, лишь второстепенное мѣсто. Изъ американскихъ газетъ мы можемъ хотя нѣсколько своевременно, — всего надѣлами двумя или тремя позже, чѣмъ слѣдовало бы по расчету почтовыхъ сроковъ, — получать одну New York Herald, да и ту лишь въ еженедѣльномъ изданіи (*), которое въ одинъ листъ за цѣлую недѣлю сбиваетъ всѣ номера ежедневнаго изданія за цѣлую недѣлю, такъ что въ этой выжимкѣ остается не очень много толку. Оно впрочемъ было бы еще сносно получать хотя только еженедѣльное изданіе ежедневной газеты, если бы газета была сколько нибудь приличная; но на бѣду единственная американская газета, получаемая нами — самая пошлая изъ всѣхъ 5 или 6 тысячъ американскихъ газетъ. Она теперь прокликаетъ «измѣнниковъ и бунтовщиковъ», требуя примѣрнаго наказанія, пожалуй, хотя колесованьемъ или содраніемъ шкуръ съ живыхъ. А не дальше какъ за

(*) Читатель знаетъ, что англійскія и американскія ежедневныя газеты дѣлаютъ крошѣ этого полнаго своего изданія еще два изданія въ сокращеніи: одно изъ сокращенныхъ изданій — двухдневное; тутъ изъ двухъ листовъ ежедневнаго изданія дѣлается выборка на одинъ листъ такого же формата, какъ номеръ ежедневнаго изданія; изъ трехъ такихъ листовъ двухдневнаго изданія дѣлается такой же порядкомъ выборка на одинъ такой же листъ еженедѣльнаго изданія.

мѣсяцъ передъ тѣмъ она точно такъ же проклинала новое вашингтонское правительство, требовала, чтобы Линкольнъ отказался отъ должности, уступилъ власть предводителямъ сецессионистовъ, которые совершенно правы и одни достойны называться американскими гражданами. Она имѣетъ даже наглость—винить Линкольна, зачѣмъ онъ только 15 апрѣля издалъ прокламацію о войнѣ, — это слѣдовало бы ему сдѣлать въ самый же первый день вступленія въ должность, 4 марта: она утверждаетъ, что тогда же, въ первыхъ числахъ марта, совѣтовала ему сдѣлать это, а прежде того съ самаго декабря требовала немедленной и безпощадной войны противъ бунтовщиковъ отъ прежняго президента Буханана: «Бухананъ не хотѣлъ слѣдовать нашему совѣту; Линкольнъ также долго сопротивлялся ему, наконецъ слѣдуетъ теперь, и — прекрасно; полная честь правительству Линкольна за это!» На президентскихъ выборахъ она отвергала даже Дугласа, кандидата сѣверныхъ демократовъ, называла и его такимъ же врагомъ родины, какъ Линкольна, за то, что Дугласъ и его партія не согласились помогать заговорщикамъ, приготовлявшимъ отторженіе южныхъ штатовъ, собиравшихъ тамъ армію для завоеванія сѣверныхъ штатовъ съ цѣлью распространить въ нихъ невольничество; она самымъ восторженнымъ образомъ поддерживала Брекенриджа, кандидата этихъ заговорщиковъ, выставляя его единственнымъ, несравненнымъ патріотомъ и доказывая, что не только Линкольнъ, но и Дугласъ — революціонеры, стремящіеся убить свободу Соединенныхъ Штатовъ и ввести военный деспотизмъ. Это говорено было ежедневно вплоть до 6 ноября, а съ 6 ноября вплоть до 13 апрѣля доказывалось, что, отдавъ свои голоса Линкольну, сѣверные штаты доказали нравственную испорченность свою, неспособность свою къ самоуправленію, и тѣмъ возложили на невольническіе штаты священную обязанность завоевать ихъ, сѣверные штаты, чтобы перевоспитать и исправить ихъ своимъ господствомъ, какъ Англія просвѣщаетъ и перевоспитываетъ Остъ-Индію. Это было вплоть до 13 апрѣля. Съ 14 апрѣля въ той же газетѣ говорится: «перечитывая рѣчи Брекенриджа и его сотоварищей въ прошломъ засѣданіи конгресса и въ прежнихъ засѣданіяхъ за нѣсколько лѣтъ, мы находимъ въ самыхъ этихъ рѣчахъ явные доказательства тому, что они уже нѣсколько лѣтъ составляли злодѣйскій замыселъ, который съ весны прошлаго года обратился въ формальный заговоръ для порабощенія всего Американскаго Союза военному деспотизму, — заговоръ, дѣйствовавшій подкупомъ, похищеніемъ государственныхъ денегъ, не отвращавшійся ни отъ яда, ни отъ адскихъ машинъ», и т. д. Отъ чего произошла такая переимѣна съ New-York-Herald'омъ, мы

увидимъ ниже. А здѣсь мы выставляли ее лишь съ намѣреніемъ показать, что на подобную газету полагаться никакъ нельзя. Еслибъ мы вмѣсто нея получали хотя какую нибудь чарльстонскую газету въ духѣ крайнихъ приверженцевъ невольничества, мы все-таки могли бы довольно многимъ пользоваться изъ нея: мы знали бы, что хотя о нѣкоторыхъ предметахъ она сообщаетъ вѣрныя извѣстія, потому что какими нибудь мифіями дорожить, успѣху какихъ нибудь намѣреній дѣйствительно сочувствуетъ, стало быть должна же говорить основательно, — на примѣръ хотя бы о вооруженіяхъ Юга: она желаетъ побѣды Югу, слѣдовательно стала бы правдиво выставлять, въ чемъ эти вооруженія должны быть усовершенствованы или пополнены, и изъ этихъ замѣчаній можно было бы видѣть положеніе военной части у инсургентовъ. New York Herald не таковъ; это — чистая спекуляція, основанная на биржевыхъ расчетахъ, въ родѣ газетъ, которыя издавалъ Миресъ: у него все говорилось только по расчету предпринимаемыхъ имъ операций: нынѣ онъ хочетъ купить биржевыя бумаги по дешевой цѣнѣ, чтобы черезъ двѣ недѣли взять премію за нихъ при возвышеніи цѣны; потому нынѣ его газеты доказываютъ, что война Англій съ Франціею неизбежна и начнется на дняхъ, а черезъ двѣ недѣли доказываютъ, что никогда никакой возможности подобной войны не существовало и не будетъ существовать. Расчетъ, по которому издается New-York Herald, нѣсколько иной: онъ просто старается льстить нью-Йоркской биржѣ, чтобы нью-Йоркскіе негоціанты рекомендовали его своимъ конторщикамъ и шкиперамъ, а конторщики и шкиперы — ломовымъ извозчикамъ, матросамъ и т. д. Если бы нью-Йоркская биржа почла выгоднымъ для своихъ оборотовъ ссору Америки съ Англіею, New York Herald сталъ бы доказывать, что жители Англій — не англичане, что англичане всѣ переселись въ Америку, а въ Англій остались только люди не аглосаксонскаго племени: жидаы, цыгане, бѣглые французы. Нью-Йоркская биржа долго думала, что сѣверные штаты могутъ быть склонены смириться передъ южными; пока она хотѣла этимъ путемъ набѣжать войны, New York Herald провозглашаетъ справедливость Юга. Но когда война оказалась неизбежною, биржа поняла, что надобно Сѣверу вести ее энергически, чтобы она скорѣе кончилась и чтобы у Юга навсегда была отбита охота заводить смуты; тогда и New York Herald сталъ доказывать необходимость энергическаго веденія войны. По обыкновенію льстецовъ, онъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ доводилъ до крайности мнѣніе своей покровительницы: пока биржа совѣтовала уступать, онъ кричалъ: уступайте безусловно все; когда биржа стала говорить: усмирите Югъ скорѣе, — онъ сталъ кричать: безпощадно истребляйте мятежниковъ.

Единственная получаемая нами американская гостя нигде не годится, брать из нея мы ничего не можем, потому что ни на одно слово ее нельзя положиться, и стало быть должны заимствовать свѣдѣнія о текущихъ американскихъ дѣлахъ только изъ европейскихъ газетъ, слишкомъ скудныхъ по этой части. Нечего дѣлать, удовольствуемся тѣмъ, что можемъ читать и переведемъ нью-йоркскую корреспонденцію Times'a, которая дѣльнѣе и подробнѣе всѣхъ другихъ знакомитъ насъ съ сѣверо-американскими событіями. И она сильно измѣнила тонъ съ половины апрѣля: до той поры корреспондентъ не вѣрилъ въ единодушіе Сѣвера, и откровенно признается, что оно изумило его. Онъ смотрѣлъ на высшіе классы, видѣлъ ихъ колеблющимися, порицающими аболиціонистовъ, ждалъ апатіи, раздоровъ; но когда пришла пора правительству обратиться къ массѣ народа, оно получило такую патріотическую поддержку, что и высшіе классы были увлечены общимъ стремленіемъ. Въ предисловіе къ переводимымъ письмамъ сдѣлаемъ самый короткій очеркъ предшествующаго этимъ письмамъ времени, о которомъ болѣе или менѣе подробно рассказывали въ прошлыхъ обзорніяхъ.

Читатель знаетъ, что правительство Буханана участвовало въ замыслѣ инсургентовъ и передавало имъ оружіе и деньги, такъ что Линкольнъ нашелъ казну пустой, сѣверные арсеналы пустыми, южные арсеналы отданными въ руки инсургентовъ. Надобно было ему около мѣсяца, чтобы приготовиться къ войнѣ противъ южной конфедерации, которая уже собрала армию и часть ея двинула на Вашингтонъ. Когда нѣсколько оружія и денегъ было заготовлено, вашигтонское правительство объявило находившимся въ Вашингтонѣ уполномоченнымъ южной конфедерации, что даетъ инсургентамъ три недѣли срока одуматься и смириться, а если въ этотъ срокъ они не изъявятъ покорности, будутъ двинуты войска для возвращенія Союзу собственности, захваченной ими: форты и арсеналы, взятые ими, будутъ отвѣты у нихъ. Это было 11 апрѣля. Коммисары Юга тотчасъ же отправили въ столицу новой конференціи Монтгомери телеграфическія депеши такого содержанія: «начинайте военныя дѣйствія, потому что всякая надежда на уступки Сѣвера исчезла». На другой день южныя войска уже бомбардировали фортъ Сентеръ, о которомъ такъ много говорилось въ послѣднее время. Осада эта замѣчательна лишь страннымъ обстоятельствомъ, что ни одинъ человѣкъ изъ гарнизона не былъ убитъ безчисленными бомбами, разрушившими всѣ постройки въ фортѣ. Американцы объясняютъ это превосходнымъ устройствомъ блиндажей и прикрытій для прислуги, находившейся при орудіяхъ. Въ южномъ войскѣ также никто не

былъ убитъ выстрѣлами изъ форта; но это понятнѣе: командиръ форта Андерсонъ направлялъ выстрѣлы исключительно на баттарей, не желая стрѣлять ни по войскамъ, ни по Чарльстону, половину котораго могъ бы разрушить; да и въ баттарей онъ стрѣлялъ очень мало и съ осторожностью, чтобы не дѣлать напраснаго кровопролитія. Онъ видѣлъ, что сопротивленіе невозможно и защищался только для формы. Послѣ 30-часоваго бомбардированья фортъ сдался. Дешени объ этомъ произвели на Сѣверѣ потрясающее дѣйствіе, народъ повсюду требовалъ быстрыхъ и сильныхъ мѣръ противъ инсургентовъ. Правительство Союза тотчасъ же объявило, что призываетъ народъ къ вооруженію, и черезъ два дня, которые прошли въ составленіи плановъ похода, расчисленіи войскъ и т. д., издана была прокламація президента, требовавшая сформированія 75-тысячной арміи. Помѣщаемъ теперь корреспонденцію Times'a.

«Нью-Йоркъ, 16 апрѣля.

«Жребій брошенъ, и теперь въ Америкѣ война. Посылаю вамъ газеты съ подробными разсказами о бомбардированіи и паденіи форта Сентера. Штаты Мексиканскаго залива безъ причины возмутились, и теперь должны отвѣчать за свой поступокъ: штаты, оставшіеся вѣрными Союзу, единодушны теперь въ рѣшимости поддерживать правительство и во что бы то ни стало, не щадя никакихъ жертвъ, подавить злую измѣну, которая, не будучи ничѣмъ обижена, захотѣла низвергнуть свободное правительство и замѣстить его военнымъ деспотизмомъ подъ властью безотвѣтственной олигархіи. Борьба будетъ продолжительна или коротка, смотря потому, присоединятся ли къ Югу или останутся вѣрны правительству пограничные штаты; но продолжительна ли или коротка будетъ она, результатъ будетъ имѣть она одинъ, если есть хоть сколько нибудь истины въ проявленіяхъ чувства, происходящихъ въ сѣверныхъ штатахъ. Пусть не обманываютъ себя въ Европѣ ни относительно этого результата, ни относительно характера борьбы. Черта, раздѣляющая противниковъ, — черта ясная. На одной сторонѣ стоятъ приверженцы свободнаго правительства, — люди, хотящіе сохранить свободныя учрежденія, отвращающіеся военнаго деспотизма, вѣрныя благороднымъ принципамъ англо-саксонской свободы, возвеличившимъ Англію; а на другой сторонѣ люди, предпочитающіе военное правительство и считающіе рабство божественнымъ учрежденіемъ, которому правительство должно покровительствовать во вредъ всѣмъ другимъ отраслямъ общественной дѣятельности. Въ этой борьбѣ я на сторонѣ правительства Соединенныхъ Штатовъ — говорю это прямо. Разсказывать вамъ о влѣтѣ Сентера и не буду — подробности

вы узнаете по телеграфу раньше моего письма. Прокламацию президента я прилагаю къ письму; и затѣмъ лучше всего мнѣ приложить къ нему вырѣзки изъ нью-Йоркскихъ газетъ разныхъ партій, чтобы видѣли вы, съ какимъ единодушіемъ всѣ онѣ поддерживаютъ правительство. Ждали, что въ минуту борьбы будутъ раздоры и анархія: всѣ раздоры исчезли и теперь у всѣхъ одинъ девизъ: «защитить конституцію».

«Начинаю съ New York Herald'a, какъ съ газеты, которая до сихъ поръ считалась благопріятствовавшею сецессіонистамъ».

«Видя, что вспыхнула наконецъ междуусобная война, торговый свѣтъ началъ заботиться о будущности страны (говоритъ New York Herald). Сколько мы знаемъ, всѣ наши капиталисты совершенно согласны въ томъ, что надо поддержать правительство. Каждый скорбитъ о страшномъ бѣдствіи, постигнувшемъ республику. Но не думаютъ нью-Йоркскіе купцы и капиталисты заминать дѣло или уклоняться отъ отвѣтственности за него. Въ доставленіи средствъ къ войнѣ главная доля упадетъ на Нью-Йоркъ: наше биржевое общество принимаетъ эту обязанность, и исполнить ее. Это — рѣшимость всеобщая между нашими капиталистами, въ числѣ ихъ и тѣми, которые до сихъ поръ симпатизировали Югу. Если правительство станетъ исполнять свой долгъ, ему не нужно беспокоиться о деньгахъ. По мнѣнію нашихъ главныхъ банкировъ, если на издержки войны въ теченіе года понадобится 100 милліоновъ долларовъ, сверхъ обыкновенныхъ доходовъ правительства, сумма эта дана будетъ нью-Йоркскою биржею на условіяхъ, никакъ не обременительнѣе тѣхъ, на какихъ Франція и Англія дѣлали займы въ русскую войну. Если для окончанія войны и для прекращенія раздора на вѣки понадобится больше денегъ, будетъ даво больше. Сколько мы знаемъ нью-Йоркскую биржу, она готова усердно и щедро поддерживать правительство».

Послѣ этого корреспондентъ Times'a приводитъ выписки изъ другихъ газетъ умѣренной демократической и умѣренной республиканской партій. Мы не имѣемъ надобности повторять ихъ здѣсь, выписавъ отрывокъ Herald'a, еще недавно съ ожесточеніемъ доказывавшей полную справедливость сецессіонистовъ. Корреспондентъ Times'a продолжаетъ:

«Отвѣтъ народа на призывъ президента еще выразительнѣй. Массачусетсъ уже выставилъ свою долю войска, оно уже идетъ въ Вашингтонъ.»

Вспомнимъ, что это писано 16 апрѣля, а прокламация была издана 15; значитъ Массачусетсъ уже двинулъ свои войска въ походъ

черезъ 24 часа по обнародованіи прокламаціи, предписывавшей сержантку ихъ.

«Въ городѣ Нью-Йоркѣ споры между милиціонерами лишь изъ-за того, что въ походъ хотятъ идти гораздо больше людей, чѣмъ призывается. Съ запада извѣстія тѣ же самыя: повсюду являются волонтеры. Повсюду народъ горячностію отвѣчаетъ на призывъ, и если бы президентъ вмѣсто 75 тысячъ войска потребовалъ 500 тысячъ, я убѣжденъ, что собралось бы столько.

«Но съ другой стороны надобно думать, что точно такъ же дѣло идетъ и на Югѣ, у котораго впрочемъ меньше денегъ на организацію и содержаніе войска.

«Безполезны были бы попытки угадать будущее. Самый разумный и осмотрительный расчетъ обусловливается событіями и обстоятельствами, могущими въ одинъ мигъ разрушить его. Но мнѣніе биржи выразилось очень ясно. Фонды союзнаго правительства держатся въ цѣнѣ очень крѣпко. Такъ же хорошо держатся въ цѣнѣ фонды сѣверныхъ штатовъ; а фонды Виргиніи, Теннесси и Миссури, еще такъ недавно бывшіе любимыми бумагами биржи, чрезвычайно упали, потому что эти штаты колеблются между Союзомъ и сепеcсіонистами».

«Нью-Йоркъ, 19 апрѣля.»

«Нынѣ ровно 86 лѣтъ тому, какъ сдѣланъ былъ первый выстрѣлъ войны за американскую независимость при Лексингтонѣ, въ Массачусетсѣ, на разсвѣтѣ знойнаго дня. Въ годовщину этого дня телеграфъ нынѣ сообщаетъ намъ о первой крови, — и по странному совпадению также о массачусетской крови, пролитой въ новой войнѣ, начатой людьми, хотящими уничтожить все, полученное войною за независимость. Вотъ и началась фактически великая междуусобная война, въ возможность которой никто не вѣрилъ: пролита кровь, воспламенилась вражда. Виргинія отложила или скоро отложится, ведя за собою пограничныя невольническіе штаты; Кентукки, Теннесси, Арканзасъ и Сѣверная Каролина, по всей вѣроятности, послѣдуютъ за Виргиніей; Мерилендъ колеблется. Все обѣщаетъ теперь войну между американскимъ правительствомъ и всею массою невольническихъ штатовъ, взявшихъ за оружіе, чтобы распространить рабство и уничтожить конституціонное правленіе.

«Яшшъ недѣля прошла нынѣ съ той поры, какъ генералъ Боргаръ началъ нападеніе на фортъ Сѣмтеръ. Въ одну недѣлю фортъ Сѣмтеръ сдался, гарнизонъ его перевезенъ въ Нью-Йоркъ, самое существованіе его забыто въ быстромъ ходѣ событій. Ничтожный споръ чарльстонской пристани разросся въ великую междуусобную войну. Взятіе форта произвело на Нью-Йоркъ дѣйствіе неожиданное и потрясающее. Признаюсь, я не былъ приготовленъ къ нему: зналъ,

какъ робки предводители сѣверныхъ партій, — я говорю, разумѣется, о политической, а не о личной робости, — я не думалъ, что народное сердце бьется такою любовью къ національному правительству. Но сильна въ немъ эта любовь, и результатъ изумилъ всѣхъ.

«Прокламація Линкольна, провозглашавшая войну и призывавшая вѣрные штаты прислать войска на защиту правительства, пробудила національную гордость и патриотизмъ во всѣхъ сѣверныхъ штатахъ и съ такою же быстротою оттолкнула пограничныя невольничьи штаты къ инсургентамъ. Съ той минуты всякое разногласіе между партіями въ сѣверныхъ штатахъ исчезло, и общее негодование на инсургентовъ стало такъ сильно, что опасно сдѣлалось кому нибудь обнаруживать симпатію къ Югу. Это чувство уже обнаруживалось въ Нью-Йоркѣ, когда я посылалъ къ вамъ прошлое письмо. Но на другой день по его отправленіи, оно уже произвело восторженную манифестацію. 17 апрѣля прибыли въ Нью-Йоркъ первыя войска съ востока на пути въ Вашингтонъ, и объявлено было, что изъ нью-Йоркскихъ полковъ первый пойдетъ на защиту столицы нашъ 7-й полкъ, гордость Нью-Йорка, полкъ, въ которомъ рядовые солдаты—сыновья первыхъ негодіантовъ, знаменитыхъ юристовъ, лучшихъ государственныхъ людей. Былъ свѣтлый апрѣльскій день, одинъ изъ тѣхъ дней свѣтлой американской атмосферы, которые остаются памятны каждому бывавшему въ Америкѣ. Весь городъ покрыли флаги, усѣянные звѣздами. Они развѣвались съ домовъ. Фестонами перепоясывали они улицы; ими убраны были всѣ корабли на пристани; ими убраны были всѣ omnibuses и частныя экипажи. Кто не видалъ этого, тотъ не можетъ вообразить себѣ, какъ быстро и энергично выказалась любовь народа къ національному знамени. Едва отплылъ массачусетскій полкъ, какъ узнали, что подходитъ къ берегу «Baltic» съ гарнизономъ форта Семтера и майоромъ Андерсономъ. Пристань въ минуту наполнилась народомъ, и сцена встрѣчи была восторженная.

«А нынѣ у насъ была сцена энтузіазма, какого я никогда не видывалъ. Въ 6 часовъ вечера отплывалъ въ Вашингтонъ 7-й полкъ. Было объявлено, что онъ выйдетъ изъ своего сборнаго мѣста въ 4 часа и пойдетъ на пристань по Broadway (*). Въ 12 часу мы получили изъ Балтимора депеши, что тамъ идетъ стычка, что массачусетскія войска, отплывшія отсюда вчера, подверглись нападенію при проходѣ черезъ Балтиморъ и пробиваются къ станціи вашигтонской желѣзной дороги. Теперь оказывается, что нападеніе на нихъ не имѣло такой организаціи, какъ мы сначала полагали; но все-таки

(*) Broadway — главная улица Нью-Йорка.

они были принуждены стрѣлять, чтобы защититься. Можете вообразить, какъ отозвалось это завѣстіе въ душѣ отцовъ, матерей, сестеръ, братьевъ и друзей, прощавшихся съ близкими родственниками, отправлявшимися черезъ тотъ же враждебный городъ. Можете вообразить, какое чувство овладѣло всѣми. Я стоялъ у окна въ Metropolitan Hotel, на Broadway, откуда на цѣлыя двѣ мили видны улицы, по которымъ долженъ былъ проходить 7-й полкъ. Задолго до его появленія вся Broadway наполнилась толпою, — тутъ были одни только мужчины. Женщины стояли въ окнахъ и на кровляхъ. Рядомъ со мною у окна стояла вдова, единственный сынъ которой пошелъ въ рядовые въ 7-й полкъ. Она не могла не плакать, но все-таки благославляла его за то, что онъ идетъ въ походъ. Когда полкъ еще не показывался, я не понималъ, какъ онъ пройдетъ по улицѣ черезъ эту сплошную массу. Но масса разступалась передъ полкомъ съ восторженными криками и снова смыкалась позади его. Не могу описать вамъ сцены, какую видѣлъ я, когда онъ поровнялся съ домомъ, гдѣ я былъ. Такого энтузіазма я никогда не видывалъ.

« Не думайте, что это минутное увлеченіе массы, не находящее себѣ отвѣта въ богатомъ классѣ. Вчера былъ митингъ нью-Йоркскихъ негоціантовъ. Онъ былъ восторженъ и единодушенъ въ рѣшимости безусловно поддерживать правительство. Тутъ были люди всѣхъ политическихъ партій, были люди, прежде сочувствовавшіе Югу. Когда они предлагаютъ деньги, когда требуютъ отъ правительства войны, то можете быть увѣрены, что они не шутятъ. Вотъ рѣшенія, принятыя этимъ митингомъ:

« Нью-Йоркскіе негоціанты съ живымъ удовольствіемъ узнали рѣшимость президента всѣми средствами защищать правительственную власть и законъ. Забывая прежнія разницы политическихъ мнѣній, они единодушно общаются всѣми силами своимъ поддерживать кредитъ правительства и помогать его финансовымъ операціямъ. Они оплакиваютъ возникновеніе междуусобной войны, въ которую ввергнута страна безуміемъ Юга, но убѣждены, что и политическое благоразуміе и человеколюбіе одинаково требуютъ самыхъ быстрыхъ и энергическихъ мѣръ, — потому они совѣтуютъ правительству немедленно принять такой сильный и непреодолимый образъ дѣйствій, чтобы на вѣки искоренена была измѣна. Экземпляры этихъ рѣшеній должны быть разосланы коммерческимъ палатамъ другихъ городовъ съ приглашеніемъ къ содѣйствию мѣрамъ, нужнымъ для усиленія правительственныхъ средствъ. Настоящій митингъ назначаетъ комитетъ изъ.... (слѣдуютъ имена) для пособія правительству по военнымъ приготовленіямъ.»

«Нью-Йоркъ, 24 апрѣля.

«Пршлѣе письмо мое оканчивалось демонстраціею въ честь 7 полка, отпавшаго въ Вашингтонъ. Возвращаюсь къ исторіи этого замѣчательнаго переворота въ народныхъ чувствахъ или, вѣрнѣе сказать, этого взрыва подавленныхъ чувствъ. Ни на какомъ языкѣ невозможно изобразить вполнѣ это великое народное движеніе на защиту страны и ея учреждений, на избавленіе государства отъ внутренней анархіи. Маколей описывалъ, какъ вооружалась Англія, когда узнала о приближеніи Ариады; но какъ ни живо его описаніе, оно холодно и мертво сравнительно съ пылкостью, одушевляющею всѣ сословія на Сѣверѣ. И не думайте, что этотъ духъ можетъ охладиться неудачами или медленностью первыхъ успѣховъ: повѣрьте не охладится. Если будутъ въ Вашингтонѣ неудачи, которыхъ и должно ждать, духъ, теперь возбужденный, только усилится и укоренится ими; а что онъ преодолѣетъ наконецъ все, что достигнетъ онъ торжества, заслуживаемаго его справедливостью, что Мерилендъ, Виргинія и всѣ другіе штаты, противящіеся правительству, будутъ неизбѣжно побѣждены, — въ этомъ никто здѣсь не сомнѣвается. Но возвращаюсь къ разсказу. Онъ остановился у меня на 19 числѣ, когда мы только-что узнали о нападеніи бальтиморской черни на массачусетскія войска. Съ той поры прошло лишь четыре дня, а мы какъ будто прожили много лѣтъ. Нью-Йоркъ, не дальше какъ за недѣлю бывшій мирнымъ торговымъ городомъ, сталъ огромнымъ лагеремъ, въ которомъ каждый исполненъ военной пылкости и энтузіазма; торговля дѣла совершенно остановилась, прежніе раздоры прекратились; всѣ теперь готовы на защиту Союза.

«Въ субботу (20 апрѣля) мы узнали, что войска Новой Англіи прибыли моремъ въ фортъ Монро (*), и теперь онъ достаточно защищенъ. Потерять этотъ важный пунктъ, значило бы потерять власть надъ Чизапикскимъ заливомъ. Но массачусетскій полкъ, исполнившій это дѣло, составляетъ лишь часть войскъ, уже высланныхъ этимъ небольшимъ штатомъ (**). Другой массачусетскій полкъ уже проложилъ себѣ путь къ Вашингтону черезъ бальтиморскую чернь. Вслѣдъ за этими двумя полками движуты изъ Массачусетса еще три, съ бы-

(*) На южной половинѣ виргинскаго берега, при входѣ въ Чизапикскій заливъ.

(**) Массачусетсъ имѣетъ только 367 кв. миль; но его населеніе простирается до 1,231,000 человекъ, то есть больше бѣлаго населенія Виргиніи, самаго сильнаго изъ невольническихъ штатовъ: она имѣетъ только 1,108,000 человекъ бѣлаго населенія. Читатель знаетъ, что въ Массачусетсѣ лежитъ Бостонъ, главный городъ всей Новой Англіи, которая имѣетъ болѣе 3,100,000 жителей и проникнута духомъ аболіціонизма.

стротою, возбужденною удивленіем и благородное соревнованіе въ другихъ штатахъ. Въ одномъ изъ этихъ полковъ есть рота, составленная изъ жителей Мербельгеда, рыбаковъ. Они были въ морѣ на долгѣ, когда пришелъ въ ихъ городъ призывъ къ походу. Ихъ извѣстили на телеграфу, чтобы они вернулись и къ вечеру всѣ сборы ихъ были кончены и они уже были на дорогѣ въ Нью-Йоркъ. Энергія отряда изъ Конкордіи (*) еще замѣчательнѣе. Люди эти были подняты съ постелей извѣщеніемъ губернатора позже 12 часовъ ночи, а съ первымъ утреннимъ поѣздомъ они уже отправились. Если вспомнить, что всѣ эти отряды — мѣстная милиція, составленная преимущественно изъ людей рабочаго класса, занятыхъ постоянными мастерствами, и что она идетъ сражаться за родину не по соседству съ своими домами, а за 500 миль, гдѣ теперь владычествуетъ востаніе, то можно будетъ хоть нѣсколько вообразить себѣ, какъ глубока въ этихъ людяхъ патріотическая энергія. Впрочемъ Массачусетс не удовольствовался тѣмъ, что послалъ свою регулярную милицію. Онъ кромѣ того организовалъ и отправилъ другіе вновь набранные отряды. Я видѣлъ одинъ изъ нихъ. Волонтеры, его составляющіе, еще рекруты, но это съ излишкомъ вознаграждается превосходнымъ ихъ вооруженіемъ, умственнымъ развитіемъ и рѣшимостью, такъ что отрядъ очень хорошъ. Командиръ ихъ увѣрялъ меня, что всѣ они набраны, вооружены, экипированы и перенесены въ Нью-Йоркъ въ трие сутокъ. Отсюда они отправляются моремъ въ Аннаполисъ. Нѣкоторые другіе штаты Новой Англій дѣйствуютъ съ такой же быстротой. Маленькій штатъ Родъ-Айлендъ, отправивъ превосходный отрядъ конной артиллеріи, собралъ и на свой счетъ отправилъ моремъ пѣхотный полкъ, составленный почти исключительно изъ людей состоятельныхъ, занимающихъ видное положеніе въ обществѣ и командуемый лично самимъ губернаторомъ. Пенсильванія дѣятельно собираетъ войска, но нѣтъ у ней запасовъ оружія, которыхъ лишило ее предательство заговорщиковъ, управлявшихъ при Бухананѣ Соединенными Штатами. Западъ такъ же дѣятельно вооружается, но подробностей я еще не могу сообщить вамъ, потому что здѣсь все вниманіе поглощено опасностью, угрожающею Вашингтону и восторженными сценами въ самомъ Нью-Йоркѣ. Объ этихъ сценахъ я постараюсь дать вамъ понятіе, начиная свой рассказъ съ субботы (20 апрѣля). Наканунѣ отправился изъ Нью-Йорка 7-й полкъ, а въ этотъ день прибылъ массачусетскій полкъ и былъ быстро отправленъ далѣе въ Филадельфію, при крикахъ восторженной толпы. Казалось, что въ этотъ день были брошены каждымъ всѣ его личныя дѣла для

(*) Конкордія — городъ того же массачусетскаго штата.

общественныхъ. Знамена, развѣвавшіеся наканунѣ съ домовъ, размѣжились во сто разъ къ этому дню и развѣвались почти изъ каждаго окна. Почти у каждаго мужчины былъ на груди значокъ изъ національныхъ цвѣтовъ — краснаго, бѣлаго и синяго. Почти у каждой дамы былъ уборъ также съ этими цвѣтами. Лавки и кофторы опустѣли; на перекресткахъ и у газетныхъ кофторъ толпились народъ, жадно спрашивавшій о послѣднихъ извѣстіяхъ съ Юга, потому что были слухи (къ вечеру они подтвердились), что мосты по желѣзнымъ дорогамъ около Балтимора сожжены и Нью-Йоркъ отрѣзанъ отъ сообщеній съ Вашингтономъ. Къ двумъ часамъ дня толпы стали сосредоточиваться къ центру города, и къ тремъ часамъ великолѣпная Broadway была такъ наполнена народомъ, что трудно было проѣхать экипажу. Огромный митингъ на защиту Союза происходилъ въ 3 часа на Союзной Площади. Я видѣлъ въ Европѣ много громадныхъ собраній народа: открытіе всемірной выставки, ея закрытіе, похороны герцога Вашингтона; торжество раздачи орловъ войскамъ въ Парижѣ; но нигдѣ я не видѣлъ такого огромнаго, такого одушевленнаго многолюдства и такого серьезнаго порядка, какъ въ эту субботу на Союзной Площади. Тутъ было все населеніе огромнаго Нью-Йорка, понимавшаго важность событій и готоваго поддерживать Союзъ, которому онъ обязанъ своимъ величіемъ. Патриотизмъ и энтузіазмъ массы побѣдилъ ея предводителей, и у двохъ изъ нихъ, недѣли три тому назадъ бывшихъ сецессионистами, вынудилъ сильныя рѣчи въ пользу безотлагательной и энергической войны. Я сталъ на такомъ мѣстѣ, что мнѣ видна была вся великолѣпная площадь: она была вся набита людьми; тутъ было не меньше 150 тысячъ человекъ. На площади находится статуя Вашингтона. Въ руку ей вложили изстрѣлянное знамя, развѣвавшееся надъ фортомъ Семтеромъ; видъ горячій, но вмѣстѣ спокойный энтузіазмъ одушевлявшій всѣхъ, слыша крики, которыми отзывался народъ на всякое обращеніе ораторовъ къ этому знамени, и при каждомъ требованіи войны выметалъ живой отвѣтъ изъ груди массы, я чувствовалъ, что и республиканцы и демократы ошибались въ этомъ народѣ, что Югъ дѣйствительно «обманутъ; горько, страшно обманутъ», по выраженію одного изъ ораторовъ. Я видѣлъ новую надежду, новую будущность для Американскаго Союза: оживленный этимъ духомъ, онъ выйдетъ изъ своихъ нынѣшнихъ опасностей, очистившись ими.

«Въ разныхъ мѣстахъ огромной площади было поставлено нѣсколько эстрадъ для ораторовъ; со всѣхъ эстрадъ и съ нѣсколькихъ импровизированныхъ трибунъ въ сосѣднихъ улицахъ говорили рѣчи.

«Въ субботу вечеромъ городъ волновался извѣстіями съ Юга. Корридоры большіихъ нью-Йоркскихъ гостиницъ были наполнены людьми, разсуждавшими о событіяхъ дня, ждавшими извѣстій, которыя отъ времени до времени появлялись на доскѣ телеграфическихъ депешъ (въ большой нью-Йоркской гостиницѣ обыкновенно бываетъ телеграфическая контора).

«Прекрасное, мягкое утро апрѣльскаго дня въ воскресенье началось маршемъ массачусетскаго полка черезъ городъ. Непохожъ былъ этотъ день на обыкновенныя тѣмъ нью-Йоркія воскресенья: три полка города Нью-Йорка, массачусетскій полкъ, родъ-айлендскій полкъ должны были отыграть вечеромъ въ Аннаполисѣ (въ эту минуту они должны быть уже тамъ). Одинъ изъ нихъ, 71 нью-Йоркскій полкъ, соперничествуетъ съ 7-мъ полкомъ совершенствомъ дисциплины и тактическаго обученія. Въ другомъ, 12-мъ нью-Йоркскомъ полку прежніе рядовые превосходно обучены; но число новобранцовъ въ немъ больше, чѣмъ прежнихъ милиціонеровъ, и хотя эти рекруты вообще молоды, крѣпкіе люди, но имъ еще надобно учиться. Последняго изъ трехъ нью-Йоркскихъ полковъ, 6-го, я не видѣлъ. Энтузіазмъ простонародья былъ теперь еще сильнѣе, чѣмъ при отправленіи 7 полка. День былъ теплый, окна можно было открывать, не боясь холоднаго зимняго вѣтра. Въ два дня передъ этимъ удивительно выросъ урожай знаменъ; а воскресенье — праздникъ, простолюдины были нарядны и больше въ толпѣ было женщинъ въ платьяхъ свѣтлыхъ цвѣтовъ. Потому энтузіазмъ не имѣлъ грустнаго оттѣнка, съ какимъ отчасти представлялся при демонстраціи 19 апрѣля.

«На слѣдующій день (22 апрѣля, въ понедѣльникъ) около 12 часовъ мы получили извѣстія изъ Вашингтона. Курьеръ, который привезъ ихъ, пробрался переодѣтымъ. По его словамъ, Вашингтонъ былъ внѣ опасности (позднѣйшія извѣстія заставляютъ сомнѣваться въ этомъ). Вечеромъ былъ митингъ нью-Йоркскихъ адвокатовъ и судей для формальнаго выраженія ихъ сочувствія правительству. Какой энтузіазмъ, какую рѣшимость ни видѣлъ я между простолюдинами на улицахъ, но адвокаты и судьи превзошли самихъ простолюдиновъ. Чтобы вы могли нѣсколько понять, каковы чувства образованныхъ сословій, я разскажу вамъ нѣкоторые изъ эпизодовъ этого митинга, который будетъ историческимъ событіемъ въ ходѣ нынѣшняго кризиса. Главнѣйшій судья верховнаго суда былъ приглашенъ занять предсѣдательское кресло. Онъ демократъ, онъ въ оппозиціи правительству, но сынъ у него поступилъ рядовымъ въ 7 полкъ. Изъ семи вице-президентовъ митинга шестеро были люди, вотиновавшіе на президентскихъ выборахъ противъ Линкольна; изъ 4

секретарей трое также вотировали тогда противъ Линкольна; иъро-
дно вотировали противъ него три четверти изъ числа всѣхъ при-
существовавшихъ. Но тѣмъ не менѣе они съ восторженными энди-
сменентами приняли рядъ рѣшеній, изъ которыхъ я приведу лишь одно
для образца:

«Мы будемъ исполнять за каждаго судью или адвоката, служа-
щаго въ арміи или флотѣ Соединенныхъ Штатовъ, обязанности и
дѣла, ему порученныя, съ предоставленіемъ ему всего дохода и безъ
всякихъ тратъ для него.» Митингъ вотировалъ собрать сумму на
пособіе тѣмъ адвокатамъ, которые найдутъ въ волонтеры, и въ нѣ-
сколько минутъ была собрана отъ присутствовавшихъ сумма болѣе
5,000 ф. стерлинговъ. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ нью-Йоркскихъ
адвокатовъ, первый записывая въ этомъ спискѣ свое имя, что жерт-
вуетъ 500 долларовъ, сказалъ, что полгода тому назадъ умеръ у него
старшій сынъ, но оставалось еще двое и оба они отправились третья-
го дня въ ряды 71 полка. Многіе другіе, записывая свои пожертво-
ванія, говорили, что уже отправили своихъ сыновей на войну, — вы
понимаете, отправили на войну не офицерами, а простыми рядовы-
ми. Одинъ сказалъ, что отправилъ своего племянника и своего при-
емнаго сына. Одинъ изъ судей, служившій прежде офицеромъ въ
милиціи, сказалъ, что онъ отправляется самъ и что должность его
взялся исполнять его товарищъ. Другой адвокатъ сказалъ, что онъ
подписать пожертвованія не можетъ, потому что его сынъ и соу-
частникъ его фирмы уже отправились въ походъ и онъ обѣщалъ со-
держать ихъ семейства. Слова эти произносились не въ духѣ пох-
вальбы, — это были слова спокойныхъ, твердыхъ, мужественныхъ
людей, говорившихъ правду, отъ волноты сердца, и рѣчи ихъ глу-
боко дѣйствовали на всѣхъ слышавшихъ. Когда такіе люди посы-
лаютъ своихъ сыновей и племянниковъ рядовыми сражаться за оте-
чество и щедро даютъ деньги болѣе бѣднымъ лицамъ своего званія
въ помощь при вооруженіи, то видишь, что они не шутятъ, и что
страна, граждане которой дѣлаютъ такіа жертвы, можетъ быть увѣ-
рена въ развѣлкѣ дѣла, хотя бы въ началѣ его и встрѣтились неуда-
чи по недостаточности приготовленій.

«Вчера возобновились сцены, бывшія въ воскресенье. Три нью-
Йоркскіе полка, — 8, 13 и 69, отплыли въ Аннаполисъ; такимъ обра-
зомъ, менѣе, чѣмъ въ одну недѣлю, отправилось изъ Нью-Йорка въ
Вашингтонъ болѣе 10,000 человекъ. 8 полкъ — одинъ изъ лучшихъ
волковъ нью-Йоркской милиціи. 69 полкъ составляютъ ирландцы,
не хотѣвшіе встрѣчать принца Уэльскаго. Эту невѣжливость про-
тивъ прежняго своего знамени они загладили теперь преданностью
новому. Явилось 6,500 человекъ волонтеровъ, желавшихъ посту-

пить въ этотъ полкъ, который долженъ былъ имѣть только 1,000 человекъ. Вся Broadway была усыпана ирландскими служанками, вышедшими проводить своихъ соотечественниковъ, и восторженность ихъ, какъ вы сами угадаете, была безгранична.»

«27 апрѣля.

«Послѣдніе трое сутокъ прошли у насъ довольно спокойно по сравненію съ прежними днями. Тишина приготовленія и работы заживила горячку перваго волненія. Новыхъ полковъ въ эти дни не отправлялось. Вашингтонъ, бывшій для четыре отрѣзанъ отъ сообщеній съ Сѣверомъ, теперь занятъ нью-Йоркскими и массачусетскими полками, посланными отсюда 19, 20, 21 и 22 числа. Гарнизонъ форта Монро сильно подкрѣвленъ и входъ въ Чизапикскій заливъ оберегается. У правительства тамъ столько военныхъ судовъ, что инсургенты не могутъ показаться туда; а оградивъ отъ опасности Вашингтонъ и Чизапикскій заливъ, мы имѣемъ теперь время поосмотрѣться, сообразить, сколько потеряно и сколько выиграно нами въ первую недѣлю войны и каково положеніе воюющихъ сторонъ.

«Президентъ призываетъ 75,000 человекъ войска. Ему будетъ дано больше. Около 10,000 войска уже послано въ Вашингтонъ изъ Нью-Йорка; еще тысячи двѣ человекъ были отправлены въ Чизапикскій заливъ прямо изъ Бостона моремъ. Сверхъ того были посланы войска изъ Пенсильваніи, но сколько именно, я не умѣю сказать, потому что пенсильванскіе полки вооружаясь передвигались по разнымъ арсеналамъ. Массачусетсъ пошлетъ еще новыя войска. Онъ теперь посылаетъ два полка. Народъ отвѣчаетъ на призывъ президента съ большимъ усердіемъ, и волонтеры платятъ деньги за то, чтобъ ихъ приняли. Гибель на бальтиморцевъ чрезвычайно сильна въ Массачусетсъ. Когда одинъ изъ массачусетскихъ полковъ проходилъ чрезъ Нью-Йоркъ, изъ толпы спросили одного рядового, куда они идутъ. «Сдѣлать поискъ о двухъ недостающихъ товарищахъ (*)». Президентъ, кажется, проникнуть тѣмъ же духомъ. Другіе штаты Новой Англии не отстаютъ отъ Массачусетса. Маленькій Вермонтъ, въ которомъ населенія только 300 тыс., назначилъ на войну 1,000 доллеровъ и уже выслалъ полкъ, а другой маленькій штатъ Родъ-Айлендъ, который еще меньше Вермонта, сдѣлалъ еще больше. Городъ Нью-Йоркъ продолжаетъ приготовленія въ огромномъ размѣрѣ. На одномъ краю города устроенъ у насъ лагерь для двухъ полковъ, три полка уже стоятъ лагеремъ въ другомъ концѣ и

(*) То есть о двухъ массачусетскихъ милиціонерахъ, убитыхъ въ Бальтиморѣ.

еще два въ третьемъ лагерѣ. Устраивается четвертый лагерь. Кроме того уже организованы полкъ зуавовъ изъ нью-Йоркской пожарной команды, и могу сказать безъ преувеличенія, что въ прибавокъ къ 8 тыс. регулярной милиціи города Нью-Йорка, уже отправившимся въ Вашингтонъ, и семи полкамъ, стоящимъ лагерями въ городѣ, уже сформировано еще по крайней мѣрѣ 6 тыс. человекъ изъ одного города Нью-Йорка (говорю: «по крайней мѣрѣ» потому, что съ точностью, разумѣется, нельзя знать числа), а между тѣмъ постоянно записываются новые волонтеры и организуются новые полки. Не менѣе усердны люди, которымъ нельзя идти въ походъ, и дамы. Подъ управленіемъ знаменитѣйшихъ нью-Йоркскихъ хирурговъ быстро формируется госпитальная часть арміи. Множество комитетовъ энергически заботится о заготовленіи платья, лекарствъ и другихъ вещей для войска. Капиталисты, которымъ нельзя идти на войну, не уступаютъ никому въ патриотизмѣ. Деньги льются рѣками на всѣ надобности. Какойнибудь полкъ долженъ только объявить, въ чемъ у него недостатокъ, онъ тотчасъ снабжается всѣмъ. Дѣла по сбору и расходованію денегъ сосредоточиваются въ «центральномъ комитетѣ» приверженцевъ Союза; члены этого комитета—важнѣйшіе нью-Йоркскіе негодіанты. Одинъ изъ гражданъ, Эсторъ, уже пожертвовалъ 22 тыс. долларовъ; многіе другіе уже дали по 5, 10 и 15 тысячъ. Каждый понимаетъ, что война теперь за существованіе націи, и каждый готовъ жертвовать всѣмъ, чтобы не стерлась ни одна звѣзда съ національнаго флага. Энергія, которой съ самаго начала охарактеризовались дѣйствія нью-Йоркскихъ негодіантовъ, начинаетъ обнаруживать свое дѣйствіе въ Вашингтонѣ, и я не боюсь предсказать, что уже не будутъ теперь сжигаемы корабли для спасенія ихъ отъ захвата инсургентами. Правительство навяло всѣ или почти всѣ американскіе пароходы, бывшіе въ Нью-Йоркѣ, чтобы употребить ихъ на военныя дѣйствія или на перевозку войскъ. Нью-Джерси извѣщаетъ, что всѣ четыре полка его контингента уже готовы. Войска изъ глубины нью-Йоркаго штата также готовы. Одинъ городъ Нью-Йоркъ предлагаетъ больше войскъ, чѣмъ требовалось отъ цѣлаго нью-Йоркаго штата. Впрочемъ они еще пригодятся, потому что президентъ скоро сдѣлаетъ новый призывъ. Пенсильванія, отъ которой требуется 20 тыс. войска, уже предлагаетъ 30 тысъ. По извѣстіямъ съ Запада дѣло тамъ идетъ живо. Огайо, Индіана, Иллинойсъ предлагаютъ больше войскъ, чѣмъ требуется отъ нихъ. Говорятъ, что эти войска будутъ оставлены на Западѣ. Часть ихъ, конечно, будетъ назначена для обороны Канра, при впаденіи рѣки Огайо въ Миссиссиппи. Я пишу вамъ наскоро, чтобы не опоздать на почту, и успѣлъ указать лишь главные факты. О Югѣ мы, разу-

мѣется, мало имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Инсурренты хотѣли занять своими войсками Балтиморъ и надѣялись, что города Филадельфія и Нью-Йоркъ станутъ на ихъ сторонѣ. Отъ неожиданнаго единодушія Сѣвера и Бюкстроты, съ какою нью-Йоркскія войска поспѣшили на призывъ правительства, планъ этотъ разрушился и дѣнія рѣки Потамака (*) остается въ рукахъ правительства.

«Нью-Йоркъ, 30 апрѣля.»

«Третьяго дня Herald напечаталъ списокъ суммъ, пожертвованныхъ на Сѣверѣ для веденія войны, — кромѣ огромныхъ пожертвованій, сдѣланныхъ въ пользу того или другаго полка и съ тому подобными частными назначеніями. Огромность этой суммы удивитъ каждого, думавшаго, что обнаружатся на Сѣверѣ разногласія, какъ начнется война. Итогъ безусловныхъ пожертвованій по списку Herald'a — 11,239,000 долларовъ (болѣе 15 милліоновъ рублей серебромъ) (**).

«Достойна вниманія та народная организація, содѣйствіемъ которой собрано это огромное количество денегъ и приняты чрезвычайныя мѣры для веденія войны. Мало представляетъ исторія учрежденій, равняющихся этой организаціи бодростью и успѣшностью дѣйствій. Прошло только двѣ недѣли съ тѣхъ поръ, какъ президентъ провозгласилъ военное положеніе. Два дня послѣ того было употреблено, чтобы распредѣлить, сколько отъ какаго штата требуется войскъ; потомъ произошли беспорядки въ Балтиморѣ и пять дней народъ сѣверныхъ штатовъ былъ отрѣзанъ отъ всякихъ сношеній съ своимъ правительствомъ. А между тѣмъ, несмотря на всѣ эти препятствія, было, кромѣ войскъ, отправленныхъ другими штатами, послано отъ 10 до 12 тыс. войска изъ города Нью-Йорка, и всѣ они были уже вполне вооружены и приготовлены къ дѣлу; а больше чѣмъ половина этихъ людей еще и не была внесена въ списки дней за 10 передъ тѣмъ, а за двѣ недѣли передъ тѣмъ всѣ эти люди мирно занимались своими дѣлами. Войска, находящіяся теперь въ Вашингтонѣ, должны были бороться съ затрудненіями, которыя были бы тяжелы и для старыхъ солдатъ. Одному полку пришлось пробиваться чрезъ бальтиморскую червь. Знаменитый 7-й нью-Йоркскій полкъ (въ которомъ всѣ рядовые — джентльмены) шелъ изъ Аннаполиса въ Вашингтонъ, поправляя

(*) На которой стоитъ Вашингтонъ.

(**) Мы отъ себя замѣтимъ, что по словамъ самого Herald'a этотъ списокъ пожертвованій не полонъ и относительно тѣхъ штатовъ, которые вошли въ него; а вошли въ него далеко не всѣ сѣверные штаты: изъ западныхъ штатовъ Herald имѣлъ свѣдѣнія о пожертвованіяхъ почти только въ одномъ Уисконсинѣ. Такимъ образомъ лишь въ одной половинѣ сѣверныхъ штатовъ, въ теченіе какихънибудь 10 дней, пожертвованія простирались болѣе, чѣмъ до 15 милліоновъ рублей серебромъ.

полотно желѣзной дороги, испорченное сецессіонистами, а полкъ, составленный изъ лодльскихъ машинныхъ работниковъ, чинилъ между тѣмъ машины и поправлялъ мосты. Денегъ собирается больше, чѣмъ пока нужно, и уже заготовлены большіе запасы ихъ на будущія надобности. Снабженъ гарнизономъ фортъ Момро и отправленъ въ Европу агентъ для закупки оружія. Исполнительная власть, которая сдѣлала все это, устроилась такимъ образомъ: при первомъ извѣстіи о взятіи форта Сѣмтера, нью-Йорскіе граждане, дѣйствуя черезъ свою торговую палату, назначили комитетъ «для защиты Союза» (*). Городское управленіе признало комитетъ и назначило въ его распоряженіе миллионъ долларовъ. Правительство Соединенныхъ Штатовъ дѣйствуетъ по согласію съ этимъ комитетомъ, такъ что комитетъ и правительство взаимно сообщаютъ другъ другу о всѣхъ своихъ расходахъ и распоряженіяхъ. Такимъ образомъ правительство въ критическую минуту пользуется содѣйствіемъ лицъ, замѣчательныхъ дарованіями въ практическомъ веденіи дѣлъ. Миѣ кажется, что безъ такого комитета правительство было бы парализовано, — по крайней мѣрѣ много было бы надобно ему времени, чтобы дойти до нынѣшней здоровой энергіи въ сецессіонной атмосферѣ Вашингтона. Теперь комитетъ занятъ распоряженіями по отправки 75,000 войскъ, которыя должны идти чрезъ Нью-Йоркъ. Но онъ нашелъ время хлопотать объ учрежденіи подобныхъ организацій въ другихъ штатахъ, городахъ и деревняхъ. Онъ думаетъ, что подобный комитетъ долженъ устроиться въ каждомъ округѣ и городѣ свободныхъ штатовъ, чтобы содѣйствовать центральному комитету. Нью-Йоркъ, по своему положенію и богатству, во всю войну долженъ остаться центромъ всѣхъ исполнительныхъ мѣръ, и какъ увеличилась сила свободныхъ штатовъ отъ этого комитета! Результатъ уже замѣтенъ въ томъ, что мериландскіе сецессіонисты поколебались, а кентуккійскіе и виргинскіе встревожены. Прискорбна будетъ неизбѣжная участь пограничныхъ невольническихъ штатовъ, если они будутъ продолжать противиться правительству. Мериландъ уже падаетъ духомъ. Его законодательное собраніе не вотируетъ отпаденіе Союза, а частныя письма изъ Балтимора увѣряютъ насъ, что онъ будетъ держать себя смирно. Виргинія захотѣла соединить свою судьбу съ отложившимися штатами; но испуганный силою правительства, губернаторъ ея говоритъ, что не имѣетъ мысли нападать на вашингтонское правительство. Оно наконецъ стало единодушно въ рѣшимости вести войну энергически. Я прямо отъ высшихъ его членовъ знаю, что оно «пойдетъ впереди народа». Всѣ мысли объ уступ-

(*) Въ одномъ изъ переведенныхъ нами писемъ уже было рассказано о митингѣ негодіантовъ, назначившемъ этотъ комитетъ.

какъ брошены. Члены правительства просили меня увѣрить васъ, что дадутъ миръ лишь тогда, когда отберутъ отъ инсургентовъ всѣ захваченныя ими крѣпости, деньги и корабли Соединенныхъ Штатовъ и возстановятъ власть вашингтонскаго правительства надъ всѣмъ Союзомъ.

«Изъ войскъ, собираемыхъ по первой прокламаціи президента, 18 тысячъ уже въ Вашингтонѣ, 5 тысячъ въ Аннаполисѣ (*), 4 тыс. ѣдутъ черезъ Мериландъ изъ Пенсильваніи, а 2 тысячи вчера отплыли изъ Нью-Йорка моремъ. Такимъ образомъ послѣзавтра къ вечеру, генералъ Скоттъ будетъ имѣть въ Вашингтонѣ около 30 тысячъ войска. Изъ нихъ 5 тысячъ будутъ стоять въ Аннаполисѣ, который будетъ укрѣпленъ, и вся линія желѣзной дороги изъ Аннаполиса къ Вашингтонѣ будетъ занята войсками. Если Балтиморъ не покорится мирно, онъ будетъ усмирень военными средствами, потому что для похода на Югъ необходимо владѣть этимъ городомъ, гдѣ производится большая торговля хлѣбомъ и существуютъ машинныя фабрики: инсургенты получали изъ Балтимора продовольствіе, пушки и артиллерійскіе снаряды. Президентъ призвалъ еще 75 тысячъ войска, такъ что теперь созывается 150 тысячъ съ прежними 75 тысяч. Генералъ Вуль, командующій въ нью-Йорскомъ штатѣ, говоритъ, что, если нужно, будетъ и втрое больше войска. Кромѣ войскъ, уже отправленныхъ, въ одномъ городѣ Нью-Йоркѣ формируется еще 19 полковъ; они почти уже готовы къ походу. Одинъ изъ нихъ, называющійся «Горнымъ-Шотландскимъ», весь составленъ изъ шотландцевъ или ихъ дѣтей, родившихся въ Америкѣ. Никѣ я видѣлъ этотъ полкъ на ученьи; онъ очень хорошъ. Есть у насъ пѣмецкіе полки, отличный французскій полкъ и англійскій полкъ. Привязанностью къ Союзному правительству переселенцы не уступаютъ природнымъ американцамъ. Изъ полковъ, отправлявшихся вчера, особенно замѣчателенъ Пожарный-Зуавскій полкъ, составленный изъ отборныхъ людей нью-Йоркскаго пожарной команды: по атлетической силѣ солдатъ имѣть, я думаю, въ арміяхъ цѣлаго міра такого полка: каждый въ немъ богатырь испытаннаго мужества. Вся пожарная команда нью-Йоркская собралась вчера провожать товарищей на пароходъ, и, если бы я думалъ, что вы не утомяны моими рассказами о прежнихъ демонстраціяхъ, я описалъ бы вамъ эту, которая многочисленностью и блескомъ превосходила всѣ прежнія. Изъ глубины нью-Йоркскаго штата сообщаютъ, что сельское на-

(*) Ближайшая къ Вашингтону гавань, въ которой высаживаются войска, отправляемая изъ Нью-Йорка на Югъ моремъ. Аннаполисъ лежитъ въ Мериландѣ.

селеніе такъ же волновано и войска его сходятся въ Эльмирѣ (*). Войска штата Огайо собираются подъ командою генерала Макъ-Клелленда, искусство котораго генераль Скоттъ дѣлаетъ чрезвычайно высоко. Въ Огайо нашлось волонтеровъ слишкомъ вдвое больше, чѣмъ требовалось. Пенсильванія въ теченіе полутора мѣсяца пошлетъ въ походъ 50 тысячъ войска, превосходно вооруженнаго; многіе полки вооружены штуцерами Минье и энфильдовскими; подъ командою генерала Паттерсона они первые двинутся въ отложившіеся штаты.

«Что дѣлается на Югѣ,—разумѣется, я не могу рассказать вамъ въ точности. Здѣсь полагаютъ, что сецессіонистская горячка охлаждаетъ въ Георгіи, Алабамѣ и Луизианѣ, а въ Сѣверной Каролинѣ, Теннесси и Виргиніи она свирѣпствуетъ. Кажется, что сильныя лекарства, приложенныя къ Мериланду, уже излечили его. Здѣсь надѣются, что ни Кентукки, ни Миссури не будутъ заражены болѣзью. Если же заразятся, то задача правительства нѣсколько затруднится, но конецъ дѣла будетъ таковъ же.»

Извѣстія, помѣщаемыя въ Times'ѣ, получаютъ здѣсь нѣсколькими днями позже, чѣмъ сообщаемыя нѣмецкими газетами; въ номерахъ Times'a, находящихся у насъ, нью-Йоркская корреспонденція доходитъ только до 30 апрѣля, а въ газетахъ, издаваемыхъ ближе къ намъ, есть уже письма болѣе поздняго времени. Потому продолжаемъ рассказъ Times'a слѣдующимъ письмомъ нью-Йоркскаго корреспондента газеты «National Zeitung». Оно отправлено изъ Америки 13 мая, т. е. двумя недѣлями позднѣе послѣдняго изъ переведенныхъ нами писемъ Times'a.

«Приготовленія къ великой битвѣ, которая должна рѣшить судьбу американскаго континента, все еще не кончены. Главнокомандующій войсками Союза, Скоттъ, думаетъ, что Союзное правительство непременно должно одержать побѣду въ первой же битвѣ, чтобы война не затянудась. Потому онъ двинется впередъ лишь тогда, когда будетъ имѣть громадный перевѣсъ въ силахъ. Говорятъ, онъ хочетъ выступить не меньше, какъ съ арміею въ 50 тысячъ и съ резервомъ такой же силы. Впрочемъ, ждать этого времени недолго. Около Вашингтона собралось уже 30 тысячъ войска; между Вашингтономъ и Пенсильваніею еще отъ 15 до 20 тысячъ. — Виргинскія гавани уже совершенно блокированы; уже блокируются и нѣкоторыя изъ болѣе южныхъ гаваней, напримѣръ, Чарльстонская и Саваннская. Провозъ оружія и провіанта въ возмущавшіеся штаты по сухому пути успѣш-

(*) Эльмира лежитъ въ срединѣ линіи, составляющей южную границу Нью-Йоркскаго штата; въ этомъ городѣ сходятся желѣзныя дороги, перерѣзывающія нью-Йоркскій штатъ и продолжающіяся на Югъ непрерывною линіею чрезъ Пенсильванію и Мериландъ до самаго Вашингтона.

но прекращены. — Суммы, добровольно пожертвованные (т. е. подаренныя, а не данныя войны) корпорациями и частными лицами въ теченіе одного мѣсяца, простираются почти до 30 милл. долларовъ (около 40 милл. р. сер.). Размѣръ этихъ жертвованій на войну покажется еще громаднымъ, если сообразить, какими ужасными убытками подверглись свободные штаты отъ безстыднаго банкрутства возмущившихся штатовъ. Какъ все возстаніе съ самаго начала было основано на грабѣжѣ, воровствѣ и обманѣ, такъ оно теперь логически дошло до отказа отъ всѣхъ частныхъ долговъ. Губернаторы возмущившихся штатовъ объявляютъ публично въ своихъ прокламаціяхъ, какъ непреложный принципъ международнаго (въроетно центрально-африканскаго) права, что при войнѣ между двумя странами всѣ частныя долги жителей одной страны жителямъ другой — уничтожаются. Этого мало: намечается даже, что если южный должникъ платитъ долгъ сѣверному кредитору, онъ совершитъ этимъ актъ предательства и будетъ наказанъ, какъ изменникъ. Потери, понесенныя черезъ то негоціантами сѣверныхъ штатовъ, простираются до 100 милл. долларовъ.

«Да и вообще «образецъ наивысшей цивилизаціи», какъ называетъ себя Югъ, отличается прекрасными вещами. Въ поощреніе благороднымъ крейсерамъ монтгомерійскій конгрессъ назначилъ 20 долларовъ преміи за *убійство* каждаго лица, захваченнаго на военномъ кораблѣ Соединенныхъ Штатовъ, и 25 долларовъ за доставленіе живаго плѣнника. Разница въ 5 долларовъ установлена не изъ гуманности, — надъ такими слабостями возвысились американскіе дегомейцы, — а для того, чтобы пользоваться живыми плѣнниками, какъ заложниками... А быть можетъ и то, что по африканскому международному праву плѣнниковъ хотѣтъ продавать въ рабы. Не смѣйтесь, дѣло это не совсемъ невѣроятно. Нѣсколько недель тому назадъ крейсера инсургентовъ захватили транспортный пароходъ союзнаго правительства *Star of the West*; на немъ находились три свободные негра (матросъ, поварь и бодманъ). Они были отправлены изъ Техаса вмѣстѣ съ другими военноплѣнными на сѣверъ; но въ Монтгомери, резиденціи султана Джеферсона Дэвиса, ихъ отклѣмили отъ товарищей, продали съ публичнаго торга въ рабы, и понутили тотчасъ же увести ихъ связанными на плантаціи. Они были свободные люди, военноплѣнные, которыхъ по условіямъ капитуляціи слѣдовало возвратитъ на родину въ сѣверные штаты.

«Когда ежедневно присходятъ подобныя постыдныя дѣла въ этомъ навидемому, называемомъ Конфедерированными Штатами, когда ежедневно совершаются насилія, грабежи и убійства подозрительныхъ людей цѣлыми тысячами, — то разумѣется, что на Сѣверѣ энергическіе люди получаютъ перевѣсъ надъ педантами. При извѣ-

сти, что инсургенты спарлажают крейсеровъ, самые консервативные демократы на Сѣверѣ стали думать, что на такую низость надобно отвѣчать возмущеніемъ негровъ. Но правительство еще отвергаетъ мысль о такомъ возмездіи. Уже въ то время, когда инсургенты шли на Вашингтонъ, вашингтонская полиція выдала въ Виргинію бѣлаго невольника! Въ Канадѣ, Филадельфіи и Бостонѣ сформировалось изъ негровъ столько батальоновъ, что изъ нихъ составилась бы цѣлая бригада; они предлагали правительству свои услуги, которыя состояли бы преимущественно въ призывѣ южныхъ негровъ къ оружію. Но правительство съ глубокимъ нравственнымъ ужасомъ отвергло такое предложеніе, — отвергло въ тотъ самый день, когда было обнаружено, что инсургенты въ Мериландѣ пытались отравить цѣлый батальонъ союзныхъ войскъ подмѣсою стрихнина въ пищу! Удивительно ли, что на Югѣ привыкли считать сѣверныхъ людей малодушными трусами, не способными къ смѣлымъ страстямъ и энергическимъ дѣланъ, «золотушною сволочью», какъ теперь выражаются южныя газеты.

«Миссури—невольническій штатъ, но «золотушная сволочь» выказала тамъ энергію. Въ Сентъ-Луисѣ нѣмцы сформировали изъ себя шести-тысячное войско, и оно взяло въ плѣнъ толпу инсургентовъ въ числѣ 800 человекъ, занимавшихъ важнѣйшій пунктъ города въ сообществѣ съ губернаторомъ Миссури, сепессіонистомъ. Нѣмцы окружили 10 миль лагерь инсургентовъ, поставили противъ нихъ 4 баттароны и потребовали безусловной сдачи отъ своихъ противниковъ. Разумѣется, инсургенты сдались, были обезоружены и арестованы. Партизаны ихъ изъ города съ напали потому на нѣмцевъ, но нѣмцы отерли на нападающимъ огонь и человекъ 20 сепессіонистовъ было тутъ убито. На другой день слабый отрядъ этой нѣмецкой арміи подвергся внезапному нападению и потерялъ 4 человека убитыми; не столько же убитыхъ и много раненыхъ было у нападавшихъ.»

Авторъ этого письма, какъ видно, очень горячій аболіціонистъ, недовольный умѣренностью правительства. Значитъ онъ — свидѣтель пристрастный, и мы поступили бы несправедливо, если бы «не выслушали и другую сторону». А вотъ мы посадили ея; сначала черезъ посредство человека нестороняго и умѣреннаго, чтобы переходъ не былъ чрезмѣрно рѣзокъ, а потомъ представили уже настроенному нѣсколько въ пользу Юга читателю нѣвне самого президента южной конфедерации.

Когда оказалось, что разрывъ Юга съ Сѣверомъ нешуточный, Times'ъ отправилъ особеннаго корреспондента въ отдѣлившіеся штаты; такъ обыкновенно поступаетъ эта газета, какъ только гдѣ происходитъ что нибудь особенное: «спеціальный» корреспондентъ

отправляется въ эту мѣстность. Первые письма отправившагося на югъ корреспондента заключали въ себѣ разсказъ о взятіи форта Смитера, и т. п. Во всемъ этомъ не было ничего важнаго. Военныя дѣйствія подъ фортомъ были сами по себѣ ничтожны, вся сила ихъ состоитъ во впечатлѣніи, какое произвели они на Сѣверъ, а не въ нихъ самихъ. Не слѣдующее письмо уже относится къ сущности дѣла.

«Штата Южная Каролина, 30 апреля.»

«Все иное, что я могъ бы сказать, не важно передъ однимъ фактомъ, въ которомъ я принужденъ убѣдиться относительно мыслей, господствующихъ между джентльменами Южной Каролины. Я пробылъ между ними уже довольно долго; посѣщала ихъ плантаціи; они бесѣдовали со мной откровенно въ томъ открытомъ, любезномъ и изящномъ тонѣ, который составляетъ непреодолимую очаровательность ихъ общества. Оно всехъ слышала я одно и тоже, нѣтъ разногласія въ этомъ мнѣніи, оно съ удивительною силою и одинаковостью слышится по всей странѣ. Тѣни Георга III, Порта, Джонсона и всехъ ратовавшихъ противъ отпаденія американскихъ колоній отъ Англіи—слышите ли вы хоръ, звучащій по Южной Каролинѣ?—Если слышите, вы рукоплещете съ торжествомъ. Голосъ этотъ говоритъ: «если бы могли мы получить въ королѣ себѣ какого нибудь изъ авглійскихъ принцевъ, мы были бы довольны». Прошу васъ не сомнѣваться въ этомъ. Мысль эта повторилась передо мною сотни разъ. Они согласны въ томъ, что исполниться ихъ желанію трудно, но они искренно восхищаются монархическими учрежденіями въ авглійской формѣ, существованіемъ привилегированныхъ сословій, поземельной аристократіи. Они жалѣютъ, что нѣкогда отложились отъ Англіи и готовы были бы завтра же вернуться къ ней. Въ нихъ сильная привязанность къ авглійскому устройству; многіе изъ нихъ находятся въ родствѣ съ авглійскими знатными фамиліями, и смотрятъ съ невообразимымъ отвращеніемъ на жителей Сѣвера, который по ихъ мнѣнію несправедливо зараженъ ядомъ «пуританства». Объясняйте какъ хотите, но это такъ. «Южная Каролина была основана джентльменами», говорятъ они мнѣ, «а не фанатиками, которые принесли въ сѣверныя колоніи бѣшеную нетерпимость». — «Если бы потонулъ проклятый корабль, на которомъ ѣхали въ Америку сентенты, основавшіе Массачусетсъ, мы никогда не были бы доведены до такой крайности», говоритъ одинъ. — «Мы еще могли бы ужиться съ этими фанатиками, если бы они были джентльмены, но между ними нѣтъ джентльменовъ», говоритъ другой. — «Лучше что хотите, восклицаетъ третій: лучше, какая хотите форма правительства; но»—тутъ слѣдуетъ площадное ругательство — «но ни за что на свѣтѣ мы не

подоррися Союзу съ невѣжественными, негодными кеннами Новой Англіи, не понимающими и не уважающими джентльменскіе чувства. Лучше мы готовы умереть всѣ до одного». Вообразите, что подобныя тирады произносятся людьми свѣтскими, благовоспитанными, очень цѣнящими свѣтскую деликатность, и вы нѣсколько шеймете силу ненависти къ свободнымъ дшатамъ въ джентльменахъ южныхъ штатовъ. Въ Европѣ есть національныя антипатіи, довольно сильныя и упорныя. Ненависть итальянца къ австрійцу, грека къ турку, турка къ русекому — не слишкомъ холодное чувство. Но всѣ эти ненависти — просто равнодушіе, нейтральность сравнительно съ враждою южно-каролинскихъ джентльменовъ къ «сѣверной сволочи.»

«Войны розлистовъ съ пуританами при Карлѣ I, вадлейцевъ съ республиканцами были деликатными шутками по правиламъ утонченнѣйшаго рыцарства, сравнительно съ тѣмъ, какъ будутъ воевать Югъ и Сѣверъ, если дѣла ихъ будутъ соответствовать словамъ. Нѣтъ въ темныхъ углахъ человѣческаго сердца ничего столь жестокаго и смертельнаго, какъ ненависть южно-каролинцевъ къ янки. Ненависть эта росла много лѣтъ, и стала теперь жизнью ихъ. Она заставила Южную Каролину упорно работать надъ приготовленіемъ средствъ къ борьбѣ. Я убѣжденъ, что нѣкоторые въ Южной Каролинѣ имѣли этотъ глубокой замыселъ уже лѣтъ 30 тому назадъ и съ каждымъ годомъ росла эта партія, хотѣвшая разорвать союзъ при первомъ удобномъ случаѣ. Сѣверъ для Южной Каролины — страна испорченная, дьявольская; Новая Англія — воплощеніе нравственной и политической гнусности. Она — источникъ всего ненавистнаго южнымъ каролинцамъ: свободы мысли и аболіціонизма, страна безчестная, развратная, желающая разграбить Югъ; но онъ будетъ спасенъ Южной Каролиною. Джентльмены Южной Каролины помнятъ, что они произошли отъ тѣхъ англійскихъ джентльменовъ, которыхъ преслѣдовали при Кромвелѣ, — не предки, эта сволочь не имѣетъ предковъ, — а тогдашніе представители людей, населяющихъ теперь Сѣверъ. Южный джентльменъ гордится своею старинною фамиліею, родословною связью съ фамиліями англійскихъ аристократовъ. Его плантація — древнее пожалованіе его предку отъ короля; онъ съ восхищеніемъ воспоминаетъ, что когда Стюарты были выгнаны изъ Англіи, Южная Каролина избрала изгнаннаго Карла своимъ королемъ, предложила ему убѣжище и престолъ. Въ войну за независимость полковна плантаторовъ, если не больше, оставались прржерженцами Георга III, и Вашингтонъ долженъ былъ послать противъ нихъ армію.»

Читатель видитъ, что дѣло именно таково, какъ мы говорили мѣсяца три или четыре тому назадъ. Вражда Юга къ Сѣверу — со-

словная вражда, ненависть патрициевъ къ темнымъ плебамъ, вражда высшаго сословія къ республиканскому устройству. Южнымъ джентльменамъ хочется быть придворными.

Безпристрастный читатель согласится, что ошибаются тѣ легкомысленные писатели, которые безусловно шерицаютъ Югъ; онъ можетъ быть убѣдился теперь, что хорошій образъ мыслей имѣютъ южные штаты. Оно и дѣйствительно надобно только прочесть нѣкоторые отрывки изъ длиннаго посланія президента южной конфедерации къ ея законодательному собранію, чтобы не осталось въ этомъ никакого сомнѣнія. Мы говоримъ: «нѣкоторые отрывки», потому что посланіе имѣетъ, къ сожалѣнію, и слабую сторону; но мы не будемъ выставлять ихъ.

Джефферсонъ Девисъ говоритъ, что долженъ изложить ходъ событий, «чтобы человѣчество могло произнести основательный и безпристрастный судъ о причинахъ и цѣляхъ настолщей войны». Чтобы содѣйствовать по мѣрѣ силъ нашихъ этой прекрасной цѣли, мы приведемъ важнѣйшія мѣста изъ очерка дѣлъ, представляемаго самимъ Девисомъ.

«Какъ только сѣверные штаты, уничтожившіе въ своихъ предѣлахъ невольничество (говоритъ президентъ южной конфедерации), увеличились въ своемъ населеніи столько, что ихъ представители получили перевѣсъ на конгрессѣ, они приняли постоянную и организованную систему враждебныхъ мѣръ противъ правъ рабовладѣльцевъ въ южныхъ штатахъ. Непрерывный рядъ мѣръ, ими принимаемыхъ, клонился къ тому, чтобы поколебать права рабовладѣльцевъ; фанатическія общества, располагавшія деньгами, возбуждали недовольство между невольниками, доставляли имъ средства бѣжать и научали ихъ этому; законное обязательство возвращать бѣжавшихъ владѣльцамъ сначала было неисполнимо подъ разными предлогами, потомъ открыто объявлено нарушеніемъ долга совѣсти и религіозныхъ обязанностей; общества эти учили, что хорошо поступаютъ люди, уклоняющіеся отъ исполненія и противящіеся исполненію законовъ, правильно изданныхъ въ обезпеченіе конституціоннаго обязательства; противъ рабовладѣльцевъ собирался въ сѣверныхъ штатахъ народъ и даже убивалъ ихъ, когда они являлись въ сѣверные штаты требовать выдачи бѣглаго невольника» (когда же это были убиваемы рабовладѣльцы въ сѣверныхъ штатахъ? этого что-то не было слышно; а что собирался народъ и осмѣливался убивать ихъ, это такъ). «Догматы этихъ частныхъ организацій получили господство въ законодательныхъ собраніяхъ многихъ сѣверныхъ штатовъ и были изданы въ нихъ законы, подвергавшіе разорительнымъ штрафамъ и продолжительному заключенію тѣхъ гражданъ южныхъ штатовъ, которые потребуютъ полицей-

скаго содѣйствія къ возвращенію своихъ бѣжавшихъ невольничковъ» (но вѣдь когда полиція какого нибудь сѣвернаго города хотѣла выдать бѣжавшаго невольника пріѣхавшему за него рабовладѣльцу, городъ волновался, происходила драка народа съ полиціей, словомъ сказать, рабовладѣлецъ своимъ требованіемъ нарушалъ общественное спокойствіе; зачѣмъ онъ дѣлалъ это, когда ему предлагали денежное вознагражденіе, лишь бы онъ не требовалъ выдачи бѣглаго? Онъ хлопоталъ не изъ денежнаго разчета, а изъ наглости, чтобы доказать сѣвернымъ штатамъ ихъ безсиліе передъ южными). «Ободренные усиліемъ, они перенесли арену волненія и нападокъ на законныя права южныхъ штатовъ въ конгрессъ; на общій собѣтъ націи посылались сенаторы и представители, главнымъ правомъ которыхъ на это отличіе былъ духъ крайняго фанатизма и заботою которыхъ было не обезпеченіе внутренняго спокойствія, а пробужденіе жесточайшей ненависти противъ южныхъ согражданъ яростными нападками на ихъ учрежденія» (то есть на невольничество); «веденіе общественныхъ дѣлъ было замедляемо постоянными усиліями этихъ людей присвоить конгрессу незаконную власть, чтобы повредить прочности невольничества и поставить въ низкое положеніе невольническіе штаты. Наконецъ составилась большая партія съ цѣлью пріобрѣсти себѣ правительственную власть въ открытомъ намѣреніи употребить ее на исключеніе невольническихъ штатовъ отъ всякаго участія въ земляхъ, пріобрѣтенныхъ всѣми штатами вмѣстѣ» (Девисъ говоритъ о программѣ республиканской партіи, не хотѣвшей допускать невольничества въ территоріяхъ, то есть его насильственнаго распространенія на земли, населеніе которыхъ не хотѣло допускать его, какъ было напримѣръ въ Канзасѣ), «съ цѣлью совершенно окружить невольническіе штаты свободными штатами и черезъ это отнять цѣну у невольничковъ. Эта партія въ прошломъ ноябрѣ успѣла выбрать своего кандидата президентомъ Соединенныхъ Штатовъ.

«Между тѣмъ въ благорастворенномъ климатѣ южныхъ штатовъ, при внушаемой разчетомъ и челоѣколюбіемъ попечительности о благосостояніи работниковъ, число невольничковъ отъ 600 тысячъ, бывшихъ при установленіи конституціи; возрасло слишкомъ до 4,000,000» (по цѣну число ихъ мѣтѣ 4 милл.). «Въ нравственномъ и общественномъ отношеніи они возвышены были изъ грубыхъ дикарей въ послушныхъ, умныхъ и цивилизованныхъ земледѣльческихъ работниковъ и снабжаются не только матеріальными благами, но и заботливымъ религіознымъ обученіемъ. Подъ наблюденіемъ высшей расы трудъ ихъ направляется такъ, что давалъ возможность постепенно и чувствительно улучшать ихъ положеніе и обращать сотни тысячъ мильпустыни въ воздѣланныя земли, покрытыя счаст-

ливый народомъ; возникали города и быстро возрастали богатствомъ и населеніемъ подъ южными учрежденіями» (напримѣръ, въ знаменитомъ любимомъ городѣ плантаторовъ Чарльстонѣ населеніе, простиравшееся въ 1850 г. до 42,000, въ 1860 г. простиралось до 40,000; это значитъ, что оно «быстро возрасло»; точно такъ же возрасло населеніе во всѣхъ другихъ южныхъ городахъ, кромѣ тѣхъ, изъ которыхъ невольники удалены; а въ свободныхъ штатахъ съ 1850 къ 1860 г. населеніе городовъ возрасло вообще въ полтора и въ два раза). «Продукты юга — хлопчатая бумага, ржсъ, сахаръ и табакъ, для которыхъ былъ и остается необходимъ невольническій трудъ, возрасли такъ, что составляютъ почти три четверти всего вывоза изъ Соединенныхъ Штатовъ и сдѣлались безусловно необходимыми для потребностей цивилизованнаго человѣка» (мы имѣли случай нѣсколько разъ говорить, какъ усиѣшило экономическое производство невольническихъ штатовъ: вывозъ товаровъ изъ нихъ дѣйствительно великъ, потому что они производятъ всѣ свои товары исключительно на вывозъ; но зато всей выручки за этотъ вывозъ не достаетъ южнымъ штатамъ на уплату долговъ сѣвернымъ штатамъ, изъ которыхъ получаютъ они не только всѣ мануфактурныя издѣлія, но даже обувь, даже хлѣбъ. Жатва хлопчатой бумаги всегда бываетъ запродаана нью-Йоркскимъ купцамъ за годъ впередъ; напримѣръ осенью 1860 г. была уже запродаана жатва нынѣшняго года).—«При опасности, угрожающей интересамъ столь громаднымъ, народъ южныхъ штатовъ былъ принужденъ поступками Сѣвера предпринять что нибудь для отвращенія опасности. Онъ рѣшилъ, что обиды, имъ понесенныя и бѣдствія, ему угрожающія, требуютъ, чтобы онъ отдѣлился отъ Союза. Онъ вступилъ въ новый союзъ и устроилъ новое правительство, опирающееся на его энтузіазмъ; и еслибы не вмешалось правительство Соединенныхъ Штатовъ въ это законное дѣло, то странѣ нашей улыбались бы нынѣ миръ, счастье и процвѣтаніе».

Послѣ этого Девисъ очень подробно доказываетъ, что Южная Конфедерация не предпринимала и не хотѣла предпринимать никакихъ военныхъ дѣйствій противъ Союзнаго правительства. Эту часть документа мы не станемъ сообщать публикѣ, потому что «судъ чело-вѣчества» къ сожалѣнію не можетъ подтвердить словъ Девиса; Южная Конфедерация съ самого начала составлялась съ намѣреніемъ послать войско въ сѣверные штаты, чтобы силою заставить ихъ разрушить прежній Союзъ и составить новый Союзъ, изъ котораго была бы исключена «фанатическая» Новая Англія: заговорщики надѣялись, что нью-Йоркскіе соумышленники ихъ отдадутъ имъ въ руки нью-Йоркскую биржу; это не удалось, но заговорщики все-таки собрали войско и двинули его на Вашингтонъ; правительство Соеди-

испанных Штатахъ вынуждено было уже только этимъ нападеніемъ и бомбардированіемъ форта Сѣмтера принять военныя мѣры противъ южной конфедераціи; слѣдовательно тутъ факты, всѣмъ извѣстныя, обнаруживаютъ вѣкоторую основательность увѣреній Девиса, будте-бы южная конфедерація желала сохранить миръ.—Но мы переведемъ патетическое заключеніе документа, которое скорѣе можетъ разстрогать чувствительнаго читателя. Объяснивъ единодушіе народа въ отложившихся штатахъ,—эту тираду мы не переводимъ потому, что она опять разногласитъ съ обще-извѣстнымъ фактомъ: кромѣ одной Южной Каролины, во всѣхъ остальныхъ отложившихся штатахъ сепсессионисты составляютъ меньшинство, а большинство только военнымъ терроризмомъ вынуждено подчиниться ихъ господству, опирающемуся на шайки авантюристовъ, — и такъ, объяснивъ единодушіе народа въ Южной Конфедераціи, президентъ ея кончаетъ слѣдующими патетическими словами:

«Народъ, столь единодушный и твердый, не можетъ отступить ни предъ какими жертвами, какия бы ни потребовались отъ него, и разумъ не допускаетъ сомнѣнія въ томъ, что мы наконецъ восторжествуемъ, какъ бы ни были продолжительны и тяжелы испытанія, которымъ подвергнется наша рѣшимость защищать наше природное право свободы и равенства, какъ наследіе, передать которое въ ненарушимости нашему потомству — первый нашъ долгъ.

«Мы чувствуемъ, что наше дѣло — правое и святое; мы торжественно протестуемъ предъ лицомъ человѣчества, что желаемъ мира, не ищемъ ни завоеваній, ни уступокъ отъ штатовъ, въ союзъ съ которыми мы прежде были; мы хотимъ только, чтобы насъ оставили въ покоѣ, чтобы тѣ, которымъ никогда не были мы подвластны, не пытались поработить насъ оружіемъ. Этого мы хотимъ, этому мы будемъ противиться до послѣдней крайности. Когда эта претензія будетъ покинута ими, мечъ вывалится изъ нашей руки и мы будемъ готовы вступить съ ними въ дружескіе и торговые договоры, которые неизбежно будутъ полезны для обѣихъ сторонъ. А пока эта претензія существуетъ, мы съ твердымъ упованіемъ на божественную силу, облающую своимъ повелѣтельствомъ правое дѣло, будемъ продолжать бороться за природное наше право, за свободу, независимость и самоуправленіе».

Послѣ этихъ выписокъ намъ нечего прибавлять отъ себя. Слѣдуетъ лишь самое короткое перечисленіе главныхъ фактовъ. 12 апрѣля, когда началось бомбардированіе форта Сѣмтера (гарнизонъ котораго, какъ знаетъ читатель, имѣлъ всего 70 человѣкъ), Южная Конфедерація состояла изъ 7 штатовъ Мексиканскаго залива (Южная Каролина, Георгія, Флориды, Алабамы, Миссиссиппи, Луизиана, Техасъ). Всѣ они вѣстѣ имѣютъ (по ценсу 1860 г.) около

2,650,000 блага населенія и около 2,300,000 невольниковъ. Когда Линкольнъ объявилъ войну, армія этихъ штатовъ, простиравшаяся тысячъ до 20 или до 30, была уже недалеко отъ Вашингтона, куда пошла изъ Южной Каролины черезъ Сѣверную Каролину и Виргинію, а изъ Луизианы и Миссиссиппи черезъ Теннесон и Виргинію, изъ Техаса черезъ Арканзасъ и Теннесси. Такимъ образомъ изъ 8 пограничныхъ невольническихъ штатовъ, колебавшихся между вашигтонскимъ и монтгомерійскимъ правительствомъ, 4 штата — Арканзасъ, Теннесси, Сѣверная Каролина и Виргинія — были заняты войсками Южной Конфедераціи; при объявленіи войны приверженцы союза въ этихъ четырехъ штатахъ конечно были подавлены военною силою и къ Южной Конфедераціи присоединялась еще огромная полоса земли, имѣющая около 2,925,000 блага населенія и 1,210,000 невольниковъ. Въ остальныхъ четырехъ невольническихъ штатахъ пропорція невольниковъ уже гораздо меньше, чѣмъ въ 11 отдѣлившихся: при 3,690,000 блага населенія, Делаваръ, Мериландъ, Кентукки и Миссури имѣютъ только 440,000 невольниковъ. Делаваръ остался вѣренъ правительству; значительная часть Мериланда также; сѣверныя половины Кентукки и Миссури населены людьми, имѣющими ненависть къ невольничеству и уже пославшими довольно много волонтеровъ въ сѣверную армію. Читатель видѣлъ, напримеръ, что въ Сентъ-Луисѣ, важнѣйшемъ городѣ Миссури, составилось 6—тысячное войско изъ людей враждебныхъ невольничеству и побѣдило сепаратистовъ; а Сентъ-Луисъ лежитъ на Миссиссиппи, дѣлящей Миссури на двѣ почти равныя половины; и притомъ въ большихъ городахъ, какъ Сентъ-Луисъ, сепаратисты особенно сильны по торговымъ связямъ этихъ городовъ съ хлопчато-бумажными штатами; приверженцамъ свободы въ Миссури и Кентукки обещана помощь осѣдлыхъ свободныхъ штатовъ Айовы, Иллинойса, Индіана; такъ что Кентукки и Миссури или раздѣлятся пополамъ между враждебными лагерями, или сохрѣнятъ нейтралитетъ. Въ Мериландѣ возставшая половина штата уже усмирена: Балтиморъ занятъ союзными войсками и выѣтъ съ своимъ округомъ объявленъ въ осажденное положеніе; мериландскія власти умоляютъ теперь о нейтралитетѣ. Слѣдовательно четыре изъ пограничныхъ штатовъ или будутъ имѣть внутреннюю борьбу или сохрѣнятъ нейтралитетъ и во всякомъ случаѣ не дадутъ большой прибавки силъ ни той, ни другой сторонѣ. Остальные 11 невольническихъ штатовъ (4 пограничныхъ и 7 хлопчато-бумажныхъ) имѣютъ около 5,590,000 блага населенія, — вотъ весь источникъ военной силы для инсургентовъ. Населеніе свободныхъ штатовъ слышнее вътрое больше, оно превышаетъ 18 милліоновъ человекъ. Д

такъ, если даже не считать нравственного, денежнаго и техническаго перевѣса Сѣвера надъ Югомъ, борьба была бы сайшкомъ неравна, хотя бы въ возмущившихся штатахъ все бѣлое населеніе было на сторонѣ инсургентовъ, или по крайней мѣрѣ во всѣхъ частяхъ этой территоріи принуждено къ повинности терроризовать инсургентовъ, какъ принуждено къ тому въ Южной Каролинѣ. Но ни того, ни другаго нѣтъ. Мы нѣсколько разъ говорили, что во всѣхъ возмущившихся штатахъ, кромѣ одной Южной Каролины, сецессионисты составляютъ меньшинство; а большинство бѣлаго населенія ждетъ лишь случая, чтобы свергнуть съ себя ихъ иго. Этого мало: на обоихъ противоположныхъ концахъ возмущившейся территоріи, — на сѣверномъ краю ея (въ западной части Виргиніи) и на южномъ краю (въ Техасѣ) — часть населенія, враждебная повольничеству, уже взялась за оружіе, чтобы свергнуть насильственное господство сецессионистовъ. Западная Виргинія (за Аппалачскими горами) населена людьми, пришедшими съ Сѣвера; депутаты этой части штата, составляющей по пространству около 4-й доли его, а по населенію, если не ошибаемся, около третьей доли, уже собрались и объявили, что будутъ воевать съ партією, отдѣлившею остальные части Виргиніи отъ Союза. Въ Техасѣ противниками сецессионистовъ командуетъ генералъ Густонъ, губернаторъ штата, не согласившійся на отрженіе пшца, которое провозглашалаъ техасскій конвентъ. Густонъ знаменитъ своими подвигами въ мексиканскую войну и подъ его начальствомъ былъ занятъ Техасъ американцами. — Такимъ образомъ около половины майя положеніе дѣлъ было слѣдующее. Конфедераціонныя отряды, быстро двигавшіеся на взятіе Вашингтона, остановились въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ него, потому что успѣла собраться тамъ изъ сѣверныхъ штатовъ сила болѣе многочисленная. Вашингтонское правительство скоро начнетъ, теперь быть можетъ и начало, наступательныя дѣйствія. Планъ покуда хранится въ глубочайшей тайнѣ, но очевидно, что будетъ наступленіе по двумъ направленіямъ: съ сѣвера прямо на югъ, изъ Вашингтона и мерилендскаго приморья двинутся войска сѣверо-восточныхъ штатовъ — Пенсильніи, Нью-Йорка и Новой Англіи; войска сѣверо-западныхъ штатовъ спустятся по Миссиссиппи, также въ направленіи съ сѣвера на югъ, въ Арканзасъ и Луизиану, потомъ пойдутъ на востокъ; общее направленіе этихъ двухъ армій будетъ на Южную Каролину. По другому направленію будетъ дѣйствовать третья армія, составленная также изъ восточныхъ войскъ: она отправится моремъ въ Техасъ на помощь Густону. Это все. Но будутъ кромѣ того высадки съ аппалаческаго прибрежья въ Виргинію или Сѣверной Каролины, въ Юж-

ной Каролинѣ или въ Георгіи и Флоридѣ. Какіе пункты нападенія будутъ выбраны тутъ, отгадать нельзя. Это общее наступленіе со всѣхъ сторонъ, съ сѣвера, съ востока, съ южнаго побережья, съ запада и сѣверозапада, начнется, какъ полагаютъ, уже осенью, около октября, потому что лѣтній зной въ хлопчато-бумажныхъ штатахъ былъ бы обременителемъ для сѣверныхъ войскъ. До той поры театръ военныхъ дѣйствій будетъ только сѣверный край возставшей территоріи, — восточная Виргинія и, быть можетъ, Теннесси. Союзная войска очистятъ отъ отрядовъ Южной Конфедераціи это пространство въ теченіе лѣта.

Если инсургенты будутъ биться до послѣднихъ силъ, война кончится не очень скоро, — вѣроятно не раньше слѣдующей весны, потому что обширность захваченной инсургентами территоріи огромна: 11 штатовъ, составившихъ Южную Конфедерацію, занимаютъ пространство болѣе 35,000 кв. миль, то есть земля эта равняется величинею Шрепейскому полуострову съ Франціею, Германскимъ Союзомъ и всѣми прусскими и австрійскими владѣніями. Надобно вѣроятно мѣсяцевъ, чтобы армія могла дойти отъ Вашингтона до Чарльстона или отъ Синсивата до Нового Орлеана: каждый изъ этихъ путей составляетъ болѣе 1,500 верстъ.

Но увидимъ ли мы отчаянную борьбу южныхъ сецессионистовъ? Будутъ ли они, потерявъ Виргинію, обороняться въ Сѣверной Каролинѣ, потерявъ ее, въ Южной Каролинѣ и въ Георгіи? Они увѣряютъ въ этомъ. Но можетъ случиться иное: они могутъ упасть духомъ, смириться. Въ такомъ случаѣ снисходительность снова появится на Сѣверѣ и рѣшеніе вопроса будетъ отсрочено. Эта наименѣе благоприятная развязка очень правдоподобна, но и при ней нынѣшнія событія все-таки останутся не совершенно безплодными.

Впрочемъ объ этомъ мы еще успѣемъ поговорить, когда виднѣе будетъ, чего надобно ждать, примиренія ли, съ нѣкоторыми лишь уступками отъ плантаторовъ, или рѣшительнаго конца съ результатомъ въ духѣ аболіціонистовъ. А теперь надобно же сказать хоть нѣсколько словъ и о европейскихъ дѣлахъ, въ которыхъ все еще нѣтъ ничего рѣшительнаго, все еще длится натянутое положеніе.

Въ Вѣнѣ собрался имперскій совѣтъ, на который присланы депутаты лишь отъ провинцій, составляющихъ только половину имперіи по населенію. Венгрія, Трансильванія, Кроація, Истрія, Венеція не захотѣли участвовать въ дѣлѣ, принципу котораго враждебны. Впрочемъ это ни мало не мѣшаетъ имперскому совѣту удовлетворительно исполнять свое предназначеніе, выражать сочувствіе къ правительству и обѣщать ему поддержку противъ венгровъ. Венгерскій сеймъ очевидно выжидаетъ обстоятельствъ и дѣлать свои засѣданія, не пред-

принимая ничего рѣшительнаго; какихъ обстоятельствъ онъ выжидаетъ, мы уже говорили много разъ. Венгры ведутъ переговоры съ кроатами и сербами и, повидимому, не совсѣмъ безуспѣшно. Кроатскій сеймъ протестуетъ противъ вѣнскихъ распоряженій и уже начинаетъ прямо говорить, что вѣрнѣе кроатамъ полагаться на Пештъ, чѣмъ на Вѣну. Кроме того ведутся сношенія съ итальянцами, то есть съ гарибальдинцами и маццинистами черезъ посредство Кошута, Клапки и Тюрра, которые развѣзжаютъ по Италіи и безпрестанно имѣютъ совѣщанія съ рѣшительными приверженцами итальянскаго единства. Кавуръ, конечно, чистъ отъ этихъ злоумышленій и по мѣрѣ возможности иѣшаетъ имъ. Онъ надѣется, что въ силахъ будетъ сдержать свое обѣщаніе: не допустить маццинистовъ и венгерскихъ эмигрантовъ вторгнуться въ Венецію и Венгрію. Очень можетъ быть, что ему и удастся задержать ихъ нынѣшнимъ дѣломъ: весны прошло уже очень много и ему удавалось; почему же не продлится такому успѣху еще нѣсколько мѣсяцевъ? Онъ надѣется, что французская армія передастъ ему Римъ. На исполненіе этихъ хлопотъ меньше надеждъ. Переговоры между Шарлемъ и Туриниою о Римѣ ведутся, составляются разные планы соглашеній, отчасти одобряются, почти совершенно одобряются, потомъ опять отвергаются, — обыкновенная исторія лавиревки для выгрыша времени. Пересказывать эту исторію мы не намѣрены, потому что сами не посвящаемся и ничего не хотимъ посвящать въ дипломатическія тайны, которыя, впрочемъ, можно прочитывать въ каждой газетѣ.

Затѣмъ, разумѣется, все обстоитъ тихо, слѣдовательно благополучно.

ОТЪ КОНТОРЫ «СОВРЕМЕННОСТИ»:

Контора редакціи «Современника» проситъ г-на Диттеля прислать ей нынѣшній его адресъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ГРАФЪ КАВУРЪ.

Считаться великимъ правителемъ, необходимымъ министромъ въ теченіе многихъ лѣтъ, — и какихъ лѣтъ! не азиатскихъ, сонныхъ, когда спокойно держится на мѣстѣ каждый, кому случилось попасть на мѣсто, — нѣтъ, въ періодъ, когда кипитъ національная жизнь, происходятъ перевороты, грозятъ великія опасности, приобретаются блистательные успѣхи, напряжены всѣ силы народа и дѣйствуютъ гениальные люди, — добиться перваго мѣста въ такое время и приобрести такую репутацію, чтобы миллионы основывали всѣ свои надежды на твоемъ умѣ, готовы были слѣдовать за тобою на все, готовы были жертвовать твоему превосходству многими дорогими своими убѣжденіями, лишь бы ты руководилъ дѣломъ, лишь бы ты не покидалъ его — разумѣется, такого положенія, такой репутаціи въ такое время нельзя достичь человѣку иначе, какъ при способностяхъ, очень замѣчательныхъ. Мы ни мало не станемъ отрицать того, что Кавуръ былъ человѣкъ очень замѣчательныхъ дарованій. Едва ли любилъ его кто нибудь изъ тѣхъ, которые отдавали ему въ руки власть, почти безграничную. Говорятъ, что къ Виктору Эммануэлю онъ былъ антипатиченъ. Это очень правдоподобно. Король итальянскій — человѣкъ прямаго характера, простой, скромный; Кавуръ не могъ нравиться ему при своемъ коварствѣ и претендательности. Масса не находила въ Кавурѣ ни рыцарской отважности, ни высокаго великодушія, ни одной изъ

тѣхъ сторонъ блестящаго благородства, которыя магически на нее дѣйствуютъ, ни заботливости о простонародныхъ нуждахъ, ни прогрессивныхъ мнѣній, — ничего такого, чѣмъ очаровывается простолюдинъ въ правитель; даже сами парламентскіе приверженцы Кавура, сами его товарищи по кабинету не любили его: они часто шокировались его высокоуміемъ и самовластіемъ. А между тѣмъ, парламентское большинство подчинялось ему безусловно, король соглашался на все, чего онъ хотѣлъ, масса, при всей своей нелюбви къ нему, вѣровала въ него: значить, велико было его превосходство надъ всѣми людьми одинаковаго съ нимъ направленія. Дѣйствительно, не было ему соперника между дипломатами и конституціонными министрами Западной Европы. Въ крайнихъ партіяхъ, и въ реакціонной и въ революціонной, находилось много людей, гораздо болѣе сильнаго ума и характера. Но по самому положенію дѣлъ, ни та ни другая партія не могла пользоваться властію въ Сардиніи; а въ консервативно-либеральной партіи, которая одна по ходу дѣлъ должна была имѣть власть, Кавуръ былъ выше всѣхъ изворотливостью ума и рѣшительностью характера; потому-то и считался онъ незамѣнимымъ правителемъ.

Мы вполне признаемъ, что никто лучше его не могъ исполнять ту систему, которой онъ держался по своему образу мыслей. Скажемъ больше: мы расположены думать, что господство именно этой системы служило необходимымъ условіемъ успѣшнаго хода національныхъ дѣлъ. Но мы не восхищаемся ни системой, представителемъ которой былъ Кавуръ, ни имъ самимъ. Это требуетъ объясненія.

Все на свѣтѣ требуетъ для своего осуществленія силы. Дурное и хорошее одинаково ничтожно, когда безсильно. Что же такое сила? Въ теоріи сила дается логикою. Кто имѣетъ совершенно опредѣленные принципы, кто развиваетъ ихъ послѣдовательно, тотъ всегда одерживаетъ въ теоретическомъ спорѣ верхъ надъ людьми непослѣдовательными, говорящими въ одно время объ одномъ и томъ же и «да» и «нѣтъ». Всѣ великіе теоретики были люди крайнихъ мнѣній. Но другое дѣло — практическая жизнь. Въ ней важно то, на чьей сторонѣ большинство. А у большинства господствующій принципъ — рутинѣ. Рѣдки бываютъ минуты, когда овладѣваетъ обществомъ сильная идея, и оно скоро утомляется непривычнымъ для него напряженіемъ умственныхъ силъ и снова впадаетъ въ рутину; а рутинѣ — это вовсе не логическая смѣсь стараго и новаго, смѣсь мыслей, принадлежащихъ совершенно разнороднымъ принципамъ, которыми никакъ нельзя ужиться вмѣстѣ въ послѣдовательной теоріи, но которыя очень легко набиваются рядомъ въ головы, мало спо-

собныя мыслить. Силнѣ въ обществѣ тотъ, кто имѣетъ за себя большинство. Вотъ причина тому, что въ конституціонныхъ государствахъ власть принадлежитъ обыкновенно партіи такъ называемыхъ умѣренныхъ людей, — людей непослѣдовательнаго образа мыслей, желающихъ лишь на половину всего, чего желаютъ, исполняющихъ лишь на половину все то, къ чему стремятся. Въ Италіи по національнымъ дѣламъ есть, какъ и вездѣ, два противоположные образа мыслей, очень послѣдовательные каждый своему принципу. Представителями одного надобно назвать покойнаго короля неаполитанскаго Фердинанда и вышшняго правителя римскихъ дѣлъ Антонелли; извѣстнѣйшій представитель другаго — Маццини. Котораго изъ нихъ вы ни захотите послушать, онъ разсуждаетъ гораздо логичнѣе Кавура и его сотоварищей. Но одинъ принципъ уже не удовлетворяетъ рутинному образу мыслей большинства, другой еще не вошелъ въ рутину. Отъ этого при обыкновенномъ настроеніи итальянскаго общества ни тотъ, ни другой не могутъ удовлетворить ему. Удовлетворительна только та смѣсь, которая составляетъ рутину, образовавшуюся изъ клочковъ прежняго принципа, еще уцѣлѣвшихъ, и клочковъ новаго принципа, уже успѣвшихъ сдѣлаться общими мѣстами. Люди крайнихъ мнѣній должны знать, что они работаютъ не въ свою пользу. Ихъ дѣятельность не остается безъ результата, — напротивъ, только именно отъ нея и происходитъ результатъ: общество нѣсколько подвигается назадъ усиліями реакціонеровъ, когда обстоятельства благоприятствуютъ имъ; а вообще оно подвигается впередъ усиліями рѣшительныхъ прогрессистовъ. Но работаютъ и тѣ и другіе одинаково въ пользу умѣренной партіи. Фердинандъ неаполитанскій и Антонелли, а на противоположномъ концѣ Гарибальди и Маццини одинаково трудились въ пользу Кавура, потому что масса общества нерасположена идти далеко ни по какому правленію: она рада останавливаться подлѣ тѣхъ, которые въ дурномъ ли, въ хорошемъ ли одинаково говорятъ: «остановимся; мы уже далеко ушли; отдохнемъ, успокоимся.»

Вотъ источникъ силы, которую имѣлъ Кавуръ. Онъ принадлежалъ къ партіи рутинны, къ людямъ, совѣтовавшимъ обществу не заходить далеко ни впередъ, ни назадъ. Но общее положеніе Италіи было таково, что общество не могло избѣжать прогрессивнаго движенія. Прежній порядокъ дѣлъ былъ слишкомъ тяжелъ. Потому въ рутинѣ довольно быстро уменьшался элементъ старины, довольно быстро входили въ нее обрывки новыхъ стремленій. Умѣренная партія, представительница рутинны, съ каждымъ годомъ расширяла свою мѣрку возможныхъ и полезныхъ реформъ. Это расширеніе дѣлалось не по ея охотѣ, противъ ея желанія налагалось на

нее успѣхами прогрессистовъ. Но все равно, она шла впередъ. Десять лѣтъ тому назадъ она мечтала только объ итальянскомъ союзѣ, въ которомъ участвовали бы король неаполитанскій, папа, герцогъ тосканскій и король сардинскій. Прогрессисты работали, и черезъ нѣсколько лѣтъ программа умѣренной партіи расширилась: Кавуръ и люди, предводителями которыхъ онъ былъ, стали думать, что четырехъ государствъ въ Италиі слишкомъ много, довольно будетъ двухъ; Тоскана съ герцогствами и сѣверная часть Папскихъ владѣній удобно могутъ быть присоединены къ Сардиніи, а южная часть Папскихъ владѣній къ Неаполю. Когда Кавуръ, три года тому назадъ, входилъ въ соглашеніе съ императоромъ французскъ на плембурское свиданіи, онъ мечталъ еще только объ этомъ дѣлѣ Италиі по-поламъ, да и то лишь мечталъ, а практическая программа его не достигала и этой высоты; онъ еще нелагалъ, что и Тоскана, и Папская область за исключеніемъ легатствъ, сохранять свою отдѣльность въ переворотѣ, который рассчитывалъ онъ произвести помощью Франціи. Зимой прошлаго года перешло въ практическую программу умѣренной партіи то, что было лишь мечтою для нея до начала войны. Сардинія уже поглотила Тоскану и рассчитывала овладѣть Папскою областью; но Неаполь еще не хотѣлъ касаться Кавуръ. Когда Гарибальди овладѣлъ Сициліею, умѣренная партія опять говорила: «довольно, остановимся на этомъ; пусть неаполитанскія владѣнія на континентѣ останутся неприкосновенными». Когда и они были введены въ составъ національнаго государства, умѣренная партія опять говоритъ: «довольно, остановимся пока на этомъ; отдохнемъ; думать о Венеціи еще рано». Мы нимало не утверждаемъ, что умѣренная партія не была права каждый разъ: какое намъ дѣло разбирать, кто правъ? Быть можетъ, мы должны сказать, что если ужъ не правъ Кавуръ, то правъ не иной кто, какъ Антонелли. Къ чему же намъ договариваться до такихъ вещей? Мы лучше будемъ смотрѣть лишь на фактическую сторону дѣла, лишь на ходъ событій, и, основываясь на немъ, мы можемъ сказать, что умѣренная партія въ Италиі никогда не имѣла твердой программы по національному дѣлу; оно было ведено другими людьми, съ самаго начала поставившими себѣ нецѣлѣнную цѣль: стремиться къ соединенію всей Италиі въ одно государство. Умѣренная партія постоянно считала этихъ людей непрактичными мечтателями, вредными интригантами и по своей рутинности постоянно желала остановиться на перемирищахъ, сколь возможно менѣе значительныхъ. Но старыі порядокъ, кусокъ са кускомъ, падалъ подъ напоромъ интригантовъ и мечтателей. Съ каждымъ такимъ фактомъ принуждена бывала умѣренная партія изъ-

иѣвать свою программу. Хороша или дурна цѣль, къ которой идетъ итальянское дѣло,—за то, что оно приближается къ ней, умѣренную партію не надобно ни хвалить, ни корить; она съ своимъ представителемъ тутъ ни въ чемъ невиновата.

Да, невиновата ни въ чемъ, даже и въ томъ, что дѣло шло не такъ быстро, какъ могло бы идти при другомъ ея характерѣ, когда бы она сама стремилась къ чему нибудь опредѣленному, а не ограничивалась тѣмъ, что пассивно принимала каждый совершившійся фактъ, осуществленіе котораго замедляла своею апатичностью, своею неподвѣрчивостью къ національнымъ силамъ. Вѣдь еслибъ Кавуръ и другіе предводители умѣренной партіи поступали иначе, если бы они сами шли впередъ, а не были противъ собственныхъ мыслей ведены впередъ другими, они не были бы предводителями умѣренной партіи, не были бы представителями большинства, не имѣли бы въ своихъ рукахъ и организованную силу государства, не были бы его правителями. Они были бы тогда отброшены массою, какъ люди, не соответствующіе неопредѣленности ея тенденцій, власти ея желаній; она выдвинула бы тогда впередъ другихъ людей, и только перемѣнилась бы расстановка именъ. Предположите, что Кавуръ не имѣшаетъ Маццини, а помогаетъ ему; что же изъ этого? Ничего, кромѣ личной несправедливости для Кавура: его, вмѣстѣ съ Маццини, считаютъ человекомъ непрактичнымъ, вреднымъ, отъ него отступаются, его сталкиваютъ съ мѣста и на это мѣсто выводятъ Рикасоли или Фарини, Ратацци или Ламормору; предположите, что и они всѣ четверо поддаются образу мыслей, который по нашему предположенію увлекъ Кавура; опять изъ этого выходитъ лишь то, что увеличивается нѣсколькими новыми именами списокъ именъ, въ которомъ теперь стоятъ Бергани и Мордини, Саффи и Криспи, Ричарди и Либертини; только и всего. А въ этомъ списокѣ столько людей способныхъ, что не выиграетъ онъ отъ прибавки этихъ новыхъ именъ; а власти надъ организованными государственными средствами они не принесутъ ему потому, что сами теряютъ эту власть, какъ только становятся людьми послѣдовательными, имѣющими твердую цѣль стремленій, — теряютъ власть оттого, что перестаютъ быть удовлетворительными для апатичной, не имѣющей яснаго образа мыслей массы общества. Имѣть обдуманную, ясную программу!—Можетъ быть это и хорошо само по себѣ, можетъ быть это и полезно для націй, но масса общества никогда не поставитъ, не будетъ имѣть своимъ представителями такихъ людей. Стало-быть нечего порицать Кавура за то, что былъ онъ такимъ, какиимъ былъ, занимавшая мѣсто, какое занималъ: такіе люди требуются этимъ мѣстомъ; другіе не годятся для него.

Но если система, представителемъ которой былъ Кавуръ, не могла быть иною и потому не можетъ служить предметомъ порицанія, то нельзя же съ чисто-исторической точки зрѣнія не видѣть, что система эта была несоотвѣтственна цѣли, къ которой шло итальянское дѣло, и потому замедляла его успѣхи на каждомъ шагѣ. Да и какъ же хотите вы, чтобы было иначе? Люди не знаютъ, чего имъ хотѣть; изъ этихъ людей, не знающихъ, чего имъ хотѣть, разумеется, приходится кому нибудь быть предводителемъ остальныхъ; онъ ихъ предводитель только потому, что тоже не знаетъ, чего ему хотѣть; какая же польза для дѣла оттого, что люди не знаютъ, чего имъ хотѣть, и какая польза дѣлу отъ этого предводителя?

Впрочемъ, «не знать, чего хотѣть»,—это вѣдь говорится только относительно дѣла, составляющаго національную задачу въ известное время; а то какъ же умнымъ людямъ, напримѣръ, хотя Кавуру и другимъ предводителямъ умѣренной партіи въ Италиі, не знать, чего они хотятъ? Возьмите хотя то, какіе они люди, и вы увидите, что нельзя имъ не знать очень хорошо всего до послѣдней мелочи. Кто они? Они—люди рутинны. Рутинна не логична, слѣвлена изъ противорѣчащихъ мыслей; это такъ. А все-таки она—вещь чрезвычайно опредѣленная, и кто держится ея, тотъ все знаетъ, рѣшительно все; нѣтъ у него ни сомнѣній, ни недоумѣній, все рѣшено за него рутинной. На балъ ли ѣхать,—надобно надѣвать фракъ (о сюртукѣ и мысли быть не можетъ), и фракъ именно чернаго цвѣта; жениться ли,—надобно выбрать невѣсту съ приличнымъ состояніемъ и хорошими связями. Такъ оно и въ національныхъ дѣлахъ. Вотъ, напримѣръ, Кавуръ дѣлается сардинскимъ министромъ: какъ же ему не знать, о чемъ стараться? Напротивъ, это ясно для него, какъ дважды-два. Сардинія — государство небольшое. На сѣверозападъ и на сѣверовостокъ лежатъ другія государства, очень большія, надъ которыми перевѣса не получишь. А по известной рутинѣ, искусный министръ долженъ доставлять своему государству перевѣсъ надъ другими. Гдѣ же бы найти такія государства, надъ которыми можетъ получить перевѣсъ Сардинія? Да вотъ на югѣ лежатъ государства, и небольшія и такія расшатавшіяся во внутреннемъ бытѣ, что не могутъ держаться самостоятельно, должны находиться подъ чьимъ-нибудь перевѣсомъ. Значитъ, надъ ними-то и надобно Сардиніи взять перевѣсъ. Хорошо; какимъ же способомъ взять перевѣсъ? Опять по рутинѣ известно, что если сосѣднее государство волнуется внутренними смутами, сосѣду, желающему приобрести перевѣсъ, надобно раздуть внутреннія несогласія, помогать недовольнымъ и, чего бы ни хотѣли эти недовольные, говорить, что согласенъ съ ними. Недовольство въ итальянскихъ государствахъ происходило изъ двухъ стремленій: къ

національному единству и къ свободнымъ формамъ правленія. Значитъ, Сардинія должна являться защитницею національныхъ стремленій и либеральныхъ формъ. Противъ нихъ итальянскія правительства боролась при помощи Австріи; значитъ, надобно стать во вражду къ австрийцамъ, друзьямъ противниковъ. Это тѣмъ полезнѣе, что національная итальянская партія ненавидитъ австрийцевъ; значитъ, этимъ польстить ей. Прекрасно; но вѣдь по той же рутинѣ государство, отыскавшее себѣ враговъ, должно искать союза съ другими государствами. Сильнѣйшія государства въ западной Европѣ— Англія и Франція. Значитъ, надобно приобрести ихъ дружбу. Чѣмъ же приобрести дружбу англичанъ? Этотъ народецъ чрезвычайно гордится своими формами правленія. Значитъ, надобно быть приверженцемъ английскихъ формъ; оно тѣмъ нужнѣе, что итальянскіе недовольные кетятъ политической свободы, а австрийцы противятся ей въ Италіи, — надобно поддерживать то, противъ чего ратуютъ противники. Но расчетливый народецъ эти англичане!—Одними идеями мало ихъ растрогаешь; надобно дать имъ матеріальную выгоду. Какихъ же выгодъ они добиваются? Больше всего выгодъ свободной торговли. Значитъ, надобно быть приверженцемъ свободной торговли, возмнжать тарифъ. Хорошо; положимъ, этими двумя приманками сочувствіе англичанъ приобретено. Но дрянной народецъ эти англичане: не любятъ воевать. Рѣчами и денешами они станутъ помогать, но такого пособія мало; нужно приобрести союзника, который далъ бы войско; а вотъ какъ-разъ такой союзникъ и готовъ во Франціи. Ему, по его внутреннему положенію, надобно непремѣнно заводить отъ времени до времени войну, чтобы отвлекать Францію высшими дѣлами отъ внутреннихъ, чтобы очаровывать ее военной славой. Припомъ же, вѣковое преданіе французской политики — борьба противъ габсбургскаго дома. Значитъ, вотъ и все дѣло въ шляпѣ. Какъ же тутъ сказать, что у Кавура, какъ представителя умѣренной партіи, вѣтъ определенной программы по коренному свойству умѣренной партіи не имѣть определенной программы? Напротивъ, программа Кавура чрезвычайно точна: искать перевѣса въ Италіи, опираясь на національное стремленіе и либерализмъ и вражду противъ Австріи, захватившей въ свои руки этотъ искомый перевѣсъ; приобрести симпатію Англіи тѣмъ же либерализмомъ и свободною торговлею, и приобрести дружбу Франціи, давъ ей предлогъ для войны съ австрийцами, которая нужна для Франціи. Какая определенная программа и какъ легко она составила!—Просто по правиламъ дипломатической рутинны.

Но рутинность программы не уменьшаетъ практической репутаціи человѣка, чуждаго исполнять ее. Посмотрите, вѣдь купецъ

тоже дѣйствуетъ по рутинѣ: дешево купить, дорого продать, выжидать времени, не унустать хорошей минуты, искать кредита, давать кредитъ лишь солиднымъ людямъ, — кажется, просто, и ничего тутъ не придумано самимъ исполнителемъ, а вѣдь показываетъ же этой кумедь удивительныя способности искусныя вымполовисты этой программы. Почему жь и Кавуру не называть гениальнымъ человекомъ за свое искусство? Вѣдь надобно отдать ему справедливость: нашедши для себя правила, онъ держался ихъ неуклонно и слѣдовалъ имъ очень ловко. Будь онъ съ такими качествами не вельможа, богатый по наследству, а сынъ какого нибудь лавочника и займись онъ не политикой, а торговлей, онъ изъ бѣдняка сталъ бы миллионеромъ.

Все это такъ; и программа исполнялась очень искусство, и все, что входило въ программу, было ясно, точно, твердо, — значить, представляло всѣ залоговья успѣха; все такъ, лишь одна была бѣда: главное-то дѣло не пошло въ программу главнымъ дѣломъ, потому что не входило въ вѣковѣчныя правила дипломатической рутинѣ. Вотъ только оно-то одно и осталось для Кавура, какъ для всей умѣренной партіи, дѣломъ темнымъ, о которомъ Богъ-знаетъ-какъ судить, относительно котораго приходилось поступать по рутиннымъ надобностямъ иныхъ соображеній, часто не соглашавшихся съ нимъ, часто вредившихъ ему; вотъ только оно-то и осталось какимъ-то вѣщнымъ, непонятнымъ предметомъ, относительно котораго дѣйствовалъ Кавуръ на-удачу, не соображая его надобностей, жертвуя имъ для своихъ рутинныхъ цѣлей. Повторимъ опять: вникнуть его тутъ не-за-что; вѣдь надобно же массѣ быть массой, то есть имѣть рутинный образъ мыслей; вѣдь надобно же кому нибудь быть представителемъ этой массы, какъ надобно же кому нибудь писать романы въ родѣ Александра Дюма, для людей, которымъ хероніе романы непонятны. Напротивъ, надобно отдать полную честь Александру Дюма, что онъ отлично пишетъ вздорные романы, и еслибъ не писалъ ихъ онъ, читались бы романы, написанные гораздо хуже, и надобно будетъ, когда скончается онъ, — чему же дай-богъ скоро случиться: да процвѣтеть небо вѣрную дѣятельность знаменитаго старца! — когда онъ скончается, мы возрыдаемъ, что огромное большинство европейской публики лишилось писателя незамѣнимаго.

На томъ же основаніи мы называемъ смерть Кавура великою потерей для итальянцевъ умѣренной партіи, то есть для всей массы итальянцевъ, за исключеніемъ очень малочисленныя дружокъ кардинала Антонелли и довольно малочисленныя людей дѣйствительно яснаго и твердаго прогрессивнаго образа мыслей. Кто будетъ вести дѣла по рутиннымъ понятіямъ съ такимъ искусствомъ и съ такою

твердостью? Рикасоли и Ратацци, Фарини и Бонкомпаньи, — все это передъ Кавуромъ — то же, что Поль Феваль и маркизь Фудрасъ передъ Александромъ Дюма-старшимъ. Одна у насъ надежда — на молодого человѣка, находящагося посланникомъ въ Парижѣ. Не даромъ Ингра былъ любимцемъ Кавура, единственнымъ повѣреннымъ всѣхъ его задушевнѣйшихъ расчетовъ. Авось онъ оправдаетъ наши надежды. А не онъ, такъ кто нибудь другой откроется съ кавуровскими талантами. Такъ, надѣемся, что утрата современемъ, и даже въ скоромъ времени, вознаградится. Но вѣдь это пока еще надежда, и пока она исполнится, надобно будетъ чувствовать всю великость утраты.

Многимъ не нравилось наше малое удивленіе Кавуру. Да и то, что мы теперь написали, покажется, пожалуй, несправедливо. — «Какъ же это можно говорить, что Кавуръ, чрезвычайно хорошо понимая всѣ дѣла, которыя велъ, не понималъ главнаго дѣла, которое слѣдовало бы ему вести? Какъ можно утверждать, что, очень искусно ведя всѣ другія дѣла, онъ не велъ итальянскаго національнаго дѣла такъ же искусно? Милліоны образованныхъ людей въ Европѣ увѣрены, что онъ чрезвычайно много содѣйствовалъ успѣху этого дѣла, а вы находите, что онъ своимъ непониманіемъ и не-искусствомъ мѣшалъ ему? Это свидѣлствуетъ только, что вы не знаете фактовъ». — Положимъ, что не знаемъ; попробуемъ познакомиться съ ними.

Мы не станемъ писать біографію Кавура. Для этого еще слишкомъ мало матеріаловъ; да еслибъ и были матеріалы, то итальянское національное движеніе представляетъ много людей, болѣе достойныхъ подробной біографіи, чѣмъ Кавуръ. Мы очертимъ въ нѣсколькихъ словахъ лишь важнѣйшіе факты его государственной дѣятельности. Не будемъ распространяться ни о его знатномъ происхожденіи и огромномъ богатствѣ, ни о личныхъ его вкусахъ, ни о частной его жизни, — все это не относится къ дѣлу. Не будемъ говорить и о воспитаніи, какое получалъ онъ въ домѣ отца, бывшаго въ свое время однимъ изъ главныхъ служителей реакціонной системы въ Сардиніи, однимъ изъ людей, ненавистнѣйшихъ и народу и образованному обществу своей родины. Пожалуй, этимъ воспитаніемъ можно было бы извинить многое; но вѣдь намъ и не нужно отыскивать извиненій, — ны ни въ чемъ не винимъ Кавура. Мы только смотримъ на факты его государственной дѣятельности, на ихъ отношеніе къ національному итальянскому дѣлу; а фактическій характеръ, дѣйствительный результатъ дѣйствія остается одинъ и тотъ же, какими бы обстоятельствами предшествовавшей жизни ни объяснялось известное отношеніе человѣка къ дѣлу. Да еслибъ и говорить о ре-

акціонномъ воспитаніи Кавура, оно, пожалуй, не послужило бы ему извиненіемъ. Вѣдь извѣстно, что если человѣкъ воспитывается въ какойнибудь фальшивой системѣ и если потомъ начинаетъ онъ чувствовать ея неосостоятельность, познать истину, то прежнее близкое знакомство съ заблужденіемъ сильно помогаетъ ему въ разскапаніи истины. Дурное воспитаніе дурно тѣмъ, что рѣдкому удается сбросить съ себя его иго; за то, кто сбрасываетъ его, тому уже легче всякаго другаго стать человѣкомъ свободнымъ отъ рутинны. Фоксъ такъ же былъ отцемъ крайняго реакціонера и получилъ такое же воспитаніе. Если, отбрасывая предразсудки дѣтства, Кавуръ не отбросилъ съ ними и рутинны, это показываетъ, что рутинность уже слишкомъ глубоко вкоренилась въ самой его натурѣ.

Но какъ бы ни разсуждать о психологической сторонѣ вопроса, характеръ отцовской репутаціи валагалъ на Кавура двойную осмотрительность въ образѣ дѣйствій при началѣ карьеры, если бы онъ хотѣлъ служить національному дѣлу. Положимъ, что люди съ дипломатическими наклонностями могутъ пренебрегать популярностью; но какъ бы кто ни презиралъ ее, не станетъ онъ преднамѣренно дѣлать себя подозрительнымъ для общества, въ которомъ долженъ дѣйствовать. Кто начинаетъ карьеру съ безызвѣстнымъ именемъ, тотъ можетъ довольно часто дѣлать неосторожности, не навлекая на себя подозрѣнія. Положеніе Кавура было не таково. Ему нужна была чрезвычайная осторожность, чтобы не рѣшили всѣ съ перваго же раза, что онъ «пошелъ въ отца». Ему надобно было сильно позаботиться о снятіи съ себя оттѣнка, бросаемаго на него фамиліею. Онъ поступилъ иначе. Сталъ въ ряды крайней правой партіи, партіи, подозрѣваемой въ клерикализмъ и абсолютизмъ, говорилъ противъ прогрессистовъ рѣче, чѣмъ ктонибудь. Положимъ, что либералы были и глупы и вредны, какъ онъ доказывалъ; но, конечно, предоставилъ бы онъ другимъ, менѣе подозрительнымъ своимъ товарищамъ изблечать ихъ, если бы рассчитывалъ служить національному дѣлу, въ которомъ нужно же хотя нѣкоторое сочувствіе публики. Если онъ неступалъ иначе въ 1848 и слѣдующихъ годахъ, надобно изъ этого заключать, что или онъ не понималъ, что дѣлаетъ, или думалъ дѣйствовать въ такомъ кругу, для котораго общественное мнѣніе ничего не значить. Судя по всему, надобно предполагать второе. До самаго конца жизни, Кавуръ считалъ дипломатическія связи важнѣе популярности, швейцарскую поддержку важнѣе національныхъ симпатій и государственную силу ставилъ единственно въ регулярномъ войсѣ, пренебрегая великими волонтерами и народными ополченіями. Мы не то говоримъ, что онъ былъ не правъ въ этомъ, — мы только указываемъ, какъ онъ смотрѣлъ на вещи. Если

дѣйствовать регулярнымъ войскомъ, иностранными союзами и дипломатическими связями, — популярность, конечно, ничего не значитъ.

Своими рѣчами въ духѣ крайней правой партіи Кавуръ сдѣлался страшно непопулярно. Если онъ думалъ тогда о національномъ единствѣ, рассчитывалъ вести къ нему Италію, приобрѣтеніе такой репутаціи было чрезвычайною ошибкою. Но Кавуръ тогда вовсе и не думалъ ни о чемъ подобномъ. Для него существовала только Сардинія. Италія представлялась ему не больше, какъ группою слабыхъ государствъ, на правительства которыхъ можетъ приобрѣсти Сардинія точно такое же вліяніе, каковымъ пользовалась Австрія. Итальянское единство — это мечта; сливать раздробленныя части страны въ одно государство — это нелѣпость; можно только доставить Пьемонту дипломатическое первенство между ними въ-родѣ того, какъ Англія владычествуетъ въ Португаліи, или Франція въ Египтѣ. До итальянскаго народа нѣтъ ему никакого дѣла; нужно только устроить, чтобы въ каждомъ итальянскомъ государствѣ правительство держалось помощью сардинскаго. Союзъ съ итальянскими правительствами, отказъ отъ всякой помощи со стороны народныхъ силъ, вотъ первый видъ политической программы Кавура. Приведемъ одинъ фактъ, очень рѣзкій. Великій герцогъ тосканскій и папа были низвергнуты. Сардинія потерпѣла неудачу въ первомъ походѣ противъ австрійцевъ и готовилась начать второй. Австрійцы въ то же время собирались послать войска для возстановленія папы и герцога тосканскаго. Значитъ, сардинское правительство имѣло тѣхъ же враговъ, какъ партія, одержавшая верхъ въ Тосканѣ и Римѣ. Могла ли Сардинія ждать отъ этой партіи хорошей поддержки себя въ войнѣ съ австрійцами, это все равно, — во всякомъ случаѣ Тоскана и папскія владѣнія отвлекали къ себѣ часть силъ общаго непріятеля. Что же совѣтуетъ Кавуръ? Онъ совѣтуетъ сардинскому правительству (самъ онъ тогда еще не былъ министромъ) послать войско во Флоренцію и Римъ для возстановленія герцога тосканскаго и папы, то есть тѣхъ правительствъ, которыхъ не могутъ не быть усерднѣйшими приверженцами австрійцевъ. Дѣйствительно, посылается сильный корпусъ сардинской арміи для низверженія національной партіи во Флоренціи и Римѣ, и въ то же время остальные сардинскія войска идутъ противъ австрійцевъ, которые быстро уничтожаютъ ихъ въ знаменитой новарской битвѣ. Потеря этого сраженія въ значительной степени произошла оттого, что лучшія сардинскія войска находились въ другомъ краю страны, — они шли на Флоренцію и Римъ. Видно, возстановлять папу и великаго герцога тосканскаго было нужнѣе, чѣмъ отражать австрійцевъ. Это такая неслладница, которой трудно повѣ-

рять; но действительно было такъ. Чѣмъ объяснить такое безразсудное ослабленіе своихъ силъ въ роковую минуту? Партія, управлявшая тогда сардинскими дѣлами, и совѣтникъ ея Кавуръ полагаи, что полезныхъ союзниковъ должны искать они только въ легитимныхъ правительствахъ итальянскихъ государствъ, а никакъ не въ національной партіи. Они хотѣли, возстановили намъ и герцога тосканскаго, взять съ нихъ обязательство дѣйствовать заодно съ Сардиніею,—мечта, достойная аркадскихъ пастушковъ: такъ велико было ослѣпленіе Кавура правиломъ рутинной политики.

Скоро Кавуръ, по превосходству своихъ талантовъ, сдѣлался предводителемъ правой стороны въ парламентѣ; потомъ попалъ и въ министерство. Сначала онъ занималъ въ немъ второстепенныя мѣста, но твердость характера, неутомимая дѣятельность и парламентскій талантъ уже и тогда доставляли ему главный вѣсъ въ кабинетѣ. Черезъ годъ или черезъ два онъ и по формѣ сдѣлался первымъ министромъ.

Въ первые годы власти главнымъ дѣломъ его была забота о финансовыхъ реформахъ и объ ускореніи арміи. То и другое было необходимо для будущей борьбы съ Австріею. Финансовыя реформы состояли главнымъ образомъ въ пониженіи тарифа. Мы не знаемъ ничего въ порицаніе тому; напротивъ, согласны съ поклонниками Кавура, что введеніе принципа свободной торговли было очень полезно для Сардиніи. Но, за исключеніемъ одной этой стороны, наменѣе осизательной для массы народа, система податей и налоговъ не была облегчена Кавуромъ,—вѣтъ, многіе изъ прежнихъ налоговъ были увеличены; кромѣ того, установлено было много новыхъ. Въ 1850 г. доходы Пьемонта простирались только до 95,500,000 лиръ, въ 1858 г.—уже до 145,000,000,—въ 8 лѣтъ они увеличались слишкомъ на половину; разумѣется, такое увеличеніе не могло быть доставлено однимъ развитіемъ богатства страны,—большая часть прибавки произошла просто отъ увеличенія тяжести налоговъ. И действительно налоги въ Сардиніи стали при Кавурѣ и до сихъ поръ остаются очень обременительны. Разумѣется, такіа важныя цѣли, какъ національное единство, совершившееся въ противность ожиданій Кавура, или хотя бы простой перевѣсъ надъ другими итальянскими государствами, къ которому онъ стремился, не достигаются безъ великихъ жертвоуаній. Мы нимало не смущаемся тѣмъ, что въ такіе критическіе годы постоянно оказывался дефицитъ и государственный долгъ сильно возрасталъ. Мы не о томъ говоримъ, что Сардинія могла не дѣлать въ то время расходовъ, превышавшихъ ея нормальныя средства,—мы указываемъ лишь на тотъ фактъ, что для удовлетворенія чрезвычайнымъ надобностямъ государства Кавуръ

никуда не колебался увеличивать обременительность налоговъ, и на это обстоятельство указывалъ не въ упрекъ ему, а лишь въ свѣдѣтельство вѣрности нашихъ словъ о его программѣ. Еслибъ онъ думалъ о національномъ единствѣ, о привлеченіи массы итальянцевъ подъ общую власть савойской династіи, такой образъ дѣйствій былъ бы слишкомъ грубою несообразностью, какой не могъ сдѣлать Кавуръ при своемъ умѣ. Масса повсюду и всегда расположена ссоразмѣрять свое сочувствіе къ извѣстной системѣ съ величиною налоговъ, взимаемыхъ ею; это — самая освященная норма достоинствъ системы. Если бы Кавуръ думалъ объ итальянскомъ народѣ, у него достало бы сообразительности показать Италіи, что налоги въ Сардиніи легки: лучше было бы сдѣлать на какихъ бы то ни было невыгодныхъ условіяхъ нѣсколько сотъ лишнихъ милліоновъ долга, лишь бы не увеличивать прежнихъ налоговъ и отнѣситься вѣкоторыя несправедливѣйшія изъ нихъ. Но съ своей точки зрѣнія Кавуръ былъ правъ: тому кругу, на который онъ опирался, нѣтъ надобности до чувства массы, а для дѣла, котораго онъ хотѣлъ, и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ хотѣлъ его, приверженность массы не нужна.

Огромные расходы, сильно увеличившіе и государственный долгъ Пьемонта и обременительность налоговъ, были до извѣстной степени неизбежны: нужно было строить желѣзныя дороги, нужно было усиливать крѣпости, запастись оружіемъ для новой войны, нужно было расплачиваться за прежнюю несчастную войну. Но въ значительной степени расходы могли быть уменьшены, если бы принята была другая организація военныхъ силъ. Извѣстно, что есть на континентѣ Западной Европы двѣ совершенно различныя системы этой организаціи. Самымъ блестящимъ примѣромъ одной системы служить французское военное устройство. Тамъ срокъ службы подъ знаменами довольно продолжителенъ, и постоянно содержится подъ ружьемъ значительнѣйшая половина тѣхъ людей, которыхъ можетъ правительство выставить противъ непріятеля въ случаѣ войны. Резервы мало развиты. Другая система въ очень умѣренномъ развитіи принята Пруссіею, а до полнаго развитія доведена въ Швейцаріи. Въ Пруссіи рекрутъ удерживается подъ знаменами лишь на столько времени, чтобы вышелъ изъ него уже готовый спеціалистъ военнаго дѣла, готовый солдатъ; какъ только онъ готовъ, онъ отсылается домой, и въ мирное время не обременяетъ своимъ содержаніемъ правительство. Этотъ резервъ, совершенно готовый для генеральной битвы хоть на второй же день по своемъ призывѣ подъ знамена, въ три или четыре раза многочисленнѣе солдатъ, находящихся на содержаніи правительства во время мира. Благодаря этой системѣ, войско въ мирное время стоить Пруссіи вдвое дешевле,

чѣмъ Франціи (пропорціонально населенію), а при войнѣ Пруссіи (также пропорціонально населенію) нѣмѣтъ вдвое больше войска, чѣмъ Франція. Но въ Пруссіи, какъ мы сказали, еще только на половину привѣненъ принципъ организаціи, противоположный французскому, а воляго онъ принятъ, благодаря особенному географическому характеру страны и особенныягъ принципамъ ея политики, въ Швейцаріи. Тамъ постоянно находятся на службѣ лишь малочисленные отряды тѣхъ людей, которымъ дѣйствительно нужна долговременная подготовка по техническому характеру ихъ военной роли: та часть артиллерійской прислуги, которая должна управлять дѣйствіемъ орудій, та часть саперовъ, которая предназначена руководить техническою частью работъ, небольшія кадры унтеръ-офицеровъ, назначенныхъ быть учителями военной техники, наконецъ та часть офицеровъ, которая во время войны будетъ завѣдывать военными дѣйствіями: генеральный штабъ и выходящіе изъ него штабъ-офицеры и генералы. А тѣ люди, которымъ не предназначено на войнѣ играть специальныхъ ролей, — всѣ будущіе солдаты и большая часть унтеръ-офицеровъ и офицеровъ пѣхоты и большая часть будущихъ солдатъ другихъ родовъ оружія, — берутся для обученія лишь на одинъ мѣсяць въ эти кадры инструкторовъ, и потомъ ежегодно созываются на одну недѣлю для повторенія приѣмовъ, которымъ выучились въ первый годъ. Разумѣется, эти люди не могутъ быть употреблены въ большое сраженіе на другой же или на третій день послѣ того, какъ будутъ призваны къ походу: имъ нужно нѣсколько недѣль походной жизни, чтобы стать солдатами. Но въ дѣлѣ нынѣшнихъ войнъ нѣсколько недѣль походнаго времени всегда предшествуютъ серьезнымъ военнымъ дѣйствіямъ. Пока арміи сойдутся, пока подвезутъ къ нимъ артиллерійскіе паркы и т. д. и т. д., неизбѣжно пройдетъ столько времени, что швейцарскіе милліонеры, уже привыкшіе къ военнымъ приѣмамъ, обратятся въ хорошихъ солдатъ. Швейцарія выводитъ на войну (пропорціонально населенію) въ три раза больше войска, чѣмъ Пруссія, въ шесть разъ больше, чѣмъ Франція. А между тѣмъ въ мирное время, содержаніе войска обходится Швейцаріи въ пять разъ дешевле, чѣмъ Пруссіи, въ десять разъ дешевле, чѣмъ Франціи.

Французскій принципъ удобнѣе тогда, когда армія содержится для наступательныхъ войнъ и для подавленія бунтовъ. При прусской системѣ войско еще годится и для наступательной войны въ чужой странѣ, но болѣе пригодно оно для войны среди дружеской страны съ непріателемъ, занимающимъ ее. Швейцарская система исключительно пригодна лишь для втораго случая, а для войны среди непріятельнаго населенія не годится. Кромѣ того, при ней кавалерія не

можетъ быть доведена до такой силы, какъ при французской системѣ; слѣдовательно она вполнѣ пригодна лишь для тѣхъ странъ, гдѣ кавалерія не можетъ играть важной роли въ большихъ битвахъ. Зато швейцарскій принципъ неизмѣнно увеличиваетъ военную силу государства при войнѣ на родинѣ или въ дружеской странѣ. Швейцарія, имѣя съ небольшимъ 2 милл. населенія, можетъ выставитъ до 250 тыс. войска, такъ что эта маленькая земля, при опорѣ за Нобсхателъ, чувствовала себя въ силахъ отбить всю прусскую армію.

По соображенію всѣхъ обстоятельствъ, швейцарскій принципъ былъ полезнѣйшимъ для Пьемонта. Принявъ его въ полномъ развитіи, Пьемонтъ, имѣвшій 5.500,000 населенія, могъ бы вывести на войну отъ 500 до 600 тысячъ войска. Театромъ войны должна была служить восточная часть Пьемонта и Ломбардія, — страна, вся усѣянная построенными изъ камня, перерѣзанная безчисленными оросительными каналами, совершенно неудобная для кавалеріи, (которая, дѣйствительно, и не играла никакой роли въ сардинско-французскомъ походѣ 1859 г.). Но чтобы принять эту систему, которая маленькому Пьемонту давала бы военную силу, равную всей австрійской, то есть давала бы ему вѣрный успѣхъ въ войнѣ, при невозможности австрійцамъ послать въ Италію болѣе половины своей арміи, — чтобы принять эту систему, надобно было понимать войну съ Австріею, какъ войну чисто національную, надобно было принимать главнымъ основаніемъ для нея національное чувство. Кавуръ смотрѣлъ на дѣло иначе, потому не могъ принять не только швейцарскаго, но даже и прусскаго устройства. Национальный энтузіазмъ не входилъ въ его расчеты; онъ полагался только на тѣхъ солдатъ, которые уже готовы до начала войны; онъ и тутъ совершенно держался рутинѣ. А прусскій принципъ — принципъ новый, несогласный съ рутинною. Кавуръ самъ видѣлъ и окружилъ себя военными людьми старой школы, которые такъ же видѣли единственный идеалъ военныхъ силъ во французской организаціи. Онъ и они хотѣли вести войну исключительно солдатами по ремеслу, отвергая всякую милицію, всякихъ волонтеровъ, какъ элементы, слишкомъ ненадежные. Ламармора и Фанти организовали сардинскую армію съ педантической заботливостью о выправкѣ, о ранжирѣ. Потому, употребляя на армію чрезвычайно много денегъ, Сардинія могла выставить противъ Австріи не больше, какъ 60 тысячъ войска. Народное ополченіе считалъ Кавуръ, съ своими генералами, за ничто, или хуже, чѣмъ за ничто, за помѣху. Отъ этого-то и надобно было истощать силы Сардиніи, отъ этого-то и оказывались силы Италіи недостаточными для войны съ Австріею и нужно было, во что бы то ни стало, привлечь на войну французскую армію.

Если бы смотрѣть на войну, какъ на дѣло національное, которое очень быстро можетъ оградиться энергическимъ національнымъ чувствомъ, было бы возможно начать войну вдругъ, безъ предварительной долгой ссоры съ Австріей. Можно было бы скрывать свои намѣренія до послѣдняго дня предъ объявленіемъ войны, маневръ на неприятеля врасплохъ, когда онъ не успѣлъ бы еще усилить своихъ войскъ въ Италію, не сдѣлать бы никакихъ приготовленій къ оборонѣ, воображая себя среди глубокаго мира. Национальная партія нѣсколько разъ предлагала это. Она предлагала поднять Ломбардію въ такое время, когда у австрійцевъ во всѣхъ ломбардо-венеціанскихъ земляхъ было не больше 50 тысячъ войска, не имѣющаго большаго военнаго запаса. Нынѣ мнѣ и ни малѣйшаго вида ссоры. Завтра возрастетъ Миланъ, и черезъ недѣлю итальянскія войска уже занимаютъ страшные горные переходы изъ Тироля въ Ломбардію. Австрійцы отбѣжены къ Веронѣ, не могутъ прислать подкрѣпленій раньше, какъ мѣсяца черезъ три, а въ три мѣсяца сардинская армія, слуга надрами для поголовнаго ополченія ломбардцевъ и для волонтеровъ центральной Италіи, усиленная войсками Тосканы, Пармы и Модены, имѣетъ уже отъ 200 до 250 тысячъ солдатъ, — число, достаточное для совершеннаго очищенія Венеціи отъ австрійцевъ, не приготовленныхъ, разстроженныхъ. Кавуръ отвергалъ эти планы, — они были не сообразны съ рутинной; онъ представлялъ себѣ войну съ Австріей въ родѣ того, какъ воевала бы Франція съ Англіей или съ Пруссіей: извѣстно, какъ начинаются войны по заведенному порядку. Возникаетъ дипломатическое недоразумѣніе; долго, долго обмѣниваются депешами, все болѣе и болѣе грознаго тона, — въ этомъ проходитъ полгода, годъ; начинаютъ придвигать войска къ границамъ, отодвигать ихъ отъ границъ и опять придвигать, и все ведутъ переговоры, и противникъ имѣетъ годъ, года полтора времени приготовляться къ войнѣ. Кавуръ дѣйствовалъ по дипломатической рутинѣ, какъ будто въ рутинномъ дѣлѣ. Года за полтора до начала войны онъ завелъ ссору въ Австріей, раздувалъ и раздувалъ эту ссору, и пошла эта исторія рутиннымъ порядкомъ. Австрія навела ломбардо-венеціанскія земли безчисленнымъ войскомъ.

Разумѣется, при такомъ веденіи дѣла, нельзя было побѣдить австрійцевъ иначе, какъ французскими войсками. Надобно отдать справедливость Кавуру: слишкомъ за полгода до открытія похода, онъ обезпечилъ себѣ помощь французской арміи. Но и тутъ рутинный взглядъ на приготовлявшуюся войну отнял у него возможность заключить союзъ на условіяхъ, какія могъ бы онъ получить, если бы не былъ увлеченъ ошибочнымъ понятіемъ о своемъ собственномъ

дѣлъ. Онъ представлялъ себѣ дѣло такъ. Сардинія, маленькое государство, хочетъ отнять двѣ богатыхъ провинціи у большаго государства. Маленькое государство можетъ попользоваться насчетъ большаго, лишь когда успеетъ склонить другое большое государство къ войнѣ съ нимъ. Онъ воображалъ, что перехитрилъ Наполеона, что будетъ загребать жаръ его руками, что Наполеонъ предпринимаетъ войну на его убѣжденію. А когда мы убѣждаемъ и упрашиваемъ кого-нибудь приняться за наше дѣло, пособить намъ, мы должны предоставить ему какия нибудь выгоды, и онъ диктуетъ намъ условія, какия захочетъ. Такъ оно и устроилось. На плембьерскомъ свиданіи, осенью 1858 года, когда заключенъ былъ союзъ на войну съ Австрією, императоръ французовъ игралъ такую роль, что собственно ему война не нужна, что онъ склоняется на нее по убѣжденію Кавура, который такъ хорошо разъяснилъ ему, какую пользу извлечетъ онъ изъ этой войны, а самъ онъ и не думалъ прежде о войнѣ. Кавуръ разъяснилъ ему, какъ полезно для Франціи усилить Сардинію; Наполеонъ вошелъ въ этотъ расчетъ и потребовалъ вознагражденія за такую услугу; вознагражденіемъ были назначены Савойя и Ницца. Сомнамъ, склонявшійся на войну лишь по убѣжденію Кавура, конечно предоставилъ себѣ распоряженіе всѣмъ. Напримѣръ. Сардинія хочетъ завоевать Ломбардію и Венецію; хорошо, но вѣдь не имѣетъ же она претензіи на Тоскану? Слѣдовательно, ей все равно, какъ Франція распорядится Тосканой; потому императоръ Наполеонъ попробуетъ, нельзя ли будетъ изъ Тосканы, съ прилежащими землями, устроить королевство для принца Наполеона. Съ той точки зрѣнія, съ какой Кавуръ смотрѣлъ на дѣло, нельзя было ему не соглашаться на всѣ требованія Наполеона: важность лишь въ томъ, что, слишкомъ увлеченный своею мыслью о необходимости французской помощи для завоеванія Ломбардіи съ Венецією, онъ забылъ другую сторону отношеній: императору французовъ война съ Австрією была такъ же необходима, какъ самому Кавуру. Во что бы то ни стало, нужно было императору французовъ занять Францію войною съ одною изъ великихъ европейскихъ державъ. Къ войнѣ съ Англією онъ не былъ готовъ и не могъ приготовиться въ теченіе еще многихъ лѣтъ. Война съ Пруссією равнялась бы объявленію войны противъ Англіи. Слѣдовательно, оставалась одна Австрія. А съ Австрією могъ онъ воевать только въ Италіи, чтобы не касаться германскихъ земель, не поднимать Пруссію и Англію противъ себя. Если бы Кавуръ не воображалъ, что только для Сардиніи нужна война, если бы онъ не являлся съ убѣжденіями и просьбами, слишкомъ горячими, императоръ французовъ самъ обратился бы къ нему съ убѣжденіями: «доставьте мнѣ предлогъ для войны съ

Австрію; пропустите мои войска на эту войну», — и тогда услоніи союза дитовалъ бы Кавуръ.

Дальнѣйшія событія, конечно, еще памятны читателю. Вилла-Франкскій миръ былъ пораженіемъ Кавура: онъ должеиъ былъ выйти въ отставку. Франція держала сторону Австріи въ дюрингскихъ переговорахъ; Италия, не освобождався отъ австрійскаго господства, становилась виѣстѣ съ Австрію подъ верховную власть Франціи. Но національное чувство разрушило эти разсчеты. Одна часть Италіи за другою насильно принуждала туринскихъ правителей принимать ее въ составъ возникавшаго національнаго государства.

Кавуру дѣлаетъ великую честь то, что онъ вышелъ въ отставку, когда увидѣлъ, что по виллафранкскому миру Италію хотѣтъ поставить въ положеніе, худшее прежняго. Но онъ нимало не участвовалъ въ томъ, что Италія вышла изъ этого положенія. Онъ, снова сдѣлавшись министромъ, только принималъ одинъ за другимъ совершавшіеся факты, совершенною которыхъ или не помогать, или прямо мѣшалъ. Тоскана съ герцогствами и Романья выдержали тяжелое испытаніе и рѣшили свою судьбу собственной настоятельностью, прежде, чѣмъ Кавуръ снова сдѣлался министромъ. Походу Гарibaldi на Сицилію онъ гораздо больше мѣшалъ, чѣмъ содѣйствовалъ. Походу Гарibaldi на Неаполь онъ прямо мѣшалъ. Юговосточную часть Папской Области онъ отважился занять лишь для того, чтобъ помѣшать Гарibaldi идти на Венецію, чтобы не была отгѣснена отъ управленія дѣлами умѣренная партія, чтобы не овладѣли властью рѣшительные приверженцы національнаго дѣла.

Въ чемъ же его величіе? Въ томъ, что онъ хотя принималъ совершившіеся факты, — другіе на его мѣстѣ могли бы не сдѣлать и того. Да, у людей въ его положеніи ужъ и то великая заслуга, рѣдкое, высокое достоинство, когда они не слишкомъ медлятъ принимать совершающіеся наперекоръ ихъ прежней программѣ факты. Потому, повторяя общій голосъ всей Европы, говоримъ и мы: Кавуръ былъ великій правитель.

РАЗМЫШЛЕНІЯ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г. ШИЛАЯ

О ГОСУДАРСТВЕННОМЪ ИЛИ ЗЕМНОМЪ ЗАКОННОМЪ БАНКѢ.

Затруднительность экономическаго положенія Россіи въ настоящую минуту — самый важный изъ нашихъ общественныхъ вопросовъ. Всѣ, болѣе или менѣе, стѣснены въ своихъ обстоятельствахъ, страдаютъ, жалятся, и, главное, не видятъ близкаго выхода изъ тяжелаго положенія. Различныя мѣры, осуществляемыя правительствомъ или предлагаемыя частными лицами, обѣщаютъ улучшенія, или слишкомъ отдаленныя, или частныя, не измѣняющія общаго хода дѣлъ.

Трудно представить себѣ, чтобы хозяйственное положеніе страны могло быть въ болѣе трудномъ положеніи, чѣмъ теперь у насъ. Поземельнаго общественнаго кредита не существуетъ. Личный кредитъ потрясенъ до основанія, чтобы не сказать — уничтоженъ. Почти нѣтъ возможности получить долга или найти кредиторовъ; для капиталовъ нѣтъ вѣрныхъ помѣщеній; акціонерный разгромъ, упадокъ цѣнъ почти всѣхъ общественныхъ бумагъ разорилъ всѣхъ, помѣстившихъ въ нихъ свои деньги; во всѣхъ отрасляхъ промышленности и торговли застой; самые солидные дома падаютъ; со всѣхъ сторонъ раздаются жалобы на безденежье, даже на недостатокъ денежныхъ знаковъ; монета рѣдка; а между тѣмъ торговый балансъ требуетъ вывоза ея за границу въ огромномъ количествѣ; вексельный курсъ причиняетъ каждый день громадныя потери; начатыя предпріятія остаются недоконченными; дороговизна возрастаетъ непо-

мѣрно; невыгоды переходнаго положенія въ крестьянскомъ вопросѣ ежедневно становятся ощутительнѣе.

Администраторы, ученые, торговые люди, комиссиі, комитеты, канцеляріи выбиваются изъ силъ, стараются придумать средства помочь злу; но ихъ изолированныя усилія, руководимыя абстрактными теоріями, или личными воззрѣніями, или, наконецъ, отдѣльными интересами, не только не подвигаютъ общаго дѣла, но даже не разъясняютъ причинъ затрудненій. Одни приписываютъ ихъ излишку кредитныхъ билетовъ; другіе—недостатку ихъ, и требуютъ выпуска новыхъ знаковъ; одни ссылаются на невыгодный торговый балансъ; другіе считаютъ теорію торговаго баланса устарѣвшимъ предразсудкомъ; одни требуютъ торговой и промышленной свободы, другіе жалуются на недостатокъ цокровительства; одни ванадаютъ на реформу кредитныхъ установленій, другіе видятъ въ ней спасеніе. Проверить эти противорѣчія съ дѣйствительностью, согласить ихъ съ настоящими нуждами страны, къ несчастію, нѣтъ возможности...

Еслибъ общность зла могла служить утѣшеніемъ, мы легко могли бы утѣшиться. Различнаго рода кризисы и финансовыя затрудненія сдѣлались почти нормальными явленіями во всей Европѣ. Почти всюду экономическое положеніе и производимое имъ настроеніе умовъ одинаковы. Кажущееся равновѣсіе бюджета, но дѣйствительный дефицитъ; прогрессивное возрастаніе внутреннего и внѣшняго долга, уплата или сокращеніе котораго не имѣютъ ни малѣйшей вѣроятности; увеличеніе налоговъ; преобразованія, постепенно оказывающіеся полумѣрами; общія жалобы на возрастающую дороговизну; дурное положеніе коммерческихъ дѣлъ; быстрыя обогащенія, смѣняемыя еще быстрѣйшими банкротствами; противоположность и враждебность интересовъ капитала и труда; громадная сплошная масса рабочаго населенія, вѣчно трудящагося и вѣчно нуждающагося, ничѣмъ не обеспеченнаго и представляющаго живое противорѣчіе экономической гипотезѣ будто «капиталъ есть накопленный трудъ», — вотъ, въ общихъ чертахъ, фнзіономія финансоваго и экономическаго положенія, установившагося въ Европѣ. Отъ времени до времени общество выводитъ изъ обычной колеи какимъ нибудь міровымъ открытіемъ, громадно умножающимъ общую сумму богатства, но дѣлающимъ еще болѣе неравномѣрнымъ его распредѣленіе, или внезапно разгромомъ, разоряющимъ тысячи, обогащающимъ десятки;—но затѣмъ, жизнь опять идетъ прежнею чередою, полная наслажденій для капитала, безвыходныхъ лишеній для труда.

Но однохарактерность затрудненій не уравниваетъ положеній. Для Европы прошли тѣ времена, когда кризисы являлись рѣже; но

за то наводили поголовный паническій страхъ, и прохода, оставляли за собою приракъ, надолго грезившійся запуганнымъ народамъ. Теперь къ нимъ привыкли, освоились съ ними, такъ что не успѣеть кризисъ миновать, спекуляція мчится на всѣхъ парахъ, рискуя либо воротить его, либо наверстать потерянное. Олицетвореніе спекуляціи — биржа и банкъ, храмы богатства царящіе надъ Европою; къ ихъ узкія двери непрерывно врываются толпы, толкая, давя, разбивая другъ-друга; привратники равнодушно выкидываютъ убитыхъ и раненныхъ, подъ-часъ сами выбрасываются нахлынувшею толпою; а новыя толпы второнахъ считаютъ трупы, шагая черезъ нихъ, чтобъ занять опроставшіяся мѣста. Вооруженная цѣль пропускаетъ къ дверямъ только прилично одѣтыхъ людей, сдерживая напоръ грязныхъ и голодныхъ массъ, отъ времени до времени съ остервененіемъ снѣзавшихся прорваться, но всякій разъ отбрасываемыхъ съ урономъ. Междуэтими массами и людьми храмовъ богатства примиренія быть не можетъ, потому что въ храмахъ слишкомъ мало мѣста для всѣхъ; а сдѣлать ихъ вмѣщающими всѣхъ или подучать богатство и силу безъ нихъ — еще не придуманы средства. Хотя при такомъ перадкѣ большинству скверно, но за те людямъ попадающимъ въ храмы хорошо, — до тѣхъ поръ, пока ихъ не раздавятъ; до какъ мѣста раздавленныхъ никогда не остаются праздыми и храмы всегда наполнены, а законы и общественное мнѣніе исходятъ отъ нихъ, и въ нихъ же дѣлается оцѣнка положенія, то оно почти всегда оказывается болѣе или менѣе удовлетворительнымъ.

Нѣсколько затруднительнымъ оно считается только тогда, когда приходится дѣлать большія издержки для удержанія расширяющейся массы.

Совѣмъ не таково положеніе у насъ. Мы до сихъ поръ жили почти первобытною жизнью; потому кризисы до сихъ поръ совершенно разстроиваютъ все наше существованіе на продолжительное время. Въ послѣднее время мы было рискнули, по примѣру другихъ, кинуться въ спекуляцію, забывъ правило: «не спросись броду, не суйся въ воду», — не справясь ни съ обстановкой, ни съ средствами, ни съ познаніями, — и теперь не знаемъ, какъ выбраться изъ оута, изъ котораго другіе, понаимому, такъ легко выныриваютъ. Съ другой стороны, жила по первобытному манеру, мы не имѣли храмовъ богатства; люди помѣщавшіеся въ нихъ въ Европѣ, собирались у насъ по дѣлать-то каморкамъ, о существованіи которыхъ не имѣли никакого понятія массы, неразвитыя и жившія совершенно отдѣльно, замкнутою жизнью. У насъ не было цѣлой организованной экономической системы, основанной на извѣстныхъ принципахъ, представлявшей вѣсто цѣлое. Нашъ экономическій бытъ состоялъ

изъ пестрой смѣси явленій, оставившихся безъ перемѣны въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, разнородныхъ началъ, замѣствованныхъ въ различные времена у различныхъ народовъ, и фактовъ, происшедшихъ изъ помѣси этихъ двухъ противоположныхъ элементовъ. Въ немъ до сихъ поръ найдешь слѣды славянъ, варяговъ, Византіи, татаръ, всякой нѣмечины и двенадцати языковъ. Только теперь начинается разсортировка этого разнокалибернаго хаоса, въ которомъ, на ряду съ негоднымъ хламомъ, есть начала, могущія дать Россіи великую будущность. Это переходное время—одно изъ самыхъ томительныхъ для современниковъ, но для страны одинъ изъ важнейшихъ моментовъ: теперь, опредѣляется программа ея будущей исторіи. Каждый промахъ теперь важнѣе всѣхъ предъидущихъ ошибокъ. Въ такое время финансовый кризисъ опаснѣе, чѣмъ когда нибудь: онъ можетъ вызвать мѣры, которыя горько откликнутся впоследствии, и надолго исказить правильное рѣшеніе вопросовъ первостепенной важности.

Устранить финансовыя затрудненія въ Россіи — дѣло далеко не трудное. Это исполнское царство со всевозможными естественными богатствами, способнымъ, даровитымъ населеніемъ, съ угодами, достаточными для привольной жизни тройнаго населенія—могло бы быть нешчернаемымъ золотымъ дномъ. Нужно только измѣнить порядокъ, при которомъ сокровища, лежа подъ спудомъ, тѣмъ и уничтожались, и страна, способная быть первая по благосостоянію, была одною изъ бѣднѣйшихъ въ Европѣ. Съ этимъ нельзя не согласиться, имѣя хоть маленькое понятіе о прошедшемъ нашихъ государственныхъ финансовъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія они были въ бѣдственномъ положеніи, дошедшемъ почти до крайности въ 1810 году. Расходы превышали доходы на 80 милліоновъ руб.; государственнй кредитъ былъ въ сильномъ упадкѣ; внѣшнихъ займовъ заключать было невозможно, да они и не помогли бы, потому что неравновѣсіе бюджета было явленіемъ не случайнымъ, а нормальнымъ; обычнымъ ресурсомъ—выпускомъ ассигнацій—нельзя было болѣе пользоваться: ассигнацій въ обращеніи было на 576 милл.; цѣнность ассигнаціоннаго рубля, въ прежнее время равнаго рублю серебряному, упала до 40 к. Правительство рѣшилось на всевозможныя помертвованія. Государственный совѣтъ предположилъ рядъ рѣшительныхъ мѣръ: сокращеніе расходовъ, назначеніе новыхъ не иначе какъ съ рѣшенія государственнаго совѣта, лучшее устройство казенныхъ земель, обращеніе всѣхъ казенныхъ имущественныхъ суммъ и всѣхъ статей казеннаго дохода въ государственное казначейство, преобразование налоговъ, прекращеніе дѣланія ассигнацій;

объявленіе, что новые выпуски будутъ производиться не иначе, какъ по предварительному о томъ манифесту, прекращеніе негласныхъ 7% займовъ у частныхъ лицъ, предоставленіе купечеству участія въ управленіи банкомъ, учрежденіе по городамъ конторъ для размѣна ассигнацій. Министръ финансовъ представилъ государственному совѣту подробный *планъ финансовъ*, въ которомъ указывались мѣры для изыятія изъ обращенія ассигнацій, поднятія ихъ курса, возстановленія государственнаго кредита и уравненія бюджета.

По тому времени, всѣ эти предположенія составляли весьма важныя, почти коренныя реформы; но имъ было не суждено осуществиться. Приготовленіе къ войнѣ, потомъ 4 года исполнисквой борьбы отвлекли вниманіе отъ внутреннихъ реформъ и еще болѣе разорили казну и государство. Затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько лѣтъ, народившихъ новыя затрудненія потомству. Безпрестанно заключаются займы для погашенія ассигнацій, но масса ассигнацій почти не уменьшается, курсъ ихъ поправляется едва замѣтно, а между тѣмъ Россія пріобрѣтаетъ значительное бремя, и бюджетъ отягощается новыми расходами по займамъ. Вступленіе въ министерство Кавкрина нѣсколько улучшаетъ дѣла, но событія 1828, 30, 31 годовъ — войны турецкая и польская, холера, возстанія въ поселеніяхъ — опять разстроиваютъ ихъ. Казалось бы, послѣ столькихъ продолжительно упорныхъ, систематическихъ невгодъ не было возможности поправить финансы въ странѣ, удрученной крѣпостнымъ правомъ, преграждавшимъ всякую возможность экономического развитія. Но проходить 15 лѣтъ и Россія представляется оправившеюся. Въ 1847 году денежный, торговый и продовольственный кризисы одновременно разразились надъ Европой; Франція и Англія вынуждены дѣлать огромныя закупки хлѣба, почти всѣ правительства дѣлаютъ займы; французскому банку угрожаетъ банкротство; его металлическій запасъ быстро уменьшился съ 252 до 71 мил. франковъ, тогда когда предстоящіе платежи простираются до 368 мил.; англійскій банкъ въ большомъ затрудненіи; денежныя средства его недостаточны для удовлетворенія требованій торговли; парламентъ отмѣняетъ издаанный 4 года назадъ билль, ограничивающій выпускъ билетовъ.

Въ эту критическую для всѣхъ эпоху, финансы Россіи достигаютъ апогея. Порты Чернаго и Азовскаго морей завалены хлѣбомъ; подвалы крѣпости переисполнены золотомъ; государственное казначейство отдѣляетъ изъ своихъ средствъ 12½ милліоновъ наличностью въ резервный фондъ; 147 милл. звонкою монетою, обезпечиваетъ 200 милл. кредитныхъ билетовъ, находящихся въ обращеніи; заграничный вексельный курсъ стоитъ выше парн. Правительство объявляетъ 50 милл. франк. наличности на 3% и 5% ренты, спасаая

этими французскій банкъ отъ кризиса, и покупаетъ на 30 милл. руб. сер. англійскихъ и голландскихъ фондовъ, — являя изумленной Европѣ небывалый примѣръ денежнаго изобилія.

И эти результаты были достигнуты въ короткій промежутокъ, 15 лѣтъ, не какими нибудь гениальными мѣрами или коренными реформами, — словомъ, не особою системою, а просто обыкновенною нѣмецкою аккуратностью и разсчетливою бережливостію, опиравшимися на громадныя ресурсы страны. Еслибъ это было дѣломъ правильной системы, она пережила былицо, и мы не дошли бы, спустя 14 лѣтъ, до настоящаго положенія. Но, значитъ, тѣмъ болѣе шансовъ выйти изъ него въ такое время, когда подняты важнѣйшіе финансовыя вопросы, когда у всѣхъ устарѣвшихъ учреждений подрѣзаны якоря.

Весь вопросъ, теперь, въ пониманіи. Мы должны, во что бы ни стало, понять свое положеніе, свои потребности, свои силы, — иначе неизбежны ошибки за ошибкой. А нельзя не сознаться, что такое пониманіе до сихъ поръ для насъ дѣло, покудамудро непривычное. Въмѣсто того, чтобъ развивать и разрабатывать почву, находящуюся у насъ подъ ногами и строить новый бытъ по широкой мѣркѣ нашего привольнаго отечества, — у насъ, на каждомъ шагу, при всякой новой мѣрѣ протягиваютъ руку на западъ, чтобъ позанимствоваться какими нибудь формочками или лекалами. И вѣдь вовсе не для того дѣлается это, чтобъ слѣдить ихъ съ своими потребностями, да позанимствоваться только то, что можетъ пригодиться у насъ, — нѣтъ, такъ таки цѣлкомъ пригоняютъ подъ нихъ нашъ бытъ, не обращая даже вниманія на то, что у себя, дома, они части цѣлаго, въ которомъ все пригнано одно къ одному, тогда какъ у насъ, по старой привычкѣ, опять составляется мозаика; что дома они приправлены различными условіями, которыхъ у насъ нельзя принять въ разсчетъ; что, наконецъ, и тамъ-то многое изъ нихъ признаше уже негоднымъ лучшимъ умамъ.

Такимъ образомъ, весьма легко можетъ случиться, что въ то самое время, какъ у насъ съ величайшимъ трудомъ и пожертвованіями разрушаются, вмѣстѣ съ одряхлѣвшими учреждениями, зародыши собственныхъ хорошихъ началъ, для того, чтобъ передѣлать ихъ на животранный манеръ, у владѣльцевъ этого манера готовится также преобразование, гораздо ближе подходящія къ нашимъ настоящимъ началамъ, чѣмъ къ тѣмъ, которыя выводятся съ такими усиліями.

Употребляя слово «у насъ», говоря о томъ, что дѣлается въ Россіи, мы вовсе не имѣемъ въ виду, чтобъ неопоминаніе своего и пристрастіе къ чужому были общими недостатками всѣхъ русскихъ, или хотя большинства общества. Но вѣдь для дѣла рѣшительнаго пере-

но, каковы чувства и симпатіи большинства народа, или образованнаго меньшинства, если они ровно ничѣмъ не проявляются и не имѣютъ никакого вліянія на общее положеніе. Ни одна изъ реформъ не удовлетворяла до сихъ поръ вполне общественнаго мнѣнія, не отъ этого слѣдующія не становились болѣе удовлетворительными. Это великое несчастье, тѣмъ болѣе опутительное, что немалая доля его принадлежитъ не рутинерамъ, не людямъ стараго порядка, а дѣятелямъ новаго поколѣнія. Стремленіямъ министерства финансовъ надо отдать полную справедливость: оно не только не отвергаетъ науки, не старается воспользоваться всѣми наличными учеными силами, поручая предварительныя работы по каждой новой реформѣ извѣстѣйшимъ нашимъ экономистамъ и финансистамъ. Общество, съ своей стороны, съ величайшимъ вниманіемъ и стоическимъ терпѣніемъ прислушивается къ ихъ голосу, расположенное принять съ сочувствіемъ всякую порядочную мысль, превознести ея автора. Затѣмъ это уже чистое несчастье страны, если въ числѣ этихъ будущихъ государственныхъ людей, такъ мало способностей выше посредственности.

Обыкновенно ссылаются на невозможность сдѣлать что либо серьезно хорошее, при извѣстной неблагоприятной обстановкѣ и отсутствіи нѣкоторыхъ необходимыхъ условій. Это совершенно справедливо относительно частныхъ лицъ. Человѣкъ, занимающійся, напримеръ, финансовыми и экономическими вопросами въ литературѣ очевидно не имѣетъ возможности вполне высказаться; ему безпрестанно приходится глотать мысли, урѣзывать выводы и заключения; если къ тому же его направленіе нѣсколько разнится отъ господствующаго, ему часто вовсе невозможно высказаться, и никакимъ образомъ не удастся получить личнаго вліянія на ходъ дѣлъ. Но для человѣка, разъ попавшаго къ государственному станку, и продолжающаго стоять у него, подобныя доводы немыслимы; они означаютъ только собственную шаткость или несостоятельность. Это правило, вѣрное вездѣ, особенно справедливо въ такихъ странахъ, гдѣ нѣтъ раздѣленія властей, и для правительства задумать, значить исполнить. Въ такой странѣ человѣкъ, у котораго спрашиваютъ его мнѣніе, можетъ вполне рассчитывать на возможность осуществленія его, не сегодня, такъ завтра, въ полномъ объемѣ. Затѣмъ, если эти мнѣнія неудовлетворительны, причиною тому исключительно личность выразившаго ихъ.

Много совершенно финансовыхъ реформъ въ послѣднее время, много предполагается новыхъ, и нельзя назвать положительное ни одной, которая бы вполне удовлетворила общественное мнѣніе. А вѣдь ужасъ нѣтъ организованныхъ партій, изъ которыхъ каждая счита-

тасть священною обязанностью ругать все, что бы ни слѣбало противная; у насъ никто не родится тори или вигомъ, бонапартистомъ или легитимистомъ, и рѣшительно всѣ готовы были бы привѣтствовать каждую истинно дѣльную мѣру, потому что всѣмъ желовно. Но могутъ ли онѣ считаться удовлетворительными, когда во многихъ случаяхъ, сами составители наслаждавшіеся своими дѣтскими въ коммиссіяхъ, теряютъ значительную долю симпатій къ нимъ, видя ихъ — даже не въ дѣлѣ, а только въ печати. А между тѣмъ положеніе таково, что, право, пора бы серьезно помочь ему.

Всякій понимаетъ, что у насъ, въ настоящее время, инициатива въ этомъ дѣлѣ можетъ выйти только отъ правительства; къ нему и обращаются общія надежды. Предположенія частныхъ людей стали, въ послѣднее время, появляться чаще прежняго; въ нихъ иногда встрѣчаются весьма дѣльныя указанія, разумѣется, только по отдѣльнымъ вопросамъ; но безъ правительственной санкціи, они не имѣютъ силы.

Къ числу такихъ предположеній принадлежитъ недавно напечатанная статья І. Н. Шилля: «Предположенія объ учрежденіи русскаго государственнаго или земскаго заемнаго банка» и т. д. Она, безъ сомнѣнія, возбудила общее вниманіе, потому что предметъ ея — вопросъ животрепещущаго интереса, и она содержитъ не только анализъ и критику, но и полный выработанный проектъ. Г. Шилль уже не разъ затрогивалъ одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ нашего общественнаго организма — затруднительное положеніе государственныхъ и частныхъ финансовъ — развивая причины этого грустнаго явленія, приписывая его, въ значительной степени, слишкомъ крутой ликвидаціи прежнихъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій и недостаточности заимствованнаго ихъ государственнаго банка для удовлетворенія насущныхъ потребностей русской жизни; теперь онъ предлагаетъ средство поправить наше положеніе.

Статьи г. Шилля мы всегда читали внимательно, хотя не во всемъ раздѣляемъ его взгляды и вообще держимся въ экономическихъ вопросахъ не того воззрѣнія, какъ онъ. У г. Шилля вовсе не замѣтно несноснаго доктринерства и педантизма, которыми часто отличаются экономисты; у него, напротивъ, широкій и левый взглядъ, много сердца и пониманія русской жизни. Поэтому, несмотря на различіе общихъ воззрѣній, мы находимъ возможность раздѣлять многія изъ его мнѣній. Въ отношеніи преобразованія нашихъ кредитныхъ установленій мы почти сходимся.

Отдавая полнѣйшую справедливость познаніямъ, побужденіямъ, намѣреніямъ главнаго двигателя банковской реформы; болѣе того, ставя его весьма высоко, какъ человѣка, мы тѣмъ не менѣе по-

знаемъ, что нѣкоторая доля настоящихъ затрудненій принадлежатъ, прямо или косвенно, этой реформѣ. Прежнія кредитныя установленія требовали преобразованій — это фактъ безспорный. Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы всякое, какое бы то ни было преобразование было удовлетворительно. Настоящее наше положеніе лучше всего подтверждаетъ эту мысль. Авторъ «*Историческаго очерка денежнаго обращенія въ Россіи*» и «*Статистическаго обзора операцій государственнаго кредитнаго установленія*» лучше всѣхъ долженъ былъ знать, что наши банки были не сколкомъ съ учрежденій другихъ странъ, вызванными модою подражанія или прихотью какой нибудь финансовой теоріи, а явленіемъ, возникшимъ и развивавшимся въ силу насущной необходимости и требованій народной жизни. Поэтому, рядомъ съ недостатками, у нихъ были и хорошія стороны, которыя необходимо было сохранить при преобразованіи. Недостатки банковъ происходили отчасти отъ ихъ собственной организаціи, отчасти отъ общихъ коренныхъ недостатковъ нашего общественнаго устройства: наиримѣръ, отъ неограниченности выпуска кредитныхъ билетовъ, непризнанія полноправности всей массы рабочаго населенія и т. д. Собственные недостатки банковъ можно было устранить преобразованіемъ ихъ организаціи, не уничтожая ихъ хорошихъ сторонъ, по крайней мѣрѣ главной — надѣленія Россіи поземельнымъ кредитомъ, пока нѣтъ для того другихъ учрежденій. Что касается до общихъ недостатковъ, то они будутъ существовать до тѣхъ поръ, пока не отстранятся основныя причины ихъ; одно преобразование банковъ тутъ не поможетъ; оно только видоизмѣнитъ форму прежнихъ дѣйствій, представитъ ихъ въ болѣе благовидномъ или усложненномъ, т. е. менѣе понятномъ для массы видѣ, но сущности ихъ не измѣнитъ.

Недостатки самого государственнаго банка обнаружались вслѣдъ за его учрежденіемъ по тремъ важнѣйшимъ, можно сказать жизненнымъ, для Россіи вопросамъ: онъ лишилъ землевладѣльцевъ поземельнаго кредита, не могъ ничего сдѣлать для предотвращенія паго стоящихъ затрудненій, и, главное, не оказывасть никакого содѣйствія окончательному разрѣшенію крестьянскаго вопроса.

Пользованіе поземельнымъ кредитомъ — не милость, получаемая землевладѣльцами отъ правительства; такой взглядъ могъ быть въ ходу только въ младенчествѣ экономическаго развитія; при настоящихъ условіяхъ, надѣленіе землевладѣльцевъ, какъ и вообще всѣхъ гражданъ, кредитомъ — прямая выгода государства, потому что: во-первыхъ, съ этимъ тѣсно связано его благосостояніе, а во-вторыхъ; оно не вправѣ не кредитовать тѣхъ, кѣмъ само кредитуются. Государственный банкъ, очевидно, и не думалъ вовсе ли-

шать землевладельцевъ кредита. Они полагають, что рискуеть только кратковременною приостановкою, разсчитывая на учрежденіе частныхъ земскихъ банковъ. Частные банки для поземельнаго кредита были необходимымъ дополненіемъ государственнаго банка. Ихъ думали вызвать, учредить комиссію земскихъ банковъ. Результаты трудовъ ея извѣстны. Ея проектъ, могущій привести въ восторгъ любаго политико-эконома, остался проектомъ, не болѣе; жизнь не приняла его или, правильнѣе, у насъ не оказалось готовыхъ матеріаловъ для созданія банковъ, указанныхъ комиссіею. Несомненно, какъ объ этомъ не догадались раньше учрежденія комиссіи. Ровно годъ назадъ, мы высказали въ этомъ же журналѣ наше мнѣніе о трудахъ комиссіи земскихъ банковъ. Событія этого года, къ несчастію, оправдали наши опасенія и еще болѣе утвердили насъ въ прежнемъ мнѣніи. Со времени прекращенія выдачи ссудъ подъ недвижимыя имущества прошло уже болѣе двухъ съ половиною лѣтъ. Это время тяжело упало на землевладельцевъ, и невыгодно отразилось на всѣхъ отрасляхъ ихъ дѣятельности.

Отстраная отъ себя всякое содѣйствіе недвижимой собственности, государственный банкъ задалъ себѣ специальную цѣль—содѣйствовать оживленію торговыхъ оборотовъ. Когда же, какъ не теперь былъ случай ему выказать себя, а обществу разсчитывать на его услуги? А между тѣмъ, можетъ ли торговый міръ сказать, что въ критическое время чувствовалась мощная поддержка центрального кредитнаго учрежденія, имѣющаго монополію государственнаго кредита? Очевидно нѣтъ, потому что въ противномъ случаѣ уже не разъ раздались бы изъ среды торговаго класса голоса сочувствія и признательности къ государственному банку; но ихъ не было слышно; напротивъ того, весьма часто говорилось противное. И говорилось не только со стороны сильныхъ капиталистовъ и банкировъ—ихъ рѣчи могли быть искусственными, направленными досадою на все-сильнаго конкуррента; напротивъ, банкъ сдѣлалъ всевозможныя учтивости и авансы сильнымъ капиталистамъ; горько плакалась на него мелкая торговля, не получившая никакого содѣйствія: а ей-то и принадлежитъ самая значительная доля торговаго движенія Россіи, потому что ея пробавляется вся сплошная масса потребителей изъ рабочихъ классовъ. Доступъ къ учету банка имѣють только значительные капиталисты; пользуются дисконтомъ по 6 и 7% со 100, они въ свою очередь учитывали мелкихъ торговцевъ по 8 и 10% со 100. Если въ прежнихъ кредитныхъ установленіяхъ былъ капитальный недостатокъ, который слѣдовало исправить реформою, то это именно незначительность содѣйствія торговлѣ и содѣйствіе только значительнымъ капиталистамъ. Но оба эти свойства государственной

банкъ удержалъ въ своей организаціи. Апрельскій балансъ показываетъ: учетныхъ векселей и другихъ срочныхъ бумагъ 13,648,344 р. 61 к.; ссудъ подъ залогъ товаровъ 1,195,655 р.; ссудъ подъ залогъ государственныхъ бумагъ, акцій и облигацій, золота и серебра $7\frac{1}{2}$ милл. Итого на 22 милл. содѣйствія торговлѣ и владѣльцамъ акцій. Если отношеніе учетной операціи конторъ банка къ учетной операціи центрального банка остается теперь то же, какъ было прежде, т. е. приблизительно, какъ $1\frac{1}{2} : 1$, то общія сумма содѣйствія банка торговлѣ составитъ около 40 милл. р. сер. на государство съ населеніемъ въ 69 милл. Учетныя и ссудныя операціи французскаго банка и его конторъ въ 1856 г. составили 5,635,800,000 фр. (*). Если, при банковской реформѣ, у насъ взяли за образецъ французскій банкъ и централизовали государственный кредитъ въ одномъ учрежденіи, то самое меньшее, что мы обязаны были сдѣлать, это подражать ему въ обширности оборотовъ и степени содѣйствія торговлѣ и промышленности. Къ тому же, не забудемъ, что во Франціи, кромѣ центрального банка съ *тридцатью девятью* конторами (а у насъ ихъ всего: 7 постоянныхъ и 4 временныя), существуютъ слѣдующія кредитныя учрежденія: парижская національная учетная контора, операціи которой простираются до 300 милл. фр.; общество поземельнаго кредита, общество движимаго кредита, и 18 частныхъ кредитныхъ учрежденій для ссудъ и учета, съ многочисленными конторами. У насъ же, кромѣ государственнаго банка и его конторъ, существуетъ всего нѣсколько небольшихъ городскихъ или общественныхъ банковъ (осташковскій, нижегородскій дворянскій).

Но оказывая содѣйствіе преимущественно сильнымъ капиталистамъ, государственный банкъ и для нихъ не сдѣлалъ всего, что можно; въ послѣднее время упали дома, едва ли не первые по капиталамъ. Если частные банки могутъ быть равнодушны къ подобнымъ паденіямъ, то для банка государственнаго они сильный упрекъ. У частнаго банка, естественно, на первомъ планѣ свои собственные интересы, которымъ онъ воистинну готовъ жертвовать; государственному банку, повиннающему свое настоящее назначеніе и истинные интересы государства, слѣдуетъ дѣйствовать инымъ образомъ. Если бы нашъ государственный банкъ принималъ горячее участіе въ судьбѣ нашей торговли, онъ нашелъ бы средства помочь востоящему затруднительному положенію. Вѣдь его произвели не какія нибудь неожиданныя, внезапныя бѣдствія, являющіяся подобно урагану, предвидѣть и отстранить которыхъ нѣтъ возможности. Мы иль

(*) Мы взяли 1856 годъ по той простой причинѣ, что въ ту минуту, написавъ статью, у насъ не случилось подъ рукою болѣе новыхъ данныхъ.

лѣтъ пользуется широмъ, не иѣли въ этотъ періодъ ни повальныхъ болѣзней, ни голода, ни даже рекрутскихъ наборовъ; вся Европа провела эти годы въ тревогѣ, постоянно усиливая вооруженія, а у насъ занимались внутренними вопросами и уменьшали армию, значитъ, сокращали самый непронизительный расходъ и увеличивали рабочія силы. Если, несмотря на эти благоприятныя условія, экономическое положеніе становится хуже и хуже, разстройство финансовъ все увеличивается, то очевидно, причины этихъ явленій надо искать отчасти въ общихъ историческихъ условіяхъ государства, отчасти въ неблагоприятной обстановкѣ торговли, промышленности, земледѣлія. Если государственный банкъ не можетъ отстранить первыя, то тѣмъ болѣе слѣдовало ему принять въ расчетъ и измѣнить вторую. Недостатокъ кредита тяготеетъ надъ всѣми. Начатыя предпріятія остаются недоконченными, старыя ликвидируются, фабрики и заводы останавливаются,—все это порождаетъ дороговизну, которая въ свою очередь парализируетъ внутреннюю и внѣшнюю торговлю. Разстройство землевладѣльцевъ, фабрикантовъ, торговцевъ прежде всего падаетъ на тѣхъ, кѣмъ они живутъ и богатѣютъ — на рабочіе классы. Въ последнее время, неизвѣстно на какихъ данныхъ, пустили въ ходъ мѣтвіе, будто въ рукахъ народа находятся значительныя деньги; люди, привыкшіе загребать жаръ руками народа, весьма охотно распускаютъ это предположеніе, выдаютъ его чуть не за аксіому. Главнѣйшимъ образомъ ссылаются на возвышеніе заработной платы, но при этомъ не принимаютъ въ расчетъ: непоимѣрное вздорожаніе всѣхъ предметовъ потребленія, потери при расчетахъ, особенно умножившіяся въ послѣднее время и, главное, значительное увеличеніе повинностей господскихъ и казенныхъ. Сличивъ эти данныя, окажется, что все, что берется одной рукой, отдается другой. Еслибъ положеніе рабочихъ классовъ дѣйствительно улучшилось, затрудненія капиталистовъ были бы явленіемъ проходящимъ, безъ особой важности для государства. Въ томъ-то и бѣда, что при затруднительномъ финансовомъ положеніи никто не выигрываетъ, а всѣ теряютъ. А все оттого, что нѣтъ правильно организованнаго кредита. — «Нѣтъ капиталовъ, вотъ главное зло!» восклицаютъ экономисты. — А десятки милліардовъ, лежащіе въ землѣ, угодьяхъ, рудникахъ, домахъ—развѣ это не капиталъ? а народный трудъ около 100 милліоновъ рабочихъ рукъ—развѣ это не достаточный залогъ для кредита? Вольно же *государственному* банку давать отрицательные отвѣты и оставлять эти несмѣтныя богатства неподвижными и малопроизводительными.

22 милліона р. ссудъ и учетовъ въ главномъ центрѣ государства

съ 69 милліонами жителей; 7,000,000 р. капитала банковыхъ конторъ во всей имперіи; ни одного дѣйствующаго учрежденія для по-земельнаго кредита; ни одного учрежденія для личнаго кредита — вотъ самое краснорѣчивое объясненіе нашего настоящаго экономическаго положенія.

Этотъ новый гордіевъ узелъ могъ бы быть не разрубленъ, а правильно развязанъ рядомъ предначертанныхъ реформъ, въ главѣ которыхъ стояло освобожденіе крестьянъ съ землею. Но для этого первое, необходимѣйшее условіе—окончательное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса финансовою выкупною операціею. Ее задерживаютъ финансовыя затрудненія, а государственный банкъ совершенно отстранилъ себя отъ этого дѣла.

Мы вовсе не имѣли намѣренія выступать именно противъ дѣйствій государственнаго банка. Намъ хотѣлось указать, что главная потребность Россіи—самое широкое развитіе кредита, но что государственный банкъ, единственное дѣйствующее кредитное учрежденіе, не удовлетворяетъ и не можетъ удовлетворить ей.

Г. Шилье понималъ, что въ развитіи кредита спасеніе Россіи. Поэтому онъ и настаиваетъ на образованіи «русскаго государственнаго или земскаго заемнаго банка». Главныя основанія этого банка заключаются въ слѣдующемъ. Банкъ составляется компаніею русскихъ и иностранныхъ капиталстовъ, съ цѣлью производить ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ. Банкъ не получаетъ никакихъ привилегій. Дѣйствія его находятся подъ контролемъ правительства и депутатовъ отъ учредителей и участниковъ банка, владѣльцевъ заложенныхъ имуществъ и владѣльцевъ облигацій изъ дворянскаго и купеческаго сословія. Ссуды производятся процентными облигаціями подъ залогъ частныхъ государственныхъ и общественныхъ недвижимыхъ имуществъ. Министерство финансовъ, съ соизволенія верховной власти, обязуется прекратить навсегда выпускъ безпроцентныхъ кредитныхъ билетовъ и предоставляетъ себѣ право выпускать, въ случаѣ надобности, и въ теченіе извѣстнаго періода времени, только процентныя обязательства на условіяхъ, возможно точно опредѣленныхъ при учрежденіи заемнаго банка. Облигаціи, выданныя заемнымъ банкомъ казнѣ за заложенные имущества, выпускаются казною въ обращеніе не иначе, какъ подъ условіемъ уничтоженія кредитныхъ билетовъ на сумму, представляемую облигаціями. Учредители банка вносятъ въ существующій государственный банкъ капиталъ (фондъ), который долженъ увеличиваться съ развитіемъ операцій и составлять въ первые годы не менѣе 10⁰/₀, а потомъ 9, 8, 7, 6, 5⁰/₀ съ суммы, представляемой облигаціями. Если съ развитіемъ оборотовъ банка учредители не пожелаютъ внести

своихъ капиталовъ, то могутъ пригласить другихъ капиталистовъ, предоставивъ имъ участіе въ управленіи банкомъ. Фондъ заемнаго банка вносится въ государственный банкъ золотою или серебряною монетою или пяти-процентными банковыми билетами. Государственный банкъ выдаетъ на него *свидѣтельство* и платитъ по 5% въ годъ. Свидѣтельства хранятся въ заемномъ банкѣ и не могутъ быть пускаемы въ обращеніе. Государственный банкъ можетъ пускать фондъ въ обращеніе, но въ такомъ случаѣ обязанъ уничтожить на соотвѣтствующую сумму кредитные билеты, находящіеся въ обращеніи или въ банкѣ. Облигаціи выпускаются въ разнѣрѣ *судъ*; заемный банкъ выпускаетъ и принимаетъ ихъ, какъ въ Россіи, такъ и за-границею по нарицательной цѣнѣ. Онѣ приносятъ (примѣрно) 5% въ годъ гарантированныхъ правительствомъ и погашаются периодически по тиражу. При погашеніи облигацій владѣльцы ихъ получаютъ *премію*, постепенно увеличивающуюся, такъ что по привѣрному разсчету, она составитъ на каждый рубль въ 1-й годъ 5 к., а въ послѣдній, 35-й — 2 р. 62 к. Облигаціи могутъ быть въ 25, 50, 100, 250, 500, 1,000, 10,000 р. с., именныя и безыменныя, краткосрочныя и долгосрочныя. Конторы государственнаго банка, казначейства и всѣ казенныя мѣста принимаютъ облигаціи заемнаго банка по номинальной цѣнѣ, наравнѣ съ серіями. Въ суду подъ нихъ государственный банкъ выдаетъ не менѣе 90% ихъ нарицательной цѣны. Эти суды производятся кредитными билетами, а не уничтоженіи ихъ—процентными или безпроцентными банковыми билетами, или звонкою монетою, съ открытія разнѣрной кассы государственнаго банка. Вносы заемщиками процентовъ и уплата процентовъ, премій и погашенія по облигаціямъ производится или кредитными билетами *по курсу*, или банковыми билетами государственнаго банка. Конторы государственнаго банка и казначейства принимаютъ слѣдующіе банку взносы и производятъ уплаты по облигаціямъ. Заемный банкъ можетъ производить суды и подъ вторую ипотеку. Заемщики платятъ 5 или 5½% интереса, 1% на расходы банка, 1, 2, 3%, или болѣе, погашенія, смотря по роду имущества и условіямъ. Правленіе банка избирается учредителями и участниками; старшіе члены утверждаются правительствомъ. Мѣстные (губернскіе и другіе) агенты банка (цѣновники) избираются мѣстными владѣльцами недвижныхъ имуществъ, которые отвѣчаютъ за ихъ честность и состоятельность. Служба ихъ равняется службѣ по выборамъ. Они утверждаются правительствомъ, получаютъ вознагражденіе и пользуются долею прибыли. Агентами банка за-границею могутъ быть только банкиры учредители и участники банка; нѣтъ обязанности должны состоять въ продажѣ облигацій,

удѣлѣ процентовъ, погашенія и преміи; разширъ вознагражденій ихъ опредѣляется, съ точностью, въ уставѣ. Чистая прибыль банка дѣлится между казною, его учредителями, участниками, агентами и правленіемъ. Полученные казною доходы употребляются на уничтоженію кредитныхъ билетовъ, а потомъ и другихъ обязательствъ казны. Отчетъ банка публикуется каждое полугодіе, а балансъ ежемѣсячно. Заемный банкъ учрежденіе временное; правительство всегда можетъ закрыть его, съ условіемъ принять на себя его обязательства и вознаградить учредителей и агентовъ, согласно заключенному договору. Въ случаѣ недоразумѣній объ этомъ, или другомъ предметѣ, дѣло должно быть рѣшено третейскимъ судомъ, о которомъ говорится въ уставѣ.

Статья г. Шилля особенно полезна тѣмъ, что энергически затрогиваетъ вопросъ, на который непременно должно быть устремлено общественное вниманіе.

Что касается практическаго значенія его проекта, то учрежденіе предлагаемаго имъ заемнаго банка, безспорно, было бы значительнымъ временнымъ подспорьемъ для владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ, — но не такая мѣра, которая бы значительно поправила общее экономическое положеніе.

Г. Шилль самъ говоритъ, что его банкъ есть мѣра переходная; а намъ кажется, что ставить себя задачею созданіе переходнаго, временнаго учрежденія, значить уничтожать девять десятыхъ значенія своей мѣры. Временныя мѣры — всегда полумѣры, совершенно протіворѣчающія правильной экономіи силъ, безъ которой государство непременно должно разориться. Г. Шилль отлично знаетъ это; онъ самъ не разъ высказывался противъ паллятивовъ, полумѣръ; а между тѣмъ, теперь не только предлагаетъ переходную мѣру, но и оправдываетъ необходимость ея нашимъ переходнымъ положеніемъ. Но въ переходное-то время и нужны такія мѣры, которыя бы скорѣе прекратили его; а мѣры переходныя производятъ совершенно противное, вызывая цѣлый рядъ послѣдовательныхъ и совершенно бесполезныхъ ломокъ, и дѣлая, черезъ это, переходное время болѣе продолжительнымъ и труднымъ. Но г. Шилль совершенно логически быль приведенъ въ протіворѣчіе съ самимъ собою свойствомъ заданныхъ себя задачъ. Онъ ищетъ выхода изъ затруднительнаго положенія и думаетъ найти его въ преобразованіи системы денежнаго обращенія и надѣленія землевладѣльцевъ кредитомъ. Какъ ни важны оба эти вопроса, но при настоящемъ положеніи нашего отечества, и они отходятъ на второй планъ; первоестепенное значеніе принадлежитъ другимъ вопросамъ, до окончательной и правильной развязки которыхъ не могутъ быть основательно рѣшены

и другіе. Значить, и приняты рѣшенія ихъ могутъ быть только по думѣрамъ.

Первостепенный экономическій вопросъ у насъ — *освобожденіе крестьянъ съ землею*. Въ немъ судьба Россіи; во имя его и должно совершиться преобразование кредитной системы и всѣ другія важныя преобразованія нашего общественнаго быта. Крестьянскій вопросъ не конченъ, а только начатъ Положеніемъ 19 февраля.

Всякій понимаетъ, что правильное рѣшеніе крестьянскаго вопроса возможно только съ превращеніемъ обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, посредствомъ выкупной операціи. Положеніе 19 февраля указало на это. Значить, главная задача банковъ — содѣйствовать выкупу. Надѣленіе землевладѣльцевъ кредитомъ явится прямымъ слѣдствіемъ выкупа. Напротивъ того, если назначеніемъ банка будетъ только производство ссудъ землевладѣльцамъ, — этимъ не ускорится, а, напротивъ, отдалится исходъ, указанный Положеніемъ.

Сами собою обязательныя отношенія не прекратятся привычнымъ путемъ; для осуществленія финансовой операціи необходима чья нибудь инициатива, и притомъ весьма энергическая. Но ее не дастъ ни Положеніе, ни заемный банкъ. Мѣры, указанныя Положеніемъ, надо рассмотреть подробно, и мы постараемся сдѣлать это въ слѣдующей статьѣ. Что касается до учредителей банка, разумеется, они не займутся выкупною операціею. Исключительною заботою ихъ будетъ увеличеніе прибылей банка — а сдѣлать спекуляцію изъ выкупа крестьянскихъ земель невозможно. Выкупная операція можетъ быть только дѣломъ государственнымъ или общественнымъ, но ни какъ не частнымъ, особенно руководимымъ иностранцами. А между тѣмъ возможность получить ссуды изъ новаго банка отвертитъ многихъ владѣльцевъ отъ выкупныхъ сдѣлокъ. Но этотъ важный вопросомъ мы займемся особо; а теперь обратимся къ другой задачѣ банка — измѣненію системы денежнаго обращенія, изъятію кредитныхъ билетовъ, замѣнивъ ихъ процентными облигаціями заемнаго банка и билетами государственнаго банка.

Предлагая эту мѣру, г. Шиль рѣшительно утверждаетъ, что «всякій сколько нибудь знакомый съ условіями народнаго благосостоянія и, при томъ, съ ходомъ дѣлъ у насъ, видитъ, что одна изъ причинъ нашихъ финансовыхъ и нѣкоторыхъ другихъ затрудненій заключается въ значительномъ количествѣ безпроцентныхъ билетовъ», и далѣе — что «всякій согласится, что облигація предлагаемаго имъ заемнаго банка неизмѣримо выгоднѣе для всего и во всѣхъ, и представляютъ собою явленіе болѣе рациональное во всѣхъ отношеніяхъ, нежели кредитные билеты.» Дѣйствительно, большая часть

нашихъ экономистовъ раздѣляютъ немобовъ г. Шмала къ кредитнымъ билетамъ и домогаются замѣны ихъ процентными банковыми билетами, приписывая излишку ихъ значительнѣйшую часть настоящихъ затрудненій. Но далеко не безусловно согласны съ этими практическія требованія Россіи. Въ то время, какъ экономисты возстаютъ на излишество кредитныхъ билетовъ, со всѣхъ сторонъ раздаются жалобы на *недостатокъ* ихъ. Пренія въ политико-экономическомъ комитетѣ о бумажныхъ деньгахъ далеко не разрѣшили этого противорѣчія. Въ засѣданіи 17 декабря, по вопросу: «страдаетъ ли мы излишествомъ бумажныхъ денегъ?»—10 членовъ дали *утвердительный* отвѣтъ, а 7—*отрицательный*. Очевидно, что не такимъ случайнымъ большинствомъ въ собраніи, составленномъ изъ лицъ приблизительно однородныхъ взглядовъ, рѣшаются вопросы подобнаго значенія для страны. Доводы экономистовъ не убѣдили коммерческій міръ. Представители его, въ засѣданіи того же комитета, 8 февраля, вторично утверждали, что торговля не испытываетъ затрудненій отъ излишества кредитныхъ билетовъ, во что, несмотря того, недостаетъ денегъ для окончанія начатыхъ предпріятій. Тотъ же отвѣтъ они повторяли еще нѣсколько разъ при преніяхъ о кризисахъ, приписывая недостатокъ мѣновыхъ знаковъ извѣтлю изъ обращенія билетовъ коммерческаго банка.

Вслѣдъ затѣмъ, не переставали раздаваться печатно голоса представителей промышленности и торговли, жалующихся на недостатокъ денегъ, подтверждающихъ свои положенія статистическими данными; они предлагали различныя комбинаціи для увеличенія количества денежныхъ знаковъ: выпускъ кредитныхъ билетовъ въ пособіе торговлѣ и промышленности на опредѣленные сроки, подъ вѣрныя залоги; выпускъ билетовъ въ счетъ будущей продажи московской желѣзной дороги и т. д. Московское купечество даже ходатайствовало о новомъ выпускѣ кредитныхъ билетовъ обычнымъ порядкомъ. О всѣхъ этихъ предложеніяхъ можно судить весьма различно; но каковъ бы ни былъ приговоръ о нихъ, одно несомнѣнно: что если и есть у насъ излишество кредитныхъ билетовъ, то прямая причина затрудненій нашихъ не въ немъ, а въ обстоятельствѣ столь сильномъ, что имъ заслоняется отъ коммерческихъ людей самое вліяніе излишества кредитныхъ билетовъ.

Если это обстоятельство — недостатокъ довѣрія и разстройство государственнаго кредита, то довѣріе не возстановится, сколько бы ни уничтожили кредитныхъ билетовъ; оно возвратится только съ совершеннымъ измѣненіемъ обстановки, возбудившей недовѣріе.

Не касаясь другихъ причинъ, разстроившихъ нашъ кредитъ, об-

ратимъ вниманіе лишь на одну, не самую сильную, но все-таки шибкую значительное участіе въ произведеніи этого результата.

Говоря безотносительно, мы не признаемъ, чтобы капиталисты имѣли право на полученіе отъ банка какого бы то ни было процента, потому что великій процентъ представляетъ для нихъ *премю за бездѣйствіе и непроизводительность*. Но обращаясь къ бывшему у насъ пониженію банковыхъ процентовъ, мы не можемъ не признать этого распоряженія мѣрою искусственною. Она не вызвана ни принципомъ, ни высказаннымъ, ни дѣйствительными потребностями народной жизни. Напротивъ того, она сама должна была вызвать народную жизнь на извѣстныя проявленія, къ которымъ та не была готова и которыхъ не допускала вся существовавшая обстановка, насколько не измѣнившаяся съ пониженіемъ процентовъ.

Гильдейское устройство, торговый, кредитный, таможенный уставы, пути сообщенія, народное образованіе, судопроизводство, чиновничество, крѣпостное право и т. п. обуславливали существовавшее состояніе торговли и промышленности, дѣляли его именно такимъ, какимъ оно было въ то время. Очевидно, оно не могло измѣниться, когда всѣ главныя условія оставались въ прежнемъ видѣ. А между тѣмъ пониженіемъ процентовъ говорилось капиталистамъ: «обратите ваши капиталы въ торговлю и промышленность». Они и обратили. Акціонерныя общества выросли, какъ грибы; учредители платили участникамъ по 15, по 20% изъ капитала; цѣны акцій немовѣрно возросли; ловкіе спекуляторы быстро нажились или обезпечили себѣ пожизненные доходы; акціонерная лихорадка овладѣла всѣми; самые осторожные не могли устоять передъ соблазнами и очевидностью огромныхъ барышей. Казалось, все какъ нельзя лучше; но неумолимая логика взяла-таки свое. Въ самую блестящую пору акціонерства оказалось, что не хватаетъ ни честности, ни знаний, ни необходимой обстановки. Однако, призрачные успѣхи всѣхъ ввели въ заблужденіе, то есть всѣхъ капиталистовъ. Владѣлецъ 100 т. р. считалъ свой капиталъ въ 120, 150, 200 тысячъ, и жилъ въ эту силу. Купцы и фабриканты, рассчитывая на умноженіе богатства и роскоши, усиливали обороты сверхъ средствъ; громадныя предпріятія учреждались на счетъ мнимаго богатства; участниками ихъ являлись люди, бравшіе, въ надеждѣ перепродажи съ барышемъ, столько акцій, на сколько хватало ихъ капитала для первыхъ взносовъ; домовладѣльцы охотно промѣнивали дома на акціи; откупщики надбили безмѣрно откупныя суммы; казна приступила къ ликвидаціи банковъ. Войти во вкусъ биржевой игры недолго; наша публика обѣщала сдѣлаться на этомъ поприщѣ достойною подражательницею французовъ, но даже на это не достало времени, — такъ

быстро послѣдовалъ разгромъ. Дивиденды или вовсе прекратились, или сократились до микроскопическихъ размѣровъ; пришлось жить на капиталъ, а между тѣмъ акціи не только упали въ цѣнѣ, но самый сбытъ болѣе части ихъ сдѣлался невозможенъ; на новые взносы не хватаетъ денегъ, акціи подлежатъ конфискаціи; но она не увеличиваетъ денежныхъ средствъ, необходимыхъ для продолженія предпріятій: они ликвидируются недоконченныя, или въ самомъ началѣ дѣйствій; самые значительные банкирскіе и торговые дома, всегда заранѣе свѣдущіе объ общемъ положеніи, снѣжили выйти изъ дѣлъ; другіе, всегда считавшіеся за самые прочныя, пали, увлекая за собою множество кліентовъ и поражая торговый міръ паническимъ страхомъ; громадныя спекуляціи, зачатыя подъ вліяніемъ духа биржебѣсія, лопнули, разоривъ значительнѣйшія отрасли народной промышленности; неурядица и дороговизна, неизбежныя спутницы такого хода дѣлъ, сдѣлали невозможнымъ сбытъ многихъ товаровъ за границу; товары вывезенные лежали въ складахъ и портились, не находя покупателей; а между тѣмъ постройка желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ, заводовъ, и значительно увеличившаяся роскошь усилли привозъ; большіе заказы были сдѣланы въ счетъ будущихъ благъ; за все это нужно расплачиваться, а денегъ нѣтъ. Среди всего этого, какъ снѣгъ на голову, прекращеніе ссудъ подъ недвижимыя имущества, лишшающее дворянство главнаго источника расточительности, и ликвидація банковъ, закрѣпившая капиталы и изъявшая изъ обращенія банковыя бидеты. Разумѣется, должники перестали платить долги, а ростовщики увеличили проценты.

Вся эта кутерьма происходила почти исключительно въ Петербургѣ, но такъ какъ онъ притянулъ къ себѣ всѣ соки Россіи, то кризисъ въ Петербургѣ отразился на всю Россію.

Непричастнымъ этому лихорадочному движенію оставался только народъ. У него ни акцій, ни имѣній, которыя бы банкъ принималъ въ залогъ, ни векселей, принимаемыхъ къ учету, ни вкладовъ въ банкахъ не было и не сдѣлалось; сдѣлались—было получше заработки, зато все стало дороже, больше сдѣлались недоплаты при расчетахъ, увеличились повинности казенныя и помѣщичьи, больше сталъ тянуть откупъ,—а затѣмъ все осталось по прежнему: все, что зарабатывалось безъисходнымъ, кровнымъ трудомъ, выходило безъ остатка на харчи да поборы.

Таково положеніе общественныхъ финансовъ. Финансы государственныя необходимо должны соответствовать имъ.

Вся совокупность совпавшихъ неблагопріятныхъ условій, неправильность общественныхъ отношеній, незнаніе, неурядица, недостатокъ правильной организаціи кредита, кризисы денежныя, тор-

говый, промышленный, акціонерный — вотъ причины настоящихъ затрудненій. Отстранить затрудненія нельзя иначе, какъ отстранить всѣ причины ихъ произведшія, или по крайней мѣрѣ важнѣйшія изъ нихъ.

Трудно предположить, чтобъ предложенное г. Шиллемъ измѣненіе системы денежнаго обращенія могло отстранить настоящія затрудненія, или уничтожить причины ихъ развивающія.

Но прежде чѣмъ разсматривать вѣроятныя послѣдствія этихъ предложеній, надо, чтобъ они осуществились. А тутъ съ перваго взгляда видно много затрудненій. Допустимъ даже, что просвѣщенное финансовое начальство будетъ дѣйствовать въ духѣ г. Шилля. Прежде всего представляется рядъ весьма серьезныхъ вопросовъ относительно залога государственныхъ имуществъ. Какъ опредѣлится количество ихъ, могущее быть заложено? Какія выгоды представить для государства залогъ имуществъ, для превращенія безпроцентныхъ кредитныхъ билетовъ въ процентныя бумаги? Изъ какихъ средствъ будутъ платиться проценты по залому, которые по проекту г. Шилля могутъ быть 9% и болѣе со 100? Далѣе, какимъ образомъ совершится обмѣнъ кредитныхъ билетовъ на облигаціи заемнаго банка, и какимъ образомъ можно контролировать, что обмѣненные кредитные билеты будутъ изъяты изъ обращенія? Для обмѣна необходимо содѣйствіе народа, въ рукахъ котораго находятся кредитные билеты. Какъ будутъ обмѣнены облигаціи, по нарицательной цѣнѣ, или по курсу? Въ первомъ случаѣ, операція должна имѣть обязательный характеръ. Но можетъ ли правительство гарантировать постоянный курсъ облигацій частнаго банка 100 за 100, когда пятипроцентные билеты государственнаго банка стоятъ 98%, и стояли еще ниже? Притомъ, обязательный курсъ облигацій прямо противорѣчилъ бы направленію всѣхъ настоящихъ реформъ по кредитной системѣ. Обмѣнъ же по ходячему курсу представлялъ бы ликвидацію, которая можетъ подвергнуть казну немедленной и весьма значительной потерѣ. Естественно, что эта операція главнѣйше перейдетъ черезъ руки банкировъ, а они, имѣя въ виду, что казна не иначе можетъ пустить облигаціи въ обращеніе, какъ обмѣняя ихъ на соответствующую сумму кредитными билетами, легко могутъ производить искусственное движеніе курсовъ. Такимъ образомъ, какъ обыкновенно водится при подобныхъ операціяхъ, и казна, и народъ понесутъ потерю, а банкиры останутся съ двойными барышами.

Условія предложенныя г. Шиллемъ государственному банку едва ли могутъ быть выполнены. Государственный банкъ долженъ платить учредителямъ заемнаго банка 5% за внесенный фондъ, если же захочетъ пустить его въ обращеніе, то долженъ уничтожить на

состоятельному сумму кредитныхъ билетовъ, переходяще въ обращеніе, или въ банкъ. Какимъ же образомъ банкъ можетъ выполнить это условіе? Въ настоящемъ его распоряженіи находятся двоякаго рода суммы: 1) его собственный капиталъ и резервъ и 2) частныя вклады, то есть суммы, которыя онъ долженъ возвратить владельцамъ или по востребованію, или въ извѣстные сроки. Но вѣдь и фондъ заемнаго банка не составитъ собственности государственнаго банка, а можетъ быть потребованъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, обратно. Значитъ, уничтоженіе кредитныхъ билетовъ будетъ или уничтоженіемъ банкомъ чужаго капитала, или сокращеніемъ своего собственнаго, и слѣдовательно, всякая сумма фонда, пущенная въ обращеніе, должна выручить слѣдующую прибыль: 1) уничтоженный капиталъ т. е. 100%, 2) процентъ платимый на уничтоженный капиталъ, 3) 5% платимыхъ заемному банку, 4) прибыль государственному банку. Возможно ли это? Если возможно, значитъ государственный банкъ разрешитъ государство; если нѣтъ, значитъ фондъ заемнаго банка нельзя пускать въ обращеніе; въ такомъ случаѣ изъ чего и за что платить владельцамъ за него 5%? А если имъ не платить ихъ, за что же обзывать ихъ отдавать фондъ въ постороннія руки? Намъ скажутъ, быть можетъ, что банкъ можетъ получать суммы отъ государственнаго казначейства; но вѣдь это ничто иное, какъ мистификація: средства государственнаго казначейства далеко не таковы, чтобъ оно могло удѣлять милліоны на истребленіе.

Осуществленіемъ предположеній г. Шилля достигнется одинъ положительный результатъ: замѣна безпроцентныхъ кредитныхъ билетовъ процентными. Два же главнѣйшихъ недостатка настоящей денежной системы не устраняются. Такими мы считаемъ неограниченность выпуска кредитныхъ билетовъ и неисполненіе обязательства размѣна билетовъ на монету. Неограниченный выпускъ билетовъ вреденъ не потому, чтобы выпущенная масса ихъ произвела затрудненіе въ денежномъ обращеніи, — а потому, что онъ означаетъ жизнь свыше средствъ, превышеніе расходовъ надъ доходами. Но ни частный человекъ, ни община, ни государство не могутъ постоянно жить свыше доходовъ. Это удастся въ началѣ, — болѣе или менѣе продолжительное время, смотря по тому, въ какой мѣрѣ велика репутація богатства и состоятельности лица или государства. Въ началѣ всѣ охотно вѣрятъ въ долгъ тому, кого считаютъ богатымъ, потому что находятъ такое помѣщеніе вѣрнымъ и выгоднымъ, думая, что заемъ есть слѣдствіе временнаго, скоропереходящаго затрудненія; въ теченіе извѣстнаго времени кредитъ поддерживается, но уже не по тому, чтобы твердо вѣрили въ состоятельность должника, а потому что кредиторы могутъ извлечь изъ его

затрудненій значительныхъ одновременныхъ выгоды и расчётливости на возможность сбыта векселей или обязательствъ людямъ, не посвященнымъ въ тайны денежнаго положенія должника. Естественно, чѣмъ болѣе количество долговыхъ обязательствъ, тѣмъ болѣе падаютъ въ цѣнѣ прежнія, тѣмъ болѣе велики пожертвованія стѣнѣ заключеніе новыхъ; а между тѣмъ, безъ нихъ становится невозможнымъ существовать. Обыкновенные расходы, давно уже превышающіе доходы, возрастаютъ пропорціонально долгу. Кредитъ падаетъ, падаетъ. Страдаетъ уже не одинъ должникъ, но и кредиторы, ищущіе въ рукахъ обезцѣвившихся долговыхъ обязательства, не находящихъ сбыта. Если не какойнибудь чрезвычайный оборотъ—исходъ такого положенія банкротство. Всякій знаетъ, что оно ежедневно постигаетъ отдѣльныя лица, торговые дома, общества. Что касается правительствъ — новѣйшая исторія представляетъ катастрофу австрійскаго въ 1811, 13—15 годахъ. Въ 1811 г. австрійское правительство ликвидировало свои *банкоцетели* по 20 за 100; владѣлецъ 1,000 флоринновъ долженъ былъ обмѣнять ихъ 200 фл. новыми бумажными знаками; но такъ какъ неблагоприятныя обстоятельства не устранялись новыми денежными знаками, то курсъ снова упалъ на 70%, такъ что владѣвшій въ 1810 г. 1,000 флор. имѣлъ въ 1815 всего 57 флор. Въ настоящее время, до введенія октябрьскаго патента, австрійскіе финансы были не далеки отъ вторичнаго банкротства. Теперь подобная, если не худшая катастрофа грозитъ турецкому правительству.

У насъ также было нѣчто подобное: ассигнаціонный рубль стоилъ первоначально $2\frac{1}{2}$ рубля серебряныхъ; впоследствии онъ былъ уравниенъ серебряному рублю; мало-по-малу возникъ лахъ, сначала незначительный — 2, 3% со 100, потомъ разница быстро возростала, такъ что въ началѣ нынѣшняго столѣтія, отношеніе серебрянаго рубля къ ассигнаціонному было 1 : 4,13. Въ 1834 г. правительство установило денежною единицею рубль серебряный и опредѣляло постоянное отношеніе его къ ассигнаціонному 1 : 3,50. Нынѣшнія обстоятельства лучше всего показываютъ, на сколько ошибаются люди, думающіе поправлять органическіе недостатки такими поверхностными мѣрами.

Естественно, что правительство можетъ жить несравненно дольше свѣше средствъ, чѣмъ частные люди: представляя собою государство, оно можетъ въ извѣстной степени располагать всѣми его средствами. Такимъ образомъ, хотя долги и превышаютъ средства самого правительства, но оно можетъ покрывать ихъ, опираясь на ресурсы страны. Но на нихъ правительство можетъ исполнѣ рассчитывать только въ такомъ случаѣ, когда страна участвовала въ са-

дипломатическіе дѣла своими совлѣченіемъ... Эту истину неопровержимо доказываетъ современное положеніе кредита различныиъ европейскииъ правительствахъ.

Англійское правительство не имѣетъ права распорядиться фунтомъ стерлинга, безъ согласія палаты общинъ, а кредитъ его, не смотря на долгъ въ 5 миллиардовъ р. с., прочіе чьего либо. Въ Италіи финансы разстроены; послѣдній бюджетъ представляетъ дефицитъ къ 300 милліон. фр., и тѣмъ не менѣе стоитъ правительству объявить, съ разрѣшенія палаты, заемъ — онъ навѣрно будетъ безъ труда покрытъ, не смотря на то, что всѣмъ извѣстно, что полученныя суммы употребляются самымъ непродуманнымъ образомъ — на вооруженіе. Въ Турціи, гдѣ у правительства всего 220 милл. долга и оно можетъ деспотически распоряжаться достояніемъ всѣхъ и каждаго, — оно фактически банкротъ. Австрійское правительство, также неограниченный распорядитель государственныхъ финансовъ, наканунѣ вторичнаго банкротства видѣло единственное средство спасенія въ предоставленіи странѣ контрола надъ финансами.

Разборъ финансоваго положенія всѣхъ другихъ государствъ далъ бы рѣшительно тотъ же результатъ: чѣмъ свободнѣе и непринужденнѣе контролъ надъ финансовымъ управленіемъ, тѣмъ прочнѣе государственный кредитъ.

Контроль — а не превращеніе процентныхъ бумагъ въ безпроцентныя — поможетъ нашимъ кредитнымъ финансовымъ затрудненіямъ. Предоставленіе выпуска билетовъ государственному банку вмѣсто казначейства, какъ предлагаетъ г. Шиль; — одна игра словъ. Примѣръ Австріи неопровержимо доказываетъ это. Тамъ выпускъ билетовъ предоставленъ вѣнскому банку, учрежденію не чисто казенному, а акціонерному, разумѣется, съ участіемъ правительственнаго вліянія. И не смотря на то, ни на всевозможныя обѣщанія, безпрестанно даваемыя и правительствомъ и банкомъ, выпускъ билетовъ постоянно производится въ неограниченномъ количествѣ. Билетамъ присвоивали обязательный курсъ и прекращеніе платежей по нимъ сдѣлалось нормальнымъ положеніемъ. Если же таковы отношенія акціонернаго банка къ государственному казначейству, могутъ ли они быть иными въ казенномъ банкѣ?

Вѣдь совершенно естественно, что если расходы не могутъ быть покрыты ни доходами, ни внѣшними займами безъ обременительныхъ условій, — а между тѣмъ подъ рукою столь удобное средство, какъ выпускъ банковыхъ билетовъ, то къ нему и прибѣгаютъ.

Такимъ образомъ, въ сущности, совершенно безразлично: само ли казначейство выпуститъ билеты, казенный ли банкъ или частъ-

ный банкъ, подъ вліяніемъ казны. Въ каждомъ изъ этихъ трехъ тѣхъ тезъ выражаются тѣ же самыя идеи.

Остается рассмотреть еще одинъ вопросъ, желательно ли, чтобы кредитные билеты замѣнились теперь процентными билетами? Мы, не колеблясь, даемъ отрицательный отвѣтъ, по слѣдующимъ соображеніямъ.

Значительнѣйшая часть обращающихся кредитныхъ билетовъ есть долгъ, возникшій вслѣдствіе хозяйства, въ которомъ расходы систематически превышаютъ доходы. Обращеніемъ безпроцентнаго долга въ процентный, положеніе не только не улучшится, но значительно ухудшится. Процентные билеты, оставая общую сумму долга неизмѣнною, увеличатъ ежегодные расходы всю сумму процентовъ, платимыхъ по билетамъ. Представьте себѣ должника, частное лицо, котораго бы кредиторы вздумали увѣрять, что состояніе его поправится, если онъ прибавитъ имъ на свою должную сумму 4% или 5%? Не то ли же самое говорить правительству, что оно выйдетъ изъ затруднительнаго положенія, обративъ безпроцентный долгъ въ процентный? Кредитъ его нисколько отъ того не поправится: мы выше объяснили почему. Напротивъ, подобная мѣра скорѣе окончательно разстроитъ его; вслѣдствіе будетъ считать ее послѣднимъ отчаяннымъ средствомъ, потому что иначе трудно объяснить себѣ ежегодную жертву въ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей.

Состоятельныѣе правительство также не сдѣлается, превративъ кредитные билеты въ банковые. При всякомъ кризисѣ или общемъ затрудненіи, владельцы банковыхъ билетовъ будутъ осаждать банкъ съ требованіями размѣна и уплаты, — и у банка не будетъ другихъ средствъ избавиться отъ требованій, какъ поставить къ дверямъ жандармовъ и объявить о *приостановленіи* платежей.

Дешевизна также не возвратится отъ этой мѣры. Никто не будетъ брать процентными билетами дешевле того, что бралъ безпроцентными; въ этомъ вслѣдствіе можете убѣдиться сію минуту, предложивъ домохозяйну, лавочнику, портному, сапожнику, вмѣсто кредитныхъ билетовъ, взять 5%-ные, уменьшивъ цѣну. Навѣрно, ни одинъ не согласится.

— Но по крайней мѣрѣ банковые билеты будутъ приносить проценты.

— Это будетъ новымъ бременемъ для народа. Какіе источники у казны для платежа процентовъ? Другихъ нѣтъ, кромѣ новыхъ налоговъ. Правда, эти же суммы возвратятся въ народъ; но во-первыхъ,

однажды взятый налогъ всегда уже чистая потеря; а во вторыхъ, налогъ, по обыкновенію, падеть всею тяжестью на рабочіе классы, а проценты достанутся капиталистамъ. Ихъ получить только тотъ, кто имѣеть возможность продержатъ у себя билеты нѣсколько времени; а тотъ, у кого они сегодня въ рукахъ до завтрашняго дня, только прочтеть, — если имѣеть чистатъ, — что этотъ билетъ приноситъ 5 $\frac{1}{2}$ %. Капиталистамъ, конечно, такая реформа будетъ съ руки, только не народу.

То же самое надо сказать о подвижности курса билетовъ. При неизвѣстности народа съ биржевыми фокусами; при томъ вліаніи, которое у насъ богатый имѣеть на бѣднаго, введеніе въ употребленіе билетовъ съ измѣняющимся курсомъ будетъ совершеннымъ бѣдствіемъ для всѣхъ живущихъ трудовъ. Притѣвленіямъ и обманамъ не будетъ конца. Явится крестьянинъ платитъ подати, — пріемщикъ скажетъ: сегодня курсъ рубля 90 к., да начальство не принимаетъ по этой цѣнѣ; давай больше — а не дашь сегодня, завтра заплатишь дороже. Чиновникъ получитъ жалованье по одному курсу, а домохозяинъ приметъ деньги за квартиру по низшему. Мелкій торговецъ не можетъ продавать иначе, какъ въ кредитъ; подастъ счетъ должнику — тотъ заплатитъ по произвольному курсу; за то лавочникъ будетъ поступать такимъ же образомъ со всѣми покупающими на наличныя т. е. съ мелкими потребителями. Въ провинціяхъ постоянно будутъ обсчетывать, ссылаясь на петербургскіе курсы. Это будетъ повторяться при каждомъ дѣлѣ, при каждомъ платежѣ. Попробуйте гдѣ бы то ни было за границей расплатиться на желѣзной дорогѣ, на почтѣ или въ какомъ другомъ казенномъ и общественномъ мѣстѣ иностраннымъ золотомъ или какими нибудь бумагами съ измѣняющимся курсомъ, всегда будетъ значительная потеря. Напр. — биржевой курсъ русскаго золотаго 5 lb. 12 sgr, а на желѣзной дорогѣ его принимаютъ въ 5 lb 8 sgr. и т. п. Если такіа злоупотребленія возможны за границей, что же будетъ у насъ? При каждомъ долгѣ, при каждомъ платежѣ, богатый и сильный найдетъ въ подвижномъ курсѣ новое средство прижать бѣднаго. Дороговизна останется попрежнему, а сверхъ того прибавится прижимка въ курсѣ.

Если во Франціи, Англии и Бельгіи возстаютъ противъ обязательнаго курса банковыхъ билетовъ, то это еще не причина, чтобъ возставать у насъ противъ постояннаго курса кредитныхъ билетовъ. Во всѣхъ этихъ странахъ, главное орудіе обращенія не банковые билеты, а звонкая монета, имѣющая постоянный курсъ: пяти-франковая монета всегда стоитъ 5 франковъ; билеты обращаются преимущественно между капиталистами; въ народѣ они рѣдки; самое

принятіе ихъ необходимо. При такихъ условіяхъ логичное соглашеніе въ курсѣ возможно. Но возможно ли сдѣлать такую монету главными орудіемъ обращенія у насъ, гдѣ громадность пространства и младенческая, первобытная организація кредитныхъ сдѣлокъ потребуютъ металла въ несравненно болѣе широкомъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было! Если возможно, — значитъ, гдѣ бы болѣе возможно возстановить свободный развѣтъ кредитныхъ билетовъ на монету. А какъ только это будетъ обезпечено, кредитные билеты опять станутъ гораздо удобнѣйшимъ орудіемъ обращенія, чѣмъ монета.

Въ Пруссіи, напримѣръ, гдѣ, какъ у насъ ходятъ бумажные деньги, цѣною въ 1, 5, 10, 25, 50 и 100 талеровъ, но нѣтъ недостатка въ разнѣрной монетѣ (болѣею частью биметаллической) и вынуждены билеты ограничить, — никто и не думаетъ жаловаться на избыточность курса или безпроцентность бумажекъ. Да и въ самой Россіи, жаловались ли кто нибудь собственно на кредитные билеты, когда не было недостатка въ мелкихъ деньгахъ?

Русскій народъ въ денежныхъ дѣлахъ ослѣпленъ привычкой практическимъ смысломъ, и не легко поддается той или другой теоріи, старающейся извратить его понятія. Для народа деньги орудіе иныя — не болѣе. Поэтому для него всего важнѣе, чтобы это орудіе было какъ можно удобнѣе для ежедневныхъ потребностей. Дайте ему, при недостаткѣ монеты, какіе угодно мелкіе знаки, и онъ будетъ покупать и продавать на нихъ, какъ бы на монету. Почтовые марки, жидовскіе билетки, бумажки въ 10, 25 к., вынужденные частными лицами, совершенно свободно обращались въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и оказывали большія услуги. Народъ понимаетъ, что цѣнность денегъ составляетъ общее согласіе на принятіе ихъ.

Остальныя замѣчанія, которыя можно бы сдѣлать на статью г. Шилля, мы оставляемъ всторонѣ, такъ какъ цѣль этой статьи вовсе не критика проекта г. Шилля. Прибавимъ только, что мы не сочувствуемъ системѣ премій, играющей довольно важную рольъ въ проектѣ. Система премій — не правильная фивансовая операція, а одно изъ порожденій биржевой спекуляціи, еще недавно гордо торжествовавшей надъ теоріями противныхъ ей утопистовъ, но теперь оказавшей послѣднее слово разгромомъ Миреса и подобныхъ ему биржевыхъ шарлатановъ. У насъ и безъ того не мало отечественныхъ пороковъ, — зачѣмъ же стараться приывать къ намъ чужіе, въ родѣ биржевой игры, къ которой мы очень падки. Премія — или удочка для призыва къ намъ иностранныхъ капиталистовъ, или возбуждательное для насъ самихъ. Но вѣдь первые всегда превзойдутъ насъ въ ловкости,

дослѣ пойдутъ на удочку, то съ тѣмъ, чтобы самимъ сорваться и по-сидѣть насъ. Нуржани же постройка желѣзныхъ дорогъ недостаточно внушила намъ, что значитъ содѣйствіе иностранныхъ капиталовъ?

Что касается до возбуждательнаго для насъ, оно быть можетъ и поддѣстоуетъ, но не ненормальному физиологическому закону послѣдствіемъ неестественнаго возбужденія всегда увеличеніе истощенія.

Въ заключеніе, вотъ, категорически, нашъ взглядъ на различные финансовыя вопросы, затронутые въ статьѣ г. Шилля:

Причины настоящихъ финансовыхъ затрудненій двоякаго рода: одні, хроническія, наслоншіяся въ теченіе вѣковъ, обусловленныя нашимъ историческимъ развитіемъ; другіе, вызванныя отсутствіемъ однородной системы и нѣкоторыми отдѣльными мѣрами, несоотвѣтствовавшими ни нашему развитію, ни потребностямъ.

Никакія отдѣльныя частныя мѣры не исправятъ положенія; по-лумѣры только ухудшатъ его.

Правильное хозяйство весьма скоро можетъ поправить финансы; но для этого необходима стройно организованная система, основанная на сочетаніи интересовъ всего народа, а не на выгодахъ одной части общества.

Не излишество, не безпроцентность кредитныхъ билетовъ причиною затрудненій, — слѣдовательно, не изытіе ихъ изъ обращенія и не замѣна ихъ процентными отвратитъ трудность положенія. Контроль могъ бы сдѣлать изъ нашей денежной системы лучшую въ Европѣ.

Разрѣшеніе крестьянскаго вопроса выкупною операціею должно быть главною задачею государственнаго кредита.

Виѣсть съ тѣмъ, необходимо сильное содѣйствіе кредитуемъ всему сельскому и городскому населенію, ремесламъ, промышленности, торговлѣ.

Чѣмъ богаче народъ, тѣмъ прочнѣе государственныя финансы— это сдѣлалось уже аксіомой. Но чтобы обогатиться, надо, чтобы государство и общество повали, какъ обращаться съ находящимися у нихъ въ рукахъ сокровищемъ — кредитомъ. Чѣмъ больше и разумнѣе разрабатывать его, тѣмъ онъ становится производительнѣе. Соудѣйствіе кредита нѣсколькимъ десяткамъ тысячъ купцовъ способствуетъ образованію громаднаго богатства... Что же долженъ произвести онъ, являсь на помощь всей массѣ рабочаго населенія?

Освобожденіемъ крестьянъ съ землею Россія можетъ доказать возможность осуществленія *умови* — распространенія права собственности на всю массу населенія.

Правильное разрешеніе этого вопроса можетъ привести ее къ разрешенію двухъ мировыхъ задачъ: созданія общественнаго кредита и признанія права труда на кредитъ, то есть уравненія его въ правахъ съ капиталомъ.

Мы постараемся, вслѣдъ за симъ, представить нѣсколько соображеній о выкупной операціи для рѣшенія крестьянскаго вопроса.

И. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧЪ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

—
III.

ПОГОНЯ ЗА ЛУЧШИМЪ.

КРИТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

МОТИВЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНІЯ.

(По поводу педагогическихъ статей г. Ушинскаго.)

Мы видѣли, какія условія полагаетъ г. Ушинскій для народнаго учителя. Но будетъ ли живымъ человекомъ учитель, воспитанный по этимъ правиламъ?

Позволимъ себѣ немного отвлечься, объясниться призмъромъ.

Мы возьмемъ для поясненія нашего сомнѣнія призмъромъ — цѣль написать для народа настольную книгу (что отчасти схоже съ стремленіемъ дать намъ «хорошихъ» воспитателей).

Въ «Современникѣ» (№ 1, 1861 г. Крит., стр. 27 и слѣд.) ясно было доказано заблужденіе приверженцевъ древней русской письменности въ отысканіи ими отвлеченнаго понятія русской «народности» исключительно въ давно прошедшемъ, почти легендарномъ періодѣ, посредствомъ археологическихъ изысканій. Но и послѣ этой статьи намъ удалось прочесть мнѣнія г. Щербинны о необходимости пишущему для народа изученія исторіи ab ovo, что, признаемъся, отдалось въ нашихъ ушахъ слишкомъ рѣзкимъ диссонансомъ.

Но такъ какъ подобный вопросъ ведетъ къ тѣмъ же результатамъ, къ которымъ можетъ привести мнѣніе г. Ушинскаго, и такъ какъ онъ для многихъ не безынтересенъ, то мы рѣшились удѣлить ему немного мѣста въ нашей статьѣ, чтобы сопоставленіемъ болѣе или менѣе ярко освѣтить какъ мнѣнія К. Д. Ушинскаго, такъ и мысль Н. Э. Щербини.

Не говоря о томъ, что ни одинъ изъ нашихъ историческихъ трудовъ не объяснилъ намъ правильно (фактически) русской народности, а по большей части подводилъ ее подъ заранѣе составленныя теоріи; не говоря о томъ, что это понятіе, уловенное хотя бы очень немногими въ прошедшемъ, не можетъ во всемъ соответствовать настоящему времени, — мы не видимъ никакой надобности вдаваться въ историческія изслѣдованія только для того, чтобы написать элементарную книгу для народа, уже и потому, что все скроенное по отвлеченной, теоретической мѣркѣ рѣдко гармонируетъ съ духомъ народа, не имѣетъ задатковъ свободного творчества; а лишенное жизни, оно, безъ всякаго сомнѣнія, не можетъ войти въ жизнь и сдѣлаться настольною книгою, отвѣтомъ на всѣ вопросы, задаваемые народу его бытомъ. Если мы ратуемъ противъ теорій, вычитанныхъ изъ книгъ, вооружаемся противъ всевозможныхъ заимствованій, то какое же право имѣемъ мы вносить подобный методъ въ составленіе книгъ для народа или въ идею школы, образующей для него воспитателей? какое право имѣемъ мы обуславливать современную намъ жизнь византийскими давнопрошедшими, тѣмъ болѣе, что въ этомъ давнопрошедшемъ нѣтъ никакихъ для насъ живыхъ задатковъ на самостоятельность?

Мысль человѣческая рождается только отъ столкновенія человѣка съ фактомъ. При всей даже нетерпимости новыхъ воззрѣній, для свѣтлой идеи всегда найдется средство проникнуть въ воззрѣнія массы. Она въ первый разъ можетъ быть высказана въ дружеской бесѣдѣ, съ прибавленіемъ слова: «мнѣ кажется...», на что можетъ явиться отвѣтъ въ родѣ утѣшенія забыть и не думать о сказанномъ. Потомъ перейдетъ къ другой личности во время дружескихъ не изліяній, въ видѣ сообщенія чужаго мнѣнія, гдѣ уже встрѣтится отвѣтъ: «а можетъ быть!» и т. д. будетъ переходить съ различными смягченіями въ отвѣтахъ слушающихъ. Свѣтлая идея по своей живучести, полноремъ, не можетъ пропасть. А нельзя сказать, чтобы въ прожитомъ Русью времени послѣ сближенія съ Византіею пріятіемъ христіанской вѣры — не было случая народиться относительно-новымъ идеямъ. Возьмемъ хотя одинъ источникъ новыхъ идей, военные столкновенія. Уже и они одни познакомили насъ со многимъ. Всѣ битвы, а главное — походы въ чужія земли

не могли остаться бесслѣдными для русскаго народа, не могли не внести относительно-новыхъ обычаевъ, болѣе разумныхъ, чѣмъ утвердившіеся. Удальные походы, нашествіе Батыя, рабство подъ владычествомъ татаръ, борьба съ монголами, битва куликовская, вторженіе Литвы, памятный 1612 годъ, экспедиціи въ Турцію, Персію, на Кавказъ, въ Польшу, въ Швейцарію, въ Италію, въ Венгрію, знаменитая борьба съ французами въ 1812 и 1853 годахъ, — все это эпохи и столкновенія, гдѣ неминуемо должно было измѣниться многое въ народномъ кругозорѣ.

Освоившись за предѣлами отчизны съ совершенно другою жизнью и встрѣтивши много сперва страннаго, а потомъ признаннаго дѣльнымъ, всякій солдатъ при всей своей, предположимъ даже, фаталистической любви къ родинѣ, при всей ограниченной способности осмыслять встрѣченное, не могъ не принести домой запасъ болѣе свѣжихъ живительныхъ взглядовъ. Положимъ, что худо развитый умъ не способенъ прямо сдѣлать выводъ изъ видѣннаго и случившагося; положимъ, что солдатъ не обладаетъ тою догадливостью и смѣтливостью, которою мы такъ привыкли надѣлать русскаго крестьянина, «не испорченнаго цивилизаціей фабрикъ и городовъ»; положимъ, наконецъ, что на долю солдата, или прежняго воина, приходилась для наблюденій самая незначительная часть времени, завятаго, если не боями, то отдыхомъ, или чистою амуницией, и тогда мы можемъ точно такъ же согласиться, что въ его головѣ осталось довольно новаго для своихъ земляковъ. Никто не станетъ спорить, что это положенія весьма возможны; у такого неразвитаго чловѣка не столько складывается выводъ, какъ запечатлѣвается фактъ. Всякій возвратившійся изъ чужой страны легко припоминаетъ при разговорѣ малѣйшіе случаи и явленія прошедшей жизни и здѣсь на свободѣ, гдѣ все вронкнуто не столько удивленіемъ, сколько критикою надъ обычаями и жизнью чужаго народа, безъ всякаго труда дѣлаются весьма простыя, поразительно вѣрныя заключенія изъ сравненій своего съ иноплеменинымъ. Прирожденное любопытство слишкомъ важное орудіе въ человѣческомъ совершенствованіи. И при всей малочисленности бывшихъ за границею, распространеніе слуховъ не трудно, — можетъ быть въ ущербъ истинѣ, но отнюдь не въ ущербъ любознательности. Рассказы о народѣ, недавно еще враждебномъ, не могутъ остаться недѣйствительными: встрѣченные сперва съ насмѣшкой, они неминуемо западутъ не въ одну голову, и обыкновенный вопросъ: «а можетъ это и лучше?!...» — не дастъ покою ни одной размышляющей головѣ. А такихъ головъ всегда не мало. И вѣдь были, кромѣ военныхъ столкновеній, и другіе пути новымъ понятіямъ къ намъ. Мы не можемъ исто-

рически прослѣдить хода развитія новыхъ взглядовъ, но можемъ видѣть ихъ широкія послѣдствія. Странно бы утверждать, что на исправленіе церковныхъ книгъ Никономъ, а равно на протестъ со стороны Никиты Пустосвята и Авакума не дѣйствовали споры кіевскихъ ученыхъ съ католиками о преимуществахъ вѣры, или что на дружины Степани Разина и Пугачева не имѣло вліянія позачество, съ его понятіями о свободѣ и нетерпимостью современной ему городской жизни, не всегда безопасной для мирнаго, честнаго гражданина.

Но кромѣ внѣшнихъ столкновеній, на воверѣніе народа можетъ дѣйствовать и самая внутренняя обстановка, самая его жизнь. Реформы Годунова, или Петра I не остались безслѣдными для русской народности. Знаменіе на небѣ цѣлуютъ его на мыслѣ о невѣдѣніи или природѣ; взяточничество — къ убѣжденію о необходимости правды, такъ чтобъ «брату не дружить, врагу не мстить»; голодъ — къ мысли о необходимости запасныхъ магазиновъ и т. д. и т. д. Самый обыденный, частный случай можетъ послужить къ общей суматохѣ; ложный слухъ о минувшихъ пророческихъ словахъ — можетъ повергнуть въ уныніе цѣлое государство. Рассматривая всѣ эти явленія, мы можемъ только сказать одно: вліяніе ихъ сдѣлалось замѣтнымъ значительно позже времени столкновенія различныя понятій русскихъ съ понятіями народовъ, окружающихъ насъ или новыми фактами внутренней жизни. И это точно такъ, какъ творится многое въ мірѣ не валовыми переворотами, а микроскопической работой интуитивной. И пусть историкъ сидитъ съ микроскопомъ, слѣдитъ за каждымъ шагомъ каждой малѣйшей идеи, занимавшей въ прошедшемъ извѣстное поколѣніе, не упуская изъ виду общаго, пусть онъ укажетъ намъ законы дѣятельности нашего народа и судьбы его до настоящаго времени въ художественно-режиссерской картинѣ, гдѣ бы видѣлось все въ мелочахъ и одно въ общемъ.

Но, къ несчастію, время окончанія этого труда слишкомъ далеко; а намъ нужно писать книги теперь. У насъ только начинается разработка исторіи русскаго народа, только проявилось сознаніе, что важнѣе знать физическія бѣдствія и примѣты, заставляющія болѣе и отрадать народъ, и наматки выраженія его мыслительности, чѣмъ голыя факты жизни князей и дневникъ ихъ происшествій, замѣчательный только развѣ для нихъ-же. Передъ нами — факты, еще необобщенные, — а если и осмысленные, то во выступающіе и не сложившіяся въ одну общую картину. Составителю книги для народа они повидимому могутъ служить наставленіемъ и поученіемъ, чего онъ долженъ избѣгать въ своей работѣ и что, напротивъ,

долженъ вносить въ свой трудъ, чтобъ сдѣлать его національнымъ. Чего же нажется лучше? Но здѣсь есть немаленькая точка.

Разбирая художественныя произведенія, литераторы у насъ судятъ или на основаніи образности, или по отношенію формъ къ идеѣ, или по живучести и современности, царящей въ художническомъ сознаніи идеи. Но ни одинъ изъ этихъ методовъ по большей части не употребляется читателями. Для нихъ есть совершенно другая мѣрка, безсознательная, гдѣ главное впечатлѣніе, — это, если такъ можно выразиться — жизненность произведенія, охватывающая чувства въ первые минуты, когда еще не было времени сдѣлать анализъ причинъ этого дѣйствія. Оттого часто то, что такъ восхищаетъ односторонняго рецензента, обязаннаго коротко высказать свое сужденіе о новомъ литературномъ явленіи, является для читателя однимъ риторическимъ упражненіемъ, и, безъ сомнѣнія, наоборотъ, на что негодууетъ критикъ, часто прельщаетъ читателя. Такъ напр. возьмите многія сцены у Островскаго, — они вамъ покажутся въ пьесѣ лучшимъ балластомъ, если вы заботитесь о формѣ; но прочтите ихъ безъ цѣли критиковать по вашей мѣркѣ, и они поразятъ васъ своею правдою, своимъ неподражаемымъ сходствомъ съ дѣйствительностію. — Вы, вѣроятно, знаете очеркъ Успенскаго, посѣщеніе дьяконницы дьяконницею въ «Лѣтній день»; — что жъ заѣвъ необыкновеннаго? и будто стоило писать и еще печатать это?! А взгляните въ эти лица, въ ихъ мысли, въ ихъ способъ выраженія, въ ихъ бытъ... вы поймете, что при всей обыденности въ этой, новидимому, ничѣмъ не отличающейся картинѣ — есть какой-то особенный оттѣнокъ, особенный моментъ, уловить которые въ жизни, не нарушая ея правды и гармоніи, совершенно не легко и не всякому подъ силу. — Разговоры ученаго Берсеньева и художника-артиста Шубина полу-лежачихъ на травѣ слишкомъ обыкновенны. Ихъ въ повѣсти не вызвала главная идея, — они бесѣдуютъ себѣ безъ всякихъ натяжекъ, такъ, какъ всегда говорятъ. И оттого они являются передъ нами живыми, — намъ знакомъ и ученый, и художникъ. Прочтите прекрасныя сцены въ «Обломовѣ», просмотрите, хоть для прищѣра, сцены, гдѣ являются Захарь-муж и Захарь-лакей, гдѣ описывается настоящая Ольга Ильинская, баронъ, жена Обломова, выборгскіе чиновники, — и сравните ихъ съ другими сценами, болѣе важными, въ томъ же романѣ, тогда вы почувствуете все преимущество первыхъ надъ послѣдними, все преимущество свободнаго творчества надъ отвлеченностію, призрачною выдумкою. Обломовъ съ Ольгою въ саду поздно вечеромъ... Ольгѣ душно, страшно... Романистъ хочетъ сказать что-то, а у него выходитъ ничто, потому что нельзя признать смѣсь совер-

шенно не гармонирующую, расположенную и оботаженную далеко неестественно — дѣйствительностію... Рѣшительный разговор Штольца съ тою же Ольгою — является въ романѣ объясненіемъ прежде бывшаго, и сама Ольга выступает далеко не въ томъ свѣтѣ, къ которому авторъ старается ее вездѣ выставить. Слѣшкомъ важное мѣсто, по мнѣнію романиста, требовало много отдѣлки и колориту, и онъ ихъ придалъ этому эпизоду болѣе, нежели въ дѣйствительности; а создавая эту сцену, онъ не могъ думать, что творить дисгармоническій эпизодъ въ прекрасномъ романѣ. Анализъ распространенъ слѣшкомъ далеко и неумѣстно. Отдѣльныя мелкія черты поглотили все вниманіе автора и его кругозоръ раздѣлился въ ущербъ истинѣ... А кто же скажетъ, что у Гончарова не хватитъ силы создать лучшее и что онъ уступаетъ хотя бы Успенскому въ вѣрности пониманія жизни? Вся бѣда здѣсь отъ увлеченія спеціалиста-художника, отъ нарушенія границъ проявленія жизни.

Послѣ этого кажется понятно, какъ создается среднее какомунибудь кружку или цѣлой націи. Ни Островскій, ни Тургеневъ, ни Гончаровъ, ни Успенскій, ни ктонибудь другой не изъ риторической школы не задаютъ себѣ задачи, прежде чѣмъ писать задуманную повѣсть, выучить психологію и различными душевными и духовными науки. Они не раздѣляютъ предварительно своихъ героевъ на темпераменты; не приписываютъ каждому качество, принадлежащихъ не книгѣ извѣстному, избранному для героя, темпераменту; не начинаютъ слѣдствовать по теоріи мозаичнаго человѣчка, и не послѣ *полобныхъ* бессмысленныхъ трудовъ, начинаютъ подбирать интересные случаи и анекдоты, чтобы «составить повѣсть для публликъ».

Послѣ всего нами сказаннаго о живомъ элементѣ въ книгѣ вообще, ясно, что заставляетъ насъ сомнѣваться въ пригодности какъ проектируемыхъ г. Ушнскимъ интернатовъ, такъ и вообще учительскихъ семинарій, способныхъ у насъ быть органами нечужественнаго фанатизма и своеволія. Но г. Ушнскій имѣетъ свои особенные доводы въ пользу интернатовъ.

Отъ учителя народной школы авторъ требуетъ жизни «простой, даже суровой и бѣдной, безъ свѣтскихъ (то есть вообще мирскихъ); гдѣ же учителю народной школы понастъ теперь въ такъ называемый *beau monde*?) развлеченій, жизни съ природой, строгой, аккуратной, честной и въ высшей степени дѣятельной». «Понятно, прибавляетъ авторъ: что только въ закрытомъ заведеніи можно имѣть сильное вліяніе на образованіе привычекъ (привычка, мало того, что недостойна мыслящаго человѣка, очень легко замѣняется другою привычкой, — что необходимо прямое слѣдствіе «сильнаго вліянія», всегда противнаго побужденіямъ питомца, а слѣдовательно

и его самой природѣ) къ такой (вышеобъясненной) жизни и крѣпѣ того узнать нравственныя качества будущаго учителя» (стр. 124).

Г. Ушинскій здѣсь былъ бы неопровержимъ въ доказательствахъ пригодности интерната, если бы его требованія были разумны. Только въ интернатѣ можно устроить любую атмосферу, но вѣдь въ теплицахъ не растутъ растенія въ полной своей силѣ и красотѣ. Забавно стремленіе вселить привычку, но еще страннѣе возможность узнать нравственныя качества питомца, — говоримъ о томъ, что это едва ли возможно при «сильномъ» вліяніи, никогда не располагающемъ къ открытому образу дѣйствій, а по отдѣльнымъ, врасплохъ узнаваемымъ, случаямъ не добьешься никакого результата вѣрнаго и безпристрастнаго. Но, положимъ, узнали, — что же дальше? Начнется сильное вліяніе учителя, начнется еще сильнѣйшее вліяніе природы и склонностей, начнется путь тайкомъ и т. д. Положимъ, часть привычекъ уничтожится, пока питомецъ въ интернатѣ. А качества будущаго народнаго учителя, хотя и узнаются, и предугадываются, да что съ этими качествами будетъ тогда, когда власть учителя семинаріи минется для бывшаго практиканта? Зачѣмъ же узнавать-то ихъ? Полноте, г. Ушинскій, къ чему въ вашей семинаріи заботиться о будущихъ качествахъ? — вѣдь что, несмотря на интернатную атмосферу, ярко выдается въ питомцѣ, того не уничтожить никакому интернату, — о будущемъ такихъ господъ вамъ нечего заботиться: они погибнуть въ вашихъ глазахъ, но можетъ быть отыщутъ болѣе свѣтлый для себя путь; а большинство питомцевъ учительской семинаріи — вотъ кто достойны вниманія и сожалѣнія о ихъ факрикаціи по вашимъ правиламъ.

Этихъ не кончились аргументы г. Ушинскаго. Выборъ хорошаго кружка для будущаго учителя народной школы, по его мнѣнію, возможенъ только въ интернатѣ.

Выборъ кружка воспитателемъ для питомца! Что же питомецъ — индивидуальная ли личность, или просто безчувственная машина, которую положить у пароваго котла — лежитъ, переложить въ другое мѣсто — лежитъ, въ третье — лежитъ и лежитъ? Неужели до того велика власть воспитателя, что онъ можетъ управлять въ питомцѣ рѣшительно всѣмъ, даже самыми современными движеніями чувства, антипатіей и симпатіей? Грустно и весьма грустно!

Г. Ушинскій совѣтуетъ «зорко наблюдать не только за тѣмъ, что учатъ будущіе учителя, но и за тѣмъ, что они читаютъ и съ какой литературой они знакомятся». «Иная книга, прибавляетъ авторъ: или даже двѣ-три журнальныя статьи, прочитанныя молодымъ человекомъ 17-ти — 18 лѣтъ, могутъ навсегда (?) сгубить въ немъ будущаго народнаго учителя» (то есть идеаль г. Ушинскаго) (стр. 125).

И такой-то человек рѣшается рекомендовать свои идеи въ 1861 г.!! «Само собою разумѣется, еще прибавляетъ авторъ: что одной запретительной системы, ограждающей дѣятельность еще недостаточно. Всего болѣе, конечно, должно ожидать отъ того умственного и нравственного вліянія, которое начальники семинарій и наставники ея могутъ имѣть при совмѣстной жизни съ семинаристами и при безпристранныхъ съ ними сношеніяхъ. Только въ закрытыхъ заведеніяхъ, образуется тотъ духъ заведенія, который столько же можетъ быть губителенъ (для живаго человѣка?), сколько полезенъ» (для автомата, утратившаго человечество?) А чтобы достигнуть такихъ блестящихъ результатовъ, г. Ушинскій находитъ нужнымъ только разъ положить основаніе, далѣе же характеру заведенія «неволью будутъ подчиняться вновь вступающіе члены (неволью, бессознательно!! сколько человечности-то въ проэктѣ!!) Отъ этой первоначальной закваски (замѣтьте!), продолжаетъ г. Ушинскій: зависитъ весь успѣхъ семинарій: характеръ выходящихъ изъ нея дѣятелей, а чрезъ нихъ характеръ народнаго образованія. Вотъ почему, по мнѣнію проэктора, необходимо учредить учительскія семинаріи сначала въ скромныхъ размѣрахъ, такъ, чтобы можно было надѣяться совладать съ направлениемъ первыхъ воспитанниковъ и, убѣдившись вполне въ ихъ направленіи, осторожно и понемногу подбавлять къ нимъ новыя личности. Вотъ почему въ интернатъ семинарій нельзя принимать всѣхъ желающихъ, но только по строгому выбору изъ людей, спеціально къ тому подготовленныхъ (кромѣ питомцевъ подобныхъ интернатовъ — въ мірѣ такихъ людей не обрѣтается), по крайней мѣрѣ на столько, чтобы выразился ихъ характеръ и способности, подающія надежду образовать изъ нихъ хорошихъ дѣятелей на поприщѣ народнаго образованія» (стр. 126). На этомъ же основаніи г. Ушинскій находитъ за лучшее не основывать учительскихъ семинарій въ большихъ городахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по его мнѣнію, они должны находиться неподалеку отъ центровъ образованія.

Возражать на такія мнѣнія — не болѣе, какъ тратить время и мѣсто; но нельзя не замѣтить, что г. Ушинскій вноситъ въ свой проэктъ всякое дисгармоническое обыкновеніе, точно у него въ волѣностяхъ большой недостатокъ. Что можетъ сильнѣе парализировать разумность и безпристрастіе отношеній двухъ сошедшихся личностей, какъ не внушенное раньше предубѣжденіе видѣть въ другомъ человѣка, далеко неспособнаго къ добросовѣстному исполненію извѣстныхъ условій, связывающихъ эти двѣ личности? что губительнѣе дѣйствуютъ на энергію человѣка, какъ не астрѣченое имъ недовѣріе къ его силамъ и способностямъ? И ав-

торы, не подумываясь, прежде всего требуетъ испытаній характера и способностей поступающаго въ учительскую семинарію молодого человѣка, тѣе онъ вѣритъ въ возможность узнать умственные и душевные качества человѣка по какимъ нибудь вѣшнимъ, часто случайнымъ, отвѣтамъ или узнаваемымъ фактамъ! Не означаетъ ли это недовѣріе воспитателя къ желающему учиться — одно безмірие его педагогической мудрости, безжизненность и отвлеченность его требованій, которыя самъ воспитатель создаетъ не для всѣхъ дѣйствительными и разумными, въ силу чего требуетъ для своей практики (а не для воспитанія другихъ) людей надломленныхъ, которыхъ уже сродны его ненормальные методы?

Мы изложили всѣ причины необходимости учрежденія учительскихъ семинарій интернатами; мы показали всю несостоятельность и ложность мнѣнія г. Ушинскаго о образованіи народа; но развязна была все-таки впереди, — мы теперь дошли и до нее. Прочитывая изложенныя наши мысли, читатель, вѣроятно, не разъ задавалъ себѣ вопросъ: «кто же будетъ тамъ воспитываться? и какой отецъ рѣшится отдать своего сына на такую губительную фабрику?» Да, любезный читатель, «какой отецъ рѣшится?» Но вѣдь это мы съ тобой, мы, наивные люди, задаемъ себѣ такой вопросъ, а г. Ушинскій пошелъ далеко впередъ насъ. Если онъ рѣшился, во что бы то ни стало, «закрѣпить» за разъ попавшими въ учительскую семинарію званіе народнаго учителя, то вѣдь это онъ дѣлалъ не даромъ, — онъ чувствовалъ, что надо дѣйствовать не въ духѣ австрійской политики Шмерлинга, а рубить по-спартански, съ плеча; нужно забыть всякую совѣсть и не ждать добровольной отдачи отцами своихъ дѣтей въ его теплицы, а безъ всякаго посторонняго вліанія родныхъ питомцевъ, безъ всякой жалости забирать въ проектируемыя учительскія семинаріи — сироты!!.. «Въ настоящее время,» говоритъ онъ: «Россія ни въ чемъ столько не нуждается, какъ въ народныхъ учителяхъ. Какое лучше назначеніе можно избрать для сироты, обязаннаго всѣмъ своимъ воспитаніемъ правительству, какъ не назначеніе народнаго учителя» (стр. 127—128). Конечно, отчего же сиротѣ не быть народнымъ учителемъ; но какъ г. Ушинскій рѣшился свою-то теорію воспитанія примѣнять къ несчастнымъ, беззащитнымъ шгопцамъ? что тутъ за толки о нравственности, о религіи, о православіи, когда самъ г. Ушинскій не понимаетъ смысла ни одного изъ этихъ понятій, когда онъ изъ людей хочетъ дѣлать квашню, съ разными заквасками, съ разными безчеловѣчными состояніями?

Мы не рѣшаемся далѣе слѣдить за проектомъ учительскихъ семинарій, не будемъ описывать мнѣнія г. Ушинскаго, — довольно того состоянія, которое мы заставили терпѣть и себя, и читателя. Для

ночь кажется дѣломъ гораздо важнѣйшимъ дать, хотя самое поспѣшное, помяте о русскихъ сиротскихъ учебныхъ заведенияхъ, чтобы читатель могъ понять, на сколько верно суждѣтъ ударишь. Ушинскій, для осуществленія своихъ идей и вѣстѣ съ тѣмъ, на слова невѣрно позволялъ онъ себѣ изказать истину однимъ своимъ марсомъ: «какое лучшее назначеніе можно избрать для сироты, обрѣтшаго своимъ воспитаніемъ правительству, какъ не назначеніе нравнаго учителя?»

Г. Ушинскій выбираетъ мужское сиротское заведеніе, обширное и богатое средствами, которое находилось бы вондалскѣ отъ одной изъ столиц и могло учредить учительскую семинарію «безъ помощи издержекъ для правительства». Такимъ сиротскимъ заведеніемъ можетъ явиться главнѣйше—одна гатчинскій николаевскій институтъ, лежащій за сорокъ двѣ версты отъ С. Петербурга, гдѣ не такъ далеко самъ К. Д. Ушинскій былъ инспекторомъ вслѣдъ за П. С. Гурскимъ (написавшимъ «Очеркъ исторіи» этого заведенія, откуда мы будемъ приводить факты), а слѣдовательно мало-мальски знакомъ съ устройствомъ гатчинскаго института. Фраза «безъ новыхъ издержекъ» заставила неволью подунуть автора о возможности (а полагать и дѣяться навѣрно) осуществленія его «Проекта». Но пусть сами етъ рѣшать, кому и на сколько обязаны сироты, воспитываемыя вообще подъ вѣдомствомъ опекунскаго совѣта, своимъ воспитаніемъ и на сколько поэтому они могутъ быть назначены по желанію какихъ нибудь гг. Ушинскихъ.

Нынешній гатчинскій сиротскій институтъ (*) основанъ Государынею императрицею Маріею Теодоровною 22 мая 1803 года и сначала назывался гатчинскимъ сельскимъ воспитательнымъ домомъ. Цѣль его была дать первоначальное образованіе несчастно-рожденнымъ сиротамъ обоюго пола въ духѣ чисто-ремесленномъ и ограничить въ нѣжныхъ лѣтахъ дѣтства отъ всего грубаго и морочнаго. По достиженіи дѣтми десятилѣтняго возраста, предполагалось раздѣлять ихъ частію по вольнымъ мастерамъ, частію въ александровскую мануфактуру, а лучшихъ переводить въ с.-петербургскій воспитательный домъ для дальнѣйшаго образованія. Какъ видите, первоначальная его цѣль не шла въ себѣ, по отношенію къ времени, никакихъ правительственныхъ видовъ, а потому и была установлена не правительствомъ, а Государынею императрицею Маріею Теодоровною, какъ благотворительное заведеніе; что, конечно, не одно

(*) Гатчинскій сиротскій институтъ можетъ служить свидѣніемъ другимъ сиротскимъ заведеніямъ. Мы его выбрали только потому, что у насъ есть исторія этого заведенія и назъ оно болѣе другихъ извѣстно.

то же. Потребовались на постройку деньги, — онъ не были выданы изъ государственнаго казначейства, а повелѣно было рескриптомъ на имя гошмаршала Степана Сергѣевича Ланскаго, отъ 28 июня 1802 года, — взять изъ остатковъ 1802 года въ Гатчинѣ экономическихъ и малованныхъ суммъ — 13,269 р. 33 к., а остальные 21,000 рублей, говорилось въ рескриптѣ: «имѣете вы получить слѣдующимъ образомъ: въ сентябрѣ мѣсяцѣ сего 1802 г., въ январѣ и маѣ мѣсяцахъ будущаго года, т. е. каждую третью, по двѣ тысячи рублей изъ карманныхъ Монахъ довецъ и по пяти тысячъ изъ суммы на экстраординарныя Монахъ расходы определенной». Вся штатная сумма сперва была опредѣлена въ 39,592 р. 16 к. асс., потомъ — въ 46,926 р. 66½ к.; въ 1811 г. она простиралась уже до 94,900 р. асс., а въ 1817 г. достигла до 127,457 р. 59¾ к.

Г. Ушинскій говоритъ, что если «богатое мужское сиротское заведеніе», т. е. гатчинскій институтъ, направить къ образованію народныхъ учителей, то учителя народныхъ школъ явятся «безъ лишнихъ издержекъ для правительства»; мы рѣшаемся доказать превратность мнѣній г. Ушинскаго, чтобы другіе, незнакомые хорошо съ средствами этого заведенія, не впали въ ошибку, повѣривъ бездоказательнымъ словамъ бывшаго инспектора гатчинскаго института. Правда, гатчинскій институтъ обладаетъ гораздо значительнѣйшими средствами, нежели большая часть русскихъ казенно-учебныхъ заведеній; но изъ этого еще ничего нельзя вывести, нельзя сказать, что при новомъ его направленіи, получатся даромъ народные учителя. Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ, съ одной стороны, чѣмъ обладаетъ это «богатое, обширное сиротское заведеніе», и съ другой — что долженъ получать будущій народный учитель, чтобы дѣйствительно онъ былъ производителемъ добросовѣстнымъ, плодотворнымъ и, въ самомъ дѣлѣ, полезнымъ дѣлителемъ. Изложимъ сперва средства гатчинскаго института возможно полно и добросовѣстно.

Для обезпеченія постояннаго существованія института, изъ общихъ доходовъ воспитательнаго дома отдѣленъ особый капиталъ въ 4,770,770 р. 33¼ к. и билетъ сохранный казны на эту сумму выданъ институту, кромѣ другаго билета государственной комиссіи погашенія долговъ въ 33,000 руб. Штатная сумма (при П. Гурьевѣ—1853 г.), кромѣ особыхъ ассигнованій и платы за пансіонеровъ, равняется 192,810 р. 80 к., но сумма издержекъ, какъ можно видѣть изъ предлагаемой таблицы (*), доходитъ иногда до 234,005 р. 53 к. —

(*). Для желающихъ прослѣдить возрастаніе числа воспитывавшихся въ гатчинскомъ институтѣ, служившихъ чиновниковъ, служителей, а равно израсходованныхъ суммъ, помѣщаемъ вѣдомость въ сокращеніи:

253,250 р. 91³/₄ в. Некоторымъ эти цифры могутъ показаться небольшими, но взглянувши въ таблицу можно признать ихъ относительно огромными. Мы видимъ, напримеръ, что на одного служащаго чиновника приходится по 5 воспитанниковъ съ дребью (1851, 52 г.), или даже четыре (1855 г.), а на одного служащаго—по большей части по четыре. Конечно, такіа отношенія еще ничего не значатъ (*): гораздо яснѣе опредѣлится богатство суммъ, если мы ихъ разложимъ по предметамъ удовлетворенія институтскимъ потребностямъ. Такъ мы видимъ, что на пищу 510 воспитанниковъ, находящихся въ классахъ (школа малолѣтнихъ дѣтей существуетъ по особеннымъ правиламъ) издержано: полагая въ день на каждаго по 14 к., въ годъ 51 р. 10 к. на всѣхъ—26,061 р.; на одежду: на каждаго по 48 р., въ годъ—24,480 р. Прибавляя сюда содержаніе малолѣтней школы (на пищу 9,429 р. 60 к. и на одежду 1,875 р., а всего 11,304 р. 60 к.), получимъ въ итогѣ расхода на питомцевъ—61,845 р. 60ш. На жалованье должностнымъ лицамъ (**)—78,515 р. 50 к.; нижнихъ

	Число воспитанниковъ.	Число служившихъ.	Число нижнихъ жителей.	Иа расходованныя суммъ.
Въ 1822 году .	490	86	79	62,912 руб. 3 коп.
— 1825 —	484	99	85	70,486 — 60 —
— 1827 —	370	93	83	82,241 — 74 —
— 1830 —	691	127	92	93,747 — 30 —
— 1832 —	662	132	93	103,839 — 96 —
— 1834 —	720	141	93	120,166 — 49 —
— 1835 —	409	101	90	118,261 — 19 —
— 1838 —	530	111	93	117,481 — 2 —
— 1840 —	532	97	103	185,840 — 8 —
— 1841 —	527	101	113	206,766 — 66 —
— 1843 —	538	102	113	219,084 — 54 —
— 1844 —	537	103	128	204,999 — 24 —
— 1847 —	852	103	128	234,038 — 83 —
— 1848 —	531	104	128	231,033 — 74 —
— 1850 —	601	101	137	233,250 — 91 —
— 1851 —	567	112	137	231,561 — 8 —
— 1852 —	627	120	147	234,093 — 83 —

(*) За вѣрность этихъ выводовъ мы не можемъ даже ручаться: въ числахъ воспитанниковъ замѣшено отдѣленіе малолѣтней школы и вольноприходящіе. Далѣе мы будемъ брать для своихъ выкладокъ число 510, взятое съ такою же цѣлью П. Гурьевымъ, по всей вѣроятности, соответствующее 1838 году.

(**) Должностныхъ лицъ при П. Гурьевѣ полагалось: директоръ, инспекторъ, при немъ помощникъ, три старшихъ надирателя, двадцать шесть классныхъ надирателей (если считать ихъ дежурство необходимымъ по 5 человекъ въ день, то очередь каждаго будетъ черезъ 5 дней въ шестой!), смотритель за учебными пособиями, пріятель дѣлъ, при немъ помощникъ, бухгалтеръ, армякъ помощникъ, казначей, архитекторъ, полиціймейстеръ, восемь писарей, кон-

служителей (которыхъ 210 на 510 воспитанниковъ!)—16,695 р., а всего служащимъ—95,210 р. 50к. Учебная часть стоитъ институту—35,000 р., а всего 202,056 р. 10 к. А навривѣрь, въ 1850 г. кровъ этой суммы было еще издержано 51,194 р. 81³/₄ к., вѣроятно на постройки и т. п. (*). Желаящіе имѣть выкладки институтской щедрости могутъ сдѣлать ихъ сами. Во всякомъ случаѣ, изъ приведеннаго нами видно, что всякому служащему чиновнику приходится круглымъ числомъ по 770 р. въ годъ, выводя, сравнительно съ другими учебными заведеніями — богатый.

Кромѣ того, институтъ въ самыхъ учебныхъ пособіяхъ не можетъ нуждаться. Приводимъ сравнительную таблицу классическимъ пособіямъ, имѣвшимся въ гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ въ годы: 1841, 1847 и 1853:

	1841	1847	1853
Библіотека разныхъ сочиненій, томовъ . . .	6,117	6,444	7,157
« учебныхъ книгъ, томовъ . . .	7,241	11,988	14,849
Физическій кабинетъ	184	184	257
Собраніе землемѣрскихъ инструментовъ . .	21	21	48
Минералогическій кабинетъ	516	516	715
Гербарій с.-петербургской флоры	«	«	210 (?)
Нумизматическое собраніе	2,916	2,916	2,916
Собраніе разнаго рода рисунковъ	343	658	782
Гипсовыхъ головъ	«	10	10
Собраніе стереометрическихъ моделей . . .	145	145	145

миссаръ при платѣ и бѣльѣ, кастелянша съ помощницей, священникъ, дяконъ, дячекъ, тридцать одинъ учитель, два старшихъ врача, старшій фельдшеръ, четыре младшихъ фельдшера, аптекаръ (при городской госпитальной аптекѣ?—замѣьте!), два аптекарскіе ученика (тамъ же) надзиратель и надзирательница (за больными), зубной врачъ, временно-ваѣзжающій (вотъ какой еще!), учитель при малолѣтней школѣ, при немъ помощникъ и надзирательница (а дамы, содержащія малолѣтнихъ дѣтей? сколько ихъ? отчего не поименованы въ общемъ числѣ? ихъ вѣдь никакъ не менѣе десяти!)

А всего это три!!

(*) Эти остаточныя суммы, вѣроятно, идутъ на бѣлье, полагающееся къ переизмѣнѣ каждый годъ: такъ по таблицѣ приложенной П. Гурьевымъ видно, что каждому воспитаннику каждый годъ полагается: рубахъ—3, нижняго бѣлья—3, платковъ—3, носковъ 6 (пара), простыня—1, валоочка—1 и т. д. Интересно, что все это носитъ клейма института («Г. С. И.» и годъ). Не приобретаются ли клейма вѣднимъ числомъ, или не ведется ли счетъ въ годикъ особеннымъ способомъ? Спрашивается потому, что по клеймамъ нельзя познать словъ бывшаго инспектора: между годомъ носки бѣлья и клеймомъ—бываетъ разница отъ 4 до 13 лѣтъ. А что бѣлье не всегда кѣло—это ясно; хорошо бы, если бы его носиле начальство, а то воспитанники; а вѣдь кому неизвестно, что молодость бережлива?

Глобусовъ	3	4	10
Географическія карты	180	123	120
Лабораторія, приборовъ для химіи	«	«	109 (*)
Гимнастическихъ снарядовъ	138	121	207
Музыкальныхъ инструментовъ	28	69	56
Зоологическій кабинетъ (*).	«	«	123
Рисунковъ, таблицъ и географическихъ картъ, а также бюсттовъ, развѣщенныхъ по стѣнамъ рекреационныхъ залъ	«	«	235 (**)

Познакомившись со средствами гатчинскаго института, взглядомъ на его внутреннее состояніе. Г. Гурьевъ въ своемъ «очеркѣ» сообщаетъ, что существовало мнѣніе, отрицавшее разумность воспитанія сиротъ «несчастно-рожденныхъ», а далеко ли отсюда до отрицанія вообще рачіональности образованія сиротъ, извѣстныхъ какъ дѣтей бѣдныхъ чиновниковъ? Кромѣ этого есть еще немаловажная причина ничѣмъ невыдающейся педагогической дѣятельности гатчинскаго института, и эта причина именно важна для насъ. Всякому извѣстна среда, окружающая ребенка, сына бѣднаго чиновника, всякому извѣстна горестная повѣсть малютки-сироты изъ этой сферы. Много онъ перенесъ, много пережилъ, а самъ онъ еще маленькое дитя. Но вотъ онъ въ сиротскомъ заведеніи.

«Дѣти этого рода, говоритъ П. Гурьевъ: всего болѣе нуждались «въ любви, отъ недостатка которой они и постоянно чувствовали «пустоту въ сердцахъ; но въ любви-то имъ болѣе всего и отказывали «тѣ, которые такъ торжественно обязывались въ ней, когда имъ «нужно было получить мѣсто около сиротъ. При воспитаніи этихъ «дѣтей, постоянно жаловались на ихъ непохвальныя свойства: непри- «знательность, зависть, подѣ-часть излишнее угодничество и ласка-

(*) Мы не знаемъ, что г. Гурьевъ называетъ «зоологическимъ кабинетомъ». Не нужно ли подъ этимъ громкимъ названіемъ подразумѣвать «шкапъ» (впрочемъ, довольно обширный) съ чучелами птицъ и нѣсколькихъ маленькихъ животных?

(**) Съ оставленіемъ г. Гурьевымъ должности инспектора института, при г. Ушинокомъ, авторъ разбираемыхъ статей, значительная часть всего этого была перенесена изъ рекреационныхъ залъ въ кладовыя, зачѣмъ? — преданіе умалчиваетъ. При П. С. Гурьевѣ воспитанники могли пользоваться книгами изъ «библіотеки разныхъ сочиненій». — съ его же отставкой эта библіотека, вѣроятно, начала приводиться въ порядокъ, при чемъ неудобно вылавливать книги воспитанникамъ, и выдача производилась только наставникамъ (звѣротно въ силу правила, что «одна или двѣ статьи могутъ сгубить» и т. д.). Мы знаемъ достоверно, что этотъ порядокъ существовалъ съ 1854 до 1859—1860 годовъ. Что же значить богатства учебнаго заведенія, когда на нихъ наложилъ свою печать какой нибудь Скаронъ, или Плюшкинъ въ видѣ инспектора-педагога?

«тащество, иногда — на отчужденность отъ всего ихъ окружающаго. Но имъ вошло въ привычку быть непривзятельными, потому что они знали, что ихъ никто и никогда не любитъ; они были завистливы, убѣжденные, что имъ, по особености ихъ положенія между людьми, никогда нельзя сравниться съ другими; они были излишне подчасъ угодливы и ласкательны, чтобъ вынудить, что нибудь отъ другихъ, тамъ какъ никогда и ничего своего не выжили; они чуждались людей, потому что мало на-кого надѣялись. (Это могло происходить даже бессознательно, но, конечно, болѣе или менѣе въ силу причинъ, излагаемыхъ г. Гурьевымъ). «Не коренная причина всего этого — только въ отсутствіи любви. Мы, продолжая П. Гурьева: имѣли много случаевъ удостовѣриться, какъ измѣнились эти самыя дѣти, когда они убѣждались въ любви къ себѣ кого нибудь. Такая неестественность ихъ положенія доказывается еще тѣмъ, что несчастно-рожденные сироты обыкновенно очень скоро вступали въ браки по окончаніи своего воспитанія, когда только-что успѣвали получить какое либо мѣсто по службѣ. Замѣчено также, что они обыкновенно очень сильно любятъ своихъ собственныхъ дѣтей, какъ будто сама природа торопитъ ихъ выполнить поскорѣе неестественную для человѣка пустоту сердца: приобщиться, во что бы то ни стало, къ какому либо семейству, чаще всего безъ надлежащаго разбора; отсюда и преждевременные, нерѣдко печальные браки. Конечно, такое стремленіе оуждали, но не обращали вниманія на источникъ, изъ котораго оно происходило, хотя этотъ источникъ, самъ по себѣ, былъ столько же естественный, сколько и нравственный. Естественно было въ ихъ положеніи завидовать чужому семейному счастью, отъ котораго они были такъ далеко, но прелесть котораго такъ сильно ихъ влекла къ себѣ. Потому-то, по словамъ П. Гурьева: тѣхъ условій, какими доказывается волокое другое замкнутое учебное заведеніе, недостаточно для успѣха воспитательныхъ домовъ. Здѣсь нужны воспитатели съ величайшимъ самоотверженіемъ (*). Если исторія воспитательныхъ домовъ и представляетъ иногда такихъ чудныхъ самоотвержцевъ, то что значила ихъ дѣятельность въ толпѣ прочихъ приставанковъ, которыми они были окружены? Можетъ быть на это «возразятъ намъ, что невозможное въ прежнія времена, когда дѣйствительно трудно было приискывать въ воспитатели людей образованныхъ, вполнѣ понимавшихъ свое призваніе; осуществилось бы

(* Г. Гурьевъ смотритъ относительно; неумѣрно, что при жесткости нашего воспитанія — любовь къ питомцу некажется высшею добродѣтелью.

«теперь, когда просвѣщеніе разлилось почти повсемѣстно и нѣтъ недостатка въ образовательныхъ инстинктахъ. Но, да позволено намъ въ этомъ усомниться, и сверхъ того мы имѣемъ несопоримый фактъ, что и въ наше время высшее образованіе интеллектъ было неуспѣшно (не по самой лицѣ; основѣ воспитанія?), если взять въ соображеніе массу дѣтей и исключитъ изъ числа счастливыхъ случаевъ, «не взирая на то, что въ тѣхъ средствахъ, какими можетъ владѣть учебное заведеніе определенной организаціи, недостатка не было». (Очеркъ исторіи Гатчинскаго института, стр. 93—95).

Но отвергнемъ даже это мнѣніе (конечно, à sa fantasia), допустимъ, что въ описанномъ заведеніи теперь все ангелы, — а не Миллеры-Красовскіе, не Ушинскіе; что же дальше? Не поправляетъ ли дѣла проактъ учительскихъ семинарій, не вносятъ ли онѣ живительныхъ началъ въ воспитаніе, отвлеченно, безъ воли г. Ушинскаго? Впрочемъ, прежде, чѣмъ повторять въ иныхъ словахъ прежде изложенныя мысли проектера, мы позволимъ себѣ спросить: что такое сирота? Но вѣдь это каждому извѣстно. А если всякому встрѣчались дѣти бѣдныхъ чиновничко-родителей, оставляемыя на произволъ разныхъ тетюшками и дядюшками, вездѣ и всегда лишнія; если всякій видѣлъ страдальческія лица, забытыя и запуганныя, безъ роднаго кромъ, безъ всякаго имущества, опечалѣнные точно какими-то прожитымъ именемъ «сирота», — отчего же не всякій рывался радоваться изъ горю и большая часть мезолно горевала о ихъ будущемъ? Одно ли лицо, или корпорація беретъ на себя заботу о будущемъ этихъ несчастныхъ, неужели вправѣ они распорядиться ими по своей волѣ, дѣлать изъ нихъ все, что имъ угодно? И за что же? не въ знакъ ли благодаренія? А если это благодареніе будетъ для нихъ страшнымъ насиліемъ, гибельнымъ произволомъ? Неужели такой порядокъ вещей можетъ быть терпимъ въ законѣ нибудь человѣческомъ обществѣ? О, нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ! Пользоваться своею властію, издѣваться надъ безсициемъ другаго, забывать его беззащитность и въ силу этихъ обстоятельствъ заставлять несчастнаго быть слѣдкимъ орудіемъ своихъ корыстныхъ видовъ, — неужели это нормальность, неужели это то послѣднее слово, къ которому звала и зоветъ насъ наша человѣческая природа? Неужели могутъ быть терпимы такія вещи и неужели законъ останется глухимъ къ подобной ненормальности? Да, все это можетъ случиться у насъ и... печатъ... печатъ проповѣдуетъ такія вещи! — Въ сиротскомъ заведеніи нужно устроить элементарную школу, чтобы дать хорошую закваску. Что же за отношенія этой школы къ сиротамъ? Элементарная школа, по мнѣнію проектера, «обязана прежде всего узнать своихъ воспитанниковъ и дать каждому изъ нихъ такое пер-

всначальное воспитание и образование (не одно и то же! ведь тут большой многоточный дуализм: сердце — ум!), и далее (образование? воспитание?) полагать оных (сирот) принять немогут; а потом уже она имеет право адресовать не по способностям, а по наклонностям и давать каждому соответствующее назначение» (стр. 189) «Не способностей и наклонностей...» «сдета» (используемое название)». Да позвольте, товарищ, г. Ушинский, что за боги ваши создатели! Видя хоть немного-то посмотрите на жизнь, или даже печитайте, не только романы (выгнать не пофривте), а литературу «земляничный» книгу» лица; когда мало-мало войдете въ сношение съ людьми не гашить важность, какъ вы, редакторъ минюстерскаго журнала, а по-мелоче, да узнайте не одну исторію, — тогда вы увидите, что люди и съ любовью къ питомцамъ, во всякомъ случае случаевъ проектируемыхъ вами учителей, и тѣ ошибались и ошибаются постоленно. «Всѣ закънѣнныя дѣла элементарной школы, говоритъ вы: должны рѣшались въ общемъ совѣтѣ всѣхъ для воспитателей и начальниковъ, (т. е. одной старшей, причастной къ дѣлу! Впрочемъ, такая штука, по мнѣнію многихъ — либерализмъ!) Въ этомъ же совѣтѣ должна быть (ого! даже «должна быть!» по законъ ли это?) рѣшаема (страдательный залогъ!) участь (съ часу не часъ не легче!) каждого (непрѣменно «каждого!») воспитанника (сироты-то!!); здѣсь же должно быть указано воспитаннику его новое назначеніе. А совѣтъ долженъ надѣлаться «подъ непосредственнымъ вліяніемъ» главнаго начальнаго семинарія; а главный начальникъ, прибавить мы, долженъ находиться «подъ непосредственнымъ вліяніемъ» своего начальника и т. д. И на первомъ планѣ выйдутъ начальники, а питомцы сироты... да въ сторону ихъ — дались питомцы, да воспитанники, а въ дѣло они будутъ тѣ же начальники, только въ народныхъ школахъ. Итакъ, звать, начальники! Ну, конечно, «переводы изъ класса въ классъ, размѣщеніе дѣтей по классамъ и параллелямъ должны исключительно зависѣть отъ начальника элементарной школы и ея совѣта»; воспитатели «ежегодно обязаны представить къ экзамену тѣхъ дѣтей, которые должны оставить элементарную школу. Въ спискѣ воспитанниковъ, представляемыхъ къ экзамену, должна быть подробно изложена исторія воспитанія каждого и мнѣніе о каждомъ изъ нихъ, какъ частнаго воспитателя (питомцы живутъ подъ руководствомъ отдѣльныхъ воспитателей), такъ начальника и совѣта школы» (№ 3, стр. 192). Потомъ начинается экзамень, дѣлаются различныя соображенія, вслѣдствіе которыхъ, «равно какъ и самаго экзамена, всѣ экзаменованные воспитанники должны быть раздѣлены на группы: одни изъ воспитанниковъ будутъ размѣщены въ различныя учебныя заведенія, смотря по ихъ способностямъ и наклонностямъ;

другіе—поступать въ писарскія школы (*), или въ обученіе различнымъ ремесламъ; третьи перейдутъ въ элементныя училища «ископшума» (стр. 102) Вотъ способность къ «энтасморіи» Владогіе известна, оправданы способности, развиты на россійско-американскій языкъ и т. д. и т. д. Нѣтъ уже это способны сдѣлать только Иванъ Яковлевичъ, да Мароуша!—И такія-то мѣры предвидуются для сиротъ! «Да почему же г. Ушинскій обрушился на сиротъ?» подумаетъ быть можетъ ктонибудь. Э, какой этотъ «кто-нибудь» недалекъ-вышій да оттого, что сиротское заведеніе богато, правительство «безъ поддержки» добудетъ благонамѣренныхъ родителей учителей; а не примись оно за это добываніе, такъ тогда, не жидилиа Валюшкнн и Ушинскаго, «всѣхъ учителей грамотности» землю перевернуты: «Да отчего опять—таки за сиротъ? а другіе наши интересы развѣ не богаты?» Э, читатель; да кто же отдастъ—то своихъ сапоговъ изъ лѣсъ различнымъ проэкторамъ! «И то правда; замѣчать синхронително несинхронително «кто-нибудь». А сиротское заведеніе можетъ удовлетворить требованіямъ г. Ушинскаго? Гдѣ же! Малоутѣной школы нельзя уничтожить—сироты до десяти гдѣ перекинуть гдѣ-нибудь и тамъ-нибудь; следовательно, малоутѣная школа должна остаться; она хотя будетъ элементарною школою;—потому нужна, не жидіе г. Ушинскаго — приготовительная учительская школа; даіе гимназія при сиротскомъ заведеніи (т. е., правильно, пансіонерскій сиротскаго заведенія въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія, каждому 250 р. въ годъ), и учительская семинарія. Уменьшить количество принимаемыхъ сиротъ ни въ какомъ случаѣ невозможно: напротивъ, оно еще должно увеличиться.

А въ сиротскомъ заведеніи на каждаго воспитанника, разлагая общую сумму 250,000 (мы беремъ изъ приведенныхъ цифръ большую) приходится по 400 (или немного менѣе) руб. Въ этой суммѣ: жалованье чиновникамъ и служащимъ; расходы: на постройку, починки, содержаніе больныхъ, на лекарства, на пищу и одежду воспитанниковъ, на закупку классныхъ пособій; гимнастическихъ, музыкальныхъ, для физическаго кабинета и лабораторій, черновыхъ и др. принадлежностей, отопленіе и освѣщеніе и пр. и пр. Нужно замѣтить, что все это покупается гуртомъ, а по проекту г. Ушинскаго каждому выдѣляется сумма отдѣльно, и притомъ меньше отпущаемой теперь. Мы показали, на сколько щедро расточаются суммы, но во всякомъ случаѣ сиротское заведеніе, кѣмъ не менѣе 600—650 воспитанниковъ, обладавъ такими обширными заданіями, какъ гатчинскій институтъ, можетъ зарабо-

(*). Эти писарскія школы удивительно нравятся П. Гурьеву, какъ средство воспитательное для искорененія вреднаго дуга.

доказати на многими мѣста; если же не будемъ обещаться обилие полевныхъ бѣдностей и радостей, учениковъ нашихъ, кто бы съинтереснѣе не задумалъ, даже изъ иностранцевъ, германцевъ, изъсрѣдилье воспитанника, перенести и холода, и голода, и грязь и трудность вѣтра, и т. д. Скажемъ въ концѣ, что для народнаго учителя нужно пристрастие къ скудой жизни. Если мы будемъ желать для него томство, возмаше-пазнаго ободренія со стороны матеріальной, чтобы они неоподобнѣе занимались дѣломъ, тогда, быть можетъ, можно смѣло сказать, что, несмотря на епримостъ цѣнръ содержанія сиротскаго заведенія, при такой дороговизнѣ наставническихъ бѣдъ, дружка, внесшихъ трудовъ, — прожить г. Ушинскаго, и въ домъ немалое затрудненіе въ исполненіи относительно дешезилго средствъ. Весьма обогатительна идея приучить питомца къ бережливости, къ скупости, обогативши т. д.; но развѣ она разумна? Напротивъ, возвращеніе должно. Слѣд. г. Ушинскій сознаетъ, что много народнаго учителя весьма важна для государственнаго общества, а онъ даже при бѣднѣ, и горада едрнѣе многить и многить. На канонъ же есепе вѣннѣ време осущасть народнень учителя на скудость и лишиа нѣ? развѣ не доиненъ трудъ вознагражденъ есправедливо? Для приведенія въ исполненіе идеи автора, для загражденія учителя, возможнѣе продолжать еще образованіе, — весьма умѣстно поивѣтнть еге даже въ кѣтку, и вознть на урокъ подъ присмотромъ... но если оти учителя требовать добросовѣстности въ исполненіи своей высшей обязанности, для этого прежде всего сама среда должна отнестись къ нему не съ одними эгоистическими расчетами на его воловѣ трудъ, не съ однимъ безучастнымъ, несправедливымъ приговоромъ, а съ взаимнымъ справедливымъ воздаяніемъ за полезное полезнымъ. Тогда только народный учитель не испугится въ противозаконные проемы, не пойдетъ ослеплыми путями, а безъ правды, съ однимъ требованіемъ, безъ вознагражденія, мы никогда не будемъ имѣть хорошихъ учителей народа. Г. Ушинскому зачѣлось отсвергнуть въ этомъ случаѣ права человека, назначеннаго къ мисси на роднаго учителя, зачѣлось надомѣяться надъ человѣческое прирѣдое, разумность, законностью, какъ надсмѣхаются многіе и многіе. — и у него отъ этого вышла такая вещь, которую онъ никакъ предвидѣть не могъ и которую бы послѣ, если бы его прозѣть есущественно, отнесъ къ «непредвидѣннымъ обстоятельствамъ», или, что еще вѣрнѣе, къ «вредному вліанію» постороннихъ обстоятельствъ. Дѣла въ томъ, что не его проакту, предполагающему приучать къ скупости и терпѣнню, въ воспитанніи сиротскаго заведенія воспитываются еперва въ элементарной школѣ, а потомъ уже ихъ разсортнровываютъ... Кто же изъ нихъ назначается къ профессіи народ-

наше учителя, къ которому въ приготовительную учительскую школу Бойкія способности, величій умъ, природа, земная жизнь, и усилённой мечтательности подъ впечатлѣніемъ педагогической мудрости, — не это же гармонируется съ качествами, представляющими прошлымъ, будущаго учителя широкой школы; для этого, напротивъ, нужна другая существенная особенность. Люди живые вернутся въ технику, гдѣ все — тамъ представляется возможность табу прикладательной будущности. Молодёжь, въ педагогическую учительскую школу будутъ переводимы дѣти, неспособны учиться и извѣстны выгоды своей будущности и выгоды свои — зарплатой; неохотно, совершенно не найдется личности; самостоятельные мыслители, способные взглянуть на свое назначеніе, какъ на призваніе; — но кто же отицаетъ у нихъ память былаго? кто возмѣтъ на себя обязанность предохранить ихъ въ будущность отъ столкновѣній съ нѣкими мыслителями бывшими ихъ современниками? кто будетъ въ состояніи выкупить ихъ торгѣливое довольство своимъ грѣхомъ и кто, наконецъ, предохранитъ ихъ отъ зараженія нучишной зависти къ такъ несправедливо назначившимъ имъ единственна и судное прозваніе въ какой-нибудь деревушкѣ? Имъ, вѣроятно дѣль, г. Ушинскій увѣронъ въ возможности оставить ихъ на высшей ступени человѣческаго развитія, отогранить отъ нѣкого столкновѣніе съ живыми людьми, замуровать ихъ желатиною природу? — Мы знаемъ отвѣтъ на наши слова: «отчего же ничего добнаго не случается въ Германіи?» Не такъ ли полаетъ... Да, она была и въ самую дѣль это было бы вѣрно, то разитъ это возможно? Въ учительскую германскую семинарію принимаютъ и нѣкіе желатионикъ, но разитъ такъ эти желатионикъ принадлежатъ къ какой-нибудь опредѣленной расѣ? А въ дѣлами чинельниковъ, секретари чинельничьего міра соизуете наполнить учительскія семинаріи и то желатионикъ, а не выбору, по назначенію... Вы знали фактъ de facto, а онъ между тѣмъ еще далеко до этого; вы знали скорее обличеніе словъ общественныхъ, а до этого слишкомъ далеко, и первый толчокъ къ подобному обличенію можетъ дать образованіе народа. А кто же представитель этого образованія, какъ и учитель, и кто можетъ скорѣе другихъ быть посредникомъ въ этомъ дѣль, какъ не тотъ же учитель, котораго вы осудили на вѣчное прозваніе, на первую ступень человѣческаго развитія, которому вы назначили орудную жизнь, нужду, равныя хлопоты о матеріальной своей существованіи?... Какимъ же онъ дѣлится примирителемъ и просвѣтителемъ, когда его знанія не дадутъ ему никакого иного взгляда, когда самое его просвѣщеніе будетъ исключительно тамамъ для всякаго мало-мальски развитаго человѣка? — Да, г. Ушинскій со-

вероятно отнять у народнаго учителя всякую возможность развиться, потому что вся ученость учительской семинаріи не дастъ ему никакого плодотворнаго верна; а поставленный въ прямое постоянное столкновеніе съ нуждою и лишениями — онъ не будетъ въ состояніи добыть собоу новый болѣе жизненный, знансъ свѣдѣній и поведеній останется безполезнымъ, анишимъ, даже вреднымъ, обиженымъ человекомъ... Уме никакое богатое спротское заведеніе не поправитъ этого вреда — для этого нужны другія суммы, другой источникъ, откуда бы народный учитель могъ рассчитывать на справедливое вознагражденіе за свой трудъ, и если бы насъ спросили, гдѣ этотъ источникъ, мы бы, не задумываясь, указали на тѣ интернаты, гдѣ на государственныхъ суммахъ воспитываются тысячи дѣтей состоятельныхъ семействъ.

Я кончалъ. Мы, читатель, одѣлали два шага и не двинулись ни на шагъ; долго ли еще будемъ мы шагать и шагнемъ ли впередъ?

Было время, мы сознавались въ своихъ увлеченіяхъ, какъ будто для того, чтобы показать свою возможность и готовность приняться серьезно за дѣло. Но теперь мы забыли вспоминать о увлеченіи, боиши его, намъ дѣти боится показать губернѣру запрещенную «опасную» книгу. Мы повидному шагнули впередъ, и этотъ шагъ подействовалъ на насъ отрезвительно; мы боимся «противныхъ» мужиковъ, а теперь всадъ кстати и не кстати спѣшимъ сообщать наши пламенные любовныя чувства къ престонародью, любимъ

Въ роскошно убранной палатѣ
Потолковать о бѣдномъ братѣ,
Погорачиться о добрѣ...

Все это, конечно, было бы весьма дѣльно, похвально и утѣшительно, еслибы только это и нужно было отчизнѣ. Расточая гимны и похвалы нашему времени, съ гордымъ сознаніемъ будущаго величія Россіи, мы, конечно, видимъ все утѣшительное въ грядущемъ; но наше время рѣшаемъ называть близкимъ къ осуществленію множества высказанныхъ идей и идеекъ. Мы порѣшили окончательно, что кончены для Россіи тяжкія времена. А въ утѣшеніе прибавляемъ, что нельзя скоро поставить все въ обратное, благотворное положеніе, и что наше время, поэтому, время переходное. И оттого, встрѣтившись съ неутѣшительнымъ явленіемъ, мы всегда готовы сказать: «еще не настало время для появленія у насъ добродѣтельнаго и соотвѣтственнаго труда», — и нельзя не согласиться, во многомъ мы правы, но во многомъ ошибаемся по укореившейся привычкѣ возлагать надежды на будущее и устраняться по возможности отъ всякаго полезнаго начинанія.

Когда жизнь общества выражается и обуславливается различными неадекватными или несовременными установлениями, проектами, даже отдельными минутными мыслями; когда въ обществе является прямая потребность обсуждать спорное положение и стараться изменить его къ лучшему разъясненіемъ причинъ, наглубоко вращающихся общественной организаціи; когда литература кишитъ различными теоріями, стараясь направить общественное мнѣніе въ ту или другую сторону, — стараясь выработать убежденіе, болѣе или менѣе временнаго положенію общественной жизни, — и, дѣйствительно, плановое — теоріи. Онѣ здѣсь, какъ нельзя лучше, уместны и рациональны. Но когда можетъ начаться общественная самостоятельность, когда нѣтъ болѣе нужды отладить исполненіе прежде дѣйствующаго и выработаннаго по теоріямъ; тогда, очевидно, напрасно выдумывать новые способы удовлетворенія давно возродившимся нуждамъ и потребностямъ; надобно начинать дѣйствовать.

У насъ, къ несчастію, поэтѣ никогда не вспоминаютъ объ этомъ. Долгая привычка проектировать и разсуждать по невозможности начать дѣйствовать — оставляетъ на всемъ неутѣнительную печать своего проходящаго существованія. Оттого мы не принимаемъ за дѣло безъ подходовъ, прямо, а прежде стараемся повторить все когда-то сказанное, можетъ быть совершенно къ намъ неподходящее, толкуемъ, толкуемъ, открываемъ и придумываемъ несуществующія дѣйствительности препятствія и, разбирая неуспавшія попытки другихъ, зацѣваемъ обычную фразу: «не пришла пора!» И неужели можно признать подобное явленіе нормальнымъ и считать себя разсуждающими не по-дѣтски?

Передъ нами проектъ г. Ушинскаго... но развѣ возможенъ этотъ проектъ при другой обстановкѣ, развѣ можно при другомъ положеніи такъ нагло дадсмѣхаться надъ человѣческими правами? Тебѣ скучно, читатель, прочесть разборъ этого проекта; ты человекъ умлакающійся, хорошій человекъ, а скажи по совѣсти, не восхищался ли ты имъ въ кабинетѣ и не считаешь ли его дѣломъ ума сметливаго, образованнаго человека? Люби же

Въ роскошно убранной палатѣ

Потолковать о бѣломъ братѣ,

Погорачиться о добрѣ...

но остановись во время, оцѣни достоинства предлагаемаго, прими въ расчетъ недостатки проекта, — почему звать, можетъ быть, ты не рѣшишься руководствоваться его принципами, не захочешь уронить себя предъ либералами-товарищами.

И. ШТОРОВСКІЙ.

НЕПОЧТИТЕЛЬНОСТЬ КЪ АВТОРИТЕТАМЪ.

(Демократія въ Америкѣ, Ал. Токвилля, члена института.
Перевелъ А. Якубовичъ. Т. I и II. Кіевъ. 1860 г.)

О переводѣ г. Якубовича никакъ нельзя сказать, что онъ хорошъ. Онъ сдѣланъ небрежно, а еще хуже то, что переводчикъ, какъ видно, не знаетъ самыхъ обыкновенныхъ терминовъ политическаго устройства, да и многихъ самыхъ обыкновенныхъ оборотовъ французскаго языка. Вотъ примѣры изъ IV главы (въ переводѣ г. Якубовича Т. I, стр. 63—67). Токвилль говоритъ, что до войны за независимость принципъ верховной власти народа коренился въ муниципальныхъ дѣлахъ сѣверо-американскихъ колоній; а когда вспыхнула революція, онъ сталъ господствовать и въ правительствѣ колоній: *toutes les classes se compromirent pour sa cause*, то есть: всѣ сословія безвозвратно признали его, или сдѣлались его защитниками; а г. Якубовичъ переводитъ: «вслѣдствіе этого пали сословія». *Vote universel* или *suffrage universel*, то есть всеобщее право подачи голосовъ, онъ переводитъ: «общественное мнѣніе», — это недоразумѣніе попадаетъ нѣсколько разъ на страницахъ, пересмотрѣнныхъ нами. Напримѣръ, Токвилль говоритъ: «штатъ Мериляндъ, основанный вельможами, первый провозгласилъ всеобщее право вотирования»; г. Якубовичъ переводитъ: «штатъ Мериляндъ, основанный богатыми и знатными переселенцами, первый провозгласилъ господство общественнаго мнѣнія». — Нѣсколькими строками дальше, Токвилль говоритъ, что если какой нибудь народъ началъ понижать электоральный ценсъ, пониженіе пойдетъ непремѣнно до совершен-

ной отъѣны ценса, потому что съ каждой новой уступкой растутъ и силы и требованія демократіи; сказавъ это, Токвилль выражается слѣдующимъ образомъ: честолюбіе людей, оставляемыхъ ниже ценса, раздражается соразмѣрно многочисленности людей, находящихся выше ценса (*l'ambition de ceux qu'on laisse au-dessous du cens s'irrite en proportion du grand nombre de ceux qui se trouvent au-dessus*), а г. Якубовичъ переводитъ: «самолюбіе остающихся подъ властью ценса, раздражается по мѣрѣ увеличенія числа тѣхъ, которые находятся внѣ этой власти». — Очевидно, г. Якубовичъ, когда переводилъ эти страницы, не понималъ одно изъ самыхъ употребительныхъ значеній глагола *se compromettre*, не имѣлъ понятія о смыслѣ терминовъ: «всеобщее право подачи голосовъ» и «избирательный ценсъ». Пробовали мы сверять съ подлинникомъ и другія мѣста перевода, вездѣ выходитъ одно и то же. А очень жаль, что книга Токвилля объ американской демократіи переводится чловѣкомъ, который не знаетъ ни предмета въ ней излагаемаго, ни французскаго языка. Мы совѣтовали бы г. Якубовичу не печатать остальной половины его перевода (два изданные тома заключаютъ въ себѣ ровно половину подлинника). Сочиненіе Токвилля занимаетъ такое видное мѣсто въ политической литературѣ, что заслуживало бы хорошаго перевода.

Успѣхъ этой книги во Франціи былъ громаднѣй. Г. Якубовичъ дѣлалъ переводъ съ 12-го изданія, а у насъ подъ руками 13-е, на которомъ выставленъ еще 1850 г., — съ той поры, вѣроятно, было еще нѣсколько изданій. Да и не въ одной Франціи приобрѣла эта книга Токвилля очень большой успѣхъ и авторитетъ: англичане, нѣмцы часто ссылаются на нее. Дѣйствительно, въ ней много вѣрнаго, хорошаго и очень полезнаго, гораздо больше, чѣмъ въ послѣднемъ знаменитомъ сочиненіи Токвилля «Старый Порядокъ и Революція», гдѣ основная мысль фальшива и портитъ все. Въ сочиненіи, переводъ котораго такъ прискорбно началъ г. Якубовичемъ, основная тенденція вѣрна. Она очень недурно объяснена въ коротенькомъ предисловіи, которое, неизвѣстно зачѣмъ, оставилъ безъ перевода г. Якубовичъ, хотя оно сдѣлано именно къ 12-му изданію, съ котораго переводилъ онъ.

«Книга эта», говоритъ Токвилль въ предисловіи: «была написана 15 лѣтъ тому назадъ. Но теперь (въ 1848 г.) она получаетъ отъ обстоятельствъ настоящаго практическую полезность, какой не имѣла во время перваго изданія. — Американскія учрежденія, бывшія только предметомъ любопытства для монархической Франціи, должны быть предметомъ изученія для республиканской Франціи. Вопросъ теперь о томъ, спокойствіе или вол-

неція будутъ у насъ при республикѣ, демократическая тирани-
 ня или демократическая свобода. Задача эта, только еще пред-
 ставляющаяся намъ, разрѣшена Америкою слишкомъ 60 лѣтъ те-
 му назадъ. 60 лѣтъ владычествуетъ тамъ безраздѣльно принципъ
 верховней власти народа, лишь на днѣхъ провозглашенный самимъ.
 Онъ тамъ примѣненъ къ дѣлу правѣйшимъ, безграничѣйшимъ,
 безусловнѣйшимъ образомъ. 60 лѣтъ народъ тамъ безосновочно
 возрастаетъ числомъ, обширностью государства, богатствомъ, и за-
 мѣтнимъ, во все это время онъ пользовался не только наибольшимъ
 благосостояніемъ, но и наибольшимъ свободствомъ нѣ въ сѣнѣ ма-
 рбловъ на землѣ. Всѣ европейскія націи страдали отъ войнъ или
 внутреннихъ раздоровъ, — американскій народъ одинъ въ цѣломъ
 важномъ свѣтѣ оставался миренъ. Почти вся Европа была потрясена
 революціею; въ Америкѣ не было даже и мелкихъ смутеній. Анар-
 хія и деспотизмъ оставались равно неизвѣстны ей. Гдѣ можемъ най-
 ти мы лучшія наглядки и лучшіе уроки? Обратимъ наши взоры на
 Америку, — не для того, чтобы рабски копировать учрежденія, ка-
 кія она дала себѣ, — а для того, чтобы лучше понять, какія ведутся
 для насъ; чтобы заимствовать изъ Америки не столько примѣры,
 сколько уроки. Французскіе законы могутъ и должны во многихъ
 случаяхъ быть различны отъ сѣверо-американскихъ; но принципы,
 на которыхъ основано американское устройство, эти принципы по-
 рядка, уравновѣшенія властей, искренняго и глубокаго уваженія къ
 праву — необходимы».

Достоинство книги Токвилля больше всего зависѣло отъ этой
 патріотической и здравой мысли — научать американскія учрежденія
 съ цѣлью пользоваться знаніемъ ихъ для хорошаго устройства фран-
 цузскихъ дѣлъ. Но тѣ же самыя, переведенныя нами главныя мѣста
 предисловія, въ которыхъ высказывается идея сочиненія, обнару-
 живаютъ и неудовлетворительность его.

Мы не станемъ говорить о второстепенныхъ недостаткахъ. То-
 квилль самъ шомъ любить философствовать, а философъ не при-
 шлось ему воспитаться, быть можетъ не удалось и родиться; поче-
 му его философствованье выходитъ очень поверхностнымъ резонер-
 ствомъ на темы, почерпнутыя главнымъ образомъ изъ Монтескьё.
 Вся вторая половина сочиненія (о гражданскомъ бытѣ Сѣверной
 Америки) набита эгидъ резонерствомъ, которое мы назвали бы не-
 обыкновенно смучнымъ, еслибъ множество изданій не свидѣтель-
 ствовало, что публика (по крайней мѣрѣ французская) читала книгу
 легко и съ удовольствіемъ. Иной разъ скука захватилась у насъ те-
 совымъ смѣхомъ, — до такихъ наивностей договаривается нашъ
 философъ. Вдругъ ему, напримѣръ, показалось, будто «шо до-

ошибаться и ошибаюсь» узнавъ отъ такую вещь, что «въ Америкѣ, самой демократической странѣ на земномъ шарѣ, нигдемнѣе преискусность, какъ нигдѣ на свѣтѣ». — «Это удивительно изъ пера и пера каждаго», если спроситъ онъ респектаблн, правдивостъ его, — да оно и точно было бы удивительно, еслибъ сколько нибудь было известно напередъ, а въ дѣйствительности удивительно лишь то, какъ авторъ Токилла такой нахвастъ, — но онъ тотчасъ же оправдывается отъ издательства, начиная философствовать и находить, что американскія учрежденія чрезвычайно располагаютъ людей къ принятію католичества, — къ которому на самомъ-то дѣлѣ быстро становится равнодушныя самыя католическія правды, пероселенныя въ Америку. А то вдругъ начинаетъ философствовать о классической литературѣ и рассудить, что Америкѣ грозятъ отъ греческаго и латинскаго языковъ двѣ ужаснѣйшія опасности: станутъ американцы учиться классическимъ языкамъ, явятся у нихъ граждане «очень важные и очень опасныя, которые во имя грозятъ и ринуться будутъ волновать государство». Не станутъ учиться американцы классическимъ языкамъ, тоже будетъ плохо: «нѣтъ литературы, которую больше классической слѣдуетъ изучать въ демократической странѣ». Какъ же тутъ быть американцамъ? и не читать Цицерона — нельзя, и читать Цицерона — бѣда? А вотъ какъ: въ университетахъ надобно «превосходно» учить по-гречески и по-латински, — а въ гимназіяхъ вовсе не учить. Слава Богу, спасена Америка. — «Впрочемъ», прибавляетъ Токилла въ заключеніе: «я не считаю литературныя произведенія древнихъ безукоризненными», — какъ нужно было посредствителнѣе высказать свое мнѣніе о достоинствахъ классической литературы, при описаніи гражданского устройства Сѣверной Америки. Такихъ штукескъ у Токилла найдется много; но отъ нихъ его книга страдаетъ немногимъ больше того, сколько можетъ пострадать Сѣверная Америка отъ преподаванія или преподаваній греческаго языка въ гимназіяхъ. Подобныя поличья могутъ только повредить какъ разглядѣть, что авторъ книги не такой же гениальный мыслитель, какимъ провозглашеть и у насъ. А сама книга и при нѣхъ все-таки можетъ остаться хорошей.

Гораздо важнѣе другой недостатокъ: портатій собою лишь часть разсудковнй Токилла объ Америкѣ, но потому импортный вся книгу его — «Старомъ порядкѣ и революціи во Франціи». Онъ обидѣлся съ толку на шумѣ, отъ котораго произошла такая же, только въ противоположномъ направленіи, путаница понятій у многихъ нашихъ ученыхъ. Токилла видѣлъ на своей родинѣ демократію рядомъ съ централизацией. Не разобравъ, что это — два дѣянія разныхъ періодовъ и совершенно разныхъ тенденцій, онъ воображалъ,

что демократія и централизація имѣютъ необыкновенное дружеское влеченіе другъ къ другу, что онѣ даже чуть ли не одно и то же. Точно то же вообразилось и цѣлой школѣ нашихъ ученыхъ. Но расположеніе чувствъ у нихъ и у него оказалось разное. Наши ученые, изъ любви къ одному принципу, начали восхищаться и другить. Токвилль, изъ нерасположенія къ одному, съ грустною недоувѣрчивостію сталъ смотрѣть и на другой. Онъ готовъ почувствовать демократическія учрежденія, но ужасно пугаетъ его ихъ необыкновенная склонность къ централизаціи. Когда онъ писалъ книгу объ Америкѣ, торжество демократіи во Франціи казалось ему не очень близко, и онъ справился еще кое-какъ съ опасеніемъ своимъ, что она усилитъ и увѣковѣчитъ централизацію. Сочиненіе о «Старомъ Порядкѣ» писалъ онъ уже послѣ событій 1848 г., и воображал, что уже осуществилось его опасеніе, совершенно растерялся отъ ужасной неизбежности централизаціонныхъ страданій для его милой родины. Бѣдства дошли до того, что видѣть преобладаніе вреда надъ пользою во французскихъ событіяхъ конца прошлаго вѣка: конституціонное собраніе, законодательное собраніе, конвентъ каждымъ отминовеніемъ привилегій и феодальныхъ учрежденій только усиливали, по его мнѣнію, централизацію, только все глубже и глубже ввергали Францію въ эту бездну, въ которую, по его мнѣнію, очень любить падать демократія. Все это огорченіе произошло отъ одного небольшого недосмотра: Токвилль не разобралъ, что произвольная власть очень хорошо обходится и безъ централизаціи. Въ Турціи, напримеръ, не слишкомъ много централизаціи: правитель каждой области—полновластный хозяинъ въ ней; каждый подчиненный ему паша такъ же полновластный хозяинъ въ своемъ округѣ; каждый кади тоже полновластный хозяинъ въ своемъ кварталѣ и каждый чаушъ—во всякомъ домѣ, куда пошлетъ его кади. Кажется, уже нельзя тутъ жаловаться на централизацію, уже подлинно каждый клочекъ земли одаренъ управленіемъ, дѣйствующимъ самостоятельно: не дальше какъ за версту, откуда бы-то-ни было, найдется власть, которая можетъ рѣшить сама собою всякую вещь: и преступника наказать, и тяжбу разсудить, и всякое общественное дѣло повершить, не спрашиваясь высшаго начальства. Но Токвилль этого не рассудилъ: ему вообразилось, что безъ централизаціи не бываетъ и деспотизма. Кто же введетъ полную централизацію во Франціи? Всюли ее національнымъ собраніемъ конца прошлаго вѣка (на самомъ дѣлѣ не они, а Наполеонъ I; но такъ уже оказалось Токвиллю); значитъ, они-то и подвергли Францію повѣдѣнному деспотизму. Но опять видѣть онъ, что произвольная власть была во Франціи и до революціи, а произвольная власть безъ централизаціи не обходится по его мнѣнію; она была

всѣ формы провозглашенной власти при старомъ порядкѣ были централизаціею: и выходятъ у него, что при старомъ порядкѣ тоже господствовала централизація. Въ каждой провинціи были свои законы, въ каждой были не такіе налоги, какъ въ другихъ, каждая отъбывалась отъ другихъ таможенною цѣною, каждый интендантъ пользовался по многимъ дѣламъ законодательною властью въ своей провинціи, распорядился съ нею во всемъ совершенно, какъ хотѣлъ, не спрашивался парижскаго правительства; каждый изъ 12 областныхъ парламентовъ претендовалъ имѣть верховную власть, касаться постановленій парижскаго правительства; многіе герцоги претендовали на такое же право (только и парламенты, и герцоги власти арестовались и разгонялись по благоусмотрѣнію все того же интенданта, имѣвшаго всю фактическую власть).—кажется, ничего похожаго на централизацію тутъ нѣтъ; а Токвиллю все мерещется централизація въ этихъ интендантахъ и субъинтендантахъ, бывшихъ нашими въ своихъ провинціяхъ. Года два или три тому назадъ, мы при разборѣ «Очерковъ Англіи и Франціи» г. Чичерина имѣли случай объяснить источникъ этой ошибки. Новые принципы государственной жизни еще не на столько развились во Франціи, чтобы уничтожить всѣ слѣды стараго порядка, противоположнаго имъ; во Франціи только еще начинается весна: въ многихъ мѣстахъ уже показалась зелень, кое-гдѣ проглядываютъ уже и цвѣтки, а въ другихъ мѣстахъ еще лежить снѣгъ. Токвилль и многіе другіе очень основательно заключили изъ этого, что роскошная растительность развивается на снѣгу, и чѣмъ будетъ роскошнѣе она, тѣмъ толще будетъ слой снѣгу, одѣвающего покрытую растительностью страну. При старомъ порядкѣ существовалъ безграничный, совершенно хаотическій произволъ. Новые принципы законнаго порядка еще не достигли той степени торжества надъ ними, чтобы вовсе устранить его, а до сихъ поръ успѣвали лишь нѣсколько обуздывать его подчиненіемъ хотя нѣкоторой формѣ. Формой этой пришлось быть, по особеннымъ историческимъ обстоятельствамъ, централизаціонному принципу. У областныхъ правителей произволъ совершенно отнять централизаціею: префектъ, смѣняемый интендантъ, уже поставленъ въ тѣсныя границы повиновенія закону. Но министры, исполнители закона префекту, еще сохраняли значительную долю произвола. Кому же неизвестно, что со времени реставраціи идетъ во Франціи вопросъ о распространеніи на централизованную власть, на министровъ, того же принципа, которому уже подчинялись областныя власти? Дѣло это трудное, времени требуетъ его много, представляется длинный рядъ временныхъ поучащъ, перебивающихся съ успѣхами (неудачъ не столько по существу, сколько

по формѣ при орлеанской монархіи отвѣтственность министровъ была больше пустою формою, на дѣлѣ они пользовались произволомъ, развѣ немногимъ меньшимъ, чѣмъ при второй имперіи), — что жъ такое, эта медленность, эти рецидивы — неизбежная принадлежность всякаго важнаго историческаго дѣла. Но уже видно, что и у министровъ во Франціи скоро будетъ отнятъ произволъ; тогда исчезнетъ и централизація. Уже очень замѣтно развивается во Франціи тенденція къ самоуправленію, или, по французскому термину, къ децентрализаціи. Токвилль ничего этого не умѣлъ разобрать, все перепуталъ и вышло у него, что демократія и централизація — одно и то же. Точно такимъ же манеромъ другіе господа отождествляютъ грамотность съ мошенничествомъ, цивилизацію съ развратомъ, и тоже очень горюютъ бѣдники, подобно Токвиллю: сами видятъ, что избѣжать прогресса нельзя, и пугаются, что прогрессъ ведетъ къ такой ужасной безнравственности.

Но о Франціи еще простительно близорукому говорить подобный вздоръ: а какими судьбами можно домечтаться до того, что ведетъ демократія къ централизаціи въ Америкѣ, — мало того, что она ужъ развила очень сильную централизацію въ Америкѣ? Вѣдь каждому извѣстно, что параллельно развитію демократическихъ учрежденій тамъ шло и именно отъ ихъ развитія происходило уничтоженіе всего, сколько нибудь похожаго на централизацію. Была тутъ, разумѣется, борьба, а въ борьбѣ неизбежна крайность, потому торжествующая демократія переступала наконецъ всякую полезную границу въ развитіи самоуправленія: дошло до того, что общаа государственная власть не могла вмѣшиваться въ междуусобныя войны, происходившія въ отдѣльныхъ штатахъ и территоріяхъ. Напримѣръ, въ Канзасѣ богъ-знаетъ сколько временъ рѣзались между собою приверженцы и противники невольничества, а центральная власть не могла принять дѣйствительныхъ мѣръ къ прекращенію междуусобицы. Что дѣлать, нужно принципу совершенно утвердиться прежде, чѣмъ прекратится для него нужда въ крайнемъ напращеніи, превышающемъ нормальную мѣру общественной пользы. Много дѣтъ спустя послѣ того, какъ писалъ свою книгу Токвилль, началась эта эпоха въ Америкѣ. Противники полнаго развитія демократическихъ учрежденій, называвшіеся вигами, были окончательно побѣждены демократической партіей около 1845—1848 гг. Тогда демократическая партія, оставшись безспорной властительницей національной судьбы, стала сама раздѣляться на двѣ части: одна половина, сохранившая прежнее имя демократовъ, удовольствовалась пріобрѣтеннымъ успѣхомъ и не видѣла надобности въ дальнѣйшемъ улучшеніи общественнаго устройства. Другая половина, принявшая

ими республиканцевъ, находила, что тѣ же самые принципы, которые получили полное торжество въ общемъ государственномъ устройствѣ всей страны, должны быть примѣнены и къ устройству гражданского быта во всѣхъ частяхъ страны, между тѣмъ какъ до сихъ поръ сохранились на Югѣ гражданскія учрежденія, несомнѣстныя съ общими политическими учрежденіями. На Югѣ существовало средневѣковое учрежденіе невольничества; на немъ опиралось гражданское устройство общества, совершенно противоположное принципамъ политическаго устройства. Всѣ прогрессивные люди постепенно перешли въ эту новую партію, а всѣ гнилые элементы пристали къ обломку прежней демократической партіи, сохранившему за собою прежнее имя, но отъ этихъ нечистыхъ примѣсей все сильнѣе и сильнѣе пропитывавшемуся духомъ, противоположнымъ духу прежней демократической партіи. Наконецъ дошло дѣло до того, что эти гнилые элементы, сгруппировавшіеся подъ именемъ нѣнѣйшей такъ-называемой демократической партіи, сознали невозможность для себя жить при существующихъ учрежденіяхъ Сѣверо-Американскаго Союза и рѣшились сдѣлать отчаянную попытку для ихъ низверженія. Масса партіи, называвшейся демократическою, состояла изъ людей недалековидныхъ, жертвовавшихъ всѣмъ, чтобы отказатьсь отъ своихъ угрозъ авантюристы и олигархи, пугавшіе неизбежностью междуусобной войны въ случаѣ, если противники ихъ одержать верхъ въ правильной организаціи правительства. Ихъ наглость становилась тяжела, такъ что масса начала покидать ихъ. Тогда они подняли войну и теперь, какъ знаетъ читатель, Сѣверная Америка представляетъ зрѣлище междуусобицы, какой со времени Фрэнды не бывало даже во Франціи, которой Токвилль указывалъ на Америку, какъ на примѣрную страну тишины. Исходъ этой междуусобицы не подлежитъ сомнѣнію: южные олигархи и авантюристы слишкомъ слабы, и пораженіемъ ихъ начнется новый періодъ въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ,—періодъ преобразования гражданского быта въ тѣхъ частяхъ страны, гдѣ былъ онъ несообразенъ съ общими принципами американскаго устройства. Въ этомъ дѣлѣ здоровые элементы населенія южныхъ штатовъ, конечно, будутъ получать помощь отъ всей націи, и посредницею въ передачѣ пособія вѣроятно будетъ союзное правительство, такъ что кругъ его дѣятельности нѣсколько расширится. Но мы видимъ по началу дѣла, въ какомъ духѣ будетъ ведено оно, онъ не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ централизаціей, а прямо противоположенъ ей: сѣверные штаты вооружились и ведутъ войну по принципу самоуправленія; Союзное правительство руководится рѣшеніями мѣстныхъ народныхъ митинговъ; получаетъ средства къ войнѣ отъ

цѣльных комитетовъ, сословныхъ и въ-выборныхъ, отъ населе-
нія, по собственной инициативѣ подлежащаго основать такіе коми-
теты; словомъ сказать, къ этой войнѣ сѣверо-американскій принципъ
выказался въ такой безусловной подчиненности, какъ еще ни-
когда ни по какому дѣлу. Навѣрно можно сказать, что во время
войны, когда черезъ посредства союзной власти будутъ совершаться
реформы гражданскаго быта въ южныхъ штатахъ, союзное прави-
тельство будетъ дѣйствовать только по указанию обществен-
ной инициативы и въ полной зависимости отъ нея, такъ что и въ
самомъ исполненіи дѣла сильнѣе пріимается сѣверо-амери-
канскій принципъ, противоположный централизаци; а про резуль-
таты дѣла ничего уже и говорить: оно все имѣетъ своимъ цѣлю
очищеніе сѣверо-американскаго общества отъ наслоевъ оста-
тковъ устройства, не согласнаго съ его вѣчными принципами.

Такого вышншаго сѣверо-американскаго дѣла. Но кто немало на
пойметъ его природы, можетъ воображать, что оно такъ или иначе
послужитъ къ появленію нѣкоторой централизаци. Въ войну все-
таки задать союзное правительство предлѣтъ конфедераци нѣсколь-
кихъ областей; эти области приносятъ себѣ право на самостоя-
тельность въ такомъ размѣрѣ, къ какому не допускаетъ его союз-
ное правительство; стало-быть можетъ показаться иному, что борь-
ба идетъ между центральной властью и нѣотными самоуправленіями
что неизбежная побѣда центральной власти послужитъ къ ее уопи-
ленію, къ уменьшенію областного самоуправленія. Еслибъ Токвиллъ
нынѣ писалъ о наклонности американской демократіи къ централи-
заци, она ошибалась бы полнѣйшимъ и грубѣйшимъ образомъ, но его
ошибка все-таки была бы нестра. Другое дѣло подобная мысль въ
книгѣ, вышедшей около 30 лѣтъ назадъ, когда не было ровно ни одного
факта, который хотя самому превращенному и мезамозому человеку
могъ бы показаться ведущимъ къ централизаци или по крайней мѣ-
рѣ. Ошибочно, не поматю мѣнше челоѣка, принимающаго за рыбу
рыбу; но какъ же принимать за рыбу быка или лошаля? Поэтому
необязательно забавно читать симпатризма Токвилла о наклон-
ности американцевъ и вообще демократическихъ обществъ къ цен-
трализаци. Кто не читалъ его книгу, навѣрно предположитъ, что
мы выдумываемъ за него; такому скептику вобразимъ заглавіемъ
дѣлаго большаго отдѣла изъ второй половины сочиненія Токвилла.
«Часть IV, гл. 2. Понатія демократическихъ народовъ о правитель-
ственныхъ дѣлахъ естественно расположены къ централизаци власти.
Глава 3. Чувства демократическихъ народовъ, согласно съ ихъ по-
натіями, влосутъ ихъ къ централизаци власти». Еще нѣсколько
другихъ главъ посвящено тому же предмету. Отъ тамъ курьезны,

что любезнѣе будетъ читателю взглянуть на нѣкоторыя образцы разсужденій знаменитаго автора.

«Понятіе второстепенныхъ властей, посредствующихъ между верховною властью и подданными (говоритъ Токилла) естественно представлялось воображенію аристократическихъ народовъ, потому что въ нѣдрахъ ихъ были отдѣльныя лица или семейства, возвышавшіяся надъ другими знатностью, просвѣщеніемъ, богатствомъ и казавшіяся предвзвѣченными къ власти. Эта идея, естественно, истекаетъ изъ мысли людей въ нѣра равенства, но причиняетъ, противоположныя тому. Власти ее въ ихъ мысли можно только искусственно, поддерживать въ нихъ лишь съ большимъ трудомъ, между тѣмъ какъ возникаетъ въ нихъ сама собою идея единственной и центральной власти, которая сама руководитъ всѣми гражданами.»

Чужаку не приходитъ въ голову, что въ первую половину своего разсужденія самъ вставлялъ слова, показывающія совершенный недостатокъ логики во второй половинѣ его. Вѣдь самъ же онъ сказалъ, что въ аристократическихъ обществахъ второстепенныя власти передаютъ въ руки людямъ по знатности, богатству, то есть не по выбору согражданъ, а по природному праву извѣстнаго человека или рода имѣть въ рукахъ власть. Хочетъ онъ судить о демократическомъ народѣ по закону контраста; какой же контрастъ выходитъ изъ его собственныхъ словъ? Какія изъ этихъ словъ ищутъ себѣ противоположности во второй половинѣ періода? Тутъ не по выбору, а по природному праву, тамъ наоборотъ, — значитъ, по выбору, а не по природному праву. Пускается человекъ утверждать, а не знать, что если въ существительному прибавлено прилагательное, то въ контрастѣ отрицаніе будетъ относиться не къ существительному, а къ прилагательному, или если общее понятіе выставлено съ частнымъ признакомъ, то отрицаніе въ контрастѣ будетъ относиться къ частному признаку, а не къ общему понятію. Напримеръ, если вы уже сказали: добрый человекъ, или человекъ въ хорошей одеждѣ, то противоположность будетъ: злой человекъ, или человекъ въ дурной одеждѣ, а не то, что противоположенъ добруму человеку составляетъ птица, или человекъ въ хорошей одеждѣ. — пустяки! Чтобы во второй половинѣ періода вышло «нужное», «отсутствіе человека», въ первой половинѣ періода нужно сказать просто человеческое общество, безъ всякихъ частныхъ признаковъ. Если бы можно было сказать, что второстепенная власть неспособна имѣть никакого другаго происхожденія, кромѣ родового, другаго источника, кромѣ патримоніальныхъ или вотчинныхъ правъ, тогда съ ихъ отрицаніемъ отрицалась бы и второстепенная власть; а если баваютъ и другіе источники второстепенныхъ властей, кромѣ

национального; то отрицание федерализма вовсе не централизация. Вотъ кого, Токвилля, должны были бы учить логикѣ «Русскій Вѣстникъ» съ г. Юрковичемъ. Жаль, что ушеръ бѣдникъ до появления статьи г. Юрковича и до переизданія въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Хотите ли еще образцовъ философствованія о наклонности американцевъ къ централизациѣ?

«Американцы полагаютъ, что общественная власть должна происходить прямо отъ народа; не явля тельно разъ установлена эта власть, они уже думаютъ, что она не должна имѣть никакихъ границъ; они охотно признаютъ, что она имѣетъ право дѣлать все.»

Это уже — такая диковинка, до какой вѣроятно тяжело было до- философствоваться и самому Токвиллю. Что за адина? Кому же неизвестно, что рѣшительно всякая власть въ Америкѣ чрезвычайно ограничена? Президентъ, вапримѣръ, не можетъ ровно ничего важнаго сдѣлать безъ утвержденія сената. Сенатъ ровно ничего не можетъ сдѣлать или безъ президента или безъ палаты представителей; палата представителей ровно ничего не можетъ сдѣлать безъ сената. Значитъ, изъ трехъ отраслей союзной, исполнительнѣйшей и законодательной власти, каждая сама по себѣ не то, чтобы имѣла неограниченную власть, а ровно никакой независимой власти не имѣетъ. Или всѣ три отрасли эти вмѣстѣ имѣютъ неограниченную власть? Помилуйте, вѣдь известно, что сфера дѣйствій союзнаго правительства чрезвычайно точно опредѣлена очень узкими границами. Конгрессъ вмѣстѣ съ президентомъ не можетъ вапримѣръ, издать хотя бы того закона, что за воровстве у частнаго человека веръ подвергается тому или другому наказанію; союзная власть можетъ рассуждать лишь о кражѣ имущества, принадлежащаго союзному правительству; кража частной собственности — преступленіе, надъ которымъ ни конгрессъ, ни президентъ, ни конгрессъ вмѣстѣ съ президентомъ не имѣютъ никакой власти. Эти дѣла подлежатъ власти отдѣльныхъ штатовъ; и если бы какой нибудь штатъ вздумалъ рѣшить, что веръ не подвергается никакому наказанію, воровство частной собственности и оставалось бы въ этомъ штатѣ безнаказаннымъ, и союзная власть ничего не могла бы тутъ сдѣлать. Точно таково же отношеніе властей отдѣльнаго штата къ властямъ составляющимъ его графства, а эти же властей къ властямъ городовъ и другихъ общинъ, составляющимъ графство. Если бы, вапримѣръ, какое нибудь графство рѣшило вовсе не имѣть у себя больницъ, или какой нибудь городъ рѣшилъ вовсе не имѣть школы, никакая власть въ Соединенныхъ Штатахъ, ни власть штата, ни власть союзнаго правительства, ничего не могла бы тутъ сдѣлать. Или, по крайней мѣрѣ, городскія и общинныя власти не такъ строго ограничены? Помилуйте; да каждый городской

или общинной чиновникъ передать въстрѣчному попутчѣ бумагу, отдавъ суду за магистральныя провинціальныя власти, ему выдѣланной. Съ чего же это издумалось? Точно-ли воображать можно магистрату, что разъ установленная власть принадлежитъ въ Америкѣ безграничной, когда тамъ всѣ власти гораздо строже и тѣснѣе ограничены. Чѣмъ въ сабой Англіи?—Онъ до того спутался своею мечтою о такеласнѣ централизаціи съ демократіею во Франціи, что въ идеальныя черты американскаго ворадка, прямо противопоставилъ централизаціи, увидѣвъ централизацію. Форма дѣйствительной централизаціи — бюрократія, подаваніе обо всемъ рапортовъ съ исправленіемъ на все разрѣшеній и предписаній. Во Франціи, напримеръ, если въ какомъ-нибудь общественномъ заведеніи, — въ больницѣ, въ школѣ, — понадобится зашить обещавшую рану въ одномъ окнѣ швейной рабой, и если начальникъ этого заведенія, полиційскій болыинчикъ, не захочетъ вступить въ противозаконно, онъ подастъ рапортъ начальству, что вотъ какая надобность представляется; подпросектъ послышетъ отъ себя рапортъ пресекту, съ приложеніемъ рапорта начальника болыинцы; пресектъ дастъ предписаніе архитектору осматрѣть рану и получить отъ него рапортъ послышетъ отъ себя рапортъ министру, съ приложеніемъ рапорта архитектора и присутствовавшихъ ему рапортовъ подпросекта и начальника болыинцы; министръ, извѣстивъ всѣ обстоятельства дѣла, послышетъ пресекту предписаніе: «перешить рану въ такомъ-то окнѣ такой-то болыинцы»; пресектъ послышетъ предписаніе подпросекту: «въ такомъ-то окнѣ такой-то болыинцы перешить рану»; подпросектъ дастъ предписаніе начальнику болыинцы: «въ такомъ-то окнѣ вашей болыинцы перешить рану»; начальникъ болыинцы дастъ предписаніе закону болыинцы: «въ такомъ-то окнѣ вашей болыинцы перешить рану». Законъ перешиваетъ рану и вручаетъ начальнику болыинцы рапортъ: «такая-то рана въ такой-то болыинцѣ перешита»; начальникъ болыинцы шлеть рапортъ подпросекту, и опять идетъ рядъ этихъ разныхъ рапортовъ до министра, но всѣмъ ступенямъ прежней градаціи. Въ Америкѣ ничего этого нѣтъ, потому что нѣтъ бюрократіи, а бюрократіи нѣтъ потому, что нѣтъ централизаціи. Тамъ избирая чиновника или правителя, говорятъ ему: «на вашей должности возлагаются на васъ такіа-то и такіа-то обязанности и предоставляются такіа-то и такіа-то средства къ ихъ исполненію; исполняйте же вамъ должность. О чемъ не стоитъ спрашивать ни у кого, о томъ не спрашиваетесь ни у кого; если слишкомъ часто будете спрашивать, это значитъ, что собственный разсудокъ у васъ плохъ. За всякое провиненіе власти можете вѣсь подвергнуть суду каждый, и всегда найдется множество людей, которые най-

дуть это нужнымъ, чтобы не потерцѣть убытка или неприятности отъ вашего произвола. Если дѣло, вамъ поручаемое, будетъ дѣлано не исправно, вы будете смѣнены, безъ наказанія или съ наказаніемъ, смотря по характеру неисправности; а каждую неисправность вашу готовы будутъ обнаружить сотни людей, чтобы не потерцѣть отъ нея убытка или вреда». Вотъ положеніе американскаго чиновника или правителя: въ кругу исполняемыхъ имъ обязанностей онъ совершенно самостоятеленъ, подъ отвѣтственностію предъ судомъ за всякое непрявильное дѣйствіе. Разрѣшеній и предписаній на всякіе пустяки онъ не спрашиваетъ и не получаетъ. Теперь вы понимаете, какая штука произошла въ разстроенныхъ мысляхъ Токвилля. Онъ — либералъ, страшный либералъ (только свобода книгопечатанія не совсѣмъ ему нравится, что онъ простодушно и объясняетъ въ главѣ объ этомъ предметѣ); онъ — страшный врагъ централизаціи; но не можетъ онъ себя представить законнаго хода дѣла иначе, какъ въ бюрократическихъ формахъ: гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ, по его мнѣнію, произволъ, деспотизмъ; а деспотизмъ и централизація, по его мнѣнію, это все равно; такимъ-то манеромъ и открылъ онъ въ Америкѣ и централизацію и безграничную власть въ каждомъ чиновникѣ и правителѣ. Вообще, гдѣ коснется дѣло централизаціи, онъ всегда рассуждаетъ въ слѣдующемъ родѣ: лошадь имѣетъ наклонность ходить на двухъ ногахъ; пернатое животное, которое несетъ такіа вкусныя яйца и высиживаетъ изъ нихъ цыплятъ, ходитъ на двухъ ногахъ; слѣдовательно, лошадь имѣетъ сильную наклонность быть курицею. И силлогизмъ хороши, да и фактъ подмѣченъ очень вѣрно и тонко: вѣдь лошадь дѣйствительно иногда становится на дыбы, иногда бьетъ задними ногами; въ томъ и другомъ случаѣ она стоитъ только на двухъ ногахъ.

Несчастный Токвилль, не распространялись бы мы объ этой твоей слабости, еслибъ не читали на возлюбленномъ своемъ родномъ языкѣ разсужденій о связи централизаціи съ демократіею. Эти разсужденія имѣютъ свойство восхитать насъ, какъ невинный лепетъ наивныхъ сердець, прекрасныхъ и чистыхъ, какъ прекрасно и чисто было сердце почтеннаго Токвилля. — «Нивелирующая сила централизаціи», — «демократическая диктатура, подавляющая олигархію бюрократіею», — «государственное начало, подавляющее противугосударственные элементы и сохраняющее націю отъ распада», страну отъ чуждаго завоеванія» и т. д. и т. д. Намъ наскучили эти фразы, затуманивающія здравый смыслъ общества, и на бѣдномъ Токвиллѣ хотѣли мы показать, съ какою логикою строятся силлогизмы, съ какою вѣрностію понимаются факты, изъ которыхъ извлекаются такіа диковины. Если бы не наши любезные соотечествен-

ники, твердящіе ту же пѣсню, за что было бы имъ такъ жалко разбирать слабости Токвилля? Онъ не сдѣлалъ имъ никакого вреда. Другое дѣло, еслибы мы были французы: тогда возмущили бы насъ что Токвилль съ либералами и демократами, подобными ему, извѣстнаго понятій и сообразительностию, надѣлалъ много, очень много вреда Франціи. Кто, какъ не эти люди, поднималъ въ критическое время вопли противъ всякихъ мѣръ удовлетворенія національныхъ требованій? Кто, какъ не они, довелъ тогда дѣло до страшной рѣзкой июньскихъ дней? Кто, какъ не они, бросился въ реакцію, изъ которой естественно уже развилась система, непоцеремонившаяся и съ ними? Безъ нихъ, безъ этихъ людей, такъ прочно и добросовѣстно утвердившихъ за собою репутацію либераловъ и демократовъ, реакціонеры были бы безсильны. И вотъ теперь они опять либерализуютъ и демократизируютъ, и Европа съ умиленіемъ читаетъ Берри и Одювона Барро, Оссонвиля и Гарнье Паже: всѣ тутъ есть, и легионисты, и орлеанисты, и республиканцы, и всѣ одинаково хороши. Отлично устроятъ они Францію, если опять попадетсѣ имъ власть, всѣмъ ли вѣстѣ или какому нибудь отдѣлу изъ нихъ, все равно.

Впрочемъ должны мы признаться, — жаль, что вѣскольکو поздно дѣлаемъ это признание, — что вовсе и не было намъ надобности говорить что нибудь противъ мнѣнія о наклонности американской демократіи къ централизациі. Мы заглянули въ отдѣлъ книги Токвилля, озаглавленный: «нѣкоторыя соображенія о настоящемъ положеніи и вѣроятной будущности Соединенныхъ Штатовъ», и просмотрѣвъ эти страницы, убѣдились, что Токвилль никакъ не могъ говорить ничего подобнаго тому, что мы опровергали. Въ главѣ, на которую переходить теперь наше вниманіе, онъ рассказываетъ, что при быстромъ расширеніи Соединенныхъ Штатовъ очень можетъ возникнуть въ разныхъ частяхъ этой страны стремленіе отложиться отъ другихъ, чтобы стать совершенно независимыми государствами или, по крайней мѣрѣ, отдѣльные штаты будутъ стремиться къ увеличенію своей самостоятельности на счетъ союзной власти. Слушайте же, что говоритъ нашъ авторъ.

«На первый взглядъ кажется, что Союзу дано больше правъ верховной власти, чѣмъ оставлено за отдѣльными штатами. Всмотрѣвшись въ дѣло нѣскольکو ближе, мы увидимъ противное». — Токвилль доказываетъ, что правительство отдѣльнаго штата сильнѣе союзнаго правительства, и перечень доказывающихъ это фактовъ заключаетъ словами: «о разницѣ силъ союзнаго правительства и правительства штата легко можно судить по характеру дѣйствій того и другаго въ кругу его власти. Когда правительство отдѣльнаго штата обращаетъ

ся къ его населенію, его языкъ ясенъ и повелителенъ. Когда союзное правительство обращается къ штату, оно ведетъ съ нимъ переговоры: излагаетъ причины своихъ дѣйствій, оправдываетъ ихъ, разсуждаетъ, совѣтуетъ, а не приказываетъ. Если возникаетъ сомнѣніе о томъ, гдѣ граница между властью Союза и штата, правительство штата выражаетъ свою претензію смѣло, принимаетъ быстрыя и энергическія мѣры для ея поддержанія. А союзное правительство разсуждаетъ, обращается къ здравому смыслу націи, къ ея выгодамъ, ея славѣ, медлитъ, ведетъ переговоры и лишь въ послѣдней крайности рѣшается наконецъ дѣйствовать. — Союзное правительство, по самой своей натурѣ, правительство слабое, болѣе всякаго другаго нуждающееся для своего существованія въ свободномъ содѣйствіи управляемыхъ. Если бы союзная власть вступила въ борьбу съ правительствомъ штата, легко предвидѣть, что она была бы побѣждена. Я не полагаю даже, чтобы могла когда нибудь завязаться эта борьба серьезнымъ образомъ.» (Нынѣшнія американскія событія свидѣтельствуютъ о предусмотрительности Токвилля.) — «Какъ только штатъ противопоставитъ союзному правительству упорное сопротивленіе, союзная власть всегда уступить. Опытъ доказалъ, что когда отдѣльный штатъ упорно желалъ и рѣшительно требовалъ чего нибудь, онъ всегда одерживалъ верхъ. А еслибъ союзное правительство и имѣло силу, ему очень трудно было бы воспользоваться ею по физическому положенію страны. Она занимаетъ огромную территорію, разстоянія въ ней далекія, населеніе разбѣяно по мѣстностямъ, на половину еще пустыннымъ. Если бы Союзъ захотѣлъ поддержать свои права противъ отдѣльнаго штата оружіемъ, онъ сталъ бы въ положеніе, подобное тому, въ какомъ была Англія, ведя войну съ американскими колоніями. Притомъ же союзное правительство, еслибъ и было сильно, не могло бы отвратить послѣдствій принципа, который само принимаетъ за основаніе государственнаго права. Союзъ составился по свободной волѣ штатовъ». — Послѣ этого Токвилль разсматриваетъ, можетъ ли союзное правительство, слабое само по себѣ, склонить отдѣльные штаты пособить ему въ борьбѣ съ некорректнымъ штатомъ. Онъ находитъ это невозможнымъ: ни одинъ штатъ не захотѣлъ бы поддерживать союзную власть въ такомъ столкновеніи, — нынѣшними событіями отлично подтвердилось и это. «Потому несомнѣнно кажется мнѣ (продолжаетъ Токвилль), что если бы какая нибудь часть Союза серьезно захотѣла отдѣлиться, союзная власть не только не могла бы воспрепятствовать ей въ томъ, но даже и не сдѣлала бы попытки къ тому» (какъ и видимъ теперь). — Токвилль разсматриваетъ, вѣроятенъ ли тотъ случай, чтобы какая нибудь часть Союза захотѣла отдѣлиться отъ него, и находитъ это невѣроятнымъ, —

опять, такая вѣрная предусмотрительность. Но кромѣ этого невѣроятнаго, по его мнѣнію, шанса, существуютъ, во его слѣдуетъ, другой шансъ погибели для союзной власти. — «Союзное правительство можетъ постепенно терять силу отъ тенденціи всѣхъ отдѣльныхъ штатовъ къ возвращенію своей независимости. Неочередно лишившись всѣхъ своихъ правъ, будучи доведено до безсилія этою общою тенденціею, центральное правительство станетъ неспособно исполнять свое назначеніе, и Союзъ погибнетъ». Этотъ шансъ, по мнѣнію Токвилля, не только вѣроятенъ, а уже осуществляется; это уже не шансъ, а фактъ. «Американцы очевидно проникнуты сильнымъ опасеніемъ (говоритъ Токвилль): они видятъ, что у большей части другихъ народовъ права верховной власти сосредоточиваются все въ меньшемъ и меньшемъ числѣ рукъ (у какихъ же это другихъ народовъ видятъ такой небывалый фактъ американцы? — могли бы мы спросить Токвилля; но все равно: нуть полагаешь еще, что американдцы видятъ, чего не видятъ; мы генеръ только хотимъ знать его взглядъ) и пугаются мысли, что можетъ гдѣ же кончиться и у нихъ. А централизація въ Америкѣ непопулярна и ничѣмъ болѣе такъ ловко польстить большинству, какъ западеніями на центральную власть. Потому сами государственные люди у нихъ раздѣляютъ или притворяются раздѣляющими эту болѣзнь. Мнѣ кажется, она совершенно фаталистична. Я вовсе не того опасаюсь, что власть центрального правительства будетъ крѣпнуть, — я нахожу, напротивъ, что она замѣтлымъ образомъ слабѣетъ. Чтобы доказать это, мнѣ не нужно ссылаться на давнишніе факты; довольно будетъ указать на факты, происходившіе при мнѣ или въ наше время: каждый разъ, какъ права центральной власти встрѣчались съ претензіями отдѣльныхъ штатовъ, права эти уменьшались». Токвилль приводитъ факты, подтверждающіе этотъ выводъ его, и продолжаетъ: «да, или я слишкомъ грубо ошибаюсь, или союзная власть въ Соединенныхъ Штатахъ съ каждымъ днемъ слабѣетъ; все меньше и меньше вѣнчивается она въ дѣла, все тѣснѣе и тѣснѣе становится кругъ ея дѣйствія. Слабая и по своей природѣ, она уже отказывается даже отъ видныхъ формъ силы. А въ отдѣльныхъ штатахъ чувство независимости становится все живѣе, любовь къ мѣстному управленію все сильнѣе. Хотятъ, чтобы существовалъ Союзъ, но чтобы онъ былъ только тѣмъ Союзомъ. Я не вижу въ настоящемъ ничего, чѣмъ могло бы остановиться это общее движеніе умовъ; причины, его породившія, продолжаютъ дѣйствовать въ томъ же направленіи. Слѣдовательно оно будетъ продолжаться, и можно предсказать, что если не явится какое нибудь чрезвычайное обстоятельство, то союзное правительство съ каждымъ днемъ будетъ ослабѣвать».

Мы краснѣемъ за себя, мы жизни не рады, что нѣсколькими страницами выше приписали Токвиллю мнѣніе, будто бы централизація въ Америкѣ усиливается. Какъ грубо мы ошиблись! Теперь этотъ промахъ нашъ можно уличить даже и безъ помощи г. Юркевича. Возможное ли дѣло, чтобы писатель, такъ усердно твердящій на приведенныхъ нами страницахъ о постоянномъ, ежедневномъ ослабленіи центральной власти въ Американскомъ Союзѣ, доказывалъ, что она усиливается? Нѣтъ, мы или не потрудились хорошенько познакомиться съ его мыслями, или нагло исказили ихъ, когда выставили его думающимъ, будто развивается въ Америкѣ централизація. Въ какую бѣду мы попали, какъ будутъ торжествовать люди, любящіе изобличать наше невѣжество и нашу недобросовѣстность! Пересмотримъ повнимательнѣе отдѣлъ о централизаціи, чтобы поскорѣе обнаружить передъ самими собой свою ошибку и вычеркнуть бѣдственныя для насъ страницы, написанныя подъ ея вліяніемъ. Раскрываемъ же отдѣлъ о централизаціи. Вотъ она, глава 2-я IV-й книги. Читаемъ:

«Понятіе второстепенныхъ властей, посредствующихъ между верховною властію и подданными, естественно представлялось воображенію аристократическихъ народовъ», и т. д. — Что за чудо! — вѣдь дѣйствительно въ книгѣ Токвилля напечатано все это разсужденіе, которое мы приписывали ему; но можетъ быть по этому отрывку еще нельзя судить; будемъ читать дальше.

«Въ политикѣ умъ демократическихъ народовъ съ восхищеніемъ принимаетъ простыя и всеобщія идеи. Многосложныя системы непріятны ему; ему нравится мысль, что всѣми гражданами великой націи управляетъ только одна власть. Въ аристократическіе вѣка эта мысль чужда человѣческому уму. Онъ не принимаетъ или отвергаетъ ее. — По мѣрѣ того, какъ положеніе людей въ извѣстномъ народѣ уравнивается, значеніе отдѣльнаго человѣка все уменьшается, а значеніе общества все увеличивается; или лучше сказать, каждый гражданинъ, ставъ подобенъ всѣмъ другимъ, теряется въ толпѣ, и остается только широкая идея самого народа. Отъ этого у людей демократическихъ временъ естественно является очень высокое мнѣніе о привилегіяхъ общества, и очень низкое понятіе о правахъ отдѣльнаго лица. Они легко соглашаются, что власть, представительница общества, далеко превосходитъ знаніемъ и мудростью каждаго изъ людей, составляющихъ общество, и что она имѣетъ и право, и обязанность брать каждаго человѣка за руку и вести его куда хочетъ». Да, дѣйствительно, Токвилль доказываетъ, что американцы непремѣнно должны все больше и больше впадать въ централизацію. Но вѣтъ, быть можетъ, мы ошибаемся въ этомъ за-

ключеніи, быть можетъ, онъ говоритъ только о демократическихъ народахъ вообще, а не объ американцахъ въ особенности: вѣдь прямо намъ еще не попадалось у него слово «американцы» и насъ могутъ изобличить въ опрометчивости сужденій. Надобно читать дальше.

«Американцы полагаютъ, что общественная власть должна происходить прямо отъ народа; но разъ установивъ» и т. д. Опять знакомое мѣсто; но, быть можетъ, мы не новали его тогда? Будемъ же читать дальше.

«Люди, живущіе въ демократическихъ странахъ, не любятъ покидать своихъ частныхъ дѣлъ для занятія общественными дѣлами. Они имѣютъ естественную склонность отдавать общественныя дѣла на заботу государству. У нихъ нѣтъ охоты, часто нѣтъ и времени заниматься общественными дѣлами. — Любовь къ общественному спокойствію часто остается у демократическихъ народовъ единственною политическою страстью, и она становится у нихъ тѣмъ живѣе и сильнѣе, что всѣ другія страсти слабѣютъ и умираютъ; это естественно располагаетъ гражданъ безпрестанно давать все новыя права центральной власти, которая, по ихъ мнѣнію, одна имѣетъ интересъ и силу защищать ихъ отъ анархіи. Въ вѣка равенства каждый слабъ; при своей слабости, онъ естественно обращаетъ взоры на незамѣримое существо, которое одно возвышается среди всеобщаго пониженія. Нужды и желанія безпрестанно заставляютъ человѣка обращаться къ помощи этого существа (т. е. общественной власти или центрального правительства), и онъ кончаетъ тѣмъ, что видитъ въ немъ единственную и необходимую опору своей индивидуальной слабости». «Смотр. примѣчаніе къ этой страницѣ въ концѣ тома», — прибавляетъ Токвиль. Хорошо; смотримъ примѣчаніе; въ немъ написано: «Въ демократическихъ обществахъ только центральная власть имѣетъ прочность. Слѣдовательно, трудно не имѣть ей успѣха въ стремленіи постоянно расширять свою сферу, потому что она съ неизмѣнной мыслью и постоянной волей дѣйствуетъ на людей, положеніе, мысли и желанія которыхъ измѣняются ежедневно. Такимъ образомъ у демократическаго правительства кругъ дѣйствія расширяется уже тѣмъ самымъ фактомъ, что оно продолжаетъ существовать. Время работаетъ въ его пользу; всѣ случайности обращаются въ его пользу; отдѣльные люди своими страстями помогаютъ ему даже и безъ собственного вѣдома. И можно сказать, что оно становится тѣмъ болѣе централизовано, чѣмъ старше становится демократическое общество». Прочитавъ примѣчаніе, возвращаемся къ тексту. «Ненависть къ привилегіямъ, одушевляющая демократическіе народы, чрезвычайно благоприятствуетъ постепенному сосредоточенію всѣхъ политическихъ правъ въ рукахъ одного лица, представ-

ляющего собою государство». И т. д. и т. д. Мы извлекли существенныя мысли только изъ шести страницъ французскаго подлинника въ нашемъ изданіи, а матерія эта тянется на нѣсколькихъ десяткахъ страницъ; какихъ удивительныхъ соображеній нѣтъ на этихъ страницахъ! Къ чему ни приложить Токвилль слово «демократическій», все оказывается ведущимъ къ централизаціи. Надобно полагать, что даже и рѣки въ демократическихъ странахъ несутъ людей къ централизаціи, и вѣтеръ гонитъ ихъ къ централизаціи, и нюханье табаку (если они нюхаютъ табакъ) влечетъ ихъ къ централизаціи; да оно въ самомъ дѣлѣ такъ и должно быть: рѣки, напримѣръ, все сливаются другъ въ друга, маленькія въ большія, большія еще въ большія, а потомъ, слившись между собою, всѣ сливаются въ общій центръ водъ, море: это явно возбуждаетъ въ людяхъ мысль о централизаціи. Вѣтеръ дуетъ больше все въ одномъ направленіи, — положимъ, въ юго-западномъ; значитъ, все и несется вѣтромъ въ одну сторону, сваливается все въ кучу и въ кучу, — опять явно располагая людей думать о централизаціи. Нюхательный табакъ производитъ во всѣхъ нюхающихъ его одинаковое щекотанье носовыхъ нервъ, — значитъ, и отъ этого люди все больше и больше располагаются чувствовать одинаково; а отъ одинаковости чувствъ недалеко до централизаціи, какъ доказываетъ Токвилль. Но мы еще не имѣемъ достаточно доказательствъ, что всѣ его соображенія такого рода относятся къ американцамъ. Правда, это ясно само собой; правда, мы уже приводили одно мѣсто, показывающее, что при всѣхъ этихъ разсужденіяхъ имѣются въ виду американцы; но одного мѣста намъ мало. А вотъ и другое, послѣ котораго не остается сомнѣній. Изложивъ соображенія, нами приведенныя, и множество другихъ, Токвилль обращаетъ свои взоры на Европу и говорить:

«Европейскія демократическія націи имѣютъ всѣ общія и постоянныя тенденціи къ централизаціи власти и, сверхъ-того, подвержены многимъ второстепеннымъ и случайнымъ вліяніямъ, которыя незнакомы американцамъ».

Теперь ужъ не остается никакого сомнѣнія; даже и при помощи г. Юркевича нельзя будетъ найти наше заключеніе опрометчивымъ: очевидно, что Токвилль примѣняетъ къ американской демократіи всѣ предшествующія мудрыя соображенія, нами сообщенныя читателю.

Спрашивается теперь: какъ мы должны думать о Токвиллѣ? Мы видѣли, что книгу свою онъ писалъ съ превосходнѣйшимъ намѣреніемъ; надобно прибавить, что фактическая сторона въ ней, — изложеніе законовъ Соединенныхъ Штатовъ, — хороша; можно, пожалуй, и кромѣ того найти въ ней много страницъ полезныхъ и писанныхъ

какъ будто неглупнѣе человѣкомъ; все такъ, и хорошаго въ книгѣ довольно, и полезнаго немало, — но объ авторѣ—то какъ вы станете думать, и какой вѣсъ могутъ имѣть мнѣнія подобнаго мыслителя? У автора въ головѣ такой сумбуръ, что никакой вѣтъ возможности придавать хотя бы самое маленькое значеніе образуемой мыслей: помилуйте, да вѣдь и разобрать нельзя, какого онъ образа мыслей, — въ одномъ случаѣ такъ ему покажется, въ другомъ совершенно наоборотъ. Ослабѣваетъ или укрѣпляется центральная власть въ Американскихъ Штатахъ? Падаеть она передъ мѣстными властями отдѣльныхъ штатовъ или онѣ поглощаются ею? Извольте сказать, какъ думаетъ объ этомъ Токвилль? Невозможно безъ смѣха слышать мнѣнія, выраженнаго имъ объ этомъ вопросѣ въ двухъ разныхъ отдѣлахъ одной и той же книги.

А писатель онъ знаменитый, признанъ за авторитетъ всею образованною Европою, прославленъ и въ нашей литературѣ. Мы сначала и хотѣли было уважить авторитетъ, — сами вы видите, статья наша начата съ почтительностью; но мы ли виноваты, что не оказалось никакой возможности продолжать ее въ томъ же тонѣ?

Конечно, бѣдный Токвилль ужъ слишкомъ откровенно выложилъ передъ нами нескладницу своихъ мыслей. Не у всякаго подобнаго ему сумбурнаго писателя найдете вы такую основательную и подробную двуголосицу, какъ у него по вопросу о централизациі въ Америкѣ. Но вѣдь если иной и осмотрительнѣе Токвилля слычаетъ разна главы и страницы своего произведенія, чтобы не попасть въ такое открытое и давнее противорѣчіе съ самимъ собою, то характеръ его мыслительныхъ способностей отъ этого лишь нѣсколько затуманивается, а не исправляется. Возьмемъ въ примѣръ цѣлую школу, любящую у насъ разсуждать о томъ же предметѣ, на которомъ такъ отличился Токвилль.

Если бѣ люди, превозносящіе историческую пользу централизациі и необходимость ея въ настоящемъ, были реакціонеры, ихъ взглядъ на централизацию былъ бы очень логиченъ. Но, вѣтъ, они друзья прогресса, и отъ этого никакъ нельзя примирить съ здравымъ смысломъ ихъ мнѣніе объ элементѣ, занимающемъ ихъ такъ много. Надобно сказать, что всѣ они—люди изъ числа самыхъ образованныхъ у насъ, а представители ихъ школы въ литературѣ — замѣчательные ученые; будь они — люди незнающіе, ошибка была бы извинительна; а при качествахъ, которыми они отличаются, она очень странна.

Тѣ представители школы, которые заслужили извѣстности научными трудами, занимаются преимущественно русскою исторіей. Они пишутъ многотомныя сочиненія и превосходныя статьи, подвигающія науку впередъ болѣе или менѣе удачною разработкою фак-

товъ; и замѣчательнѣйшая вещь здѣсь—та, что каждый излагаемый ими фактъ явно противорѣчитъ выводу ихъ о полезной роли централизаціи. Начинаютъ они находить ее полезной съ самаго же перваго ея возникновенія. Она, по ихъ мнѣнію, дала великорусскому племени государственное единство и освободила восточную половину нынѣшней Россіи отъ татаръ. Отъ чего же произошло раздробленіе восточной Россіи на мелкія государства и чѣмъ оно поддерживалось? Не отъ географическихъ условій страны произошло оно: вся страна составляетъ одну мѣстность, не имѣющую никакихъ естественныхъ перегородокъ, черезъ которыя трудно было бы перебраться государственному единству. Отъ Новгорода до Твери, отъ Твери до Москвы, отъ Москвы до Нижняго въ одну сторону, до Орла въ другую точно такой же путь, какой отъ каждаго изъ этихъ городовъ до ближайшихъ къ нему мѣстъ: путь совершенно открытый. А между населеніями этихъ областей нѣтъ и не было никакой важной разницы по отношенію къ идеѣ общей народности: въ каждой изъ нихъ всегда владычествовала мысль объ одноплеменности своей съ остальнымъ великорусскимъ населеніемъ. Значить, не было ни физическихъ, ни народныхъ причинъ возникнуть или удерживаться раздробленію. Оно возникло просто только отъ того, что населеніе было малочисленно и грубо. По малочисленности своей оно было раздѣлено слишкомъ безсвязно: одна группа его раздѣлялась отъ другой пустынею. По грубости своей оно не могло установить такихъ формъ администраціи, которыми удобно соединялись бы области, далекія одна отъ другой: вѣдь извѣстно, что обширныя государства для прочности своего существованія требуютъ нѣкоторой цивилизаціи народа, а безъ нея едва успѣетъ основаться что нибудь большое, какъ тотчасъ же ломается. Значить, чѣмъ же должно было прекратиться раздробленіе великорусскаго племени? Размноженіемъ его, чтобы не оставалось слишкомъ обширныхъ пустынь между его частями, и развитіемъ хотя нѣкоторой цивилизаціи. Первое условіе по немногу возникало само собою силою естественнаго закона: люди размножались, потому что земледѣльческое населеніе не можетъ не размножаться, пока есть пустая земля. Централизація ничѣмъ тутъ не помогала судьбѣ Россіи. А развитіе втораго условія всего сильнѣе поддерживалось сосѣдствомъ хищническихъ азіатскихъ ордъ: печенѣговъ, половцевъ, татаръ. Въ Новгородѣ, далекомъ отъ нихъ, гражданское развитіе шло успѣшно. Въ другихъ областяхъ мѣшали ему ихъ набѣги. Какою силою устранено было это препятствіе? Двумя обстоятельствами. Съ одной стороны, русскій народъ размножался, — значить, съ каждымъ поколѣніемъ имѣлъ все больше силы останавливать набѣги, а потомъ и тѣснить назадъ хищныхъ дикарей, отбивать у

нихъ одну полосу земли за другой. Съ другой стороны, сами эти дикари слабыи, хилыи, вымирали. Въдъ извѣстное дѣло, что если кочевые варвары захватятъ удобный для земледѣія край въ сосѣдствѣ земледѣльческаго народа, они послѣ перваго своего нашествя начинаютъ быстро исчезать съ почвы, для нихъ несродной, изъ сосѣдства людей, которые крѣпче ихъ сростаются съ землею и захватываютъ своими крѣпкими корнями все дальше и дальше, по краямъ степей поселеній, землю удобную для нихъ дѣла, хлѣбопашества. Номады способны держаться противъ расширенія земледѣльческаго народа лишь въ своихъ родныхъ степяхъ, не удобныхъ для земледѣія, въ какойнибудь Аравіи или въ пустыняхъ отъ Каспійскаго моря до Кореи. Эта вторая, громаднѣйшая родина номадовъ и была коремъ, изъ котораго выливались наводненія, мѣшавшія великорусскому племени. Какъ и что дѣлалось въ монгольскихъ степяхъ, чѣмъ выталкивались изъ нихъ стремительные потоки хищническихъ ордъ на западъ, это все-равно для насъ; но мы видимъ, что послѣ Тамерлана не выходили изъ монгольскихъ и туркестанскихъ степей новыя орды на западъ; да и тамерлановы орды едва-едва коснулись сѣверо-западныхъ окраинъ степнаго пространства, а главнымъ образомъ устремились на югозападъ и югъ, на Азію, а не на Европу. Послѣдній напоръ дикарей Средней Азіи на Европу былъ при Чингизханѣ, когда и наводнена была степными хищниками не одна великорусская земля, а вся средняя полоса Восточной Европы. Послѣ перваго натиска, достигавшаго Моравіи, дикари по естественному закону, о которомъ мы говорили, начали отступать назадъ, покидая потопленные земли: изъ Западной Европы они отступили тотчасъ же; поляки избавились отъ нихъ очень скоро; послѣ этого пришла очередь монголамъ ослабѣть въ своихъ набѣгахъ на западную Русь; а тамъ стали слабѣть они и въ набѣгахъ на восточную. Это отступеніе ихъ гибельнаго тяготѣнія происходило само собой, какъ сбѣгаетъ волна, нахлынувшая на берегъ: ей не ловко держаться на мѣстѣ, ею захваченномъ лишь отъ чрезвычайнаго волненія моря, ее выбросившаго. Какъ избавилась отъ монголовъ Польша, точно такъ же черезъ нѣсколько времени должна была избавиться отъ нихъ и великорусская земля: естественнымъ упадкомъ силы въ номадахъ на земледѣльческой мѣстности. Оно, дѣйствительно, такъ и было: около временъ Мамай кипчакскіе татары сохраняли только тѣмъ своей прежней силы; и упадокъ этотъ произошелъ по внутреннему закону ихъ собственной жизни, а не отъ борьбы съ великорусскими, которые до куликовской битвы конечно ничего не сдѣлали во вредъ татарамъ. Нашествіе Мамай было уже предсмертною конвульсіею умирающаго звѣря; полчища Мамай могли составить развѣ одинъ

отрядъ въ ордахъ Батыя. Что они были не Богъ-знаетъ-какъ: многочисленны, видимъ изъ того, что они всѣ могли сосредоточиться на одномъ Куликовомъ полѣ. При Батыѣ было не такъ: орды одновременно шли по многимъ направленіямъ, захватывали чрезвычайно длинную линію своимъ фронтомъ; а тутъ протяженіе фронта ихъ было уже такъ невелико, что со всей линіи собрались они на одинъ пунктъ. Они уже не могли тяготѣть надъ великорусскою землею; это видно изъ того, что Тохтамышъ быстро очистилъ ее, хотя нигдѣ не нашелъ успѣшнаго отпора. Что же такое принадлежитъ дѣлу централизаціи въ очищеніи великорусской земли отъ татаръ? Ровно ничего не принадлежитъ. Куликовская битва не имѣла никакихъ фактическихъ результатовъ, да и происходила уже въ такое время, когда главная часть дѣла совершилась сама собою: татары совершенно уже охлѣбли. Или придавать какое нибудь значеніе неудачному походу къ берегамъ Угры при Ахматѣ? Дѣйствительно, онъ имѣетъ ту замѣчательность, что очень ясно обнаружилъ положеніе дѣлъ: пошли татары на Москву, подумали, подумали, да и вернулись назадъ: «нѣтъ, говорить, ужъ не хватаетъ силы у насъ». Пошла централизація на татаръ, подумала, подумала, да и побѣжала назадъ: «нѣтъ, говорить, я татаръ побѣдить не могу». Чѣмъ же были побѣждены татары? Собственнымъ одрачлѣніемъ и размноженіемъ рускаго населенія, фактами, происходившими совершенно независимо отъ централизаціи.

Такимъ образомъ, оба условія, отъ которыхъ зависѣло возникновеніе національнаго единства, осуществлялись сами собою.

Но по взгляду ученыхъ, о которыхъ мы говоримъ, централизація не только была необходима для созданія государственнаго единства, она также была нивелирующею силою, дѣйствовавшею въ демократическомъ направленіи противъ аристократіи. Это еще прелестнѣе, потому что сами же эти ученые необыкновенно подробно разъясняютъ, что собственно централизація и создала помѣстную систему, то есть гіерархію болѣе или менѣе крупныхъ поземельныхъ владѣльцевъ, — гіерархію, чисто феодалную; что собственно централизація и поставила массу населенія въ крѣпостное отношеніе къ феодаламъ, созданнымъ помѣстною системою; тѣ же самые ученые объясняютъ намъ, какъ это феодалное сословіе было обращено тою же самою централизаціею въ аристократію болѣе новой формы, чрезъ постепенное расширеніе и упроченіе помѣстныхъ правъ и наконецъ чрезъ признаніе помѣстій вотчинами.

Взглядъ на централизацію мы взяли только для примѣра, потому что такъ оно пришлось ближе всего къ примѣру безсвязности мыслей, представленному намъ Токвиллемъ. А можно было бы припом-

нить много несообразностей. Одинъ авторитетъ провозглашаетъ самостоятельность разума и ужасается, когда вы говорите, что не принимаете фантазій, отвергаемыхъ разумомъ: но его мнѣнію, наука доказываетъ истину всѣхъ бредней. Другой авторитетъ называетъ славянофильство нелѣпностью и тутъ же доказываетъ, что Западная Европа, а въ особенности Франція, гниетъ, и только славянское племя, носящее въ себѣ зародыши высшей цивилизаціи, только оно можетъ обновить дряхлѣющую Западную Европу. Третій авторитетъ превосходно разсуждаетъ, что просвѣщеніе спасительно, и тутъ же доказываетъ, что цивилизація имѣетъ растлѣвающее свойство. Четвертый авторитетъ ставитъ вопросъ нѣсколько иначе: полное образованіе неизмѣримо выше невежества, но полуобразованность гораздо хуже невежества, какъ будто образованію — маленкій кусочекъ леденца, который можно слопнуть разомъ, какъ будто невѣжда можетъ стать вдругъ образованъ, а не долженъ верейти на этомъ пути всѣ ступени, въ томъ числѣ и полуобразованность и вскія другія доли образованности. Словомъ сказать, какой авторитетъ ни возьмите, у cadaго находится въ образѣ мысли какая нибудь гермовія этого сорта, а у много и по нѣскольку ихъ — да еще такихъ! Вѣдь мы выбирали противорѣчія отвлеченныя, то есть блѣдныя и сравнительно безвредныя. А если обратитесь къ авторитетнымъ мнѣніямъ на живые практическіе вопросы, васъ угостятъ еще гораздо пріятнѣйшими виноградными. Но о нихъ когда нибудь въ другой разъ; а теперь довольно и того, если мы успѣли на Токвиллѣ показать, какую степень вины имѣетъ наша непочтительность къ авторитетамъ, подобнымъ Токвиллю.

Возвращаясь къ его книгѣ, надобно конечно прибавить, что она сильно устарѣла: въ 28 лѣтъ, прошедшихъ съ той поры, какъ она написана, всѣ статистическія данныя и многія черты быта, разумѣется, очень сильно измѣнились въ странѣ, столь быстро развивающейся, какъ Америка. Напримѣръ, онъ говоритъ о Нью-Йоркѣ, какъ огромномъ городѣ, имѣющемъ до 200,000 жителей, — теперь въ Нью-Йоркѣ около 1,000,000; желѣзныхъ дорогъ еще не было въ Америкѣ, когда онъ писалъ; ожесточенной вражды къ Сѣверу южные плантаторы еще не имѣли, потому что на Сѣверѣ еще не было аболіціонизма, — словомъ сказать, книга Токвилля описываетъ Америку, почти столь же различную отъ нынѣшней, какъ Россія, описанная Котошихинымъ, различна отъ нынѣшней. Но говорить объ этомъ напрасно, потому что едва ли кто захочетъ изучать Америку по переводу Токвилля, сдѣланному г. Якубовичемъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Чтенія въ императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при московскомъ университетѣ. М. 1860 г., кн. 4-я; 1861 г., кн. 1-я и 2-я.

Въ послѣднихъ книгахъ «Чтенія» дають по обыкновенію много различныхъ матеріаловъ и изслѣдованій по древней и новой русской исторіи. Во второй книгѣ нынѣшняго года окончено изслѣдованіе Влад. Мидютина «о недвижимыхъ имуществѣхъ духовенства въ Россіи». Въ этомъ трудѣ найдется очень много любопытнаго для исторіи внутренняго быта древней Россіи; въ немъ основательно и съ большей полнотой разработана дѣлая сторона старой общественной жизни, въ которой духовенство поставлено было экономически въ очень выгодное положеніе. Это положеніе способно было дать ему чрезвычайную роль и вліяніе, и въ известной степени опредѣлитъ его историческое значеніе въ развитіи народа и государства. Специальная оцѣнка сочиненія Мидютина должна принадлежать юристамъ; но желательнo, чтобы и другіе, занимающіеся русской стариной, обратили вниманіе на эту матеріальную, дѣльную сторону въ старинной жизни духовенства. Оно было въ старину свободнымъ, цивилизующимъ классомъ народа; въ его рукахъ были средства и возможность дѣятельности, — такъ что любопытно сравнить матеріальныя условія его жизни, его богатствъ и вѣдь, огражденныхъ несудимыми и тар-

ханвыми грамотами, съ защитникомъ его правъ въ нитрополитѣ и патріархѣ, — съ послѣдними результатами его дѣятельности, духовнымъ развитіемъ русскаго народа. Это сличеніе приведетъ къ интереснымъ выводамъ.

Къ той же старой эпохѣ относятся въ «Чтеніяхъ» другія изслѣдованія: г. Мстиславскій написалъ статью объ «огнищанахъ» Русской Правды, въ которыхъ видитъ потомство древнихъ славянскихъ князей, существовавшихъ до Рюрика; г. Филимоновъ посвятилъ очень длинное и добросовѣстное изслѣдованіе «Окладу Мстиславова евангелія»; почтенный археологъ Снегиревъ помѣстилъ статью о Лобномъ мѣстѣ въ Москвѣ, имѣющую обыкновенныя достоинства его изслѣдованій, — и по прежнему остался вѣренъ обыкновенію цитировать многотомныя книги, не указывая страницъ, такъ что читатель не имѣетъ возможности провѣрить его ученія изысканія; г. І. Л. подаетъ «Голосъ въ защиту писателей печерскаго Патерика», все нападеніе на которыхъ заключается въ томъ, что изъ двухъ мало извѣстныхъ Симоновъ (XII—XIII вѣка) г. Полѣновъ считалъ авторомъ древнихъ печерскихъ житій не того Симона, какого принимаетъ г. І. Л.

Въ отдѣлѣ «матеріаловъ» издается обширная «Переписка между Россією и Польшею по 1700 годъ», составленная Н. И. Бантышъ-Каменскимъ по дипломатическимъ актамъ московскаго архива иностранныхъ дѣлъ. Эта «Переписка» составляетъ часть цѣлаго большаго сочиненія о старыхъ дипломатическихъ сношеніяхъ Россіи, которое окончено было Бантышъ-Каменскимъ еще въ царствованіе Александра I и уже было готово къ изданію, но какія-то обстоятельства задержали его. Г. Бодянский началъ печатать «Переписку» въ свое первое секретарство въ московскомъ Обществѣ, но осенью 1848 года изданіе должно было остановиться за выходомъ изъ Общества самого секретаря, и только теперь, *post tot discrimina rerum*, по его выраженію, изданіе приводится къ концу. Сочиненіе Бантышъ-Каменскаго составлено прямо по официальнымъ актамъ, — это почти одинъ пересказъ ихъ, — и если сочиненіе его не можетъ быть легкимъ и пріятнымъ чтеніемъ, то во всякомъ случаѣ будетъ важнымъ матеріаломъ для исторіи вѣшной политики старой Россіи.

Архимандритъ Макарій напечаталъ въ чтеніяхъ «Обозрѣніе древнихъ рукописей и книгъ церковныхъ въ Новгородѣ и его окрестностяхъ», и описалъ «Древніе церковные обряды въ Новгородѣ» по такъ-называемому «Чиновнику» или уставу церковной архіерейской службы. Первая изъ этихъ статей обозрѣваетъ почти одни евангелія и апостолы и не представляетъ большой занимательности; вѣроятно и для самихъ спеціалистовъ покажутся скучноваты одни заглавія

книгъ XVI и XVII вѣка и помѣты, кому книга принадлежала. Неужели въ Новгородѣ и его окрестностяхъ не нашлось другихъ старыхъ книгъ, кромѣ апостоловъ, и октоиховъ въ малый листъ и октоиховъ въ большой листъ? А эти и безъ того сотнями извѣстны по такимъ же описаніямъ каталоговъ.

Въ статьѣ о старинныхъ церковныхъ обрядахъ Новгорода занимательно описаніе «Пещнаго дѣйствія» — одного изъ тѣхъ немногихъ драматическихъ обрядовъ, какіе въ старину входили у насъ въ церковное богослуженіе и были у насъ одинокимъ образчикомъ мистеріи, такъ сильно развившейся въ западной церкви и литературѣ среднихъ вѣковъ. Въ недѣлю ваій новгородскій святитель, какъ московскій патріархъ, совершалъ шествіе на ослати, также давно оставленное вмѣстѣ съ другими обрядами, существовавшими нѣкогда въ русскомъ старинномъ богослуженіи.

«Пещное дѣйствіе» происходило обыкновенно наканунѣ или за нѣсколько дней до Рождества; оно начиналось съ вечера и оканчивалось на другой день.

«Для совершенія сего дѣйствія, заблаговременно снимались въ соборѣ нѣкоторыя паникадила, убирались нѣкоторыя иконы, снимался архіерейскій амвонъ, и на мѣсто онаго, среди собора, поставялась деревянная круглая печь въ $3\frac{1}{4}$ аршина въ вышину и въ $2\frac{1}{4}$ аршина въ діаметръ. Избирали трехъ отроковъ, представлявшихъ св. Ананія, Азарія и Мисаила, и двухъ, представлявшихъ лица халдеевъ. Первыхъ облачали въ стихари и украшали вѣнцами, а вторыхъ одѣвали въ халдейское платье: и тѣмъ и другимъ давали въ руки пальмы. Всѣ они, наканунѣ пещнаго дѣйствія, предъ вечернею, ходили къ святителю на благословеніе и сопровождали его въ церковь. На другой день, въ воскресенье, съ 8-й пѣсни канона совершалось пещное дѣйствіе. Во время пѣнія стиха 7-й пѣсни: «Тричисленные отроки состави св. Троица» и проч., учитель отроцескій испрашивалъ у архипастыря благословенія къ началу дѣйствія. Архипастырь, благословивъ его рукою, говорилъ: «Благословенъ Богъ изволивый тако!» И халдеи изводили изъ алтара отроковъ, связанныхъ полотенцемъ (убрусомъ) по выямъ ихъ и, поставивъ среди церкви, близь печи, говорили имъ: «Дѣти царевы! Видите ли сію печь, уготованную вамъ на мученіе?» — «Видимъ, отвѣчали они, но не ужасаемся ея; ибо есть Богъ нашъ на небесахъ, Ему же мы служимъ; Той силенъ изъяти насъ отъ печи сей, и отъ рукъ вашихъ не оставитъ насъ; и сія печь будетъ не намъ на мученіе, но вамъ на облаченіе.» Послѣ сего отроки, по снятіи съ нихъ обявки, получали отъ святителя благословеніе и витыя свѣчи, для нихъ приготовленныя, а халдеи вводили отроковъ по одному въ печь и затворяли оную, и внизу поставляли горъ съ горящими углями. Послѣ сего протодіаконъ велогласно восклицалъ: «Благословенъ еси, Боже отецъ нашихъ» и проч.

Отроки пѣли стихъ этотъ въ печи до конца, а между тѣмъ халдеи увеличивали пламень въ печи, кидая въ оную удобостараемыя вещества и производили пламень около оной. Но вдругъ спускался сверху ангелъ Господень съ громомъ въ печь къ отрокамъ, отчего халдеи падали ницъ и сами опалились своимъ огнемъ. Спусти нѣсколько времени, вставъ, снимали свои колпаки, полагали на пальмы и въ молчаніи стояли съ довыжшими головами. Отроки, возврѣвъ вверхъ къ ангелу Господню, знаменались крестнымъ знаменіемъ трижды, и столько же разъ ему поклонялись и, придерживаясь его, обходили съ днѣи печь три раза. По выходѣ изъ печи отроковъ, возглашадось многолѣтіе царю и всему царствующему дому, и утренняя оканчивалась обыкновеннымъ порядкомъ. Отроки и халдеи въ своихъ одеждахъ, вмѣстѣ съ служащими, сопровождали святителя къ литургіи и вечерни въ соборъ, и изъ собора въ домъ.»

По описанію арх. Макарія, печь состояла изъ двѣнадцати столбиковъ, оканчивающихся остриями; между ними помѣщены были внизу рѣзные пророки и по мѣстамъ херувимы. Эта самая, или другая подобная печь изъ Новгорода находится теперь въ византийскомъ музеѣ, который начали устроить при академіи художествъ.

Въ «Смѣси» Чтеній помѣщено много разныхъ матеріаловъ стараго и новаго времени, между которыми многіе очень занимательны. Таковы, напр., инструкція, выданная при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ письменному головѣ Поляркову, о сборѣ ясада и осметрѣ мѣстъ въ верховьяхъ столь знаменитаго Амурса, — и другія извѣстія о Сибирѣ; старинное сочиненіе о Китаѣ; записка о средней Азій, представленная однимъ странствующимъ греческимъ митрополитомъ для руководства и соображенія графу Валеріану Зубову при походѣ его въ Персію и т. п. Въ инструкціи Поляркову и его подчиненнымъ даны были подробныя наставленія обо всемъ, что имъ должно дѣлать, какъ собирать дань, искать руды и *неясныхъ* людей, какъ держать себя съ иноземцами и даже какъ самимъ проводить время. — словомъ, аккуратность, которую похвалилъ бы «Домострой». Вмѣстѣ съ дей и заботливостью о должномъ порядкѣ, — даже тамъ, куда едва проникали русскіе люди: «а какой хлѣбъ на Зѣѣ рѣкѣ и на Шилѣѣ рѣкица, и то въ росписи имъно описать. А будетъ добре на Зѣѣ рѣкѣ хлѣба много будетъ, и скудости хлѣбомъ ввредъ будетъ не чае, и слушнымъ людямъ къ праздникомъ годовымъ и къ именинамъ давать *пища*, сварить и бражки, по невелику про себя, а не на продажу, а пить давать указные двѣ... А хто станеть не двѣся пиво или медъ держать, и то неявленное питье имать на государя, да сверхъ того имать на тѣхъ же людяхъ на государя пѣди... А табака бѣ отнюдь ни у ково не было, о томъ заповѣдь накрѣпко учинить; а у

ково табакъ объявится, и тѣхъ людей бить нещадно кнутьемъ и пени имать на нихъ, за первую вышку вдвое, за другую втрое, а за третью бить кнутомъ, все животы взять на государя, а табакъ смечь. И отъ зерни и отъ всякаго дурна и воровства служивыхъ людей унимать накрѣпко, и бунтовъ, и заговоровъ, и *одиначества* большою въ служивыхъ и въ охочихъ людехъ отнюдь бы не было, тово смотрѣть накрѣпко, а заговорщиковъ и бунтовщиковъ бить нещадно въ кнутъ *вмѣсто батоги* (какія тонкости!)...А самому ему, Василью, потому жъ на продажу питья, и зерни, и картъ не держать, и посудовъ и поминковъ нѣ у ково ни отъ чево не имать, и для своей бездѣльной корысти ни къ кому ничемъ не приметыватца; а кому служивымъ людямъ и охочимъ, за кою вину наказанье учинить, и то записывать *вмѣтко*, чтобъ наказанье было по винѣ всякому» и т. д. (1861, кн. 1, Сибѣ, стр. 9—10). Картина нравовъ выразительная. *Одиначествомъ* здѣсь называется согласіе, единодушіе, но въ дурномъ смыслѣ; слово, въ сущности самаго благонамѣреннаго значенія, испортилось отъ его употребленія въ этихъ безпрестанныхъ инквизиціяхъ, съ кнутями и батогами. — Дальше, издано много важныхъ документовъ для исторіи Малороссіи подъ русскими реформами XVIII столѣтія; наконецъ разныя бумаги, касающіяся царствованія Александра I, новыя «миѣнія» сенатора Мордвинова, Милорадовича, Румянцова и пр. и пр. Мы остановимся на нѣсколькихъ изъ документовъ XVIII вѣка, чтобы дать читателю образчикъ ихъ занимательности. Такова, напр., записка, представляемая Ягужинскимъ Екатеринѣ I о состояніи Россіи; въ запискѣ онъ, «какъ нижайшій рабъ, по всепокорнѣйшей своей должности», считаетъ необходимымъ предупредить императрицу о внутреннихъ и внѣшнихъ опасностяхъ, которыя грозятъ имперіи. Внѣшнюю опасность онъ видѣлъ въ тогдашнихъ отношеніяхъ съ Персіей и въ бунтахъ калмыковъ и башкировъ, съ которыми могли соединиться и другіе пограничные народы (можетъ быть русскіе?). Но главную опасность Ягужинскій находить во внутреннемъ положеніи государства, въ крайнемъ стѣсненіи народа.

«Внутренняя опасность, говорить онъ, — что уже нѣсколько лѣтъ хлѣбу родъ худой и отъ подушнаго сбора происходитъ великая тягость, оттого: 1) что бѣдые и умершіе и *взятые въ солдаты* съ 719 года не выключены; 2) суще престарѣлые, увѣчные и младенцы, отъ которыхъ никакой работы нѣтъ, въ тотъ же окладъ положены, а подушныя деньги на нихъ правятъ на наличныхъ, чего ради въ такое неурожайное время крестьяне не токмо лошадей и скотъ, но и сѣменной хлѣбъ распродавать принуждены, а сами терпятъ голодъ, и большая часть можетъ быть такихъ, что къ пропитанію своему впрдѣ никакой на-

дежды не имѣютъ, и великое уже число является умершими *изъ окошко голода*, *только отъ голода* (и не безъужасно слышать, что одна баба отъ голода дочь свою, кинувъ въ воду, утопила), и множество бѣгутъ за рубежъ польской и въ башкиры, чему и заставы не помогаютъ, и такой послѣ расположенія полковъ на квартиры въ душахъ ущербъ является, что въ одномъ Вологодскомъ полку, который расположенъ въ Казанской губерніи, убыло слишкомъ 13,000 душъ, изъ которыхъ показано умершихъ 8,000, бѣглыхъ 3,000, взятыхъ въ солдаты 340, а прочіе вдвое написаны и вывезены бѣглые на прежнія жилища. Да изъ той же губерніи пишетъ бригадиръ Фаменинъ, что изъ определеннаго числа душъ на тамошній гарнизонный полкъ (не упоминая о умершихъ и взятыхъ въ солдаты), бѣжало въ башкиры 2,043 души, и понеже въ одномъ и другомъ мѣстѣ такіе случаи показались, то безъ сомнѣнія во всѣхъ армейскихъ и гарнизонныхъ во 128 полкахъ, которые на души положены, не безъ ущерба» (1860, кн. 4. Сибѣя, стр. 269—270).

Дѣлаетъ честь Ягужинскому, что въ средствахъ, которыми бы хотѣлъ онъ поправить тяжелое положеніе народа, за лучшее онъ считаетъ «на поданныхъ положить то, что понести могутъ», и чтобы облегчено было «бѣдное земледѣльство», на которомъ безъ сомнѣнія всего невыносимѣе отозвалась петровская реформа. За убавкой подушныхъ, онъ предлагалъ отпускать служащихъ дворянъ по домамъ, чтобы они могли заняться своими дѣлами, и удерживать за то ихъ жалованье. Онъ предлагаетъ поправить «коммерцію», которая также упала, пересмотрѣть тарифъ, апробованный сенатомъ: «въ сенатѣ жъ люди купечества такъ искусны, какъ я кузнечнаго дѣла». Для пресѣченія административнаго воровства онъ считаетъ нужнымъ имѣть постоянно одного «обѣззаго» сенатора, который бы смотрѣлъ по провинціямъ за сборомъ податей и другими дѣлами, и для большей дѣйствительности распорженій имѣлъ право «вѣдѣть наказывать и смертію казнить».

Конечно, нѣтъ ни малѣйшей возможности преувеличенія въ этихъ признаніяхъ человека, стоявшаго однимъ изъ главныхъ лицъ тогдашняго правительства; факты впрочемъ и безъ того извѣстны: любовывало только, что ихъ и тогда видѣли въ высшихъ сферахъ... Порядокъ нисколько не перемѣнился черезъ семьдесятъ почти лѣтъ, когда написано было изъ Вятки «подметное письмо императрицѣ Екатеринѣ II», напечатанное въ той же книгѣ «Чтеній». Неизвѣстные авторы письма довольно подробно описываютъ тогдашнюю Вятку, и краски ихъ картины, какъ увидитъ читатель, были безъ сомнѣнія вѣрны дѣйствительности. Они жалуются, что Вятка, которая слыла нѣкогда золотымъ дномъ, доведена до совершен-

наго убожества и разоренія. Она досталась подъ власть казанскому намѣстничеству, и правители ея, фавориты казанскаго намѣстника, «утвердили въ жестокихъ своихъ сердцахъ согласно и грабительству и взяткамъ сильный комplotъ, введя къ тому въ народъ и съ крестьянъ на угнетеніе всей бѣдной черни еще каштановъ (?), особливо при рекрутскихъ наборахъ бываемыхъ. Поступаютъ безбожно и безъ всякаго страха, явно всѣмъ и каждому извѣстно, берутъ людей безъ всякой очереди и билетами, кои установить повелѣли, насильственнымъ образомъ, и до того доведены (то есть крестьяне), что цѣлыми починками (поселками, деревнями) во время набора отъ несноснаго насилія, оставляя свои дома, въ пустѣ бѣгаютъ, какъ-то случилось въ Нолинской округѣ. Но и тутъ, яко бы въ ослушаніи, для сыску и взятя оныхъ, послапъ былъ отъ губернатора прапорщикъ Повирахинъ, который дѣйствительно, кромѣ пустыхъ избъ, никого не нашелъ». Письмо поминено пересчитываетъ, кому изъ начальствъ и сколько приходилось платить, кто изъ низшихъ чиновниковъ на кого собирать. Одинъ прапорщикъ, отъ страха вышедшій наконецъ въ отставку, важилъ столько, что собирався купить деревню у Державина, «въ чемъ по совѣсти предъ престоломъ вашего величества онъ, Державинъ, не можетъ сокрыть». Этотъ прапорщикъ собиравъ на директора экономіи отъ отдатчиковъ въ рекруты, — «а въ прочіе годы на губернатора и вице-губернатора брали ихъ дворецкіе, а губернаторша торговала шубами, шапками и обувью» (милѣ!). Общій счетъ авторы письма выводятъ слѣдующимъ образомъ:

«И такъ, всемилостивѣйшая Государыня, въриподанные ваши ежегодно принужденно хищникамъ (коихъ, по невѣдѣнію о этихъ наглостяхъ, награждать отличными званками милостей изволите) въ дань показаннымъ особамъ платить ежегодно, и съ каждой души выходить по цѣлому намѣстничеству сборомъ болѣе 5, окромѣ, что очередныя отъ рекрутства выкупаются; и по исчисленію нашему, показанными особами въ пять наборовъ вымучено денегъ до двухъ милліоновъ рублей по своимъ нариванкамъ.»

Вотъ еще нѣсколько подробностей о добротныхъ ладніяхъ, о землемѣрахъ и винныхъ заводахъ въ XVIII-мъ столѣтіи:

«За именными Вашего Величества указами, съ согласія генерал-губернатора, подъ видомъ яко бы добротныхъ дателей на народное училище, сованы были всѣ исправники, приказано было имъ собрать со всего намѣстничества каждой души по двѣ копейки, при которомъ случаѣ, усильножъ и споромъ сборъ, выходило злупотребленіе, не устыдилса о томъ Приказъ Общественнаго Привѣрнія, что въ короткое

время болѣе осьми тысячъ собрано, припечатать въ московскихъ газетахъ ноября отъ 9-го числа, подъ № 90.

«Землемѣры же ходятъ по округамъ сколько глѣть безъ всякой видимой ко удовлетворенію обитающихъ пользы, или успѣха, а стараются свои острелябин исправно наводить прямо на имущіе дома поселанъ и за то обираютъ сколько хотятъ; а кто о земляхъ просить, тѣхъ безъ суда губернаторъ *сажаетъ въ смирительный домъ* (предесты!), гдѣ въ наказаніи поступаютъ со всею жестокостію, о чемъ значить и по дѣланъ въ судебныхъ мѣстахъ, а потому ни о чемъ и ни гдѣ жалобъ своихъ и представить не могутъ.

«На винныхъ казенныхъ заводахъ принужденно и безъ полной платы работать и дрова возить по наряду заставляють, *отъ чего бывають*, какъ-то и недавно изъ одного завода 150 человекъ бѣжало, конхъ сыскывая усиленно, пакн съ наказаніемъ посылають беззаконнымъ образомъ; и на всѣхъ членахъ былъ доносъ во взяткахъ, да все прошло, а только доносители остались несчастными.»

Въ собственноручной припискѣ Екатерины сказано: «сіе письмо безымянное я сегодня получила, подобныхъ законно предать велево огню, но думаю съ письмомъ оное послать къ князю Мещерскому, чтобъ самъ поѣхалъ и посмотрѣлся, что у него дѣлается на Вятку, паче же на винокуренныхъ заводоѣ, да дорогою бы вавѣ давался, нѣтъ ли жалобы по рекрутскимъ наборамъ *кое-идь по селаніямъ*» и проч. Что изъ этого вышло, — неизвѣстно.

Любопытно также «Довесеніе о раскольщикахъ», писанное извѣстнымъ преслѣдователемъ ихъ Пятириномъ, архіепископомъ нижегородскимъ, авторомъ *Працицы* (онъ умеръ въ 1738 г.). Годъ доношенія неозначенъ; по всей вѣроятности оно относится къ царствованію Петра Великаго, — содержаніе его состоитъ изъ предложеній о томъ, какъ слѣдуетъ поступать съ раскольниками, чтобы искоренить этихъ людей, крайне государству вредныхъ и недоброжелательныхъ. Въ царствованіе Петра число раскольниковъ должно было особенно увеличиться; въ своей епархіи, въ однихъ Балаховскомъ и Юрьевскомъ уѣздахъ Пятиримъ насчитывалъ старцевъ и старицъ до десяти тысячъ, не считая раскольниковыхъ крестьянскихъ дворовъ. Кромѣ перемѣны нравовъ, земское управленіе, образчики котораго мы видѣли, увеличивало число недовольныхъ, и раскольники находили между ними много кліентовъ. Приаудительныя мѣры, очень давно употребляемыя противъ раскольниковъ, не имѣли никакаго успѣха; онѣ только раздражали и усиливали сопротивленіе; Пятиримъ находилъ, что слѣдуетъ удвоить присмотръ и наказанія: онъ хотѣлъ рѣшительнымъ способомъ остановить размноженіе раскольниковъ, «чтобы ни гдѣ они не увиди». Онъ предлагалъ, чтобы «гдѣ стануть раскольщики учить, и тыхъ хватать и на-

казывать... На сущее размноженіи искорененіе; монахины въ лесу тысящи четыре будетъ, надлежитъ ихъ всѣхъ взять въ монастырь, а пища имъ хлѣбъ да вода... Во всѣхъ губерніяхъ старцамъ и старицамъ и белцамъ, кроме монастырей, какъ грацкихъ, такъ и пустынныхъ, и въ лесахъ, и въ поляхъ, и на погостахъ, и по мирскимъ домамъ, никому жить не велѣтъ *подъ смертною казнію*; а кому жить въ лесу келію, вне монастыря, отъ Архіерея писаніе возми; и аще ли тако будетъ учинено, раскольщикамъ зъ городовъ и уѣздовъ свозить будетъ *некуда*, и постригать переставутъ; точно не ослабѣвати надлежитъ» (стр. 282). Для отводу онъ предлагалъ причину этого надзора положить въ томъ, что по келіямъ живутъ въ лесахъ бѣглые солдаты, драгуны и разбойники. Указъ Петра еще прежде повелѣвалъ окладывать штрафомъ не приходившихъ къ исповѣди и раскольниковъ, но раскольники находили средство укрываться отъ надзоровъ и штрафа, и Питиримъ пишетъ: «требуемъ, лучшаго ради обращенія, дабы повелѣніемъ вашего царскаго величества штрафы на неисповѣдовавшихся и окладъ на раскольникахъ повсегодно былъ бы правленъ неотложно, а мы, подъ тѣсноту штрафовъ и окладовъ, писаніемъ *удобнѣе* къ церкви присоединити будемъ». О раскольникахъ, бѣжавшихъ на Вѣтку, онъ думалъ также: «въ Польшу, на Вѣтку, въ державу пана Халецкаго, множество выѣхало, и еще туды же собираются, понеже тамо у нихъ поставлена самочиніемъ церковь, и отъ нея на всѣхъ согласія діаконова принимаютъ тайны, а всеконечно надлежитъ тамо ихъ разорить и ложную ихъ церковь, не отлагая, — велія будетъ въ томъ польза, понеже *блжата* будетъ *некуда*».

Эти нѣсколько документовъ, приведенные нами, довольно краснорѣчивы; по такимъ источникамъ могла бы составиться ирраіе любопытная исторія нашего XVIII-го вѣка: она была бы не совсѣмъ пехожа на ту исторію, которую рассказывали намъ до сихъ поръ, съ громомъ трубъ и литавръ, съ походами Суворова, побѣдами Румянцева, одами Державина, — за то въ этой исторіи было бы много назидательнаго и для нашего врсеня.

Во второй книгѣ вышешняго года вышло изданіе «Пословицъ русскаго народа», г. Дала, о которыхъ уже давно говорили, какъ о самомъ богатомъ собраніи этого рода. Цѣлый сборникъ свой г. Даль считаетъ въ 30,000 пословицъ, такъ что напечатанныя 239 стр. составляютъ вѣроятно не больше третьей части всего собранія. Не останавливаясь теперь на связяхъ пословицаль, мы скажемъ нѣсколько словъ только о предисловіи, которое г. Даль предисылаетъ своему сборнику. Предисловіе вѣроятно для русской народности называется «Нанутное» (что?); мы предислажемъ вѣроятно,

что народъ въ этомъ названіи понялъ бы не больше нашего, какъ удивился бы вмѣстѣ съ нами слову «Читальникъ», изобрѣтенному для народа г. Щербиной; — впрочемъ все равно. Г. Даль разсказываетъ между прочимъ, какъ онъ собиралъ пословицы, съ какими трудностями соединяется разборъ подобнаго матеріала, чѣмъ онъ руководился при выборѣ того или другаго оборота пословицы и т. п.: во всемъ этомъ сказано много вѣрнаго, не исключая и того, что г. Даль замѣтилъ о мнѳологическихъ объясненіяхъ пословицъ, которыя иногда открывали мнѳологию тамъ, гдѣ ея вовсе не обрѣталось, что напр. пословица: «врагъ силенъ, валаетъ и въ синемъ» — относится вовсе не къ синей молвіи и Перуну, а просто къ синему кафтану. Онъ самъ приводитъ объясненія нѣсколькихъ вѣсныхъ пословицъ, извлекая ихъ прямо изъ живаго народнаго быта, и объясненія его совершенно справедливы.

Но все-таки г. Даль сильно ошибается, если думаетъ, что съ объясненіемъ пословицъ, какъ съ другимъ дѣломъ, можно обойтись, такъ себѣ, спуста рукава. Слѣдовало бы, — говорить онъ въ началѣ, — пуститься въ ученые опредѣленія и надѣлать ссылокъ, — но онъ рѣшительно не любитъ учености: по его мнѣнію, ученые опредѣленія нынѣ не въ ходу, вѣкъ школярства прошель и т. д. Школярство можетъ быть прошло, хотя далеко не въ такой степени, какъ г. Даль представляетъ; но напрасно г. Даль думаетъ, что теперь не въ ходу ученые опредѣленія, — напротивъ, они теперь только и начинаютъ, особенно въ отношенія тѣхъ предметовъ, о которыхъ онъ говорить. Если онъ предпочитаетъ неученыя опредѣленія, это его личный вкусъ, котораго мы, разумѣется, оспаривать не станемъ. Если г. Даль сумѣлъ опредѣлить нѣкоторыя пословицы современныиъ народныиъ бытомъ, — этимъ онъ обязанъ своего рода учености, нѣкоторому знанію этого быта. Но многія пословицы остались отъ древнаго быта и нынѣшнимъ не объясняются; другія имѣютъ историческое происхожденіе; третьи зашли изъ чужихъ источниковъ или по нимъ составлены, — здѣсь нужно ученое толкованіе, и самъ г. Даль признается, что «многія объясненія потребовали бы и ученыхъ справокъ, а на это нужно и знаніе, и источники, и время, — словомъ, это отдѣльный и немаловажный трудъ» (стр. VIII). Дѣло приходитъ стало быть къ тѣмъ же ученыиъ опредѣленіямъ. Жаль, если недостатокъ времени помѣшаетъ г. Далю самому этимъ заняться; замѣтимъ однако, что та ученость, которую онъ успѣлъ уже показать въ своемъ предисловіи, невода пословицы подъ разными риторическіиъ методическіиъ и синекдохъ, насъ не совсѣмъ удовлетворила; эти-то опредѣленія нынѣ и не въ ходу.

Г. Даль нѣсколько разъ въ своемъ «нанутномъ» говоритъ после-

вищей, что «дѣло право, только смотри прямо»: на этомъ-то основаніи онъ, кажется, и возсталъ противъ учености новымъ защитникомъ народнаго русскаго глагольсра. Ему очень не нравится, что нынѣшній литературный языкъ не знаетъ пословицы, что и нынѣ у насъ все импортна и что ревнители готоваго чужаго насильственно переносили къ намъ все, какъ было на чужой почвѣ; съ другой стороны, по словамъ г. Дала, «бездарность опошала то, что усердствуя старалась внести изъ роднаго быта въ *жарчаточко* (зло!) сословіе». Все это навело на г. Дала меланколію, и онъ восклицаетъ: «какъ бы то ни было, но изъ всего этого слѣдуетъ, что если не собрать и не сберечь народныхъ пословицъ вовремя, то опѣ, выгнѣсяемыя уровнемъ безличности и безцвѣтности, стрижкою подъ гребенку, т. е., *общенароднымъ просвѣщеніемъ*, иэникнутъ, какъ родники въ засуху» (стр. VI.). Мы удивлялись-было этой безцеремонной фразѣ объ общенародномъ просвѣщеніи, но вспомнили, что нынѣ дѣло съ народнымъ писателемъ, который уже успѣлъ отлѣкнуться въ спорахъ о грамотности; спорить съ г. Далемъ въ этомъ пунктѣ бесполезно: идеалъ его повидному знаменитый Санчо-Панса, — тотъ все говорилъ пословицами.

Послѣ развѣкъ древностей и матеріаловъ, мы находимъ въ 4-й книгѣ «Чтевіи» и статью г. Бодянскаго опредѣлѣ современноу. Это «Замѣчанія» его на проектъ положенія о производствѣ въ ученыхъ степеняхъ, составленный въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Университеты въ настоящее время находятся повидному въ періодѣ реформъ, измѣненій, улучшеній и т. п.; къ числу спорныхъ пунктовъ принадлежатъ и ученые степени. Этотъ предметъ занимаетъ конечно для немногихъ, и мы будемъ по возможности кратки. Г. Бодяскій въ замѣчаніяхъ своихъ оспориваетъ разныя части этого проекта, которыя справедливо кажутся ему устарѣлыми и непригодными. Провѣсть требуется, напр., до сихъ поръ экзаменовъ по древней филологіи на латинскомъ языкѣ, какъ будто латинскій языкъ способенъ теперь выражать понятія, созданныя современной наукой. Г. Бодяскій находитъ, дальше, излишнимъ двойной экзаменъ на магистра и на доктора, и считаетъ для послѣдняго достаточнымъ однимъ представленіемъ диссертациі. Онъ находитъ непрактичною казенную педагогію, и забываемыя—вробные занятія студентами съ учителями гимназій подъ руководствомъ профессора, при чемъ гимназисты, да и студенты, играютъ, конечно, нѣсколько странную роль. Г. Бодяскій находитъ даже излишнюю одну ученую степень и т. д. Въ его замѣчаніяхъ высказано вообще очень много вѣрнаго и практическаго, чѣмъ очень не мѣшало бы принять въ соображеніе при составительной редакціи этихъ правилъ. Мы съ своей стороны приба-

внѣтъ нѣсколько другихъ замѣтокъ къ тому, что сказано было г. Боданскимъ. Дѣло въ томъ, что опровергаетъ разные параграфы проекта, почтенный профессоръ самъ иногда предлагать правила, которыя могутъ быть стѣснительны безъ всякой нужды. Въ § 10 правилъ сказано, наирѣчь, что поступающіе студенты магистра допускаются къ этому испытанію *неравно*, какъ черезъ годъ послѣ кандидатскаго экзамена. Г. Боданскій находитъ, что это «чистая невозможность», что кандидату мало времени, чтобы въ такой короткій срокъ приготовиться къ магистерскому экзамену. Дѣйствительно, такъ обыкновенно и бываетъ, но вѣдь правила вовсе не требуютъ *аллико* этого срока; они назначаютъ только срокъ, *ранѣе* котораго не допускается магистерскій экзаменъ, — и неужели г. Боданскій будетъ итѣвать экзаменоваться черезъ годъ послѣ кандидатства человѣку, который въ самомъ дѣлѣ удовлетворительно знаетъ свое дѣло и надѣется на свои силы. Дальше, вы не хотите допускать къ кандидатскому экзамену лицъ иностранцевъ, на томъ основаніи, что въ *описанн* университетѣ они оказываются способны къ этому экзамену только послѣ двухлѣтняго слушанія профессорскихъ лекцій, — и вы желаете, чтобы правила были измѣнены согласно самому опыту, т. е. чтобы ихъ допускали только черезъ два года. Прекрасно; но развѣ вы знаете степень *свѣдѣній* каждого? Предполагаемъ даровитаго молодого человѣка, который и окончивши курсъ въ лицейѣ будетъ въ состояніи выдержать экзаменъ даже въ *вѣнск* университетѣ; — при упомянутой даровитости молодого человѣка — въ этомъ нѣтъ невозможнаго. За что вы будете отнимать у него два года, или даже одинъ? Нужно, стало быть, запретить и вольнымъ слушателямъ держать кандидатскій экзаменъ когда имъ угодно; нужно требовать, чтобы и они непременно пробыли въ университетѣ четыре года? — Еще одно замѣчаніе. Для магистра славянской словесности, всеобщей и русской исторіи г. Боданскій находитъ необходимыми предметомъ исторію славянскихъ народовъ, въ доказательство чего съ нѣкоторымъ искусствомъ ссылается на программу новаго энциклопедическаго словаря, изданную въ первыхъ числахъ апрѣля. Подобное требованіе очень справедливо, и мы соглашаемся съ г. Боданскимъ, что въ университетахъ могла бы даже быть открыта особая кафедра для этого предмета; думать только, что экзамена по исторіи славянскихъ народовъ едва ли благоразумно требовать раньше утребленія такой кафедры. Г. Боданскій призываетъ повиданному связь экзаменовъ на ученыхъ степеняхъ съ самымъ кругомъ университетскаго преподаванія, и въ исполненіе этого принципа онъ долженъ согласиться, что на *экзаменѣ* не долженъ требоваться предметъ, котораго не существовало въ *тепелѣхъ* профессора, и котораго объему и предѣлы ничѣмъ не

обозначены; иначе уничтожается всякая возможность удовлетворить требованію, если профессор способен къ произволу или капризу. А это послѣднее, къ сожалѣнію, существуетъ еще въ университетскихъ нравахъ; случалось даже и на индѣантскихъ экзаменахъ, чему доказательствомъ могутъ служить примѣры, что *дѣйствительные* студенты какого нибудь почтеннаго университета, люди съ несомнѣнными знаньями и талантомъ, принуждены были иногда ѣхать въ другой университетъ, чтобъ получить по праву имъ слѣдующую степень кандидата. Такъ бывало при точныхъ программахъ и при извѣстномъ чтеніи предмета; если же вы допустите, какъ принципъ, требованіе вещей, не входящихъ въ предметъ университетскаго курса, то промѣ правилъ о познаніяхъ кандидатовъ или магистровъ, надобно будетъ писать правила объ укрощеніи профессоровъ.

Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Изданы Обществомъ Любителей Россійской Словесности. М. 1860 — 1861. 3 выпуска.

Калѣнки перохожіе. Сборникъ стиховъ и изслѣдованіе П. Везоннова. Часть I, выпускъ 1. М. 1861.

Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Часть I. Народныя быльи, старины и побывальщины. М. 1861.

Съ самаго возобновленія древняго Общества любителей *россійской* словесности, наши «*современныя*» изданія часто отзывались о немъ весьма легкомысленно, поднимали на сѣбѣ его протоколы, въ которыхъ опредѣлялось такое-то стипендіе полтонаго вечера прочесть въ будущемъ публичномъ собраніи, опредѣлялось выдать дипломъ на званіе Д. Ч. такому-то ветерану *россійской* словесности и т. п. Отзывы были легкомысленны, говоримъ мы, — потому что въ числѣ протоколовъ не замѣтили одного, исполненіе котораго видѣть мы въ изданіи первой изъ названныхъ выше книгъ.

Въ самомъ дѣлѣ, изданіе пѣсенъ Кирѣевского, о которыхъ, давно-давно говорилось въ кружкѣ людей, интересующихся народной словесностью, составило очень важное приобретение для литературы. Ибо въ давнишнемъ сборникѣ Кирѣева Давидова, издавшемъ пѣсни до сихъ поръ издававшихся какими-то клочками, разбрасываемыхъ по множеству изданій; одинъ трудъ собрать ихъ былъ бы очень дѣловитъ и очень смелъ. Въ «*Пѣсняхъ*» Кирѣевскаго выносятся самыя обширныя собранія быльи, старины, какіе только выйдутъ у насъ;

въ немъ въ первый разъ подвиги героевъ нашей древности собираются въ болѣе или менѣе полныя поэтическія циклы. Кирѣевскій всю жизнь приготовлялъ изданіе, но не сдѣлалъ его; по смерти его собраніе перешло въ руки Н. А. Елагина, который и представилъ изданіе Обществу любителей словесности. Отъ имени послѣдняго планъ изданія исполненъ былъ комиссіей изъ покойнаго К. Ансакова, г. Безсонова, Дала, съ участіемъ В. Елагина. Съ прошлаго года они издали три выпуска пѣсень.

Первый выпускъ представлялъ болѣе ста страницъ былины и преданій объ Ильѣ Муромцѣ; во второмъ выпускѣ—такого же объема—помѣщены пѣсни о Добрынь, Алешѣ Поповичѣ и Васильѣ Казимировичѣ; въ третьемъ—о другихъ герояхъ того же древняго періода. Чтобы дать сколько возможно полный составъ богатырской былины, издатели дополнили сборникъ Кирѣевскаго другими, прежде напечатанными пѣснями, и сдѣлали прекрасно, — хоть имъ и не хотѣлось засловить ими собраніе Кирѣевскаго: они сберегли этимъ читателямъ много времени, которое бы ушло на повѣрки и справки. Такимъ образомъ собралось множество пѣсень, собранныхъ изъ разныхъ концовъ Россіи; пѣсни взаимно дополняли другъ-друга, то, что было пропущено въ одной, разъяснялось другими, но дѣлалось съ тѣмъ, передавая коренное значеніе старины, пѣсни вносили въ него кажда свои варианты, перемѣшивали подробности и повторяли много сходнаго, — такъ что въ нихъ наконецъ труднѣе было бы ориентироваться. Г. Безсоновъ принималъ слѣдующій планъ, чтобы вывести пѣсни изъ этой путаницы и дать послѣдовательность развитію сюжета, располагая на отдѣльныя, иногда почти анекдотическія пѣсни. Онъ беретъ главныя дѣянія героя, приводитъ ихъ въ известномъ порядкѣ и по нимъ располагаетъ пѣсни, которыя составляютъ такимъ образомъ нѣсколько разрядовъ: каждый изъ нихъ имѣетъ главнымъ сюжетомъ какой нибудь одинъ подвигъ, напр. у Ильи Муромца встрѣчу съ разбойниками и спасеніе Чернигова, потомъ борьбу съ Соловьемъ-разбойникомъ и т. п. Пѣсня можетъ начинаться и прежде этого подвига, но причисляется къ тому разряду, сюжетъ котораго составляетъ въ ней главную черту содержанія. Затѣмъ самыя разряды размѣщаются своеобразно предполагаемой хронологіей походою богатыря: сначала идутъ пѣсни, начинающія съ самыхъ раннихъ подвиговъ героя; за ними тѣ, которыя болѣе останавливаются на послѣдующихъ его дѣяніяхъ, въ концѣ помѣщаются пѣсни, гдѣ всегъ болѣе разсказывается жизнь героя и гдѣ отдѣльныя расцѣпки сводятся въ общее цѣлое. Мы согласны съ г. Безсоновымъ, что это размѣщеніе — чисто казенно-классическое—имѣетъ ту выгоду, что въ немъ не вѣдается никакой лог-

ный вкус и теорія; но тѣмъ не менѣе запутанность остается, и неопытнаго читателя постоянно будетъ останавливать это безпрестанное возвращеніе пѣсни къ старому.

Это изданіе, — какъ и другія, о которыхъ мы будемъ сейчасъ говорить, — выполнено очень добросовѣстно. Г. Безсоновъ, которому принадлежитъ, кажется, большая часть труда, самымъ старательнымъ образомъ распредѣлялъ пѣсни, подводилъ къ нимъ варианты и проч. Въ приложеніяхъ, для сравненія съ былинными, приводятся сказки, относящіяся къ тѣмъ же героямъ, какихъ выводитъ былина. Мы пожалѣли только труда, который употребилъ г. Безсоновъ, отиѣчая варианты лубочныхъ сказокъ, большею частью не имѣющіе никакого интереса; что за важность, что въ одной написано: стали между *себя* разговаривать, а въ другой: между *собою* разговаривать. Довольно было въ двухъ словахъ сказать, какую разницу по языку представляютъ одни лубочныя изданія и другія. Въ приложеніяхъ помѣщаются наконецъ и *замѣтки* самого г. Безсонова, въ которыхъ онъ старается характеризовать по былинамъ древнюю эпоху народной жизни и народного творчества. Мы дальше скажемъ о нихъ нѣсколько словъ.

По той же системѣ дѣлаетъ г. Безсоновъ другое изданіе: «Калѣки Перехожіе», въ которомъ намѣревается собрать все до сихъ поръ извѣстныя *стихи*. Этотъ сборникъ принадлежитъ собственно ему, и когда будетъ конченъ, то далеко превзойдетъ количествомъ пѣсенъ сборники Кирѣвскаго, Якушкина и Варенцова; г. Безсоновъ общаетъ до пяти сотъ духовныхъ стиховъ, которые записаны имъ самимъ, приобрѣтены отъ другихъ собирателей, извлечены изъ рукописей Румянц. Музея, Публ. Библиотеки, Географическаго Общества, собранія Ундольскаго и пр. и старопечатныхъ книгъ; за ними будетъ идти изслѣдованіе о значеніи калѣкъ переходныхъ и о связанной съ ними отрасли народной словесности. Пріемы изданія, какъ мы замѣтили, тѣ же, что въ пѣсняхъ Кирѣвскаго, и тоже изобиліе повтореній, иногда безъ нужды увеличивающихъ размѣръ книги. Вотъ для примѣра два варианта стиха о калѣкахъ — «какъ они просятъ милостыню»:

Осого ради нищѣ есмь:

Села не нѣтъ;

Винограда не копаю;

По морю плаванія не сотворюю;

Съ гостями купли не дѣю;

Князю не служу, боярамъ не точаю;

Въ слугахъ не потребенъ;

Книжному поученію забытъ;

Церкви Божіей не держуся;
 Отца своего духовнаго
 Заповѣдъ престапаю;
 Тѣмъ Бога прогнѣваю;
 На всякое дѣло благо непамятливъ.

Но дай же ми, Боже,
 Прежде конца покаянiе!
 (Изъ рукописа Т. А. Сидорова).

Вотъ другой стихъ, о томъ же:

Сего ради нищъ есмь:
 Села не имѣю;
 Двора своего не стяжаю;
 Винограда не копаю;
 Плаванья по морю не отвораю (*);
 Съ гостями купли не дѣю;
 Князю не служу, боярамъ не точечъ;
 Въ слугахъ не потребенъ;
 Книжному ученію забытливъ;
 Церкви Божіей не держуся;
 Отца своего духовнаго.
 Заповѣди престапаю;
 Тѣмъ Бога прогнѣваю;
 На всякая дѣла благая непамятливъ;
 Беззаконiя исполненъ;
 Грѣхъ сверши (**).

Дай же ми, Господи,
 Прежде конца покаянiе! (стр. 25—26).

У г. Безсонова эти варианты помѣщены отдѣльными пѣснями; читатель видитъ, что это одно и то же. Конечно, другіе варианты не такъ близки, но во всякомъ случаѣ цифра пяти-сотъ будетъ конечно обманчива. Сколько, напримѣръ, въ 1-мъ выпускѣ разныхъ повтореній стиха о царевичѣ Асафѣ и о пустынь — всѣ они крайне похожи одинъ на другой (**).

Въ первыхъ выпускахъ «Пѣсень» Кирѣевскаго издатели должны были многимъ позаимствоваться изъ прежнихъ изданій; чтобы до-

(*) Не сотворяю.

(**) Сверху, свершию.

(***) Теперь вышелъ и второй выпускъ этого издаiя, но мы еще не имѣли его въ рукахъ.

поднять недостававшие у него эпизоды древней былинны, они собрали все существенное изъ того, что уже было известно о первых богатыряхъ нашего эпоса. Такимъ образомъ, казалось, эта эпоха русской былинны была уже исчерпана, — тѣмъ поразительнѣе было явление новаго собранія пѣсенъ, которыя вышли навстрѣчу съ именемъ г. Рыбникова. Въ этомъ сборникѣ неожиданно появилось множество свѣжихъ пѣсенъ, только-что записанныхъ изъ устъ народа и открывающихъ новую область народной эпопеи, которой до сихъ поръ не подозрѣвали. Вотъ что говорятъ издатели (г. Безсоновъ и Д. Хомяковъ) объ этой книгѣ:

«П. Н. Рыбниковъ пользовался особенною пріязнью и справедливымъ уваженіемъ со стороны Алексѣя Степановича Хомякова: въ своихъ переходахъ изъ Москвы въ губернію Черниговскую, изъ Черниговской въ Пермскую и оттуда въ Олонецкую, обратившись къ изученію простаго русскаго народа въ его неподдѣльномъ творчествѣ, собиратель предлагаемыхъ пѣсенъ, движимый естественнымъ чувствомъ, прислалъ первые плоды трудовъ своихъ, первому тому, кто умѣлъ цѣнить всякое живое направленіе молодости, и, согрѣвая ее сочувствіемъ, успѣвалъ превращать всякую истинную жизнь молодого развитія въ жизнь направленія русскаго.

Получивши первыя тетради собранныхъ пѣсенъ, А. Ст. Хомяковъ выразилъ непремѣнное намѣреніе: издать ихъ отъ себя и посвятить московскому обществу любителей россійской словесности, которому онъ, какъ предсѣдатель, подарилъ послѣднее время своей сочувственной дѣятельности.

Свидѣтели такой мысли исполняютъ ее нынѣ съ согласіемъ общества и собирателя.

Собраніе, обогащенное изученіемъ трехъ отдаленныхъ русскихъ областей, мало по малу возросло до значительныхъ размѣровъ и полнѣетъ съ каждымъ, можно сказать, днемъ и часомъ. На первый разъ и для первой части пришлось ограничиться выборомъ пѣсенъ былевыхъ, вынесенныхъ народнымъ творчествомъ слова изъ были, прожитой долгою и своеобразною жизнію Руси. Отдѣлъ этотъ записанъ исключительно въ губерніи Олонецкой.

Сборникъ г. Рыбникова и независимо отъ имени Хомякова имѣетъ высокую цѣну. Онъ значительно расширяетъ для насъ предѣлы русскаго народнаго эпоса, изъ котораго намъ до сихъ поръ оставались неизвѣстны цѣлыя былинны о герояхъ до-владимировскихъ. Имена этихъ «старшихъ богатырей», какъ называлъ ихъ К. Аксаковъ, встрѣчались изрѣдка въ прежнихъ пѣсняхъ, какъ голое воспоминаніе, къ которому трудно было привязать какой нибудь положительный смыслъ: теперь они являются представителями цѣлаго міра, принадлежащаго глубокой древности. Таковы пѣсни о бога-

тьяръ Святоторъ, Суханъ или Сухманъ, Никулъ Соловьевичъ. котораго г. Безсоновъ считаетъ повѣстическимъ олицетвореніемъ древней русской земли; таковы былины о двухъ братьяхъ Давыдахъ, подвиги которыхъ отнесены ко временамъ князя Романа, — безъ сомнѣнія, Вольвского, какъ думаетъ г. Безсоновъ. Выбѣтъ съ тѣмъ извѣстныя и прежде богатыри получаютъ въ пѣсняхъ г. Рыбникова болѣе законченную и ясную филономію, какъ, напримеръ, Добрыня, бояринъ Старъ, гость Садко, Василій Буславичъ; полныя выдуются и другіе герои, какъ Дюкъ Степановичъ, Соловей Будимировичъ, которыхъ чужія черты приобрятають теоры болѣе положительнаго историческаго значенія. Особенную пріятельность даетъ сборнику Рыбникова то впечатлѣніе свѣжести, которое производятъ пѣсни, имъ записанныя; всѣ онѣ, за немногими исключеніями, записаны самимъ г. Рыбниковымъ въ Олонецкой губерніи, въ томъ краѣ, гдѣ жизнь народа, удаленная отъ большихъ центровъ населенія и властей, свободно сберегла старыя преданія и не забыла старинной поэзіи.

Для образца приводимъ двѣ-три пѣсни изъ книги г. Рыбникова, чтобы читатель имѣлъ возможность судить о колоритѣ цѣлаго сборника. Вотъ одна изъ наиболѣе любопытныхъ пѣсней стариннаго цикла, открытаго г. Рыбниковымъ, пѣсня о Вольгѣ Святославичѣ, въ которой издатель видитъ самого Олега, уже въ глѣтѣнскіи получившаго эпитетъ *въщаго* и въ пѣснѣ сохраняющаго это коренное качество своего характера. Пѣсня описываетъ встрѣчу Вольги съ богатыремъ—*крестьянникомъ* Микулой, отцомъ знаменитой въ былинахъ Василисы, которая наслѣдовала его богатырскую силу и совершала потомъ славные подвиги:

О ВОЛЬГѢ СВЯТОСЛАВИЧѢ.

(Петрозаводскаго ѹльда, Дижской волости).

Когда возсіало солнце красное
 На это на небушко на ясное,
 Тогда зарождался молодой Вольга,
 Молодой Вольга Святославговичъ.
 Сталъ Вольга растѣть-матерѣть;
 Похотѣлося Вольгѣ много мудрости:
 Щукой—рыбою ходить ему въ глубокіихъ моряхъ,
 Птицей—соколомъ летать подъ оболока,
 Сѣрымъ волкомъ рыскать въ чистыхъ поляхъ;
 Уходилъ всѣ рыбы во синія моря,

Улетали всё птички за обозом ,
 Убѣгали всё звѣрца во темные гѣса.
 Стала Вольга растѣть-матерѣть,
 Избирать собѣ дружиниушку хоробрую,
 Тринадцать молодцовъ безъ единого,
 Самъ ошѣ Вольга во тридцатыннѣ.

Жаловалъ его родной лядюшка,
 Ласковый Владиміръ стольно-кіевскій
 Тремя городами со крестьянами:
 Первымъ городомъ — Гурчевцемъ,
 Другимъ городомъ — Орѣховцемъ,
 Третьимъ городомъ — Крестьяновцемъ.
 Молодой Вольга Святославговичъ
 Со своею дружиниушкой хороброю
 Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою.
 Выѣхалъ въ раздольице чисто поле,
 Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ ратая:
 Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
 Сошка у ратая поскрипываетъ.
 Омѣшники по камешкамъ почеркиваютъ (*).
 Ъхалъ Вольга до ратая
 День съ утра онъ до вечера,
 Со своею дружиниушкой хороброю,
 А не могъ онъ до ратая доѣхати.
 Ъхалъ Вольга ошѣ другой день,
 Другой день съ утра до вечера,
 А не могъ онъ до ратая доѣхати.
 Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
 Сошка у ратая поскрипываетъ,
 Омѣшники по камешкамъ почеркиваютъ.
 Ъхалъ Вольга ошѣ третій день
 Третій день съ утра до побѣды,
 Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
 Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ;
 Съ края въ край боровади пометываетъ;
 Въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать;
 Коренья, каменя вывертываетъ,
 А великія-то всё каменя въ борозду валить;
 Кобыла у ратая соловая,
 Сошка у ратая кленовая,
 Гужики у ратая шелковыя.

(*) Совершенно мѣстный образъ: въ Запонецъ и Подожскомъ уѣздѣ почва чрезвычайно каменистая и нивы буквально усыяны камнями.

Говорить Вольга таковы слова:

«Божья ти помочь, оратаюшко!
Орать, да пахать, да крестьянствовать,
Съ края въ край бородаки пометывать,
Коренья, камешья вывертывать!»

Говорилъ оратай таковы слова:

— Подитко, Вольга Святославговичъ
— Со своею со дружинишкой хороброю,
— Миѣ-ко надобна Божья помочь крестьянствовать!
— Далеко-ль, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь
— Со своею со дружинишкой хороброю? —
«Ай же ты, ратаю, ратаюшко!
Ѣду къ городамъ за получкою:
Къ первому городу ко Гурчевцу,
Ко другому ко городу къ Орѣховцу,
Ко третьему городу ко Крестьяновцу.»

Говорилъ оратай таковы слова:

— Ай же Вольга Святославговичъ!
— А недавно я былъ въ городни, третьево дни,
— На своей кобылкѣ соловойей,
— Увезъ я оттоль соли столько два мѣха,
— Два мѣха соли по сороку пудъ.
— И живутъ-то мужики все разбойники,
— Оны просятъ грошевъ подорожныхъ;
— А былъ я съ шальгой (*) подорожную,
— Платилъ имъ гроши подорожные:
— Который стоя стоитъ, тотъ и сидя сидеть,
— А который сидя сидеть, тотъ и лежа лежить. —

Говорилъ Вольга таковы слова:

«Ай же, оратай, оратаюшко,
Поѣдемъ со мною въ товарищахъ!»
Этотъ оратай оратаюшко.
Гужики шелковеньки повыстегнулъ,
Кобылку изъ сошки повывернулъ,
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.

Говорить оратай таковы слова:

— Ай же, Вольга Святославговичъ!
— Оставилъ я сошку въ бородачкѣ,
— И не гля ради прохожаго, проѣжажаго,
— А гля ради мужика деревенщины.
— Какъ бы сошка съ земельки повыдернута,
— Изъ омѣшиковъ земелька повытряхнута

(*) Тоже, что шелепуга: плеть, съ обвязанной нудей, кистомъ.

— И бросить бы сошка за ракитовъ кустъ? —
 Молодой Вольга Святославовичъ
 Посылаетъ онъ съ дружинишки хоробрую
 Пять молодцевъ могучихъ,
 Чтобы сошку съ земельки повидернули,
 Изъ омѣшниковъ земельку повитрякнули,
 Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
 Эта дружинишка хоробрая,
 Пять молодцевъ могучихъ,
 Приѣхали къ сошкѣ кленовыя:
 Оны сошку за обжи вокругъ вертять,
 А не могутъ сошки съ земельки повидернуть,
 Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
 Молодой Вольга Святославовичъ
 Посылаетъ онъ идальники десяточкомъ,
 Чтобы сошку съ земельки повидернули,
 Изъ омѣшниковъ земельку повитрекнули,
 Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
 Оны сошку за обжи вокругъ вертять:
 Сошки отъ земли подвять неazza,
 Не могутъ изъ омѣшниковъ земельки повитряхнуть,
 Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
 Посылаетъ онъ всю дружинишку хоробрую:
 Оны сошку за обжи вокругъ вертять,
 А не могутъ сошки съ земельки повидернуть,
 Изъ омѣшки земельки повитряхнути,
 Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
 Подѣлкалъ оратай оратаюшко
 На своей кобылкѣ соловетькой
 Ко этой ко сошкѣ кленовой:
 Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
 Сошку съ земельки повидернулъ,
 Изъ омѣшниковъ земельку повитрякнулъ,
 Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
 Сѣли на добрыкъ коней, поѣхали,
 Оратай кобылка-то рысью идетъ,
 А Вольгинъ-отъ конь и поскакиваетъ;
 У оратай кобылка-то грудью пошла,
 А Вольгинъ-отъ конь остается.
 Сталъ Вольга тутъ покрикивати,
 Колмакомъ Вольга сталъ помахивати:
 «Постойко ты, ратай ратаюшко!
 Эта кобылка конякомъ бы была; —
 За эту кобылку нятьсотъ бы дали».
 Говорилъ оратай таковы слова:

— Глухой Вольга Святослаговичъ!
 — Взялъ я кобылку жеребчикомъ снѣдь матушкинъ
 — И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей:
 — Эта кобылка конькомъ бы была, —
 — За эту кобылку сѣбѣ бы шѣтъ. —
 Говорилъ Вольга Святослаговичъ:
 «Ай же ты, ратаю ратаюшко!
 Какъ-то тебя именемъ зовутъ,
 Какъ звеличаютъ по отечеству?»
 Говорилъ оратай таковы слова:
 — Ай же, Вольга Святослаговичъ!
 — А я ржи шапану, да во скирды слѣжу;
 — Во скирды слада, дошой выволожу,
 — Драни надеру, да и пива наварю,
 — Пива наварю, да и мужичкомъ напою.
 — Станутъ мужички меня поклонивати:
 — «Молодой Микулушка Селаниновичъ!»

Вотъ еще отрывокъ былины о богатырѣ Святогорѣ, имя котораго извѣстно было по другимъ повѣстямъ:

Снарядился Святогоръ вовъ чисто поле гулати,
 Засѣдлаетъ своего добра коня
 И ѣдетъ по чисту полю.
 Не съ кѣмъ Святогору силой помѣряться,
 А сила-то по жидочкамъ
 Такъ живчикомъ и передвигается.
 Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго беременя.
 Вотъ и говоритъ Святогоръ:
 «Какъ бы я тяги нашелъ,
 «Такъ я бы всю землю поднялъ!»
 Называетъ Святогоръ въ степи
 На маленькую сумочку переметную;
 Беретъ погонялку, пощупываетъ сумочку, — она не скрывается,
 Двинетъ перстомъ ее, — не сворохнется,
 Хватитъ съ коня рукою, — не подымется:
 «Много годовъ я по свѣту ѣздивалъ,
 «А злагова чуда не наѣздивалъ,
 «Такова дива не видывалъ:
 «Маленькая сумочка переметная
 «Не скрывается, не сворохнется, не подымется!»
 Схватываетъ Святогоръ съ добра коня,
 Ухватилъ онъ сумочку обѣма руками,
 Поднял сумочку повыше колѣнъ:
 И по колѣна Святогоръ въ землю угравъ,

А по блгу лицу не слезы, а кровь течеть.
Гдѣ Свитогоръ угрызъ, тутъ и встатъ не могъ,
Тутъ ему было и конченіе.

Въ этой былинѣ вѣроятно уже забылась первоначальная основа преданья; по другому разсказу, сумна, которую Свитогоръ не могъ поднять, была сумка того же Микулы: въ ней была тяга земная, и она далась только крестьянину Микулѣ. Преданье разсказываетъ объ Ильѣ Муромцѣ, что онъ получилъ свою богатырскую силу по наслѣдью отъ богатыря Свитогора, который такимъ образомъ является предшественникомъ владиміровскаго цикла.

Въ пѣсняхъ Рыбникова найденъ народный первообразъ повѣсти «о Горѣ-Злочастіи», отысканной нѣсколько лѣтъ назадъ въ старинной рукописи. Это цѣлое сказанье разбилось здѣсь на нѣсколько пѣсенъ о Горѣ, которыя почти буквально повторяютъ старую рукописную повѣсть или развиваютъ ея мотивы въ цѣлую картину. Вотъ, напримѣръ, описаніе преслѣдованій Горя, составившее отдѣльную пѣсню:

... Приставало Горе къ добру молодцу.

Видитъ молодецъ: отъ Горя дѣться некуда,—
Молодецъ вѣдь отъ Горя во чисто поле,
Во чисто поле сѣрымъ заюшкомъ.
А за нимъ Горе въ слѣдъ идетъ,
Въ слѣдъ идетъ, тенѣта несетъ,
Тенѣта несетъ все шелковыя:
«Ужь ты стой, не ушелъ добрый молодецъ!»
Видитъ молодецъ: отъ Горя дѣться некуда,—
Молодецъ вѣдь отъ Горя во быстру рѣку,
Во быстру рѣку рыбой-щукою.
А за нимъ Горе въ слѣдъ идетъ,
Въ слѣдъ идетъ, невода несетъ,
Невода несетъ все шелковыя:
«Ужь ты стой, не ушелъ добрый молодецъ!»
Видитъ молодецъ: отъ Горя дѣться некуда,—
Молодецъ вѣдь отъ Горя во огнѣвушку (*),
Во огнѣвушку, да во постелюшку.
А за нимъ Горе въ слѣдъ идетъ,
Въ слѣдъ идетъ, во вогахъ сидитъ:
«Ужь ты стой, не ушелъ добрый молодецъ!»

(*) Горячку.

Видитъ молодецъ: отъ Горы дѣться неуди, —
 Молодецъ вѣдь отъ Горы въ гробовы доски,
 Въ гробовы доски, во могилушку,
 Во могилушку, во сыру землю.
 А за жила Горы въ слѣдъ идетъ,
 Въ слѣдъ идетъ со лопаткою,
 Со лопаткою, да со телѣжкою:
 «Ужъ ты стой, не ушелъ добрый молодецъ!»
 Только добрый молодецъ и живъ бывалъ:
 Загребло Горы во могилушку,
 Во могилушку, во матушку сыру землю.

Другая пѣсня «о сѣромъ Горѣ и Упавѣ молодцѣ» вѣрно повторяетъ цѣлый сюжетъ старинной повѣсти, которая впрочемъ, по нашему мнѣнiю, стоитъ выше своимъ исполненiемъ. Пѣсня объ Упавѣ не имѣетъ того предисловія, которое начинается съ адамова грѣха въ повѣсти о Горѣ-Злочастіи, и открывается прямо тѣмъ, что

Жилъ былъ у батюшки у матушки единый сынъ,
 Захотѣлося на чужую на дальнюю сторонушку погуляти.

Новыя пѣсни гораздо подробнѣе рассказываютъ происхожденiя молодца во царевомъ кабацѣ и даже возвращаются къ нимъ нѣсколько разъ; въ поученiи отца-матери также особенно надегается на этотъ предметъ, чего нѣтъ въ старинной редакціи, — и новая пѣсня отъ того вовсе не выигрываетъ. Черты старинныхъ нравовъ, породившихъ эту пѣсню, замѣтны и въ новыхъ ея редакціяхъ, но опять не въ той полнотѣ и непосредственности, съ какими старая жизнь выступаетъ въ рукописной «повѣсти». Многое изъ нея уже изгладилось и забылось въ новыхъ пѣсняхъ, или приняло оборотъ менѣе свободный и можетъ быть менѣе изящный.

И здѣсь являюся перевозчики, которые не хотѣли перевезти добраго молодца на другую сторону рѣки, потому что у молодца не было «первознага», вѣчѣмъ было завладѣть; но здѣсь нѣтъ прекраснаго эпизода о томъ, какъ молодецъ покорилъ каменецъ Горю, «утѣшилъ» его, и весело поскачилъ по круту берегу, во желтому песочку и запѣлъ молодецкую папѣвочку, заслышавши которую перевозчики перевезли его безденежно. Въ новой пѣснѣ они сдѣлали это только тогда, когда молодецъ хотѣлъ «посигнуться» во рѣку Смородну.

Въ заключеніе, опять тоже новое преслѣдованіе Горы, и монастырь, какъ послѣднее убѣжище:

Перевезали его как на туе на сторону,
 Перевернул он добрый молодецъ яснымъ соколомъ,
 Подкладывалъ крыльица бумажныя,
 Поднимался выше лѣса, подъ самую подъ облаку.
 Ионъ летить яснымъ соколомъ,
 А Горюшко въ слѣдъ чернымъ ворономъ,
 И кричить громнымъ голосомъ:
 «Ай же ты, Упитъ, дородній добрый молодецъ!
 «Хочешь улѣтъъ, да не улѣтъъ:
 «Не на часъ я къ тебѣ Горе привязался!»
 Надеть добрый молодецъ на сыру землю,
 Повернулся добрый молодецъ сѣрымъ волкомъ,
 Сталъ добрый молодецъ сѣрымъ волкомъ поскакивать;
 Горюшко въ слѣдъ собакою,
 Само бѣжить, кричить громнымъ голосомъ:
 «Ай же ты, Упавъ, дородній добрый молодецъ!
 «Хочешь ускочить, да не ускочить:
 «Не на часъ я къ тебѣ Горе привязался!»
 Хочеть, хочеть добрый молодецъ,
 Завернуться на боярскій дворъ,
 Задаться ко боярину на двѣнадцать лѣтъ;
 И проговорить Горюшко сѣрое:
 «Ай же ты, Упавъ, дородній добрый молодецъ!
 «Не слушай ты чужихъ умовъ разумовъ,
 «Не ходи ты на боярскій дворъ,
 «Не корми чужаго отца-матери!»

Велитъ Горюшко идти во честныя во монастыри,
 Велитъ Горюшко постричься и посхимиться.
 И шелъ добрый молодецъ во честныя во монастыри,
 Постригся добрый молодецъ и посхимился,
 И прошло тому времячко ровно три года,
 И тутъ ему добру молодцу и смерть пришла.

По замѣчанію собирателя, стихъ о Горѣ, описывающій его неотвѣтное гоненіе, пользуется большою извѣстностью въ народѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ могъ быть вызванъ только тяжелымъ опытомъ и тѣснотомъ жизни; изъ нихъ только народъ могъ взять мрачный характеръ этой повѣи.

На этомъ мы окончимъ свои выписки изъ сборника Рыбникова, въ которомъ можно было бы указать еще много пѣсенъ съ новыми любопытными чертами народной повѣи. Таковы, напр., пѣсня объ Иванѣ, Вдовкинѣ сынѣ и о Волжанской книгѣ (Волшебной книгѣ, Волховникѣ), новыя пѣсни о Садкѣ, о царѣ Иванѣ Грозномъ и т. д.

и т. д. Мы не сомнѣваемся впрочемъ, что и безъ нашихъ указаній книга г. Рыбникова будетъ жить уопѣхъ, вполнѣ ею заслуженный.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о примѣчаніяхъ, которыми г. Безсоновъ снабдилъ оба изданія — Кирѣевского и Рыбникова; онъ развиваетъ въ нихъ свой взглядъ на русскую поэзію и русскую жизнь того отдаленнаго времени, къ которому принадлежатъ описываемые въ быльвахъ богатыри. Этотъ взглядъ болѣе или менѣе извѣстенъ, первыя мысли его высказаны были и прежде Хомяковымъ, К. Аксаковымъ и Кирѣевскимъ; но г. Безсоновъ далъ имъ идею полное развитіе и самостоятельно распространилъ этотъ взглядъ на самыя подробности содержанія быльвы.

Прежде всего онъ не вѣрится въ мифологическія объясненія древняго эпоса и находитъ, что теперь странно возвращаться къ Макробію и Сервію, «безспорно ученымъ, но нѣсколько тронутымъ истолкователями народныхъ преданій». Мы недоумѣваемъ, кого именно изъ нашихъ мифологовъ относить г. Безсоновъ въ эту лестную категорию, — только не г. Шеншига конечно, толкованьями котораго онъ вообще остается доволенъ. Единственнымъ вѣрнымъ путемъ изслѣдованія внутреннихъ силъ народа онъ считаетъ языкоизслѣдованіе, «въ его современныхъ требованіяхъ» и, вѣроятно для образца, приводитъ самъ нѣкоторыя объясненія: такъ, отчество Сухана—Одихмантьевичъ, онъ толкуетъ посредствомъ греческаго *Αρης*, и лат. *agresco* (Арихмантъ...) (*); *Волшана* и *Волоса* объясняетъ какъ существа, означающія «стихійность, расплывчивость, отсутствіе всякой опредѣленности вѣросознанія» (Кир. 3, стр. XVII) и др., — чего мы никакъ не могли понять.

Другая, высшая сторона народной жизни требуетъ, по мнѣнію г. Безсонова, объясненій, которыя бы стояли ближе къ положительной исторіи, и имъ-то онъ преимущественно посвящаетъ свои изслѣдованія. Богатыри, по дѣленію его и К. Аксакова, были старшіе—какъ Святогоръ, Полканъ (?), Суханъ и проч., или младшіе, какъ Илья, Добрыня и другіе герои Владимірова цикла. Въ ихъ дѣяніяхъ открываетъ г. Безсоновъ всю дѣйствительную исторію образованія и утвержденія русскаго народа, или міра — народа. Старшіе богатыри, по собственному признанію толкователей, относятся къ эпохѣ космогонической (слѣд. къ мифологич.); сюда ихъ относятъ въ ихъ личностяхъ человѣческой образъ, но еще остается силой отвлеченной, міровой; этихъ богатырей г. Безсоновъ называетъ

(*) Рыбник., стр. IX.

стижійными. То было время неустановившагося иаѣресознанія», которому во видѣннѣмъ быту соотвѣтствовала форма кочевья. Когда кончился періодъ броженія (въ переносномъ и буквальномъ смыслѣ), народное сознаніе обратилось отъ космогоніи къ человѣку; вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ устанавливается русская земля и народъ, является *былевая*, историческая поэзія; являются и историческіе герои, какъ Илья и его сподвижники, заключающіе въ себѣ дѣйствительныхъ представителей старой русской земли. Старшіе богатыри по этому самому забываются и отходятъ на второй планъ.

Какъ лица исторической эпохи, богатыри, по мнѣнію г. Безобразова, не поддаются мнѣологическому объясненію, а особенно такому, которое старается отыскать въ нихъ слѣды язычества. Онъ самъ сопоставляетъ характеръ ихъ съ дѣйствительными событіями и отношеніями исторической жизни. Илья у него—представитель Земли и новаго порядка вещей, который на ней водворился; это глава первой Земской Дружины. Онъ еще стоитъ въ связи съ прежней *стижійной* эпохой, — мы упоминали, что ему передаетъ свою силу старшій богатырь Святогоръ,— но характеръ силы измѣнился. Это измѣненіе произвели въ Ильѣ калѣки переходіе; калѣки съ переметной сумой, подбитой бархатомъ, были также явленіемъ предъидущаго періода, это также была сила кочевая и бродячая; но это *стижійное* явленіе нашло себѣ мѣсто и въ новой жизни народа, потому что калѣки приняли въ ней новое начало и стали странствователями по святымъ мѣстамъ и носителями духовной христіанской поэзіи. Они пришли къ Ильѣ и дали ему силу и потомъ умѣрили ее, увидѣвъ, что ее не снесетъ Земля.

Около Илья Муромца — крестьянина собралось много другихъ богатырей, составляющихъ земскую дружину; въ нихъ отражались разные характеры и слои народной жизни; такъ Добрыня богатырь изъ бояръ, Алеша богатырь поповичъ, Василій Казиміровичъ — дьякъ и посолъ, Иванъ—гостинный сынъ.

Затѣмъ, кроме Земли и ея Дружины, является иъ древнемъ эпосѣ третье существенное начало, князь. Онъ играетъ роль судьи и третейскаго посредника и вмѣстѣ оберегателя земли русской. У него своя дружина, княжеская, въ которой таились зачатки будущаго государственнаго развитія. Былина понимаетъ княжескую дружину постоянно иъ ея древнемъ значеніи, беретъ только отношеніе дружины къ землѣ, какъ онѣ было при первыхъ князьяхъ. Представителемъ ея въ пѣсняхъ *Владъ*, или Олегъ.

Отношеніе этихъ трехъ началъ между собой заключаетъ въ себѣ всю исторію народа и государства. Г. Безобразовъ объясняетъ его слѣдующимъ образомъ:

«Сначала она (вплеская дружина) только служила (землѣ и лесу своему) задачей подыгала: «утереть поту за долгу русскую»... Мало по малу она отблудилась въ область особую, самостоятельную, а съ теченіемъ времени раздѣлилась все на двѣ половины, на землю и государство; та и другая половина сходилась какъ равная: государство проникло внутрь земщины своими учрежденіями; земля подходила къ государству въ соборахъ. Но и это миновалось: земля совсѣмъ скрывалась съ поприща исторіи, уходила внутрь себя, высылая однѣ лишь дружины свои въ крайшия части и козачествѣ. Дружины сперва, какъ было сказано, дѣйствовали отъ имени земли, но потомъ также перешли въ службу государству, сдѣлались его слугою: тогда землѣ какъ будто ничего не было слѣда; государство думало заботиться о себѣ, но безъ земли шло вверхъ. Но мѣръ поступающаго къ такому заключенію, государственное начало доидается народнымъ творчествомъ, меньше и меньше оглашается былевымъ словомъ; замолкаютъ и пѣсни о дружинахъ, перешедшихъ отъ земли въ иную сторону; устраненная съ поприща политическихъ событий, земля перестаетъ пѣть и обь самой себѣ, въ новомъ своемъ положеніи, слабѣетъ въ былевомъ творествѣ, дробитъ творчество на однѣ лишь пѣсни безъиниципныя, женскія, бытовыя, обрядныя. Былевое творчество уберегается только древнее, съ содержаніемъ древнимъ: оно живетъ только прошедшимъ, и главнымъ образомъ первыми кругами, пѣснями Владимира» (Рыбни., стр. XVI).

Мы ограничимся этими общими чертами взгляда г. Безсонова. Прибавимъ только, что онъ, въ противность нашимъ антропологамъ, которыхъ вообще не дошлѣдуетъ, всѣми силами сберегаетъ христіанскую репутацию своихъ героевъ; разъ только признается онъ, что образъ Добрыни, нѣсколько неопредѣленный и «расплывчивый» (вспомнимъ *Волхана* и *Волога*, въ которыхъ г. Безсоновъ антропологически доказываетъ ту же расплывчивость); допустить въ себѣ наименѣе дѣятельства—въ похищеніяхъ со змѣею, съ Мариной и др.: «кому, во что бы то ни стало, хочется свѣршить отъ древней Руси дѣяательства, тотъ, съ прискорбіемъ отказавшись отъ Муромца, можетъ совершенно успокоить свою жажду на Добрыню и дивиться пѣтливости своею тысячею баснословныхъ выводовъ» (Кир., 2, стр. XXII—XXIII). До Ильи Муромца г. Безсоновъ совершенно не допускаетъ отику любителей истинности, и имѣетъ на это сѣдующія историческія основанія: во первыхъ, *Илья Муромецъ*—первое изъ именъ творческой фантазіи народа, только что установившаго свои верныя и заслужившаго ихъ христіанство, — *Илья* слѣд. съ богатыремъ вполне христіанскій; наконецъ «имени *Илья Муромца* не упоминаетъ въ Киевѣ, въ нещастъ преемодобно *Антонія*, сменуемой *Григоріемъ*; память совершается 19 декабря; служба общаея съ дружины *Савраски* годниками» (Кир. 1, XXII).

Послѣ этихъ исследований г. Безсоновъ становится до вѣка левый герой древней русской былинны, и онъ съ удовольствіемъ видитъ, что дошелъ до этой истины, не прибѣгая ни къ какой мнѳологіи. Изъ сомнѣній, дѣло все еще не такъ ясно для другихъ, какъ для него. Преслѣдуя мнѳологію, г. Безсоновъ самъ попадаетъ въ другой туманъ: древняя былина представляется ему настоящимъ преобразованиемъ (Рыбникъ, стр. XVII); лица богатырей чистымъ отвлеченіемъ, какъ Илья Муромецъ—отвлеченіе христіанства; какъ Иванъ, — герой сказокъ, проходящій у него какія-то мистическія ступени бытія, чтобы стать человѣкомъ-героемъ и проч. Во избѣжаніе той же мнѳологіи, прямо и непосредственно объясняющей многи изъ языческаго народнаго пониманія природы и ея силъ, дѣйствующихъ на человѣка, — онъ принимаетъ съ Аксаковымъ *стихійныхъ* богатырей, *стихійную* эпоху народной жизни, которые гораздо менѣе понятны, чѣмъ языческій пантеизмъ мнѳологіи.

Въ объясненіи той *земской*, общественной роли, которую занимаютъ богатыри въ древней былинѣ, г. Безсоновъ даетъ безъ сомнѣнія много вѣрныхъ замѣчаній, и онъ правъ въ своемъ принципѣ, что историческіе герои былины и должны быть поняты въ связи съ исторической жизнью и отношеніями народа: другими словами, былина можетъ и должна быть объяснена средствами историческими, — но коренная ошибка г. Безсонова состоитъ въ томъ, что онъ и удовлетворяется тѣми объясненіями, которыя самъ онъ извлекаетъ изъ исторической судьбы народа. Приурочивая героевъ къ извѣстнымъ слоямъ, къ извѣстнымъ направленіямъ народной жизни, онъ исполняетъ только одну часть задачи; съ своими средствами онъ можетъ только самымъ общимъ образомъ указать побужденія и руководящія мысли ихъ дѣятельности, — но отъ него остается закрыта цѣлая область ихъ внутренней жизни, именно та, которая заключаетъ въ себѣ представленія древняго эпоса о человѣкѣ и о природѣ. Единственный путь къ объясненію ихъ представляетъ именно мнѳологія. Сколько бы ни былъ убѣжденъ г. Безсоновъ въ христіанствѣ самого Ильи Муромца и его сподвижниковъ, онъ долженъ согласиться, что *плосцы* его еще не были такъ чужды язычеству, какъ ему кажется. Всѣ понятія этихъ пѣвцовъ объ ихъ герояхъ проникнуты древними мнѳологическими представленіями: конечно, не христіанство научило ихъ вѣрить въ *волшанскую книгу*, въ оборачиваніе сѣрымъ волкомъ и яснымъ соколомъ, въ еретницу Марину и т. д. Очень жаль, но апокалиптическій взглядъ г. Безсонова не найдетъ себѣ большой опоры въ древнихъ памятникахъ русской письменности; сколько бы ни открылъ онъ въ былинахъ христіанскихъ преобразованій, противъ него всегда будутъ слова Христолюбцевъ,

Павловскіе сборники, Ступлявы и т. д. Даже не имѣя особеннаго пристрастія находить въ русской старинѣ *diversaire* (которое, строго говоря, можно отыскивать вездѣ, гдѣ угодно, — если не дать этому понятію разумнаго историческаго предѣла), невозможно согласиться съ теоріей г. Безсонова: она вводитъ въ исторію народа совершенно ненужный и фальшивый мистицизмъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ГРУСТНАЯ СУДЬБА ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙЪ ВЪ РОССИИ. — ГРАФЪ СЕРГѢЙ СТЕПАНОВИЧЪ ЛАНСКОЙ И НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ПИРОГОВЪ. — ТОРЖЕСТВЕННЫЕ ПРОВОДЫ Н. И. ПИРОГОВА ИЗЪ КИЕВА. — КРАТКОЕ СОБЕСЕДОВАНИЕ НАШЕ СЪ НАШИМИ ЛИТЕРАТУРНЫМИ СОВРАТИМИ, ВЪ КОТОРОМЪ ТАКЖЕ КРАТКО ВЫЯСНЯЮТСЯ НАШИ ВОЗРѢВІЯ НА ЛИТЕРАТУРНОЕ ДѢЛО ВОООБЩЕ И ВЪ ЧАСТНОСТИ НАШИ ОТНОШЕНІЯ КЪ Н. И. ПИРОГОВУ. — РѢЧИ, ГОВОРЕННЫЯ НА ПРОЦАЛЬНОМЪ ОБЩАДЪ, ДАННОМЪ Н. И. КИЕВСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ, — ГГ. СЛУДОВИЦКОВЫМЪ И САМЫМЪ Н. И. — ПРОЦАЛЬНАЯ РѢЧЬ Н. И. КЪ СТУДЕНТАМЪ КИЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА. — ВЪГЛЯДЪ Н. И. НА ОТНОШЕНІЯ НАЧАЛЬНИКА КЪ ПОДЧИНЕННЫМЪ И ВЪГЛЯДЪ НА ЭТИ ОТНОШЕНІЯ ОБЩЕПРИНЯТЫЙ. — РАЗСМОТРѢНІЕ ТОГО И ДРУГАГО. — РАЗРѢШЕНІЕ ВОПРОСА О ТОМЪ: МОЖЕТЪ ЛИ ПОДЧИНЕННЫЙ НЕ УВАЖАТЬ НАЧАЛЬСТВО, И ЕСЛИ МОЖЕТЪ, ТО КОГДА ИМЕННО? — ПОУЧИТЕЛЬНЫЙ ВЫВОДЪ ИЗЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ Н. И. ПИРОГОВА ДЛЯ НАЧАЛЬНИКОВЪ. — СТРЕМЛЕНІЕ НАШЕГО ОБЩЕСТВА КЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И ОТСУТСТВИЕ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ МОГЛИ БЫ РУКОВОДИТЬ ЕГО. — ПОТРЕБНОСТЬ ГЛАСНОСТИ ДЛЯ ВОЗНИКАЮЩИХЪ И СУЩЕСТВУЮЩИХЪ ОБЩЕСТВЪ. — ОБЩЕСТВО ДОСТАВЛЕНІЯ ДЕШЕВЫХЪ КВАРТИРЪ И ДРУГИХЪ ПОСОБІЙ НУЖДАЮЩИМСЯ ЖИТЕЛЯМЪ ПЕТЕРБУРГА. — САРАТОВСКОЕ ПОУЧИТЕЛЬНОЕ, ДАМСКОЕ ОБЩЕСТВО О ВЪДЫХЪ, — ТАКОЕ ЖЕ МОСКОВСКОЕ. — ПРОСЛАВСКАЯ ЛЕЧЕБНИЦА ДЛЯ ПРИКОДАННЫХЪ БОЛЬНЫХЪ. — БОЛЬША УЧРЕЖДЕНІЯ ТАКИХЪ ЛЕЧЕБНИЦЪ ВЪ ПРОВИНЦІАХЪ ДЛЯ САМЫХЪ ДОКТОРОВЪ, И ДЛЯ БОЛЬНЫХЪ. — КАКЪ РУССКОЕ ОБЩЕСТВО, ВЪ ОСОБЕННОСТИ ДАМЫ И ДАЖЕ ЛИБЕРАЛЫ ВОСНАГРАЖДАЮТЪ ДОКТОРОВЪ ЗА ИХЪ ТРУДЫ? — УЧРЕЖДЕНІЕ ГОСПИТАЛЬНОЙ КЛИНИКИ ВЪ БОЛЬНИЦѢ КАЗАНСКАГО ПРИКАЗА ОБЩЕСТВЕННАГО ПРИЗРѢНІЯ. — ЗНАЧЕНІЕ КЛИНИКЪ ВЪ ПРОВИНЦІАХЪ. — ОСНОВАНІЯ, НА КОТОРЫХЪ УЧРЕЖДЕНА КЛИНИКА ВЪ КАЗАНИ ПРИ БОЛЬНИЦѢ ПРИКАЗА ОБЩЕСТВЕННАГО ПРИЗРѢНІЯ. — ОБЩИНЫ СЕСТЕРЪ МИЛОСЕРДІЯ ДЛЯ СЛУЖЕНІЯ БОЛЬНЫМЪ: КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКАЯ И ПОКРОВСКАЯ. — ВЪЫШНІЕКЪ СОСТОЯНІЕ ОБЩИНЫ КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОЙ. — ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕР-

ЖЕЛЕННЫЯ ПРАВИЛА ДЛЯ НОВОЙ ОБЩЕНЫ ПЕКРОВСКОЙ. — СОСТАВЪ И УСТАВЪ МОСКОВСКАГО ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИЖЪ. — КОИ-ЧТО О КОНКУРСѢ, НАЗНАЧЕННОМЪ ИМЪ ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ РУКОВОДСТВА КЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНОМУ ОБУЧЕНІЮ ГРАМОТЪ.

Надъ общественными дѣятелями въ Россіи тяготѣетъ какая-то злополучная судьба. Едва чья нибудь общественная дѣятельность начинается крѣпнуть, начинается заявлять себя успѣхами болѣе или менѣе замѣтными для общества, въ наукѣ ли то, искусствѣ, литературѣ, на службѣ, или на другихъ поприщахъ, какъ неумолимая смерть, болѣзнь, или другія неблагопріятныя обстоятельства насильственно перебиваютъ ее часто на половинѣ пути.

Такъ болѣзнь свела недавно съ служебнаго поприща двѣ замѣчательныя личности, изъ которыхъ каждая, въ кругѣ своей дѣятельности, успѣла заслужить общее сочувствіе людей мыслящихъ и желающихъ истиннаго добра своему отечеству. Мы говоримъ о бывшемъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ графѣ Сергѣѣ Степановичѣ Ланскомъ и о бывшемъ попечителѣ кievскаго учебнаго округа Николаѣ Ивановичѣ Пироговѣ.

Столичное общество, сдержанное, малодовѣрчивое, рѣдко высказываетъ публично свои истинныя симпатіи и антипатіи. Въстѣ о добровольномъ, вынужденномъ болѣзненными состояніемъ, удаленіи графа Сергѣя Степановича Ланскаго съ министерскаго поста встрѣчена была въ петербургскомъ обществѣ съ глубокимъ прискорбіемъ. Не сурово-шотландскій Петербургъ пренебрежалъ, какъ обыкновенно шотландцы въ подобныя случаи... Это впрочемъ не мешаетъ ему твердо поминать и своихъ друзей, и своихъ враговъ, и думать свою крѣпкую думу. Невысказанныя радости и печали впечатлѣваются, какъ извѣстно, еще глубже въ памяти сердца. И графъ Сергѣй Степановичъ можетъ быть увѣренъ, что люди мыслящіе сохраняютъ всегда память его о гуманно-разумной дѣятельности во время управленія министерствомъ.

Общества провинціальныя, воспитанныя и живущія подъ другими условіями, чѣмъ общества столичныя, не выносятъ ни притѣвлять, ни нужды скрывать или сдерживать свои переживания и чувства. Они часто громко высказываютъ и свои восторги и свои сожалѣнія. Кіевъ въ торжественно проводилъ Николая Ивановича Пирогова и возблагодарилъ весь на этомъ торжествѣ, со всею безпредѣльностью своей любви и уваженія къ бывшему попечителю. Впрочемъ, что мы говоримъ: Кіевъ? Не Кіевъ только, весь учебный округъ, кромѣ того Одесса, Харьковъ, Москва, Петербургъ, Гельсингфорсъ, Казань приняли участіе въ торжественныхъ проводахъ Н. И., засвидѣтельствовавъ

присланными въ Кіевъ телеграммами глубокое уваженіе къ полезной дѣятельности и ученымъ заслугамъ Н. И.

«Вѣсть объ оставленіи Н. И. — мѣ деятельности незначительна, говоритъ авторъ «Описанія празднествъ его съ Кіевомъ», — отзывалась такъ же скорбно и съ тою же силой въ самомъ обществѣ, какъ и въ учебномъ вѣдомствѣ. Общее сочувствіе выразилось въ разныхъ формахъ: въ мысли о подпискѣ, о стипендіи, въ желаніи многихъ приобрести портретъ Пирогова. Тѣмъ для авторскихъ оныхъ трудное послѣдствіе два года, соображая ясно, что теряютъ въ намѣ, независимо отъ необыкновенной симпатической личности, знаменитаго педагога, человека, выращеннаго въ себѣ дучшія, дая, можетъ быти, инстинктивныя изъ стремленія. — Съ этой точки обѣды 9-го апрѣля (данная обществомъ; кромѣ того 4-го апрѣля данъ былъ обѣдъ учебнымъ вѣдомствомъ) представляла фактъ необычайный и многозначительный. Едва только была заведена мысль, о гласномъ выраженіи общаго сожалѣнія отъ желающихъ, какъ готовность участвовать въ немъ выразилась отовсюду. Лица разныхъ классовъ и вѣдомствъ, военные и гражданскіе, спѣшили принять участіе въ грустномъ торжествѣ. Утромъ, въ день обѣда, число участвующихъ возросло до 140 и затѣмъ приходилось уже отключивъ многихъ, такъ какъ зала, выбранная для торжества, не вмѣстала въ себѣ болѣе посѣтителей. Ожиданный и вострый видъ представляло собраніе, когда вошелъ Н. И., сопровождаемый депутатами. Здѣсь, каждый по своему спѣшилъ выразить ему свое сочувствіе».

Въ память объ управленіи Н. И. кіевскимъ округомъ, разными лицами сдѣлано слѣдующее: кременчугскій 1-й гвардіи кулакъ Исаакъ Германъ, въ письмѣ, адресованномъ на имя Н. И. Пирогова, объяснилъ свое намѣреніе просить у начальства разрѣшенія содержать на свой счетъ въ университетѣ св. Владиміра, на первый случай, въ продолженіе пяти лѣтъ, одного студента, по указанію Н. И. или тѣхъ лицъ, кому оныя это поручить, съ условіемъ, чтобы этотъ студентъ назывался стипендіатомъ Н. И. Пирогова. Послѣ обѣда, 4 апрѣля, по удаленіи Н. И., некоторые изъ оставшихся лицъ приняли участіе въ подпискѣ, инициатива которой принадлежитъ студентамъ. Собранную сумму предположили употребить, съ разрѣшенія высшаго начальства, для той общеположенной ученой цѣли, какую угодно будетъ назначить самому Н. И. Въ тотъ же день, въ одинъ часъ съ началомъ обѣда, студенты, съ разрѣшенія начальства, открыли въ зданіи университета бесплатную ежедневную школу, въ знакъ благодарной памяти о Пироговѣ. Нынѣ изданъ портретъ его редакціею «Кіевского телеграфа».

«Пироговъ», рассказываетъ авторъ «Описанія», выѣхалъ изъ

Кіева 15 апрѣли, въ 8 часовъ вечера. Уже съ 3-хъ часовъ по полудни большая толпа (отъ 200—300): студентовъ, гимназистовъ, многихъ лицъ учебного вѣдомства и весьма многихъ жителей города, привыкъ и въ экипажахъ, ожидали у здания первой гимназіи минуты, чтобы сказать послѣднее прощаніе искренно любимому и цѣнимому человѣку. Еще большая толпа (отъ 700—800) заранее отправилась на дачу Санъ-Сусъ (на 7-й верстѣ отъ города) съ темъ же цѣлю. Тамъ между собравшимися много было и дамъ, лишенныхъ доселѣ возможности принять участіе въ выраженіяхъ общаго сочувствія къ Николаю Ивановичу.

«Въ 8 часовъ онъ вышелъ съ своимъ семействомъ и отовсюду посылались крики сожалѣнія и разлуки. Еще въ воздухѣ раздавались слова «прощайте, помните насъ», а уже почтовый экипажъ унесъ изъ Кіева человѣка, память котораго долго и долго будетъ жить въ немъ. Длинный кортежъ всякаго рода экипажей потянулся до Санъ-Сусъ за тарансомъ Пирогова. Когда прѣехали, — уже совершенно стемнѣло. Можно было только разсмотрѣть, что на прострѣяствѣ $\frac{1}{4}$ версты по шоссе все было занято народомъ и экипажами. Воздухъ огласился снова криками сожалѣнія. Ожидавшіе остановили экипажъ Пирогова, онъ долженъ былъ выйти и сказать нѣсколько прощальныхъ словъ людямъ захотѣвшимъ почтить и послѣдніа минуты пребыванія его въ Кіевѣ. Онъ благодарилъ всѣхъ за участіе; ему выраженное, напомнилъ въ короткихъ словахъ то, о чемъ подробно говорилъ на первомъ и второмъ обѣдахъ, напомнилъ о непродоляемъ царствѣ идеи, гдѣ онъ не перестанетъ еще встрѣчаться съ любящими его, простился со всѣми, обнялъ въ лицѣ одного всѣхъ присутствовавшихъ, и при единодушныхъ крикахъ искренней любви, уваженія и сожалѣнія, отправился далѣе по дорогѣ къ Бердичеву. Большинство возвратилось въ городъ; но многіе еще провожали его до станціи и болѣе счастливые сказали ему послѣднее «прощайте».

Нельзя сомнѣваться въ искренности общей привязанности какъ всего Кіева, такъ и всего учебнаго округа къ личности Н. И. Пирогова. Это для насъ впрочемъ не было бы удивительно, если бы вмѣстѣ съ этою привязанностію къ личности не высказывалось общаго, не менѣе искренняго сочувствія къ тому дѣлу, которому служилъ Н. И. Пироговъ. Заслуга Н. И. Пирогова въ томъ и состоитъ, что онъ къ предмету воспитанія, на который у насъ смотрятъ обыкновенно равнодушно, нерѣдко съ пренебреженіемъ, успѣлъ пробудить общее вниманіе, умѣлъ сдѣлать его для всѣхъ предметомъ первостепенной важности, умѣлъ уяснить его истинное значеніе и для воспитывающагося юношества, и общества. Какимъ чудодѣйственнымъ жезломъ

пробилъ онъ обычную, неуступающую, повидимому, камени атактичного общества, которую ничѣмъ нельзя пробить часто въ дѣлахъ его живѣйшаго частнаго интереса, касающагося благоденствія или здоровуцїи его вармана, какъ-то усматривается въ акціонерныхъ обществахъ? Вотъ та интересная и неуничтожимая сторона дѣла, на которой мы хотимъ остановить наше вниманіе.

Знаемъ впередъ, сколько при отикѣ словъ нашихъ раздастся враждебныхъ криковъ отъ нашихъ милыхъ собратій по литературному дѣлу. «Вотъ онъ,—скажутъ,—«Современникъ»—то, бранилъ, бранилъ Пирогова; теперь хвалить началъ. Таковъ онъ всегда. Тамъ вѣтъ, куда подуетъ вѣтеръ.» Ничто подобное мы даже гдѣ-то и читали въ такомъ родѣ: «дескать, вотъ «Современникъ» бранилъ Н. И. Пирогова, — а Н. И. Пироговъ, дескать, вотъ что и вотъ что одѣлалъ.» И вообще за Н. И. Пирогова и прямыхъ поученій и косвенныхъ намековъ досталось намъ прочесть довольно, — и все въ такомъ духѣ: «дескать, какъ можно нападать на такихъ почтенныхъ лицъ!» Сама собою разумѣется, что мы ничего не отвѣчали противъ подобныхъ намековъ и выходовъ. Да и отвѣчать, читатель, невозможно. Если бы мы вздумали отвѣчать на все, что говорятъ объ насъ милые наши собратія, намъ пришлось бы издавать каждый мѣсяць особую книжку. Не объ Николаѣ Ивановичѣ только, а объ чемъ бы ни заговорили они, по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ; они не могутъ не задѣть «Современника», хотя по связи рѣчи нѣтъ никакого повода говорить о «Современникѣ». «Миръ Божій прекрасенъ», начинается обыкновенно-умилительно авторъ:—«все въ немъ ликуеть и небеса и земля; всѣ творенія наслаждаются жизнью. А вы, господа, — вдругъ круто поворачиваетъ авторъ, — пожалуйста не читайте «Современника» — онъ надъ всѣмъ насидѣваетъ; это извѣстный гусь». Теперь мы хотимъ сказать нѣсколько словъ по поводу нападокъ на насъ за Н. И. Пирогова потому только, что у насъ слева рѣчь зашла о дѣятельности Н. И. Пирогова.

И такъ, достопочтенные собратія наши по ремеслу, самодеятельствовашіе и независимствующіе насъ за Н. И. Пирогова, положите на нѣсколько минутъ ваши стальные и гусиные перья, и широко побесѣдуйте.

Вы обвиняете насъ въ неуваженіи къ личности такого почтеннаго лица, какъ Н. И. Пироговъ. Скажите же намъ: въ чемъ мы признали это неуваженіе?—Когда появились первый литературный трудъ Н. И. Пирогова, обличавшій въ немъ самостоятельный взглядъ на жизнь вообще и на дѣло воспитанія въ особенности, — мы говорили о «*Вопросахъ жизни*», — мы отозвались объ этомъ трудѣ съ горячимъ сочувствіемъ и со всѣмъ уваженіемъ, какого онъ заслуживалъ. Когда

загнать Н. И., сдѣлавшись воспитателемъ, публично заявить, что въ дѣлѣ воспитанія безъ разскаго совѣщанія обойтись невозможно и что, кромѣ того, необходимо какой-то кодексъ, тѣмъ опредѣляющій наказанія за каждый дѣтскій поступокъ, — мы, на крайнему нашему убѣжденію, не ожидавшие ничего, кромѣ вреда, отъ подобнаго приговора при воспитаніи, вооружились противъ нихъ со всею энергіею. Мнѣніе наше о вредѣ разскаго вела литература; вѣроятно и относительно введенія въ школы чего-то въ родѣ угодливаго кодекса для дѣтей, многіе изъ пишущихъ были одной мнѣніемъ съ нами. Въ чемъ же могло заключаться наше неуваженіе къ личности Н. И., когда мы только то и сдѣлали, что заявили истинно мнѣніе или вѣдѣе, или многими признаны; — или хоть бы только и писали собственныя мнѣнія, но мнѣнія нашего непротивнаго убѣжденія? «Но вы, — говорятъ, — высказали ваше мнѣніе очень рѣзко!» А развѣ есть требованіе для литературныхъ статей, чтобы онѣ писались не рѣзко? — Да и можно ли даже писать не рѣзко статьи, касающіяся вопросовъ животрепещущихъ, статьи полемическія, гдѣ рѣзкостью часто усиливается вниманіе къ статьѣ и, следовательно, то или другое ея дѣйствіе? — Развѣ другіе журналы, журналы, газеты пишутъ не рѣзко? Полного шутахъ, Богу съ вами! Во всякомъ журналѣ, газетѣ мы насчитаемъ вамъ десятки статей, написанныхъ не то, что рѣзко, просто солоно, — а иногда украшенными даже несправедливою бранью. «Но, — говорятъ, — вы рѣзко пишете противъ лица почтеннаго, противъ авторитета?» А! вотъ что! — Что же дѣлаетъ, если мы не отнесемся къ числу тѣхъ пронагнанныхъ гласности, которыхъ

....голосъ звучитъ по свѣтлымъ заламъ:

«Добро! Законъ!»

И падаетъ въ бесѣдѣ съ генераломъ

На полу-тонъ?

Что же дѣлать, если мы думаемъ, напротивъ, что тутъ-то и должно быть возвышенъ и усиленъ голосъ, дабы выразилась ошибка, дѣлается промахъ, идетъ на ложную дорогу талантъ, заслуга, слава? — Для чего рѣзкость противъ мнѣній и гг. NN, и XX, и ZZ, когда мнѣнія этихъ господъ прямо изъ подъ печатнаго станка идутъ въ Лету или вызываютъ только улыбку на устахъ читателей? А мнѣнія Н. И. Широкова — совсѣмъ другое дѣло. Мысль о томъ, напротивъ, что въ дѣлѣ воспитанія безъ разскаго обойтись нельзя, высказанная такими замечательнымъ теоретикомъ и практикомъ въ дѣлѣ воспитанія, какъ онъ, сдѣлалась бы всеюмою не для одной; можетъ быть, тысячь педагоговъ, и безъ того весьма позволительныхъ къ употребленію разска, — и Боже мой! сколько бы напрасно истреблено было оте-

честваннѣхъ дѣсовъ. Мы говоримъ: *напрасно*, потому что недавно самъ Н. И. сознался, что въ дѣлѣ воспитанія можно обходиться и безъ роаги.

Наконецъ, почтенные наши собратія! Если вы думаете, что голосъ вашъ, т. е. голосъ литературы долженъ понижаться и глухнуть соразмѣрно литературному, служебному и т. д. рангу тѣхъ личностей, которыя высказываютъ ложныя понятія, мнѣнія и т. п., то объясните намъ, пожалуйста, какъ вы смотрите на свое служеніе, на значеніе литературы вообще. Древніе пророки, древніе ораторы выходили обыкновенно обличать заблужденія и пороки сильныхъ земли, выходили просвѣщать и защищать слабыхъ отъ притѣсненій и насилія, — вы же о чемъ вышли проповѣдывать? — А вѣдь вы, хотя и съ другими обстановками и при другихъ условіяхъ, заняли тѣ же трибуны, которыя занимали они, и отъ васъ также ждутъ только такого же правдиваго и смѣлаго слова, какого ждали отъ нихъ. Свободная отъ всякихъ оффиціальнѣхъ или какихъ нибудь ложныхъ отношеній къ народу, свободная въ выборѣ предметовъ, о которыхъ разсуждаетъ, свободная въ выборѣ способовъ ихъ изображенія, — одна литература не заподозривается ни въ какихъ заднихъ мысляхъ, ни въ какихъ своекорыстныхъ тенденціяхъ, — и отъ нея одной надѣются искреннаго, неоскверненнаго ложью слова. Правда, одно это слово и есть только ея орудіе. Но какое же орудіе можетъ дѣйствовать сильнѣе и прочнѣе — *свободнаго слова*? Никакіе законы, никакія предписанія, никакія полицейскія наблюденія и мѣры не могутъ сравниться съ силою свободнаго слова. Свободно къ сердцу принятое, оно измѣняетъ дѣятельность столѣтій, воплощается въ жизни отдѣльныхъ лицъ, семействъ, поколѣній, народовъ, дѣлается регулою ихъ жизни, практической ихъ мудростью, отвердѣваетъ въ бытѣ народномъ въ видѣ безсмертныхъ памятниковъ — въ пословицахъ, поговоркахъ, пѣсняхъ, преданіяхъ, легендахъ. Не только ничего великаго, ни одного шагу не сдѣлало человечество впередъ безъ пособія свободнаго слова; то, что введено оружіемъ, вогнано силою или насиліемъ, что не принято свободнымъ убѣжденіемъ — никогда не жило и не можетъ жить долго, а можетъ только держаться силою же и числиться живущимъ въ однихъ отчетахъ. Само насиліе старается приспособляться къ убѣжденіямъ и идеямъ, уже проведеннымъ въ народъ, усвоеннымъ имъ посредствомъ слова, чтобы сдѣлаться прочнымъ, или намѣренно старается держать народъ въ иллюзіяхъ, для себя благоприятныхъ. Силу свободнаго слова для утвержденія насильственныхъ распоряженій и мѣръ понимаютъ не только Наполеоны, но понимали еще Мангу-Темпыры, Узбеки, Бердибеки. И тѣ укаживали за духовенствомъ, въ то время вліятель-

нлып и сильнылы своимл словомл, чтобы оно замолчало о нлх ласковое слово народу, по крайней мѣрѣ не говорало о нлх дурное слова. И такл, достопочтенные наши собратя, если ктѣ бы то и было, въ особеннотн же лнцо, уснлвшее прлобрѣсть собѣ слау, знлствотн, талантамл лн своимл, ллн своею полезною дѣятелнстло, опытностло, будетл злоупотреблать такнмл сильнымл орудлем, какл слово, для распротраненл въ народл ложныхъ повлтлй, заблужденлй и т. п.,—не прнмая лн наша обязаннотн вооружнться протн его мнѣнлй всѣмл запасомл средствъ, какннхъ владѣнлемл, употреблнл и убѣднтельность аргументовъ, и сллу краснорѣчля, и рлзкость выраженлй, а въ случаѣ нужды напнсалл даже такля, вронкннутыя нзнданлемл и веселостло влѣстл, грамоткн, какля нннеть Мнх. П. Погодннл, и какннхъ не разл уже онл спасалл отъ бѣды наше любелное отечество, — и все это въ тѣхъ, разумлется, нндалл, чтобы читающле не увлекалнсь одною авторнтетностло лнца, которое ншетл, а вннмательно пораздумалл о дѣлѣ самл? Такого открытаго, смѣлаго образа дѣйствлй не требуютл лн отъ насъ самая честь ншего служенл?

Нашн достопочтенные собратя думаютл нначе. Онн думатл, что когда говоритл лнцо, пользующееся авторнтетомл, знлствотло, тогда обязаннотн лнтературы только хвалнть, что скажетл это лнцо, по крайней мѣрѣ молчатл, если бы знлствотное лнцо заговорло и Богл—знаетл—что. Другле идутл далѣе. Онн думаютл, что нлхскоро говоритл лнцо, пользующееся авторнтетомл, знлствотло, сллоу, то хотя бы оно говорло и Богл—знаетл—что, его все-тнхъ нужно хвалнть лнл, выражаясь точнѣе, нужно ему подкурнвать. Этогъ второл разрядъ нашихъ достопочтенныхъ собратлй, болѣе впрочемл свойственнлй провинцлм, чѣмъ столицѣ, хотя не чулды и послѣдней, любнтл находнтл небывалыя достоннства въ знлствотствлхъ и авторнтетлхъ, мудростл и глубнну въ нхъ, ннногда весьма сомннтельнаго достоннства дѣйствлхъ и распорлженлхъ, прнходлтъ въ восторгл отъ всего, что ндетл съ знлствотныхъ высотъ, провозгудетл всеобщую радостл тамъ, гдѣ можно ндѣтъ только гадостл и т. д. Третьн идутл н еще далѣе. Онн не только самн не оставлютл полкурнвать, гдѣ и о чемъ надлежнтл, но не стѣдятся нападатл на тѣхъ, которые говорятл смѣлое слово, не стѣснлсь лнцлмл, вѣстлмн и т. д.

Неужелн, почтенные собратя нашн, въ этомъ состоитл снлтое служенле мыслн и нстннл? Неужелн затѣмъ занялн вы трлбуны древннхъ учителей, древннхъ ораторовъ, чтобы гнать ложъ и прлкъ только тогда, когда онн не поддерлживаются лнцлмн сильнымн, и молчатл, и даже защищать ту же самую ложъ и прлкъ, когда онн

поступаютъ подъ защиту людей сильныхъ? Какое же значеніе могутъ имѣть ваши проповѣди, ваши громы и молніи въ глазахъ не только народа, но даже въ глазахъ тѣхъ самыхъ лицъ, передъ которыми вы молчите, когда нужно говорить, или разсыпаете хвалы, когда нужно преслѣдовать ихъ обличеніемъ? Повѣрьте намъ, что если эти лица трудятся дѣйствительно ради добра и истины, если они уважаютъ сами себя, то они съ бѣльшимъ удовольствіемъ прочтутъ наше смѣлое и горькое обличеніе, чѣмъ ваши подобострастныя похвалы. Наше смѣлое слово, наше обличеніе, если они справедливы, если по крайней мѣрѣ искренни, могутъ указать имъ слабую сторону въ дѣлѣ, заставить обратить на нее вниманіе, во всякомъ случаѣ не дадутъ ослабнуть ихъ энергіи, будутъ держать ихъ въ постоянномъ вниманіи къ своему дѣлу. Тогда какъ одна подобострастная похвала, расточаемая безъ строгаго разбора дѣйствій, очень часто ведетъ къ ложному самообольщенію своими достоинствами, усыпленію, окончательной порчѣ. Сколько есть начальниковъ, изъ которыхъ при сторѣжѣ общественнаго и журнальнаго мнѣнія, могли бы выйдти весьма дѣльные и даровитые люди, — но которые, будучи защищаемы отъ такой стѣрожи, слыша одну лишь лесть отъ своихъ приближенныхъ, сдѣлались людьми никуда не годными, а между тѣмъ самодовольно упоены своими небывальыми достоинствами и почитаютъ себя чуть не отцами отечества!

Все это мы говоримъ, впрочемъ, вообще, а не въ приложеніи къ Н. И. Пирогову. Н. И. Пироговъ самъ въ себѣ—личность свѣтлая, энергическая, преданная своему дѣлу искренно и всецѣло. Энергія его, конечно, не имѣетъ нужды въ поддержкѣ сторонней. Но и Н. И., при всѣхъ своихъ достоинствахъ, можетъ ошибаться въ своихъ воззрѣніяхъ, какъ то доказалъ и опытъ. Очень можетъ быть, что наше рѣзкое противорѣчіе съ воззрѣніями его на употребленіе розги было поводомъ къ тому, что онъ напрягъ все свое вниманіе, чтобы дознаться опытомъ, не преждевременно ли высказана имъ мысль, что въ дѣлѣ воспитанія безъ розги обойтись нельзя — и послѣдствіемъ этого сосредоточеннаго вниманія и изслѣдованія было то, что онъ дозналъ опытомъ, что мысль эта высказана была имъ дѣйствительно послѣшно. Но предположимъ, что рѣзкое противорѣчіе наше лично Н. И. не принесло ни малѣйшей пользы, предположимъ, что онъ и безъ насъ не опустилъ бы изъ вниманія изслѣдовать такой важный вопросъ, какъ вопросъ о розгѣ въ дѣлѣ воспитанія, — и въ такомъ случаѣ Н. И., какъ человекъ, уважающій истину, не можетъ не отдать намъ чести за то, что мы высказали со всею откровенностію наше мнѣніе о его воззрѣніи, не взирая на лицо. «Но, говорить, —мы своимъ рѣзкимъ мнѣніемъ о неправильности его воз-

зрѣній могли парализировать его дѣятельность, ослабить его вліяніе». Вотъ же самый опытъ доказалъ, господа, что неправда. Нашъ рѣзкій отзывъ не повредилъ нисколько, чтобъ дѣятельность Н. И. была благотворна, блистательна, приобрѣла сочувствіе всего края. Ясно, что если бы нашъ отзывъ могъ повредить его дѣятельности, — причина этого заключалась бы уже не въ насъ.

Говорятъ намъ, наконецъ, что мы ничего не знаемъ, дѣлаемся судьями въ дѣлахъ ни мало намъ незнакомыхъ, и произнося рѣзкіе приговоры, сами разсѣваемъ въ публикѣ ложныя мнѣнія, заблужденія и т. п. Помилосердитесь, наши достопочтенные собратія! Вы-тѣ на что существуете? Когда вы видите, что мы распространяемъ ложныя понятія, заблужденія, — опровергайте насъ, защищайте истину отъ нашихъ нападеній. Это ваша прямая обязанность. Можетъ ли удержаться въ комъ нибудь заблужденіе, которое мы проповѣдуемъ, когда вы разъясните ему святую истину во всей ея красѣ? Отчего же вы не дѣлаете этого? Отчего, вмѣсто того, чтобы серьезно опровергать насъ, вы ограничиваетесь только какими-то неблагоприятными намеками, обвиняя насъ голословно въ неуваженіи къ личностямъ, въ невѣжествѣ, въ стремленіи осмѣять всѣ науки и т. п.?

Здѣсь мы оканчиваемъ наши объясненія. Изъ нихъ, надѣемся, наши пишущіе собратія поймутъ, что можно не соглашаться съ воззрѣніями извѣстнаго лица, можно рѣзко заявлять ему это несогласіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ можно уважать его, какъ замѣчательнаго мыслителя и дѣятеля; скажемъ болѣе: потому именно иногда можно съ болѣею рѣзкостью высказывать свое несогласіе съ мнѣніями извѣстнаго лица, что имѣешь большое уваженіе къ его личности, многого ожидаешь отъ нея. Такъ думаемъ, по крайней мѣрѣ, мы.

Обращаемся теперь къ разсмотрѣнію предложеннаго нами вопроса.

Характеръ дѣятельности Н. И. Пирогова во время управленія его кievскимъ округомъ довольно осязательно очерченъ въ рѣчахъ, произнесенныхъ на двухъ обѣдахъ, которые даны были при отъѣздѣ его изъ Кіева. Рѣчи обѣихъ обѣдовъ, сказанныя разными лицами бывшему попечителю, проникнуты искренностію и даже восторженностію чувства и не похожи на рѣчи и речи другихъ торжественныхъ обѣдовъ; — въ нихъ нѣтъ усиленнаго сочиненія, видишь, напротивъ, что каждый говорившій рѣчь имѣлъ въ виду какую нибудь сторону или черту, которая привлекала его болѣе другихъ въ личности Н. И., и объ этой-то сторонѣ или чертѣ, которая привлекала его въ личности Н. И. Пирогова, онъ и старался высказаться въ своей рѣчи. Всѣ рѣчи, взятыя въ совокупности, довольно ясно очер-

чиваютъ передъ нами привлекательную личность Н. И. Но для насъ важны собственно рѣчи втораго обѣда, выносящія принципы и воззрѣнія Н. И. Потому мы и ограничимся здѣсь приведеніемъ рѣчей гг. Судовщикова и самого Н. И. Пирогова. Изъ двухъ рѣчей Н. И. Пирогова, нами приводимыхъ, одна сказана на обѣдѣ, другая прощальная, которую онъ говорилъ 8 апрѣля въ большой актовомъ залѣ университета при прощаніи съ студентами.

1) Рѣчь г. Судовщикова.

«На службѣ ли, въ частныхъ ли отношеніяхъ, мы видѣли въ васъ ту же неизмѣнность своимъ убѣжденіямъ и терпимость къ чужимъ, ту же независимость, ту же прямоту, то же желаніе быть полезнымъ всякому, то же довѣріе къ человѣку, тотъ же сочувственный откликъ всему человѣческому.

«Мало того, кто хоть разъ побылъ въ вашемъ кабинетѣ, тотъ могъ уже заключить, что уваженіе къ человѣку не только перешло у васъ изъ головы въ сердце, но оно усвоилось всѣмъ организмомъ вашимъ, сдѣлалось вашею натурой, и сказалось въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи вашемъ; эти человѣчныя начала проникли въ самую манеру вашу, которую иначе нельзя назвать, какъ человѣчною.

«Генераль, учитель, профессоръ, сторожъ, гимназистъ, богатый купецъ и жалкій продавецъ спичекъ — вы встрѣчали ихъ всѣхъ равно человѣчно. Ваше естественное, даже рѣзкое прямодушіе легко отражалось на посѣтителѣ, и никто не стѣснялся совѣтоваться съ вами ни о какомъ честномъ дѣлѣ. Скажу больше: я знаю людей, которые искусственно прикивали предлоги пойдти къ вамъ, только бы слышать ваше мудрое, теплое слово, только бы наглядѣться на ваше открытое, спокойное лицо.

«Какъ, повидимому, ни обыкновенны въ человѣкѣ такіа человѣческія свойства, сколь ни велико въ наше время число людей, претендующихъ на гуманность, но у насъ пока она — вещь рѣдкая, слишкомъ рѣдкая.

«Отдаемъ все должное гуманнѣйшимъ людямъ нашимъ — и все-таки не можемъ не замѣтить, что одинъ изъ нихъ подавляетъ тебя своимъ ученымъ авторитетомъ и высококомѣрнымъ взглядомъ на всякое противорѣчіе, другой видимо рисуется гуманностью въ серьезномъ кружкѣ и показываетъ свое общественное положеніе въ комильфотной гостиной, третій отдѣльвается чиновническою вѣжливостью отъ всѣхъ, кромѣ интимныхъ пріятелей, четвертый наконецъ, при случаѣ, просто подымаетъ плеча и щеголяетъ украшеніемъ на шеѣ.

«А впрочемъ все это передовые люди наши, представители нашего образованія; всѣ они такъ убѣдительно говорятъ о гуманности вообще и такъ добросовѣстно умиляются собственной.»

«Бѣда только въ томъ, что головная гуманность не даетъ общаго настроя ихъ жизни, не проходитъ сквозь ихъ житейскія отношенія.»

«Вина всему, очевидно, заключается не въ самихъ личностяхъ, а въ той необразованной средѣ, гдѣ воспитались онѣ; не умѣя возвыситься надъ нею нравственно и сохранивъ многіе недостатки большинства, лучшія личности наши успѣли возгордиться потому только, что нашли мало подобныхъ себѣ по умственному развитію.»

«Вы, Н. И., смѣло можете находить еще меньше подобныхъ себѣ, вы больше другихъ оказали услугъ обществу, вы имѣете много внутреннихъ и вѣшнихъ отличій, вы наконецъ родились въ той же необразованной средѣ.»

«Какъ же вы успѣли раздѣлаться съ мелочною спесью даже лучшихъ людей нашихъ?»

«Какъ же вы остались такъ гуманны на дѣлѣ, такъ просты душою, такъ естественны со всякимъ человѣкомъ?»

«Кто же виною тому?»

«Конечно, не русская жизнь—она успѣла испортить много лучшихъ людей—а ваша собственная личность, высокая и простая, какъ все высокое. Она-то одинаково человѣчно выражается и въ общественной дѣятельности и въ вашихъ личныхъ, ежедневныхъ отношеніяхъ; она-то вызвала къ вамъ симпатію даже тѣхъ людей, которые почти не знали васъ, какъ человѣка.»

2) Речь Н. И. Пирогова.

«То, что мнѣ теперь предстоитъ, сходно съ тѣмъ, что для меня прошло.»

«Позднею весной, послѣ продолжительной и суровой зимы, я буду орать и засѣвать мои поля (*), запущенныя, засоренныя плевельми и съ закопавшеюся вблизи саранчей.»

«Я буду трудиться въ потѣ лица, буду разрыхлять и очищать землю; постараюсь дѣлать все какъ можно рациональнѣе, замѣню крѣпостной трудъ свободнымъ, буду обходиться и съ рабочими какъ съ людьми вольными, а не крѣпостными.»

«Но, разумѣется, законовъ природы и необходимости этики не измѣню.»

«Растаявшій ледъ превратится въ потоки воды, которые во много мѣстахъ разнесутъ мои сѣмена; саранча выведется тамъ, гдѣ

(*) Н. И. ѣдетъ въ деревню.

она не была разрушена влугомъ и воздухомъ; рабочіе не съ разу воймутъ, что для нихъ лучше такъ работать, чѣмъ по прежнему.

«И можетъ-быть мои труды и заботы не удадутся на первый разъ. Это, конечно, не остановитъ меня, потому что я знаю, отъ чего съ разу не можетъ все идти хорошо.

«Но найдутся, безъ сомнѣнія, и тутъ люди, которые скажутъ, что причина, почему у меня не все взошло, не потоки воды, разнесшіе мои сѣмена, не ледяная кора, покрывавшая слишкомъ долго землю, и даже не саранча, которая закопалась еще до меня; а то, что я началъ обрабатывать мои поля не по прежней рутинѣ и слишкомъ скоро замѣнилъ крѣпостной трудъ свободнымъ.

«Бывъ попечителемъ, я также оралъ и засѣвалъ мое поле поздно весной, едва оттаявшее отъ лучей вѣшняго солнца; на немъ была еще ледяная кора; въ немъ была закопавшаяся саранча; трудъ не былъ свободный и прибыльный для обѣихъ сторонъ.

«Мудрено ли, что могли и тутъ найдтись такіе, которые не въ законахъ необходимости, не въ порядкѣ вещей искали причину, почему мое поле не такъ скоро дало обильную жатву?

«Но неужели же я долженъ былъ остановиться, слушая толки и не вѣря болѣе въ то, что зналъ вѣрно; неужели долженъ былъ измѣнить весь планъ моихъ дѣйствій, промѣнять рациональность и здравый смыслъ на рутину и безсмысліе?

«Кѣмъ былъ бы я тогда въ глазахъ передовыхъ людей, мнѣніемъ которыхъ я дорожу, и главное, — кѣмъ былъ бы я тогда въ собственныхъ глазахъ моихъ.

«Теперь, когда я начну у себя хозяйничать, я долженъ буду прежде всего позаботиться о кредитѣ. Мнѣ необходимо довѣріе тѣхъ, съ кѣмъ я буду вести мои дѣла.

«Но если кредитъ и взаимное довѣріе теперь необходимы для меня, какъ для будущаго хозяина; то болѣе ли они мнѣ были нужны, когда я былъ попечителемъ?

«Что могъ я сдѣлать существеннаго, не заслуживъ сначала полнаго нравственнаго довѣрія тѣхъ, которыхъ главная обязанность проводить убѣжденія, и тѣхъ, на кого я долженъ былъ дѣйствовать путемъ убѣжденія?

«Вотъ это-то полное, нравственное довѣріе я и старался всѣми силами водворить и между старыми, и между молодыми. Но для этого я долженъ былъ дѣйствовать прямо и откровенно. Въ краѣ, гдѣ постоянно нужно сообразоваться съ различіемъ національностей, я не могъ не быть ровенъ и одинаковъ со всѣми и строго безпристрастенъ, желая добра и правды всѣмъ безъ различія.

«Въ моихъ глазахъ попечитель есть не столько начальникъ, сколько

ко миссіонеръ. Онъ долженъ не приказывать, а убѣждать. Иначе, въ трудныхъ обстоятельствахъ, когда ему понадобится серьезный трудъ его подчиненныхъ, когда нужно будетъ сдѣлать воззваніе къ ихъ чувству долга и законности, къ благородству и достоинству чело­вѣка, онъ не можетъ разсчитывать ни на себя, ни на другихъ.

«Таковъ мой взглядъ. Онъ не могъ не казаться страннымъ и даже, можетъ-быть, опаснымъ. Я это очень хорошо зналъ всегда. Но не мною я быть не могъ. И мнѣ оставалось идти, не отступая, предоставивъ Провидѣнію рѣшить, кто крѣпче: препятствія ли, которыя я долженъ былъ встрѣтить, или я самъ.

«Слѣдуя моему взгляду, мнѣ нужно было дѣйствовать и на учащуюся молодежь, и на самихъ наставниковъ. Общество, отцы, со­граждане имѣли полное право требовать отчета въ моихъ дѣйстви­яхъ: хвалить и порицать.

«А тогда можно ли было обойтись обществу, составленному изъ нѣсколькихъ національностей, безъ разнорѣчій, ложныхъ слуховъ и неправильныхъ толкованій?

«Но долженъ ли я былъ имъ подчиниться и исказить мой образъ дѣйствій для того только, чтобъ утѣшать себя обманчивою тиши­ною, пассивнымъ безмолвіемъ и кажущимся порядкомъ?

«Ученіе и распространеніе научныхъ истинъ я считалъ за священ­нодѣяствіе и глубоко уважалъ истинныхъ наставниковъ. Но и въ сла­быхъ я читалъ чело­вѣческое достоинство и личность. Въ молодитѣ людяхъ я любилъ и уважалъ молодость, потому что хорошо помнилъ свою.

«На этомъ уваженіи, которое я заявлялъ открыто и гласно, ос­новывалъ я и то взаимное, нравственное довѣріе наставниковъ и уча­щихся, которымъ начиналъ уже пользоваться, но не для себя, а въ интересахъ университета и цѣлаго общества этого края.

«Я твердо зналъ, что необдуманые порывы молодости и поступ­ки, противорѣчащіе законамъ нравственности, будутъ исчезать сами собою по мѣрѣ того, какъ возрастетъ еще сильнѣе довѣріе, а съ нимъ вмѣстѣ и значеніе нравственной власти.

«Я зналъ, что гдѣ господствуетъ сила убѣжденія, тамъ исче­заетъ произволъ съ его волнующими слѣдствіями.

«Я не могъ дожидаться этого счастливаго времени; но вамъ, мм. гг. членамъ общества, предстоитъ, если вы вполне раздѣлите мои взгляды и сочувствуете моимъ убѣжденіямъ, поддержать данное мною направленіе вашимъ мнѣніемъ, вашимъ просвѣщеннымъ со­дѣйствіемъ и любовью къ общему благу.»

3) *Прощальная рѣчь Н. И. Пирогова.*

«Я принадлежу къ тѣмъ счастливымъ людямъ, которые хорошо помнятъ свою молодость. Еще счастливѣе я тѣмъ, что она не прошла для меня понапрасну. Отъ этого я, старѣясь, не утратилъ способности понимать и чужую молодость, любить и, главное, уважать ее. Мы всѣ знаемъ, что нужно почитать стариковъ, потому что старики — наши отцы и дѣды, и каждый изъ насъ чѣмъ нибудь имъ обязанъ. Глядя на старость, мы вспоминаемъ доброе. Слабости и худое забываются при взглядѣ на сѣдину. Но не всѣ знаютъ, что и молодость должно уважать. Она является намъ тотчасъ же съ ея страстями, вспышками и порывами на первомъ планѣ. Правда, и ее извнѣняютъ, приводя незрѣлость, неопытность, увлеченіе. Но у нея нѣтъ прошедшаго, а ея будущее кажется чѣмъ-то страшнымъ, по его неизвѣстности. Между тѣмъ кто не забылъ своей молодости и изучалъ чужую, тотъ не могъ не различить и въ ея увлеченіяхъ стремленій высокихъ и благородныхъ, не могъ не открыть и въ ея порывахъ явленій той грозной борьбы, которую суждено вести человѣческому духу за дорогое ему стремленіе къ истинѣ и совершенству. Бывъ попечителемъ университета, я поставилъ себѣ главною задачею поддерживать всѣми силами то, что я именно привыкъ любить и уважать въ молодости. Съ искреннимъ довѣріемъ къ ней, съ полною надеждою на успѣхъ, безъ страха и безъ задней мысли, я принялся за трудное, но высокое и благородное дѣло. И могъ ли я иначе за него взяться, когда помня и любя время моего образованія въ четырехъ университетахъ, я живо вспоминалъ и тѣ стремленія, которыя меня тогда одушевляли; вспоминая, уважая ихъ въ себѣ, я невольно переносилъ ихъ и на васъ и въ васъ любилъ и уважалъ то же самое, что привыкъ любить и уважалъ въ самомъ себѣ. И теперь, разставаясь съ вами, я объявляю гласно, что все время моего попечительства ни разу не раскаялся въ образѣ моихъ дѣйствій. Частные случаи, какъ бы они ни клонились не въ вашу пользу, ни однажды не поколебали моего довѣрія къ цѣлой корпораціи студентовъ, потому что частыя проявленія неизбежнаго зла не должны, по моимъ понятіямъ, служить причиною къ уничтоженію добра.

«Я былъ приготовленъ къ тому, что меня не вдругъ вы поймете, и еще менѣе поймутъ ваши отцы или цѣлое общество. Это лежало въ порядкѣ вещей. Судить не по намѣреніямъ, а по результатамъ. А результаты въ такихъ дѣлахъ обнаруживаются не скоро, не безъ препятствій и не безъ толковъ, распространяемыхъ незнаемъ, бли-

зорукостью, подозрѣніемъ и мелочными страстями. Я зналъ, что истина моихъ убѣжденій разъяснится не разомъ для всѣхъ, а между тѣмъ встрѣтятся много такого, что будетъ говорить противъ меня и заслужитъ порицаніе тѣхъ, которые думаютъ перейти отъ одного порядка вещей къ другому, противоположному, измѣнивъ только внѣшнюю обстановку, или тѣхъ, которые вовсе ничего не думаютъ. Я зналъ, что немногіе раздѣляютъ мой взглядъ на университетскую молодежь и университетскую жизнь вообще, зналъ наконецъ и то, что меня будутъ обвинять въ слабости, въ неуверѣніи и въ горькѣ за популярность; но все это не могло измѣнить моихъ глубокихъ убѣжденій, не могло остановить моихъ дѣйствій, основанныхъ на любви и уваженіи къ молодежи, на довѣрїи къ ея благородству мыслей и стремленію къ правдѣ. Не вѣрить въ это я не могъ, потому что я не могъ ни сдѣлаться, ни казаться не мною. Это значило бы для меня перестать жить. Я остался мною и, разставаясь съ вами, увозу тѣ же убѣжденія, которыя принесъ къ вамъ, которыя никогда и ни отъ кого не скрывалъ, потому что считалъ преступнымъ скрывать начала, служившія основаніемъ моихъ дѣйствій. Надѣюсь, вы успѣли также убѣдиться, что я основывалъ мои отношенія къ вамъ на томъ же нравственномъ довѣрїи, котораго имѣлъ право требовать и отъ васъ, потому что дѣйствовалъ прямо, и знаю, что на молодость нельзя дѣйствовать иначе, какъ приобравъ ея полное довѣріе. Вы увѣрились, полагаю, что я водворилъ между вами уваженіе къ закону, долгу и власти не угрозами, не преслѣдованіемъ, не скрытно, а прямымъ и гласнымъ убѣжденіемъ и примѣромъ. Я не приказывалъ, а убѣждалъ, потому что заботился не о внѣшности, а о чувствѣ долга, которое признавалъ въ молодости такъ же, какъ и всѣ другія высокія стремленія духа. Наконецъ вы, думаю, увѣрились, что для меня всѣ вы были одинаково равны. безъ различія вашихъ національностей. Въ моихъ глазахъ университетъ, служащій вамъ мѣстомъ образованія, не могъ быть мѣстомъ другихъ стремленій, кромѣ научныхъ. Поэтому-то я также искренно желалъ и вашего сближенія съ представителями науки въ университетѣ, нарушеннаго, къ сожалѣнію, временемъ и обстоятельствами. Но не различая вашихъ національностей предъ лицомъ науки, я никогда не мечталъ о слитїи васъ въ одно цѣлое, избѣгалъ раздражать самолюбіе и навязывать вамъ такія убѣжденія, которыхъ у васъ не могло быть, потому что гнушался притворствомъ и двуличіемъ. Я твердо вѣрилъ, что одно взаимное довѣріе и примѣръ водворятъ между вами законность и порядокъ. Законность и порядокъ упрочатъ нравственную свободу университетской жизни. Эта свобода разовьетъ самостоятельность и любовь къ наукѣ, которая, въ свою очередь, представитъ университетъ

въ вашихъ глазахъ чуждымъ всѣхъ постороннихъ стремленій. Нѣсколько для меня знаменательныхъ фактовъ доказали мнѣ, что мои убѣжденія, мои надежды не обманули меня, и взаимное довѣріе, которое я клалъ за основу моихъ дѣйствій, обнаруживаясь не разъ, награждало мои труды и заботы. И если я заслужилъ, чтобы вы меня вспомнили, то это докажутъ всего болѣе тѣ изъ васъ, которые, сохранивъ въ памяти мой взглядъ на университетъ, оправдаютъ своею жизнью мое довѣріе, любовь и уваженіе къ вашей молодости. А я, разставаясь съ вами прежде, чѣмъ успѣлъ достигнуть моей цѣли, буду имѣть утѣшеніе въ томъ, что оставался вѣренъ своимъ началамъ, и буду счастливъ тѣмъ, что, если и не довелъ еще ни одного изъ васъ до истиннаго счастья, то по крайней мѣрѣ, ни одного не сдѣлалъ, по моей волѣ, несчастнымъ.

«Итакъ прощайте. Служите вѣрно наукѣ и правдѣ и живите такъ, чтобы состарѣвшись могли безупречно вспоминать вашу и уважать чужую молодость.»

Пробѣжавъ всѣ эти рѣчи, читатель поразится, конечно, немалымъ удивленіемъ... Какъ? Начальникъ учебнаго округа, человекъ, занимающій генеральское мѣсто, говоритъ своимъ подчиненнымъ: «господа, я не терплю дисциплинарности... Не нужно мнѣ ни вашихъ поклоновъ, ни застегиваній на всѣ пуговицы, ни заискиваній, ни ухаживаній — ничего подобнаго. Постарайтесь прежде всего забыть, что я начальникъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ привыкли у васъ разумѣть начальство. Я вашъ товарищъ, другъ. У меня не будетъ никакого тайнаго образа дѣйствій относительно васъ. Я вамъ расскажу все, что я хочу дѣлать въ видахъ вашего вниманія, объясню причины, почему я такъ рѣшился дѣйствовать. Если вы будете не соглашаться съ моими воззрѣніями, — я буду съ вами спорить, буду каждаго изъ васъ убѣждать и теоріей и практикой въ разумности моихъ воззрѣній — и не оставлю этого, пока не доведу васъ до полнаго убѣжденія. Я не могу ожидать никакихъ плодовъ отъ вашего воспитанія, пока вы не будете вполнѣ довѣрять моему образу мыслей и дѣйствій, пока не будете связаны съ мной внутреннимъ общимъ сочувствіемъ къ нашему общему дѣлу.»

Такія рѣчи привлекательны, читатель, въ устахъ начальника... не правда ли? — но рѣчи все-таки странныя, которыхъ мы не слышали отъ начальства въ нашемъ дѣствѣ... не слышали и потомъ ни въ канцеляріяхъ, ни въ казармахъ, ни въ ученыхъ ареопагахъ... И въ этомъ мы вовсе не хотимъ винить начальство... Совсѣмъ нѣтъ. Начальство думало, какъ всѣ; всѣ думали, какъ начальство. Вообще по представленію общепринятому и освященному вѣками образъ вза-

инныхъ отношеній начальствующихъ и подчиненныхъ представля-
 ся въ такомъ видѣ:

Дѣло начальника, разумѣется, хорошаго (о дурныхъ и гово-
 рить нечего) дать приказаніе или распоряженіе, выслушать или
 прочесть докладъ, или донесеніе, или что нибудь подобное объ
 исполненіи этого приказанія или распоряженія, — дать распорядителю,
 если приказаніе или распоряженіе исполняли не во время, не такъ
 поняли или при исполненіи не вошли въ духъ высшихъ видовъ на-
 чальника и т. п. Дѣло начальника было также представить, кого онъ
 найдетъ нужнымъ къ награждѣ. Да существенныхъ отношеній началь-
 ника къ подчиненному, кажется, только и было. Обязанность подчи-
 неннаго была: выслушать и исполнить распоряженіе или приказаніе
 начальника, выслушать съ благодушіемъ, безъ возраженій, распоряди-
 теля отъ начальника, при благоприятномъ случаѣ даже поблагода-
 рить начальника за такое отеческое поученіе, затѣмъ быть въ со-
 стояніи постоянного, неослабнаго памятованія о томъ, что началь-
 никъ есть совѣтъ не то же, что онъ, что человѣческихъ отношеній
 къ нему не можетъ имѣть подчиненный никакихъ, что и лично, точно
 также какъ на бумагѣ, подчиненный можетъ относиться къ нему толь-
 ко съ почтительнѣйшимъ докладомъ, донесеніемъ, представленіемъ и
 т. д. Памятовать это подчиненный обязанъ былъ и всегда и присно, не
 только въ канцеляріи, но и на улицѣ, дома, на гуляньѣ, на вечерѣ,
 на балѣ... однимъ словомъ—всюду. Встрѣтятся съ начальникомъ, под-
 чиненный долженъ былъ съ нимъ раскланываться, но раскланыватъ-
 ся особеннымъ образомъ, выражая почтительность не только въ по-
 клонѣ, но и въ самой физиономіи, которая должна была говорить:
 «дескать, это для меня особенное удовольствие, что я имѣю честь
 съ вами раскланываться»; если подчиненный сидѣлъ, то при появле-
 ніи начальника долженъ былъ вставать; когда начальникъ начиналъ
 разговаривать, подчиненный долженъ былъ держать себя въ *такой*
позѣ слушанія, чтобы видно было, что онъ пріемлетъ каждое слово,
 какъ вѣжливѣйшій бисеръ. Само собою разумѣется, что ни о ка-
 кихъ возраженіяхъ нечего было и думать. Несогласіе съ мнѣніемъ
 начальника даже относительно такихъ предметовъ, какъ на примѣръ:
 нужно ли козырять въ вистѣ, имѣя на рукахъ три фигуры, — было
 если и не уголовнымъ преступленіемъ, то и не такимъ дѣйствіемъ,
 которое бы рекомендало служебныя способности чиновника. Если
 дѣло шло о распоряженіяхъ служебныхъ и начальникъ давалъ распо-
 ряженіе, которое могло его компрометировать, то дѣло подчиненнаго
 конечно было доложить объ этомъ, но доложить почтительнѣйше,
 такъ, чтобы въ докладѣ выходило что-то похожее на то, что сдѣ-
 ланное распоряженіе, хотя и нельзя исполнить по существующимъ

узаконослиямъ, но отъ этого оно нисколько не теряетъ своего блеска, что если бы оно могло быть приведено въ исполненіе, оно облагодѣлательствовало бы цѣлую страну и т. д. Однимъ словомъ, подчиненный долженъ былъ вести себя такъ, чтобы во всякомъ дѣйствіи его служебной, общественной, домашней дѣятельности было видно, что онъ твердо сознаетъ свое подчиненіе начальнику и денно-нощно помнитъ, что начальникъ есть начальникъ, а не человѣкъ, подобный другимъ человѣкамъ.

Такая форма отношеній начальниковъ къ подчиненнымъ принята была у насъ вездѣ за нормальную и, само собою разумѣется, исключала всякую возможность искренняго сближенія начальника съ подчиненными. Начальникъ приглашалъ своихъ подчиненныхъ на обѣды, балы, вечера... Казалось бы, хоть въ такихъ случаяхъ, гостепріимный хозяинъ долженъ былъ забыть, что онъ начальникъ; но хозяинъ никогда не забывалъ этого. Само собою разумѣется, что еще тверже помнили это гости. Почтительнѣйшее отношеніе соблюдалось и здѣсь во всей своей красѣ, — и часто доходило до смѣшнаго. Я еще и теперь живо помню, какъ на балахъ *Окзенкофа* командиры разныхъ военныхъ и гражданскихъ вѣдомствъ съ полномѣсными чинами, почетныхъ лѣтъ — быстро вскакивали съ своихъ мѣстъ, когда Окзенкофъ входилъ въ ту комнату, гдѣ они сидѣли. Смотри на эту комедію, я всегда думалъ: отчего бы ужъ кстати не гаркнуть: «здравія желаемъ, ваше в-ко-пр-ство!» — Есть еще обычай, существующій почти повсюду, — въ извѣстные торжественные дни поздравлять начальниковъ. Обыкновенно объявляется служебному міру, что начальникъ поздравленія принимаетъ; — у Окзенкофа добавлялось при этомъ, что поздравленія принимаются ровно въ столько-то часовъ — отъ чиновниковъ до такого-то класса включительно, обыкновенно до VIII-го. Хотя поздравленіе, повидимому, есть дѣло совершенно свободное, но объявленіе о томъ, что начальникъ принимаетъ, всегда равносильно приказанію, чтобы были на поздравленіи, кому быть слѣдуетъ, — а если назначенъ часъ, то разумѣется, чтобы были въ этотъ именно часъ. Назначеніе часа придаетъ особенную торжественность поздравленію. Вдругъ пріемная зала къ извѣстной минутѣ наполняется слишкомъ двумястами человѣкъ мундировъ шитья самаго разнообразнаго... Растворяются двѣ половинки дверей и входитъ Окзенкофъ въ полномъ блескѣ своей формы, съ какимъ нибудь приготовленнымъ краснорѣчивымъ спичемъ... Едва началъ онъ говорить спичъ, вдругъ въ залу врывается *Березкинъ*, который гналъ что-было-духу извошника, но двумя-тремя минутами опоздалъ поспѣть къ выходу Окзенкофа... Окзенкофъ прерываетъ спичъ и, въ присутствіи 200 слишкомъ человѣкъ, въ торжественный день, начи-

нантъ мылить голову Березкину, съ такимъ жаромъ, на всѣхъ партияхъ ичавшемуся поздравить его. «Такъ, такъ вы, — ведетъ огу рѣчь къ Березкину, — молодой человекъ, понимаете службу? Такъ васъ учили уважать начальство? Когда почтенные люди, генералы, не дозволяютъ себѣ опоздать минутой къ моему выходу, вы»... и проч. Задавъ головоломку, Окзенкопѣ преспокойно возвращается къ прерванному спичу и благополучно его заканчиваетъ. И такова сила привычки, что всѣ находятъ это въ порядкѣ вещей, даже совершенно резоннымъ и справедливымъ, и Березкина не оправдываетъ никто. «Ужъ тамъ, какъ хотите, — гуторятъ разныхъ военныхъ и гражданскихъ вѣдомствъ сановники, — а службу знать вслкій должентъ.»

Вотъ это-то, читатель, именно и грустно. — Грустно это жалкое настроеніе общественнаго мнѣнія, этотъ допотопный, неизмѣняющійся взглядъ. Что Окзенкопѣ? Окзенкопѣ — человекъ, воспитанный въ другихъ понятіяхъ... Онъ пройдетъ... какъ проходитъ все; но духъ общественный остается. Чувствовать же благоговѣніе передъ собою, сознавать, что другіе выдвигаютъ тебя изъ общаго для всѣхъ уровня, ставить на piedestalъ, хотя бы ни за что, ни про что, такъ пріятно, что и многіе изъ новыхъ начальниковъ ни чуть не противъ стараго порядка; напротивъ, не безъ удовольствія его поддерживаютъ. Такъ какъ дѣло пошло на анекдоты, то расскажу еще анекдотъ и объ одномъ новомъ начальникѣ. Разъ, по поводу одного неправильнаго распоряженія сѣланнаго губернаторомъ, я сталъ объяснять ему, что распоряженіе сдѣлано вопреки закону... «Какъ вопреки закону? Вопреки какому закону? Какъ вы можете мнѣ говорить это? Покажите законъ», — отвѣчалъ, вспыхнувши весь, губернаторъ. Я взялъ со стола его превосходительства томъ Свода Законовъ и отыскалъ статью. Его превосходительство прочталъ статью, тяжело вздохнулъ и вперивши въ меня свой пронизательный (у всѣхъ начальниковъ непременно *пронизательный*) взглядъ, спросилъ, дрожа весь отъ злости: «такъ вы считаете себя въ правѣ дѣлать мнѣ указанія... въ разумнѣиіхъ законовъ?» Я зналъ, какъ нужно отвѣчать, чтобы дѣло кончилось къ общему удовольствію, — но, грѣшный человекъ, мнѣ хотѣлось видѣть начальственную бурю, хотѣлось особенно потому, что губернаторъ былъ изъ кровныхъ юношей, возвращенъ въ вертоградъ особеннаго рода и считалъ себя человекомъ передовымъ, — и должно отдать ему справедливость, во многихъ отношеніяхъ былъ начальникъ дѣйствительно порядочный. «Да, полагаю, что имѣю законное на это право, — отвѣчалъ я: когда ваше превосходительство дѣлаете распоряженія вопреки закону.» Надобно было видѣть, въ какое бѣшенство пришелъ отъ этихъ словъ начальникъ-бюрократъ, вообще выдержанный и во всѣхъ дру-

гихъ случаяхъ умѣвшій по волѣ *скрывать и радость и горе*. «Такъ, такъ вы понимаете отношенія подчиненнаго къ начальнику?»—такую рѣчь повелъ ко мнѣ его превосходительство. «Вы думаете учить даже меня? Что жъ я долженъ думать объ отношеніяхъ вашихъ къ другимъ?» и т. д. — Впрочемъ, зачѣмъ я усиливаюсь выяснять и доказывать вещи у насъ всѣмъ общезвѣстныя. Пусть представитъ себѣ читатель, что какой нибудь, положимъ, столоначальникъ на гуляньѣ, на вечерѣ, гдѣ бы то ни было, первый протянулъ руку своему главному начальнику и спросилъ его также, какъ онъ спрашиваетъ равныхъ себѣ, положимъ, хоть о здоровьѣ... Я не знаю, что бы изъ этого вышло? Мнѣ кажется, что такое простое дѣйствіе, принятое у всѣхъ знакомъ обыкновеннаго привѣтствія другъ-другу, было бы отнесено къ числу тягчайшихъ преступленій. Легче было бы столоначальнику, если бы онъ стаялъ всѣ деньги изъ казначейства. Въ послѣднемъ случаѣ не стали бы по крайней мѣрѣ сомнѣваться въ благополучіи его умственныхъ способностей. И такой судъ за такое простое дѣйствіе произнесъ бы надъ нимъ не начальникъ только, а весь городъ, въ которомъ бы это происшествіе случилось, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей. Мы не по ошибкѣ употребили слово: *происшествіе*. Такой поступокъ былъ бы дѣйствительно для города происшествіемъ. Онъ сдѣлался бы анекдотомъ, притчей, передавался бы изъ рода въ родъ, какъ что-то такое, что совершенно несовмѣстимо съ общепринятымъ міросозерцаніемъ. И это мы говоримъ еще о столоначальникахъ, а ужъ о канцелярскихъ чиновникахъ нашихъ и говорить нечего. Эти находятся вездѣ въ страшномъ загонѣ и униженіи, и на свое положеніе смотрятъ, какъ на нормальное.—Въ одинъ городъ—разслажемъ еще анекдотъ—пріѣхалъ предсѣдатель какого-то присутственнаго мѣста. Какъ обыкновенно водится, ему въ назначенный часъ представилась его канцеларія въ полномъ своемъ составѣ. Но къ общему представленію не успѣли поспѣть два маленькіе чиновничка. Это повергло ихъ въ великое раздумье: какъ быть? Неидти? замѣтить послѣ, что не были.—будетъ бѣда. Идти? Но какъ идти прямо подъ опалу на первый разъ,—дескать, извините, что опоздали. Думали, думали, наконецъ общимъ совѣтомъ положили: идти. Перекрестившись, прочитавъ: *Да воскреснетъ Богъ*, отправились и черезъ нѣсколько минутъ летятъ назадъ на всѣхъ парусахъ. «Ну, что?» спрашиваютъ съ нетерпѣніемъ товарищи, ожидавшіе ихъ, какъ пловцовъ съ бурнаго моря. «Да что, господа, славный начальникъ! Какъ только доложили объ насъ, вышелъ къ намъ, въ чемъ былъ, самъ въ переднюю, и не билъ, не ругалъ,—а сказалъ только: «что вы, свиньи, таскаетесь, когда надо заниматься дѣломъ?»

Такова форма отношеній начальниковъ и подчиненныхъ, наслѣ-

дованная нами отъ предковъ, освященная вѣками. Не говорить уже о томъ, что въ существѣ своемъ она нелѣпа, отвратительна, она, кромѣ того, вредитъ успѣху дѣла на каждомъ шагѣ тѣмъ самымъ, что исключаетъ возможность всякихъ человѣческихъ отношеній между начальникомъ и подчиненными. Ибо безъ этихъ человѣческихъ отношеній, основанныхъ на взаимномъ довѣрїи и уваженїи, «въ трудныхъ обстоятельствахъ, скажемъ словами П. И. Пирогова, когда начальнику понадобится серьезный трудъ его подчиненныхъ, когда нужно будетъ сдѣлать воззваніе къ ихъ чувству долга законности, къ благородству и достоинству человѣка, онъ не можетъ рассчитывать ни на себя, ни на другихъ». Нѣтъ сомнѣній, что всѣ начальники достойные своего званія тяготятся этой формой отношеній... Но начальники пустые, начальники по имени только, рады ей—этой формѣ почтительнаго и даже непочтительнаго отдаленія отъ себя подчиненныхъ. Потому что эта форма закрываетъ ихъ пустоту, охраняетъ ихъ внѣшнее значеніе въ глазахъ другихъ, и даетъ средство избавляться отъ людей, которые могли бы обнаружить ихъ злоупотребленія или неспособность. Къ чему сводится обыкновенно вся дѣятельность такихъ ничтожныхъ начальниковъ? Къ тому, чтобы охранять эту варварскую форму отношеній во всей ея неприкосновенности. Подчиненный, какъ бы ни былъ талантливъ, какъ бы ни былъ полезенъ для дѣла, но если онъ сознаетъ сколько нибудь свое человѣческое достоинство, если онъ не соблюдаетъ этой формы въ той гусошій пунктуальности, въ какой соблюдаютъ другіе, обвиняется обыкновенно въ неуваженіи къ начальству.

Обвиненіе по нашимъ законамъ весьма тяжелое, могущее сопровождаться громадными послѣдствіями для цѣлой жизни подчиненныхъ! Въ этомъ согласится съ нами всякій, кто знаетъ, что по нашему законодательству начальникъ имѣетъ право уволить подчиненнаго отъ должности, безъ объясненія причинъ увольненія, такъ что уволенный такимъ образомъ не имѣетъ права нигдѣ жаловаться, если бы увольненіе было и несправедливо; даже мѣсто въ другомъ вѣдомствѣ можетъ получить въ томъ только случаѣ, если новый начальникъ согласится принять его на свой страхъ...

А между тѣмъ понятіе о неуваженіи начальства, за что скорѣе всего можетъ пострадать человѣкъ, и за что больше и страдаютъ у насъ,—такъ гибко, такъ эластично именно для обвиненія, что и сказать нельзя! Чтобы понять это, мы должны помнить, что нигдѣ власть начальника не поставлена такъ широко, какъ у насъ. Начальникъ у насъ имѣетъ право смотрѣть за подчиненнымъ своимъ не только на службѣ, но и внѣ службы, вездѣ, наблюдать за его религіею, за его нравственностію, за его семейною жизнью,—и такимъ образомъ, если

начальникъ дурень, отравляетъ жизнь подчиненнаго и развращаетъ его самого въ самыхъ внутреннихъ основаніяхъ. Если подчиненный иначе понимаетъ религію, нежели начальникъ, если онъ имѣетъ другія понятія о нравственности, чѣмъ начальникъ, то—вотъ уже и неуваженіе къ начальству. А извѣстно, какія чудовищно-деморализированныя понятія существуютъ у насъ объ этихъ тонкихъ и деликатныхъ предметахъ!

«Одинъ называетъ нравственностью снѣжанье ему шляпы на улицѣ; другой называетъ нравственностью смотрѣнье сквозь пальцы на то, какъ онъ воруетъ; третій называетъ нравственностью услуги, оказываемыя его любовницѣ. Вѣдь, обыкновенно, какъ говорить всякій изъ нашей братии своимъ подчиненнымъ? — свысока говорить: «милостивый государь, старайтесь исполнить свой долгъ относительно Бога, государя, отечества, а ты — молъ, ужъ тамъ разумѣй относительно чего.»

А между тѣмъ разсматривая дѣла разумно, едва ли на 100 тыс. случаевъ мы найдемъ одинъ случай, когда бы можно было основательно и разумно обвинить человѣка въ неуваженіи къ начальству. Конечно, мы съ малыхъ лѣтъ привыкли слышать и продолжаемъ слышать почти каждодневно о неуваженіи разныхъ субъектовъ къ начальству, и такъ прислушались къ этимъ звукамъ: *неуваженіе къ начальству*, что не примѣчаемъ въ нихъ ничего страннаго, ничего дикаго... Но вникнемъ въ дѣло.

Что такое начальникъ?—Человѣкъ, который въ извѣстномъ порядкѣ служебной или другой дѣятельности, талантомъ, долголѣтнимъ трудомъ, добросовѣстнымъ исполненіемъ обязанностей, приобрѣлъ знанія и опытность, которыхъ никто не имѣетъ изъ его подчиненныхъ, и потому поставленъ въ главѣ этого порядка, какъ для того, чтобы порядокъ этотъ шелъ и на будущее время своимъ добрымъ путемъ, усовершенялся съ каждымъ днемъ, такъ и для того, чтобы руководствовать другихъ для изученія этого порядка... Я ли, другой ли, третій ли, кому случилось попасть въ колею этого порядка, не можетъ не чувствовать подавляющаго превосходства начальника въ знаніи служебномъ надъ собою. Если бы мы были выше его талантами, намъ никогда не сравняться съ его опытностію... Если мы видимъ при этомъ его дѣятельность, его безукоризненную во всѣхъ отношеніяхъ честность, его вполне человѣческія отношенія къ намъ, можемъ ли мы не уважать его? Что такое уваженіе къ другому, если не признаніе въ этомъ другомъ извѣстныхъ достоинствъ? — Если это достоинство есть въ немъ, я не могу не уважать его, если бы и не хотѣлъ этого. Въ противномъ случаѣ я долженъ отказаться отъ моей разумной природы, стать въ противо-

рѣчіе съ моею мыслию, съ моею совѣстію, съ моею уваженіемъ къ самому себѣ. Имя внутреннее уваженіе къ человѣку, я буду выражать его и вовнѣ, въ общепринятыхъ ли для этого знакахъ выраженія, или такихъ знакахъ, какія я лично нахожу разумными для выраженія моего внутренняго уваженія. Очень возможно, что мои личныя возрѣнія могутъ иногда не сойтись съ общепринятыми возрѣніями на внѣшніе знаки внутренняго уваженія... Но начальникъ дѣйствительно достойный, никогда не усумнится, чтобы анонимна эта пропсходила отъ неуваженія къ нему. Потому не усумнится, что нѣтъ причинъ думать, чтобы разумный человекъ, находясь въ здоровомъ умѣ, дѣлалъ вещи, которыя можетъ дѣлать только сумасшедшій. Есть извѣстная нравственная вѣра въ людей во всѣхъ насъ, основанная на знаніи натуры человѣческой вообще, на знаніи уровня общественнаго образованія, понятій и т. п., — вѣра, которой если бы не было въ насъ, то жизнь въ обществѣ была бы не только невозможна, но и невысказима. Встрѣчалась, наприимѣръ, каждоедневно со множествомъ людей, намъ совершенно неизвѣстныхъ, въ домахъ, на улицахъ, въ городахъ, селахъ, деревняхъ, мы твердо бываемъ увѣрены, что они не укусятъ насъ, не нападутъ на насъ, безъ причины не обругаютъ, мало того: увѣрены, что въ случаѣ несчастія окажутъ помощь или по крайней мѣрѣ покажутъ сочувствіе, каждый разумѣется, смотря по тому или другому своему личному взгляду на это дѣло. Конечно, возможны здѣсь, какъ и вездѣ, случаи исключительные. Но эти исключительные случаи такъ рѣдки и ничтожны, что ни въ комъ не подрываютъ общей нравственной вѣры къ людямъ. Точно также нѣтъ никакихъ причинъ не вѣрить, чтобы человекъ, видя въ другомъ достоинства, имѣющія при томъ благотворное вліяніе на его жизнь и дѣятельность, сталъ не признавать ихъ, или, что то же, сталъ не уважать лицо, имѣющее эти достоинства. Конечно, возможны и здѣсь исключительные случаи, но они такъ рѣдки, такъ ничтожны, что никакимъ образомъ не могутъ опровергать идеи общаго порядка.

Но если невозможно представить себѣ въ подчиненныхъ неуваженіе къ начальнику, имѣющему истинныя достоинства, то съ другой стороны невозможно представить и уваженія къ начальнику, не имѣющему такихъ достоинствъ. Здѣсь оно совершенно невысказимо потому, что гдѣ нѣтъ достоинства, тамъ уваженію не на чемъ и опереться. И здѣсь — то начинается скрытая и упорная борьба между начальникомъ и подчиненными или, точнѣе сказать, преслѣдованіе послѣднихъ, которое ведется у насъ въ очень многихъ мѣстахъ, — преслѣдованіе, которое разлагаетъ нравы подчиненныхъ и общества, служитъ крѣпкимъ фундаментомъ для пронырства, вѣдочья

честно, казнотраства и тому подобныя мучающей. Начинается съ того, что начальникъ, начинаясь подозрѣвать своихъ подчиненныхъ въ неуваженіи къ себѣ, — начинаетъ слѣдить за тѣмъ, кто подлѣ desks углоу отбавляетъ свою спину при поклоненіи ему, аэ стогиваетъ ли, пуговицы или не застегиваетъ, какъ говорить съ ними, какъ держитъ себя въ его присутствіи и проч. и проч. и проч. Все, вниманіе начальника подбодается бездѣлцами. На первый планъ выходятъ пролазы, приходимцы... Люди мыслящіе, даровитые, болѣе или менѣе независимые, отходятъ или на второй планъ, или вовсе вытѣсняются... Дѣло терается у всѣхъ изъ виду, вмѣсто службы начинается вредоудиванье... Наступаетъ царство шіонства, притѣсненій, несправедливостей, въ которомъ заслужившіе титулы макарныа, уважительныа къ начальству нагрѣвають обѣими рукама карманы...

«Какъ же быть?» скажутъ намъ. «Невозможно вѣдь и найти всегда начальника, являющаго достойныхъ своихъ востовъ». Это правда. Но какъ бы ни былъ слабъ начальникъ въ своихъ дарованіяхъ и своихъ спеціальныхъ знаніяхъ по той части, которою онъ управляетъ, ст мы все-таки думаемъ, что устраненіемъ личналичности въ своихъ отношеніяхъ къ подчиненнымъ, человѣческимъ съ ними обращеніемъ, безпристрастіемъ ко всѣмъ до своего крайнему разумнію, онъ успеетъ не только скорѣе привлечь къ себѣ людей способныхъ для службы, но и скорѣе заставить уважать себя за свои человѣческія достоинства, чѣмъ пресѣдованіемъ мнимоа неуваженія, шіонствомъ и тому подобными гадостями.

.. Однакоже мы дѣсколько уклонимся отъ дѣла. Изъ сказаннаго нами читатель усмотрѣть можетъ, что странная, помыслимому, теорія Н. И. Пирогова объ отношеніяхъ начальника и подчиненныхъ на самомъ дѣлѣ весьма проста и естественна, и должна бы быть для всѣхъ обыкновенною. На, удобопонятный языкъ можно перевести ее такимъ образомъ:

.. Когда вы дѣлаетесь начальникомъ, въ особенности, большимъ, на вашей обязанности лежитъ и большее дѣло. Какія бы вы таланты и силы, вы имѣли, — флцима, вамъ этого дѣла не слѣдуетъ. Вамъ нужны помощники. Помощники ваши и есть ваши подчиненные. Они, до частямъ будутъ выполнять тотъ планъ, который вы предположили выполнить. Отъ ихъ пониманія, добросовѣстности, усердія будетъ зависеть болѣе или менѣе, успѣнное выполнение вашего плана. Естественно, что для успѣха дѣла вы должны выекавать, или ваши дѣла и намѣренія и способъ самаго, исполненія; если они не понимаютъ, должны имъ объяснить дѣло; если они сами неауютъ, не доверяютъ, должны опровергнуть ихъ сомнѣнія, разсѣять недоверіе,

убѣдить ихъ въ совершенномъ пониманіи вашихъ дѣла. Только при разумномъ убѣжденіи ихъ въ дѣлѣ и полномъ довѣрїи къ вамъ и можно ожидать отъ нихъ полного усердія. Но съ этой точки зрѣнія они выходятъ уже не столько ваши подчиненные, сколько товарищи. Уваженіе и довѣріе къ ихъ личности, къ ихъ усердію и добросовѣстности должно быть основою вашихъ отношеній къ нимъ. Тогда только вы можете быть твердо увѣренны, что дѣло, вами производимое, будетъ исполнено не по формѣ только, не для виду, а съ любовью, съ энергіею, отъ которыхъ зависить успѣхъ дѣла. — Казалось бы, сдѣлать все это не такъ трудно; казалось бы, стоило какому начальнику только захотѣть быть хорошимъ начальникомъ — и онъ сдѣлался бы такимъ начальникомъ. Но на самомъ дѣлѣ, для важнаго успѣха дѣла, здѣсь требуется многое: требуется полное знаніе того дѣла, которымъ онъ заправляетъ, требуется ясно сознанный цѣль и не менѣе ясно сознанный планъ для ея исполненія, твердая увѣренность въ вѣрности этого плана, глубокое уваженіе къ личности человѣческой, въ какомъ бы видѣ она ни являлась, умѣнье словомъ и дѣломъ внушить всякому къ себѣ довѣріе и вѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, дѣйствительная чистота и безукоризненность своихъ намѣреній и дѣйствій. Всѣ эти качества весьма рѣдко соединяются въ одномъ лицѣ. Но за то человѣкъ, въ которомъ они соединяются, производитъ чудеса... Во время войны подобныя лица замѣняютъ арміи; въ мирное время каждый изъ нихъ, разумѣется, въ своемъ дѣлѣ замѣняетъ цѣлыя управленія совѣщательныя, распорядительныя, наблюдательныя, исполнительныя и т. д. Такимъ является и Н. И. Широковъ во время дѣятельности своей въ кіевскомъ учебномъ округѣ. Цѣлый край съ разнохарактернымъ населеніемъ, съ разнообразными тенденціями проникается взглядомъ и мыслію одного человѣка, высказываетъ ему свое горячее участіе и сочувствіе въ дѣлѣ, въ которомъ нѣтъ ни дивиденда, никакихъ коммерческихъ барышей, и въ которомъ доселѣ никогда не было заинтересовано наше общество, работаетъ со всею энергіею силъ, со всею искренностію убѣжденія, что онъ дѣлаетъ дѣло полезное, которое дастъ богатые плоды для жизни въ будущемъ. Развѣ это, читатель, не чудо?

Блестательный успѣхъ, которымъ увѣчалась дѣятельность Н. И. Широкова въ Кіевѣ, показываетъ намъ, что какъ, повидимому, не апатично наше общество, какъ ни мало, повидимому, показываетъ оно расположенія къ серьезной дѣятельности, во не самое дѣлѣ воскрешеніе его, возбужденіе къ такой дѣятельности вовсе не трудно. Нужно только людей, людей и людей! — Сознаніе прелепей своей пустоты, стремленіе выйдти изъ этой пустоты, общее напра-

женное желаніе поставить себя иначе, чѣмъ было доселѣ; вообще, элементы броженія, хаотическая масса, изъ которой должна образоваться новая жизнь, видѣются повсюду. Но нѣтъ людей, которые бы указали, что нужно дѣлать и какъ, указали исходъ и работу силамъ, дали форму хаосу. При отсутствіи такихъ людей, напряженный силы сами ищутъ себѣ исхода, работы, какой могутъ, по крайнему своему разумѣнію, и не всегда попадаютъ въ цѣль. Образуется не мало обществъ съ цѣлями иногда совершенно пустыми, иногда неудобносполнимыми, и, естественно, не только не удовлетворяютъ стремленію къ дѣятельности, а еще болѣе раздражаютъ его въ однихъ, — подрывая вѣствѣ съ тѣмъ въ другихъ довѣріе къ обществамъ, дѣйствительно полезнымъ.—Въ дѣло верѣдко имѣшивается спекуляція. Спекуляція поняла лихорадочное напряженіе общества, жаждущее дѣятельности, и старается извлечь изъ него свою пользу, придумывая разныя промышленныя и торговыя компаніи для того только, чтобы благовиднѣе обирать милыхъ акціонеровъ. Въ нынѣшней книжкѣ «Современника» читатели прочтутъ въ «Громотеодъ» алую и мѣткую карикатуру, какъ ловкіе промышленники, пользуясь напряженіемъ силъ неопытнаго общества, ловятъ въ мутной водѣ рыбку,—и какъ рядомъ съ этимъ, неруководимыя уже книжкѣмъ, возникаютъ общества, лишеныя всякаго практическаго смысла и цѣли. Приводимъ здѣсь коротенькую сцену, ловко обрисовывающую: насколько бываетъ пракческаго пониманія дѣла въ учредителяхъ обществъ послѣдняго рода.

ДѢЯНІЕ XI.

Дергачевъ и княгиня Подольская.

Кн. Подольская (*въ шляпкѣ и съ муфтой въ рукахъ, выходитъ черезъ контору*). Bonjour, M-г Дергачевъ, — какъ проживаете?

Дергачевъ (*попыльно приставъ*). Здравствуйте, княгиня. Вотъ неожиданно обрадовали! Позвольте вашу муфту (*береть муфту*); да снимите шляпку, и присядьте къ камину. Я думаю, озябли;—кажется, холодно.

Кн. Подольская. Нѣтъ, сего, куда озябнуть! Я съ ранняго утра ужъ на ногахъ, и успѣла побывать въ десяти мѣстахъ... Вы знаете, что я еще очень жива... для моихъ лѣтъ... (*Садится на поданное ей кресло, и сжимаетъ перчатку*).

Дергачевъ (*перевисал*). Полноте вызывать меня на комплименты... Позвольте, лучше, поцаловать вашу ручку! (*Цалуетъ ея руку*,

съ искусственнымъ увлеченіемъ, и молится се опустить). Какая рука! Кажется, не будь я жената, я былъ бы способенъ теперь на чудовищный поступокъ... (*Хочетъ повторить поцалуй*).

Кн. Подольская (*кончила отдергивая руку, ко тѣмъ, что Дергачевъ успѣваетъ се поцаловать*): Finissez, finissez! Я вовсе не желаю искушать васъ, — перестаньте; — иначе, я буду жалѣть, что вошла сюда безъ Екатерины Ивановны... (*Съ торжественностью*) Мы съ ней друзья; я вовсе не хочу разстроивать ваше семейное счастье.. Полноте шутить, успокойтесь, и поговорите о дѣлѣ... Я съ утра въ каретѣ — все хлопочу о жидовчкѣ, которую завтра будутъ приставить... Что это за милое созданье!.. Забвжала кунить для нея претикъ и ризки, а теперь явилась къ Катеринѣ Ивановнѣ — предложить ей билетъ *dame patronesse* въ нашемъ благотворительномъ обществѣ... Но миѣ сказали, что ея нѣтъ дома; вотъ я и пришла сюда...

Дергачевъ (*перебивая*). Въ какомъ благотворительномъ обществѣ?

Кн. Подольская. А какъ же? У насъ устроивается новое благотворительное общество для пособія швеямъ.

Дергачевъ. Швеямъ, — какимъ швеямъ?

Кн. Подольская. Бѣдвымъ швеямъ.... Давно бы пора и это взяться... Вы вѣдь знаете, въ какомъ моральномъ... (*мнѣтъ ироніи*) *dans quel abrutissement moral* находятся эти созданія... Назначеніе нашего общества — поднять ихъ нравственно!.. Не правда ли, прекрасная цѣль?

Дергачевъ (*сдерживая улыбку*). Прекрасная, прекрасная; но какъ же вы этого добьетесь? Принимаюсь, мой слабій умъ оставался бы передъ такой задачей...

Кн. Подольская. Это потому, что вы, мужичины, хотите всегда дѣйствовать умомъ, однимъ только умомъ... Нѣтъ, въ такихъ дѣлахъ нужно участіе сердца, — женскаго, любящаго сердца...

Дергачевъ. Но я все-таки не вижу, какія у васъ средства?..

Кн. Подольская (*съ неудовольствіемъ*). Какъ не видите?... И развѣ не довольно женщинѣ за-что нибудь взяться, чтобы достигнуть цѣли?... Мы будемъ посѣщать этихъ швей, бесѣдовать съ ними, возить имъ книги, заказывать поучительныя статьи для нихъ. Тамъ, которыя будутъ отличаться нравственностію, будемъ выдавать награды — родъ шифра: съ одной стороны *пчелка* — эмблема трудолюбія, а съ другой надпись: «За добрую нравственность». Тамъ же, которыя на возрастъ, мы будемъ стараться отыскивать хорошихъ жениховъ... (*Съ торжественными видами*) Теперь пошла!

Дергачевъ (*показывая видъ совершеннаго участія*). Дѣлать

нѣсть очень почтенная и очень занимательная... (Простодушно) Скажите, какъ взгляды-то разные!.. Въ молодости, т. е. въ ранней молодости, до женитьбы, я часто проводилъ время между гризетками; но ни въ видѣ, право, никогда и въ голову не приходило приняться за такъ нравственное возрожденіе...

Кн. Подольская (полновъ насмѣшку и ударивъ Дерягина по рукамъ). Вотъ вамъ за это, насмѣшникъ! Да еще пожалуюсь Катеринѣ Ивановѣ; расскажу ей, какъ ваша супружеская вѣрность держится на волоскѣ!.. Однако, полно те шутить.

Всякое общество, добросовѣстно учреждаемое, имѣетъ въ виду добрую цѣль, — и, конечно, грѣшно было бы снѣяться надъ нимъ даже и въ томъ случаѣ, если бы цѣль была избрана или не практически, если бы не были разсчитаны вѣрно средства для ея достиженія и если бы наконецъ самое общество, не сдѣлавъ ничего хорошаго, исчезло, какъ и исчезаютъ многія подобныя общества. Но жаль силъ, которыя у насъ, гдѣ и безъ того такъ мало дѣятельности, тратятся нерасчетливо, попусту. А кромѣ того, мы замѣтили уже выше, что эти благонаправленныя, но безполезныя общества имѣютъ и вредную сторону. Они подрываютъ довѣріе къ обществамъ дѣйствительно полезнымъ. Поэтому весьма было бы желательно, чтобы лица, имѣющія въ виду учрежденіе какихъ нибудь обществъ, въ видахъ общаго благосостоянія, свои предположенія объ устройствѣ обществъ предлагали печатно на общее обсужденіе. Общества приобретутъ себѣ отъ этого дѣятельность при самомъ зарожденіи, — а между тѣмъ вѣрно найдется много людей свѣдущихъ и практическихъ, которые укажутъ имъ ошибки въ ихъ предположеніяхъ, укажутъ возможность или невозможность осуществленія предполагаемыхъ ими цѣлей, а выйдеть съ тѣмъ, если цѣль осуществима, укажутъ и средства, какъ легче достигчь ея. Теперь, когда общества обыкновенно являются на свѣтъ, какъ грибы, вслѣдствіе нежданнаго нѣтъ, въ одно прекрасное утро, весьма часто приходится удивляться громадности цѣлей, предполагаемыхъ обществомъ, и недоумѣвать о средствахъ, какими общество думаетъ достигнуть этихъ цѣлей. Уставы нашихъ обществъ весьма рѣдко объясняютъ что нибудь въ этихъ случаяхъ. Въ нихъ обыкновенно изображается только канцелярская сторона дѣла, т. е., какъ производить въ члены, секретари, казначей, председатели, — да какъ вести письменную часть или канцелярскую часть, — да какъ должно реализовать отчетность и прочее, а въ прочемъ же родѣ, а о дѣлѣ, или о цѣли.

Возьмемъ, напримѣръ, хотя недавно, именно 3 февраля нынѣшняго года, явившееся общество *доставленія дешевыхъ квартиръ и другихъ пособій нуждающимся жителямъ Петербурга*.

«Общество это, — такъ гласитъ первый § его устава, — имѣетъ главною цѣлю наемъ квартиръ для отдачи ихъ нуждающимся за возможно умѣренную плату. Впрочемъ, по мѣрѣ увеличенія денежныхъ средствъ общества, оно можетъ оказывать вспомошествованіе бѣднымъ и въ другихъ видахъ, какъ-то: доставленіемъ имъ работы, снабженіемъ ихъ пищею, одеждою, медицинскими пособіями и т. п.»

Даже и безъ дополнительнаго *спрочемъ*, цѣль общества, какъ видите, читатель, почтенная и въ высшей степени интересная для бѣдныхъ жителей Петербурга. Бѣдные люди въ Петербургѣ дѣйствительно разорены квартирами, — но и, разоряясь, какія гнусныя они занимаютъ логовища. Сколько этими логовищами уносится здоровья, сколько преждевременно истребляется жизни!

Но вопросъ объ удешевленіи квартиръ — вопросъ громадный, и рѣшить его не такъ легко, какъ представляется это обществу.

Дороговизна квартиръ состоитъ, очевидно, въ связи съ общою дороговизною на всѣ предметы потребленія. Само собою разумѣется, что дороговизна квартиръ всегда и останется въ этой необходимой связи. Не можетъ же домовладѣлецъ, какъ бы гуманно онъ ни былъ настроенъ, понизить цѣны на квартиры въ своемъ домѣ, если дороговизна разныхъ предметовъ потребленія отнимаетъ, при пониженіи цѣны на квартиры, всякій процентъ на затраченный на домъ капиталъ. Вопросъ, значитъ, въ томъ только: дороговизна квартиръ находится ли въ точной соразмѣрности съ дороговизною на другіе предметы? не превышаетъ ли она того нормальнаго уровня, который условливается послѣдней?

Если дѣйствительно превышаетъ, если высокія цѣны на квартиры зависятъ много отъ произвола хозяевъ, то единственное средство удешевить цѣну квартиръ — вступить въ конкуренцію съ домовладѣльцами. И какъ въ Петербургѣ бѣднаго населенія надобно считать за крайней мѣрѣ $\frac{3}{4}$, то надобно купить или построить, по крайней мѣрѣ, столько же домовъ, сколько по слухамъ имѣетъ прославленный Соронинъ, т. е. до 70, чтобы заставить остальныхъ домовладѣльцевъ довольствоваться умѣреннымъ процентомъ. Гдѣ же общество возьметъ такіе громадные капиталы?

Если же дороговизна квартиръ нормальная, что тутъ будетъ дѣлать общество? Оно можетъ, конечно, законтрактовывать большіе дома и, затѣмъ, раздѣливъ ихъ на мелкія квартиры отдавать эти квартиры бѣднымъ по дешевой цѣнѣ, такъ, чтобы цѣны отданныхъ квартиръ не превышали той цѣны, которой стоятъ эти квартиры

въ гуртовой законтрактованной цѣнѣ. Отдѣльныя квартиры могутъ такимъ образомъ дѣйствительно понизиться въ цѣнѣ. Но, во-первыхъ, въ Петербургѣ изъ 100 домовъ едва ли можно найти 10 домовъ, которые бы можно было приспособить для житія бѣдныхъ (мы разумѣемъ улицы, къ житію въ которыхъ бѣдныхъ людей привлекаетъ самая работа),—да трудно найти и дома, которые бы въ полномъ ихъ составѣ домовладѣльцы согласились отдать для житія бѣднымъ людямъ. А кромѣ того, мы думаемъ, что едва общество покажетъ желаніе законтрактовывать дома для бѣдныхъ, домовладѣльцы удобныхъ для этого домовъ непременно возвысятъ цѣны и общество, вопреки, конечно, своему желанію, подастъ поводъ къ повышенію цѣнъ на квартиры вообще.

Впрочемъ, быть можетъ, мы и ошибаемся. Можетъ быть, общество не имѣетъ вовсе въ виду такихъ обширныхъ плановъ. Быть можетъ, оно хочетъ облегчить намъ квартирѣ для тѣхъ только бѣдныхъ, которые будутъ пользоваться его благотворительностію... Въ такомъ случаѣ, для чего такое блестящее названіе: *общество доставленія дешевыхъ квартиръ* и проч.? И для чего въ такомъ случаѣ даже особенное общество? Почему бы учредителямъ общества не соединить свои силы съ существующими уже многочисленными обществами для вспоможенія вообще бѣднымъ въ какомъ бы то ни было родѣ?

Но спросятъ насъ: для чего мы дѣлаемъ разныя предположенія о дѣствіяхъ и намѣреніяхъ общества? Отчего не справимся въ уставѣ, что будетъ дѣлать общество? Да ничего, читатель, нѣтъ въ уставѣ. Въ уставѣ идетъ рѣчь о составѣ комитета, о членахъ, о канцелярскомъ порядкѣ и проч. Вообще уставъ общества доставленія дешевыхъ квартиръ въ Петербургѣ—предмета такого интереснаго и желаннаго—состоитъ всего изъ 30 §§, которые умѣстятся на страницѣхъ любого журнала.

Но въ уставѣ общества доставленія дешевыхъ квартиръ, не смотря на его миниатюрность, намъ понравилось одно малое и предусмотрительное со стороны учредителей общества примѣчаніе 1 къ § 15, котораго не можемъ не сообщить къ свѣдѣнію для пользы всѣхъ, намѣреющихся устроить новыя общества.

Примѣчаніе это гласитъ такъ: «если по поводу найма квартиру или по другимъ обстоятельствамъ, комитетъ вступитъ въ какія либо контрактныя обязательства, то, въ случаѣ неисполненія оныхъ, ответственность за сіе обращается на все имущество общества, не исключая, впрочемъ, личнаго имущества его членовъ» (см. Уст. прилож. къ № 24 «Сенат. Видом.»).

Милое примѣчаніе, читатель.—неправда ли? Дескать, отдухаешь общественнаго имущества, какъ онаемъ, за наши грѣхи. Въ какой бы восторгъ пришли все строительныя и другіе комитеты, если бы такое милое примѣчаніе распространять и на нихъ! — А то у насъ заесть въ этомъ случаѣ ужасно неделикатный! Дескать, пусть отвѣчаютъ всегда виновные! Зачѣмъ тутъ, сараниваетъ, виновные, когда во всѣхъ комитетахъ есть общественное, есть казенное и другое имущество? Но вотъ вопросъ: какъ тутъ быть, если комитеты недѣлаютъ и не исполняютъ контрактныхъ обязательствъ слыхившихъ много, такъ что общественнаго имущества на отвѣтственность не хватаетъ? Въ примѣчаніи этого не полно. Но подобно полагаю что въ такомъ случаѣ дѣло, за несостоятельностью виновнаго т. е. общественнаго имущества къ платежу, передается волѣ Божіей. Воображаемъ, съ какими восторгомъ домовладѣльцы потекутъ въ комитетъ общества доставленія дешевыхъ квартиръ заадресовать свои дома, когда узнаютъ о такомъ милымъ примѣчаніи его устава, исполнѣ обеспечивающемъ слѣдующія условія!

Читатель видитъ, что таинственность, которою любятъ окружать себя наши общества, составляетъ для нихъ великое зло уже при самомъ ихъ происхожденіи. Въ дальнѣйшей судьбѣ ихъ она же служитъ болѣею частію причиною малоуспѣшнаго, а иногда вовсе неуспѣшнаго ихъ дѣйствія. Такъ, напримѣръ, по извѣстію «Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», саратовское дамское попечительство о бѣдныхъ, существуя около 3 лѣтъ, для многихъ жителей города представляется миеомъ, потому что всѣ бѣдные обращаются къ одному или двумъ извѣстнымъ лицамъ въ городѣ съ просьбою о помощи, и когда одно лице не имѣетъ физической возможности удовлетворить всѣхъ бѣдныхъ, то слышатся въ разныхъ мѣстахъ неудовольствія на учрежденіе, не исполняющее будто бы своего назначенія. Между тѣмъ саратовское попечительство о бѣдныхъ состоитъ изъ предсѣдательницы, изъ попечительницъ, завѣдывающихъ разными частями города—отдѣленіями попечительства, изъ сотрудницъ завѣдывающихъ кварталами, на которую дѣлится каждое отдѣленіе попечительства; наконецъ изъ членовъ сотрудницъ, которыхъ избираютъ себѣ въ помощь сотрудницы. Въ Москвѣ, — ишеть апрѣрь, у котораго мы заимствуемъ эти записки, — попечительство о бѣдныхъ существуетъ не три года, какъ саратовское, а живетъ около 15 лѣтъ, но мы ни разу не видали въ газетахъ именъ его членовъ и ихъ, хоть бы, годовыкъ отозовъ... Общественная благотворительность, говоритъ далѣе авторъ, — нуждается въ полной гласности, хотя бы для того только, чтобы избѣжать пустаго обви-

ствѣ и освободиться отъ бюрократическихъ вкусовъ. Наше общество любитъ подражать во всей своей жизни французамъ. Отчего же бы не взять за образецъ и полную гласность, и строгую отчетность французскихъ благотворительныхъ обществъ, хотя бы, напримеръ, даяскихъ? Во Франціи, какъ извѣстно, уже около 15 лѣтъ существуютъ пріюты для грудныхъ младенцевъ, извѣстные подъ именемъ яслей (crèches), устроенные дамами. На эти заведенія сначала было много нападокъ и въ обществѣ, и въ литературѣ, — и дамы не считали глумительнымъ отвѣчать почтено и принимать къ свѣдѣнію и исполненію, что было въ этихъ нападахъ справедливаго, и опровергать то, что было ложно: Самая строгая отчетность и полная гласность, тесноотвующія въ этихъ заведеніяхъ сначала и доселѣ, сдѣлали ихъ популярными и распространили быстро по всей Франціи («Совр. Лѣт.» Р. В. № 20, ст. 24).

Но если дѣятельность нашего неопытнаго, ищущаго себѣ работы общества обращается иногда на предметы пустые, бесполезные или неосуществимые, то рядомъ съ этимъ основывается не мало обществъ, задуманныхъ умно, практически, соображенныхъ съ дѣйствительными потребностями и обеспеченныхъ въ средствахъ для своихъ цѣлей.

Изъ числа такихъ обществъ съ особеннымъ удовольствіемъ сообщаемъ свѣдѣніе объ обществѣ ярославскихъ врачей, основавшихъ въ Ярославлѣ лечебницу для приходящихъ больныхъ.

«Всѣмъ извѣстно, — пишетъ корреспондентъ Р. В. («Совр. Лѣт. № 19, стр. 28), — что значить болѣзнь отца семейства, сколько страданій и лишений это несчастіе приноситъ въ семью, до того времени жившую спокойно и относительно счастливо! Заботы, труды, забота въ семьѣ: все изменилось въ ней, сколько явилось въ ней новыхъ заботъ, и кому неизвѣстны эти заботы? Казалось бы, съ появленіемъ больного въ городскую больницу, труды и заботы семьи должны были бы облегчаться нѣтъ, тогда, вмѣсто заботъ, являлся горе, тоска и новыя мученія. Оставалась семья, для своего прокормленія, надерживать послѣднюю копейку, сбереженную на черный день. Отецъ же, вмѣсто того, чтобы приобрести спокойствіе въ больницѣ, находится въ мучительной тревогѣ объ участіи и средствахъ домашнихъ: а при этомъ могутъ ли облегчаться и его физическія страданія?

«Та же участь постигаетъ въ больницѣ всякаго служащаго и работника, хотя бы онъ и не былъ семейнымъ человекомъ. Онъ остается безъ жалованья и, еще хуже, теряетъ хорошее мѣсто, а

торымъ онъ сильно дорожилъ. Поступая въ больницу, всякій заболѣвшій долженъ притомъ заплатить въ больничную контору, за цѣлый мѣсяцъ впередъ, значительную сумму денегъ, равняющуюся двухъ и даже трехъ-мѣсячному жалованью. Хотя бы пробылъ больной только одну недѣлю въ больницѣ, но по выздоровленіи, заплаченные деньги ему невозвратятся, — онъ поступаетъ въ пользу больницы.

«Общество врачей желало, сколь возможно, болѣе практически разрѣшить трудную задачу: каждому заболѣвшему дать возможность во всякое время получить приличную помощь, не отрываясь отъ обычныхъ занятій и отъ семьи; возможность излечиться *tuto, cito et jucunde* (по правилу древнихъ врачей, лучше котораго ничего нельзя придумать и для современнаго общества). Общество врачей поставило за основаніе своей дѣятельности ту истину, что все родное, кровное и собственное больного должно имѣть самыя благодѣтельныя вліянія, какъ на душевное, такъ и на тѣлесное его состояніе. Конечно, бываютъ исключенія, но бываютъ рѣдко, и развѣ при слишкомъ неблагоприятныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ. Сюда присоединялось и другое соображеніе. Болѣзнь не всегда служитъ помѣхой къ труду, которымъ въ обычное время занимался больной. Къ чему же напрасно и у самого больного отнимать время и у всего общества лишнія руки? Вѣдь каждый членъ общества, чѣмъ менѣе остается безучастнымъ въ общественномъ трудѣ, тѣмъ болѣе выигрываетъ само общество.

«Мысль объ устройствѣ лечебницы для приходящихъ больныхъ, преимущественно бѣдныхъ, уже давно ходила въ ярославскомъ обществѣ; но она выражалась въ видѣ отдѣльныхъ желаній, тѣмъ или другимъ лицомъ высказываемыхъ. Года два назадъ, въ подобномъ желаніи соединилось нѣсколько благотворителей. Однимъ врачомъ составленъ былъ потомъ проектъ устройства лечебницы; наконецъ, въ настоящее время почти всѣ здѣсь находящіеся врачи, числомъ 18, нѣсколько разъ обсудивъ составленный проектъ устройства лечебницы, согласились между собою осуществить его, и съ этою цѣлію представили его, въ концѣ декабря, на утвержденіе начальства.

«Желанія врачей были встрѣчены теплымъ участіемъ ярославскаго губернатора, князя Алексея Васильевича Оболенскаго: онъ ободрилъ врачей надеждою, что къ развитію ихъ дѣятельности не могутъ не явиться матеріальныя средства со стороны жителей города, достаточно населеннаго и промышленнаго. Дѣйствительно, при первыхъ же слухахъ, что уставъ лечебницы поступилъ на разсмотрѣніе начальства, почетный гражданинъ А. М. Пастуховъ подни-

сать, для устройства предпріятія, 500 р. сер. Въ то же время ищется въ виду доставить для лечебницы даровое удобное помѣщеніе.

«Въ первыхъ числахъ марта, уставъ лѣчебницы былъ утвержденъ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ. Главныя положенія этого устава слѣдующія: Общество врачей открываетъ учрежденіе, въ которомъ больнымъ всѣхъ званій даются врачебныя совѣты, а бѣдные снабжаются и бѣсплатными лекарствами, выдаваемыми на счетъ учрежденія изъ вольныхъ городскихъ аптекъ. Съ этою цѣлю открывается лечебница въ центрѣ города, около рынка. Устройство, поддержаніе и дальнѣйшее существованіе лечебницы будетъ зависеть отъ добродѣтельныхъ жертвованій. Съ 11 часовъ утра до 1 часу по полудни въ лечебницѣ дежурятъ два врача, обизующіеся осматривать приходящихъ больныхъ и снабжать ихъ совѣтами и рецептами. Тутъ же дается небольшая хирургическая помощь. Съ этою, между прочимъ, цѣлю, при лечебницѣ находится и фельдшеръ. Званіе и лѣта больного, его болѣзнь и леченіе записываются въ книгу. Для нѣкоторыхъ женскихъ болѣзней, при лечебницѣ находится акушерка. Всѣ дѣла, касающіяся до врачебной и хозяйственной дѣятельности лечебницы, рѣшаются врачами по большинству голосовъ. Чтобы каждый врачъ сохранилъ наиболѣе полное право свободно высказывать свои мнѣнія и имѣть совершенно равное съ другими участіе въ дѣлахъ лечебницы, общество врачей отказалось отъ мысли выбирать начальника, директора лечебницы или президента медицинскихъ совѣщаній. Только непосредственный надсмотръ за порядкомъ, цѣлостію имуществъ лечебницы и всѣ оффиціальныя сношенія поручены одному лицу, А. И. Теропову, принявшему при составленіи и осуществленіи проекта особенное участіе. Для болѣе тѣсной связи съ городскимъ обществомъ, въ видахъ обезпеченія матеріальныхъ средствъ лечебницы, общество врачей просило у начальства позволенія имѣть попечителя лечебницы, и, получивъ разрѣшеніе, обратилось съ предложеніемъ этого званія къ ярославскому купцу, П. И. Кузнецову. Установить же нравственную связь между городскимъ населеніемъ и дѣятельностію лечебницы—дѣло уже самихъ врачей; своими научными званіями и гуманнымъ ихъ приложеніемъ они одни могутъ достигнуть главной своей цѣли: сдѣлать лѣчебницу общественною. Разъ въ недѣлю врачи собираются въ лѣчебницу для совѣщаній, частію хозяйственныхъ, касающихся до устройства ея, частію чисто-медицинскихъ. Предметомъ этихъ послѣднихъ бываетъ: критическій разборъ вновь предложенныхъ средствъ для распознаванія болѣзней; приведеніе способовъ леченія къ большей простотѣ и рациональности для скорѣйшаго и удобнѣйшаго

врачеванія болѣзни; разсужденія о: случаяхъ болѣзней, вътрѣшнихъ врачеваній во время нѣхъ дежурства и особенно замѣчательныхъ по трудности для діагностики, или по обширности патологическаго процесса, или по другимъ отношеніямъ. Здѣсь же читаются и обсуждаются статьи, касающіяся новыхъ вопросовъ науки. Лечебница получаетъ русскія медицинскія газеты; она снабжена небо-ольшимъ запасомъ хирургическихъ инструментовъ, который: современно върво увеличивается.

«Лечебница помѣщается въ нижнемъ этажѣ дома, принадлежащаго приказу общественного призрѣнія (приказъ уступилъ даромъ это помѣщеніе); здѣсь она имѣетъ пять паратныхъ и свѣтлыхъ комнатъ. Какъ сказано, она находится въ центрѣ города, около рынка.

Цѣль достаточное помѣщеніе для лечебницы; я надеюсь сверхъ того на увеличеніе своихъ матеріальныхъ средствъ, общество врачей составило еще проектъ объ устройствѣ при ней же лечебницъ родильнаго отдѣленія. Главною цѣлью этого отдѣленія было бы доставить приютъ бѣднымъ роженицамъ во время родовъ и въ послѣ-родовомъ состояніи. Медицинскую и акушерскую помощь обязаны во всякое время выполнять 10 врачей, согласившихся поведѣливо заниматься въ этомъ отдѣленіи. Въ отдѣльной комнатѣ правоблаженнаго мѣстности на счетъ лечебницы шесть кроватей съ полнымъ хозяйствомъ и женскою прислугой. Нѣкоторыя благотворительныя дамы уже снабдили лечебницу дѣтскими бѣльемъ. Занимающаяся въ лечебницѣ акушерка занимается хозяйствомъ и будетъ помогать роженицамъ своими познаніями. Отъ роженицъ не потребуются свидѣнія ни о званіи, ни о занятіяхъ и т. д.»

Намъ нѣтъ нужды говорить, какъ бы было полезно, если бы наши врачи во всѣхъ нашихъ губернскихъ городахъ основали изъ себя подобныя ярославскому обществу. Известно всѣмъ, какъ скоро въ провинціяхъ улетучиваются свѣдѣнія у большей части врачей, пріобрѣтенныя ими въ академіяхъ и университетахъ, какъ, вступая въ благословенную провинціальную жизнь, на терпимую инокитихъ умственныхъ напряженій, любящую только жирные объѣды, покой, да карты, они скоро забываютъ и терапію, и хирургию, и патологію, объ анатоміи и говорить нечего, и во временахъ только справляясь съ фармакологіей, — виноваты, съ рецептурой, — чтобы не вторить въ лекарство какого нибудь нерастворимаго вещества и не подвергнуться насмѣшкамъ аптекаря, дѣлаются людьми аморальными и общественными; отлучно вынимаютъ, отлучно играютъ съ карты, отлучно охотятся, рассказываютъ остроумнѣшіе анекдоты, высканываютъ и выдѣлываютъ сочиненія академическія любос-

ности передъ дамами и т. д. Свое медицинское служеніе ограничиваютъ тѣмъ, что, по приглашенію полиціи, разсѣкаютъ трупы, и Богъ ихъ вѣдаетъ, что они тамъ находятъ, — а впрочемъ находятъ и что ищутъ — это еще вопросъ; зато на нервознымъ дамамъ изъ мѣстныхъ аристократовъ прописываютъ немалѣнную aqua sacchari, испѣляющую, какъ извѣстно, всѣ дамскія болѣзни радикально, — прозойдутъ ли этѣ болѣзни, отъ домашней потасовки супруга съ супругою (что бываетъ иногда!), или целокупна мужемъ своей дражайшей половинѣ шарабана, который извѣстный въ городѣ откупщикъ Иванъичъ давно уже купилъ своей супругѣ, или отъ измѣны невѣрнаго, или отъ другихъ причинъ, — остальнымъ же больнымъ всѣмъ безъ исключенія прописываютъ бузину, мадину, аглицкую и другія соли и касторовое масло. Лекарства эти, если и не исцѣляютъ отъ всѣхъ болѣзней, то и вреда не дѣлаютъ. — Основаны же они на глубокомъ знаніи натуры русскаго человѣка, который чаще всего боится болями желудка, потому что любитъ покушать въ сласть и въ сытость. Другія болѣзни если изрѣдка и бываютъ съ нимъ, то отъ нихъ онъ отвернется и безъ докторовъ. Да едва ли и найдется много провинціальныхъ докторовъ, которые стумѣли бы, при помощи науки, отвергуть его отъ мудреныхъ болѣзней. Пожалуй, мучуть хитрѣе, еще хуже сдѣлаютъ, — а потому и хорошо, что они ведутъ свое дѣло добросовѣстно и мудреныхъ лекарствъ не придумываютъ. Этими мы впрочемъ никакъ не хотимъ сказать, чтобы провинціальнымъ докторамъ не слѣдовало стоять постоянно въ уровень съ современною медициною и знать всѣ ея хитрости... Несмотря, это было бы весьма хорошо и весьма желательное... Но это не всегда зависитъ отъ нихъ... Случается, что глухая провинціальная медицина даетъ самыя лучшія таланты... У доктора нѣтъ средствъ, чтобы заниматься, нѣтъ ни книгъ, ни нужныхъ аппаратовъ, не съ кѣмъ перемолвить слова о наукѣ, ни въ концѣ нелзя найти не только содѣйствія, простаго сочувствія своему дѣлу... Въ этомъ отношеніи общество, основанное ярославскими врачами, великое дѣло; оно не только удержитъ отъ уступченія приобретеннаго имъ прежде свѣдѣнія, но дастъ имъ возможность постоянно идти впередъ въ ономъ знаніяхъ и держаться уровня современной науки.

О пользѣ подобнаго общества для больницъ и говорить нечего. Живущіе въ Петербургѣ знаютъ, какъ много дѣлаютъ добра всѣмъ классамъ общества и состояніемъ Максимидановская лечебница для приходящихъ. Не забудемъ при этомъ, что въ Петербургѣ есть тысячи врачей и множество больницъ съ достойными докторскими, да и больній во всякое время можетъ найти медицина. Въ провинці-

цѣлѣть больных, особенно бѣдныхъ больных, схваченный вдругъ, можетъ въ теченіе сутокъ напрасно проискать врача и отправиться на тотъ свѣтъ, не дождавшемся его. Отправляйтесь за врачомъ въ потерпящемъ отлагательства случаѣ, — и услышите, что одного врача дома нѣтъ, другой уѣхалъ изъ города, третій спитъ и его не смѣютъ разбудить (такихъ впрочемъ и будить не слѣдуетъ: *quiescant in pace!*). четвертый... да однимъ словомъ — никакого не найдете.

«Хороши врачи», скажете вы. Да, дѣйствительно врачей нашихъ, по крайней мѣрѣ, многихъ изъ нихъ хвалить нельзя. Нельзя сказать, чтобы они были христіаннѣйшіе и сгарали любовью къ человечеству. Но, читатель, хороша и наша публика по отношенію къ врачамъ. Она — публика эта — такова, что отобьетъ охоту отъ своего дѣла у какого угодно врача. Замѣйте, что у насъ — по крайней мѣрѣ, въ столицахъ — можно жить занятіями всякаго рода, — нельзя жить только одной врачебной практикой. Врачъ, если онъ не имѣетъ казеннаго мѣста, пропащій человекъ; онъ находится въ опасности умереть съ голоду. Но когда онъ получилъ казенное мѣсто, когда онъ успѣлъ приобрести себѣ геноптшѣе иногда вовсе не своими свѣдѣніями, а Господь-знаетъ-чѣмъ, — и не разберешь, — тогда блага фортуны сыплются на него, какъ изъ рога изобилія. Случается и такъ, что чѣмъ болѣе negliжируетъ онъ своимъ дѣломъ, чѣмъ болѣе шарлатанитъ, чѣмъ болѣе показываетъ невѣжества на дѣлѣ, тѣмъ болѣе является желанныхъ паціентовъ съ отверстыми для него тяжеловѣсными кошельками. Богатая квартира, богатая мебель и вообще блестящая обстановка, швейцары, лакеи, экипажи, обращеніе свысока съ извѣстнаго рода больными, *падамъ до ногъ* съ другими — лучше всего распространяютъ славу врача и увеличиваютъ его благосостояніе... Русская публика такъ ужъ создана, что любитъ дѣлать туда, гдѣ есть вышній блескъ и гдѣ съ нее берутъ дорого... Но зато, что за гнусности дѣлаетъ она съ молодыми, часто талантливыми, всей душой преданными своему дѣлу врачами, — это сказать трудно. Имъ никто не платитъ денегъ... Нѣтъ, виноваты, платятъ деньги только бѣдняки, которые едва добываютъ себѣ пропитаніе тяжелымъ трудомъ; эти какъ-то совѣстятся пользоваться чужимъ трудомъ даромъ. А денги истинные — кровные — и денги буржуазии или породѣ смѣшанныхъ, также многіе весьма либеральные люди не платятъ за леченіе никогда ничего, — даже едва ли не считаютъ за подлость платить. Одинъ мой знакомый молодой врачъ, практиковавшій довольно удачно въ Петербургѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ перелечилъ болѣе 2,000 человекъ и приобрѣлъ за эту практику всего 247 рублей и мелочью, кажется, два или три двугривенныхъ, — и это

исключительно съ бѣднѣе, которыхъ лечилъ. Люди состоятельные, по крайней мѣрѣ состоятельные на столикѣ, что могли бы платитъ за леченіе, не давали ничего... Да и мало того, что не платили; продаивали съ нимъ иногда и что такое, чему и названія не приберешь. Такъ, навривирѣ, одинъ больной, страдавшій опаснѣе воспаленіемъ легкикъ, былъ спасенъ имъ рѣшительно отъ смерти. Онъ ходилъ къ этому больному въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ рѣшительно каждыиъ день. Когда больной сталъ поправляться, онъ посоветовалъ ему въ одинъ свой визитъ приготовить какой-то особенный супъ. Больной сказалъ, что у него нѣтъ теперь въ рукахъ денегъ, что надобно посылать за деньгами туда и туда, а человекъ нуженъ и т. п. Докторъ мой отвѣчалъ на это: «помилуйте, да вѣдь на это требуются нустяки», — вынулъ изъ портмонеа и далъ больному три рубля... Больной благодарилъ окончательно и началъ выѣзжать. Проходить мѣсяць, другой. Докторъ мой, практиковавшій весьма усердно, но награждаемый за свою практику только благими пожеланіями и сильно нуждавшійся въ средствахъ, думая, что бывшій больной забылъ объ одолженныиъ ему 3 р., написалъ ему записку, съ покорнѣйшею просьбою возвратитъ долгъ, если есть возможность. Что жъ, вы думаете, большой? — Обругалъ человека, яршедшаго отъ записки, чуть его не вытолкалъ: «Вы, дескать, безпоконте меня и отвлекаете отъ дѣла такими нустяками», а деньги, три рубля, такъ и зажалилъ, не возвратилъ... Встрѣтившись потомъ съ докторомъ какъ-то въ наскарадѣ, престо-на-просто отъ него отъвернулся. Подивитесь же, читатель, какіе умасные бывають монстры изъ нашихъ инимѣ-образованныхъ людей!

Въ рендант къ извѣстію объ учрежденіи лечебницы въ Ярославлѣ, не можемъ не сообщить въ высшей степени радостнаго извѣстія *объ учрежденіи госпитальной клиники въ больницу казанскаго Приказа общественнаго призрѣнія для усовершенствованія медицинскихъ студентовъ казанскаго университета въ патологической анатоміи и судебно-медицинскихъ изслѣдованіяхъ.* Слухи объ учрежденіи этой клиники носились уже давно, но высочайшее соизволеніе состоялось 23 января нынѣшняго года.

Мы назвали это извѣстіе въ высшей степени радостнымъ не безъ причины. Въ столицахъ, гдѣ такъ много больницъ и гдѣ всѣ больницы поставлены болѣе или менѣе порядочно и имѣють порядочныхъ, и даже хорошихъ докторовъ, клиники не пользуются такою извѣстностію, какъ въ городахъ провинціальныхъ. Въ городахъ провинціальныхъ общественныхъ больницъ, кромѣ принадлежащихъ приказу общественнаго призрѣнія, открытыхъ для всѣхъ со-

словій, нѣтъ. Больница призванъ общественнаго призрѣнія, и своей внѣшней неудовлетворительной обстановкѣ во многихъ мѣстахъ волею въ притчу, — репутаціей медицинской также нигдѣ юти не пользуются. Понятно поэтому, какое блистательное гешефтѣ имѣють университетскія клиники, въ которыхъ отличавші воракъ, матеріальное довольство, и даже богатство во всемъ, въ особенности же въ медикаментахъ, лучшіе дектора, наблюденіе за больными въ лицѣ ассистентовъ и кураторовъ до того заботливое, что скорѣ можетъ надѣсть больному, чѣмъ подать поводъ къ малѣйшему сомнѣнію въ томъ, что не обращаютъ серьезнаго вниманія на болѣзнь или не изучаютъ ея болѣзни. Оттого клиника казанки при университетѣ постоянно была наполнена больными, насколько могла быть начислена по своему штату. Желавшіе поступить въ не должны были часто дожидаться вакантнаго мѣста. Замѣтитъ при этомъ, что здѣсь лечились не только люди, но имѣвшіе средствъ лечиться дома, во иногда люди очень богатые, особенно изъ прикажующихъ въ Казань для леченія, изъ разныхъ губерній, конишковъ. Въ клиникѣ такъ все устроено для леченія, что больной съ большими средствами не можетъ устроить для себя такихъ же удобствъ дома. Одинъ профессоръ казанской университетской клиники говорилъ намъ, что больной на половину выздоравливаетъ отъ одной мысли, что онъ лечится въ клиникѣ.

Клиника, вновь устроиваемая въ больницѣ приказа общественаго призрѣнія, состоитъ изъ двухъ отдѣленій: терапевтическаго и хирургическаго, которыми завѣдываютъ два профессора медицинскаго факультета, по назначенію казанскаго университетскаго совета въ качествѣ директоровъ. Одинъ изъ нихъ читаетъ лекціи терпін, другой — хирургіи. Патологическая анатомія и судебная медицина преподаются практически другими двумя профессорами медицинскаго факультета, также по назначенію университетскаго совета, не завѣдующими однакожь отдѣльными палатами больницы, такъ какъ этого не требуетъ сущность преподаваемыхъ ими наукъ, имѣющихся больницѣ только для практическихъ занятій, какад по своей части, и для занятій въ анатомической залѣ. Внутреннее управленіе и надзоръ за клиническими отдѣленіями принадлежитъ директорамъ клиники; конторѣ больницы остается только хозяйственная часть клиническихъ отдѣленій. Въ выборѣ и исполненіи способствъ леченія директора клиническихъ отдѣленій не зависятъ отъ начальства больницы, но при назначеніи больными порцій, лекарствъ и другихъ врачебныхъ пособій, они сообразуются съ существующими для гражданскихъ больницъ положеніемъ и вообще съ

думают уставу снѣдъ больницы. Расходъ же на лекарства и другіе предметы, не полагаемые для больницы приказовъ по нормальному ихъ каталогу, или на діетическія средства, не заключающіяся въ табели о порядкѣ, относится на счетъ суммъ казанскаго университета. Точно также на счетъ суммъ казанскаго университета основанъ кабинетъ для патологической анатоміи. Для успешнаго достиженія цѣли устройства клиники и для согласенія матеріальныхъ и другихъ къ тому условій съ внутреннимъ устройствомъ и установленнымъ въ больницѣ порядкомъ, старшій врачъ больницы назначается министромъ внутреннихъ дѣлъ, по предварительному согласенію съ министромъ народнаго просвѣщенія, изъ числа профессоровъ медицинскаго факультета.

Нѣтъ сомнѣнія, что вся Казань съ радостію встрѣтила это преобразование больницы казанскаго приказа общественаго призрѣнія. Въ особенности же, вѣроятно, было радо этому ближайшее начальство больницы, т. е. смотритель больницы и членъ приказа, завѣдывавшій больницею. Сколько нѣтъ бѣднѣтъ, при недостаткѣ средствъ, было доселѣ заботъ и хлопотъ по больницѣ, особенно при такомъ множествѣ больныхъ, какъ въ Казани! Теперь эта гнетлая ноша снята съ нихъ, — и слава Богу! Нельзя не пожелать, чтобы подобныя клиники были устроены въ больницахъ приказовъ общественаго призрѣнія и въ другихъ провинціальныхъ городахъ, гдѣ есть университеты.

Говоря объ обществахъ и учрежденіяхъ на пользу страждущаго человечества, нельзя не вспомнить объ общинахъ сестеръ милосердія... 3 февраля нынѣшняго года высочайше утверждены уставъ новой общины сестеръ милосердія — *Покровской*.

Мысль объ учрежденіи общины сестеръ милосердія для хожденія за больными принадлежитъ нашему филантропическому времени. Что женщины лучше умѣютъ ходить за больными, что онѣ заботливѣе мужчинъ, внимательнѣе, терпимѣе, предупредительнѣе ихъ при постелѣ больного, — это люди, конечно, знали во всѣ времена, какъ древнія, такъ и новыя, и кто имѣлъ возможность пользоваться въ больницахъ женскимъ пощеніемъ, тотъ и пользовался. Были, впрочемъ, примѣры едва ли не въ продолженіе всей христіанской исторіи, что нѣкоторыя женщины, посвятивши себя на служеніе Богу, въ видахъ религіозныхъ посвящали себя на хожденіе за больными. Но сознаніе этой обязанности не какъ религіозной только, которой могутъ посвящать себя лишь женщины, принявшія обѣтъ особеннаго служенія Богу, но какъ общечеловѣческой, которою можетъ заниматься всякая женщина, безъ принятія на себя особен-

ныхъ обѣтовъ религиозныхъ, проникло въ общество съ другими гуманными идеями въ наше время, — и оно позаботилось открыть для этой способности женщинъ въ хожденіи за больными широкое общественное поприще, предоставило возможность пользоваться заботливымъ женскимъ уходомъ больнымъ, и бѣднымъ, и богатымъ, наконецъ, стало готовить къ этому служенію женщинъ, избравъ изъ нихъ способнѣйшихъ. Въ Россіи первая мысль объ образованіи общины сестеръ милосердія для служенія больнымъ возникла въ севастопольскую войну. Подвиги Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія во время этой войны извѣстны всѣмъ. По окончаніи войны, Крестовоздвиженская община вышла постоянное поприще для своихъ челоуѣколюбивыхъ подвиговъ въ Петербургѣ, и съ каждымъ днемъ процвѣтаетъ все болѣе и болѣе. Вотъ, что видите одинъ изъ видѣвшихъ общину въ нынѣшнемъ году, отъ 12 января:

«Недѣли двѣ тому назадъ, мы были, въ числѣ немногихъ, свидѣтелями и участниками сиреннаго торжества въ домѣ сестеръ Крестовоздвиженской общины, около Калимакина моста. Это была день открытія небольшой женской больницы, въ зданіи самой общины. Въ одномъ имени Крестовоздвиженской общины слышится отголосокъ войны, живая память о скромныхъ подвигахъ геройскаго самоотверженія. Это имя неразрывно связано съ воспоминаніемъ о скорбной эпохѣ 1854 и 1855 годовъ; въ ней свѣтитъ оно будто свѣтлымъ лучемъ сквозь темную тучу. При этомъ имени невольно пробуждается сочувствіе, и хочется знать, что случилось съ этими женщинами, которыя, бывало, такъ безстрашно, подъ непріятельскими бомбами, совершали свое святое служеніе скорби и страданію, что случилось съ тѣмъ дѣломъ любви и мира, которое онѣ взяли на себя? Не всѣ, конечно, знаютъ, что община крестовоздвиженскихъ сестеръ не пропала, не разсыпалась; она дѣлала свое дѣло, тихо, безъ шума, безъ волненія...

«Дѣятельность сестеръ, расширилась съ теченіемъ времени, потребовала и болѣе обширнаго помѣщенія. Основательница общины, великая княгиня Елена Павловна, пріютившая ее подъ своимъ кровомъ, по возвращеніи изъ Крыма, предоставила общинѣ, купленный годъ полтора тому назадъ, большой домъ около Калимакина моста, въ томъ мѣстѣ города, гдѣ всего болѣе больныхъ и бѣдныхъ, потому что эти люди составляютъ настоящую семью для сестеръ общины. Тутъ у нихъ подъ рукою два отдѣленія больницы чернорабочихъ, дѣтская больница, больница морскаго вѣдомства, въ которой онѣ постоянно ходятъ за больными въ память о Севастополѣ и по чувству признательности за все участіе, которое было имъ оказано со

стороны морскаго министерства; наконецъ, тутъ же, подъ рукою у нихъ все рабочее фабричное населеніе, стало-быть, самое бѣдное и безпомощное сословіе, коего только есть въ нашемъ огромномъ городѣ. При такой обстановкѣ, когдаходишь въ домъ, невольно кажется съ перваго взгляда, что это домъ скорби и страданія; ожидаешь самыхъ мрачныхъ, самыхъ тяжкихъ впечатлѣній. Выходитъ противное. Въ этомъ домѣ чувствуешь, что тутъ утѣшеніе въ скорби и въ страданіяхъ. По краямъ большого двора, съ трехъ сторонъ расположены зданія общины: въ глубинѣ двора довольно большой садъ. Въ нижнемъ жильѣ главнаго корпуса—комнаты для пріема бѣдныхъ, больница для приходящихъ, куда является каждое утро множество больныхъ: сестры перевязываютъ имъ раны подъ руководствомъ заботливаго врача общины Василія Ивановича Тарасова. Это—рабочіе люди: имъ нельзя оставить работу; извѣстно, что они не любятъ обращаться къ помощи врача, покуда можно терпѣть; а терпятъ они обыкновенно до тѣхъ поръ, пока болѣзнь повалитъ, и ихъ свезутъ въ больницу. Сюда же приходятъ лечиться наемные люди, живущіе службой; они боятся потерять мѣсто, если лягутъ въ больницу; сюда приходятъ бѣдные изъ всѣхъ частей города: а бѣдность значить болѣзнь, — и еще какое множество болѣзней! Всѣхъ этихъ приходящихъ можно здѣсь встрѣтить каждый день отъ 11 часовъ утра.

«Въ нижнемъ жильѣ помѣщаются сверхъ того кухня, службы, столовая сестеръ и нѣсколько комнатъ для нихъ. Во второмъ ярусѣ — церковь. Она помѣщена въ прекрасной заѣвѣ съ колоннами. Въ церкви полный свѣтъ отъ большихъ оконъ; иконостасъ отдѣланъ просто, но съ большими вкусомъ, иконы въ немъ прекрасной работы. Какимъ-то духомъ всяго благочестія вѣетъ въ этомъ храмѣ. Загляднемъ въ алтарь: тамъ есть вещь, на которую нельзя смотрѣть равнодушно. Это большая бомба, которая упала однажды къ сестрамъ въ походную больницу; сестры привезли ее съ собою изъ Крыма, поставили на ней число, водрузили на ней крестъ, и теперь бомба эта служитъ жертвенникомъ, на которомъ постоянно приносятся въ ихъ церкви молитвы за усопшихъ. Настоятельница, наставница и всѣ испытуемая, состоящая у ней подъ надзоромъ, живутъ въ этомъ же ярусѣ; кромѣ того, тутъ же общая зала, въ которой по вечерамъ читаются вслухъ духовныя книги и преподаются элементарные уроки врачебнаго искусства. Далѣе, въ третьемъ ярусѣ одинъ только спальня, въ которыхъ сестры раздѣщаются по два или по три, будто сестры въ большой семьѣ. Вообще, посѣтителя съ перваго раза поражаетъ во всемъ домѣ какой-то духъ семейной жизни; видишь пора-

докъ, безъ формализма; встрѣчаютъ тебѣ безъ пустыхъ церемоній, просто и открыто, какъ обыкновенно встрѣчаютъ добрые, но сильно занятые люди. Съ 28 декабря 1860 года имъ еще прибавилось дѣла, но и радости прибавилось! Послушайте, какъ онѣ говорятъ о «нашей больницѣ!» 28 декабря (*), день памятный для сестеръ: въ этотъ день приняты были первыя больныя въ эту больницу, назначенную не только для служенія больнымъ, но и для приготовленія къ служенію. Новая больница должна служить для всей общины образцомъ, какъ ходить за больными, какія наблюдать при этомъ предосторожности и пр., словомъ сказать, образцомъ и нравственнаго, и физическаго ухода за бѣдными женщинами, которыя будутъ въ ней помѣщаются. Здѣсь всего только 15 кроватей; комнаты невелики, но просторны; воздуху много; вентиляція и отопленіе устроены по лучшему способу, какой только можно было выбрать. Ни малѣйшей роскоши — чистоту нельзя назвать роскошью. Вся прислуга состоитъ исключительно изъ однихъ испытуемыхъ, подъ руководствомъ сестры, которая приобрѣла достаточно опытности въ Крыму, и всю жизнь, всю душу посвятила своему призванію. Въ этой-то школѣ образуются испытуемыя прежде, чѣмъ возьмутся за настоящее дѣло въ большихъ больницахъ; здѣсь онѣ проникаются тѣмъ духомъ, который должны повсюду носить съ собою; здѣсь, приучаясь съ любовью отдавать себя своему призванію, онѣ приучаются любить общину, которая предлагаетъ имъ такой чудный путь къ душевному спасенію, связываетъ ихъ братствомъ по сердцу, и готовитъ имъ почетный пріютъ подъ старость, въ исходѣ полезной жизни.» (Совр. А. Р. В. № 4).

Полезная дѣятельность общины Крестовоздвиженской послужила поводомъ къ основанію новой общины сестеръ милосердія съ тѣмъ же цѣлю — *Нокросской*.

Новая община состоитъ подъ покровительствомъ великой княгини Александры Петровны.

Цѣль ея — попеченіе о бѣдныхъ приходящихъ больныяхъ, утѣшеніе скорбящихъ и воспитаніе бѣдныхъ и безпріютныхъ младенцевъ.

Для этого при заведеніи учреждены:

I. Отдѣленіе сестеръ милосердія.

II. Больница.

III. Пріютъ для приходящихъ и живущихъ въ немъ дѣтей, — и

IV. Пріютъ для грудныхъ младенцевъ.

(*) «День рожденія ея высочества великой княгини Елены Павловны.»

Въ сестры милосердія принимаются грамотныя вдовы и дѣвицы православнаго исповѣданія воѣхъ свободныхъ состояній отъ 17 до 40 лѣтъ, подвергаась предварительному испытанію при общинѣ въ продолженіе одного или двухъ лѣтъ. Принятая, по испытаніи, по прослуженіи пяти лѣтъ въ званіи сестры милосердія, приводится въ присутствіи ея высочества и всей общины къ присягѣ, въ которой клянется, что она всѣ свои попеченія и труды будетъ употреблять на богоугодное служеніе больнымъ и безпріютнымъ младенцамъ, въ общинѣ призрѣваемымъ, — искренно, со всѣмъ усердіемъ и любовью, добросовѣстно, заботясь не о тѣлесномъ только, но и о душевномъ ихъ благѣ; затѣмъ получаетъ за подписомъ отъ ея высочества свидѣтельство на свое званіе и знакъ отличія, состоящій изъ золотого креста, изображающаго съ одной стороны: *покровъ пресв. Богородицы*, а съ другой — надпись: *«любовь и милосердіе»*, для ношенія на шеѣ на синей лентѣ. Сестры милосердія получаютъ отъ заведенія все, и потому не могутъ имѣть ни своей одежды, ни мебели. Жалованья имъ не полагаются, а выдаются только деньги на разѣзды по порученіямъ отъ заведенія. Сестра не можетъ отлучаться никуда, ни принимать кого нибудь въ заведеніи безъ разрѣшенія начальницы. Сестра можетъ уволиться изъ заведенія, если не захочетъ быть въ немъ по какимъ нибудь причинамъ. Уволенная изъ заведенія, вмѣстѣ съ сложеніемъ званія сестры милосердія, возвращаетъ выданное ей свидѣтельство и знакъ отличія. Уволенная изъ заведенія вслѣдствіе особенныхъ семейныхъ обстоятельствъ получаетъ одобрительныя свидѣтельства о своемъ поведеніи и усердіи, а иногда и денежное пособіе. Уволенные отъ должности сестеръ милосердія послѣ долговременнаго и усерднаго служенія, по желанію могутъ оставаться на жительствѣ въ общинѣ, и въ такомъ случаѣ во все время пребыванія ихъ здѣсь сохраняютъ знакъ отличія. Вдовы крайне бѣдныя, поступающія въ общину, могутъ просить о принятіи своихъ дѣтей въ отдѣленіе безпріютныхъ младенцевъ при заведеніи.

Больница устроивается на 30 кроватей: 10 для взрослыхъ и 20 для дѣтей. Въ больницѣ пользуются безъ изыатія всѣ лица, въ общинѣ живущія. Кромѣ того, принимаются всѣ приходящіе больные за пособіемъ. Изъ нихъ только съ необыкновенно трудными хирургическими болѣзнями, требующими оперативной помощи, принимаются на совершенное попеченіе общины, несмотря ни на возрастъ, ни на полъ.

Въ отдѣленіе приходящихъ и живущихъ въ общинѣ дѣтей принимаются безмятно дѣти всѣхъ нуждающихся, безъ различія въроисповѣданія и сословія.

Приходящіи дѣти получаютъ пищу справно съ дѣтими, живущими въ заведеніи. Они носятъ одежду отдѣленія во время пребыванія въ немъ. Кромѣ того, имъ дается одежда отъ холода, при ходженіи въ заведеніе и домой. Въ это отдѣленіе принимаются дѣти отъ 1 до 5 лѣтъ; остаются въ немъ до семилѣтняго возраста. Для надзора за ними днемъ и ночью дежурятъ сестры и испытуемыя, по очереди, точно такъ же, какъ и въ отдѣленіи грудныхъ младенцевъ. Въ послѣднемъ отдѣленіи принимаются дѣти, не имѣющія матерей, также такія, которыхъ матери, по болѣзни, не въ состояніи кормить грудью. Каждый ребенокъ имѣетъ отдѣльную кормилицу. Если у дѣтей есть благодѣтели, то за находящихся въ III отдѣленіи платятъ по 60, а за находящихся въ IV отдѣленіи по 120 р. въ годъ.

Въ прошедшемъ нашемъ «обозрѣніи» мы упомянули объ *обществѣ распространенія полезныхъ книгъ*. Считаемо нужнымъ сказать теперь нѣсколько словъ о его цѣли, составѣ и занятіяхъ.

«Общество распространенія полезныхъ книгъ» учреждается съ цѣлію развивать и укрѣплять здравыя нравственныя понятія, и для того предлагать полезное и общепонятное чтеніе для всѣхъ классовъ и возрастовъ русскихъ читателей. Въ выборѣ всѣхъ, распространяемыхъ обществомъ, книгъ, оно не держится никакой исключительности по предметамъ сочиненій, но руководствуется направленіемъ православно-христіанскимъ.

«Оно имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, не денежныя выгоды, а возвращеніе затратъ своихъ, дабы не лишиться возможности дальнѣйшей дѣятельности. Общество допускаетъ и матеріальныя убытки на сколько они согласны съ денежными его средствами.

«Общество распространяетъ книги продажою по возможно-дешевой цѣнѣ.

«Для изданій своихъ общество: 1) приобрѣтаетъ покупкою сочиненія и переводы, какъ отъ сотрудниковъ своихъ, такъ и отъ постороннихъ авторовъ и переводчиковъ; 2) перепечатываетъ уже изданныя книги, согласно законамъ о литературной собственности и 3) вызываетъ посредствомъ премій появленіе въ свѣтъ новыхъ сочиненій, которыя и назначаются къ изданію обществомъ. Само собою разумѣется, что всѣ изданія общества подлежатъ предварительному разсмотрѣнію цензуры, на общемъ основаніи.

«Управленіе общества находится въ Москвѣ; но общество имѣетъ и въ другихъ городахъ Россіи членовъ-сотрудниковъ, для указанія обществу на мѣстныя потребности и для содѣйствія его трудамъ, и

коммиссіонеровъ, для распространенія книгъ, издаваемыхъ и приобретаемыхъ обществомъ.

«Средства общества составляются: изъ пожертвованій, ежегодныхъ членскихъ взносов, изъ возможной прибыли отъ распространенія книгъ, и затѣмъ общество за средства же свои почитаетъ всякое дѣятельное въ немъ участіе всѣхъ его членовъ и членовъ-сотрудниковъ.

«Пожертвованія могутъ быть всякаго размѣра, денежные и другаго рода, соотвѣтствующія цѣли общества, какъ то: безвозмездная уступка литературныхъ статей, изданныхъ не отъ общества книгъ, матеріаловъ для книгопечатанія и т. п. Въ случаѣ особо выраженной воли о предметѣ назначенія денежнаго пожертвованія, общество обязуется употребить оное согласно волѣ жертвователя; при безсловномъ же пожертвованіи денегъ, онѣ причисляются къ общей суммѣ. О всѣхъ пожертвованіяхъ сообщается во всеобщее свѣдѣніе.

«Ежегодные членскіе взносы состоятъ въ уплатѣ каждымъ членомъ 10 руб. сер. въ годъ.

«Общество состоитъ изъ членовъ, членовъ-сотрудниковъ и коммиссіонеровъ, и дѣйствуетъ чрезъ комитетъ и полное собраніе. Члены общества суть всѣ лица, безъ различія пола и сословія, изъявляющія желаніе принять участіе къ его дѣятельности и вносящія ежегодно по 10 рублей серебромъ въ кассу общества. Члены-сотрудники общества суть всѣ лица, безъ различія званія, избираемые обществомъ изъ числа изъявившихъ желаніе принять участіе въ его трудахъ, въ Москвѣ и въ другихъ городахъ. Они изъемяются отъ обязательнаго членскаго ежегоднаго взноса. Коммиссіонеры общества суть лица, принимающія на себя, по вызову его комитета, исполненіе хозяйственныхъ распоряженій сего послѣдняго.

«Во вниманіе къ тому, что полному собранію общества невозможно успѣшно дѣйствовать во всѣхъ отрасляхъ его занятій, оно составляетъ, въ видахъ необходимаго сосредоточенія ближайшей его дѣятельности, особый комитетъ, который и имѣетъ предметомъ всѣ занятія по выбору сочиненій, изданію, покупкѣ и распространенію книгъ. Комитетъ общества состоитъ изъ предсѣдательницы общества, дамъ, завѣдывающихъ отдѣлами общества, помощницы предсѣдательницы, сотрудника предсѣдательницы, помощницъ дамъ, завѣдывающихъ отдѣлами, сотрудниковъ общества, приглашаемыхъ въ отдѣлы комитета, секретера, казначея и помощниковъ двухъ младшихъ.

«Предсѣдательство въ обществѣ и комитетъ всегда предоставляет-

ся особѣ жавскаго шюла на томъ основаніи, что первая мысль объ учрежденіи въ Москвѣ этого общества принадлежитъ дамамъ и что таково желаніе всѣхъ учителей.

«Для ближайшаго раздѣленія занятій по выбору и разсмотрѣнію сочиненій, исправленію переводовъ, по корректурѣ и вообще по главному надзору за заданіями, комитетъ подраздѣляется на слѣдующіе пять отдѣловъ:

«I) Сочиненія духовно-нравственнаго содержанія, независимо отъ формы ихъ изложенія.

«II) Учебники. Сюда относятся руководства по всѣмъ наукамъ элементарнаго образованія.

«III) Книги для дѣтей и вообще для первоначальнаго чтенія.

«IV) Литература. Сюда относятся повѣсти, рассказы, историческіе очерки, путешествія, біографіи и проч.

«и V) Домоводство, естествознаніе, ремесла и сочиненія содержанія многопредметнаго. Сверхъ предсѣдательницы, ея помощницы, ея сотрудника, секретаря, казначея, число прочихъ членовъ комитета, имѣющихъ полныя права голоса, въ каждомъ отдѣлѣ опредѣляется: дамъ не менѣе 2-хъ и не болѣе 4-хъ (всего въ комитетѣ, съ правомъ голоса исполнительнаго, дамъ — съ предсѣдательницею, и ея помощницею — не менѣе 12-ти и не болѣе 22-хъ) и сотрудниковъ тоже не менѣе 2-хъ и не болѣе 4-хъ (всего мужчинъ въ комитетѣ, имѣющихъ право голоса исполнительнаго, съ секретаремъ, казначеемъ и сотрудникомъ предсѣдательницы, не менѣе 13-ти и не болѣе 23-хъ). Посему полное число членовъ комитета, съ правомъ голоса исполнительнаго, состоитъ не менѣе какъ изъ 25-ти и не болѣе 45-ти особъ. Каждая изъ дамъ комитета, завѣдывающихъ его отдѣлами, приглашаетъ себѣ изъ членовъ общества помощницу, предварительно согласившись о томъ съ прочими дамами комитета, и сіи помощницы, раздѣляя ихъ занятія, пользуются въ комитетѣ голосомъ совѣщательнымъ. Посему въ полномъ составѣ комитета считается членовъ, безъ различія правъ ихъ голосовъ, не менѣе 37 и не болѣе 67 особъ, въ каковомъ числѣ членовъ избираемыхъ, безъ различія правъ голоса, не менѣе 15-ти и не болѣе 25-ти, считая предсѣдательницу, дамъ отдѣловъ, секретаря, казначея и 2-хъ помощниковъ сихъ послѣднихъ, — и членовъ приглашаемыхъ, тоже безъ различія права голоса, не менѣе 22 и не болѣе 42, считая сотрудника предсѣдательницы, ея помощницу, сотрудниковъ отдѣловъ и помощницъ дамъ, завѣдывающихъ отдѣлами. Число членовъ комитета, обязательное для полноправности его засѣданій, 15 человекъ.»

Говоря въ прошедшій разъ объ Обществѣ распространенія полезныхъ книгъ, мы высказали уже, что имѣемъ особенное сочувствіе къ этому обществу, потому что общественная дѣятельность дамъ у насъ и вообще очень рѣдка, а еще рѣже привыкли мы встрѣчать дамъ извѣстныхъ слоевъ общества за серьезной работой. Нѣтъ нисего удивительнаго, что, при нашемъ сочувствіи, мы старались, сколько могли, распространять свѣдѣнія о новомъ обществѣ, высказывая при этомъ, разумѣется, надежды на тотъ блестящій успѣхъ, которымъ должны увѣнчаться дѣйствія общества. Только въ одинъ разъ, говоря о новомъ обществѣ, попались *на ходока*. Ходокъ въ дѣлѣ называется вообще знатокъ извѣстнаго дѣла. Но это знатокъ — не практикъ только и не эмпирикъ, — напротивъ, въ практическомъ веденіи дѣла, въ знаніи мелкихъ подробностей и тонкостей онъ можетъ быть и несиленъ. Ходокъ—это человѣкъ, который отъ долгаго обращенія въ занятіяхъ извѣстнымъ дѣломъ составилъ наконецъ правильную теорію или идею этого дѣла, узналъ тѣхъ незримыхъ ни для кого, но тѣмъ не менѣе необходимыхъ дѣятелей въ дѣлѣ, безъ которыхъ не пойдетъ никакое дѣло, — и поэтому можетъ по двумъ или тремъ извѣстнымъ даннымъ предсказать, весьма рѣдко ошибаясь, успѣхъ или неуспѣхъ новаго дѣла.

Когда въ одинъ разъ мы съ демосееновскимъ краснорѣчіемъ разсыпались въ похвалахъ обществу распространенія полезныхъ книгъ и высказывали, какими плодотворными послѣдствіями можетъ сопровождаться дѣятельность его для всей Россіи, — ходокъ остановилъ насъ среди самаго патетическаго мѣста слѣдующими прозаическими словами:

— Ничего не будетъ! — Ничего не будетъ!

Признаемся, что эти зловѣщія слова подѣйствовали на насъ весьма неприятно.

— Отчего вы думаете, что ничего не будетъ?—Какъ вы можете, не имѣя въ виду никакихъ дѣйствій общества, опредѣлять такъ самувѣренно и такъ странно его будущее, когда и составъ самого общества, и средства его, и цѣли общающъ такъ много прекраснаго?

— Ничего не будетъ, — повторилъ снова ходокъ:— вѣрьте мнѣ, ничего не будетъ.

— Да отчего же? Отчего вы такъ думаете? — спросилъ я.

— Оттого... оттого... началъ ходокъ, — что если бы мы съ вами основали общество, хотя бы насъ только было двое и хотя бы у насъ было всего десять рублей въ карманѣ, — успѣхъ былъ бы. У

насъ въ дѣлѣ была бы мысль, было бы сердце, следовательно была бы сила. — Тамъ ничего этого не будетъ. Мысль затеряется въ сумѣ, сердца станетъ только на покровительство, — силъя будетъ много, тепла мало, какъ при зимнемъ солнцѣ. Ничего не будетъ, — и ключилъ снова ходокъ.

Я зналъ, что холокъ по убѣжденіямъ своимъ невозможно сократить.

— Послушайте, сказалъ я. — Вы предубѣждены, — и предубѣждены слишкомъ крайне. Можно ли доводить свое предубѣждение до такой степени, чтобы не ожидать въ десяткахъ, сотняхъ тысячахъ или даже сколько нибудь дѣльныхъ людей только потому, что эти люди извѣстнымъ образомъ поставлены?.. Вѣдь они люди же и русскіе! Какъ вы можете думать, чтобы среди нихъ не могло явиться людей талантливыхъ, съ полнымъ пониманіемъ дѣла, горячо преданныхъ общему благу? — Мы, напротивъ, должны радоваться, что слитіе народа начинается въ наше время, что тѣ, которымъ прежде всѣхъ слѣдовало бы понять, что отъ этого зависитъ сила и счастье Россіи, изъ лучшихъ своихъ представителей берутся наконецъ за это дѣло безъ эгоизма, безъ предубѣжденія, безъ заднихъ какихъ нибудь мыслей..

Ходокъ не далъ мнѣ докончить рѣчи, — и только махнулъ рукою.

Само собою разумѣется, слова ходока не переубѣдили меня въ моихъ убѣжденіяхъ. И если я счелъ нужнымъ передать здѣсь мой разговоръ съ нимъ, то единственно для свѣдѣнія общества... Пусть оно помнитъ, что на него обращены глаза всѣхъ болѣе, чѣмъ на другія общества, — и отъ него зависитъ разсѣять разнаго рода сомнѣнія, въ началѣ его дѣятельности... весьма естественныя, скажемъ болѣе, неизбѣжныя...

Мы съ своей стороны, время отъ времени, не оставимъ говорить о дѣятельности общества съ обычною намъ откровенностію и непринужденностію. И на первый разъ скажемъ только нѣсколько словъ объ объявленномъ имъ конкурсѣ на составленіе *руководства къ первоначальному обученію грамотъ*.

«Руководство это, — такъ объявлено отъ общества, — должно состоять въ азбукѣ гражданской и церковной, съ присовокупленіемъ молитвъ и самыхъ необходимыхъ для всякаго грамотнаго человека статей назидательнаго и практическаго содержанія, — каковы: основныя положенія и нѣкоторыя общія статьи изъ Свода Законовъ, правъ и обязанностей гражданина и о присутственныхъ мѣстахъ; краткія свѣдѣнія о Россіи и особенно въ географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ, съ указателемъ главнѣйшихъ горъ

довъ и мѣтностей, важныхъ для народа въ національномъ и промышленномъ значеніи; краткія же свѣдѣнія о производствѣ и табельныя дѣла; элементарныя понятія о счетѣ, съ приложениемъ таблицы перекрестно-связаннаго счисленія. Молитвы должны быть на церковно-славянскомъ шрифтѣ, съ русскими объясненіями неудобомонетныхъ словъ и выраженій; прочія же статьи гражданской печати должны быть заимствованы изъ Свода Законовъ, изъ лучшихъ историческихъ, географическихъ и статистическихъ статей, изъ календарей и мѣсяцослововъ, и изъ другихъ источниковъ, свѣдѣствующихъ цѣль «Руководства». Изложеніе этихъ статей должно быть по возможности упрощено, и всѣ затруднительныя выраженія объяснены. Объемъ «Руководства» полагается не больше шести печатныхъ листовъ».

Такова программа предложеннаго для конкурса «Руководства». Добраго желанія приглядывается въ этой программѣ весьма много, — составителю ее хотело научить дѣтей всему, и религій, и географіи, и статистикѣ, и исторіи, и законовѣденію, — и, пожалуй, всему наукамъ. Все это, конечно, прекрасно. Но составителю программы не пришло на мысль предварительно спросить себя: нужно ли все это, полезно ли для развитія дѣтскаго смысла? — Равнородная масса свѣдѣній, помноженныхъ въ программѣ, не подавить ли, вопреки, дѣтскихъ годовыхъ и не послужитъ ли препятствіемъ къ естественному, нормальному развитію ихъ способностей? — Если бы все это пришло на мысль составителю программы, мы увѣрены, что онъ сейчасъ вспомнилъ бы, что онъ не педагогъ и что потому ему, какъ не педагогу, не указать содержанія того знанія, которымъ можетъ быть постепенно развиваема дѣтская головка, — и что программѣ нѣтъ никакой и нужды указывать того, что должно быть помѣщено въ «Руководствѣ». Дѣло программы указать, во-первыхъ, цѣль сочиненія. Повидимому, цѣль эта указана въ самомъ названіи руководства «*Руководство къ первоначальному обученію грамоты*». Но программа наша нужнымъ, чтобы въ этомъ руководствѣ были помѣщены необходимыя для всякаго грамотнаго человѣка статьи назидательнаго и практическаго содержанія. Спрашивается, съ какою цѣлью? Для развитія грамотныхъ людей, религіознаго, нравственнаго, умственнаго, или для справокъ? Въ томъ и другомъ случаѣ положеніе требуется совершенно различное. Далѣе, если руководство предполагается для развитія, то какой именно возрастъ, по крайней мѣрѣ преимущественно, имѣется въ виду? — Очевидно, что книга, назначенная для развитія дѣтей, никакъ не можетъ годиться для взрослыхъ, и наоборотъ. Вотъ это именно только

и требовалось объяснить въ программѣ, то есть въ книгѣ цѣли и для каковаго возраста должно быть написано руководство?—А судить о содержаніи «Руководства» для той или другой цѣли, для того или другаго возраста — это уже дѣло таланта и опытности педагога, который будетъ составлять руководство. Мы думаемъ, что ни одинъ талантливый педагогъ не возьмется писать «Руководства» по той программѣ, которая объявлена общественно. Не возьмется потому, во-первыхъ, что, какъ мы уже сказали, неяснѣе, для чего и для кого именно нужно писать руководство; а во-вторыхъ, потому, что программа въ некоторыхъ своихъ частныхъ указаніяхъ содержаніе будущаго руководства, связать его по рукамъ и ногамъ. Спрашивается, напримѣръ, какія *основныя положенія* и *какія статьи общія* изъ *Свода Законовъ о правахъ и обязанностяхъ гражданина* и о *присутственныхъ мѣстахъ* нужно знать, положимъ, даже крестьянину возрастному? Ужь если крестьянину нужно знать какія статьи изъ Законовъ, то скорѣе статьи частныя, чѣмъ общія, то есть статьи непосредственно относящіяся къ его ближайшему быту, напримѣръ, статьи о *мірскихъ окладкахъ*, о *правахъ и обязанностяхъ волостныхъ правленій*, о *податяхъ*, о *повинностяхъ*. Къ чему ему изученіе положеній основныхъ и общія статей *ермныхъ разностей*, да еще и о *присутственныхъ мѣстахъ*? Ноши Богъ! — Всего этого не знаютъ люди даже высокообразованныя превосходительные, — и когда дойдетъ дѣло до этого, то обыкновенно справляются въ законъ или гдѣ то подлечь, — безъ чего случай *касательства* не обойдется и крестьянинъ, какъ бы ни пострелся онъ по руководству въ знаніи номенклатуры присутственныхъ мѣстъ. Въ существо ихъ вѣдь не проникнетъ, тамна бо соде... Далѣе рекомендуется программой помѣстить въ руководство *прикія свѣдѣнія* о Россіи въ географическомъ и статистическомъ отношеніи. Положимъ, что указаніе это общее и что педагогъ не стѣсняется бы исполнить требованіе программы; но, къ сожалѣнію, за это слѣдуетъ уже болѣе частное указаніе, которое непременно стѣснитъ умнаго педагога. Программа требуетъ *указателя главныхъ городовъ и мѣстностей, важныхъ для народа въ національномъ и гражданскомъ значеніи*. Чѣмъ можетъ быть этотъ указатель, на долю котораго можетъ приттись въ «Руководствѣ» не болѣе какъ нѣсколько трехъ-четырёхъ страничекъ, какъ не пустой номенклатурой? — Да тутъ еще, дескать, и *національнаго значенія городовъ* не забудете, то есть скажите, что тутъ-то вотъ была *бородинская битва*, а тутъ *Дмитрій Донской* разбилъ *Мамая*, а тутъ *Петръ Великій* одержалъ *побѣду надъ шведами* и проч. Но указавъ на свѣдѣнія географиче-

скія, юридическія, статистическія, программна опускаеть свидѣнія самыя нужныя для престола, напримѣръ, агрономическія, напримѣръ врачеванія, напримѣръ, физическія. Говори это, мы, вѣрочей, никакъ не можемъ сказать, чтобы и указываемыя программно свидѣнія не могли войти въ «Руководство»; очень можетъ, что и они войдутъ, но войдутъ не въ такомъ видѣ, въ какомъ хочеть программа; не въ такомъ объѣмѣ, не съ тѣхъ сторонъ. Во всякомъ случаѣ опредѣлить все это будетъ дѣломъ талантливаго и опытнаго педагога, который будетъ писать «Руководство», а никакъ не программы. Программа, какъ мы уже сказали, должна была опредѣлить ясно и точно толькоцѣль «Руководства» и возрастъ, для котораго оно предполагается — не болѣе.

Не можемъ не сказать, наконецъ, что едва ли какой талантливый педагогъ возьмется писать руководство, кромѣ всего вышесказаннаго, и потому, что назначена за составленіе его слишкомъ ничтожная премія, 300 р. серебромъ. Составить «Руководство» дѣльное для дѣтей, при хаотическомъ состояніи у насъ педагогической науки, дѣло нелегкое. При этомъ не должно опускать изъ виду, что всякая другая ученая работа на конкурсъ, разумѣется дѣльная, если она и не была бы принята лицами, назначившими конкурсъ, можетъ окупиться. Авторъ можетъ отдать ее въ журналы. Но куда пойдетъ съ своей работой составитель «Руководства», если общество почему нибудь признаетъ трудъ его неудовлетворительнымъ?—Но если и признаетъ удовлетворительнымъ, что за вознагражденіе за трудъ 300 рублей?—Мы полагаемъ, что авторъ эту именно сумму издержитъ на покупку пособій для своего дѣла, матеріаловъ, на разъѣзды, если захочеть практичность своихъ соображеній относительно содержанія «Руководства» повѣрить въ томъ бытѣ, для котораго будетъ составляться руководство и проч. Конечно, общество говоритъ, что если «Руководство» удовлетворитъ требованіямъ, то сверхъ 300 р. оно готово вступить съ составителемъ въ соглашеніе относительно изданія «Руководства» на условіяхъ, которыя будутъ приняты съ обѣихъ сторонъ». Но какія условія общество найдетъ для себя выгодными? Какъ много можетъ рассчитывать авторъ на общество? Это покрыто мракомъ неизвѣстности. Такая неизвѣстность не можетъ привлечь къ объявленному конкурсу людей способныхъ, но живущихъ своимъ трудомъ. По крайней мѣрѣ мы, если бы чувствовали въ себѣ самый сильный педагогическій талантъ, за подобную работу не привялись бы. Такъ—мы полагаемъ — посмотрятъ на это дѣло и педагоги. И потому общество, при той ничтожной преміи, какую назначило теперь, можетъ ожидать конкурентовъ или изъ лицъ даровитыхъ,

цифрантъ состояніе независимое; но такіе люди едва ли возьмутся за составленіе руководства; или, что всего вѣроятнѣе, нѣтъ людей, для которыхъ писать «руководства» для первоначальнаго обученія грамотѣ ничего не стоить и которые въ годъ напишутъ такія руководства хоть цѣлый десятокъ. Въ такомъ случаѣ Россія, само собою разуміется, мало выиграетъ оттого, что у насъ однихъ «Руководствомъ» къ первоначальному обученію грамотѣ будутъ болѣе.

ПЕТЕРБУРГСБАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА.

Разговоры и размышленія съ однимъ изъ моихъ друзей действительнымъ статскимъ совѣтникомъ... Прогулки и встрѣчи *In's Grüne*. — Петербургскія новости: мануфактурная выставка. — Ботаническія экскурсіи. — Загородная гулянья. — Изданіе центрального статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ: «Списки населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи».

— О, другъ мой! уже одинъ фактъ, что ты находишься въ неудовлетворенномъ состояніи, что ты недоволенъ, что ты въ тоскѣ, что ты страдаешь, — доказываетъ, что ты еще кипишь жизнью, сказалъ я господину съ огромной лысиной и съ значительно выдвинувшимся сальникомъ. Сальникомъ называется жиръ на желудкѣ, образующійся въ извѣстные года у людей, любящихъ покушать.

Другъ устремилъ на меня свои полусонные, закрытѣвшіеся глаза и произнесъ съ глубокимъ вздохомъ:

— Полно, братецъ! я чувствую, что я совсѣмъ обрѣхалъ и физически и нравственно...

Разговоръ этотъ происходилъ послѣ сытнаго обѣда, на галлерей одной изъ дачъ по П. дорогѣ.

День былъ жаркій (послѣ 10-дневныхъ жаровъ, у насъ появились было еякія небольшіе морозцы), сирени и розы благоухали въ саду (черезъ два дня послѣ этого онѣ чуть не померзли); передъ нами была широкая прудъ, который въ крайнемъ случаѣ можно было назвать озеромъ; за озеромъ зелѣный луга свѣжею, изумрудною зеленью; гдѣсь на горизонтѣ былъ въ синемъ пару... Глядя на эту картину, вдыхая въ себя ароматическій воздухъ, сознавая себя въ матеріальномъ положеніи совершенно обеспеченнымъ, и чувствуя

легкость въ желудкѣ, можно было отъ глубины души и даже со слезою въ глазѣ воскликнуть, вслѣдъ за Карамзиннымъ:

«О, натура! сколь ты прекрасна!»

Но у друга моего желудокъ былъ обремененъ сильно, пищевареніе еще не совершилось: онъ дышалъ трудно, то опускалъ, то поднимая вѣки, потъ выступалъ у него на лбу. Ему было тяжело, ароматическій воздухъ не освѣжалъ его, ему скорѣе нуженъ былъ спиртъ, или по крайней мѣрѣ *невская ароматическая вода* г. Кюкачева...

— Ты не одряхлѣлъ, сказалъ я, смотря на друга съ участіемъ:— а просто отяжелѣлъ послѣ обѣда. Выпей-на зальтерской воды, это освѣжитъ тебя и твои мысли.

— Пожалуй. Ты вотъ все подсмѣиваешься надо мной, говоришь онъ, попивая зальтерскую воду:— что я много ѣмъ, и полагаешь, кажется, что моя тоска и недовольство происходятъ отъ одного желудка, но ты ошибаешься...

Другъ мой произнесъ это вяло, зѣвнулъ и пехота продолжалъ:

— Нѣтъ, этому причиной вся моя жизнь — печальная, жалкая, неудавшаяся жизнь.

— Ахъ, любезный другъ, всѣ наши жизни по большей части неудавшіяся! Что дѣлать?

— Полно, пожалуйста. Тебѣ прѣхъ жаловаться, тебѣ знаютъ, тебѣ читаютъ, на тебя нѣкоторые даже за спихомъ несмотриваютъ (последнюю фразу другъ мой произнесъ, разувѣтсаяшироко).— а кому я нуженъ, для чего я живу?... Что я такое?

— Какъ что? — Ты дѣйствительный статскій совѣтникъ, кавалеръ ордена св. Станислава съ короной, Анны съ короной, безвѣрочной пражки... за сколько, за 20 или за 30 лѣтъ?

— Ты вѣчно съ своими шуточками!

— Совсѣмъ не съ шуточками. Мы, — подъ мы я разувѣю людей дворянскаго происхожденія, — мы всѣ родимся для того, чтобы служить по военной или гражданской службѣ, и тотъ изъ насъ, кто достигаетъ въ извѣстныхъ лѣта (то есть лѣтъ подлѣ 50) генеральскаго чина и украшается знаками отличія, вполне кажется совершить назначеніе своей жизни, — чего же еще? Такъ думали и думаютъ во крайней мѣрѣ всѣ благомыслящіе и благомыслящіе изъ насъ... Я увѣренъ, что твой дѣдъ, твой отецъ, если бы они были живы, были бы вполне счастливы, что тебя уважаютъ «превосходительствомъ» и, глядя на твою изукрашенную шею, не могли бы пародоваться на тебя... Конечно, можно идти и выше, но вѣдь не всѣмъ же быть фельдмаршалами и членами государственнаго совѣта... Вѣдъ

и до генеральства-то достигаютъ не всѣ счастливыцы, — подумай объ атакъ.

— Да что мнѣ въ моемъ генеральствѣ? возразилъ другъ съ досадою и шивляясь нѣсколько: — если бы оно еще соединилось съ какою нибудь въподою, съ какою нибудь властію, а я едва и продромить-то себя могу съ мощію генеральствомъ! Обдысълъ, посыдѣлъ, а не умѣлъ поставить себя въ независимое положеніе! Посмотри на моихъ товарищей: хоть на Аркадія Александрыча, что ли? Какую деревеньку приобрѣлъ! какъ устроилъ ее! — любо смотрѣть, точно игрушка! И все это приобрѣтено и устроено службою... ты сважешь вятнами? Ну, это еще вещь недопананная; по моему, онъ просто челевѣкъ вרכתическій, гроши превращающій въ тысячи... Эти люди не то, что мы, — они и безъ взятокъ умѣютъ разжиться и устроить свою жизнь... Или Иванъ Николаичъ? у того можетъ быть шбтъ ни деревень, ни капиталовъ, да за то на какую ногу онъ умѣлъ себя поставить: генеръ передъ нимъ на вытяжку стоитъ весь департаментъ, а черезъ нѣсколько времени станетъ, можетъ быть, на вытяжку все министерство. Онъ — правая рука министра, онъ со всѣми смыльми міра сего на дружеской ногѣ... А меня, съ моимъ генеральствомъ, никто не знаетъ и знать не хочетъ. Мое титуло — звукъ пустой, который особенно въ настоящее время, при теперешнихъ понятіяхъ и взглядахъ, не имѣетъ ровно никакого значенія, никакого смысла...

Другъ мой при этомъ даже поднялся съ кресель.

— Неужели жь ты думаешь, что меня въ самомъ дѣлѣ занимаетъ мое генеральство? Хоть ты иногда и подтруниваешь несправедливо надъ моими *будто бы* отсталыми идеями, я только не утопистъ, — да ужь до какой бы степени, положимъ, я ни отсталъ, — я никогда не удовлетворяю бы тѣмъ, что меня какой нибудь лакей, или департаментскаго сторожъ назоветъ «ваше превосходительство». Что мое генеральство! Съ моимъ генеральствомъ я даже не достигъ до того, чтобы имѣть счастье быть приглашаему къ министру; онъ несмотря на мое генеральство, кажется; и недоуврѣваетъ о моемъ существованіи, тогда какъ онъ зоветъ къ себѣ всѣхъ самыхъ ничтожныхъ мальчишекъ-франтовъ, подчиненныхъ ему... Разумѣется, я совершенно равнодушенъ къ этому, я на это, если хочешь, и вниманія не обращаю; но согласенъ жеоднако, что это если неоскорбительно, то смѣшно!.. Вѣдь ты знаешь Петра Петровича? Это ужь пародія на челоувѣка, — неправда ли? Но ш его притлапаетъ, а меня нѣтъ!.. Впрочемъ, все это вздоръ, въ наше время совѣстно и говорить о такихъ мелочахъ; но я такъ только сказаль къ слову, чтобы показать, что мнѣ ничего не удается въ жизни даже въ пустякахъ, въ мелочахъ... Отъ чего

же, однако, *онъ* соблюдаетъ приличіе относительно другихъ, а не соблюдаетъ его относительно меня?.. Что ты ни толкуй, а моя жизнь самая неудавшаяся!

— Нѣтъ, ты не правъ, возразилъ я: — развѣ ты имѣешь какую нибудь иную, неизвѣстную мнѣ цѣль жизни, — стремишься къ ней и не достигъ ее, — въ такомъ случаѣ я беру мое «нѣтъ» назадъ; но если у тебя не было никакой другой цѣли, кромѣ службы, то, по моему, цѣль эта тобой вполне достигнута: ты дошелъ до общаго рубежа всѣхъ среднихъ карьеръ, не доживши еще до полной старости, и доволься тебѣ на судьбу нечего...

— Однако я не хуже, не глупѣе и не менѣе образованнѣе другихъ, вскрикнулъ мой другъ съ нѣкоторою занальчивостію: — которые занимаютъ Богъ-знаетъ какія почетныя мѣста, или передъ которыми еще длинная перспектива вперед? Что Владимиръ Ильичъ умнѣе, что ли, меня? А я въ каждый праздникъ долженъ бѣгать къ нему и смиренно росписываться на его листѣ въ швейцарской... Я не хочу ничего, я не добиваюсь ни до чего. Если и было во мнѣ какое нибудь честолюбьишко, такъ оно уже давно убито... Если бы мнѣ дали хоть тысячи три съ половиной въ годъ, я бы тогда икъ слову не сказалъ: Богъ съ ними! Мнѣ не нужно ни власти, ни почестей. Я не претендую на нихъ; во мнѣ нѣтъ пустаго тщеславія, хотя я все-таки скажу тебѣ, что сознаю, что я не хуже другихъ, которыхъ и возвышаютъ и награждаютъ, которымъ даютъ и аренды и пенсіи.

При этомъ недовольный другъ мой началъ мнѣ подробно описывать всѣ свои служебные подвиги, и что по его разсѣску онъ долженъ бы былъ получить за нихъ.

— Вотъ и служи, послѣ этого! прибавилъ онъ, со вздохомъ въ заключеніе: — вы, литераторы, такіе счастливыя (при этомъ пропія показалась на лицѣ моего друга), — вы ни отъ кого не зависите, получаете за ваши фантазіи и фельетончики огромную плату, пользуетесь уваженіемъ, на васъ смотрятъ, какъ на избранныхъ... Вы теперь въ ходу, въ модѣ...

— Не завидуйте намъ, ваше превосходительство, перебилъ я его, улыбувшись: — и наша доля не такъ завидна, какъ вамъ кажется издали, мы также подвержены разнымъ неблагоприятнымъ случайностямъ... О какой независимости вы говорите? Мы, какъ и вы одинаково зависимъ отъ произвола рока, отъ его минутной прихоти... Мы еще гораздо болѣе, чѣмъ вы... Вы имѣете оффиціальное значеніе, знаки усердія и благонамѣренности на шеѣ, или на груди и безпорочной жизни на отворотѣ фрака, вы защищены вашиимъ званіемъ, а у насъ нѣтъ никакихъ внѣшнихъ знаковъ и удостовѣреній въ нашей благонамѣренности и хорошей нравственности, никакой га-

рантінъ. Замятьте, что для многихъ еще слово «литераторъ» есть синонимъ безнравственности, вольнодумства... ну, а вѣдь извѣстно, что съ людьми вольнодумными и безнравственными нравственныя люди не церемонятся...

— Э! да что ты толкуешь! перебилъ меня другъ: — все это было встарь, а теперь, когда всѣ мы болѣе или менѣе сдѣлались поклонниками прогресса, за исключеніемъ развѣ самыхъ закорѣвелыхъ старовѣровъ...

— Да, поклонники въ томъ смыслѣ, что мы не гонимъ отъ себя этотъ прогрессъ въ-зашей, а вѣжливо расшаркиваемся передъ нимъ, все-таки искоса поглядывая на него. Конечно, всѣ мы считаемъ себя прогрессистами — ты сочиняя какое нибудь отношеніе новымъ усовершенствованнымъ канцелярскимъ стилемъ, я пописывая свои «Замѣтки петербургской жизни»; г. Камбекъ — изболочая г. Колянинова, г. Колянинову — изболочая въ свою очередь г. Камбека; всѣ мы грешимъ противъ злоупотребленій акціонерныхъ правленій и цаловальничьихъ продѣлокъ. Эго прекрасно! Но, говоря по совѣсти, нашими подвигами мы не оказываемъ еще большихъ услугъ прогрессу и не приносимъ слишкомъ большой пользы человечеству и отечеству... Г. Камбека не увѣримъ, что его обличенія смѣшны; цаловальникамъ не внушимъ нравственности... Какъ будто легко это толковать людямъ, что игра на биржѣ и картежная игра — безнравственны; что драться — дико и стыдно; что заниматься однимъ франтовствомъ, англійскими лошадьми и экипажами, и цѣлый вѣкъ добиваться только сонне il faut'ности — глупо! Корыстолюбіе, лживость, тщеславіе, пустота приобрѣтаются отъ рожденія, всасываются съ молокомъ, развиваются въ средѣ насъ окружающей и превращаются въ нашу плоть и кровь... Да и сами-то мы новаторы, прогрессисты и проповѣдники влечемъ въ тинѣ и грязи разныхъ недѣльностей, и никакъ до сихъ поръ не можемъ освободиться отъ этой тины, очиститься отъ этой липкой грязи, а только безтолково болтая барактаемся въ ней.

Другъ мой смерщилъ лобъ, сжалъ нижнюю губу и произнесъ, какъ бы по нѣкоторомъ размышленіи:

— Да, это отчасти правда!

— «Пофилософствуй — умъ вскружится», прибавилъ я: — и невольно дойдемъ до того убѣжденія, что наше минутное личное существованіе — ирежакое и преничтожное, и что этотъ прогрессъ, за который мы такъ горячо ратуемъ, вколачивается въ человечество съ большимъ усиліемъ, чѣмъ свая въ твердую землю, а сваливши-то у насъ вѣдь.... Но, о другъ мой! замѣтилъ я съ нѣкоторою торжественностію, кладя руку на плечо его, въ ту минуту, когда онъ

громко зѣвнулъ и сладко потянулся, послѣ благополучно окончившагося нищеваренія: — разговоръ нашъ принимаетъ слишкомъ серьезный характеръ.... Не будемъ же впадать въ сокрушеніе о томъ, что Иванъ Николаичъ, будучи твоимъ сверстникомъ, имѣетъ уже Анну черезъ плечо, когда у тебя еще только Анна на шеѣ, что передъ нимъ дрежитъ цѣлый департаментъ, а передъ тобой одинъ только сторожъ, который снимаетъ шинели, вытягивается въ струнку, — все это въ сущности суета. Справедливость и истина еще далеки отъ насъ. О чемъ же сокрушаться? Это вредитъ нищеваренію. Если бы истина торжествовала теперь, — я не сомнѣваюсь, что ты былъ бы однимъ изъ первыхъ въ салонѣ министра и у тебя бы давно была Анна черезъ плечо, а у Ивана Николаевича можетъ быть и Станислава въ петлицѣ не было бы...

Другъ мой скорчилъ при этомъ неприятную гримасу.

— Пожалуйста безъ промин, сказалъ онъ сухо: — это совсѣмъ нехстати,

— Не сердись, милый другъ; я только хотѣлъ показать тебѣ, что не одинъ ты страдаешь отъ неудавшейся жизни, что всѣ мы болѣе или менѣе страдаемъ отъ того же. Пойдемъ-ка расхѣтаться на музыку...

Черезъ часъ мы прогуливались въ великолѣпномъ саду. Оркестръ гремѣлъ, били фонтаны и благоухали цвѣты. Толпы разнаго рода кавалеровъ, и разодѣтыхъ, натертыхъ пудрою, затянутыхъ и раскрахмаленныхъ дамъ и дѣвицъ чинно прохаживались по аллеямъ, или стояли у оркестра музыкантовъ; въ сторонѣ отъ этой толпы на стульяхъ сидѣло нѣсколько пышныхъ дамъ съ длинными хвостами; около этихъ стульевъ увивались шаловливіе военные и статскіе господа. Они разговаривали по-французски громко и нрѣдка съсока бросая на толпу свои гордые взгляды, какъ будто толпа сошлась единственно для ихъ развлечения и для ихъ забавы... Толпа, проходя мимо нихъ, посматривала на нихъ съ жаднымъ и робкимъ любопытствомъ, какъ бы сознавая собственную ничтожность передъ ними. Ничего натурального, свободного не было ни во взглядахъ, ни въ движеніяхъ этихъ кавалеровъ, барынь и барышень, составлявшихъ толпу, ни малѣйшаго признака оживленія на ихъ лицахъ; каждая какъ будто пришла сюда для того, чтобы показать своей туалетъ, похвастать имъ и пройти въ вѣшалкой, приведенной въ движеніе; каждый явился какъ будто съ единственною цѣлю поважничать передъ низшимъ и поподличать впередъ высшимъ; каждый и каждая усиливалась назваться выше себя... То выпыщенность и надменность, то лезть и подобострастіе попеременно выступали на этихъ всодушевленныхъ лицахъ. Картина была невеселая.

— Вотъ, сказалъ я моему другу, когда мы раза два прошли въ этой тоди:—попробуй растолковать этимъ господамъ и господамъ, что они пещлы, жалки, скучны, смѣшны, что они куклы, а не люди, что своею глупою натапугостою, изломанностию и искусственностию они наводятъ уныніе и распространяютъ вокругъ себя удрушительный сирадъ; заражаютъ этотъ благоуханный воздухъ: что отъ нихъ дыкандія и вѣдмія вануть листья на деревьяхъ и цвѣты на стебелькахъ... Вѣдь они ни за что не повѣрятъ этому, а сочтутъ тебя за сумасшедшаго.

Мой другъ улыбнулся и кивнулъ въ знакъ согласія.

— А! вотъ N N, посмотри направо-то, сказалъ онъ мнѣ черезъ минуту, толкая меня подъ локоть и измѣняясь въ лицѣ.

N N, человѣчекъ съ хитрини, безпокойными глазками и съ орлинымъ, загнутымъ, какъ у Тьера, носомъ, шелъ намъ на встрѣчу съ высокимъ полногрудымъ военнымъ генераломъ... Толпа разступалась передъ ними, снимала шляпы и прикладывала руки къ носырькамъ.

Когда N N былъ не болѣе, какъ въ трехъ шагахъ отъ насъ, другъ мой тревожно приподнялъ руку къ полямъ шляпы; когда же N N поравнялся съ нами, другъ мой, почтительно глядя на него, снялъ свою шляпу и преклонилъ передъ нимъ благоговѣнно свою лысину.

N N вѣжливо отвѣтилъ на этотъ поклонъ.

Я взглянулъ на моего друга.

Лицо его точно озарилось солнцемъ, неволью выражая внутреннее умиленіе, а правый глазъ его съ нѣкоторымъ подобострастіемъ слѣдилъ за N N.

— А вѣдь N N, сказалъ онъ мнѣ:—по натурѣ хорошій человѣкъ. Какъ онъ со всѣми вѣдливъ, привѣтливъ!... А могъ бы, нажеться!... Имѣеть всѣ данныя, чтобы важничать передъ нашими братьями!..

— Да, онъ прекрасный человѣкъ, безспорно... Нельзя же винить его за то, что онъ на освобожденіе крестьянъ смотрѣлъ искоса, вѣскаго мыслящаго человѣка считаетъ вольнодумцемъ... у всякаго своя взгляды. Прекрасный человѣкъ—и какое состояніе составилъ всюю долговременной и безпорочной службой.

— Странно же требовать отъ стараго человѣка новыхъ, современныхъ идей! Конечно, онъ не прогрессистъ и не можетъ быть имъ, но онъ все-таки человѣкъ очень хорошій... Онъ...

Я видѣлъ, что мой другъ раздражался и готовъ былъ защищать NN до послѣдней крайности. Я круто перебилъ разговоръ...

Отъ какихъ мелкихъ случайностей часто зависитъ наше мнѣніе о человѣкѣ — и какъ забавно наше самолюбіе! (подумалъ я)... Если бы NN не замѣтилъ поклона моего друга, или какъ нибудь даже кивнулъ

ему головою, мой другъ вѣроятно заговорилъ объ NN въ совершенно противоположномъ смыслѣ. Какія незначительныя уступки требуются со стороны сильныхъ міра сего для смятченія слабыхъ!...

Въ эту минуту подошелъ къ намъ мой товарищъ, занимающій довольно видное мѣсто, съ разными званіями, *тайный советникъ, личный другъ*, какъ сказалъ бы Ф. Н. Глинка.

— Ну что, душа моя, какъ ты поживаешь? привѣтливо сказалъ онъ мнѣ...

— Ничего, живу. А ты какъ?

— Плохо, скучно. Все идетъ не такъ, какъ хотѣлось бы...

Савонный товарищъ мой взялъ меня за руку и отвелъ немного въ сторону...

— Все съ нами же возжусь (такъ онъ всегда называлъ своего начальника). Добрѣйшая, ангельская душа—это всѣмъ извѣстно, но характера никакого: сегодня онъ соглашается съ однимъ мнѣніемъ, завтра съ другимъ, совершенно противоположнымъ, такъ что не знаешь чего держаться. Ты не повѣришь, какъ это тяжело. Думаешь: ну вотъ попалъ на дорогу, самъ же указалъ ее, и идешь твердымъ, ровнымъ шагомъ по этой дорогѣ... Вдругъ, ни съ того ни съ сего, говорятъ: «сворачивай—это дорога ложная; а вотъ та настоящая!» мѣсяцъ назадъ тому та считалась ложной. Вотъ тутъ и свображи понимай. Трудно, очень трудно, милый!.. Я его душевно люблю (и онъ приложилъ ладонь къ своему сердцу и нѣсколько закатилъ глаза подъ лобъ), и онъ ко мнѣ такъ добръ, такъ внимателенъ, ласковъ... Вотъ еще третьяго дня я просидѣлъ у него цѣлый вечеръ почти глазъ на глазъ. Онъ нѣсколько разъ пожималъ мнѣ руку, — говоритъ: «Я васъ душевно люблю и вполне цѣню ваши способности»... Престо, глядя на него, слезы на глазахъ, — такая душа, такая! (Савонный товарищъ мой качалъ головою въ ужасеніи) Но вѣдь нельзя же безъ системы, согласись... Безъ системы нанутаешь ужаснѣйшимъ образомъ... Ахъ жаль, жаль, жаль!.. Вѣдь согласись, что безъ системы невозможно?..

— Невозможно! невозможно! воскликнулъ я.

— То-то же и есть!.. Потомъ я тебѣ откровенно скажу, меня безпокоитъ тоже престолявскій вопросъ... У меня въ деревняхъ, благодаря Бога, спокойно... Я это говорю не по эгоизму... Дѣло, конечно, прекрасное, но мы затѣяли его раненько, ей-богу раненько... Ну, прощай, душа моя, очень радъ, что тебя встрѣтилъ...

Когда савонный товарищъ оставилъ меня и я подошелъ къ моему другу, другъ мой спросилъ:

— Что онъ сообщалъ тебѣ какія-нибудь важныя тайны?

— Нѣтъ, онъ такъ вообще размышлялъ о суетѣ міра.

— Ему хорошо разсуждать, возразилъ мой другъ:—о суетѣ при такомъ омадѣ, какъ онъ получаетъ!.. Не всѣмъ удается такъ выскочить, какъ ему... Впрочемъ онъ, кажется, добрый малый и съ довольно либеральными взглядами...

— О! да!.. но разумѣтся, *до известной степени*.

— Ты вездѣ подпускаешь пропію. Ну, да — *до известной степени*. Я полагаю, что всякій благоразумный человѣкъ въ известныхъ лѣтахъ долженъ быть такимъ. Намъ въ наши лѣта непристало быть, кажется, мальчиками—утопистами? по крайней мѣрѣ такъ я думаю. Можетъ быть я ошибаюсь... Я не люблю отсталыхъ людей, загрубѣлыхъ противниковъ улучшеній, но и мальчишескія мечты все переломать и переделывать разомъ — возмущаютъ меня.

— И меня также... Но, другъ мой, 20 лѣтъ назадъ тому, если я не ошибаюсь, ты считалъ и уничтоженіе крѣпостнаго состоянія — утопіей, — а вотъ эта утопія осуществилась, превратилась въ фактъ, до котораго мы, маловѣрные, дожили!

— Да, слава Богу, но ты однако спроси у Василья Васильича; — ты знаешь, что онъ человѣкъ совершенно просвѣщенный и далеко перетроградный, — онъ съ своими крестьянами обращался всегда прекрасно и вовсе не противъ эманципаціи; а онъ находитъ, что если бы еще годковъ 10, 12 подождать, было бы можетъ быть и лучше. Можетъ быть, онъ и правъ.

— Да ну еще — посмотримъ, что изъ того выйдетъ! Я Россію знаю какъ свои пять пальцевъ, раздался громкій голосъ возлѣ насъ, не въ отвѣтъ впрочемъ моему другу. — Мы обернулись: мимо насъ проходилъ толстый откушникъ съ рябоватымъ и огромнымъ лицомъ, важно посматривая по сторонамъ, какъ власть имѣющій; около него юлилъ и вертѣлся худощавый человѣкъ, въ которомъ я узналъ моего стариннаго знакомаго, самаго наивнаго изъ генераловъ, какихъ мнѣ случалось встрѣчать въ жизни.

Наивный генералъ, увидѣвъ меня и моего друга, подскочилъ къ намъ и крѣпко пожалъ намъ руки.

— А ты все около капиталовъ вьешься, шалунъ! сказалъ я ему. Другъ мой улыбнулся, а наивный генералъ вспыхнулъ.

— Ахъ, господа, господа! произнесъ онъ, взглянувъ на насъ съ сожалѣніемъ: — какъ вы на все легкомысленно и поверхностно смотрите. Я не около капитала вьюсь, а около ума — обширнѣйшаго и свѣтлѣйшаго, можетъ быть самаго глубокаго ума во всей Россіи. Надо знать такъ близко этого человѣка, какъ я знаю, чтобы судить объ немъ. Это человѣкъ, который для блага отечества готовъ жертвовать всѣмъ, который вышелъ изъ народа, знаетъ народъ, какъ никто въ васъ и пламенно любитъ его...

— Что и доказывается тѣмъ, перебилъ я: — что онъ на его гроши нажилъ миллионы и развивалъ его нравственность разсыропленной сивухой...

Наивный генералъ топнулъ о землю ногой въ негодованіи и произнесъ, задыхаясь:

— Фразы, фразы, пошлая фразы! Это простиительно говорить только какимъ нибудь фельетонистамъ безъ подметокъ и журнальнымъ писунамъ, выскочившимъ наканунѣ изъ бурсы... Если бы знали вы, мудрецы, его проэкті, предположенія, вы стали бы переть нимъ на колѣни и рты разинули бы отъ благоговѣнія. Это человекъ государственный! Да съ вами вѣдь не столкуешь...

Наивный генералъ обратился къ моему другу...

— Я надѣюсь, что вы не раздѣляете его мнѣній? Онъ указалъ на меня и потомъ, махнувъ рукой, сказалъ:

— Это ужъ человекъ неисправимый, сбитый съ пути...

И побѣждалъ догонять тучнаго откупщика съ государственнымъ умомъ и съ пламенною любовію къ народу.

— И онъ безкорыстно такъ за него вступается? спросилъ мой другъ, улыбаясь и провожая его глазами.

— Совершенно. Онъ принадлежитъ къ тѣмъ добродушнымъ людямъ, которыхъ французы называютъ *l'avocats des causes perdus*. Онъ всю жизнь лѣнулъ ко всякимъ авторитетамъ: къ литературнымъ, административнымъ, промышленнымъ, терся около нихъ, раскидался за нихъ и почти ничего не выигрывалъ отъ этого; только былъ ихъ забавою, не замѣчая того. Онъ не можетъ жить безъ кумира, безъ патрона — и въ сію минуту его кумиромъ этотъ тѣстый откупщикъ...

— А что ни толкуй, замѣтилъ мой другъ: по всеобщему сознанию (я говорю не объ генералѣ, а объ откупщикѣ) онъ страшно уменъ, и я слышалъ отъ многихъ дѣльных и совершенно безпристрастныхъ людей, что дѣйствительно у него необыкновенно финансовая голова...

— Да вѣдь это говорятъ про всѣхъ, которые нажили миллионы. У насъ до сихъ поръ единственная мѣрка для ума человека — деньги. Тотъ, кто нажилъ деревни, капиталы, дома — тотъ и уменъ. Если судить объ умѣ человека по числу домовъ, то самый глубокомысленнѣйшій и умнѣйшій человекъ въ Россіи господинъ Сорокинъ, пріобрѣтшій 68 домовъ въ Петербургѣ, — вотъ тотъ, которымъ съ такою любовію занимается «Искра». — «Умный человекъ, а ничего не умѣлъ нажить! Гдѣ же умъ-то?» твердятъ всѣ... Булгаринская «Искра» объявила же Арманъ Мараста дуракомъ, потому что онъ, будучи не

ромъ города Парижа, умеръ безъ грѣха и чего похоронить было не на что.—Большинство до сихъ поръ смотритъ по бугарински...

Мой другъ сочувственно улыбнулся мнѣ и пріятно кивнулъ головою, потому что онъ не имѣлъ ничего и могъ сказать какъ древній философъ, указывая на свой лобъ: «*Optima mea mensum porto*»...

Другъ мой, несмотря на свои лысину и сидицу, проглядывавшую на вискахъ, чувствуетъ большую слабость къ прекрасному полу и не то, чтобы слишкомъ занимается собою, однако любитъ иногда прифрантиться и подстригаетъ волосы, торчащіе изъ носу и ушей. Онъ не пропускаетъ ни одной хорошенькой безъ замѣчанія или безъ восклицанія, но прибавляетъ къ этому всегда лаконически: «увы!» и верѣдко вздыхаетъ.

Намъ встрѣтилась, между прочимъ, дама очень недурная собой, въ нѣсколько изысканномъ, но небезвкусномъ нарядѣ, съ длиннымъ хвостомъ, подметавшимъ дорожки, въ шляпкѣ съ перомъ à la Гарибальди, и съ неслыханной косой, поддерживаемый сѣткой. Рядомъ съ нею шель развязный господинъ среднихъ лѣтъ, очень пріятной наружности.

При взглядѣ на эту даму, другъ мой невольно вскрикнулъ:

— Какая вредность! и потомъ спросилъ: — кто это такая?

— Какъ тебѣ сказать?.. отвѣчалъ я:— это очаровательное порождение безобразной вредности, возмутительной пустоты, нелѣпой суетности, глупаго тщеславія, соединеннаго съ невѣжествомъ; кукла, служащая забавою и хвастовствомъ для промотавшихся джентльменовъ, для мотающихъ купчиковъ, для цаловальниковъ, нажившихъ милліоны, и вообще для всѣхъ избранниковъ, живущихъ и наживающихся на счетъ черни, *безсмысленнаго народа, поденщика и раба нужды и заботы.*

Другъ мой посмотрѣлъ на меня съ улыбкою и прибавилъ:

— Одна изъ тѣхъ, которыхъ воспѣвалъ ты?... Вѣдь тебя, кажется, величаютъ пѣвцомъ *камелій*?

— Именно.

— Прехорошенькая, однако!... Какъ ихъ размножилось въ Петербургѣ въ послѣднее время. Одинъ этотъ фактъ, прибавилъ онъ глубокомысленно и въ тоже время пронзительно впиваясь глазами въ разряженную даму: — доказываетъ однако, между прочимъ, что развитіе цивилизаціи, прогрессъ не слишкомъ—то служатъ къ улучшенію человѣческой нравственности...

— То есть ты хотѣлъ сказать къ улучшенію вашей джентльменской или откупщицкой нравственности? Это правда. Но вѣдь мы, джентльмены, только болтаемъ о прогрессѣ съ чужаго голоса, — что жъ касается до нравственности, то нравственность никогда не ско-

дится съ праздностію... Мы только заигрываемъ съ прогрессомъ, по-голяемъ нмъ, какъ подою...

— Отчего же? Я не понимаю этого, возразилъ мой другъ, пожимъ плечами: — ты вѣчно вдаешься въ крайности... Все-таки, что вы ни толкуйте, *нашъ* классъ принадлежитъ къ образованнѣйшимъ классамъ, инициатива идетъ отъ насъ, и слѣдовательно...

Мой другъ нутился было въ чиновную и джентльменскую философію, но въ эту минуту очень кстати прервалъ его господинъ, шедшій рядомъ съ разряженной дамой. Онъ подошелъ ко мнѣ съ восклицаніемъ:

— Здравствуй, голубчикъ, какъ поживаешь?

Знакомыхъ у меня бездна — чуть не весь аристократическій, военный и чиновный Петербургъ (я ужъ не говорю о литературномъ Петербургѣ, къ которому я нѣмю честь принадлежать самъ). Удивительнаго тутъ нѣтъ ничего, — я слишкомъ сорокъ лѣтъ почти безвыѣздно живу въ Петербургѣ... Съ кѣмъ не сталкивался я въ эти полвѣка?... Лѣтъ 15 назадъ тому, когда слово *прогрессъ* не произвѣдало такого пріятнаго впечатлѣнія, какъ теперь, и когда это слово даже считалось не совсѣмъ приличнымъ, — самое пріятное превращеніе времени для джентльменовъ (какъ теперь толковать о прогрессѣ) было сидѣть съ утра до вечера у Дюссо и толковать въ театрахъ. Тамъ-то сошелся я съ избраннѣйшими джентльменами, изъ которыхъ многіе до сихъ поръ сохранили ко мнѣ пріязненное расположеніе. Къ числу ихъ принадлежалъ господинъ, шедшій съ вышеупомянутой дамой. Вотъ почему онъ называлъ меня, по старой памяти, вѣжливымъ именемъ «голубчикъ»...

Я пожалъ ему руку. Онъ предложилъ руку къ шали, взглянувъ на моего друга. Другъ мой вѣжливо отвѣчалъ ему на поклонъ и смотрѣлъ на него съ какою-то особенною пріятностію. Несмотря на неоспоримый либерализмъ моего друга, у него непреодолимая слабость къ свѣтскимъ джентльменамъ древняго происхожденія. Если бы онъ былъ знакомъ съ Пушкинымъ, онъ уважалъ бы въ немъ несравненно болѣе его шестисотлѣтнее дворянство, чѣмъ талантъ — и Пушкинъ, вѣроятно, былъ бы очень доволенъ этимъ. Другъ мой любилъ иногда намекать на древность и своего рода: онъ производилъ себя отъ какихъ-то татарскихъ князей и чрезвычайно скорбилъ, что его прадѣдомъ потеряны всѣ доказательства, и что теперь онъ не можетъ отыскивать своего княжества... Одинъ изъ татаръ, продающихъ платки и халаты и живущихъ въ домѣ Тулякова у Анничкова моста, какъ я узналъ случайно, имѣетъ одинаковую фамилію съ моимъ другомъ. Я сообщилъ ему однажды объ этомъ важномъ отырытій. — Можетъ быть онъ тебѣ родственникъ, сказалъ я, — и кто знаетъ? Не

отыщешь ли ты у него своихъ документовъ на княжество? — Другъ мой чрезвычайно обидѣлся, и я могъ смѣлчить его только тѣмъ, что очень похвалилъ его слогъ. Онъ прочелъ мнѣ передъ этимъ нѣчто въ родѣ проекта или соображенія.

— Я давно не имѣлъ удовольствія видѣть васъ, графъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ графу...

Послѣ нѣсколькихъ взаимныхъ любезностей моего друга съ графомъ, — я обратился къ послѣднему и указывая на первого, сказалъ:

— Генералъ цѣлится дамой, съ которой ты шелъ. Представь его ей.

Другъ мой пришелъ въ большое смущеніе. Жилки на его щекахъ поблѣговѣли. Ему показалось, что я нарочно хочу его сдѣлать смѣшнымъ въ глазахъ вѣтомка древней фамиліи...

— Какой вздоръ! прошипѣлъ онъ, дернувъ меня за пальто. — Вы не слушайте его, графъ, продолжалъ онъ, смѣняя мгновенно озлобленное выраженіе на самое пріятнѣйшее. — Вы вѣдь его знаете, онъ вѣчно шутитъ и старается язвить. Это ужь его манера. Я просто спросилъ, кто эта хорошенькая, вотъ и все.

— Прикажете представить васъ ей? спросилъ графъ, улыбаясь.

— Нѣтъ-съ, покорно васъ благодарю, — отвѣчалъ мой другъ, скрывая свое замѣшательство подъ натянутымъ смѣхомъ; — я уже слишкомъ старъ для этого. Мое время прошло... Вотъ для такихъ молодыхъ людей, какъ онъ, это другое дѣло... и другъ съ ироніей потрепалъ меня по плечу.

Стрѣла друга, какъ ни была ядовита, однако не уязвила меня. Къ этимъ стрѣламъ я давно привыкъ...

— Пройдемтесь по парку, сказалъ намъ графъ: — здѣсь смертельная тоска...

Въ паркѣ встрѣтили мы, между прочимъ, какой-то презамысловатый англійскій экипажъ, о четырехъ тончайшихъ колесахъ, изъ которыхъ два были огромной величины; среди этихъ колесъ болталась небольшая изящная люлька, въ которой сидѣлъ молодой человекъ лѣтъ 19, съ безукоризненною англійскою складкою, очень ловко управлявшій лошадьми.

— Кто этотъ юный англичанинъ? спросилъ мой другъ.

— Какой англичанинъ! Это чистѣйшій русскій, отвѣчалъ графъ: — наследникъ огромнаго состоянія...

— Что же онъ такое — студентъ, что ли?...

— Нѣтъ... Онъ кончилъ домашній курсъ, то есть такъ кое-чему выучился: болтать по-французски, по-англійски... Его возили въ Англію; тамъ онъ приобрѣлъ этотъ жеманшевскій шикъ, оттуда

вывезъ лошадей и экипажей, тамъ научился управлять лошадьми и теперь полагаетъ, что ему уже ничего болѣе не остается, что онъ приобрѣлъ полное блестящее европейское образованіе и можетъ удивлять собственной особой свое дикое отечество. Ну, что тутъ чаго выйдетъ изъ такого господчина?... А вѣдь, по его сужденію, ему непременно предстоитъ блестящая карьера... Это доведутъ до степеней извѣстныхъ; отъ него будетъ зависетьъ участь нѣсколькихъ сотенъ, а можетъ быть и тысячъ человѣкъ; а онъ, кромѣ англійскихъ лошадей, разумѣется, ничѣмъ, никогда не будетъ въ состояніи управлять... Все это ни на что не похоже. Жалуются, что старинныя фамиліи вырождаются, что потомки знаменитыхъ предковъ ни на что непохожи, да, помилуйте, какъ же имъ быть и что нибудь похожими, коли ихъ оставляютъ на произволъ, ничему не учать, когда подъ этою англійскою джентльменскою складкою кроется дикое, татарское невѣжество.

— Да какъ же, спросилъ я:—хоть съ небольшимъ родительскимъ чувствомъ и при этихъ громадныхъ средствахъ—не дать порядочно воспитанія своимъ дѣтямъ? Я этого не понимаю. Ну, положимъ отцы... тѣмъ нѣкогда—служба, интриги, спекуляція, карты, клубы; а матери—то?

— Какой ты чудакъ! а будто матерямъ есть время заниматься дѣтьми? У нихъ еще менѣе времени, чѣмъ у отцовъ... Утромъ туалетъ, утренніе визиты, потомъ опять туалетъ, прогулка въ экипажѣ, опять туалетъ,—обѣдъ, вечерній или бальный туалетъ, выѣздъ въ театръ, на балъ, переписка съ друзьями, разныя интриги, вѣщательства не въ свои дѣла, тонкія сплетни, и такъ далѣе... Къ тому же всѣ свѣтскія мамеңки никакъ не хотятъ старѣться и съ нѣкоторой досадою смотрятъ на вытягивающихся дѣтокъ своихъ. Онѣ употребляютъ всѣ возможныя усилія и невѣроятныя косметическія средства, чтобы до-нельзя нравиться, т. е. дѣтъ до 60... Подъ 60 лѣтъ онѣ женятся на своихъ возлюбленныхъ, по большей части парижскихъ парикмахерахъ, покупаютъ имъ виконтства, маркизства, ордена, звѣзды... Чего же ждать отъ такихъ матерей?... Замѣть еще, что этотъ пріѣхавшій франтикъ по-русски плохо знаетъ и русской книги въ глаза не видалъ; онъ учился по-англійскимъ и по-французскимъ учебникамъ, т. е. не учился, а заглядывалъ иногда въ нихъ такъ для порядка и приличія; а кто знаетъ, можетъ быть онъ будетъ современемъ завѣдывать какою нибудь отраслью народнаго просвѣщенія, или вообще просвѣщеніемъ?

Графъ захохоталъ.

— Правда вѣдь? сказалъ онъ.—Однакомъ я съ вами заболтаюсь,

господа. La dame en question ждетъ меня. Я объѣхалъ у нея на дачѣ чай пить... Прощайте...

Остроумный графъ сѣлъ въ коляску, которая за нимъ ѣхала и исчезъ, какъ молнія, поразивъ совершенно моего друга своимъ умомъ и здравыми разсужденіями...

— Какой славный, умный человѣкъ! произнесъ онъ съ жаромъ: — вотъ если бы такихъ графовъ въ Россіи было побольше, тогда бы иное дѣло... О, тогда...

— Ничего. Было бы то же самое, перебилъ я утвердительно: — графъ этотъ человѣкъ очень хорошій, сердце у него доброе, мягкое, онъ дѣйствительно не глупъ, имѣетъ кое-какое образованіе, по-русски читаетъ не безъ труда, и то только, что попадется ему изъ пріятельскихъ сочиненій. Онъ всю жизнь — ему ужъ теперь гораздо за 30 — больше ничего не дѣлалъ, какъ таскался за этими дамами, здѣсь и въ Парижѣ, сорилъ безъ толку деньги на разныя глупости и проѣдался въ ресторанахъ. Какой же изъ него толкъ выйдетъ?...

— Неужели? наивно воскликнулъ мой другъ, поднявъ плечи, въ знакъ изумленія. — Ахъ! люди, люди! прибавилъ онъ послѣ минуты размышленія и, присанясь, продолжалъ съ нѣкоторою торжественностію: — еще великій сердцевъдецъ Макиавелли сказалъ, не помню, гдѣ именно, въ одномъ изъ своихъ сочиненій: «каждый», говоритъ онъ: «завидуетъ и надѣется возвыситься надъ другимъ, не на основаніи собственныхъ достоинствъ, а притѣсняя то одного, то другаго. Каждый съ досадою смотритъ на счастье своего ближняго — и потому усердно хлопочетъ о томъ, чтобы разрушить его счастье...»

Произнеся это, онъ вздохнулъ и покачалъ головою.

— Далеко ли ушло наше современное общество отъ макиавеллевскаго? Конечно я вѣрю прогрессу, но...

Ничкакъ неожиданная цитата изъ Макиавелли такъ поразила меня, что послѣ этого я не нашелся ничего сказать, какъ прервать моего друга восклицаніемъ:

— Какой чудный вечеръ! какой воздухъ — прелесть! а взморье-то, какъ зеркало! — Мы подошли къ Монъ-Плезиру и, вступивъ на мраморныя плиты площадки, расположились на одной изъ крайнихъ скамеекъ и закурили сигары. Противъ насъ сидѣли два пожилые нѣмца (нѣмцы такъ и кишатъ во всѣхъ петербургскихъ окрестностяхъ), не совсѣмъ благосклонно поглядывавшіе на насъ и что-то вполголоса бормотавшіе между собою...

— Сигара въ сію минуту — истинное наслажденіе! воскликнулъ мой другъ, выпуская струйку дыма.

Только-что онъ произнесъ это, какъ передъ нами появился ла-

дей въ галунцахъ и объявить, что здѣсь сигары курить не дозволяется.

Дѣлать было нечего—мы бросили наши сигары. Нѣмцы съ удовольствіемъ посмотрѣли на лакея, насмѣшливо на насъ, а потомъ съ улыбкою другъ на друга и кивнули головами.

— Здѣсь, конечно, удивительно хорошо, замѣтилъ я: — фонтаны, мраморы, аллеи проведенныя въ шитку, камешки на подборъ, вѣрно Исакій съ своимъ золотымъ куполомъ, вѣрно Кронштатъ съ своими мачтами... Картина великолѣпная... а все лучше, если бы мы лежали теперь гдѣ нибудь подальше отъ Петербурга, на травѣ, на берегу какой нибудь извилистой рѣчки, любясь колосистою рожью, снѣбящимъ лѣсомъ на горизонтѣ... и такъ далѣе. Тамъ, по крайней мѣрѣ, намъ никто не помѣшалъ бы наслаждаться сигарами...

— Да, но... мы въ самомъ дѣлѣ сдѣлали неловкость, закуривъ здѣсь сигары... сказалъ мой другъ съ безпокойствомъ: — какъ это мы не догадались, что здѣсь курить нельзя...

Солнце садилось великолѣпно. Кронштатъ съ своими мачтами тонувъ въ золотистомъ туманѣ... Мы приготовились было наслаждаться этой картиной, но мраморная площадка наполнилась все болѣе и болѣе избранными дамами и кавалерами и превратилась наконецъ въ салонъ. На насъ начинали поглядывать вопросительно: «что вы за люди? зачѣмъ вы здѣсь?» Я читалъ ясно эти вопросы на лицахъ избраннаго общества—и мнѣ становилось неловко, воздухъ казался удушливымъ и закатъ солнца театральнымъ.

— Уйдемъ отсюда, шепнулъ я моему другу.

Но мой другъ, кажется, ощущалъ совершенно противоположное мнѣ. Поздри его расширились съ какимъ-то наслажденіемъ, глаза его сладостно перебѣгали отъ одной избранной къ другой, отъ одного избраннаго къ другому. На небесную картину онъ уже не обращалъ ни малѣйшаго вниманія; онъ весь погрузился въ созерцаніе земныхъ свѣтилъ...

— Какой ты чудакъ! сказалъ онъ черезъ минуту, не хотя поднимаясь съ скамейки: — куда ты торонишься? Еще поспѣемъ домой. Здѣсь такъ хорошо...

— Да если тебя такъ интересуютъ эти господа и господа, то пожалуй останемся. Нѣтъ жертвы, которую бы я не былъ бы въ состояніи принести для друга.

— Неужели ты думаешь, что меня они интересуютъ? Что мнѣ за дѣло до нихъ? Посмотри, какой великолѣпный закатъ! Оторваться не хочется отъ этой картины.

Другъ мой, однако, всталъ быстро со скамейки; я было упрямилъ его остаться, онъ не согласился. Всю дорогу до дома мы идча-

ли. Отъ видѣть, что я читаю современныя помыслы его души — и дулся на меня.

— За чашку отвъ не замедляла и съ нѣкоторыми озабоченіемъ завела рѣчь о томъ, что въ нашей литературѣ проявляется какой-то грубая нескромность, ограниченность взгляда, вслѣдствіе котораго безъ всякаго повода преслѣдуется королевское общество и протомются муть, не проклятію достойныя всякаго уваженія люди, съ совершенно либеральнымъ и современнымъ воззрѣніемъ, принадлежашіе къ этому обществу, или поддерживающіе съ нимъ связь...

— Читай-ка ты превосходную статью Павлова по поводу статьи о юблѣе князя Васемскаго? — спросилъ меня мой другъ.

— Нѣтъ, не читалъ, — отвѣчала я: — мнѣ до крайности наскучилъ споръ и толкъ объ этомъ юблѣе...

— Напрасно... Послушай... Отъ валазъ одинъ изъ № «Исторія» и прочелъ съ торжествомъ слѣдующую выписку изъ статьи г. Павлова:

«А! вы браните великосѣтское общество, запрощайте намъ ходитъ въ него; позволите же спросить васъ: куда мы пойдемъ? Какое же общество лучше великосѣтскаго?.. Не рѣшались ли вы назвать намъ кругъ крестьянъ? Не согласитесь, что и они не ангелы во плоти. Отъ камихъ бы причинъ имъ происходила ихъ недостатки, нельзя же для этихъ дѣтей природа: покинуть престолы Петербурга, держать съ нами постоянную бесѣду на завашихъ и ѣздить на вечера по курьямъ избамъ...»

— Я думаю, что такъ. Какъ ты полагаешь?

Мой другъ посмотрѣлъ на меня съ вопросительной провоніей и продолжалъ чтеніе:

«Какъ вы ни разогрѣты огнемъ сочувствія къ меньшей братіи, но если наложить на васъ эту шпитемью, то вы сами едва ли не будете рады броситься опрометью даже въ великосѣтскій кругъ и облобызывать самаго отчаяннаго изъ его представителей... Не пожелаете ли помлстить насъ въ кругъ мльщанъ?...»

— Нѣтъ, перебилъ я, — мы знаемъ, что вы мльщане во дворянствѣ и не хотимъ выводить насъ изъ вашей среды...

«Но вѣдь наши мльщане не тѣ мльщане», продолжалъ читать мой другъ, не обративъ вниманія на мое замѣчаніе: «которые въ средіе вѣка дѣлали крѣпости изъ своихъ домовъ, чтобы защищаться отъ бароновъ, не тѣ, которые предъавдали французской аристократіи права челоуѣка... Теперь по порядку слѣдуетъ купеческій кругъ...» и такъ далѣе.

Другъ мой бросилъ газету и оборотился ко мнѣ:

— Какъ ты находишь? Павловъ-то правъ... Куда жъ намъ, господода, принажете дѣваться? — не на завадинахъ же въ самомъ дѣлѣ

намъ проводить наши вечера, но въ харчевняхъ же въ обществѣ сибирокъ?..

— Да развѣ литература и ѣшаетъ г. Павлову и тебѣ, если такъ хочется, посѣщать салоны, умищаться великосибирскими (броудскими) нашивками, нашивать для большинства шку, выгоняя съ гербами коронами на лирею вышнихъ лакеевъ, даже если вы не шьете права на гербы и короны? Какое литературъ дѣло до этого?.. Я понимаю, изъ чего такъ горячится г. Павловъ?.. Это сравненіе съ трлными мельницами! Кто его таскаетъ на завалини?.. Моимъ удовольствіемъ, напримеръ, небольшой, кружокъ друзей сомыслищихъ и сочувствующихъ мнѣ, и я иду въ меня, не нуждалось ни въ харчевняхъ, ни въ салонахъ, ни въ завалинкахъ, ни въ аристократическомъ, ни въ мужицкомъ, ни въ мѣщанскомъ обществѣ... И въ томъ, и въ другомъ и въ третьемъ я буду совершенно чужимъ... На мѣстѣ намъ будетъ такъ же неловко, какъ въ салонѣ, — мнѣ, тебѣ и г-ну Павлову. Если насъ и допустятъ въ салоны, то насъ будутъ смотрѣть тамъ все-таки съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ, покровительствомъ... Если ты и г. Павловъ можете переносить это—и прекрасно... Но мнѣ кажется, развитому и мыслящему человѣку тамъ только дышется легко и говорится свободно, гдѣ он чувствуетъ полное равенство во всѣхъ отношеніяхъ... И какой смѣлъ мыслей найдете вы въ салонахъ?.. Обмѣнить фразъ—да, можно быть... Если игра въ фразы кажется вамъ въ ваши лѣта забавно-забавляйтесь, бога-ради, никто не помѣшаетъ вамъ. Я, по крайней мѣрѣ, понимаю пріятность только одного общества, составленнаго изъ людей развитыхъ и мыслящихъ, — отъ такого общества я не уроню.

Но такіа общества составляются по большей части изъ людей разныхъ сословій: тутъ попадаются иногда и мѣщане, и купцы, и аристократы, и люди вышедшіе изъ духовнаго званія и дворян *средняго рода*... Нѣтъ, г. Павловъ Богъ-знаетъ что выдумываетъ и литературу... Литература никогда не запрещала никому ѣздить въ высшее общество, надѣвать желтые перчатки, лакированные слюги, нюхать французскій табакъ изъ золотой табакерки рококо, воспринимать манеры какогонибудь князя или графа и отпускать блестящія либеральныя фразы... Если г. Павлова принимаютъ въ салоны и слушаютъ его — тѣмъ лучше для него. Мы желаемъ ему полнаго успѣха и кредита въ салонахъ, тѣмъ болѣе, что литературный кредитъ его сильно поколебался въ послѣднее время...

— Ну, да что бы ты ни говорилъ, а въ васъ во всѣхъ господствуетъ что-то враждебное къ людямъ высшаго общества...

— Ты несправедливъ, Сергѣя! воскликнулъ я, обнимая моего дру-

га: — развѣ я къ тебѣ пишу что нибудь врожденное?.. А ты вѣдь ведешь свой родъ отъ татарскихъ князей...

Другъ мой на этотъ разъ не разсердился, а раскохотался, хотя довольно принужденно.

Остальной вечеръ мы провели прекрасно. Я избѣгалъ всего щекотливаго въ разговорѣ. Мы разсуждали о европейской политикѣ, глубоко сожалѣли о неожиданной смерти Кавура, удивлялись его глубокой политикѣ, изъявляли конечно пламеннѣйшее желаніе, чтобы итальянцы безпрепятственно довершили свое великое дѣло. При этомъ мы долго толковали о запутанной и нѣсколько противорѣчащей, но нашему мнѣнію, политикѣ Наполеона — особенно относительно итальянскаго вопроса... Другъ мой полагалъ, что Наполеонъ стремится къ такой-то цѣли; я утверждалъ, что, наоборотъ, къ совершенно другой. Мы спорили долго, однако не могли ничего рѣшить положительно и сошлись только въ одномъ, что императоръ французскій принадлежитъ къ тончайшимъ, къ самымъ ловкимъ и хитрымъ политикамъ и восклицали, качая головами: «Умень, ужъ какъ умень!»

Мы всѣ разсуждаемъ о политикѣ немножко въ родѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ.

Къ концу нашихъ политическихъ разсужденій мы почувствовали легкую и пріятную дрему... Имена Риказоли, Ратаци, Кавура, Гарибальди, Виктор-Эммануэля, Наполеона, турецкаго султана, Франца-Иосифа, Деака, и такъ далѣе, вяло сходили съ нашихъ языковъ. Другъ мой рѣшилъ, кажется, въ заключеніе, что для блага человѣчества необходимо желать торжества умѣренной либеральной партіи...

Я задремалъ и хорошенько не слышалъ его словъ.

На сонъ грядущій онъ выпросилъ у меня послѣднюю книжку «Revue des deux mondes». Журналъ этотъ былъ его любимую, настольною книгою; онъ черпалъ изъ него свою житейскую мудрость.

«А все таки», думалъ я безсвязно сквозь дрему: «мы совершили довольно значительный прогрессъ, чтобы ни говорили. Вѣдь тридцать лѣтъ назадъ тому у насъ не было и такихъ генераловъ, какъ мой другъ. Мой другъ — человѣкъ разсуждающій, смотрящій...»

Я совсѣмъ было уже задремалъ, но вдругъ отчего-то проснулся и подумалъ:

«Впрочемъ онъ принадлежитъ къ не совсѣмъ довольнымъ, а если бы онъ былъ *совсѣмъ доволенъ*, получилъ бы, напримѣръ, хоть аренду и ленту черезъ плечо, разсуждалъ-ли бы онъ такъ, какъ разсуждаетъ теперь?..» Этотъ вопросъ я не рѣшилъ, потому что заснулъ очень крѣпко. На другой же день, когда при взглядѣ на моего

друга, вопросъ этотъ снова возникъ въ моей головѣ, я подумалъ, что его рѣшать не стоитъ...

— Ну, что ты вычиталъ хорошенкаго въ «Revue des deux mondes», спросилъ я моего друга за утреннимъ кофе.

— Превосходный журналъ! воскликнулъ онъ съ жаромъ:—мнѣ умныя, дѣльныя статьи. Какую статью ни разверни—зачитаешься...

Въ русскіе журналы мой другъ заглядываетъ рѣдко и не хит. Онъ не питаетъ къ бѣднымъ русскимъ литераторамъ довѣрія. Онъ смотритъ на произведенія русской мыслительности, какъ если бы смотримъ на произведенія русской промышленности: — желаемъ ей процвѣтать, а покупаемъ все-таки французскіе и англійскіе товары...

Кстати о русской промышленности. 1 іюня открывалась мануфактурная выставка.

Я не намѣренъ серьезно обозрѣвать выставку, это не мое дѣло. Для такого обозрѣнія потребовалась бы цѣлая брошюра. Я обязанъ только упомянуть о ней, потому что выставка эта принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ явленіямъ петербургской жизни за іюнь мѣсяцъ. Говорятъ, что будто бы нынѣшняя выставка не представляетъ значительнаго прогресса со времени послѣдней выставки. Съ этимъ соглашаются многіе... даже экспоненты; но они справедливо замѣчаютъ, что время для выставки назначено самое неудобное; что въ мартѣ и апрѣлѣ наши пути сообщенія до крайности плохи и потому мануфактуристы и фабриканты отдаленныхъ губерній вовсе не представили своихъ произведеній на выставку... Время, выбранное для выставки, — дѣйствительно неудачное. Она открыта тогда, когда весь Петербургъ разѣзжается.

Я былъ только одинъ разъ на выставкѣ. Въ это утро зала была почти пустая.

Прежде всего бросается въ глаза, еще до входа на самую выставку, *войлочная изба и Бардовскихъ*. На сооруженіе этой крошечной избы потрачено, вѣроятно, не мало труда, матеріала и времени—и потрачено бесполезно. Это праздная фантазія богатаго фабриканта, игрушка для какого нибудь великолѣпнаго парка, но игрушка, стоящая 1,700 р. сл... Да на такія деньги экономный человѣкъ построитъ очень порядочный дачный домикъ. Изъ войлока можно бы дѣлать гораздо полезнѣйшія и доступнѣйшія для всѣхъ издѣлія.

Зала и лѣстница, гдѣ помѣщается выставка, расположены довольно живописно... На лѣстницѣ и въ залѣ, при входѣ выставлены между прочими произведенія роскоши: бронзовыя издѣлія, канделябры, ланцы, люстры гг. Шопена, Штанге, Генке, Шлеске, и другихъ, чугуныя и желѣзныя издѣлія г. Распоргуева, г-нъ Зотовой, Харитоновой и другихъ. Нѣкоторые изъ бюстовъ и изобра-

женія животныхъ исполнены довольно удачно. — Замѣчательны также издѣлія модельной мастерской морскаго вѣдомства, особенно модель 46-пушечнаго винтоваго фрегата «Аскольдъ» въ $\frac{1}{12}$ долю, модель въ $\frac{1}{96}$ долю 111-ти пушечнаго винтоваго корабля «Николай I». Экипажей выставлено множество. Всѣ они отличаются, впрочемъ, не столько изяществомъ и тонкостію отдѣлки, сколько тяжеловатостію и цѣвностію; по вѣншему выполненію они не могутъ быть сравниваемы съ парижскими и лондонскими экипажами. Можетъ быть, не адогая тонкостію отдѣлки и граціей, они могутъ похвалиться прочностію... Въ такомъ случаѣ это прекрасно. Дѣйствительно, при нашихъ мостовыхъ — солидность и прочность въ экипажѣ главное достоинство.

Сильное вниманіе посѣтителей (да и немудрено!) возбуждаютъ бронзовые часы г. Кумберга, изображающіе аллегорически «благословеніе Россіи». Рисунокъ и модель составлены самимъ фабрикантомъ. Представлена, изволите видѣть, лицевая сторона глобуса и на ней выгравирована карта Россіи. Въ центрѣ циферблата, у оси часовыхъ стрѣлокъ, показана на картѣ Москва. Числа вырѣзаны славянскими цифрами. Часовая стрѣлка въ формѣ короны съ ниспадающею андреевскою лентою. Минутная стрѣлка представляетъ скипетръ, число 12 (полдень и полночь) помѣщено на картѣ надъ Петербургомъ. При зводѣ каждого часа раздаются звуки «Боже Царя храни». Надъ глобусомъ двуглавый орелъ, держащій въ лѣвой лапѣ морской флагъ, а въ правой сухопутное знамя Имперіи. Надъ орломъ геній-хранитель, имѣющій лѣтъ императрицы Маріи Александровны, подъ нимъ два ангела. Тутъ же рогъ изобилія. Полночіе часовъ состоитъ изъ аллегорическихъ фигуръ: промышленности, наукъ и искусствъ и изъ фигуры съ серпомъ и съ расторгнутою цѣпью, изображающую, вѣроятно, освобожденіе крестьянъ... Тутъ, между прочимъ, и Рюрикъ, опирающійся мечемъ на новгородскую грамоту. Какая удивительная нѣмецкая фантазія! Г. Кумбергъ престроумный господинъ!

Посеребренные зеркала Жемишь и Комп. обращаютъ на себя вниманіе своею величиною. Серебряныя издѣлія гг. Губкина, Шопена и Сазикова лучше другихъ.

Въ отдѣленіи императорскихъ фабрикъ оставыывавшіяся невольно на месаческихъ картинкахъ. Изъ нихъ особенно замѣчательна копія съ «Ангела» Несо (оригиналъ которой намъ впрочемъ совсѣмъ не нравится). Она еще не отшлифована. Крѣпъ мозаистовъ-художниковъ, здѣсь мы находимъ нѣсколько мозаичныхъ произведений труда въ мозаичнѣ Днявельскаго монастыря, обучающіеся мозаическому искусству по велѣнію императрицы, и два очень хорошіе моза-

ичные пресс-папье работы г-жи Языковой. — Все это доказывает, что мозаичное искусство у нас теперь въ большомъ ходу. Этихъ мы отчасти обязаны искусному химнику г. Бонаеде, состоящему при мозаическомъ отдѣленіи императорскаго стеколнаго завода, который довелъ составленіе эмалей или смальтъ до совершенства. Г. Бонаеде соперничаетъ съ извѣстной мозаичной студіей Барбьеризъ Римъ. На всемірную выставку 1862 г. въ Лондонъ, между прочимъ назначена, какъ мы слышали, мозаичная картина художника Хилевскаго и копія съ одной изъ мадовъ Рафаэла, писанная на стеклѣ г. Васильевымъ...

Какъ порадовался бы успѣху мозаичнаго искусства въ Россіи Ломоносовъ, написавшій похвальное слово стеклу, самъ, какъ химикъ, составлявшій стеклянную массу и съ любовью занимавшійся мозаическимъ искусствомъ!

Представителями фарфоровыхъ надѣлій на выставкѣ явились братья Корниловы, гг. Мальцовъ, Кузнецовъ, наследники Бахметова и другіе...

Но всего не перечислить. Я указалъ только на то, что болѣе всего бросилось мнѣ въ глаза при бѣглой прогулкѣ... Ахъ, чуть было не забылъ... При выходѣ меня поразило произведеніе какого-то обойщика, выставившаго исполнскую кушетку въ формѣ леопарда или льва, съ закрученнымъ хвостомъ, служащимъ спинкою. Девъ этотъ или леопардъ покрытъ оранжевымъ бархатомъ и глаза у него вставлены большіе стеклянные. — Прелестно! Часы г. Кумберга и эта кушетка, это перлы выставки... по крайней мѣрѣ по части фантазій.

Я увѣренъ, что и обойщикъ — нѣмецъ. Гдѣ жъ выдумать это русскому?...

Вотъ новость — и, кажется, небывалая у насъ. Г. профессоръ Михайловъ разъ въ недѣлю совершаетъ ботаническія прогулки по петербургскимъ окрестностямъ. Первая его экскурсія была на *Дудергофъ*. Вторая — на *Ванкахъ* (близь Ораніенбаума), третья въ Парголовѣ. Нѣсколько студентовъ и молодыхъ людей очень усердно ботаницировали подъ руководствомъ профессора... Это очень прилично, здорово и полезно. Профессоръ, говорятъ, четвертою своею прогулкою назначаетъ *Глухоозерскую ферму* императорскаго стеколнаго завода. Тамъ началась обработка торфа по новому способу. Одинъ изъ торфологовъ покажетъ ученикамъ г. Михайлова способъ рѣзанія торфа и его обработки. Г. Михайловъ сдѣлалъ очень хорошо, введя у насъ эти научныя прогулки, которыя въ Германіи въ большомъ ходу въ канікулярное время...

Опустѣвшій Петербургъ, по обыкновенію, представляетъ печальное зрѣлище: закрытыя повсюду мостовыя для водопроводовъ

(когда же 'проведется наконецъ эта вода?) и газа, новыя торцы на Невскомъ проспектѣ, лежащія грудями, и старыя взломанные и превратившіяся въ гнилыя щепки, духота, пыль, дѣса для построекъ, качалки съ висящими на воздухѣ въ люлькахъ малярами и прочее... Всѣ его болѣе или менѣе праздные жители, то есть всѣ *люди* переселились въ окрестности: на Каменноостровскомъ театрѣ даются театральныя представленія; на Виллѣ Боргезе, или въ Monde Brillant (дача Гарьшункеля у Каменноостровскаго моста, проданная, говорятъ, г.-жѣ Руадзе) неувадимый Измеръ открылъ увеселительные вечера; на Охтѣ (на дачѣ графа Куселева) также гремитъ какой-то оркестръ; въ Павловскомъ воксалѣ отличается, по обыкновенію, г. Штраусъ. Словомъ, всѣ окрестности петербургскія оживились и одушевились... Лѣто у насъ до сихъ поръ довольно удачное, послѣ жаровъ начинаютъ перепадать теплые дожди, грошъ грокочетъ въ отдаленіи. Въ концѣ мая можно уже было купаться... Что-то будетъ дальше?..

На дняхъ мы получили двѣ любопытныя книжки: «Списки населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи», составленные и издаваемые центральнымъ статистическимъ комитетомъ министерства внутреннихъ дѣлъ... Первая заключаетъ въ себѣ списки Архангельской, а вторая Астраханской губерніи... Вотъ, что говорить въ заключеніе завѣдывающій статистическимъ отдѣломъ г. Троицкій о планѣ этого полезнаго изданія:

«Если статистическій отдѣлъ успѣетъ, въ неслишкомъ продолжительный срокъ, издать списки всѣхъ губерній и областей, которые составятъ, по примѣрному разсчету, отъ 500 до 600 печатныхъ листовъ, то это будетъ, въроютно, самый огромный статистическо-административный матеріалъ, собранный и по возможности обработанный, о *всей Имперіи*.

«Для правительства и мѣстной администраціи списки послужатъ прежде всего, въ настоящее время, весьма полезнымъ пособіемъ при устройствѣ и разграниченіи сельскихъ волостей, сообразно съ дѣйствительнымъ размѣщеніемъ жителей, по условіямъ народнаго быта и топографическому очертанію мѣстъ. По изданіи же списковъ по всей Имперіи, они дадутъ средства къ сокращенію, во многихъ отношеніяхъ, оффиціального дѣлопроизводства, представляя собою, съ одной стороны, для мѣстныхъ начальствъ, полный готовый маршрутъ по каждой губерніи, а съ другой — избавляя отъ необходимости, при каждомъ административномъ и правительственномъ мѣропріятіи, собирать вновь свидѣнія объ относительномъ значеніи каждой мѣстности въ губерніи, по числу дворовъ и жителей, о существующихъ въ каждомъ мѣстѣ церквяхъ и молитвенныхъ зда-

нѣхъ, объ учебныхъ, благотворительныхъ, промышленно-торговыхъ и другихъ учрежденіяхъ; достаточно будетъ покрывать и исправлять издаваемые списки, чрезъ опредѣленные періоды, въ кажемъ пятилѣтіе или даже каждое десятилѣтіе, чтобы имѣть въ подручьи и постоянной готовности общій очеркъ административно-хозяйственнаго строя каждой губерніи и всего государства; сдѣлать возможнымъ не обременять ежегодные отчеты о состояніи губерній гадательно собираемыми и часто невѣрными статистическими подробностями, изъ которыхъ многія измѣняются не ежегодно, а между тѣмъ, при частыхъ перепискахъ и повтореніяхъ, затемняются и дѣлаются невѣрными.

«Трудъ этотъ будетъ не бесполезенъ и для науки. Для географіи, топографіи въ тѣсномъ смыслѣ и статистики, въ немъ найдется значительная масса данныхъ, по которымъ могутъ быть исправлены и пополнены многія невѣрныя свѣдѣнія о положеніи и взаимныхъ разстояніяхъ населенныхъ мѣстъ, о теченіи рѣкъ, о направленіи главныхъ путей сообщенія, о большей или меньшей степени заселенности разныхъ мѣстностей государства. Представляя степенъ размѣщенія жителей въ той или другой полосѣ или мѣстности каждой губерніи, списки дадутъ возможность изслѣдовать и раскрыть самыя причины, по которымъ народъ тѣснѣе группировался около одного пункта, или разсѣвался въ другихъ мѣстахъ; они могутъ сдѣлаться нагляднымъ изображеніемъ хозяйственнаго расположенія каждой губерніи и навести на опредѣленіе причинъ, по которымъ многія мѣста, получившія въ административномъ устройствѣ званіе городовъ, остались на дѣлѣ чисто-сельскими поселеніями, почему многія села, имѣющія въ административномъ порядкѣ значеніе земледѣльческихъ общинъ, превзошли, напротивъ, въ торгово-промышленномъ отношеніи, многіе города. Наконецъ, и это главное для науки, издаваемые нынѣ списки составятъ географическую и топографическую канву, по которой, на будущее время, при содѣйствіи вновь преобразуемыхъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ, можетъ быть въ надежномъ видѣ устроено собраніе первоначальныхъ статистическихъ данныхъ и положено прочное начало почти не существующей еще административной статистикѣ Россіи.»

Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія поступили въ продажу:

ИЗВЛЧЕНІЯ И ВЫВОДЫ ИЗЪ ОПИСАНІЙ ПОМѢЩИЧЬИХЪ ИМѢНІЙ.

На основаніи Высочайше одобренной программы для занятій Гу-

берскихъ Комитетовъ по крестьянскому дѣлу, составлены были, въ каждой губерніи, описанія помѣщичьихъ имѣній. Для соображеній, при работахъ Редакціонныхъ Комиссій, коимъ поручено было составленіе Положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, признано было нужнымъ извлечь нѣкоторыя свѣдѣнія изъ означенныхъ описаній.

На этомъ основаніи составлены извлечения изъ описаній помѣщичьихъ имѣній по 39 губерніямъ и выводы изъ сихъ извлеченій.

Извлечения и выводы печатались по мѣрѣ изготовленія и составили всего 6 томовъ и два приложенія.

Извлечения заключаются въ томахъ I, II, III, IV, VI, и во второмъ приложеніи къ VI тому, а выводы изъ извлеченій помѣщаются въ томѣ V и первомъ и второмъ приложеніяхъ къ VI тому, а именно:

Въ томѣ I — *Извлечения* по Астраханской, Владимірской, Вологодской, Воронежской, Вятской, Казанской, Калужской и Курской губерніямъ.

Въ томѣ II — *Извлечения* по Московской, Нижегородской, Новгородской, Олонецкой, Оренбургской, Орловской и Пензенской.

Въ томѣ III — *Извлечения* по Псковской, Рязанской, Самарской, Саратовской, С.-Петербургской, Симбирской и Тамбовской.

Въ томѣ IV — *Извлечения* по Костромской, Пермской, Смоленской, Тверской, Тульской и Ярославской.

Въ томѣ V — *Выводы* изъ помѣщенныхъ въ первые четырехъ томахъ извлеченій по 28 губерніямъ.

Въ томѣ VI — *Извлечения* по Харьковской, Полтавской, Черниговской, Екатеринославской, Таврической, Херсонской, Витебской, Виленской, Ковенской и Минской губерніямъ.

Въ первомъ приложеніи къ VI тому —

Выводы изъ помѣщенныхъ въ VI томѣ извлеченій по губерніямъ: Харьковской, Полтавской, Черниговской, Екатеринославской, Таврической, Херсонской и Витебской.

Во второмъ приложеніи къ VI тому —

Извлечения и *выводы* по Могилевской губерніи.

Въ означенныя извлечения по всѣмъ поименованнымъ выше губерніямъ вошли только такія имѣнія, въ коихъ ревизское населеніе

составляет не менѣе 100 душъ, за исключеніемъ впрочемъ Олонецкой и Таврической губерній, въ которыхъ по малому числу помѣщичьихъ селеній, признано было нужнымъ включить въ изслѣскія и свѣдѣнія объ имѣніяхъ: въ Олонецкой съ населеніемъ отъ 50 до 100 душъ, а въ Таврической отъ 21 души до 100. Кроме того, въ губерніямъ Минской и Ковенской, въ уѣздахъ губернскихъ городовъ, также внесены въ изслѣскія имѣнія отъ 21 души до 100.

Въ извлеченіяхъ показаны въ особыхъ графахъ: названіе имѣльцевъ и имѣній, число въ каждомъ имѣніи крестьянъ и дворовыхъ, дворовъ или отдѣльныхъ усадьбъ и тягловъ, пространство земли, повинности крестьянъ, и разныя дополнителныя свѣдѣнія поясненія.

Выводы изъ извлеченій составлены по уѣздамъ преимущественно для опредѣленія существующихъ по каждому уѣзду надѣловъ землею и оброковъ крестьянъ.

Напечатанныя *извлеченія и выводы* продаются у комиссіонера типографіи II-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, потомственнаго почетнаго гражданина *книгопродавца С. П. Лоскутова*; въ *С.-Петербургѣ и Москвѣ*. Желающіе могутъ приобрести или полное изданіе или отдѣльныя извлеченія по каждой губерніи особю. Цѣна: за полное изданіе (состоящее изъ 6 томовъ съ 2-мя прибавленіями) 10 руб.; за *отдѣльныя* извлеченія по каждой губерніи особю 50 коп. Иногородные, желающіе получить извлеченія и выводы чрезъ почту, прилагаютъ сверхъ того особю на платежъ Почтамту *съсвоихъ* по установленной, смотря по разстоянію верстъ, таксъ: на полное изданіе за 18 фунтовъ, а на каждое отдѣльное извлеченіе за 2 фунта, и *укупорочныхъ* на полное изданіе по 50 коп., а на каждое отдѣльное извлеченіе по 10 коп.

ПОЛЕМИЧЕСКІЯ КРАСОТЫ.

КОЛЛЕКЦІЯ ПЕРВАЯ.

КРАСОТЫ СОБРАННЫЯ ИЗЪ

«РУССКАГО ВѢСТНИКА».

Гибель, богиня, вѣспой Ахиллеса.
Иліада, переводъ Гюльчича.
Июль I, ст. .

I.

«Современникъ» распался на партіи, несогласныя между собою почти что ни въ чемъ. Наши собратья по литературѣ давно намекали объ этомъ, уличая одну статью нашего журнала въ противорѣчіи съ другою. Недоставало только собственнаго признанья. Явилось и оно. Безымянный авторъ статей, занявшійся съ нынѣшняго года отдѣломъ «Внутренняго Обзоренія» въ нашемъ журналѣ, публично объявилъ, что ему нѣтъ никакого дѣла до мнѣній другихъ сотрудниковъ «Современника», что они пусть противорѣчаютъ ему, сколько хотятъ, въ своихъ статьяхъ, а онъ, не стѣсняясь, станеть противорѣчить имъ въ своихъ. Фактъ прискорбный, но, должны мы сознаться; естественный въ журналѣ, вестыдующемся являться въ одной оберткѣ съ «Свисткомъ». (Кстати мы имѣемъ надежду, что «Свистокъ» скоро

возвратится къ «Современнику» изъ заграничной отлучки: нигдѣ и нашелъ онъ климата лучше петербургскаго, тишины и довольства отравившихся, чѣмъ въ любезномъ отечествѣ, и снѣшить онъ своимъ наслаждаться сладкимъ и пріятнымъ дыномъ его.) Да, говорили мы, какъ ни прискорбно это признаніе, но воротить его нельзя. Всѣ теперь извѣстно, что между сотрудниками «Современника» вѣтъ никакого согласія въ образѣ мыслей. Мы можемъ только негодовать на сотоварища нашего по журналу, столь неосторожно разоблачающаго наши домашнія слабости (это негодование и выразилось злительнымъ эпитетомъ «безъименный»). Но если ужъ признаніе сдѣлано, то и будемъ поступать сообразно тому. Пусть каждый изъ насъ пишетъ, нисколько не справляясь съ тѣмъ, одобритъ ли его взглядъ и тонъ другими сотрудниками и редакціею.

Эта рѣшимость, овладѣвшая мною, однимъ изъ сотрудниковъ «Современника», и открыла мнѣ возможность заняться подборомъ полемическихъ красотъ изъ многочисленныхъ статей и статейскъ, глубокомысленныхъ изобличеній и шилыхъ выходовъ, печатающихся противъ «Современника». До сихъ поръ никакъ нельзя мнѣ было этимъ заняться по самой простой причинѣ: я не читалъ, кромѣ «Современника» (да и то въ корректурахъ), рѣшительно никакихъ русскихъ журналовъ вотъ уже болѣе четырехъ лѣтъ. Почему не читалъ? Между прочимъ вотъ почему: у меня чрезвычайно нетвердый умъ (какъ и было доказано много разъ въ разныхъ журналахъ въ то время, когда еще я читалъ ихъ; доказывается и теперь, какъ вижу по журналамъ нынѣшняго года; отсюда по аналогіи заключаю, что доказывалось и въ длинный промежутокъ, когда я не читалъ журналовъ). При такой шаткости ума, какъ только что я прочиталъ, съ тѣмъ и соглашаюсь. А сверхъ всѣхъ другихъ недостатковъ ума и характера, одаренъ я еще болтливостью: рѣшительно ни о чемъ не могу смолчать. Представьте же, какое было бы мое положеніе, еслибъ я совершенно не бросилъ лѣтъ пять тому назадъ читать всѣ журналы, кромѣ «Современника». Встрѣчается мнѣ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» или «Отеч. Запискахъ», «Московск. Вѣдомостяхъ» или «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» какая нибудь статья противъ «Современника». Прочелъ я ее и, по шаткости своего ума, соглашаюсь, что она вполне справедлива. Сажусь къ рабочему столу — такъ и тянетъ меня написать: «въ такомъ-то номерѣ такого-то журнала или газеты прочли мы статью, удачающую нашъ журналъ за то-то и за то-то въ невѣжественности или легкомысліи, въ злонамѣренности или безвкусицѣ. Мы находимъ это обвиненіе совершенно справедливымъ и «Современникъ» кругомъ виноватъ». Но какъ я могу напечатать это? Вѣдь я считалъ нужнымъ, чтобы журналъ сохра-

нелъ единство направленія; а я претворѣчилъ бы ему на каждомъ шагу. Согласитесь, неприятно возбуждаться къ мыслямъ, которыя не можешь выказывать. Такъ я и бросилъ читать журналы.

Теперь дѣло другое. Даровитый писатель, излившій въ выѣшнѣеиъ году на себя отдалъ «Внутренняго Обзорѣнія» въ «Современникѣ», вывелъ меня изъ затрудненія, нагружавшаго меня столь долго въ такое прискорбное вѣзваніе о дѣяніяхъ русской журналистики, ея успѣхахъ въ сильномъ и прямомъ обсужденіи важнѣйшихъ вопросовъ общественной и государственной жизни нашего отечества, и въ прочемъ всемъ остальномъ. (Замѣчаете, шаткости моя уже и выказалась! я увѣзвалъ сотоварища эпитетомъ «безъименный», а вотъ и лъшу ему эпитетомъ «даровитый».) Теперь я не связанъ никакими соображеніями о соблюденіи единства въ направленіи и тонѣ журнала. Когда мнѣ покажется, что другіе бранятъ «Современникъ» справедливо, умно, остроумно, мило (а мнѣ рѣшительно каждый равъ будетъ это казаться), я могу въ «Современникѣ» же и печатать, что вотъ какъ хорошо и дѣльно изобличенъ «Современникъ» такимъ-то журналомъ, такою-то газетою. Недѣли двѣ тому назадъ, я дошелъ до этого рѣшенія, — и, о восторгѣ наслажденія, котораго лишился себѣ столь много лѣтъ! — я принялся читать русскіе журналы.

Я пропустилъ безъ чтенія журналы эти за столько лѣтъ, что не могъ и помыслить о прочтеніи или хотя бы легкомъ пересмотрѣ всей невѣдомой мнѣ массы ихъ за эти годы. Надобно было опредѣлить какуюнибудь достижимую человѣческимъ силамъ границу возвращенія моего назадъ къ сокровищамъ прошлой нашей журналистики. Я поставилъ себѣ этою границею 1 января настоящаго года. Только при крайней надобности, когда ненадется въ этомъ мѣсяцѣ чтенія развѣ ужь очень интересная ссылка на какуюнибудь статью прежнихъ годовъ, я доставляю себѣ роскошное наслажденіе прочесть эту драгоценность.

Уже и за одинъ выѣшнѣиъ годъ какую груду приходится мнѣ пересматривать! Вѣдь мое рѣшеніе было принято 7 іюня (день — принопамятный для меня, день моего возвращенія въ сладчайшую жизнь читателя русскихъ журналовъ!) — я пропустилъ болѣе пяти мѣсяцевъ, и сколько прекраснѣйшаго чтенія приготовила для меня русская журналистика въ эти пять мѣсяцевъ!

Какъ голодный, прямо бросающійся на самое сытное блюдо, я началъ свое чтеніе, разумѣется, съ «Русскаго Вѣстника», лучшаго изъ нашихъ журналовъ. Общая молва о его достоинствахъ не обманула меня. Много, много замѣчательнаго нашелъ я въ немъ, — напр., въ 1-мъ же номерѣ превосходную, утыканную шпильками статью г. Леонтьева

«О судьбѣ земледѣльческихъ классовъ въ древнѣйшій Римъ» и послѣднюю по своей истинной ценности статью г. Сухомятина «Литературная жизнь въ Петербургскомъ университетѣ», а въ «Современникѣ» — сравнительно статьи г. Ржевскаго, равно значительную ученостью, скромностью и глубиной мысли. Но болѣе всего меня несли политическія статьи (по шаткости ума и слабости характера, при первомъ соприкосновеніи съ полемикой пробуждалась во мнѣ страстишка къ полемикѣ, свавольная непробуждалась своимъ вѣселиемъ). По естественной слабости къ журналу, въ которомъ участуешь, разумеется, больше всего заинтересовался я полемикой противъ «Современника» и она такъ очаровала меня, что на этотъ разъ не могу я говорить ни о чемъ, кромѣ нея. Какъ измѣнился мой взглядъ на многое въ «Современникѣ», сколько недостатковъ его раскрыла, сколько промаховъ разоблачила! Они такъ грубы, неприличны, что прежде всего я долженъ назвать совершенно изумительныя со стороны «Современника» тоны этой полемикѣ. Въ образцы его. Первымъ образцомъ можетъ служить первая политическая статья вышедшаго года: «Нѣсколько словъ въ вѣсто современной Литвы». Она такъ хороша, что мы представили дозволить большія извлеченія изъ нея. Статья начинается тѣмъ, что съ вышедшаго года открывается въ «Русскомъ Вѣстникѣ» вѣстникъ отдѣлъ «Литературное обозрѣніе и замѣтки». Въ другихъ журналахъ соответствующій тому отдѣлъ давно существуетъ, но ведется совсѣмъ не такъ, какъ слѣдуетъ.

«Читатели, вѣроятно, еще помнятъ, какъ лѣтъ пять или шесть тому назадъ, ежегодно передъ открытіемъ подлинки возгоралась литературная брань между журналами: *Современникъ* доказывалъ, что *Отечественныя Записки* нигде не годятся; *Отечественныя Записки* съ неслыханною убѣдительною доказывали то же самое о *Современникѣ*. Въ первый годъ существованія *Русскаго Вѣстника* мы указывали на эту черту нашихъ литературныхъ нравовъ, на этотъ процвѣтавшій тогда въ журналахъ обычай, подъ видомъ литературныхъ обозрѣній замышлялъ къ себѣ публику. Обычай этотъ тогда же прекратился; но не надолго: натура взяла свое. Брань возвратилась, только уже не литературная: сброшенную маску литературныхъ объясненій поднять было совѣстно, и раздались объясненія болѣе обыкновенныя, прямыя илуція къ дѣлу, открылись балаганы съ пѣснями и безъ пѣсень, со свистомъ и даже съ выговоромъ, какъ выразился недавно одинъ изъ этихъ свистуновъ».

Это я называю скромностью: до «Русскаго Вѣстника» журналы держали себя неприлично; явился «Русскій Вѣстникъ», указалъ имъ, что это — дурно, и неприличный «обычай тогда же прекратился». Со стороны другихъ журналовъ похвально такое послушаніе спра-

задвинутъ и злушаніи «Русскаго Вѣстника»: если сами они дуры, хорошо уже хоть то, что слышатся улазанія отъ лучшаго журнала. Но, — во очень они уже дуры: и желали испряться, да не могутъ: «общая прекратилась, но не нашего, нагура зала спрва брала возвратилась». Какая дуракая натура! Самая плошадная натура. Правится мѣхъ жалость выраженія: «открылись багажны съ иѣнами и базъ иѣсенъ, со свистомъ и даже съ свистомъ, какъ въразился недавно одинъ изъ этихъ свистуновъ». Чтобы не обманить читателя въ недоразумѣніи, сдѣлана при этихъ словахъ выноска, указывающая на № 1-й «Современника» за нынѣшній годъ. Острота — очень хорошая; ея пріятности не мѣшаетъ даже то, что она повторена изъ статейки «Московскихъ Вѣдомостей» и со словъ почтеннаго нашего публициста г. Погодина, достойно завершившаго свою громкую славу недавними статьями по крестьянскому вопросу. Такъ вотъ, критическій отдѣлъ въ другихъ журналахъ не приличенъ; впрочемъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» она будетъ несравненно приличнѣе. Но къ счастью мы видимъ, что это не мѣшаетъ ему употреблять, какъ и слѣдуетъ, амальныя вырашенія противъ журналовъ и писателей дряннаго сорта. Вотъ, напримеръ, выдержки со слѣдующей страницы.

«Мы не будемъ заниматься *искусствомъ для искусства*, какъ занимаются имъ именно тѣ изъ нашихъ литературныхъ критиковъ, которые съ свирѣпымъ безсмысліемъ протестуютъ противъ *искусства для искусства*. Только праздные и больные умы занимаются сами собой; только хилое искусство превращается въ эстетическіе курсы; только лишенная производительности, безжизненная и бессильная литература роется въ собственныхъ дразгахъ, не видя передъ собою Божьяго міра, и вмѣсто живаго дѣла занимается толченіемъ воды или домашними счетами, мелкими интригами и сплетнями. Намъ ставили въ укоръ отсутствіе литературныхъ разуждений въ нашемъ изданіи именно тѣ журналы, гдѣ съ тупымъ доктринерствомъ или съ мальчишескимъ заблѣствомъ проповѣдывалась теорія, лишаящая литературу всякой внутренней силы, забрасывались грязью всѣ литературные авторитеты, у Пушкина отнималось право на названіе національнаго поэта, а Гоголю оказывалось снисхожденіе только за его сомнительное свойство обличителя; гдѣ современные писатели, отличающіеся какимъ-либо художественнымъ достоинствомъ, потому только осыпались льстивыми похвалами, что успѣхъ ихъ въ публикѣ былъ выгоденъ для этихъ журналовъ, помѣщавшихъ у себя ихъ произведенія, но гдѣ немедленно измѣнялся тонъ отзывомъ, съ прекращеніемъ рѣсчета на содружничество.»

Какая благопрістойность тона, не лишеннаго однакожъ рѣзкой ослы: «багажны», «свистуны», «свирѣбое безсмысліе», «мальчише-

ское заблужденіе», упрекъ въ «забракованіе грависъ авторитурскихъ авторитетовъ», наконецъ, что лучше всего, указаніемъ «дѣствительныхъ похвалъ писателямъ, услуги которыхъ выгодны для журнала, пока эти писатели кончатся въ немъ свои произведения, и прибавка, что «тонъ отливовъ повѣдѣнію измѣнялся съ ироническимъ расчетомъ на сотрудничество». Чтобы читатель не оставался въ недоразумѣніи, въ этикетъ же слова въ сдѣланы и вынесены слѣдующаго содержанія:

«Такъ измѣнялся тонъ Современника о нѣкоторыхъ писателяхъ, въ честь которыхъ еще такъ недавно пламенѣли жертвенники въ этомъ журналѣ. Въ послѣднемъ номерѣ его напечатано между прочимъ легическое стихотвореніе, въ которомъ называются скорбными стѣнами на дорогѣ вѣзну произведеній г. Тургенева.»

Я никакъ не нахожу, что этотъ оборотъ изоложенія мыслей нѣкоторое сходство съ «домашними счетами, мелкими интригами и сплетнями». Я прочелъ, что «Русскій Вѣстникъ» порицаетъ ихъ, и знаю, что онъ никогда до нихъ не уважится. Вмѣстимымъ новымъ слова я называю просто благороднымъ изобличеніемъ низости «Современника». Какъ я благодаренъ «Русскому Вѣстнику», что расширились у меня теперь глаза на эту низость. Прежде дѣло представлялось мнѣ въ иномъ видѣ. Послушайте, какъ грубо я ошибался.

Мнѣ казалось, что было время, когда не замѣчали между собой разницы во взглядахъ люди, далеко разошедшіеся нынѣ. Было время, когда г. Катковъ писалъ въ «Отечественн. Запискахъ» вмѣстѣ съ авторомъ «Писемъ объ изученіи природы». Нѣкоторыя статьи г. Каткова приписывались Бѣлинскому (мы не полагаемъ, чтобы сказали этимъ что нибудь оскорбительное для г. Каткова). Теперь на сколько партій раздѣлились эти люди, составившіе нѣкогда одну партію, въ которой рядомъ стояли г. Катковъ и покойный К. Аксаковъ? Отчего же разошлись эти люди? Отчего многіе изъ нихъ стали даже враждебны другъ-другу по образу мыслей? Намъ казалось, что низкими расчетами не слѣдуетъ объяснять ни этого прежняго союза, ни этого слѣдующаго разрыва. Намъ казалось, что какъ ни жалко состояніе нашей литературы, но все-таки управляли въ ней симпатіями и антипатіями силы болѣе широкія и болѣе благородныя, чѣмъ денежный расчетъ. Намъ казалось, что развивалась національная мысль, опредѣленнѣе становились убѣжденія, и отъ этого оказывалась надобность разойтись людямъ, стоявшимъ рука объ руку, поселялось несогласіе въ понятіяхъ, а вслѣдъ за нимъ возникала и борьба между людьми, думавшими и дѣйствовавшими за-одно, когда вопросовъ было не такъ много, вопросы были поставлены не

такъ опредѣленно и отвѣты на нихъ не могли быть такъ разнородны, какъ сдѣлалось при дальнѣйшемъ развитіи общественной жизни. Эти разлуки бывали иногда тяжелы для сердца расстающихся, — по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ изъ нихъ. Сошлемся на опытъ каждаго, кто дѣйствовалъ въ литературѣ благородно: кому изъ нихъ не случилось нѣсколько разъ говорить себѣ то о томъ, то о другомъ, близкомъ прежде, соучастникѣ трудовъ и стремлений: «Мы перестаемъ понимать другъ-друга; мы стали чужды другъ-другу по убѣжденію, мы должны покинуть другъ-друга во имя чувствъ, еще болѣе чистыхъ и дорогихъ намъ, чѣмъ наши взаимныя чувства». Тотъ, кто пишетъ эти строки, началъ свою литературную дѣятельность поздне почтеннаго редактора «Русскаго Вѣстника»; но и ему пришлось уже испытать не одну такую потерю. Онъ можетъ сказать не шутя, что не совсѣмъ легко было ему убѣдиться нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что онъ и редація «Русскаго Вѣстника» по мнѣніямъ своимъ о нѣкоторыхъ слишкомъ важныхъ вопросахъ не могутъ сочувствовать другъ-другу. Что мнѣ былъ г. Катковъ? Я его тогда не зналъ въ лицо, онъ меня такъ же. Я никогда не рассчитывалъ быть его сотрудникомъ; онъ вѣроятно еще меньше могъ бы согласиться принять меня въ свои сотрудники. Ничего подобнаго личнымъ отношеніямъ или интригамъ тутъ быть не могло. Но было время, когда мнѣ пріятно было думать: «а мы можемъ дѣйствовать за-одно»; расчетъ ли денежнаго выигрыша былъ тутъ? И пришло потомъ время, когда мнѣ тяжело было думать: «по вопросу, который теперь стоитъ впереди всего, мы не можемъ дѣйствовать за-одно», — что же въ самомъ дѣлѣ, денежную ли потерю я чувствовалъ такъ горько? И если я теперь думаю: «можетъ придти очередь другихъ вопросовъ, въ которыхъ мы можемъ сойтись», — развѣ денежныя выгоды или другія дразги заставляютъ меня желать этого? Пусть судьей будетъ самъ «Русскій Вѣстникъ».

Нѣтъ, я не умѣю писать. Къ чему этотъ искренній тонъ, этотъ порывъ чувства, которое сильнѣе и выше всѣхъ журнальныхъ дразгъ? Къ чему этотъ неумѣстный наѣсъ въ статьѣ, начатой съ насмѣшливой мыслью и, правду сказать, съ презрительной мыслью? И какъ теперь изъ этой сферы мыслей, когь нѣсколько достойныхъ честнаго гражданина, перейти къ журнальной полемикѣ? Нѣтъ, лучше остановлюсь здѣсь; полемика пусть будетъ отложена до другаго раза. А первый отрывокъ пусть и будетъ законченъ надеждой на близость лучшаго развитія нашей литературной дѣятельности.

Но эта пора еще не наступила, и уже шевелится въ моей головѣ мелкій вопросъ о дразгахъ: «что же подумаетъ «Русскій Вѣстникъ»,

что же подумаетъ публика? Вызовъ ли это на литературное приращеніе? не робость ли это? не подобострастіе ли?» Нѣтъ; въ чемъ и другомъ, а въ литературной трусости едва ли самый «Русскій Вѣстникъ» заподозритъ пишущаго эти строки. Въ чемъ другомъ же какъ случится, а въ литературной полемикѣ онъ не слишкомъ боится за себя. И примиренія по вопросамъ, о которыхъ можетъ онъ идти, онъ не ждетъ ни у «Русскаго Вѣстника» съ «Современникомъ», ни у какого другаго журнала съ «Русскимъ Вѣстникомъ» или «Современникомъ». Да-съ, послѣ отъ нечего дѣлать пошутимъ, юсифемся, изоблечимъ, вознегодуетъ, «втопчемъ въ грязь», «запужимъ», а теперь — какъ-то случилось разговариваться такъ, что и то на умѣ.

Думалъ я подписывать эти статьи какими нибудь задорно-шуточнымъ псевдонимомъ; но судя по нынѣшнему, не одно шутество изъ нихъ будетъ, и потому стану подписывать подъ ними свою фамилію.

Н. Чернышевскій.

II.

А вотъ пришло и другое расположеніе духа.

Такъ какъ же, по низкому разсчету льстили «Современникъ» г. Тургеневу, по низкому разсчету теперь ругаетъ его?

Мы полагаемъ, что самъ г. Тургеневъ понимаетъ дѣло иначе очень можетъ быть, что и «Русскому Вѣстнику» можно иначе понять его.

Почему г. Чичеринъ съ своими друзьями отдѣлился отъ «Русскаго Вѣстника»? Въ платѣ за статьи они не сошлись? Извѣстно литературному кругу, что разрывъ между ними произошелъ совсѣмъ и по этой причинѣ. Сначала имъ казалось, что они сходятся въ убѣжденіяхъ; потомъ они увидѣли, что расходятся, — и разошлись.

Нашъ образъ мыслей проявился для г. Тургенева на столько, что онъ пересталъ одобрять его. Намъ стало казаться, что послѣдствія повѣсти г. Тургенева не такъ близко соотвѣтствуютъ нашему взгляду на вещи, какъ прежде, когда и его направленіе не было такъ ясно для насъ, да и наши взгляды не были такъ ясны для него. Мы разошлись. Такъ ли? Ссылаемся на самого г. Тургенева.

Мы льстили ему! — Пусть укажутъ хотя одно слово лести, написанное хотя кѣмъ нибудь изъ нынѣшнихъ сотрудниковъ «Современника». Ни «Русскій Вѣстникъ», ни кто не въ состояніи указать

этого. Или пусть укажутъ хотя одно такое слово къмъ бы то ни было написанное въ «Современникѣ» съ той поры, когда русскіе журналы стали сколько нибудь похожи на журналы. Этого также нельзя указать. Да и такой ли человекъ г. Тургеневъ, чтобы не различить лести отъ искреннаго тона и не оскорбиться лестью? Онъ не такого дурнаго тона и не такой неразборчивый человекъ. Лестить ему было бы невыгодно, если бы и была бы охота лести.

Съ другой стороны — когда это были оскорбленія ему въ «Современникѣ»? Любопытно было бы, если бы кто указалъ, гдѣ и въ чемъ они были.

Что же такое было? Измѣнился нашъ взглядъ на положеніе, принадлежащее повѣстямъ г. Тургенева въ русской литературѣ. Это такъ. Но кто скажетъ, что это положеніе не измѣнилось? Развѣ не измѣнилась сама русская литература? Что же, намъ слѣдовало бы теперь повторять то, что думали прежде, при другомъ положеніи литературы, и чего уже не могли думать теперь?

А что за оборотъ—придавать дурной видъ шуткѣ, которая отнеслась вовсе не къ г. Тургеневу, а къ журналисту, да и не къ какому нибудь журналисту въ отдаленности, а ко всемъ журналистамъ, — шуткѣ, имѣвшей тотъ смыслъ, что теперь авторъ хорошихъ повѣстей или статей беретъ за свой трудъ хорошія деньги, и нельзя журналисту держать его на антоніевской пищѣ, какъ дѣлалось когда-то? Тутъ было не одно имя г. Тургенева; тутъ говорилось о нѣсколькихъ писателяхъ, которыми наиболѣе дорожатъ журналы, — говорилось о г. Гончаровѣ, г. Костомаровѣ. Что тутъ обиднаго?

Или г. Тургеневъ разошелся съ «Современникомъ» изъ-за того, что «Современникъ» не согласился заплатить ему за какую нибудь повѣсть столько, сколько онъ хотѣлъ, или потому, что другой журналъ далъ дороже?—Вѣдь этотъ намекъ вы дѣлаете? А вы бы подумали лестенъ ли, приятенъ ли такой намекъ — не для «Современника», а для самого г. Тургенева. И вѣдь вамъ, да и каждому журналисту очень хорошо извѣстно было, что намекъ этотъ совершенно лишень всякаго основанія. — Г. Тургеневъ помѣщаетъ свои произведенія тамъ, гдѣ ему пріятнѣе, а не тамъ, гдѣ ему больше даютъ, — развѣ кто нибудь торговался когда съ г. Тургеневымъ? Сколько мы его знаемъ, мы не полагаемъ, чтобы это было кому нибудь возможно, по характеру г. Тургенева. Онъ не изъ тѣхъ писателей, которые любятъ, или съ которыми нужно торговаться.

Къ чему жъ была эта выводка? Развѣ къ тому, чтобы замѣшать г. Тургенева въ журнальныя дрязги? «Русскій Вѣстникъ» однажды уже дѣлалъ это. Но полезно ли повторять неловкость, которая и въ первый разъ не была хороша?

Вотъ, что значитъ глѣвная неразборчивость: хотѣли почитать «мальчишекъ-свиствующихъ», а по неловкости уцѣпили г. Тургева, человека совершенно посторонняго и ничѣмъ не заслужившаго вашихъ, непредназначенно задѣвшихъ его шпильку.

III.

Въ № 1 «Русск. Вѣстникъ» такъ лишь слегка пошалилъ (и какъ же ло пошалилъ), а въ февральской книжкѣ онъ помѣстилъ капитальную статью противъ насъ, подъ названіемъ «Старые боги и новые боги». — Это заглавіе обозначаетъ, что мы, по временному наизъумо-бострастію, не можемъ не валяться на колѣняхъ передъ какими-нибудь кумирами, и потому, низвергая прежнихъ, мы становимъ новыми, которые чуть ли не хуже прежнихъ, и провозглашаемъ себѣ новое поклоненіе имъ. Что жъ, оборотъ придуманъ очень ловкій — мы всегда рады отдавать справедливость «Русск. Вѣстнику»; онъ издѣлалъ повести дѣло такъ, чтобы явиться защитникомъ правъ чело-вческаго разума на свободу противъ насъ, порабощающихъ разумъ новому суевѣрію въ замѣнъ старыхъ предрассудковъ. Только одна изъ условій остроумія не соблюдено: вѣдь нужно, чтобы выдумка шла видъ правдоподобія, — безъ того она не будетъ остроумна, какъ бы ни была замысловата. А та часть публики, которая несогласна съ нами, видя въ насъ множество недостатковъ, никакъ не душала входить, чтобы мы воздвигали кумировъ. Оттого статья «Русская Вѣстника» и выходитъ — не больше, какъ забава для той части публики, которая сочувствуетъ намъ, — неудачно выбранъ пунктъ обвиненій. Мы воздвигаемъ кумировъ! — сдѣлайте одолженіе, выкиньте насъ въ этомъ почаше и побольше. Это хорошо.

Но посмотримъ на статью, истинно радующую насъ искуснымъ выборомъ темы для обвиненій. Начинается она порицаніемъ за то, что мы говоримъ иногда уклончиво, стороною о разныхъ предметахъ, о которыхъ можно говорить прямо.

«Къ чему лукаво подмигивать, коварно намекать, завертываться въ аллегорію, расточать иронию, сыпать побасенками, когда дѣло просто, и нѣтъ ни малѣйшей надобности прибѣгать ко всѣмъ этимъ военнымъ хитростямъ?»

Хорошо. А зачѣмъ вся статья, начинающаяся этимъ порицаніемъ, написана именно тою самою манерою, которую порицаетъ за ея непущность? зачѣмъ вся она до того «завертывается» въ разные уловки, что многіе даже воображали, будто ее надобно почитать

въ примомъ, а не въ ироническомъ смыслѣ, будто «Русскій Вѣстникъ» въ ономъ дѣлѣ защищаетъ противъ насъ матеріализмъ? Къ чему же порицать другихъ за то, что приходится дѣлать и намъ самимъ?

Далѣе слѣдуетъ очень милая «побасенка» объ Иванѣ Яковлевичѣ, — сильно, впрочемъ, отзывающаяся подражаніемъ статьѣ «Сдѣвременника» о кнжкѣ г. Прыжова. Зачѣмъ подражать тому, надъ кѣмъ смѣешься? Или, можетъ быть, это не подражаніе, а только иронія?

Дѣло сводится къ тому, что мы за наше безсмысліе сравниваемъ са съ Иваномъ Яковлевичемъ, — очень мило и граціозно; только зачѣмъ же заимствовать свое остроуміе у такихъ бессмысленныхъ людей, какъ мы? А что мы бессмысленны, вотъ вамъ доказательство:

«Женится ли Х.?» спрашивалъ кто-то у Ивана Яковлевича. «Безъ прапы не бендзѣ кололацы,» таковъ былъ отвѣтъ. *Кололацы* — мудреное слово, но вопрошавшій былъ вѣроятно удовлетворенъ имъ, же добираясь до смысла. *Кололацы* — слово безъ смысла. А прислушайтесь: эти *кололацы* встрѣтятся вамъ такъ часто, что вы не оставите ихъ въ упрекъ бѣдному обитателю сумасшедшаго дома.

«*Кололацы! Кололацы!* А развѣ многое изъ того, что преподается и печатается — не *кололацы*? Развѣ философскія статьи, которыя помѣщаются иногда въ нашихъ журналахъ, — не *кололацы*?

«Дѣло не въ томъ, что вы говорите или пишете, во что вы вѣруете или не вѣруете, что полагаете или что отрицаете; дѣло не въ томъ, какія истины хотите вы проповѣдывать, суровыя или вѣжныя; а въ томъ, понимаете ли вы сами что говорите, способны ли вы мыслить или способны только ваять слова, которыя для людей немыслящихъ могутъ показаться очень эффективными, но которыя въ сущности не что иное, какъ *кололацы* Ивана Яковлевича.»

Мило, очень мило. «Кололацы бѣднаго обитателя сумасшедшаго дома», — какая деликатная полемика! Далѣе слѣдуютъ, все въ прикѣвленіи къ намъ же: «желтый домъ», «бессмысленный», «раболѣпство», — «фанатическое поклоненіе идоламъ, которые созданы нашимъ невѣжествомъ», — «оскверненіе мысли въ ея источникахъ», — «возмутительно», — это на одной 894 страницѣ; — разочтите же, сколько такихъ красотъ на 12 страницахъ статьи. Это значитъ, что другіе журналы не умѣютъ держать себя прилично, а Р. В. умѣетъ.

Послѣ этого начинается разборъ статьи г. Антоновича о «Философскомъ словарѣ», — г. Антоновичъ ни мало не нуждается въ томъ, чтобы его защищали другіе, и оставляя эту часть статьи на доброе сердце г. Антоновича, приведу отрывки изъ конца ея, обращеннаго къ мнѣ

Прочитать длинное назиданіе г. Антоновичу, Р. В. рекомендует ему «одну статью, напечатанную въ трудахъ Киевской Духовной Академіи».

«Статья эта, подъ заглавіемъ: *Изъ науки о человеческомъ духѣ*, составляетъ довольно обширное сочиненіе. Авторъ ея,—профессоръ Киевской академіи, г. Юркевичъ. Сочиненіе это вызвано нѣкоторыми статьями о философскихъ предметахъ, появившимися въ *Современника* Г. Юркевичъ разоблачаетъ наглое шарлатанство, выдаваемое за высокую современную философію, и разоблачаетъ такъ, что даже изыскательный г. Антоновичъ можетъ остаться доволенъ. Нѣтъ худа безъ добра: снисхожденію по крайней мѣрѣ за то, что оно послужило вѣдомъ къ появленію этого превосходнаго философскаго труда. Статьи Юркевича не простое отрицаніе или обличеніе; но вслѣдствіе важнаго интереса, и рѣдко случалось намъ читать по-русски о философскихъ предметахъ что-нибудь въ такой степени зрѣлое. Впрочемъ о статьѣ г. Юркевича мы не хотимъ говорить мимоходомъ. Въ слѣдующемъ номерѣ *Русскаго Вѣстника* мы представимъ обширныя выдержки изъ этого трактата, который отличается всѣми признаками зрѣлаго самостоятельнаго, вполне владѣющаго собою мышленія.

«Будемъ надѣяться, что философскія понятія господь, пишущихъ въ *Современника*, мало-по-малу просвѣтятся, и что они найдутъ наконецъ возможность обходиться безъ шарлатанства. И теперь ужъ по нѣкоторымъ частямъ замѣтенъ значительный прогрессъ. Г. Чернышевскій, помянутому главный вождь этой дружины, начинаетъ уже говорить человѣческиимъ языкомъ по предметамъ политической экономіи. *Paris, ce monsieur*. Въ послѣднихъ номерахъ этого журнала мы съ удовольствіемъ прочли статью за его подписью; въ ней уже нѣтъ тѣхъ бессмыслицъ, которыя выдавалъ онъ прежде за глубокую мудрость, почерпанную со дна таинственнаго кладязя. Онъ судитъ здраво и согласно съ началами политической экономіи, такъ что ему нѣтъ теперь надобности отдѣлять себя отъ экономистовъ, которыхъ онъ бывало называлъ *уколобыми бидляками*. Такимъ является онъ теперь и самъ въ статьяхъ, подписанныхъ его именемъ. Надобно отдать ему справедливость; онъ хорошо пользуется уроками и не даромъ проводитъ время въ предварительной школѣ.

«Но если прежняя дичь остерегается заглядывать въ тѣ статьи г. Чернышевскаго, которыя подписаны его именемъ, то она еще отъдается въ другихъ, нѣтъ подписанныхъ. Тамъ еще тономъ шарлатанской проиіи говорится о великихъ русскихъ экономахъ, гг. Вернадскомъ, Бунге, Ржевскомъ, Безобразовѣ, къ которымъ причисляется г. де-Мольнаръ, а наконецъ Каре (или какъ у насъ пишутъ Керн) и Бастиа. Статейка, о которой мы сейчасъ упоминали, очень курьезная статейка; въ реченіи недавно вышедшей книги Каре *Письма къ президенту Софійскимъ Штатамъ*. Въ ней есть одно замѣчательное мѣсто.»—(Пересказывается изъ этой статьи отрывокъ о драмѣ «Юдифь», заключаю-

щійся словами: «Историческій путь не тротуаръ Невскаго проспекта, онъ идетъ цѣликомъ черезъ поля, то пыльные, то грязныя, то черезъ болота, то черезъ дѣбри. Кто боится быть покрытъ пылью и выпачкать сапоги, тотъ не принимайся за общественную дѣятельность»).

«Послѣ этого очаровательнаго эпизода, въ которомъ такъ и слышится скорбный вздохъ «Юдиои,» осквернившей себя для спасенія родины. рецензентъ снова обращается къ тарифу и свободной торговлѣ. Не могла бы эта прелестная повѣсть ворваться сама собою въ такой сухой и прозаическій предметъ, еслибъ ея не призвало само сердце писавшаго. Она могла спаваться только изъ глубины души, она могла прорваться только неудержимою силой невольнаго откровенія. Столько слезъ и нѣжности въ этомъ разсказѣ, который явился неожиданнымъ оазисомъ среди пустыни протекціонныхъ пошлинъ, гдѣ вѣетъ совѣмъ иной духъ, сухой и суровый!

«Дѣйствительно, не есть ли и шарлатанство нѣкотораго рода оскверненіе? Не великую ли жертву приносятъ тѣ доблестные общественные дѣятели, которыхъ неразумная чернь зоветъ шарлатанами? Но, о, новья «Юдиои!» повѣдайте намъ, ради какихъ великихъ благъ пятнаете вы свою непорочную чистоту, «какой другой не видывали люди?»

«О, господа, не пятняйте себя понапрасну! Не приносите ненужныхъ жертвъ! Не оправдываете себя подвигомъ: никакого подвига не имѣется. Вы и себя обольщаете, и обманываете другихъ. Вы сами не знаете, вы сами не чувствуете, какая вы вредная задержка посреди этого общества съ неустановившимися силами, съ неокрѣпшею живнію. Тѣмъ хуже, если вы люди способные. Современемъ, можетъ-быть, вы откажетесь отъ шарлатанства; ваши понятія станутъ яснѣе (начинаютъ же разъясняться мало-по-малу экономическія понятія г. Чернышевскаго, а это добрый задатокъ); послѣ вы хватитесь, но будетъ поздно. Съ презрѣніемъ оглянетесь вы на свое прошедшее, и можетъ-быть глубоко пожалѣете о шутовской роли, которую вы играете теперь.»

Эпизодъ о «Юдиои» дѣйствительно годился для того, чтобы пошмѣяться надъ нимъ; и примѣненіе его къ моему «шарлатанству» сдѣлано шло,—этотъ отрывокъ статейки, нешута, очень игривъ и ловокъ. Отъ души смѣюсь вмѣстѣ съ «Русскимъ Вѣстникомъ» надъ тѣмъ, какъ я уподобляюсь Юдиои величіемъ, жертвы приносимой мною для спасенія родины. Это очень забавно вышло; тутъ насмѣшка вполне удалась «Русскому Вѣстнику». Да и патетическій тонъ эпизода о Юдиои дѣйствительно очень забавенъ своимъ не со всѣмъ удобнымъ помѣщеніемъ въ статейкѣ о сухомъ предметѣ, тарифѣ и Керя. Это отличная насмѣшка. Да, вѣдь разумѣется само собою, что эту статейку писалъ я.—«Русскій Вѣстникъ» на то и намекаетъ. Онъ не ошибся. Но я боюсь, что ошибся «Русскій Вѣстникъ» въ предположеніи, будто мои экономическія мнѣнія исправляются. Это я считаю за знакъ доброты ко мнѣ, не больше; благодарю, но принять

не могу. Дѣло объясняется иначе. До прошлаго года, я писалъ политико-экономическія статьи объ отдѣльныхъ вопросахъ, наиболѣе интересовавшихъ меня. — разумѣется, это были вопросы, которые мнѣ казались особенно плохо излагаемыми у писателей господствующей экономической школы. Потому въ этихъ статьяхъ не было почти ничего, кромѣ споровъ противъ господствующей теоріи, кромѣ изложенія мыслей, не успѣвшихъ попасть въ нее по своей новостности или отвергаемыхъ ею за ихъ направленіе. Въ началѣ прошлаго года показалось мнѣ полезно дать русской публикѣ систематическій трактатъ о экономической наукѣ во всемъ ея объемѣ. Я сталъ переводить Милля и дѣлать къ нему дополненія. У самого Милля излагаются болѣею частью вопросы безспорные; мои дополненія часто должны были относиться также къ такимъ вопросамъ. Вотъ отъ чего разница впечатлѣнія, производимаго моими прежними статьями и моимъ изданіемъ Милля. Тогда я говорилъ: буду излагать лишь то, въ чемъ я съ вами не согласенъ; въ переводѣ Милля имѣю цѣлью изложить все, что надобно думать о предметѣ, — и то, въ чемъ я не согласенъ, и то, въ чемъ согласенъ съ вами. Не дѣлаетъ чести провинцальности «Русскаго Вѣстника», что онъ не догадался объ этой главной причинѣ разницы въ своемъ впечатлѣніи. Сказать ли другую причину? Упомянуть о нихъ мнѣ самому довольно щеголииво, но я не поцеремонюсь, потому что не очень-то боюсь ни чьихъ насмѣшекъ, когда знаю, что говорю правду. Вотъ еще объясненіе тому, что «Русскій Вѣстникъ» сталъ находить статьи, подписанныя моимъ именемъ, менѣе «дикими». Моя репутація увеличивается — говорю это, не прикидываясь скромнымъ, потому что не слишкомъ-то горжусь своей литературной дѣятельностью. Почему же такъ? — Самъ «Русскій Вѣстникъ» говорить:

«Жалкая литература! Мы находимся на школьномъ положеніи. Мысль наша не имѣетъ къ себѣ уваженія, и ей трудно уважать себя. Она прячется, роетъ норки; въ ней развиваются всѣ рабскія свойства» («Р. В.», мартъ. Литер. Обзор. стр. 21).

Послѣ этого объясненія, нечего мнѣ церемониться ни съ собою, ни съ другими. У многихъ это чувство смягчается нѣкоторымъ самодовольствомъ, не лишеннымъ справедливости. Какое бы ни было ихъ положеніе, но они въ немъ все-таки остаются честными людьми. Это ихъ нѣсколько утѣшаетъ. Я, какъ литераторъ, такъ же честенъ; но меня это нѣсколько не утѣшаетъ, и мое чувство къ литературѣ, въ томъ числѣ и къ моей долѣ въ ней, имѣетъ жесткость, ничѣмъ не смягченную. Кому угодно, тотъ можетъ сдѣлать это объясненіе предметомъ насмѣшки: я самъ знаю, что оно очень удобно можетъ быть обращено въ насмѣшку надо мной. Но смѣйтесь и бранитесь какъ хотите; а вы сами

знаете, что я тутъ правъ, и я знаю, что вы согласны со мной въ очень значительной степени.

Такъ вотъ я мертвъ потому къ похвалѣ и къ порицанію тому, что я пишу. Я самъ судья, произнесшій и себя въ числѣ другихъ приговоръ, который не поправишь и не испортишь ничѣмъ. И на то, какъ думаетъ обо мнѣ публика, я смотрю точно такъ же, какъ на толки о какойнибудь m-lle Ригольбошъ. Умна ли она, глупа ли она, хороша ли она, дурна ли она — все равно, она вѣдетъ такой образъ жизни, что никакими комплиментами не исправишь мнѣнія о ней.

Есть люди другаго рода: они чувствуютъ робость передъ извѣстностью. Таковъ «Русскій Вѣстникъ». Прежде онъ осмѣливался находить, что въ моихъ статьяхъ нѣтъ ничего, кромѣ дичи; теперь онъ робѣетъ высказывать это. Только и всего. Удовлетворены ли вы этимъ объясненіемъ, «Русскій Вѣстникъ»? Если нѣтъ, я, пожалуй, объяснюсь обстоятельнѣе: себя я не слишкомъ-то жалѣю, а другихъ, — напримѣръ, хоть васъ, — разумѣется, не больше, чѣмъ себя. Слѣдовательно, объясненій со мной вамъ не выдержать, — не потому, чтобъ я былъ умнѣе васъ или владѣлъ перомъ искуснѣе васъ, а потому, что у меня языкъ развязанъ хоть въ этомъ отношеніи, а у васъ и въ немъ онъ связанъ.

Но я не все сказалъ, сказавъ, что къ своей литературной репутаціи я мертвъ. Къ себѣ, какъ къ человѣку, я не могу быть мертвъ. Я знаю, что будутъ лучшія времена, литературной дѣятельности, когда будетъ она приносить обществу дѣйствительную пользу и будетъ дѣйствительно заслуживать доброе имя тотъ, у кого есть силы. И вотъ я думаю: сохранится ли во мнѣ къ тому времени способность служить обществу, какъ слѣдуетъ? Для этого нужна свѣжесть силъ, свѣжесть убѣжденій. А я вижу, что уже начинаю входить въ число «уважаемыхъ» (*) писателей, то есть писателей истаскавшихся, отстающихъ отъ движенія общественныхъ потребностей. Это горько. Но что дѣлать? Лѣта берутъ свое. Дважды молодъ не будешь. Я могу только чувствовать зависть къ людямъ, которые моложе и свѣжѣе меня. Напримѣръ, къ г. Антоновичу. Что жъ? развѣ я стану скрывать, что дѣйствительно за-

(*) Изъ всего этого можно будетъ «Русскому Вѣстнику» извлечь очень насильчивыя замѣчанія противъ меня: «г. Чернышевскій думаетъ, что его репутація увеличивается, — какое пріятное самообольщеніе!» — «г. Чернышевскій изъ Юдмои обращается въ m-lle Ригольбошъ» (развить параллель между ними и m-lle Ригольбошъ). — Онъ скорбитъ о томъ, что онъ уважаемый писатель — пусть онъ не горюетъ объ этомъ, его никто не уважаетъ» и т. д. и т. д. — Всѣ эти насильники могутъ быть ѣдки и забавны, если написаны будутъ умно и живо.

видую нѣтъ, завидую съ отгнѣнкомъ оскорбленнаго нѣтъ свѣдѣствъ о полюбіи, съ досадою овержаемаго?

Не угодно ли получить объясненіе и относительно того, кому польза волею исправленію принести «Русскій Вѣстникъ»? Назовите и тутъ скажу правду. Я просматривалъ «Русскій Вѣстникъ» при началѣ его изданія. Не припоминаю теперь хорошенько, до 17 или до 18 Января года изданія. Послѣ того до конца перваго года нѣтъ случило прочесть еще двѣ или три статьи въ слѣдующихъ книжкахъ, потому что въ тотъ годъ приносили «Русскій Вѣстникъ» изъ магазина в мою квартиру. На второй годъ я сказалъ, чтобъ этого не дѣлали и съ той поры до начала нынѣшняго мѣсяца я «формально» не читалъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» ничего, за исключеніемъ четырехъ оснѣ, которыя всѣ и перечислю. Въ редакцію «Современника» была доставлена біографія Радичева со многими, но словами лица, ее издававшего, важными дополненіями противъ того, что было напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Случилось такъ, что занялся я чтеніемъ некому было, кромѣ меня. Я взялъ книжку «Русскаго Вѣстника» и слѣдилъ съ нею рукопись. Оказалось, что прибавленія важны, и печатать ихъ не стоитъ. Дѣломъ прошлаго года я прочелъ полемическія статьи по поводу г-жи Свѣтцовой, адуши написать объ этомъ казусѣ статейку, за неимѣніемъ другаго матеріала для журнала. Въ одномъ изъ номеровъ «Русскаго Вѣстника», гдѣ была эта стрѣльба по г-жѣ Туръ, напечатана статья г. Малинскаго (если не ошибаюсь) о пороховыхъ взрывахъ, кажется. Она какъ-то развернулась, и я прочелъ нѣсколько страницъ. Наконецъ, сидя однажды у постели больного, я прочелъ для него нѣсколько страницъ изъ повѣсти г-жи Козановской; заглавія повѣсти не помню, а знаю только, что въ ней разсказъ ведется отъ лица женщины, часто вставляющей въ свою исторію отрывки изъ народныхъ пѣсенъ.

Довольны вы, «Русскій Вѣстникъ», этими объясненіемъ? Или можетъ быть вамъ любопытно будетъ узнать, отчего я не читалъ васъ? На первый разъ скажу: отъ глубокаго равнодушія. Если мнѣ угодно будетъ знать больше, я скажу и больше, — мнѣ все равно.

А теперь вотъ я началъ читать. — Скучныя времена, глупыя времена, — дай, думаю, поразвлекусь полемикою, на которую, какъ я слышу, напрашивается «Русскій Вѣстникъ». Вотъ, и развлекаюсь. Плохое развлеченіе, а все же лучше, чѣмъ запыть съ тоски. Надоѣсть-брошу, что бы вы тамъ ни писали обо мнѣ или о «Современникѣ». А пока еще не надоѣло, развлекаюсь, какъ видите.

IV.

Въ № 3 «Русскаго Вѣстника» литературное обозрѣніе начинается статью съ очень заманчивымъ заглавіемъ: «Нашъ языкъ и что такое свистуны». — По цитатамъ, приведеннымъ изъ № 1, мы знали, что подъ этимъ именемъ «свистуновъ» «Русскій Вѣстникъ» разумѣетъ сотрудниковъ «Современника», и ждали, что вся статья будетъ посвящена ему. Нѣтъ, о «Современникѣ» и «Свисткѣ» говорится въ ней лишь мимоходомъ, а главное содержаніе статьи совсѣмъ не то: идетъ споръ съ «Основой» о томъ, способенъ ли малорусскій языкъ къ литературному развитію, потомъ споръ съ «Временемъ» объ историко-литературныхъ и эстетическихъ вопросахъ, наконецъ подробная диссертация о г-жѣ Толмачевой, доказывающая, что Камень-Виногородъ былъ въ сущности правъ, а лишь неосторожно выразился.

Такое непредвзидимое разнообразіе «свистуновъ» объясняется на стр. 20 словами: «всѣ мы (т. е. русскіе журналы и журналисты) болѣе или менѣе свистуны» — вотъ, какъ! ужъ и самого себя «Русскій Вѣстникъ» не исключаетъ изъ «свистуновъ», — за что же гнѣвъ на насъ? Самое замѣчательное мѣсто въ цѣлой статьѣ — слѣдующее разсужденіе о правахъ женщины и объ эманципаціи:

«Права женщины! Но кто же отнималъ у ней эти права, или какихъ еще правъ ей надобно? Въ гражданскомъ положеніи она, именно у насъ, ничѣмъ не уступаетъ мужчине, она не подлежитъ опеки и совершенно самостоятельна. Въ домѣ она хозяйка, въ салонѣ она царица; въ литературѣ, въ искусствѣ, даже въ наукѣ, ей вездѣ есть мѣсто, былъ бы только талантъ и охота. Правда, у насъ нѣтъ амазонскихъ полковъ и женскихъ департаментовъ. Но неужели женщина этого хочетъ? Неужели это ей нужно? Наконецъ, если между министрами не бываетъ дамъ, то намъ извѣстно, что полъ женщины не лишаетъ ея правъ на верховную власть. У насъ были знаменитыя императрицы, на авглійскомъ престолѣ возсѣдаетъ теперь королева, на испанскомъ тоже. Какихъ же это правъ еще ей нужно? Въ обществѣ она окружена почтомъ; въна рыцарства выработали до идеальной тонкости отношенія мужчины къ женщине въ образованномъ обществѣ. Тутъ личность женщины, не утратившей своего достоинства, есть нѣчто неприкосновенное и священное. Чего же можетъ хотѣть женщина? Неужели того, чтобы быть эманципированною во всѣхъ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ считаетъ себя эманципированнымъ мужчина? Но хорошо ли, что мужчина считаетъ себя эманципированнымъ во всѣхъ отношеніяхъ? Пріятно ли будетъ ей самой сравниться съ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ? А если пріятно, такъ

что жъ имѣаетъ и женщины пользоваться тѣми же правами? Увы, — какъ много женщинъ, которыя ими пользовались и пользуются, не слышавъ ни о какой эманципаци, и безъ помощи особыхъ доктринъ о своихъ правахъ! Для этого не нужно образованія, не нужно развитія нравственнаго или нравственнаго, эта благодать достается сама собою, и лишь высшее нравственное развитіе, вкореняя въ душу чувство долга, спасаетъ, какъ мужчину, такъ и женщину, отъ этой даровой и вслѣдствіе легко доступной эманципаци. Можетъ быть женщины не достаетъ тѣхъ удобствъ эманципаци, которыми пользуется мужчина? Но стоитъ ли толковать о такихъ мелочахъ, тѣмъ болѣе, что женщина можетъ имѣть своего рода удобства, какихъ не имѣетъ мужчина? Какъ бы то ни было однако, представимъ себѣ женщину эманципированную наравнѣ съ мужчиной. Пользуясь совершенно одинаковымъ съ мужчиной положеніемъ, женщина тѣмъ самымъ отказывается отъ всѣхъ особенностей собственно-женскаго положенія. Она уже не должна хотѣть и не можетъ требовать отъ мужчины того особаго уваженія, той деликатности, на которыя имѣетъ право женщина, оставаясь въ своемъ положеніи, вышемъ и привилегированномъ, котораго никто у ней не оспариваетъ, которыми, напротивъ, всѣ дорожатъ, которое всѣ охраняютъ, удерживая отъ женщины эманципаторовъ съ грязными руками.»

Напрасно «Русскій Вѣстникъ» печатаетъ такія вещи. Говоритъ ему это въ предостереженіе. Какую роль тутъ онъ принимаетъ на себя? Стремленіе женщины къ эманципаци онъ смѣшиваетъ съ желаніемъ развратничать. Это не хорошо. Это — обскурантизмъ. Если «Русскій Вѣстникъ» станетъ выказывать себя съ такой стороны, ему придется плохо. Дальше, чтобы отвратить женщину отъ желанія сравняться съ мужчиной, «Русскій Вѣстникъ» выставляетъ, что она лишится чрезъ это особенныхъ выгодъ своего нынѣшняго положенія: мужчины ужъ не будутъ ей, какъ равной себѣ, оказывать «того особаго уваженія, той деликатности, на которыя имѣетъ она право, оставаясь въ своемъ положеніи, вышемъ и привилегированномъ», — о чемъ это вы говорите? О комплиментахъ, галантерейностяхъ, о томъ, что женщина — царица общества, воздушное существо? о томъ, что ей привозятъ въ подарокъ конфеты? Да вѣдь это «особое уваженіе, эта деликатность» необыкновенно пошлы; ими унижается женщина; ими тяготится каждая изъ то, что эманципированная, а каждая женщина, имѣющая отъ природы умъ и чувствующая свое человѣческое достоинство. Вѣдь все отзывается среднѣвѣковымъ взглядомъ на женщину, какъ на «даму сердца», то есть куклу, обязанную сидѣть на балконѣ и раздавать шарфы побѣдителямъ, а иногда и служить наградой побѣдителямъ. Вѣдь этимъ женщина ставится въ положеніе ребенка, на котораго не смотрятъ серьезно, съ которымъ только шалить на: смехомъ.

теяной любезности. Или вы думаете о другомъ? Можетъ быть вы думаете, что признавъ женщину равной себѣ, отбросивъ приторныя деликатесы въ обращеніи съ нею, мужчина станетъ толкать ее на улицы? Но, вѣроятно, вѣдь и другъ-друга мужчины перестанутъ толкать на улицахъ. — А лучше всего начало выписаннаго отрывка: «Права женщины! Но кто же отнималъ эти права, или какихъ еще правъ ей надобно?» И черезъ нѣсколько строкъ повтореніе: «какихъ же это правъ еще ей нужно?» — Потрудитесь прочесть помѣщенную въ «Современникѣ» нынѣшняго года статью г. Филиппова «о гражданскихъ законахъ», — вотъ вы и увидите, какихъ правъ не достаетъ женщинѣ даже по гражданскимъ законамъ (не говоря уже о волническихъ правахъ и экономическихъ правахъ), тогда вы и не скажете, что «въ гражданскомъ положеніи женщина, именно у насъ, ничѣмъ не уступаетъ мужчинѣ». Да, надобно еще упомянуть объ одномъ: «Русскій Вѣстникъ» находить, что въ оскорбленіи женщины «Современникъ» гораздо болѣе виноватъ, чѣмъ кто нибудь: г. Михайловъ, говоритъ «Русскій Вѣстникъ», явился мстителемъ за честь женщины, когда Камень-Виногородъ «сказалъ два грубыя слова», —

«А гдѣ онъ былъ, когда въ томъ самомъ журналѣ, въ которомъ онъ печатаетъ свои эманципаціонныя статьи, предавалась самому ужасному поруганію тоже женщина, и при томъ женщина, которая приобрѣла себѣ имя въ русской литературѣ? Мы говоримъ о тѣхъ критическихъ статьяхъ, которыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ являлись въ «Современникѣ» по поводу сочиненій графини Ростопчиной. Дагѣ поруганіе иди не можетъ, еслибъ и хотѣло. Передъ этимъ поруганіемъ ничто, совершенно ничто, — камешки, брошенные г. Камнемъ-Виногородычъ, — камешки, которые никуда бы не долетѣли и которыхъ никто бы не замѣтилъ, если бы не гаркнула вся эта стая, слушавшая г-нъ Михайловъ. Пусть эти менады, растерзавшія Камня-Виногорова, припомнятъ тѣ статьи.»

Вотъ видите ли, что: была нѣкоторая разница между нашими статьями о графинѣ Ростопчиной и случаемъ, о которомъ вы рассуждаете. То, что говорила г-жа Толмачева, находятъ справедливымъ и благороднымъ почти всѣ просвѣщенные люди (за исключеніемъ васъ, чего мы не ждали); а то, за что мы осуждали г-жу Ростопчину, заслуживало строжайшаго осужденія по мнѣнію самыхъ крайнихъ эманципаторовъ; — графиня Ростопчина писала вещи въ духѣ «Фоблаза», прямо противоположномъ идеямъ эманципаторовъ, которые освобожденіе женщины считаютъ дѣломъ столь же мало похожимъ на развратъ, или ведущимъ къ разврату, какъ освобож-

дшіе крѣпостныхъ крестьянъ. Не знать этого — стыдно, а признать невольничью — еще стыднѣе.

Что «Русскій Вѣстникъ» подумалъ причислять себя къ смущающимъ, доказывается слѣдующею статьею, о книгѣ Гиллабрэнда. — Но тему своему она явно усложняется быть схожею съ многими бібліографическими статьями, какъ и начало статьи «Старые боги и новые боги» явно нагѣвно статью «Современники» о житіи Нины Яковлевны: та же шутливость, тѣ же ирисы, та же напервѣ не вѣрившіяся съ иностранцами знаменитостями — какъ это дозволяетъ себѣ «Русскій Вѣстникъ» «тонгаты въ грязь авторитеты!» И этии бравить тѣхъ, кому подражаешь? Хотя бы ты предостереженіемъ взяли, чтобы нашии любимиими выраженіями не заимствовались, придумать свои какія нибудь, — а то, напротивъ, для обозначенія людей, пробавляющихся свѣдѣніями изъ вторыхъ рукъ, употребитъ «Русскій Вѣстникъ» выраженіе: «привыкшіе очернять свои думы изъ французскихъ книжекъ» — ай, ай, ай! — откуда это выраженіе «французскія книжки»? — Это ужь очень плохо, когда подражаніе доходитъ до заимствованія словъ.

V.

Въ № 4 «Русскаго Вѣстника» отдѣлъ литературнаго обозрѣнія и замѣтокъ доходитъ до такого совершенства въ наивности, что трудно будетъ даже при всей основательности «Русскаго Вѣстника» удержаться этому отдѣлу на подобной высотѣ.

Прежде всего отиѣтимъ длинную статью почтеннаго нашего ученаго г. Лонгинова въ защиту юбилея князя Вяземскаго съ обширными доказательствами, что князь Вяземскій одаренъ высокими поэтическимъ талантомъ. Оно должно быть такъ; надобно только сказать, что предметъ для апологій выбранъ очень удачно. Русская литература будетъ помнить покровительство, какимъ она пользовалась отъ князя Вяземскаго, когда онъ находился прямымъ ея начальникомъ въ званіи товарища министра народнаго просвѣщенія. Да, она будетъ помнить съ надлежащей признательностью. Впрочемъ, и изложеніе мыслей у почтеннаго нашего бібліографа такъ же не дурно: образцомъ можетъ служить хоть слѣдующее невинное мѣсто: «безпрерывныя утраты милыхъ людей, безпрестанныя испытанія освобождаютъ его (князя Вяземскаго) вполне отъ тѣхъ обмановъ, которые тревожатъ и увлекаютъ пламенную молодость». Это относится къ 1846 году, а князь Вяземскій родился въ прошломъ столѣтіи, да и то еще не въ самомъ кон-

цѣ столѣтія; такъ что ему въ 1846 г. было или подлѣ 60 лѣтъ, или за 60 лѣтъ. Ну, въ эти годы можно освободиться отъ пламенной молодости и безъ всякихъ испытаній. Тутъ приличнѣе бы вспомнить слова псалмопѣвца: «дніе лѣтъ нашихъ...» и т. д. — За апологією юбилея и панегирикомъ поэтическому таланту кн. Вяземскаго слѣдуетъ статья о книжкѣ, изданной подл редакціей г. Лонгинова, не сына и не отца и не брата предыдущаго Лонгинова, а того же самаго. Дѣло идетъ о письмахъ Карамзина къ Малиновскому, и «Русскій Вѣстникъ» гнѣвается за нашу непочтительность къ Карамзину. Наивности и тутъ очень много. Примиѣромъ пусть послужатъ хоть слѣдующія строки: «Недавно кто-то, разбирая эти письма въ «Современникѣ» (говоритъ «Русскій Вѣстникъ»), отозвался съ большимъ презрѣніемъ и о нихъ, и о самомъ Карамзинѣ». — «Насъ удивило (продолжаетъ «Русскій Вѣстникъ» на той же страницѣ), что рецензентъ, приводя разные отрывки изъ писемъ Карамзина, выбралъ самыя незначительныя, могущія служить къ оправданію любимой (рецензентомъ или «Современникомъ») точки зрѣнія.» — Вотъ удивительно-то въ самомъ дѣлѣ: приводитъ человекъ изъ книги такія мѣста, которыми бы подтверждалось его мнѣніе о ней! Спросимъ теперь редакцію «Русскаго Вѣстника», какъ она по правдѣ думаетъ: можно ли вести «Литературное Обзорѣніе» съ сотрудниками столь наивными? Мистеръ Тутсъ въ «Домби и сынъ» Диккенса, тоже очень любившій писать, былъ человекъ благороднѣйшей души, прекраснѣйшаго трудолюбія; но могъ ли онъ быть рецензентомъ?

Имѣтъ ли и впредь сотрудниками въ «Литературномъ Обзорѣніи» предыдущихъ мистеровъ Тутсовъ, это мы совершенно предоставляемъ усмотрѣнію самого «Русскаго Вѣстника», не выражая своего мнѣнія о томъ. Но вотъ по поводу слѣдующей статейки нельзя ужъ намъ будетъ оставить «Русскаго Вѣстника» безъ добраго совѣта.

Эта слѣдующая статейка — «Два слова объ Академіи Наукъ» Я. Гротъ: Г. Я. Гротъ — академикъ (по отдѣленію русскаго языка) и защищаетъ Академію, особенно отдѣленіе русскаго языка и словесности, это насъ не удивляетъ. Но какъ онъ защищаетъ это отдѣленіе! прелесть! Вотъ образчикъ. Тѣ, которые нападаютъ на отдѣленіе русскаго языка и словесности не хотятъ (говоритъ г. Я. Гротъ) соображать разныя обстоятельства въ организаціи Академіи, отъ членовъ ея независящія:

«Извѣстно ли, напримѣръ, публикѣ, что II отдѣленіе, занимающееся русскимъ языкомъ и литературой, существуетъ на совершенно другихъ основаніяхъ, нежели I физико-математическое и III историко-филологическое? Въ послѣднихъ двухъ члены состоятъ на жалованьи и многіе изъ нихъ получаютъ въ вѣдѣніяхъ академіи казенныя квартиры. Члены

отдѣленія русскаго языка не имѣютъ ни жалованья, ни квартиру, и посвящаютъ себя академическимъ трудамъ изъ чести. Они получаютъ умѣренную плату только за самую несущественную часть своей академической дѣятельности, то есть за присутствіе въ засѣданіяхъ, да въ случаѣ печатанія трудовъ своихъ въ изданіяхъ отдѣленія—имѣютъ право на скудный говорарій.»

Вотъ наивность-то. Ученому содружеству говорятъ, что труды его изъ-рукъ-вонъ плохи; а членъ ученаго содружества плачется передъ публикою, что мало даютъ имъ награды за труды:

«Подайте мальчику на хлѣбъ, —
Онъ Велизарія питаетъ.»

Дайте, дайте намъ по 1500 руб. жалованья съ казенною квартирою. — вѣдь мы русскій народъ питаемъ лексиконами, грамматиками и другими прекрасными трудами. Нѣтъ, тутъ наивность переступаетъ уже предѣлы приличія. Каждый встрѣчный, по прочтеніи статейки г. Я. Грота, удостовѣрять редакцію «Русскаго Вѣстника», что мы даемъ ей чистосердечный, доброжелательный и совершенно вѣрный совѣтъ, совѣтуя ей отнынѣ и во вѣки вѣковъ не печатать статей г. Я. Грота. Онъ быть можетъ полезнѣйшій членъ отдѣленія русскаго языка и словесности; онъ безъ всякаго сомнѣнія — добродѣтельнѣйшій человекъ (только добродѣтельные возвышаются до такой трогательной простоты душевной),—только, воля ваша, статьи его неприличны.

VI.

Но вотъ капитальнѣйшая статья полемическаго отдѣла IV книжки «Русскаго Вѣстника»: «Изъ науки о человѣческомъ духѣ. П. Юркевича. Труды Кіевской Духовной Академіи. 1860». Въ «Старыхъ богахъ и новыхъ богахъ» «Русскій Вѣстникъ» обѣщаль напечатать обширное извлеченіе изъ образцовой статьи г. Юркевича, мыслителя глубокаго, превосходнаго. Теперь онъ исполняетъ свое обѣщаніе. Въ IV книжкѣ онъ помѣстилъ начало извлеченія, а въ V хочетъ представить конецъ. Извлеченію предшествуетъ предисловіе отъ самаго «Русскаго Вѣстника», — а это предисловіе прочелъ и тѣмъ удовольствовался. Дѣло для меня уже ясно изъ одного предисловія.

Статья г. Юркевича написана, какъ оказывается, въ опроверженіе моеи статьи объ «антропологическомъ принципѣ». Это опроверженіе помѣщено въ журналѣ, издаваемомъ кіевскою духовною академіею, а самъ г. Юркевичъ — профессоръ этой академіи.

Я самъ—семинаристъ. Я знаю по опыту положеніе людей, воспитывающихся, какъ воспитывался г. Юркевичъ. Я видѣлъ людей, занимающихъ такое положеніе, какъ онъ. Потому смѣяться надъ нимъ мнѣ тяжело: это значило бы смѣяться надъ невозможностью жить въ рукахъ периодичной книги, надъ совершенною безпомощностію въ дѣлѣ своего развитія, надъ положеніемъ, невообразиме стѣсненнымъ во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ.

Я не знаю, какихъ лѣтъ г. Юркевичъ; если онъ уже не молодой человѣкъ, заботиться о немъ поздно. Но если онъ еще молодъ, я съ удовольствіемъ предлагаю ему тотъ небольшой запасъ книгъ, какимъ располагаю.

О г. Юркевичѣ я кончилъ этимъ. Но «Русскій Вѣстникъ» — о немъ я еще не кончилъ, потому что долженъ сказать ему, что онъ (конечно, непреднамеренно) поступилъ съ г. Юркевичемъ не хорошо. Всѣ мы, семинаристы, писали точно то же, что написалъ г. Юркевичъ. Если угодно, я могу доставить въ редакцію «Русскаго Вѣстника» такъ-называемыя на семинарскомъ языкѣ «задачи», то есть сочиненія, маленькія диссертации, писанныя мною, когда я учился въ философскомъ классѣ Саратовской семинаріи. Редакція можетъ удостовѣриться, что въ этихъ «задачахъ» шашенно то же самое, что должно быть написано въ статьѣ г. Юркевича,—да, я увѣренъ, что въ ней написано то же самое, хотя я еще не читалъ ея, и не прочту ея, не прочту и всего извлеченія, напечатаннаго въ «Русскомъ Вѣстникѣ», а прочту въ корректурѣ тотъ отрывокъ изъ извлеченія, который отиѣтилъ я для вставки въ эту статью. Я впередъ знаю все, что я прочту въ немъ, все до послѣдняго слова, и очень многое помню наизусть. Извѣстно, какъ пишутся эти вещи, что пишется въ этихъ вещахъ,—то есть извѣстно это намъ, семинаристамъ. Другіе могутъ считать это новымъ, — могутъ, пожалуй, считать хорошимъ, какъ имъ угодно. А мы знаемъ, что это такое.

Если положеніе г. Юркевича измѣнится, то очень скоро ему станетъ непріятно вспоминать о своей статьѣ. Но еслибъ она осталась только въ «Трудахъ», она осталась бы неизвѣстна публикѣ. «Русскій Вѣстникъ» своимъ извлеченіемъ компрометируетъ его передъ публикой.

Мнѣ хотѣлось бы не приводить отрывковъ изъ этого несчастнаго извлеченія. Но я обязанъ передъ «Русскимъ Вѣстникомъ» сдѣлать это: вѣдь ему кажется, что я опровергнувъ статью г. Юркевича; я не въ правѣ скрывать отъ своихъ читателей эту статью, опровергнувшую меня, по увѣренію «Русскаго Вѣстника».

Я не имѣю права переиздавать больше, какъ третью часть статьи. Я вполне долженъ воспользоваться своимъ правомъ. Статья

нѣтъ 27 страницъ. Я перепечатаю изъ нѣтъ 9, начиная съ того мѣста, гдѣ рѣчь обращается отъ общихъ рассужденій прямо къ нѣтъ. Пришлось такъ, что послѣднія строки послѣдней страницы, до конца которой доходитъ мое право перепечатки, не заключаютъ въ себѣ полного періода, и въ концѣ послѣдней строки стоитъ только половина слова, другая половина котораго переносится на слѣдующую страницу. Что дѣлать, брать со слѣдующей страницы я не имѣю уже права, а до конца этой страницы я обязанъ воспользоваться волютъ своимъ правомъ, чтобы не лишить читателя ни одной буквы изъ той части побѣдоноснаго опроверженія моихъ мыслей, которую могу сообщить ему.

«Гдѣ рубка, тамъ летать щепки (говорить «Русскій Вѣстникъ»); гдѣ горячо и живо идетъ работа, тамъ возникаютъ и односторонности и ошибки, которыя не мѣшаютъ однако дѣлу подвигаться впередъ. Въ горячей работѣ часто некогда бываетъ осмотрѣться вокругъ, подвергнуть должной критикѣ свою мысль, и мы часто видимъ людей, заслуживающихъ полного уваженія, дѣльныхъ ученыхъ и испытателей, открывающихъ въ своей науцѣ новые горизонты, съ смутными понятіями о собственномъ дѣлѣ, съ теоріями, не выдерживающими никакой критики; но негибкости, въ которыхъ они впадаютъ, поучительны и интересны. Эти негибкости—въ то же время факты, образующіеся изъ извѣстныхъ условій и любопытны для психологическаго наблюденія. Фохту, Молешотту позволительно до нѣкоторой степени не отдавать себѣ должнаго отчета въ собственной точкѣ зрѣнія: занятые дѣломъ, которое въ ихъ рукахъ плодотворно и полезно, они не находятъ въ своемъ умѣ ни времени, ни мѣста анализировать свои понятія. Но весьма жаль видѣть людей, которые были бы способны къ чему нибудь лучшему, но которые вчужѣ хватаются отовсюду все, что только есть одностороннаго, фальшиваго и негибнаго, и въ этомъ полагаютъ всю мудрость, послѣднее слово знанія и науки. Кто не помнитъ изъ времени своей школьной жизни, съ какою жадностью дѣтскіе умы хватаются именно за то, въ чемъ нѣтъ никакого смысла, но что влѣкаетъ ихъ своею рѣзкостью? Что естественно въ дѣтскомъ возрастѣ, то жалко въ зрѣломъ; что у мѣста въ школѣ, то негибно въ литературѣ.

«Сочиненіе г. Юркевича вызвано нѣкоторыми статьями, появившимися въ нашихъ журналахъ по вопросамъ антропологическимъ. У насъ нѣтъ ни психологін, ни физиологін, но есть литературныя мечтанія о томъ и о другомъ; точно такъ же, какъ у насъ нѣтъ политической экономіи, а есть литературныя мечтанія о наилучшемъ устройствѣ челоуѣческаго общества; точно такъ же, какъ у насъ нѣтъ ни политической науки, ни политической жизни, но за то появляются корреспонденціи о южоринлахъ, весьма похожія на своему грубому цинизму на доносенія нашихъ старинныхъ русаковъ, вѣзданныхъ за-границу съ дипломатическими порученіями, хотя безъ ихъ простодушной наивности,

я взаимно того съ фанфаронствомъ юнаго ума, ни въ чемъ неповиннаго, но вообразившаго себя, что онъ все испыталъ, все извѣдалъ, утомился подъ бременемъ знанія и опыта, и во всемъ видитъ суету суетствій.

«Ближайшимъ поводомъ къ труду г. Юркевича послужили статьи, напечатанныя въ № 4 и 5 «Современника», за 1860 годъ, подъ заглавіемъ: *Антропологическій принципъ философіи*. Замѣчательный трудъ г. Юркевича, несмотря на свой полемическій поводъ, представляетъ самостоятельный интересъ, и полемическій поводъ послужилъ автору только къ тому, чтобы высказаться опредѣлительнѣе и явственнѣе. Въ своей полемикѣ авторъ обнаруживаетъ очень тонкій тактъ. Онъ не прибѣгаетъ ни къ какимъ постороннимъ топикамъ; онъ не взводитъ никакихъ обвиненій, онъ беретъ мысль и судитъ ее по законамъ мысли; разбирая теорію, онъ имѣетъ въ виду только опредѣлить, объясняетъ ли она то, что общаесть объяснить. Съ благородною деликатностью онъ тщательно устраняетъ и предупреждаетъ все, что могло бы быть истолковано къ невыгодѣ разбираемыхъ статей съ какихъ либо точекъ зрѣнія, кромѣ чисто научныхъ. «Статьи: *Антропологическій принципъ философіи*, говоритъ онъ, какъ бы обращаясь къ своимъ слушателямъ въ духовной академіи, относятся къ философіи реализма, которая сдѣлала въ наше время такъ много открытій въ области душевной жизни, подарила намъ такими точными анализами явленій человеческого духа, что, по всей вѣроятности, это направленіе, рано или поздно, должно представить большіе интересы для самого богословія. Мы увѣрены, что науки богословскія особенно нуждаются въ точныхъ психологическихъ наблюденіяхъ и вѣрныхъ теоріяхъ душевной жизни. Въ этомъ отношеніи, повторяемъ, современный философскій реализмъ есть явленіе, мимо котораго богословъ не можетъ проходить равнодушно: онъ долженъ изучать эту философію опыта, если онъ хочетъ успѣха своему собственному дѣлу.»

«Но разбирая упомянутыя статьи съ точки зрѣнія логики и науки, г. Юркевичъ изобличаетъ всю фальшь, заключающуюся въ основѣ этихъ фразъ, повторяемыхъ съ чужаго голоса; полемическій тонъ его возвышается по мѣрѣ изложенія дѣла, и переходитъ къ концу въ безпощадный, но вполне мотивированный приговоръ.

«Такого рода труды, какъ г. Юркевича, большая рѣдкость въ нашей литературѣ. Статья эта неизвѣстна публикѣ, потому что напечатана въ наданіи, почти не обращающемся въ ней. А потому мы думаемъ оказать услугу нашимъ читателямъ, если представимъ сколь можно болѣе обширныя выписки изъ этого труда. Сначала мы ограничимся лишь первымъ отдѣломъ его, гдѣ рѣчь идетъ о томъ вопросѣ, котораго вкратцѣ коснулись мы въ нашихъ вступительныхъ строкахъ: и чтобы не утомлять читателей, не привывшихъ къ развитію подобныхъ вопросовъ, мы отложимъ выдержки изъ другой его половины до слѣдующей книжки нашего журнала.

«Сказавъ нѣсколько рѣшительныхъ словъ и объяснивъ поводъ своего труда, г. Юркевичъ продолжаетъ:

«Психологія не можетъ получать своего матеріала ни откуда, кромя внутренняго опыта. Ощущенія или представленія, чувствованія и стремленія суть такой матеріалъ, котораго вы нигдѣ не отыщете во внѣшнемъ опытѣ, и слѣдовательно ни въ какой области естествознанія. Правда, что психологія не можетъ рѣшить своей задачи безъ пособія физиологіи и даже механической физики, потому что условія для опредѣленныхъ измѣненій душевныхъ явленій лежатъ перве всего въ измѣненіяхъ живаго тѣла: въ этомъ отношеніи она пользуется результатами физиологіи, сравниваетъ явленія физиологическія съ душевными, и опредѣляетъ такимъ образомъ ихъ взаимную зависимость. Если это означаетъ, что она получаетъ свой матеріалъ изъ области физиологіи, то справедливо сказать, что и физиологія получаетъ свой матеріалъ изъ психологіи въ такомъ же смыслѣ: эти двѣ науки взаимно вліяютъ одна на другую, и успѣхи въ одной изъ нихъ поведутъ къ успѣхамъ въ другой. Тѣмъ не менѣе каждая изъ нихъ имѣетъ свой собственный матеріалъ и увеличиваетъ этотъ матеріалъ изъ области только ей доступной. Предметъ психологіи данъ во внутреннемъ самозврѣніи, естественныя науки не могутъ дать ей этого предмета, не могутъ увеличивать этого матеріала. Такъ, напримѣръ, оптика, развитая математически, выясняетъ только положеніе рисунка въ нашемъ глазѣ и различныя направленія глазныхъ осей во время видѣнія; но она ничего не знаетъ объ этомъ видѣніи, для нея глазъ есть зеркало, отражающее предметы, а не органъ видѣнія. Только психологъ, наблюдающій внутренно, можетъ сказать, что въ то время, какъ оптикъ замѣчаетъ на тѣлѣ глаза изображенія опредѣленной величины и видитъ, что самое тѣло глаза получило опредѣленное направленіе, душа представляетъ такой-то предметъ, въ такомъ-то цвѣтѣ, на такомъ-то разстояніи и т. д. Также точно для акустики, которая развита математически, ухо есть только тѣлесный сварядъ, приходящій въ правильныя сотрясенія, когда ударяютъ на него волны воздуха; но что душа слышитъ, по поводу сотрясенія этого снаряда, бой барабана или музыкальную мелодію, объ этомъ акустика ничего не знаетъ. Это ясное и понятное раздѣленіе между предметами, извѣстными изъ опыта внутренняго, и предметами, извѣстными изъ опыта внѣшняго, совершенно выпущено изъ виду сочинителя разбираемыхъ нами статей, и вотъ почему онъ говоритъ такъ безусловно о матеріалахъ, которые представляютъ естественныя науки для рѣшенія вопросовъ нравственныхъ. «Физиологія, говоритъ сочинитель—раздѣляетъ многосложный процессъ, происходящій въ живомъ человѣческомъ организмѣ, на нѣсколько частей, изъ которыхъ самыя замѣчныя: дыханіе, питаніе, кровообращеніе, движеніе, ощущеніе.»

«Кто никогда не былъ въ анатомическомъ театрѣ, тотъ, на основаніи этихъ словъ, можетъ вообразить, что тамъ профессоръ анатоміи показываетъ простому или вооруженному глазу слушателей систему пищеварительныхъ органовъ, кишекъ, нервовъ и систему ощущеній,

слѣдовательно систему представленій и мыслей, страданій и радостей, мечтаній и надеждъ. Въ приведенныхъ словахъ сочинитель, кажется, ясно говорить, что ощущение есть предметъ, такъ же дивный для вѣшняго физиологическаго опыта, какъ сжатіе и растяженіе мускуловъ, движеніе крови, химическая переработка пищи въ желудкѣ и т. д.

«Такимъ образомъ онъ раздѣляетъ основное заблужденіе или обольщеніе тѣхъ физиологовъ, которые въ послѣднее время думали замѣнить физиологіей такъ-называемую прежде психологію. Теперь мы видимъ почему онъ признаетъ за нравственными науками такое же достоинство точности и совершенства, какими отличается, на примѣръ, химія: съ его точки зрѣнія успѣхи этихъ наукъ находятся въ рукахъ естествознанія, или, опредѣленнѣе, физиологія своими средствами вѣшняго наблюденія изъясняетъ натуру тѣхъ предметовъ, которые, по мнѣнію психологовъ, вовсе не существуютъ для вѣшняго наблюденія. «Основаніемъ для той части философіи, говоритъ сочинитель, «которая разсматриваетъ вопросы о человѣкѣ, точно также служатъ естественныя науки, какъ и для другой части, разсматривающей вопросы о вѣшной природѣ. Принципомъ философскаго воззрѣнія на человѣческую жизнь со всѣми ея феноменами служить выработанная естественными науками идея о единствѣ человѣческаго организма; наблюденіями физиологовъ, зоологовъ и медиковъ отстранена всякая мысль о дуализмѣ человѣка. Философія видитъ въ немъ то, что видитъ медицина, физиологія, химія; эти науки доказываютъ, что никакого дуализма въ человѣкѣ не видно, а философія прибавляетъ, что еслибы человѣкъ имѣлъ, кромѣ реальной своей природы, другую натуру, то эта другая натура непременно обнаруживалась бы въ чемъ нибудь, и такъ какъ она не обнаруживается ни въ чемъ, такъ какъ все, происходящее и проявляющееся въ человѣкѣ, происходитъ по одной реальной его натурѣ, то другой природы въ немъ нѣтъ.»

«Этотъ текстъ очень опредѣленно показываетъ, что для его сочинителя нравственныя, или философскія науки суть только другое названіе для наукъ естественныхъ, которыя изъясняютъ всѣ предметы, доселѣ входившіе въ область философіи. Въ человѣческомъ организмѣ «философія видитъ то, что видятъ медицина, физиологія; химія». Какая же надобность въ этой наукѣ, которая еще разъ видитъ то, что уже прежде ея увидѣли другія науки? Къ доказательствамъ медицины, химіи и физиологіи, что «никакого дуализма въ человѣкѣ не видно, философія прибавляетъ, что, еслибы человѣкъ имѣлъ, кромѣ реальной своей природы, другую натуру, то эта другая натура непременно обнаруживалась бы въ чемъ нибудь, и такъ какъ она не обнаруживается ни въ чемъ... то другой природы нѣтъ въ немъ». Итакъ, вотъ для чего нужна философія: она нужна, чтобы сдѣлать прибавленіе къ ученію естествознанія о единствѣ человѣческаго организма, — прибавленіе, которое можетъ сдѣлать и безъ нея даже самая пустая голова, какъ только ей удастся понять этотъ выводъ естествознанія, что въ человѣкѣ не видно никакого дуализма. Но всему замѣтно, что сочинитель не соединяетъ никакого опре-

дѣянаго понятія съ словами: *красотами науки и философіи*; и этого мало было ожидать послѣ того, какъ онъ поставилъ ощущенію, слѣдовательно представленію и системы человѣческихъ мыслей, а съ ними и всѣ ряды чувствованій и стремленій, въ кругъ «физиологическихъ предметовъ, данныхъ для внѣшняго опыта, какъ будто представленіи мысли существуютъ для глаза, который видитъ ихъ въ пространствѣ съ фигурами и красками, для руки, которая беретъ и поднимаетъ ихъ, для носа, который обнюхиваетъ ихъ и т. д.

«Послѣ этого ничего нѣтъ страшнаго, если сочинитель выдаетъ и научныя истины психологіи, какъ точной науки, такія положенія, которыя вовсе не суть произведенія строгаго анализа. Такъ, напримѣръ, онъ пишетъ:

«Психологія говоритъ, что самымъ изобильнымъ источникомъ обнаруженія злыхъ качествъ служитъ недостаточность средствъ къ удовлетворенію потребностей, что человѣкъ поступаетъ дурно, то есть вредитъ другимъ, почти только тогда, когда принужденъ лишиться ихъ чего нибудь, чтобы не остаться самому безъ вещи для него нужной... Психологія прибавляетъ также, что человѣческія потребности раздѣляются на чрезвычайно различныя степени по своей силѣ: самая настоятельная потребность каждаго человѣческаго организма состоитъ въ томъ, чтобы дышать... Послѣ потребности дышать (продолжаетъ психологія) самая настоятельная потребность человѣка ѣсть и пить.»

«Спрашиваемъ, нужна ли тутъ психологія и притомъ, какъ точная наука, чтобы повторять то, что извѣстно всякому простому и неученому смыслу? Что скажетъ естественный испытатель, если онъ услышитъ объ этихъ великихъ открытіяхъ строгаго психологическаго анализа, именно, что голодъ заставляетъ человѣка воровать, особенно же, что человѣкъ имѣетъ потребность дышать, ѣсть и пить?

«Между тѣмъ главная мысль, которая служитъ для сочинителя основаніемъ всѣхъ его изслѣдованій о человѣкѣ, имѣетъ свой особенный интересъ. «Принципомъ философскаго воззрѣнія на человѣческую жизнь, говоритъ онъ, со всѣми ея феноменами служитъ выработанная естественными науками идея о единствѣ человѣческаго организма; наблюденіями физиологовъ, зоологовъ и медиковъ отстранена всякая мысль о дуализмѣ человѣка». Говоримъ, что эта мысль имѣетъ свой особенный интересъ, потому что она отдѣляетъ научное знаніе о человѣкѣ отъ представленій общаго смысла.

«Когда греческій философъ Платонъ училъ, что тѣло человѣка создано изъ вѣчной матеріи, которая не имѣетъ ничего общаго съ духомъ, то онъ такимъ образомъ допускалъ дуализмъ *метафизическій*, какъ въ составѣ міра вообще, такъ и въ составѣ человѣка. Христіанское миро-соверщеніе отстранило этотъ метафизическій дуализмъ: матерію признаетъ оно произведеніемъ духа; слѣдовательно, она должна носить на себѣ слѣды духовнаго начала, изъ котораго произошла она. Въ явленіяхъ матеріальныхъ вы видите форму, законообразность, присутствіе цѣли и идеи. Если человѣческій духъ развивается въ матеріальной

тѣлѣ, если его совершенствованіе связано съ состояніями тѣлесныхъ возрастовъ; то эта связь не есть насильственная, положенная безпредѣльнымъ произволомъ божественной воли: она опредѣляется смысломъ человеческой жизни, ея назначеніемъ, или идеей. Матерія, какъ говоритъ Шеллингъ, стремится, порывается родить духъ: она не равнодушна къ цѣлямъ духа, она имѣетъ первоначальное и внутреннее отношеніе къ нимъ. Изучите хорошо тѣлесный организмъ челоѣка, и вы можете отгадать, какія формы внутренней, духовной жизни соответствуютъ ему. Изучите хорошо эту внутреннюю жизнь, и вы можете отгадать, какой тѣлесный организмъ соответствуетъ ей. Итакъ, если сочинитель говорить, что «наблюдениями фیزیологовъ, зоологовъ и медиковъ отстранена всякая мысль о дуализмѣ челоѣка»; то противъ этого нельзя возражать безусловно. Только мы хотѣли бы опредѣленно знать, о какомъ дуализмѣ говорится здѣсь.

«Извѣстно, что послѣ устранинія дуализма *метафизическаго* остается еще дуализмъ *психологическій*, дуализмъ знанія. Сколько бы мы ни толковали о единствѣ челоѣческаго организма, всегда мы будемъ познавать челоѣчье существо двояко: внѣшними чувствами — тѣло и его органы, и внутреннимъ чувствомъ — душевныя явленія. Въ первомъ случаѣ мы будемъ имѣть фیزیологическое познаніе о челоѣческомъ тѣлѣ, а во второмъ психологическое познаніе о челоѣческомъ духѣ. Или и этотъ дуализмъ устранить наблюденіями фیزیологовъ, зоологовъ и медиковъ? Нашъ сочинитель, повидимому, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ положительно. Какъ мы видѣли, онъ относитъ ощущеніе къ предметамъ фیزیологій наравнѣ съ системою кишекъ, мускуловъ, нервовъ и т. д. Слово: *дуализмъ*, какъ кажется, напугало его, и онъ уже не могъ выиснить себѣ, какъ и откуда психологія знаетъ о своихъ предметахъ.

«Кажется ясно, что мысль не имѣетъ пространственнаго протяженія, ни пространственнаго движенія, не имѣетъ фигуры, цвѣта, звука, запаха, вкуса, не имѣетъ ни тяжести, ни температуры; и такъ фیزیологъ не можетъ наблюдать ее ни однимъ изъ своихъ тѣлесныхъ чувствъ. Только внутренно, только въ непосредственномъ самозрѣніи онъ знаетъ себя, какъ существо мыслящее, чувствующее, стремящееся. Эти дѣя величны, то есть предметы внѣшняго и внутренняго опыта суть, какъ говорятъ психологи, несомнѣримы: научнаго, послѣдовательнаго перехода отъ одной изъ нихъ къ другой вы не отыщете. Фیزیологъ будетъ наблюдать самыя сложныя движенія нервовъ: но все же эти движенія, пока они существуютъ для внѣшняго опыта, то есть, пока они суть пространственныя движенія, происходящія между матеріальными элементами, не превратятся въ ощущеніе, представленіе и мысль. Сочинитель говорить: «мы знаемъ, что ощущеніе принадлежитъ извѣстнымъ нервамъ, движеніе другимъ». Разберите это выраженіе. Когда внѣшній толчокъ дѣйствуетъ на нервъ, то будетъ ли это нервъ ощущенія, или нервъ движенія, все равно, онъ по поводу этого толчка придетъ въ движеніе, или сотрасеніе: это мы наблюдаемъ въ фیزیологическомъ опытѣ. Итакъ нужно сказать: мы знаемъ, что всякій нервъ при

ходить къ движенію по поводу внѣшняго впечатлѣнія. Но что «существовать» прежде принадлежит ощущенію, этого мы вовсе не знаемъ изъ физиологическаго опыта, потому что и эти «известныя нервы» представляютъ для внѣшняго «физиологическаго опыта» только движеніе, которое никогда не превращается на глаза наблюдателяго «физиолога» ощущеніе, представленіе и мысль. Намъ, какъ мы сказали выше, для «физиологіи» получить свой матеріалъ отъ психологіи. Только сравнивъ опыты «физиологическіе» и «психологическіе», мы убѣдились, что видѣніе такихъ-то и такихъ дѣйствій, слышаніе такихъ-то и такихъ звуковъ возможны для души только подъ условіемъ опредѣленныхъ движений зрительнаго и слуховаго нервовъ.

Но кто утверждаетъ, что самое это движеніе зрительнаго и слуховаго нервовъ есть уже ощущеніе опредѣленной краски и опредѣленнаго тона, тотъ не говоритъ ни одного яснаго слова. Попробуйте провести въ мысленнѣмъ и востроить въ воображеніи, каковыя это образомъ пространственное движеніе нерва, которое при всѣхъ усложненіяхъ должно бы, по необходимости, оставаться пространственнымъ движеніемъ нерва, превращается въ непространственное ощущеніе, или въ желаніе. Помнимъ, что вы слышали ученіе физики о зависимости объема тѣла отъ его температуры и о томъ, что съ измѣненіемъ его температуры необходимо измѣняется и его объемъ: что сказали бы о васъ, если бы вы превратили это отношеніе необходимой связи въ отношеніе таинственности и стали разсуждать: температура тѣла превращается въ объемъ тѣла, объемъ тѣла есть не что иное, какъ его температура? А между тѣмъ ученіе мыслителей «физиологовъ» о томъ, что ощущеніе души есть не что иное, какъ движеніе нервовъ, основано именно на этомъ превращеніи *необходимой* зависимости явленій въ ихъ *таинственность*. Если бы васъ спросили, каковыя образомъ температура *начинается* быть объемомъ, то вамъ пришлось бы отвѣчать: она никакъ не *начинается* быть объемомъ; только по необходимому физическому закону она производитъ измѣненія въ тѣлѣ, которое безъ объема невозможно. Такимъ же образомъ и на вопросъ: какъ движеніе нерва *начинается* быть ощущеніемъ, мы должны были бы отвѣчать, что движеніе нерва никакъ *не начинается* быть ощущеніемъ, что оно всегда остается движеніемъ нерва, — объ этомъ спорятъ еще) это движеніе нерва производитъ измѣненія въ душѣ, которая невозможна безъ ощущеній, чувствъ и стремленій. Итакъ, если говорить, что движеніе нерва *превращается* въ ощущеніе, то здѣсь всегда обходить того дѣятеля, который обладаетъ этою чудною *превращающею* силой, или который имѣетъ способность и свойство рождать въ себѣ ощущеніе по поводу движенія нерва; а само это движеніе, какъ доявно, не имѣетъ въ себѣ ни возможности, ни потребности быть чѣмъ либо другимъ, кромѣ движенія.

«Странно и однако же справедливо, что сочинитель, такъ много говорившій въ своихъ статьяхъ о естественныхъ наукахъ, не имѣетъ яснаго представленія о ихъ методѣ и о ихъ предметѣ. Если философія про-

живо представляются точныя науки, то подъ этими послѣдними разумеются въ такомъ случаѣ науки опытыя, слѣдовательно занимающіяся явлениями и не касающіяся вопроса о метафизической сущности вещей. Теперь опытная психологія и требуетъ признать только это феноменальное, или гносеологическое различіе, по которому ея предметъ, намъ данный во внутреннемъ опытѣ, не имѣетъ ничего сходнаго и общаго съ предметами внѣшняго наблюденія. Только на этомъ предположеніи возможна точная наука о душѣ, то есть о душѣ, какъ опредѣленномъ явленіи, подлежащемъ нашему наблюденію. Важнѣйшій вопросъ о сущности этого явленія, вопросъ о томъ, не сходится ли размѣсти матеріальныхъ и душевныхъ явленій въ высшемъ единствѣ и не суть ли онѣ простое послѣдствіе нашего ограниченнаго познанія, — повеліку оно не постигаетъ подлинной, однородной, тождественной съ собою сущности вещей, — всѣ эти вопросы принадлежатъ метафизикѣ и равно не могутъ быть разрѣшены никакою частною наукою. Въ настоящее время, однако же, химія и фیزیологія нерѣдко берутся за рѣшеніе этихъ вопросовъ о сверхчувственной основѣ вещей, какъ будто эту сверхчувственную основу можно увидѣть въ химической лабораторіи или въ анатомическомъ театрѣ. Такъ, если фیزیологія говоритъ намъ о единствѣ нервныхъ процессовъ и душевныхъ явленій, то этия она не выражаетъ, что душевныя явленія должны представиться намъ въ научномъ опытѣ нервными процессами, или что нервные процессы должны представиться намъ въ научномъ опытѣ душевными явленіями: нѣтъ, разности, опытно данныя, между представленіями и нервными процессами остаются такими же на концѣ науки, какими были онѣ въ началѣ ея. Итакъ, ученіемъ объ этомъ единствѣ она только выражаетъ метафизическую мысль о сверхчувственномъ тождествѣ явленій матеріальнаго и духовнаго порядка: слѣдовательно она даетъ намъ мысль, которую ни утверждать, ни отрицать она не имѣетъ основанія. Нашъ критикъ такъ же не различаетъ вопросовъ метафизическихъ отъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ принадлежитъ точнымъ или опытнымъ наукамъ. Онъ говоритъ: «принципомъ философскаго возвращенія на человѣческую жизнь со всѣми ея феноменами служить выработанная естественными науками идея о единствѣ чловѣческаго организма». Кто знакомъ съ естествознаніемъ и философіею, тому извѣстно, что это понятіе и это слово *единство* имѣетъ чарующую прелесть для метафизика и почти не имѣетъ никакого значенія для естествоиспытателя. Успѣхъ естествознанія основанъ на томъ, что оно разрѣшаетъ всякое единство, всякую сущность, всякій субъектъ, всякій организмъ на *отношенія*, потому что только въ такомъ случаѣ оно можетъ подводить наблюдаемое явленіе подъ математическія пропорціи. Итакъ несправедливо, что идея единства чловѣческаго организма выработана естественными науками. Правда, что нѣкоторые фیزیологи допускали особый принципъ органической жизни подъ именемъ жизненной силы: съ этой точки зрѣнія можно говорить о единствѣ чловѣческаго организма, потому что жизненная сила доставляла бы различнымъ матеріямъ организма то viu-

третнее и действительное единство, какого оно, как материальная частица, не могут выйти сами по себе. Но известно, как надобно думать об этой жизненной силе, которую нельзя ни разложить никаким анализом, ни подвести под математическія пропорціи: как простое, оно не может выйти въ соображеніе при эмпирическихъ наблюденіяхъ, хотя бы мета-эмпика и доказала, что предположеніе такой силы необходимо.

«Замѣчательный образъ сходится при вопросѣ о единствѣ человеческого организма естествознаніе и философія въ ихъ современномъ положеніи. Физиологія и химія разлагаютъ это единство на множество материальныхъ частей, которыя въ своихъ движеніяхъ подчинены общимъ физическимъ, а не частнымъ органическимъ законамъ. Итакъ, единство человеческого организма есть для нихъ феноменъ, есть нѣтъ являющееся, кажущееся. Но откуда происходитъ этотъ феноменъ? Отчего множество представляется намъ какъ единство? Отчего капли росы представляются намъ какъ радуга, а не какъ капли дождя? Отчего материальныя частицы, не находяція между собою внутреннего единства и сочетающіяся по общимъ физическимъ законамъ, представляются намъ какъ единство, какъ цѣлость, какъ одинъ, въ себѣ законченный образъ? На эти вопросы отвѣчаетъ философія и притомъ съ математическою достовѣрностію: это происходитъ отъ свойствъ зри.....»

На этотъ разъ довольно; и о «Русскомъ Вѣстникѣ», пока, тоже довольно. Въ слѣдующій разъ развлекаюсь «Отечественными Звѣздами».

Н. Ч.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

ГРАФА КАМИЛЛО БЕНЗО КАВУРА (*).

I.

Западная Европа въ переполохѣ, всего болѣе, разумѣется, французы: графъ Камилло Бензо Кавуръ внезапно скончался, утромъ 6-го іюня, послѣ шести кровопусканій въ два дня. Доктора, видите, думали сначала, что болѣзнь Кавура есть обыкновенный приливъ крови, повторявшійся съ нимъ верѣдко; но потомъ узнали, что у него перемежающаяся лихорадка и послѣ кровопусканій стали его пичкать хиной; вскорѣ однако примѣтили, что это — тифъ, и стали давать опять что-то другое... А когда уже не было никакого средства спасти человѣка, рѣшили, что это у него подагра бросилась на верхнюю часть груди и на мозгъ. Туринцы очень разсержены на докторовъ; французы безъ всякаго сомнѣнія сердатся еще больше, зброятно сердатся не меньше, чѣмъ на злодѣйства друзей въ Сиріи. Да и

(*) Когда мы получили эту статью отъ г. Т—нова, обзоръ политической роли Кавура, помѣщенный на предъидущихъ страницахъ, былъ уже напечатанъ. Иначе, конечно, не стали бы мы помѣщать краткой статьи о предметѣ, болѣе подробно излагавшемъ въ біографіи, начало которой успѣло войти въ эту книжку.

какъ не сердиться? Смерть Кавура, по выраженію кого-то изъ государственныхъ мужей Англии, есть бѣдствіе для всего цивилизованнаго міра, слѣдовательно тѣмъ болѣе для итальянцевъ, и тѣмъ болѣе для французовъ: извѣстно, что французы теперь привыкли смотрѣть на Италію — не только какъ на свою собственность, но даже больше — какъ на имѣніе, находящееся у нихъ въ опеку. И вдругъ они теряютъ довѣреннаго человѣка, который велъ всѣхъ счеты и выносилъ на своихъ плечахъ большую долю отвѣтственности!... Понятно, что для нихъ потеря гораздо ужаснѣе, чѣмъ для самихъ опекаемыхъ, пользовавшихся благодѣяніями довѣреннаго человѣка...

— Ah, je ne sais, quel parti l'empereur prendra-t-il à present.. Après la mort de Cavour il reste tout-à-fait dégagé. — таинственно говорилъ мнѣ вчера за обѣдомъ одинъ французъ, и, погруженный въ политическія соображенія, даже не взялъ слѣдующаго кушана...

Въ самомъ дѣлѣ положеніе французовъ теперь очень печально: ну, что какъ ихъ погонять вдругъ на дняхъ драться съ итальянцами? И стыдъ, и горе, а дѣлать нечего — пойдешь, потому — силъ, и потому противъ нея ничего не подѣлаешь... А все-таки нехорошо... И вотъ французы, какъ только прослышали о смерти Кавура, принялись убѣждать и заклинать итальянцевъ, чтобы они ужъ вострались вести себя хорошенько, какъ было при Кавурѣ, такъ-таки совершенно, какъ будто бы онъ и не умиралъ. Особеннымъ усердіемъ отличились журналы такъ-называемаго либеральнаго оттока, служащіе выраженіемъ передовыхъ мнѣній французовъ. Они рѣшительно не уступили журналамъ официальнымъ и даже отчасти превзошли ихъ въ благонамѣренности. Правда, «Pays» очень рѣшительно возвѣстилъ, что итальянцы и безъ Кавура должны остаться кавурианскими, иначе могутъ потерять свою свободу; а «Constitutionnel», объяснивши то же въ другихъ словахъ, прибавилъ надежду, что «впрочемъ народъ, освобожденный Фракціею, сумѣетъ не упасть опять въ рабство». Это, какъ видите, очень сильно и хорошо. Но недурно въ своемъ родѣ разсудила и «Presse», увѣряя, что не только все, достигнутое Италіею, было дѣломъ Кавура, но что и въ будущемъ опять-таки надо полагаться на него же или на его политику, и въ дѣствіе этого рекомендовала итальянцамъ записаться не чѣмъ инымъ, какъ приготовленіемъ статуи Кавуру, которая должна быть ему поставлена въ залѣ итальянскаго парламента, *въ тотъ день, когда онъ соберется въ Капитоліи!*... Въ этомъ же родѣ разсуждаетъ «Siècle», главный редакторъ котораго самъ удостоился статуи отъ итальянцевъ за любовь къ итальянскому дѣлу: онъ заклинаетъ Ита-

лю «продолжать славное дѣло, которому Кавуръ далъ свое бессмертное имя». Словомъ, французы вносятъ хоромъ: «будьте, милыя дѣти, умны и послушны, не вздумайте пошалить, пользуетесь недостаткомъ надзора; повѣрьте, — гувернеръ умеръ, но розги остались... Не принуждайте же насъ прибѣгать къ розгамъ... Это было бы очень больно нашему опекунскому сердцу». И для лучшаго подтвержденія обязательныхъ увѣщаній, вслѣдъ за журнальными статьями летитъ изъ Парижа въ Туринъ телеграфическая депеша, предвѣщающая «неудовольствіе, если бы главою новаго министерства назначенъ былъ Ратацци». Ратацци, видите ли, хотя и совершенное политическое ничтожество, но считается честнымъ человѣкомъ и былъ противъ уступки Ниццы и Савойи...

Мѣсяца три тому назадъ, я описывалъ въ «Современникѣ» мое собственное впечатлѣніе отъ Кавура. Оно не было благопріятно для покойника. По всей вѣроятности я судилъ его даже слишкомъ строго, потому что это былъ первый государственный человѣкъ, котораго пришлось мнѣ видѣть вблизи на поприщѣ его общественной дѣятельности, разсуждающимъ о дѣлахъ, отчасти знакомыхъ мнѣ. Теперь я читаю во всевозможныхъ некрологахъ, и итальянскихъ, и иностранныхъ, — что это былъ если не самый лучший, то ужъ конечно одинъ изъ немногихъ самыхъ лучшихъ государственныхъ мужей всего свѣта, настоящихъ, прошедшихъ и будущихъ. Мнѣ лично, признаюсь, это не даетъ особенно лестнаго понятія о всѣхъ прочихъ — то герояхъ на томъ же поприщѣ: «если этотъ былъ чуть не лучше всѣхъ, — думаю я, — хороши же должны быть остальные-то!» Но ясно, что читатель не долженъ раздѣлять моего образа мыслей, ибо въ сужденіяхъ о Кавурѣ меня конечно уже предупредили «С.-Петербургскія Вѣдомости», вѣроятно не преминувшія оплакать «великую потерю» всего цивилизованнаго міра и пустить въ ходъ нѣсколько глубокомысленныхъ соображеній о томъ, что теперь будетъ съ Италіей и съ Европой...

Я, впрочемъ, и не намѣренъ излагать теперь свои сужденія, отчасти потому, что повторять ихъ слишкомъ много не стоитъ, отчасти же и потому, что хочу подражать одному благородному итальянцу. Итальянецъ этотъ долженъ былъ явиться въ судъ въ Неаполѣ по поводу одной статейки, оскорбительной для личности Кавура; какъ разъ наканунѣ дня, назначеннаго для суда, пришло извѣстіе о смерти министра; журналистъ немедленно объявилъ, что онъ лучше готовъ подвергнуться какому угодно наказанію безъ суда, нежели позволить себѣ представить въ свою защиту резоны противъ человѣка, тѣло котораго еще не остыло». Его объявленія признаю:

было резонантъ, и — что же случилось? Сдѣланъ то, чѣмъ слѣдовало рѣшиться поспѣвать, пока тѣло остываетъ, и отдаленныя извѣстія сюда до слѣдующей недели.

Я поступало еще самоотверженнѣе: не отдалаго тѣла, а совѣтъ оставило мнѣ непріятельскія размышленія о живомомъ военномъ, и никто суда какъ мнѣ хоту изобразить теперь его биографію.

Можетъ быть, и въ этомъ предупредить меня «С.-Петербургскій» или «Московскій Вѣдомости», или, еще вѣроятнѣе, — «Современныя Дѣянія Русскаго Вѣстника»; но ихъ совершенства я не бываю трудъ долженъ быть верхъ въ благонамѣренности. Я пишу и трехъ биографіахъ и по нѣсколькохъ брошюрѣхъ о министратѣ Кавура, которыхъ нѣмало назвать, какъ сильныи беззащитными настирками.

«Викторъ Эмануэль никакъ стастіе встрѣтить человека съ убѣжденіемъ глубокимъ, холодно-страстнымъ, терпѣливымъ и сильнымъ, человека, котораго ничто не могло удалить отъ его цѣли, и который прямо, безъ уклоненія, привелъ Пьемонтъ, короля и Италію къ освобожденію. Этотъ человекъ — Кавуръ. Въ Сардиніи тѣмъ же есть два имени — Викторъ Эмануэль и Кавуръ. Когда пьемонтцы произносятъ эти имена, — ихъ сердце бьется сильнѣе и слезы благоговѣнія и радости подступаютъ къ глазамъ. Они не говорятъ: графъ Кавуръ, а просто: графъ. Онъ для нихъ все. Все, что сдѣлано въ Пьемонта страну благородную, мудрую, славную, свободную, — изъ пришло отъ Кавура, и за то безпрѣдѣльна признательность къ этому министру — великому и простому, простому, какъ дѣловой человекъ, великому, какъ благодѣтель.»

Такъ начинають жизнеописаніе Кавура одинъ французскій биографъ, писавшій въ 1859 г. Тогда еще не могло придти въ голову Итальянское королевство; но я не сомнѣваюсь, что и теперь биографъ готовъ повторить то же самое, подставивъ вмѣсто Пьемонтъ слово: Италія. Тѣмъ же не менѣе остается несомнѣвающимъ тотъ фактъ, что графъ Кавуръ — личность пьемонтская, и что самымъ горячимъ его поклонникамъ, вплоть до итальянской войны, не вспадало на мысль дѣлать изъ него обще-итальянскаго героя, не смотря даже на подвиги его на парижскомъ конгрессѣ. И мы признаемся, что съ такой точки зрѣнія гораздо удобнѣе обозрѣвать жизнь туринскаго

министра, почему мы и постараемся удержаться на ней скорее, нежели долге.

Французскій биографъ претендуетъ, что предки Кавура были изъ люди очень недавно, чуть ли не при Карлѣ Альбертѣ; но французъ въ этомъ случаѣ является жалкою жертвою своего легкомыслія. По тридцатидвѣдцатилѣтнимъ исследованиямъ родословное древо Кавуровъ теряется въ сумракѣ времени. Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что въ половинѣ XIII столѣтія одинъ изъ его предковъ владѣлъ помѣстьями въ маленькой республикѣ Кьери, существовавшей тогда въ Пьемонтѣ, и что папа Инокентій IV далъ ему грамоту, исключавшую его изъ общаго церковнаго проклятія, которое постигло тогда бѣдную республику. Какъ видите, исторія застаётъ родъ Кавуровъ въ очень благородныхъ расположеніяхъ.

По матери Кавуръ происходилъ отъ рода савойскаго, и умѣлъ цѣнить это. Однажды въ палатѣ, когда какой-то депутатъ сталъ говорить дурно о савойцахъ, Кавуръ прервалъ его восклицаніемъ: «сердце мое возмущается, когда обижаютъ савойцевъ, потому что въ жилахъ моихъ течетъ немножко савойской крови...» Мы замѣчаемъ это затѣмъ, чтобъ поставить на видъ читателю, каково же должно быть самоотверженіе Кавура, рѣшившагося для пользы отечества уступить Савойю императору французовъ. Указывали на Гарibaldi, огорчавшагося уступкою его роднаго города—Ниццы; Кавуръ, въ свою очередь, могъ указать на себя. Правда, впрочемъ, что понятія этихъ людей о спорномъ вопросѣ были нѣсколько различны: Гарibaldi чувствовалъ себя итальянцемъ, и свой городъ принадлежавшимъ Италіи; Кавуръ же находилъ, что, какъ Ницца, такъ и Савойя въ особенности—вовсе съ Италіей ничего общаго не имѣютъ, а естественнѣйшимъ образомъ принадлежать Франціи.

Впрочемъ, въ то время, какъ Кавуръ родился (10 авг. 1810 года, въ Туринѣ), весь Пьемонтъ былъ французскою провинціей; только пять лѣтъ спустя получалъ онъ обратно свою независимость. По обыкновенному порядку вещей можно бы ожидать, что въ семейныхъ преданіяхъ и слѣд. въ воспитаніи мальчика останутся нѣкоторые враждебные слѣды противъ чужеземнаго занятія страны и противъ его виновниковъ. Но на дѣлѣ, какъ видимъ, не случилось ничего подобнаго. За то, по словамъ итальянскаго биографа Кавура, профессора Бонги,—онъ наследовалъ отъ своего рода вотъ что:

«Графъ Камилла получилъ отъ предковъ своихъ то чувство, которое принадлежитъ древнимъ и знатымъ породамъ; если только онъ не вырождается; это—внутреннее, истиннѣйшее чувство отечественной исторіи, которой часть составляютъ они сами, чувство, въ

которымъ сливаются для цѣли воспоминанія прошедшаго съ надеждами будущаго, и открывается основаніе, на которомъ государственный мужъ, призванный не только къ охраненію, но и къ обновленію, строгѣе свое заданіе и утверждаетъ свою политику. Это именно чувство и служитъ причиною, что люди, принадлежащіе къ фамиліямъ, уже прославленнымъ въ національной исторіи, оказываютъ болѣе способными продолжать ее, нежели тѣ, которые переходятъ изъ рода, долженствующаго въ первый разъ означенить свое имя.»

Замѣтимъ, что это писано въ началѣ 1860 г., слѣд. едва ли слѣдуетъ выписанныя слова принимать даже за шутку противъ Гарибальди. Въ то время сторонники Кавура еще очень мало хлопотали томъ, чтобъ не давать спуску Гарибальди, и потому высокія разншанія профессора Бонги могли быть высказаны безъ всякой злой мысли, просто, какъ искреннее убѣжденіе автора, вѣрою томе происходящего изъ древней и знатной фамиліи.

Воспитаніе графа Камилла намъ почти неизвѣстно; наже только предполагать, что въ немъ преобладало французское вліяніе. Французъ біографъ, восхваляя неутомимую дѣятельность Кавура, говоритъ преизявно: «графъ страшно работалъ всю свою жизнь, — усвоилъ французскій языкъ и французскія идеи, оставался нѣмымъ зрителемъ бѣдствій Италіи, давалъ себѣ клятву...» и пр. Болѣе глубока нелогической рѣчи, конечно, мудро и придумать, но на это претендовать нечего; а дѣло въ томъ, что «*éponge travail*» изученіи французскаго языка былъ подъятъ Кавуромъ, конечно, въ ранней дѣтствіи. Съ французскою аристократіей родъ Кавуровъ находился, кажется, въ наилучшіи отношеніяхъ: крестной матерью графа Камилло была сестра Наполеона, княгиня Полина Бергезе; первоначальное его воспитаніе было поручено французскому аббату Фрезе, замѣчательному сочиненіемъ французской исторіи савойскаго дома. Подъ руководствомъ почтеннаго аббата оставался графъ Камилло до четырнадцатаго года, а потомъ отдалъ былъ отцомъ въ турецкую военную академію.

Что онъ дѣлалъ въ академіи — намъ опять неизвѣстно. Рассказываютъ только, что учился онъ прилежно, особенно усавлялъ въ математикѣ и былъ нелюбимъ своими товарищами — за излишнюю склонность къ сарказмамъ, соединяемую съ натуральною гордостью, причиною его роду. Последнее обстоятельство можетъ быть важно, чѣмъ кажется съ перваго взгляда, для объясненія послѣдующей дѣятельности Кавура; кромѣ того, оно важно въ связи съ тѣми извѣстіями, какія мы имѣемъ о его родителяхъ. Мы увидимъ впоследствии

ства, что онъ съ нами разошелся въ мнѣніяхъ: но самое важное—первымъ впечатлѣніемъ жизни былъ, какъ оказывается, въ соответствии съ семейными началами. А семейство Кавуровъ не пользовалось отличной репутаціей въ Турніи: отецъ графа Камилла занималъ какое-то важное административно-полицейское мѣсто въ городѣ и умѣлъ отпирать свои обязанности къ всеобщему неудовольствію; кромѣ того онъ занимался разными торговыми спекуляціями, очень выгодными для него, но положительно разорительными для массы потребителей. Все это не было тайной; но старикъ Кавуръ, исполненный сованіемъ своего дворянскаго достоинства и довольный барышами, относился самымъ презрительнымъ образомъ къ общественному мнѣнію. Гордый доверіемъ Карла Альберта, въ то время принца Кариньянскаго, онъ былъ врагомъ всякихъ льготъ, реформъ, переменъ, о правахъ народа не хотѣлъ и слышать, и если цѣнилъ когонибудь, то лишь компанію важныхъ особъ, такихъ же аристократовъ и обскурантистовъ, какъ онъ, собиравшихся въ его салонѣ. Подъ такими вліяніями, приправленными моралью аббата Фрезе, росъ маленький Камилло, и неслучайно, что товарищи не любили его въ школѣ, особенно, когда вспомнимъ, что поступилъ онъ туда около 1823 г.

Само собою разумѣется, что еслибъ онъ былъ и набитымъ дуракомъ, то былъ бы въ школѣ «отличень» начальствомъ: это требовалось его происхожденіемъ и положеніемъ его отца. Но при этомъ Камилло былъ мальчишъ очень способный и прилежный. Нельзя думать, чтобъ онъ очень многому и очень хорошо научился въ семь лѣтъ, которыя пробылъ въ турецкой военной школѣ; но по крайней мѣрѣ то, чему тамъ учили, онъ зналъ хорошо. Забываютъ даже, что сдѣла постоянно за занятіями, онъ не имѣлъ достаточно придворной ловкости и «манеръ»: въ награду за хорошее ученье и поведение, равно какъ и за службу отца, его было назначили пажемъ къ Карлу Альберту; но въ качествѣ пажа Камилло оказался нигде негоднымъ, и вскорѣ былъ лишенъ этой чести. Тутъ біографы Кавура приводятъ сарказмъ, произнесенный имъ по этому случаю въ отвѣтъ на нѣкоторыя насмѣшки и сомнѣнія... Біографы видятъ въ этомъ великое доказательство независимости характера, проявившаго уже въ столь раннемъ возрастѣ глубокое отвращеніе ко всякаго рода зависимости; но мы, боясь ошибиться, не станемъ рѣшать, были ли эти слова точно признакомъ независимости характера, или просто слѣдствіемъ ребяческой досады, очень понятной, при такомъ фронтѣ, въ воспитанникѣ турецкой военной школы.

Въ 1829 году кончилъ графъ Кавура свой курсъ и вышелъ изъ школы съ чиномъ инженернаго лейтенанта. Отецъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы онъ сдѣлалъ военную карьеру, и молодой Кавуръ остался въ военной службѣ, хотя и не чувствовалъ къ ней ни малѣйшаго расположенія. Но служить пришлось ему недолго, — казды благонамѣреннаго отца не оправдались: сынъ вдругъ ослѣпилъ вольнодумствѣмъ, либерализмъ и чуть ли не противникомъ власти. Это явленіе для насъ нисколько не представляется удивительнымъ, когда мы знаемъ, что такое былъ и чѣмъ всегда оставался либерализмъ Кавура; но для родителей его и того уже было слишкомъ нова. Много было и для тогдашняго правительства неэвонтскаго: изъ него Кавура уже обратилъ вниманіе очень зоркое. Въ 1831 году былъ онъ въ Генуѣ для надзора за устройствомъ новыхъ укрѣпленій, и тутъ началъ говорить до того либерально, что его невозможно было терпѣть болѣе на видныхъ мѣстахъ. Распорядились перевести его въ гарнизонъ маленькаго форта Барда... Кавуръ, вѣроятно, осердился и сказалъ, что не хочетъ больше служить. Какъ видя, немилость къ нему была еще не очень грозна, потому что отступилъ онъ получая безъ особенныхъ затрудненій.

И очутился онъ на свободѣ, 22 лѣтъ, блестящій офицеръ, сынъ богатыхъ и знатныхъ родителей. Что ему дѣлать, въ чей мѣсяцъ свое время? Конечно, развлеченія всякаго рода были у него въ рукою, и онъ никогда не пренебрегалъ ими, но замѣчашю его бѣ графа. Но какъ человекъ неглухой и честолюбивый, онъ не могъ на нихъ успокоиться. При томъ же нѣкоторые идеи, разъ зашлись ему въ голову, не могли ужъ быть изъ нея выброшены... И вотъ онъ предался тому образу жизни, который такъ обыкновененъ и такъ знакомъ многимъ «передовымъ» людямъ недавнихъ временъ въ разныхъ странахъ Европы... Это жизнь созерцательнаго, платиническаго либерализма, крошечнаго, умѣреннаго и не иначе переходящаго изъ словъ въ дѣло, какъ тогда, когда ужъ оставаться въ бездѣйствіи становится невыгодно и даже, пожалуй, опасно. Эдакихъ людей много повсюду. Люди эти не настолько тупы, чтобы не понимать дикости нѣкоторыхъ дикихъ вещей, и потому охотно говорятъ противъ этой дичи, говорятъ обыкновенно тѣмъ охотѣе, чѣмъ менѣе представляется имъ возможности перейти отъ словъ къ дѣлу... Но — или по темпераменту, или по своему вѣншему положенію, они никакъ не могутъ дойти до послѣднихъ выводовъ, не въ состояніи принять рѣшительныхъ, радикальныхъ воззрѣній, которыя честнаго человека обязываютъ уже прямо къ дѣятельности, къ пожертвованіямъ... Нѣтъ, девизъ эдакихъ людей — не дѣлать

зла (т. е. какъ они воспринимаютъ оныя) и даже по возможности дѣлать добро, когда это не представляетъ ни малѣйшаго риска. Дальше они нейдутъ.

Соображая все, что представляетъ намъ жизнь Кавура, мы находимъ, что съ самаго начала своей самостоятельной жизни онъ шелъ именно этимъ путемъ, до тѣхъ самыхъ поръ, какъ сдѣлался распорядителемъ цѣлаго королевства, — да и послѣ-то не очень измѣнился. Двѣнадцать лѣтъ его жизни, съ отставки до возвращенія изъ Англїи, намъ почти неизвѣстны и не ознаменованы ничѣмъ особеннымъ. Но, пользуясь отсутствіемъ внѣшне-занимательныхъ событій, мы сдѣлаемъ здѣсь нѣсколько замѣчаній о значеніи этого періода для внутренняго развитія и установленія характера и образа мыслей графа Кавура.

Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ, годахъ Пьемонтъ былъ едва ли не самую обскурантскую и деспотическую частью Италїи. Дурныя стороны правительства не могли не бросаться въ глаза молодежи, получившей хоть начатки какого нибудь образованія. Не могъ не видѣть этихъ дурныхъ сторонъ и Кавуръ, несмотря на внушеннїя родительскаго кружка. Такимъ образомъ недовольство, желаніе реформъ, ропотъ противъ нѣкоторыхъ правительственныхъ распоряженій—невольно проявились въ немъ; это было совершенно въ порядкѣ вещей, и иначе даже быть не могло. Неудовольствіе въ то время было въ Италїи общее, броженіе въ молодежи чрезвычайно сильно, а июльская революція, только-что совершившаяся во Франціи, еще болѣе разгорячала и ободряла волновавшіеся умы. У молодого Кавура была, кромѣ того, еще личная причина къ неудовольствіямъ—неудача служебной карьеры. Всѣ отзывы о немъ согласны въ томъ, что онъ всегда былъ очень гордъ и терпѣть не могъ подчиняться чужимъ приказамъ. Поэтому служить такъ, какъ тогда требовалось въ Пьемонтѣ, служить по молчалински, выжидая милостиваго вниманія начальства, онъ рѣшительно не могъ. А между тѣмъ какую нибудь роль надо было играть ему, хотя бы въ своемъ кружкѣ. Роль эта указывалась тогда прямо нѣкоторыми передовыми людьми: работать для единства и свободы Италїи. Начиная эту работу, многіе юноши, ровесники Кавура, уже насидѣлись и въ тюрьмахъ, и изгнаны были, и за границей составляли общества и готовили великое дѣло единства Италїи, совершающееся теперь на нашихъ глазахъ. Но молодому Кавуру вовсе не по душѣ была такая дѣятельность: онъ окруженъ былъ комфортомъ, исполненъ разнаго рода наслѣдственныхъ претензій, связанъ былъ съ

аристократическимъ кружкомъ, и поэтому никакъ не могъ поддаться радикальной пропагандѣ, которою тогда увлечена была молодежь въ Италіи. Не то, чтобы онъ не признавалъ святости цѣли этой пропаганды, — но онъ не находилъ въ себѣ достаточно силъ и отваги, чтобы вѣрнѣе достиженію этой цѣли. Люди, подобные ему, смѣялись въ то время надъ «единствомъ свободной Италіи», и ограничивали свою программу желаніемъ какихъ нибудь реформъ въ существующихъ правительствахъ. Да и относительно этихъ реформъ они далеко расходились съ радикалами. Тѣ всегда хотѣли коренныхъ измѣненій, требовали новаго направленія; эти желали, чтобы все улучшалось понемножку, нисколько не безпокоя установленнаго порядка. Тѣ требовали пособія и отъ министровъ и отъ государей, но работали и сами неутомимо, говоря: если вы не хотите, мы и безъ васъ сдѣлаемъ. Въ 1831 году, Маццини, уже изгнанникъ, писалъ къ Карлу Альберту письмо, чтобы убѣдить его вступить на либеральный путь, и оканчивалъ такимъ образомъ: «отъ васъ зависитъ — быть или *первымъ* между современниками, или *последнимъ* тираномъ Италіи». Люди кавуровскаго характера, напротивъ, ограничивались желаніями и надеждами на правительство и ничего не дѣлали для того, чтобы заставить его приступить къ реформамъ. Оттого Кавуръ и его друзья только въ 1847 году, 16 лѣтъ спустя послѣ письма Маццини, рѣшились выразить Карлу Альберту то же желаніе, какое было въ письмѣ, да и то высказали въ формахъ гораздо болѣе робкихъ. Кавуръ и тутъ находилъ, что еще опасно дѣйствовать слишкомъ рѣшительно... Для людей радикальной партіи, — идея народной свободы и единства Италіи были потребностью жизни, какъ бы пищею ихъ, и они съ жадностью бросались на эту пищу, какъ голодные, не разбирая, пробилъ ли обычный часъ обѣда и накрытъ ли столъ. Кавуръ же былъ сытъ собственнымъ благосостояніемъ и относительной свободой, которою пользовался все-таки, несмотря на всеобщее стѣсненіе; поэтому онъ не очень рвался на предложенную пищу, и выбиралъ изъ нея то, что ему понравится, и очень заботился о томъ, чтобы покушать съ комфортомъ и не разстроить черезъ это ни одного изъ обычныхъ, ежедневныхъ занятій. Такимъ образомъ въ то время, какъ люди болѣе рѣшительные и преданные своей идеѣ, вызвали народъ на борьбу и, едва успѣвъ избѣжать тюрьмы, продолжали свою работу, подвергаясь всѣмъ неудобствамъ изгнанія, — въ это время Кавуръ, такой же юноша, какъ они, заумлялъ своимъ либерализмомъ дряхлыхъ обскурантовъ, собиравшихся въ салонѣ его отца и въ другихъ

Богатоубранныхъ палатахъ.

Отецъ смотрѣлъ на это косо, и молодой Кавуръ скоро повелъ жизнь довольно отдѣльную. У него, въ его собственномъ салонѣ, собирались уже люди, близкіе ему по убѣжденіямъ. Они толковали, толковали очень умно, по всей вѣроятности, бранили правительство и еще болѣе бранили сумасбродовъ, распространившихъ по Италіи разныя вредныя утопіи. «Умъ Кавура, расчетливый и холодный, — говоритъ біографъ его, взвѣшивалъ силы правительствъ, которыя стояли за себя, съ силами разныхъ сектъ, нападавшихъ на нихъ, и не находилъ возможности къ побѣдѣ сектаторовъ; притомъ же, онъ видѣлъ, что если правительства шли дурною дорогой, то секты слѣдовали, если возможно, еще худшимъ путемъ». Вслѣдствіе этого, Кавуръ, не смотря на свое увѣреніе въ парламентѣ нынѣшняго года, будто онъ «18 лѣтъ былъ заговорщикомъ», — никогда не былъ членомъ ни «*Giovani Italia*», ни другой подобной секты, не былъ замѣшанъ въ смутахъ 1833 года, и вообще, послѣ своей отставки, ничѣмъ не компрометировалъ себя предъ правительствомъ. Не видя возможности отличиться и выиграть что нибудь на государственномъ поприщѣ, онъ нашель, что надо заняться хоть гуано какииъ нибудь, и точно — передался мирнымъ занятіямъ гуано и вообще сельскимъ хозяйствомъ. Говорятъ, что началомъ употребленія гуано въ земледѣліи Пьемонтъ обязанъ Кавуру, и вѣроятно это самая важная услуга, оказанная имъ отечеству въ этотъ довольно длинный періодъ.

Но и гуано не удовлетворило графа; не лучший успѣхъ имѣло и пробковое дерево. Молодой графъ рѣшилъ, что отечество тѣсно для него, и отправился путешествовать. Нѣсколько лѣтъ прожилъ онъ во Франціи и Англій, постоянно находясь въ самомъ лучшемъ обществѣ, снискавъ уваженіе англійскихъ государственныхъ людей и обративъ на себя вниманіе французскихъ литературныхъ корифеевъ нѣсколькими статьями въ «*Revue Nouvelle*».

Изъ этихъ статей нѣкоторыя заслуживаютъ вниманіе именно въ томъ отношеніи, что показываютъ развитіе и направленіе идей Кавура въ это время. Читая ихъ, вы видите уже не юношу, безсознательно болящаго отказатья отъ выгодъ своего положенія для общаго дѣла, не наивнаго либерала, не знающаго, куда и во что ему броситься, чтобы прикрыть свое бездѣйствіе. Нѣтъ, здѣсь вы видите уже человѣка серьезнаго, съ пользою прочитавшаго многихъ экономистовъ, научившагося «благоговѣть предъ удивительнымъ зда-

нием английской конституции», и добывшаго строгія научныя основанія для оправданія своего поведенія. Такъ многія изъ его мыслей высказываются въ статьѣ: «Des idées communistes et des moyens d'en combattre le développement». По основнымъ началамъ, по строгости логики и широтѣ воззрѣній, статью эту можно сравнить только съ знаменитою статью г. Ржевскаго «о средствахъ къ развитію преле тариата» (хотя заглавія обѣихъ статей и кажутся противоположными). Конечные выводы Кавура тѣ же самыя, если ны хорошо поминимъ, — что и у г. Ржевскаго: идеи коммунизма (къ которому онъ, по обычаю, приплетаегъ и социализмъ) суть слѣдствіе гнусной зависти низшихъ классовъ къ высшимъ, основаны на невѣжествѣ и въ особенности на отсутствіи здоровыхъ экономическихъ понятій. Средства противъ нихъ—распространеніе началъ политической экономіи, и въ то же время благотворительность къ бѣднымъ со стороны богатыхъ. Вотъ его слова изъ заключенія: «такимъ образомъ, — каждому свое дѣло: философъ и экономистъ въ тишинѣ своего кабинета опровергнуть заблужденія коммунизма; но ихъ дѣло не будетъ плодотворно, если въ то же время благородные люди, называя на дѣлѣ великій принципъ всеобщаго милосердія, не будутъ дѣйствовать на сердца, между тѣмъ какъ наука будетъ убѣждать разумъ».

Впрочемъ, біографъ Кавура, неизвѣстно почему, находитъ статью о средствахъ противодѣйствовать коммунизму, — не очень хорошею, и увѣряегъ, что «гораздо болѣе сообразно съ свойствомъ его гениа» было другое произведеніе: «о положеніи Ирландіи и ея будущности». Здѣсь, какъ можно ожидать, онъ хвалитъ О'Коннелля за то, за что другіе бранягъ его, то есть за трусливую половинчатость его дѣйствій, и напротивъ, бранитъ за всякій шагъ нѣсколько рѣшительный. Гораздо любопытнѣе сужденія объ О'Коннеллѣ показали намъ въ этой статьѣ мысли о Питтѣ. Рисуя портретъ Питта, Кавуръ какъ бы изображалъ самого себя, — по замѣчанію его біографаго. Приведемъ же этотъ портретъ Питта, чтобы видѣть, каковъ Кавуръ, самъ себя изображающій.

«Объ этомъ знаменитомъ государственномъ мужѣ, пишетъ Кавуръ, — господствуетъ вообще мнѣніе чрезвычайно ложное. Впадаютъ обыкновенно въ самую грубую ошибку, представляя его отверженцемъ всякихъ злоупотребленій и угнетенія, въ родѣ лорда Эльдона или князя Полиньяка. Совсѣмъ напротивъ... Питтъ имѣлъ идеи своего времени: сынъ лорда Чатама не былъ ни другомъ деспотизма, ни поборникомъ религіозной нетерпимости. Съ умомъ мо-

гучини и обширнѣмъ, — онъ любилъ власть, какъ средство, но не какъ цѣль. Онъ вступилъ въ политическую жизнь, ратоборствуя противъ ретроградной администраціи лорда Порта, и едва сдѣлавшись министромъ, провозгласилъ необходимость парламентской реформы. Конечно, Питтъ не былъ изъ тѣхъ горячихъ людей, которые, въ энтузіазмѣ своемъ къ великимъ интересамъ человѣчества, идутъ на опасности, несмотря ни на препятствія, воздвигнутыя противъ нихъ, ни на вредъ, который можетъ произойти отъ ихъ усердія. Онъ не былъ изъ тѣхъ, которые хотятъ перестроить общество въ основаніяхъ, при помощи всеобщихъ началъ и гуманитарныхъ теорій. Умъ глубокой и холодной, свободный отъ предразсудковъ, онъ не былъ одушевленъ ничѣмъ инымъ, какъ любовью къ отечеству и къ славѣ. Въ началѣ своей карьеры онъ видѣлъ недостатки общественнаго устройства и хотѣлъ исправить ихъ. Если бы продолжалось его управленіе въ періодъ мира, то, конечно, онъ сдѣлался бы реформаторомъ въ родѣ Пилля и Каннинга, соединяя смѣлость и обширность видовъ одного съ благоразуміемъ и искусствомъ другаго. Но когда увидѣлъ онъ на горизонтѣ приближающійся ураганъ французской революціи, — то съ провицательностью, свойственною умамъ высшимъ, предусмотрѣлъ гибельность демагогическихъ принциповъ и опасность, которою угрожали они Англіи. Разомъ остановился онъ въ своихъ предначертаніяхъ реформъ, чтобы обратить все вниманіе на приготавливавшійся кризисъ. Онъ понималъ, что въ виду движенія революціонныхъ идей, угрожавшаго проникнуть и въ Англію, было бы безразсудно касаться священнаго ковчега конституціи и ослаблять національное къ ней уваженіе, принимаясь за передѣлку дурныхъ частей общественнаго зданія, освященнаго временемъ. Съ того дня, какъ революція, перешедши за предѣлы страны, въ которой родилась, стала грозить Европѣ, Питтъ не имѣлъ для себя другой цѣли, какъ — бороться противъ Франціи, чтобы воспрепятствовать ультра-демократическимъ идеямъ вторгнуться въ Авлію. Этому высочайшему интересу посвятилъ онъ всѣ свои силы, для него пожертвовалъ всѣми другими политическими соображеніями».

Характеръ Кавура и его воззрѣнія опредѣляются уже довольно ясно въ этихъ строкахъ, которыя въ самомъ дѣлѣ могутъ служить объясненіемъ его поведенія въ Италіи, когда онъ поставленъ былъ лицомъ къ лицу съ Гарибальди и «передовой партіей» (*partito avanzato*). Какъ увидимъ, вся сущность его политики состояла въ томъ же, за что онъ превозноситъ Питта: сначала — желаніе кое-какихъ

улучшений, планы реформъ, а затѣмъ — реакція противъ тѣхъ, кто хотѣлъ вести эти реформы дальше, реакція, внушенная страхомъ, чтобы реформы не зашли слишкомъ далеко и не коснулись «основ общественнаго зданія».

Н. Т.—НОВЪ.

ПОЛИТИКА.

ФРАНЦУЗСКІЯ ДѢЛА. — ВЕНСКІЙ ИМПЕРСКІЙ СОВѢТЪ И АДРЕСЪ ВЕНГЕРСКАГО СЕИМА.

Давно ужъ мы не говорили подробно о французскихъ дѣлахъ, потому что не представлялось въ нихъ отдѣльныхъ фактовъ, которые сами по себѣ могли бы назваться важными. Декретъ 24 ноября, давшій нѣсколько больше простора парламентскимъ преніямъ, циркуляры Персиныи о предоставленіи нѣсколько большаго простора журналистикѣ, пренія законодательнаго корпуса объ адресѣ, потомъ о бюджетѣ, теперь провѣтъ закона объ уменьшеніи административнаго тяготѣнія надъ газетами. — все это пока только одиѣ формальности, не дѣлающія никакой перемѣны въ дѣйствительномъ порядкѣ вещей, все это — мѣры, изъ которыхъ каждая незначительна. Вниманія заслуживаютъ онѣ лишь тогда, если разсматривать вмѣстѣ весь рядъ ихъ, чтобы различить по его направленію, къ чему идутъ дѣла. Направленіе времени ясно: существующая система видѣть свое несоотвѣтствіе съ расположеніемъ умовъ и входитъ въ сдѣлки съ нимъ. Одна сдѣлка за другою оказывается неудовлетворительна, и система дѣлаетъ надъ собою новыя усилія, чтобы вынудить у самой себя новую уступку, которая раздѣляетъ судьбу прежнихъ уступокъ, оказывается неудовлетворительна, потому что никакая система не можетъ серьезно отрицать сама себя, стало быть не можетъ предложить ничего удовлетворительнаго направленію, отрицающему ее. О декретѣ 24 ноября мы говорили въ свое время.

Расширение круга прений въ законодательномъ корпусѣ было, при нынѣшнемъ составѣ его, одною формальностью, потому что изъ 250 депутатовъ только пятеро имѣютъ независимость; всѣ остальные выбраны были по рекомендаціи правительства и не могутъ не поддерживать его во всемъ, связавъ свою судьбу съ его участью. Набрать такое число преданныхъ лицъ нельзя было иначе, какъ изъ людей, безусловно преданныхъ тому, что называется во Франціи «старымъ порядкомъ», то есть изъ приверженцевъ порядка дѣлъ, существовавшего до революціи 1789 г. Но въ нѣкоторыхъ вещахъ правительство, по дипломатическимъ или торговымъ надобностямъ, должно отступать отъ принциповъ стараго порядка. Такъ, на примѣръ, затруднительно было бы изгнать войска и правителей Виктора-Эммануэля изъ присоединенныхъ къ Итальянскому королевству земель бывшей Папской области. А по повлію приверженцевъ стараго порядка слѣдуетъ сдѣлать это и возстановить папскую власть во всемъ ея прежнемъ размѣрѣ. Съ другой стороны, для упроченія союза съ Англіею и развитія французской торговли надобно было правительству понижать тарифы; а значительная доля приверженцевъ стараго порядка — промышленники, заинтересованные въ поддержаніи протекціонизма; да и съ принципами стараго порядка согласна только запретительная система. Поэтому въ вопросахъ о тарифѣ и объ итальянскихъ дѣлахъ большинство членовъ законодательнаго корпуса — враждебно политикѣ правительства. Но связавъ себя съ нимъ безвозвратно, оно не можетъ противиться ему и въ этихъ случаяхъ и принуждено довольствоваться тактикою такого рода: вотировать противъ правительства оставляетъ оно лишь самымъ крайнимъ своимъ членамъ, а въ массѣ своей подаетъ голосъ за правительство; но чтобы ясно выказать свою враждебность, не могущую перейти въ дѣло, и чтобы вынудить эту враждебностью нѣкоторыя уступки у правительства, большинство предоставляетъ говорить рѣчи только людямъ крайняго своего отдѣла, которые будутъ вотировать противъ правительства, такъ что характеръ прений прямо противорѣчитъ результату слѣдующаго за ними вотирования и служитъ предостереженіемъ для правительства. Такимъ образомъ пренія о параграфѣ адреса, относящемся къ Риму, и о таможенныхъ преобразованіяхъ были очень горячи во французскомъ законодательномъ корпусѣ; правительство тутъ было защищено только спеціальными своими представителями, а рѣчи противъ него были очень многочисленны и сильны. Франція, давно не слышавшая парламентскихъ прений, слѣдила за ними съ большимъ одушевленіемъ. Этотъ фактъ выставляется теперь доказательствомъ, что она желаетъ возстановить парламентское правленіе. Видите ли, довать дѣтъ не бы-

ло открытых признаков желанія, потому самое желаніе предполагалось несуществующимъ, — хотя не выражалось оно лишь благодаря мѣрамъ, принятымъ къ устраненію всякой возможности ему выражаться. Находились люди, принявшіе въ буквальномъ смыслѣ циркуляры новаго министра внутреннихъ дѣлъ Персиньи, что правительство признаетъ теперь необходимость свободы для Франціи; люди эти стали готовиться къ тому, чтобы воспользоваться провозглашенными уступками. Они были подкрѣплены въ своей увѣренности новымъ циркуляромъ Персиньи, приглашавшимъ всѣхъ замѣчательныхъ людей всѣхъ партій принять участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Циркуляръ этотъ доказывалъ только, что существующая система уже чувствуетъ недостаточность опоры, получаемой отъ ея приверженцевъ, и желаетъ привлечь на свою службу вліятельныхъ людей изъ другихъ партій. Но значительная часть общества всегда расположена понимать подобные документы не въ настоящемъ ихъ смыслѣ, а въ смыслѣ произвольно впааемомъ въ нихъ только ея собственными желаніями. Въ іюнѣ должны были происходить выборы въ члены департаментскихъ совѣтовъ. Во времена парламентскаго правленія на департаментскіе совѣты обращалось мало вниманія. Эти собранія играютъ довольно значительную роль въ мѣстныхъ дѣлахъ: занимаются раскладкою государственныхъ податей, устанавливаютъ мѣстные сборы для департаментскихъ надобностей, дѣлаютъ соображенія и выражаютъ требованія по мѣстнымъ дѣламъ. Но политическими дѣлами при существованіи парламента занимались они мало. Теперь не то. При вынѣшнемъ составѣ законодательнаго корпуса нельзя ждать отъ него дѣйствительнаго вмѣшательства въ государственныя дѣла, — онъ не можетъ не поддерживать правительства во всемъ. Люди, по несообразительности своей полагавшіе, что возможна оппозиція при господствующей системѣ, хотѣли войти въ департаментскіе совѣты, чтобы прилатъ имъ политическую роль. И отчего же не войти? Циркуляръ Персиньи обѣщалъ свободу выборовъ. Но правительство увидѣло опасность и, несмотря на свои циркуляры, министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ надобность заниматься подготовленіемъ требуемаго результата выборовъ энергичнѣе, чѣмъ когда нибудь. Надобно впрочемъ отдать ему справедливость, что онъ умѣлъ согласить эту нужду съ прежними своими обѣщаніями. Онъ приглашалъ людей всѣхъ партій заняться общественными дѣлами. Что жъ, правительство предлагало свою поддержку каждому человѣку, какой бы ни былъ онъ партіи, если только онъ обѣщется защищать правительство. Значитъ, правительство въ самомъ дѣлѣ готово было допустить къ общественной дѣятельности благонамѣренныхъ людей изъ всѣхъ партій. Но оно, не щадя усилий,

отстраняло людей неблагонадежных, то есть несогласовавшихся с данными требованиями. Благодаря этим усилиям, мало было выбрано неприятных ему кандидатов. Оно так и должно было существовать во Франції система такова, что оппозиція при ней невозможна. Система эта не может выносить даже противоречія и той ничтожной группы пяти человек, которые успели войти въ нынешній законодательный корпусъ. Они говорятъ въ законодательномъ корпусѣ безъ всякаго фактическаго вліянія на ходъ дѣла въ немъ: что бы ни говорили они, собраніе вопируетъ всѣ прозвучавшія представляемые правительствомъ. Но все-таки рѣчи этихъ пяти человекъ очень вредно дѣйствуютъ на существующую систему, потому что возразить противъ нихъ она ничего не можетъ: она можетъ только заставлять законодательный корпусъ вопиовать все, что требуетъ. А если остается безъ опроверженія взглядъ, противоположный нашему, нашъ взглядъ страдаетъ.

Рѣчи пяти противниковъ существующей системы въ законодательномъ корпусѣ важны тѣмъ, что степенью ихъ рѣзкости измѣряется непрочность системы. Мы не будемъ помѣщать здѣсь этихъ рѣчей, потому что онѣ были переводимы въ русскихъ газетахъ; и мы не хотимъ утомлять читателя повтореніемъ того, что онъ, конечно, уже знаетъ. Довольно будетъ привести изъ корреспонденціи Times'a отчетъ объ одномъ изъ засѣданій законодательнаго корпуса, отчетъ, охватывающій кромѣ содержанія рѣчи, сказанной Жюлемъ Фавромъ, и физиономію законодательнаго корпуса. Мы выбираемъ для прайера засѣданіе 18 іюня, когда преніе шло о проктѣ закона, снимающаго нынешнюю зависимость французской журналистики отъ административнаго благоусмотрѣнія. Сказавъ, что вниманіе французской публики занято ходомъ выборовъ въ департаментскіе совѣты, парижскій корреспондентъ Times'a продолжаетъ:

«Но превосходная рѣчь Жюля Фавра о журналистикѣ отвлекаетъ вниманіе публики отъ выборовъ. Тема была достойна такого оратора. Я его противники признаются, что нѣсколько подобныхъ рѣчей нанесутъ тяжелый ударъ стѣснительнымъ законамъ, подъ покровительствомъ которыхъ можетъ только процвѣтать политическая продажность. А противники Жюля Фавра знатоки этого дѣла. Доводы его въ пользу свободы журналистики остались безъ отвѣта, потому что опровергнуть ихъ было нечѣмъ. Когда онъ говорилъ, реверансы, обвязанные своими вышениемъ свободѣ журналистики и задушенные ее, сидѣли какъ на иголкахъ. Онъ сказалъ, что представленный правительствомъ проектъ самъ по себѣ не заслуживаетъ критики, но достойно величайшаго вниманія положеніе журналистики, котораго онъ касается. Обязанности палаты станювятся разсмотрѣть, полезно ли это положеніе и сообразно ли оно съ достоинствомъ націи. По декрету 24 ноября пренія законо-

дательнаго корпуса стали печататься въ газетахъ, чего прежде не бывало,—результатъ этой перемены долженъ служить урокомъ: публика жадно читаетъ пренія, значитъ она интересуется общественными дѣлами. Но если палата хочетъ быть въ связи съ націею, она должна сдѣлать то, чтобы голосъ націи безпрепятственно доходилъ до нея. Если же депутаты, думая читать независимое мнѣніе писателя, читаютъ только мнѣніе, предписанное министромъ, то очевидно, они впадаютъ въ ошибку, которая будетъ гибельна. А положеніе вещей во Франціи дѣйствительно таково; таково вліяніе правилъ, только смягчаемыхъ, но сохранимыхъ проэктомъ закона. Потому проэктъ — не больше какъ насмѣшка надъ палатою. Она должна понимать нужду въ совершенномъ отиженіи всѣхъ правилъ, стѣсняющихъ журналистику, которая одна въ силахъ подвергать администрацію дѣйствительной ответственности передъ закономъ. Для этого нужно поставить газеты въ независимость отъ администраціи. Это требованіе называютъ слишкомъ дослѣпнымъ; но непостижимо, какимъ образомъ называютъ слишкомъ поспѣшнымъ требованіе отиженія декрета, уже 9 лѣтъ тяготящаго надъ Франціею. Съ 17-го февраля 1852 года обстоятельства переизменились: признана надобность установить иной порядокъ дѣлъ, возстановить законность. Сохраненіе декрета 17 февраля — анахронизмъ.

«Морни, президентъ законодательнаго корпуса, прервалъ оратора замѣчаніемъ, что слова его противны присягѣ, данной нынѣшнему правительству (депутаты должны присягать, что признаютъ нынѣшнюю конституцію). Императоръ былъ избранъ довѣріемъ страны, чтобы спасти ее отъ гибельныхъ друзей г. Жюль Фавра.—Жюль Фавръ сказала, что имѣть право сдѣлать объясненіе противъ замѣчанія президента. Нѣкоторые депутаты кричали, что они не хотятъ слушать его объясненій. Но Жюль Фавръ настоялъ на своемъ. Онъ сказалъ: «я противопоставлялъ время диктатуры періоду, когда законы устанавлиются свободною волею націи. Декретъ 1852 г. устанавливаетъ не волею націи, а волею одного человѣка». Члены палаты закричали, что воля этого человѣка была волею націи. Жюль Фавръ сказалъ: «я — юристъ и растолкую вамъ вещи, которыхъ вы не понимаете». Графъ д'Орнано сказалъ: «вамъ не нужно юристовъ». Жюль Фавръ продолжалъ: «закономъ у насъ называется то, что установлено правильно избранными національными собраніями, разсатривавшими и одобрившими проэктъ. Постановленій, не имѣвшихъ такого происхожденія, я не признаю закономъ». Президентъ протестовалъ противъ такой теоріи и сказалъ, что Жюль Фавръ знаетъ, какою конституціи присягалъ, становясь депутатомъ, и потому нынѣшнія слова его противорѣчатъ его присягѣ. — Жюль Фавръ отвѣчалъ, что если такъ, у него отнимается свобода называть дурные законы дурными.—Морни сказалъ, что не смущается подобными уловками: «Вы можете порицать законъ и, кажется, я предоставлялъ вамъ полную свободу въ этомъ; но какъ президентъ, я не дозволю вамъ порицать происхожденіе существующей власти». — Жюль Фавръ доаравилъ: «я говорилъ не о происхожденіи власти, а о законѣ, и я ницдъ».

право сказать, что онъ дуракъ и указать причины, по которымъ такъ думаю». Послѣ этого онъ продолжалъ свою прежнюю рѣчь, доказывая необходимость контроля независимой журналистики надъ администраціей. Онъ приводилъ примѣры тому, какъ при недостаткѣ этого контроля во Франціи похищаются у публики деньги биржевыми спекулянтами, дѣйствующими подъ защитою сильныхъ людей, и какъ нарушается право личной свободы. Онъ кончилъ свою рѣчь словами: «прошу васъ припомнить то замѣчательное засѣданіе, въ которомъ были произнесены слова, которыя вѣроятно не забыты вами. Франція начинала итальянскую войну. Я сказалъ тогда, что придетъ время, когда я потребую отъ правительства отчета о принципахъ, во имя которыхъ начинается оно это дѣло. Война была успѣшна, Италия освободилась и я теперь требую того отчета. Во имя вѣчнаго права, я требую, чтобы моей родинѣ были возвращены ея законныя права. Свобода преній въ законодательномъ собраніи восстановлена. Должна быть возвращена свобода газетамъ».

Мы привели этотъ отрывокъ не потому, что любопытно для насъ мнѣніе Жюль Фавра,—оно давно извѣстно, и, вѣроятно, ни одинъ читатель не нуждался въ разъясненіяхъ нынѣшняго французскаго порядка дѣлъ, представляемыхъ знаменитымъ ораторомъ. Но любопытна неуступчивость, съ какою Жюль Фавръ твердитъ и твердитъ свои мысли палатѣ, въ противность ея негодованію, восклицаніямъ ея членовъ, замѣчаніямъ ея президента, — и замѣчательна уступчивость, съ какою палата и президентъ ея даютъ Жюлю Фавру одолѣвать ихъ сопротивленіе,—замѣчательно одолѣвающее ихъ чувство необходимости выслушивать Жюль Фавра, отвѣчающаго на ихъ требованія замолчать, что онъ—не замолчитъ, потому что право на его сторонѣ. Два года назадъ, даже годъ назадъ, этого еще не было: Жюль Фавръ останавливался, когда запрещали ему говорить, онъ чувствовалъ, что борьба будетъ напрасна; теперь не то. Онъ сознаетъ свою силу, палата передъ нимъ парализована сознаніемъ своего безсилія.

Дѣйствительно, сами кліенты существующей системы съ дерзостью отчаянія напоминаютъ ей о необходимости свернуть съ прежней дороги, бросить прежнія претензіи, уличаютъ бесполезность усилій скрывать отъ палаты истину, которая уже извѣстна всѣмъ, и подрываетъ существующую систему. Это особенно выразилось въ преніяхъ о бюджетѣ. Уже года два или три законодательный корпусъ пересталъ принимать бюджеты съ прежнимъ безусловнымъ признаніемъ всѣхъ цифръ за истину; уже года три онъ сталъ толковать о дефицитѣ, о чрезмѣрности расходовъ. Но тогдашнія замѣчанія были робки и деликатны. Теперь они высказываются другимъ тономъ: люди изъ большинства, люди, отдавшіе себя душою и тѣломъ во власть су-

ществующей системы, — вотъ ужъ и они начинаютъ говорить тономъ Жюля Фавра. Они теперь уже прямо называютъ цифры бюджета «фальшивыми», «подложными», говорятъ министрамъ: вы обманываете палату и Францію, — и министры такъ же чувствуютъ себя безсильными передъ ними, какъ они чувствуютъ себя безсильными передъ Жюлемъ Фавромъ. Не противники правительства, — нѣтъ, самые близкіе кліенты его рѣзко говорили въ вышній разъ о необходимости подвергнуть дѣйствію министровъ строгому контролю законодательнаго корпуса относительно расходованія государственныхъ суммъ. Они разсчитали, что министерство содержитъ подъ знаменами около 75 тысячъ солдатъ больше, чѣмъ можетъ содержать по бюджету, и что деньги на содержаніе этихъ лишнихъ солдатъ были получены или взяты незаконнымъ образомъ.

Но много разъ мы говорили о томъ, какъ отклоняются мысли французской публики отъ внутреннихъ дѣлъ внѣшними столкновеніями. Вотъ, наиримѣръ, и теперь всѣ внутреннія дѣла забываются для соображеній, какъ императорское правительство развязать свои разнорѣчающія отношенія по римскому вопросу. Газеты уже нѣсколько мѣсяцевъ наполняются извѣстіями и догадками о переговорахъ парижскаго правительства съ туринскимъ и папскимъ. Итальянское королевство послѣ долгихъ переговоровъ наконецъ признано Франціей. Что жъ изъ этого? Какую существенную перемѣну произвелъ или означаетъ этотъ фактъ въ отношеніяхъ Франціи къ Италіи? Никакой перемѣны. Франція и прежде объявляла, что не одобритъ австрійцевъ, если они начнутъ войну для возстановленія своего перевѣса въ Италіи; точно то же остается и теперь. Прежде Франція объявляла, что не одобритъ туринское правительство, если оно начнетъ войну съ австрійцами для завоеванія Венеціи. Точно то же и теперь. Прежде Франція говорила, что ей самой непріятно занимать Римъ своими войсками, что она выведетъ ихъ при первой возможности, но что для этого надобно оградить какую-то независимость папы. Точно то же и теперь. Что же выигрываетъ Итальянское королевство отъ его признанія Франціей? Ничего не выигрываетъ, кромѣ того, что признано Франціей. Или само это признаніе было для чего нибудь нужно? Быть можетъ Франція угрожала существованію Итальянскаго королевства и признаніе было ручательствомъ, что Франція отказалась отъ мысли послать свои войска для разрушенія Итальянскаго королевства? Но подобной мысли французское правительство никогда не имѣло и сами итальянцы не имѣли подобнаго опасенія. Что же важнаго въ томъ, признано или не признано Итальянское королевство Франціей? Но вопросъ о признаніи удивительно заманилъ со-

бюю и французскую и итальянскую публичку. — Дѣло объ очищеніи Рима французскими войсками нимало не измѣнилось отъ признанія Итальянскаго королевства Франціею. Переговоры о Римѣ давно уже ведутся между Парижемъ и Туриномъ. Ясно для всѣхъ, что французскія войска не могутъ долго оставаться въ Римѣ: желаніями туринскаго правительства теперь уже нельзя пренебрегать, потому что Итальянское королевство имѣетъ больше населенія, чѣмъ Пруссія и несмотря на всю медленность педантизма, съ какою формируется итальянская армія, она теперь простирается уже до 200 тысячъ, а скоро будетъ имѣть 300 тыс. солдатъ. Занимать столицу такого государства становится тяжело. Очищеніе Рима отъ французскихъ войскъ было рѣшено походомъ Гарibaldi на Неаполь. Задача состоитъ въ томъ, надолго ли удастся оттянуть эту развязку, и нельзя ли будетъ получить за передачу Рима итальянцамъ какую нибудь уступку отъ нихъ.

Смерть Кавура до сихъ поръ еще не произвела замѣтной перемены въ ходѣ итальянскихъ дѣлъ, да вѣроятно и не произведетъ ея, кромѣ развѣ той разницы, что Рикасоли, занявшій мѣсто Кавура, не имѣетъ, да вѣроятно и не приобрететъ такой репутаціи непогрѣшительнаго и незамѣнимаго министра, какою пользовался Кавуръ. «Кавуръ нашелъ это нужнымъ»; или: «Кавуръ считаетъ это невозможнымъ»; или: «самъ Кавуръ сказалъ, что надобно понимать дѣло вотъ какъ», — послѣ этого у большинства итальянской, да и всей европейской публички не оставалось уже никакихъ сомнѣній, что это дѣйствительно такъ, что дѣло ведется наилучшимъ образомъ. Какъ велось оно при Кавурѣ, рассказываетъ краткій очеркъ его политической роли, помѣщенный въ этой книжкѣ «Современника», а подробнѣе разъясняется личность и дѣятельность Кавура въ біографіи, начало которой также помѣщено въ этой книжкѣ. Но какъ бы ни судили мы о дѣятельности Кавура, большинство думало иначе, а отъ мѣнѣя много зависить. Подъ предводительствомъ человѣка, въ которомъ толпа увѣрена, она дѣйствуетъ смѣлѣе и ея смѣлость ободряетъ самого предводителя. Поэтому были бы расположены мы думать, что смерть Кавура — значительная потеря для итальянскаго дѣла, еслибы она сколько нибудь двигалось партіею, имѣшею своимъ представителемъ Кавура. Впрочемъ, уже ни въ какомъ случаѣ не была смерть знаменитаго министра выигрываетъ для итальянскаго дѣла: партія, представителемъ которой былъ онъ, такъ многочисленна, что сохранила управленіе дѣлами въ своихъ рукахъ, и Рикасоли, преемникъ Кавура, объявилъ, какъ извѣстно читателю, что будетъ неуклонно слѣдовать программѣ своего великаго предшественника. Посмотримъ, скоро ли приобрететъ Рикасоли такой же авторитетъ

геніальности, какой упрочился за Кавуромъ; а въ самодовольствіи онъ не уступаетъ Кавуру.

Мы не говоримъ о мелкихъ волненіяхъ, вспыхивающихъ по временамъ то въ одномъ, то въ другомъ итальянскомъ городѣ или округѣ, особенно въ бывшихъ неаполитанскихъ владѣніяхъ на материкѣ. Публика совершенно справедливо находитъ, что поводомъ къ этимъ беспорядкамъ, которые легко подавляются и не представляютъ никакой серьезной опасности Итальянскому королевству, служатъ происки бурбонскихъ эмиссаровъ, и что съ отъѣздомъ Франциска II изъ Рима (при будущемъ удаленіи французовъ изъ Рима) этотъ поводъ исчезнетъ и страна успокоится. Разумѣется, такъ; но почему же бурбонскіе эмиссары успѣваютъ поднимать беспорядки противъ новаго правительства? — Новое правительство еще не нашло времени подумать о доставленіи простому народу какихъ нибудь существенныхъ выгодъ отъ новаго порядка вещей. Образованное общество, проникнутое потребностью политической свободы и національной независимости, предаво новому порядку вещей; но какія преимущества онъ имѣетъ надъ прежнимъ, еще не видно для массы итальянскихъ простолюдиновъ, которые знаютъ только величину платимыхъ ими налоговъ.

Австрія чрезвычайно огорчена тѣмъ, что императоръ французовъ призналъ титулъ короля Италіи за Викторомъ-Эммануэлемъ, какъ будто силы Виктора-Эммануэля зависятъ отъ формы, по которой надписывается адресъ на депешахъ, перелагаемыхъ его министрамъ карижскими министрами, или какъ будто бы какой нибудь титулъ можетъ помѣшать объявленію войны и отнятію областей, если имѣешь на то силу. Вѣдь вся Европа признавала за императоромъ австрійскимъ титулъ короля ломбардо-венеціанскаго, но это ни мало не помѣшало Кавуру отнять у него Ломбардію при первой возможности. Значительнымъ утѣшеніемъ австрійскому правительству служитъ преданность нѣмецкой партіи въ палатѣ депутатовъ имперскаго совѣта. Депутаты эти чрезвычайно либеральны: съ необыкновеннымъ жаромъ аплодируютъ Шмерлингу, превозносящему либерализмъ; и съ такимъ же жаромъ аплодируютъ ему, когда онъ говоритъ о необходимости снести австрійское общее отечество отъ гибельныхъ замысловъ славянъ, мадаръ и итальянцевъ, составляющихъ три четверти населенія Австрійской имперіи. Нѣмецкая партія имперскаго совѣта убѣждена, что либерализмъ требуетъ подавить венгерское самовольство вооруженною рукой и не дать гибельной воли чехамъ, желающимъ признанія какихъ-то правъ какой-то своей національности, которой вѣнскіе либералы

рѣшительно не находятъ у чеховъ, а видятъ у нихъ однѣ только невѣжественныя мечты о сохраненіи этой мнимой славянской своей національности. По мнѣнію вѣнскихъ либераловъ, совершенно согласныхъ съ Шмерлингомъ, конституціонный порядокъ въ Австрійской имперіи долженъ быть упроченъ военными мѣрами противъ венгровъ, чеховъ и другихъ враговъ либерализма. Впрочемъ чехи и чехи: однимъ изъ правъ своихъ на свободу они выставляютъ то, что Виндишгрець покорилъ въ 1848 г. мятежную Вѣну чешскими войсками. Сначала чешскіе депутаты, называющіе себя гусситами и демократами, вступили было въ союзъ съ клерикальной и ультра-аристократической партіей, съ графомъ Клямъ-Мартиницемъ и кардиналами Раушеромъ и Шварценбергомъ, которые не только демократовъ и гусситовъ, но и нынѣшнихъ вѣнскихъ министровъ считаютъ революціонерами, достойными всякихъ временныхъ и вѣчныхъ казней за вражду противъ іезуитскаго владычества и феодальныхъ правъ. Такой союзъ свидѣтельствуетъ о степени политическаго такта у чешскихъ депутатовъ. Но почему-то онъ оказался непроченъ, и предводитель чешской партіи Ригеръ (впрочемъ достойнѣйшій человекъ, съ прекраснѣйшими намѣреніями), освободившись отъ своихъ феодальныхъ и клерикальныхъ союзниковъ, могъ въ засѣданіи палаты депутатовъ публично провозгласить, что онъ дѣйствительно гусситъ и демократъ, а не то, что приверженецъ іезуитовъ и феодалъ.

Чехи впрочемъ грѣшатъ только безтактностью, слѣдствіемъ недостаточности политическаго образованія. Нѣмецкая партія въ палатѣ депутатовъ имперскаго совѣта безтактностью не уступаетъ чехамъ: устройство, кажущееся ей либеральнымъ, она надѣется упрочить помощью военныхъ мѣръ, ведущихъ къ результату прямо противоположному, — но кромѣ того, и самая цѣль ея стремленій несправедлива: она непремѣнно хочетъ подчинить всѣ народности Австрійской имперіи нѣмецкому элементу и связать въ государство, подобное Франціи, имперію, разноплеменные части которой могли бы ужиться только подъ формою федераціи. Пока австрійскіе нѣмцы будутъ слѣдовать за людьми такого образа мыслей, какъ Шмерлингъ и нѣмецкіе депутаты имперскаго совѣта, ничего хорошаго не дождутся они и для самихъ себя. У чеховъ, напротивъ того, основное стремленіе справедливо: они хотятъ, чтобы земля каждаго племени составляла особенное независимое цѣлое, связанное съ другими сосѣдними государствами только союзомъ на равныхъ правахъ. Но на вѣнскомъ имперскомъ совѣтѣ чехи находятся въ мень-

шнествѣ и непреклонное большинство составляютъ нѣмецкіе централизаторы.

Въ этомъ надобно искать коренную причину невозможности примиренія между Венгріею и западною частью Австрійской имперіи, подчиняющеюся вѣнской централизационной системѣ или по сочувствію централизационнымъ принципамъ, какъ нѣмецкія области, или какъ Чехія по безсилію, происходящему отъ политической неопытности. Формальною причиною сопротивленія венгровъ вѣнской системѣ выставляются старинныя права Венгріи на совершенную независимость отъ вѣнскаго правительства. Сами венгры обыкновенно довольствуются указаніемъ на эти свои права; но, разумѣется, преданіе потеряло бы живую силу, если бы дѣйствія, имъ оправдываемыя, не были внушаемы настоящимъ положеніемъ вещей. Венгры—народъ способный къ дѣйствительному, а не мнимому только конституціонному порядку и самоуправленію. Они видятъ, что западная половина Австрійской имперіи еще не въ силахъ провести въ свою жизнь ни того, ни другаго принципа, что она еще остается подчинена принципамъ совершенно иного направленія и что соединиться съ этою частью въ какихъ бы то ни было имперскихъ совѣтахъ или парламентахъ, значило бы для Венгріи подчинить свою судьбу рѣшеніямъ такого большинства депутатовъ, которое неспособно отстаивать чьи бы то ни было права противъ произвола. Венгры дальновиднѣе чеховъ по своей политической опытности, и понимаютъ, что перенести рѣшеніе своихъ дѣлъ въ Вѣну было бы то же самое, что согласиться на добровольное подчиненіе прежней системѣ произвольнаго управленія. При своемъ политическомъ развитіи не могутъ они согласиться на это. А вѣнская система не захочетъ отказать отъ господства надъ Венгріею безъ борьбы; изъ Пешта она можетъ быть вытѣснена лишь тѣмъ же способомъ, какъ изъ Венеціи. Потому едва ли можно избѣгнуть военной развязки венгерскаго вопроса. Венгры знаютъ это очень хорошо, и дѣло идетъ у нихъ лишь о томъ, какъ провести время до наступленія обстоятельствъ, при которыхъ война съ Австріею имѣла бы шансы успѣха. Одни думаютъ, что надобно въ это промежуточное время дѣйствовать рѣзко; другіе считаютъ преждевременную рѣзкость дѣломъ слишкомъ рискованнымъ и стараются избѣгать столкновеній. Въ этой разницѣ и состоитъ главное разнорѣчіе между радикальною и умѣренною партіями венгерскаго сейма. Конечно, сами предводители умѣренной партіи, Деакъ и Этвешъ, могутъ и вовсе не желать войны; но масса депутатовъ, слѣдующихъ за ними, вовсе не раздѣляетъ этого мнѣнія: она, подобно

радикальной партіи, считаетъ войну неизбежной и подаетъ голосъ за нѣкоторыя смягченія въ формахъ дѣйствій лишь временнымъ образомъ, въ ожиданіи благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ. При ихъ наступленіи, на сторонѣ Эвенса и Десака останется очень малъ голосовъ; да и теперь большинство сейма принадлежитъ радикальной партіи, которая впрочемъ и сама въ иныхъ случаяхъ считаетъ полезнымъ уступать большинство защитникамъ болѣе мягкихъ формъ. Такъ было, напримѣръ, при подачѣ голосовъ о главномъ предметѣ первыхъ преній венгерскаго сейма, — о томъ, въ какъ формѣ сеймъ выразитъ вѣнскому правительству требованія Венгрии: въ формѣ ли адреса императору, какъ предлагала умѣреннѣйшая партія, или въ формѣ простаго «рѣшенія», представляемаго на принятіе императору. Форма адреса была предлагаема съ тою цѣлю, чтобы не выразить оффиціальнымъ образомъ господствующаго въ Венгрии мнѣнія, что императоръ австрійскій пользуется до сихъ поръ только фактическою властью надъ Венгеріею, а по закону признается королемъ Венгрии, которая не утверждала своимъ согласиемъ этой власти за нимъ. Форма «рѣшенія» прямо показывала бы, что венгерскій сеймъ не признаетъ законной власти надъ Венгеріею за императоромъ австрійскимъ. Радикальная партія не соглашала съ доводами въ пользу адреса, и по своему принципу должна была защищать форму «рѣшенія». Но послѣ долгихъ преній открылось новое соображеніе, заставившее и радикальную партію желать, чтобы принята была форма адреса. Если бы послано было въ Вѣну «рѣшеніе», вѣнское правительство могло бы долго оставлять его безъ отвѣта подъ тѣмъ предлогомъ, что нужно дать отвѣтъ подробнѣе, требующій много времени для обработки. А если будетъ посланъ адресъ, положеніе дѣлъ должно будетъ тотчасъ же разъясниться принятіемъ или непринятіемъ депутаціи, которая повезетъ его къ императору: если депутація не будетъ принята, значитъ, вѣнское правительство само провозглашаетъ невозможность примиренія; если депутація будетъ принята, императоръ долженъ будетъ отвѣчать на ея рѣчь словами, по тону которыхъ будетъ видно, каковъ крайній предѣлъ уступокъ со стороны вѣнскаго правительства. Поэтому радикальная партія на предварительномъ своемъ собраніи рѣшила, что извѣстное число ея членовъ должны подать голосъ за адресъ, чтобы доставить ему большинство. Такимъ образомъ и доставлено было адресу большинство трехъ голосовъ. Но допуская умѣренную партію провести чрезъ сеймъ форму адреса, радикальная партія измѣнила въ своемъ духѣ проектъ адреса, составленный Дескомъ. Изъ этихъ измѣненій наиболѣе важны два, показывающіе,

въ чемъ заключается главный предметъ разногласія между партіями. Въ проэктѣ Деака адресъ начинался словами: «свѣтлѣйшій императоръ и король!» Радикальная партія потребовала замѣнить слова «императоръ и король» словомъ «господинъ». Это было принято сильнымъ большинствомъ. Въ проэктѣ Деака была фраза: «мы хотимъ покрыть завѣсой страданія прошлаго»,—это, разумѣется, означало, что сеймъ готовъ забыть незаконное по его мнѣнію управленіе послѣднихъ одиннадцати лѣтъ. Радикальная партія потребовала выбросить эти слова, потому что Венгрія не намѣрена забывать страданій, которымъ подвергалась. Большинство рѣшило вычеркнуть эту фразу.

О томъ, чего требовать отъ австрійскаго правительства, преній никакихъ не было, потому что въ этомъ объ партіи совершенно согласны: умѣренные одинаково съ радикалами хотятъ, какъ извѣстно читателю, совершенной отдѣльности Венгрии отъ остальной Австріи.

По телеграфическимъ депешамъ мы знаемъ, что послѣ долгихъ колебаній вѣнское правительство рѣшило не принимать адреса, въ которомъ венгры не даютъ императору австрійскому титула: «императоръ и король». Прежде говорили, что отвергнувъ адресъ, какъ документъ мятежнаго содержанія, императоръ распуститъ имперскій сеймъ и немедленно возстановится прежній военный порядокъ управленія Венгріею. Депеши молчатъ объ этомъ. Во всякомъ случаѣ непринятіемъ адреса начинается второй фазисъ вопроса: коренное несогласіе венгерскихъ требованій съ австрійскою системою признано. Посмотримъ, какія мѣры будутъ приняты австрійскимъ правительствомъ для усмиренія венгровъ и какъ разсудятъ венгры о возможности вооруженнаго сопротивленія при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, не представляющихъ для него благоприятныхъ комбинацій.

Въ Турціи умеръ одинъ султанъ, на мѣсто его провозглашенъ по закону порядку другой. Газеты разсуждаютъ о томъ, какую переиѣву произведетъ это въ турецкой системѣ. — Чтобы мы стали разсуждать объ этомъ, читатель конечно и не ожидаетъ.

Въ Америкѣ начались наступательныя дѣйствія союзныхъ войскъ противъ инсургентовъ, которые уже принуждены были безъ сопротивленія бросить одну изъ главныхъ своихъ позицій, крѣпость Гарперсъ-Ферри; этимъ отступленіемъ очистили они сѣверную часть Виргиніи, и театръ войны переносится теперь въ среднюю по-

лосу этого штата, который вѣроятно и весь будетъ мѣсяца черезъ полтора или два очищенъ отъ инсургентовъ. Значительныхъ сраженій еще не было; но уже произошло нѣсколько довольно большихъ стычекъ, въ которыхъ сѣверныя войска одерживали верхъ, какъ и слѣдовало ожидать.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВОСЕМЬДЕСЯТЬ СЕДЬМАГО ТОМА.

СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА.

	Стр.
Два убійства. Повѣсть. <i>И. В. Селванова</i>	5
Гайдамаки. Поэма Тараса Шевченко. <i>П. И. Гайдебурова</i>	43
Лѣсъ. Изъ народнаго быта. <i>Н. Ф. Горбунова</i>	105
Журналистика во Франціи до первой революціи. — II. — II. II.	
<i>Декарскаго</i>	111
Очерки стариннаго быта Польши. — I. Янъ Собѣскій подъ Вѣною. —	
II. Святослава Сандецкаго. — III. Сѣверскіе послы. <i>Е. П. Кар-</i>	
<i>новича</i>	147
О рекрутской повинности.	171
Путевыя письма. — I. — II. <i>И. Якушкина</i>	187
Семь клеветъ на любовь. (Разсказъ доктора.) <i>Е. П. Колбасина</i>	209
Подземныя тайны. — Прологъ. <i>Лягушка</i> . — I. <i>Марья Ивановна</i> . —	
II. <i>Компаньонка</i> . Разсказы <i>Неизвѣстнаго</i>	247
Мелочи военнаго быта. (Сцены и очерки изъ записокъ <i>Тукина</i>).	
<i>А. Н. Фатѣева</i>	311
Четыре мѣсяца въ Бейрутѣ. <i>Е. А. Юсупова</i>	335
Громоотводъ. Акціонерная комедія.	375
Очерки изъ «Политической Экономіи» (по <i>Миллю</i>). <i>Н. Г. Черт-</i>	
<i>шевскаго</i>	477
I. Болгарская мѣсяца. Изъ <i>Морица Гартмана</i> . — II. <i>Вѣднику</i> . — III.	
Т. К. К. — IV. «О, бойся, братъ, такъ страшно вѣкъ про-	
жить». Стихотв. <i>Ф. А. Берга</i>	549

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

мѣс.

Стр. 1

- Иностранная литература.** (Экономія и чувствительность. — Машина и человекъ. — Французскіе рабочіе. — Ткачи въ Лионѣ. — «Море» Мишле. — О морѣ и морскихъ чудесахъ. — Еще о Китаѣ. — Китайская администрація). 1
- Внутреннее обозрѣніе.** (Скромная наша похвала самимъ себѣ, съ показаніемъ причинъ нашихъ блистательныхъ успѣховъ. — Мужики — люди ли? — Наше мнѣніе объ этомъ. — Взглядъ древнихъ. — Разсужденіе дворянина Коцебу о наследственномъ благородствѣ души. — Мысли объ этомъ либераловъ. — Исслѣдованія новѣйшей науки о породахъ людей. — Нужно ли мужиковъ учить грамотѣ? — Грамотность въ Европѣ. — Потребность грамотности въ народѣ въ видахъ государственныхъ. — Нужно ли допускать мужиковъ до высшаго образованія? — Разныя мнѣнія о томъ: женщины — люди ли? — Мнѣнія древнихъ, мнѣнія новѣйшія. — Наше предубѣжденіе въ пользу женщинъ. — Московское общество распространенія полезныхъ книгъ въ народѣ. — Благородство и превосходство женскаго пола передъ мужскимъ, неопровержимо доказанное нѣмъ наименованія первой жены, отъ времени ея сотворенія, мѣста сотворенія, вещества, изъ котораго она создана, отъ особенныхъ даровъ, которыми она украшена и проч. — Тиранинн мужчинъ надъ женщинами. — Заключение.) 53
- Русская литература.** — О причинахъ паденія Рима. Подражаніе Монтескьё. (Исторія цивилизаціи во Франціи отъ паденія Западной Римской имперіи. Сочиненіе Гизо, члена французской академіи. Часть первая. Переведено подъ редакціею М. Стасюлевича.) *Н. Г. Чернышевскаго.* 89
- Погоны за лучшимъ.** Критическіе очерки. — II. Мотивы общественнаго образованія. (По поводу педагогическихъ статей г. Ушинскаго.) *И. А. Шотровскаго.* 118
- Новыя книги:** Краткое изложеніе русской исторіи. Составилъ Н. Тимаевъ (145). — Краткій учебникъ Всеобщей Исторіи. Ч. II. Исторія Среднихъ Вѣковъ. Составилъ Н. Тимаевъ (149). — Тетрадь Всеобщей Географіи. (Приготовительный курсъ). Седьмое исправленное изданіе. Составилъ Н. Тимаевъ (151). — Письма русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства. Выпуски I и II (153). — Опытъ историческаго оправданія Петра I. К. Задлера. 161
- Петербургская жизнь.** Замѣтки *Носаго Нюста.* (Петербургская весна и разныя размышленія по этому поводу. — Вредное вліяніе нынѣшней весны. — Упомянутельство. — О вредѣ ран-

- ней карьеры. — Здравый смыслъ въ помѣшанныхъ и помѣшательство въ людяхъ съ такъ-называемымъ здравымъ смысломъ. — Воспоминаніе объ одномъ изъ передовыхъ русскихъ людей и нѣсколько словъ въ заключеніе по этому поводу. — Цѣточная выставка. — Ледъ на Невѣ. — Поврежденія и ихъ сдѣланныя. — Майскій парадъ. — Лѣтній садъ. — Открытіе Павловскаго воксала (14 мая). — Острова. — О другихъ увеселительныхъ загородныхъ заведеніяхъ. — Прощаніе съ городомъ. — «Живописная Украина» г. Л. Жемчужникова. — Поправка, и такъ далѣе). 173
- Изъ Берлина. (Дорога отъ Петербурга. — Кёнигсбергъ. — Первые весенніе дни. — Полицейскій скандалъ. — Парламентскія за-сѣданія. — Скучность литературныхъ новостей. — Переписка Рахели съ Давидомъ Фейтомъ. — Два слова о нѣмецкихъ женщинахъ. — Переписка Гейне и полемика Штеймана. — Умершій свидѣтель. — Знакомство съ Ауэрбахомъ. *М. Л. Михайлова*. 199
- Политика. (Американскія дѣла. — Положеніе дѣлъ въ Италіи и Венгріи). 213

ІУНЬ.

- Графъ Кавуръ. 245
- Размышленія по поводу статьи г. Шилля о государственномъ или земскомъ заемномъ банкѣ. *Н. Серно-Соловьевича*. 263
- Русская литература. — III. Погоня за лучшими. Критическіе очерки. Мотивы общественнаго образованія. (По поводу педагогическихъ статей г. Ушинскаго.) *И. А. Пятровскаго*. ! 291
- Непочтительность къ авторитетамъ. (Демократія въ Америкѣ, Ал. Токвилля, члена института. Перевелъ А. Якубовичъ). 313
- Новыя книги: Чтенія въ императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при московскомъ университетѣ (337). — Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Надавы Обществомъ Любителей Россійской Словесности. — Калѣнки перекожіе. Сборникъ стиховъ и изслѣдованіе П. Безсонова. — Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Часть I. Народныя быльиы, старины и побывальщины. 349
- Внутреннее обозрѣніе. (Грустная судьба замѣчательныхъ общественныхъ дѣателей въ Россіи. — Графъ Сергій Степановичъ Ланской и Николай Ивановичъ Пироговъ. — Торжественные проводы Н. И. Пирогова изъ Кіева. — Краткое собесѣдованіе наше съ нашими литературными собратіями, въ которомъ также кратко высказываются наши воззрѣнія на литературное дѣло вообще и въ частности наши отношенія къ Н. И. Пирогову. — Рѣчи, говоренныя на прощальномъ обѣдѣ, дааномъ г. Пирогову кіевскимъ обществомъ, — гг. Судовщиковымъ и самимъ г. Пироговымъ. — Прощальная рѣчь г. Пирогова къ студентамъ кіевскаго университета. — Взглядъ Пирогова на отноше-

- нія начальника къ подчиненнымъ и взглядъ на эти отношенія общепринятый.—Разсмотрѣнiе того и другаго.—Разрѣшенiе вопроса о томъ: можетъ ли подчиненный не уважать начальство, и если можетъ, то когда именно?—Поучительный выводъ изъ дѣятельности Н. И. Пирогова для начальниковъ.—Стремленiе нашего общества къ дѣятельности и отсутствiе людей, которые могли бы руководить его.—Потребность гласности для возникающихъ и существующихъ обществъ.—Общество доставленiя дешевыхъ квартиръ и другихъ пособiй нуждающимся жителямъ Петербурга.—Саратовское попечительное, дамское общество о бѣдныхъ, — таковое жъ московское.—Ярославская лечебница для приходящихъ больныхъ.—Польза учрежденiя такихъ лечебницъ въ провинцiяхъ для самихъ докторовъ, и для больныхъ.—Какъ русское общество, въ особенности левыя и даже либералы вознаграждаютъ докторовъ за ихъ труды?—Учрежденiе госпитальной клиники въ больницѣ казанскаго приказа общественнаго призрѣнiя.—Значенiе клиникъ въ провинцiяхъ.—Основанiя, на которыхъ учреждена клиника въ Казани при больницѣ приказа общественнаго призрѣнiя.—Общины сестеръ милосердiя для служенiя больнымъ: Крестовоздвиженская и Покровская.—Нынѣшнее состоянiе общины Крестовоздвиженской.—Высочайше утвержденныя правила для новой общины Покровской.—Составъ и уставъ московскаго общества распространенiя полезныхъ книгъ.—Кое-что о конкурсѣ, назначенномъ имъ для составленiя руководства къ первоначальному обученiю грамотѣ). 367
- Петербургская жизнь. Замѣтки *Новаго Поэта*. (Разговоры и размышленiя съ однимъ изъ моихъ друзей дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ... Прогулки и встрѣчи *In's Grine* — Петербургскiя новости: мануфактурная выставка. — Ботаническiя экскурси. — Загородныя гулянья. — Изданiе центрального статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ: «Списки населенныхъ мѣстъ Россiйской имперiи». . . . : 421
- Полемическiя красоты. — Коллекцiя первая. Красоты собранныя изъ «Русскаго Вѣстника». *Н. Г. Чернышевскаго*. 447
- Жизнь и смерть графа Камилло Бенво Кавура. I. 479
- Политика. (Французскiя дѣла.—Вѣвскiй имперскiй совѣтъ и адресъ венгерскаго сейма). . . . . : 493

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатанiи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законченное число экземпляровъ. Юня 24 дня 1861 года.

Цензоры *Ф. Кляшевъ*. — *Ф. Веселаго*.

ОТЪ КОНТОРЫ «СОВРЕМЕННОКА».

Контора «Современника» считаетъ необходимымъ довести до свѣдѣнія гг. подписчиковъ своихъ слѣдующее:

Получивъ увѣдомленіе о желаніи получать журналъ и слѣдующія за это деньги, Контора Редакціи помѣщаетъ имя желающаго и адресъ, по которому книги должны высылаться, въ особые списки, которые сдаются въ Газетную Экспедицію санктпетербургскаго почтамта, при прошеніи высылать, по значущимся въ спискахъ адресамъ, книги журнала въ теченіе всего года. При этомъ вносятся въ Газетную Экспедицію впередъ деньги, слѣдующія за пересылку всѣхъ №№ журнала въ теченіе года, въ полученіи которыхъ Конторѣ выдаются расписки.

Затѣмъ, по выходѣ книжекъ, онѣ счетомъ, подъ росписку получателя, сдаются въ Газетную Экспедицію, которая, по имѣющимся у нея спискамъ, надписываетъ адреса. Если, въ теченіе года, Контора Редакціи получаетъ увѣдомленіе о перемѣнѣ адреса (*), она официально, съ указаніемъ подписчика по номеру, подъ которымъ онъ значится въ сданныхъ спискахъ, сообщаетъ объ этомъ Газетной Экспедиціи, и первая слѣдующая за этимъ извѣщеніемъ книжка высылается уже по новому адресу.

Изъ этого слѣдуетъ, что если кто либо изъ гг. подписчиковъ, получивъ какую либо книжку журнала, не получитъ предшествовавшихъ или слѣдующихъ за ней №№, то это будетъ яснымъ доказа-

(*) Въ этихъ увѣдомленіяхъ непременно слѣдуетъ прописывать имя, фамилію и мѣсто, указанныя при подпискѣ на журналъ.

тельствомъ, что неисправность произошла отъ почтоваго вѣдомства. Въ такомъ случаѣ мы просимъ гг. подписчиковъ, всѣ жалобы присылать въ письмахъ прямо на имя г. директора Почтоваго Департамента и с.-петербургскаго почтъ-директора, и вмѣстѣ съ тѣмъ уведомлять Редакцію для того, чтобы и она, съ своей стороны, могла принять зависящія отъ нея мѣры для удовлетворенія всѣхъ справедливыхъ требованій. Въ этихъ уведомленияхъ слѣдуетъ прописывать въ точности тѣ адреса, которые были означены при подпискѣ на журналъ, и пояснять — гдѣ именно жалующіеся подписались.

Не лишнимъ считаемъ также напомнить гг. жалующимся на позднее полученіе журнала, что «Современникъ» посылается въ почтамтъ не ранѣе, какъ чрезъ недѣлю по выходѣ книжки, когда *еще* его экземпляры отпечатываются и переплетутся, на что нужно время по большому числу печатаемыхъ экземпляровъ. Каждая книжка (какъ это дѣлалось и прежде) отправляется въ заклеенномъ наглухо конвертѣ съ бандеролью, на которой означается *день сдачи* книжки въ Газетную Экспедицію.

Равнымъ образомъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, и нынѣшній годъ при книжкахъ рассылаются *карты*, на которыхъ получатели должны означать не только то, что они получили книжку, но въ какомъ *сидѣ* получили ее. Всякій экземпляръ вскрытый или разрѣзанный получателемъ въ правѣ обратитъ назадъ съ жалобой, которая будетъ представлена главному почтовому начальству.

Нѣкоторые изъ гг. подписчиковъ присылаютъ также жалобы, въ которыхъ выражаютъ удивленіе, что не получаютъ первыхъ №№ журнала, тогда какъ тѣ же №№ получены другими въ однихъ съ ними городахъ. По справкѣ Редакціи постоянно оказывается, что это происходитъ оттого, что одни подписались ранѣе, а другіе позже. Такъ-какъ имена послѣднихъ сдаются въ Газетную Экспедицію позже лицъ, подписавшихся заблаговременно, то и книги высылаются имъ позже, тѣмъ болѣе, что разсортровка новыхъ подписчиковъ по городамъ занимаетъ въ Экспедиціи довольно времени.

Печатать позволено. С.-Петербургъ, 15 июня 1861 года.

Исправляющій должность цензора *Ф. Еленевъ*.

